СОВРЕМЕННИ

1855

№ VII ІЮЛЬ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ:

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюня 30 дня 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВТОРАГО ТОМА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюля 31 дня 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ *.

РАЗСКАЗЪ УЧАСТВОВАВШАГО ВЪ НЕЙ.

(Посв. А..... И..... К.....ой.)

Жизнь и служба въ осажденномъ городѣ были бы до крайности однообразны; гарнизонъ, свыкнувшійся уже съ гуломъ ядеръ и свистомъ пуль, пожалуй, могъ бы сдѣлаться безпечнымъ, нѣкоторые могли бы упасть даже духомъ, видя вокругъ себя гибнущихъ товарищей и не будучи въ состояніи отмстить за нихъ, — но въ Севастополѣ русская удаль и молодечество поддерживаются, къ счастію, постоянными ночными вылазками.

Въ темную ночь собираются нѣсколько десятковъ, иногда сотенъ охотниковъ; они идутъ на стукъ непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Мѣстность, впрочемъ, хорошо извѣстна морякамъ: непріятельскія баттареи построены на землѣ и изъ земли имъ принадлежащей. Тихо-тихо подползываютъ охотники къ непріятельскимъ траншеямъ....

Вдругъ далеко раздастся громкое, дружное ура!... Лопаты и кирки брошены, зуавы хватаются за ружья, а мы уже въ траншеѣ. Что происходитъ тамъ, въ этой траншеѣ, ни одинъ изъ участниковъ ночной этой драмы не можетъ разсказать; тамъ душно и тѣсно, тамъ стоны и проклятія, съ

(*) Сообщеніемъ этой статьи мы обязаны г. Л. Н. Т. *Ред.*

которыми часто сливается тихая молитва умирающаго.... Но вотъ горнистъ трубитъ отступленіе, и остатокъ удальцовъ возвращается на свои баттареи.

Объ одной изъ такихъ-то, въ большихъ размѣрахъ и богатой эпизодами, вылазокъ (*), я разскажу вамъ теперь, потому что самъ въ ней участвовалъ. Здѣсь не мѣсто входить въ стратегическія подробности. Я пишу не военную статью, а описываю только картину вылазки. Но картина не можетъ быть безъ контуровъ. Нѣкоторыя данныя необходимы; вотъ онѣ въ нѣсколькихъ словахъ:

Впереди Корабельной части, на курганѣ возвышалась, до бомбардированія 5 октября, башня Малахова. Развалины башни этой окроплены кровью Корнилова и Истомина. Курганъ опоясала съ тѣхъ поръ грозная баттарея, будто внезапно выросшая изъ-подъ земли, баттарея — мстительница за смерть первыхъ спасителей Севастополя. Ей сдѣлалось тѣсно на узкомъ курганѣ и она, смѣлою траншеею прорвавши непріятельскую цѣпь, выдвинулась на 290 саженъ впередъ. Батарея эта приняла названіе Камчатской. Камчатскій полкъ построилъ ее, Камчатскому полку принадлежала честь и защищать ее.

Въ двухъ рядахъ ложементовъ лежали наши штуцерные впереди Камчатскаго укрѣпленія. Осаждающіе не могли быть хладнокровными зрителями смѣлости осажденныхъ. Тихою сапою начали они выходить изъ своихъ траншей. Ночь съ 10 на 11 была назначена генералъ-лейтенантомъ Х* для уничтоженія непріятельскихъ работъ. Эта вылазка должна была начаться въ 11 часовъ послѣ того какъ луна скроется. Въ тоже время приказано было контръ-адмиралу П* броситься на траншеи, защищаемыя англичанами.

Въ восемь часовъ собрались въ развалинахъ Малаховой башни люди, которымъ, предназначена была честь идти въ головѣ отрядовъ и охотниковъ. Генералъ передалъ имъ приказанія. Они поняли всю важность дѣла, порученнаго имъ и съ нетерпѣніемъ ожидали одиннадцати часовъ.... Разговоръ часто прерывался.... думъ было болѣе чѣмъ словъ. Въ ложементахъ лежали солдаты, изъ коихъ многимъ суждено было не пережить этой ночи. Они также говорили и думали, но думали мало; о чемъ солдату думать?

(*) Въ ночь съ 10 на 11 марта.

На небѣ свѣтила луна, свѣтила весело и ясно, не зная, что ей придется освѣщать кровавую картину.... Надъ нею перебѣгали облака, тѣнь отъ которыхъ разстилалась по землѣ черными полосами и пятнами. Молодые солдатики принимали тѣни эти за непріятельскія колонны и отъ времени до времени слышны были слова: «Насъ обходятъ!» или: «Ребята! французъ идетъ на насъ!» «Вздоръ!» отвѣчали старики.

Но вотъ, двѣ такія тѣни принимаютъ видъ правильныхъ квадратовъ.... все чернѣе и ближе... при этомъ и старики уже начали взводить курки.... Не прошло мгновенія, какъ засвистали пули и цѣпь наша должна была уступить передніе ложементы врагу, въ двое сильнѣйшему, но генералъ былъ уже тутъ.

Быстрымъ и опытнымъ взглядомъ окинулъ онъ мѣстность, и убѣдился что непріятельскія колонны не преувеличены робкими воображеніями. Имѣя намѣренье предупредить насъ или ожидая нападенія нашего, сильные непріятельскіе резервы уже заблаговременно были выдвинуты. Въ одно мгновеніе планъ небольшой вылазки, генералъ разширилъ до размѣровъ большаго ночнаго дѣла. Камчатское укрѣпленіе окружено 9-ю батальонами; команды 44 и 35 экипажа вооружены шанцовымъ инструментомъ, чтобы уничтожить непріятельскія работы. Было девять часовъ.

Въ это время пробирался я на Малаховъ курганъ. Все еще было тихо, — лишь изрѣдка дежурное орудіе отвѣчало на шипѣніе непріятельской бомбы. Полагая что вылазка начнется, какъ была назначена, въ одиннадцать часовъ и увѣренный найдти тамъ генерала, я не спѣшилъ, осторожно обходя всѣ ямы и камни, которыми изпещрена мѣстность между Корабельной и курганомъ. Но генерала уже я не засталъ. Командиръ батареи на Корниловскомъ бастіонѣ сказалъ мнѣ, что онъ пошелъ къ Камчатскому укрѣпленію, объяснилъ мнѣ почему дѣло должно начаться ранѣе предположеннаго и былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ двухъ конвойныхъ матросовъ. Съ ними я уже почти побѣжалъ, чтобы застать войска на мѣстахъ и быть свидѣтелемъ предварительныхъ распоряженій. До сихъ поръ мнѣ не случалось бывать въ ночныхъ дѣлахъ, это меня сильно интересовало.

На половинѣ дороги до Камчатскаго укрѣпленія остановился я чтобы перевести духъ. Отдохнувъ съ минуту, я

продолжалъ путь, какъ вдругъ раздался грохотъ перваго непріятельскаго залпа и туча пуль пронеслась надъ моей головой.... «Что же испытали вы въ это мгновеніе?» могли бы спросить меня, если бы я передавалъ это изустно. Простите за сравненіе не совсѣмъ изящное но, по моему, вѣрное. Я испыталъ тоже, что испытываетъ человѣкъ съ холода вошедшій въ русскую баню. Онъ влѣзъ на полокъ, его обхватило жаромъ, легкій потъ мновенно проступилъ по всему тѣлу, но внутренній холодъ заставляетъ его еще дрожать. Тоже, или почти тоже ощущаетъ тотъ, котораго нечаянно захватитъ ночью непріятельскій залпъ.

Первое движеніе мое было оглянуться, живы ли мои конвойные. Стоятъ! Ну, слава Богу, жаль было бы даромъ ихъ израсходовать.

— Идите-ка домой ребята, а то васъ ни за грошъ убьютъ, сказалъ я имъ, увидѣвъ въ лѣво отъ дороги батальонъ, до котораго ужь мнѣ легко было добраться одному.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ матросовъ: — капитанъ приказалъ намъ въ цѣлости васъ *приставить*.

— Ну, представляйте, коли ужь отъ васъ нельзя отдѣлаться.

И такимъ образомъ былъ я представленъ къ батальону Днѣпровскаго полка, который, въ это время тронулся изъ резерва въ первую линію. Стрѣльба шла ужасная, изъ орудій и штуцеровъ. Луна клонилась къ горизонту, тучки все еще перебѣгали около нее; тѣни ихъ разстилались по полю.

— Гдѣ наши? раздался голосъ сзади.

Я обернулся. Передо мною стоялъ монахъ Луна освѣщала блѣдное лице его, на которомъ впрочемъ не было замѣтно волненія; огонь душевный отражался въ глазахъ его; въ рукѣ онъ держалъ крестъ.

— Гдѣ же наши? повторилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Кто ваши, батюшка? спросилъ я.

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; пойдите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ, гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти, — отвѣчалъ онъ.

Раздался второй залпъ, снова туча пуль пронеслась надъ моей головой и я уже болѣе не видалъ монаха.

Батальонъ, къ которому я пристроился получилъ приказаніе остановиться. Посланный съ этимъ приказаніемъ сказалъ мнѣ, что генералъ на Камчатскомъ укрѣпленіи. Я отправился туда: но его тамъ не было. Я нашелъ его потомъ впереди лѣваго фланга укрѣпленія, окруженнаго батальонными командирами, которымъ онъ отдавалъ приказанія.

Болѣе пятнадцати лѣтъ знаю я этого генерала. Съ самаго начала службы моей былъ я съ нимъ въ одной батареѣ; но тогда я зналъ его только, какъ лихаго и веселаго собесѣдника. Позже судьба привела меня служить подъ его командою; тогда я увидѣлъ въ немъ одного изъ лучшихъ знатоковъ артиллерійскаго строя. Во время Венгерской кампаніи я находился при немъ за офицера генеральнаго штаба, — отважнѣе его, не было тогда въ арміи партизана. Генераломъ я видѣлъ его теперь въ первый разъ и въ первый разъ оцѣнилъ его вполнѣ. Я былъ пораженъ найдя въ этомъ лихомъ партизанѣ, какимъ я до сихъ поръ считалъ его, настоящіе таланты генерала: хладнокровіе, дѣльную быстроту въ распоряженіяхъ, въ критическій моментъ; умѣнье двигать разсѣянные по полю батальоны, въ самомъ жару дѣла и ночью; умѣнье сохранять въ войскахъ порядокъ, воодушевлять ихъ, и доводить солдата почти до восторженнаго состоянія. Всему этому не научитъ ни опытность, ни книги, для этого необходимо врожденное военное дарованіе — нужна внутренняя искра.

Изъ оффиціальнй реляціи извѣстно, что мы прошли три линіи непріятельскихъ траншей и уничтожили ихъ апроши (*); но надобно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ это было выполнено. Предполагалось занять только первую линію траншей (**), а въ другія двѣ траншеи солдаты наши прорвались сами, несмотря на всѣ усилія остановить ихъ, — да, кто бы и могъ остановить ихъ? Офицеры на половину были уже перебиты или переранены. Несмотря на то, благодаря распорядительности генерала, отступленіе совершилось въ порядкѣ. Одинъ за другимъ выходили наши солдатики изъ не-

(*) Изъ опасенія преувеличить численность врага, Г. Л. Хрулевъ показалъ его только въ 6,000 человѣкъ; но многіе плѣнные показывали кромѣ 6,000 резерва, 2.800 человѣкъ въ траншеяхъ (рабочихъ и въ цѣпи).

(**) И то на короткое время, единственно, чтобы дать возможность рабочимъ уничтожить апроши.

пріятельскихъ траншей, чтобы не представить бо́льшей цѣли штуцернымъ и потомъ, за Камчатскимъ укрѣпленіемъ, строились въ ротныя колоны, чтобы быть на готовѣ въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля.

Три часа сряду трубили горнисты отступленіе, но лишь только кого задѣнетъ преслѣдующая пуля непріятеля, всѣ опять въ ярости воротятся назадъ и снова въ штыки. Генералъ поминутно посылалъ ординарцевъ своихъ съ приказаніемъ отступать, но нѣкоторыя команды, въ которыхъ перебиты были офицеры, не вѣрили ординарцамъ и отвѣчали: «Не таковской генералъ, чтобы приказалъ отступить»!

Три юнкера — генеральскіе ординарцы бѣгали разъ по десяти во время боя въ непріятельскія траншеи, для передачи приказаній, и одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ отъ ранъ (*).

Настала критическая минута. Большая часть уже отступила и вновь построилась въ ротныя колонны, какъ я уже сказалъ; оставались въ траншеяхъ только люди, которыхъ мало назвать храбрыми, — настоящіе герои, которые не хотѣли отступить, пока не уберутъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей. Этимъ героямъ приходилось по нѣскольку разъ еще отбивать штыками натискъ непріятеля; при этомъ они увлекали за собою и тѣхъ, которые уже начинали ретиро́ваться. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты, отводящіе раненыхъ, бѣжали обратно на штыковую работу, какъ люди съ носилками, кидали ихъ и бросались помогать товарищамъ; одного изъ такихъ началъ было я удерживать за полы, чтобы пристроить къ формирующемуся батальону:

— Ваше высокоблагородіе, пустите, наши тамъ *уру* зашумѣли.

Что прикажете дѣлать? Пустилъ!

Луна уже совсѣмъ закатилась за горизонтъ, и поле освѣщалось только разрывомъ бомбъ....

— Дайте намъ подкрѣпленія, а то могутъ остаться на поле раненыя!... кричалъ кто-то.

Генералъ и я напрягли зрѣніе, чтобы различить кто кричитъ.... Передъ нами стоялъ тотъ же самый монахъ, котораго я видѣлъ въ началѣ дѣла; онъ несъ три штуцера.

— Откуда вы, батюшка?

(*) Имена ихъ: Сикорскій, Негребецкій и Чикерулъ-Кушъ; умеръ отъ ранъ послѣдній.

— Какъ откуда?... изъ траншей, я былъ тамъ во все время дѣла.

— Что это у васъ за трофеи?

— Два штуцера, вырвалъ я изъ рукъ зуавовъ, спасъ ихъ, можетъ быть, этимъ отъ грѣха; а вотъ это ружье принадлежало злому человѣку, онъ хотѣлъ меня убить, видите и рясу всю прорвалъ.

— Да какъ же вы уцѣлѣли?

— На мнѣ была эпитрахиль, — отвѣчалъ онъ спокойно.

Мы невольно преклонили передъ нимъ головы.

Генерала все тревожила мысль, что горсть героевъ нашихъ, можетъ погибнуть въ непріятельскихъ траншеяхъ. Вдругъ ему пришла счастливая мысль....

— Батюшка, сказалъ онъ монаху: — подкрѣпленія я вамъ не дамъ, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе, оставшимся еще въ траншеяхъ, отретироваться немедля, подбирая раненыхъ.

Монахъ въ точности передалъ эти слова генерала.

— Ну, ужь если батюшка говоритъ, что генералъ приказалъ отступить, должно быть оно такъ и слѣдуетъ! сказали солдатики и пошли за монахомъ.

Ни одна пуля, сопровождавшая нашихъ солдатиковъ, не осталась безнаказанною.... Остальныхъ раненыхъ подобрали и поле было окончательно очищено отъ враговъ.

Монахъ дѣятельно помогалъ выводить остававшихся въ траншеяхъ и ему въ особенности помогалъ въ этомъ святомъ дѣлѣ рядовой Волынскаго полка Гаврила Өеклистовъ; я узналъ его по его бѣлой овчинной шапкѣ. Это былъ тотъ же самый солдатикъ, который упрашивалъ меня пустить его на *уру* къ товарищамъ.

И сколько тамъ участвовало безъимянныхъ героевъ, и сколько въ эту ночь было темныхъ, но славныхъ смертей!...

— Батюшка, позвольте мнѣ узнать ваше имя? сказалъ я, благоговѣйно смотря на монаха, когда мы всѣ возвращались вмѣстѣ.

— Аника 3-й!

Такъ зовутъ матросы іеромонаха Іоанникія; такъ зоветъ онъ самого себя, потому что уже свыкся съ этимъ именемъ.

СТ....

ПАМЯТИ

ДМИТРІЯ ЛЬВОВИЧА КРЮКОВА.

Когда свѣтильникомъ, предъ нашими очами,
Ко храму римскихъ музъ ты озарялъ ступень —
И чудилося намъ невольно, что надъ нами
Горація витаетъ тѣнь —

Впервые, надъ трудомъ, восторженныя слёзы
Исторгнулъ дышащій изъ устъ твоихъ пѣвецъ:
Плѣняли насъ его неблёкнущія розы
И зеленѣющій вѣнецъ.

Въ замолкнувшій чертогъ къ Минервѣ и къ Зевесу,
Вслѣдъ за тобой толпа ликующая шла —
И тихо древнюю ты раздвигалъ завѣсу
Съ громодержащаго орла.

Но свѣточь твой угасъ. Надежнаго союза
Судьба не обрекла межь нами и тобой —
И лиру уронивъ, поникла молча Муза,
Въ слезахъ надъ урной гробовой.

А. ФЕТЪ.

АФРИКАНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

У ***скаго уѣзднаго судьи, Ларіона Васильича Кошкоданова, была огромная дворня: на каждаго члена господскаго семейства приходилось чуть ли не по три человѣка прислуги.

Правда говорится, что у семи нянекъ дитя вѣчно безъ глазу. Порядку въ домѣ было немного.

Кучеръ Николай, полагаясь на шестнадцатилѣтняго кучеренка Ваську, не столько думалъ о чистотѣ лошадей и экипажей, сколько объ игрѣ въ орла и рѣшотку; а таковая игра частенько-таки устроивалась на задахъ судейскаго двора, середь пустыря, на площадкѣ, тщательно очищенной игроками отъ лопуховъ, крапивы, лебеды, репейника и другихъ назойливыхъ растеній.

Поваръ Гаврила, черномазый, кудрявый и по своему красивый малый, не имѣлъ подъ командой никого. Впрочемъ, желая, конечно, дать Гаврилѣ больше свободнаго времени для утѣшенія сосѣдскихъ дѣвокъ наигрываньемъ на «гармоніи» пріятныхъ пѣсенъ, сестрица Ларіона Васильича, Олимпіада Васильевна, старая дѣвственница, завѣдывавшая хозяйствомъ, не разъ выражала мнѣніе, что не дурно было бы выписать изъ деревни мальчишку на подмогу повару.

Ларіонъ Васильичъ, слишкомъ озабоченный служебными дѣлами, не вникалъ обыкновенно въ смыслъ сестриныхъ словъ, и только отрывисто замѣчалъ:

— Чтожь? можно.

Дѣвка Настасья, которой вмѣнялось въ обязанность расчесывать и заплетать косу самой Мареы Михайловны и косичку, въ родѣ мышинаго хвостика, Олимпіады Васильевны, такъ же какъ одѣвать и раздѣвать этихъ барынь, разумѣется, исполняла свою должность; но какъ?... у Мареы Михайловны вѣчно торчали на затылкѣ неподправленныя подъ гребенку пряди волосъ; а у Олимпіады Васильевны хвостикъ ежедневно умалялся, не взирая на неимовѣрныя усилія дѣвицы укрѣпить его корни, и на не малое количество денегъ, переплаченныхъ въ аптеку за медвѣжье сало, дубовую кору и тому подобныя снадобья.

Олимпіадѣ Васильевнѣ оставалась одна только надежда — на змѣиный мозгъ, о которомъ, какъ о радикальномъ средствѣ, сообщила ей истинныя чудеса повивальная бабка; но мозгу змѣинаго не имѣлось ни въ мѣстной, ни въ двухъ губернскихъ аптекахъ.

Дѣло въ томъ, что, чешись Олимпіада Васильевна сама, волосы, навѣрное, не убывали бы у нея такъ быстро.

Разъ она замѣтила Настасьѣ, что гребень какъ будто деретъ немного.

Настасья отвѣчала только:

— Было бы что̀ драть-то!

Олимпіада Васильевна сказала дѣвкѣ, что ужь, кажется, ей, грубіянкѣ, никакъ нельзя обойдтись безъ дерзостей, и съ тѣхъ поръ никогда не говорила съ ней о своей косичкѣ.

Изъ этого ясно, что Настасья не отличалась особенною любовью къ дѣлу.

Немного старанія прилагала она и къ швейной работѣ: платья и капоты ея мастерства (а еще училась въ губернскомъ модномъ магазинѣ!) то и дѣло поролись.

За то какъ заботилась она о своемъ собственномъ убранствѣ!... Какъ умащалась лимонной помадой! какія закорючки выводила на вискахъ! какъ крахмалила себѣ юбки (двѣ было съ прошивками и съ оборкой)! какимъ бантикомъ завязывала косынку на шеѣ! какимъ вѣеромъ расправляла свой платокъ, когда шла къ обѣднѣ или ко всенощной! Только такая ворч-

ливая и неуживчивая старушонка, какъ нянька Василиса, да такіе завидущіе глаза, какъ ея рыжая Ненила, могли не отдавать должнаго Настасьѣ и называть ее, несмотря на всѣ наряды, курносой масляницей.

Въ щегольствѣ могъ поспорить съ ней изъ дворни развѣ одинъ Гаврила: у него всегда были удивительнѣйшаго покроя фуражки, сапоги непремѣнно со скрыпомъ, и жилетки такихъ цвѣтовъ и съ такими узорами, что только руками разведешь да ахнешь. Гаврила вполнѣ признавалъ неоспоримыя достоинства Настасьи, и былъ съ нею въ большой дружбѣ. Разъ, правда, вышла между ними драка—и притомъ не шуточная, такая, что разбирать, кто правъ, кто виноватъ, должна была Олимпіада Васильевна; но дня черезъ два все было забыто— и побои, и бранныя слова, между которыми, неизвѣстно почему, многократно упоминался гарнизонный капитанъ.

Происшествіе это гораздо дольше помнила рыжая дочка няньки, и не пропускала случая ввертывать о немъ словечко-другое въ свои частыя перебранки съ Настасьей. Къ ней не замедлили бы пристать и двѣ сестрицы ея, Фаска и Минодорка, если бъ ихъ, по малолѣтству, не занимали другіе интересы.

Обѣ дѣвчонки были страшныя озорницы, никогда не вывязывали въ день заданнаго имъ урока или, какъ говорилось обыкновенно, урка — десяти чулочныхъ рядовъ, лазили по чердакамъ и по сѣнницамъ, куда не разъ затаскивали съ собой большеголоваго судейскаго сынка Митеньку, и учили этого отрока разнымъ свойственнымъ нѣжному дѣтскому возрасту невиннымъ забавамъ и упражненіямъ, какъ-то: стоять на головѣ березой, ёрзать на брюхѣ по полу, заложивъ руки за спину, и тому подобное, чему сами подавали примѣръ.

Къ ихъ обществу присоединялся нерѣдко и казачокъ Никитка, хотя былъ годами тремя старше. Онъ тоже, сколько могъ, старался о просвѣщеніи барченка. Чрезъ него барченокъ познакомился съ самыми мѣткими словами, съ самыми своеобразными оборотами русской рѣчи. Если бъ Митенька сдѣлался когда нибудь стихотворцемъ, Никиткѣ же можно бы приписать честь называться его первымъ учителемъ въ поэзіи.

— Баринъ, баринъ, говорилъ онъ: — скажите: «склянница»!

— Склянница, повторялъ Митенька.

— Твоя мать пьяница, неожиданно заключалъ казачокъ.

Барченокъ обижался, принимался ревѣть и хотѣлъ идти жаловаться тетенькѣ; но Никитка начиналъ усовѣщивать его, и объяснять, что это говорится для шутки, затѣмъ, что складно выходитъ, но что правды тутъ нѣтъ и на деревянный грошъ, а потому ревѣть и идти жаловаться нечего: ревутъ однѣ коровы, а жалуются только ябедники. Митенька утѣшался.

Потомъ мало по малу онъ вошелъ во вкусъ шутокъ Никитки, и уже самъ подступалъ къ нему....

— Скажи, Никитка: «хомутъ»!

— Ну, хомутъ, говорилъ казачокъ.

— У тебя отецъ плутъ!

— Эку новость сказали! Я же научилъ. А вы бы сами выдумали!... Ну-ка, вотъ, скажите: «печка»!

— Печка.

— У меня въ карманѣ свѣчка.

Барченокъ только завидовалъ втайнѣ такой находчивости Никитки.

Когда по вечерамъ господъ не бывало дома, казачокъ устроивалъ въ темныхъ комнатахъ игру въ гулючки; но самъ никакъ не хотѣлъ прятаться одинъ, потому что боится, и Митенька всегда отыскивалъ его притаившимся гдѣ нибудь подъ диваномъ вмѣстѣ съ Фаской. Минодорка находила тоже болѣе удобнымъ прятаться попарно, и потому соединялась съ барченкомъ, что̀ барченку нравилось.

Игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока Василиса, уложивъ спать трехлѣтнюю дочку Ларіона Васильича, не принималась ходить изъ комнаты въ комнату и кричать:

— Эй, вы! Минодорка! Фаска! гдѣ, шальныя? забыли двухвостку?

Плетка съ раздвоеннымъ ремешкомъ, извѣстная въ предѣлахъ кошкодамовскаго дома подъ именемъ двухвостки, была единственнымъ вѣрнымъ средствомъ усмирять дѣвчатъ, и нянька берегла ее, какъ зѣницу ока, у себя въ сундукѣ.

Самыми дѣятельными и притомъ самыми смирными членами судейской дворни были жена гулящаго Николая, Глафира, да молодой лакей Павелъ. Ихъ въ домѣ и слышно не

было — дѣло свое дѣлали безъ шуму, хотя его было немало. Глафира стряпала на всю дворню обѣдъ, смотрѣла за коровами, за курами, мыла полы въ избѣ и кухнѣ, пекла хлѣбы, варила квасъ и находила еще время шить для мужа изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ треугольничковъ нагрудники, которыми онъ щеголялъ въ своей компаніи. Только въ одномъ случаѣ возвышала Глафира голосъ — когда озорная Минодора овладѣвала двухъ-годовымъ ея ребенкомъ. Дѣвчонка тщетно просила умильнѣйшимъ голосомъ:

— Я только поношу, тетка Глафира! поношу только!

Глафира ничего не слушала, отнимала своего Ефимку и кричала на дѣвчонку до тѣхъ поръ, пока та, видя, что дѣло плохо (пожалуй, и побьетъ) не улепетывала изъ избы на какую нибудь иную проказу.

Павелъ такъ же былъ занятъ въ домѣ, какъ жена кучера въ избѣ. Все дѣлалъ онъ: и барина одѣвалъ, и съ барыней на запяткахъ ѣздилъ, и комнаты мелъ, и на столъ накрывалъ, и сапоги чистилъ; даже самовары и шандалы, когда ихъ нужно было привести въ сіяющее состояніе, не избѣгали его рукъ, потому что косолапый Никитка и ножей-то никогда не вычиститъ какъ слѣдуетъ, всѣ черенья повывихалъ; а Африканъ.... Что ужь объ немъ и говорить!

А между тѣмъ Африканъ, по штату домашнему, долженъ былъ раздѣлять съ Павломъ всѣ вышеупомянутыя обязанности. Это былъ малый лѣтъ двадцати-семи, средняго роста, широкоплечій, крѣпко сложенный, но худощавый. Смуглое, какъ будто тронутое загаромъ лицо было некрасиво: широкія, нѣсколько вздернутыя у висковъ кверху брови рѣзко отдѣляли низкій и плоскій лобъ, густо обросшій жосткими, темно-русыми волосами, отъ глубокихъ глазныхъ впадинъ; сѣрые съ чорнымъ отливомъ глаза немного косили, и притомъ, казалось, имъ стоило немалыхъ усилій даже такъ косо смотрѣть на бѣлый свѣтъ: между бровями, на пережабинѣ прямаго носа, почти одинаково толстаго вверху и внизу, никогда не исчезали три продольныя морщины; очень открытыя ноздри, крупнаго разбора губы съ опущенными углами, и выдавшійся подбородокъ, конечно, тоже не могли сообщить лицу привлекательности и привѣтливости. Будь у Африкана голова пошире въ вискахъ, не прилегай къ ней такъ плотно уши, можно бы побиться объ закладъ, что онъ кончитъ плохо — гдѣ

нибудь въ лѣсной трущобѣ, съ кистенемъ въ рукѣ; но у Африкана свирѣпость физіономіи вовсе не оправдывалась характеромъ. Въ странномъ устройствѣ головы Африкана френологъ нашелъ бы одно изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ въ пользу своей науки. Сплюснутая съ боковъ, плохо развитая въ затылкѣ, она вся ушла въ макушку. Коротко выстриженные волосы никогда не лежали на верхушкѣ наровнѣ съ другими, а отдѣлялись какъ грибъ и казались постороннею накладкой. Докторъ Галль, ощупывая эту голову, сказалъ бы: чрезмѣрно высокое мнѣніе объ себѣ, ослиное упрямство и большая склонность къ мистицизму. Докторъ Галль не ошибся бы. Но прежде чѣмъ стану разсказывать объ Африканѣ, скажу нѣсколько словъ про его родителей.

Они были живы и числились въ той же многочисленной дворнѣ — только числились, потому что обоихъ, и шестидесятилѣтняго Матвѣя, и почти ровесницу его Матрену Петровну, давно уже избавили за старостью и неспособностью отъ всякихъ повинностей.

Петровна была старуха смирная, любила грѣться зимой на лежанкѣ, а лѣтомъ на солнцѣ и говорила только о своихъ недугахъ. Дворня знала наизусть исторію о томъ, какъ старуха окривѣла; но это никого не избавляло отъ опасенія услыхать ее еще сто разъ.

— Лѣтъ ужь, вотъ, тридцать, какъ правой-то глазъ закрылся, разсказывала Петровна: — не подымается вѣко — что хошь дѣлай; какъ поприпридержу его маленько рукой—ну, вижу, совсѣмъ ладно вижу; а вѣко не подымается. Только вотъ лѣвый-то глазокъ плохъ, больно плохъ. Сначала-то было ничего — и имъ видѣла, а теперь вотъ бѣльмецо нагнало. И какъ эта бѣда со мной приключилась! Еще на деревнѣ мы жили.... Пошла въ воскресный день въ поле — въ Господенъ день работать вздумала! И подымись же вихерь — такъ-то закрутилъ, закрутилъ. Какъ я сжала одинъ-то глазъ, такъ онъ и остался; а въ другой-то песку напорошило — да тогда все еще ничего было: глядѣлъ; а теперь вотъ бѣльмецо нагонять стало. И попуталъ же лукавый въ воскресный день въ поле идти! Хотѣли меня господа лечить, и лекарямъ показывали, да слышь поздно хватились: запустила, говорятъ, что и помочь нельзя. Въ сосѣдяхъ у насъ, въ Заборовѣ, баба была лекарка — и та говоритъ: поздно; а ладная лекарка—

сказываютъ, нажимаетъ эво какъ-то перстомъ глаз-атъ, да наговариваетъ.... Ну, говорятъ: поздно. Отъ Господа это по дѣломъ наказанье: не работай въ воскресный день!

Часто болѣла у Петровны и поясница; но объ этомъ недугѣ старуха давала знать больше оханьемъ. Когда ея оханье раздавалось въ избѣ, дворня обыкновенно спрашивала:

— Что, бабка, знать оттепель будетъ? Опять поясница отнялась?

— Охъ! будетъ, стонала старуха, ворочаясь на лежанкѣ: — охъ! будетъ.

Лѣтнее солнце выманивало ее на избное крылечко; она садилась тутъ на приступкѣ и, подгорюнясь, придерживала пальцемъ слабое вѣко праваго глаза. Грѣя свое ветхое тѣло, она съ величайшимъ равнодушіемъ смотрѣла, кàкъ бѣгаетъ по двору Митенька съ хворостиной въ рукахъ, какъ онъ дразнитъ индѣйскаго пѣтуха, заставляя его орать во всю ивановскую, кàкъ и самъ кричитъ, когда такъ разсердитъ гусыню, что та пустится за нимъ, свирѣпо шипя, и чуть не ухватываетъ его за икры. Митенька не оставлялъ въ покоѣ и старуху. Когда Петровна, уставши придерживать вѣко, подпиралась лѣвой рукой и погружала такимъ образомъ во мракъ весь окружающій ее міръ, Митенька подкрадывался къ ней по стѣнкѣ какъ кошка, съ быстротой молніи сдергивалъ шлыкъ ея на затылокъ, и такъ же быстро исчезалъ куда нибудь за уголъ, откуда выглядывалъ и любовался досадой старухи. Петровна, озадаченная этимъ неожиданнымъ казусомъ, насаживала шлыкъ криво на косо, приводила правый глазъ въ зрячее состояніе, осматривалась и говорила:

— Эко дитя озорное! пра, озорное! Безстыдникъ этакой! точно мужичонокъ какой — пра-аво! Безстыдникъ и есть. Поди, вотъ, жалуйся!

Послѣднія слова Петровна прибавляла вслѣдствіе вотъ какого происшествія.

Когда судейскій сынокъ впервые учинилъ, по наущенію Минодорки, свою проказу надъ старухой, онъ не обладалъ еще ловкостью, которой достигъ потомъ, и старуха поймала его за подолъ рубашки. Митенька началъ пинаться и кричать, и этимъ, разумѣется, заставилъ Петровну выпустить его изъ рукъ; но когда она назвала его мужичонкомъ и без-

стыдникомъ, онъ заревѣлъ, что твой годовалый теленокъ, и помчался жаловаться.

— Тетенька, Василиса меня обругала безстыдникомъ.... а-а-а.... и мужичонкомъ.... а-а-а.... обругала, кричало дитя, притворно всхлипывая и до красна натирая себѣ глаза кулаками.

Тетенька только воспрянула отъ послѣобѣденнаго сна, не успѣла еще выпить квасу и была не въ духѣ. Кромѣ того, она гнѣвалась на Настасью за гадко выглаженную пелеринку, и шла въ дѣвичью дать ей хорошую гонку. Настасья, по живости характера, уже улепетнула куда-то, и потому жалоба Митеньки пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Олимпіадѣ Васильевнѣ надо же было на кого нибудь излить свой гнѣвъ. Она вышла на дворъ вслѣдъ за ревущимъ племянникомъ, забывши въ пылу раздраженія, что не успѣла еще послѣ отдыха привести въ порядокъ своего туалета, и что ее въ такихъ растрепанныхъ чувствахъ можетъ увидать черезъ улицу изъ окна своей квартиры капитанъ Киргизовъ.

— Матрена! Матрена! вскричала она пронзительно: — какъ ты смѣешь позволять себѣ такія дерзости съ барскими дитей?

Старуха подправила себѣ вѣко, встала, поклонилась барынѣ и объяснила, какъ было дѣло. Придраться къ Петровнѣ и разбранить ее не представлялось никакой возможности; а между тѣмъ дѣвицѣ необходимо было оборвать кого нибудь. На этотъ разъ наказаніе нашло виноватаго. Тетенька утащила племянника въ комнаты, какъ онъ ни корячился, какъ ни упирался, и надавала ему подзатыльниковъ.

Съ этихъ поръ, старуха безбоязненно именовала барченка мужичонкомъ и безстыдникомъ, и при этомъ всегда посылала его жаловаться, но Митенька жаловаться не ходилъ.

Въ другой разъ подобная проказа стоила ему дорого.... Виноватъ, я выразился не совсѣмъ точно. Вотъ какъ было дѣло.

Митенька, собираясь подшутить надъ Петровной, и не подумалъ посмотрѣть, не наблюдаетъ ли кто за нимъ. На него, точно, никто не любовался; но на крыльцѣ дома стоялъ Африканъ, задумчиво глядя черезъ заборъ на улицу. Недовольное бормотанье опростоволосившейся старухи заставило его

оборотиться и наловить шалуна. Барченокъ пронзительно взвизгнулъ, когда тяжелыя ступни лакея разбрызнули во всѣ стороны кучу песку, за которой онъ спрятался. Митенька не успѣлъ мигнуть, какъ не могъ уже двинуться съ мѣста. Толстые и крѣпкіе пальцы Африкана лежали на его плечѣ. Митенька хотѣлъ было покрѣпче упереться въ землю, но ноги его скоро очутились на воздухѣ. Могучая рука подняла его за плечо, и Африканъ, молча и только искоса улыбаясь, понесъ барченка къ дому. Усилія Митеньки вырваться изъ рукъ грубаго лакея были безплодны: какъ въ судорогахъ выкидывалъ онъ ногами самые отчаянные артикулы, но не имѣлъ удовольствія ни разу ударить Африкана по брюху, сколько ни приноравливался; укусить карающую руку также не было никакой возможности. Митенькѣ оставалось одно — голосить, пока горло не охрипнетъ.

И Митенька голосилъ — голосилъ на дворѣ, гдѣ раздражительному индюку пришлось отъ его крику очень плохо — чуть не лопнулъ съ натуги; голосилъ и на крыльцѣ, и въ сѣняхъ; голосилъ наконецъ и въ комнатахъ. Но Африканъ былъ неумолимъ и несъ барченка въ спальню барыни. Марѳа Михайловна была женщина самаго слабаго сложенія, и притомъ не имѣла никакой поддержки въ умственныхъ способностяхъ. Только-что опустилъ Африканъ передъ нею на полъ ея драгоцѣнное дѣтище, она завизжала подъ ладъ сынку и опрокинулась на постель. Вопли Митеньки и его маменьки всполошили весь домъ. Всѣ, начиная съ барина и его сестрицы и кончая Никиткой, Фаской и Минодоркой, всѣ явились въ спальню. Митенька катался на полу и колотилъ въ него пятками съ такимъ же остервѣненіемъ, какъ въ иномъ странствующемъ оркестрѣ черномазый жидокъ колотитъ молоточками по струнамъ цимбала.. Въ знакъ крайняго отчаянія онъ теребилъ на себѣ волосы и чуть не до крови расцарапалъ себѣ лицо засоренными пескомъ ногтями. Марѳа Михайловна, вторя своему чаду, издавала сначала глухіе стоны; но мало по малу они перешли въ длинныя грудныя всхлипыванья. Превосходная была минута для дѣятельной Олимпіады Васильевны. Она всѣхъ сбила съ ногъ, суетясь около Марѳы Михайловны: Настасья бѣжала за уксусомъ, Неонила за одеколономъ, Фаска несла воду, Василиса курила. Въ то же время Олимпіада Васильевна уговаривала и допра-

шивала Митеньку; но ничего не могла отъ него добиться. Ларіонъ Васильичъ стоялъ какъ ошеломленный, рѣшительно не понимая, въ чемъ дѣло, и наконецъ вскричалъ:

— Да что у васъ такое? что такое? Экой содомъ подняли! Не визжи ты! обратился онъ къ сыну. — Эй! кто видѣлъ, что тутъ было?

Никто не видалъ. Но Митенька между визгомъ наименовалъ Африкана. Глаза Ларіона Васильича и его сестрицы тотчасъ же обратились на лакея и встрѣтили на лицѣ его ироническую улыбку. Все объяснилось.

Голосъ Ларіона Васильича раздался съ долженствующею строгостью.

— Своеволіе.... буйство.... гремѣлъ онъ: — самому смѣть распоряжаться!...

Митенька сталъ стихать; Маѳа Михайловна тоже приходила въ чувство отъ невыносимой вони жженыхъ перьевъ, — и скоро въ спальнѣ осталась только Олимпіада Васильевна.

Вытирая мокрымъ полотенцемъ вспухшія щеки племянничка, тетенька то и дѣло потчивала его тузами. Она еще не кончила этого занятія, какъ ее поразила очень простая, но совершенно неожиданная мысль. Полотенце полетѣло на полъ, Митенька остался съ мокрымъ лицомъ, а дѣвица поспѣшила къ кабинету Ларіона Васильича.

— Братецъ! братецъ!

— Ну, что еще тамъ? спросилъ съ досадой судья.

— Вы распорядились?

— Чѣмъ?

— Да насчетъ Африкана-то.

— Ты, я думаю, слышала.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь онъ того и гляди уйдетъ.... еще пропадетъ, пожалуй, совсѣмъ! Его надо связать.

— Ну, такъ прикажи — и конецъ концовъ! Нашла объ чемъ разсуждать!

Кучеръ Николай, посланный за Африканомъ, засталъ его въ переднихъ сѣняхъ. Онъ запиралъ на замокъ дверь чулана, и былъ въ шапкѣ.

— За тобой послали, сказалъ Николай.

— Что еще понадобилось? спросилъ Африканъ.

— Велѣли свести....

— И самъ бы дошелъ.

Онъ плотнѣе насадилъ на себя шапку и сказалъ:

— Ну, пойдемъ.

Описаннаго поступка Африкана никакъ не слѣдуетъ объяснять сыновней любовью. Отношенія между имъ и матерью не отличались нѣжностью. И говорилъ-то онъ съ ней рѣдко; притомъ всегда тономъ снисхожденія, какъ будто дѣлаетъ ей этимъ честь.

Послѣ случая съ Митенькой, Африканъ, проходя мимо старухи, продолжавшей грѣться на крыльцѣ, не разъ сурово говорилъ:

— Чтò усѣлась-то на дорогѣ?

Петровна отворяла глазъ, отодвигалась и произносила только:

— У-у! извергъ!

Иногда, сидя тутъ, старуха вдругъ начинала тихо пѣть, или лучше сказать мурлыкать дребезжащимъ голоскомъ:

«Охъ вы, го-оры, го-ры,
Горы, развысо-о-окія!»

— Быть видно завтра дождю, говорили въ дворнѣ.

— А чтò?

— Да слышь, Петровна поетъ.

— И то! Быть дождю.... Кàкъ и почему утвердилась въ домѣ эта примѣта — неизвѣстно; замѣчательно, что она рѣдко неоправдывалась. Отецъ Африкана, Матвѣй, слылъ, говорятъ, смолоду забавникомъ и затѣйникомъ, но подъ старость, вслѣдствіе разныхъ болѣзней, которыя начались глухотой, совсѣмъ осовѣлъ и поглупѣлъ. Изустная хроника, по поводу происхожденія его разсказывала древнюю исторію о какой-то гречанкѣ, завезенной яко-бы дѣдомъ Маρθы Михайловны въ его вотчину, гдѣ гречанка родила сына, и вскорѣ послѣ родовъ умерла. Сирота воспитывался въ избѣ, посредствомъ рожка, хотя мать, какъ утверждаютъ, жила вовсе не на правахъ прислуги. Вскорѣ помѣщикъ женился; пошли у него дѣти. При первой ревизіи мальчишка безъ роду безъ племени угодилъ въ ревизскую сказку. Матвѣй вовсе не считалъ этого обстоятельства важнымъ, и когда поминалъ старину, говорилъ больше о томъ, что вотъ какъ времена переходчивы! какая была вотчина — истинно княжеская: въ одной дворнѣ было человѣкъ сто, псовая охота первой считалась по губер-

нія, музыканты свои; а теперь что? Дѣлили да дѣлили, переводили да переселяли — и вышло, что осталось какихъ-нибудь тридцать душъ — и то съ грѣхомъ пополамъ. Старикъ былъ единственнымъ остаткомъ домашняго оркестра, и усердно пилилъ свою ветхую скрипку. За неимѣніемъ въ городѣ иныхъ артистовъ, его нерѣдко звали поиграть барышнямъ и кавалерамъ, что умѣетъ. Матвѣй умѣлъ сыграть кадриль французскую, экоссезъ, матрадуру, и даже неоднократно изъявлялъ сожалѣніе, что никто не танцуетъ ни матлота, ни алагрека, ни манимаски. Игра Матвѣя вознаграждалась не очень щедро; но все же онъ могъ на другой день угостить себя водкой. Подвыпивъ, онъ не выпускалъ скрыпки изъ рукъ.

Съ сыномъ не было у него ничего общаго. Старуха Петровна была Матвѣю тоже словно-чужая.

Африканъ, просвѣтясь грамотой въ приходскомъ училищѣ, съ измала пристрастился къ чтенію, и часто приходилось ему съ насмѣшливой улыбкой объяснять безграмотнымъ родителямъ самыя простыя для него вещи. Онъ не могъ надивиться равнодушію отца къ преданію о гречанкѣ, и самъ былъ глубоко имъ проникнутъ. Метя иногда полъ въ гостиной (что случалось очень рѣдко, только за отлучкой или за болѣзнью Павла), Африканъ останавливался середь комнаты, опирался подбородкомъ на черенъ половой щетки, и пристально глядѣлъ на портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. На портретѣ былъ изображенъ полный, румяный господинъ въ пудреномъ парикѣ и въ елисаветинскомъ мундирѣ; подъ мышкой шляпа съ плюмажемъ. Только какой-нибудь шумъ нарушалъ созерцаніе Африкана. Тогда, продолжая мести, онъ безпрестанно взглядывалъ въ зеркало въ простѣнкѣ между оконъ и улыбался — на этотъ разъ самодовольной улыбкой. Въ зеркалѣ надъ самымъ его лицомъ улыбалось и полное лицо портрета.

У Африкана была замѣчательная улыбка. Она никогда не сгоняла съ лица его мрачности, какъ бы ни было ему весело: въ ней выражались попеременно то какъ будто горькая насмѣшка, то словно затаенная душевная скорбь, и только рѣдко-рѣдко проглядывало нѣкоторое лукавство. Африканъ улыбался и кстати и некстати. Большею частью улыбка появлялась у него на губахъ какъ отвѣтъ на его собственную мысль. Съ домашними своими былъ онъ молчаливъ какъ рыба и часто не отзывался даже на вопросы.

До двадцатилѣтняго возраста Африканъ былъ только лѣнивъ и плохо исполнялъ возлагаемыя на него обязанности; но тутъ, какъ утверждала Олимпіада Васильевна, сталъ совсѣмъ отбиваться отъ рукъ. Въ послѣднее время онъ и у стола не служилъ. Впрочемъ, это дѣло было оставлено имъ, разумѣется, не своевольно, а по распоряженію господъ.

Онъ сталъ улыбаться и подавая кушанье. Сначала никто не замѣчалъ этого; но однажды, Ларіонъ Васильевичъ, взглянувъ на него, строго спросилъ:

— Чему ты смѣешься? — Африканъ! чему смѣешься?

Вмѣсто того, чтобы перестать, Африканъ еще больше скосилъ ротъ, и не отвѣчалъ ни слова.

— Тебя спрашиваютъ, болванъ! крикнулъ Ларіонъ Васильевичъ.

— Оглохъ ты, что̀ ли? подтвердила Олимпіада Васильевна, которой въ эту минуту Африканъ подавалъ жареную утку.

Дѣвица взглянула-было ему въ лицо; но тотчасъ же съ отвращеніемъ опустила глаза въ тарелку: та̀къ не понравилась ей его улыбка.

Африканъ молча продолжалъ подавать кушанье, и все-таки не переставалъ улыбаться.

— Че-му ты смѣ-ешься! повторилъ съ разстановкой Ларіонъ Васильевичъ, не сводя съ него взгляда, горѣвшаго неудовольствіемъ.

Голосъ его звучалъ глуше обыкновеннаго и онъ стучалъ по столу ножомъ.

— Самъ съ собой смѣюсь, отвѣчалъ наконецъ Африканъ, и улыбка его приняла какое-то болѣзненное выраженіе.

— Можешь выбрать для этого другое время....

— И другое мѣсто, досказала Олимпіада Васильевна.

— Павелъ! распорядился баринъ: — возьми у него блюдо! А ты пошолъ вонъ!...

Африканъ передалъ блюдо и удалился.

На другой день точно такую же улыбку замѣтила ужь барышня. Она бросила выразительный взглядъ на братца, ударила о край стола среднимъ пальцемъ правой руки, и желчно проговорила:

— О-пять!

Братецъ откликнулся октавой глубже:

— Опять, остолопъ!

На этотъ разъ Африканъ, по неизвѣстной причинѣ, просто прыснулъ со смѣху.

— Павелъ, возьми! Вонъ! — въ одно мгновеніе ока распорядился Ларіонъ Васильевичъ.

Стулъ его отлетѣлъ въ сторону, и кулакъ, запутавшійся въ салфеткѣ, дважды коснулся спины Африкана, прежде чѣмъ тотъ переступилъ порогъ столовой.

— Ахъ, Ларіонъ Васильичъ! застонала-было Марѳа Петровна.

Олимпіада Васильевна перебила ее.

— Вы ужь слишкомъ его балуете, братецъ, замѣтила она. — Онъ Богъ-знаетъ что̀ себѣ позволяетъ!

Ларіонъ Васильичъ возвратился на свое мѣсто, и ужь вполнѣ хладнокровно отвѣчалъ:

— Ахъ, матушка! точно ты не видишь, что онъ совсѣмъ дуракъ; глупъ, какъ вотъ это дерево.

И судья постучалъ объ столъ кулакомъ.

— Павелъ! чтобы онъ не смѣлъ больше являться къ столу!

— Слушаю-съ.

Между-тѣмъ Африканъ вышелъ въ переднюю, постоялъ у окна и посмотрѣлъ на пустую улицу, потомъ взглянулъ на образъ и глубоко вздохнулъ, потомъ сѣлъ на конникъ, прислонился головой къ стѣнѣ, хранившей на себѣ слѣды многихъ масляныхъ затылковъ, и задумался.

Когда вечеромъ въ избѣ зашла за ужиномъ рѣчь о происшествіи при барскомъ столѣ, и кучеръ Николай, совокупно съ модникомъ Гаврилой, вздумали позубоскалить надъ Африканомъ, онъ не произнесъ на шутки ихъ ни полслова. Настасья, всунувшая въ ихъ рѣчь какое-то колкое замѣчаніе, тоже осталась безъ отвѣта.

Но уходя изъ избы, онъ презрительно взглянулъ на нихъ и проговорилъ съ косой усмѣшкой:

— Дрянь!

— Ишь.... ха, ха, ха!... ишь, баринъ какой!... ха, ха, ха! такъ и залились половина ужинавшихъ.

Африканъ очень рѣдко обѣдалъ и ужиналъ за общимъ столомъ; онъ обыкновенно перехватывалъ въ одиночку то того, то другаго, и всегда чуждался компаніи. Дворня не питала

къ нему особеннаго расположенія, но и не смотрѣла на него враждебно. Дуракомъ его не считали, хотя и думали, что у него отъ книгъ умъ заходитъ иногда за разумъ; подтрунивали надъ нимъ только изрѣдка, и многое спускали ему, какъ чудаку. Всѣ были убѣждены, что онъ никому зла не желаетъ, никому дорòги не переходитъ.... и Богъ съ нимъ! пусть себѣ сидитъ, да «въ книжку читаетъ»!

Африканъ читалъ много и съ размышленіемъ. Почитаетъ, почитаетъ — потомъ отложитъ книгу въ сторону, руки скреститъ на груди, уткнется затылкомъ въ стѣну, закроетъ глаза, и такъ сидитъ четверть-часа, полчаса, а иногда и цѣлый часъ. Чтó же такое читалъ Африканъ? Книгъ гражданской печати и малаго формата онъ не любилъ, и говорилъ, что въ нихъ все вздоръ пишутъ: о сказкахъ отзывался съ совершеннымъ презрѣніемъ. Библіотека его состояла изъ ветхой книги въ листъ и рукописи, тоже въ листъ, доставшейся ему случайно. Рукописи было лѣтъ полтораста. Она заключала въ себѣ нѣчто въ родѣ энциклопедіи и начиналась лечебникомъ, въ которомъ два-три дѣльныя замѣчанія терялись въ безднѣ нелѣпицъ. Такъ, напримѣръ, за описаніемъ цѣлебныхъ свойствъ полыни и богородской травы слѣдовалъ способъ леченія отъ укушенія ядовитой змѣи, который предписывалъ взять чорную курицу безъ малѣйшей крапинки, живую разорвать ее (непремѣнно разорвать, а не разрѣзать) на двѣ равныя части, и обложить ими опухоль. За лечебникомъ шли замѣтки о вліяніи планетъ, о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, ѳеологическіе отрывки, повѣствующіе, что небо, сливаясь по краямъ съ землей, образуетъ янтарныя горы, сказанія о рѣкѣ молненной, дышущемъ морѣ и тому подобной ерундѣ. Африканъ берегъ эту книжицу пуще зрачка, и рѣдкій день выдавался, чтобъ онъ не раскрылъ ея и не почиталъ. Не будь у него такая плохая память, онъ навѣрное давно зналъ бы всю рукопись наизустъ. Руководствуясь ею, Африканъ собиралъ въ окрестностяхъ города разные корешки и травки, сушилъ ихъ и раскладывалъ порознь или смѣшивая по бумажнымъ мѣшочкамъ, на которыхъ дѣлалъ надписи. Аптека эта, не смотря на безполезность свою не только для кого либо, но и для самого собирателя, хранилась съ такою же почти бережью, какъ и руководство къ ея составленію.

Кромѣ этихъ книгъ, Африканъ пользовался отъ приходскаго дьячка четь-минеей.

Дьячокъ былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Африканъ постоянно пѣлъ передвечатымъ басомъ на лѣвомъ клиросѣ, нерѣдко читалъ часы за обѣдней, а ужь шестипсалміе за всенощной всегда. Богомольные старички и старушки очень любили его чтеніе: внятно читаетъ, неторопливо, каждое слово такъ и отливаетъ, гдѣ нужно и пріостановится, и крестное знаменіе сдѣлаетъ, и поклонъ положитъ.

Вмѣстѣ съ Африканомъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ старичокъ въ длинной синей сибиркѣ, съ раздвоенной изжелта-сѣдой бородкой. Его звали Иваномъ Аѳиногенычемъ. Ремесломъ былъ онъ нѣкогда иконописецъ — и его работы образъ лежалъ на налоѣ у праваго клироса; но глаза у него попритухли, и онъ жилъ теперь тѣмъ, что̀ успѣлъ прежде накопить на чорный день. Человѣкъ безсемейный, одинъ одинехонекъ; много ли надо?

Это былъ самый короткій или, лучше сказать, единственный пріятель Африкана. Только въ церковь да къ Ивану Аѳиногенычу и выходилъ Африканъ изъ дому. Благочестіе, какъ общая черта характеровъ, сблизило ихъ. Старикъ принялся за иконописаніе единственно изъ желанія угодить Богу, а никакъ не по особенному влеченію къ живописному искусству.

— Заходи послѣ вечеренъ-то, Африканъ Матвѣичъ, говорилъ старикъ за обѣдней.

— Зайду, Иванъ Аѳиногенычъ, отвѣчалъ Африканъ.

— Побесѣдуемъ.

И они бесѣдовали, прихлебывая чай съ медомъ — долго бесѣдовали. Старикъ говорилъ складно, какъ человѣкъ начитанный, и любилъ украшать свои слова изрѣченіями изъ Библіи, что̀ впрочемъ всегда замѣчалъ самъ, говоря: «сказано у Сираха», или: «учитъ Соломонъ премудрый», или: «пророчествуетъ Исаія».

Часто разговоръ касался вопроса о спасеніи души.

— Смиренье человѣку ожерелье, говорилъ старикъ.

— Такъ-то, такъ, Иванъ Аѳиногенычъ, замѣчалъ вздыхая Африканъ: — да человѣкъ-то слабъ.... не камень человѣкъ; а вѣдь и камень отъ жару трескается.... Не выдержишь!

Какъ-то вскорѣ послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ Африканъ сидѣлъ въ прихожей и перебиралъ свой гербарій. Онъ дѣлалъ это всегда, неизвѣстно почему, съ чрезвычайной таинственностью; и теперь, прежде чѣмъ разложился на столѣ со своими травами, притворилъ дверь въ залу. Дѣло было послѣ обѣда; весь домъ, какъ водится, спалъ, кромѣ Митеньки, которому тетенька велѣла твердить урокъ изъ священной исторіи. Онъ, впрочемъ, урока не твердилъ, а валялся въ гостиной на диванѣ, вздравъ ноги къ потолку, и можетъ быть долго пролежалъ бы въ такой картинной позѣ, еслибъ не замѣтилъ ползущаго по полу большаго прусака. Немедленно изловивъ таракана, онъ вырѣзалъ изъ бумажки кружокъ, чтобы прилѣпить его къ нему на спину; требовалось только добыть сала. Сальныя свѣчи находились въ прихожей. Митенька отворилъ туда дверь, но, увидавъ Африкана, показалъ ему языкъ и спрятался. Африканъ вышелъ изъ себя, и схватилъ кусокъ толстой веревки, валявшейся на конникѣ. Не успѣлъ Митенька еще разъ взглянуть за дверь и высунуть языкъ, какъ эта веревка визгнула и полетѣла ему въ ноги и подшибла его; онъ покатился на полъ и расквасилъ носъ.

Вопль Митеньки внесъ раскаянье въ сердце Африкана. Онъ поднялъ барченка и сколько могъ кротко просилъ у него прощенья.

— Виноватъ, баринъ, виноватъ. Ну, полноте! не плачьте! Вѣдь и не больно вовсе!

Митенькѣ, въ самомъ дѣлѣ, было не больно; но онъ не любилъ отдѣлываться такъ дешево, и ревѣлъ до тѣхъ поръ, пока всѣ въ домѣ не проснулись и не сбѣжались.

Дѣло разыгралось какъ и въ тотъ разъ, когда Африканъ заступился за свою старуху.

— Эхъ братъ, говорилъ съ состраданіемъ кучеръ Николай, выходя съ нимъ со двора: — вѣчно ты попадешься.

Африканъ махнулъ рукой.

— Охота связываться съ мальчишкой, продолжалъ Николай: — вотъ теперь, не бось, и насупился.

Африканъ поправилъ на себѣ шапку.

— Что насупился? проговорилъ онъ глухо: — все мнѣ равно! Я какъ въ гости.

— Э-эхъ, въ гости! замѣтилъ Николай: — какіе ужъ тутъ гости!

— Видитъ Богъ, Николай Ильичъ — какъ въ го....

На послѣднемъ словѣ голосъ у Африкана оборвался.

Только лѣтомъ можно ему было окружать желаемой таинственностью свои занятія. Зимой помѣщался онъ въ передней, а на лѣто перебирался со всѣмъ своимъ потрохомъ въ сѣнной чуланчикъ.

Чуланчикъ былъ не великъ: три шага длины, да два ширины; освѣщался онъ оконцемъ объ одномъ стеклѣ, подъ самымъ почти потолкомъ, и Африканъ могъ очень удобно читать, сидя на кровати. Замѣчательная была кровать. На двухъ пняхъ лежали двѣ узкія доски, прикрытыя старымъ одѣялишкомъ, но вмѣсто подушки камень, обвернутый въ старыя рваныя тряпицы. Около самого изголовья была прилажена треугольная полочка; на ней стоялъ образъ Николая чудотворца въ фольговомъ окладѣ, изъ-за котораго виднѣлась верба съ херувимомъ. Африканъ очень огорчался, что ему нельзя тутъ затеплить ни лампадки, ни свѣчки: того и смотри, потолокъ вспыхнетъ. Надъ самою постелью было прилѣплено къ стѣнѣ лубочное изображеніе апокалиптической блудницы, ѣдущей на конѣ съ пылающею гортанью; прямо супротивъ этой картины находилась другая, столь же замысловатая, но не такъ щедро раскрашенная баканомъ и синькой. Тутъ были только двѣ фигуры: книжникъ въ голубой одеждѣ и мальчикъ въ алой; за то описаніе занимало двѣ трети листа. Сначала мальчикъ отвѣчалъ на вопросы книжника — и отвѣчалъ мудро; потомъ книжникъ отвѣчалъ на вопросы мальчика — и отвѣчалъ глупо, а подъ конецъ и совсѣмъ посрамился. Африкану очень нравился ихъ философскій разговоръ, и онъ выучилъ его наизусть. «Какой звѣрь всѣхъ звѣрей сильнѣе?» спрашивалъ мальчикъ. — «Левъ», отвѣчалъ книжникъ. — «Не левъ, а червь, возражалъ мальчикъ: ибо червь и человѣка и льва поѣдаетъ.» Въ такомъ родѣ велся весь разговоръ. — Подъ образною полкой была другая, побольше, съ книгами. Въ противоположномъ углу стоялъ средней величины зеленый крашеный сундукъ.

Въ ясные лѣтніе дни, когда солнце било лучами въ эту тѣсную коморку, на душѣ ея владѣльца становилось какъ-то

особенно легко, и много разныхъ думъ заглядывало къ нему въ голову.

Въ одинъ изъ такихъ дней лицо Африкана приняло вдругъ озабоченный видъ подъ вліяніемъ новой, ни разу еще не приходившей ему мысли. Онъ лежалъ на своей подвижнической кровати, но тутъ поднялъ голову съ каменной подушки и сѣлъ прямо. Брови сошлись у него надъ носомъ, по лбу протянулись морщины, и глаза, устремленные на изображеніе мальчика и книжника, не видали спорщиковъ.

Долго сидѣлъ такъ Африканъ. Заблаговѣстили къ вечернѣ. Онъ перекрестился, надѣлъ шапку, заперъ чуланчикъ и пошелъ въ церковь, все такой же задумчивый.

Послѣ вечерни посѣтилъ онъ Ивана Аѳиногеныча, и все совѣтовался съ нимъ о чемъ-то.

Прощаясь съ гостемъ, хозяинъ говорилъ:

— Благое дѣло замыслилъ, Матвѣичъ, благое. Да поможетъ тебѣ Господь!

На другой день Африканъ всталъ чѣмъ свѣтъ и, первымъ дѣломъ, отперъ сундукъ. Тутъ, за узенькой перегородкой, хранились у него двѣ иглы, мотокъ нитокъ, кусокъ чернаго воску и сквозной наперстокъ. Пришивать пуговицы къ его платью, класть на немъ заплатки и штопать прорѣхи было некому, и потому у Африкана имѣлось въ запасѣ все нужное на этотъ случай. Теперь ему нечего было улаживать въ своей одеждѣ; но онъ вынулъ изъ сундука всѣ швейныя орудія. Долго рылся онъ потомъ въ разной ветоши, лежавшей на днѣ, вынималъ обрѣзки холста, старыя полотенца, тряпицы, разсматривалъ ихъ противъ свѣта и мялъ въ рукахъ; но наконецъ сунулъ все назадъ, захлопнулъ сундукъ, и пошелъ къ избѣ.

Петровна только-что встала и вышла погрѣться на крыльцѣ. Сынъ около нея остановился....

— Матушка, сказалъ онъ: — нѣтъ ли у тебя толстаго холста?

— Есть; нà что тебѣ?

— *Надо* — портянокъ нарѣзать.

— *Ужó* достану.

— *Достань* теперь!

— Вотъ, загорѣлось!.... только-что вышла на солнышко.

— Достань, повторилъ Африканъ: — я, пожалуй, помогу встать-то.

— И сама встану — о-охъ! проговорила старуха, и кряхтя поднялась съ мѣста. — Экой спѣхъ ему какой — портянки кроить!

Африканъ выбралъ самаго толстаго холста и отрѣзалъ четыре аршина.

— А иголки у тебя нѣтъ? спросилъ онъ.

— На что иголку-то?

— Есть у меня, да мнѣ бы потолще.

— Да на что тебѣ?

— Надо.

— Вотъ, иголки у меня захотѣлъ! Тридцать лѣтъ слѣпая — будетъ у меня иголка!

Впрочемъ, иглы Африкана оказались достаточно толстыми, и онъ принялся за работу: выкроилъ изъ холста два мѣшка, и шилъ ихъ съ непривычки цѣлый день, хотя дѣла было за ними всего на какой нибудь часъ, много на полтора часа. За то ужь какже крѣпко сшилъ!

День былъ жаркій, потъ катился крупными каплями по щекамъ и по носу Африкана, пришлось отворить чуланчикъ, чтобы хоть изрѣдка пахнулъ туда вѣтерокъ. Поваръ Гаврила, проходя зачѣмъ-то въ переднюю, остановился въ сѣняхъ, полюбопытствовалъ, что шьетъ нелюдимый Африканъ, и иронически замѣтилъ:

— Ужь не по міру ли идти собираешься — мѣшокъ-то шьешь?

Африканъ промолчалъ.

Когда оба мѣшка были готовы, онъ съ полчаса ворочалъ ихъ, разглаживалъ швы, вытягивалъ; на лицѣ его выражалось довольство собой.

Бережно сложивъ мѣшки въ сундукъ, Африканъ досталъ оттуда небольшой плоскій свертокъ сѣрой бумаги. Тутъ были двѣ красныя и двѣ синія ассигнаціи и нѣсколько серебра. Африканъ взялъ одну изъ синихъ бумажекъ, а свертокъ спряталъ назадъ.

Эту бумажку размѣнялъ онъ на слѣдующій день на базарѣ. Неся оттуда подъ мышкой связку съ покупками, Африканъ постарался избѣжать встрѣчи съ кѣмъ либо изъ домо-

чадцевъ, и какъ только повернулъ домой, заперся въ своемъ чуланчикѣ.

Въ связкѣ заключались, не Богъ знаетъ какія драгоцѣнности: двѣ кожи, нѣсколько крѣпкихъ ремней пальца въ два ширины, шило, двѣ толстыя кривыя иголки, пучокъ бичевокъ, большой складной ножъ и маленькій мѣдный колокольчикъ. Много лавокъ обошелъ Африканъ, прежде чѣмъ отыскалъ колокольчикъ съ такимъ звономъ, какого ему хотѣлось — не громкимъ, вѣжнымъ и даже немного глухимъ.

Опять цѣлый день проработаталъ Африканъ. Прежде всего пришилъ онъ ремни ко вчерашнимъ мѣшкамъ. Когда онъ вздѣлъ ихъ себѣ на плеча, такъ что ремни лежали крестъ на крестъ на спинѣ и на груди, всякой, взглянувъ на него, сдѣлалъ бы предположеніе, высказанное наканунѣ поваромъ. Потомъ выкроилъ Африканъ изъ кожъ два равные четырехугольника, намѣтилъ ихъ по краямъ мѣломъ, и шиломъ навертѣлъ по намѣткамъ дырочки, а изъ дырочекъ продернулъ веревки и стянулъ углы кожи вмѣстѣ. У одной изъ этихъ самодѣльныхъ котомокъ оставилъ онъ въ серединѣ веревочную петельку, а къ другой пришилъ два ремешка съ застежками. Не мало стоило труда пришить къ ремнямъ мѣшковъ мѣдныя пуговицы и пригнать къ нимъ застежки такъ, чтобы котомка крѣпко сидѣла за спиной.

Этимъ, однакожь, хлопоты Африкана не кончились. Онъ долго ходилъ по двору, шарилъ по всѣмъ угламъ, во всѣхъ застѣнкахъ, подъ всѣми заборами и, наконецъ, вытащилъ изъ-за дровъ длинную-длинную палку. Это ужь не колокольчикъ, не шило — утаить было нельзя.

— Кого это вздумалъ учить? спрашивалъ Николай, встрѣтивъ Африкана. — Али въ медвѣжатники идешь?

Петровна, сидѣвшая, по обыкновенію, на крылечкѣ, приподняла вѣко, поглядѣла на сына, на его палку и пробормотала: «Ишь, полоумный!» Африканъ вооружился ножомъ и сѣлъ съ палкой на крыльцѣ дома. Сначала онъ укоротилъ ее, отмѣривъ на ней четвертями сажень, потомъ принялся обстрагивать со всѣхъ сторонъ.

Павелъ, проходя мимо, спросилъ, что̀ это онъ мастеритъ.

— Такъ, отвѣчалъ Африканъ.

— Отъ нечего дѣлать?

— Да.

Гаврила шелъ посидѣть на скамейкѣ за воротами и тоже спросилъ:

— Не въ караульщики ли нанялся?

Настасья, сбѣгая съ крыльца, конечно тоже удостоила своего вниманія работу Африкана.

— На кого это, Африканъ Матвѣичъ? Ужь не насъ ли бить собрались? Батюшки! уйдти скорѣй отъ бѣды.

И она проскользнула, виляя хвостомъ, въ калитку.

Петровна, собравшись воротиться въ избу, открыла глазъ, опять посмотрѣла на сына и сказала:

— И-ишь!

Потомъ, плетясь черезъ сѣни и укладываясь на лежанкѣ, она все повторяла:

— Полоумный, прá, полоумный!

Африканъ не смущался замѣчаніями и продолжалъ свое дѣло. Когда на палкѣ не осталось ни сучка, ни задоринки, онъ унесъ ее въ чуланъ. Тамъ привернулъ онъ къ одному ея концу желѣзное кольцо, а посрединѣ вколотилъ маленькій гвоздикъ, къ которому привязалъ колокольчикъ, предварительно опутавъ ему язычокъ.

Всѣ эти странныя приготовленія происходили въ половинѣ августа. Самаго Кошкодамова не было дома. На него пало какое-то значительное взысканіе, и онъ нашелъ нужнымъ лично похлопотать о сложеніи его въ столицѣ. Изъ прислуги Ларіонъ Васильичъ взялъ съ собою Ваську — кучеренка, какъ ни хотѣлось ему взять Павла. Но тогда не на кого было бы оставить дома: не на Африкана же положиться!

Отъѣздъ барина, само собою разумѣется, не былъ особенно непріятенъ домашней челяди. Николай, проводивъ глазами господскую бричку до перваго поворота, прямо изъ-за воротъ отправился на пустырь, гдѣ къ нему не замедлила присоединиться пріятная компанія. При баринѣ игра въ орлянку производилась осторожно: выбиралось время, когда его дома нѣтъ, или у него гости, или онъ изволитъ отдыхать послѣ обѣда. Ларіонъ Васильичъ справедливо преслѣдовалъ эту забаву, потому что она много разъ оканчивалась рукопашнымъ боемъ. Конечно, слухи о подобныхъ стычкахъ очень рѣдко переходили за предѣлы пустыря; но тѣмъ не менѣе присутствіе за этими предѣлами строгаго барина

нельзя было не считать стѣсненіемъ. Теперь же, когда на душѣ игроковъ не могло явиться ни облачка опасенія, игра велась тамъ съ ранняго утра до вечерней зари. Правда, барыня и барышня не разъ выражали сильное неудовольствіе, когда по два часа не могли дождаться, чтобъ заложили дрожки.... Но — береза не угрова: гдѣ стоитъ, тамъ и шумитъ. Николай и ухомъ не велъ.

Окончивъ возню съ своей палкой, Африканъ вдругъ направилъ шаги къ калиткѣ во глубинѣ двора, которая отворялась на пустырь. Онъ прежде никогда не казалъ туда и носа: понятно, какъ было озадачено веселое общество, предававшееся тамъ обычной забавѣ. Африканъ сдѣлалъ шага два отъ калитки и остановился. Онъ смотрѣлъ на игроковъ неподвижнымъ, но безучастнымъ взоромъ, и по видимому предавался постороннимъ соображеніямъ.

— Что, Африканъ? крикнулъ ему Николай: — не хочешь ли и ты съ нами?

Африканъ покачалъ головой.

— Али поучиться пришолъ? продолжалъ кучеръ, съ невиновѣрною ловкостью пуская подъ облака мѣдный гривенникъ.

Гривенникъ какъ комаръ исчезъ въ вышинѣ. Игроки молча придвинулись къ расчищенной площадкѣ. Тяжело упалъ онъ на землю.

— Орелъ, крикнулъ Николай; потомъ прибавилъ, обращаясь къ Африкану: — учись, братъ, учись! дѣло хорошее, давно бы пора за умъ взяться.

Африканъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, потеръ себѣ широкую переносицу ладонью и удалился.

Онъ возвратился въ свою конуру и сталъ рыться въ сундукѣ: вынулъ оттуда свои толстыя рубашки, полотенца и прочее бѣлье и уложилъ все это въ котомку, которой должно было помѣщаться за плечами. Въ другую помѣстилъ онъ до половины сточенную бритву, оселокъ, кусокъ мыла, нитки, иголки, обрѣзки кожи и холста, ножницы, шило, наперстокъ, буравчикъ, нѣсколько гвоздей, двѣ-три бичевки, старыя голенища, кусокъ подошвенной кожи, сверточекъ съ разнокалиберными пуговицами, и еще нѣсколько предметовъ подобнаго свойства. Книги засунулъ Африканъ въ одинъ изъ мѣшковъ, ассигнаціи спряталъ въ правый сапогъ, между

полошвой и подметкой, а серебро и мѣдь, пересчитавъ, всыпалъ порознь въ кожаной кошелекъ о двухъ отдѣленіяхъ, который привязалъ къ поясу.

Вечеромъ, какъ совсѣмъ смерклось и господа поужинали, Африканъ сидѣлъ на господскомъ крыльцѣ, задумчиво опустивъ голову, и тихо напѣвалъ что-то.

Глафира шла съ фонаремъ на погребъ за квасомъ и окликнула его:

— Иди ужинать, Африканъ Матвѣичъ!

Онъ прошелъ въ избу. Вся дворня была въ сборѣ и сидѣла за столомъ. Павелъ посторонился было, чтобы дать Африкану мѣсто возлѣ себя на лавкѣ, но тотъ проговорилъ:

— Сиди; я не стану. Дай-ка хлѣбца! обратился онъ къ Глафирѣ, ставившей на столъ чашку щей.

— Отрѣжь, вотъ, самъ, отвѣчала она придвигая къ нему коровай и ножикъ.

Африканъ отрѣзалъ изряднаго объема краюху, отсыпалъ въ горсть соли изъ деревянной солонницы и ушелъ изъ избы. Онъ такъ часто ужиналъ подобнымъ образомъ, что и теперь не обратилъ на себя ничьего вниманія. Притомъ всѣ были заняты щами.

Быстро перебѣжалъ онъ черезъ дворъ къ себѣ въ чуланъ, завернулъ соль въ первый попавшійся подъ руку лоскутокъ бумаги и сунулъ ее вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ пустой мѣшокъ; за тѣмъ, боясь потерять и минуту, торопливо забралъ въ охабку обѣ котомки, оба мѣшка, шапку и палку, такъ же скоро пробѣжалъ на пустырь, и сунулъ свою ношу въ кусты лопушника у забора.

Вечеръ былъ темный; надвигались тучи. Африкану нечего было бояться, что его замѣтятъ; но онъ пугливо озирался, сѣлъ въ высокую траву около своихъ мѣшковъ и напряженно прислушивался къ каждому звуку. Съ трехъ сторонъ пустырь былъ окруженъ заборомъ, и только одинъ изъ нихъ ограждалъ жилой дворъ; за двумя другими были огороды; четвертая сторона пустыря оканчивалась крутымъ скатомъ оврага, по ту сторону котораго опять-таки зеленѣли за покосившимся плетнемъ огородныя гряды. По веснамъ въ оврагѣ текла небольшая рѣчка, но ея чуть слышное плесканье въ половинѣ лѣта смолкало, и подъ осень только вѣтеръ шумѣлъ въ оврагѣ густой крапивой. За оврагомъ изрѣдка тяв-

кали, перекликаясь, собаки. На судейскомъ дворѣ прогремѣлъ замо̀къ у погребной двери, застучалъ засовъ у конюшни, кучеръ Николай, отправляясь спать на сѣнницу, зѣвнулъ во весь ротъ, нянька крикнула на одну изъ своихъ дочекъ: «что̀ выскочила, шальная? Пошла, пошла! забыла двухвостку!» Потомъ все мало по малу стихло; только лошади переминались по временамъ въ конюшнѣ, да вздыхала въ хлѣвѣ сонно жующая корова, да изрѣдка вопили, словно грудные дѣти, сладострастные коты.

Африканъ всталъ и началъ вымѣривать пустырь съ угла на уголъ своею палкой. Оказалось, что палка уложилась тутъ съ небольшимъ двадцать-пять разъ.

Онъ заправилъ шаровары въ сапоги, надѣлъ оба мѣшка, прицѣпилъ къ нимъ котомку, другую привязалъ къ желѣзному кольцу на верху палки, потомъ снялъ шапку, трижды перекрестился, и сталъ ходить взадъ и впередъ по вымѣренному пространству, подпираясь своимъ длиннымъ посохомъ, и на поворотахъ считая пройденные концы. На пятидесятомъ поворотѣ онъ пріостановился и развязалъ язычокъ колокольчика.

Колокольчикъ зазвѣнѣлъ и Африканъ опять двинулся. Изрѣдка засовывалъ онъ руку въ мѣшокъ, отламывалъ тамъ кусокъ хлѣба и, посоливъ, жевалъ его.

Началъ было накрапывать дождикъ; но вѣтеръ, шумѣвшій въ травѣ и гнавшій пыль по сухому руслу оврага, скоро разорвалъ тучи и разнесъ ихъ клочья; проглянули звѣзды; взошелъ мѣсяцъ. Хлопая крыльями, запѣлъ пѣтухъ, далеко отозвался ему другой, еще, еще.... Африканъ все ходилъ.

И не прежде отправился онъ на отдыхъ, какъ промѣрилъ пустырь шагами двѣсти разъ.

Идя дворомъ, онъ придерживалъ колокольчикъ, и крался какъ воръ, оглядываясь и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ.

Съ этого дня каждый вечеръ, если только не было дождя, уходилъ Африканъ на пустырь и странствовалъ тамъ взадъ и впередъ, снарядившись по дорожному. Число проходимыхъ имъ концовъ постепенно возрастало, и онъ сталъ наконецъ путешествовать по пустырю до тѣхъ поръ, пока не начинали блѣднѣть звѣзды на свѣтлѣющемъ небѣ.

Такъ прошло около мѣсяца, и — что удивительно — никто въ домѣ не замѣтилъ страннаго поведенія Африкана. Правда, многіе слышали по ночамъ гдѣ-то поблизости заунывный звонъ колокольчика; но никому и въ голову не приходило справляться, гдѣ это и что за звонъ. Раза два даже Олимпіада Васильевна, промучившись безсонницей, говорила утромъ за чаемъ Маров Михайловнѣ:

— Не слыхали вы, сестрица: нынче всю ночь у насъ на дворѣ какъ будто колокольчикъ звенѣлъ?

— Нѣтъ, не слыхала, отвѣчала Мареа Михайловна.

— Я ужь думала, не братецъ ли пріѣхалъ.

Такъ какъ братецъ не пріѣхалъ, о звонѣ больше и не поминали.

Возвращаясь съ ночныхъ прогулокъ своихъ, Африканъ продолжалъ робѣть. Иногда онъ вдругъ останавливался, спотknувшись о тѣнь, и холодъ пробѣгалъ у него по тѣлу; иной разъ словно кто крался за нимъ, сдерживая дыханіе: ужь не Николай ли подсматривалъ? случалось, до слуха его доносился какъ будто сдержанный кашель Гаврилы, потомъ какъ будто шопотъ Настасьи: «Тише, разбойникъ!» Но все это чудилось только пугливому вооображенію Африкана.

Между тѣмъ приближалось время воротиться Ларіону Васильичу. Каждая почтовая тройка, гремѣвшая на улицѣ, заставляла Олимпіаду Васильевну кидаться къ окну и восклицать: «кажется, братецъ!»

Африканъ, смотрѣвшій въ послѣднее время не такъ мрачно (вѣроятно вслѣдствіе благодѣтельнаго моціона), вдругъ что-то опять насупился, и даже не съ прежней ревностью шагалъ по пустырю: нѣсколько разъ уходилъ къ себѣ въ чуланъ, не отсчитавъ и полутораста концовъ.

Однажды, яснымъ, мѣсячнымъ вечеромъ сидѣлъ онъ, противъ обыкновенія, въ прихожей, у отвореннаго окна. Господа ужинали, и онъ съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ прислушивался къ однообразному стуку таре[illegible]окъ, ложекъ и ножей. — Наконецъ загремѣли отодви[illegible] стулья; Митенька такъ чмокнулъ маменькину р[illegible]но погонялъ лошадь. Въ столовой остался тол[illegible] и прибиралъ къ мѣсту посуду. [illegible] онъ [illegible]етъ, и вошелъ въ переднюю.

— Ты здѣсь? спросилъ не безъ удивленія Павелъ;—развѣ холодно въ чуланѣ? Неси постель-то!

— Нѣтъ, я тамъ, отвѣчалъ Африканъ.

— Тамъ, такъ тамъ, замѣтилъ Павелъ, и принялся устроивать себѣ постель на конникѣ.

— Разошлись? спросилъ, помолчавъ, Африканъ.

— Кто?

— Господа.

— Разошлись: у барышни голова болитъ.

— А барыня легла?

— Нѣтъ еще; кажись, Богу молится.

Африканъ всталъ.

— Ты куда? спросилъ Павелъ, видя, что онъ берется за ручку зальной двери.

— Къ барынѣ, отвѣчалъ Африканъ.

— Чтò ты!

— А чтò?

— Да зачѣмъ?

— Надо.

Павелъ даже оробѣлъ.

— Что ты, Африканъ? ночью-то?... Да зачѣмъ это? Испугаешь только.

— Не испугаю.

Онъ отворилъ дверь и пошелъ. Павелъ тревожно слѣдилъ за нимъ глазами изъ прихожей. Какъ ни хорошо зналъ онъ, что Африканъ изъ всей судейской семьи питаетъ уваженіе едва ли не къ одной Марѳѣ Михайловнѣ, все же ни какъ не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго страха: совсѣмъ вѣдь человѣкъ-то сумасшедшій; кто знаетъ, что забрело ему въ голову.

Африканъ прошелъ столовую, прошелъ гостиную, гдѣ только узкой, чуть замѣтной полоской обозначалась дверь спальни. Онъ остановился у двери. Стѣна супротивъ оконъ была вся какъ облита двумя широкими полосами луннаго свѣта. Недавно покрытое лакомъ круглое лицо дѣда госпожи Кошкодамовой лоснилось на мѣсяцѣ и какъ будто насмѣшливо улыбалось.

Тихо взялся Африканъ за костылекъ двери и тихо отворилъ ее. Барыня точно еще не спала. Въ переднемъ углу теплилась лампадка, и ярко горѣли въ ея спокойномъ свѣтѣ

вызолоченыя ризы и вѣнчики темныхъ иконъ въ кіотѣ. Мареа Михайловна начала было молиться; но заслышавъ шаги въ гостиной, встревожилась и поворотилась къ двери. Когда дверь подалась впередъ, она оперлась о спинку ближайшаго кресла, чтобы не упасть со страха. Когда же глаза ея встрѣтились съ косымъ взглядомъ Африкана, изъ груди ея вырвался такой же слабый и глухой вопль, какой издаетъ ночью курица, разбуженная на своей насѣсти неожиданнымъ шорохомъ шаговъ.

— Не бойтесь, сударыня!... проговорилъ Африканъ, сообщая голосу своему возможную мягкость.

Мареа Михайловна въ изнеможеніи опустилась въ кресла, и руки повисли у нея по сторонамъ; но только что Африканъ сдѣлалъ шагъ впередъ, она вытянула ихъ, словно обороняясь, передъ собой и едва смогла проговорить дрожащимъ голосомъ:

— Что́ тебѣ? что тебѣ?

Африканъ упалъ передъ нею разомъ на оба колѣна, такъ тяжело, что она вся вздрогнула, какъ отъ выстрѣла; на окнахъ заколебались занавѣски, и лампадка закачалась у кіота.

— Что̀ тебѣ? повторила Мареа Михайловна, боясь взглянуть на блѣдное и хмурое лицо лакея.

— Мареа Михайловна! заговорилъ Африканъ: — заставьте за себя вѣчно Богу молить!

Онъ поклонился въ ноги.

— Что́ тебѣ? что так....

Голосъ у Мареы Михайловны рвался.

— Отпустите меня отъ себя, Мареа Михайловна!

Она раза три глубоко вздохнула, какъ бы зачерпывая силы въ воздухѣ, и едва внятно произнесла:

— На волю?

Африканъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — отпустите на благое дѣло....

Мареа Михайловна потихоньку двигалась назадъ со своимъ кресломъ: ей было очень страшно вблизи Африкана, особенно отъ его неподвижнаго косаго взгляда, устремленнаго на нее.

— Встань! пролепетала она черезъ силу.

— Не встану, Мареа Михайловна! возразилъ Африканъ, придвигаясь къ ней на колѣняхъ; — въ ногахъ у васъ буду валяться, какъ собака! Отпустите!

Мароа Михайловна открыла ротъ и поперхнулась словомъ: «куда?»

— Давно ночей не сплю. Ко святымъ мѣстамъ мое желаніе — ко гробу Господню — въ Ерусалимъ.

Охъ, эти косые глаза! Мароа Михайловна совсѣмъ потеряла сознаніе. Она говорила, какъ автоматъ.

— Погоди — пріѣдетъ Ларіонъ Васильичъ....

— Отъ васъ все зависитъ, Мароа Михайловна, перебилъ Африканъ: — я вашъ, а не Ларіона Васильича.

— Я скажу.... Онъ пріѣдетъ....

— Заставьте за васъ Бога молить, повторилъ онъ, не слушая и снова кланяясь до полу: — вся моя надежда на васъ.

— Онъ пріѣдетъ.... надежда.... лепетала несчастная Мароа Михайловна.

— Будущей весной и попутчикъ можетъ быть будетъ.

— Весной.... будетъ.... повторила она.

— По крайности, мучиться теперь я не стану. Сказалъ вамъ, Мароа Михайловна, всю свою душу.

Мароа Михайловна сдѣлала послѣднее усиліе и заговорила торопливо, словно боясь, что вотъ-вотъ языкъ у нея отнимется:

— Хорошо, хорошо.... встань, ступай! Какъ пріѣдетъ Ларіонъ Васильичъ.... встань, иди себѣ!

Африканъ еще разъ поклонился, потомъ всталъ, и выпрямился.

— Ужь я буду на васъ въ надеждѣ, Мароа Михайловна, сказалъ онъ, задомъ двигаясь къ двери: — не оставьте!

Только когда звуки шаговъ его затерялись въ прихожей, перевела духъ Мароа Михайловна и могла позвонить. Заспанная Настасья должна была вылить чуть не полсклянки одеколона на темя барыни, обтереть всю ее виномъ съ уксусомъ и укутать въ теплое одѣяло: барыню била лихорадка.

Олимпіада Васильевна, узнавъ по утру о вчерашнемъ происшествіи, близко приняла его къ сердцу, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Грудь дѣвицы колебалась и лава самыхъ пламенныхъ выраженій полилась изъ кратера ея устъ.

Мароа Михайловна приняла, однакожь, сторону Африкана, и Олимпіада Васильевна сердито отрѣзала разговоръ съ ней такою сентенціей:

— При подобномъ баловствѣ скоро просто житья не будетъ.

Дѣвица ушла, такъ хлопнувъ дверью, что отъ карниза отвалился кусокъ штукатурки, и до обѣда не показывала носу изъ своей комнаты. Она считала себя обиженною.

Пріѣхалъ Ларіонъ Васильичъ. Въ числѣ сообщенныхъ ему новостей по дому одной изъ первыхъ было, разумѣется, извѣстіе о поступкѣ Африкана. Олимпіада Васильевна, передавшая его братцу со всѣмъ краснорѣчіемъ, на какое только была способна, никакъ не ожидала, что братецъ выслушаетъ ее такъ хладнокровно.

— Я всегда говорилъ, что онъ круглый дуракъ, сказалъ Ларіонъ Васильичъ: — а дурака, да горбатаго, одна могила исправитъ.

— Помилуйте, братецъ! воскликнула сестрица: — неужели вы оставите безъ наказанія подобный пассажъ?

— Ну, матушка, ты все преувеличиваешь! Сдѣлаю выговоръ—и конецъ концовъ! Пусть его ждетъ весны! а тамъ у меня на него свои виды....

Наступила зима, и почти вся прошла безъ особенныхъ происшествій для Африкана. Онъ жилъ, какъ жилъ прежде; только съ первымъ снѣгомъ ночныя странствія его по пустырю прекратились.

Въ началѣ великаго поста пріѣхалъ изъ барыниной вотчины крестьянинъ Яковъ съ дочерью Палагеей, дѣвкой лѣтъ семнадцати, полной, краснощекой, красивой. Палагею выписали какъ невѣсту Павлу, который еще въ прошломъ году, будучи съ бариномъ въ деревнѣ, просилъ господскаго позволенія взять ее за себя.

Палагея, переодѣвшись изъ деревенскаго сарафана въ платье, и причесавъ свѣтло-русую косу по городскому, обратила на себя всеобщее вниманіе—и даже (кто бы могъ подумать!) вниманіе Африкана, который отличался совершеннымъ равнодушіемъ, почти презрѣніемъ ко всему женскому полу.

— Какимъ вы нынче франтомъ, Африканъ Матвѣичъ! лукаво замѣчала Настасья, оглядывая его съ головы до ногъ.

Онъ не отвѣчалъ; но въ душѣ сознавалъ справедливость замѣчанія: у него, точно, начали являться поползновенія къ щегольству, которое прежде онъ ненавидѣлъ. Теперь у него

красовалась на груди бѣлая манишка, шея была повязана пестренькимъ платкомъ, сюртукъ застегнутъ только на нижнюю пуговицу; даже волосы были примаслены и грибъ на верхушкѣ не такъ торчалъ и височки направлялись къ глазамъ.

— Ты одинъ, что ли, поѣшь, Матвѣичъ? спрашивала Глафира за часъ до общаго обѣда.

— Нѣтъ, со всѣми, отвѣчалъ Африканъ.

И онъ обѣдалъ и ужиналъ за общимъ столомъ, что прежде, какъ извѣстно, случалось очень рѣдко.

Впрочемъ, сближеніе было только наружное. Африканъ такъ же мрачно смотрѣлъ, такъ же молчалъ, такъ же рѣзко и отрывисто отвѣчалъ на обращаемые къ нему изрѣдка вопросы. Палагея скоро познакомилась со всѣми дворовыми; но съ Африканомъ не говорила ни слова. Да и трудно было: онъ разговора не начиналъ (не дѣвкѣ же начинать первой!); притомъ же и глядѣлъ такъ странно.... Палагея начала даже чувствовать какую-то неловкость въ его присутствіи.

Разъ какъ-то поутру (это случилось недѣли черезъ полторы послѣ ея пріѣзда), она катала въ избѣ свое бѣлье. Африканъ видѣлъ, какъ она прошла туда съ валькомъ и скалкой, и тотчасъ же послѣдовалъ за ней. Въ избѣ сѣлъ онъ у окна, неподалеку отъ дѣвки; но чтобы не подать повода къ подозрѣнію, взялъ лучинку и сталъ щепать ее.

— На что̀ это тебѣ лучинки-то? спросила Глафира.

— На свѣтильни къ лампадкѣ, отвѣчалъ онъ.

Лучина кололась и ломалась, и не выходило изъ нея ни одной свѣтильни. Африканъ не сводилъ съ дѣвки глазъ. Палагея чувствовала его взглядъ и торопилась кончить свое дѣло; но отъ поспѣшности оно, какъ водится, вовсе не спорилось. Щеки у нея раскраснѣлись, на вискахъ дрожали капли пота, полныя плечи такъ и дышали подъ маленькой косынкой, завязанной у горла.

Въ первый разъ въ жизни кружилась у Африкана голова отъ взгляда на женщину.

Глафирѣ понадобилось зачѣмъ-то на погребъ.

Едва затворилась за нею дверь, Африканъ выпрямился на скамейкѣ, бросилъ на окно ножъ и лучину, и сказалъ:

— Палагея Якльна!

Дѣвка подняла на него свѣтлые глаза и не безъ робости спросила:

— Чтò?

Африканъ не выдержалъ — вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ Палагеѣ, и она вскрикнула ужь у него въ объятіяхъ. Онъ весь дрожалъ и не отрывалъ губъ отъ ея вспыхнувшаго плеча.

Насилу высвободилась она изъ его крѣпкихъ рукъ, со слезами на глазахъ убѣжала въ дѣвичью, и ни за чтò на свѣтѣ не хотѣла возвращаться въ избу.

Съ этой минуты Палагеѣ нельзя было шагу сдѣлать одной. Африканъ караулилъ ее, и она дрожала какъ листъ, встрѣчаясь съ нимъ.

Сначала за нее вступился женихъ. Впрочемъ, не очень-то полагаясь на миролюбивые наклонности Африкана, онъ ограничился очень кроткимъ замѣчаніемъ. Африканъ только искоса усмѣхнулся, и отошелъ прочь.

Отецъ Палагеи, оставшійся въ городѣ до ея свадьбы, такъ же кротко говорилъ ему:

— Какъ тебѣ не грѣхъ приставать къ дѣвкѣ, Африканъ Матвѣичъ? Словно и не знамо тебѣ, что сговорена дѣвка.

Африканъ и ему отвѣчалъ только усмѣшкой.

Изъ дѣвичьей слухи о поведеніи Африкана въ послѣднее время не замедлили дойти до свѣдѣнія Олимпіады Васильевны.

— Помилуйте, братецъ! чтò же это такое? говорила она Ларіону Васильичу: — онъ просто проходу не даетъ дѣвкѣ; та совсѣмъ осовѣла со страху.... Признаюсь, и есть отъ чего! Онъ ужь совсѣмъ, кажется, сталъ съ ума сходить. И прежде глаза были какіе-то дурацкіе — соловые, а теперь просто какъ у разбойника. Этакъ онъ, чего добраго, въ одно прекрасное утро и меня облапитъ, либо Марѳу Михайловну. На него посмотрѣть страшно.

— Ужь ты выдумаешь! сказалъ Ларіонъ Васильичъ: — тебя облапитъ!... Что же мнѣ съ нимъ дѣлать-то?

— Кажется, и спрашивать объ этомъ нечего.

— Завтра у насъ вербное, продолжалъ братецъ: — не наказывать же его! А тамъ, на страстной, говѣть онъ будетъ — угомонится. Послѣ святой Павла обвѣнчаемъ — и конецъ концовъ! Ужь тогда, небось, не посмѣетъ приставать.

— У насъ нынче въ домѣ какой-то шемякинъ судъ! произнесла съ усмѣшкой Олимпіада Васильевна, удаляясь отъ братца.

На страстной Африканъ, точно, говѣлъ, строго содержалъ постъ и съ первымъ ударомъ колокола отправлялся въ церковь.

На святой за Митенькой не углядѣли, и онъ такъ напичкался яйцами, куличами, ветчиной и прочими пасхальными снѣдями, что у него чуть не сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ. Родители и тетенька были въ отчаяніи; но къ концу недѣли онъ сталъ поправляться.... Тутъ вспомнили и о Палагеѣ. Оказалось, что на святой Африканъ велъ себя относительно ея примѣрно.

Ларіонъ Васильичъ самъ назначилъ день свадьбы. Ей предшествовали, разумѣется, сговоръ и дѣвишникъ съ приличными пѣснями и угощеньями. Африканъ и глазъ не казалъ въ избу.

Но въ день вѣнчанья онъ пошелъ въ церковь. Иванъ Аѳиногенычъ, явившійся тоже, видѣлся съ Африканомъ недавно; но былъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣной въ эти два-три дня. Въ лицѣ у него не было ни кровинки, скулы выдались, глаза ушли еще глубже подъ брови и глядѣли тупо.

Почти во все продолженіе обряда Африканъ смотрѣлъ, не отворачиваясь ни на минутку, на невѣсту, и пѣлъ такъ глухо, что даже слабенькій голосишка Ивана Аѳиногеныча былъ слышнѣе его баса; а «Исаія ликуй» пропѣлъ и вовсе одинъ старикъ. Африканъ отошелъ къ окну — закашлялся.

Мраченъ воротился онъ домой, и заперся въ чуланѣ.

Въ избѣ началась пирушка. Кстати, ни барина, ни сестрицы его не было дома: уѣхали на именины къ городничихѣ; только Марѳа Михайловна не могла разстаться со своимъ еще несовсѣмъ здоровымъ дѣтищемъ.

Какъ совсѣмъ смерклось, Африканъ вышелъ на крыльцо. Окна избы сіяли: шумная бесѣда прерывалась тамъ только звуками балалайки или гармоніи, или же свадебной пѣсней. Наконецъ и скрыпка послышалась; Матвѣй, разумѣется, не пропустилъ случая выпить ради такого торжества, и ожесточенно напиливалъ цыганскую. По освѣщеннымъ окнамъ за-

мелькали фигуры разбитной Настасьи и бойко-встряхивавшаго кудрями Гаврилы.

Скорбная улыбка не сходила съ лица Африкана.

Постоявъ на крыльцѣ, пошелъ онъ въ комнаты. Въ залѣ не было огня; но Марѳа Михайловна сидѣла у окна и смотрѣла на улицу.

Тяжелыя шаги заставили ее оборотиться. Африканъ стоялъ ужь передъ нею на колѣнахъ.

— Марѳа Михайловна! началъ онъ глухимъ и прерывающимся голосомъ: — отпустите меня.... Не могу жить въ вашемъ домѣ.... нѣтъ моей мочи.... отпустите.... А не хотите отпустить.... въ солдаты отдайте.... только не могу я у васъ въ домѣ жить....

Марѳа Михайловна не совсѣмъ твердо проговорила:

— Хорошо, Африканъ! хорошо. Встань! завтра я....

— Куда хотите.... продолжалъ онъ еще глуше и прерывистѣе: — ваша воля.... только бы мнѣ.... не жить мнѣ.... въ домѣ у васъ.

— Ладно, ладно, Африканъ; встань! повторила Марѳа Михайловна: — успокойся! Я тебѣ говорю, завтра....

Африканъ всталъ и молча удалился.

Онъ опять вышелъ на крыльцо. Матвѣй видно еще выпилъ — заигралъ «лучинушку».... и какъ заигралъ-то!... Не струны рѣжетъ смычкомъ, а сердце сыну. У Африкана потемнѣло въ глазахъ, и онъ машинально пошелъ въ избу.

— Давно бы такъ! весело вскричалъ Николай, встрѣчая его.

— Вотъ спасибо, Африканъ, сказалъ Павелъ: — не поспѣсивился.

— Свахынька, поднеси-ка! крикнулъ Гаврила: — молодыхъ поздравить!

Глафира подала Африкану стаканъ на подносѣ. Отказаться ему не позволили, хотя онъ никогда не бралъ въ ротъ никакого вина.

— Не обижай молодыхъ! закричали всѣ чуть не въ одинъ голосъ.

Африканъ взялъ стаканъ и подошелъ къ столу въ красномъ углу. Подъ самыми образами сидѣла Палагея. Голова у нея была повязана розовымъ атласнымъ платкомъ; платье на ней было бѣлое, подвѣнечное.... красавица-красавицей.

Африканъ пробормоталъ какое-то поздравленіе и выпилъ залпомъ стаканъ сладкой водки. Съ непривычки у него зашумѣло въ головѣ; а Глафира стояла уже передъ нимъ съ другимъ стаканомъ, и говорила:

— Милости прошу, Африканъ Матвѣичъ — батюшку поздравить.

Онъ ужъ не отговаривался и съ какимъ-то ожесточеніемъ выпилъ и этотъ стаканъ.

Между тѣмъ Николай, вооружась балалайкой, подошелъ къ гостьѣ, сосѣдской горничной, и пригласилъ ее:

— Ну-ка, Евлампія Ивановна, пройдемтесь козачкà.

— Мѣсто дай, мѣсто! раздалось нѣсколько голосовъ.

Всѣ разступились; Николай заколотилъ всей пятерней по балалайкѣ, запѣлъ:

«Трà-дри-ки, козачокъ,
Трà-дри-ки, молодой,
Корóтеньки ножки,
Крàсненьки сапожки!»

и пошелъ выплетать ногами кружева передъ своей дамой, жеманно охорашивавшей себѣ плечи.

Чтò было дальше — Африканъ не помнилъ: не помнилъ, чтò плясали еще, за чье здоровье онъ еще пилъ и много ли всего выпилъ, не помнилъ и того, какъ очутился въ своемъ чуланѣ.

Сильно болѣла у него голова, когда разбудилъ его Никитка и позвалъ къ барину. Африканъ спалъ не раздѣвшись — какъ былъ вчера вечеромъ, въ сюртукѣ. Онъ провелъ только ладонью по головѣ, протеръ кулаками ломившіе глаза, и пошелъ въ кабинетъ Ларіона Васильича.

— Ну братъ, началъ баринъ кроткимъ, но важнымъ тономъ: — мы съ Марѳой Михайловной согласны исполнить твое желаніе.... Изволь снаряжаться!

Онъ слегка кашлянулъ, какъ бы желая придать голосу своему еще болѣе торжественности.

— Яковъ послѣ завтра отправится въ деревню; съ нимъ *ты и доѣдешь* до губернскаго города. Я тебѣ дамъ письмо *къ племяннику*: у него пристанешь; онъ тебя и въ рекрутское присутствіе представитъ.

Африканъ молчалъ; да и что было ему говорить? Баринъ, въ самомъ дѣлѣ, исполнялъ его желаніе.

— Я все сказалъ, можешь идти, добавилъ баринъ.

Африканъ вышелъ понуривъ голову.

Сборы были не долги.

На другой день утромъ Африканъ отслужилъ за обѣдней молебенъ Іоанну Воину, а вечеромъ молчаливо простился съ господами — поцаловалъ руки у всѣхъ, отъ Ларіона Васильича до Митеньки. Господа не оставили его безъ наставленія и награды. Особенно краснорѣчива была Олимпіада Васильевна и выказала большое сочувствіе къ нему, хотя подъ конецъ замѣтила таки, что цѣлковаго, который она даетъ ему на дорогу, онъ, по правдѣ сказать, вовсе не заслужилъ. Мареа Михайловна дала Африкану синенькую, Ларіонъ Васильичъ красненькую.

На разсвѣтѣ были уже отворены ворота кошкодамовскаго дома, и у избнаго крыльца стояла телега, запряженная толстоногой, мухортой деревенской кобыленкой. Африканъ въ армячинномъ кафтанѣ, перетянутомъ ремнемъ, положилъ въ телѣгу свое имущество; далеко торчалъ изъ нея его длинный посохъ.

Всѣ еще спали въ домѣ; только Матвѣй со старухой поднялись и плакали на взрыдъ, да всталъ Павелъ съ женой — проводить тестя.

Африканъ помолился, трижды поклонился въ ноги родителямъ и сначала Матвѣй, потомъ Петровна благословили его маленькимъ образкомъ. Поцаловавшись съ ними и спрятавъ образокъ за пазуху, онъ подошелъ къ Павлу, и тоже поклонился ему въ ноги.

— Прости меня, Павелъ Степанычъ, коли чѣмъ я тебя обидѣлъ. — Чай, свидѣться Богъ не приведетъ.

— Ты меня прости, Африканъ Матвѣичъ, отвѣчалъ Павелъ, цалуясь съ нимъ: — а тебя Богъ проститъ, Дай тебѣ Господи всякаго благополучія!

Палагея, облобызавшись съ отцомъ, всхлипывала.

И ей Африканъ поклонился въ ноги, и ее просилъ простить его, и ее поцаловалъ. Когда губы его прикоснулись къ горячимъ и дрожащимъ отъ плача губамъ Палагеи, крупная слеза выкатилась у него изъ праваго глаза.

— Ну, съ Богомъ! сказалъ Яковъ.

Всѣ вышли.

Яковъ сѣлъ на возъ, Африканъ безъ шапки, крестясь, пошелъ за телегой. Громко вопила Петровна, и ничего не видала отъ слезъ, какъ ни подымала себѣ вѣко.

— Дай вамъ Господь счастливаго пути! говорилъ въ воротахъ Павелъ.

На поворотѣ въ другую улицу Африканъ остановился и оглянулся назадъ. Всѣ еще стояли у воротъ. Матвѣй махалъ шапкой, Петровну держалъ за плечи Павелъ: она раскачивалась въ обѣ стороны и вопли ея доносились еще до ушей сына, Пелагея обтирала глаза бѣлымъ платкомъ. Африканъ снялъ шапку и низко-низко поклонился барскому дому.

Только его и видѣли.

Ужь отойдя версты три отъ города, вспомнилъ онъ, что вчера собирался зайдти по дорогѣ къ Ивану Аѳиногенычу и попросить его напутственнаго благословенія. Когда городъ совсѣмъ пропалъ изъ виду, Африканъ досталъ изъ телеги два свои [illegible] и котомку, и вздѣлъ ихъ на себя; потомъ взялъ палку, прицѣпилъ къ ней другую котомку, и понесъ съ нею. Колокольчикъ тихо зазвенѣлъ.

И шелъ онъ равнинами и лугами, хвоями и пашнями, рощами и перелѣсками, деревнями и селами, торными дорогами и проселками. День былъ жаркій, какъ въ іюлѣ; потъ лилъ съ лица Африкана.

— Что не сядешь? спросилъ его Яковъ.

— Пойду, отвѣчалъ онъ, — и шелъ до самаго привала....

Это была маленькая деревушка — всего дворахъ о десяти. Половина избъ, крытыхъ соломой, покосились; половина оконъ были залѣплены вмѣсто стеколъ пузыремъ; мелкая рѣчонка чуть бѣжала подъ устланнымъ валежникомъ мостомъ.

Деревня смотрѣла уныло и бѣдно; ни одна собака не тявкнула на проѣзжихъ.

Яковъ поворотилъ къ знакомой избѣ. Африканъ сѣлъ на завалинкѣ, въ тѣни, снялъ шапку, перекрестился, и сталъ обѣдать чернымъ хлѣбомъ съ солью.

Съ другаго конца деревни послышалось однообразное и заунывное пѣніе нѣсколькихъ голосовъ: словно хоронили кого. Африканъ посмотрѣлъ. У крайней избы стояло трое

нищихъ, стариковъ-слѣпцовъ въ жалкихъ лохмотьяхъ, съ большими мѣшками у пояса. Спутница ихъ, маленькая дѣвочка, просила Христа-ради подъ окошкомъ; ей подали краюшку чорнаго хлѣба, и слѣпцы запѣли.... Молили они у Бога милости доброхотному дателю, молили ему покрова Пресвятой Богородицы отъ бѣдъ и напастей, отъ скорбей и болѣзней, и не только ему молили, но и всему роду его и поколѣнію — всѣмъ близкимъ и дальнимъ роднымъ его — гдѣ бы они ни были, и въ темницу заключеннымъ, и на войнѣ полоненнымъ, и въ чужую землю завезеннымъ....

Изъ каждой избы подавали слѣпцамъ или хлѣба, или молока, или копеечку, и послѣ каждаго подаянія слѣпцы затягивали свою пѣснь.

Наконецъ подошли они и къ завалинкѣ, на которой сидѣлъ Африканъ.

Онъ всталъ, и спросилъ:

— Издалёка ли, странники праведные?

— Издалèча-неиздалèча, родимый, отвѣчалъ одинъ изъ нищихъ: — а другой мѣсяцъ идемъ.

— А далеко ли?

— Да кàкъ Господь Богъ сподобитъ! Охота бы къ осени-то въ Кіевъ быть — угодникамъ Божьимъ, чудотворцамъ поклониться.

Африканъ развязалъ свой кошелекъ, вынулъ цѣлковый, подаренный Олимпіадой Васильевной, и, подавая его нищимъ, грустно проговорилъ:

— Помолитесь у святыхъ мощей о многогрѣшномъ рабѣ Божіемъ Африканѣ!

— Спаси тебя Господи, помилуй Мать Пресвятая Богородица! сказали слѣпцы.

И запѣли....

Только подъ вечеръ отдохнула лошадка. Солнце было уже на закатѣ, когда заскрипѣли опять колеса телеги Якова, и позади ея зазвенѣлъ колокольчикъ Африкана.

Дорога шла молодымъ сосновымъ лѣсомъ. Березы только что одѣлись свѣжей, лоснящейся листвой, темная зелень сосенъ была вся усыпана едва завязавшимися почками молодыхъ побѣговъ. Сквозь прямые стволы ихъ проглядывала вдали жолтая заря. Надъ нею громоздились, синѣя, густыя облака, снизу просвѣчивавшія какъ янтарь, а сверху покры-

тыя бѣлыми слоями — словно снѣжныя горы надъ широкой рѣкой, окрашенной золотомъ заката. Но заря погорѣла; тѣни ложились между деревьями; съ болотъ, вдававшихся въ лѣсъ, повѣяло сыростью....

Вотъ и совсѣмъ стемнѣло. Все затихало — и жужжанье насѣкомыхъ, и пѣнье птицъ, и даже самое гуденье сосновыхъ вершинъ.... Только кукушка жалобно стонала; но и у той голосъ по временамъ какъ-то замиралъ, словно ей захватывало горло.... «Ку-ку, ку-ку»; потомъ вдругъ «ку» — и оборвется. Скрыпъ колесъ сталъ рѣзче посреди всеобщаго смолканья; громче хрустѣла подъ ногой сухая вѣтка.

Африканъ глубоко вдохнулъ въ себя влажную свѣжесть ночнаго лѣса, поправилъ шапку и тихо запѣлъ: «Житейское мо-о-ре....»

Голосъ у него дрогнулъ; онъ не допѣлъ.

«А!» отдалось только гдѣ-то въ лѣсу.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

СЕРЕЖА.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ воспоминаній армейскаго офицера.)

Когда я смотрю на разряженныхъ дѣтей, бѣгающихъ по аллеямъ Лѣтняго сада, — на дѣтей розовыхъ, завитыхъ, ласкаемыхъ и балуемыхъ, на память мнѣ приходитъ одинъ давнымъ давно видѣнный мною ребенокъ. Воспоминанія о немъ, не смотря на много прошедшихъ лѣтъ, до сихъ поръ свѣжи въ моей памяти, и эти-то воспоминанія я хочу передать читателю.

Въ тысяча восемсотъ двадцатыхъ годахъ я былъ выпущенъ въ офицеры въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, который въ то время стоялъ въ мѣстечкѣ Минской губерніи. — Пріѣхавъ туда, я явился начальству и въ первый же день познакомился съ двумя-тремя офицерами, изъ которыхъ одинъ оказался даже бывшимъ когда-то моимъ корпуснымъ ефрейторомъ. Прежній начальникъ мой затащилъ меня къ себѣ обѣдать и посреди разсказовъ, разговоровъ и воспоминаній время проходило совершенно незамѣтно. Былъ уже часъ одиннадцатый вечера, когда хозяинъ, перечисляя лица живущія въ мѣстечкѣ, — вдругъ вздумалъ пригласить меня сейчасъ же отправиться съ нимъ къ какому-то помѣщику. Я

было началъ отнѣкиваться, говоря, что неловко для перваго раза явиться въ такое время; но старый товарищъ настаивалъ, увѣряя, что у нихъ идти въ гости никогда не поздно, что хозяинъ отличнѣйшій человѣкъ и пр. и пр. Я согласился. Черезъ десять минутъ мы были у помѣщика, гдѣ застали нѣсколько господъ статскихъ и военныхъ. Одни изъ нихъ играли въ карты, другіе бесѣдовали, какъ послѣ оказалось, въ ожиданіи партіи. Хозяинъ принялъ меня радушно, какъ стараго знакомаго, предложилъ мнѣ играть, но получивъ отказъ, указалъ собесѣдникамъ на моего спутника и, извиняясь, сѣлъ за карты. Къ одному столу скоро прибылъ другой: играли всѣ кромѣ меня и аудитора, который сидѣлъ на диванѣ, посасывалъ трубку и внимательно смотрѣлъ на играющихъ. Я послѣдовалъ его примѣру. Квитскій (фамилія хозяина) занималъ двѣ маленькія, низенькія, закопченныя комнатки, которыя были убраны самою разнокалиберною и притомъ ветхою мебелью.

Въ комнатахъ было накурено ужасно; свѣчи едва мерцали въ густыхъ облакахъ табачнаго дыма и съ трудомъ позволяли разсматривать играющихъ. Между ними были уже далеко не молодые, были и очень еще молодые. Одни сидѣли въ сюртукахъ, другіе безъ сюртуковъ, двое было въ венгеркахъ, а самъ хозяинъ просто въ халатѣ. Игра была небольшая, но жаркая. Отрывистыя фразы, постукиванье объ столъ руками при ходахъ, вспыхивавшіе порой споры и мурлыканье какой-то пѣсни сливалось въ одинъ общій гулъ. Я сначала внимательно разсматривалъ моихъ новыхъ знакомыхъ, но скоро занятія эти были прерваны. Вниманіе мое отвлекло что-то сѣроватое, лежавшее на диванѣ позади одного изъ играющихъ, человѣка лѣтъ подъ сорокъ съ густыми черными усами и такими же волосами на головѣ, въ поношенной венгеркѣ мелко расшитой снурками. Сначала я думалъ, что это лежитъ въ кучѣ чей нибудь халатъ или шинель, но вдругъ увидѣлъ, что халатъ этотъ или шинель приходитъ въ легкое движеніе.

— Что это тамъ на диванѣ, — спитъ кто-то? спросилъ я моего сосѣда аудитора.

— А, это Сережа! равнодушно отвѣтилъ аудиторъ....

— Кто это такой Сережа?

— Да сынъ Ивана Максимыча; вонъ что сидитъ въ венгеркѣ, сказалъ мой собесѣдникъ, указывая на гостя съ густыми черными волосами....

— Вѣрно помѣщикъ?

— Есть у него въ губерніи маленькая деревнюшка; да здѣсь-то онъ живетъ не потому. Онъ въ нашемъ полку прежде служилъ. Послѣ смерти жены вышелъ въ отставку, а разстаться съ старыми товарищами трудно; вотъ и живетъ съ нами.

— Что же онъ не пошлетъ сына домой? Вѣдь здѣсь ему и не уснуть: — и шумъ такой, да и душно.

— Привыкъ!.... всегда такъ.... каждый день гдѣ нибудь на вечеринкѣ....

Аудиторъ, кажется, хотѣлъ что-то продолжать, но былъ прерванъ сильнымъ взрывомъ хохота, которымъ разразился Иванъ Максимычъ:

— Браво! брависсимо! наша взяла!.... вотъ оно что называется обррработали, говорилъ онъ, быстро ходя картами, при чемъ сильно стучалъ по столу....

— Везетъ вамъ сегодня, раздалось нѣсколько голосовъ....

— И на нашей улицѣ праздникъ бываетъ, не все будни.... Такъ ли, такъ ли Сережка, а? продолжалъ онъ всякій разъ по окончаніи игры, обращаясь къ сыну и теребя его за ногу или заголову.... — Водочки бы теперь, Степанъ Анисимычъ, водочки, говорилъ Иванъ Максимычъ, обращаясь къ хозяину, а пока вотъ Сережка пѣсню споетъ. Ну Сережка, вставай, полно валяться!

— Опять, проворчалъ аудиторъ и началъ сильнѣе сосать чубукъ.

Между тѣмъ Сережа вскочилъ съ дивана. Мальчику было лѣтъ около пяти. Худощавое личико его было блѣдно и будто утомлено, глаза красны, свѣтлые волосы коротко обстрижены. Сѣренькій изношенный халатикъ, перетянутый бичевочкой на поясѣ, и высокіе худенькіе сапожки составляли его нарядъ....

— Ну, валяй Сережка, валяй! кричалъ отецъ: —слушайте, господа продолжалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ....

— Какую папа? спросилъ ребенокъ.

— Любимую, слышь любимую, что я тебя самъ выучилъ....

Сережа выпрямился, онъ щурился, потому что ему со сна было больно смотрѣть на свѣтъ и запищалъ тоненькимъ голоскомъ:

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ
Вдоль по широкой удалой идетъ

— Ой жги! жги! говори! подхватилъ отецъ, сильно пощелкивая пальцами....

— Ой сги! сги!.... продолжалъ ребенокъ, притопывая ножкой и тоже силясь пощелкивать пальцами....

— Браво! браво! молодецъ Сережа! — послышалось нѣсколько голосовъ....

— Ужь я вамъ говорю, онъ у меня — то есть! Ну, валяй, валяй, продолжалъ Иванъ Максимычъ.

Сережа продолжалъ пѣсню и спѣлъ ее до конца....

— Ну-ко «Ужь какъ вѣетъ, вѣетъ» оно и кстати тутъ къ водкѣ-то, говорилъ отецъ....

Ужь какъ вѣетъ вѣтерокъ
Изъ трактира въ погребокъ

запѣлъ Сережа, уже совершенно разгулявшійся отъ сна....

Пѣсня эта имѣла успѣхъ еще бо́льшій нежели первая: каждый, кто былъ близко Сережи, считалъ своею обязанностью погладить его — кто по головкѣ, а кто и просто по лицу.... Сережа, какъ всѣ дѣти въ такомъ возрастѣ, былъ нѣсколько косноязыченъ.... вмѣсто буквы р — онъ произносилъ л, вмѣсто ш — с, и прочее.

Принесли закуску и всѣ бросились на нее. Сережа остался у карточнаго стола и на уголкѣ его чертилъ меломъ какія-то фигурки....

— Что Сереженька, хочется спать? спросилъ я.

— Нѣтъ.... не хочу, сказалъ онъ, внимательно посматривая на мои новыя эполеты.

— Спать! да онъ хоть всю ночь просидитъ, вмѣшался отецъ.—На, Сережка, продолжалъ онъ, подавая сыну ломоть хлѣба и огурецъ. Ребенокъ взялъ провизію, усѣлся въ уголокъ дивана и захрустѣлъ огурцомъ....

Послѣ закуски снова усѣлись за карты.

— Папа, еще играть? спросилъ Сережа....

— А ты какъ бы думалъ.... хочешь домой, такъ проводить.

— Не, папа, не хочу.

— Ну такъ спи!....

Сережа посидѣлъ нѣсколько минутъ возлѣ отца, посмотрѣлъ на играющихъ, потомъ глаза его стали мигать чаще и чаще и наконецъ, подложивъ подъ голову руку, онъ по прежнему клубочкомъ свернулся на диванѣ....

— И часто Сережѣ приходится такъ спать? спросилъ я аудитора, все тянувшаго трубку....

— Да, каждый день почти....

— Бѣдняжка, а гдѣ же мать?

— Другой годъ умерла.... добрая была, славная женщина, царство ей небесное.

— А вы ее знали?

— Еще бы.... я и на сватьбѣ-то у ней былъ.... Какъ все сватовство-то шло ея помню.... Эхъ, эхъ, эхъ! думала ли когда нибудь Лизавета Андреевна, что придется ея дѣтямъ вотъ эдакъ маячиться, сказалъ старикъ, увлекаясь воспоминаніемъ и кивнувъ головою на Сережу....

— А что?

— Да то, что въ комъ степенности нѣтъ, такъ нечего и соваться въ мужья, да заводиться семьей.... Лизавета Андреевна была хорошаго семейства, образованная, въ институтѣ училась и состояніе было.... а сынъ-то....

Я молчалъ и слушалъ....

— Какъ теперь вотъ смотрю на нее въ дѣвушкахъ, продолжалъ мой собесѣдникъ: — розовенькая, хорошенькая была такая.... А веселая-то, веселая какая, да ласковая — чудо. — Матери не было, сама всѣмъ хозяйствомъ правила.... и какъ любилъ ее старикъ отецъ-то.... души въ ней просто не слышалъ....

— Какъ же она вышла за Ивана Максимыча?

— Да какъ.... по любви.... влюбилась....

— Вотъ!

— Долго ли дѣвушкѣ влюбиться-то... Жила она въ деревнѣ.... Кого видѣла? ну а тутъ и подвернулся онъ — молодой, красивый.... Онъ вѣдь только въ послѣднее время опустился какъ будто немного, а то былъ хоть куда, — ну

и влюбилась.... И какъ любила-то его!.... Да не мудрено.... душа-то у ней была ангельская.

— А онъ?

— Онъ тоже любилъ ее.... Онъ человѣкъ въ душѣ тоже не злой, только лучше сдѣлалъ бы, кабы не женился....

— Отъ чего же?

— Отъ чего?.... Да такъ, степенности въ немъ нѣтъ.... Вотъ ужь давно кажется не мальчикъ, а все пустяками занимается.

— Неужели?

— А какъ бы вы думали?... Былъ живъ старикъ, отецъ Лизаветы Андреевны, такъ при немъ еще держался, а какъ не стало его и все пошло кругомъ. Пристрастился къ картамъ, сперва проигралъ что̀ своего было, а потомъ и за женнино принялся. Совсѣмъ раззорилъ бѣдную Лизавету Андреевну: деревню ея заложилъ, брилліанты продалъ.... ну да что и говорить.... Жаль вотъ только мальчишку-то, Богъ знаетъ, что съ нимъ будетъ.... Объ немъ была послѣдняя забота покойницы: «берегите Сережу», сказала Лизавета Андреевна и съ этимъ словомъ отдала Богу душу.... Господи! Господи! какъ припомню я, какъ мы ее увидѣли въ первый разъ дѣвушкой, въ ихъ деревнѣ, въ удобствѣ, въ довольствѣ, въ холѣ и потомъ какъ кончалось бѣдняжка на привалѣ въ Бѣлицѣ, въ грязной какой-то гостинницѣ. — Уже года два какъ ее мучила грудь, ну дѣло-то и пришло къ концу.... Блѣдная, исхудалая, тяжело дыша, лежала она въ бѣдной каморкѣ. Священникъ только что ушелъ.... Ивана Максимыча не было; у постели стоялъ я, лекарь, да Савельичъ, ихъ деньщикъ, хорошій человѣкъ.... онъ и теперь годы выслужилъ, а все у него живетъ.... Савельичъ держалъ на рукахъ Сережу. Мы стояли молча и смотрѣли на больную.... Нѣсколько времени она лежала въ забытьи, потомъ вдругъ открыла глаза и осмотрѣлась кругомъ.

— Что каково вамъ? спросили мы тихо...

— Тяжело... умираю.... проговорила внятно больная.... Прощайте..., Илья Иванычъ, говоритъ мнѣ... прощайте... а гдѣ же онъ?...

Мы догадались, что спрашиваетъ о мужѣ. Лекарь вышелъ позвать его.

— Прощайте!... Прощай Сережа, наклоните его....

Сережу наклонили. Лизавета Андреевна взглянула на ребенка и быстро закрыла лице руками.

— Господи! Господи! что съ нимъ-то будетъ! съ ужасомъ произнесла она.... Не оставьте его, не покиньте его, ради Бога, не оставьте сироты, говорила она, схвативъ мою руку.... и.... страшно сказать даже, прижала ее къ лицу.

— Матушка, что вы! вскричалъ я съ ужасомъ.... Но она не выпускала руки.

— Савельичъ, не оставь ребенка.... заботься.... береги.... ты всегда былъ добръ.... будь къ нему ласковъ и послѣ меня.... Богъ тебя не оставитъ.... Богъ васъ не оставитъ.... Прощай Сережа!... Прощай, повторила Лизавета Андреевна. Силы ея ослабли, она молилась.... Въ комнату вошелъ Иванъ Максимычъ.

— Береги его!.. едва слышно сказала умирающая, указывая на ребенка и протянувъ руку мужу.

— Буду, буду беречь, говорилъ разстроганный Иванъ Максимычъ, припавъ къ рукѣ своей жены.... Но она не слыхала уже этихъ словъ.... Она умерла.

Разскащикъ замолчалъ. Я смотрѣлъ то на Ивана Максимыча, то на спящаго Сережу.

— Сначала плакалъ, сокрушался, заботился, берегъ мальчика, продолжалъ аудиторъ.... да печаль-то у него не долга. Прошло недѣльки три-четыре, и все пошло по прежнему. И креста-то на могилу не поставилъ. Сережу началъ таскать по гостямъ, учить пѣснямъ; а о чемъ другомъ, понужнѣе, и горюшка нѣтъ.... Кабы не Савельичъ, такъ, правду сказать, иной день Сережѣ и крохи бы въ ротъ не попало....

— Ну а вы?...

— Да, что я? много ли могу я?... сами знаете.... Иной разъ и радъ бы, да Иванъ Максимычъ заартачится: мы, говоритъ не нищіе, и безъ вашей помощи обойдемся.... А ужь какое состояніе? Деревня десять душъ, да домишка въ губернскомъ городѣ маленькой — вотъ и все. — Сколько говорилъ ему: не води Сережу по вечерамъ, — нѣтъ, не слушаетъ. Чтобы приласкать ребенка — этого у него и въ обычаѣ нѣтъ, а посмотрѣли бы, какъ его любитъ Сережа, просто какъ собаченка, такъ за нимъ и бѣгаетъ.

Въ это время игра кончилась, всѣ встали со своихъ мѣстъ и едва только приподнялся Иванъ Максимовичъ, какъ вслѣдъ за нимъ привсталъ и Сережа.

— Домой, папа? спросилъ онъ въ полуснѣ.

— Домой.... Вотъ только пройдемся еще по водочкѣ.... Спой-ка Сережка удалую....

— Да онъ почти спитъ, невольно вмѣшался я.

— Ха, ха, ха! Спитъ, да онъ и сонный у меня споетъ.... Валяй Сережка.

Мальчикъ подбоченился и запѣлъ: «Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ». Пѣсня спѣта, закуска кончена и гости стали собираться домой.... Сережа отыскалъ свою шапку, которая, вѣроятно, досталась ему отъ какого нибудь взрослаго, и уцѣпился за полу шинель Ивана Максимыча.

— Кажется, дождикъ.... какъ онъ пойдетъ, сказалъ я.... — Сережа, хочешь я тебя донесу?...

— Э, батюшка, да ему привыкать что ли ходить въ дождикъ-то.... Ну, маршъ! сказалъ отецъ.

Гости простились и вышли; вмѣстѣ съ ними, нахлобучивъ огромную шапку, побѣжалъ вслѣдъ за отцомъ и Сережа.... Дождь лилъ ливнемъ.

Теперь, помаявшись по свѣту, насмотрѣвшись на многое и многихъ, я легко примиряюсь со всѣмъ, что вижу; но тогда мнѣ было только осьмнадцать лѣтъ, я только что разстался съ моею матерью и сестрою, которыя любили и берегли меня, и участь Сережи, который росъ безъ любви и участія, сильно поразила меня. Дней черезъ пять послѣ знакомства съ Иваномъ Максимычемъ, я, пользуясь его приглашеніемъ, какъ-то отправился къ нему. Входъ въ квартиру его былъ черезъ кухню и первое лице, которое я здѣсь встрѣтилъ, былъ Сережа. Мальчикъ стоялъ у окна и стругалъ какую-то палочку. У русской печки, засучивъ рукава, возился бывшій деньщикъ, тотъ самый Савельичъ, о которомъ говорилъ мнѣ аудиторъ.

— Что, дома баринъ? спросилъ я....

— Еще не вставали.... сказалъ деньщикъ.

— Такъ я зайду послѣ....

— Да они сейчасъ встанутъ — ужь покрякивали..... Вотъ, лучше пообождите немного, пожалуйте въ комнату.

Комната, въ которую ввели меня, была отчасти похожа на самаго хозяина. Красная истертая мебель, расколотыя въ окнахъ стекла, покосившееся зеркало, все это казалось тоже подгулявшимъ. Я сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, прислушиваясь къ говору въ кухнѣ.

— Вотъ новый офицеръ пріѣхалъ, сказалъ Савельичъ, и при этомъ сильно сморкнулъ.

— Новый? спросилъ Сережа.

— Да, нешто видѣлъ ты его гдѣ прежде?... Вишь эполеты-то какъ блестятъ; молодой, знать только что изъ корпуса выпущенъ....

— Кадетъ?

— Да кадетъ.... Вотъ ты будешь кадетомъ и тебя выпустятъ въ офицеры.... а хочешь въ корпусъ?

— Хочу....

— Какъ не хотѣть.... да кто отдастъ-то тебя туда?

— Папа!

— Отдастъ, — жди!... Есть ему время о тебѣ заботиться! ворчалъ сквозь зубы Савельичъ.... Рѣпки не хочешь ли, Сережинька? спросилъ деньщикъ громко.

— Дай, отвѣчалъ ребенокъ.

— Вотъ на, славная рѣпушка.... спѣлая такая.... нынче ее много уродилось, дешева больно.

— Дешева? спросилъ Сережа....

— Да вотъ за десятокъ грошъ заплатилъ на базарѣ,... а вѣдь какая! и Савельичъ началъ длинное разсужденіе о рѣпѣ, брюквѣ, моркови и т. п., которое изрѣдка прерывалось вопросами Сережи....

Въ то время, когда я прислушивался къ этому разговору, въ сосѣдней комнатѣ послышалось продолжительное зѣванье съ безконечными трелями и переливами.

— Трруубку! послышался голосъ хозяина....

Говоръ въ кухнѣ при этомъ возгласѣ замолкъ и черезъ минуту мимо меня пробѣжалъ Сережа, волоча за собою длинный чубукъ....

— Ааа!... многозначительно промычалъ отецъ при входѣ сына.

— Папа, офицеръ новый пришелъ.... сказалъ ему мальчикъ.

— Ааа! снова промычалъ Иванъ Максимычъ, и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ послышалось шарканье сапоговъ. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ въ архалухѣ показался въ дверяхъ. Придерживаясь за отца вышелъ и Сережа....

— А! дорогой гость.... милости просимъ.... очень радъ васъ видѣть и покороче познакомиться; трубки не угодно ли?... Савельичъ, трубку, — говорилъ, спрашивалъ и приказывалъ хозяинъ, крѣпко пожимая мою руку. Трубку подали.

— Чтожъ, не хотите ли водочки? продолжалъ Иванъ Максимычъ.

Я отвѣчалъ, что непью.

— И водки не пьете, вотъ вы какая красная дѣвица.... такъ чайку?

Я отказался и отъ чая. Хозяинъ не настаивалъ и началъ распрашивать о Петербургѣ, о томъ, есть ли у меня родные и проч. и проч. Отъ распросовъ онъ перешелъ къ разсказамъ о своихъ собственныхъ похожденіяхъ, о разныхъ пирушкахъ, прошедшихъ и настоящихъ. Разсказы эти производили на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Я же смотрѣлъ на Сережу, худенькаго, блѣднаго, въ вылинялонъ халатикѣ. Онъ, прижавшись къ отцу, съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ его разсказы и слѣдилъ за каждымъ его жестомъ. Только, когда въ чубукѣ раздавалось хрипѣніе, онъ тихо спрашивалъ:

— Папа, надо трубку?... и если тотъ утвердительно кивалъ головою, ребенокъ быстро бросался въ кухню и черезъ минуту съ набитой трубкой и зажженой бумагой снова появлялся возлѣ отца. Я нѣсколько разъ собирался идти домой, но хозяинъ, очевидно находя наслажденіе передавать различныя свои похожденія, постоянно меня удерживалъ. Во время этихъ разговоровъ въ комнату вошелъ Савельичъ.

— Сереженька, поручикъ зоветъ.... извольте идти.

Мальчикъ не двигался съ мѣста....

— Что же-съ, пожалуйте скорѣй, повторилъ денщикъ.

— Ступай же, Сергѣй, строго сказалъ отецъ.

— Иду.... иду, съ покорностью отвѣтилъ мальчикъ.

— Вотъ букварь!... а шапка ваша у меня на кухнѣ.... сказалъ деньщикъ, подавая Сережѣ замасленную книжку.

— Куда это онъ идетъ? спросилъ я.

— Да къ бывшему сослуживцу моему Ивану Ефимычу, поручику.... тотъ его читать учитъ.... Иванъ Ефимычъ, знаете, этакой поэтъ, все мечтаетъ, да читаетъ книги.... вотъ и Сергѣя моего вызвался учить.

— Чтожь, это дѣло хорошее, а потомъ вы его отдадите въ корпусъ, что ли? спросилъ я.

— Да, да, непремѣнно, непремѣнно.

— А вы уже записали его?

— Нѣтъ еще. Да, вѣдь и молодъ, успѣю; а запишу непремѣнно, непремѣнно запишу....

Сережа, между тѣмъ, вышелъ изъ комнаты. Мой неожиданный вопросъ, казалось, не совсѣмъ пріятно подѣйствовалъ на хозяина, прервавъ нить его разсказовъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я поспѣшилъ съ нимъ проститься. У воротъ я встрѣтился съ Савельичемъ, который внимательно смотрѣлъ на улицу.

— Что, спросилъ я, — Сережа ушелъ?

— Вонъ идетъ, отвѣтилъ старикъ, указывая на мальчика, который осторожно пробирался между лужъ.

Перейдя улицу Сережа оглянулся, и скрылся въ воротахъ маленькаго желтаго домика.

— Богъ съ нимъ, пусть учится, прошепталъ деньщикъ, входя въ ворота.

Я пошелъ домой.... Но судьбѣ вѣрно угодно было сблизить меня еще болѣе съ Иваномъ Максимычемъ и его житьемъ бытьемъ. — Первая моя квартира оказалась совершенно неудобною, я былъ переведенъ на другую въ томъ же домѣ, въ которомъ жилъ Иванъ Максимычъ. Каждый день, даже иногда и по нѣскольку разъ въ день видѣлся я съ своимъ сосѣдомъ — Сережа привыкъ ко мнѣ, и часто бѣгалъ на мою половину. Я очень полюбилъ мальчика. Сережа не былъ дикъ; онъ не прятался ни отъ кого, скоро знакомился со всѣми, а особенно съ офицерами. Его звали «сыномъ полка.» Сережа всѣхъ полковыхъ зналъ по именамъ.

— Здравствуйте, Андрей Андреичъ, говаривалъ бывало Сережа при встрѣчѣ съ майоромъ, снимая свою шапку.

— А, Сережа! здорово, какъ поживаешь, отвѣчалъ майоръ и проведетъ бывало рукою противъ шерсти по головкѣ ребенка....

— Карлъ Карлычъ, здравствуйте, кричалъ Сережа, завидѣвъ полковаго доктора....

— А, маленькій шалунъ! возразитъ бывало, Карлъ Карлычъ, ущипнувъ за щеку Сережу.

Всѣ были болѣе или менѣе внимательны къ Сережѣ. — Каждый знавшій Сережу ласкалъ его, давалъ ему пряники и баранки; поручикъ посылалъ иногда за Сережею и училъ его азбукѣ; но все это было совершенно случайно, никто серьёзно не думалъ объ немъ, кромѣ старика Савельича.... Мнѣ было очень жаль ребенка.

Однажды какъ-то вечеромъ, Иванъ Максимычъ сидѣлъ у меня, вдругъ въ комнату вбѣжалъ Сережа, только что воротившійся отъ кого-то изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, гдѣ онъ прогостилъ дня два.

— Папа, папа! радостно залепеталъ мальчикъ, бросившись къ отцу.

— А это ты! протянулъ Иванъ Максимычъ.

Сережа началъ разсказывать, какъ онъ ѣхалъ, что видѣлъ и проч. и проч., и желая высказаться скорѣе, путался въ словахъ.

Окончивъ свой разсказъ, Сережа попросилъ кушать.

— Кушать хочешь? спросилъ отецъ.

— Да, папа....

— Гмъ.... очень хочется?

Сережа молчалъ; Иванъ Максимычъ шарилъ въ боковомъ карманѣ.

— Что, папа? у тебя денегъ нѣтъ? тихо спросилъ ребенокъ.

— То-то и есть братъ, что деньги́ нѣтъ, отвѣчалъ Иванъ Максимычъ, проигравшійся наканунѣ до копейки.

— Ну такъ я спать пойду, сказалъ Сережа и повернулся чтобъ идти.

— Да возьмите у меня, Иванъ Максимычъ, денегъ, предложилъ я: — какъ же онъ голодный ляжетъ спать? Но Сережа замахалъ руками.

— Не надо, не надо, закричалъ онъ, какъ будто стыдясь своего положенія. Впрочемъ, мои услуги оказались не

нужными: въ комнату хотелъ Савельичъ и принесъ откуда-то Сережѣ булку и молоко.... Подобныхъ случаевъ было не мало въ жизни сына Ивана Максимыча.

Такъ шли дни за днями: сегодня, какъ завтра, завтра, какъ вчера. Семь мѣсяцевъ простояли мы въ мѣстечкѣ, гдѣ я застилъ полкъ; на осьмой полученъ былъ приказъ идти въ губернскій городъ. Пошли. Иванъ Максимычъ, который съ самого начала отставки сбирался туда отправиться и поселиться въ своемъ домикѣ, но все не могъ разстаться съ старыми товарищами, теперь отправлялся на покой. Вотъ пришли и въ губернскій городъ и размѣстились по квартирамъ. Я, по приглашенію Ивана Максимыча, поселился въ его домикѣ. Новое мѣсто мало измѣнило нашъ образъ жизни. Помѣщики еще не пріѣзжали изъ деревень, городской театръ не открылся, и по прежнему, по вечерамъ, собирались мы другъ у друга или у кого нибудь изъ городскихъ чиновниковъ. По прежнему Сережа бесѣдовалъ съ Савельичемъ, ходилъ учится читать къ поручику, а иногда ко мнѣ — кому было изъ насъ свободнѣе, а по вечерамъ, по обыкновенію, являлся на карточныя сходбища, гдѣ Иванъ Максимычъ былъ постояннымъ членомъ, пѣлъ пѣсни по приказанію отца, или дремалъ, прикурнувъ какъ нибудь возлѣ него.

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ, наступилъ другой.... Однажды у кого-то былъ обычный сборъ, всѣ сошлись, а Ивана Максимыча нѣтъ. — Что за чудо такое! думали мы. Этого никогда не бывало. Послали къ нему, но не застали дома: Сережа съ Савельичемъ дома, а Иванъ Максимычъ куда-то ушелъ. Когда я возвратился домой, его еще не было и пришелъ онъ поздно. Спрашиваю у него на другое утро, гдѣ онъ былъ? — говоритъ, что встрѣтилъ въ городѣ какихъ-то старыхъ знакомыхъ, которые затащили его къ себѣ. Иванъ Максимычъ много потаскался на своемъ вѣку, не мудрено, что и здѣсь у него открылись знакомые, подумалъ я, и не распрашивалъ болѣе объ этомъ. Послѣ этого вечера хозяинъ мой сталъ все рѣже и рѣже появляться на карточныхъ сходкахъ, и на вопросы, отчего его не было, постоянно отвѣчалъ, что нельзя было отказаться отъ приглашенія старыхъ знакомыхъ. — Я спросилъ у него однажды, что это за старые знакомые? — Онъ отвѣчалъ мнѣ какъ-то неопредѣленно. Замѣтно было, что съ Иваномъ Максимычемъ происходитъ

что-то необыкновенное. — Онъ началъ какъ будто заниматься своимъ туалетомъ, чего съ нимъ прежде не случалось. На головѣ его появилось что-то въ родѣ пробора, просѣдь на головѣ и бакенбардахъ исчезла благодаря какому-то составу, который я случайно открылъ въ его бритвенномъ ящикѣ.

— Да вы, Иванъ Максимычъ, франтите нынче, замѣтилъ я какъ-то, когда онъ одѣтый совершенно и причесанный, чтобъ идти къ старымъ знакомымъ, передъ зеркаломъ подщипывалъ свои бакенбарды.

— Нельзя не быть прилично одѣтымъ, семейство хорошее, отвѣчалъ онъ, надѣвъ немножко на бокъ новую фуражку, и отправился въ путь....

— Куда ушелъ папа? спросилъ я Сережу, когда Ивана Максимыча уже не было....

— Въ гости.... онъ и меня туда возьметъ скоро.

— Развѣ онъ говорилъ это?...

— Да, папа сказалъ, что возьметъ, и Сережа заговорилъ о томъ, какъ онъ пойдетъ въ гости, какъ тамъ будетъ музыка и проч. и проч. Ожиданія Сережи сбылись скоро. На другой день утромъ Иванъ Максимычъ откуда-то возвратившись, позвалъ Савельича, далъ ему полуимперіалъ и велѣлъ купить сукна и заказать Сережѣ курточку и панталоны. Савельичъ такъ и остолбенѣлъ, услышавъ приказаніе барина. — Надобно свести Сережу къ знакомымъ однимъ тутъ.... сказалъ Иванъ Максимычъ, замѣтивъ недоумѣніе старика. — Такъ чтобъ скорѣе было сшито, слышишь?

— Слушаю-съ, ваше благородіе.... будетъ все сдѣлано, проговорилъ Савельичъ.

На лицѣ его засіяла радость, и онъ съ пріятною улыбкою взглянулъ на Сережу....

— Пожалуйте сударь! сказалъ старикъ, многозначительно подмигнувъ своему питомцу: — сначала сходимъ въ ряды, а потомъ къ портному. Тутъ есть одинъ жидокъ — хорошій портной, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и къ своему барину и вмѣстѣ съ Сережею вышелъ изъ комнаты.

Савельичъ съ Сережею проходили все это утро на базарѣ, а дня черезъ два въ квартирѣ нашей уже егозилъ еврей, принесшій мальчику курточку и панталоны. Курточка была голубаго, панталоны желтаго цвѣта. Савельичъ цвѣта эти счи-

талъ особенно приличными для дѣтскаго наряда. Сережу одѣли. Иванъ Максимычъ велѣлъ Савельичу выставить изъ-подъ курточки воротнички рубашки; я причесалъ ему голову. Сережа былъ въ восторгѣ отъ новаго наряда и безпрестанно лазилъ на стулъ, чтобъ взглянуть на себя въ маленькое зеркальце. Въ неменьшемъ, если еще не въ большемъ восторгѣ былъ старикъ Савельичъ. Онъ заставлялъ Сережу ходить по комнатѣ, усаживалъ его то на диванъ, то на стулъ, и не спускалъ съ него глазъ.

— Экой молодецъ выросъ у насъ! говорилъ онъ, указывая на Сережу: — была бы барыня жива, не налюбовалась бы на мальчика!... Эхъ, эхъ, эхъ, рано прибралъ-то Богъ ее, жить бы еще ей, да жить....

Иванъ Максимычъ былъ очень доволенъ произведеніемъ жида портнаго и осматривая Сережу въ обновѣ съ удовольствіемъ протянулъ свое обычное — ааа! Къ офицерамъ, которымъ хотѣлось мальчику показать свою голубую куртку, Иванъ Максимычъ не велѣлъ ходить, а вечеромъ повелъ Сережу съ собою въ гости.

— Смотри же кланяйся, будь вѣжливъ, у дамъ ручки цалуй, умѣешь ручки цаловать? спрашивалъ Иванъ Максимычъ Сережу.

— Буду, папа, буду....

— Нутка, раскланяйся и подойди къ ручкѣ, сказалъ отецъ.

Сережа исполнилъ приказаніе, хотя видно было, что не часто случалось ему подходить къ ручкамъ.

— Послѣ чаю тоже.... что ты скажешь послѣ чаю?

— Покорно благодарю.

— Ну такъ.... и къ ручкѣ.... слышишь?

— Слышу, отвѣчалъ Сережа и пошелъ вслѣдъ за отцомъ.

Я уже спалъ, когда Иванъ Максимычъ съ сыномъ возвратился домой. На другое утро, говоръ въ сосѣдней комнатѣ разбудилъ меня довольно рано: разговаривали Сережа и Савельичъ.

— Хорошо ли гуляли, сударь? спрашивалъ старикъ.

— Хорошо.... одна тетя играла музыку.... другая бобошки дала мнѣ....

— Ну хорошо коли такъ; что же, много тамъ гостей было?

— Много, много: дѣвочка маленькая, маленькая такая, старичекъ былъ, голова у него бѣлая.... совсѣмъ бѣлая....

— Чтожь тятенька, въ карты игралъ что ли?

— Нѣтъ, папа съ мамой сидѣлъ.

— Съ какой мамой?

— Съ новой мамой.... У меня будетъ новая мама, хорошая мама....

— Какая мама?... протянулъ Савельичъ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось: — такъ вотъ оно что!... — А почемъ же ты знаешь, что у тебя будетъ новая мама, нешто тятенька сказалъ?

— Не, папа не сказалъ.... старичекъ тамъ бѣлый, онъ сказалъ.

— Новая мама! многозначительно повторилъ Савельичъ. — А гдѣ живетъ новая мама, подитко и не знаешь?

— Знаю.... Тамъ, гдѣ церковь.... домъ тамъ большой, большой и на немъ орелъ.

— Орелъ?

— Да, орелъ.... наверху, а внизу много, много сахару, пряниковъ, яблоковъ....

— На окошкахъ положены?

— Да.... да....

— Это гдѣ аптека значитъ.... знаю; чтожь, вы въ этомъ домѣ были въ гостяхъ?

— Да.... да.... мама тамъ живетъ.

— Гмм.... многозначительно крякнулъ Савельичъ, и съ минуту помолчавъ, сталъ опять продолжать свои разспросы....

Когда я всталъ, Сережа и мнѣ сообщилъ тоже, что и Савельичу, и сказалъ, что у него скоро будетъ новая мама....

— А развѣ тебѣ хочется, чтобъ у тебя была новая мама? спросилъ я.

— Да хочу.... мама будетъ любить меня, отвѣчалъ Сережа....

— Дай Богъ, чтобы была такая же добрая, какъ родная. Помните ли вы родную-то маменьку? сказалъ Савельичъ, обращаясь къ ребенку....

— Не.... не помню....

— Гдѣ помнить-то!.... по другому году остался.... а добрая была барыня, ахъ какая добрая!.... вѣку-то Богъ не далъ, продолжалъ Савельичъ и отеръ кулакомъ выкатившуюся слезу.

За чаемъ я спросилъ Ивана Максимыча, правда ли, что онъ сбирается жениться?

— А вы отъ кого это слышали? сказалъ онъ, какъ будто слегка сконфузясь.

— Да вотъ Сережа все твердитъ о новой маменькѣ, такъ я и думалъ....

— Ужь разболтали! прервалъ Иванъ Максимычъ. — Да, почтеннѣйшій, сбираюсь, продолжалъ онъ: — надоѣла одинокая-то жизнь.... Только вы полковымъ-то вашимъ еще не разсказывайте объ этомъ.... придетъ время, я самъ всѣмъ объявлю.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе и спросилъ, кто невѣста.

— Она здѣшняя.... дочь очень почтенныхъ родителей.... дѣвица добрая, хорошихъ правилъ.

— Молодая?

При этомъ вопросѣ Иванъ Максимычъ какъ будто немножко смѣшался, потомъ тотчасъ же отвѣчалъ:

— Да, очень; но дѣвушка скромная, нравственная — въ мои лѣта безъ этого и нельзя жениться. Признаюсь, я женюсь-то не столько для себя, сколько для Сережи.... прибавилъ онъ, какъ будто полагая, что извѣстіе о молодости его невѣсты произвело на меня не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе.

Я пожелалъ ему счастья и пожалѣлъ, что мнѣ придется лишиться хорошаго квартирнаго хозяина. Иванъ Максимычъ на это совѣтывалъ мнѣ тоже жениться, хвалилъ семейную жизнь, ея радости и проч. и проч.

Въ качествѣ жениха, Иванъ Максимычъ былъ постоянно въ весьма хорошемъ расположеніи духа; Сережа въ своей

голубой курткѣ былъ также очень веселъ; только Савельичъ одинъ хмурился больше прежняго, что-то часто ворчалъ себѣ подъ носъ и часто ходилъ куда-то со двора.

Однажды утромъ, дней черезъ шесть послѣ первой вѣсти о женитьбѣ Ивана Максимыча, Савельичъ вошелъ въ его комнату и остановился у дверей.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Иванъ Максимычъ.

— Слухи ходятъ, жениться изволите, ваше благородіе?

— Ну, да.... чтожь?

— На Севрюгина меньшой дочкѣ, говорятъ....

— А ты гдѣ это пронюхалъ?

— Что тутъ пронюхивать, всѣ это знаютъ. Прикащикъ, что у Севрюгина въ лавкѣ сидитъ, почесть всему базару разсказываетъ, что у ихняго хозяина зять будетъ благородный.

— Врешь ты все, что ему разсказывать.... Ну, а хоть бы и на ней....

— Не мое дѣло, ваше благородіе, а она намъ не ко двору....

— Что-о-о?

— Не женитесь на этой невѣстѣ, ваше благородіе; молода она больно, да разбитная такая, говорятъ, что Боже упаси....

— Ты какъ смѣешь мнѣ указывать?...

— Накажите, ваше благородіе, а правды несказать не могу. Какая это будетъ вамъ жена! Первая барыня у насъ была добрая, кроткая какъ ангелъ какой нибудь, а эта что? Отъ вѣрныхъ людей слышалъ, только и дѣлаетъ, что деньто деньской по окошкамъ вѣшается, и злая, презлущая, — людямъ житья отъ нея нѣтъ....

— Врешь!... она очень добрая, не въ кого быть злою, не изъ такой семьи....

— Эхъ, ваше благородіе, невѣсты всѣ добрыя, а что потомъ будетъ, какъ эдакой грѣхъ себѣ на шею навяжете? Что съ Сереженькой-то будетъ? Нѣтъ, ваше благородіе, не женитесь!... проговорилъ Савельичъ и рухнулся на колѣни. — Не женитесь на Севрюгиной, ваше благородіе, хоть для ребенка-то не женитесь....

— Съума ты сошелъ, дуракъ! вскрикнулъ Иванъ Максимычъ: — убирайся вонъ, я раздѣлаюсь съ тобою!... Смѣетъ еще совѣты давать! Кто тебѣ велѣлъ опрашивать да узна-

вать объ невѣстѣ? а?... Вонъ отсюда, и заикнуться мнѣ не смѣй объ этомъ!

И онъ вытолкнулъ Савельича изъ комнаты. Старикъ возвратился въ кухню и цѣлый почти день просидѣлъ молча, облокотясь на окно обѣими руками и положивъ на нихъ свою голову. Черезъ недѣлю послѣ этого, всѣ офицеры нашего полка получили приглашеніе на сговоръ, а черезъ двѣ на свадьбу Ивана Максимыча съ Аграфеною Терентьевною Севрюгиной. Я былъ на свадьбѣ и на сговорѣ. Старикъ Севрюгинъ, сколотившій себѣ порядочное состояніе мелкою торговлею, не поскупился при этомъ случаѣ на угощеніе. Оба дня были обѣды изъ пятнадцати, если не болѣе перемѣнъ, съ винами самыхъ различныхъ названій, съ бѣлымъ и розовымъ шампанскимъ, со всѣми принадлежностями купеческихъ обѣдовъ, на которыхъ количество предпочитается качеству. Старикъ, котораго Сережа называлъ бѣлымъ, видимо гордился своимъ зятемъ и подходя во время вечера къ своей дочери, не иначе называлъ ее, какъ ваше высокоблагородіе. Невѣста при этомъ жеманилась, улыбалась, выставляя на показъ свои не совсѣмъ опрятныя зубы и потомъ закусывала губы.

— Мама! вы будете любить меня? тихо спросилъ ребенокъ мачиху, когда молодые возвратились отъ вѣнца.

— Слышите, что онъ говоритъ? мама, будете ли любить Сережу? — вскрикнула молодая рѣзкимъ голосомъ, обращаясь къ окружающимъ. — Ну, конечно буду, и она принялась целовать Сережу.

— Добрая душа! сказалъ Иванъ Максимычъ, поцаловавъ руку у жены.

Жена Ивана Максимыча была и молода, и полна и румяна; на ней было много брильянтовъ; она очень много улыбалась, безпрестанно подзывала къ себѣ Сережу, давала ему конфекты, но, несмотря на все это, она мнѣ что-то не очень нравилась. Въ ея маленькомъ вздернутомъ носикѣ, въ ея чорныхъ быстрыхъ глазахъ и почти сходившихся надъ переносицей бровяхъ, было что-то непріятное и наглое.... Я не боялся за Ивана Максимыча: онъ пожилъ на своемъ вѣку, жизненная карьера его кончилась, — но я боялся за Сережу.

— Что, Сережа, весело тебѣ? спросилъ я мальчика, который, несмотря на нѣжности своей новой маменьки, часто подходилъ то къ отцу, то къ кому нибудь изъ офицеровъ.

— Да, отвѣчалъ Сережа.

Но на самомъ дѣлѣ музыка, танцы, блескъ свѣчей, конфекты производили на него не такое сильное впечатлѣніе, какого можно было ожидать отъ мальчика, въ первый разъ въ жизни находившагося на великолѣпномъ пиршествѣ.

Балъ кончился, гости стали разъѣзжаться, я разстался съ Иваномъ Максимычемъ. который съ этого дня поселился въ домѣ тестя. — Женатые скоро расходятся со старыми товарищами, и мы съ прежнимъ сосѣдомъ стали видаться порѣже. Жизнью своею Иванъ Максимычъ былъ, по видимому, доволенъ. Отъ природы онъ былъ ни добръ, ни золъ и главная черта его характера заключалась въ удивительной безпечности. Теперь же ему было все готовое: квартира, столъ и даже теплый, сшитый къ свадьбѣ, халатъ; Савельичъ не надоѣдалъ безпрестанными просьбами о курточкѣ или брючкахъ для Сережи — а потому счастье Ивана Максимыча было полное. Но жизнь Сережи шла по прежнему. Правда, мальчика окружало бо̀льшее довольство, но никто о немъ не заботился, какъ и прежде, кромѣ развѣ одного Савельича. Сначала Аграфена Терентьевна занималась пасынкомъ; я даже видѣлъ однажды Сережу завитымъ въ мелкія пукольки; но скоро настала зима, начались балы, маскарады, открылись театры и Сережа былъ забытъ. Пользуясь своимъ новымъ положеніемъ, мачиха его пустилась во всѣ удовольствія, которыхъ не удалось ей испытать въ дѣвицахъ. Она не пропускала ни бала, ни маскарада. ни спектакля. Иванъ Максимычъ, думавшій прежде не много о Сережѣ, теперь завитой, затянутый, раздушенный, сопровождая всюду жену, кажется и вовсе забылъ о своемъ сынѣ. Сережа пересталъ быть «сыномъ полка», но, какъ сказывалъ мнѣ Савельичъ, часто вспоминалъ о поручикѣ, обо мнѣ и о многихъ другихъ офицерахъ.

— Дяденька! дяденька! услышалъ я однажды знакомый голосъ, проходя мимо дома Севрюгиныхъ, и Сережа, выскочивъ изъ калитки, подбѣжалъ прямо ко мнѣ....

— Сережа, здравствуй! сказалъ я наклонившись, чтобъ поцаловать его.

Сережа бросился мнѣ на шею и крѣпко сжалъ ее своими рученками.... Нѣсколько минутъ онъ не выпускалъ меня и на глазахъ его дрожали слезы....

— Что же, весело тебѣ здѣсь жить? спросилъ я.

— Весело, печально отвѣчалъ Сережа....

— Новая мама любитъ тебя?

— Нѣтъ....

Я и не разспрашивалъ, почему онъ такъ думаетъ. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ сватьбы, слышу я, что у Ивана Максимыча съ женою была какая-то непріятная исторія и что виною тому Сережа. — Сначала никто не зналъ, что̀ это за исторія, но скоро разнеслись въ полку толки объ ней съ подробностями.

Аграфена Терентьевна, строго-нравственное воспитаніе которой такъ хвалилъ Иванъ Максимычъ, чрезвычайно любила танцовать и балагурить съ молодежью. Какъ ни бодръ былъ еще Иванъ Максимычъ, какъ ни затягивался, ни завивался онъ послѣ женитьбы, но все-таки ему было за пятьдесятъ.... На балахъ и на вечеринкахъ, да и въ самомъ домѣ Ивана Максимыча, постоянно жену его окружала разная молодежь, и чаще другихъ ходилъ къ нему чиновникъ изъ Казенной Палаты, довольно красивый, молодой, почти что мальчикъ. Какъ-то послѣ обѣда, когда Иванъ Максимычъ спалъ, Сережа, бродя по комнатамъ, вошелъ въ гостиную и вдругъ остановился. На диванѣ рядомъ съ мачихой сидѣлъ ихъ частый гость и держа руки Аграфены Терентьевны, осыпалъ ихъ поцалуями. Дѣти, инстиктивно, часто различаютъ худое отъ хорошаго. Такъ вѣрно было и въ эту минуту съ Сережей.

— Папа!.... мама!.... безсвязно пробормоталъ ребенокъ, и поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ изъ комнаты.

Аграфена Терентьевна растерялась, побѣжала за Сережей, — но тотъ былъ уже у отца и передавалъ проснувшемуся Ивану Максимычу, какъ дядя цаловалъ руки мамѣ. Иванъ Мак-

сумычъ вспылилъ, немедленно выгналъ изъ дому частаго посѣтителя, началъ кричать и упрекать жену; но это продолжалось не долго: Аграфена Терентьевна все растолковала по своему, и Ивану Максимычу пришлось раскаяваться за то, что онъ круто обошелся съ гостемъ. Остался виноватъ Сережа. До сихъ поръ объ немъ никто не думалъ въ домѣ Севрюгиныхъ, но теперь его стали ненавидѣть.... Первые супружескіе восторги Аграфены Терентьевны прошли, нѣжность и улыбка, сопровождавшія ихъ, исчезли, и строго-нравственно воспитанная дѣвица, превратилась въ капризную и злую жену. Можно представить себѣ, каково было положеніе бѣднаго Сережи, вполнѣ зависѣвшаго отъ мачихи. Въ одной съ нею комнатѣ и быть не смѣй, куда! такъ и закричитъ и затопаетъ ногами. Слова пикнуть не дастъ Сережѣ, и чуть чтò, такъ то толкнетъ, то ущипнетъ его, просто сердце надрывается смотрѣть только на ребенка, разсказывалъ Савельичъ, зайдя какъ-то меня провѣдать.

— А Иванъ Максимычъ чтоже? спросилъ я.

— Да что.... ничего!.... Говорилъ я его благородію, просилъ его со слезами не жениться на Севрюгиной — отъ вѣрныхъ людей объ ней слышалъ — нѣтъ, куда тебѣ, выгналъ меня.... а теперь что?.... ребенка изведутъ, совсѣмъ изведутъ ребенка.... Савельичъ заплакалъ....

Я долженъ былъ по дѣламъ отправиться въ Петербургъ. Это было зимою; я возвратился въ полкъ только въ концѣ весны.... Въѣхавъ въ городъ, чтобъ не трястись по каменной мостовой, я вышелъ изъ тележки и пошелъ пѣшкомъ. Знакомые дома и улицы напомнили мнѣ о забытыхъ мною лицахъ. Было еще рано. Первое попавшееся мнѣ знакомое лицо былъ Савельичъ. Онъ бѣжалъ запыхавшись черезъ дорогу.

— Куда бѣжишь? спросилъ я добраго старика.

— Здравія желаю ваше благородіе! сказалъ онъ пасмурно, снимая фуражку.

— Куда? повторилъ я.

— Домой-съ, отъ лекаря.... Сереженька при смерти....

— Бѣдняжка! Что съ нимъ?

— Простудился, совсѣмъ уже плохъ.... Боюсь, чтобъ не отошелъ безъ меня, сказалъ Савельичъ, порываясь продолжать путь.

— А что, можно пойти съ тобою, ничего что рано?

— Пожалуйте, у насъ всѣ спятъ.... вотъ и лекарь идетъ, отрывисто сказалъ старикъ и опрометью побѣжалъ впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за угла показалась знакомая фигура доктора. Я подошелъ къ нему и мы всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ.

Савельичъ ввелъ насъ къ больному. Въ маленькой полутемной комнаткѣ, заставленной сундуками и шкафами, на перинкѣ брошенной на сдвинутые стулья, лежалъ Сережа. Красноватый свѣтъ зажженной передъ образомъ свѣчи озарялъ блѣдное, исхудалое лицо ребенка. Полуоткрытые глаза неподвижно смотрѣли въ одно мѣсто. Докторъ взялъ больнаго за руку, попробовалъ пульсъ, приложилъ руку къ его головѣ, къ сердцу и отошелъ въ сторону.

— Что? тихо спросилъ я....

— Надежды нѣтъ....

— Неужели?...

— Нѣтъ, повторилъ докторъ.

Савельичъ вытянувшись слушалъ этотъ разговоръ. Онъ молчалъ, но слезы градомъ катились по его лицу.

— А гдѣ же Иванъ Максимычъ? спросилъ я.

— Спитъ....

— Поди и разбуди его, скажи, что Сережа дуренъ, сказалъ докторъ.

Савельичъ вышелъ; за дверьми раздалось рыданіе. Скоро явился Иванъ Максимычъ.

— Неужели правда, что мнѣ сказалъ этотъ старый? спросилъ онъ доктора.

— Да.... дѣйствительно, ужь ему осталось не долго жить.

Иванъ Максимычъ молча подошелъ къ постели и окликнулъ Сережу. Знакомый голосъ какъ будто пробудилъ ребенка. Сережа повернулъ глаза, зашевелилъ губами, но словъ не было слышно.

— Сережа, больно тебѣ? спросилъ отецъ.

— Папа.... папа.... едва внятно прошепталъ ребенокъ, и съ усиліемъ приподнявъ свои пожелтѣлыя исхудалыя ручки,

искалъ руку отца. Иванъ Максимычъ угадалъ его желаніе, взялъ въ свою руку обѣ руки сына и наклонился надъ его изголовьемъ. Это было, кажется, все, чего хотѣлъ Сережа въ эту минуту. — Видно было, какъ отрадно ребенку чувствовать возлѣ себя присутствіе отца.

— Папа!... папа!... повторялъ онъ тише и тише.... Онъ замолчалъ, глаза его закрылись.

— Благословите, ваше благородіе, отходитъ дитя.... шепнулъ Савельичъ.

Иванъ Максимычъ высвободилъ свою руку и благословилъ ребенка.

Па.... па.... прошепталъ тотъ чуть слышно еще разъ и скончался.

Всѣ въ комнатѣ молча ожидали, кажется, не заговоритъ ли еще Сережа, но ожиданія были напрасны. Ребенокъ умеръ. Смерть его подняла на ноги весь домъ. Явился старикъ Се[illegible], прикащикъ, [illegible] и Аграфена Терентьевна.

При видѣ мертваго, она вдругъ разразилась воплями и рыданіями.... Мачиха показалась мнѣ въ этотъ разъ еще противнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Черезъ день были похороны. Почти всѣ офицеры нашего полка сами, безъ приглашенія, пришли проводить Сережу.

Нѣсколько дней спустя, гуляя по городу, я незамѣтно подошелъ къ самому кладбищу — и вздумалъ навѣстить могилу Сережи. Могила была уже обложена дерномъ и на ней возвышался грубой работы некрашенный крестъ, на которомъ было написано: «младенецъ Сергій.» На могилѣ я засталъ Савельича; возлѣ него лежала лопата, пила и холстинный мѣшокъ съ разными инструментами.

— И ваше благородіе къ Сергѣю Ивановичу изволили придти? спросилъ меня старикъ.

— Да, а ты что̀ здѣсь дѣлаешь?

— Крестикъ вотъ становлю, чтобъ какъ потомъ не смѣшаться могилкой.

— Жаль, поди-ко, тебѣ Сережи-то? спросилъ я его.

— Какъ не жаль, ваше благородіе, добрый онъ былъ ребенокъ и смышленый такой.... жаль!.... А впрочемъ, можетъ вѣдь и къ лучшему, что его Богъ прибралъ, прибавилъ Савельичъ послѣ минуты раздумья.

— Отъ чего же?

— Да какое житье-то его было на послѣдяхъ.... сами знаете, ваше благородіе.... слыхали.... И умеръ-то какъ, бѣдненькій.

— А какъ?

— Да простудили.... Меня то̀-и-знай по городу то за тѣмъ, то за другимъ сама гоняла, а за ребенкомъ никакого присмотру не было.... Началъ онъ покашливать, вотъ я и сводилъ его въ баньку. Пришли оттуда — она меня опять за книгами какими-то къ знакомымъ своимъ послала, а мальчикъ-то возьми, да и выдь на дворъ. Время было холодное, долго ли до бѣды — ну и схватилъ горячку.... Въ тотъ день за лекаремъ не послали.... что̀, говорятъ, его безпокоить вечеромъ. — Утрось я побѣжалъ за нимъ, да было поздно.... Савельичъ замолчалъ, видимо подавленный грустью; я тоже ничего не могъ сказать ему въ утѣшеніе.... Нѣсколько минутъ мы молчали оба, наконецъ старикъ набожно перекрестился на церковь и поклонился въ землю передъ могилой.

— Счастливо оставаться, надо скорѣй бѣжать домой, я вѣдь здѣсь съ самаго утра, сказалъ онъ, и собравъ инструменты, ушелъ съ кладбища.

—въ.

ТЯЖЕЛЫЯ ВРЕМЕНА.

РОМАНЪ

Ч. ДИККЕНСА.

ГЛАВА XXII.

РАЗЛУКА.

Уже темнѣло, когда Стефенъ вышелъ изъ дома мистера Бондерби. Тѣни ночи собирались такъ быстро, что на улицѣ онъ даже не хотѣлъ оглянуться назадъ, но побрелъ прямо домой. Онъ никакъ не думалъ увидѣться съ странной старушкой, которая встрѣтила его при первомъ его выходѣ изъ того же дома; но вдругъ онъ услышалъ позади себя знакомые шаги и, повернувшись, увидѣлъ эту старушку вмѣстѣ съ Рахилью.

— Ахъ, Рахиль, моя милая! Да и вы мистриссъ съ ней.

— Вѣроятно вы удивлены, и надобно сказать не безъ причины, возразила старушка. — Какъ видите, я опять здѣсь.

— Но какимъ образомъ съ Рахилью? спросилъ Стефенъ, занимая мѣсто между ними, и посматривая; то на одну, то на другую.

— Я думала встрѣтиться съ вами, но пришлось встрѣтиться вотъ съ этой доброй дѣвицей, весело сказала старушка, принимая отвѣтъ на себя. — Въ этомъ году я опоздала моимъ посѣщеніемъ, по причинѣ одышки, которая начинаетъ меня одолѣвать, и потому все откладывала до хорошей и теплой погоды. По той же причинѣ, я ужь не дѣлаю всей моей дороги въ одинъ день, но раздѣляю ее на два, останавливаюсь на ночь въ кофейной, подлѣ здѣшней желѣзной дороги, и отправляюсь назадъ на парламентскомъ поѣздѣ, въ шесть часовъ утра. Но какимъ образомъ я встрѣтилась съ этой доброй дѣвицей? я сейчасъ скажу вамъ. Я услышала о женидьбѣ мистера Бондерби. Прочитавъ объ этомъ событіи въ газетахъ, гдѣ оно описано было превосходно-великолѣпно! — и старушка произносила эти слова съ страннымъ энтузіазмомъ: — я захотѣла увидѣть его жену. Я еще не разу не видѣла ее; и повѣрите ли, она не выходила изъ дому сегодня до самого полдня. Однакожь, подумала я, надобно же сдѣлать свое дѣло. Вслѣдствіе этого рѣшилась подождать еще, и оставаясь около дома, я раза три встрѣтилась съ этой дѣвицей: ея лицо показалось мнѣ такимъ добрымъ, что я заговорила съ ней, а она со мной. Остальное вы можете узнать отъ нее; она разскажетъ вамъ короче моего.

И Стефенъ, какъ и въ прежній разъ, старался преодолѣть инстинктивное нерасположеніе къ этой старушкѣ, хотя манеры ея были просты и разговоръ чистосердечный. Стефенъ, съ обычнымъ радушіемъ, котораго не лишена была и Рахиль, продолжалъ разговоръ, такъ сильно интересовавшій старушку.

— Такъ, такъ, мистриссъ, сказалъ онъ. — Я видѣлъ его жену, она молода и хороша собой. У нее прекрасные черные глаза, и такая кроткая, что въ жизнь свою не видѣлъ такой женщины!

— Молода и хороша собой! возразила старушка въ полномъ восторгѣ. — Пышная, я думаю, какъ роза, и должно быть пресчастливая жена!

— Да, мистриссъ, я полагаю, сказалъ Стефенъ, съ видомъ сомнѣнія взглянувъ на Рахиль.

— Вы только полагаете? Нѣтъ! она должна быть счастлива! вѣдь она жена вашего хозяина! возразила старушка.

Стефенъ кивнулъ головой.

— Что касается до моего хозяина, сказалъ онъ, еще разъ взглянувъ на Рахиль: — больше уже онъ мнѣ не хозяинъ, а я ему не слуга. Между нимъ и мной все кончено.

— Развѣ ты оставилъ у него работу, Стефенъ? спросила Рахиль, быстро и безпокойно.

— Оставилъ ли я его работу, или его работа оставила меня, это все одно и тоже, отвѣчалъ онъ. — Его работа и я разлучились другъ съ другомъ. И слава Богу: все дѣлается къ лучшему. Останься я здѣсь и непріятности наростали бы на непріятности. Быть можетъ, многіе будутъ довольны, если я уйду отсюда,—можетъ статься, я самъ буду доволенъ этимъ; но во всякомъ случаѣ, я долженъ это сдѣлать. Я долженъ оставить Коксгоунъ, и поискать счастія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, я долженъ начать мою дорогу сначала.

— Куда же ты пойдешь, Стефенъ?

— Сегодня я еще и самъ не знаю, сказалъ онъ, приподнимая шляпу и приглаживая ладонью рѣдкіе волосы. — Впрочемъ, сегодня я и не думаю идти, и завтра тоже. Сама ты посуди, вѣдь не легко рѣшить, куда идти; но я надѣюсь, что добрая мысль не оставитъ меня.

Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда его руководило не себялюбивое чувство. Съ той минуты, какъ Стефенъ затворилъ за собою дверь мистера Бондерби, онъ разсудилъ, что удаленіе его изъ Коксгоуна будетъ благопріятно и для Рахили; оно бы избавило ее отъ отвѣтственности передъ фабричными за ея къ нему привязанность. Хотя разлука съ ней и стоила бы ему мучительной пытки, и хотя онъ не могъ придумать мѣста, въ которомъ бы участь его облегчилась, но онъ полагалъ, что уже одно освобожденіе отъ такого положенія, въ какомъ онъ находился въ теченіе четырехъ послѣднихъ дней, послужитъ для него отрадой. Онъ готовъ былъ промѣнять это положеніе на трудности и огорченія, которыхъ онъ еще не зналъ, но которыя его ожидали впереди.

— Никто не повѣритъ, Рахиль, какъ мнѣ тяжело и горько, сказалъ Стефенъ.

— Но, вѣроятно, я не увеличиваю твоего бремени, отвѣчала Рахиль, съ ласковой улыбкой.

Старость, особливо когда въ ней проглядываетъ самодовольствіе и нѣкоторая независимость, всегда пользуется особеннымъ вниманіемъ отъ бѣдныхъ. Старушка была такъ благовидна и самодовольна, такъ легко переносила свою дряхлость, которая усилилась со времени ея перваго свиданія со Стефеномъ, что оба ея спутника приняли въ ней живое участіе. Она была слишкомъ развязна, чтобъ позволить имъ идти для нея медленнѣе; выражая признательность за то, что обращались къ ней съ разговоромъ, она готова была говорить безъ умолку, и когда они вступили въ ту часть города, гдѣ находилась квартира Стефена, она сдѣлалась словоохотнѣе и веселѣе прежняго.

— Зайдемте ко мнѣ, мистриссъ, сказалъ Стефенъ: — и выпьемъ чашку чаю! Рахиль тоже зайдетъ, а потомъ я провожу васъ до кофейной. Быть можетъ, Рахиль, я долго не увижу гостей въ моемъ домѣ.

Рахиль и старушка согласились, и всѣ трое вошли въ домъ, гдѣ жилъ Стефенъ. При входѣ въ узкій переулокъ, Стефенъ взглянулъ на окно своей квартиры, съ тѣмъ ужасомъ, который какъ призракъ преслѣдовалъ его повсюду, особливо вблизи его одинокаго жилища; но на этотъ разъ окно было открыто, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ оставилъ его, и никто изъ него не выглядывалъ. Злой демонъ его жизни исчезъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и Стефенъ ничего о немъ не слышалъ. Единственными слѣдами его недавняго пребыванія въ домѣ Стефена была нѣкоторая убыль въ движимости, и прибыль сѣдины на его головѣ.

Стефенъ зажегъ свѣчку, поставилъ маленькій чайный приборъ, досталъ кипятку, и принесъ изъ ближайшей лавочки щепотку чаю, нѣсколько кусковъ сахару, бѣлый хлѣбъ и немного масла. Хлѣбъ былъ свѣжій, съ поджареной коркой, масло превосходное, сахаръ отличный, словомъ—все вообще подтверждало показанія кокстоунскихъ магнатовъ, что фабричные живутъ нисколько не хуже владѣтельныхъ принцевъ. Рахиль приготовляла чай (по такому стеченію гостей потребовалось занять у сосѣдей чашку) и старушка пила его съ наслажденіемъ. Для нее это было яркимъ проблескомъ радушнаго гостепріимства, какого она не видала въ теченіе весьма многихъ дней. Самъ Стефенъ, предъ которымъ лежала обширная и безпріютная степь, съ особеннымъ удовольствіемъ

сидѣлъ за трапезой — это обстоятельство опять оправдывало увѣренія кокстоунскихъ магнатовъ, что фабричные живутъ безъ всякаго разсчета.

— Мнѣ еще ни разу не приходило въ голову спросить ваше имя, мистриссъ, сказалъ Стефенъ.

Старушка назвала себя мистриссъ Пеглеръ.

— Вдова, я полагаю? сказалъ Стефенъ.

— О, давнымъ давно вдова!

По разсчету мистриссъ Пеглеръ ея, мужъ, и превосходнѣйшій мужъ, лежалъ уже въ могилѣ, когда Стефенъ только что родился.

— Жаль, очень жаль! Весьма горестно лишиться хорошаго мужа, сказалъ Стефенъ. — Есть дѣти у васъ?

Рука мистриссъ Пеглеръ дрогнула при этомъ вопросѣ, и чашка ударилась о блюдечко.

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Теперь у меня нѣтъ дѣтей.

— Вѣрно умерли, Стефенъ, намекнула Рахиль.

— Мнѣ очень жаль, что я заговорилъ объ этомъ, сказалъ Стефенъ. — Признаюсь, я и въ умѣ не имѣлъ дотронуться до больнаго мѣста. Виноватъ, извините меня.

Въ то время, какъ онъ извинялся, чашка старушки снова стукнулась о блюдечко.

— У меня былъ сынъ, сказала она, съ весьма страннымъ сожалѣніемъ, хотя и безъ всякихъ признаковъ печали: — и онъ хорошо пошелъ, удивительно хорошо. Но, пожалуйста, не говорите о немъ: онъ....

Поставивъ чашку, она размахнула руками, какъ будто этимъ движеніемъ хотѣла сказать: «умеръ!» И потомъ прибавила вслухъ:

— Я потеряла его.

Стефенъ не успѣлъ еще выразить сожалѣнія о потерѣ старушки, когда хозяйка дома, вскарабкавшись на верхъ по узенькой лѣстницѣ, подозвала его къ двери, и что-то прошептала ему на ухо. Мистриссъ Пеглеръ ни подъ какимъ видомъ не была глухая: до ея слуха долетѣли нѣкоторыя слова *домохозяйки*.

— *Бондерби*! вскричала она, подавленнымъ голосомъ, и отскочивъ отъ стола. — Ради Бога, спрячте меня. Умоляю васъ, не дайте ему меня увидѣть. Ради Бога! ради Бога!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ и чрезвычайно взволнованная старалась спрятаться за Рахиль, которая въ свою очередь, стараясь ее успокоить, не понимала, что съ ней дѣлается.

— Не бойтесь, мистриссъ, сказалъ Стефенъ. — Вѣдь это не самъ мистеръ Бондерби, а его жена. Ее нечего бояться. Вѣдь вы сами, съ часъ тому назадъ, души въ ней не слышали.

— Но увѣрены ли вы, что это его жена? спросила старушка, продолжая дрожать.

— Совершенно увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, перестаньте говорить со мной, и не обращайте на меня вниманія, сказала она. — Оставьте меня въ покоѣ, вотъ въ этомъ уголкѣ.

Стефенъ кивнулъ головой; посмотрѣлъ на Рахиль, отъ которой онъ, по видимому, ждалъ объясненія этого страннаго происшествія, но Рахиль ничего не могла сказать ему. Стефенъ взялъ свѣчку, спустился съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, освѣщая Луизѣ дорогу. Луизу провожалъ Волчонокъ.

Рахиль встала, и стояла въ сторонѣ съ шляпкой и платкомъ въ рукѣ, между тѣмъ какъ Стефенъ, крайне изумленный такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, поставилъ свѣчку на столъ, и, сложивъ руки на груди, ожидалъ, когда заговорятъ съ нимъ.

Въ первый разъ въ жизни Луиза вошла въ жилище одного изъ кокстоунскихъ фабричныхъ, въ первый разъ въ жизни она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, отдѣльно принадлежавшимъ къ этому сословію. Она знала о существованіи фабричныхъ гуртомъ—сотнями и тысячами. Она знала, что опредѣленное число фабричныхъ, въ данное время, производитъ извѣстное количество товаровъ. Она видѣла фабричныхъ, толпами входившихъ на фабрику и выходившихъ изъ нея, какъ муравьи и жуки. Но она безпредѣльно больше знакома съ нравами трудолюбивыхъ насѣкомыхъ, нежели съ нравами этого работящаго класса людей.

Въ понятіяхъ Луизы, кокстоунскій фабричный — нѣчто движущее станкомъ опредѣленное число часовъ въ день, получающее опредѣленную плату въ день, и потомъ исчезающее съ лица земли; нѣчто голодающее во время дороговизны и съѣдающее очень много хлѣба въ дешевую пору; нѣчто раз-

множающееся на извѣстный процентъ и на такой же процентъ увеличивающее пороки, нищету и преступленія, нѣчто оптовое — служащее къ пріобрѣтенію богатствъ; нѣчто волнующееся отъ времени до времени, какъ море, дѣлающее вредъ и опустошеніе, по бо́льшей части себѣ, и потомъ затихающее. Для Луизы легче было раздѣлить океанъ на его составныя частицы, нежели представить себѣ эти существа въ отдѣльномъ видѣ.

Она нѣсколько секундъ оставалась на мѣстѣ, осматривая комнату. Бросивъ бѣглый взглядъ на нѣсколько стульевъ, нѣсколько книгъ, нѣсколько простыхъ картинокъ и кровать, она посмотрѣла на двухъ женщинъ и Стефена.

— Я пришла поговорить съ вами, по поводу отказа вамъ отъ фабрики. Я бы хотѣла быть полезною вамъ, если вы позволите. Это ваша жена?

Рахиль приподняла глаза, которыми отрицательно отвѣтила на этотъ вопросъ, и снова опустила ихъ.

— Ахъ, да: теперь я помню, сказала Луиза, покраснѣвъ отъ своей ошибки: — я слышала что-то о вашихъ домашнихъ несчастіяхъ, хотя въ то время не обратила особеннаго вниманія на ихъ подробности. Я не думала предложить вопросъ; непріятный для васъ; и если мнѣ придется сказать вамъ еще что нибудь подобное, то повѣрьте, что это будетъ сдѣлано неумышленно, и скорѣе потому, что я не умѣю говорить съ вами какъ должно.

Какъ Стефенъ за нѣсколько минутъ инстинктивно обращался къ Луизѣ, такъ точно и она инстинктивно обращалась теперь къ Рахили. Она говорила довольно отрывисто, но вмѣстѣ съ тѣмъ колеблющимся и робкимъ голосомъ:

— Онъ вѣроятно говорилъ вамъ, что произошло между нимъ и моимъ мужемъ? Я полагаю, вы у него одна, которой онъ рѣшится повѣрить свое горе.

— Я узнала отъ него только рѣшеніе вашего супруга, отвѣчала Рахиль.

— Такъ ли я поняла, что получивъ отказъ отъ одного фабриканта, ему будутъ отказывать другіе?

— Кто прослыветъ между ними дурнымъ человѣкомъ, — тому нельзя надѣяться на лучшее. Человѣкъ не можетъ пользоваться доброй репутаціей въ одномъ мѣстѣ, когда о немъ идетъ дурная молва въ другомъ.

— А какъ я должна понимать выраженіе «дурной человѣкъ»?

— Это одно и тоже, что человѣкъ безпокойный, нетерпимый обществомъ.

— Значитъ, чрезъ предразсудки своего собственнаго класса, и ложныя понятія другаго, онъ одинаково долженъ страдать отъ тѣхъ и другихъ? Скажите, неужели въ нашемъ городѣ разъединеніе этихъ двухъ классовъ такъ сильно, что честный работникъ не можетъ быть терпимъ между ними?

Рахиль молча кивнула головой.

— Въ кругу своихъ товарищей онъ сдѣлался жертвою подозрѣнія, потому что не хотѣлъ быть за одно съ ними, сказала Луиза. — Я полагаю, что этимъ поступкомъ онъ обязанъ вамъ. Могу ли я спросить, почему онъ сдѣлалъ это?

Рахиль заплакала.

— Бѣдный Стефенъ! Я отъ него ничего подобнаго не требовала. Я просила его удаляться отъ всякихъ безпокойныхъ сборищъ для его же пользы, вовсе не думая что для меня онъ это сдѣлаетъ. Впрочемъ, я знаю, что онъ скорѣе согласится умереть нежели измѣнить своему слову. Я это очень хорошо знаю.

Стефенъ оставался безмолвнымъ въ своей задумчивой позѣ, опираясь подбородкомъ на ладонь. Теперь же онъ заговорилъ, но не всегдашнимъ своимъ спокойнымъ голосомъ.

— Никто, кромѣ меня, не знаетъ и не можетъ знать, до какой степени и по чему я почитаю Рахиль и люблю ее. Когда я обѣщалъ ей удаляться отъ сборищъ, я говорилъ ей истину. Передъ ней я произнесъ тогда торжественную клятву, которой не нарушу до конца моей жизни.

Луиза обернулась къ нему, и съ нѣжнымъ участіемъ посмотрѣла сначала на него, потомъ на Рахиль; это явленіе было въ ней совершенно новое.

— Что же вы хотите дѣлать? спросила она болѣе мягкимъ голосомъ.

— Оставивъ здѣшнюю фабрику, сказалъ Стефенъ, съ улыбкой: — я долженъ оставить и городъ, и попробовать счастія въ другомъ мѣстѣ.

— Но какъ вы намѣрены совершить путешествіе?

— Пѣшкомъ, моя добрая леди, пѣшкомъ.

Луиза покраснѣла: въ рукѣ ея появился кошелекъ. Она вынула изъ него ассигнацію и положила на столъ.

— Рахиль, пожалуйста скажите ему, — вы съумѣете сказать, не оскорбляя его, — что эта ассигнація принадлежитъ ему, на его дорожныя издержки. Упросите его принять отъ меня эту бездѣлицу.

— Я не могу этого сдѣлать, молодая лэди, отвѣчала Рахиль, отвернувшись въ сторону. Да благословитъ васъ небо за ваше нѣжное участіе въ бѣдномъ человѣкѣ!

Луиза посмотрѣла частію недовѣрчиво, частію боязливо, и частію съ живымъ состраданіемъ, когда Стефенъ такъ хорошо владѣвшій собой, такъ опредѣлительно и спокойно говорившій съ ея мужемъ, въ одинъ моментъ потерялъ все свое спокойствіе, и теперь стоялъ закрывъ руками лицо. Она протянула свои руки, какъ будто хотѣла прикоснуться къ нему, но немедленно опустила ихъ, и осталась неподвижною.

— Даже Рахиль не могла бы превратить такое великодушное предложеніе, въ болѣе великодушное, сказалъ Стефенъ, снова открывая лицо: — чтобъ показать, что я человѣкъ разсудительный и признательный, я готовъ принять два фунта. Я принимаю ихъ съ тѣмъ, чтобъ возвратить назадъ. Для меня будетъ пріятнѣйшею та работа, которая будетъ напоминать мнѣ о вѣчной благодарности за ваше великодушіе. И какъ мнѣ сладко будетъ трудиться, чтобъ заплатить эти деньги!

Луиза была принуждена взять обратно свою ассигнацію, и замѣнить ее другою въ ту сумму, которую онъ назначилъ. Стефенъ не былъ ни утонченно вѣжливъ, ни замѣчательно хорошъ собой, ни живописенъ въ своихъ позахъ, но не смотря на то, манеры, съ которыми онъ принималъ деньги, и въ нѣсколькихъ словахъ выражалъ свою благодарность, заключали въ себѣ столько граціи, что лордъ Честерфильдъ не могъ бы передать ихъ своему сыну въ цѣлое столѣтіе.

Во все это время Томъ сидѣлъ на кровати, покачивая ногой и сося набалдашникъ своей трости. До этой минуты онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на разговоръ, но теперь замѣтивъ, что сестра его готова удалиться, онъ всталъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Подожди минуточку, Луиза! Прежде чѣмъ уйдемъ отсюда, мнѣ бы хотѣлось поговорить съ этимъ человѣкомъ.

Мнѣ пришла въ голову блестящая мысль. Вели, Блакпуль, ты выйдешь со мной на крыльцо, я ее сообщу тебѣ.

Стефенъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе чтобы взять другую свѣчу.

— Ненужно! сказалъ Томъ: — я обойдусь и безъ свѣчи.

Стефенъ послѣдовалъ за Томомъ; Томъ затворилъ дверь, и оставилъ руку на замкѣ.

— Послушай! прошепталъ онъ. Мнѣ кажется и я могу оказать тебѣ услугу. Не спрашивай меня какимъ образомъ, потому что планъ мой, быть можетъ, ни къ чему не поведетъ. Попытать, однако, не мѣшаетъ.

Дыханіе Стефена такъ горячо, что оно какъ пламя жгло ухо Стефена.

— Сегодня вечеромъ тебя пригласилъ къ мистеру Бондерби нашъ бѣлокурый лакей, не такъ ли? сказалъ Томъ: — Я называю его нашимъ, потому что и я тоже служу въ банкѣ.

— Куда это онъ такъ торопится? подумалъ Стефенъ: — такъ замѣтно не вязались слова Тома.

— Слушай же! Когда ты отправляешься?

— Сегодня понедѣльникъ, отвѣчалъ Стефенъ, соображая день своего отъѣзда. Я думаю, сэръ, въ пятницу или субботу.

— Въ пятницу или субботу, сказалъ Томъ: — такъ смотри же! Я не вполнѣ увѣренъ, что могу оказать тебѣ услугу; леди, которая теперь у тебя въ комнатѣ, это моя сестра, — но все же я попытаю, — въ случаѣ неудачи, ты ничего не теряешь. Такъ вотъ что я тебѣ скажу. Узнаешь ли ты нашего бѣлокураго лакея?.

— Безъ сомнѣнія узнаю, отвѣчалъ Стефенъ.

— И прекрасно. На дняхъ, вечеромъ, когда ты кончишь работу, постой около банка съ часъ времени. Не обращай вниманія на него, если онъ увидитъ тебя изъ окна; потому что я до тѣхъ поръ не подошлю его къ тебѣ, пока не увѣрюсь, что могу оказать тебѣ услугу. Въ такомъ случаѣ онъ принесетъ тебѣ записку отъ меня или нѣсколько словъ. Понимаешь ли меня?

Въ темнотѣ, Томъ запустилъ пальцы въ петлю куртки Стефена, и съ судорожнымъ напряженіемъ закручивалъ верхній уголъ ветхаго одѣянія Стефена.

— Понимаю сэръ.

— Такъ смотрижe! повторилъ Томъ: — не ошибайся и не забудь. По дорогѣ я сообщу сестрѣ что намѣренъ сдѣлать для тебя, и она вѣрно одобритъ мой планъ. Не забудь же! Хорошо ли ты понялъ меня? Хорошо! Ну такъ и кончено! Пойдемъ Луиза.

Произнося послѣднія слова, Томъ отворилъ дверь, но не входилъ въ комнату, и не ждалъ когда ему посвѣтятъ спуститься съ узенькой лѣстницы. Онъ сбѣжалъ внизъ, когда Луиза только что начинала спускаться, и былъ уже на улицѣ, когда она подала ему руку.

Мистриссъ Петлеръ оставалась въ углу, пока братъ и сестра не ушли, и пока Стефенъ не воротился назадъ со свѣчей въ рукѣ. Она находилась въ невыразимомъ восторгѣ отъ мистриссъ Бондерби, и наконецъ разрыдалась, потому что «мистриссъ Бондерби, была такая милая и предобрая леди!» При всемъ томъ она находилась въ такомъ тревожномъ состояніи отъ одной мысли, что можетъ статься братъ и сестра, а пожалуй и самъ мистеръ Бондерби, еще разъ навѣстятъ Стефена, что восторгъ ея скоро охладѣлъ. Было уже довольно поздно для людей, которые должны вставать рано, и заниматься въ теченіе дня тяжелою работой; поэтому гости Стефена кончили свою бесѣду. Стефенъ и Рахиль проводили таинственную незнакомку до дверей кофейной, и тамъ разстались съ ней.

— Я постараюсь до отъѣзда, еще разъ увидѣться съ тобой, Рахиль, но если......

— Я знаю. Стефенъ, что этого ты не сдѣлаешь. Зачѣмъ это говорить, лучше быть откровеннѣе другъ съ другомъ.

— Ты всегда права. Дѣйствительно; чѣмъ рѣшительнѣе и откровеннѣе, тѣмъ лучше. Я самъ думалъ Рахиль, что въ эти два дня, которые остается мнѣ пробыть здѣсь, лучше будетъ, моя милая, если насъ не увидятъ вмѣстѣ. А то, пожалуй изъ ничего, ты наживешь себѣ хлопотъ.

— Этого я не боюсь. Я только хотѣла напомнить тебѣ наше старое условіе.

— Спасибо, спасибо, сказалъ Стефенъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ лучше.

— Ты будешь писать ко мнѣ, Стефенъ, какъ пойдутъ твои дѣла?

— Непремѣнно. Теперь мнѣ остается только сказать; да благословитъ тебя небо, и да наградитъ оно тебя!

— Да не оставитъ оно и тебя во всѣхъ твоихъ предпріятіятъ, и ниспошлетъ тебѣ миръ и покой!

— Прощай, Рахиль, прощай на долго!

Это было прощанье на скорую руку, на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, но оно служило священнымъ залогомъ неразрывной дружбы между двумя существами изъ простаго сословія. Защитники взаимной пользы, чахлые образцы школьныхъ учителей, — фактическіе люди, поборники ложнаго понятія о счастіи человѣчества, — между вами всегда находятся бѣдные люди, — вы всегда имѣете возможность господствовать надъ ними. Старайтесь, пока не ушло время, разработывать и изощрять въ нихъ нѣжныя наклонности сердца, которые могли бы украшать ихъ жизнь, въ ту пору, когда она будетъ нуждаться въ украшеніи; — въ противномъ случаѣ, въ минуты вашего торжества, когда эти наклонности будутъ совершенно вытѣснены изъ ихъ души, когда они и жалкое ихъ существованіе встрѣтятся лицомъ къ лицу, — дѣйствительность приметъ чудовищную форму, и тогда — гибель ваша неизбѣжна!

Стефенъ провелъ за станкомъ своимъ еще день, но по прежнему никто не порадовалъ его ласковымъ словомъ, — по прежнему всѣ избѣгали встрѣчи съ нимъ. Къ концу втораго дня, онъ, какъ говорится, увидѣлъ обетованный край, а къ концу третьяго, станокъ его стоялъ неподвижно.

Въ оба эти дня Стефенъ ходилъ подъ окнами банка, и чего-то ждалъ, но ожиданія его не увѣнчались ни хорошимъ, ни худымъ. На третій и послѣдній вечеръ, опасаясь оказать небрежность къ предложенію Тома, онъ рѣшился прождать подъ окнами цѣлыхъ два часа.

Онъ видѣлъ какъ бывшая экономка мистра Бондерби сидѣла у окна въ нижнемъ этажѣ банка, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ видалъ ее и прежде, видѣлъ бѣлокураго лакея, который отъ времени до времени то разговаривалъ съ ней, то выглядывалъ изъ-за сторы на улицу, то выходилъ на крыльцо, и оставался тамъ на нѣсколько секундъ, подышать чистымъ воздухомъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ, Стефенъ подумалъ, что вѣрно онъ ищетъ его, и потому прошелъ подлѣ самаго крыльца; но бѣлокурый лакей только

посмотрѣлъ на него постоянно мигавшими глазами и не сказалъ ни слова.

Два часа безполезной прогулки, послѣ утомительной дневной работы, были слишкомъ тяжелы для Стефена. Стефенъ то садился на ступеньки изъ бѣлаго цоколя, то прислонялся къ стѣнѣ подъ сводами фабричныхъ воротъ, то бродилъ мимо банка, прислушивался къ бою часовъ на церковной башнѣ, останавливался и смотрѣлъ на дѣтей, играющихъ на улицѣ. Та или другая цѣль до такой степени натуральна каждому человѣку, что праздношатающійся человѣкъ непремѣнно бросится въ глаза. Стефенъ понималъ это, и когда прошелъ первый часъ его ожиданій, онъ началъ испытывать непріятное ощущеніе, полагая, что въ глазахъ другихъ онъ можетъ показаться подозрительнымъ человѣкомъ.

Наконецъ явился фонарщикъ, и вслѣдъ за нимъ двѣ полосы свѣта протянулись по длинной перспективѣ улицы, слабѣя и совершенно изчезая въ отдаленіи. Мистриссъ Спарситъ закрыла окно нижняго этажа, спустила стору и ушла на верхъ, и за ней послѣдовалъ огонекъ, показавшись сначала въ полукругломъ окнѣ, надъ парадной дверью, а потомъ въ двухъ другихъ окнахъ, пропускавшихъ на лѣстницу дневной свѣтъ. Вотъ зашевелился одинъ уголъ сторы во второмъ этажѣ, какъ будто оттуда выглядывалъ глазъ мистриссъ Спарситъ, — и другой, какъ будто оттуда выглядывалъ мигающій глазъ бѣлокураго лакея. А Стефенъ все еще не получалъ извѣстія отъ Тома. Наконецъ прошелъ и другой часъ, и Стефенъ какъ нельзя болѣе довольный этимъ, пошелъ домой ускореннымъ шагомъ, какъ будто стараясь воротить потерянное время.

Ему оставалось только проститься съ домохозяйкой, и прилечь по походному на полъ; къ путешествію его все было приготовлено. Онъ намѣревался оставить городъ весьма рано; прежде, чѣмъ появятся на улицахъ фабричные.

Заря еще только что начинала заниматься, когда Стефенъ, бросивъ прощальный взглядъ на свою комнату, съ грустью подумалъ, придется ли ему еще разъ увидѣть ее, и вышелъ на улицу. На улицахъ было такъ пусто, какъ будто всѣ жители покинули городъ, для того, чтобъ не встрѣчаться со Стефеномъ. Каждый предметъ казался ему печальнымъ. Даже

восходящее солнце озаряло восточную часть небосклона блѣднымъ и холоднымъ свѣтомъ.

Пройдя мимо дома, гдѣ жила Рахиль, хотя это было не подорогѣ; — мимо безмолвныхъ факторій, не дрожащихъ еще отъ движенія машинъ; мимо желѣзной дороги, гдѣ сторожевые огоньки блѣднѣли передъ усиливающимся дневнымъ свѣтомъ; мимо полуразрушенныхъ и полувозведенныхъ зданій, окружавшихъ станцію желѣзной дороги; мимо загородныхъ домиковъ, гдѣ закопченая зелень была засыпана чернымъ порошкомъ; мимо множества безобразныхъ предметовъ, Стефенъ поднялся на гору и оглянулся назадъ.

День лучезарно освѣщалъ Коксточнъ и колокольчики призывали фабричныхъ на работу. Домашніе очаги не были еще разведены, а высокіе трубы уже испускали клубы густаго дыма, застилавшаго мало по малу весь небосклонъ; на многихъ окнахъ заиграли золотистыя искры, и жители Кокстоуна имѣли возможность на какіе нибудь полчаса полюбоваться, сквозь закоптелыя стекла, солнцемъ, пребывавшемъ для нихъ въ вѣчномъ затмѣніи.

Такъ странно было для Стефена перейти вдругъ отъ фабричныхъ трубъ къ зеленѣющимъ лѣсамъ! Такъ странно было имѣть на ногахъ дорожный песокъ вмѣсто угольной пыли! Такъ странно было, проживъ столько на свѣтѣ, вступать въ него, какъ вступаетъ юноша! Съ этими думами въ головѣ, и узелкомъ подъ мышкой, Стефенъ шелъ по большой дорогѣ. Деревья наклоняли надъ нимъ свои зеленыя вѣтви, которыя какъ будто шептали ему, что онъ оставилъ за собой вѣрное и любящее сердце.

ГЛАВА XXIII.

ПОРОХЪ.

Мистеръ Джемсъ Гартгаузъ, поступивъ въ избранную партію, скоро началъ становиться въ ней замѣчательнымъ. Съ помощію политическихъ мудрецовъ, съ умѣньемъ примѣнять въ дѣло прямодушіе и неправду, съ деликатнымъ отстраненіемъ себя отъ обыкновеннаго общества, онъ весьма быстро прослылъ за много обѣщающаго человѣка. Быть холоднымъ ко

ному, не смущаться ничѣмъ и ничему не придавать особенной важности, составляло его главное правило, доставившее ему возможность сблизиться съ затвердѣлыми фактическими людьми такъ коротко, какъ будто онъ отъ самаго рожденія принадлежалъ къ этой кастѣ, и отталкивать отъ себя всѣ другія касты, какъ заноснѣлыхъ лицемѣровъ.

— Которымъ никто изъ насъ не вѣритъ, милая мистриссъ Баундерби, говоритъ онъ, и которые не вѣрятъ самимъ себѣ. Единственная разница между нами и поборниками добродѣтели, благотворительности, человѣколюбія—какъ угодно назовите — заключается въ томъ, что мы считаемъ все это за безсмыслицу, и называемъ безсмыслицей, — тогда какъ они точно также думаютъ, но не признаются въ томъ.

Неужели Луиза не содрогнулась отъ такого страннаго образа мыслей? Нѣтъ! въ этомъ не было такой несообразности съ правилами ея отца, и ея раннимъ воспитаніемъ, которая бы могла изумить ее. Развѣ есть большая разница между двумя школами, когда каждая изъ нихъ приковывала Луизу къ міру матеріальному и уничтожала всякое вѣрованіе во все другое? Развѣ Джемсъ Гартгаузъ могъ разрушить въ ея душѣ зданіе, возведенное Томасомъ Градграйндомъ еще въ ея младенчествѣ?

Колеблющееся расположеніе Луизы вѣровать въ болѣе обширное и благородное человѣчество, нежели она слышала о немъ, расположеніе, запавшее въ душу прежде чѣмъ практическій отецъ началъ образовывать ее, — постоянно заставляло ее бороться съ сомнѣніями и досадой. Съ сомнѣніями, потому что стремленіе ко всему прекрасному было уничтожаемо въ цвѣтѣ ея юности. Съ досадой, потому что она чувствовала вредъ системы, по которой ея воспитали. На натуру, такъ давно привыкшую къ самообладанію, до такой степени раздѣленную на части, философія Гартгауза дѣйствовала отрадно; Луиза чувствовала какое-то облегченіе и оправдывала себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Въ глазахъ ея каждый предметъ носилъ на себѣ отпечатокъ пустоты и ничтожества, и потому она ничего не теряла и ни чѣмъ не дорожила. Мнѣ все равно, говорила она отцу, когда тотъ предлагалъ ей мужа. Мнѣ все равно, говорила она и теперь съ холоднымъ равнодушіемъ, и продолжала идти дальше.

Но куда же она шла? — Шагъ за шагомъ, то поднимаясь, то опускаясь къ какой-то отдаленной цѣли, и притомъ такъ постепенно, что ей казалось, что она остается на мѣстѣ неподвижно. Чтò касается до мистера Гартгауза — куда онъ шелъ — объ этомъ онъ не думалъ и не заботился. Онъ не имѣлъ передъ собой ни плана, ни цѣли. Онъ доставлялъ себѣ развлеченіе, удовольствія на столько, сколько это слѣдуетъ свѣтскому джентльмену, быть можетъ даже болѣе, чѣмъ позволяла его репутація признаться въ томъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Кокстоунъ, онъ писалъ къ своему брату, высокопочтенному и шутливому члену парламента, что семейство Бондерби преуморительное, и далѣе, что жена Бондерби, въ которой онъ ожидалъ увидѣть Горгону — молоденькое и премиленькое созданіе. Послѣ этого онъ больше не писалъ ни слова и все свободное время посвящалъ преимущественно ихъ дому. Мистеръ Бондерби поощрялъ къ этому своего новаго пріятеля и шумно кричалъ передъ всѣмъ своимъ міромъ, что *онъ* вовсе не заботится о людяхъ свѣтскихъ и высокаго происхожденія, но что если дочери Тома Градгрэинда, а его женѣ нравятся они, то онъ предоставляетъ ей полную свободу имѣть съ ними знакомство.

Мистеръ Джемсъ Гартгаузъ начиналъ думать, что какое бы пріятное ощущеніе испытывалъ онъ, еслибъ личико, принимавшее такой очаровательный видъ при появленіи волчонка, принимало этотъ видъ при его появленіи.

Онъ имѣлъ проницательный взглядъ, необыкновенную способность наблюдать, и хорошую память, съ помощію которой не забылъ ни слова изъ признаній брата Луизы. Онъ удачно примѣнялъ ихъ ко всему, чтò видѣлъ въ сестрѣ и началъ постигать ее. Разумѣется, лучшая и глубочайшая часть ея характера ускользали отъ его проницательности; все же остальное онъ читалъ въ ней глазами знатока души человѣческой.

Мистеръ Бондерби купилъ домъ, съ принадлежащею къ нему землею, миляхъ въ пятнадцати отъ города и миляхъ въ двухъ отъ желѣзной дороги, тянувшейся по безчисленному множеству высокихъ арокъ, надъ пустынной страной, испещренной угольными шахтами, а ночью огнями и черными формами машинъ надъ отверстіями угольныхъ копей. Эта страна, постепенно смягчаясь къ окрестностямъ новыхъ владѣній мистера Бондерби, превращалась наконецъ въ сельскій пейзажъ,

окруженный золотистыми нивами и кустами боярышника, которые весной покрывались бѣлымъ, какъ снѣгъ цвѣтомъ, а въ теченіе всего лѣта дрожащими листьями, доставлявшими прохладную тѣнь. Въ одно прекрасное утро банкъ мистера Бондерби прекратилъ возможность выкупить имѣніе, такъ плѣнительно расположенное, и принадлежавшее одному изъ кокстоунскихъ магнатовъ, который, рѣшившись, во что бы то ни стало составить скорѣе обыкновеннаго огромное богатство, проспекулировалъ до двухъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и лопнулъ. Эти случаи, мимоходомъ сказать, не рѣдки даже въ самыхъ благоустроенныхъ семействахъ Кокстоуна.

Мистеръ Бондерби находилъ безпредѣльное удовольствіе владѣть этимъ укромнымъ уголкомъ, и съ назидательнымъ уничиженіемъ ростить капусту въ цвѣтникѣ. Онъ находилъ удовольствіе жить въ роскошно-меблированномъ коттеджѣ по казарменному; даже въ самыхъ картинахъ ему хотѣлось видѣть свое происхожденіе.

— Мнѣ сказывали сэръ, говорилъ онъ своему гостю: — что Никкитсъ, бывшій владѣтель этого мѣста, заплатилъ семьсотъ фунтовъ вонъ за тотъ морской видъ. Будь я на его мѣстѣ, я бы ни за что на свѣтѣ этого не сдѣлалъ. Въ теченіе всей жизни я бы можетъ быть взглянулъ на него разъ семь; а это значитъ за каждый разъ придется по сту фунтовъ! Нѣтъ, ужь извините! Я не забылъ еще, что я, Джозія Бондерби изъ Кокстоуна. Единственныя картины, которыми я нѣкогда владѣлъ и которыя пріобрѣталъ всякими средствами, но разумѣется позволительными, это—картинки съ ваксенныхъ бутылокъ, изображающія человѣка, бреющагося передъ сапогомъ. Чистить чужіе сапоги составляло нѣкогда мое любимое занятіе; бутылки изъ подъ ваксы я продавалъ по фардингу за штуку, и радъ радешенекъ бывалъ, когда дадутъ такія деньги!

Послѣ этого онъ тѣмъ же тономъ обращался къ мистеру Гартгаузу.

— Гартгаузъ, вы можете имѣть здѣсь пару лошадей. — Приводите, пожалуй, хоть шестерку, мы и для нихъ найдемъ мѣсто. Здѣсь есть стойла на двѣнадцать лошадей, и если не лгутъ, такъ у Никкитса всѣ были заняты. Шутка ли, двѣнадцать лошадей! А подумаешь, когда этотъ человѣкъ былъ мальчикомъ, то ходилъ въ вестминстерскую школу, ме-

жду тѣмъ какъ я питался требухой и спалъ на рыночныхъ корзинахъ. Зачѣмъ мнѣ держать двѣнадцать лошадей? для меня довольно и одной. Мнѣ бы досадно было смотрѣть, что они спятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я нѣкогда спалъ. Но что станешь дѣлать! въ нынѣшнее время, это въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Вы видите это мѣсто; вы понимаете, какого рода это мѣсто; вамъ извѣстно, что такого мѣста, по его величинѣ и положенію не найдется въ трехъ соединенныхъ королевствахъ — нигдѣ не найдется; и вотъ въ самомъ сердцѣ его, какъ червякъ въ орехѣ — господствуетъ Джозія Бондерби, между тѣмъ какъ Никкитсъ (еще вчера говорилъ мнѣ въ конторѣ одинъ человѣкъ), Никкитсъ, который разыгрывалъ въ вестминстерской школѣ латинскія комедіи, которому рукоплескала вся аристократія, въ эту минуту совершенный идіотъ — да, да, идіотъ! сидитъ въ пятомъ этажѣ, на одной изъ узкихъ и грязныхъ антверпенскихъ улицъ.

Въ этомъ-то уютномъ уголкѣ, доставлявшемъ отрадную прохладу въ долгіе и знойные лѣтніе дни, мистеръ Гартгаузъ началъ изучать личико, которое плѣнило его съ перваго раза и сталъ стараться произвесть въ немъ благопріятную для себя перемѣну.

— Мистриссъ Бондерби, я считаю за счастливѣйшій случай, что засталъ васъ одну. Я давно имѣю особенное желаніе поговорить съ вами.

Что онъ засталъ ее одну, — въ этомъ не было ничего удивительнаго: въ такое время дня она всегда была одна, и это мѣсто служило ей любимымъ убѣжищемъ. Оно находилось въ глухой части парка, гдѣ лежало нѣсколько упавшихъ деревьевъ, и гдѣ она наблюдала за падающими прошлогодними листьями, какъ наблюдала дома за падающими искрами.

Онъ сѣлъ подлѣ нея, бросивъ предварительно на ея личико выразительный взглядъ.

— Вашъ братъ, мой молодой другъ Томъ....

Румянецъ на щекахъ Луизы увеличился и она посмотрѣла на него съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Въ жизнь мою, подумалъ Гартгаузъ: — я не видѣлъ замѣчательнѣе и плѣнительнѣе вспышки этого личика.

Лицо Гартгауза обличало его мысли, хотя не выдавало его самаго, но это потому быть можетъ, что, по плану Гартгауза, оно обязано было обличить его мысли.

— Простите меня, мистриссъ Бондерби. Но выраженіе вашего участія къ брату такъ очаровательно... о! какъ Томъ долженъ гордиться этимъ!... я знаю, поступокъ мой не извинителенъ, но я невольнымъ образомъ увлекся восхищеніемъ.

— Имѣя къ тому побудительныя причины, сказала Луиза спокойно.

— О, нѣтъ, мистриссъ Бондерби: вы знаете, я не умѣю льстить, особливо вамъ. Вы знаете, что я ничтожное созданіе, готовое продать себя во всякое время за самую сходную цѣну, и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣющее говорить аркадскія нѣжности.

— Я жду дальнѣйшихъ вашихъ объясненій на счетъ моего брата, возразила Луиза.

— Вы весьма строги ко мнѣ: впрочемъ, я того и стою. Я самая негодная собака, но только не коварная — нѣтъ, не коварная. Но вы изумили меня и удалили отъ моего предмета, которымъ былъ вашъ братъ и въ которомъ я принимаю живое участіе.

— Неужели, мистеръ Гартгаузъ, вы способны принимать въ чемъ нибудь участіе? спросила Луиза полунедовѣрчиво и полупризнательно.

— Еслибъ вы спросили меня объ этомъ, когда я только что пришелъ сюда, я бы отвѣтилъ — нѣтъ. Теперь же я долженъ сказать — да, несмотря даже на то, что рискую показаться лицемѣромъ, и справедливо пробудить ваше недовѣріе.

Луиза сдѣлала слабое движеніе, какъ будто хотѣла говорить, но не имѣла голоса.

— Мистеръ Гартгаузъ, сказала она наконецъ: — Я вѣрю, что вы принимаете участіе въ моемъ братѣ.

— Благодарю васъ. Я имѣю нѣкоторое право на ваше довѣріе. Вы знаете, какъ мало у меня претензій, но въ этомъ отношеніи я почти требую вашего довѣрія. Вы такъ много дѣлали для вашего брата, вы такъ нѣжно любите его; вся ваша жизнь, мистриссъ Бондерби, выражаетъ такое къ нему самопожертвованіе.... простите меня, — я опять

отдаляюсь отъ моего предмета, — но опять таки скажу, что принимаю участіе въ немъ для него же самаго.

Луиза снова сдѣлала самое слабое движеніе, какъ будто хотѣла встать и немедленно уйти. Гартгаузъ понялъ это и тотчасъ далъ другое направленіе своему разговору и она осталась.

— Мистриссъ Бондерби, продолжалъ онъ, болѣе мягкимъ тономъ, но въ то же время съ замѣтнымъ усиліемъ принять этотъ тонъ, и чрезъ то слова его становились еще мягче: — я ставлю въ непростительную и ничѣмъ не оправдываемую вину молодому человѣку въ лѣтахъ вашего брата, если онъ беэпеченъ, неразсудителенъ и расточителенъ, если онъ, употребляя обыкновенную фразу, немного распутенъ. Можно ли сказать это про вашего брата?

— Можно.

— Позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Какъ вы думаете, играетъ ли онъ?

— Я думаю, онъ часто держитъ пари, отвѣчала Луиза, но замѣтивъ, что мистеръ Гартгаузъ ждетъ болѣе опредѣлительнаго отвѣта, она прибавила: — я даже знаю, что онъ большой охотникъ до пари.

— И, безъ сомнѣнія, проигрываетъ?

— Да.

— Это извѣстно; кто вызываетъ на пари, тотъ всегда проигрываетъ. Могу ли я намекнуть на вѣроятность, что иногда вы снабжаете его деньгами на этотъ предметъ?

Луиза сидѣла, потупивъ глаза; но при этомъ вопросѣ, она приподняла ихъ и бросила на Гартгауза испытующій и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненный досады взглядъ.

— Простите моему дерзкому любопытству, милая мистриссъ Бондерби. Мнѣ кажется, что Томъ можетъ постепенно запутать себя, и я хочу подать ему руку и помочь ему моею злосчастною опытностью. Могу ли я еще разъ повторить, что готовъ это сдѣлать для его собственной пользы? Скажите, нужно ли это?

Луиза хотѣла отвѣчать, но напрасно.

— Откровенно признаться вамъ, я сомнѣваюсь, что онъ поставленъ въ выгодное положеніе, сказалъ Джемсъ Гартгаузъ, снова усиливаясь принять на себя непринужденный видъ. — Простите моему простосердечію, но мнѣ кажется,

между вашимъ братомъ и почтеннымъ родителемъ никогда не существовало расположенія и откровенности другъ къ другу.

— Не думаю, сказала Луиза, покраснѣвъ отъ сильнаго убѣжденія въ справедливости словъ мистера Гарттауза.

— Не существовало также этихъ чувствъ — надѣюсь, что вы понимаете мои слова въ прямомъ ихъ значеніи — между нимъ и его въ высшей степени почтеннымъ зятемъ.

Луиза краснѣла все болѣе и болѣе, и едва не сгарала отъ румянца, когда отвѣчала слабѣющимъ голосомъ: «Не думаю и этого».

— Мистриссъ Боундерби, сказалъ Гартгаузъ, послѣ минутнаго молчанія: — скажите, можетъ ли существовать между нами откровенность другъ къ другу и довѣріе? Признайтесь, вѣдь Томъ занялъ у васъ значительную сумму?

— Вы поймете меня, мистеръ Гартгаузъ, отвѣчала Луиза, послѣ нѣкотораго колебанія: — вы поймете меня, если скажу вамъ, что на вашъ вопросъ я отвѣчаю утвердительно, совсѣмъ не для того, чтобы жаловаться или сожалѣть. Я никогда и ни на что не жалуюсь, и никогда не сожалѣю о томъ, что̀ я сдѣлала.

— Сколько въ ней великодушія! подумалъ Джемсъ Гартгаузъ.

— При выходѣ замужъ, я узнала, что мой братъ обремененъ долгами; до такой степени обремененъ, что я принуждена была продать нѣкоторыя бездѣлушки. Это не было жертвой съ моей стороны. Я продала ихъ охотно. Онѣ не имѣли въ глазахъ моихъ особенной цѣнности. Онѣ были для меня совершенно безполезны и ничтожны.

Или она замѣтила по его лицу, что онъ уже зналъ, или, можетъ быть, совѣсть говорила ей, что онъ догадался, что эти бездѣлушки были подарки ея мужа, только Луиза замолчала и снова раскраснѣлась. Если Гартгаузъ не зналъ объ этомъ прежде, то могъ узнать теперь, хотя бы онъ былъ и не такъ понятливъ.

— Съ этого времени я отдавала моему брату въ разное время, всѣ деньги, какія могла сберечь. Я признаюсь вамъ въ этомъ, въ той увѣренности, что вы дѣйствительно принимаете участіе въ немъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали сюда, ему понадобилась сумма болѣе ста фунтовъ. Я не

имѣла возможности ссудить ему такую сумму. Я опасалась за послѣдствія его мотовства, и держала это въ тайнѣ отъ всѣхъ. Теперь, признаваясь вамъ въ этомъ, я вполнѣ надѣюсь на вашу скромность. До сихъ поръ я ни къ кому не имѣла довѣрія, потому что.... впрочемъ, вы предъугадали причину этому.

Гартгаузъ былъ находчивый человѣкъ. Онъ увидѣлъ случай и воспользовался имъ обрисовать передъ ней ея собственный портретъ, слегка испорченный ея братомъ.

— Мистриссъ Бондерби, хотя вы видите во мнѣ человѣка холоднаго, но увѣряю васъ, я вполнѣ понимаю, и могу цѣнить ваши слова. Я не могу быть строгимъ судьей вашего брата. Я понимаю и одинаково съ вами раздѣляю основательную причину, по которой вы скрываете его заблужденія. При всемъ моемъ уваженіи какъ къ мистеру Градгрэинду, такъ и къ вашему супругу, мнѣ кажется, я догадываюсь, что вашъ братъ былъ несчастливъ въ своемъ воспитаніи. Воспитанный невыгодно въ отношеніи къ обществу, въ которомъ ему предстояло разыгрывать свою роль, онъ бросается въ крайности для своего развлеченія, и бросается отъ другихъ крайностей, которыя такъ долго, и безъ сомнѣнія съ благодѣтельною цѣлью, — употреблялись для его стѣсненія. Мистера Бондерби прекрасная, хвастливая англійская независимость, хотя въ своемъ родѣ и составляетъ очаровательную характеристику, но она, какъ мы уже согласились, не можетъ вызвать откровенности. Еслибъ я осмѣлился замѣтить, что въ этой независимости много недостаетъ теплоты и нѣжности, къ которымъ заблудшая юность, не твердый характеръ и способности, получившія неправильное развитіе, могли бы прибѣгнуть за помощью и руководствомъ, я бы выразилъ мой взглядъ на этотъ предметъ.

Въ то время, какъ Луиза черезъ полосы свѣта и тѣни, падавшія на траву, смотрѣла въ мрачную глубину отдаленнаго парка, Джемсъ Гартгаузъ усматривалъ въ ея лицѣ отраженіе своихъ весьма внятно высказанныхъ словъ.

— Ему слѣдовало дѣлать всякое снисхожденіе, продолжалъ онъ. — Я нахожу въ вашемъ братѣ только одинъ весьма важный недостатокъ, который не могу ему простить, и за который я его строго обвиняю.

Луиза взглянула ему въ лицо, и спросила:

— Какой же этотъ недостатокъ?

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Гартгаузъ: — я позволилъ себѣ высказать слишкомъ многое. Мнѣ кажется было бы лучше, еслибъ я удержался отъ этого намека.

— Вы меня пугаете, мистеръ Гартгаузъ. Ради Бога, скажите мнѣ въ чемъ дѣло!

— Чтобъ отстранить отъ васъ напрасныя опасенія, я повинуюсь, и тѣмъ охотнѣе, что между нами касательно вашего брата, образовались теперь довѣріе и откровенность, которыя я цѣню выше всего въ мірѣ. Я не могу простить ему недостатокъ чувства въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ, къ любви его лучшаго друга, къ преданности его лучшаго друга, къ ея жертвамъ, къ ея самоотверженію. Отплата, которую онъ дѣлаетъ ей, сколько я замѣчалъ, весьма скудная. За все, что она для него сдѣлала, онъ долженъ бы отплачивать постоянной любовью и благодарностью, а не своенравіемъ и капризами. Не смотря на мою безпечность, я еще не такъ равнодушенъ, мистриссъ Бондерби, чтобъ не обратить вниманія на этотъ порокъ въ вашемъ братѣ, и не считать это за непростительное оскорбленіе.

Деревья парка плавали передъ Луизой, потому что глаза ея были наполнены слезами. Онѣ пробивались изъ глубокаго родника, который долго оставался закрытымъ, и ея сердце испытывало такую мучительную боль, которую даже и слезы не могли облегчить.

— Короче, мистриссъ Бондерби, я долженъ принять на себя исправить вашего брата въ этомъ отношеніи. Мое лучшее знаніе его обстоятельствъ, мои совѣты и моя опытность на болѣе обширной аренѣ, чѣмъ та, на которой онъ блуждаетъ, произведутъ на него вліяніе, которое я, безъ сомнѣнія, употреблю для достиженія этой цѣли. Я сказалъ довольно, даже болѣе, чѣмъ довольно. Вы подумаете, что я намѣренъ показаться передъ вами добрымъ человѣкомъ, между тѣмъ, какъ, клянусь честью, я не имѣю на то ни малѣйшихъ претензій. Посмотрите, вонъ тамъ, между деревьями, прибавилъ Гартгаузъ, приподнявъ глаза, и обращаясь къ парку: — вѣдь это вашъ братъ; вѣроятно, онъ сейчасъ изъ города. Какъ кажется, онъ идетъ сюда.... не лучше ли намъ отправиться къ нему навстрѣчу. Въ послѣднее время онъ что-то сталъ задумчивъ и печаленъ. Быть можетъ въ немъ

заговорила его братская совѣсть, если только существуетъ что нибудь подобное. Вообще я что-то не вѣрю въ совѣсть, потому что слишкомъ много говорятъ объ ней.

Онъ помогъ ей встать. Луиза взяла его руку и пошла на встрѣчу Волчонку. Томъ безпечно сбивалъ на ходу древесныя вѣтки, или останавливался и злобно срывалъ тростью мохъ, слегка льнувшій къ корѣ деревьевъ. Томъ изумился, когда Луиза и Гартгаузъ застали его за этимъ занятіемъ, и нѣсколько поблѣднѣлъ.

— А-а! произнесъ онъ: — я и не зналъ, что вы здѣсь.

— Чье имя, Томъ, вырѣзали вы на деревѣ? сказалъ мистеръ Гартгаузъ, положивъ руку на плечо Тома и повернувъ его, такъ что они всѣ втроемъ пошли къ дому.

— Чье имя? возразилъ Томъ. — Вы хотите сказать имя какой нибудь дѣвушки?

— Я и безъ того подозрѣваю, что вы вырѣзали имя какого нибудь премиленькаго созданія, которое плѣнило васъ.

— Вы не угадали, мистеръ Гартгаузъ. Меня можетъ плѣнить только такое созданіе, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи хорошее богатство. Будь она также безобразна, какъ и богата, она найдетъ во мнѣ пламеннаго обожателя. Я бы сталъ вырѣзывать ея имя на каждомъ встрѣчномъ деревѣ.

— Я начинаю бояться за ваше корыстолюбіе, Томъ.

— Корыстолюбіе, повторилъ Томъ. — Кто нынче не одержимъ этимъ недугомъ? Спросите у моей сестры.

— Неужели, Томъ, ты замѣтилъ во мнѣ этотъ недостатокъ? сказала Луиза, не обращая вниманія на его мрачное расположеніе духа.

— Ты лучше знаешь въ пору ли тебѣ твой чепчикъ, угрюмо возразилъ ея братъ. — Если въ пору, то ты можешь носить его.

— Томъ сегодня не въ духѣ; это случается съ людьми, которымъ все надоѣло, сказалъ мистеръ Гартгаузъ. — Мистриссъ Бондерби, не обращайте вниманія на его слова. Онъ понимаетъ это самъ. Если онъ не будетъ скромнѣе, я открою нѣсколько мнѣній его о васъ, высказанныхъ частнымъ образомъ.

— Во всякомъ случаѣ, мистеръ Гартгаузъ, сказалъ Томъ, смягченный восхищеніемъ отъ созерцанія своего друга, но

все еще съ мрачнымъ видомъ качая головой : — вы не можете сказать , что я когда нибудь хвалилъ ее за ея корыстолюбіе. Я могъ похвалить ее совершенно за противоположныя качества, и я бы похвалилъ ее еще разъ , еслибъ имѣлъ къ тому основательную причину. Какъ бы то ни было, оставьте теперь этотъ разговоръ, я знаю, онъ нисколько для васъ не интересенъ, а для меня такъ чрезвычайно скученъ.

Въ это время они подошли къ дому. Луиза оставила руку своего гостя и пошла въ комнаты. Гартгаузъ провожалъ ее взглядомъ, въ то время, какъ она поднималась по лѣстницѣ, и скрылась за дверью; потомъ положилъ руку на плечо Тома, и пригласилъ его прогуляться въ саду.

— Томъ, мой милый, я хочу поговорить съ вами.

Они остановились между кустами розъ, росшихъ въ безпорядкѣ, — надобно замѣтить, что держать розы Никкитса въ совершенномъ небреженіи служило въ своемъ родѣ удовольствіемъ для мистера Бондерби. Томъ сѣлъ на уступъ террасы, и началъ срывать бутоны и разрывать ихъ на мелкіе куски; между тѣмъ какъ его могущественный другъ остановясь подлѣ него, поставилъ ногу на тотъ же уступъ и принялъ граціозную позу. Оба они были видны изъ окна. Быть можетъ Луиза смотрѣла на нихъ.

— Томъ! что съ вами сдѣлалось?

— Ахъ! мистеръ Гартгаузъ, сказалъ Томъ : — мнѣ тяжело, мнѣ надоѣла даже самая жизнь,

— Милый другъ мой, и мнѣ тоже самое.

— Вамъ! возразилъ Томъ. — Мистеръ Гартгаузъ! вы представляете собою олицетворенную независимость. Вы не можете себѣ представить положенія, въ которомъ я нахожусь, и изъ котораго могла бы вывести меня сестра, еслибъ только захотѣла.

Онъ началъ кусать розовые бутоны , и разрывать ихъ рукой, которая дрожала какъ у дряхлаго старика. Бросивъ на Тома наблюдательный взглядъ, мистеръ Гартгаузъ продолжалъ говорить по прежнему непринужденно.

— Томъ , вы весьма не разсудительны: вы слишкомъ многаго требуете отъ вашей сестры. Вѣдь вы получали отъ нее деньги, чего же вы еще хотите?

— Да, мистеръ Гартгаузъ, я дѣйствительно получалъ. И отъ кого же другаго могъ бы я получать ихъ? Старый Бон-

дерби вѣчно хвастается, что въ мои года онъ проживалъ по два пенса въ мѣсяцъ. Отецъ мой, какъ онъ выражается, проводитъ линію, и съ моего ребяческаго возраста привязываетъ меня къ этой линіи за шею и за ноги. Моя мать ничего не имѣетъ своего, кромѣ постоянныхъ жалобъ и болѣзни. Скажите, къ кому же я долженъ обратиться за деньгами, какъ не къ сестрѣ?

Томъ съ трудомъ удерживалъ слезы, и рвалъ бутоны по дюжинамъ. Мистеръ Гартгаузъ весьма убѣдительно взялъ его за сюртукъ.

— Но, любезный Томъ, еслибы ваша сестра не имѣла ихъ?...

— Я не говорю, что она имѣла ихъ, когда мнѣ была нужда въ нихъ. Но она должна была имѣть ихъ. Она могла ихъ имѣть. Послѣ того, что я уже разсказывалъ вамъ, мнѣ не къ чему секретничать; вы знаете, что она вышла за Бондерби не для себя, и не для него, но для меня. Почему же она не достаетъ отъ него того, что̀ нужно для меня? Она не обязана давать ему отчета для чего ей нужны деньги, она на этотъ счетъ довольно хитра; если бы захотѣла, то она могла бы вытянуть отъ него ихъ ласками. Почему же она не захотѣла этого сдѣлать, когда я говорилъ ей, какъ это важно для меня? Сидитъ передъ старымъ Бондерби какъ кукла, вмѣсто того, чтобъ поддѣлаться къ нему, и быть любезной. Не знаю, какъ вы назовете такое поведеніе, но по моему родные такъ не должны поступать съ своими родными.

Подлѣ самой террасы внизу находился небольшой прудъ, въ который мистеръ Гартгаузъ имѣлъ сильное расположеніе толкнуть мистера Томаса Градгрэинда младшаго, какъ оскорбленные кокстоунцы грозили бросить въ Атлантику свое достояніе. Но онъ, однако же, сохранилъ граціозную позу; и черезъ каменный балюстрадъ полетѣли въ прудъ одни только истерзанные бутоны розъ, и носились по поверхности его, какъ плавающій островокъ.

— Любезный мой Томъ, сказалъ Гартгаузъ: — позвольте мнѣ попробовать быть вашимъ банкиромъ.

— Ради Бога! вскричалъ Томъ неожиданно: — не говорите о банкирахъ.

И въ противоположность розамъ онъ сдѣлался весьма, весьма блѣднымъ.

Мистеръ Гартгаузъ, какъ вполнѣ благовоспитанный человѣкъ, привыкшій къ лучшему обществу, не умѣлъ удивляться, онъ приподнялъ только брови, какъ будто удивленіе слегка коснулось ихъ. Удивляться не входило въ составъ правилъ его школы, точно такъ же, какъ оно исключено было и изъ школы Градгрэинда.

— Сколько вамъ нужно Томъ въ настоящее время? Сумму въ три цыфры? Для меня это ничего не значитъ. Скажите сколько именно.

— Мистеръ Гартгаузъ, отвѣчалъ Томъ, заплакавъ; и его слезы были пріятнѣе его угрюмости, хотя онъ и представлялъ собою смѣшную фигуру:—теперь это слишкомъ поздно; въ настоящее время деньги для меня безполезны. Имѣй я ихъ прежде, онѣ оказали бы мнѣ большую услугу. Во всякомъ случаѣ я премного обязанъ вамъ: вы у меня истинный другъ.

Истинный другъ! «Волчонокъ, волчонокъ»! подумалъ мистеръ Гартгаузъ: «какой ты оселъ»!

— Я принимаю ваше предложеніе за величайшую услугу, сказалъ Томъ сжимая руку Гартгауза: — за знакъ дружескаго съ вашей стороны ко мнѣ расположенія.

— Я очень радъ, отвѣчалъ Гартгаузъ: — быть можетъ, это пригодится вамъ на будущее время. Еслибъ вы откровенно сообщали мнѣ, когда обстоятельства ваши становились весьма затруднительными, я, быть можетъ, указалъ бы вамъ дорогу выйти изъ нихъ гораздо лучше той, которую вы сами можете отыскать.

— Благодарю васъ, сказалъ Томъ, печально покачавъ головой, и начиная жевать розовые бутоны. — О! какъ жаль, что я не узналъ васъ раньше, мистеръ Гартгаузъ!

— Теперь вотъ что Томъ, сказалъ мистеръ Гартгаузъ въ заключеніе и въ свою очередь швырнувъ нѣсколько розъ черезъ балюстрадъ, какъ дань пловучему острову, который прижимался къ стѣнѣ, какъ будто ему хотѣлось слиться съ материкомъ: — каждый человѣкъ, дѣлая что нибудь для другихъ, не забываетъ въ то же время и себя, а я точно такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди вообще. Мнѣ ужасно хочется, чтобы вы были мягче въ отношеніи къ вашей се-

стрѣ, и вы должны это сдѣлать, чтобы были болѣе любящимъ и болѣе любезнымъ братомъ, вы также и это должны сдѣлать.

— Непремѣнно, мистеръ Гартгаузъ.

— Я этого требую отъ васъ въ настоящемъ времени. Начните исполнять мое желаніе сейчасъ же.

— Непремѣнно, непремѣнно. Вы сами услышите объ этомъ отъ Луизы.

— Заключивъ эту сдѣлку, Томъ, сказалъ Гартгаузъ, съ самымъ безпечнымъ видомъ, который заставлялъ Тома думать, да онъ и думалъ бѣдняжка! — что это условіе налагалось на него по одному лишь добродушію, для того, чтобъ облегчить чувство обязательства: — мы разойдемся до обѣда въ разныя стороны.

Когда Томъ явился къ обѣду, то хотя видимо было, что на душѣ его лежалъ тяжелый камень, но онъ казался веселымъ.

— Я не хочу больше сердиться, Луиза, сказалъ онъ, цалуя ее и подавая ей руку. — Я знаю, что ты любишь меня, и ты знаешь, что я люблю тебя.

Послѣ этого признанія, въ теченіе всего дня на лицѣ Луизы играла улыбка, но уже не для одного брата. Увы, эта улыбка принадлежала и другому!

— Итакъ, Волчонокъ уже болѣе не есть единственное созданіе, къ которому она расположена, думалъ Джемсъ Гартгаузъ, окончивъ размышленія о первомъ днѣ посвященномъ изученію хорошенькаго личика Луизы. — Да, да! теперь это ясно, какъ день!

ГЛАВА XXIV.

ВЗРЫВЪ.

Слѣдующее утро было слишкомъ свѣтлое утро для того, чтобы спать, а потому Джемсъ Гартгаузъ всталъ весьма рано, расположился въ нишѣ полукруглаго окна, и закурилъ рѣдкій табакъ, который однажды произвелъ весьма благотворное вліяніе на его молодаго друга. Согрѣваемый лучами утренняго солнца, среди синеватыхъ облаковъ дыма, выде-

тавшихъ изъ его восточной трубки, и исчезавшихъ въ воздухѣ, пропитанномъ лѣтнимъ благоуханіемъ, онъ разсчитывалъ свои выгоды, какъ безпечный игрокъ сталъ бы высчитывать свой выигрышъ. Въ настоящее время онъ вовсе не скучалъ, напротивъ, былъ какъ нельзя болѣе доволенъ своимъ положеніемъ.

Онъ выигралъ откровенность Луизы, откровенность, которою не пользовался ея мужъ, которая произволила въ Луизѣ совершенное равнодушіе къ мужу, и отсутствіе, отнынѣ и на всегда, всякаго между ними согласія. Онъ весьма тонко, но ясно далъ ей понять, что ему извѣстны самыя сокровенныя тайники ея сердца; онъ такъ сблизился съ самыми нѣжными чувствами этого сердца; онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ неразрывнымъ съ этими чувствами, и стѣна, за которою, скрывалась Луиза, разрушилась. Все это въ глазахъ Гартгауза было весьма странно, но съ тѣмъ вмѣстѣ и весьма удовлетворительно.

При всемъ томъ, поступая такимъ образомъ, онъ не имѣлъ еще даже и теперь опредѣленной цѣли. Большое несчастье для вѣка, что такой человѣкъ, какъ Гартгаузъ, и легіонъ, котораго онъ былъ представителемъ, лишены были всякой способности составлять какую нибудь опредѣленную цѣль. Они похожи были на ледяныя горы, которыя будучи носимы по произволу вѣтра и теченія, сокрушаютъ иногда корабли.

Когда зло ходитъ подобно ревущему льву, тогда оно можетъ прельстить собою развѣ дикарей да охотниковъ. Но когда оно выглажено, вылощено и одѣто по модѣ, тогда оно становится привлекательнымъ для многихъ, и губитъ ихъ, — тогда-то оно и есть настоящее зло.

И такъ Джемсъ Гартгаузъ сидѣлъ у окна, безпечно курилъ табакъ, и раздумывалъ о дорогѣ, по которой ему приведлось путешествовать. Конецъ этой дороги лежалъ впереди, но какой этотъ конецъ, онѣ не затруднялъ себя соображеніями. Чему быть, того не миновать.

Въ этотъ день ему предстояла дальняя поѣздка — ему представлялся случай выказать традгриндскую партію, и потому онъ одѣлся рано и спустился къ завтраку. Онъ боялся увидѣть въ Луизѣ прежнее равнодушіе, но напрасно. Онъ могъ продолжать развитіе своего плана съ того, на чемъ

остановился наканунѣ. Луиза встрѣтила его взглядомъ полнымъ участія.

Гартгаузъ провелъ день болѣе или менѣе къ своему удовольствію, и возвращался домой около шести часовъ. Между домомъ и воротами, ведущими въ паркъ устроенъ былъ объѣздъ на полмили разстоянія. Гартгаузъ ѣхалъ шагомъ по этой гладкой и усыпанной пескомъ дорогѣ, какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ мистеръ Бондерби, такъ неожиданно и съ такой быстротой, что испуганная лошадь Гартгауза бросилась въ сторону.

— Гартгаузъ! вскричалъ мистеръ Бондерби. — Слышали ли вы?

— Что такое? сказалъ Гартгаузъ, успокоивая лошадь, и внутренно надѣляя мистера Бондерби весьма нелестными комплиментами.

— Значитъ вы ничего не слышали?

— Я слышалъ вашъ крикъ, который слышало вотъ и это животное. Больше я ничего не слышалъ.

Мистеръ Бондерби, красный и горячій, поставилъ себя посрединѣ дорожки передъ мордой лошади, для того, чтобъ сильнѣе, вѣрнѣе и съ большимъ эффектомъ бросить бомбу.

— Мой банкъ ограбленъ!

— Можетъ ли быть!

— Ограбленъ, сэръ, въ прошлую ночь. Ограбленъ чрезвычайно страннымъ образомъ. Ограбленъ посредствомъ поддѣльнаго ключа.

— И много украли?

Мистеръ Бондерби, при желаніи своемъ сдѣлать изъ мухи слона, былъ крайне недоволенъ необходимостью отвѣчать на этотъ вопросъ.

— О, нѣтъ! не много. Но могло быть и весьма много.

— Сколько же именно?

— Вамъ таки хочется знать это! ну не больше полутораста фунтовъ, сказалъ Бондерби съ сильнымъ нетерпѣніемъ. — Но дѣло не въ деньгахъ, а въ фактѣ. Я сообщаю вамъ фактъ, что мой банкъ ограбленъ, а это весьма важное обстоятельство. Я удивляюсь, что вы не обращаете на это вниманія.

— Любезный Бондерби, сказалъ Джемсъ, спускаясь съ лошади и отдавая ее лакею: — я очень хорошо представляю себѣ это, и на столько пораженъ, на сколько вы можете желать. Но во всякомъ случаѣ да позволено мнѣ будетъ поздравить васъ — и я поздравляю васъ отъ души, что вы не понесли болѣе чувствительной потери.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Бондерби сердито. — Но я вамъ вотъ что скажу. Меня могли ограбить и на двадцать тысячъ фунтовъ.

— Я полагаю.

— Вы полагаете! клянусь честью, вы можете полагать! вскричалъ Бондерби, грозно потрясая головой. — Меня могли ограбить на дважды двадцать тысячъ. Чортъ знаетъ, чтобы случилось и чего бы не случилось, еслибъ въ банкѣ ни кто не проснулся.

Въ это время подошла Луиза, а съ нею мистриссъ Спарситъ и Битцеръ.

— Если вы не знаете, что могло бы случиться, такъ вотъ вамъ скажетъ дочь Тома Градгрэнда, проревѣлъ мистеръ Бондерби. — Съ ногъ свалилась, сэръ, когда я сказалъ ей объ этомъ, какъ будто ее прострѣлили! Этого я прежде за ней не замѣчалъ. Подобное обстоятельство дѣлаетъ ей честь, и возвышаетъ ее въ моемъ мнѣніи.

Луиза и теперь имѣла блѣдный и болезненный видъ. Джемсъ Гартгаузъ предложилъ ей руку; и въ то время, какъ они медленно подвигались впередъ, онъ спросилъ ее, какимъ образомъ случилась покража?

— Вѣдь я же и хотѣлъ вамъ разсказать объ этомъ, возразилъ Бондерби, гнѣвно подавая руку мистриссъ Спарситъ. — Еслибъ вы не любопытствовали такъ сильно насчетъ украденной суммы, я бы съ этого и началъ свой разсказъ. Вы знаете эту лэди? она дѣйствительно лэди, ее зовутъ мистриссъ Спарситъ.

— Я уже имѣлъ удовольствіе....

— И прекрасно. А имя этого молодаго человѣка Битцеръ, котораго вы вѣроятно видѣли при той же оказіи?

Мистеръ Гартгаузъ утвердительно кивнулъ головой, а Битцеръ приложилъ ко лбу согнутый указательный палецъ.

— И прекрасно. Они живутъ въ банкѣ. Можетъ статься, вамъ уже извѣстно, что они живутъ въ банкѣ? И прекрасно.

Вчера, вечеромъ, по окончаніи занятій, все было заперто. Мы не станемъ говорить сколько было денегъ въ желѣзной кладовой, у дверей которыхъ обыкновенно спитъ Битцеръ. Но въ небольшомъ бюро, въ кабинетѣ молодаго Тома, находилось для мелочныхъ расходовъ сто-пятьдесятъ съ чѣмъ-то фунтовъ.

— Сто-пятьдесятъ-четыре фунта, семь шиллинговъ и одинъ пенсъ, сказалъ Битцеръ.

— Молчать! проревѣлъ Бондерби; поварачиваясь назадъ и бросая на Битцера бѣшеный взглядъ: — ты не долженъ соваться туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Довольно и того, что меня ограбили въ то время, какъ ты храпѣлъ! Впрочемъ, тебѣ не о чемъ и думать больше; довольно и этого, безъ твоихъ шиллинговъ и пенсъ. Въ твои лѣта я никогда не храпѣлъ. Я не имѣлъ достаточно пищи, чтобы храпѣть. Я не высчитывалъ шиллинговъ и пенсъ. Нѣтъ! за мной не водилось этого.

Битцеръ раболѣпно прижалъ ко лбу согнутый указательный палецъ, какъ будто вполнѣ сознавая справедливость замѣчанія мистера Бондерби насчетъ воздержности.

— Сто-пятьдесятъ съ чѣмъ-то фунтовъ, снова началъ мистеръ Бондерби. — Эту сумму денегъ молодой Томъ замкнулъ въ свое бюро; не очень крѣпкое бюро, правда, но это не идетъ къ дѣлу. Ночью, когда этотъ молодецъ храпѣлъ.... мистриссъ Спарситъ, ма'мъ, вы слышали, какъ онъ храпѣлъ?

— Сэръ, возразила мистрисъ Спарситъ: — я не могу сказать утвердительно, что онъ храпѣлъ именно въ эту ночь. Но въ зимніе вечера, когда онъ засыпалъ за своимъ столомъ, я слышала его храпѣнье, и преимущественно приписываю это дѣйствію удушья. Я слышала при подобныхъ случаяхъ звуки имѣющіе близкое сходство съ шипѣньемъ старыхъ голландскихъ часовъ. Я говорю это, сказала мистриссъ Спарситъ, стараясь придать высокое значеніе такому точному показанію: — я говорю это не потому, что имѣю намѣреніе обвинить молодаго человѣка; нѣтъ! я далека отъ этого; я всегда считала и считаю Битцера за молодаго человѣка самыхъ честныхъ и строгихъ правилъ!

— Ну хорошо, хорошо! вскричалъ выходившій изъ себя мистеръ Бондерби: — храпѣлъ ли онъ, хрипѣлъ ли онъ, или

шелъ—мнѣ все ровно; онъ спалъ, и этого довольно! И когда онъ спалъ, какіе-то бездѣльники, предварительно ли спрятанные въ домѣ, или нѣтъ, это еще подлежитъ розысканію, забрались въ кабинетъ Тома, взломали и очистили его бюро. Вѣрно имъ помѣшало что нибудь, потому что на этомъ они остановились; выпустили себя черезъ парадную дверь и заперли ея двойной замокъ (у этой двери двойной замокъ и ключь кладется на ночь подъ изголовье мистриссъ Спарситъ) заперли ея двойной замокъ поддѣльнымъ ключемъ, который поднятъ былъ на улицѣ близь банка, сегодня около полдня. Тревога только тогда поднялась, когда этотъ молодецъ, Битцеръ, всталъ поутру и началъ прибирать комнаты. Взглянувъ на бюро Тома, онъ увидѣлъ, что доска откинута, замокъ сломанъ и деньги исчезли.

— А гдѣ же Томъ? спросилъ Гартгаузъ, оглядываясь вокругъ.

— Остался въ банкѣ и возится теперь съ полиціей, сказалъ Бондерби. — Желалъ бы я, чтобъ эти разбойники вздумали ограбить меня въ лѣта Тома. Небось не много бы поживились, мошенники!

— Но вѣроятно кого нибудь подозрѣваютъ?

— Гм! подозрѣваютъ? Я долженъ думать, что кого нибудь подозрѣваютъ. Клянусь честью! сказалъ Бондерби, опуская руку мистриссъ Спарситъ, чтобъ вытерѣть свою разгоряченную голову: — Джозію Бондерби изъ Коксточна нельзя ограбить такъ, чтобы никто не оставался въ подозрѣніи. — Нѣтъ, ужь извините! онъ не такой человѣкъ!

— Могу ли я спросить кого подозрѣваютъ? спросилъ мистеръ Гартгаузъ.

— Почему же? сказалъ Бондерби, останавливаясь лицомъ къ лицу передъ всѣми: — я скажу вамъ. Правда, этого нельзя говорить вездѣ; этого нельзя говорить гдѣ ни попало, чтобы не дать возможности мошенникамъ (а я знаю, ихъ цѣлая шайка), скрыть свои слѣды. И такъ я говорю вамъ это по секрету. Впрочемъ, позвольте на минуту. И мистеръ Бондерби снова вытеръ себѣ голову. — Какъ вы думаете, кто изъ фабричныхъ участвовалъ въ этомъ?

— Надѣюсь, сказалъ Гартгаузъ, лѣниво: — не нашъ другъ Блакпотъ.

— Скажите Блэкпуль вмѣсто Блакпотъ, и вы угадаете.

Луиза слабо произнесла восклицаніе, выражавшее и недовѣріе и удивленіе.

— О, да! я такъ и зналъ! вскричалъ Бондерби, немедленно ухватившись за это восклицаніе. — Я ужь привыкъ къ этому. Мнѣ все это извѣстно. По вашему это прекраснѣйшія люди въ мірѣ. Они одарены даромъ слова. Имъ только нужно объяснить ихъ права. Это по вашему. А по моему вотъ что. Покажите мнѣ недовольнаго фабричнаго, и я покажу вамъ человѣка, который способенъ на все дурное, я не говорю, на что именно. Я знакомъ съ этими людьми весьма коротко. Я могу читать ихъ, какъ книги. Мистриссъ Спарситъ, ма'мъ, я обращаюсь къ вамъ. Какое предостереженіе дѣлалъ я этому человѣку, когда нога его въ первый разъ переступила черезъ порогъ моего дома, и когда цѣлью его посѣщенія было узнать не существуетъ ли закона перевернуть вверхъ ногами существующіе законы? Мистриссъ Спарситъ, именемъ вашихъ высокихъ связей, — вѣдь вы стоите на одномъ уровнѣ съ аристократіей, — говорилъ ли я, или не говорилъ этому негодяю: «ты не можешь скрыть отъ меня истины; ты мнѣ очень не нравишься; изъ тебя ничего не будетъ путнаго».

— Конечно, сэръ, отвѣчала мистриссъ Спарситъ: — вы говорили и весьма выразительно дали ему увѣщаніе.

— Ну да, въ то время, когда онъ оскорбилъ ваши чувства, ма'мъ, сказалъ Бондерби.

— Такъ точно, сэръ, возразила мистриссъ Спарситъ, жеманно покачавъ головой: — дѣйствительно тогда онъ оскорбилъ мои чувства. Я не намѣрена, впрочемъ, сказать этимъ, что тогда я была чувствительнѣе, чѣмъ теперь, занимая у мистера Бондерби новую обязанность.

Мистеръ Бондерби съ чувствомъ безпредѣльной гордости выпучилъ глаза на мистера Гартгауза, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «я владѣтель этой женщины, и мнѣ кажется, она достойна вашего вниманія». И потомъ продолжалъ:

— Припомните сами Гартгаузъ, что я гововорилъ этому негодяю, когда вы въ первый разъ увидѣли его. Я съ нимъ не церемонился. Я имъ не люблю давать потачки. Я знаю

ихъ вдоль и поперегъ. И что же вышло? Спустя три дня послѣ того онъ сбѣжалъ, никто не знаетъ куда. Сбѣжалъ, какъ сбѣжала моя мать во время моего младенчества: съ тою только разницей, что онъ передъ побѣгомъ обокралъ мой банкъ. Какъ вы думаете, что̀ онъ сдѣлалъ передъ своимъ побѣгомъ? Мистеръ Бондерби, для вящшей вразумительности отбивалъ тактъ по донышку своей шляпы, какъ по тамбурину, почти для каждаго слова. — Что вы скажете.... насчетъ того.... что вечеръ за вечеромъ.... онъ сторожилъ банкъ?... въ сумерки.... бродилъ около его? что вы скажете насчетъ намека мистриссъ Спарситъ.... что въ этомъ скрывается.... злоумышленность?... Насчетъ того, что мистриссъ Спарситъ.... обратила на это.... вниманіе Битцера.... и они вмѣстѣ слѣдили за нимъ? Насчетъ наведенной сегодня справки.... по которой и сосѣди.... также обратили на него.... вниманіе?

Достигнувъ крайняго предѣла своихъ объясненій, мистеръ Бондерби, подобно азіатскому комедіанту, набросилъ на голову свой тамбуринъ, и повернулъ его.

— Да; все это весьма подозрительно, замѣтилъ Джемсъ Гартгаузъ.

— Я думаю такъ, сказалъ Бондерби, кивнувъ головой. Я думаю такъ. Но въ этомъ грабежѣ участвовали не одни фабричные. Тутъ замѣшана еще какая-то старуха. Никто раньше не услышитъ о преступникѣ, пока не будетъ открыто преступленіе; только тогда замѣчаютъ недостатки въ конюшенной двери, когда украдутъ лошадь изъ конюшни; такъ точно и теперь. Эта старуха, по видимому, прилетала отъ времени до времени въ городъ, какъ вѣдьма на помелѣ. Въ тотъ вечеръ когда вы видѣли этого негодяя, она цѣлый день простояла передъ банкомъ, и потомъ крадучи отправилась съ нимъ на его квартиру на какой-то адскій совѣтъ — я полагаю для того, чтобъ отрапортовать о своихъ наблюденіяхъ, и втемяшить ему въ голову всякую чертовщину.

Дѣйствительно, въ тотъ вечеръ въ квартирѣ Стефена была какая-то старуха, которая старалась отклонить отъ себя вниманіе, подумала Луиза.

— Это еще не все, сказалъ Бондерби, таинственно кивая головой и моргая глазами. Но на первый разъ я высказалъ весьма достаточно. Надѣюсь, вы будете такъ добры, что со-

храните это въ тайнѣ. Можетъ статься пройдетъ значительное время, но мы все-таки отыщемъ воровъ. Мы дождемся, когда они сами попадутъ въ ловушку.

— Разумѣется; ихъ должно наказать по всей строгости законовъ, замѣтилъ Джемсъ Гартгаузъ: — это послужитъ прекраснымъ примѣромъ для другихъ. Люди, которые рѣшаются грабить банки, должны быть наказаны. Если станутъ оставлять ихъ безъ всякихъ послѣдствій, то пожалуй мы бы всѣ принялись за это ремесло.

Сказавъ это, онъ нѣжно взялъ зонтикъ изъ рукъ Луизы, развернулъ его, и Луиза шла подъ его тѣнью, хотя въ томъ мѣстѣ, гдѣ они проходили, вовсе не было солнца.

— Въ настоящее время, Луиза, сказалъ ея супругъ: — надобно позаботиться о мистриссъ Спарситъ. Это происшествіе, я увѣренъ, весьма неблагопріятно подѣйствовало на ея нервы, и она должна остаться здѣсь денька на два. Такъ пожалуйста, позаботьтесь объ ея спокойствіи.

— Премного вамъ благодарна сэръ, возразила въ высшей степени скромная и смиренная леди: — но прошу васъ не обращайте вниманія на мое спокойствіе. Я буду рѣшительно всѣмъ довольна.

Вскорѣ оказалось, что мистриссъ Спарситъ, отклоняя отъ себя радушное предложеніе мистера Бондерби, болѣе обращала вниманіе на спокойствіе другихъ, нежели на свое собственное, и чрезъ это становилась въ тягость. По приходѣ въ отведенную ей комнату, она увидѣла столько предусмотрительности къ ея комфорту, что изъ словъ ея можно было заключить, что она лучше бы согласилась провести ночь въ прачечной на каткѣ. Правда, Полеры и Скеджерсы привыкли къ роскоши, «но на мою долю, мнѣ осталось только вспоминать объ этомъ.» Мистриссъ Спарситъ любила замѣчать съ величавымъ видомъ, особливо въ присутствіи челяди, «что чѣмъ была я прежде, тѣмъ не могу быть теперь. И въ самомъ дѣлѣ, говорила она: еслибъ я могла изгладить воспоминаніе, что мистриссъ Спарситъ принадлежала нѣкогда къ фамиліи Полеровъ; еслибъ я могла уничтожить этотъ фактъ, и сдѣлаться женщиной весьма обыкновеннаго происхожденія, — я бы весьма охотно сдѣлала это. При моихъ обстоятельствахъ, и при томъ положеніи, въ какое я поставлена, мнѣ кажется, я должна бы сдѣлать это по всей спра-

ведливости.» Это же самое, отшельническое настроеніе принуждало мистриссъ Спарситъ отказываться отъ кушанья и винъ, пока мистеръ Бондерби громовымъ своимъ голосомъ не приказывалъ ей обратить на нихъ вниманіе, и тогда она обыкновенно говорила: «вы очень добры мистеръ Бондерби», и въ ту же минуту бросала свою рѣшимость, обнаруживаемую въявь передъ всѣми: ждать, когда ей подадутъ кусочикъ баранины. Точно также она чванилась когда ей требовалась соль. Но, чувствуя себя обязанною, по мѣрѣ силъ и возможности, переносить шероховатую любезность мистера Бондерби въ видѣ обмѣна за то, что онъ переносилъ разстроенное состояніе ея нервовъ, мистриссъ Спарситъ откидывалась иногда къ спинкѣ своего кресла и потихоньку плакала; въ такія минуты можно было видѣть слезу огромныхъ размѣровъ или вѣрнѣе должно было видѣть, потому что эта слеза предназначалась на всеобщее усмотрѣніе, и тихо катилась по ея римскому носу.

Но главнѣйшая черта въ характерѣ мистриссъ Спарситъ состояла въ ея неизмѣнной рѣшимости сожалѣть мистера Бондерби. Бывали минуты когда она, взглядывая на него, невольнымъ образомъ покачивала головой, какъ будто говоря: «увы, бѣдный Йорикъ!» Иногда, позволивъ обличить въ себѣ минуты такого душевнаго волненія, она моментально принимала на себя довольно сносный видъ, становилась сравнительно веселою, и говорила «какъ я рада, что вижу васъ въ хорошемъ расположеніи духа». Въ ней замѣчалась еще одна странность, за которую часто извинялась, и преодолѣть которую считала за дѣло величайшей трудности. Она никакъ не могла привыкнуть называть мистриссъ Бондерби настоящимъ ея именемъ, всегда называла ее «миссъ Градграиндъ», и въ теченіе вечера повторяла это имя разъ шестьдесятъ. Повтореніе этой ошибки приводило мистриссъ Спарситъ въ нѣкоторое замѣшательство и вызывало на ея лицо румянецъ стыдливости; но, говорила она, въ свое оправданіе, это имя идетъ къ ней какъ-то натуральнѣе; она находила почти невозможнымъ убѣдить себя, что молоденькая барышня, которую она имѣла счастіе знать съ дѣтскаго возраста, могла когда нибудь превратиться въ мистриссъ Бондерби, и что чѣмъ болѣе она размышляла объ этомъ обстоятельствѣ, тѣмъ невозможнѣе оно казалось.

Въ гостиной послѣ обѣда мистеръ Бондерби занялся разбирательствомъ дѣла о покражѣ, допрашивалъ свидѣтелей, записывалъ ихъ показанія, находилъ подозрѣваемыхъ людей виновными, и произносилъ надъ ними приговоръ съ беспримѣрною строгостью. По окончаніи всего, Битцеръ былъ отправленъ въ городъ съ приказаніемъ: предложить Тому прибыть домой на почтовомъ поѣздѣ.

Наконецъ подали свѣчи.

— Не печальтесь, сэръ, сказала мистриссъ Спарситъ съ нѣжнымъ участіемъ. Дайте мнѣ видѣть васъ въ томъ веселомъ расположеніи духа, который я привыкла въ васъ видѣть.

Мистеръ Бондерби, на котораго эти утѣшенія начинали производить желаемое дѣйствіе и превращать его въ забавно-сантиментальнаго, вздыхалъ какъ огромный тюлень.

— Я не могу видѣть вашего унынія, продолжала мистриссъ Спарситъ. — Попробуемте съиграть въ баггемонъ, какъ бывало прежде, когда я имѣла честь жить подъ вашей кровлей.

— Съ тѣхъ поръ я ни разу не игралъ въ баггемонъ, сказалъ мистеръ Бондерби.

— Какая жалость! сказала мистриссъ Спарситъ съ участіемъ. — Я помню что миссъ Градгрэиндъ не любитъ этой игры. Но я сочту себя счастливою, сэръ, если вы удостоите съиграть со мной.

Они играли подлѣ окна, выходившаго въ садъ. Вечеръ былъ прекрасный: — не лунный, но за то теплый и наполненный благоуханіемъ. Луиза и мистеръ Гартгаузъ вышли въ садъ, гдѣ, среди торжественной тишины, голоса ихъ были слышны, хотя невозможно было разобрать о чемъ они говорили. Мистриссъ Спарситъ, безпрестанно выглядывала изъ окна, какъ будто стараясь проникнуть взоромъ собиравшіяся тѣни ночи.

— Что тамъ такое, ма'мъ? спросилъ мистеръ Бондерби. Не видите ли вы пожара?

— О нѣтъ! отвѣчала мистриссъ Спарситъ. Я только думала о росѣ.

— А какое вамъ дѣло до росы? сказалъ мистеръ Бондерби.

— Для меня-то все равно; но я боюсь за миссъ Градгрэиндъ, чтобъ она не простудилась.

— Съ ней этого никогда не случается; сказалъ Бондерби.

— Въ самомъ дѣлѣ сэръ? возразила мистриссъ Спарситъ; и она прокашляла весьма выразительно.

Съ приближеніемъ времени къ ночному отдохновенію, мистеръ Бондерби взялъ стаканъ воды.

— Ахъ, Боже мой! сказала мистриссъ Спарситъ. Вы уже не пьете подогрѣтаго хереса съ лимоннымъ сокомъ и мускатнымъ орѣхомъ?

— Теперь я уже отвыкъ отъ этого, ма'мъ, сказалъ Бондерби.

— Тѣмъ болѣе жаль, возразила мистриссъ Спарситъ: — вы теряете всѣ ваши добрыя, старинныя привычки. Развеселитесь сэръ! Если миссъ Градгрэиндъ позволитъ мнѣ, я приготовлю для васъ этотъ напитокъ.

Миссъ Градгрэиндъ охотно позволяетъ мистриссъ Спарситъ дѣлать все что угодно; вслѣдствіе этого предупредительная лэди приготовляетъ напитокъ, и подаетъ его мистеру Бондерби.

— Это для васъ будетъ полезнѣе, чѣмъ простая вода. Это согрѣетъ ваше сердце. Это та самая вещь, которой вамъ недостаетъ, и которую сэръ, вы должны употреблять.

И когда мистеръ Бондерби пожелалъ ей добраго здоровья она отвѣчала съ чувствомъ.

— И вамъ того же желаю, и еще счастія!

Въ заключеніе всего, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ она пожелала ему доброй ночи; и мистеръ Бондерби отправился спать съ неизъяснимо-нѣжнымъ ощущеніемъ въ душѣ своей, хотя ни за что на свѣтѣ не могъ бы сказать причины этого ощущенія.

Луиза раздѣлась и легла въ постель, но долго не засыпала, ожидая прибытія брата. Но этого нельзя было ждать раньше часа за полночь; и въ сельской тишинѣ, которая вовсе не успокоивала ея тревожныя думы, время тянулось медленно. Наконецъ, когда темнота и безмолвіе по видимому усилили другъ друга, она услышала звонокъ. Луиза обрадовалась что звонокъ этотъ раздался до разсвѣта; но вотъ и онъ замолкъ; круги его послѣдняго звука ширились въ воздухѣ и становились слабѣе, и снова все замолкло.

Луизѣ казалось, что она прождала еще четверть часа; потомъ встала, надѣла широкій капотъ, въ темнотѣ поднялась

по лѣстницѣ въ комнату брата, отворила дверь, и неслышимо приближаясь къ его постели, окликнула его.

Она стала подлѣ него на колѣни, обняла его шею и привлекла его лицо къ своему. Она знала, что онъ только притворялся спящимъ, но не сказала ему ни слова.

— Томъ вздрогнулъ, какъ будто просыпаясь и спросилъ: кто тутъ, и въ чемъ дѣло?

— Томъ, не имѣешь ли ты сказать мнѣ что нибудь? Если ты любишь меня и что нибудь скрываешъ отъ другихъ, то откройся мнѣ въ этомъ.

— Я не знаю, что ты этимъ хочешъ сказать, Луиза. Ты не во снѣ ли говоришъ?

— Милый братъ мой! сказала Луиза опустивъ свою милую головку на его подушку; густые волосы ея упали на его лицо, какъ будто она хотѣла спрятать своего любимаго брата отъ всѣхъ, кромѣ себя: — неужели тебѣ нечего сказать мнѣ? Неужели тебѣ нечего открыть своей сестрѣ? Ты ничего не можешь сказать мнѣ, что̀ бы могло измѣнить мою любовь къ тебѣ. О Томъ, скажи мнѣ всю истину!

— Я не знаю Луиза, чего ты хочешь отъ меня!

— Ты лежишь здѣсь одинъ, мой милый братъ, въ безмолвіи и темнотѣ ночной, наступитъ ночь когда ты будешъ лежать точно также одинъ, когда даже и я, если только доживу до той поры, должна буду покинуть тебя. Какъ видишь ты меня теперь босую, полуодѣтую, незримую во мракѣ, въ такомъ же точно положеніи я буду находиться въ то время когда лягу и засну на долгую, на вѣчную ночь, пока не превращуся въ прахъ. Именемъ этого времени я умоляю тебя, Томъ, скажи мнѣ истину.

— Я рѣшительно не понимаю, милая Луиза, чего ты хочешь отъ меня.

— Будь увѣренъ, — и въ порывѣ сестринской любви, она, какъ ребенка, прижала брата къ своей груди: — будь увѣренъ, ты не услышишь отъ меня упрека. Будь увѣренъ я по прежнему буду любить тебя. Будь увѣренъ, я готова пожертвовать своею жизнію, чтобы спасти тебя. О, Томъ! неужели ты ничего не имѣешь сказать мнѣ? Скажи мнѣ, шепни только: «да», и я пойму тебя!

Ухо Луизы прильнуло къ губамъ Тома, но онъ оставался безмолвнымъ.

— Я не слышу отъ тебя ни слова, Томъ?

— Какая ты странная Луиза! Могу ли я сказать «да» или «нѣтъ», когда я не знаю, чего ты хочешь отъ меня? Луиза ты у меня добрая, великодушнаа сестра, достойная, я начинаю думать, лучшаго брата чѣмъ я. Но кромѣ этого, я больше ничего не имѣю сказать. Иди спать, иди моя милая.

— Ты усталъ Томъ, прошептала она, своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Да; я очень усталъ.

— Ты такъ много хлопоталъ сегодня. Скажи, сдѣланы ли еще какія нибудь новыя открытія?

— Никакихъ кромѣ тѣхъ, которыя ты слышала отъ.... отъ него.

— Томъ, говорилъ ли ты кому нибудь, что мы были у этихъ людей въ домѣ, и видѣли ихъ въ троемъ?

— Нѣтъ. Вѣдь ты сама просила хранить это въ тайнѣ, когда мы отправлялись туда.

— Правда. Но тогда я не предвидѣла такихъ ужасныхъ послѣдствій.

— И я тоже не предвидѣлъ. Да и могъ ли я предвидѣть?

Томъ проговорилъ эти слова весьма быстро.

— Послѣ этого происшествія, сказала Луиза, постепенно оставляя брата, и теперь стоя подлѣ его кровати: — нужно ли говорить мнѣ о нашемъ посѣщеніи? Должна ли я сказать объ этомъ?

— Помилуй Луиза! ты кажется, не имѣла привычки спрашивать моихъ совѣтовъ. Дѣлай какъ ты знаешь. Если ты будешь молчать, то и я останусь нѣмымъ. Если ты откроешь это, тогда и дѣлу конецъ.

Было слишкомъ темно, чтобы различить ихъ лица; но, казалось, что во время разговора, они съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Какъ ты думаешь, Томъ, неужели человѣкъ, которому я дала денегъ, дѣйствительно виновенъ въ этомъ преступленіи?

— Не знаю; и не вижу впрочемъ, почему бы ему и не быть виновнымъ?

— Онъ казался мнѣ честнымъ человѣкомъ.

— Наружности бываютъ иногда обманчивы. Другой можетъ показаться безчестнымъ, и не быть такимъ.

Наступило молчаніе. Томъ замѣтно колебался.

— Короче, началъ онъ, съ рѣшимостью: мнѣніе мое объ этомъ человѣкѣ во время нашего посѣщенія до такой степени было для него невыгодно, что я тогда же вывелъ его за дверь, чтобъ сказать ему, что онъ долженъ считать за особенное счастіе принимая подарокъ отъ моей сестры, и что этотъ подарокъ былъ бы для него весьма не безполезенъ. Ты помнишь, выводилъ ли я его, или нѣтъ? Я ничего не говорю противъ него; быть можетъ, онъ и честный человѣкъ; я даже надѣюсь на это.

— И чтò же, онъ не обидѣлся твоими словами?

— Нѣтъ, напротивъ, онъ очень былъ доволенъ. Да гдѣ ты, Луиза?

Томъ привсталъ на постели и поцаловалъ ее.

— Спокойной ночи, моя милая, прощай.

— Такъ ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?

— Нѣтъ. Да и чтò же я скажу тебѣ? Вѣдь ты не захочешь, чтобъ я говорилъ тебѣ ложь?

— Изъ всѣхъ ночей твоей жизни, въ эту ночь я не хочу, чтобъ ты лгалъ; дай Богъ, чтобы всѣ будущія ночи твои были спокойны и счастливы.

— Благодарю тебя, моя милая Луиза. Я такъ усталъ, что едва говорю; иди спать, душа моя.

Поцаловавъ ее еще разъ, онъ повернулся, закутался въ одѣяло, и лежалъ такъ неподвижно, какъ будто уже наступило для него то время, которымъ она его заклинала. Луиза еще постояла у кровати и потомъ медленно пошла. У дверей она остановилась, отворила ихъ, потомъ посмотрѣла назадъ и спросила, не звалъ ли онъ ее? Но Томъ не отвѣчалъ. Луиза тихо затворила дверь и воротилась въ свою комнату.

Вслѣдъ затѣмъ несчастный юноша осторожно осмотрѣлся кругомъ и убѣдившись, что сестра его ушла, слезъ съ постели, заперъ дверь на замокъ, и снова бросясь на подушку, онъ рвалъ свои волосы и рыдалъ отъ стыда и бѣшенства, злобно и безъ раскаянія порицая самого себя, и не менѣе того злобно и безполезно порицая все прекрасное въ мірѣ.

ГЛАВА XXV.

ПРИЗНАНІЕ.

Мистриссъ Спарситъ, оставаясь для поправленія своихъ нервовъ въ сельскомъ убѣжище мистера Бондерби, такъ неусыпно наблюдала за всѣмъ, и изъ подъ своихъ коріолановскихъ бровей, что глаза ея, какъ два маяка на скалистомъ берегу, могли бы предостеречь благоразумныхъ моряковъ отъ страшной скалы, въ видѣ ея римскаго носа, и отъ мрачной и утесистой мѣстности, окружавшей эту скалу. Трудно было повѣрить, что она удалилась ко сну для своего успокоенія; такъ широко открыты были ея классическіе глаза, и такъ невозможнымъ казалось, чтобъ ея суровый носъ могъ поддаваться вліянію, доставляющему отдыхъ; къ тому же, манера, съ которой она сидѣла, разглаживая свои жесткія, чтобъ не сказать, колючія рукавчики, и съ которой она занималась вязаньемъ чулка, уносясь воображеніемъ въ невѣдомыя страны, была до такой степени невозмутимо спокойна, что большинство наблюдателей принуждены были бы принять ее за голубку облеченную, какою-то игрою природы, въ земную оболочку птицы ястребиной породы.

Она была удивительная женщина по своимъ внезапнымъ и быстрымъ появленіямъ въ различныхъ частяхъ дома. Какимъ образомъ она перелетала изъ одного этажа въ другой, это была неразрѣшимая загадка. Нельзя думать, чтобы лэди такого безукоризненнаго поведенія и такого высокаго происхожденія дѣлала черезъ перилы лѣстницъ *salto mortale*, но необыкновенная способность быстро передвигаться съ одного мѣста на другое, невольнымъ образомъ сообщала эту дикую идею. Другое замѣчательное обстоятельство въ мистриссъ Спарситъ заключалось въ томъ, что она никогда не торопилась. Бывало пролетитъ отъ самой кровли до пріемнаго зала нижняго этажа, и въ моментъ прилета явится съ сохраненіемъ правильнаго дыханія и собственнаго своего достоинства. Кромѣ того, ни одинъ человѣческій глазъ не усматривалъ, чтобы она дѣлала большіе шаги.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ лѣтнюю резиденцію мистера Бондерби, она оказала благосклонное вниманіе къ мистеру Гартгаузу, имѣла съ нимъ пріятный разговоръ, и однажды утромъ передъ завтракомъ удостоила его въ саду граціознымъ книксеномъ.

— Мнѣ кажется, сэръ, сказала мистриссъ Спарситъ:—какъ будто вчера я имѣла удовольствіе принимать васъ въ банкѣ, когда вы были такъ добры, что изъявили желаніе познакомиться съ адресомъ мистера Бондерби.

— Случай, который, увѣряю васъ, останется незабвеннымъ для меня въ теченіе *вѣковъ*, сказалъ мистеръ Гартгаузъ, принужденно, но весьма граціозно наклоняя голову.

— Мы живемъ въ замѣчательномъ вѣкѣ, сказала мистриссъ Спарситъ.

— По интересному случаю, которымъ я такъ горжусь, я уже имѣлъ честь замѣтить что-то въ этомъ родѣ, хотя и не выразилъ такъ эпиграмматически.

— Да, милостивый государь, въ замѣчательномъ вѣкѣ, продолжала мистриссъ Спарситъ, и принимая комплиментъ Гартгауза, она опустила свои черныя брови не съ такимъ, впрочемъ, нѣжнымъ выраженіемъ, какимъ отличались звуки ея голоса. Я говорю это относительно тѣсной дружбы, которую мы образуемъ иногда съ лицами, совершенно намъ незнакомыми. Я припоминаю, сэръ, что при первой встрѣчѣ нашей, вы, въ минуту откровенія, высказали, что боитесь даже познакомиться съ миссъ Градгрэиндъ.

— Ваша память дѣлаетъ мнѣ болѣе чести, чѣмъ заслуживаетъ того мое ничтожество. Извините, я старался воспользоваться вашими обязательными замѣчаніями, чтобъ устранить отъ себя неосновательную боязливость, и при этомъ долгомъ считаю присовокупить, что ваши замѣчанія были какъ нельзя болѣе вѣрны. Вы дали мнѣ возможность убѣдиться, что талантъ мистриссъ Спарситъ касательно аккуратности требуемыхъ свѣдѣній, до такой степени развитъ, что всякія возраженія съ моей стороны неумѣстны, особливо принимая въ соображеніе твердость вашего характера и ваше высокое происхожденіе.

Мистеръ Гартгаузъ едва не заснулъ надъ этимъ комплиментомъ; такъ длиненъ и утомителенъ онъ былъ для него, и

мысли Гартгауза такъ были разсѣяны во время изрѣченія этихъ назидательныхъ словъ.

— Надѣюсь, вы нашли миссъ Градгрэиндъ, — рѣшительно не могу называть ее мистриссъ Бондерби, хотя это весьма глупо съ моей стороны, — вы нашли ее въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, какъ я ее вамъ описала? да? спросила мистриссъ Спарситъ сладенькимъ голосомъ.

— Вы нарисовали портретъ ея превосходно.

— И надѣюсь, весьма очаровательною, сказала мистриссъ Спарситъ, расправляя рукавчики.

— Въ высшей степени.

— Сначала думали, продолжалъ мистриссъ Спарситъ: — что въ миссъ Градгрэиндъ недостаетъ одушевленія, но откровенно вамъ сказать, что въ этомъ отношеніи, на мой взглядъ, она замѣтно и значительно перемѣнилась. — Ахъ! вотъ и мистеръ Бондерби! вскричала мистриссъ Спарситъ, кивая головой множество разъ, какъ будто въ это время она объ немъ только думала и говорила. Какъ вы чувствуете себя сегодня? Пожалуста, позвольте намъ видѣть васъ веселыми!

Эти насильственныя мѣры къ облегченію его бѣдствія начинали оказывать свое вліяніе на мистера Бондерби: онѣ дѣлали его мягче и снисходительнѣе обыкновеннаго къ мистриссъ Спарситъ, грубѣе и невнимательнѣе обыкновеннаго ко всѣмъ прочимъ, начиная отъ жены. Такъ что, когда мистриссъ Спарситъ сказала съ натянутымъ простосердечіемъ:

— Вы хотите завтракать, сэръ и, вѣроятно, миссъ Градгрэиндъ скоро явится сюда, чтобы присутствовать за чайнымъ столомъ.

Мистеръ Бондерби отвѣтилъ:

— Если ждать, когда жена моя позаботится о мнѣ, то я увѣренъ, что мнѣ привелось бы ждать до скончанія вѣка, а потому я прошу *васъ* потрудитесь принять на себя эти хлопоты.

Мистриссъ Спарситъ согласилась, и заняла за столомъ свою прежнюю позицію.

Это обстоятельство еще разъ обратило превосходную женщину въ черезъ чуръ сантиментальную. При всемъ томъ, она такъ вполнѣ сознавала свое смиренное положеніе въ домѣ, что при появленіи Луизы, встала, и съ извиненіями объясняла, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ она не осмѣ-

лилась бы и подумать занять это мѣсто, хотя «прежде я часто имѣла удовольствіе приготовлять завтракъ для мистера Бондерби, прежде, то есть до вашего, миссъ Градгрэиндъ, вступленія въ права домохозяйки; ахъ, извините, пожалуста, я хотѣла сказать — миссъ Бондерби, и опять не такъ называю васъ; но я надѣюсь, вы простите меня; я такъ привыкла къ вашему незамужнему имени.» Это случилось, (замѣтила она) единственно по тому, что миссъ Градгрэиндъ сегодня немного опоздала, что время мистера Бондерби такъ драгоцѣнно, и наконецъ она знаетъ, что мистеръ Бондерби любитъ завтракать рано; все это вмѣстѣ принудило ее согласиться на его требованіе; тѣмъ болѣе, что воля его постоянно была для нея закономъ.

— Оставьте, перестаньте, ма'мъ! сказалъ мистеръ Бондерби. — Мистриссъ Бондерби будетъ весьма рада, если ее избавятъ отъ лишнихъ хлопотъ, я такъ думаю.

— Напрасно вы это говорите, сэръ, возразила мистриссъ Спарситъ съ нѣкоторою строгостью: — вы оказываете великую несправедливость къ миссъ Градгрэиндъ. А быть несправедливымъ, это не въ вашемъ характерѣ.

— Не безпокойтесь, ма'мъ. — Луиза, вѣдь ты не сердишься на это? сказалъ мистеръ Бондерби, своимъ размашистымъ голосомъ.

— Нисколько. Для меня рѣшительно все равно. Въ этомъ я не вижу ничего, на что бы я должна сердиться.

— Я самъ въ этомъ ничего такого не вижу, сказалъ мистеръ Бондерби, начиная терять хладнокровіе: — подобнымъ вещамъ, мнѣ кажется, ма'мъ, вы приписываете слишкомъ большое значеніе. Извините, ма'мъ, но нѣкоторыя изъ вашихъ понятій не найдутъ здѣсь отголоска. Ваши понятія устарѣли. Вы очень отстали отъ дѣтей Тома Градгрэинда.

— Что съ вами сегодня? спросила Луиза, съ холоднымъ изумленіемъ. Чѣмъ вы обижены?

— Обиженъ! повторилъ мистеръ Бондерби. Неужели вы думаете, что если я получу какую нибудь обиду, то не назову ее и не попрошу ее исправить? — Извините, я человѣкъ прямой. Я все дѣлаю на прямикъ и не люблю лавировать.

— Я полагаю, никто не имѣетъ ни малѣйшаго повода думать, что вы слишкомъ скромны или очень деликатны, спокойно отвѣчала Луиза. Я никогда не была противъ этого,

ни будучи ребенкомъ, ни женщиной. Я не понимаю, чего вы хотите?

— Чего я хочу? возразилъ мистеръ Бондерби. Ничего. — Иначе, еслибъ я захотѣлъ, то развѣ вамъ неизвѣстно, что я, Джозія Бондерби изъ Коксточна, не имѣлъ бы того?

Въ то время, какъ онъ ударилъ по столу, такъ что застучали чашки, Луиза выразительно посмотрѣла на него и румянецъ гордости выступилъ на ея лицо. Это новая перемѣна въ ней, подумалъ мистеръ Гартгаузъ.

— Вы непостижимы сегодня, сказала Луиза: — пожалуста, оставьте дальнѣйшія объясненія. Мнѣ вовсе не любопытно узнать значеніе вашихъ словъ. Мнѣ нѣтъ нужды до нихъ.

Ничего больше не было сказано на эту тему, и мистеръ Гартгаузъ вскорѣ съ безпечнымъ одушевленіемъ перевелъ разговоръ на другіе предметы. Но съ этого дня, вліяніе мистриссъ Спарситъ на мистера Бондерби доставляло Луизѣ и Джемсу Гартгаузу возможность чаще находиться вмѣстѣ и усиливало въ первой какъ опасное отчужденіе отъ мужа, такъ и довѣріе къ другому. Она впадала въ это положеніе постепенно, но такъ вѣрно, что отступить назадъ не было средствъ, даже еслибъ она захотѣла. Впрочемъ, хотѣла ли она отступить или нѣтъ, это оставалось скрытымъ въ ея никогда не открывавшемся сердцѣ.

Мистриссъ Спарситъ была такъ сильно тронута этой супружеской сценой, что, подавая послѣ завтрака шляпу мистеру Бондерби, напѣчатлѣла дѣвственный поцалуй на его рукѣ.

— Мой благодѣтель! произнесла она, и удалилась обремененная горестью.

Между тѣмъ мы должны представить на видъ нашимъ читателямъ несомнѣнный фактъ, что черезъ пять минутъ послѣ ухода Бондерби въ той самой шляпѣ, которую подала ему потомственная отрасль Скеджерсовъ, и по супружеской связи ближайшая родственница фамиліи Полеровъ, погрозила правой рукой портрету своего благодѣтеля, сдѣлала презрительную гримасу этому художественному произведенію, и сказала:

— Подѣломъ тебѣ, глупецъ! Я очень рада этому!

Вскорѣ послѣ того явился Битцеръ. Онъ прибылъ изъ Каменнаго Пріюта на экстренномъ поѣздѣ, немилосердно визжавшемъ и стучавшемъ по длинному ряду сводовъ, перекинутыхъ въ пустынной странѣ черезъ существовавшія и существующія угольныя копи. Онъ привезъ съ собой написанное на скорую руку письмо, которое извѣщало Луизу, что мистриссъ Градгрэиндъ весьма нездорова. Эта женщина, сколько припоминала Луиза, никогда не бывала здорова; но, въ послѣдніе дни, недугъ ея усилился, и продолжалъ усиливаться въ теченіе ночи, такъ что теперь она лежала почти мертвая.

Сопутствуемая бѣлокурымъ лакеемъ, и такимъ безцвѣтнымъ, какъ будто онъ находился у дверей смерти, когда постучалась въ нихъ мистриссъ Градгрэиндъ, Луиза помчалась въ Кокстоунъ какъ въ какую нибудь пропасть громадныхъ размѣровъ, вѣчно извергавшую изъ себя клубы дыма. Отпустивъ своего проводника, она отправилась въ отеческій домъ.

Со времени замужства Луиза рѣдко бывала тамъ. Ея отецъ, по обыкновенію, просѣвалъ въ Лондонѣ груду парламентскаго сору (не обращая вниманія на драгоцѣнные предметы, которые встрѣчались въ этомъ сорѣ), и въ это время дѣятельно работалъ на національномъ мусорномъ дворѣ. Всякаго рода посѣщенія мать Луизы принимала скорѣе за безпокойство, нежели за удовольствіе; младшая сестра не очень жаловала старшую, да и сама Луиза не имѣла къ ней особеннаго расположенія. Съ Сисси она никогда не сближалась съ того вечера, когда эта покинутая дочь комедіанта приподняла свои глаза, чтобъ посмотрѣть на нарѣченную жену мистера Бондерби. Словомъ, Луизу ничто не влекло домой, и потому она рѣдко пріѣзжала.

И теперь когда она приблизилась къ отеческому крову, на нее не дѣйствовало ни одно изъ тѣхъ прелестнѣйшихъ вліяній, какими обладаетъ мѣсто нашей колыбели, нашего дѣтскаго возраста. — Мечтаніе и грезы дѣтства — его волшебныя сказки; его легкія граціозныя, плѣнительныя, несбыточныя украшенія, придаваемые отдаленному міру, — украшенія столь прекрасныя, чтобъ вспоминать объ нихъ во время зрѣлаго возраста, не были знакомы Луизѣ. Въ ней не сохранилось воспоминанія о томъ, какимъ образомъ ребенокъ достигаетъ небольшихъ познаній пробираясь по дорогамъ, имѣющимъ для

него особенную прелесть. Ея воспоминанія объ отеческомъ домѣ и о дѣтствѣ были воспоминаніями объ изсушеніи всякаго родника и источника въ ея дѣвственномъ сердцѣ, въ то время, когда они стремились вырваться наружу. Живой воды не было въ ея сердцѣ. Его источники истекали для оплодотворенія земли, гдѣ гроздія собирались съ тернія, и нѣжные плоды съ осота.

Съ тяжелою и затвердѣвшею грустью Луиза вошла въ домъ и въ комнату матери. Съ тѣхъ поръ, какъ она оставила родителей, Сисси жила наровнѣ со всѣми членами семейства мистера Градгрэинда. Она находилась при умирающей матери Луизы; и тутъ же въ комнатѣ была Джени, сестра Луизы, теперь десяти или двѣнадцати лѣтъ.

Большаго труда стоило объявить мистриссъ Градгрэиндъ, что пріѣхала ея старшая дочь. По одной привычкѣ, она съ трудомъ приподнялась и прислонилась къ спинкѣ дивана, сохраняя свою обычную позу на сколько можно было сохранить въ ея безнадежномъ положеніи. Она рѣшительно отказалась лечь въ постель, на томъ основаніи, что если ляжетъ, то уже болѣе съ нее не встанетъ.

Ея слабый голосъ, раздававшійся гдѣ-то далеко изъ связки ея шалей, занималъ такъ много времени для достиженія слуха Луизы, что казалось какъ будто больная лежала на днѣ глубокаго колодца.

Когда ей сказали, что пріѣхала мистриссъ Бондерби, она отвѣчала, что съ тѣхъ поръ, какъ Луиза вышла за него замужъ, она не называла его этимъ именемъ; что для избѣжанія всякихъ затрудненій въ этомъ, она называла его просто «Джи». и что она не отступитъ отъ этого, пока не найдетъ лучшей замѣны. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ Луиза могла объяснить кто сидитъ передъ ней, и только тогда она поняла, что передъ нею была ея старшая дочь.

— Ну что, моя милая, сказала мистриссъ Градгрэиндъ: — я надѣюсь, что ты довольна своей судьбой. Устройство ея было дѣломъ твоего отца. Онъ сердечно желалъ вашего брака, и потому долженъ знать о его послѣдствіяхъ.

— Не обо мнѣ, но о васъ, матушка, надобно говорить теперь.

— Ты хочешь говорить обо мнѣ, моя милая? сказала мистриссъ Градгрэиндъ. Я не привыкла, чтобы занимались

мною; — это для меня и странно и ново. Я не со всѣмъ-то здорова, Луиза. Я очень слаба.... у меня кружится голова.

— Вы страдаете, дорогая матушка?

— Я думаю, что въ этой комнатѣ находятся страданія, отвѣчала мистриссъ Градгрэиндъ: — но не могу утвердительно сказать, что они привились и ко мнѣ.

Послѣ этого страннаго отвѣта она на нѣсколько минутъ оставалась безмолвною. Луиза держала ея руку и не слышала пульса; но поцаловавъ ее, она замѣтила слабую нить жизни въ весьма легкомъ движеніи.

— Ты весьма рѣдко видишься съ твоей сестрою, сказала мистриссъ Градгрэиндъ. Она становится похожа на тебя. Я хочу, чтобъ ты посмотрѣла на нее. Сисси приведи ее сюда.

Младшая сестра Луизы была приведена, и она стояла рука въ руку со старшей подлѣ умирающей. Луиза замѣтила, что она входила въ комнату обнявши Сисси, и изъ этого заключила объ ихъ взаимной другъ къ другу привязанности.

— Замѣчаешь ли ты сходство Луиза?

— Да, матушка. И мнѣ кажется она похожа на меня, но....

— Да, очень похожа. Я всѣмъ и всегда объ этомъ говорила, вскричала мистриссъ Градгрэиндъ съ неожиданною живостью. И это напоминаетъ мнѣ, что я должна поговорить съ тобой, моя милая. Сисси, мой другъ, оставь насъ на минуту.

Оставшись одна съ матерью, Луиза увидѣла на лицѣ больной, то внушающее страхъ спокойствіе, которое можно видѣть на лицѣ человѣка, уносимаго быстрыми волнами, когда борьба и сопротивленія съ его стороны становятся безполезными, и когда онъ вполнѣ отдается на произволъ быстрины. Луиза поднесла къ губамъ своимъ тѣнь руки своей матери.

— Вы хотѣли говорить со мной, матушка, сказала она.

— Э? Да, дѣйствительно, моя милая. Ты знаешь, что теперь твоего отца никогда не бываетъ дома, и потому я должна написать къ нему объ этомъ.

— О чемъ же это, матушка? Пожалуйста не безпокойтесь. О чемъ вы хотите написать?

— Ты должна припомнить, моя милая, что когда бы я ни заговорила о какомъ бы то ни было предметѣ, меня никогда не выслушивали до конца.

— Я готова выслушать васъ, матушка.

Луиза дѣйствительно готова была выслушать; но только наклонивши ухо свое къ губамъ матери, и въ то же время внимательно слѣдя за движеніемъ губъ, только тогда могла она связать столь слабые и несвязные звуки въ одну цѣпь понятій.

— Ты, Луиза, и твой братъ учились многому. Съ утра и до ночи вы изучали всякого рода *олоніи*, и если осталась хоть одна *олонія*, которую въ этомъ домѣ не истаскали до лохмотьевъ, то я надѣюсь, что никогда не услышу ея имени.

— Я могу слушать васъ, матушка дальше, если только вы имѣете столько силы, чтобы продолжать.

Луиза сказала это, чтобъ остановить свою мать отъ стремленія по быстрому потоку.

— Есть что-то такое, но только вовсе не *олонія*, что отецъ твой, Луиза, упустилъ изъ виду, или позабылъ. Я сама не знаю, что это такое. Часто, когда Сисси сидѣла возлѣ меня, я думала объ этомъ. Теперь мнѣ ни за что не придумать что это такое, и это обстоятельство безпокоитъ меня. Я хочу написать ему, и именемъ Бога просить его, чтобы онъ опредѣлилъ, что это такое. Дай мнѣ перо, дай скорѣе мнѣ перо.

Но и это лихорадочное напряженіе исчезло моментально; одно только легкое движеніе головы со стороны на сторону обличало слабые признаки жизни въ больной женщинѣ.

Она воображала, однако же, что ея требованіе было исполнено, и что перо, котораго не въ силахъ была держать, находилось у нея въ рукѣ. Нѣтъ нужды, какія странныя фигуры она чертила на своихъ платкахъ. Но вскорѣ рука ея остановилась; свѣтъ, постоянно, но слабо, и тускло горѣвшій позади безцвѣтнаго транспаранта, потухъ; и мистриссъГрадграиндъ, отшедшая отъ міра сего, въ которомъ человѣкъ тщетно ищетъ своего спокойствія, приняла на себя торжественно-спокойное выраженіе.

ГЛАВА XXVI.

ЛѢСТНИЦА МИСТРИССЪ СПАРСИТЪ.

Нервы мистриссъ Спарситъ поправлялись такъ медленно, что эта достойная женщина нѣсколько недѣль оставалась въ домѣ мистера Бондерби, гдѣ несмотря на свои отшельническія привычки, получившія начало отъ ея измѣнившагося положенія, она жила, какъ говорится, въ полное свое удовольствіе. Въ этотъ періодъ удаленія своего отъ присмотра за банкомъ она представляла собою образецъ постоянства, она продолжала сильно сожалѣть о мистерѣ Бондерби въ его присутствіи, и называть его глупцомъ въ присутствіи его портрета съ величайшей ѣдкостью и презрѣніемъ.

Мистеръ Бондерби, постепенно замѣчая такое участіе къ его личности, убѣдился наконецъ, что мистриссъ Спарситъ была въ высшей степени превосходная женщина, и потому рѣшился не терять ее изъ виду. Такъ что, когда нервы ея достаточно укрѣпились, чтобы снова приступить къ съѣденію сладкаго мяса въ ея уединеніи, онъ сказалъ ей за обѣдомъ, на канунѣ ея отъѣзда.

— Я вамъ вотъ что скажу, ма'мъ; пока еще продолжается хорошая погода, вы должны пріѣзжать сюда по субботамъ и оставаться здѣсь до понедѣльника.

— Слышать для меня тоже, что повиноваться, отвѣтила она на это съ убѣжденіемъ магометанки.

Мистриссъ Спарситъ не принадлежала къ числу поэтическихъ женщинъ, но забрала себѣ въ голову идею, въ видѣ аллегорической фантазіи. Усиленный надзоръ за Луизой, и усиленное стараніе проникнуть ея скрытный характеръ, до такой степени изощряли проницательность мистриссъ Спарситъ, что придавали ея умственнымъ способностямъ оттѣнокъ вдохновенія. Она воздвигала въ своемъ воображеніи громадную лѣстницу, внизу которой находилась мрачная пропасть гибели, и смотрѣла какъ Луиза спускалась по этой лѣстницѣ, день за днемъ и часъ за часомъ.

Смотрѣть на эту лѣстницу, какъ Луиза опускалась съ нее, сдѣлалось любимымъ занятіемъ мистриссъ Спарситъ. Она

видѣла, какъ Луиза иногда спускалась медленно, иногда быстро, иногда за разъ переступала нѣсколько ступенекъ, но никогда не возвращалась назадъ. Еслибъ она хоть разъ это сдѣлала, то мистриссъ Спарситъ непремѣнно бы умерла отъ сплина и печали.

Луиза продолжала спускаться такимъ образомъ, съ того дня, когда мистриссъ Спарситъ воздвигла эту лѣстницу, и до того, когда мистеръ Бондерби сдѣлалъ предложеніе высокородной лэди пріѣзжать къ нему по субботамъ. Мистриссъ Спарситъ послѣ того постоянно находилась въ пріятномъ настроеніи духа, и постоянно чувствовала расположеніе побесѣдовать.

— Скажите, пожалуйста, сэръ, спросила она: — если только я смѣю спрашивать васъ о предметѣ, о которомъ вы, по видимому, намѣрены умолчать, и я сознаюсь, что съ моей стороны это весьма непріятно, потому что вы на все имѣете свои основательныя причины,—получили ли вы какія нибудь извѣстія касательно воровства?

— Нѣтъ, ма'мъ, нѣтъ еще. При настоящихъ обстоятельствахъ я и не ждалъ получить ихъ. Римъ былъ построенъ не въ одинъ день.

— Весьма справедливо, сэръ, сказала мистриссъ Спарситъ, потрясая головой.

— И не въ недѣлю, ма'мъ.

— Дѣйствительно такъ, отвѣчала мистриссъ Спарситъ, съ грустнымъ видомъ.

— Въ такомъ случаѣ, ма'мъ, сказалъ Бондерби: — и я могу подождать. Если Ромулъ и Ремъ могли ждать, то почему же Джозіи Бондерби нельзя подождать. Они лучше моего провели свою молодость, смѣю увѣрить васъ. У нихъ волчица замѣняла мѣсто кормилицы; а у меня была волчица бабушка, которая, вмѣсто молока, надѣляла меня колотушками.

— Ахъ, Боже мой! сказала мистриссъ Спарситъ со вздохомъ и содрагаясь всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, ма'мъ, продолжалъ Бондерби: — ничего еще новаго я не слышалъ по этому дѣлу, хотя слѣдствіе идетъ своимъ чередомъ. Молодой Томъ принимаетъ въ немъ живое участіе, потому что это въ своемъ родѣ новинка для него. Я отдалъ приказаніе, чтобъ все это дѣлалось какъ можно

скрытнѣе, чтобъ вѣрнѣе накрыть негодяевъ, въ противномъ случаѣ, подсотни другихъ негодяевъ сейчасъ же стакнутся между собой и скроютъ преступниковъ. А при этомъ распоряженіи, я увѣренъ, что воры мало по малу дойдутъ до того убѣжденія, что всѣ розыски брошены, и какъ нельзя лучше попадутъ въ ловушку.

— Весьма предусмотрительно, сэръ, сказала мистриссъ Спарситъ. — Весьма интересно. А на счетъ старушки, о которой вы упоминали....

— На счетъ старушки, о которой я упоминалъ, сказалъ Бондерби, стараясь окончить разговоръ, потому что въ немъ ему не чѣмъ было похвастаться: — старушка эта еще не открыта; но она можетъ дать себѣ клятву, что ее откроютъ. Впрочемъ, ма'мъ, я такого мнѣнія, если только вы хотите знать мое мнѣніе, что чѣмъ меньше будетъ объ ней говорено, тѣмъ лучше.

Въ тотъ же самый вечеръ, мистриссъ Спарситъ, отдыхая послѣ приготовленій къ предстоящему отъѣзду, сидѣла у окна, и глядя на громадную лѣстницу, видѣла какъ Луиза спускалась по ней.

Она сидѣла подлѣ мистера Гартгауза, въ бесѣдкѣ, и они тихо говорили. Гартгаузъ наклонился къ ней, чтобъ сказать ей что-то на ухо, и его лицо почти касалось ея волосъ.

— Нѣтъ, оно совсѣмъ прикоснулось! сказала мистриссъ Спарситъ, напрягая до крайности свой ястребиный взоръ.

Она была слишкомъ далеко, чтобъ услышать хоть одно слово изъ ихъ разговора; только по выраженію ихъ лицъ она догадывалась, что они разговаривали тихо, и о чемъ-то весьма интересномъ. А говорили они вотъ о чемъ:

— Вы помните этого человѣка, мистеръ Гартгаузъ?

— О! совершенно.

— Помните его лицо, его манеры, и что̀ онъ говорилъ?

— Совершенно помню. И онъ показался мнѣ безконечно скучнымъ человѣкомъ. Словоохотнымъ и прозаичнымъ до крайности. По всему видно, что онъ учился краснорѣчію въ натуральной школѣ.

— Для меня такъ очень трудно думать дурно объ этомъ человѣкѣ.

— Милая моя Луиза, какъ называетъ васъ Томъ (хотя Томъ никогда ее такъ не называлъ). Вы не знаете ничего хорошаго объ этомъ человѣкѣ?

— Ничего рѣшительно.

— И ни о комъ изъ подобныхъ ему?

— Могу ли я знать, возразила она, съ прежней манерой, которой Гартгаузъ уже давно не замѣчалъ въ ней: — могу ли я, когда я ровно ничего не знаю объ этомъ классѣ людей.

— Въ такомъ случаѣ, милая моя Луиза; согласитесь выслушать объясненіе вашего преданнаго друга, который знаетъ нѣчто о различныхъ видоизмѣненіяхъ человѣческой природы, и который вполнѣ увѣренъ, что всѣ они имѣютъ свои слабости и недостатки. Этотъ человѣкъ умѣетъ болтать. Прекрасно; каждый человѣкъ имѣетъ эту способность. Онъ трактуетъ о о нравственности; всѣ отъ перваго до послѣдняго трактуютъ объ этомъ. Отъ парламента до исправительнаго дома, вездѣ проповѣдуютъ о нравственности, исключая изъ этого нашу партію. Дѣйствительно людей нашей партіи можно назвать возраждающимся исключеніемъ. Вы видѣли сами и слышали въ чемъ дѣло. Одинъ изъ грязнаго класса людей былъ весьма ловко отдѣланъ моимъ многоуважаемымъ другомъ мистеромъ Бондерби, который, какъ намъ извѣстно, не обладаетъ тою деликатностью, которая могла бы послужить къ смягченію такого человѣка другимъ путемъ. Этотъ членъ грязнаго сословія оскорбленный, доведенный до отчаянія, вышелъ изъ дому мистера Бондерби, разумѣется, весьма недовольный, встрѣтилъ товарища, который пригласилъ его отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ банкъ, положилъ нѣсколько монетъ въ свой карманъ, въ которомъ до этого было пусто, и остался очень доволенъ. И въ самомъ дѣлѣ; вмѣсто обыкновеннаго, онъ сдѣлался бы необыкновеннымъ человѣкомъ, еслибъ упустилъ отъ себя такой благопріятный случай. Еслибъ у него было достаточно ума, онъ бы самъ изобрѣлъ подобный планъ.

— Мнѣ кажется, что я поступаю весьма дурно, такъ охотно соглашаясь съ вами, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую такое облегченіе въ душѣ отъ вашихъ словъ, сказала Луиза послѣ минутной задумчивости.

— Я говорю то, что, по моему мнѣнію, благоразумно и не заключаетъ въ себѣ ничего дурнаго. Я не разъ говорилъ

объ этомъ съ моимъ другомъ Томомъ, — мы вѣдь съ нимъ весьма откровенны, — и онъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, а я съ его. Не хотите ли прогуляться?

И они пошли по аллеямъ, начинавшимъ застилаться вечернимъ сумракомъ. Склонясь на руку Гартгауза, Луиза вовсе не думала о томъ, какъ замѣтно спускалась она все ниже и ниже по лѣстницѣ мистриссъ Спарситъ.

День и ночь мистриссъ Спарситъ поддерживала эту лѣстницу. Когда Луиза дойдетъ до послѣдней ступени и исчезнетъ въ безднѣ, быть можетъ тогда лѣстница упадетъ на нее, если ей вздумается упасть, но до тѣхъ поръ, она должна стоять незыблемо, какъ прочное зданіе, передъ глазами мистриссъ Спарситъ. А Луиза между тѣмъ продолжаетъ скользить по ней внизъ, внизъ и внизъ!

Мистриссъ Спарситъ видѣла, какъ мистеръ Гартгаузъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ; она слышала, что онъ бывалъ и въ томъ и другомъ мѣстѣ; она видѣла перемѣны въ личикѣ, которыя онъ изучалъ; она замѣчала до ясности, какъ и когда отуманивалось это личико, какъ и когда оно проясняло; ея черные глаза никогда не смыкались, никогда не помрачались состраданіемъ, никогда не отражалось въ нихъ угрызеніе совѣсти, но всегда горѣли неутомимымъ любопытствомъ. Мистриссъ Спарситъ жила любопытствомъ видѣть, какъ Луиза спускалась по этой новой въ своемъ родѣ, гигантской лѣстницѣ, и достигала послѣдней ступени, не имѣя руки, которая могла бы поддержать ее.

При всемъ уваженіи къ мистеру Бондерби, которое такъ противорѣчило презрѣнію къ его портрету, мистриссъ Спарситъ не имѣла ни малѣйшаго расположенія остановить Луизу. Терпѣливо ожидая ея окончательнаго паденія въ бездну, она ожидала вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленія своихъ лучшихъ надеждъ. Устремивъ на лѣстницу свои усталыя взоры она въ тайнѣ испытывала удовольствіе, которое изрѣдка проявлялось движеніемъ рукавчика (и разумѣется кулака), грозившаго спускавшейся фигурѣ.

ГЛАВА XXVII.

ВСЕ НИЖЕ И НИЖЕ.

Фигура, которой мистриссъ Спарситъ изрѣдка грезила, спускалась по громадной лѣстницѣ все ниже и ниже, неизбѣжно стремясь, какъ кусокъ свинца брошенный въ воду, къ мрачному дну страшной бездны.

Мистеръ Градгрэиндъ, получивъ извѣстіе о смерти жены своей, пріѣхалъ въ Каменный Пріютъ, и похоронивъ ее дѣловымъ порядкомъ, поспѣшно воротился въ Лондонъ на мусорный дворъ, и снова принялся пересыпать изъ пустаго въ порожнее, бросая отъ времени до времени пыль въ глаза тѣмъ, кто считалъ такое занятіе дѣльнымъ; короче, онъ поспѣшилъ воротиться къ своимъ парламентскимъ занятіямъ.

Между тѣмъ, мистриссъ Спарситъ, продолжала держать бдительную стражу. Удаленная отъ своей лѣстницы на длину желѣзной дороги, отдѣляющей Кокстоунъ отъ сельской резиденціи мистера Бондерби, она все же не прекращала своихъ кошачьихъ наблюденій за Луизой, и узнавала о ея паденіи черезъ мужа, черезъ брата, черезъ Джемса Гартгауза, черезъ наружность конвертовъ и посылокъ, вообще черезъ всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, которые приближались къ лѣстницѣ какимъ бы то ни было образомъ.

— Ничего, миледи! Ваша ножка на послѣдней ступеньки, говорила мистриссъ Спарситъ; мысленно обращаясь къ спускавшемуся изображенію Луизы, сопровождая слова свои угрожающимъ движеніемъ рукавчика: — не безпокойтесь, ваше искусство не ослѣпитъ меня.

Искусство это было или природа, врожденный характеръ Луизы, или прививокъ обстоятельствъ къ ея характеру, только ея странное поведеніе приводило въ сомнѣніе человѣка дальновиднѣе и проницательнѣе самой мистриссъ Спарситъ. Бывали часы, когда мистеръ Джемсъ Гартгаузъ не былъ увѣренъ въ Луизѣ. Бывали часы, когда онъ не умѣлъ читать на лицѣ Луизы, которое такъ долго изучалъ; и тогда

эта одинокая женщина составляла для него большую загадку, чѣмъ всякая свѣтская дама, окруженная толпою охраняющихъ ее спутниковъ.

Время шло такимъ образомъ, пока случай не отозвалъ мистера Бондерби изъ дому на три или на четыре дня. Была пятница, когда онъ сообщилъ объ этомъ мистриссъ Спарситъ въ банкѣ, и прибавилъ:

— Но во всякомъ случаѣ, ма'мъ, вы пріѣдете къ намъ завтра. Вы должны пріѣхать, какъ будто я все еще дома. Мой отъѣздъ не можетъ дѣлать для васъ различія.

— Извините, сэръ, возразила мистриссъ Спарситъ, съ упрекомъ: — позвольте васъ попросить не говорить мнѣ этого. Ваше отсутствіе сдѣлаетъ для меня большое различіе, сэръ, и я думаю, вамъ самимъ извѣстно это очень хорошо.

— Ну чтожь дѣлать, ма'мъ; старайтесь по возможности быть довольною во время моего отсутствія, сказалъ Бондерби съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Мистеръ Бондерби, отвѣчала мистриссъ Спарситъ: — ваша воля для меня законъ; въ противномъ случаѣ, я, быть можетъ, рѣшилась бы оспоривать ваше великодушное приглашеніе, не будучи увѣрена, что мое присутствіе будетъ такъ же пріятно для миссъ Градгрэиндъ, какъ оно всегда было для вашего щедраго гостепріимства. Но не говорите болѣе объ этомъ. Я поѣду по вашему приглашенію.

— Когда я приглашаю васъ въ мой домъ, ма'мъ, сказалъ Бондерби, раскрывъ глаза свои во всю ихъ ширину: — то я надѣюсь, что для васъ не нужно другаго приглашенія.

— Конечно нѣтъ, возразила мистриссъ Спарситъ. Прошу васъ, не говорите болѣе объ этомъ. Мнѣ бы только одного хотѣлось, видѣть васъ по прежнему веселымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, ма'мъ? вскричалъ Бондерби.

— Сэръ, отвѣчала мистриссъ Спарситъ: — къ сожалѣнію я начинаю замѣчать, что въ васъ недостаетъ прежней эластичности. Будьте по живѣе, сэръ, повеселѣе.

Мистеръ Бондерби, подъ вліяніемъ такого тяжелаго увѣщанія, подкрѣпляемаго ея глазами выражавшими состраданіе, могъ только почесать себѣ голову съ забавнымъ видомъ,

и удалиться. Но голосъ его въ теченіе цѣлаго утра звучно отдавался въ комнатахъ мистриссъ Спарситъ, и обнаруживалъ что мистеръ Бондерби дѣятельно занимался своимъ дѣломъ.

— Битцеръ, сказала мистриссъ Спарситъ вечеромъ, когда патронъ ея уѣхалъ, и банкъ былъ закрытъ: — засвидѣтельствуй мое почтеніе молодому мистеру Томасу, и спроси его не хочетъ ли онъ раздѣлить со мной баранью котлету и бутылку индѣйскаго элю?

Молодой Томъ никогда не отказывался отъ подобныхъ приглашеній, и отправился на верхъ по горячимъ слѣдамъ Битцера.

— Мистеръ Томъ, сказала мистриссъ Спарситъ: — поставивъ на столъ эти лакомства, я подумала, что, увидѣвъ ихъ, вы вѣрно соблазнитесь.

— Благодарю васъ, мистриссъ Спарситъ, отвѣчалъ Волчонокъ, и мрачно приступилъ къ котлетамъ.

— Какъ поживаетъ мистеръ Гартгаузъ? спросила мистриссъ Спарситъ.

— О! какъ нельзя лучше.

— Гдѣ бы онъ могъ быть въ настоящее время? спросила мистриссъ Спарситъ, всячески стараясь завести болѣе длинный и откровенный разговоръ; и мысленно предавая Волчонка фуріямъ за его угрюмое молчаніе.

— Онъ охотится теперь въ Йоркшэйрѣ, сказалъ Томъ. — Вчера прислалъ сестрѣ моей корзину дичи, немного поменьше этой комнаты.

— Прекрасный джентльменъ, сказала мистриссъ Спарситъ чрезвычайно нѣжно: — я думаю можно побиться объ закладъ, что онъ отличный стрѣлокъ!

— Чертовски хорошо стрѣляетъ, замѣтилъ Томъ.

Томъ давно казался нелюдимкой, но эта характеристика въ послѣднее время усилилась до такой степени, что онъ не поднималъ своихъ глазъ и не останавливалъ ихъ на чьемъ нибудь лицѣ даже и на три секунды. Мистриссъ Спарситъ предстоялъ удобный случай наблюдать за его взглядами, если бы имѣла къ тому расположеніе.

— Мистеръ Гартгаузъ мой фаворитъ, сказала мистриссъ Спарситъ: — впрочемъ его можно назвать фаворитомъ весьма многихъ. Можемъ ли мы надѣяться, Томъ, увидѣть его въ скоромъ времени?

— Я надѣюсь увидѣть его завтра, отвѣчалъ Волчонокъ..

— Пріятная новость! вскричала мистриссъ Спарситъ въ восторгѣ.

— Я получилъ назначеніе встрѣтить его вечеромъ на станціи желѣзной дороги, сказалъ Томъ: — и я полагаю, оттуда мы вмѣстѣ отправимся обѣдать. Ему нельзя пробыть въ загородномъ домѣ недѣли, потому что долженъ ѣхать куда-то въ другое мѣсто. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ говорилъ; но во всякомъ случаѣ, я полагаю, что воскресенье онъ пробудетъ съ нами.

— Благодарю васъ, Томъ, вы напомнили мнѣ одно обстоятельство, сказала мистриссъ Спарситъ. Если, мистеръ Томъ, я дамъ порученіе вамъ, вы не позабудете передать его вашей сестрицѣ?

— Почему же? Попытаю, если только оно не будетъ очень длинно, отвѣчалъ неразговорчивый Волчонокъ.

— Оно состоитъ вотъ въ чемъ: потрудитесь засвидѣтельствовать вашей сестрицѣ мое почтеніе, и спросите ее, не обезпокою ли я ее, если проведу въ ея обществѣ эту недѣлю? я все еще чувствую, что нервы мои очень слабы.

— О! если только тутъ все, замѣтилъ Томъ: — то не большая бѣда если я и забуду его, потому что Луиза весьма вѣроятно и не вздумаетъ объ васъ, пока вы не покажетесь ей на глаза.

Заплативъ за угощеніе такимъ пріятнымъ комплиментомъ, онъ предался обжорливому молчанію, пока въ бутылкѣ не осталось ни капли индѣйскаго элю.

— Теперь, мистриссъ Спарситъ, сказалъ онъ: — я долженъ уйти!

И онъ ушелъ.

На другой день, въ субботу, мистриссъ Спарситъ сидѣла у своего окна цѣлый день, посматривая на проходящихъ, наблюдая за банкомъ, любуясь уличной торговлей, перебирая въ головѣ множество предметовъ, но не отвлекая своего вниманія отъ гигантской лѣстницы. Наступилъ вечеръ; она надѣла шляпку, накинула платокъ и спокойно вышла изъ дому, имѣя свои причины побывать скрытнымъ образомъ на станціи желѣзной дороги, куда долженъ прибыть джентльменъ изъ Йоркшэйра. Она предпочитала осмотрѣть всю стан-

цію изъ-за колонъ и угловъ, и изъ оконъ дамской комнаты, нежели открыто пройти по платформѣ.

Томъ былъ уже тамъ, и расхаживалъ въ ожиданіи поѣзда. Но этотъ поѣздъ не привезъ мистера Гартгауза. Томъ ждалъ пока не разсѣялась толпа и не прекратился шумъ и движеніе, и потомъ приступилъ къ совѣщаніямъ съ объявленіями и кондукторами. Сдѣлавъ это, онъ лѣниво побрелъ въ городъ, останавливаясь на улицахъ чтобъ посмотрѣть по сторонамъ. снимая шляпу и надѣвая ее, зѣвая и потягиваясь, и вообще обнаруживая всѣ признаки невыносимой скуки, какую можно предположить въ человѣкѣ, которому предстояло прождать до прибытія другаго поѣзда часъ и сорокъ пять минутъ.

— Это просто выдумка! это только для того, чтобъ удалить Тома отъ себя, сказала мистриссъ Спарситъ, снова посматривая изъ окна своей комнаты: — Гартгаузъ преспокойно теперь сидитъ съ его сестрицей.

Это была минута вдохновенія, и мистриссъ Спарситъ съ быстротою молніи поспѣшила воспользоваться ею. Станція желѣзной дороги, проходившей мимо загороднаго дома мистера Бондерби, находилась на другомъ концѣ города. Время было коротко, дорога не легка; но мистриссъ Спарситъ такъ проворно подхватила извощика, такъ шибко погнала его, такъ быстро расплатилась, схватила билетъ, юркнула въ вагонъ, и понеслась по желѣзной дорогѣ, какъ будто ее подхватило облако, и умчало вмѣстѣ съ вихремъ.

Во всю дорогу мистриссъ Спарситъ видѣла передъ собою свою лѣстницу, недвижимую въ воздухѣ, хотя никто не поддерживалъ ее; ясную для ея черныхъ глазъ, какъ ясны были электрическія проволоки, представлявшія нескончаемо-длинную полосу нотной бумаги, которой линіи чертились на вечернемъ небосклонѣ. Мистриссъ Спарситъ видѣла, какъ Луиза спускалась по этой лѣстницѣ; приближалась къ концу ея; еще нѣсколько ступенекъ оставалось до пропасти.

Пасмурный сентябрскій вечеръ, видѣлъ изъ подъ своихъ нахмуренныхъ бровей, какъ мистриссъ Спарситъ выскользнула изъ вагона, спустилась по деревяннымъ ступенькамъ небольшой станціи на каменистую дорогу, перебѣжала черезъ нее на лугъ, и вскорѣ скрылась въ гущѣ листьевъ и вѣтвей парка. Одна или двѣ запоздалыя птички, сонно чиликавшія

въ гнѣздахъ, летучая мышь пропорхнувшая нѣсколько разъ черезъ дорогу, и легкій шорохъ шаговъ по мягкому песку, на который становилась нога какъ на бархатъ; вотъ все что видѣла мистриссъ Спарситъ и слышала, пока не затворила за собой калитки.

Она подошла къ дому, держась въ кустахъ, и обошла его кругомъ, заглядывая изъ-за листьевъ въ окна нижняго этажа. Бòльшая часть изъ нихъ была открыта, чтò, по обыкновенію, дѣлалось въ теплую погоду, но свѣчей еще не было подано, и въ комнатахъ было безмолвно. Она осмотрѣла садъ, и также безуспѣшно. Она вспомнила о паркѣ, и прокралась къ нему, не обращая вниманія ни на высокую траву и колючія растенія, ни на червей, гадовъ, лягушекъ и всякаго рода пресмыкающихся. Съ своими черными глазами и крючковатымъ носомъ, какъ будто служившими ей проводниками, мистриссъ Спарситъ тихонько прокладывала себѣ дорогу къ гущѣ парка, и такъ смѣло стремилась къ цѣли своихъ поисковъ, что если бы вмѣсто деревьевъ росли все змѣи, она бы и тогда не обратила на нихъ вниманія.

Но, тише! тсъ!

Маленькія птички могли бы попадать изъ гнѣздъ, очарованныя въ темнотѣ блескомъ глазъ мистриссъ Спарситъ, въ то время, какъ она остановилась и обратилась въ слухъ.

Тихіе голоса слышались отъ нее въ весьма близкомъ разстояніи. Это были голоса Луизы и Гартгауза. Итакъ, Тому назначено было свиданіе для того, чтобъ удалить его! Они находились у срубленныхъ деревьевъ.

Нагнувшись въ мокрую траву, мистриссъ Спарситъ подползала къ нимъ еще ближе. Она выпрямилась и спряталась за деревомъ, подобно Робинзону Крузо въ засадѣ противъ дикарей; такъ близко она находилась отъ нихъ, что одинъ прыжокъ, и то небольшой, и она бы очутилась между ними. Гартгаузъ былъ тутъ тайно, и не показался въ домѣ. Онъ проѣхалъ верхомъ по сосѣднимъ полямъ, потому что его лошадь была привязана къ забору въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Милая Луиза, говорилъ онъ: — могъ ли я поступить иначе? Зная, что вы однѣ здѣсь, могъ ли я не пріѣхать сюда!

«Ты можешь наклонять свою голову, чтобы казаться привлекательнѣе; будто я не знаю, чтò въ тебѣ видятъ, когда

она бываетъ задернута», думала мистриссъ Спарситъ: «но какъ мало ты думаешь, милая моя, чьи еще глаза смотрятъ на тебя!»

Что Луиза опустила свою головку — это было вѣрно. Она умоляла его, приказывала ему удалиться; не обращая къ нему своего лица, не поднимая глазъ. Замѣчательно было и то, что Луиза сидѣла такою спокойною, какою любезная женщина, находившаяся въ засадѣ, не видѣла ее во всѣ періоды ея жизни. Ея руки покоились одна въ другой, подобно рукамъ статуи, и даже въ ея разговорѣ не было смущенія.

— Милое дитя мое, сказалъ Гартгаузъ, и мистриссъ Спарситъ съ наслажденіемъ увидѣла, что онъ обнялъ ее: — неужели вы не хотите остаться со мной немного долѣе!

— Не здѣсь.

— Гдѣ же, Луиза?

— Не здѣсь.

— Но у насъ такъ мало времени, чтобъ переговорить многое, я пріѣхалъ такъ издалека, я такъ люблю васъ и такъ страдаю! Не было еще раба, который бы былъ такъ преданъ своей госпожѣ, и котораго бы она такъ терзала. Ждать счастливой встрѣчи съ вами, которая возбуждала во мнѣ жизнь, и потомъ быть приняту съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ — это для меня убійственно.

— Нужно ли вамъ еще разъ повторять, что я должна остаться здѣсь одна?

— Но мы должны же встрѣтиться, милая Луиза. Гдѣ же мы встрѣтиться?

Они оба вздрогнули. Подслушивающая лади также вздрогнула съ замираніемъ сердца; ей показалось, что, кромѣ ея, между деревьями еще кто-то подслушивалъ. Но это былъ только дождь, начинавшій падать крупными каплями.

— Не долженъ ли я черезъ нѣсколько минутъ пріѣхать къ вамъ въ домъ, въ невинномъ предположеніи, что хозяинъ его дома, приметъ меня и будетъ обрадованъ моимъ пріѣздомъ?

— Нѣтъ!

— Я долженъ безпрекословно повиноваться вашимъ жестокимъ приказаніямъ. Я считаю себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я оставался нечувствительнымъ ко всѣмъ

женщинамъ, и за-то попалъ, наконецъ, подъ ноги самой хорошенькой, самой очаровательной и самой жестокой. Милая Луиза, еслибъ вы знали какъ тяжело переносить такое злоупотребленіе вашей власти!

Мистриссъ Спарситъ видѣла какъ онъ удерживалъ ее обнимавшей рукой, и слышала, какъ онъ говорилъ ей о своей любви, и что для него она была предметомъ, за обладаніе, которымъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ въ жизни. Предметы, за которыми онъ гнался въ послѣднее время, потеряли для него всю свою привлекательность; успѣхъ достиженія ихъ не имѣлъ никакого сравненія съ ея любовью. Но почему она не отвѣчаетъ на его любовь? — на любовь человѣка, который видѣлъ до какой степени была она одинока, котораго она очаровала при первой встрѣчѣ, пробудила чувство, къ которому онъ считалъ себя неспособнымъ, — удостоила его своей довѣренности; человѣка, который преданъ ей, который обожаетъ ее. Все это и многое другое, при его торопливости, при вихрѣ восторга, поднятомъ удовлетворенной злобой, при быстро-увеличивавшемся шумѣ дождя, и приближавшихся раскатахъ грома — долетало до слуха мистриссъ Спарситъ такъ смѣшанно, и такъ невнятно, что, когда Гартгаузъ перелезъ черезъ заборъ и повелъ свою лошадь, она не знала, гдѣ они условились встрѣтиться, знала только, что въ эту ночь.

Впрочемъ, Луиза оставалась еще передъ нею въ темнотѣ, и, конечно, если слѣдить за ней, то не трудно будетъ узнать и мѣсто встрѣчи.

— О, мое милое дитя! сказала про себя мистриссъ Спарситъ: — ты не воображаешь, какъ хорошо слѣдятъ за тобой?

Мистриссъ Спарситъ видѣла, какъ Луиза вышла изъ парка и вошла въ домъ. Что̀ же теперь оставалось ей дѣлать? — Дождь лилъ какъ изъ ведра. Бѣлые чулки мистриссъ Спарситъ сдѣлались чулками многоразличныхъ цвѣтовъ, между которыми господствовалъ зеленый; разныя колючки забрались къ ней въ башмаки; къ различнымъ частямъ ея платья прильнули различнаго рода насѣкомыя; потоки дождя лились съ ея шляпки и съ ея римскаго носа. Въ такомъ положеніи стояла мистриссъ Спарситъ въ чащѣ кустовъ, размышляя, что теперь ей дѣлать?

Но вотъ Луиза выходитъ изъ дому! Одѣтая на скорую руку и укутанная, она крадучись пробирается по аллеѣ. Она убѣгаетъ! Она спускается съ послѣдней ступени гигантской лѣстницы и падаетъ въ пропасть!

Не обращая вниманія на дождь, она быстрыми и твердыми шагами переходитъ на боковую дорожку, параллельную главной аллеѣ. Мистриссъ Спарситъ слѣдуетъ за ней въ тѣни деревьевъ въ довольно близкомъ разстояніи, потому что легко потерять изъ виду фигуру Луизы, быстро удалявшуюся въ темнотѣ.

Когда Луиза остановилась затворить калитку, не дѣлая шуму, мистриссъ Спарситъ также остановилась. Когда она пошла далѣе и мистриссъ Спарситъ также пошла. Луиза шла по той же дорогѣ, по которой пришла мистриссъ Спарситъ, вышла изъ парка на зеленый лугъ, перешла каменистую дорогу и поднялась по деревяннымъ ступенькамъ на станцію желѣзной дороги. Мистриссъ Спарситъ знала, что поѣздъ въ Кокстоунъ отправится немедленно, и такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Кокстоунъ назначенъ главнымъ мѣстомъ свиданія.

Въ чрезвычайно мокромъ положеніи мистриссъ Спарситъ, не требовалось особенныхъ предосторожностей для перемѣны своей наружности; но на всякій случай она остановилась у забора станцій, перемѣнила складки своей шали и накинула ее на шляпку. Въ этомъ видѣ она не боялась быть узнанною когда поднялась по ступенькамъ на станцію желѣзной дороги и взяла билетъ. Луиза сидѣла въ одномъ углу, мистриссъ Спарситъ сѣла въ другой. Та и другая прислушивались къ перекатамъ грома и къ дождю, который омывалъ крышу станціи и потоками скатывался на землю; та и другая видѣли, какъ сверкала молнія и описывала зигзаги по рельсамъ.

Внезапная дрожь, овладѣвшая зданіемъ станціи, и постепенно усилившаяся, возвѣстила о прибытіи поѣзда. Сцена передъ глазами двухъ спутницъ измѣнилась: онѣ видѣли теперь огонь, дымъ, паръ и красноватый свѣтъ; онѣ слышали шипенье, трескъ, звонокъ и визгъ. Луиза помѣстилась въ одномъ вагонѣ, мистриссъ Спарситъ въ другомъ.

Зубы мистриссъ Спарситъ дрожали отъ сырости и холода, но сама она была въ неизъяснимомъ восторгѣ. Фигура, для

которой сооружена была лѣстница, упала наконецъ въ пропасть и мистриссъ Спарситъ чувствовала какъ будто она присутствовала при похоронахъ упавшей фигуры. Могла ли та, которая такъ дѣятельно занималась приготовленіемъ погребальнаго церемоніала, не восхищаться своимъ произведеніемъ?

— Какъ бы ни была хороша его лошадь, но Луиза будетъ въ Кокстоунѣ раньше его, думала мистриссъ Спарситъ. — Но гдѣ она будетъ ждать его? И куда они потомъ отправятся? Терпѣніе, терпѣніе. Мы все увидимъ.

Проливной дождь произвелъ величайшее замѣшательство, когда поѣздъ остановился у мѣста своего назначенія. Жолоба и водосточныя трубы не выдерживали напора дождевой воды, канавы переполнились, и на улицахъ образовался потопъ. Съ первымъ шагомъ изъ вагона мистриссъ Спарситъ устремила тревожныя взгляды на извощиковъ, требованіе на которыхъ было огромно.

— Она непремѣнно найметъ экипажъ, разсуждала мистриссъ Спарситъ: — и уѣдетъ прежде, чѣмъ я могу помчаться за ней въ другомъ. Такъ пускай же перегонятъ меня, а я должна увидѣть нумеръ экипажа, и услышать куда она прикажетъ ѣхать.

Но мистриссъ Спарситъ ошиблась въ расчетѣ. Луиза не взяла экипажа, и уже давно ушла. Черные глаза устремились на вагонъ, въ которомъ прибылъ предметъ ихъ преслѣдованія, но они опоздали. Дверь вагона не отворялась въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Мистриссъ Спарситъ проходила мимо ихъ и ничего не видѣла, заглянула въ вагонъ и убѣдилась, что тамъ не было ни души. Промокшая до костей, въ башмакахъ полныхъ воды, которые шлепали при каждомъ ея движеніи; подъ дождемъ, который лилъ какъ изъ ведра на ея классическое лицо; въ платьѣ, испорченномъ до послѣдней нитки, на которомъ каждая пуговка и каждый крючокъ дѣлали отпечатки на ея высокородной спинѣ; покрытая вся скользкою зеленью, какою обыкновенно покрываются старые заборы, мистриссъ Спарситъ могла только залиться горькими слезами и сказать:

— Я потеряла ее!

ГЛАВА XXIII.

УПАЛА!

Великобританскіе мусорщики, позабавивъ другъ друга шумными маленькими битвами, разсѣялись по разнымъ угламъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ, и мистеръ Градгрэиндъ пріѣхалъ домой на вакансіи.

Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ, безъ сомнѣнія доказывая что нибудь, и можно почти навѣрное сказать, доказывая, что хорошій самаритянинъ всегда дурной экономистъ. Шумъ грозы не тревожилъ его; но нѣсколько разъ отвлекалъ его вниманіе, заставлялъ поднимать голову, и принимать такой видъ, какъ будто мистеръ Градгрэиндъ готовъ былъ вступить въ парламентскія пренія съ самыми стихіями. Когда громъ разражался очень сильно, мистеръ Градгрэиндъ взглядывалъ на Кокстоунъ, воображая, что отъ такого удара легко можетъ разрушиться какая нибудь изъ высокихъ кокстоунскихъ фабричныхъ трубъ.

Громъ гремѣлъ въ отдаленіи и дождь лилъ ливнемъ, когда дверь кабинета отворилась. Онъ взглянулъ черезъ лампу, стоявшую на письменномъ столѣ, и къ величайшему удивленію, увидѣлъ свою старшую дочь.

— Луиза!

— Батюшка, я хочу говорить съ вами.

— Что сдѣлалось съ тобой Луиза? Какъ странно ты глядишь! И праведное небо! сказалъ мистеръ Градгрэиндъ удивляясь болѣе и болѣе: — неужели ты рѣшилась придти сюда въ такую грозу?

Луиза приложила руки къ своему платью, какъ будто до этой минуты она не замѣчала, что была подъ грозой.

— Да, отвѣчала она.

Потомъ открыла свою голову; и позволивъ своему салопу и шляпкѣ упасть на полъ, она стояла передъ отцомъ своимъ и смотрѣла на него такая блѣдная, такая разстроенная, въ такомъ отчаяніи, что онъ испугался.

— Что это значитъ, Луиза? заклинаю тебя, скажи мнѣ, что съ тобой?

Луиза опустилась на стулъ, стоявшій передъ нимъ, и положила свою холодную руку, на его руку.

— Батюшка, вы воспитывали меня отъ моей колыбели.

— Да, Луиза.

— Я проклинаю часъ, въ который родилась для такой участи.

Отецъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ и ужасомъ, повторяя безсознательно ея слова.

— Зачѣмъ вы дали мнѣ жизнь, и отняли тѣ драгоцѣнныя вещи, которыя возводятъ ея отъ состоянія сознаваемой смерти? Гдѣ всѣ прелести и вся красота моей души? Гдѣ чувства моего сердца? Что вы сдѣлали, батюшка, о! что вы сдѣлали съ садомъ, который долженъ былъ разцвѣсть среди этой пустыни, которую я ношу вотъ здѣсь!

И она обѣими руками ударила себя въ грудь.

— Если бы этотъ садъ былъ здѣсь, то одни его плевелы спасли бы меня отъ той ужасной пустоты, въ которой гибнетъ вся моя жизнь! Я бы не хотѣла говорить вамъ этого; но, батюшка, вы помните нашъ послѣдній разговоръ въ этой комнатѣ?

Онъ былъ такъ не приготовленъ къ подобному вопросу, что съ трудомъ могъ отвѣтить:

— Да, Луиза.

— Чтò я говорю теперь, я бы сказала и тогда, еслибъ вы помогли мнѣ. Я говорю не съ тѣмъ, чтобъ упрекать васъ. Вы не могли мнѣ передать, чего вы сами не имѣли; но еслибъ вы пробудили въ душѣ моей нѣжныя чувства, или еслибъ вы просто пренебрегли моимъ воспитаніемъ, то я была бы лучшимъ и счастливѣйшимъ созданіемъ!

Услышавъ это, послѣ всѣхъ своихъ заботъ и попеченій, онъ съ тяжелымъ стономъ поникъ головою.

— Батюшка, еслибъ вы знали, какъ я боялась бороться съ своими чувствами въ послѣднее наше свиданіе въ этой комнатѣ, боялась потому, что еще съ младенчества считала своею обязанностью подавлять всякое естественное чувство, которое раждалось въ моемъ сердцѣ; еслибъ вы знали сколько томилось въ груди моей чувства, привязанностей, слабо-

стей, которыя могли бы укрѣпиться въ ней, и принять свою силу, которыя бы стали чужды всякимъ разсчетамъ человѣка, которыя не подчинялись бы никакой ариѳметикѣ, но дѣйствовали бы по указанію своего Создателя, скажите, отдали ли бы вы меня замужъ, за человѣка, котораго я теперь ненавижу?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Нѣтъ, мое бѣдное дитя.

— Обрекли ли бы вы меня стужѣ, которая убила бы, все, что разцвѣтало во мнѣ? Отняли ли бы вы отъ меня — не для того, чтобы обогатить кого нибудь, но для того, чтобъ произвесть еще большее опустошеніе въ этомъ мірѣ — отняли ли бы вы отъ меня нематеріальную часть моей жизни, весну и лѣто моихъ вѣрованій, мое убѣжище отъ всего что есть гнуснаго и дурнаго въ матеріальныхъ вещахъ, окружающихъ меня, мою школу, въ которой я должна бы научиться быть болѣе смиренною и болѣе довѣрчивою и надѣяться въ моей маленькой сферѣ на улучшеніе моей нематеріальной жизни?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, Луиза.

— Но при всемъ томъ, батюшка, еслибъ я была слѣпою; еслибъ я принуждена была ощупью разбирать мою дорогу, руководимая однимъ только чувствомъ осязанія, и еслибъ, зная формы предметовъ, я могла бы дать нѣкоторую свободу моей фантазіи, я была бы въ милліонъ разъ умнѣе, счастливѣе, довольнѣе, невиннѣе, человѣчественнѣе и болѣе способна къ любви во всѣхъ отношеніяхъ, въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ теперь, обладая зрѣніемъ. Теперь, послушайте, что я намѣрена сказать.

Градгрэиндъ всталъ, чтобъ поддержать ее. Луиза также встала, и положивъ руку на плечо, устремила на его лицо пристальный взглядъ.

— Томимая въ душѣ голодомъ и жаждой, которыхъ никогда не утоляли; съ пламеннымъ желаніемъ перенестись въ страну, гдѣ бы ничто не напоминало мнѣ о фактахъ, я выросла въ борьбѣ за каждый шагъ моей жизни.

— Я никогда не зналъ, что ты несчастна, дитя мое.

— Батюшка, я всегда знала это. Въ этой борьбѣ я отталкивала отъ себя моего добраго ангела. Все, что я выучила оставило во мнѣ сомнѣніе, невѣріе, презрѣніе и сожалѣніе о томъ, чему я никогда не училась: и моимъ печальнымъ утѣ-

шеніемъ была мысль, что я умру скоро, и что въ жизни моей нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было безпокоиться и сожалѣть.

— И ты, Луиза, говоришь это въ твои годы? сказалъ отецъ съ состраданіемъ.

— Да, въ мои годы. Въ этомъ-то состояніи — я открываю вамъ теперь безъ всякаго страха то, что было обыкновеннымъ состояніемъ моей души — въ этомъ-то состояніи вы предложили мнѣ мужа! Я приняла ваше предложеніе. Я никогда не притворялась ни передъ нимъ, ни передъ вами, что я любила его. Я знала, и вы знали, батюшка, и онъ зналъ, что я не любила его; но соглашаясь на этотъ бракъ, я надѣялась угодить и быть полезной Тому. Я предалась этой мечтѣ съ какимъ-то увлеченіемъ, и убѣдилась наконецъ, какъ безразсудно поступила. Но Томъ былъ предметомъ, на которомъ сосредоточивалась вся любовь, остававшаяся въ душѣ моей, быть можетъ, потому что я очень хорошо знала, какъ нужно сожалѣть о немъ. Я говорю это только за тѣмъ, чтобъ вы снисходительнѣе судили о его поступкахъ.

Сказавъ это, Луиза положила и другую руку на плечо отца, и глядя все еще пристально ему въ лицо, продолжала:

— Когда я вышла за него, когда я безвозвратно сдѣлала этотъ шагъ, въ душѣ моей снова возникла прежняя борьба противъ этого союза, борьба, усиленная тѣмъ неравенствомъ, которое возникло изъ нашихъ двухъ различныхъ характеровъ, и котораго никакіе законы не могутъ уничтожить во мнѣ, какъ ничто не можетъ указать хирургу мѣсто, въ которое онъ долженъ направить ножъ свой, чтобъ отыскать тайны моего сердца.

— Луиза! сказалъ отецъ умоляющимъ голосомъ; онъ припомнилъ теперь все, что говорено было между ними въ ихъ послѣднее свиданіе.

— Я не упрекаю васъ, батюшка; я не жалуюсь. Я пришла сюда совершенно съ другой цѣлью.

— Что же я могу сдѣлать для тебя, дитя мое? Проси отъ меня чего ты хочешь.

— Я пришла наконецъ къ этому, батюшка, случай бросилъ на мою дорогу новое знакомство — съ человѣкомъ, какого я до сихъ поръ никогда не встрѣчала, человѣкомъ свѣтскимъ, образованнымъ, блестящимъ; не имѣющимъ никакихъ притязаній; оказывающимъ слабое уваженіе къ тому, что я

еще тайно старалась сохранить въ душѣ моей; показавшимъ мнѣ почти тотчасъ, — хотя я сама не знаю какимъ образомъ, — что онъ понялъ меня и угадалъ мои мысли. Я не нашла, чтобы онъ былъ хуже меня. Между нами было какое-то сходство. Меня только одно удивляло, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, ни о чемъ не думавшій на свѣтѣ, такъ много думалъ обо мнѣ.

— О тебѣ, Луиза!

Ея отецъ готовъ былъ опустить ее, но онъ чувствовалъ, что силы оставляли ее, и видѣлъ, что въ ея глазахъ, все еще устремленныхъ на него, все болѣе и болѣе разгарался какой-то странный огонь.

— Я не скажу, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ мою довѣренность, но онъ пріобрѣлъ ее. Все, что вы знаете о моемъ замужствѣ, онъ точно такъ же знаетъ, какъ и вы.

Лицо отца покрылось мертвенною блѣдностью, и онъ уже употребилъ усиліе поддерживать ее.

— Я ничего не сдѣлала дурнаго, я не обезчестила вашего имени. Но если вы спросите меня, любила ли я его, или люблю ли теперь, я вамъ скажу на это: можетъ быть — я и сама не знаю.

Она внезапно сняла свои руки съ его плечь и приложила ихъ къ груди. По лицу ея, которое не было похоже на ея прежнее лицо, по ея выпрямленному стану, можно было заключить, что она старалась собрать силы, чтобъ высказать чувства, которыя долго оставались въ заперти.

— Нынѣ вечеромъ, когда мой мужъ уѣхалъ, этотъ человѣкъ былъ у меня и объяснился мнѣ въ любви. Въ эту минуту онъ ждетъ меня; я не могла иначе освободиться отъ него, какъ только назначивъ ему свиданіе. Я не знаю, сожалѣю ли я объ этомъ поступкѣ, не знаю, стыжусь ли я его, не знаю, перестала ли я уважать себя. Я знаю только, что ваша философія и ваше ученье не спасутъ меня. Батюшка! вы довели меня до этого. Спасите же меня чѣмъ нибудь другимъ.

Онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, чтобъ предупредить ея паденіе, но она вскричала ужаснымъ голосомъ:

— Я умру, если вы станете держать меня! Дайте мнѣ упасть!

И онъ опустилъ ее; и гордость его сердца и торжество его системы пало вмѣстѣ съ нею къ ногамъ его.

ГЛАВА XXIX.

ДРУГАЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ.

Луиза пробудилась отъ оцѣпенѣнія, и ея томному взгляду. представилась ея старинная комната въ Каменномъ Пріютѣ. Сначала, казалось ей, какъ будто все случившееся, съ тѣхъ поръ когда эта комната была такъ близко знакома ей, она видѣла во снѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ предметы начинали принимать въ ея глазахъ болѣе дѣйствительныя формы, и она начинала убѣждаться въ дѣйствительности минувшихъ происшествій.

Отъ боли и тяжести она съ трудомъ могла пошевелить голову; ея глаза имѣли болѣзненный видъ и сама она была очень слаба. Какая-то странная безсознательность своего положенія до такой степени овладѣла ею, что присутствіе маленькой сестры долго не привлекало къ себѣ ея вниманія. Даже въ то время, когда глаза ихъ встрѣтились, и ея сестра подошла къ постели, Луиза нѣсколько минутъ молча смотрѣла на сестру, и позволяла ей робко держать свою руку.

— Когда меня принесли въ эту комнату? спросила она наконецъ.

— Вчера вечеромъ Луиза.

— Кто же принесъ меня?

— Сисси, я думаю.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому что сегодня утромъ я застала ее здѣсь. Она не приходила сегодня разбудить меня, какъ это всегда она дѣлала и я пошла отыскивать ее. Я обходила весь домъ, и наконецъ увидѣла ее здѣсь: она всю ночь сидѣла у твоей кровати, и примачивала тебѣ голову. Не хочешь ли ты видѣть отца? Мнѣ и Сисси приказано сказать ему когда ты проснешься.

— Какое у тебя милое личико, Дженъ! сказала Луиза, когда ея младшая сестра — все еще боязливо — нагнулась поцаловать ее.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я рада, что ты такъ думаешь.

Рука Луизы разогнулась и обвила шею Джейнъ.

— Ты можешь сказать отцу, что я хочу его видѣть; и послѣ минутнаго молчанія прибавила: — это ты Дженъ, сдѣлала мою комнату такою веселенькою, и придала ей такой милый видъ?

— О нѣтъ, Луиза, это было сдѣлано до моего прихода. Это было....

Но Луиза прижала лицо свое къ подушкѣ, и больше не слушала. Когда удалилась ея сестра, она снова повернула голову, и смотрѣла на дверь, пока не вошелъ въ нее отецъ.

Онъ устремилъ на нее нѣжный, но тревожный взглядъ, и его рука, обыкновенно твердая, дрожала въ рукѣ Луизы. Онъ сѣлъ подлѣ кровати, спросилъ ее какъ она себя чувствуетъ, и распространился о необходимости спокойствія послѣ такого сильнаго душевнаго волненія и такой страшной грозы, которыя она испытала наканунѣ. Онъ говорилъ тихимъ и нетвердымъ голосомъ, не имѣвшимъ своего обыкновеннаго диктаторскаго тона, и часто терялся въ выборѣ словъ.

— Моя милая Луиза. Моя бѣдная дочь.... и онъ совершенно растерялся.

— Мое несчастное дитя! сказалъ онъ, стараясь преодолѣть затрудненіе, и опять остановился.

— Безполезно было бы, Луиза, говорить тебѣ, какъ сильно пораженъ я былъ вчерашнимъ событіемъ. Фундаментъ, на которомъ я стоялъ до этого, пересталъ быть твердымъ подъ моими ногами. Единственная опора, которая поддерживала меня, и сила, которую я видѣлъ въ этой опорѣ, разрушились въ одинъ моментъ. Эти открытія сильно меня поколебали. Я признаюсь въ этомъ безъ всякаго самолюбія; я чувствую что ударъ, поразившій меня вчера вечеромъ, очень, очень тяжелъ.

Луиза не могла подать ему утѣшеніе. Она сама чувствовала что вся ея жизнь разбивалась о скалу.

— Я не хочу сказать Луиза, что если бы ты по какому нибудь счастливому случаю образумила меня нѣсколько времени тому назадъ, то было бы гораздо лучше для обоихъ насъ; лучше и для твоего спокойствія и для моего. Я знаю, что вызывать на подобную откровенность было бы несообразно съ моей системой. Я доказалъ пользу моей системы самому себѣ, и строго ее поддерживалъ, и теперь долженъ принять на себя всю отвѣтственность за ея недостатки. Я

умоляю тебя только объ одномъ, мое любимое дитя: повѣрить мнѣ, что я имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло.

Онъ говорилъ съ горячностью, и, надобно отдать ему справедливость, говорилъ истину. Измѣряя грифелемъ неизмѣримыя глубины сердца, и передвигая по вселенной ножки своего ржаваго тугаго циркуля, онъ воображалъ совершить великія дѣла. Не выходя изъ предѣловъ короткой привязи, на которой держали его, онъ уничтожалъ цвѣты въ душѣ человѣческой гораздо съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ многіе изъ бездушныхъ членовъ его общества.

— Я увѣрена въ томъ, что вы говорите, батюшка. Я знаю, что я была вашимъ любимымъ дитятей. Я знаю вы хотѣли осчастливить меня. Я никогда не обвиняла васъ, и никогда не буду обвинять.

Луиза протянула руку, и онъ взялъ ее.

— Моя милая Луиза, я провелъ всю ночь за моимъ столомъ, размышляя снова и снова о томъ, что такъ просто и ясно произошло между нами. Принимая въ соображеніе твой характеръ; принимая въ соображеніе вещи, которыя узналъ я въ нѣсколько часовъ, но которыя скрывала ты въ теченіе многихъ годовъ; принимая въ соображеніе тяжелый гнетъ, подъ которымъ ты находилась, и который наконецъ-таки вынудилъ тебя высказаться, я прихожу къ заключенію, что я не могу, я не долженъ довѣрять себѣ.

Онъ высказывалъ еще болѣе, нѣжно глядя на лицо, которое теперь смотрѣло на него. Онъ высказывалъ еще болѣе и выразительнѣе, нѣжно приглаживая волосы, въ безпорядкѣ опустившіеся на лицо Луизы. Такіе пустые, по видимому, поступки въ другомъ человѣкѣ, становились весьма замѣчательными въ немъ; и его дочь принимала ихъ за слова раскаянія.

— Но, говорилъ мистеръ Градграйндъ, протяжно, нѣсколько колеблясь, и съ полнымъ сознаніемъ жалкаго своего положенія: — если я вижу причину не довѣрять себѣ за прошедшее, Луиза, я не долженъ также довѣрять себѣ въ настоящемъ и будущемъ, и, говоря откровенно, я не довѣряю. Теперь я далекъ отъ убѣжденія, что я способенъ на довѣріе которое ты на меня возлагаешь; я не знаю даже какъ исполнить твою просьбу, съ которой ты вчера пришла ко мнѣ; я не могу сказать, что имѣю непогрѣшительный инстинктъ

руководилась, повѣрь, могъ бы помочь тебѣ и поправить твое дѣло.

Луиза прилегла къ подушкѣ, такъ что онъ не могъ видѣть ея лица. Буря, бушевавшая въ ея душѣ, затихла; и теперь хотя Луиза была все еще взволнована, но она не плакала. Тяжело было отцу видѣть ее въ этомъ положеніи; ему въ тысячу разъ было бы легче видѣть ея слезы.

— Нѣкоторые утверждаютъ, продолжалъ онъ, все еще колеблясь: — что человѣкъ одаренъ и мудростью головы и мудростью сердца. Я этого не предполагалъ; впрочемъ, какъ я уже сказалъ, теперь я потерялъ увѣренность въ себѣ. Я полагалъ, что весьма достаточно для человѣка одного здраваго разсудка. И какъ я ошибался! О, могу ли я осмѣлиться сказать сегодня, что этого весьма достаточно! Если этотъ особенный родъ мудрости составляетъ то, чѣмъ я пренебрегъ, если онъ составляетъ то чувство, котораго недостаетъ во мнѣ, Луиза....

Онъ говорилъ съ видомъ сомнѣнія, какъ будто и теперь не имѣлъ расположенія допустить это. Луиза не отвѣчала; она лежала передъ нимъ въ своей постели, все еще полуодѣтая, и въ томъ положеніи въ какомъ онъ видѣлъ ее лежащею на полу въ своемъ кабинетѣ.

— Луиза, и онъ снова началъ приглаживать ея волосы: — въ послѣднее время меня часто и долго не было дома; и хотя воспитаніе твоей сестры ведено было по моей системѣ (по видимому, онъ произносилъ это слово весьма неохотно) — но эта система по необходимости измѣнялась чрезъ тѣсную дружбу, образовавшуюся въ ея ранніе годы. Въ невѣдѣніи своемъ я смиренно спрашиваю твоего мнѣнія, поведутъ ли къ лучшему эти измѣненія?

— Батюшка, отвѣчала она, весьма спокойно: — если въ ея молодой груди пробуждена уже гармонія, которая въ моей груди оставалась безмолвною, пока не достигла совершеннаго разстройства, то пусть благодаритъ она небо, и пусть идетъ по болѣе счастливой дорогѣ, считая за величайшее благословеніе, что избѣжала моего пути.

— О, дитя мое, дитя мое! сказалъ онъ голосомъ отчаянія. — Какая польза въ томъ, что ты меня не упрекаешь, тогда какъ я горько упрекаю самаго себя! И онъ поникъ головой, и еще тише началъ говорить. — Луиза, во мнѣ

есть предчувствіе, что любовь и признательность медленно производятъ перемѣну въ этомъ домѣ; то, что голова оставила не оконченнымъ и не могла окончить, мнѣ кажется, сердце оканчиваетъ это молча. Скажи, возможно ли такое предположеніе?

Луиза молчала.

— Я еще не такъ тщеславенъ, Луиза, чтобы не вѣрить этому. Да и могу ли я тщеславиться, теперь! Скажи, есть ли тутъ какая нибудь возможность? Правду ли я говорю, моя милая?

Онъ еще разъ взглянулъ на нее, и не сказавъ больше ни слова, вышелъ изъ комнаты. Спустя не много Луиза услышала легкій шорохъ и догадывалась, что подлѣ нее кто нибудь стоялъ.

Искра гнѣва, долго тлѣвшая въ ея душѣ, вспыхнула пламенемъ, при одной мысли, что горесть ея и ея несчастіе наконецъ обнаружатся. Всякая сила герметически закупоренная въ несоразмѣрный сосудъ, производитъ разрывъ и опустошеніе. Воздухъ, который освѣжаетъ землю; вода, которая доставляетъ ей тучность, — и жаръ, который приводитъ ее въ зрѣлость, разорвутъ ее, если ихъ оставятъ въ заперти. Такъ и теперь, самыя сильныя чувства, которыя Луиза такъ давно подавляла въ груди своей, превратились въ какое-то ожесточеніе противъ ея подруги.

Но, къ счастію, она почувствовала нѣжное прикосновеніе руки къ своей груди и стала догадываться, что ее считаютъ спящею. Эта рука не пробуждала ея злобы. Пусть эта рука остается тамъ, — пусть она останется.

И она оставалась тамъ, согрѣвая и призывая къ жизни множество нѣжныхъ ощущеній сердца; и Луиза успокоилась. Въ то время, какъ чувства ея смягчались вмѣстѣ въ возрастающимъ спокойствіемъ и сознаніемъ, что на нее устремлены взоры полные участія, — въ ея глазахъ навертывались слезы. И когда къ ея лицу прикоснулось другое лицо, она знала, что и на немъ были также слезы, и что она была причиной ихъ.

Наконецъ Луиза показала видъ, что она просыпается, Сиссеи отступила назадъ, и съ спокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ остановилась подлѣ кровати.

— Надѣюсь, что я не потревожила васъ. Я пришла спросить, позволите ли мнѣ оставаться при васъ?

— Зачѣмъ ты будешь оставаться при мнѣ? Моя сестра опять будетъ искать тебя. Она безъ тебя ни минуты не можетъ пробыть. Ты для нее болѣе, чѣмъ подруга.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Сисси, покачавъ головой. —Я бы хотѣла и для васъ быть чѣмъ нибудь, еслибъ только могла.

— Чѣмъ же? сказала Луиза, почти съ гнѣвомъ.

— Чѣмъ бы вы сами захотѣли и еслибъ только я могла быть тѣмъ. Во всякомъ случаѣ, я бы всѣми силами старалась приблизиться къ тому. И какъ бы я далеко не была отъ того, я бы никогда не устала приближаться. Позволите ли вы?

— Тебя вѣрно послалъ мой отецъ просить объ этомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Сисси. — Онъ сказалъ мнѣ, что я могу теперь войти, но поутру онъ меня выслалъ отсюда...., по крайней мѣрѣ....

Сисси растерялась и замолчала.

— По крайней мѣрѣ, что? сказала Луиза, бросивъ на Сисси испытующій взглядъ.

— Я сама сочла за лучшее, чтобъ меня услали прочь, потому что не знала пріятно ли вамъ будетъ увидѣть меня.

— Неужь ли я всегда такъ сильно пренебрегала тобою?

— Я думаю, нѣтъ; потому что я всегда любила васъ, и всегда желала, чтобъ вы знали объ этомъ. Но вы немного перемѣнились ко мнѣ, не за долго передъ выходомъ замужъ. Вы знали такъ много, а я такъ мало; вамъ предстояло обращаться въ кругу другихъ подругъ, и я не имѣла права жаловаться, тѣмъ болѣе, что вы ничѣмъ меня не обидѣли.

Сисси говорила это скромно, и ея щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Луиза понимала, что подобное оправданіе могло истекать только изъ любящаго сердца, и оно тяжело отозвалось въ ея собственномъ сердцѣ.

— Могу ли я помочь вамъ? сказала Сисси, рѣшаясь поддержать голову Луизы, которая томно склонилась къ ней.

Луиза отведя руку, за минуту передъ тѣмъ такъ нѣжно обнимавшую ее, взяла ее въ свою руку, и отвѣчала :

— Прежде всего, Сиссе, знаешь ли ты, что я такое? Я такъ горда, и сердце мое такъ окаменѣло, я нахожусь въ такомъ тревожномъ состояніи, я такъ раздражительна и несправедлива къ каждому и къ самой себѣ, что каждый предметъ окружающій меня представляется въ бурномъ, мрачномъ и злобномъ видѣ. Неужели это тебя не отталкиваетъ?

— Нѣтъ.

— Я такъ несчастна, и все, что могло бы осчастливить меня, носитъ на себѣ такой отпечатокъ пустоты, что если бы я до этой минуты лишена была разсудка, и вмѣсто того, чтобы быть такой ученой, какою ты меня считаешь, я начала постигать самыя простыя истины, я бы не нуждалась въ проводникѣ къ спокойствію, безропотности, чести, и по всему прекрасному, котораго недостаетъ во мнѣ. Неужели это тебя не отталкиваетъ?

— Нѣтъ!

Не сознавая своей непоколебимой любви, и переполненная до нельзя чувствомъ признательности, покинутая дѣвочка озарила какимъ-то чуднымъ свѣтомъ мракъ въ душѣ несчастной женщины.

Луиза приподняла руку Сиссе и положила къ себѣ на плечо, потомъ упала на колѣни, и прильнувъ къ дочери странствующаго комедіанта, смотрѣла на нее почти съ благоговѣніемъ.

— Прости меня, жалѣй о мнѣ, помоги мнѣ! Имѣй сострадание къ моимъ несчастіямъ, и дай мнѣ положить голову на это любящее сердцѣ.

— О, положите, положите! воскликнула Сиссе. — Сюда, душа моя, сюда!

ГЛАВА XXX.

СМѢШНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Мистеръ Гартгаузъ провелъ всю ночь и день въ такомъ тревожномъ состояніи, что модный свѣтъ, съ самымъ лучшимъ лорнетомъ едва ли бы узналъ въ немъ, въ теченіе этого тягостнаго промежутка, Джема — брата высокопочтеннаго и

шутливаго члена парламента. Онъ былъ положительно взволнованъ. Онъ нѣсколько разъ употреблялъ такія сильныя выраженія, что разговоръ его имѣлъ сходство съ разговоромъ простолюдина. Онъ пріѣхалъ въ загородный домъ мистера Бондерби и уѣхалъ оттуда чрезвычайно-страннымъ образомъ. Онъ мчался по большой дорогѣ какъ разбойникъ. Словомъ, существующія обстоятельства такъ страшно ему надоѣли, что онъ даже позабылъ предаться скукѣ по правиламъ, предписаннымъ авторитетами.

Не обращая вниманія на грозу, онъ прискакалъ въ Коктоунъ; прождалъ цѣлую ночь; отъ времени до времени съ величайшимъ гнѣвомъ дергалъ за звонокъ, обвинялъ привратника, что онъ удерживаетъ письма, и требовалъ, чтобы эти письма или вмѣсто нихъ изустныя порученія были отданы ему немедленно. Занялась заря, началось утро, сдѣлался день, и ни кто изъ нихъ не принесъ съ собою ни письма, ни вѣсти, такъ что Джемсъ Гартгаузъ рѣшился съѣздить въ загородный домъ. Но и тамъ, собранныя свѣдѣнія были такого рода: мистеръ Бондерби уѣхалъ, а мистриссъ Бондерби въ городѣ. Вчера вечеромъ уѣхала туда совершенно неожиданно. Не знали бы даже и объ ея отъѣздѣ, еслибъ не получили извѣстія, чтобъ въ настоящее время не ждали ея возвращенія.

При этихъ обстоятельствахъ, ему оставалось воротиться въ городъ. Онъ явился въ городской домъ, но мистриссъ Бондерби не было и тамъ. Онъ заглянулъ въ банкъ, но и тутъ получилъ отвѣтъ, что мистеръ Бондерби уѣхалъ и мистриссъ Спарситъ также уѣхала. Мистриссъ Спарситъ уѣхала? Кому бы могла встрѣтиться крайняя надобность въ обществѣ этой чучелы?

— Гм! — не знаю, сказалъ Томъ, имѣвшій свои собственныя причины безпокоиться объ этомъ. Она съ разсвѣтомъ уѣхала куда-то. Всѣ ея поступки для меня загадка; я ее ненавижу. Ненавижу и этого бѣлобрысаго, — всегда на кого нибудь смотритъ, да мигаетъ.

— Гдѣ вы были, Томъ, вчера вечеромъ?

— Гдѣ я былъ вчера вечеромъ! сказалъ Томъ. Вотъ это мнѣ нравится. Я ждалъ васъ, мистеръ Гартгаузъ, пока не началась такая страшная гроза, какой я никогда не видывалъ. — Гдѣ я былъ! — Вы, можетъ быть, хотѣли сказать, гдѣ вы были!

— Мнѣ помѣшали пріѣхать сюда — меня задержали.

— Задержали! проворчалъ Томъ: — насъ обоихъ значит задержали. Я былъ задержанъ тѣмъ, что ждалъ васъ до послѣдняго поѣзда. Я вамъ скажу, пріятное было удовольстві прождать до поздней ночи на станціи желѣзной дороги, и потомъ отправиться домой подъ дождемъ и поколѣна въ водѣ. Я принужденъ былъ остаться на ночь въ городѣ.

— Гдѣ?

— Гдѣ? — Разумѣется, въ моей постели, въ домѣ Бондерби.

— Видѣли ли вы вашу сестру?

— Кой чортъ могъ ее видѣть, когда она за пятнадцать миль отсюда, сказалъ Томъ, выпучивъ глаза.

Проклиная эти рѣзкіе отвѣты молодаго джентльмена, которому онъ былъ такимъ истиннымъ другомъ, мистеръ Гартгаузъ безъ малѣйшей церемоніи отдѣлался отъ этого свиданія, и въ сотый разъ перебиралъ въ умѣ своемъ вопросъ: что̀ бы это все могло значить? Одно только было ясно для него, и именно, что въ городѣ ли она или за городомъ, — поторопился ли онъ объясненіемъ въ любви своей къ женщинѣ, которую такъ трудно постичь, или она потеряла рѣшимость, или можетъ, встрѣтилось какое нибудь недоразумѣніе, въ настоящее время непостижимое, или наконецъ, планъ ихъ открыли, но во всякомъ случаѣ, онъ долженъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своей фортуной, какой бы то ни было, хорошей или худой. Отель, въ которомъ ему суждено было жить съ тѣхъ поръ, какъ явился въ страну дыма, сажи и грязи, служилъ мѣстомъ, въ которомъ онъ долженъ былъ оставаться безвыходно. На счетъ всего другаго, онъ былъ совершенно спокоенъ, и утѣшался словами: — чему быть, того не миновать.

— Ожидаетъ ли меня впереди письмо враждебнаго содержанія, или назначеніе свиданія, или увѣщанія кающагося сердца, или импровизированная борьба съ мистеромъ Бондерби — что̀ всего вѣроятнѣе при теперешнемъ положеніи дѣлъ; но я хочу и буду обѣдать, сказалъ мистеръ Джемсъ Гартгаузъ. Бондерби имѣетъ передо мной преимущество; и ужь если между нами должно быть чему нибудь, такъ вѣрно будетъ въ родѣ потасовки.

Вслѣдствіе этого онъ позвонилъ въ колокольчикъ, и небрежно развалившись на диванѣ, приказалъ приготовить къ шести часамъ обѣдъ, и старался провести предстоявшій промежутокъ до обѣда, по возможности, лучше. Но тщетны были всѣ его старанія; онъ оставался въ величайшемъ недоумѣніи и безпокойствѣ, и съ теченіемъ времени, ни чѣмъ не разъяснявшимъ его недоумѣнія, безпокойство его увеличивалось сложными процентами.

Какъ бы то ни было, онъ принималъ это все такъ хладнокровно, какъ слѣдуетъ принимать всякой человѣческой натурѣ; и не разъ утѣшалъ себя идеей на счетъ потасовки.

— Не дурно было бы дать пять шиллинговъ лакею, и пустить его въ дѣло вмѣсто себя, сказалъ онъ, зѣвая: — или нанять на часъ человѣка поздоровѣе и посильнѣе моего противника.

Но эти выходки ни на волосъ не сокращали времени, не уменьшали его недоумѣнія.

Даже передъ самымъ обѣдомъ невозможно было обойтись безъ того, чтобъ не пройти нѣсколько разъ по персидскому ковру, не взглянуть за окно, не подслушать у дверей проходившихъ шаговъ, и не вспыхнуть огнемъ, когда чьи нибудь шаги приближались къ его комнатѣ. Но, послѣ обѣда, когда день превратился въ сумерки, и сумерки превратились въ ночь, и когда все еще никакого извѣстія не долетало до него—положеніе его, какъ онъ выражался, начинало принимать видъ медленной пытки. Несмотря на то, все еще вѣрный своему убѣжденію, что равнодушіе ко всему и хладнокровіе составляютъ отличительную характеристику высокаго воспитанія, (убѣжденіе единственное, которымъ онъ обладалъ), онъ схватился за этотъ кризисъ, какъ за удобнѣйшій случай приказать подать свѣчи и газету.

Тщетно старался онъ прочитать хоть что нибудь, и провелъ въ этой попыткѣ полчаса, когда въ комнату явился лакей и сказалъ таинственно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ видомъ оправданія.

— Прошу извиненія, сэръ. Васъ требуютъ.

Темное воспоминаніе, что подобнаго рода фразой, полиція обращается къ ворамъ и мошенникамъ, заставила мистера Гартгауза въ свою очередь спросить лакея, съ величайшимъ негодованіемъ, кто можетъ его требовать?

— Прошу извиненія, сэръ. Молоденькая леди, сэръ, желаетъ васъ видѣть.

— Какая леди? гдѣ она?

— За этими дверями, сэръ.

Мысленно посылая лакея въ преисподнюю, какъ глупца, вполнѣ заслуживающаго этой ссылки, мистеръ Гартгаузъ поспѣшилъ выйти въ галлерею. Молодая женщина, которой онъ никогда не видѣлъ, стояла тамъ. Она была просто одѣта; весьма спокойна и весьма не дурна собою. Приведя ее въ комнату и поставивъ стулъ для нее, онъ замѣтилъ при свѣтѣ свѣчей, что она была гораздо милѣе, чѣмъ показалась ему съ перваго раза. Ея лицо невинное и молодое, имѣло замѣчательно пріятное выраженіе. Она ни сколько не боялась его, и ни сколько не стѣснялась быть съ нимъ наединѣ; повидимому, ея умъ былъ совершенно занятъ предметомъ ея посѣщенія, и этой мысли она подчиняла всѣ другія.

— Кажется я говорю съ мистеромъ Гартгаузомъ? сказала она.

— Такъ точно, отвѣчалъ онъ, прибавивъ про себя: — и вы обращаетесь къ нему съ такими довѣрчивыми глазками, какихъ я никогда еще не видѣлъ, и такимъ серьёзнымъ и спокойнымъ голосомъ, какого я никогда еще не слышалъ.

— Если я не понимаю — да я и дѣйствительно не понимаю, сэръ, сказала Сисси: — къ чему обязываетъ васъ честь, какъ джентльмена, въ другихъ дѣлахъ, (кровь бросилась въ лицо Гартгауза отъ такого начала), но я увѣрена, что полагаясь на нее, я могу сказать, что это посѣщеніе останется въ тайнѣ, какъ останется въ тайнѣ и то, о чемъ я намѣрена говорить съ вами. Я положусь на нее, если вы скажете, что я могу....

— Можете, можете, увѣряю васъ.

— Я молода, какъ вы видите; — я одна, какъ вы тоже видите!... Отправляясь къ вамъ, я не имѣла ничьего совѣта, ни что не побуждало меня къ этому, кромѣ моей собственной надежды.

— И должно быть весьма сильной, подумалъ онъ, подмѣчая взглядъ Сисси, моментально устремленный къ небу. Кромѣ того, онъ подумалъ: — начало весьма странное. Не вижу къ чему приведетъ оно.

— Я думаю, сказала Сисси: — вы уже догадались, отъ кого я пришла къ вамъ?

— Я испытывалъ величайшее безпокойство въ теченіе послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ, показавшихся мнѣ продолжительностію лѣтъ, на счетъ одной леди. Надежда, которую я осмѣливаюсь образовать, что вы пришли отъ этой леди, не обманываетъ меня, я полагаю.

— Я оставила ее съ часъ тому назадъ.

— Въ домѣ?...

— Въ домѣ ея отца.

На зло всему хладнокровію, лицо мистера Гартгауза вытянулось, и его замѣшательство увеличилось.

— Да, подумалъ онъ: — теперь я рѣшительно не вижу къ чему ведетъ такое начало.

— Вчера вечеромъ она неожиданно явилась туда. Она прибыла туда крайне взволнованная, и всю ночь провела въ безпамятствѣ. Я живу въ домѣ ея отца, и находилась при ней цѣлую ночь. Можете быть увѣрены, сэръ, что вы не увидите ее, пока живете.

Мистеръ Гартгаузъ втянулъ въ себя длинный глотокъ воздуха; и, если только человѣкъ когда нибудь находилъ себя въ такомъ положеніи, въ которомъ не зналъ, что говорить, то мистеръ Гартгаузъ сдѣлалъ открытіе, что онъ именно находился въ этомъ положеніи. Дѣтское простосердечіе, съ которымъ говорила посѣтительница, ея скромная безбоязненность, ея правдивость, устранявшая всякую хитрость, ея совершенное самозабвеніе и горячая преданность къ цѣли, съ которою она пришла, — все это, вмѣстѣ съ увѣренностію въ его такъ легко данное обѣщаніе, такъ легко, что ему даже стыдно становилось за него — представляло что-то новое для него, и противъ чего всякое изъ его обыкновенныхъ орудій оказывалось до такой степени безсильнымъ, что на помощь свою онъ не могъ призвать даже слова.

— Такое изумительное вступленіе, сказалъ онъ наконецъ: — такъ довѣрчиво высказанное, и такими миленькими губками, приводитъ меня въ самое крайнее замѣшательство. Позвольте мнѣ спросить васъ, дѣйствительно ли вы получили приказаніе передать мнѣ это извѣстіе отъ леди, о которой вы говорите, и передать его именно въ этихъ словахъ, исключающихъ всякую надежду.

— Я отъ нее не получала приказаній.

— Утопающій хватается за соломенку. При всемъ моемъ уваженіи къ вашему образу мыслей, и при всей увѣренности въ ваше чистосердечіе, извините меня, если скажу, что я льну къ убѣжденію, что есть еще надежда увидѣться съ ней: — неужели я осужденъ на вѣчное отъ нее изгнаніе?

— Главная цѣль моего посѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить васъ, что на свиданіе съ ней для васъ не остается никакой надежды — менѣе, чѣмъ, еслибъ она умерла вчера вечеромъ по приходѣ домой.

— Неужели я долженъ вѣрить этому? Но если я не могу, еслибы, по слабости человѣческой натуры, я сталъ бы настаивать на своемъ, и не захотѣлъ бы....

— Во всякомъ случаѣ, я говорю вамъ истину. Надежды нѣтъ никакой.

Джемсъ Гартгаузъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣрчивой улыбкой; но спокойный взглядъ Сисси принудилъ оставить эту улыбку. Онъ прикусилъ губы, и употребилъ нѣсколько времени на размышленіе.

— Очень хорошо! Если, къ несчастію моему, послѣ всѣхъ страданій и сохраненія чести съ моей стороны, я доведенъ до такого жалкаго положенія, что заслужилъ это изгнаніе, то я не стану преслѣдовать ее. Но вы сказали, что не имѣете отъ нее никакого приказанія?

— Никакого. Я знаю только, что люблю ее, и что она меня любитъ. Я не скрываю отъ васъ, что находилась при ней всю ночь, и пріобрѣла ея довѣріе. Не скрываю и того, что нѣсколько знакома съ ея характеромъ, въ обстоятельствами, сопровождавшими ея замужство. О, мистеръ Гартгаузъ, я думаю вы съ этимъ тоже знакомы!

Этотъ упрекъ коснулся той пустоты, гдѣ бы должно находиться его сердце, онъ коснулся гнѣзда, въ которомъ бы водились небесныя птицы, еслибы не были распуганы.

— Я не принадлежу къ числу нравственныхъ людей, сказалъ онъ: — и не предъявляю на это званіе никакихъ претензій. Я такой безнравственный, какимъ только можно быть. Но въ тоже время, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній, я не думалъ причинить огорченіе лэди, которая въ настоящую минуту служитъ предметомъ нашего разговора, не думалъ компрометировать ее какимъ бы

то ни было образомъ, не думалъ о томъ, что ставлю себя въ такое положеніе, которое ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласоваться съ счастіемъ супружеской жизни; я не думалъ пользоваться тѣмъ, что въ отцѣ ея—я видѣлъ машину, въ ея братѣ волчонка, въ ея мужѣ настоящаго медвѣдя,—нѣтъ!—я скользилъ съ одной ступеньки на другую такъ спокойно и такъ гладко, что не имѣлъ ни малѣйшей идеи о томъ, что каталогъ моихъ преступленій могъ оказаться весьма длиннымъ, пока не началъ переворачивать его листки. И теперь я нахожу, сказалъ мистеръ Гартгаузъ въ заключеніе, что этотъ каталогъ составитъ нѣсколько томовъ.

Съ минуту онъ оставался безмолвнымъ, и потомъ продолжалъ довольно спокойно, хотя со слѣдами досады и обманутаго ожиданія, которыхъ нельзя было изгладить.

— Послѣ того, что вы сейчасъ представили мнѣ, и представили такъ опредѣлительно, я долгомъ считаю сказать вамъ, что отказываюсь отъ всякой надежды видѣться съ вашей подругой, и что въ такомъ неожиданномъ исходѣ этого дѣла я виню одного себя.

Лицо Сисси показывало, что она не все еще кончила.

— Вы сказали мнѣ о первомъ предметѣ вашего посѣщенія, сказалъ онъ, когда Сисси приподняла свои потупленные взоры. Я могу предполагать, что есть еще другой предметъ, о которомъ надобно поговорить.

— Да, мистеръ Гартгаузъ, отвѣчала Сисси, которой спокойствіе и достоинство совершенно его обезоруживали, а простосердечная увѣренность въ его обѣщаніе сдѣлать все, что она потребуетъ, ставила его въ весьма невыгодное положеніе: — единственное удовлетвореніе съ вашей стороны заключается въ томъ, что вы должны оставить этотъ городъ немедленно и навсегда. Я увѣрена, что только этимъ вы можете смягчить нѣсколько зло и вредъ, которые вы сдѣлали. Я вполнѣ увѣрена, что это есть единственное за нихъ вознагражденіе, сдѣлать которое остается въ вашей власти. Я не говорю, что это много, не говорю даже, что этого *довольно*; напротивъ, этого весьма недостаточно, но оно *необходимо*. Поэтому, я прошу васъ выѣхать отсюда въ эту *же ночь* и съ обязательствомъ никогда сюда не возвращаться.

Еслибъ Сисси, кромѣ увѣренности въ истину словъ своихъ, употребляла какое нибудь другое вліяніе; еслибъ она обнаружила въ словахъ своихъ малѣйшее сомнѣніе или нерѣшимость, и прибѣгнула для лучшаго достиженія цѣли къ скромности или притворству; еслибъ она обнаружила хотя легчайшій признакъ неудовольствія отъ его насмѣшливаго тона, его изумленія, или возраженій, онъ бы воспользовался этимъ, и на этомъ пунктѣ обезоружилъ бы ее. Но для него бы легче было помрачить свѣтлый небосклонъ, бросивъ на него внезапный взглядъ, нежели заставить Сисси уклониться отъ цѣли.

— Но знаете ли вы всю обширность вашего требованія? спросилъ онъ, совершенно теряясь. — Вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, что я нахожусь здѣсь по общественному дѣлу, дѣлу пошлому, если хотите, но я взялся за это дѣло, далъ клятву исполнить его, и всѣ полагаютъ, что я всей душой ему преданъ? Вамъ это вѣроятно не извѣстно, но я увѣряю васъ, что это фактъ.

Фактъ это былъ или не фактъ, но онъ не произвелъ никакого вліянія на Сисси.

— Кромѣ того, сказалъ мистеръ Гартгаузъ, сдѣлавъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ: — все это такъ страшно нелѣпо. Пріѣхать сюда по дѣламъ моей партіи, и выѣхать отсюда такъ странно и такъ неожиданно; право, это въ высшей степени забавно.

— Я увѣрена, повторила Сисси: — что это единственное средство для поправленія дѣла, и средствомъ этимъ вы одни можете располагать. Я увѣрена въ этомъ, иначе бы я не пришла сюда.

Гартгаузъ посмотрѣлъ ей въ лицо, и еще разъ прошелся по комнатѣ.

— Клянусь честью, я не знаю, что сказать. Это такъ безпредѣльно нелѣпо!

Въ эту минуту въ головѣ его мелькнула мысль, и онъ схватился за нее.

— Ужь если я долженъ сдѣлать такой смѣшной поступокъ, то я сдѣлаю его не иначе, какъ съ условіемъ: что онъ останется въ тайнѣ, сказалъ онъ, прислоняясь къ камину.

— Я полагаюсь на васъ, возразила Сисси: — положитесь и вы на меня.

Его поза у камина напоминала ему вечеръ, проведенный съ Волчонкомъ. Это былъ тотъ же самый каминъ, и въ той же самой комнатѣ, но въ теперешній вечеръ онъ уже чувствовалъ *себя* Волчонкомъ. Онъ находился въ безвыходномъ положеніи и посмотрѣвъ сначала внизъ, потомъ вверхъ, улыбнулся, нахмурилъ брови, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ камина, опять воротился къ нему, принялъ свою позу и наконецъ сказалъ:

— Я думаю, что человѣкъ никогда еще не былъ поставленъ въ положеніе смѣшнѣе моего. Я не вижу выхода изъ него. Но, впрочемъ, чему быть, того не миновать. Кажется, что мнѣ нужно согласиться съ вами — и я.... соглашаюсь.

Сисси встала. Этотъ результатъ нисколько ее не удивилъ; но отъ него она испытывала счастіе, и ея лицо озарилось.

— Надѣюсь, вы мнѣ позволите сказать, продолжалъ мистеръ Джемсъ Гартгаузъ: — что я сомнѣваюсь, чтобы нашелся другой посланникъ или другая посланница, которая могла бы исполнить порученіе ко мнѣ съ такимъ успѣхомъ. Я не только долженъ считать себя поставленнымъ въ пресмѣшное положеніе, но и побѣжденнымъ во всѣхъ пунктахъ. По крайней мѣрѣ будетъ ли мнѣ позволено запомнить имя моего непріятеля?

— Вы хотите знать *мое* имя? сказала посланница.

— Да; въ этотъ вечеръ, я хочу знать одно только ваше имя!

— Сисси Джюпъ.

— На прощанье извините мое любопытство. Вы въ родствѣ съ этимъ семействомъ?

— Нѣтъ; я ни больше, ни меньше, какъ бѣдная дѣвушка, отвѣчала Сисси. — Я была разлучена съ моимъ отцомъ, который былъ не болѣе, какъ странствующій комедіантъ, и взята изъ сожалѣнія мистеромъ Градгрэиндомъ. Съ тѣхъ поръ я живу въ его домѣ.

И Сисси ушла.

— Только этого не доставало для совершеннаго пораженія, сказалъ Джемсъ Гартгаузъ, опускаясь на диванъ, съ видомъ покорности своей судьбѣ. — Теперь пораженіе мое можно считать совершеннымъ. Ни больше, ни меньше, какъ

бѣдная дѣвочка, ни больше, ни меньше, какъ дочь комедіанта, и Джемсъ Гартгаузъ ни больше, ни меньше, какъ величайшая пирамида неудачи.

Величайшая пирамида напомнила ему о берегахъ рѣки Нила. Онъ взялъ перо и приличными іероглифами начерталъ къ своему брату слѣдующее посланіе:

«Любезный Джекъ. Я кончилъ съ Кокстауномъ. Мѣсто это чертовски надоѣло мнѣ, и я отправляюсь покататься на верблюдахъ. Душевно преданный тебѣ.

«Джемъ.»

Окончивъ письмо, онъ позвонилъ.

— Пошли ко мнѣ моего лакея.

— Онъ легъ уже спать, сэръ.

— Скажи ему, чтобы всталъ и уложилъ мои вещи.

Онъ написалъ еще двѣ записки. Одну къ мистеру Бондерби, въ которой увѣдомлялъ о своемъ отъѣздѣ, и сообщилъ адресъ, гдѣ его найти черезъ двѣ недѣли. Другую, подобнаго содержанія, къ мистеру Градгрэинду. Чернила не успѣли еще высохнуть на адресахъ этихъ двухъ записокъ, какъ уже мистеръ Джемсъ Гартгаузъ далеко находился отъ высокихъ трубъ Кокстоуна, и мчался по желѣзной дороги, пролегавшей надъ мрачнымъ ландшафтомъ.

Иные подумаютъ, что для мистера Гартгауза эта импровизированная ретирада послужила, впослѣдствіи, поводомъ къ утѣшительнымъ и пріятнымъ размышленіямъ, что онъ долженъ считать ее за одно изъ своихъ дѣяній, искупавшихъ всѣ другія, за признакъ того, что онъ избѣгнулъ крайняго предѣла самаго дурнаго поступка. Но ничего этого не бывало. Тайное чувство, говорившее ему о его неудачѣ и его смѣшномъ положеніи, — опасенія, что́ скажутъ бывавшіе въ подобныхъ обстоятельствахъ его товарищи, когда узнаютъ объ этомъ, до такой степени тревожили его, что онъ стыдился лучшаго изъ всѣхъ поступковъ въ своей жизни.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ПОЛѢСЬЮ И БѢЛОРУССКОМУ КРАЮ.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ. (*)

XI.

БОРИСОВЪ.

Физіономія Борисова при въѣздѣ въ него съ Минской заставы. — Историческія извѣстія объ основаніи его. — Походы черезъ Борисовъ и борисовскій уѣздъ: — Витовта, Свидригайлы, Александра; — Сигизмунда I, Стефана Баторія, Яна-Казиміра, Карла XII и Наполеона. — Березинское пораженіе и бѣгство французовъ изъ Россіи. — Судьба французскаго войска и его семействъ послѣ отступленія Наполеона отъ Студенки. — Преданія о французскихъ кладахъ. — Разныя формы администрацій въ Борисовѣ. — Борисовъ въ настоящее время. — Рынокъ и площадь. — Церкви и костелъ. — Улицы — Березинскій мостъ. — Дача Енгельфельта и остатки древняго замка. — Батареи. — Рѣка Березина и судоходство по ней. — Пристань или слобода. — Общественная жизнь горожанъ: ярмарки, касины. — Поселяне Борисовскаго уѣзда. — Выѣздъ изъ Борисова. — Застѣнокъ однодворцевъ Новицкихъ: Губернеръ; преданія о застѣнкѣ; лекарка. — Городнѣ и его древности. — Раваничи и его замѣчательности. — Витовдуты. — Домовитскъ.

Отъ Жодина до Борисова лежитъ необыкновенно-песчаная дорога и потому всякая болѣе или менѣе скорая ѣзда по ней не-

(*) Первыя три статьи «Путешествія» г. Шпилевскаго напечатаны въ «Современникѣ» 1853 года, въ іюнской, іюльской и августовской книжкахъ, четвертая — въ ноябрской книжкѣ 1854 года.

возможна: очевидно непріятно, да и скучно тянуться шагомъ по глубокимъ пескамъ. За то непріятность эта выкупается прекрасными видами, встрѣчающимися по сторонамъ живописныхъ окрестностей жодинскаго яма, и особенно при самомъ въѣздѣ въ Борисовъ съ минскаго тракта. Густые сосновые лѣса не оставляютъ васъ до извѣстныхъ гливинскихъ крутыхъ возвышеній или горъ, которыя закрываютъ Борисовъ съ минскаго и игуменскаго въѣздовъ и дѣлаютъ его невидимымъ у самой заставы, находящейся почти у подошвы этихъ горъ. Но лишь только взъѣдете на эти горы, какъ передъ глазами вашими точно на ладони открывается весь городъ, расположенный въ видѣ полуострова на отлогой равнинѣ, опоясанной съ трехъ сторонъ рѣками Березиною и тутъ же впадающею въ нее Схою. Вы видите передъ собою, какъ бы плавающія въ водахъ этихъ рѣкъ, небольшія, прильнувшія другъ къ другу деревянныя зданія, между низенькими почернѣвшими кровлями и бѣлыми трубами которыхъ ясно обозначаются куполы церкви и башни костела. Съѣзжая по крутизнѣ возвышеній, вы невольно обратите вниманіе на портовую пристань, застроенную красивенькими домиками и амбарами струговщиковъ или *байдачниковъ* на значительномъ пространствѣ правой стороны Березины, наполненной судами съ распущенными парусами. На пристани вѣчное движеніе, постоянный шумъ и толкотня, — признакъ оживленной торговли.... Множество всякого народа, особенно жидовскаго, махнатаго племени, безчисленные ряды телегъ и одноколокъ для выгрузки товаровъ, говоръ, крикъ и перебранка зѣвакъ и покупщиковъ сотни придаютъ пристани особенную, типическую физіономію и составляютъ характеристику ея, образуя изъ нее маленькое мѣстечко или подгородную колонію. Пристань соединена съ городомъ посредствомъ деревяннаго разводного моста. Въ виду пристани, горде поднимаютъ свои хребты остатки валовъ или батарей двѣнадцатаго года, напоминающіе собой о славѣ русскихъ и страшномъ пораженіи французовъ въ Борисовѣ въ отечественную войну, доказавшую, что Наполеонъ, слишкомъ надѣявшійся на силу своей арміи, до тѣхъ поръ могъ быть счастливымъ героемъ, пока не рискнулъ вступить въ борьбу съ оружіемъ русскихъ. — Между валами, тюрьмою и Березиною, налѣво отъ моста, красуется очень миленькій хуторокъ нѣкогда извѣстной фамиліи Энгельфельтъ. — По другую сторону города, виднѣются гряды остроконечныхъ холмовъ и горъ съ необыкновенно-бѣлымъ пескомъ, на отрогахъ которыхъ, налѣво, раскинуто еврейское кладбище, заросшее густымъ сосновымъ лѣсомъ, а направо — кладбище хри-

стіанское, вдоль и вокругъ котораго стелется обширная полоса луговъ и пастбищъ, изрѣзанныхъ двумя разливными желобинами Березины.... И всѣ эти холмы, всѣ эти горы окаймлены густою бахрамою вѣчно-зеленаго сосноваго лѣса, которымъ такъ богаты окрестности Борисова и вообще Борисовскій уѣздъ.

Борисовъ считается уѣзднымъ городомъ Минской губерніи и лежитъ отъ Минска въ 74 верстахъ; границы его: помѣстья князя Радзивилла, — Люботовщизна, деревня Корабскаго, — Кобыльщина — бывшее имѣніе Борисовской православной церкви, и Гливинскіе лѣса.

Начало Борисова нужно относить къ весьма отдаленной древности. По предположенію Стрыйковскаго, Борисовъ явился во второй половинѣ XII вѣка. Стрыйковскій говоритъ, что въ 1172 г. полоцкій князь Борисъ Гинвилловичъ, желая обозначить границы своихъ владѣній, смежныхъ съ литовскими, положилъ на *одномъ* рубежѣ своего княжества, именно близъ рѣки Двины, камень съ надписью: *вспомоги Господи раба своего Бориса, сына Гинвиллова*, — а на *другомъ*, именно близъ рѣки Березины, построилъ замокъ и городъ, который назвалъ въ честь своего имени — Борисовомъ. (170) А чтобъ придать болѣе значенія своему предположенію, Стрыйковскій увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ этотъ пограничный камень съ вышеприведенною надписью. — Стрыйковскому на-слово повѣрилъ Кояловичъ и тоже свидѣтельствуетъ, что Борисовъ построенъ въ 1172 году, прибавляя, что въ его еще время находился въ Двинѣ огромный камень, на которомъ высѣченъ былъ патерячный крестъ съ тою же надписью (171). Еще болѣе Кояловича ошибается составитель литовской хроники, означая временемъ построенія Борисова 1700-й годъ (172).

Борисовскій камень до сихъ поръ лежитъ въ рѣкѣ Двинѣ въ семи верстахъ отъ города Дисны, по направленію къ Дрисѣ, и дѣйствительно съ надписью, упомянутой Стрыйковскимъ; только въ этой надписи нѣтъ словъ: *Гинвиллова*, да и слѣдовъ его не видно. Очевидно, это прибавленіе историка-поэта, о которомъ весьма справедливо замѣчено однимъ ученымъ, что онъ (Стрыйковскій), желая во что бы то ни стало доказать построеніе Борисова Борисомъ *Гинвилловичемъ*, сочинилъ Борису отечество — Гинвилловичъ, въ полной надеждѣ, что по смерти ему не при-

(170) Stryikows, стр. 274.

(171) Kojałowicz, — листъ 74; см. Swięckiego — opis starożytney Polski, стр. 279.

(172) Kron. Lit, wyd. przez Narbutta, 1846 r. Str. 11.

дется краснѣть передъ новѣйшимъ историкомъ, съ которымъ онъ никогда не встрѣтится (173). При этомъ замѣтимъ, что и самое имя Гинвилла есть порожденіе фантазіи г. Стрыйковскаго. Выпишемъ подлинныя слова историка. Вотъ онѣ. «Во время нашествія Батыя, въ Жмуди господствовалъ *Монтивилъ*, потомокъ какого-то римлянина Палемона. Сынъ Монтивила Эрдвилъ построилъ Гродно, а его сынъ — Мингайло завоевалъ Полотскъ. Сынъ Мингайлы *Гинвиллъ* крестился, и названный въ крещеніи Юрьемъ, *женилея на дочери тверскаго князя Бориса*: отъ нихъ родился Борисъ. Онъ строилъ церкви, монастыри въ Полотскѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкой Березиной построилъ Борисовъ. У Борисова остался сынъ Рехвольдъ или Василій, который былъ отцемъ Глѣба, умершаго бездѣтнымъ, и Евпраксіи, умершей инокиней. И такъ, родъ Гинвилловъ вымеръ. Но у Гинвилла былъ братъ Скирмунтъ, отъ котораго родилось три сына, въ томъ числѣ Тройнатъ, впослѣдствіи отецъ Алгимунта и дѣдъ Рингволта: отъ послѣдняго родился знаменитый Миндовгъ!» Удивительная несообразность! Монтивилъ жилъ во время нашествія Батыя, и праправнукъ правнуки его Миндовгъ также при Батыѣ жилъ?... А тверскій князь Борисъ, какъ попалъ въ родство съ Гинвилломъ, когда онъ вовсе не жилъ въ это время?...

Послѣ такого неосновательнаго предположенія Стрыйковскаго о построеніи Борисова на основаніи надписи на двинскомъ камнѣ, можно было бы прибѣгнуть къ гораздо вѣрнѣйшему предположенію о томъ же на основаніи надписи на такъ-называемомъ *Борисовскомъ* или Борисоглѣбскомъ камнѣ, который несравненно ближе лежитъ отъ Борисова, чѣмъ двинскій, и самая надпись заключаетъ въ себѣ болѣе вѣроятія въ отношеніи историческомъ. Повѣримъ это самымъ дѣломъ.

Первый изъ русскихъ ученыхъ упомянулъ о борисовскомъ камнѣ не какъ очевидецъ, впрочемъ, а на основаніи народнаго разсказа, г. Малгинъ въ изслѣдованіи своемъ о времени смерти Василія Святославича, внука Мономахова, котораго онъ принялъ за одно лицо съ Рохволдомъ, упоминаемомъ въ надписи подъ именемъ Василія (174). Указаніе Малгина обратило вниманіе знаменитаго современнаго любителя отечественной исторіи и древностей канцлера графа Румянцева, который, вслѣдствіе этого указанія, нѣсколько разъ обращался къ разнымъ ученымъ изслѣдованіямъ и даже книгопродавцамъ для открытія мѣста храненія

(173) Rubon, T. 11 st. 37. 38.
(174) Зерцало Россійск. Государей, стр. 168.

камня и снимка надписи. Наконецъ самъ ѣздилъ въ окрестности города Борисова и просилъ жителей ихъ поискать этого камня. Вслѣдствіе чего, ректоръ оршанскаго іезуитскаго коллегіума нѣкто Дезидерій Ришардо въ 1818 году сообщилъ графу слѣдующее описаніе камня, который онъ называетъ памятникомъ. «Памятникъ этотъ сдѣланъ изъ сѣраго камня и находится внутри часовни на мѣстѣ пола (подмостокъ) въ 24 верстахъ отъ Орши по дорогѣ въ мѣстечко Толочино. Ширина его три аршина и шесть вершковъ, длина четыре аршина и четыре вершка. Камень этотъ въ большомъ почтеніи у сосѣднихъ жителей, которые называютъ его *борисовскимъ*. Онъ поддерживается четырьмя столбами, и многіе старики утверждаютъ, что подъ нимъ собирались играть дѣти и могли проходить взрослые. Но столбовъ этихъ не видать: на поверхности земли лежитъ только самый камень. Очевидно, что онъ запалъ въ землю. Надпись на немъ слѣдующая: *Въ лѣто 6679* (т. е. 1171 г.) *мѣсяца мая въ 7-й день успе. Господи помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рохволду сыну Борисову* (175).» — Означенный камень вмѣстѣ съ часовнею существуетъ и въ настоящее время: онъ лежитъ по московской почтовой дорогѣ между мѣстечкомъ Кохановымъ и городомъ Оршею (на границѣ Могилевской губ., смежной съ Минской), въ полуверстѣ отъ почтовой дороги, близъ деревни Лисцинова. Народъ и теперь твердитъ, что камень этотъ когда-то очень давно былъ о четырехъ столбахъ или ногахъ съ какою-то головою, и въ такомъ видѣ съ незапамятныхъ временъ стоялъ на полѣ, открытый со всѣхъ сторонъ. Наконецъ въ 1805 году, оршанскій ландвойтъ (голова), по просьбѣ лисциновскихъ крестьянъ, считавшихъ камень какою-то святостью, обвелъ его стѣною, а сверху построилъ *каплицу*, то есть, часовню. Впослѣдствіи, какой-то мельникъ вздумалъ отсѣчь столбы или ноги и голову камня и употребилъ ихъ на жернова; съ тѣхъ поръ камень опустился въ землю, а мельникъ вмѣстѣ съ мельницею сгорѣлъ за свою дерзость. Можетъ быть, это преданіе и не чуждо вымысла, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣе донесенія г. Ришардо, — будто столбы запали въ землю, потому-что въ землѣ нѣтъ этихъ столбовъ. Равнымъ образомъ не совсѣмъ вѣрно передалъ г. Ришардо и самую надпись. Вотъ слово въ слово сохранившаяся до сихъ поръ славянская надпись на этомъ камнѣ вокругъ высѣченнаго на немъ креста: «Въ лѣ: 6679 мца маия въ 7-й днь доспевъ кръ сиі Ги помози: бу свое му Василию вкщеві именемъ Рогволоду сну Борисову.» То есть, крестъ сей

(175) Сѣверная Почта, 1818 г. №№ 74, 89.

сдѣланъ (доспенъ) въ 1171 (6679) году, мѣсяца мая 7-го дня: Господи помоги рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Бориса. Разница между надписью Ришардо и этою та, что Ришардо вмѣсто: доспенъ крестъ сей, прочелъ: успе, на основаніи чего и назвалъ камень надгробнымъ памятникомъ. Не говорю о томъ, что этотъ камень не можетъ быть названъ надгробнымъ памятникомъ, потому уже, что въ надписи ясно сказано: доспенъ—построенъ, но и форма надписи такого рода, что она напоминаетъ древнее обыкновеніе русскихъ печерскихъ угодниковъ и вообще благочестивыхъ людей давать знать потомству подобными надписями о своемъ существованіи или построеніи ими храма. Такъ подобныя надписи встрѣчаются до сихъ поръ въ пещерахъ: не дальше, какъ въ 1853 году, въ новооткрытой пещерѣ инока Ѳеофила, близъ Днѣпра, между Новымъ Цѣпнымъ мостомъ и Кіевопечерскою Лаврою, найдена надпись въ нишѣ на образѣ: *Господи! помози рабу своему Ѳеодосію, во иноцѣхъ Ѳеофилу на многи лѣта.* (176). Слова: «на многи лѣта» очевидно показываютъ, что надпись вырѣзана при жизни Ѳеофила. — Что же касается до упоминаемаго въ надписи Борисовскаго камня имени Рохволода, то, вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ о второмъ сынѣ Бориса изъ рода князей Полоцкихъ — потомства св. Владиміра по Рогнѣдѣ, который (Рохволодъ) въ 1144 г. женился на дочери Изъяслава Мстиславича и управлялъ Полоцкимъ княжествомъ до 1151 г. Въ 1851 году Полочане, удаливъ его отъ княжескаго прѣстола, приняли минскаго князя Ростислава Глѣбовича. Рохволодъ получилъ отъ Святослава Черниговскаго пособіе и въ 1158 году жители Друцкіе, удаливъ своего князя Глѣба Ростиславовича, сына Ростислава Полоцкаго, приняли его къ себѣ княземъ; вскорѣ же потомъ полочане призвали его опять для управленія ими. Сынъ его назывался Глѣбомъ, и о немъ упоминается въ 1181 году, когда онъ былъ союзникомъ Давыда Смоленскаго противъ Святослава и носилъ титулъ князя *Друцкаго.* Мѣстечко же Друцкъ на рѣкѣ Друцѣ, гдѣ сохранился до сихъ поръ, такъ-называемый *Земляной городокъ* (т. е., окопы, валы), лежитъ отъ камня Рохволодова въ 45 верстахъ. На основаніи этого можно заключать, что камень лежитъ во владѣніяхъ древняго княжества Друцкаго, и что храмъ или вырѣзанный на камнѣ крестъ, о которомъ свидѣтельствуетъ надпись, посвященъ былъ Борису и Глѣбу именно потому, что отецъ Рохволода назывался Борисомъ, а сынъ — Глѣбомъ. Послѣднее заключеніе подтверждается и тѣмъ, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ

(176) Отеч. Записки, 1853 г., № 9, Отд. III.

въ день этихъ угодниковъ ежегодно отправлялось на камнѣ молебствіе, и что камень этотъ до сихъ поръ въ устахъ народа извѣстенъ болѣе подъ именемъ Борисоглѣбскаго, чѣмъ Борисовскаго.

Но ни на основаніи надписи на камнѣ Борисовскомъ или Борисоглѣбскомъ, ни на основаніи надписи на камнѣ двинскомъ нельзя опредѣлить начала появленія Борисова, во-первыхъ, потому что ни въ той ни въ другой надписи не говорится о построеніи города, а только упоминается объ именахъ какихъ-то Борисовъ: здѣсь возможно только предполагать, но и самое предположеніе въ этомъ случаѣ опровергается генеалогическими и хронологическими изслѣдованіями о княжествѣ и князьяхъ Полоцкихъ; во-вторыхъ, потому что та и другая надписи подлежатъ сомнѣнію: не подложны ли онѣ? Въ-третьихъ, наконецъ, потому (а это-то особенно и важно), что предположеніе о времени построенія Борисова, принятое Стрыйковскимъ, Кояловичемъ и составителемъ литовской хроники на основаніи надписи на двинскомъ камнѣ, противорѣчитъ лѣтописному сказанію Нестора. По мнѣнію Стрыйковскаго и Кояловича, Борисовъ построенъ въ 1172 году, а по мнѣнію составителя литовской хроники въ 1190 г.; между тѣмъ, у Нестора о Борисовѣ упоминается подъ 1127 годомъ по случаю войны Мстислава, сына Мономахова, съ князьями полоцкими на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами. Изъ лѣтописи извѣстно, что Мстиславъ, сынъ Мономаха, сдѣлавшись княземъ всей Руси (1125 г.), по случаю войны съ Половцами, обратился за помощью къ сосѣднимъ княжествамъ и въ особенности, какъ къ болѣе сильному княженію, къ кривичамъ, но кривичи отказали ему въ помощи. Это оскорбило Мстислава. Окончивъ удачно войну съ Половцами (1127 г.), Мстиславъ рѣшился завоевать землю кривичей и тѣмъ положить конецъ могуществу этой отрасли русскихъ славянъ, не хотѣвшей подчиняться власти князя всея Руси. Соединившись съ союзными князьями, онъ двинулъ войско въ числѣ нѣсколькихъ отрядовъ въ столицу кривичей Изяславль: «въ 6635 (1127 г.) лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ четырми пути и повелѣлъ имъ идти къ Изяславлю (177)»; но такъ какъ на пути встрѣтилъ сильное препятствіе для входа въ Изяславль со стороны сильноукрѣпленнаго города Борисова, то послалъ одного изъ князей именно Всеволода Ольговича (брата своего) осадить Борисовъ и взять его приступомъ. Отстранивъ препятствіе, Мстиславъ двинулся дальше и соединился съ новымъ войскомъ,

(177) Лаврент. лѣтоп. издан. Археограф. Коммис., стр. 130.

спѣшившимъ къ нему изъ Логойска, послѣ чего овладѣлъ Изяславлемъ (178).

Имѣя въ виду такое сказаніе лѣтописца, изъ котораго видно, что Борисовъ былъ укрѣпленнымъ городомъ въ 1127 году, мы безъ сомнѣнія должны возводить начало его не къ 1172 или 1199 годамъ, но раньше 1127 г. Въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться съ Нарбутомъ и Татищевымъ, которые говорятъ, что Борисовъ построенъ въ 1102 году (179). Трудно только допустить то, что Нарбутъ называетъ основателемъ Борисова минскаго князя Бориса Всеволодовича, или же Татищевъ — полоцкаго князя Бориса Всеславича на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами: потому что ни о существованіи Бориса *Всеволодовича* и Бориса *Всеславича*, ни о построеніи ими Борисова, равно ни о войнѣ послѣдняго съ ятвягами нигдѣ неупоминается. Напротивъ, изъ лѣтописей извѣстно, что Всеславъ Брячиславичъ, полоцкій князь, имѣлъ только одного сына Глѣба, замѣчательнаго по несчастной борьбѣ своей съ Владиміромъ Мономахомъ, которая прекратилась бѣдственною кончиною Глѣба, умершаго безъ потомства въ Кіевѣ въ 1115 году.

На основаніи лѣтописнаго сказанія, по соображеніи отношеній между русскими князьями X и XI вѣковъ, нужно полагать, что Борисовъ обязанъ своимъ существованіемъ Ярославу 1-му, который, послѣ раздѣла Руси (1026) съ побѣдителемъ и братомъ своимъ Мстиславомъ Тмутораканскимъ, получивъ во владѣніе земли по правую сторону Днѣпра, необходимо долженъ былъ, на случай новой распри съ братомъ, заботиться объ укрѣпленіи границъ своихъ; поэтому построеніе Борисова можно отнесть ко времени между ихъ раздѣломъ и смертью Мстислава (1032 г.), послѣ которой Ярославъ сдѣлался единовластителемъ всея Руси. Названіе же Борисова Ярославъ далъ изъ уваженія къ памяти брата своего Бориса-мученика.

Почти два вѣка Борисовъ былъ собственностью Русскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка, вслѣдствіе ослабленія Руси борьбою удѣловъ, Борисовъ вмѣстѣ съ прочими княжествами кривичскими перешелъ во власть литовцевъ, а потомъ поляковъ, и съ тѣхъ поръ, какъ городъ пограничный, лежащій на рубежахъ владѣній Россіи, Литвы и Польши, былъ свидѣтелемъ военныхъ движеній этихъ трехъ государствъ, а также временнымъ мѣстомъ пребыванія ихъ государей, королей и князей.

(178) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. 1848 г., Т. II, стр. 11; — Narbutt T. III., стр. 275.

(179) Narbutt. Dzieje Nar. Lit. T. III, str. 276.

Такъ, походы литовскаго князя Витовта въ 1395 году въ Оршу и Витебскъ противъ Свидригайлы, а въ 1401-мъ г. въ Смоленскъ противъ Юрья Святославича, потомъ въ 1405 и 1425-хъ годахъ въ Псковъ неиначе могли быть совершаемы какъ чрезъ Борисовъ и борисовскій уѣздъ. Слѣды хотя и заросшихъ, но еще сохранившихся отчасти возлѣ самаго Борисова и въ его окрестностяхъ дорогъ, которыя нѣкогда Витовтъ прочищалъ и насыпалъ въ болотистыхъ мѣстахъ мелкимъ камнемъ и щебнемъ, и которыя до сихъ поръ извѣстны въ устахъ народа подъ именемъ дорогъ *Витовыхъ*, ясно свидѣтельствуютъ о дѣйствительности этихъ походовъ. Первые слѣды Витовтовой дороги можно встрѣтить на границѣ игуменскаго и борисовскаго уѣздовъ, близь дер. *Калужицъ*, имѣнія К. Ваньковича, гдѣ поле и дорога называется общимъ именемъ *Витовки*. На востокъ отъ этого поля, въ лѣсахъ, по долинамъ, сѣнокосамъ и *лощинамъ* (бродамъ) попадаются слѣды узкой, но хорошо выѣзженной витовтовой дороги съ довольно частыми прерывами на вспаханныхъ поляхъ. — Съ правой стороны р. Березины, на границахъ деревень: Жуковки и Полелюнецъ, опять замѣтна дорога, которая прерывается у самой р. Березины въ селѣ Муровомъ и извѣстна подъ именемъ *Витовой*. По лѣвую сторону Березины, слѣды этой дороги изчезаютъ и являются опять по прямому направленію къ границѣ Копыскаго уѣзда (Могил. губ.), смежнаго съ Борисовскимъ. — Объ этихъ дорогахъ въ народѣ хранится преданіе, что здѣсь когда-то проходилъ какой-то воинъ-князь по имени *Витъ* (180) съ большимъ войскомъ, которое пролагало новыя дороги, теребило лѣса, запруживало болота камнями, строило на рѣкахъ мосты и по теченію солнца пробиралось впередъ.

Послѣ смерти Витовта, въ 1430-мъ году, Ягелло, возведши на престолъ литовскаго княжества брата своего Свидригайла, удержалъ за собою подольскую область не смотря на то, что она принадлежала Литвѣ. Свидригайло настаивалъ, чтобъ Ягелло отдалъ ему эту область, но Ягелло не согласился. Вслѣдствіе этого, Свидригайло, пригласивъ однажды Ягелла къ себѣ въ Литву на охоту, заключилъ его въ темницу. Но такъ какъ совѣтъ и дворянство литовское вступились за Ягелла, то Свидригайло долженъ былъ выпустить брата, который въ свою очередь рѣшился отмстить Свидригайлѣ, какъ неблагодарному брату. Пользуясь расположеніемъ литовскаго народа, Ягелло воору-

(180) Такъ называетъ народъ Витовта: сравн. выноску въ статьѣ о Лошвицѣ, — выше глав. X.

жилъ противъ Свидригайла литовцевъ и предложилъ имъ въ князья роднаго брата Витовтова Сигизмунда. Это было поводомъ къ войнѣ между братьями. Свидригайло поспѣшилъ въ Полоцкъ и Смоленскъ, и, получивъ тамъ 40,000 вспомогательнаго войска, да еще столько же отъ тверскаго князя Бориса Александровича подъ предводительствомъ брата его Ярослава, двинулся къ Вильно; но на пути подъ Ошмянами разбитъ былъ на голову Сигизмундомъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу изъ Вильно. Не смотря на такое пораженіе, раздраженный Свидригайло въ 1431-мъ году зимой собралъ новое войско и опять вторгнулся въ Литву и наполнилъ земли ея страшными опустошеніями. Наконецъ, лѣтомъ, подкрѣпленный помощью ливонскаго гермейстера и великаго князя тверскаго, прошелъ Вильно, потомъ Троки, Эйшишки, Крево и очутился подъ Молодечномъ съ успѣхомъ побѣдителя. Но тутъ-то встрѣтилъ онъ сильное сопротивленіе громадныхъ силъ литовскаго и русскаго войскъ подъ предводительствомъ Петра Монгирдовича, и послѣ страшнаго пораженія долженъ былъ отступить въ Минскъ, откуда поспѣшилъ въ Борисовъ и опустошивъ его пошелъ въ Витебскъ. (181).

Въ 1500-мъ году, великій князь литовскій Александръ, по случаю отпаденія отъ него, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ православными, русскихъ городовъ (Чернигова, Стародуба, Гомля, Новгородка, Сѣверской и Ирпльской областей) и присоединенія ихъ къ московскому княжеству, сталъ требовать отъ тестя своего московскаго князя Іоанна III-го возвращенія ихъ, но получивъ отказъ затѣялъ нападенія на сосѣдніе области русскаго государства. Іоаннъ посланъ въ Брянскъ войско подъ начальствомъ Якова Захарьинича, который сжегъ городъ, а жителей заставилъ присягнуть въ подданствѣ своему царю. Эта вѣсть поразила Александра и онъ, выславъ князя Острожскаго съ большимъ войскомъ въ Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ соединился съ отрядомъ смоленскаго воеводы Станислава Кишки, самъ поспѣшилъ чрезъ Минскъ въ Борисовъ и тамъ пробылъ не малое время, дѣлая приготовленія къ дальнѣйшей войнѣ. Чрезъ нѣсколько дней Александръ тронулся изъ Борисова съ войскомъ и расположился обозомъ при р. Бобрѣ (борис. уѣзд. близь Борисова) для удобнаго сношенія съ дѣйствующею арміею Острожскаго. Но тутъ-то онъ получилъ непріятную вѣсть о пораженіи своей арміи близъ дер. Лопатиной при р. Ведрошѣ и взятіи русскими въ плѣнъ самого военачальника князя Константина Острожскаго и потому долженъ былъ отступить въ Борисовъ,

(181) Kronik. Lit. wyd. Narbutta, str. 46, 47,

откуда, послѣ жаркихъ переговоровъ съ московскимъ посланникомъ, обязанъ былъ возвратиться въ Литву съ посрамленіемъ (182).

Въ 1514-мъ году возгорѣлась война между московскимъ в. княземъ Василіемъ Іоанновичемъ и Литовскимъ — Сигизмундомъ 1-мъ. Сигизмундъ собралъ всѣ литовскія войска, присоединилъ къ нимъ поляковъ, созвалъ даже орду перекопскихъ татаръ, — словомъ дѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ. Между тѣмъ, во время этихъ приготовленій Сигизмунда, Василій Іоанновичъ, подкрѣпленный помощью нѣмецкаго императора Максимиліана, успѣлъ подойти къ Смоленску съ тремя стами пушекъ и, послѣ шестинедѣльной осады, взялъ его приступомъ. Потомъ изъ Смоленска послано 80,000 войска въ Вильно въ полной надеждѣ на несомнѣнную побѣду, такъ что вслѣдъ за войскомъ послалъ подводы съ желѣзными цѣпями для плѣнныхъ. Узнавъ о взятіи русскими Смоленска и приближеніи ихъ къ Минску, Сигизмундъ со всѣмъ войскомъ своимъ и наемнымъ, польскимъ и татарскимъ, отправился усиленнымъ маршемъ въ Минскъ, а оттуда въ Борисовъ, гдѣ назначилъ сборъ и смотръ всѣмъ своимъ войскамъ, которыхъ оказалось 30,000 конницы и 3,000 пѣхоты. Послѣ смотра Сигизмундъ хотѣлъ было тотчасъ двинуться къ Москвѣ, но, по свидѣтельству лѣтописца Бѣльскаго (183), его удержалъ въ Борисовѣ посолъ папы Леона X-го Джіованни Пизо, который якобы пріѣхалъ по ходатайству нѣмецкаго императора Максимиліана съ тѣмъ, чтобъ отклонить Сигизмунда отъ войны съ московскимъ государемъ. Выслушавъ посла, Сигизмундъ просилъ его передать папѣ, что онъ весьма благодаренъ Леону X-му за совѣтъ, но не можетъ воспользоваться имъ, потому что московскій князь человѣкъ надменный, гордый, съ которымъ не иначе долженъ упрочить спокойствіе Литвы, какъ войною. Затѣмъ, отслушавъ обѣдню въ Борисовскомъ костелѣ поспѣшилъ къ Москвѣ. Хроника польская передаетъ выступленіе Сигизмунда изъ Борисова слѣд. словами: «войска шли съ необыкновенною радостью и пѣли пѣсни, заблаговременно надѣясь на побѣду, потому что надъ головами ихъ летѣла стая воронъ съ веселымъ карканьемъ; суевѣрные воины считали это предзнаменованіемъ несомнѣнной побѣды (184).» Не смотря однако на такое обольстительное предвѣщаніе птицъ, на половинѣ дороги, паны и военачальники стали совѣтовать Сигизмунду не идти въ самую

(182) Kron. Lit. wyd. Narbutta, str. 67—70.

(183) Kron. Bielskiego, str. 427.

(184) Kron. Bielskiego, str. 427.

Москву и онъ возвратился опять въ Борисовъ, гдѣ рѣшился пробыть все время войны съ московскимъ государемъ. Узнавъ о такомъ распоряженіи Сигизмунда, Василій Іоанновичъ велѣлъ боярамъ своимъ явиться съ войсками подъ Борисовомъ и расположился обозомъ надъ р. Березиной, откуда, послѣ двукратной неудачной стычки, сталъ отступать къ Днѣпру, думая заманить туда Сигизмунда и разгромить его при переправѣ. Сигизмундъ не зналъ на что рѣшиться: въ это время явился къ нему измѣнникъ московскаго князя Михаилъ Глинскій и, обнаруживъ всѣ планы и силы Василія Іоанновича, успѣлъ поселить въ Сигизмундѣ самонадѣянность и смѣлость, вслѣдствіе которыхъ онъ рѣшительно выступилъ изъ Борисова и пошелъ къ Днѣпру, одобряемый вдобавокъ и тѣмъ еще, что къ нему присоединились — коронный гетманъ Янъ-Труба — Сверчовскій и освобожденный изъ плѣна князь Острожскій. Такія обстоятельства измѣнничества были причиною неудачной войны великаго князя московскаго съ Сигизмундомъ, который окончательно одержалъ побѣду надъ первымъ при р. Кропивнѣ въ четырехъ миляхъ отъ Орши. Битва эта, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Оршанской, стóила большихъ потерь Василію Іоанновичу. Торжествующій Сигизмундъ собралъ все свое войско въ сосѣднее мѣстечко Гайну и, отслушавъ тамъ въ костелѣ молебствіе, присутствовалъ при погребеніи въ этомъ мѣстечкѣ перевезенныхъ тѣлъ знаменитыхъ своихъ полководцевъ: въ память чего наградилъ жителей Гайны *привилеемъ вольности* (184). Затѣмъ возвратился въ Вильно. (185).

Царствованіе Стефана Баторія или лучше — періодъ войнъ (1580—1586), которыя онъ велъ съ Іоанномъ Грознымъ и по поводу которыхъ онъ долженъ былъ проходить изъ Вильно въ земли Московскаго государства чрезъ Чашники и Великіе-Луки (186), а потому и чрезъ Борисовъ, — не могъ не оставить слѣдовъ прохода его въ Борисовѣ и борисовскомъ уѣздѣ: въ народѣ борисовскомъ до сихъ поръ хранятся преданія о походахъ Баторія. Вотъ напр. преданіе о томъ, какъ образовались двѣ деревни близь Борисова, извѣстныя нынѣ подъ именемъ: *Стань-Круль* (имѣніе Трацевскаго) и *Мильчъ* (им. гр. Тышкевичей), по случаю перехода Баторія чрезъ эти мѣста.

Баторій, желая пробраться чрезъ густыя борисовскія пущи, велѣлъ рубить лѣса, а болота и овраги заваливать плотинами, бревнами и камнями: эти плотины (гребли) въ болотахъ и ко-

(185) Взято изъ бумагъ архива гаенскаго костела.

(186) Panowanie St. Batorego, Żegota-Onacewicza, T. I, str. 243.

лодцы въ непроходимыхъ лѣсахъ до сихъ поръ указываютъ старожилы и называютъ ихъ *баторовскими*. — Однажды войска Баторія вышли на большую дорогу и расположились обозомъ близь хутора какого-то бѣднаго шляхтича на поляхъ и покосахъ его; разгулявшіеся, а можетъ быть и проголодавшіеся воины, не смотря ни на какія мольбы и даже слезы бѣднаго владѣльца, перерѣзали всѣхъ его коровъ и барановъ, обобрали всѣ амбары и растащили хозяйственные припасы, такъ что несчастному пану оставалось бросить пустой домъ и поступить солдатомъ подъ знамена Баторія. Взявъ жену и маленькихъ дѣтей, отправился онъ на дорогу, по которой долженъ былъ проходить король, и завидѣвъ Баторія остановилъ его лошадь и сказалъ ему: *Стань*, *крулю*! (Stan, królu! остановись, король!) Удивленный король спросилъ, что̀ ему нужно?.... Шляхтичъ, окруженный плачущимъ семействомъ, разсказалъ королю про обиду, нанесенную ему солдатами и просилъ вознагражденія....

— Чѣмъ же мнѣ тебя наградить? спросилъ Баторій.

Шляхтичъ сначала призадумался, а потомъ смѣло сказалъ:

— Король! земля, на которой ты стоишь, принадлежитъ тебѣ; подари ее мнѣ....

— Бери и молчи! (bierz i milcz!) отвѣтилъ король, проводя рукою по воздуху, какъ бы обозначая границы новаго владѣнія шляхтича.

На этой землѣ шляхтичь построилъ два хутора: одинъ назвалъ *Королевскимъ Станомъ* или *Стань-Крулемъ*, а другой *Мильчемъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались деревни (187).

Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ Станькрульскаго помѣщичьяго двора, на полѣ при отрогѣ горы, въ небольшой вымощенной камнемъ долинѣ, стоитъ крестъ изъ твердаго сѣраго камня — длиной въ аршинъ и девять вершковъ, а шириной (въ поперечникѣ) въ аршинъ и восемь вершковъ: его зовутъ *королевскимъ камнемъ*. Посреди креста высѣчено изображеніе рыцаря (воина) съ мечемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ; на двухъ поперечныхъ оконечностяхъ креста вырѣзаны два небольшіе креста; надъ головой рыцаря высѣчена корона, а подъ ногами буквы: R. S. B.; ниже буквъ выдолблены два круга, точно будто миски. Народное преданіе говоритъ, что Баторій, расположившись здѣсь обозомъ, обѣдалъ на этомъ камнѣ; въ память чего воины вытесали изъ него крестъ и означили буквами: R. S. B., которыя, вѣроятно, значатъ: rex Stefanus Bato-

(187) Obrazy Litewskie przez Jgn. Chodzkę, seria 2, T. 3, str. 32, 33.

гепв (король Стефанъ Баторій); два круга, безъ сомнѣнія замѣняли тарелку или миску во время обѣда.

Не менѣе интересны преданія борисовскаго народа о Шкуратахъ, Батуринѣ и Бѣлой-Лужѣ. Вотъ онѣ. Проходя съ войскомъ дальше за хуторомъ вышеозначеннаго шляхтича, Баторій долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку, называемую нынѣ *Поцию*; такъ какъ на ней небыло моста, то король велѣлъ наскоро сдѣлать мостъ изъ сырыхъ лошадиныхъ шкуръ, отчего будто получила свое названіе ферма или корчма *Шкураты*. Потомъ король переправился чрезъ Березину, гдѣ сдѣланъ былъ первый деревянный мостъ; въ память этой переправы построенъ хуторъ и названъ *Батуриномъ*. Въ пяти верстахъ отъ Батурина, король долженъ былъ перейти чрезъ большое, топкое озеро, раскинутое на полуверстѣ, вслѣдствіе чего солдатамъ велѣно было запрудить его бѣлымъ пескомъ и сдѣлать греблю. Несмотря на давность времени, гребля и теперь довольно крѣпка и среди болотистаго чернозема бѣлѣетъ отъ бѣлизны песковъ: отсюда, говорятъ, гребля получила названіе *Бѣлой-Лужи*.

Послѣ Баторія чрезъ борисовскія земли проходилъ, въ 1604 году, Сигизмундъ III въ Смоленскъ и потомъ въ Москву. По свидѣтельству Жолкѣвскаго, Сигизмундъ III, получивъ въ Минскѣ извѣстіе отъ великаго старосты Гонсѣвскаго, что Смоленскъ неукрѣпленъ и неимѣетъ достаточнаго количества для защиты, а польскія войска должны какъ можно скорѣе спѣшить туда, — на другой же день оставилъ Минскъ и отправился въ Борисовъ, а оттуда въ Оршу (188).

Въ 1654 году, вслѣдствіе присяги Богдана Хмѣльницкаго со всѣмъ Запорожьемъ въ вѣрноподданничествѣ Россіи, возникла война между королемъ Яномъ-Казиміромъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Рускія войска, предводительствуемыя самимъ государемъ, разбили на голову короннаго гетмана Радзивилла подъ Шкловомъ и безъ боя заняли Ковно, Гродно, Вильно, Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и только одинъ Борисовъ, въ то время довольно укрѣпленный, нѣсколько часовъ защищаемъ былъ сидѣвшими въ немъ поляками, но все-таки подвергся общей участи побѣды руссихъ (189). Спустя шесть лѣтъ, именно въ 1660 году, поляки, пользуясь раздорами русскихъ воеводъ, споривших изъ-за мѣстничества, ворвались въ Бѣлорусскую землю и Стефанъ Чарнецкій осадилъ Борисовскую крѣпость, какъ болѣе важный пунктъ въ стратегическомъ отноше-

(188) Рукопись Жолкѣвскаго, изд. П. Мухановымъ, стр. 44 — 45.

(189) Opisanie Starożytney Polski, str. 277.

нія; впрочемъ, послѣ двухмѣсячной осады, долженъ былъ отступить безъ успѣха и направилъ военныя дѣйствія противъ Могилева (190).

Въ началѣ XVIII вѣка, Борисовъ былъ свидѣтелемъ извѣстнаго похода въ Россію шведскаго короля Карла XII, защитника Станислава Лещинскаго, котораго онъ хотѣлъ возвести на польскій престолъ вмѣсто покровительствуемаго Петромъ Великимъ законнаго короля польскаго Августа II. Пройдя Познанское княжество и Мазовію, преданныя болѣе Августу II, чѣмъ Станиславу Лещинскому, и опустошивъ всѣ эти земли, Карлъ XII въ 1708 году вторгся наконецъ во владѣнія русскія и 21 января остановился подъ Гродномъ въ сопровожденіи Станислава Лещинскаго. Въ это время въ Гроднѣ лично присутствовалъ при войскахъ русскихъ Петръ Великій и, выдержавъ шведовъ подъ городомъ шесть дней, отправился въ Вильно, уничтожая вслѣдъ за собою всѣ магазинные запасы. Карлъ вошелъ въ Гродно и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, нарочно распускалъ слухъ, будто двинется въ Псковъ, думая тѣмъ обмануть Петра Великаго, тогда какъ постоянною его мыслью было — пробраться въ Москву, — онъ только затруднялся, какимъ путемъ пройти туда. Въ виду были три пути: чрезъ Новгородъ и Тверь, или чрезъ Смоленскъ, наконецъ чрезъ Оршу и Тулу. Первый былъ очень затруднителенъ, потому что нужно было проходить чрезъ большіе болота и густые лѣса; второй невыгоденъ, потому что Смоленскъ былъ сильно укрѣпленъ и могъ послужить помѣхой. Оставалось избрать послѣдній — чрезъ Оршу и Тулу, конечно довольно длинный, но зато надежный и выгодный во многихъ отношеніяхъ. Тутъ онъ могъ проходить чрезъ хлѣбородную Малороссію и безъ затрудненія прокормить войско, между прочимъ, запасами, приготовлѣнными Петромъ въ магазинахъ, а между тѣмъ лишить русскихъ продовольствія. Притомъ Карлъ XII могъ разсчитывать на этомъ пути на увеличеніе силъ своихъ чрезъ присоединеніе къ нему измѣнника Россіи Мазепы съ запорожскимъ войскомъ, который, увѣривъ его въ это время письменно, что возмутитъ противъ Петра всю Малороссію, ожидалъ его личныхъ приказаній въ Горы-Горкахъ (Могил. губер.). Вслѣдствіе этого Карлъ XII изъ Гродна пошелъ въ Сморгони, тѣмъ ясно обнаруживъ предъ Петромъ, что онъ приближается къ Березинѣ, — и Петръ Великій, поручивъ часть войска Шереметеву, съ остальнымъ самъ двинулся изъ Вильно въ Чашники,

(190) Pamięt. Iana Chrisost. Paska, str. 100.

откуда могъ стеречь берегъ Двины со стороны Полоцка и берегъ Березины со стороны Борисова. Простившись въ Сморгонахъ съ другомъ своимъ Лещинскимъ, Карлъ быстрымъ маршемъ понесся въ Минскъ и безъ боя взялъ этотъ городъ. Изъ Минска, по свидѣтельству французскаго историка (191), чрезъ густые лѣса пробрался къ рѣкѣ Березинѣ и сталъ въ виду Борисова, какъ бы для переправы чрезъ рѣку. Петръ Великій собралъ сюда всѣ свои войска и хотѣлъ было вытѣснить Карла, чтобъ не допустить его къ переправѣ. Тогда Карлъ двинулся съ войсками выше противъ теченія рѣки и въ 20 верстахъ отъ Борисова (въ Студенкѣ) переправился чрезъ рѣку, а потомъ нагрянулъ неожиданно на русскій станъ и заставилъ Петра отступить къ Днѣпру, причемъ преслѣдовалъ его до Головчичь и тамъ сильно разбилъ его войско. А по свидѣтельству русскаго историка (192), Карлъ XII вышелъ изъ Минска прежде нежели Петръ Великій собралъ свои войска предъ Борисовомъ и 9 іюня очутился въ Игуменѣ, а 14 у береговъ Березины, по переправѣ чрезъ которую употребилъ всѣ усилія, чтобъ оттѣснить русскихъ отъ Днѣпра. Но русскіе опередили его и онъ одержалъ побѣду надъ ними въ Головчичахъ. Затѣмъ съ торжествомъ поспѣшилъ во внутреннюю Россію, никакъ не думая, что тамъ рѣшится несчастная судьба его. По словамъ Маркевича, Карлъ изъ Минска выслалъ въ Борисовъ генерала Спарра съ четырьмя полками съ тѣмъ, чтобъ обмануть русскихъ, а самъ пошелъ въ Игумень и съ 16 на 17 іюля переплылъ р. Березину въ мѣстечкѣ Березинѣ же, гдѣ всего на все русскаго войска было 600 человѣкъ (193). Какъ бы, впрочемъ, ни расходились мнѣнія историковъ въ частностяхъ о мѣстахъ переходахъ Карла XII изъ Минска въ глубь Россіи, но все-таки онѣ не противорѣчатъ тому несомнѣнному факту, что Карлъ XII былъ въ Борисовѣ и окрестностяхъ его, что шведы имѣли стычки съ русскими во владѣніяхъ борисовскаго уѣзда на пути въ Головчичи. Фактъ этотъ еще болѣе подтверждается археологическими памятниками: безчисленными курганами въ дер. Ухолодѣ и огромнѣйшею высокою плотиною, насыпанною въ самыхъ черноземныхъ топкихъ болотахъ бѣлымъ пескомъ, за Ухолодою по направленію къ Головчичамъ. Старожилы говорятъ, что они слышали отъ своихъ дѣдовъ, очевидцевъ сраженія русскихъ со шведами, что въ этихъ курганахъ погребены павшіе воины во время похода Кар-

(191) Voltaire l'histoire de Charles XII, p. 157.
(192) Полевой, Исторія Петра Великаго. Томъ II, стр. 242 — 250.
(193) Воен. Энциклоп. Лекс. 1838 г., ч. II, стр. 280.

ла XII. Что же касается до плотины, то ее называютъ *королевскою греблею*, потому что будто она устроена была для прохода въ этихъ мѣстахъ шведскаго короля. Гребля эта до того прочно сдѣлана, что и въ настоящее время считается самымъ лучшимъ путемъ для проѣзжающихъ по неровнымъ и болотистымъ проселочнымъ дорогамъ окрестностей Ухолоды и Головчичъ. Такія свидѣтельства старожиловъ и самые памятники служатъ лучшимъ доказательствомъ.

Послѣ шведской войны, Борисовъ почти цѣлое столѣтіе отдыхалъ и не испытывалъ никакихъ сильныхъ переворотовъ. Но вотъ насталъ знаменитый въ лѣтописяхъ, нетолько русской, но и всемірной исторіи *двѣнадцатый годъ*, и Борисовъ становится мѣстомъ страшнаго побоища французовъ и соединенныхъ съ ними поляковъ.... Такъ какъ это побоище особенно доказало силу и славу русскихъ, то считаю нужнымъ передать о немъ подробнѣе: быть можетъ въ моемъ разсказѣ кое-что встрѣтится и такое, на основаніи преданій еще живыхъ стариковъ-очевидцевъ, что не отмѣчено на страницахъ исторіи.

По ходу и обороту политическихъ событій въ Европѣ въ 1811 году, императоръ Александръ предвидѣлъ, что Наполеонъ рѣшился вступить въ Россію и начать войну, двинувъ свои войска къ которой нибудь изъ двухъ ея столицъ. Поэтому императоръ заблаговременно приступилъ къ разнымъ военнымъ приготовленіямъ по трактамъ, ведущимъ въ обѣ столицы, а въ особенности велѣлъ укрѣпить нѣкоторые города на московскомъ трактѣ и преимущественно г. Борисовъ, какъ срединный пунктѣ московской дороги. Въ нѣсколько дней уѣзды: Борисовскій, Игуменскій и Дисненскій представили работниковъ, а въ прочихъ отдаленныхъ собраны деньги для закупки необходимыхъ матеріаловъ. Тысячи стекшихся работниковъ, при помощи піонеровъ подъ руководствомъ полковника Грессера, стали насыпать предъ мостомъ, на правомъ берегу Березины, окопы для помѣщенія 20,000 русскаго войска, которыя окончены были къ веснѣ 1812 года. 22 іюня 1812 года, Наполеонъ, расположивъ главную квартиру свою въ Вильковишкахъ, формально объявилъ войну Россіи, и 24 іюня переправился въ Ковнѣ чрезъ Нѣманъ, а спустя три дня чрезъ Вилію тронулся къ Вильно. Воображая себя полнымъ властелиномъ литовскаго края, Наполеонъ, впродолженіе семнадцатидневнаго пребыванія своего въ Вильно, занимался преобразованіемъ правленія въ этомъ краѣ. Весь виленскій округъ раздѣлилъ на провинціи, департаменты, кантоны и вездѣ назначилъ французскихъ начальниковъ. Затѣмъ

двинулся къ Дриссѣ и потомъ въ Витебскъ, гдѣ думалъ встрѣтиться съ русскими войсками подъ предводительствомъ самаго императора, — но не встрѣтивъ никакого сопротивленія, овладѣлъ и Бѣлорусскимъ краемъ, въ томъ числѣ маршалъ Даву взялъ Минскъ, Борисовъ и Смоленскъ: съ этимъ краемъ точно также поступилъ Наполеонъ, какъ съ литовскимъ. Польскій генералъ Бронишковскій назначенъ былъ управляющимъ *Минскою провинціею,* а генералъ Барбанегръ правителемъ борисовскаго департамента. Подъ предсѣдательствомъ Барбанегра, изъ польскихъ обывателей Борисовскаго уѣзда устроенъ былъ *комитетъ* Борисовской *подпрефектуры*, который открылъ свои засѣданія 19 іюля тѣмъ, что раздѣлилъ уѣздъ на 12 кантоновъ, назначилъ новыхъ чиновниковъ, перемѣнилъ названія денегъ, мѣръ и вѣсовъ; въ самомъ городѣ учредилъ почту, полицію, организовалъ новое судопроизводство, назначилъ новую штемпельную бумагу для этого и предписалъ сборъ пошлинъ съ проѣзжающихъ; наконецъ завелъ консумцію и конскрипцію по сосѣднимъ мѣстечкамъ и деревнямъ. Не смотря на то, что Наполеонъ двинулся изъ Борисова дальше къ Москвѣ, правленіе Борисовской подпрефектуры не прекращало своихъ стѣснительныхъ и жестокихъ распоряженій, особенно касательно доставленія разныхъ припасовъ для французской арміи. Печальна была участь жителей Борисова и его окрестностей. Запасные магазины въ Борисовѣ, недавно наполненные мукою, крупою, овсомъ, сѣномъ, водкою и говядиною для продовольствія русскихъ войскъ, по случаю вступленія въ этотъ городъ непріятелей, были сожжены русскими саперами. Между тѣмъ вошедшіе корпусы Даву и Богарнэ, составлявшіе 150,000 человѣкъ, наводнили Борисовскій уѣздъ новыми войсками и новыми требованіями — требованіями самыми жестокими и неудобоисполнимыми. Устройство двухъ госпиталей: въ Борисовѣ на 2,000 и въ Докшицахъ на 150 кроватей, снабженіе ихъ всѣми нужными принадлежностями, лекарствами, продуктами, уплата фельдшерамъ и прислугѣ, доставленіе подводъ и съѣстныхъ припасовъ для дѣйствующей арміи французской — все это свалили, по приказанію Наполеона, на Борисовъ, несмотря на то, что не было никакой возможности исполнить такія распоряженія. До какой степени жестоки были требованія Наполеона, это можно видѣть изъ того, что комитетъ борисовской подпрефектуры, ничуть не жалѣвшій бѣдныхъ жителей, при всемъ усиліи не могъ въ точности выполнить волю опустошителя Бѣлорусскаго края. Такъ, напр. въ журналѣ подпрефектуры хранится, между прочими рапортами, донесеніе отъ

ніемъ, въ которомъ сказано, что Борисовскій уѣздъ, по доставленія фуража на армію князя Экмюля (Eckmühl) 50,000 раціоновъ, на армію генерала Груши (Grouchy) 7,000, на восьмой корпусъ 16,000, на большой паркъ артиллеріи 3,000 лошадей, на [illegible]ъ ежедневно около 1,000 порцій, да кромѣ того на запасеніе на ожидаемый корпусъ 40,000 раціоновъ, — никакимъ способомъ не можетъ уже представить, согласно приказанію, въ теченіи пяти дней: въ Лепель 6,600 центеровъ и въ Витебскъ 200,000 порцій муки (194). Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ Наполеонъ не любилъ возраженій, то въ случаѣ строжайшаго приказанія, комитетъ, не смотря на жалобы и слезы жителей, вырывалъ изъ рукъ ихъ послѣднюю кроху, послѣднее зерно. Такъ, въ теченіе невольныхъ трехъ мѣсяцовъ онъ наполнилъ съѣстными припасами три постоянные магазина въ Борисовѣ, Докшичахъ и Смолевичахъ: количество этихъ припасовъ состояло изъ 2,300 бочекъ ржи, 410 крупъ, 4,600 овса, 11,750 пудовъ сѣна и столько же соломы, 57,500 *квартъ* (штофовъ) водки, 34,500 фунтовъ соли и 1,725 штукъ воловъ (195); кромѣ того, въ теченіе семи дней на два этапа въ Смолевичахъ и [illegible] заготовилъ 400 бочекъ овса, 6,600 пудовъ сѣна и столько же соломы, 18,570 штофовъ водки, — и на одинъ этапъ въ Борисовѣ—30,000 пудовъ муки ржаной, 200 бочекъ овса, 3,000 пудовъ сѣна и столько же соломы, 14,285 штофовъ водки и 400 штукъ воловъ (196); и наконецъ отдѣльно въ Дубровну выслалъ 100 бочекъ ржи, 370 воловъ, 4132 бутылки водки и 20 бочекъ овса (197). Можно себѣ представить, чего стоило собрать столько припасовъ изъ одного уѣзда!... А сколько страдали жители отъ контрибуціи и конскрипціи?... Между тѣмъ, во время такихъ жестокихъ распоряженій комитета, французскія войска подвигались все ближе и ближе къ Москвѣ. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона сообщаемы были въ этотъ комитетъ печатные бюллетени: присылали радостныя извѣстія объ успѣхахъ великой арміи и эти извѣстія тотчасъ обнародываемы были для расположенія взволнованныхъ умовъ жителей въ пользу новаго властелина. Потомъ бюллетени являлись рѣже въ Борисовѣ; наконецъ совсѣмъ прекратились и.... настала гробовая тишь по всей бори-

---

(194) Подлинный журналъ съ протоколомъ засѣданій борисовской подпрефектуры хранится въ Логойской помѣщичьей библіотекѣ, откуда и заимствованы эти свѣдѣнія.

(195) Тамъ же, протоколъ засѣданія комитета отъ 1 августа.

(196) Тамъ же протоколъ отъ 23 сентября.

(197) Тамъ же протоколъ отъ 10 августа.

совщинѣ. Почтовая дорога долго не приносила никакихъ вѣстей жителямъ Борисова.... Наконецъ, въ началѣ октября, стороной, окольными путями стали долетать до Борисова печальныя вѣсти о неудачахъ французскихъ войскъ; но эти вѣсти начальство подпрефектуры старалось по возможности скрывать отъ народа или выдавать ихъ за ложныя. И дѣйствительно, многіе не вѣрили такимъ вѣстямъ: можно ли было думать, по видимому, чтобъ дѣйствія столь громаднаго войска, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ стремившагося въ глубь Россіи, не увѣнчались успѣхомъ?... Но.... вѣсти эти точно не были ложныя: въ это время Наполеонъ съ позоромъ отступалъ уже отъ Москвы. Преслѣдуемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими войсками, онъ спѣшилъ назадъ въ Смоленскъ и наконецъ въ Борисовъ, вполнѣ надѣясь на помощь поляковъ въ этомъ сильно укрѣпленномъ и снабженномъ всѣми нужными припасами для войска городѣ.

Втораго ноября, передвія французскія войска вступали уже въ Вязьму, когда Наполеонъ получилъ извѣстіе, что князь Шварценбергъ отступалъ къ Кобрину предъ арміею Чичагова, шедшаго изъ Волынской губерніи и тѣмъ очистилъ русскимъ путь въ Минскъ, гдѣ было заготовлено припасовъ болѣе чѣмъ на 100,000 человѣкъ, а слѣдовательно открылъ столь нужную ему дорогу чрезъ Борисовъ и Березину. Извѣстіе это поразило Наполеона: ему нужно было во что бы то ни стало удержать за собой Борисовъ. 19 ноября еще непріятнѣйшія извѣстія получилъ Наполеонъ въ Дубровнѣ: первое о томъ, что Витебскъ занятъ Витгенштейномъ, другое о томъ, что Чичаговъ уже близь Минска. Соединеніе этихъ двухъ силъ грозило гибелью французамъ, потому что онѣ отрѣзывали имъ путь въ Борисовъ. «Минскъ хотятъ взять? нужно воспрепятствовать!...» гордо сказалъ Наполеонъ, выслушавъ эти извѣстія и въ тужъ минуту послалъ изъ Дубровны два приказа: одинъ князю Беллюно (маршалу Виктору) вытѣснить Витгенштейна, другой — князю Реджіо (маршалу Удинó) вступить вмѣстѣ съ вторымъ корпусомъ, кирасирами генерала Леритье и съ сотнею пушекъ въ Борисовъ, а потомъ занять Минскъ. Между тѣмъ, самъ Наполеонъ подвигался къ Березинѣ. Князь Беллюно встрѣтилъ Витгенштейна подъ Смоленскомъ и хотя не вытѣснилъ, но все-таки успѣлъ удержать его отъ дальнѣйшаго шествія. Но князь Реджіо не могъ занять Борисова. Генералъ Ожаровскій, посланный съ корпусомъ на встрѣчу ему фельдмаршаломъ Кутузовымъ, остановилъ его на дорогѣ. Такимъ образомъ, Минскъ, Борисовъ и Березина давно были бы въ рукахъ русскихъ, еслибъ

...тіе новыхъ приказаній Наполеона, не поспѣшилъ на по... къ Релжіо съ 15,000 войска и 30 пушками полякъ Дом...скій — изъ Бобруйска, который онъ во все время кампаніи ...алъ въ осадѣ. Мало того, Домбровскій по пути заѣхалъ въ ...скъ и самъ лично увѣдомилъ Бронниковскаго о дѣйствіяхъ ...агова. Поэтому, когда Чичаговъ сталъ приближаться отъ ...кина къ Минску, Бронниковскій, собравъ часть гарнизона, ...ько что поднявшихся на ноги госпитальныхъ больныхъ сол...тъ и новосформированный полкъ Чанскаго подъ предводитель...вомъ Генерала Косецкаго, послалъ противъ Чичагова. Но что ...гли сдѣлать эти полубольные и необученые рекруты при ...стрѣчѣ съ свѣжимъ и хорошо устроеннымъ войскомъ русскимъ? ...стрѣтившись съ Косецкимъ подъ Кайдановымъ, Чичаговъ первою ...сю разогналъ непривыкшихъ къ ружейному огню солдатъ, ...къ что они разсѣялись въ безпорядкѣ, и вслѣдъ за этимъ безъ ...противленія занялъ Минскъ. Бронниковскій, оставивъ въ Мин...скѣ въ рукахъ русскихъ огромное количество съѣстныхъ запа...совъ, только что привезенныхъ изъ Франціи и сложенныхъ въ ...стелахъ доминиканскомъ, бенедиктинскомъ, бернардинскомъ и ...францисканскомъ, — бѣжалъ съ остатками рекрутъ чрезъ ...рисовъ въ станъ *великой* арміи. Тогда Домбровскій, не видя ...какой возможности оттереть Чичагова отъ Минска, оставилъ ...бруйскъ и пройдя усиленнымъ маршемъ чрезъ Якшицы, Ло...ш, Князевку, Забашевичи, Гливинъ, обошелъ Минскъ и 21 ноя...бря вечеромъ занялъ полуразрушенные русскими окопы бори...совскіе. Между тѣмъ, по распоряженію Чичагова, въ ту же ночь ...шелъ туда изъ Минска графъ Ламбертъ съ небольшимъ вой...скомъ и 22 ноября въ семь часовъ утра, произошла упорная ...битва, продолжавшаяся до трехъ часовъ пополудни. Польскіе ...тежники, составлявшіе отрядъ Домбровскаго, невыдержали и ...али тягу. Русскіе погнали ихъ черезъ Борисовъ и приперли къ ...самой Лошницѣ. Въ это время Наполеонъ былъ между Кохано...вымъ и Толочиномъ. Выгнанный изъ Борисова въ Лошницу, Домбровскій встрѣтился тамъ ночью съ 22 на 23 ноября съ от...рядомъ Сенъ-Сира, составлявшимъ переднюю колонну корпуса Релжіо. Соединившись съ нимъ, Домбровскій возвратился въ Борисовъ 23 ноября и, напавъ въ расплохъ на русскихъ, застаилъ Чичагова отступить за р. Березину къ окопамъ: отступая, русскіе сожгли мостъ.

«Въ тотъ же день, замѣчаетъ французскій историкъ (198), Релжіо получилъ приказаніе осмотрѣть Березину ниже и выше

(198) Narvin, Histoire de Napoleon, p. 482.

Борисова и найти выгодное мѣсто для построенія моста. Но его предупредилъ генералъ *Корбино* (Corbineau), оттертый отъ корпуса Реджіо подъ Полоцкомъ и сверхъ всякаго ожиданія здѣсь очутившійся: онъ указалъ мѣсто противъ дер. Студенки. Вслѣдствіе этого, Наполеонъ тотчасъ приказалъ генераламъ Шаслю (Chasseloup) и Эбле (Eblé) отправиться къ тому мѣсту съ понтонерами, саперами и всѣми нужными для построенія моста снарядами, которые были на готовѣ въ Оршѣ. А между тѣмъ велѣлъ князю Беллюно безъ отлагательства идти противъ Витгенштейна и, воспрепятствовавъ ему напасть на Реджіо, раньше его прити къ р. Березинѣ: потому что соединеніе Витгенштейна съ Чичаговымъ на берегахъ этой рѣки могло грозить французамъ большою опасностью. Согласно съ такимъ приказаніемъ Реджіо употребилъ всю стратегическую хитрость, чтобъ обмануть непріятеля насчетъ мѣста переправы въ Студенкѣ и отвлечь его отъ этого пункта, гдѣ все уже было приготовлено для переправы: предполагалось 24 ноября перейти чрезъ рѣку. Но предположеніе не исполнилось. Въ полночь, 25 ноября, курьеръ прилетѣлъ къ Наполеону съ вѣстью, что французскія войска еще находятся въ Борисовѣ, что непріятель подкрѣпленъ большими силами на берегахъ рѣки, что князь Реджіо проситъ помощи.... Наполеонъ приказалъ князю Беллюно пресѣчь путь въ Лепель *и Бараны*, чтобъ непріятель не могъ застигнуть Удино въ затруднительномъ положеніи. Итакъ, заключаетъ историкъ, тотъ, который долженъ былъ закрывать наше отступленіе чрезъ Бараны,—опасаясь, чтобъ не встрѣтиться съ Витгенштейномъ на Березинѣ особенно въ Студенкѣ, спѣшилъ присоединиться къ главной квартирѣ Наполеона въ Лошницѣ. Къ счастью, русскій генералъ не успѣлъ соединиться съ *адмираломъ* (?), а Кутузовъ былъ на *нѣсколько маршовъ* за нами; Чичаговъ же съ своимъ войскомъ стоялъ предъ нами. Еслибъ Березина замерзла, мы переправились бы безъ затрудненія; но двухдневная оттепель растворила ледъ, а потому нужно было раскинуть мостъ на широкой рѣкѣ, на которой скопившіяся льдины грозили ломкою и уничтоженіемъ всѣхъ работъ.»

25 ноября, переночевавъ въ Лошницѣ, Наполеонъ отправился въ Борисовъ и туда перевелъ главную свою квартиру. Утромъ объѣзжалъ всѣ мѣстности надъ рѣкой и за рѣкой, потомъ остановился предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ валялись обгорѣлыя бревна сожженнаго моста и — долго стоялъ въ задумчивости.... И было отъ чего задуматься.... Въ это время положеніе Наполеона было самое незавидное.... Припертый тремя сильными корпусами Ку-

тузова, Виттенштейна и Чичагова къ берегамъ Березины, какъ на бѣду неприступной въ такую пору года, — что могъ сдѣлать для своего спасенія *этотъ человѣкъ*, который всю надежду полагалъ на свои силы? Наполеону вздумалось во чтобы то ни стало отвлечь куда нибудь въ противуположную сторону отъ Борисова Чичагова, который, расположившись на правомъ берегу Березины, особенно мѣшалъ его послѣднимъ отчаяннымъ планамъ, и такимъ образомъ выиграть время для переправы. И вотъ онъ приказываетъ двинуться небольшой горсти войска вдоль Березины на пятнадцать верстъ впередъ отъ Борисова и въ деревнѣ Ухолодѣ дѣлать мнимыя приготовленія для переправы. Между тѣмъ король неаполитанскій, переодѣвшись въ фантастическое платье, въ сопровожденіи одиннадцати бродягъ подъ предводительствомъ перемётчика-поляка Михаила Коркозевича, назвавшаго себя жандарскимъ капитаномъ, который хорошо былъ знакомъ съ мѣстностями Борисовскаго уѣзда, отправляется въ Студенку. Остановившись въ деревнѣ, велитъ одному изъ своихъ адъютантовъ переодѣться въ крестьянское платье, сѣсть на мужицкую лошадь и, въ его присутствіи, переплыть рѣку въ бродъ туда и назадъ. Затѣмъ галопомъ помчался съ *свитой* въ Радзивилово, куда неожиданно переведена была изъ Борисова главная квартира Наполеона, проведшаго уже здѣсь ночь.

26 ноября, Чичаговъ, обманутый мнимыми движеніями французскаго войска, оставилъ на стражѣ въ Борисовѣ генерала Палена, а самъ, разсчитывая, что Наполеонъ мнимыми приготовленіями въ Студенкѣ и Ухолодахъ хочетъ его туда привлечь, устремилъ все вниманіе на мѣстечко, гдѣ, по его предположенію, Наполеонъ долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку: оставшись самъ въ Забашевичахъ, послалъ въ это мѣстечко генерала Орурка. — Между тѣмъ Наполеонъ, одѣтый въ зеленый бархатный сюртукъ на собольемъ мѣху и въ такой же шапкѣ, съ разсвѣтомъ дня прохаживался въ Студенкѣ, на берегу р. Березины, при пылающемъ кострѣ дровъ, — прехладнокровно раздавалъ приказанія стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ войскамъ и присутствіемъ своимъ ускорялъ работу на мосту. Въ это время, въ первый разъ по выходѣ изъ Минска, явился къ Наполеону Бронниковскій. Наполеонъ принялъ его дурно съ бранью и тутъ же велѣлъ ѣхать ему съ жандармами подъ Зембинъ для осмотрѣнія непріятельскихъ силъ. Но лишь только Бронниковскій, имѣвшій всего на все пятьдесятъ человѣкъ, показался на Зембинской плотинѣ, какъ его опрокинула горсть казаковъ. А въ свою очередь генералъ Чаплицъ, посланный Чича-

говымъ для осматра Березины, занялъ позицію по правую сторону ея противъ Студенки и пальбою изъ шести пушекъ затруднялъ окончаніе работъ на мосту. Наполеонъ, разставивъ орудія на студенковскихъ горахъ (199) съ противоположной стороны, взбѣшенный такимъ дѣйствіемъ Чаплица, скомандовалъ: coup de canon! И всѣ пушки наведены были на русскихъ: послѣ небольшой пальбы русскіе отступили: тогда работа на мосту пошла успѣшно и скоро было окончено нѣсколько паромовъ. Домбровскій первый переправилъ свою дивизію на трехъ паромахъ и совершенно вытѣснилъ Чаплица изъ занятой имъ позиціи. Обрадованный переправою Домбровскаго, Наполеонъ сталъ торопить работниковъ поскорѣе окончить мостъ, чтобъ можно было подослать на помощь Домбровскому побольше войска, опасаясь, чтобъ Чаплицъ не успѣлъ нагрянуть въ эту сторону со всѣмъ своимъ войскомъ. Въ часъ пополудни мостъ былъ готовъ, — и первый Реджіо перешелъ чрезъ него со всѣмъ своимъ корпусомъ и направилъ маршъ къ дер. Стахову по дорогѣ къ Борисову, и тѣмъ отрѣзалъ доступъ въ Студенку Чаплицу, который дѣйствительно, узнавъ о движеніи Реджіо, стрѣлой несся къ студенковскому мосту. Въ четвертомъ часу наведенъ былъ другой мостъ и вдругъ 250 пушекъ вмѣстѣ съ цѣлымъ паркомъ аммуниціи переправлено за рѣку. Такой тяжести невынесъ мостъ и во многихъ мѣстахъ поломался: но его тотчасъ исправили и черезъ него перешла вся артиллерія и гвардія Наполеона подъ прикрытіемъ аріергарда князя Беллюно, спѣшившаго въ Борисовъ. Несмотря однакожь на то, что Реджіо вытѣснилъ Чаплица на правомъ берегу, — русскія войска все-таки старались удержаться близь этого берега и когда явилась артиллерія, вступили въ прежнюю позицію. Наполеонъ, видя опасность Реджіо, велѣлъ присоединиться къ нему Нэю и Мортье.... Между тѣмъ наступила ночь, а битва не начиналась. Наполеонъ провелъ всю ночь подъ открытымъ небомъ вмѣстѣ съ войскомъ, несмыкая глазъ ни на одну минуту. — 27 ноября съ разсвѣтомъ дня Наполеонъ вмѣстѣ съ старой своей гвардіей переправился на правый берегъ Березины и присоединился къ передовому отряду Реджіо; вслѣдъ за старой гвардіей въ продолженіе цѣлаго дня успѣли переправиться Богарне и Даву. — Беллюно, оставивъ подъ Борисовомъ дивизію Партуно, для прикрытія дороги въ Студенку, замкнулъ шествіе великой арміи и подвинулся ближе къ Студенкѣ.

(199) Студенка — большая деревня, раскинутая на высокой горѣ, оканчивающейся равниной; отъ подошвы этой горы до самой рѣки идутъ обширныя топкія болота; такія же болота и за рѣкой, гдѣ налѣво возвышаются пригорки, а направо отлогая равнина: на этихъ-то пригоркахъ стояли русскіе.

Ночь прошла спокойно. Но 28 ноября утромъ, генералъ Витгенштейнъ, соединившись съ переднимъ отрядомъ Кутузова, занялъ Борисовъ и заставилъ отступить отъ него маршала Виктора. Богарне и князь Экмюль, по приказанію Наполеона, отправились въ Зембинъ для очищенія передоваго пути.... Необыкновенный гулъ пушекъ, звукъ оружій по обѣимъ сторонамъ Березины и крикъ сражающихся привѣтствовали наступившій день. Съ одной стороны, Чичаговъ совокупленными силами наступалъ на князя Реджіо: Реджіо раненъ, — его мѣсто, по приказанію Наполеона, заступилъ Нэй, подкрѣпленный силами Мортье. Съ другой стороны, князь Беллюно велъ упорный и кровавый бой съ Витгенштейномъ, который старался вогнать отрядъ князя въ Березину. Бѣшеное упорство и храброе сопротивленіе защищающихся, быстрое и яростное стремленіе наступающихъ произвели страшное замѣшательство и волненіе между народомъ на мостахъ. Толпы народа, неучаствующаго въ битвѣ, съ отчаяніемъ и крикомъ бѣжали по мостамъ въ безпорядкѣ; отъ скопленія бѣгущихъ, козлы, на которыхъ держался мостъ, пошатнулись и мостъ сильно повредился. Тутъ народъ суетится, шумитъ, — а здѣсь понтонеры починяютъ мостъ и безъ пощады толкаютъ людей и обозы съ багажемъ французскихъ семействъ въ Березину. И неудивительно: дѣло спѣшное и горячее; мостъ необходимъ былъ для сообщенія наполеоновыхъ приказаній, на обѣ стороны, войскамъ, плававшимъ въ крови и нуждавшимся въ его ободреніи.... Но съ вступленіемъ Нэя въ управленіе отрядомъ Реджіо, битва приняла другой оборотъ: вмѣсто оборонительныхъ Нэй началъ дѣйствія наступательныя; битва сдѣлалась упорнѣе; въ ней приняли участіе еще два корпуса (5-й и 3-й), разставленные самимъ Наполеономъ.... Бой страшный и ожесточенный съ обѣихъ сторонъ — продолжался цѣлый день.... Наконецъ въ десять часовъ вечера, Чичаговъ отступилъ къ Борисову съ большимъ урономъ. Тогда Наполеонъ поспѣшилъ къ лѣвому берегу Березины на помощь къ Виктору противъ Витгенштейна. Прижатый лѣвымъ крыломъ къ рѣкѣ, Викторъ, отбиваясь, сколько ставало силъ, отъ напора Витгенштейна, безъ всякаго плана и порядка отступалъ къ Студенкѣ и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Уступивъ самовольно позицію, назначенную ему Наполеономъ подъ Борисовымъ, онъ не только открылъ дорогу со стороны Борисова для переправы, но и далъ возможность русской арміи окружить его со всѣхъ сторонъ и преслѣдовать даже во время отступленія. Витгенштейнъ, держа его, такъ сказать, въ заперти, имѣя

очевидно болѣе войска, хотѣлъ остатки корпуса маршала вогнать въ рѣку и тамъ утопить. Словомъ, корпусъ Виктора понесъ въ этотъ день страшное пораженіе, и безъ сомнѣнія окончательно пострадалъ бы, да и самъ Викторъ могъ бы погибнуть, еслибъ не прибылъ къ нему на помощь Наполеонъ. Новыя массы войска, подоспѣвшія съ Наполеономъ, подкрѣпили силы Виктора и дали ему возможность выбиться изъ круга русскихъ войскъ и, послѣ долгой упорной битвы съ русскою артилеріею, успѣлъ по крайней мѣрѣ кой-какъ добраться до моста и скрыться за рѣкой. Въ этотъ страшный для французовъ день, кромѣ безчисленнаго множества убитыхъ и раненыхъ солдатъ, ранено нѣсколько генераловъ: Реджіо, Домбровскій, Альбертъ, Кляпаредъ, Лосиковскій, Фурнье, Жирарь, Дамà, Легранъ и полякъ Зейончекъ. Одинъ Беллюно въ теченіи цѣлаго дня храбро отражалъ наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ и вечеромъ, когда Наполеонъ отозвалъ его изъ Студенки, неустрашимо всю ночь простоялъ предъ деревнею въ виду русскихъ войскъ и прикрывалъ собою раненыхъ, отставшихъ и заблудшихъ, также людей съ багажемъ и обозами, — словомъ всѣхъ, которые хотѣли уйти и спастись отъ окончательной гибели посредствомъ переправы чрезъ рѣку. Наконецъ, 29 ноября еще до разсвѣта, князь перешелъ чрезъ Березину и поручилъ генералу Эбле сжечь мосты, чѣмъ спасъ небольшіе остатки своего войска отъ совершеннаго истребленія, но за то окончательно погубилъ дивизію Партуно. Отступая отъ Борисова къ Студенкѣ, Партуно спѣшилъ къ мостамъ и, не найдя ни одного, долженъ былъ сдаться русскимъ: 6,000 французовъ съ примѣсью поляковъ взяты были въ плѣнъ подъ Борисовомъ.

Что же дѣлалъ въ это время *великій* виновникъ гибели *великой* арміи, заведшій ее въ Россію единственно для удовлетворенія непомѣрнаго своего властолюбія?... Какъ наемникъ, растерявшій стадо чужихъ овецъ, онъ заботился только о себѣ; думалъ, какъ бы самому спастись живому изъ предѣловъ Россіи. Не видя послѣ пораженія Виктора никакой надежды на малѣйшій успѣхъ и пришедши въ отчаяніе, онъ бросилъ все и всѣхъ и помчался чрезъ Хотаевичи, Нестановичи, Молодечно, Сморгонь и Вильно, а оттуда чрезъ Польшу во Францію передать народу печальную вѣсть о неслыханномъ пораженіи и дать отчетъ о безконечныхъ потеряхъ, понесенныхъ французами въ Березинскую компанію. Вслѣдъ за нимъ въ величайшемъ безпорядкѣ тянулся Викторъ съ горстью своего войска....

Два властолюбца, въ сто лѣтъ одинъ послѣ другаго, шли по одной и той же дорогѣ. Въ 1708 году, шведскій король Карлъ XII, чрезъ Вильно, Сморгонь, Молодечно и Березино шолъ въ Россію съ полной надеждою на завоеваніе русской имперіи, съ совершеннѣйшею увѣренностью въ побѣдѣ надъ Великимъ Петромъ; грозилъ царю русскому, что онъ уничтожитъ его, что Россія падетъ предъ могуществомъ Швеціи и пр. и пр. А кончилось тѣмъ, что чуть было не попалъ въ плѣнъ на берегахъ Буга и возвратился въ Швецію безъ ноги и безъ славы. Въ 1812 году, чрезъ тѣже — Молодечно, Сморгонь и Вильно бѣжалъ Наполеонъ и за нимъ остатки его грозной арміи.

Страшную, поразительно-ужасную картину представляла собою Студенка послѣ Березинской битвы. Вся деревня превращена была въ дымящіяся головни и раскаленный пепелъ: жители разбѣжались по полямъ, поля были обагрены кровью и завалены грудами труповъ. Между трупами раздавались болѣзненные крики и тяжкіе стоны полуживыхъ или вѣрнѣе полумертвыхъ, которые напрасно просили помощи, напрасно умоляли о состраданіи: голосъ ихъ замиралъ въ воздухѣ, какъ эхо въ пустынѣ, некому было услышать страдальцевъ. Жестокій морозъ леденилъ ихъ тѣла и захватывалъ дыханіе: и гибли бѣдныя жертвы властолюбія Наполеона, которымъ, можетъ быть, довелось бы еще пожить долго и съ пользою, еслибъ кто нибудь могъ спасти ихъ отъ смерти. Растаявшія воды Березины высоко поднялись и выступили изъ береговъ отъ накопленія въ нихъ людей, лошадей, экипажей, орудій и оружія.... Сколько разлучила эта гибельная для французовъ война женъ съ мужьями, дочерей съ матерями, сестеръ съ братьями! Счастливъ, кто могъ уйти отъ такой страшной смерти! а можетъ быть счастливѣе тотъ, кто умеръ въ этотъ день, потому что окончивъ разомъ всѣ страданія не видѣлъ и не слышалъ, что́ было послѣ.... А что было — ужасно! Маленькія дѣти, потерявши родителей, блуждали по лѣсамъ и полямъ и не встрѣтивъ души живой многія окоченевали отъ нестерпимаго холода и голода. Рѣдкія изъ нихъ попадали въ жилой домъ и могли отогрѣть свои полузамерзшія члены или утолить голодъ кускомъ чернаго хлѣба. Очень и очень не многія изъ нихъ были приведены или принесены сострадательными крестьянами въ домы помѣщиковъ и тамъ нашли пріютъ, а впослѣдствіи получили кой-какое воспитаніе. Не малое число этихъ дѣтей найдено было на большихъ дорогахъ борисовскими мѣщанами, которые накормивъ и напоивъ, обратили ихъ въ предметъ своей торговли: семилѣтнихъ и шестилѣтнихъ дѣвочекъ продавали

по два рубля, а меньшихъ отдавала и дешевле. Между несчастными покинутыми и осиротѣвшими дѣтьми было не мало, какъ послѣ оказалось, дѣтей непростаго званія, и даже знаменитаго происхожденія, которыхъ впослѣдствіи искали. По крайней мѣрѣ извѣстны два случая подобныхъ поисковъ. — На другой день послѣ выхода Наполеона изъ Борисова, борисовскій судья Л. Сутовичъ привезъ въ д. Плещеничи перезябшую и голодную двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, которую нашелъ на студенковскихъ поляхъ. Тронутая жалкимъ положеніемъ дѣвочки, графиня Софія Тышкевичъ взяла ее подъ свое покровительство. Изъ словъ дѣвочки оказалось, что она называлась Маріею *Colau*, что она потеряла на берегахъ рѣки (Березины) мать, отца и двухъ малыхъ братьевъ. Графиня воспитала ее вмѣстѣ съ своими дочерьми и чрезъ нѣсколько лѣтъ маленькая дѣвочка превратилась въ образованную дѣвушку. Въ 1817 году графиня по дѣламъ переѣхала въ Вильно вмѣстѣ съ дочерьми и Маріею. По какому-то особенному случаю, графиня узнала въ Вильно, что у г. Шостовицкаго воспитывались два пріемыша того же имени (Colau), которые оказались братьями Маріи. Г. Шостовицкій объяснилъ графинѣ, что, будучи главнымъ начальникомъ военныхъ госпиталей во время войны 1812 года, онъ зналъ ихъ отца, бывшаго главнымъ интендентомъ аптекъ французской арміи, который, потерявъ жену и дочь, вмѣстѣ съ двумя сыновьями заболѣлъ въ Вильно тифусомъ и умеръ, оставивъ малолѣтнихъ сыновей безъ всякаго обезпеченія. Сыновья взяты были въ домъ Шостовицкаго: что̀ потомъ случилось съ мальчиками — неизвѣстно. Дѣвушка же Марія поступила гувернанткой въ домъ помѣщика Коверскаго, а потомъ борисовскаго предводителя дворянства Зеновича. Между тѣмъ графиня Тышкевичъ уѣхала въ Италію и, проѣзжая чрезъ Францію, во всѣхъ главныхъ городахъ объявляла въ газетахъ о существованіи Маріи. Вслѣдствіе этихъ объявленій, въ 1824 году изъ Франціи прислано было письмо къ Зеновичу, въ которомъ назначенъ былъ Кролевецъ мѣстомъ свиданія съ Маріею. Въ означенный день госпожа Зеновичъ явилась въ Кролевцѣ, гдѣ ее встрѣтила какая-то французская дама и, поблагодаривъ за участіе къ бѣдной сиротѣ, уѣхала назадъ вмѣстѣ съ Маріею. Впослѣдствіи, говорятъ, кто-то изъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ встрѣтилъ ее во Франціи и былъ свидѣтелемъ ея блестящаго положенія въ свѣтѣ, на которое она имѣла право по своему происхожденію. Марія съ чувствомъ благодарности разсказывала о первыхъ годахъ молодости, проведенныхъ ею въ Бѣлоруссіи.

Другой случай вотъ какой. — Послѣ переправы Наполеона чрезъ Березину, 29 ноября, какой-то молодой офицеръ, изъ арміи Чичагова, нашелъ на трупѣ женщины годовую дѣвочку, которая хватала губами холодныя груди матери. Видъ несчастнаго дитяти тронулъ сердце русскаго офицера, онъ взялъ его съ собою. Но когда прошелъ первый порывъ чувства состраданія, офицеръ призадумался, куда ему дѣвать это бѣдное дитя среди постоянныхъ передвижекъ полковъ, когда онъ не могъ ручаться и за свою будущность. Наконецъ, во время отдыха его отряда въ дер. Метлячахъ, онъ отнесъ дитя къ помѣщицѣ Жижемской и упросилъ ее взять бѣдную сиротку, окрестить, назвать Катериною и воспитать, для чего на первый случай оставилъ сто рублей сер. — Желаніе офицера не въ точности было выполнено. Г-жа Жижемская обратила дѣвочку въ горничную. Въ 1822 году какой-то офицеръ явился въ Метлячи и предъявилъ свои права на дѣвицу Катерину, взялъ ее оттуда и уѣхалъ — куда, неизвѣстно. Уже въ 1846 году, настоятель околовскаго костела получилъ изъ Петербурга прошеніе о высылкѣ метрическаго свидѣтельства дѣвочки (Катерины), найденной на студенковскомъ побоищѣ. На прошеніи подписался — полковникъ Гирсе. — А сколько дѣтей, можетъ быть, благородныхъ родителей выросло въ семьяхъ простолюдиновъ Борисовскаго уѣзда? Многія дѣвочки попали въ число прислуги помѣщичьей и лакеевъ. Онѣ не помнятъ своего отечества, не знаютъ обстоятельствъ, доведшихъ ихъ до такого положенія, не понимаютъ своего языка и только изъ разсказовъ другихъ догадываются, что онѣ нѣкогда были француженками, пришли въ Россію съ родными, лишившись которыхъ лишились и того званія, къ которому принадлежали по своему рожденію.

Не менѣе жалкую картину представлялъ собою и Борисовъ послѣ побоища Наполеонова. Весь городъ былъ опустошенъ, а во многихъ мѣстахъ сожженъ; улицы были завалены полуобгорѣвшими трупами, домы — наполнены ранеными, больными и плѣнными. Крикъ, шумъ, плачь и проклятія слышались вездѣ. Ожесточенные жители сгоняли французовъ и поляковъ какъ животныхъ въ хлѣва и морили ихъ голодомъ въ отмщеніе за поруганіе этихъ мародеровъ надъ храмами и образами русскихъ, цѣломудріемъ женъ и дочерей ихъ. Загнанные въ хлѣва, они съ отчаянія сами себя поджигали и такъ гибнули. Впрочемъ, многіе спаслись отъ преслѣдованія черни и, по выздоровленіи отъ ранъ, разселились по западнымъ губерніямъ. Нѣкоторымъ даже посчастливилось въ Россіи: поступивъ гувернерами и учителями въ дома помѣщиковъ и оказавшись добросовѣстными, они впослѣд-

ствіи попали наставниками въ разныя училища. Многіе были опытны въ медицинѣ и разномъ ремесленничествѣ, назвали себя докторами, слесарями, столярами, скорняками, дистиллаторами и пристроились въ Россіи.

Вслѣдъ за выходомъ Кутузова въ Минскъ и потомъ въ Вильно, занялись очищеніемъ Борисова и Студенковскаго побоища. Собранъ былъ народъ со всего уѣзда и стали вытаскивать изъ Березины трупы людей и лошадей, оружія, ящики съ аммуниціей, фургоны и разные экипажи; изъ экипажей вынимали мертвыхъ матерей съ дѣтьми, кормилицъ съ дѣтьми, и тутъ же хоронили тѣла ихъ вмѣстѣ съ убитыми въ общей могилѣ. Все, что только вынуто было цѣннаго изъ воды или найдено на полѣ битвы, становилось невозбраненною собственностью тѣхъ, которые находили; дорогіе камни, коляски, разныя драгоцѣнныя вещи, солдатская аммуниція, всякаго рода оружія, мундиры, сѣдла и т. п. — все это поступало въ домы частныхъ владѣльцевъ, обывателей, шераковъ и крестьянъ. — Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 12-го года можно было видѣть въ разныхъ домахъ куски сукна отъ мундировъ, разныхъ цвѣтовъ шерсть съ солдатскихъ эполетъ и кордоновъ, множество красныхъ султановъ и кирасъ, шпагъ и сабель, крестовъ, книгъ, бомбъ, пуль и пр. Дорогіе часы, столовая посуда — стеклянная и фаянсовая, серебряные приборы, золотыя кольца и перстни, пистолеты въ богатой оправѣ за безцѣнокъ продавали крестьяне. А всякаго желѣза — шинъ, колесныхъ обручей, осей и разной формы оковъ столько собрано было нѣкоторыми обывателями, что они не покупали его лѣтъ десять. — Много вещей сохранилось и до настоящихъ дней. Вышедшіе изъ употребленія безмѣны (вѣсы) и ручныя мельницы встрѣчаются и теперь въ нѣкоторыхъ обывательскихъ домахъ. — Безъ сомнѣнія, много вещей и погибло въ Березинѣ, воды которой унесли ихъ вмѣстѣ съ пескомъ, но и эти вещи по временамъ находятъ еще въ рѣкѣ. Не такъ давно студенковскій поселянинъ, купаясь въ Березинѣ, нашелъ крестъ съ цѣпью, который, какъ оказалось, былъ украшеніемъ какой-нибудь духовной особы; что онъ былъ золотой, это подтверждается тѣмъ, что жидъ, корчемный арендарь, самый опытный ювелиръ въ деревнѣ, далъ за него поселянину восемь рублей, не считая водки, которою угостилъ онъ продавца не въ счетъ платы. — Не менѣе дорогихъ вещей и особенно денегъ осталось внутри земли. Отступая отъ Москвы, французы предвидѣли страшную свою будущность и потому, начиная отъ Смоленска до Вильно и дальше, въ разныхъ мѣстахъ, замѣтныхъ

по своему положенію, закапывали серебро и золото въ надеждѣ возвратиться когда нибудь за ними. Объ этихъ зарытыхъ сокровищахъ въ Борисовскомъ уѣздѣ сохранилось много преданій и разсказовъ: особенно говорятъ о кладахъ подъ Кохановымъ, Веселовомъ, Зембинѣ и Плещеничахъ. А послѣ Березинскаго пораженія, въ то время, какъ разстроенныя войска опрометью безъ всякаго порядка бѣжали къ Вильно и лошади падали съ голоду, а потому не имѣли времени зарывать въ землѣ, бросали боченки съ золотомъ по дорогамъ: — въ Вильнѣ, они валялись на улицахъ. — Но какъ и всякія преданія, такъ и преданія о французскихъ кладахъ, въ устахъ народа, постоянно преувеличиваемы были и въ настоящее время возрасли въ баснословныя легенды, — особенно о безчисленныхъ сокровищахъ близь Студенки и Борисова. И находились люди легковѣрные, которые пробовали счастья — найти въ землѣ то, чего не положили, — перекопали нѣсколько холмиковъ, перепортили множество могильныхъ кургановъ и хотя возвратились ни съ чѣмъ, но все таки сами же поддерживали эти сказки о кладахъ. А въ 1843 году пріѣзжало какое-то иностранное общество и, съ дозволенія начальства, отыскивало въ Борисовскомъ уѣздѣ, по картѣ, зарытыя деньги, но тридцать лѣтъ времени значительно измѣнили и мѣстность и самыя окрестности, а потому, не могши повѣрить ихъ ни съ картою, ни даже съ самыми преданіями, общество предоставило открытіе этихъ денегъ какому нибудь счастливцу.

Вотъ рядъ событій историческихъ, происходившихъ въ Борисовѣ и его уѣздѣ отъ самыхъ древнихъ временъ до настоящихъ. Переходя, какъ мы видѣли выше, отъ минскихъ или вообще отъ древне-русскихъ князей къ литовскимъ, отъ литовскихъ князей къ польскимъ королямъ и, наконецъ, возвратившись къ родной семьѣ Руси, — Борисовъ испытывалъ разные перевороты въ отношеніи административномъ; смотря по тому, къ кому переходилъ, принималъ такую или другую форму правленія въ духѣ той націи, которая имѣла власть надъ этимъ городомъ.

Находясь во власти русскихъ князей, Борисовъ пользовался правами свободнаго города и подчиненъ былъ князю минскому или кривичскому. Какими особенными правами пользовался въ то время Борисовъ — неизвѣстно: административныхъ актовъ

не сохранилось; по всей вѣроятности, какъ городъ укрѣпленный, по словамъ лѣтописи (см. дальше), пользовался значеніемъ не послѣднимъ въ системѣ минскаго удѣла. — Не больше извѣстій сохранилось и отъ того времени, когда Борисовъ былъ въ составѣ великаго княжества Литовскаго. По крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣ эпохи соединенія Литвы съ Польшею, Борисовъ сталъ входить въ составъ воеводствъ, староствъ и повѣтовъ на основаніи литовско-польскихъ постановленій. Въ архивѣ князя Радзивилла хранится копія *привилея* (литовскаго князя) Александра-Ягеллончика, въ которомъ упоминается о Борисовѣ какъ о староствѣ. Съ начала XVI вѣка, Борисовъ кромѣ общей участи обращенія въ унію бѣлорусскихъ городовъ, сталъ испытывать обременительные налоги такъ называемыхъ *аттиненцій* и *донацій* (т. е. дарственныхъ владѣній) своевольной шляхты польской. Въ архивѣ же князя Радзивилла находится формальная выпись изъ литовскихъ метрикъ отъ 1542 года, мая 20, индикта 15, свидѣтельствующая, что такъ называемый зaмокъ Борисовскій съ *принадлежностями* подаренъ Сигизмундомъ Августомъ Яну Юрьевичу Глѣбовичу, виленскому воеводѣ, вслѣдствіе чего Борисовъ причисленъ былъ къ виленскому *воеводству*. Затѣмъ, съ 1563 по 1798 годъ Борисовъ считался староствомъ то Казановскихъ, то Слушекъ, то Огинскихъ, а наконецъ князей Радзивилловъ, и принадлежалъ къ воеводствамъ виленскому и витебскому, и къ разнымъ повѣтамъ: ошмянскому, оршанскому и докшицкому, какъ доказываютъ это древніе акты (1660 — 1775, и 1775 — 1795 г.) борисовскіе (200). Для предохраненія Борисова отъ притѣсненій старостъ въ продолженіе ихъ управленія этимъ городомъ, послѣдовало нѣсколько польско-королевскихъ грамотъ въ пользу жителей города, ихъ вольности и неприкосновенности прежнихъ правъ. Такъ, въ 1563 году (августа 10) издана была грамота Сигизмунда-Августа; въ 1577 г. — *привилей* Стефана Баторія; — въ 1595 г. грамота Сигизмунда III; въ 1640 — привилей Владислава IV. Наконецъ, въ 1792 г. (14 іюня) Станиславъ-Августъ, по просьбѣ борисовскихъ мѣщанъ, издалъ такъ называемый *привилей renovationis* (201), въ которомъ Борисовъ объявленъ вольнымъ конституціоннымъ городомъ. — Но всѣ эти привилегіи и грамоты не могли обуздывать магнатовъ — старостъ, особенно во время рѣчи — посполитой. Каждый староста, смотря по своимъ нуждамъ, а чаще прихотямъ, стѣснялъ права жителей Борисова или даже вовсе уклонялъ ихъ изъ виду, если приходилось

(200) Акты хранятся въ архивѣ борисовскаго земскаго суда.

(201) Привилей хранится въ архивѣ борисовской думы.

му извлекать изъ того выгоду, и не обращалъ вниманія на нужды города. До какой степени доходили притѣсненія старостъ, это видно изъ того, что въ 1781 году (октября 4) правительство польское, по неотступнымъ просьбамъ мѣщанъ, вынуждено было назначить коммиссію и подробно опредѣлить, сколько чего именно обязаны они выдавать старостамъ натурой или деньгами. Впрочемъ и подобная мѣра не смирила старостъ: нужна была власть самодержавная. И вотъ съ присоединеніемъ бѣлорусскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Борисова, къ родной семьѣ Русской Имперіи, Борисовъ свободно вздохнулъ послѣ своеволія польскаго. Въ 1798 г. (января 19), Императоръ Павелъ, утвердивъ грамотою право владѣнія землями Борисовскихъ старостъ (съ 8,000 душъ) за послѣдними старостами борисовскими Радзивиллами, исключилъ изъ этого права самый городъ Борисовъ (202). Съ этого времени Борисовъ сдѣлался государственнымъ городомъ и переименованъ въ уѣздный городъ минской губерніи. Борисовскіе мѣщане стали пользоваться городскими грунтами безъ всякой заботы. Губернаторъ Карнѣевъ, о которомъ минчане сохранили столько отрадныхъ воспоминаній, желая предотвратить могущіе произойти по этому случаю споры, предложилъ правительству указать опредѣленныя границы между грунтами борисовскихъ мѣщанъ и грунтами Радзивилловъ. Для этой цѣли, въ 1798 году (15 ноября) командированъ былъ изъ Минска губернскій землемѣръ Сойка для размежеванія означенныхъ земель. Такъ какъ впослѣдствіи мѣщане стали жаловаться на отнятіе у нихъ земель радзивилловскою администраціею, то въ 1829 году, по повелѣнію Великаго князя Цесаревича Константина, назначенъ былъ комитетъ для новаго размежеванія и въ 1830 г. размежеваніе исполнено было землемѣромъ Сомкевичемъ, вслѣдствіе котораго городъ получилъ въ свое распоряженіе 2,645 десятинъ и 227 саженей земли пахатной, сѣнокосной, въ томъ числѣ выгоновъ и зарослей. Въ 1833 году мѣщане борисовскіе, на основаніи какого-то стариннаго акта, вздумали домогаться нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ искони городу и только недавно захваченныхъ Радзивилловскою управою, вслѣдствіе чего поручено было борисовскому землемѣру Совинскому повѣрить прежнія размежеванія согласно съ жалобою мѣщанъ. Г. Совинскій донесъ, что означенная управа дѣйствительно забрала у города много окрестныхъ земель. На основаніи такого донесенія, городу Борисову дозволено завесть по этому случаю тяжбу: судя по требованіямъ города, Радзивиллъ

(202) Грамота, данная на имя виленскаго воеводы князя Михаила Мартиновича Радзивилла, хранится въ радзивилловскомъ архивѣ.

долженъ потерять нѣсколько сосѣднихъ съ Борисовомъ деревень и фольварковъ. Тяжба пока не кончена.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что въ 1830 году Высочайше утвержденъ планъ о построеніи новаго города Борисова, копія съ котораго хранится въ архивѣ городской думы.

Каковъ же Борисовъ въ настоящее время и что въ немъ сохранилось изъ древнихъ памятниковъ?

Въ настоящее время Борисовъ можно назвать небольшимъ городомъ, занимающимъ довольно красивое мѣстоположеніе. Жителей въ немъ считается 6,000. Пространство всего города составляетъ 10,500 саженей, изъ которыхъ 2,352 занимаетъ базаръ или рынокъ, раскинутый посреди города близь церкви. Рынокъ этотъ существуетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ съ XVII вѣка. Въ инвентарѣ 1680 года сказано, что рынокъ былъ большой, вокругъ котораго находились казенныя зданія, а посрединѣ церковь (203) св. Спаса; въ этомъ же инвентарѣ упоминается объ улицахъ: Соской, Замковой, Мостовой, Полоцкой, Полымьской или Березинской, Описьковой, Млыновой, Оршанской и Заболоцкой, а домовъ насчитывается 382 (204). Нынѣ въ Борисовѣ 610 домовъ: всѣ они деревянные, большею частью принадлежатъ частнымъ людямъ, казнѣ принадлежатъ только три. Въ составъ домовъ входятъ двѣ еврейскія божницы и двѣ пригородныя мельницы. Большая часть жителей — евреи, въ рукахъ которыхъ заключается почти вся торговля борисовская. Главная торговля ихъ — лавочная. Лавки ихъ расположены вокругъ площади; нѣкоторыя изъ нихъ довольно порядочны, особенно галантерейныя и бакалейныя; кандитерская одна, да и та очень похожа на харчевню.

Главное украшеніе площади — соборная православная Воскресенская церковь — деревянная, въ новомъ русско-византійскомъ вкусѣ, построенная въ 1830 году вмѣсто старой и обнесенная рѣшетчатою деревянною оградою, съ четырьмя входами. До извѣстнаго опредѣленія о церковныхъ штатахъ, борисовскому причту принадлежала деревня Кобыльщина; кромѣ того, въ его же владѣніи было шесть грунтовъ возлѣ Борисова, пожалованныхъ

(203) Старожилы говорятъ, что кромѣ Спаской были еще двѣ.

(204) Инвентарь хранится въ радзивилловскомъ архивѣ.

въ 1770 году борисовскимъ старостой Огинскимъ на имя свяшенника Клементовича. Въ настоящее время, въ замѣнъ этихъ имѣній и угодій, назначено причту жалованье и указная пропорція пахатной и сѣнокосной земли. Кромѣ соборной, въ Борисовѣ есть приписная, небольшая деревянная Николаевская церковь, построенная на крутомъ возвышеніи въ виду рѣки Березины. Есть еще и польско-католическая церковь или костелъ — каменный, построенный въ 1806 году близь знаменитаго Борисовскаго, или, правильнѣе Березинскаго моста. Въ этомъ костелѣ каждую пятницу совершается поминовеніе по королѣ Владиславѣ IV-мъ и строителѣ храма Адамѣ Казановскомъ.

Не смотря на свое древнее происхожденіе, Борисовъ можетъ хвалиться довольно широкими и прямолинейными улицами, которыя почти всѣ сходятся у главнаго центра города — рыночной площади. Замѣчательныя изъ нихъ: *Минская*, получившая названіе отъ столбовой дороги изъ Минска въ Борисовъ; *Московская*, начинающаяся отъ дороги московской и петербургской; *Лепельская* — отъ лепельскаго тракта; *Полоцкая*, потому такъ названная, что она вела къ дорогѣ въ Полоцкъ; нынѣ нѣтъ этой дороги, сохранились только слѣды какого-то глухого проселка; *Полынская* отъ того, что на этомъ мѣстѣ, говорятъ, былъ глубокій прудъ съ полынью; *Виленская*, потому что въ ней останавливаются виленскіе извощики; *Хоругвья* — отъ существованія въ этомъ мѣстѣ казеннаго дома съ выставленною хоругвью, принадлежавшею замку; *Шведская*, получившая свое названіе, вѣроятно, оттого, что въ 1708 году въ ней располагались обозомъ шведы; *Юридическая*: говорятъ, здѣсь былъ іезуитскій коллегіумъ; *Саетина* — отъ фамиліи *Саета*, поселившейся здѣсь съ незапамятныхъ временъ; *Млынарская*, ведущая къ городскимъ мельницамъ; *Слободская* или *Солдатская*, населенная отставными солдатами-инвалидами. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ и именно — Минская, Московская и Лепельская вымощены камнемъ; остальныя во время дождя бываютъ грязны. По принятому мѣстному обыкновенію, лѣтомъ подъ вечеръ горожане, за неимѣніемъ публичнаго сада, гуляютъ по болѣе чистымъ и широкимъ улицамъ.

Впрочемъ, этими мѣстами неограничиваются гуланья горожанъ: многіе пробираются за Московскую улицу въ кальварію (польское кладбище) или по преимуществу на *Мостъ*, на мостъ, который перекинутъ чрезъ Березину въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ борисовскихъ старожиловъ, въ 1812 году *французы омылись отъ своихъ грѣховъ*. Мостъ довольно

красивъ и великъ, поднимается и разводится на цѣпяхъ; вмѣстѣ съ плотинами занимаетъ 260 саженей въ длину; постройка его обошлась въ 15,000 рублей серебромъ. Надзоръ за мостомъ и переправами чрезъ Березину порученъ инженерному офицеру. Всякій разъ, проживая въ Борисовѣ, я встрѣчалъ на этомъ мосту множество гуляющихъ, которые, увлекаясь воспоминаніями о событіяхъ отечественной войны, во время гуляній заводили рѣчь объ этомъ ужасномъ для французовъ времени и разсказывали множество анекдотовъ изъ событій 12-го года. И какъ въ самомъ дѣлѣ не увлечься здѣсь воспоминаніями о блистательной побѣдѣ русскихъ надъ тѣмъ, кто считалъ себя непобѣдимымъ и передъ которымъ преклонилась было почти вся Европа.

Но мнѣ кажется, что самое лучшее и живописное мѣсто для лѣтнихъ гуляній — небольшой красивый островокъ по правую руку за мостомъ: часть этого островка занята щегольскою дачею г. Энгельфельта, которая по своей внѣшней красотѣ и внутреннему убранству комнатъ могла бы поспорить съ любою дачею петербургскихъ окрестностей. Когда-то эта дача была оживлена и славилась богатыми пирами: про нее столько носилось слуховъ и разсказовъ самыхъ фантастическихъ, что въ уѣздѣ ее прозвали волшебнымъ замкомъ, а владѣтельницу замка борисовскою Семирамидою. По смерти этой любительницы увеселеній, дача приняла болѣе скромный видъ и въ настоящее время славится большимъ цвѣтникомъ. Впрочемъ, дача эта всегда имѣетъ свое значеніе, потому что занимаетъ часть той земли, на которой нѣкогда стоялъ древній борисовскій замокъ. Другую часть земли занимаетъ тюрьма. Слѣды замка сохранились только въ небольшихъ окопахъ и обводномъ каналѣ. Преданія же о существованіи этого замка самыя сбивчивыя и неопредѣленныя. Мы приведемъ ихъ въ связи съ разсказами объ немъ историковъ. Гвагнинъ (205) говоритъ, что въ XVII вѣкѣ *замокъ* борисовскій имѣлъ форму округленную и былъ довольно сильно укрѣпленъ бастіонами и стѣною, вокругъ которой проведенъ былъ каналъ, соединявшійся съ рѣкою Березиною. Нарушевичъ прибавляетъ, что возлѣ замка находилась церковь съ глубокими подземельями, которыя имѣли тайное сообщеніе съ подземельями замка (206).... Впослѣдствіи, во время борисовскаго староства, замокъ обращенъ былъ въ зданіе старостовской администраціи. Перестроенный борисовскимъ старостой Огинскимъ, онъ существовалъ въ такомъ видѣ до начала XIX вѣка; по свидѣтельству

(205) Guagnin. pag. 302.
(206) Naruszew. T. II, str. 234.

[illegible]ловъ, этотъ перестроенный замокъ, со всѣми принадле-жностями къ нему зданіями, былъ деревянный на каменномъ [illegible]ніи, съ одними воротами: отъ замка до Хоругвьей улицы проведенъ былъ чрезъ каналъ небольшой мостикъ для пѣшеходовъ. Въ началѣ XIX вѣка, замокъ предназначенъ былъ для помѣщенія въ немъ радзивилловской *администраціи*. Послѣ перемѣщенія ея въ другое селеніе, замокъ нѣкоторое время служилъ мѣстомъ собранія дворянъ во время выборовъ, потомъ, не будучи ни кѣмъ поддерживаемъ, мало по малу приходилъ въ совершенный упадокъ и почти развалился. Наконецъ, по распоряженію правительства, на уцѣлѣвшемъ каменномъ основаніи замка построена тюрьма; прочія зданія частью обращены въ казармы инвалидной команды, а нѣкоторыя, внѣ острова, проданы борисовскому еврею, который построилъ на ихъ мѣстѣ постоялый дворъ.

Какъ бы оспаривая первенство предъ этимъ мѣстомъ древняго замка, немного подальше отъ острова, гордо возвышаютъ свои хребты батареи или укрѣпленія 12-го года, такъ живо сохраняющія въ устахъ народа память о знаменитыхъ подвигахъ русской артиллеріи. И эти батареи также нерѣдко становятся мѣстомъ прогулокъ горожанъ. Батареи эти, вмѣстѣ съ подземными казармами, такъ старательно устроенными въ 1811 году, существовали во всей своей цѣлости до 1815 года. Еще въ 1814 году, подземныя деревянныя казармы наполнены были всякаго рода французской аммуниціей, ружьями и саблями, собранными близь Студенки, а равно съѣстными припасами для прокормленія возвращавшихся русскихъ войскъ и французскихъ плѣнныхъ. Въ началѣ 1815 года, Борисовъ очищенъ былъ отъ войскъ и батареи вмѣстѣ съ казармами оставлены были на произволъ жителей города. Борисовскіе мѣщане стали вытаскивать изъ стѣнъ казармъ бревна и желѣзо, и тѣмъ ускорили разрушеніе нѣкоторыхъ частей батарей: впослѣдствіи многія возвышенія совершенно провалились и заросли даже соснами до того, что теперь нельзя назвать ихъ батареями. Въ настоящее время, впрочемъ, сохранились еще нѣкоторыя передовыя батареи и онѣ-то составляютъ мѣсто гуляній и даже осмотровъ проѣзжающихъ. А дѣйствительно, передовыя батареи составляютъ прекрасное мѣсто для обозрѣнія города въ полномъ его составѣ. Чудный видъ съ нихъ на городъ!... Особенно весною, когда Березина разливается чуть ли не по всему Борисову. Этотъ видъ имѣетъ что-то фантастическое вечеромъ, среди безчисленныхъ огней, отражающихся въ водахъ.

Кстати о Березинѣ. Березина получаетъ свое начало въ Борисовскомъ уѣздѣ, при мѣстечкѣ Докшичахъ, отъ небольшаго болота и течетъ сначала отъ юга на сѣверо-западъ, потомъ отъ сѣвера на югъ; за тѣмъ проходитъ по мокрымъ лугамъ, покрытымъ кустарниками, и низменнымъ мѣстамъ, заросшимъ лѣсомъ, чрезъ уѣзды: Борисовскій, Игуменскій и Бобруйскій, наконецъ, захвативъ четыре версты въ Могилевской губерніи, впадаетъ въ рѣку Днѣпръ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ (Минской губерніи) ниже мѣстечка Горваля. Вообще Березина протекаетъ отъ начала своего источника до впаденія 600 верстъ. Въ теченіи своемъ она принимаетъ въ себя рѣки: Свислочь въ 10 верстахъ отъ Борисова, Сху въ самомъ Борисовѣ, Бобръ въ 25 верстахъ отъ Борисова, Бресяту въ 30 верстахъ, Раву въ 35, и многія другія болѣе мелкія: всѣхъ принимаетъ одиннадцать. Ширина Березины отъ начала до того мѣста, гдѣ начинается березинскій каналъ, отъ 2 до 15 саженей, ниже до устья отъ 15 до 100 саженей; подъ Борисовомъ она раздѣляется на два рукава, каждый въ 5 или въ 6 саженей ширины. Березина и лѣтомъ имѣетъ столько глубины, что ниже Борисова по ней могутъ уже ходить суда. Иногда весною въ Березинѣ бываетъ сильная прибыль воды на 18 и 24 фута. Эта-то прибыль воды, по причинѣ низменности береговъ Березины, превращается тогда въ наводненіе и бываетъ причиною долгихъ холодовъ и поздней сѣятьбы—особенно въ самомъ Борисовѣ. Разлившаяся Березина медленно опадаетъ и едва въ концѣ мая вступаетъ въ берега: оттого въ апрѣлѣ и даже маѣ бываютъ сильные вѣтры, дѣлающіе климатъ въ Борисовѣ непріятнымъ, который и безъ того тамъ суровъ. Березина становится судоходною при впаденіи въ нее Сергуны. Судоходство по ней бываетъ двоякое: одно — въ Борисовъ, противъ теченія воды, а изъ Борисова до ея устья по теченію; другое только въ Борисовъ противъ теченія воды. Въ Борисовъ противъ теченія воды, приходятъ *байдаки* съ солью, хлѣбомъ, водкою, пенькою, бочарнымъ лѣсомъ и клепками; съ мачтами, товарнымъ деревомъ, брусьями: аглицкими, клейнедскими и голландскими, также съ бѣлыми колодами. Всѣ эти товары привозятся изъ южныхъ губерній, также Могилевской и Смоленской, а изъ Минской изъ уѣздовъ: Игуменскаго, Бобруйскаго, Рѣчицкаго и Борисовскаго. Изъ Борисова, съ теченіемъ воды, байдаки отправляются съ легкимъ грузомъ лыкъ, рогожъ, мочулы и камней. Кромѣ того, изъ Борисова перевозятъ на плотахъ дерево низшаго сорта, извѣстное подъ именемъ *каравокъ*, и смолу въ бочкахъ: все это идетъ къ Николаевскому порту, а оттуда въ губерніи: Кіевскую,

Полтавскую, Черниговскую и Херсонскую. Изъ Борисова противъ теченія воды большого судоходства до сихъ поръ еще не существуетъ; по крайней мѣрѣ изъ Борисова не ходятъ суда: причиною тому необыкновенная мелкость Березины во многихъ мѣстахъ русла и особенно болотистость озеръ Маньца и Плавья, при помощи которыхъ Березина можетъ имѣть только сообщеніе съ рѣкою Уллою и черезъ нее съ Западною Двиною, а слѣдовательно и съ Ригою. Впрочемъ, чтобъ сколько нибудь облегчить эту невыгоду для торговли, правительство назначило въ 1842 году провесть каналъ отъ рѣки Сергуты и такимъ образомъ, миновавъ озера Манецъ и Плавьё, соединить Березину съ Западною Двиною; вслѣдствіе этого изъ Борисова противъ воды сплавляютъ въ Ригу товарное дерево, разныя брусья, клепки и мачты. Успѣху березинской торговли не мало содѣйствуютъ каналы Сергучевскій и Березинскій. Первый, получивъ названіе отъ рѣки Сергучи, выкопанъ, по распоряженію правительства, въ 1803 году; имѣетъ 12 шлюзовъ и начинается въ западной полосѣ Борисовскаго уѣзда въ 82 верстахъ отъ города. Второй — отъ рѣки Березины проведенъ къ Западной Двинѣ въ 1806 году и извѣстенъ подъ именемъ березинской системы. Вся торговля Березины простирается до 600,000 руб. сер.

Начало березинской торговли нужно относить къ отдаленнымъ временамъ. Въ XV вѣкѣ литовское правительство, начиная съ Ольгерда, а вслѣдъ за литовскимъ и польское, владѣя западнорусскимъ краемъ, усильно заботилась о поддержаніи черноморской торговли — для сбыта мѣстныхъ товаровъ. Но такъ какъ для утвержденія черноморской торговли необходимо было соединеніе Днѣпра съ Чернымъ моремъ, а Днѣпръ представляетъ много препятствій для большаго судоходства (можно было только перетаскивать на маленькихъ баркахъ дерево и смолу) по причинѣ безчисленныхъ и большихъ пороговъ, которые учрежденная въ свое время коммиссія нашла невозможнымъ уничтожить (207), то рѣшено было приступить къ соединенію Чернаго моря съ Балтійскимъ чрезъ соединеніе рѣки Березины съ Виліею (которая, какъ извѣстно, впадаетъ въ Западную Двину, а Двина чрезъ Рижскій заливъ въ Балтійское море) при посредствѣ вновопроведеннаго канала и шлюзовъ. Въ 1631 году на варшавскомъ сеймѣ, по повелѣнію Владислава, составленъ былъ проектъ о проведеніи канала съ низу Березины до Вилія (208). Но неизвѣстно почему проэктъ этотъ неосуществился. Извѣстно только,

(207) Czacki, o handlu Polskim z portą Ottomańską, T. III, str. 327.
(208) Vol. leg. T. III. 684, 685.

что составленъ былъ новый проэктъ для соединенія рѣки Березины съ Западною Двиною, который найденъ былъ впослѣдствіи между бумагами борисовскаго земскаго суда и уже въ 1799 году, по возвращеніи Минской губерніи въ составъ Россіи, приступлено было къ проведенію канала, который оконченъ въ 1806 году и получилъ названіе березинской системы.

Такимъ образомъ, при учрежденіи березинской системы, торговля черноморская оживилась. Соединенная съ рѣками: Сною, Гайною, Усяжою и Бродвянкою, Березина сообщаетъ лѣсныя произведенія: дерево, смолу и проч., чрезъ руки евреевъ и христіанскихъ купцовъ, въ Кременчугъ и потомъ въ Черное море; а изъ Кременчуга доставляетъ обратно противъ воды на байдакахъ соль, также пшеницу и разную крупу. А при помощи шлюзовъ чрезъ озера Пеликъ, Лепельское и рѣку Уллицу, Березина передаетъ товары въ Балтійское море.

Исторія древняго березинскаго судоходства до насъ не дошла; вѣроятно исчезла въ архивахъ. А потому приведемъ здѣсь по крайней мѣрѣ сравнительныя числа привознаго товару по березинской системѣ и дохода съ него въ одинъ изъ недавнихъ неурожайныхъ годовъ и въ обыкновенный урожайный годъ.

Въ обыкновенный урожайный годъ среднимъ числомъ приходитъ изъ Малороссіи къ борисовской пристани до 70 байдаковъ (плоскодонное судно съ парусами) съ хлѣбомъ на 20,000 руб. сер. и преимущественно съ солью на 230,000 руб. Разница бываетъ единичная, рѣдко десятичная.

Въ неурожайные же годы сумма привозныхъ товаровъ превышаетъ 300,000 руб. сер. Такъ въ 1845 году, въ одинъ изъ самыхъ неурожайныхъ годовъ пришло въ Борисовъ байдаковъ 288. На нихъ было: ржи 493,135 пуд. на 127,518 руб. сер.; ржаной муки 94,518 пуд. на 26,818 руб. сер.; пшеницы 149,503 пуд. на 45,602 руб. сер.; муки пшеничной — ситной 7,383 пуд. на 4,802 руб. сер.; проса 14,017 пуд. на 5,784 руб. сер.; гречи 27,134 пуд. на 6,350 руб. сер.; гречневой крупы 20,233 пуд. на 8,021 руб. сер.; ячменю 4,700 пуд. на 930 руб. сер.; ячменной крупы 2,200 пуд. на 570 руб. сер.; гороху 3,444 пуд. на 90,12 руб. сер.; соли (209) 171,142 пуд. на 78,117 руб. сер.; хлѣбнаго вина (тогда не было еще откупа въ Борисовѣ) 34,828 ведеръ на 17,286 руб. сер. Итого на 329,810 руб. сер.

Не менѣе хлѣба и соли, сплавляютъ и лѣсу по Березинѣ. Количество сплавнаго лѣса зависитъ отъ качества зимняго пути, по

(209) Соль въ Борисовѣ продается въ самое дешевое время по 50 коп. сер., а въ самое дорогое — по рублю, рѣдко выше рубля.

которому свозятъ его въ Борисовъ изъ сосѣднихъ пущъ и потомъ весною сплавляютъ въ Ригу. Изъ сплавнаго лѣса замѣчательны голландскіе брусья, которыхъ высылаютъ на 75,000 руб. сер., мемельскіе — на 40,000 руб., англійскіе — на 51,000 руб. дубовыя клепки — на 13,500 руб., колоды и балки на 15,000 руб. Кромѣ того, по Березинѣ въ Кременчугъ сплавляютъ ежегодно борисовскаго лѣсу — *караковъ* (необтесанные брусья) около 30,000 штукъ на 20,000 руб. сер., и смолы около ста куфъ большихъ бочекъ въ 40 ведръ) на 1,500 руб. сер. Торговля лѣсомъ производится бо́льшею частью евреями борисовскими, минскими, чашниковскими, березинскими и ивенецкими, изъ которыхъ многіе не живутъ въ Борисовѣ, а имѣютъ тамъ только своихъ повѣренныхъ. Этотъ родъ торговли доставляетъ сосѣднимъ борисовскимъ крестьянамъ возможность извлекать изъ нее пользу: они нанимаются для срубки и перевозки лѣса, для славка смолы и закупориванія бочекъ; въ самомъ Борисовѣ нанимаются мѣщане городскіе, изъ которыхъ большая часть занимается хлѣбопашествомъ. Болѣе оборотливые и состоятельные изъ нихъ участвуютъ въ паяхъ съ купцами и нерѣдко закупаютъ смолу по частямъ для доставки въ большомъ количествѣ на борисовскую пристань.

Что же касается до соли, то главные торговцы ея — великорусскіе купцы, которые, вслѣдствіе расширенія борисовской коммерціи, вздумали выстроить на правомъ берегу Березины противъ города на землѣ князя Радзивилла — нѣчто въ родѣ слободы или предмѣстья. Мало по малу на пустынномъ берегу рѣки явилось цѣлое селеніе: въ двѣ параллельныя линіи, съ одной стороны, образовались красивенькіе деревянные домики съ садиками, съ другой — около 50 большихъ амбаровъ, по преимуществу наполненныхъ солью, отчасти хлѣбомъ, особенно пшеницею; въ послѣднее время и евреи рѣшились примкнуть къ этой слободѣ съ своими амбарами. Но имъ не позволяется здѣсь жить: въ красивыхъ домикахъ живутъ исключительно христіанскіе промышленники. Порядокъ, чистота въ слободѣ, и главное, архитектура зданій ея, рѣзко отличающаяся отъ зданій города, придаетъ ей какую-то особенную, характеристическую физіономію. Прибавьте къ этому массу судовъ, пристающихъ весною у слободы, съ разнообразными развѣвающимися флагами, безпрестанное движеніе и шумъ народа, нерѣдко даже горожанъ, гуляющихъ здѣсь въ большомъ количествѣ, да кромѣ того, толпу разныхъ подрядчиковъ, помѣщиковъ, экономовъ, писарей и шераковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Минской губерніи для своевре-

менной оптовой закупки хлѣба или соли, — все это придаетъ слободѣ оживленный видъ. Слобода особенно оживаетъ весною, когда въ Борисовъ приходятъ безчисленные байдаки; и зимою, когда нѣкоторые коммиссіонеры купеческіе или самые купцы, пріѣзжаютъ, чтобъ заблаговременно приготовить товаръ къ веснѣ.

Въ Борисовѣ есть небольшое приходское училище, началу учрежденія котораго относится къ 1806 году. Въ настоящее время оно состоитъ въ вѣденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и помѣщается въ домѣ, подаренномъ графомъ Евстафіемъ Тышкевичемъ, который обязался ежегодно вносить небольшую сумму для содержанія самаго дома и одного учителя. Кромѣ того, въ Борисовѣ сверхъ гарнизонной есть *этапная* команда, состоящая изъ одного офицера и 20 солдатъ, въ томъ числѣ 8 конныхъ. Есть такъ называемая пайковая солдатская слобода, т. е. поселеніе престарѣлыхъ инвалидовъ, которые доживаютъ свои лѣта при пособіи пайковъ, отпускаемыхъ имъ отъ правительства. Есть наконецъ госпиталь для увѣчныхъ.

Въ Борисовѣ бываетъ ежегодно двѣ ярмарки: одна на такъ называемую *десятуху* (т. е. на 10 недѣлѣ послѣ Пасхи), другая на Новый годъ. Начало свое онѣ получили съ незапамятныхъ временъ борисовскаго старѣства и тогда имѣли характеръ частнаго интереса; впослѣдствіи времени, именно, въ 1802 г., при минскомъ губернаторѣ Карнѣевѣ, онѣ утверждены правительствомъ; въ настоящее время та и другая продолжаются не болѣе недѣли. Количество привозимыхъ товаровъ оцѣниваютъ въ 40,000 руб. сер. Болѣе замѣчательна изъ нихъ — ярмарка на Новый годъ. Во время этой ярмарки устраиваются небольшіе балаганы и наполняются привезенными изъ Минска и Могилева товарами: краснымъ, галантерейнымъ, бакалейнымъ и по преимуществу стекляннымъ, который расходится въ большомъ количествѣ: многіе сосѣдніе мелкіе помѣщики, однодворцы и застѣнковая шляхта нарочно пріѣзжаютъ, даже изъ другихъ уѣздовъ, для закупки стекла. Конечно, всѣ эти товары перекупаются жидами и жиды — главные производители ярморочной торговли: нѣтъ товара, который бы не прошелъ чрезъ жидовскія руки, какъ чрезъ горнило, и оттого-то всякая ярморочная покупка въ Борисовѣ непремѣнно носитъ на себѣ слѣды жидовскихъ рукъ. Это вмѣшательство евреевъ въ дѣла торговли такъ усилилось, что христіане борисовскіе не могутъ завладѣть никакою отраслью промышленности; если же иногда и успѣютъ перебить ее у жидовъ, то это не долго продолжается, евреи повредятъ и подорвутъ ихъ коммерцію.

Это-то бываетъ причиною, что христіане мѣщане борисовскіе занимаются большею частью землепашествомъ, огородничествомъ и кожемячествомъ: тутъ они не встрѣчаютъ жидовскаго соперничества. Вторая ярмарка не такъ замѣчательна, какъ первая разнородностью, но за то очень оригинальна и имѣетъ свою особенность. На ней производится торговля лошадьми. Это собственно конный торгъ, на который съѣзжается не мало охотниковъ изъ другихъ уѣздовъ. Тутъ вы найдете и мужика съ парою саврасенькихъ косматыхъ лошадокъ, и жида съ четвёркою подкрашенныхъ старыхъ клячь, которыхъ онъ намѣренъ промѣнять на молодыхъ, и главнаго предводителя всѣхъ конныхъ стачекъ — цыгана, который пришёлъ на ярмарку съ пустыми руками, а намѣренъ возвратиться съ серебряными рублями; наконецъ, какая тьма налетаетъ сюда разныхъ экономовъ, подпанковъ, паничей и франтовъ въ рипсовыхъ венгеркахъ, съ арапниками въ рукахъ. Отъ нихъ-то больше всего бываетъ поживы здѣсь факторамъ-курьерамъ и факторамъ-коноводамъ.

Говоря о Борисовѣ, считаю нужнымъ замѣтить о поселянахъ Борисовскаго уѣзда, которые и внѣшнею и внутреннею жизнью рѣзко отдѣляются отъ поселянъ прочихъ уѣздовъ Минской губерніи: ихъ можно назвать вѣрными представителями сохранившагося въ Минской губерніи бѣлорусскаго элемента.

Поселянъ Борисовскаго уѣзда нужно раздѣлить на два рода: на *лѣсянъ* и *полянъ*, т. е. на живущихъ въ лѣсистыхъ и — безлѣсныхъ, польныхъ мѣстахъ. — Лѣсяне занимаютъ собственно южную и западную части уѣзда, богатыя сплавными рѣками. Отсюда очевидны средства ихъ жизни: невыходя дальше своихъ оселищъ, они находятъ здѣсь же дома работу; зимой рубятъ товарный лѣсъ, лѣтомъ сплавляютъ его въ Борисовъ. Всякой изъ этихъ поселянъ имѣетъ не малое количество здоровыхъ и хорошо досмотрѣнныхъ лошадей, также довольно скота, который откармливаютъ на лѣсныхъ лугахъ. Жилыя зданія ихъ, равно какъ и скотные дворы не очень опрятны; нерѣдко увидишь перепорченныя или гнилыя крыши, полуразвалившіеся или сожженные заборы: причина такого неряшества очевидно — лѣнь; вѣдь тутъ же подъ бокомъ у нихъ лѣсъ и имъ ничего не стоитъ нарубить бревенъ для починки крыши или заборовъ! А между тѣмъ, для продажи рубятъ лѣсъ безпощадно и, не встрѣчая для этого никакихъ препятствій со стороны владѣтелей, — нерѣдко портятъ и губятъ лѣсъ. — Землепашество у лѣсянъ не очень завидное: полей не много, сѣютъ хлѣба столько, сколько необходимо для домашняго обихода, — о запасѣ никогда не ду-

маютъ. За то между ними множество есть рыбаковъ и охотниковъ, также пчеловодовъ. Подобные промыслы спасаютъ ихъ отъ голода и бѣдности во время неурожайныхъ годовъ: шкура какого нибудь звѣря, нѣсколько штукъ убитой дичи или запасъ меду доставляютъ имъ деньги, а занимающіеся сплавкою лѣса по Березинѣ привозятъ изъ Борисова хлѣбъ. — Платье лѣсянъ довольно скромное. Мужчины носятъ сѣрую или темнобурую съ маленькимъ воротничкомъ *капоту* (сѣрмягу) изъ крѣпкаго домашняго сукна: — случаются капоты и совершенно бѣлыя. Покрой капоты и мужской и женской почти одинаковъ. Капота бываетъ большею частью въ обхватъ, не широка: полы спереди никогда не сходятся, сзади безъ разрѣза, — у мужчинъ до колѣнъ, а у женщинъ почти до самыхъ лядвей. Капоты употребляются и зимой и лѣтомъ; у нѣкоторыхъ онѣ извѣстны подъ именемъ *свиты*. Другой родъ платья — *насовъ*, т. е. нѣчто въ родѣ верхняго пальто изъ толстаго полотна; фасонъ его такой же, какъ и свиты; онъ употребляется лѣтомъ во время дождя, а зимой во время снѣга и мятели. Кромѣ того, въ большомъ употребленіи *кожухъ* и тулупъ, одного съ сѣрмягою покроя: кожухъ нерѣдко носятъ и лѣтомъ. Вмѣсто пояса мужчины носятъ *дзягу*, т. е. широкій толстый ремень съ желѣзною застежкою, на которомъ непремѣнно виситъ ременная же *калита́* (сумка) съ ножомъ, огнивомъ и трутомъ или губкою. Панталоны — лѣтомъ полотняные, зимой суконные непремѣнно на *учкурахъ*, т. е. у поясницы стягиваются веревочною и всегда спущены въ сапоги или въ лапти, которые (лапти) дѣлаются въ видѣ башмаковъ изъ лозовыхъ или липовыхъ лыкъ съ длинными ременными застежками, обхватывающими икры до самыхъ колѣнъ; вмѣсто носковъ употребляютъ портянки или суконки; фуражки или вѣрнѣе шапки дѣлаются изъ простаго бѣлаго сукна съ длинными ушами, которые равно какъ и околышки обшиваются черными или бѣлыми бараньими мѣхами: въ городъ, впрочемъ, надѣваютъ иногда фуражки изъ купленнаго синяго сукна съ козырками. Шея лѣтомъ и зимою обнажена; воротъ рубашки застегивается какою нибудь металлическою запонкою съ блестками. Женщины также носятъ свиту, насовъ и кожухъ, только безъ всякихъ поясовъ или *дзягъ*; ноги обуваютъ въ чулки и козловые башмаки съ каблуками, иногда же и въ лапти, но лѣтомъ чаще всего ходятъ босикомъ. Замужнія женщины различаются отъ дѣвушекъ головнымъ уборомъ; первыя обвиваютъ головы *намѣткою*, т. е. длиннымъ узкимъ бѣлымъ полотенцемъ, такъ что закрываютъ имъ и уши и подбородокъ, даже часть щекъ; остаются незакрытыми глаза,

нос и губы; сзади распускаютъ концы наметки нерѣдко до самой поясницы. Вторыя — т. е. дѣвушки никогда не носятъ наметокъ, а покрываютъ головы бѣлыми или цвѣтными платками, которыхъ концы тоже распускаютъ сзади какъ можно ниже; изъ подъ этихъ концовъ выглядываютъ двѣ косы, переплетенныя цвѣтными ленточками и нерѣдко цвѣтами; на маковкѣ между складками платковъ прикалываютъ павлиньи перья или цвѣты. Болѣе молодыя дѣвушки не носятъ даже и платковъ: заплетаютъ только волосы въ двѣ косы. Женщины употребляютъ также цвѣтные корсеты, которые покрываютъ всю талію; *андаракъ* или верхнюю юбку, больше цвѣтную изъ полотна или сукна; поверхъ юбки — полотняный передничекъ; на шеѣ множество всякаго бисеру и стекляруса; въ ушахъ почти никогда не бываетъ серегъ; за то, на рукахъ — множество колецъ.

Жители полей, т. е. сѣверовосточной части уѣзда, значительно отличаются отъ лѣсянъ. Платье мужчинъ состоитъ изъ суконной бронзоваго цвѣта свиты, простирающейся до колѣнъ; — бѣлаго полотнянаго насова; *дзяги* необыкновенно-широкой съ мѣдными украшеніями, безъ калиты, — только съ ножомъ. Вмѣсто учкурныхъ панталонъ носятъ узкія *нагавицы* изъ сѣраго сукна. На шеѣ носятъ цвѣтные платки; вмѣсто лаптей больше носятъ сапоги съ высокими голенищами, нерѣдко испещренными нашивными изъ дратвы узорами. Фуражки носятъ изъ бѣлыхъ валенокъ въ видѣ опрокинутаго горшка для цвѣтовъ: онѣ называются *магéрками*. Женщины носятъ наметки, но только сзади не распускаютъ концовъ и не закрываютъ подбородка и ушей; свитки изъ бронзоваго и синяго сукна; насовы изъ черной крашенины; андаракъ изъ цвѣтной шерстяной матеріи и передничкі изъ тонкаго полотна съ разноцвѣтными узорами; почти всегда — башмаки, но безъ каблуковъ; чулки синіе; головные платки всегда бѣлые; красивыя шнуровки больше изъ синей шерстяной матеріи или краснаго сукна. На шеѣ носятъ кораллы и бусы. Рубашки — всегда съ широкими рукавами и большими воротничками. Поляне гораздо трудолюбивѣе лѣсянъ; весь заработокъ ихъ получается отъ сухопутныхъ перевозокъ хлѣба и сѣмянъ въ сосѣднія мѣстечки или въ Борисовъ. Въ домахъ — чистота, порядокъ; вездѣ крѣпкіе заборы; подъ навѣсами — большіе запасы дерева. Земледѣльческія и домовыя снаряды сохраняются опрятно, бережливо. Земля у полянъ очень хороша, довольно жирна, поэтому небольшаго труда стóитъ имъ воздѣлать ее. За то, въ случаѣ неурожая, они болѣе чувствуютъ бѣдность,

нежели лѣсяне, у которыхъ, кромѣ земледѣлія, есть другія средства для продовольствія.

Изъ Борисова я долженъ былъ отправиться въ г. Слуцкъ по прямому почтовому пути чрезъ Минскъ. Но такъ какъ мнѣ хотѣлось заглянуть въ Игуменъ, то я рѣшился своротить на проселочную дорогу — мимо Минска. Впрочемъ эта проселочная дорога такъ широка и такъ хорошо устроена среди густыхъ, большихъ лѣсовъ, что нисколько не уступитъ столбовой. Да и говорятъ, что она нѣкогда была почтовою; но когда именно — не передаютъ; вѣроятно, очень давно.... Въ преданіи народа сохранилось только воспоминаніе о походахъ въ Игуменскомъ уѣздѣ Витовта и Карла XII-го. Мы увидимъ дальше, что по пути изъ Борисова въ Игуменъ встрѣчаются названія: Городище, Городно, Кривяшки, Кривичское озерно, Домовитскъ, — названія, какъ можно думать, древнихъ оселищъ какого нибудь славяно-русскаго племени.

Выѣхавъ изъ Борисова подъ вечеръ, я думалъ было попасть къ ночи въ Городно, срединный пунктъ между Борисовомъ и Игуменемъ; но судьба иначе распорядилась. Довѣрившись своему возницѣ, я преспокойно уснулъ въ надеждѣ пробудиться въ Городнѣ. Не же тутъ-то было. Возница, соблазнившись моимъ отдыхомъ, неустоялъ противъ обаяній прохладнаго вечерняго вѣтерка и также началъ дремать, давъ полную свободу лошадямъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога загорожена была деревомъ, и лошади, при этомъ препятствіи, своротили въ сторону въ лѣсъ и преспокойно прогуливались по кустарникамъ папоротника; пока лѣсъ былъ прочищенный, лошади еще кое-какъ шли, но когда добрались до густыхъ почти-непроходимыхъ чащъ, то остановились, пооборвавъ всѣ ремни у экипажа и вдобавокъ запутавшись въ вѣтвяхъ деревъ. Трескъ сучьевъ и экипажа пробудили меня и я увидѣлъ свое критическое положеніе. Возница спалъ. Разбудивъ его, я велѣлъ ему искать дорогу, но какъ онъ могъ найти ее — сонный?.... Къ счастью, послышались вдали переклички ночныхъ пастуховъ, и я сталъ звать ихъ на помощь. Отъ нихъ я узналъ, что мы далеко отъ Городни, близь застѣнка *Новицкихъ*. Нечего дѣлать, нужно было пробраться въ застѣнокъ. Сонный кучеръ, при помощи пастуховъ, кой-какъ дотащилъ экипажъ до застѣнка, но и тутъ было много хлопотъ: едва нашли тамъ пріютъ. Въ одномъ домѣ отказали, потому что вѣгдѣ было помѣститься, въ другомъ, — потому что

были больныя дѣти, — въ третьемъ, потому что не было дома хозяина; наконецъ, въ четвертомъ сжалились добрые люди и я очутился въ какой-то закопченной комнатѣ. Располагая немного отдохнуть, я разсчитывалъ съ разсвѣтомъ для отправиться дальше, но мнѣ объявилъ кучеръ, что нужно исправить экипажъ, — а для этого требовалось полдня.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Оставшись въ застѣнкѣ, я познакомился съ застѣнковымъ *губѐрнеромъ* или *шпѐкторомъ*, т. е. гувернеромъ, который сообщилъ мнѣ довольно интересныя свѣдѣнія объ окрестностяхъ застѣнка, а я въ свою очередь сообщаю ихъ читателямъ.

Но прежде нѣсколько словъ о самомъ губернерѣ. Проснувшись утромъ, я былъ пораженъ звуками, раздававшимися за стѣною моей комнаты: *буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га, — буки-онъ-бо*.... и проч. Я спросилъ кучера, что̀ это значитъ? Кучѐръ отвѣчалъ: «губернеръ учитъ дѣтей». Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на этого губернора, и потому я собрался было пойти въ сосѣднюю комнату. Но губернеръ предупредилъ меня и самъ явился ко мнѣ. Это былъ одинъ изъ никѣмъ неописанныхъ бѣлорусскихъ типовъ, который поразилъ бы васъ съ перваго знакомства съ нимъ. Губернеръ былъ довольно пожилой человѣкъ, высокаго роста, тонкій какъ спичка, съ длинными волосами на головѣ и небритою съ мѣсяцъ бородою; на немъ былъ какой-то сюртукъ или венгерка, едва обхватывавшая его тщедушное тѣло, — съ тальею чуть ли не на плечахъ, узенькими и коротенькими рукавами. Вмѣсто сапогъ на ногахъ его были башмаки, привязанные къ ногамъ веревочками. Онъ отрекомендовался мнѣ. Изъ словъ его я узналъ, что онъ занимается съ своими питомцами въ извѣстные часы; въ остальное время дня помогаетъ ихъ отцамъ косить, пахать, рубить дрова и т. п. Жалованье получаетъ съ каждой семьи застѣнка по одному, а много по два рубля въ годъ, съ прибавкою кой-какого бѣлья. Подобный губернеръ иногда проводитъ въ застѣнкѣ всю свою жизнь, а иногда переходитъ изъ одного застѣнка въ другой: это зависитъ отъ его характера, а частью отъ несостоятельности застѣнковцевъ, неплатящихъ по условію. Губернеръ, живущій долго въ одномъ застѣнкѣ становится почетнымъ лицомъ: къ нему какъ къ ученому человѣку обращаются за совѣтами; ему поручаютъ говорить рѣчи во время имянинъ, при похоронахъ и т. п.; его принимаютъ въ общества стариковъ и нерѣдко женятъ на дочери какого нибудь бѣднаго шляхтича.... Но и женившись губернеръ остается губернеромъ до самой смерти.

Съ такимъ-то господиномъ познакомился я и онъ, какъ умѣлъ, разсказалъ мнѣ про свой застѣнокъ. Застѣнокъ Новицкихъ когда-то назывался *Кривкою* и въ немъ жили богатые шляхтичи по прозванію *Кривинки*. Но послѣ пожара, истребившаго весь застѣнокъ, Кривинки оставили свое пепелище и поселились близъ Городни. На мѣстѣ же Кривокъ построенъ новый застѣнокъ и заселенъ перекрещенными евреями, которые въ христіанствѣ названы Новицкими (210) Услужливый губернеръ объяснилъ мнѣ, что большая часть изъ поселившихся здѣсь Новицкихъ переѣхала въ отдаленные города, между прочимъ въ Бердичевъ, Кіевъ и Варшаву, гдѣ занимаются факторствомъ. Слѣды еврейскаго происхожденія Новицкихъ запечатлѣны на ихъ смуглой физіономіи, черныхъ волосахъ и бородѣ. Кромѣ того, панъ губернеръ открылъ мнѣ по секрету, что онъ *занимается* древностями и собираетъ разныя преданья и повѣрья. Между прочими повѣрьями онъ разсказалъ мнѣ повѣрье и преданіе о *Кривичскомъ* озерѣ, находящемся близъ застѣнка Новицкихъ, на сѣверо-западъ отъ г. Игумена. Озеро это довольно глубоко и почти неприступно по причинѣ окружающихъ его топкихъ болотъ. По словамъ его, озеро это не даромъ называется *Кривичскимъ:* оно хранитъ въ глубинѣ своей остатки какихъ-то древнихъ зданій: рыбаки часто вытаскиваютъ въ неводахъ какіе-то тесаные камни, изразцы и желѣзные гвозди.

Что касается до самаго застѣнка, то онъ очень не великъ: жители его — шляхтуны Новицкіе ведутъ жизнь самую простую и почти бѣдную; причина кажется та, что они мало занимаются земледѣліемъ, которое очень прибыльно въ тѣхъ мѣстахъ. Они болѣе ведутъ жизнь ярмарочную и предпочитаютъ самую ничтожную торговлю обработкѣ земли и посѣву ржи или пшеницы. Такъ, напр., въ одномъ домѣ я нашелъ цѣлое семейство, которое исключительно занимается сборомъ и продажею грибовъ (которыми богатъ борисовскій край), да вдобавокъ *лѣкарствомъ* т. е. леченіемъ больныхъ травами и другими произрастеніями.

Проживъ полдня въ застѣнкѣ, я отправился наконецъ оттуда въ Городню.

Городня — довольно красивое селеніе, раскинутое по обѣимъ сторонамъ р. Березины на крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ: оно

(210) Фамилія Новицкихъ произошла отъ слова *Novicjati*: извѣстно, что у польскихъ католиковъ новообращенные христіане изъ язычниковъ или евреевъ называются *новиціатами* или *новиціушами* и въ замѣнъ прежней фамиліи нехристіанской получаютъ фамилію Новицкихъ: отсюда понятно, почему такъ много фамилій Новицкихъ встрѣчается между поляками и бывшими уніатами.

имѣетъ свои древнія преданія. По правую сторону Березины, въ чащѣ лѣсовъ на значительномъ возвышеніи, окруженномъ канавою, лежитъ огромный камень; въ канавѣ находятъ обломки жженаго кирпича. Возлѣ этого камня, въ день Ивана купалы, собирается народъ и проводитъ вечернее время въ плаcкахъ съ пѣснями. Старые люди говорятъ, будто здѣсь, на этомъ мѣстѣ нѣкогда совершалось служеніе *паганскимъ болванамъ* (т. е. языческимъ божествамъ), а не такъ давно разрыто и уничтожено самое городище и вокругъ него валъ. При мнѣ одинъ господинъ утверждалъ даже, что Несторъ, упоминая въ лѣтописи подъ 1127 годомъ о Городнѣ, разумѣетъ именно это самое Городно (211). Впрочемъ, это только предположеніе *одного* господина.

За этимъ селеніемъ начинаются величественные лѣса, почти не тронутые. Вдоль широкой, чистой дороги по обѣимъ ея сторонамъ высятся исполины — дубы, вязы, клены. Воздухъ пропитанъ благоуханіемъ, которое еще болѣе увеличивается отъ ароматическихъ травъ и цвѣточныхъ растеній, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ этихъ чистыхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ. Между этими громадными лѣсами по правую сторону дороги утесисто подымаются крутые берега Березины, едва виднѣющейся сквозь сѣти переплетенныхъ между собою густыхъ кустарниковъ ежевики, малины и черной смородины: проѣзжій только по шуму и всплескиванію волнъ догадывается о близкомъ теченіи широкой и бурной рѣки; за рѣкой глазамъ представляются роскошные сѣнокосы и пастбища, кой-гдѣ прорѣзанныя притоками Березины. Особенно привлекательно мѣстоположеніе при въѣздѣ въ Рованичскую-Слободу, имѣніе г. Слотвинскаго, славящееся суконною фабрикою и особеннаго свойства известкою, въ видѣ отвердѣвшаго песчаника (камня), съ красными и зелеными крапинками, которая, будучи растворена въ водѣ, принимаетъ темнозеленый цвѣтъ. Здѣсь Березина разливается во всемъ величіи и, какъ бы на прощаніе съ Борисовскимъ уѣздомъ, шумитъ и брызжетъ водопадами и затѣмъ переходитъ въ границы Игуменскаго уѣзда самымъ широкимъ и глубокимъ бассейномъ. Отъ Рованичской слободы начинаютъ появляться слѣды прерванной (близь дер. Калужицъ (Борис. уѣз.) такъ называемой *Витовой* дороги, которые наводятъ на мысль, что и въ этихъ мѣстахъ нѣкогда проходилъ Витовтъ съ своими войсками. Эта мысль еще болѣе подтверждается названіемъ деревни *Витовдуты* или Волдуты, лежащей между Рованичскою

(211) Лаврент. лѣтоп. изд. Археогр. Коммис. стр. 130.

слободою и Домовитскомъ. Отчего именно получила такое названіе эта деревня, преданіе ничего не говоритъ; во всякомъ случаѣ нельзя не предполагать, чтобъ названіе это не имѣло связи съ походами Витовта. А можетъ быть и другая причина была этому названію. Какъ бы то ни было, но всѣ эти имена деревень — отъ Борисова до Игуменя: Гайна, Кривишки, Городно, Рованичская слобода, Витолдута и наконецъ Домовитскъ (отъ слова домовитый, *домова* — значитъ мѣстопребываніе, жилище помѣщика) вызываютъ на раздумье о древнемъ историческомъ происхожденіи ихъ. И кто знаетъ, не оселища ли это древне-кривичскихъ славянъ? Близъ Волдуты есть небольшая дикая поляна съ окопами и насыпями въ родѣ могильныхъ кургановъ: народъ называетъ ее *шведовымъ-полемъ*; вѣроятно, это слѣды прохода Карла XII въ 1708 году, когда онъ, желая обмануть Петра Великаго, неожиданною диверсіею своихъ войскъ, поспѣшно пробирался изъ Борисова въ Игумень.

Но пора, наконецъ, сказать и о самомъ Игуменѣ.

Я пріѣхалъ въ Игумень въ послѣднихъ числахъ іюля.

XII.

Игумень.

Церковь, лавки и прочія городскія зданія. — Гулянья горожанъ. — Ярмарка. — Начало Игуменя и нѣкоторыя историческія событія его. — Глухое озеро. — Ланкастерское училище. — Фабрики и заводы въ уѣздѣ: недоваренiе особеннаго рода.

Вотъ онъ — Игумень, этотъ маленькій, деревянный, почти тонущій въ грязи городокъ! Вотъ онъ весь на лице съ своими немногочисленными, почернѣвшими отъ времени домами, крошечными площадками и какими нибудь полтора-тысячами жителей. При въѣздѣ въ Игумень меня привѣтствовалъ звукъ колокола съ колокольни того самаго храма, гдѣ я впервые, ребенкомъ еще, молился. Этотъ звукъ глубоко отозвался въ душѣ моей. Вотъ миновалъ я церковь; вотъ промчался по Площадной улицѣ, вотъ мелькнули предо мною черномазые домики Школьной улицы и самая еврейская школа — одно изъ лучшихъ зданій этой улицы. Предо мною открылась панорама зелени и разцвѣтшихъ кустарниковъ розъ и сирени, маленькихъ тополей, липъ и рябины и утонувшій въ зелени домикъ, гдѣ я провелъ мое дѣтство.

Пробывъ нѣсколько дней въ кругу родныхъ, я поспѣшилъ взглянуть на забытый Игумень и познакомиться съ его новостями.... Мало перемѣнился онъ!... Нѣкоторыхъ зданій не стало; нѣкоторыя перекрашены и очень-очень немного явилось новыхъ, между которыми первыя мѣста заняли домы почтамта, полиціи, Колпаковскаго и еврея Шмуйлы... Одинъ только домъ остался безъ всякой перемѣны; — это — единственное каменное зданіе, занимаемое казначействомъ.... А все прочее по прежнему!... По прежнему таже деревянная соборная церковь, построенная въ 1833 году, на мѣстѣ древней, возсоединенной отъ Уніи. Тѣже — всего на-всего — 40 лавокъ, — но какихъ?,.. Одна изъ нихъ нѣсколько замѣтна и пользуется извѣстностью: это — лавка *Марьяси*, старухи-купчихи еврейки, которая помнитъ чуть ли не всѣхъ чиновниковъ городскихъ съ самого дѣтства и называетъ ихъ своею *Годовлею*, т. е. своими питомцами. А между тѣмъ, горожане довольствуются товарами и этихъ лавокъ; немногіе только выписываютъ кой-что изъ Минска. Тѣ же двѣ *корчмы* или заѣздные домы, въ томъ числѣ пользующаяся репутаціею такъ называемая *Зеленая* или *Абрамова корчма:* предъ нею даже улица устлана мостовою, которой не имѣется въ прочихъ улицахъ. Кстати объ улицахъ Игуменя.... Ихъ всѣхъ не наберется и десяти, но за то и всѣ онѣ неслыханно грязны. Загородныя гулянья непривлекательны (по дорогѣ Минской и Бобруйской), нѣсколько получше прогулка за Борисовскую заставу. Тамъ побольше зелени, и мѣстоположеніе разнообразнѣе.

Между 2 и 8 мая бываетъ въ Игуменѣ ярмарка. Историческими воспоминаніями Игумень очень бѣденъ.... Все, что можно сказать объ немъ съ точки исторической, заключается въ немногихъ словахъ.... Старожилы сосѣднихъ деревень говорятъ, что Игумень получилъ начало отъ женскаго монастыря, построеннаго греческою игуменьею изъ Афонской горы; въ какомъ мѣстѣ былъ этотъ монастырь — не сказываютъ опредѣленно; одни думаютъ, что тамъ, гдѣ нынѣ церковь, вслѣдствіе чего говорятъ, будто до сихъ поръ подъ церковью сохранилось подземелье съ каменными стѣнами, въ которомъ спрятаны мѣдныя изображенія двѣнадцати апостоловъ; другіе замѣчаютъ, что монастырь этотъ построенъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго глухаго озера, что̀ въ трехъ верстахъ отъ города по бобруйской дорогѣ: тутъ ужь является цѣлая легенда; говорятъ, будто на этомъ мѣстѣ нѣкогда существовало какое-то паганское *болванище* (т. е. идолъ), къ которому собиралось много народа; чтобъ отвлечь народъ отъ этого языческаго служенія, странствующая игуменья внушила сосѣднимъ христіанамъ построить монастырь, въ коемъ

незадолго явился чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы; впослѣдствіи, за нечестіе жителей, вздумавшихъ возобновить близь монастыря идолопоклонство, монастырь провалился сквозь землю и на мѣстѣ его въ ту же ночь образовалось *озеро* необыкновенно глубокое, окруженное почти непроходимымъ болотомъ; а чудотворный образъ будто перенесли въ Лядскій монастырь, что въ шестнадцати верстахъ отъ Игумена по минской дорогѣ. Чтобъ болѣе придать значенія этой легендѣ, придумали разсказы о самомъ озерѣ. Такъ говорятъ, будто въ глухую полночь, слышится въ томъ озерѣ печальный гулъ колоколовъ, погребальное пѣніе и пронзительные стоны. Предоставивъ эти легенды и преданія времени или какому нибудь счастливому изслѣдователю подобныхъ вѣрованій, я съ своей стороны замѣчу только, что основаніе Игумена относится къ древнѣйшимъ временамъ, потому что близъ него именно въ десяти верстахъ, по теченію рѣчки Игуменки, есть селеніе Городище, которое своими окопами, курганами и находимымъ въ нихъ жженымъ кирпичемъ, а главное сохранившимся между жителями преданіемъ, что здѣсь прежде былъ городъ Игумень, ясно говорятъ въ пользу древняго его происхожденія. Къ этому прибавимъ, что вокругъ Игумена разбросаны деревни и села съ такими названіями, которыя, безъ сомнѣнія, относятся къ глубокой древности, и притомъ чисто славяно-русскія; напр. Городище, Дыя, Домоватскъ, Лысая Гора, Ивановичи, Волма, Турецъ, Волоки, Рудня и пр.... Потеряли же всѣ эти селенія, равно какъ и самъ Игумень, элементъ славяно-русскій во время Уніи, когда духъ лжеученія ея началъ распространяться въ западно-русскомъ краѣ. Съ этого-то времени Игумень дѣлается болѣе извѣстнымъ, объ немъ сохранились сказанія въ бумагахъ римско-католической минской епископіи; въ этихъ бумагахъ (а въ подобныхъ бумагахъ обыкновенно умалчивается о судьбахъ православія въ потрясенномъ уніею краѣ) сказано, что Игумень возведенъ въ званіе города изъ *столовыхъ* имѣній виленскаго епископа при учрежденіи Минской губерніи (212). Послѣ этого объ Игуменѣ ничего не говоритъ исторія до самаго похода Карла XII. Шведская война вводитъ Игумень въ область исторіи, которая такъ гласитъ о мѣстопребываніи въ ней этого короля. «Въ 1708 году фельдмаршалъ Шереметевъ, желая остановить или замедлить переправу шведовъ черезъ Березину, послалъ генерала Гольца съ осьмитысячнымъ отрядомъ въ Борисовъ; но Карлъ, узнавъ объ этомъ по прибытіи въ Минскъ, 7 іюля отрядилъ къ Борисову генерала

(212) Бумаги эти хранятся въ Минской Римско-Католической Консисторіи.

Сварре съ 4-мя полками, чтобы держать русскихъ въ недоумѣніи, а самъ повернулъ въ Игумень, гдѣ едва не утонулъ въ озерѣ (вѣроятно въ томъ, которое теперь почти высохло, но ужь конечно не въ Глухомъ озерѣ; его спасъ мѣщанинъ, внукъ котораго передалъ мнѣ это обстоятельство.) Изъ Игумена Карлъ пробрался въ мѣстечко Березино (213),»

Къ числу замѣчательностей Игумена должно отнести ланкастерское училище, основанное, если не ошибаюсь, въ 1834 году. Я называю это училище замѣчательнымъ, потому что оно много значитъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ люди бѣдные, а особенно мѣщане и окрестные однодворцы, безъ этого благодѣтельнаго учрежденія правительства, не имѣли бы возможности дать какое нибудь воспитаніе своимъ дѣтямъ. Не всѣ же имѣютъ возможность воспитывать на свой счетъ дѣтей въ губернскихъ, а тѣмъ болѣе столичныхъ городахъ. А здѣсь въ этомъ училищѣ допускаются приходящіе ученики безъ всякой платы. Зданіе, въ которомъ помѣщается училище, содержится очень чисто и прилично, чѣмъ много обязано бывшему своему смотрителю и вмѣстѣ учителю г. Ниціевскому. Какъ ни скромно это училище, а можетъ похвалиться многими воспитанниками, съ успѣхомъ перешедшими въ гимназію и разные корпуса, и даже окончившими курсъ наукъ въ университетахъ и Военной Академіи.

Говоря о замѣчательностяхъ Игумена, кстати упомяну ужь и объ особенностяхъ уѣзда Игуменскаго. Этими особенностями можно назвать суконныя и ситцевыя фабрики, также желѣзные, поташенные, стеклянные и медоваренные заводы. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, напр. г. Каминскаго или Слотвинскаго сукна такъ хороши, что они находятъ сбытъ въ цѣлой губерніи. А фабрика ситцевъ г-жи Свентаржецкой въ Богушевичахъ производитъ ситцы, славящіеся прочными красками и узорами. Но особенно замѣчательно въ этомъ уѣздѣ медовареніе. Меда игуменскіе такъ хороши, что ихъ можно сравнить съ извѣстными старинными литовскими и польскими. Особенность ихъ та, что ихъ приготовляютъ изъ рябины точно такъ же, какъ въ Псковской губерніи въ Великихъ Лукахъ и въ Торопцѣ.

---

(213) «Военный Энциклоп. Лексик. 1838 г. Ч. 2, стр. 280.

XIII.

Рудня. — Волма. — Туринъ. — Клинокъ. — Новоселки и его замѣчательности. — Марьина гора. — Кресты: жидовскія корчмы. — Омельно. — Хотляны. — Пырашевъ. — Старица. — Пуковъ. — Грозовъ и его древній монастырь. — Гресвъ.

Первая деревня отъ Игуменя по слуцкой дорогѣ называется: Островитая-Рудня, имѣніе Викентія Булгака. Это одно изъ родовыхъ владѣній г. Машлыкина: оно славится желѣзною рудою, отличнымъ качествомъ пахатной земли, старинным строевымъ лѣсомъ и богатыми лугами. Въ Руднѣ есть небольшое озеро, которое соединяется съ р. Волмою. Надъ озеромъ построенъ помѣщичій хуторъ, окаймленный садомъ, цвѣтникомъ и хмѣльными кустарниками. Нѣкогда въ этомъ хуторѣ славилась винокурня и пивоварня: пиво рудницкое продавалось въ Игуменѣ и окрестныхъ постоялыхъ дворахъ.

Отъ Рудни идутъ вѣковые, гигантскіе лѣса, кой-гдѣ пересѣкаемые небольшими прозрачными ручьями и протоками, впадающими въ р. Волму, которая становится замѣтною близь деревни *Волмы*, состоящей въ вѣденіи Палаты Государственныхъ Имуществъ. Деревня Волма сама по себѣ не велика и не интересна, но она много выиграла отъ рѣки того же названія, которая широкою полосою раскидывается и извивается въ деревнѣ; волмскіе луга чуть ли не лучшіе въ цѣломъ уѣздѣ Игуменскомъ. Крестьяне волмскіе живутъ довольно достаточно и даже богато: главный промыселъ ихъ рыболовство; они ловятъ въ Волмѣ довольно крупную рыбу, напр.: сомовъ, бѣлугу, угрей и пр. Всѣ эти рыбы большею частію солятъ, коптятъ и сбываютъ въ городѣ. Рѣка Волма довольно длинна; она впадаетъ въ Свислочь близь деревни Турина, имѣнія г. Фрибеса.

Туринъ — довольно старинное мѣстечко; оно очень живописно раскинуто на берегахъ рѣки Свислочи, которая вмѣстѣ съ своими притоками образуетъ изъ Турина красивый полуостровъ. Въ Туринѣ есть древняя православная церковь и помѣщичій дворъ. При дворѣ устроенъ садъ, который доставляетъ разные фрукты въ минскій гостиный дворъ: особенно славятся туринскія груши, винёвки и смолянки (насквозь розовыя).

За Туриномъ слѣдуютъ болѣе пустынныя мѣста и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ *Клинку*, тѣмъ лѣсъ становится рѣже и рѣже, а наконецъ возлѣ самаго Клинка лѣса исчезаютъ: являются степи или лучше сказать плодоносныя поля. Оттого-то Клинокъ не можетъ похвалиться своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ: онъ какъ-то однообразенъ. За то пользуется извѣстностью въ другомъ отношеніи. Здѣсь устроено сельское училище, которое со времени завѣдыванія имъ А. М — емъ, приноситъ большую пользу поселянамъ. Училище содержится очень опрятно, въ немъ бываетъ учениковъ отъ 30 до 60; ученики — дѣти клинецкихъ крестьянъ, состоящихъ въ вѣденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ училищѣ преподается, кромѣ русской грамоты, ариѳметика и нотное пѣніе: занятія больше бываютъ зимой; лѣтомъ же, когда дѣти крестьянъ должны помогать отцамъ въ хозяйственной работѣ, они освобождаются отъ занятій учебныхъ и становятся агрономами. Преподаватель наукъ въ училищѣ — священникъ, онъ же и настоятель клинковской православной церкви.

Изъ Турина я проѣхалъ въ село или, какъ тамъ его называютъ, мѣстечко *Новоселки*, принадлежащее, по праву родоваго наслѣдства, г. Ратынскому. Новоселки очень красивое мѣстечко, лежитъ на довольно возвышенномъ берегѣ р. Цитовки, омывающей село во всю длину его. Здѣсь есть госпиталь для бѣдныхъ, учрежденный предками Ратынскаго и содержатся пособіями помѣщиковъ: при госпиталѣ, кажется, есть какая-то школа для дѣтей. Кромѣ того въ Новоселкахъ встрѣчаются жиды — вѣстники торговли, которые здѣсь проживаютъ въ качествѣ свободныхъ мѣщанъ; къ числу ихъ нужно отнести и другихъ вольныхъ людей, проживающихъ въ Новоселкахъ.

Что же касается до самаго названія «Новоселки», то оно напоминаетъ о старомъ селищѣ или селѣ, которое, говорятъ старожилы, было нѣкогда по ту сторону р. Цитовки, близь такъ называемой нынѣ *Марьиной горки*, отстоящей отъ Новоселокъ въ 2 верстахъ. Эта Марьина Горка имѣетъ свои старинныя преданія, относящіяся къ XVI столѣтію. Названіе Марьиной произошло отъ того, что на этой горѣ построена приписная новоселковская церковь, по случаю явленія на этомъ мѣстѣ чудотворнаго образа Пресвятыя *Маріи* Дѣвы Богородицы. Въ честь этого явленія и самая церковь на горкѣ называется Марьиногорскою. Первоначальное преданіе о Марьиной горкѣ восходитъ къ самому отдаленному времени. Когда именно, не говорятъ, но очень давно, замѣчаютъ старожилы, на этой горкѣ было языче-

ское кладбище и тамъ совершались тризны и какъ сказано въ письмѣ одного *старца* Грезовскаго монастыря (копія письма хранится у слуцкаго обывателя г. А. С*), пляски на большомъ камнѣ, который стоялъ посреди горы.... «Въ послѣдствіи, сказано въ томъ же письмѣ, проѣзжалъ чрезъ этотъ край одинъ христіанскій священникъ и, замѣтивъ такое *оскверненіе людское*, возжелалъ уничтожить *оное*, и освятилъ святою водою: отчего гора распалась и камень провалился.... Испуганные язычники обратились къ священнику и считая его сильнѣе *своего бога*, просили у него креститься....» Гора дѣйствительно какъ бы раздвоена въ настоящее время — не знаю, хранится ли внутри горы камень; но это еще не можетъ служить ручательствомъ за вѣрность приведеннаго преданія. Другое преданіе о Марьиной Горкѣ, служащее продолженіемъ или дополненіемъ къ первому, сообщено мнѣ новоселковскимъ священникомъ Ал. Мацкевичемъ (214), которому приношу искреннюю благодарность. Вотъ оно: «Лѣтъ 300 назадъ тому, въ деревушкѣ Лядцѣ, многіе годы страдалъ какою-то хроническою болѣзнію поселянинъ Сидоръ. Не получая никакой помощи отъ людей, онъ находилъ единственное утѣшеніе въ молитвѣ; и вотъ однажды за искреннюю молитву свою, онъ удостоился видѣнія во снѣ Маріи Богоматери. Богоматерь обѣщала ему совершенное исцѣленіе отъ многолѣтняго его недуга, если онъ поставитъ крестъ и домъ молитвы на горѣ, на которую собирается народъ для суевѣрныхъ служеній въ память бывшаго тамъ язычества. Поселянинъ исполнилъ волю Небесной Заступницы и получилъ исцѣленіе; послѣ чего, говорятъ, онъ всю остальную жизнь провелъ въ этомъ домѣ, гдѣ устроилъ родъ часовни и помѣстилъ образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи: многіе приходили къ нему и слушали отъ него разсказы о чудесномъ свойствѣ образа; многіе и сами получали исцѣленіе отъ этого образа. Молва о марьино-горской часовнѣ разнеслась по всѣмъ окрестностямъ и вскорѣ нашлись люди недовѣрчивые: это были враги православія, которые вздумали сжечь часовню.... Но каково же было ихъ удивленіе, когда въ пеплѣ нашли цѣлую и невредимую икону Богоматери. Такое обстоятельство образумило ихъ и они позволили православнымъ

(214) Описаніе этого преданія хранится при новоселковской церкви. При письмѣ г. Мацкевича присланъ чертежъ горы и церкви Марьиногорской, сдѣланный г. Русецкимъ, но, такъ какъ при изданіи моего путешествія не приложено никакихъ чертежей, то и этотъ не войдетъ въ составъ его; впослѣдствіи онъ будетъ напечатанъ. Во всякомъ случаѣ искренняя благодарность г. Русецкому.

построить новую часовню. Но и ново-построенная подверглась той же участи. Въ 1812 году отрядъ наполеоновской арміи, именно вестфальцевъ (какъ говорятъ старожилы), проникъ сюда (вѣроятно по пути изъ Бобруйска въ Минскъ) и наругавшись надъ храмомъ Христовымъ зажгли часовню, за что и наказаны были слѣпотою: многіе изъ нихъ, говорятъ, ослѣпли въ тотъ же день. Но образъ опять сохранился невредимымъ. Видя такую чудодѣйственную силу образа, крестьяне обратились къ помѣщику Борженцкому и стали просить его построить церковь на мѣстѣ сожженной часовни. Борженцкій согласился на просьбу крестьянъ и въ 1814 году построилъ довольно красивую деревянную церковь во имя Пресвятыя Маріи и перенесъ туда образъ Ея....» Съ этихъ поръ марьиногорская церковь сдѣлалась извѣстною почти во всемъ уѣздѣ Игуменскомъ и даже всей Минской губерніи; народъ сталъ собираться со всѣхъ концовъ сосѣдственныхъ округовъ и все болѣе и болѣе убѣждался въ животворной помощи Богоматери. Такъ какъ въ это время Минская губернія страдала подъ гнетомъ Уніи, то и Марьина гора сдѣлалась достояніемъ уніатскаго духовенства, у котораго всячески старалось отнять ее духовенство польско-католическое. Особенно блонскіе ксендзы употребляли всѣ усилія, чтобъ присвоить себѣ эту издревле православную церковь. Но съ возсоединенія Уніи, домогательства блонскаго польскаго католичества прекратились. Марьиногорская церковь возвращена вмѣстѣ съ Новоселковскою въ нѣдра православія.— Съ этого времени марьиногорская церковь обращаетъ вниманіе всѣхъ сосѣдей; въ ней совершается богослуженіе во всякое новомѣсячіе (въ молодиковое воскресенье). Она состоитъ въ вѣдѣніи новоселковскаго причта, начальникъ котораго священникъ Мацкевичь усильно заботится о славѣ и благолѣпіи Чудотворнаго Образа Пресвятыя Маріи.... При марьиногорской церкви хранится копія (отрывокъ) съ грамоты, пожалованной новоселковской церкви въ 1760 году, мая 28 дня, въ городѣ Минскѣ на право владѣнія ею Марьиной горкой.

Марьина горка осѣнена довольно большими вѣтвистыми деревьями и безчисленными кустарниками лиственицы и можжевельника, между которыми виднѣются разной величины кресты — надгробные памятники почившихъ: здѣсь устроено деревенское кладбище.

Отъ Новоселокъ идутъ опять большіе лѣса и по дорогѣ постоянно встрѣчаются озера и маленькія рѣчки, которыя впадаютъ въ рѣку *Птичь*. По такой дорогѣ пробрался я въ деревню *Кре-*

сты, гдѣ пришлось ночевать.... въ корчмѣ. Здѣсь кстати сказать о бѣлорусской корчмѣ.

Первое, что поражаетъ васъ при подъѣздѣ къ бѣлорусской корчмѣ, — это полуразвалившіеся заборы, переломанныя ворота и перебитыя стекла въ самой корчмѣ. Если это бываетъ лѣтомъ, то въ огородахъ преспокойно разгуливаютъ козы, какъ извѣстно, самыя любимыя домашнія животныя евреевъ; зимою эти же козы грызутъ кору на валяющихся жердяхъ или подбираютъ на снѣгу клочки сѣна, оставленныя какимъ нибудь проѣзжающимъ. У въѣзда — необходимая принадлежность каждой корчмы — навѣсъ, поддерживаемый столбами и составляющій какъ бы балконъ передъ фасадомъ дома. Проѣхавъ подъ этимъ навѣсомъ, вы попадаете въ стодолу — темную претемную, или же слишкомъ свѣтлую — безъ кровли съ ажурными стѣнами, — стодолу, въ которой нерѣдко грязь плаваетъ въ водѣ съ примѣсью всякой гнили и дряни.... Въ сторонѣ устроено нѣсколько яслей, которыя обыкновенно на половину ни куда не годны; тутъ же валяются испорченныя колеса, обломки телѣгъ, куски желѣза, разныя бревна, дрова, охапки сѣна, куль-другой соломы. Несмотря на то, что стодола назначена исключительно для экипажей и лошадей, — тамъ встрѣтите вы — куръ, шмыгающихъ межъ вашими ногами, телятъ, мычащихъ неистово, коровъ, — и все это не безъ причины.... Оборотливый арендаторъ нарочно выпускаетъ въ стодолу свою *товарину*, чтобъ она поживилась даровымъ сѣнцомъ и овсомъ.... Но вотъ вы въѣхали въ стодолу, оставили тамъ своихъ лошадей и кой-какъ помѣстили въ единственномъ сухомъ мѣстѣ экипажъ; вы входите въ самую корчму. Огромная, мрачная съ потускнѣвшими оконными *шибами* комната лишена всякаго пола. Я сказалъ лишена, потому что она когда-то имѣла полъ; но впослѣдствіи онъ частію сгнилъ, а частію до того покрылся грязью въ нѣсколько дюймовъ, что вмѣсто пола, вы ступаете по какой-то жирной массѣ, мѣстами превратившейся въ кочки и бугры: посреди комнаты стоитъ длинный узкій столъ, весь изрѣзанный и тоже порядочно унавоженный; еще болѣе навозу вы найдете на сплошныхъ скамейкахъ, прикрѣпленныхъ вокругъ стѣнъ комнаты. Стѣны и потолокъ обыкновенно не штукатурены, а покрыты копотью и дымомъ отъ печки и безпрестаннаго куренія поселянами табаку. Къ потолку прикрѣплены какія-то жерди, на которыхъ обыкновенно висятъ жидовскіе бебехи и всякая старь, а ночью гнѣздятся домашнія птицы — куры и пр. Въ углу огромная печка съ нѣсколькими припечками: въ печкѣ вѣчно горитъ

огонь, у котораго всегда увидите охотниковъ погрѣться даже лѣтомъ.... На печкѣ валяются жиденки съ котами и жуютъ лукъ.... Въ этой-то комнатѣ нерѣдко приходится проѣзжему провесть два-три часа. Впрочемъ подобные корчмы съ одною комнатою встрѣчаются въ отдаленной только глуши, обыкновенно бываетъ другая еще комната *для пановъ* (господъ).... Но и эта комната немного уступаетъ первой. Здѣсь по крайней мѣрѣ бываетъ какой нибудь полъ и, одинъ или два стула, чистый сосновый столъ, и чего никогда не бываетъ въ общей комнатѣ, кровать — но извините — безъ всего, какъ есть; не спрашивайте ни тюфяка, ни бѣлья.... Не говорю о хозяйской комнатѣ — здѣсь грязь, безпорядокъ и нечистота невообразимая.

Изъ Крестовъ меня повезли въ *Нивки* — имѣніе Ратынскаго: поссесію Полу-Яновскаго.

Въ Нивкахъ протекаетъ болотистая рѣчка того же имени, въ которой ловятся *вьюны*, — рѣдкость въ этомъ краю, составляющая исключительную принадлежность полѣсскихъ болотъ, напр. въ Пинскѣ и др. мѣстахъ.

За Нивками начинаетъ виднѣться между дубовыми деревьями рѣка Птичь, которая по мѣрѣ приближенія къ Омельну становится шире. Омельно, такъ же, какъ и Нивки, составляетъ родовую собственность гг. Ратынскихъ. Здѣсь Птичь соединена съ каналомъ, по которому ходятъ довольно большія суда. Каналъ этотъ не великъ — отъ Птичи до Омельно; но отецъ нынѣшняго Ратынскаго хотѣлъ провесть его дальше къ Порѣчью, что было бы весьма благодѣтельно какъ для омеленскихъ крестьянъ, такъ и для сосѣднихъ: они могли бы сплавлять въ Слуцкъ ленъ и пеньку, которыхъ очень много приготовляется здѣсь. Кромѣ того этотъ же Ратынскій хотѣлъ провести прямую дорогу черезъ Порѣчье прямо въ Слуцкъ. Пробывъ дня два въ Омельно, я имѣлъ случай отвѣдать свѣжихъ вьюновъ, которые очень похожи вкусомъ на форелей, и кромѣ того видѣлъ *бобровъ*, которые водятся на берегу Птичи. Не мѣшало бы гг. естествоиспытателямъ обратить вниманіе на это явленіе. Говорятъ, что прежде ихъ было здѣсь очень много, но впослѣдствіи времени перевелись: вѣроятно никто не бережетъ ихъ. Вдоль набережной Птичи встрѣчаете богатые дубовые, кленовые и грабовые лѣса. Вообще Омельно, несмотря на свое незавидное положеніе въ географическомъ отношеніи, можетъ похвалиться кой-чѣмъ такимъ, чего нѣтъ въ мѣстахъ, болѣе живописныхъ и даже историче-

скихъ. Въ Омельно есть деревянная церковь и при ней полный духовный причтъ.

Изъ Омельно въ Хотляны идетъ дорога черезъ болота и рѣчки, на которыхъ нѣтъ ни мостовъ, ни плотинъ. Проѣхавъ деревушку Горѣлецъ, я чуть было не утонулъ въ ямѣ, посреди болота, промываемаго какимъ-то свирѣпымъ ручьемъ. И никто не подумаетъ объ устройствѣ гребли или плотины на нихъ. А всему причиной *посессія*. Покупавшись въ Горѣлецкомъ болотѣ, я долженъ былъ, къ моему горю заѣхать въ самый Горѣлецъ — въ жалкую корчемку къ жиду и потомъ къ *поссесору*. Въ Хотлянахъ я нѣсколько отдохнулъ и имѣлъ случай побывать въ тамошней церкви, стоящей на высокой крутизнѣ, опушенной со всѣхъ сторонъ густымъ орѣшникомъ, черемухой и липой. Хотляны принадлежатъ г. *Коркозевичу*.

За Хотлянами слѣдуетъ очень каменистая дорога, которая извивается, по пригоркамъ и утесамъ, вдоль до половины пути, ведущаго къ Пырашеву. Вторая половина становится гораздо глаже и шире и тянется необыкновенно прямой линіей межъ высокихъ боровыхъ лѣсовъ, въ чащѣ которыхъ попадаются дикіе кабаны и медвѣди. Наконецъ у опушки бора открывается небольшая поляна и передъ вашими глазами является слѣва помѣщичій хуторъ, а справа раскинутое въ одну прямую линію селеніе, окаймленное совсѣхъ сторонъ роскошными сѣнокосами и тучными полями, которое и есть Пырашевъ или Пырашевская слобода. Говорятъ, что это селеніе очень древнее и нѣкогда предназначено было для города.... До какой степени это вѣроятно, не можемъ судить; можно только сказать, что Пырашевъ очень порядочное селеніе и вѣроятно когда нибудь имѣло особое значеніе, потому что не безъ причины сохранило названіе слободы.... Въ немъ очень хороша церковь и особенно благолѣпна внутри.

Пырашевъ составляетъ границу между Игуменскимъ и Слуцкимъ уѣздами, отчего въ немъ стекается нѣсколько большихъ дорогъ, похожихъ на столбовыя, ведущихъ во Слуцкъ, Минскъ и Игумень. Одна изъ этихъ дорогъ, именно Слуцкая такъ хороша и такъ ровна, что ее можно принять за шоссе. По этому-то однообразному шоссе я отправился изъ Пырашева дальше и чѣмъ ближе подвигался черезъ Старицу въ Пуковъ, тѣмъ дорога становилась глаже и шире, хотя все-таки была довольно пустынна; по обѣимъ сторонамъ ея виднѣлись поляны, кой-гдѣ высокія горы и только изрѣдка попадались кустарники мелкаго

дубняка или березника.... Тутъ уже и климатъ другой и платье крестьянъ не похоже на платье Игуменскихъ поселянъ. Наконецъ, въ самомъ Пуковѣ вполнѣ отзывается Случчизною: крестьяне съ длинными волосами, бритыми бородами, въ темнобурыхъ свиткахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ; лошади и скотъ гораздо крупнѣе, чѣмъ въ Игуменскомъ уѣздѣ; поля больше засѣяны гречею и просомъ, а пшеница растетъ такая, какую трудно найти въ прочихъ уѣздахъ Минской губерніи; наконецъ и самыя телѣги совсѣмъ не такія, какъ въ прочихъ уѣздахъ.

Пуковъ небольшая деревня, съ церковью; онъ окруженъ болотами и безчисленными протоками, изъ коихъ многіе впадаютъ въ рѣку Случь. Близь Пукова не мало застѣнковъ съ самыми характеристическими названіями, носящими слѣды древности; между застѣнками попадаются такъ называемые *куты* (см. выше Минская губернія глава VIII), въ которыхъ живутъ по два и по одному семейству бѣдныхъ шляхтичей — они же и хлѣбопашцы: у всѣхъ ихъ сохранилось преданіе о какомъ-то древнемъ значеніи ихъ рода.

Почти въ виду Пукова, на довольно высокомъ мѣстѣ, живописно раскинуто мѣстечко Грозовъ — и въ немъ монастырь. Уже самое слово Грозовъ показываетъ, что мѣстечко это чисто-русское по началу, а изъ грамотъ Минской губерніи видно, что оно довольно древнее. Такъ въ числѣ актовъ Минской губерніи упомянуто завѣщаніе Подстолины Горватовой отъ 1748-го года, въ которомъ упоминается о двухъ православныхъ церквахъ въ Грозовѣ: Николаевской и Іоанновской, какъ уже давно существовавшихъ, равно и о монастырѣ (215), при которомъ погребено тѣло означенной Горватовой (216). Обѣ эти церкви и монастырь существуютъ до сихъ поръ и безъ сомнѣнія существовали за нѣсколько десятковъ лѣтъ до завѣщанія Горватовой: это доказывается церковными актами, въ которыхъ упоминается о пожертвованіяхъ сдѣланныхъ въ пользу грозовскихъ церквей въ началѣ XVII столѣтія (217). Кромѣ того въ грозовскомъ монастырѣ есть иконы чисто-византійской живописи, которыя безъ всякаго сомнѣнія, могли быть произведеніями по крайней мѣрѣ XVII-же вѣка. Монастырь не великъ, но зданія его отличаются необыкновенною простотою, соединенною съ изяществомъ и вкусомъ.

(215) См. Собраніе Минскихъ грамотъ, № 160.

(216) Кромѣ того о Грозовскомъ монастырѣ, какъ уже существовавшемъ въ то время, упоминается еще въ 1639 году. См. Собр. Минск. Грам. № 109.

(217) См. тамъ же.

Въ оградѣ монастырской церкви покоятся остатки древнихъ православныхъ помѣщиковъ болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ благолѣпію ея. Прежде грозовскій монастырь подчиненъ былъ ректору Слуцкой семинаріи; съ переводомъ же семинаріи въ Минскъ, онъ сдѣлался самостоятельнымъ и поставленъ въ непосредственную зависимость отъ Минской консисторіи.

Грозовъ, довольно опрятенъ: въ немъ есть нѣсколько небольшихъ лавокъ, очень порядочныхъ зданій и заѣздныхъ дворовъ.... Какъ и всякое бѣлорусское мѣстечко, Грозовъ наполненъ жидами, которые впрочемъ живутъ въ особой улицѣ и не имѣютъ права селиться близь монастыря.

Изъ Грозова я проѣхалъ въ Грескъ. Грескъ — довольно большое село съ церковію, — составляетъ собственность князя Льва Радзивилла и принадлежитъ къ числу поссессіонныхъ или арендаторскихъ имѣній князя....

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА *съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч. Изданіе* П. В. Анненкова. *Томы I, II, III и V. Спб. 1855.*

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Изданіе твореній нашего великаго поэта, встрѣченное нетерпѣливымъ ожиданіемъ публики, быстро приближается къ окончанію. Черезъ три мѣсяца по выходѣ двухъ первыхъ томовъ явились еще два — третій, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія 1831—1836 годовъ, поэмы и повѣсти, писанныя стихами, простонародныя сказки, пѣсни западныхъ славянъ, и пятый, содержащій 1, Записки Пушкина (отрывки автобіографіи, мысли, замѣчанія, анекдоты и «Путешествіе въ Арзерумъ»); 2, романы и повѣсти, писанныя прозою; 3, журнальныя статьи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ первыхъ числахъ іюля, выйдутъ и остальные два тома новаго изданія — четвертый (содержащій «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и другія драматическія произведенія) и шестой («Исторія Пугачевскаго бунта» съ примѣчаніями и «возраженіями» Пушкина на критику Броневскаго). Такимъ образомъ скоро русскіе читатели будутъ имѣть въ рукахъ полное изданіе «Сочиненій Пушкина», оконченное менѣе, нежели въ теченіе полугода со времени появленія первыхъ томовъ — быстрота, за которую нельзя не благодарить издателя оказавшаго тѣмъ великую услугу русской публикѣ.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы представили очерки характера Пушкина и пріемовъ, которыми отличалось его творчество. Теперь мы должны перейдти къ разсмотрѣнію самыхъ его произведеній. Но мы уже говорили въ началѣ первой статьи, что считаемъ излишнимъ въ настоящее время разсматривать сочиненія Пушкина въ художественномъ отношеніи. Противъ обыкновенія, которому любятъ слѣдовать рецензенты, утверждая, что предшествующіе разборы не достаточно объяснили значеніе разсматриваемой книги, мы рѣшительно сказали, что давно уже произведенія Пушкина превосходно оцѣнены, и, на сколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою. Намъ пріятно было видѣть, что и другіе рецензенты согласились съ этимъ мнѣніемъ («Отечественныя Записки» 1855 г. № VI, отдѣлъ критики). Потому намъ остается только взглянуть на тѣ стороны явленія, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣсколько вопросовъ, еще не совершенно объясненныхъ — именно, прослѣдить ходъ измѣненія идей, которыми одушевлялась дѣятельность Пушкина въ различныя эпохи, и отношеніе этихъ направленій къ общественному мнѣнію того времени, отголоскомъ котораго были журнальныя статьи. Взглядъ на отзывы, возбужденные въ журналахъ произведеніями Пушкина, послужитъ опорою собственныхъ нашихъ заключеній о различныхъ фазисахъ поэтической дѣятельности Пушкина, — и мы начнемъ обозрѣніемъ отношеній критики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ къ нашему поэту, чтобы лсна была тѣсная связь, соединяющая образъ мыслей нашего времени съ потребностями этого недавняго прошедшаго, и чтобы наши мнѣнія являлись уже только по изложенія несомнѣнныхъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи литературы. Эти факты можно было бы изложить очень кратко, если бъ не были часто высказываемы относительно нихъ предубѣжденныя и одностороннія сужденія. Теперь же по необходимости надобно представить ходъ дѣла съ нѣкоторою подробностью, чтобы истина обнаружилась несомнѣнно.

Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія «Руслана и Людмилы» началось широкое и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ; многіе даже воображаютъ, будто бы борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ же занимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. Если собрать все, что было написано

въ журналахъ двадцатыхъ годовъ о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, напримѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ страницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и вялыми статейками о немножко сухихъ предметахъ. Отзывы о явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немногими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣятельности Пушкина критика получила болѣе развитія. Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, нисколько не умѣла оцѣнить его. Мы вовсе не имѣемъ желанія превозносить прошедшее; готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболѣе строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менѣе должны мы сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проницательные, существовали всегда; что каковы бываютъ писатели, точно таковы же бываютъ и критики — тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ. Конечно, и во времена Пушкина, какъ всегда, были нелѣпые критики, наравнѣ съ нелѣпыми писателями. Но по рецензіямъ или романамъ и стихамъ этихъ бездарныхъ людей было бы не справедливо судить о той эпохѣ, какъ несправедливо судить о нашемъ времени по произведеніямъ въ родѣ «Ассамблеи», «Энхиридіона любознательнаго» и тѣмъ рецензіямъ, въ которыхъ доказывается что Гоголь — плохой писатель. И какъ въ наше время писатели, хотя сколько нибудь сознающіе свое достоинство, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на отзывы нѣкоторыхъ критиковъ, точно такъ же и Пушкинъ могъ и долженъ былъ нимало не оскорбляться отзывами «Галатеи», «Дамскаго Журнала» и т. д. Безполезно и теперь вспоминать объ этихъ «беззубыхъ критикахъ» (по удачному выраженію одного изъ журналовъ Пушкинской эпохи). Мы хотимъ прослѣдить мнѣнія, какія были высказываемы о произведеніяхъ нашего поэта лучшими изъ современныхъ ему журналовъ, которые одни пользовались вѣсомъ въ кругу людей образованныхъ. Критика этихъ журналовъ была вовсе не такъ поверхностна, придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. Мы ни мало не хотимъ утверждать, чтобы «Телеграфъ» и «Телескопъ» были совершенно непогрѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ; но непредубѣжденный читатель, просмотрѣвъ сведенные нами факты, вѣроятно согласится, что

въ сущности въ этихъ разборахъ было болѣе вѣрнаго и дѣльнаго, нежели пустаго и придирчиваго.

«Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ» — говоритъ Пушкинъ въ своихъ «замѣчаніяхъ». — «Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина» — но эти статьи принадлежали перьямъ столь слабымъ, что не заслуживали ни малѣйшаго вниманія, и поэтъ совершенно напрасно трудился отвѣчать на упрекъ г. Б. Ѳедорова за слово «корова», по мнѣнію критика низкое и неблагородное. Отзывы единственнаго журнала, пользовавшагося почти исключительнымъ вліяніемъ на публику — «Московскаго Телеграфа» и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжали быть чрезвычайно благопріятны, или, лучше сказать, восторженны. Они даже не заключали въ себѣ никакихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ легкихъ и нѣжныхъ. Едва ли не въ первый разъ «Московскій Телеграфъ» сдѣлалъ замѣчаніе Пушкину въ статьѣ о «Цыганахъ» (М. Т. 1827., ч. 15 стр. 111 и слѣд.), которая впрочемъ была проникнута еще бо́льшимъ восторгомъ, нежели прежніе отзывы. Этотъ разборъ выставляется намъ въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ извѣстною замѣткою Пушкина:

«Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. (*кн. Вяземскій*) повторилъ тоже замѣчаніе (*въ разборѣ, о которомъ мы говоримъ*). Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего лучше было бы сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бъ и самой поэмы — ma tanto meglio» (*тѣмъ лучше*).

Если бы даже и нельзя было защищать упрека, который кажется столь забавенъ, то довольно просмотрѣть статью, въ которой онъ помѣщенъ, чтобы ея критическое достоинство не нуждалось въ защитѣ.

Въ разборѣ своемъ кн. Вяземскій сначала говоритъ, что талантъ Пушкина развивается, что въ Цыганахъ видно «болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности», нежели въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; что эта поэма — лучшее изъ доселѣ напечатанныхъ произведеній Пушкина; что она переноситъ насъ въ новую сферу жизни; что она пробуждаетъ чувства не «затверженныя на память», а свѣжія, новыя; что если она отзывается вліяніемъ Байрона, то подражаніе едва

условимо. Затѣмъ говорится о правѣ поэта представлять сцены въ отрывочной формѣ, лишь бы только онѣ имѣли внутреннюю связь и послѣдовательность — она есть въ «Цыганахъ» и слѣдовательно поэму нельзя упрекать за внѣшнюю отрывочность сценъ. Потомъ анализируется содержаніе поэмы, характеры Алеко и Земфиры; критикъ находить все поэтическимъ и художественнымъ; разбирается мнѣніе нѣкоторыхъ, будто бы эпизодъ объ Овидіи неумѣстенъ въ устахъ Цыгана, и доказывается что этотъ упрекъ пустая придирка — здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ (а статья занимаетъ 12 страницъ) о томъ, что напрасно Пушкинъ заставилъ Алеко водить медвѣдя и тѣмъ впалъ въ фарсъ — статья заключается такъ:

«Пушкинъ совершилъ много; но можетъ совершить еще болѣе. Онъ долженъ это чувствовать и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ конечно далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ: онъ можетъ плыть еще далѣе».

Оставимъ въ сторонѣ фразу о медвѣдѣ—и мы должны будемъ согласиться, что все прочее въ разборѣ очень справедливо, и что даже теперь почти нечего прибавить къ высказанному въ немъ. Да и самое недовольство рецензента медвѣдемъ легко можетъ быть объяснено очень уважительными причинами. Угрюмый и гордый Алеко вовсе не способенъ гаерствовать передъ толпою, и дѣйствительно, только желаніе Пушкина вставить въ картину его бродячей жизни насмѣшку надъ чопорностью условныхъ приличій, внушало ему мысль придать своему герою черту, которая не соотвѣтствуетъ общему очерку характера.

Удивленіемъ и благоговѣніемъ къ Пушкину проникнуты и слѣдующіе за тѣмъ отзывы «Телеграфа»—до появленія VII главы «Евгенія Онѣгина», разборъ которой помѣщенъ въ послѣдней части «Телеграфа» за 1830 годъ. Здѣсь уже съ грустью говорится о томъ, что блестящій талантъ Пушкина запутался среди отношеній, неблагопріятствующихъ его развитію, и рецензентъ ищетъ объясненій того факта, что вновь вышедшая глава романа принята публикою не съ такимъ восторгомъ, какъ прежнія. Тонъ статьи умѣренъ и деликатенъ, но твердъ и независимъ; въ немъ слышится уваженіе, но нѣтъ и тѣни прежняго энтузіазма. Еще холоднѣе, нежели о VII главѣ «Евгенія», отзывъ о «Борисѣ Годуновѣ», помѣщенный въ той же части журнала. Наконецъ — все въ той же 32-ой части, «Телеграфа», находимъ пародію извѣстной эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ»:

ЭПИГРАММА.

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ Гарольдія (1) смѣшная,
Вотъ Донъ-Жуанія моя;
Вотъ Дидеротія блажная,
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И Ликъ Германіи удалой
И древнихъ эллиновъ горохъ (2) —
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, уложено
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Обезьянинъ.

(Московскій Телеграфъ 1830 г. Ч. 32, стр. 135.)

Черезъ два года была помѣщена другая пародія знаменитаго стихотворенія Пушкина; «Чернь».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо-политическо-литературная Газета, издаваемая въ городѣ NN, Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонинымъ (3).

ПОЭТЪ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову.)

«Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ, гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей

(1) Явные намеки на произведенія Пушкина.
(2) Столь же явные намеки на барона Дельвига.
(3) Тел. 1832, ч. 44, Камеръ-обскура, № 8, стр. 153.

Ты насъ то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣнiемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты.....
Скажи, зачѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья;
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дитя,
Всползли, загнѣздилися пороки?
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ
Зачѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?»

Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая;
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, дѣвственный орелъ;
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Безсмысловъ.

С. Петербургъ, 1832.

Здѣсь, ясно, дѣло идетъ о «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ (его очевидно должно разумѣть подъ именемъ Якова Ротозѣева), литературный клiентъ Пушкина (котораго хочетъ пародiя означить именемъ Ѳомы Низкопоклонина). Прозвища «Мотылькова» и «Безсмыслова», очевидно, относитъ она также къ нему.

Форма послѣдней пародiи очень жестка; но таковы были тогда литературные обычаи въ эпиграммахъ и пародiяхъ; самъ Пушкинъ часто бывалъ не менѣе рѣзокъ, — довольно припомнить знаменитыя статьи Ѳеофилакта Косичкина въ «Телескопѣ», не менѣе знаменитую статью о Видокѣ и многiя изъ его эпиграммъ

— изъ нихъ приведемъ только одну, подписанную его именемъ, и напечатанную въ «Телеграфѣ» 1829 года (часть 26, стр. 408.)

ЭПИГРАММА.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ѵжицу живой.

А. Пушкинъ.

Подъ «Кочерговскимъ» еще яснѣе видѣнъ «Каченовскій» (помѣстившій не задолго передъ тѣмъ въ своемъ журналѣ одну изъ статей эксъ-студента Надоумко), нежели подъ «Мотыльковымъ» Пушкинъ. Потому, если намъ теперь предосудительною кажется неделикатность формы, то осуждать можно только вообще литературные обычаи всего общества той эпохи, а не въ частности того или другаго изъ людей, поступавшихъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ и всѣ прочіе. Если же непремѣнно захотимъ обвинять кого нибудь въ частности, то скорѣе надобно искать виновниковъ такого обычая между приверженцами Пушкина, нежели между его литературными противниками. Положительныя указанія на то легко найдти въ тогдашнихъ журналахъ. Мы, чтобы не увеличивать число цитатъ, ограничимся одною ссылкою на «Московскій Телеграфъ» (1830 года) часть 31, стр. 79.

Итакъ, около конца 1830 года отзывы «Телеграфа» о Пушкинѣ измѣнились; вмѣсто прежняго энтузіазма водворилась сначала холодность, потомъ явный раздоръ. Въ чемъ же надобно искать причинъ этой перемѣны, и кого считать первымъ виновникомъ той жесткости, до которой часто доходила расвря? Обыкновенно во всемъ обвиняютъ издателя «Телеграфа», совершенно оправдывая приверженцевъ Пушкина, тѣмъ болѣе самого Пушкина. Факты не подтверждаютъ такого приговора, составленнаго исключительно на основаніи авторитета самого Пушкина.

Что касается измѣненія въ сущности сужденій о произведеніяхъ Пушкина, начиная съ 1830 года, журналы (и въ томъ числѣ Московскій Телеграфъ) были только отголоскомъ общаго мнѣнія огромнаго большинства публики.

Но справедлива или несправедлива была публика, становясь равнодушнѣе къ новымъ произведеніямъ Пушкина, нель-

зя обвинять журналы за то, что они не прошли молчаніемъ этотъ фактъ и старались объяснить его; нельзя было бы строго осуждать ихъ и за то, еслибъ они безотчетно увлеклись общимъ мнѣніемъ. Но о «Телеграфѣ», отношенія котораго къ Пушкину теперь занимаютъ насъ, должно сказать, что онъ старался, пока доставало у него силы внутренняго убѣжденія, бороться съ измѣнившимся мнѣніемъ публики; что потомъ, начавъ отчасти раздѣлять это мнѣніе, онъ дѣлалъ это не по слѣпому увлеченію изъ одной крайности въ другую, а по сознательному и твердому убѣжденію, которое совершенно гармонировали съ общимъ направленіемъ этого журнала. Онъ остался вѣренъ себѣ, когда измѣнившіяся отношенія Пушкина къ публикѣ заставили его не признавать въ послѣдующихъ твореніяхъ поэта того значенія для русской литературы, какое имѣли его первыя произведенія. Выписки, которыя мы приведемъ сейчасъ, неоспоримо это доказываютъ.

Однимъ изъ первыхъ поводовъ вражды близкихъ друзей Пушкина противъ «Московскаго Телеграфа» были отзывы этого журнала о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига. Первый годъ этого альманаха (1827) былъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» безусловною похвалою — которой и заслуживала эта книжка — «Сѣверные Цвѣты» — говорилъ отзывъ — лучшій у насъ альманахъ, который можетъ выдержать сравненіе съ иностранными.»

Точно таковъ же былъ отзывъ и о слѣдующемъ выпускѣ альманаха (за 1828 годъ). «Баронъ Дельвигъ — говорилось въ «Телеграфѣ» — не только поддержалъ прежнюю славу своего изданія, но, по отдѣленію словесности, кажется, усовершенствовалъ его строгою разборчивостью.» Между тѣмъ въ альманахѣ за этотъ годъ явился «Обзоръ русской словесности» Ореста Сомова, который отозвался о «Телеграфѣ» очень холодно, гораздо холоднѣе, нежели о «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ» и «Сѣверной Пчелѣ», которыя получили на свою долю нѣсколько искреннихъ похвалъ (хотя безпристрастіе и общій голосъ публики конечно требовали отдать справедливость «Телеграфу», безспорно лучшему изъ тогдашнихъ журналовъ); къ двусмысленной похвалѣ «Телеграфу» («сей журналъ нравится своимъ разнообразіемъ») Сомовъ прибавлялъ упреки въ заносчивости сужденій и нечистотѣ слога. Относительно перваго нельзя не сказать, что онъ былъ совершенно напрасенъ: откровенныя и основательныя, но умѣренныя сужденія о книгахъ, составляли одно изъ лучшихъ достоинствъ «Телеграфа». Издатель этого журнала отвѣчалъ Сомову скромно и деликатно; тѣмъ не менѣе, Сомовъ, очевидно,

обидѣлся, потому что въ слѣдующемъ обзорѣ (1829 г.) съ ѣдкими намеками сказалъ, что не хочетъ и говорить о журналахъ, уже утвердившихся во мнѣніи публики; онъ желчно говорилъ, что не хочетъ вновь «подвергаться укоризнамъ». За то, безъ сомнѣнія съ расчетомъ, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» этого года (1829) была помѣщена статья Измайлова «О новой журнальной критикѣ» направленная противъ Полеваго, написанная запальчиво и оскорбительно. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ «Телеграфъ» отозвался объ альманахѣ, уже ставшемъ къ нему враждебно, съ горячими похвалами. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать ссоры.

Но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ имѣлъ несчастіе говорить о «Стихотвореніяхъ» самого Дельвига и тѣмъ раздражить его. Прежде всего должно замѣтить, что статья была подписана не издателемъ журнала, Н. А. Полевымъ, а его братомъ, К. А. Проповѣдуя романтизмъ, «Телеграфъ», конечно, не могъ восхищаться псевдо-античными идилліями и двустишіями барона Дельвига; но въ замѣнъ того осыпалъ похвалами его русскія пѣсни. Мы вовсе не предубѣждены въ пользу г. К. Полеваго, но должны сказать, что статья о Дельвигѣ была написана очень умно и деликатно. Напримѣръ, рецензентъ старался смягчить свое справедливое мнѣніе о невозможности въ наше время писать теокритовскія идилліи указаніемъ, что и самому Гёте не удались его античныя стихотворенія. Многіе на мѣстѣ Дельвига были бы благодарны за такое сближеніе. Но авторъ идиллій былъ не таковъ. Самъ Пушкинъ, несмотря на свою задушевную дружбу съ Дельвигомъ, не рѣшался дѣлать ему даже изустныхъ замѣчаній, чтобы не раздражить его литературнаго самолюбія. Въ журнальныхъ пародіяхъ, Дельвигъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Недотыка». Можно себѣ вообразить, какъ онъ былъ раздраженъ статьею «Телеграфа». Правда, этотъ журналъ былъ такъ деликатенъ и уступчивъ въ этомъ случаѣ, что вслѣдъ за статьею помѣстилъ возраженія на нее, г. Лихонина, старавшагося доказать, что Дельвигъ правъ, подражая Теокриту,—но ничто не помогло. Черезъ три или четыре мѣсяца послѣ появленія зло-вредной статьи была основана «Литературная Газета», безпощадно и очень неразборчиво разившая издателя «Телеграфа» — смертоносная статья была написана не имъ, но баронъ Дельвигъ и его сподвижники не хотѣли ничего принимать въ соображеніе — они разили, разили ненавистный «Телеграфъ» и смертельнаго врага своего, Полеваго, пока сами не были поражены однимъ изъ своихъ ударовъ, слишкомъ нелитературнымъ (см. Лит. Газ. 1830 г., 2-ое полугодіе, стр. 72). Исчислять сотни язвительныхъ

выводить и цѣлыя десятки статей, явившихся въ этой газетѣ противъ издателя «Телеграфа», было бы утомительно и безполезно.

Вражда Дельвига къ этому человѣку была, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣйшею причиною вражды, которую началъ питать къ нему и Пушкинъ. Это ясно для всякаго, кто припомнитъ безпредѣльную преданность Пушкина своему другу.

Но изъ числа главныхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» ближайшихъ друзей Пушкина не одинъ Дельвигъ былъ смертельнымъ врагомъ Полеваго. Кн. Вяземскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столь дѣятельно участвовалъ въ «Телеграфѣ» и которому по преимуществу обязана своимъ происхожденіемъ полемика, въ которую тогда вовлекался этотъ журналъ, также поссорился съ Полевымъ. Причинъ ссоры мы не знаемъ; но можемъ быть увѣрены, что во всякомъ случаѣ онѣ не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго для чести Полеваго, потому что иначе его стали бы колоть намеками о томъ; и каковы бы ни были причины ссоры, достовѣрно то, что бывшій сотрудникъ въ то время весьма неблаговолилъ къ издателю «Телеграфа». Памятниками его вражды остались, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ», нѣсколько эпиграммъ, «Письмо къ А. И. Б—ой (въ «Денницѣ» на 1830 г.) и проч. Въ этой послѣдней статейкѣ была и знаменитая фраза: «съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно, какъ въ перчаткахъ» — на что было замѣчено, что прежде, покамѣстъ письма не являлися въ нихъ, они были едва ли лучше.

П. А. Катенинъ, чрезвычайно уважаемый Пушкинымъ и какъ поэтъ, и какъ мыслитель, также не могъ благопріятствовать Полевому, который съ самаго начала не раздѣлялъ мнѣній Пушкина о его поэтическихъ произведеніяхъ (и былъ въ этомъ совершенно правъ). Изъ всѣхъ случаевъ оскорбительныхъ отзывовъ о немъ и самого Катенина и его геніальнаго поклонника, упомянемъ только объ одномъ: въ 1827 году, Полевой разбиралъ очеркъ русской литературы въ Атласѣ Бальби; въ этой статьѣ, наполненной нелѣпостями, была между прочимъ фраза: «Мельпомена русская только на г. Катенина имѣетъ надежды» — «Телеграфъ» посмѣялся надъ этимъ забавнымъ увѣреніемъ (часть 17, стр. 122). Подобныхъ столкновеній было много.

Кромѣ того, мы уже знаемъ, что Орестъ Сомовъ принадлежалъ въ 1829 — 1831 годахъ къ отъявленнымъ врагамъ Полеваго; а Сомовъ имѣлъ можетъ быть вліяніе на Дельвига, и, конечно, раздувалъ ненависть.

Неудивительно, если Пушкинъ, горою стоявшій за своего друга Дельвига, принимавшій къ сердцу всѣ его жалобы и горести, оскорблявшійся нападеніями на его авторскую славу гораздо болѣе, нежели на свою собственную; — Пушкинъ, любившій и уважавшій кн. Вяземскаго, благоговѣвшій передъ Катенинымъ, былъ увлеченъ въ ихъ вражду съ Полевымъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, главнѣйшая причина распри, раздѣлившей великаго поэта съ человѣкомъ, который, не равняясь съ нимъ по таланту, также заслуживаетъ нѣкотораго уваженія, и благодарное воспоминаніе о которомъ во многихъ, къ сожалѣнію, еще помрачено опалою, какой подвергся онъ отъ Пушкина. Это объясненіе, оправдывая Полеваго, обнаруживаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самыхъ увлеченіяхъ его великаго противника благородныя побужденія безграничной, безкорыстной преданности друзьямъ.

Этотъ главный мотивъ, безъ всякаго сомнѣнія, усиливался тѣми природными наклонностями Пушкина, которыя прекрасно разъяснены П. В. Анненковымъ — уваженіемъ къ преданіямъ старины, благоговѣніемъ къ памяти Карамзина, и наконецъ особеннымъ расположеніемъ къ издателю другаго журнала, «Московскаго Вѣстника», бывшаго во враждѣ съ «Телеграфомъ». Послѣднее обстоятельство не требуетъ подробныхъ доказательствъ. Но выпишемъ нѣсколько вѣрныхъ словъ г. Анненкова о первой изъ причинъ неблаговоленія нашего поэта къ журналу Полеваго.

«Всего болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутацій (*незаслуженныхъ, прибавимъ мы*), которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитанныхъ (*и большею частью справедливыхъ*) идей къ явленіямъ отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда (*большею частью*) производились эти опыты, Пушкинъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Притомъ «Московскій Телеграфъ» былъ совершенною противуположностью духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣнилъ, образовавъ новое направленіе въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ (*т. е. превозношеніе похвалами всѣхъ бездарныхъ знакомыхъ*) сдѣлалось тогда достояніемъ исторіи. Пушкинъ сохранялъ убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе (*напротивъ, общественное мнѣніе, которымъ только и поддерживается журналъ, а не пересуды и похвалы тѣснаго кружка пріятелей, какъ прежде*) играло та-

кую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ (*очень часто*) дѣльнаго и существеннаго противниками, и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики (*нѣтъ, довѣріемъ публики пользовались его противники; скорѣе надобно сказать: писателей, составившихъ между собою общество взаимнаго застрахованія отъ критики, какъ это бывало въ старину*).»

«Телеграфъ», защищаясь отъ нападеній «Литературной газеты», долженъ былъ нападать и самъ. Газета и ея издатель, не были щадимы. Вотъ, напр., нѣсколько пародій на антологическія стихотворенія Дельвига:

СХОДСТВО.

Сшили фракъ; и былъ онъ модный, прекрасный, изящный,
Мода прошла и — на ветошь онъ проданъ: не то ли и съ нами?

Ѳеокритовъ.

I.

СУДЬБА ЧЕЛОВѢКА.

Трубку я докурилъ, и пепелъ ея выбивая,
Думалъ: «Такъ выбиваетъ изъ свѣта насъ Кронъ безпощадный!»

II.

Роза цвѣла и поля украшала и взоръ веселила;
Буря измяла цвѣтокъ; погибъ онъ для взора. О, смертный!
Жизнь есть цвѣтокъ, и смерть его мнетъ: такъ все на свѣтѣ!

Ѳеокритовъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ выписывать другихъ пародій, иногда очень удачныхъ, какъ переложенія русскихъ пѣсенъ на чухонскій ладъ, напр. «русская пѣсня безъ чухонскихъ приправъ»:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла и т. д.

И «русская пѣсня на чухонскій ладъ»:

Въ густомъ лѣсу, въ темномъ бору
Цвѣтетъ, растетъ рябины кустъ, и т. д.

Это, конечно, еще болѣе усиливало вражду, и удары на Полеваго сыпались въ каждомъ нумерѣ «Литературной газеты». — Его обвиняли въ хвастовствѣ, невѣжествѣ, своекорыстіи, отсутствіи литературной и коммерческой честности; было много и другихъ выходокъ, еще менѣе дозволительныхъ правилами литературной полемики. Мы не можемъ съ достовѣрностью рѣшить, какія изъ

этихъ статей принадлежали Пушкину, какія были помѣщены по его совѣту; быть можетъ, многихъ онъ и не одобрялъ; но во всякомъ случаѣ, онъ былъ душою, онъ составлялъ главную силу всей партіи, враждовавшей противъ «Телеграфа» — какіе же отзывы въ то время дѣлалъ журналъ о его произведеніяхъ?

О «Полтавѣ», которую публика приняла холодно, и которая была растерзана въ «Вѣстникѣ Европы», «Телеграфъ» помѣстилъ двѣ статьи. Вотъ главныя мѣста изъ первой, краткой (Телегр. 1829 г., часть 26, стр. 337).

«Съ появленіемъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговоръ новому его произведенію. Доселѣ русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должны подписывать: прекрасно! превосходно! Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, а послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о Полтавѣ, мы скажемъ, однакожь, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое — народность. Въ «Полтавѣ» сначала до конца, вездѣ русская душа, русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина».

Черезъ полтора мѣсяца явился подробный разборъ поэмы, развивающій тѣже самыя мысли. («Телегр.» 1829 г., часть 27, стр. 219—236). Здѣсь говорится, что Пушкинъ сначала писавшій подъ вліяніемъ Шенье, потомъ Байрона, теперь становится самостоятельнымъ, и что его генію суждено еще развиться несравненно могущественнѣе, нежели какимъ онъ являлся въ прежнихъ произведеніяхъ. Равнодушіе публики къ новой поэмѣ, которая въ тысячу разъ выше прежнихъ, объясняется тѣмъ, что публика жаждетъ живого направленія, касающагося общественныхъ интересовъ, а не Шекспировскаго спокойствія, которое владычествуетъ въ «Полтавѣ», и потомъ доказывается, что Пушкинъ правъ, и неправы, не развиты, тупоумны тѣ, которые не умѣютъ восхищаться его дивною «Полтавою»:—гдѣ въ этихъ словахъ отголосокъ вражды? Разъясняя причину восторженнаго увлеченія прежними произведеніями Пушкина, критикъ говоритъ очень справедливо: «Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ мысль. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе

сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ (?), но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ» (стр. 227—8) — фактъ, нынѣ забытый въ свою очередь, но очень важный. Статья оканчивается такъ: «Въ заключеніе мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія. Это очень естественно: досугъ ли читателямъ отставать отъ привычки и вникать въ внутренній смыслъ (*т. е., выражаясь нынѣшнею терминологіею: въ художественность*) поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на самихъ себя, ибо не забудемъ, что мы современники байроновскихъ читателей.» Критикъ видитъ истинную причину охлажденія публики, но еще поклоняется съ прежнимъ энтузіазмомъ великому поэту и клеймитъ, какъ тупоумныхъ людей, тѣхъ, которые покинули его, когда онъ покинулъ область живыхъ стремленій для областей холодной художественности.

Разбирая «Сѣверные цвѣты» 1830, 1831 и 1832 годовъ, «Телеграфъ» восхищается стихотвореніями Пушкина; постоянно хвалитъ стихи Дельвига, князя Вяземскаго, какъ скоро они хотя сколько нибудь заслуживаютъ вниманія своимъ достоинствомъ, хвалитъ даже повѣсти Порфирія Байскаго (Ореста Сомова) — вообще, въ его сужденіяхъ, мы не видимъ и слѣдовъ полемическаго пристрастія. Что должно осуждать, надъ тѣмъ критикъ смѣется; но все хорошее онъ прямо называетъ хорошимъ безъ оговорокъ и колебаній.

Когда вышла VII глава Евгенія Онѣгина, встрѣченная публикою также холодно, «Телеграфъ» сказалъ (1830 г. Ч. 32):

«Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей литературѣ показываютъ, что мы еще не совсѣмъ оледенѣли для поэзіи. Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ, Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарованіе окружено обстоятельствами, самыми неблагопріятными? Освободиться отъ нихъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно. — Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту и въ поэтическихъ ощущеніяхъ, и потому то Пушкинъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, изображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ тоже, что представляетъ намъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ». «Гостиныя, дѣвы и модники — герои деревень, городовъ и баловъ! Какой подвигъ, взглянуть на нихъ сардонически!—вотъ господствующая мысль въ «Онѣгинѣ», которую мо-

жетъ быть самъ творецъ сего романа худо поясняетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ, утомительно и для него и для читателей. Первая глава «Онѣгина» и двѣ-три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный опытъ поэтическаго изображенія общественныхъ причудъ. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы и картина все таже. Цѣна новости исчезла и тотъ же «Онѣгинъ» нравится ужь не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ VII главы «Онѣгина» онъ даже повторяетъ самъ себя (слѣдуютъ примѣры). Высказавъ все о VII главѣ «Онѣгина», съ удовольствіемъ замѣтимъ, что прелесть стиховъ въ оной, во многихъ мѣстахъ сила мыслей и поэтическія чувствованія показываютъ неизмѣнность дарованія Пушкина.»

Едва ли теперь можно согласиться съ этимъ отзывомъ, но въ немъ все-таки незамѣтно недоброжелательства критика къ разбираемому имъ автору. Когда вышелъ «Борисъ Годуновъ», о немъ былъ напечатанъ слѣдующій отзывъ («Моск. Телегр.» 1831 г., ч. 37 стр. 245).

«Бориса Годунова» можно обозрѣвать въ двухъ отношеніяхъ. Первое, какъ произведеніе Пушкина, русскаго литератора, русскаго поэта. Съ этой стороны, «Борисъ Годуновъ» есть великое явленіе нашей словесности, шагъ къ настоящей романтической драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго. Нужно ли прибавлять, что Пушкинъ становится имъ, уже рѣшительно и безспорно, выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ? имя его дѣлается послѣ сего причастно небольшому числу великихъ поэтовъ, до нынѣ бывшихъ въ Россіи и между ими горитъ оно яркою звѣздою.

«Но бывши русскимъ, бывши современнымъ, Пушкинъ принадлежитъ въ то же время вѣкамъ и Европѣ. Вотъ второе отношеніе, въ которомъ должно разсматривать «Бориса Годунова». Здѣсь получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, но только какъ надежда на будущее, болѣе совершенное. Первый опытъ Пушкина въ семъ отношеніи не удовлетворяетъ насъ: первый шагъ его смѣлъ, отваженъ, великъ для русскаго поэта, но не половъ, не вѣренъ для поэта нашего вѣка и Европы. Можемъ теперь видѣть, что въ состояніи сдѣлать впослѣдствіи Пушкинъ, этотъ ознаменованный небеснымъ огнемъ истинной поэзіи человѣкъ; но въ «Борисѣ Годуновѣ» онъ еще не достигъ предѣловъ возможнаго для его дарованія. Языкъ русскій доведенъ въ «Бо-

рисѣ Годуновѣ» до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства; сущность творенія, напротивъ, близорукая и запоздалая.»

Когда въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1832 г. были напечатаны «Бѣсы», Пушкина, «Телеграфъ» отозвался объ этой пьесѣ съ восторгомъ изумленія; о сценѣ «Моцартъ и Сальери», помѣщенной въ той же книжкѣ, было сказано: «Это несравненное произведеніе можно постигнуть только прочитавъ вполнѣ» (1832 г., часть 43, стр. 112). Сущность отзыва о послѣдней главѣ «Евгенія Онѣгина», вышедшей въ то же время, состоитъ въ томъ, что она удивительно хороша «по полнотѣ и прелести разсказа», и что заключеніе романа есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его (часть 43, стр. 117). Наконецъ (въ той же части, стр. 566) извѣщая о появленіи новаго изданія лирическихъ пьесъ Пушкина, «Телеграфъ» съ негодованіемъ упрекаетъ публику за охлажденіе къ великому поэту:

«Сказавъ, что мелкія стихотворенія Пушкина въ настоящее время не возбуждаютъ восторга, какъ бывало то прежде, мы, кажется, повторимъ извѣстное каждому наблюдателю словесности русской. Еще болѣе: стихотворенія сіи нынѣ встрѣчаетъ холодность, и слава Богу, когда дѣло оканчивается однимъ равнодушіемъ! Такъ нѣтъ! Въ публикѣ нашей замѣтна еще какая-то непріязнь къ нимъ, какое-то желаніе унижать произведенія поэта прежде столь любимаго, недавняго идола всей русской молодежи. Событіе неоспоримо»!

Заключимъ наши выписки общимъ сужденіемъ «Телеграфа» (1829 г., часть 26, стр. 80) о поэмахъ пушкинской эпохи и постепенномъ развитіи самого Пушкина.

«Поэты наши принимали тотъ духъ, тѣ формы мыслей, коими донынѣ ознаменовывались всѣ поэмы Пушкина. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна бы проявляться національность и частность *(т. е. индивидуальность, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ)*. Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отчего поэма бываетъ только рядомъ картинъ, часто дурно связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ или главъ на строфы или куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ;

«Цыганы» его были уже весьма чужды ихъ, а «Мазепа», (т. е. «Полтава»), какъ говорятъ, есть твореніе полное жизни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи «Руслана и Людмилы», «Утопленникъ», извѣстныя намъ сцены изъ «Бориса Годунова», показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще нельзя сказать этого.»

Черезъ двадцать пять лѣтъ, что мы найдемъ невѣрнаго въ этихъ понятіяхъ? И многимъ ли мы можемъ дополнить ихъ?

Это обозрѣніе, которое многимъ покажется слишкомъ длинно, за то другимъ недостаточно подробно, едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣваться, что отношенія главнаго критическаго журнала 1825 — 1830 годовъ къ Пушкину были вовсе не таковы, какъ обыкновенно полагаютъ. Мы видимъ, что если мало по малу личная непріязнь къ издателю «Телеграфа» овладѣла великимъ поэтомъ, и если нападеніями другихъ своихъ противниковъ, друзей Пушкина, и отчасти самого Пушкина, Полевой былъ вызываемъ на нѣкоторыя полемическія выходки, обычныя въ то время, то невозможно сказать, чтобы издатель «Телеграфа» былъ виноватъ въ томъ: не онъ началъ полемику; напротивъ, онъ старался избѣжать ея. Еще важнѣе то, что несмотря на свои личныя враждебныя отношенія съ Пушкинымъ, какъ членомъ одной изъ литературныхъ партій, Полевой продолжалъ разсматривать поэтическія произведенія его съ безпристрастіемъ, и отдавать полную справедливость ихъ достоинствамъ. Мы привели много примѣровъ (и каждый, кто потрудится перелистовать «Московскій Телеграфъ» найдетъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ), что критика произведеній Пушкина въ этомъ журналѣ вовсе не состояла въ придиркахъ къ словамъ — напротивъ, она стремилась проникнуть въ существенный смыслъ произведенія, и часто достигала того успѣшно; старалась опредѣлить отношеніе каждаго новаго произведенія къ прежнимъ и прекрасно исполняла это. — Она удачно объясняла и отношенія различныхъ созданій нашего поэта къ публикѣ — однимъ словомъ, была критикою, достойною этого имени. И нельзя не сказать, что всѣ обыкновенныя нареканія о тупоуміи, пустотѣ, и т. д. критики, которую встрѣчали сочиненія Пушкина при его жизни — чистый предразсудокъ, на сколько они касаются «Московскаго Телеграфа» въ цвѣтущее время его существованія, когда онъ имѣлъ сильное вліяніе на мнѣніе публики.

Но начиная съ 1831, особенно съ 1833 года, новый журналъ, «Телескопъ» начиналъ брать первенство надъ «Телеграфомъ» во мнѣніи, если не большинства публики, то людей, мнѣніемъ которыхъ можетъ дорожить писатель. Посмотримъ же, каковы были отношенія «Телескопа» къ Пушкину.

Предшественницами учено-литературной критики, которая одушевляла «Телескопъ», были грозныя статьи «экс-студента Никодима Надоумко», явившіяся въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 и 1829 годовъ.... Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о томъ, что говорилъ Надоумко.

«Я сидѣлъ и думалъ о приближающемся новомъ годѣ—говоритъ онъ въ первой изъ своихъ статей (Литературныя опасенія за будущій годъ): — «Слава Богу! вотъ и еще одинъ годъ скоро съ плечъ долой! Вотъ и еще на одинъ шагъ подвинемся мы на поприщѣ жизни! Но подвинули-ль мы съ собою хоть на одинъ шагъ то, что должно составлять главную цѣль бытія нашего?... Наше просвѣщеніе, и преимущественно наша литература... Тутъ мрачная тѣнь пробѣжала предъ моими взорами.... Давно уже она обернулась назадъ, и въ протекающій годъ едва не перевѣсилась, едва ли даже приготовилась перемѣнить свое направленіе.... Мнѣ стало грустно и тяжко.»—Въ эту минуту пришелъ къ автору Тлѣнскій, одинъ изъ прославленныхъ поэтовъ новой школы, и услышавъ о его грустномъ раздумьѣ, сталъ доказывать, что наша литература процвѣтаетъ, что «литературный горизонтъ нашъ покрывается безпрестанно новыми блестящими созвѣздіями»—Надоумко перерываетъ его:

«— Потрудись указать мнѣ въ толпѣ метеоровъ, вспыхивающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ которомъ бы открывалось таинственное пареніе генія въ страну вѣчныхъ идеаловъ, о которомъ прожужжали намъ всѣ уши велеумные журналисты? По сю пору близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, — сквозь обвивающій ихъ чадъ могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную *бездну пустоты*, въ созданный гигантскою фантазіею Байрона страшный хаосъ:

... Бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ,
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижимый, темный и нѣмой!

«Сіи маленькія желтенькія, синенькія и зелененькія поэмки, составляющія теперь главный піитическій приплодъ нашъ — не смотря на щеголеватую наружность, въ коей онѣ обыкновенно являются — не суть ли только эфемерные призраки, возникающіе изъ ничего и для ничего по прихотямъ зѣвающей отъ бездѣлья фантазіи?... Это и не удивительно! Льзя ли ожидать чего нибудь дѣльнаго, связнаго и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-какъ на живую нитку, и свѣтящихся насквозь отъ множества — ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ — скважинъ и щелей, нисколько не затыкаемыхъ безчисленными тире и точками? — Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеею, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ онъ хочетъ писать; а просто пишетъ то, что̀ на умъ взбредетъ?... Таковы-то едва ли не всѣ нынѣшнія піитическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются открывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ! — Это значитъ, какъ говорятъ французы, chercher midi à quatorze heures!...»

«Богъ судья покойнику Байрону! Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу!—Правда, самого его винить не за что̀. Онъ былъ то, чѣмъ сотворила его природа и обстоятельства. Не возможно, не преклонить колѣнъ предъ величіемъ его генія: но не возможно вмѣстѣ и удержать горестнаго вздоха о томъ, что сія исполинская сила души, для которой рамы дѣйствительности были столь тѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ на вселенную, и не согрѣвалась кроткою теплотою братской любви къ своимъ земнымъ спутникамъ. Это былъ одноокій колоссальный Полифемъ, проливающій окрестъ себя ужасъ и трепетъ!... Но его мутный взоръ, его мрачное человѣконенавидѣніе, его враждебная апатія ко всѣмъ кроткимъ и мирнымъ наслажденіямъ, представляемымъ намъ благою природою — принадлежали собственно ему самому и составляли оригинальную печать его генія. Посему Байронъ есть и останется навсегда великимъ — хотя и зловѣщимъ — свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра. — То бѣда, что сія грозная комета, изумивъ появленіемъ своимъ вселенную, увлекла за собой всѣ безчисленные атомы, вращающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богато-обриемованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли *à la Byron*:

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало!

Пошли безпрестанныя рѣзанья, стрѣлянья, душегубства — ни за что̀, ни про что̀.... для одного *романтическаго* эффекта!...»

Надоумко въ одной изъ послѣдующихъ статей доказываетъ разборомъ «Полтавы», что въ понятіяхъ Пушкина нѣтъ ничего похожаго на байроновское міросозерцаніе. Общее заключеніе его о русской литературѣ 1820—1829 года высказывается такимъ образомъ по поводу замѣчанія, что «Телеграфъ» прилагаетъ къ литературѣ «высшіе взгляды»:

«Это болѣе смѣшно, чѣмъ жалко! Наша литература, въ настоящія времена, такъ мелка, такъ ничтожна, что ее съ высока-то и не примѣтно! Напротивъ — надо понагнуться да понагнуться, чтобъ разглядѣть хорошенько крошечныя крапинки жизни, иногда на ней выступающія! Забавное дѣло! Чтò подумали бъ мы о чудакѣ, который, собираясь переплыть чрезъ Патріаршій прудъ на корытѣ, разложилъ бы предъ собою ландкарту и компасъ и отъ всего сердца принялся бы опредѣлять географическую широту и долготу его по парижскому меридіану? Каковъ кажется намъ «Метафизикъ» Хемницера, съ философическою важностію взваливающій вину своего паденія на *центральное влеченье* и *воздушное давленье?* А между тѣмъ въ нашемъ литературномъ *мірѣ* дѣлается чуть ли еще не хуже. Велемудрые наши крикуны, собирающіеся на *Телеграфической* сходкѣ, не стыдятся къ хламу, унавоживающемъ нашу литературу, прикидывать мѣрку безконечнаго и безусловнаго, по которой нѣмецкіе критики опредѣляютъ величіе «Мессіады» или «Орлеанской дѣвственницы». Имъ чудится идеальное пареніе въ «Нулинѣ»; они видятъ развитіе идей человѣчества въ «Выжигинѣ»!!! Одно только можетъ извинить предъ судилищемъ литературнаго правосудія сію хулу на изящество: это — грѣхъ невѣдѣнія!»

Вотъ какъ г. Надоумко разсуждалъ о «Евгеніѣ Онѣгинѣ», въ которомъ — не должно забывать — хотѣли видѣть русскаго Чайльдъ-Гарольда:

«Бывало время, когда каждый стихъ Пушкина считался драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, новымъ перломъ нашей литературы. Какой общій, почти единодушный восторгъ привѣтствовалъ первые свѣжіе плоды его счастливаго таланта! Какія громозвучныя рукоплесканія встрѣтили Евгенія Онѣгина въ колыбели! Можно было по всей справедливости примѣнить къ юному поэту горделивое изреченіе Цезаря: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Всѣ преклонились передъ нимъ до земли; всѣ единогласно поднесли ему вѣнецъ поэтическаго безсмертія. Усумниться въ преждевременномъ апотеозѣ героя считалось литературнымъ святотатствомъ; и нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ исторіи нашей словесности по всѣмъ правамъ можно назвать эпохою Пушкина. Не будемъ оскорблять минувшее безполезными истязаніями: что было, то было! Скажемъ болѣе: имя Пушкина и безъ прихотливаго ка-

приза моды, коей былъ онъ любимымъ временщикомъ, имѣло бы всѣ права на почетное мѣсто въ нашей литературѣ: энтузіазмъ, имъ возбуждаемый, не былъ совершенно не заслуженный. Но теперь — какая удивительная перемѣна! Произведенія Пушкина являются и проходятъ почти непримѣтно. Блистательная жизнь Евгенія Онѣгина, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескокомъ черезъ цѣлую главу — и это не производитъ никакого движенія, не возбуждаетъ никакого участія. Третья часть стихотвореній Пушкина, обогащенная обширною сказкою въ новомъ родѣ, котораго геній его еще не испытывалъ, скромно, почти инкогнито, прокрадывается въ газетныхъ объявленіяхъ, на ряду съ мелкою рухлядью цѣховаго рифмоплетнаго рукодѣлья; и — (о верхъ униженія!) — между журнальными насѣкомыми, «Сѣверная Пчела», ползавшаяся нѣкогда передъ любимымъ поэтомъ, чтобы поживиться отъ него хотя росинкой сладкаго меду, теперь осмѣливается жужжать ему въ привѣтствіе, что въ послѣднихъ стихотвореніяхъ своихъ — Пушкинъ отжилъ!!!... Sic transit gloria mundi!...

«Чтожь значитъ сія перемѣна?... Приписать ли это внезапное охлажденіе той же вѣтротлѣнной прихотливости моды, которая прежде баловала такъ поэта, или видѣть въ немъ добросовѣстное раскаяніе вразумившагося безпристрастія?... Вопросъ сей должно рѣшить внимательнымъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ произведеній Пушкина.

«Начнемъ съ «Послѣдней Главы Онѣгина.» Признаемся откровенно, сія последняя глава показалась намъ ничѣмъ ни хуже первыхъ. Таже прихотливая рѣзвость вольнаго воображенія, порхающаго легкокрылымъ мотылькомъ по узорчатому, но безплодному полю свѣтской бездушной жизни; таже яркая пестрота красокъ и цвѣтовъ, мелькающихъ подвижною калейдоскопическою мозаикой: тоже бѣглое, но цѣпкое остроуміе, вездѣ оставляющее слѣды легкаго, юмористическаго угрызенія; таже чистота и гладкость стиха, всюду льющагося тонкой хрустальной струею. Однимъ словомъ, мы нашли здѣсь продолженіе тойже пародіи на жизнь, вѣтренной и легкомысленной, но вмѣстѣ затѣйливой и остроумной, коей мы любовались отъ души въ первыхъ главахъ «Евгенія.» Посему, читая ее, мы не испытали никакого разочарованія, не подверглись никакому непріятному впечатлѣнію; и если иногда приходило намъ въ голову, что поэту, создавшему «Бориса Годунова», время бъ быть постепеннѣе, то мы оправдали его необходимостью: надобно жъ было кончить, что̀ начато!.. Но отдавая искренній отчетъ въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ раздѣляло съ нами общее мнѣніе. Большинство публики, въ минуты перваго упоенія, обмороченное вѣроломными кликами шарлатановъ, спекулировавшихъ на общій энтузіазмъ къ Пушкину, видѣло въ «Онѣгинѣ» какое то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными послѣдствіями. *Оно ду-*

нало читать въ немъ полную исторію современнаго человѣчества, оправленную въ роскошныя поэтическія рамы, ожидало найти въ немъ русскаго «Чайльдъ-Гарольда.» И могло ли устоять долго это добродушное ослѣпленіе, когда откровенная искренность поэта сама ее разрушала безпрестанно? Каждая новая глава «Онѣгина» яснѣе и яснѣе обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинскій замыселъ, ему приписываемый. Съ каждою новою строкою становилось очевиднѣе, что произведеніе сіе было не что иное, какъ вольный плодъ досуговъ фантазіи, поэтическій альбомъ живыхъ впечатлѣній таланта, играющаго своимъ богатствомъ. Напрасно самое пристрастное доброжелательство усиливалось отыскать въ немъ черты высшаго эстетическаго значенія. Его воздушная легкость ускользала отъ всѣхъ покушеній пріязненной критики, домогавшейся узаконить его въ рангѣ художественнаго произведенія, имѣющаго извѣстныя права и подчиненнаго извѣстнымъ условіямъ. «Евгеній Онѣгинъ» не былъ и не назначался быть въ самомъ дѣлѣ романомъ, хотя имя сіе, подъ которымъ онъ явился первоначально, осталось навсегда въ его заглавіи. Съ самыхъ первыхъ главъ можно было видѣть, что онъ не имѣетъ притязаній ни на единство содержанія, ни на цѣльность состава, ни на стройность изложенія; что онъ освобождаетъ себя отъ всѣхъ искусственныхъ условій, коихъ критика въ правѣ требовать отъ настоящаго романа. Въ такъ-называемомъ романѣ Пушкина, отъ начала до конца, мелькаютъ, говоря его же словами:

Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ. (VIII. 37).

Самое явленіе его, неопредѣленно-періодическими выходами, съ безпрестанными пропусками и скачками, показываетъ, что поэтъ не имѣлъ при немъ ни цѣли, ни плана, а дѣйствовалъ по свободному внушенію играющей фантазіи. Смѣло можно было угадывать, что при первой главѣ «Онѣгина», Пушкинъ и не думалъ, какъ онъ кончится; и вотъ собственное его откровенное признаніе въ послѣдней главѣ.

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ *въ смутномъ снѣ*
Явилися впервые мнѣ —
И даль *свободнаго романа*
Я сквозь магическій кристалъ
Еще *не ясно* различалъ. (VIII. 50).

Но сіе признаніе сдѣлано уже слишкомъ поздно. Оно не спасло откровеннаго поэта отъ мести тѣхъ, кои, думая видѣть въ мыльныхъ пузырькахъ, пускаемыхъ его затѣйливымъ воображеніемъ, роскошные огни высокой поэтической фантасмагоріи, наконецъ должны были признать себя жалко обманувшимися. Раздраженная толпа вымѣщаетъ теперь свое прежнее чрезмѣрное ослѣпленіе несправедливой холодностью. «Послѣдняя Глава Онѣгина» наказывается незаслуженнымъ пренебреженіемъ, отъ того, что первымъ удалось возбудить восторгъ не совсѣмъ заслуженный. Самъ поэтъ, безъ сомнѣнія это предчувствовалъ: ибо послѣднее прощаніе его съ читателями, коимъ онъ заключаетъ сію послѣднюю главу, растворено юмористическою ѣдкостью, изобличающею тайное недовольство самимъ собою и представляющею разительную противоположность съ тѣмъ разгульнымъ одушевленіемъ веселаго самодовольствія, коимъ проникнуты первыя главы «Онѣгина:»

Ктобъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты со мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости. (VIII, 48, 49).

Не знаемъ, какъ принято сіе обращеніе другими: чтожъ касается до насъ, то мы извлекли изъ него поучительное заключеніе, къ чести поэта, но — не въ добрую примѣту для нашей словесности. Явно, что Пушкинъ, съ благороднымъ самоотверженіемъ, сознаілъ наконецъ тщету и ничтожность поэтическаго суесловія, коимъ, увлекая другихъ, не могъ конечно и самъ не увлекаться. Его созрѣвшій умъ проникъ глубже и постигъ вѣрнѣе тайну поэзіи: онъ увидѣлъ, что для генія — повторимъ давно сказанную остроту — не довольно создать Евгенія.... Но лучше ли отъ того нашей словесности? При ея крайнемъ убожествѣ, блестящая игрушка, подобная Онѣгину, все, по крайней мѣрѣ, наполняла собой ужасную ея пустоту. Видѣть эту игрушку разбитою руками, ее устроившими, и не имѣть, чѣмъ замѣнить ее — еще грустнѣе, еще безотраднѣе.»

Но тотъ же самый «Телескопъ» признаетъ великимъ твореніемъ «Бориса Годунова», который былъ осужденъ другими журналами и совершенно равнодушно, или даже непріязненно

встрѣченъ публикою. Это произведеніе оправдывается критикомъ противъ всѣхъ мелкихъ упрековъ какіе дѣлались ему въ то время; «превосходно», «прекрасно» — повторяется на каждой страницѣ разбора. Говорятъ, что Надоумко строго судилъ о прежнихъ произведеніяхъ Пушкина потому, что былъ лишенъ эстетическаго вкуса; едва ли это такъ;—людямъ, которые высказываютъ такое мнѣніе, совѣтуемъ прочитать его статью о «Борисѣ Годуновѣ» (Телескопъ, 1831 г. стр. 546—574) — она положительно убѣдитъ ихъ, что ни одинъ изъ нынѣшнихъ записныхъ критиковъ не можетъ похвалиться такимъ вѣрнымъ и проницательнымъ эстетическимъ тактомъ, какой обнаруживается этимъ разборомъ.

Надобно замѣтить, что говоря о Пушкинѣ, «Надоумко» и «Телескопъ» имѣли въ виду не столько отдѣльнаго поэта, сколько представителя русской литературы, и потому высказывали по поводу его произведеній то, что должно было разумѣть о цѣлой литературѣ. Здѣсь дѣло шло, собственно говоря, не объ авторѣ «Евгенія Онѣгина», а объ умственной жизни нашего общества въ ту эпоху, о публикѣ, которая произвела Пушкина, которая восхищалась «Русланомъ и Людмилою», какъ народною поэмою, не понимая ея, «Кавказскимъ плѣнникомъ», какъ Байроновскою поэмою, также не понимая его, и которая осталась недовольна «Борисомъ Годуновымъ», также не понимая его.

Но, какъ бы то ни было, хотя въ сужденіяхъ «Телескопа», о Пушкинѣ и много ошибочнаго, — во всякомъ случаѣ для каждаго, кто возметъ на себя трудъ перечитать статьи экс-студента Надоумко и разборы «Телескопа», или даже, пробѣжавъ наши выписки, припомнитъ преувеличенные толки о богатствѣ нашей литературы и т. д. — несомнѣнно убѣдится въ томъ, что въ основаніяхъ этихъ сужденій есть много и дѣльнаго.

Какое же заключеніе извлечемъ мы изъ этихъ припоминаній? Кажется, трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно. Конечно, мы говоримъ только о лучшихъ тогдашнихъ критикахъ. Были въ тоже время между рецензентами люди и другаго разбора, какъ бываютъ они вездѣ и всегда. Нашелся, напримѣръ, человѣкъ (имя его, къ счастію, не выставлено подъ статьею), который не посовѣстился утверждать, что VII глава «Евгенія Онѣгина» заимствована изъ «Ивана Выжигина» (!!!); были другіе рецензенты, болѣе честные, но столь же

жалкіе по уму, которые привязывались къ словамъ и другимъ мелочамъ:—но неужели Пушкинъ долженъ былъ обращать вниманіе на этихъ людей, которые служили тогда предметомъ насмѣшекъ и сожалѣнія? Неужели и мы должны имѣть ихъ въ виду, говоря объ отношеніяхъ Пушкина къ современной ему критикѣ? Лучше предать забвенію эти вещи, незаслуживающія ничего, кромѣ забвенія и сожалѣнія....

Въ слѣдующей статьѣ, продолжая говорить объ отношеніяхъ критики къ Пушкину, мы разсмотримъ взглядъ на нашего великаго поэта критиковъ ближайшихъ къ нашему времени.

НОВЫЯ КНИГИ.

ІЮНЬ, 1855 ГОДА.

Зурна, *закавказскій альманахъ. Изданіе* Е. А. Вердеревскаго. *Тифлисъ. 1855.*

Прежде всего намъ должно знать, что такое *зурна* и какихъ звуковъ можно ожидать отъ этого мусикійскаго орудія. — Предисловіе альманаха понимаетъ необходимость такого вопроса отъ читателей, не имѣвшихъ еще случая наслаждаться зурною, и очень удовлетворительно отвѣчаетъ на него: «Зурною въ Грузіи называется собственно духовой инструментъ, играющій господствующую роль въ грузинскомъ туземномъ оркестрѣ», и самый оркестръ грузинскій. — «Назвать *зурною* первый закавказскій литературный сборникъ — прибавляетъ откровенное предисловіе — казалось приличнымъ потому, что.... какъ отъ азіатской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, такъ и отъ перваго закавказскаго альманаха, несправедливо было бы требовать совершенной стройности въ литературномъ отношеніи. Поэтому-то самая смиренная скромность побуждаетъ издателя заранѣе просить снисхожденія критики и читателей, если настоящій тифлисскій литературный оркестръ на первый разъ покажется имъ нѣсколько *зурноватъ.*» — Прямота, рѣдкая и похвальная, и несмотря на «зурноватость» Зурны, мы радуемся ея появленію, потому что оно свидѣтельствуетъ объ усиленіи литературной дѣятельности или по крайней мѣрѣ стремленія къ литературной дѣятельности за Кавказомъ, — служитъ проявленіемъ

факта, — во всякомъ случаѣ отраднаго, каковы бы ни были на первый разъ посильныя произведенія тифлисскихъ писателей.

Альманахъ состоитъ изъ прозы и стиховъ. Въ стихахъ господствуютъ звуки двухъ зурнъ — зурны графа Соллогуба и г. Вердеревскаго; въ прозѣ мы слышимъ только одну знакомую намъ зурну — зурну графа Соллогуба. Оба эти писателя принадлежатъ Петербургу болѣе, нежели Тифлису — извѣстность ихъ пріобрѣтена сочиненіями, напечатанными въ «Сѣверной Пальмирѣ»; потому интересно взглянуть, какое вліяніе на ихъ таланты имѣлъ поэтическій край, куда перенеслась ихъ литературная дѣятельность. Прислушаемся сначала къ стихамъ. Вотъ одно изъ поэтическихъ произведеній, внушенныхъ графу Соллогубу тифлисскою жизнью:

М. П. КОЛЮБАКИНУ.

(при посылкѣ чернильницы).

Примите сей презентъ, у Гютиха добытый;
Подарокъ не казистъ, ни видомъ, ни цѣной,
Но тайный онъ родникъ, колодезь онъ закрытый
Всей мудрости земной.
Источникъ онъ наукъ и писанныхъ законовъ;
Онъ рѣчи плоть даетъ, и — вѣстникомъ молвы —
Гремящій онъ языкъ газетныхъ тѣхъ трезвоновъ,
Что любите такъ вы.
Онъ ключъ добра и зла, ключъ вѣщаго познанья;
Хоть черные подъ часъ родятся въ немъ грѣхи,
За то находятъ въ немъ — любовь, свои признанья,
Поэзія — стихи.
Значеніемъ ничто сравниться съ нимъ не можетъ!
Отрада и пріютъ взыскательныхъ сердецъ,
Онъ счастье замѣнитъ, разлуку уничтожитъ,
Онъ славѣ дастъ вѣнецъ.
Итакъ, мой даръ богатъ, хотя не для показа;
Взгляните же въ него, особенно тогда,
Когда историка тревожнаго Кавказа
Не будетъ здѣсь слѣда.
Рѣшившись на письмо въ угоду нашей дружбы,
Чернильницу возмите за бока,
И тихо молвите: «А что же, почему-жъ бы
«Не вспомнить старика?»

Поэтическій востокъ живительно подѣйствовалъ на поэзію автора «Тарантаса» — какой петербургскій, московскій, нижегородскій или кіевскій поэтъ могъ бы найдти источникъ поэзи-

ческаго вдохновенія въ такомъ, по видимому, незначительномъ случаѣ, какъ подарокъ или «презентъ» «неказистой» чернильницы? Но на Востокѣ все облекается поэтическою формою, гармоническими стихами, цвѣтущими выраженіями, остроумными и граціозными оборотами.... Счастливы поэты, которыхъ благосклонная судьба переноситъ на Востокъ! Они, «взглянувъ», по совѣту графа Сологуба, въ свою чернильницу и «взявъ её за бока» найдутъ въ ней неизсякаемый ключъ прелестныхъ стиховъ, какихъ никогда не удастся написать поэту, живущему въ нашихъ прозаическихъ городахъ.

Прозаическое произведеніе графа Сологуба носитъ еще болѣе очевидные слѣды животворнаго вліянія восточной поэтической природы. Пьеса его «Ночь передъ свадьбой», составляющая лучшее украшеніе «Зурны», показываетъ силу фантазіи, необычайную для насъ, жителей холоднаго сѣвера. Графу Сологубу угодно, называть эту пьесу «Шуткою» и говорить, съ обыкновенною авторскою скромностью, что она не имѣетъ литературнаго достоинства. Читатели не повѣрятъ этому: можетъ ли авторъ «Тарантаса», «Аптекарши» и столькихъ произведеній, блестящихъ умомъ и прекрасною мыслью, напечатать что нибудь — не имѣющее замѣчательнаго литературнаго достоинства. И читатели не ошибутся въ своемъ ожиданіи: «Ночь передъ свадьбою» произведеніе очень замѣчательное, какъ убѣдитъ ихъ уже самый бѣглый очеркъ этой пьесы. Первая сцена представляетъ видъ нынѣшняго Тифлиса à vol d'oiseau. На первомъ планѣ пируетъ съ друзьями грузинецъ Кайхосро, женихъ прелестной Кетеваны. Пріятели, потягивая вино, толкуютъ о свадьбѣ, назначенной завтра, о просвѣщеніи, желѣзныхъ дорогахъ и воздушныхъ шарахъ — изъ пьесы графа Сологуба мы узнаемъ, что воздушные шары и желѣзныя дороги чрезвычайно интересуютъ грузинъ. Послѣ того пріятели расходятся, остается на сценѣ одинъ Кайхосро, и видъ сцены измѣняется: она представляетъ Тифлисъ, какимъ онъ будетъ черезъ тысячу лѣтъ; со всѣхъ сторонъ возникаютъ дворцы, колоннады, статуи; видны также желѣзныя дороги — и вдругъ является бесѣдовать съ Кайхосро — кто бы, вы думали? — Шамиль (!!).

— Молчите, говоритъ онъ, обращаясь къ Кайхосро: — или я васъ застрѣлю.

— Кто вы такой? спрашиваетъ Кайхосро.

— Я Шамиль, сынъ Чеченскаго дворянскаго предводителя (предупреждаемъ читателей, что мы выписываемъ слово въ слово).

КАЙХОСРО.

Да вы татаринъ, лезгинъ, нехресть.

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ, я, слава Богу, русскій.

КАЙХОСРО.

Да какъ же по газетамъ Шамиль вашъ первый врагъ?

ШАМИЛЬ.

Я студентъ Душетскаго университета. Мое призваніе живопись. Въ прошлое воскресенье я былъ въ театрѣ, въ Кукахъ. Давали новую пьесу, Руставель и Тамара....

Шамиль объясняетъ, что онъ видѣлъ тамъ «безцѣнную Кетевану», узналъ, что отецъ хочстъ выдать ее замужъ, и явился теперь помѣшать свадьбѣ. Кайхосро сердится, Шамиль привязываетъ его къ трубѣ, на шумъ выходитъ Кетевана, и Шамиль объясняется ей въ любви. Катевана говоритъ, что согласна бѣжать съ нимъ.

ШАМИЛЬ.

Что я слышу! О Катевана, о счастіе мое! убѣжимъ! *(поетъ).*

Да, убѣжимъ на край вселенной,
Тамъ, радость свѣтлая, вдвоемъ
Въ любви торжественно-блаженной
Мы жизнью сердца заживемъ!
Ничто насъ тамъ не потревожитъ,
Не въ силахъ счастья погубить....

КЕТЕВАНА.

Лишь если мужъ мой вѣчно можетъ

ШАМИЛЬ.

Когда жена моя вѣкъ можетъ

(Вмѣстѣ).

КЕТЕВАНА И ШАМИЛЬ *(вмѣстѣ).*

Меня любить, меня любить!

Они уходятъ. Является трубочистъ, отвязываетъ Кайхосро отъ трубы и благодаритъ его за то, что онъ согласился принять такую услугу. Потомъ является Карапетъ, отецъ Кетеваны; Кайхосро жалуется ему, что Кетевана хочетъ бѣжать съ Шамилемъ. Карапетъ хладнокровно подчуетъ табакомъ раздраженнаго Кайхосро и уходитъ. Потомъ опять входятъ Шамиль и Кетевана; Шамиль бьетъ Кайхосро и кричитъ:

«Извощикъ! извощикъ!» — два воздушные шара влетаютъ на сцену и одинъ изъ извощиковъ за два цѣлковыхъ везетъ влюбленныхъ бѣглецовъ въ Парижъ. Вбѣгаетъ Карапетъ, и видя, что дочь улетаетъ съ Шамилемъ, поетъ:

Какое приключенье
Купца сразило тутъ!

Свершилось похищенье,
Любовники бѣгутъ,
Летятъ за Океаны!
Гдѣ сыщется ихъ слѣдъ?
Лишился Кетеваны
Несчастный Карапетъ!

Во второмъ дѣйствіи приключенія становятся еще запутаннѣе. Кайхосро ѣдетъ искать Кетевану и освѣдомляется о бѣглецахъ у засѣдателя, который оказывается не мужчиною, а дѣвицею; засѣдатель сначала грозится отрубить уши Кайхосро, потомъ влюбляется въ него, и начинается слѣдующая сцена:

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Да неплачь же, не отчаявайся, я не могу видѣть плачущаго человѣка. Чтожь? свѣтъ такъ созданъ: одна обманетъ, другая утѣшитъ!

КАЙХОСРО.

Кто меня утѣшитъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Разсѣйся, пойдемъ въ духанъ *(т. е. въ трактиръ)*. Пойдемъ, мы заставимъ тебя позабыть про твою вѣроломную, — пойдемъ же туда.

Тамъ подъ сѣтію духана
Приходи къ намъ отдохнуть;
Тамъ разсѣйся отъ обмана
И невѣсту позабудь —
Вѣрность мечтанье пустое,
Объ невѣрной что жалѣть!
Отомстимъ ей лучше вдвое
И назло ей станемъ пѣть.
Тра ла ла!

КАЙХОСРО.

Тра ла ла!

ЗАСѢДАТЕЛЬ И КАЙХОСРО *(вмѣстѣ)*.

Да, пойду подъ сѣть духана
И приду къ вамъ отдохнуть

КАЙХОСРО.

Такъ разсѣюсь отъ обмана
Только милостива будь!

КАЙХОСРО.

Да, если вы захотите меня утѣшить, такъ я... я.... съ особеннымъ удовольствіемъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ну, вотъ видишь ли? Давно бы такъ.... Ты думаешь, что въ меня можно влюбиться?

КАЙХОСРО.

Очень, очень можно.... Какъ она мила!

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Какъ онъ хорошъ!

Новые влюбленные идутъ «отдыхать подъ сѣнь духана», то есть, трактира; туда являются и всѣ остальныя дѣйствующія лица. Кайхосро и засѣдатель начинаютъ бить Шамиля; являются горцы защищать своего предводителя, даютъ залпъ и убѣгаютъ; декораціи опять перемѣняются и представляютъ современный видъ Тифлиса, Кайхосро просыпается — онъ спалъ, какъ видимъ — и отправляется вѣнчаться съ Кетеваною, которая и не думала измѣнять ему для Шамиля. Уходя со сцены, онъ поетъ публикѣ:

Я видѣлъ многое во снѣ,
Но главное мнѣ то казалось,
Что вы, смѣясь, внимали мнѣ,
Что ваша шутка удавалась.

Надобно согласиться, что только «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира можетъ быть поставленъ на ряду съ шуткою гр. Соллогуба по фантасмагорической игривости великолѣпной фантазіи, создавшей Шамиля, Кайхосро и засѣдателя. О, какъ живительно дѣйствуетъ Востокъ на воображеніе! Могъ ли бы гр. Соллогубъ напечатать свою прелестную шутку въ Петербургѣ? Никогда здѣсь не создалъ бы онъ ничего подобнаго.

Но въ стихотвореніяхъ другаго корифея «Зурны», г. Вердеревскаго, мы не находимъ ничего особенно грузинскаго; г. Вердеревскій пишетъ въ Тифлисѣ совершенно такіе же стихи, какіе нѣкогда писалъ въ Петербургѣ, и подобные которымъ часто случается видѣть въ печати.

Затѣмъ должны мы сказать нѣсколько словъ и о помѣщенныхъ въ «Зурнѣ» произведеніяхъ собственно тифлисскихъ поэтовъ и литераторовъ. Къ нимъ согласны мы примѣнить ту справедливую снисходительность, которой въ правѣ ожидать первыя литературныя попытки людей, только что начинающихъ пробовать свои силы въ сочинительствѣ. Гр. Соллогубъ и г. Вердеревскій — люди, получившіе полное литературное образованіе, и должны поддерживать извѣстность, которую пріобрѣли прежде, особенно первый. Но гг. И. Ѳ. Бобылеву, мирзѣ Фетъ-Али-Ахундову, гг. Гранкину, Шишкову, Кержаку-Уральскому, М. Щ—ну, Г. Г. Г., Дункель Веллингу, Цискарову, Берзенову, князю Эристову, графу Стенбоку, мы не должны быть строги. Все, что

они напишутъ, заслуживаетъ полнаго участія и одобренія, какъ зародышъ и залогъ болѣе удовлетворительнаго развитія тифлисской литературы въ будущемъ. Мы должны даже сказать, что ихъ произведенія и придаютъ «Зурнѣ» право на сочувствіе критики. Стихотворенія тифлисскихъ литераторовъ написаны вообще гладкими и легкими стихами; прозаическія произведенія — вообще языкомъ чистымъ и правильнымъ. Чего же болѣе желать, чего требовать отъ первыхъ опытовъ? Мы радуемся, что между коренными тифлисскими жителями являются люди, имѣющіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и между ними нѣкоторые будутъ писать гораздо лучше, иные, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Съ этой же точки зрѣнія мы радуемся появленію грузинской романистки, которая пишетъ, право, недурнымъ слогомъ. Разбирать всѣ эти произведенія съ тою взыскательностью, которая необходима для критики, было бы неумѣстно; и мы прощаемся съ «Зурною» въ надеждѣ, что черезъ нѣсколько времени Тифлисъ дастъ намъ другіе сборники и произведенія, которыя будутъ въ состояніи съ честью выдержать литературный разборъ.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. *Стихотворенія* И. Козлова. *Изданіе* А. Смирдина. *Двѣ части Спб. 1855.*

Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ свое время, не отличалось совершенною полнотою, и между прочимъ, пропустило одно изъ довольно значительныхъ произведеній Козлова, въ которомъ поэтически разсказывается жизнь Байрона. Такимъ образомъ для желающаго открывается полная возможность пуститься въ мелочные розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіями стихотвореніяхъ автора «Чернеца». Открывается и другое поле для новыхъ разысканій по случаю новаго изданія сочиненій Козлова — подробной біографіи его не существуетъ; всѣмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда имѣлъ несчастіе ослѣпнуть. Но если можно, то мы не знаемъ, для чего нужно было бы вдаваться въ подобныя изслѣдованія. Конечно, каждый можетъ по доброй волѣ избирать себѣ предметъ занятій; не будетъ ничего худаго, если кто нибудь составитъ большое біографически-библіографическое сочиненіе о Козловѣ — оно будетъ прочитано двумя или тремя людьми, которые, быть можетъ, замѣтятъ въ немъ, между тысячами немало ненужныхъ ни на что мелочей, одинъ

или два факта, если не слишкомъ важныхъ, то и не безполезныхъ для исторіи литературы. У насъ это дѣлается въ последнее время иначе. Думаютъ, будто бы каждое вновь отысканное стихотвореніе какого нибудь стариннаго второстепеннаго поэта, каждая вновь найденная библіографическая мелочь — такія драгоцѣнности, о которыхъ надлежитъ тотчасъ же повѣщать всю публику, безъ различія пола и возраста. На первый взглядъ можетъ казаться, что это увлеченіе, объясняемое молодостью нашей библіографіи, безвредно и отчасти даже хорошо съ извѣстной точки зрѣнія, какъ хорошъ вообще энтузіазмъ къ труду, каковъ бы ни былъ предметъ его. Но должно припомнить, что есть занятія, которыя бываютъ полезны и почтенны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не входили они въ моду, а оставались исключительною участью немногихъ сильныхъ и ревностныхъ тружениковъ. Либихъ очень хорошо дѣлаетъ, что занимается анализомъ удобреній — а хорошо ли было бъ, если бы всѣ, желающіе чѣмъ нибудь заняться, начали избирать предметомъ своихъ изслѣдованій анализъ удобреній? И хорошо ли было бъ, если бъ свои кубы и реторты, изъ которыхъ вѣетъ различными сѣрнисто-водородными газами, вынесли они на общественное гулянье, или хотя бы въ собраніе какого нибудь ученаго общества, хотя бы общества сельскихъ хозяевъ? Нѣтъ, эти работы должны производиться въ уединенной лабораторіи, да и то при запертыхъ дверяхъ. У насъ до сихъ поръ часто не хотятъ замѣчать различія между черновыми бумагами, эксцерптами и коллекціями мелкихъ замѣтокъ, которымъ мѣсто только на письменномъ столѣ самаго изслѣдователя, и тѣми статьями, которыя долженъ онъ предлагать публикѣ. Впрочемъ надобно замѣтить, что мода на печатаніе черновыхъ бумагъ уже проходитъ. Но остается еще слѣдствіе впечатлѣнія, какому поддались авторы этихъ эксцерптовъ и которое успѣли они передать многимъ изъ остальныхъ собратій нашего литературнаго міра. Трудолюбивые собиратели библіографическихъ данныхъ чувствовали необходимость выставить какой нибудь «резонъ», чтобы возбудить въ публикѣ вниманіе къ своимъ — вообще сухимъ — изслѣдованіямъ, и, къ сожалѣнію, придумали «резонъ» не совсѣмъ точный и удачный. Они имѣли неосторожность сказать, что исторія русской литературы съ Ломоносова до Пушкина, предметъ новый, необъясненный, никѣмъ до того времени неизслѣдованный основательно; что всѣ прежнія сужденія о достоинствахъ нашихъ писателей, о значеніи ихъ сочиненій, о ходѣ и развитіи нашей литературы — поверхностны и ошибочны; что потому цѣль и важность болѣ

или менѣе мелочныхъ изслѣдованій, которыми они (т. е. авторы новыхъ анализовъ литературнаго удобренія исторической почвы) предлагаютъ наслаждаться публикѣ, — состоитъ въ томъ, что ими приготовляются основательныя понятія объ исторіи русской литературы — понятія, которыхъ напрасно будемъ искать въ прежнихъ разсужденіяхъ объ этомъ дѣлѣ, несправедливыхъ по недостатку основательнаго знакомства съ предметомъ. Собственно говоря, уликъ и доказательствъ не было на это представлено равно никакихъ; должно также прибавить, что сухіе труды, имѣвшіе по мнѣнію авторовъ столь важную цѣль, не дали еще ни одного результата, замѣтнаго хотя бы въ мискроскопъ. Но статьи были переполнены тьмочисленными цитатами, заглавіями книгъ и именами; нѣкоторые изъ ихъ составителей дѣйствительно были люди трудолюбивые, владѣвшіе значительнымъ запасомъ эксцерптовъ — и потому люди, которые сами не рылись въ старыхъ книгахъ, должны были повѣрить имъ на слово, будучи поражены ученою внѣшностью статей, и начали повторять, что исторія русской литературы съ Ломоносова (за старинную литературу московскихъ временъ, — предметъ дѣйствительно неизслѣдованный — никто не думалъ тогда приниматься) — ждетъ еще своей оцѣнки, потому что прежнія сужденія о ней несправедливы. Прежній библіографическій жаръ уже значительно остылъ, но возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергать нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д. все еще продолжаются — потому неизлишне возразить на нихъ фактами. Русскимъ писателямъ остается еще такъ много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приноситъ положительный ущербъ литературѣ. Нива настоящаго — выражаясь фигуральнымъ языкомъ — нуждается въ дѣятеляхъ, а не безплодные пустыри прошедшаго, поле котораго (мы говоримъ объ исторіи русской литературы) давно изслѣдовано, на сколько требовалось и допускалось имъ изслѣдованіе.

Мы хотимъ доказать это фактами — и, пользуясь случаемъ, избираемъ для примѣра сочиненія Козлова. О немъ не было написано обширныхъ статей, какъ о важнѣйшихъ нашихъ поэтахъ — Державинѣ, Батюшковѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ; не было даже говорено о немъ столько, какъ о другихъ спутникахъ послѣдняго изъ этихъ корифеевъ, напримѣръ о Баратынскомъ, Полежаевѣ, Языковѣ и проч. Потому, казалось бы, если о комъ можно и должно сказать что нибудь новое и основательное, то

именно о Козловѣ; если кто нибудь изъ поэтовъ нуждается въ новой оцѣнкѣ, то именно онъ. Но мы приведемъ сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое дѣлаетъ совершенно безполезными всякія дальнѣйшія изслѣдованія и переизслѣдованія о ихъ достоинствахъ и значеніи для русской литературы. Изъ какого журнала или какой книги взята нами эта выписка, не говоримъ, потому что она должна быть памятна всѣмъ занимающимся исторіею нашей литературы — а кто не помнитъ ея, тотъ долженъ скромно сказать о себѣ, что не вполнѣ знакомъ съ прежними трудами, о которыхъ потому и не долженъ отзываться презрительно, пока не узнаетъ ихъ лучше — тогда онъ будетъ и говорить о нихъ не такимъ тономъ, какъ говорить вошло нынѣ въ привычку. —

«Слава Козлова была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть, и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ — совершенно одинаковы: ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ», разумѣется, гораздо-выше.

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе байронова «Джяура»; есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: «Джяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» даже и «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», хотя «Чернецъ» и есть явное подражаніе «Джяуру». Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ — и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ состраданіе къ нему; а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (Resignation) — великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но

самоотреченіе втораго — великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностію. Вотъ почему даже дикое отчаяніе, если оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастіе, — въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе — самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернецъ.» Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ никакой истины: героиня — Нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того, обѣ эти поэмы, не смотря на разность содержанія ихъ, суть ничто иное, какъ повтореніе «Чернеца:» слова другія, но мотивъ тотъ же, а одно и то же утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ «Чернеца» былъ чрезвычайный. Какъ цѣлое, эта поэма уже нѣма для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ. Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили; извѣстное его посланіе «Къ другу В. А. Ж.», интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта; балладу «Венгерскій Лѣсъ»; байронову «Абидосскую Невѣсту», Крымскіе Сонеты» и «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи.» Что до баллады — кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который изобрѣтаетъ небывалую дѣйствительность, выдумываетъ Веледъ, Извѣдовъ, Остановъ, Свѣжановъ, никогда не существовавшихъ, и изъ славянскаго міра создаетъ нѣмецкую фантастическую балладу. Переводъ «Абидосской Невѣсты» — весьма замѣчательная попытка; но сжатости, энергіи, молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни. — Также замѣчателенъ переводъ и «Крымскихъ Сонетовъ»; но отношеніе его къ оригиналу точно такое же, какъ и перевода «Абидосской Невѣсты» къ ея подлиннику. — Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами Козловъ переводитъ 14 стиховъ, показываетъ, что борьба неравная. — «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи» есть не переводъ изъ Борнса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Коз-

ловъ могъ бы перевести превосходно; а какъ подражаніе — она представляетъ собою что-то странное.

«Съ большимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтическій талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже бо́льшая часть лучшихъ — переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія невыдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя относить къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, а его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ; почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ-что больше о немъ нѣчего сказать. Впрочемъ, его музѣ не чужды и звуки радости и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой-собою.

«Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ, —
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный миръ,

Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.....
. . . .
Но густѣе тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли шумныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ,
Лишь торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.»

«Какая роскошная фантазія! Какіе гармоническіе стихи! что̀ за чудный колоритъ — полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другою — унылою и грустною, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!...

«Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ, яркости ихъ красокъ, — ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?...

«Козловъ поэтъ чувства, точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ мысли. По-этому не ищите у Козлова художественныхъ созданій, глубокихъ и міробъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства, — и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва-ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ — тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія....»

Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія о различныхъ редакціяхъ «Чернеца», или новыя, подробнѣйшія сличенія «Безумной» съ «Чернецомъ» и перевода «Абидосской невѣсты» съ оригиналомъ? Или разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ въ первый разъ напечатано то или другое стихотвореніе? Или разсужденія съ цѣлью доказать, что «Венгерскій лѣсъ» не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, высокое значеніе котораго доселѣ не было объяснено? Можно, если угодно, дѣлать и это; но прежде должно подумать о томъ, не лучше употребить время и трудъ на что нибудь болѣе важное.

О русскихъ глаголахъ. Константина Аксакова. *Москва. 1855.*

Чѣмъ больше будетъ появляться отрывочныхъ замѣчаній о языкѣ, написанныхъ дилетантами, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться, что безъ полнаго, всесторонняго изученія языка подобныя замѣчанія будутъ сбивчивы, и не принесутъ наукѣ почти никакой положительной пользы. Особенность русскаго языка составляютъ между прочимъ виды глагола, которые существуютъ и въ другихъ языкахъ, но не въ такой степени развитія. Вотъ почему имъ посчастливилось обратить на себя вниманіе даже и тѣхъ людей, для которыхъ изслѣдованіе языка вовсе не составляетъ главнаго занятія. За то какимъ метаморфозамъ подвергаются эти несчастные виды! Г. Шафрановъ совершенно отрицаетъ существованіе видовъ въ русскомъ языкѣ и сливаетъ ихъ съ временами, заботясь о богатствѣ русскаго спряженія. Г. Аксаковъ совершенно отрицаетъ существованіе временъ въ русскомъ языкѣ и сливаетъ ихъ съ видами, заботясь о самобытности русскаго языка. Г. Классовскій предлагаетъ совершенно особую систему видовъ....

Въ началѣ своей брошюры г. Аксаковъ говоритъ: «И русскіе, и нѣмцы пытались объяснить русскій глаголъ, но доселѣ безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ русскій: но едва ли легче понять его и русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того, или другаго иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію. Порода значитъ все въ мірѣ природы, но въ мірѣ человѣка есть нѣчто выше породы: это духъ. Если иностранецъ приобщится русскому духу, я, не обинуясь, назову его русскимъ, а русскаго, пріобщившагося духу иностранному, — иностранцемъ». Справедливость этихъ словъ какъ нельзя лучше доказываетъ самъ г. Аксаковъ своей системой видовъ русскаго глагола, построенной по одной изъ нѣмецкихъ философскихъ системъ. Г. Аксаковъ принимаетъ три вида, или степени, какъ называетъ онъ, слѣдуя г. Павскому: 1) степень *неопредѣленную*, показывающую дѣйствіе, какъ общее, дѣйствіе неопредѣленное; 2) степень *однократную*, показывающую дѣйствіе, какъ моментъ, въ минуту его осуществленія; 3) степень *многократную*, показывающую дѣйствіе, какъ моменты, какъ неопредѣленный родъ опредѣленныхъ осуществленій, или моментовъ. Въ этихъ трехъ видахъ или степеняхъ мы

узнаемъ три момента, на которыхъ зиждется гегелева система: 1) моментъ субъективнаго, отвлеченнаго безразличія; 2) моментъ объективнаго, конкретнаго обособленія; 3) моментъ абсолютнаго, или снятія противоположности двухъ предъидущихъ моментовъ. И такъ какъ всякая идея по Гегелю въ своемъ бытіи проходитъ эти три момента; то и всякій глаголъ долженъ имѣть послѣдовательно всѣ три степени г. Аксакова. Но на бѣду этой системѣ никакъ нельзя *читнуть* для того, чтобы неопредѣленное дѣйствіе *читать* (т. е. умѣть читать, быть способнымъ къ чтенію) сдѣлалось опредѣленнымъ и перешло въ дѣйствительность. Однимъ словомъ, мы съ перваго раза видимъ, что система видовъ г. Аксакова, основанная не на свойствахъ самого языка, а на чуждой ему теоріи, является неполною, потому что даже неисчерпываетъ всего богатства видовъ русскихъ глаголовъ. Въ противорѣчіе своей системѣ, по которой слѣдовало бы каждому глаголу имѣть всѣ виды, г. Аксаковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что глаголъ можетъ имѣть тотъ или другой видъ сообразно съ своимъ значеніемъ, и что только лицо говорящее, по своему личному представленію, можетъ употребить глаголъ и въ неупотребительномъ видѣ. Мы скажемъ болѣе: всякое слово въ языкѣ можетъ имѣть ту или другую форму сообразно съ своимъ значеніемъ. Глаголъ *читать* не можетъ имѣть однократнаго вида, потому что дѣйствіе чтенія всегда есть дѣйствіе продолжающееся, а не мгновенное. Это общій законъ всѣхъ формъ всякаго языка. Такой же всеобщій законъ и то, что лицо говорящее, по своему произвольному, минутному представленію, можетъ употребить слово и въ неупотребительной формѣ: ничто не мѣшаетъ мгновенный взглядъ, брошенный въ книгу, выразить словомъ *читнуть*. И подобная форма можетъ навсегда остаться въ языкѣ, если она сдѣлается общеупотребительною вмѣстѣ съ тѣмъ представленіемъ, которое выражаетъ. Такъ происходитъ вообще развитіе языка, въ которомъ все личное, минутное становится всеобщимъ и постояннымъ: такъ личное сужденіе переходитъ въ запасъ понятій, такъ фигурное выраженіе становится обыкновеннымъ и т. д.

Обратимъ теперь вниманіе на отношеніе видовъ къ временамъ. Г. Аксаковъ говоритъ, что временъ совсѣмъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ и въ доказательство приводитъ такъ часто встрѣчающееся въ разговорѣ и въ народной поэтической рѣчи употребленіе всѣхъ трехъ временъ одного вмѣсто другаго. Г. Аксаковъ думаетъ, что такое употребленіе не есть фигурное; мы же почитаемъ его именно фигурнымъ. Въ доказательство приводимъ

г. Аксакову различіе между временами безотносительными, которыя различаются только по отношенію къ минутѣ рѣчи и *относительными*, которыя различаются по отношенію дѣйствій другъ къ другу. Русскій языкъ не имѣетъ относительныхъ временъ, которыми такъ богаты другіе языки. Нѣкоторые думали, что этотъ недостатокъ вознаграждается въ нашемъ языкѣ видами и даже хотѣли совсѣмъ слить виды съ временами: попытка эта оказалась неудачною, и виды остались съ своимъ, собственно имъ принадлежащимъ значеніемъ. Между тѣмъ въ рѣчи часто встрѣчается потребность выразить относительныя времена: и вотъ этой-то потребности языкъ удовлетворяетъ фигурнымъ употребленіемъ одного времени имѣсто другаго. Такъ въ стихахъ:

И *поѣхалъ* Дунай ко князю Владиміру,
И *будетъ* у князя на широкомъ дворѣ,
И *скочили* съ добрыхъ коней съ молодой женой.

дѣйствія: *поѣхалъ* и *скочили*, представляются, какъ прошедшія, по отношенію къ минутѣ разсказа, а дѣйствіе: *будетъ*, какъ будущее, по отношенію къ предъидущему дѣйствію: *поѣхалъ*. Другая причина подобнаго употребленія временъ заключается въ томъ, что не всѣ виды имѣютъ всѣ времена: поэтому когда случится надобность въ сказуемомъ употребить время, котораго глаголъ по виду своему не имѣетъ, поневолѣ языкъ замѣняетъ одно время другимъ. Такъ въ примѣрѣ г. Аксакова: «всякой день проходилъ у насъ однообразно: я *подойду* къ его двери, *стукну* раза два; онъ *отворитъ*, *скажетъ* мнѣ: здравствуй, и потомъ *пойдетъ* со мною вмѣстѣ», говорящему должно было выразить: 1) дѣйствія, составляющія обычай; 2) прошедшее время, 3) совершенный видъ. Прошедшее время совершеннаго вида означаетъ дѣйствіе, только разъ случившееся, и потому не можетъ выразить обычая; отъ того оно замѣняется настоящимъ временемъ: но совершенный видъ не имѣетъ настоящаго времени; отъ того вмѣсто него употреблено будущее. Г. Аксаковъ далѣе говоритъ, что времена есть, но что главное въ русскомъ глаголѣ есть видъ, а время составляетъ только выводъ, заключеніе. Другими словами: русскій глаголъ принимаетъ не виды сообразно съ временами, а времена сообразно съ видами. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, точно такъ же какъ и въ томъ, что глаголъ принимаетъ виды сообразно съ своимъ значеніемъ.

Къ концу брошюры г. Аксакова приложены: 1) мнѣніе г. Каткова о различіи между дѣйствіемъ неопредѣленнымъ (способно-

стью къ дѣйствію) и опредѣленнымъ (совершающимися); 2) объясненіе трехъ временъ — прошедшаго, настоящаго и будущаго — сдѣланное св. Димитріемъ Ростовскимъ.

Опытъ изслѣдованія душевныхъ болѣзней *въ психологическомъ отношеніи*. Соч. В. Классовскаго. Спб. 1855.

Рецензенты часто не могутъ устоять противъ искушенія посмѣяться надъ разбираемыми книгами и нельзя не сказать, что объ иныхъ книгахъ трудно говорить безъ улыбки. Но если иронія избавляетъ читателей отъ скуки слушать серьёзные приговоры произведеніямъ, которыя не заслуживаютъ серьёзнаго разбора, то едва ли она приноситъ желаемую пользу авторамъ этихъ сочиненій. Они обыкновенно думаютъ, что ихъ не поняли, не хотѣли оцѣнить, и сохраняютъ наивное убѣжденіе въ достоинствахъ трудовъ своихъ. Если мы хотимъ убѣдительно внушить какому нибудь автору, что онъ написалъ плохую книжку и не долженъ впредь издавать подобныхъ, то необходимо оставить шутки въ сторонѣ, какъ бы ни заслуживала ихъ разбираемое произведеніе, и говорить серьёзнымъ тономъ, хотя бы книжка сама по себѣ и не стоила его.

Такъ, напримѣръ, было бы очень легко — и совершенно достаточно для оцѣнки книжки — привесть нѣсколько забавныхъ выписокъ изъ новой брошюрки г. Классовскаго. Было бы очень удобно сдѣлать изъ самой книжки цитаты въ родѣ слѣдующей:

«Патологическія состоянія человѣка, обнаруживающіяся преимущественно безпорядкомъ въ мышленіи, обусловливая собою отсутствіе или помраченіе здраваго мышленія, уменьшаютъ или совсѣмъ уничтожаютъ отвѣтственность преступника (*слово это слишкомъ жестко; мы замѣнили бы его терминомъ: виновнаго*), если подъ несомнѣннымъ вліяніемъ ихъ неразумности онъ слѣпо посягнулъ на зло (*выраженіе, опять слишкомъ жесткое; лучше сказать: если онъ сдѣлалъ что нибудь опрометчивое*). (Предисловіе, стр. V).

Къ этому можно было бы развѣ прибавить представляемый книжкою г. Классовскаго анекдотъ:

«Первоначальное воспитаніе, развивъ въ Б*** сильное самолюбіе, предвѣщало дурные плоды. Въ послѣдствіи ко всему старался онъ примѣнить теоріи своего изобрѣтенія.... сочинилъ курсъ психологіи, трактатъ о душевныхъ болѣзняхъ, составилъ улучшенную латинскую и нѣмецкую грамматику. Жители города отъ времени до времени печатали его рукописи. Съ гордою скромностью принималъ это авторъ за доказательство глубокаго къ

нему уваженія современниковъ. Эта форма (душевныхъ болѣзней) раздѣляется нѣмецкими психологами на Aberwitz, гордость отъ мысли о важныхъ открытіяхъ, будто бы уже сдѣланныхъ, и на Wahnwitz — вѣру въ свое призваніе дѣлать открытія изумительно важныя (Опытъ изслѣдов. душевн. болѣзней, стр. 47—48).

Послѣ этого надобно было бы только прибавить, что мы совершенно согласны съ мнѣніемъ, приведеннымъ нами изъ «Предисловія.» Но принесъ ли бы такой отзывъ пользу автору? Исправилъ ли бъ онъ его отъ слабости писать о предметахъ, которые выше его силъ? Нѣтъ; авторъ брошюры подумалъ бы, что его книга не оцѣнена по достоинству и продолжалъ бы издавать новыя брошюры въ родѣ «Теоріи и мимики страстей», «Опыта изслѣдованія душевныхъ болѣзней» продолжалъ бы изобрѣтать новыя теоріи глагольныхъ видовъ и т. п. Попробуемъ же сказать о книжкѣ г. Классовскаго нѣсколько серьёзныхъ словъ, искренно желая, чтобъ онъ воспользовался нашими искренними и доброжелательными совѣтами.

Писать о какомъ нибудь предметѣ не заслуживая насмѣшекъ, можно только тогда, когда онъ хорошо извѣстенъ автору. Чтобы написать о душевныхъ болѣзняхъ дѣльную книжку, необходимо хорошо знать психологію и физіологію и основательно изучить медицину; ни съ однимъ изъ этихъ предметовъ авторъ не знакомъ основательно, потому и не долженъ былъ бы предполагать себя способнымъ написать о нихъ хорошее соединеніе, тѣмъ болѣе придумать собственную теорію душевныхъ болѣзней. Излишняя самонадѣянность — первый врагъ человѣка. Если г. Классовскому непремѣнно хочется писать о грамматикѣ или психологіи, онъ долженъ основательно изучить эти науки; если же у него не достаетъ времени или терпѣнія на серьёзное занятіе ими, не должно ему и писать о нихъ. Иначе его книжки всегда будутъ походить на брошюрки, которыя онъ уже издалъ, и которыя лишены всякаго достоинства, будучи наборомъ общихъ мѣстъ и чужихъ словъ, бо́льшею частью неправильно понимаемыхъ авторомъ. Если бы и г Классовскій хорошо зналъ психологію и медицину, онъ самъ увидѣлъ бы, что его раздѣленіе душевныхъ болѣзней по Брауновой схемѣ не ведетъ ни къ чему, разъединяя факты, имѣющіе внутреннее сродство и соединяя болѣзни, неимѣющія ничего общаго; такъ, напр., у него къ одному классу отнесены эратоманія, сплинъ, тоска по родинѣ—болѣзни, неимѣющія ничего общаго; а другія, имѣющія родство съ тою или другою изъ этихъ болѣзней, разбросаны по другимъ отдѣламъ.

Зная предметъ, о которомъ пишетъ, г. Классовскій понималъ бы также, каково достоинство книжки, составленной изъ набора такихъ глубокомысленныхъ разсужденій:

«Зная и чувствуя, что данный предметъ можетъ намъ доставлять пріятныя ощущенія, мы испытываемъ къ нему *любовь*. Думать, что мы получимъ нравящееся намъ, значитъ *надѣяться*. Упустивъ доставившее намъ наслажденіе или пользу, мы *сожалѣемъ*. Знать и чувствовать предметъ, способный причинить страданія намъ, значитъ *ненавидѣть*; ожиданіями его возврата производятся *опасеніе* и *страхъ*; встрѣча съ нимъ — *испугъ*; высшая степень испуга — *ужасъ*» и т. д. (стр. 12).

Нужно имѣть много Wahnwitz'a или Aberwitz'a, чтобы печатать съ важнымъ видомъ такія разсужденія.

О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числительныхъ два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. *Новгородъ 1855*.

Двиьга, Кабакъ, Пабатъ. *Новгородъ 1855*.

Историческія записки дирекціи Новгородской губерніи. *Новгородъ 1855*.

Всѣ три статейки перепечатаны отдѣльными оттисками изъ «Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Чтобы дать понятіе о характерѣ первыхъ двухъ статей, сдѣлаемъ небольшую выписку изъ первой, «посвященной изслѣдователямъ русскаго слова». По русски говорится «два стола, три, четыре стола» — вмѣсто обыкновеннаго множественнаго (столы) здѣсь употребляется особенная форма, въ которой филологи видятъ остатокъ стариннаго двойственнаго числа, именительный падежъ котораго въ словахъ мужескаго рода совпадалъ по формѣ съ родит. пад. единст. числа. Авторъ брошюры несогласенъ съ этимъ объясненіемъ, которымъ совершенно довольны славянскіе филологи и думаетъ, что въ выраженіи «два стола» — стола не есть особенная форма именит. пад. принадлежавшая старинному двойственному, а просто нынѣшній родит. пад. единств. числа, и видитъ въ этомъ «глубокую мудрость». Уже въ Индіи, говоритъ онъ, были Брама, Вишну и Шива; у грековъ были три парки; во многихъ языкахъ различаются три времени и три рода и т. д.

«Наконецъ почти всѣ разные главные члены человѣческаго тѣла состоятъ, сверхъ общаго названія, изъ трехъ частей; такъ, напр., глазъ состоитъ изъ 1, бѣлка 2, радужной оболочки и 3, зрачка; ухо изъ 1, ушной раковины, 2, трубочки 3, барабанной

перепонки. Когда мы всѣ эти вышеупомянутые и подобные имъ предметы поближе разбираемъ, и представляемъ себѣ въ видѣ сектора круга, то выходитъ собственно четыре предмета, которые составляютъ единство. Изъ нихъ главный предметъ, заключающій въ себѣ прочіе (1) или знаменатель, имѣющій быть склоняемымъ, непремѣнно долженъ быть поставленъ въ имен. пад. единств. числа, а прочіе (2,3,4) принадлежащіе какъ части къ единству его, должны быть поставлены въ родит. падежѣ, чтобы выразить принадлежность ихъ къ единству.

«На этомъ основаніи ввелъ древній мудрецъ (установитель русскаго языка) это употребленіе родит. падежа единств. числа при числительныхъ два, три, четыре.

«Вотъ мое убѣдительное мнѣніе. Пусть оно докажетъ моимъ читателямъ, съ какимъ рвеніемъ и съ какою прозорливостію я привыкъ изслѣдовать темныя филологическія истины.

Э.»

Объясненіе, чрезвычайно замѣчательное и прозорливое. Но мы увѣрены, что у немногихъ изъ филологовъ достанетъ прозорливости, чтобы понять его «убѣдительность».

Въ третьей брошюркѣ представлены нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи училищъ Новгородской губерніи по 1803 годъ.

Разсказы. *Сочиненіе* В. *Л. Двѣ части. Казань. 1854.*

Эти разсказы — не повѣсти, а первоначальные уроки изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, ариѳметики и грамматики, переданные языкомъ простымъ и удобопонятнымъ. Авторъ не приложилъ къ своей книгѣ предисловія, которое объясняло бы цѣль ея. Но судя по примѣрамъ, которыми поясняются ариѳметическія задачи и вопросы естественныхъ наукъ, и также по нѣкоторымъ эпизодамъ, надобно думать, что «Разсказы» предназначены для поселянъ или для учениковъ сельскихъ школъ. Вообще надобно сказать, что авторъ имѣетъ способность писать популярно и дѣльно. Если потребуется новое изданіе его книги, мы совѣтовали бы ему дать болѣе развитія историческому отдѣлу и объясненіямъ изъ естественныхъ наукъ, оживить географическія имена очерками быта разныхъ народовъ и описаніями замѣчательнѣйшихъ городовъ, а съ другой стороны выбросить излишніе примѣры склоненій и т. д. въ грамматикѣ, изложеніе которой вообще у него менѣе популярно, нежели другіе отдѣлы. Намъ кажется также, что и въ объясненіяхъ изъ естественныхъ наукъ, при его искусствѣ, можно будетъ замѣнить нѣкоторые термины простыми выраженіями, какъ иногда онъ и дѣлаетъ.

Но и въ настоящемъ видѣ, «Разсказы» г. В. Л. можно смѣло рекомендовать для употребленія въ сельскихъ школахъ.

Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ. *Переводъ съ греческаго. Изданіе третье Спб. 1855.*

Третіе изданіе, котораго достигла эта книга въ теченіе десяти лѣтъ, свидѣтельствуетъ объ уваженіи, какимъ пользуется она между набожными читателями. Языкъ перевода отличается простотою, соотвѣтствующею характеру самыхъ разсказовъ, дышащихъ простодушіемъ благочестія.

Записки Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института. Книжка 4-я. *Спб. 1855.*

Книжка эта, по примѣру предшествовавшихъ, начинается отчетомъ о состояніи Горыгорѣцкаго Института въ истекшемъ 1853 — 1854 академическомъ году. Число студентовъ Института въ началѣ 1854 года было 211. Окончили курсъ въ прошедшемъ академическомъ году 30 студентовъ Института съ степенью агронома, другіе 32 съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ училищѣ, существующемъ при Институтѣ, окончили курсъ 15 человѣкъ.

За отчетомъ о состояніи Института слѣдуетъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ горыгорѣцкой учебной фермы въ 1853 году. Къ 1 января 1854 г. она имѣла 137 воспитанниковъ, ученіе которыхъ состояло отчасти въ теоретическихъ, еще болѣе въ практическихъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ, по примѣру прежнихъ годовъ. Ферма начала уже доставлять чистый доходъ — фактъ, свидѣтельствующій о успѣшности ея дѣйствій.

Далѣе встрѣчаемъ въ «Запискахъ», по обыкновенію, отчетъ о сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, бывшемъ при Институтѣ въ 1854 году. Число лицъ, принявшихъ участіе въ засѣданіяхъ съѣзда, простиралось до 28. Главными предметами совѣщаній были вопросы о болѣзни картофеля, черномъ парѣ, благопріятнѣйшемъ времени посѣва яровыхъ хлѣбовъ, ломаніи овса и различныхъ породъ хлѣба, о перерожденіи хлѣбовъ, о трехпольномъ и сѣвооборотномъ хозяйствѣ и удобреніяхъ.

Интересна слѣдующая статья, г. Михельсона: «Бельгія въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ», отрывокъ изъ его агрономическаго путешествія по западной Европѣ. Столь же любопытна для сельскихъ хозяевъ статья г. Капустина «Тонкорунное овцеводство въ Екатеринославской губерніи». Авторъ из-

лагаетъ исторію овцеводства въ этой губерніи, и показываетъ число тонкорунныхъ овецъ въ ней около 1849 года простирающимся уже до 1,120,000 головъ. Важнѣйшіе изъ овчарныхъ заводовъ принадлежатъ барону Штиглицу, графамъ Канкриныхъ, князю Воронцову, гг. Струкову, Иваненко, Марку, Франку, Вразолю и Сомову. Заключеніе автора таково: овцеводство въ Екатеринославской губерніи далеко еще отъ того совершенства, до котораго можетъ быть доведено; замедленіе въ его усовершенствованія происходитъ отъ невнимательности хозяевъ; но со временемъ, быть можетъ, овцеводство Екатеринославской губерніи успѣетъ сравняться съ германскимъ.

Несомнѣнную важность для науки имѣютъ подробныя «метеорологическія наблюденія» при Институтѣ за 1854 годъ, представленныя за каждый день года и сопровождаемыя общими выводами.

Предварительный курсъ русскаго языка. *Составилъ В. Новаковскій. Спб. 1855.*

Если бы у насъ выходило каждый годъ столько же ученыхъ сочиненій, сколько является грамматикъ, богатство русской литературы удесятерилось бы; и если бы грамматикъ у насъ выходило въ десять разъ менѣе, нежели ихъ выходитъ, то преподаванье этого предмета вѣроятно шло бы успѣшнѣе; несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что мальчики скорѣе привыкали бы къ правильному письму, еслибъ ихъ учили по старымъ руководствамъ, писаннымъ — дурно или хорошо, но съ скромною учебною цѣлью, безъ излишнихъ премудростей и хитросплетеній. Досугъ ли мальчику думать о запятыхъ, прописныхъ буквахъ, о *ѣ* и *ѳ*, когда онъ долженъ ломать свою бѣдную голову надъ философскими опредѣленіями, набивать ее сравнительно и историко филологическими фактами, которымъ нѣтъ ни числа, ни мѣры? Г. Новаковскій не такъ глубоко, какъ многіе другіе, топитъ своихъ учениковъ въ пучинѣ грамматическихъ трансцендентальностей, и курсъ его очень не великъ — хорошо ужъ и это; но и у него не всегда обходится безъ тонкостей и мудростей, хотя онъ пишетъ свой курсъ для восьмилѣтнихъ дѣтей. У него есть опредѣленія гласныхъ и согласныхъ буквъ и того, что называется словомъ, рѣчью, — къ чему опредѣленія? Дитя гораздо легче и лучше пойметъ все изъ примѣровъ. У г. Новаковскаго объясняется ученику, что значитъ чижъ, бѣдняжка, рвать, попался — можно подумать, будто бы русскіе восьмилѣтніе дѣти не знаютъ ни слова по русски. Прибавимъ къ этому,

тія опредѣленія неудаются г. Новаковскому, а объясненія словъ, подобныхъ словамъ чижъ и бѣдняжка, занимаютъ большую половину немногихъ страницъ его книжки.

Описаніе револьверовъ и правила обращаться съ ними. К. Костенкова. *Спб. 1855.*

При интересѣ, какой возбужденъ по случаю настоящей войны новѣйшими усовершенствованіями въ огнестрѣльномъ оружіи, тощая брошюрка, заглавіе которой мы выписали, была бы любопытна, если бы ея изложеніе не страдало запутанностью и темнотою, которой не разъясняютъ даже два или три рисунка, помѣщенные въ текстѣ. Напрасно авторъ не отдалъ свою рукопись на просмотръ кому нибудь, умѣющему держать въ рукѣ и револьверъ и перо.

Стволъ кольтова револьвера дѣлается изъ кованнаго желѣза или литой стали, съ семью винтообразными нарѣзками внутри. Цилиндръ съ каморами, въ которыхъ помѣщаются заряды, поворачивается при помощи особенной пружины, соединенной съ куркомъ, такъ что при каждомъ взводѣ подводитъ подъ задній конецъ ствола новую камору. Револьверы Кольта бываютъ различныхъ размѣровъ. Самые большіе (сѣдельные кавалерійскіе), съ шестью каморами (т. е. шестью выстрѣлами) имѣютъ стволъ длиною въ 7½ дюймовъ и заряжаются коническими пулями калибра по 32 въ фунтѣ. Вѣсъ пистолета съ полными зарядами — 4½ фунта. Самые малые (карманные) револьверы Кольта имѣютъ стволъ въ 4 дюйма, съ пятью выстрѣлами, заряжаются пулями, которыхъ считается на фунтъ 112, и такой револьверъ съ полными зарядами вѣситъ 1½ фунта. О силѣ и степени вѣрности боя этихъ пистолетовъ, брошюра не говоритъ ничего.

Анекдоты изъ современной войны русскихъ съ англо-французами и турками. *Москва 1855.*

Страхъ врагамъ, духъ русскихъ чудо-богатырей. *Москва 1855.*

Севастополь въ нынѣшнемъ состояніи. *Москва 1855.*

Всѣ три крошечныя брошюрки напечатаны въ одинаковомъ форматѣ, одинаковымъ избитымъ шрифтомъ на сѣрой бумагѣ и имѣютъ совершенно одинаковое достоинство. Это перепечатки нѣсколькихъ статеекъ изъ старыхъ нумеровъ газетъ; выборъ сдѣланъ невнимательно. Русскіе «Чудо-богатыри» могли бы ожидать лучшаго описанія своихъ подвиговъ, нежели эти статейки, потерявшія значеніе отъ устарѣлости свѣдѣній, когда-то сооб-

щенныхъ ими публикѣ. Для предостереженія читателей замѣтимъ о третьей брошюрѣ, что послѣдняя изъ перепечатанныхъ въ ней статеекъ о Севастополѣ, относится къ 30 января нынѣшняго года.

Полное собраніе пѣсенъ хора московскихъ цыганъ. *Спб. 1855.*

Заглавіе книжки достаточно показываетъ, какъ жалко ея содержаніе. Даже любители цыганскаго пѣнія согласятся, что слова пѣсенъ, которыми восхищаются они — почти всегда безсмысленны или пошлы. Но каково было наше удивленіе, когда между «Пошелъ козелъ въ огородъ» и «Митька съ Питера пріѣхалъ», мы нашли прекрасныя стихотворенія: «Пью за здравіе Мери» и «Разступитесь, лѣса темные» — оскорбительно, что эти благоуханные цвѣтки могли попасть въ подобное собраніе.

Сочиненія поэта-крестьянина Ивана Круглякова. *Спб. 1853.*

Сочинитель стихотвореній напрасно называетъ себя крестьяниномъ; онъ долженъ быть житель Петербурга, и родъ его занятій, вѣроятно, не имѣетъ никакого отношенія къ сельскому хозяйству; такъ мы заключаемъ изъ того, что онъ пишетъ стихи «на день ангела М. К. Палкиной» и, еще вѣрнѣе, изъ того, что въ спискѣ «особъ, подписавшихся на изданіе», первыми поставлены имена: «Купецъ П. В. Палкинъ; П. И. Палкина; К. П. Палкинъ» и т. д. Жители Петербурга, проходившіе по Невскому, не нуждаются, конечно, въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Не будутъ нуждаться въ нашемъ отзывѣ и другіе читатели, когда мы выпишемъ наудачу нѣсколько стиховъ мнимаго крестьянина, — напримѣръ:

«Твой армякъ надѣлъ на плеча
Получа его себѣ,
Въ немъ плечамъ моимъ есть встрѣча
И относится къ тебѣ.
Кто же далъ во одолженье
Армячокъ тебѣ носить,
То тому за поощренье
Долженъ ты благодарить,» и т. д.

Крестьянинъ никогда не можетъ писать такихъ стиховъ, хотя бы у него не доставало таланта, потому что крестьянинъ вообще отличается здравымъ смысломъ.

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ЖОРЖА САНДА.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе писемъ. — Путешествіе въ Брюссель. — Пребываніе въ Кёльнѣ. — Военная жизнь Морица (*).

Парижъ, 6 вандемьера VII года (сентябрь 1798).

«Пишу къ тебѣ, моя добрая мать, у нашего Бомона. Объявленный сегодня утромъ законъ о конскрипціи мѣшаетъ мнѣ ждать твоего отвѣта и я рѣшаюсь сдѣлать то, о чемъ уже говорилъ тебѣ. Сегодня же утромъ мы вмѣстѣ отправляемся къ капитану егерей, чтобы кончить это дѣло. Ты не безпокойся: дѣло идетъ о брюссельскомъ гарнизонѣ, а не о непріятельскомъ огнѣ. Я получу вѣроятно отпускъ или предписаніе, которое *принудитъ* меня скоро видѣться съ тобой. Всѣ молодые люди повѣсили здѣсь головы; всѣ хорошенькія женщины и добрыя матери горюютъ; но увѣряю тебя, горевать не о чемъ. Я надѣну зеленый доломанъ, привѣшу себѣ большую саблю и отрощу свои усы: теперь ты мать защитника отечества.... Не пробуду я двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ гарнизонѣ, какъ съ помощью своего друга достану порученіе въ Ноганъ; ты должна знать объ этомъ и считать мое путешествіе вынужденнымъ обстоятельствами. У меня только одна печаль — разлучиться съ тобой на сколько бы

(*) Обращаясь снова къ запискамъ Жоржа-Санда, замѣтимъ, что мы не вполнѣ передаемъ здѣсь письма Морица де-Саксъ къ его матери. Интересныя въ высшей степени для автора, они не всегда любопытны для читателей и мы довольствуемся извлеченіемъ, которое можетъ дать ясное понятіе о содержаніи этой немного длинной переписки. Приводить ее цѣликомъ было бы излишне и потому, что авторъ книги не сдѣлалъ между письмами никакого выбора и помѣстилъ много коротенькихъ записокъ, въ которыхъ мало особеннаго въ сравненіи съ другими письмами).

ни было времени; я вовсе не думаю о томъ, что иду простымъ солдатомъ; и будь увѣрена, что тебѣ нечего безпокоиться на мой счетъ».

17 вандемьера VII года (октябрь 1798).

«Бернонвилль далъ мнѣ два рекомендательныхъ письма, одно къ начальнику 10-го полка, въ которомъ я служу; другое къ генералу д'Арвилю, главному инспектору кавалеріи въ маинцкой арміи. Онъ говоритъ обо мнѣ, какъ о внукѣ маршала Сакса, *общаго нашего образца*, по его выраженію, и проситъ для меня сначала мѣста ординарца, а потомъ — къ чему они найдутъ меня способнымъ. Сильно также проситъ онъ и начальника бригады и говоритъ ему, что современемъ объяснитъ, почему онъ такъ обо мнѣ заботится. Ты видишь, что дѣла мои идутъ хорошо, и что съ подобными рекомендаціями я не могу заплесневѣть въ казармахъ. Онъ пишетъ имъ, напримѣръ, что меня содержитъ семейство и что мнѣ не нужно будетъ жалованья. Но не то мнѣ нравится всего больше; мы не богаты, и я буду стоить тебѣ денегъ; станемъ надѣяться однако, что скоро я буду жить своими трудами. Не безпокойся же, и вѣрь, что быть можетъ скоро ты услышишь обо мнѣ.... Отправляюсь къ Мюринѐ, который обѣщалъ меньше, чѣмъ въ восемь дней выучить меня снимать планы.... Это будетъ мнѣ полезно».

25 вандемьера VII года (октябрь 98).

«Вчера я обѣдалъ у Буйльона вмѣстѣ съ Латуръ-д'Овернемъ. Ахъ, что за человѣкъ этотъ Латуръ! еслибъ ты хоть часъ поговорила съ нимъ, то не стала бы жалѣть, что я сдѣлался солдатомъ; вижу, впрочемъ, что теперь не время доказывать тебѣ справедливость моихъ словъ: ты опечалена, и я не могу быть правымъ противъ тебя. Я отдалъ ему твое письмо, и онъ нашелъ, что оно прекрасно, удивительно, и былъ имъ очень тронутъ: это оттого, что въ немъ столько же доброты, сколько храбрости....

«Оттуда отправился къ итальянцамъ слушать *Монтенеро*; это ужасная пьеса. Здѣсь слѣплены нѣсколько сценъ изъ «Удольфскихъ Таинствъ»; слова нелѣпыя, музыка незначительная, но декораціи великолѣпны. Зрители страшно апплодировали и вызывали автора; что касается до меня, я ревностно вызывалъ декоратора. Въ концѣ вѣчнаго и скучнаго романса въ пять куплетовъ, когда партеръ съ яростью апплодировалъ, а ложи отчаянно зѣвали, я закричалъ *bis*. Это предложеніе возмутило ложи, онѣ доставили мнѣ удовольствіе свистками, направленными про-

товъ меня, в которые я принималъ скрестивши руки. Въ театрѣ были всѣ парижскія щеголихи: г-жа Талльенъ, m-lle Ланжъ и тысяча другихъ гречанокъ и римлянокъ, что, однако же, не помѣшало мнѣ сильно соскучиться. Перренъ дастъ мнѣ завтра билетъ на новую трагедію Дюси, подъ названіемъ *les Comédiens*.

Кёльнъ, 7 брюмера VII года (октябрь 98).

«Вотъ я и въ Кёльнѣ. Но какимъ же образомъ такъ далеко? Прибывши въ Брюссель, я вхожу въ одну изъ комнатъ въ казармахъ; тамъ только сѣли за столъ, то есть размѣстились кругомъ деревянной чашки: меня вѣжливо приглашаютъ обѣдать, я беру ложку и насыщаюсь вмѣстѣ съ прочей компаніей. Супъ слегка припахивалъ дымомъ, но право былъ очень хорошъ; могу тебя увѣрить, что отъ этой кухни не умираютъ. Потомъ я угощаю товарищей нѣсколькими стаканами пива и ветчиной, мы выкуриваемъ нѣсколько трубокъ и становимся такими друзьями, какъ будто прожили лѣтъ десять вмѣстѣ. Вдругъ звонокъ и всѣ сходятъ на дворъ; является эскадронный начальникъ, я подхожу къ нему и подаю письмо капитана, онъ пожимаетъ мнѣ руку, но говоритъ, что начальникъ бригады и генералъ съ другой половиной моего полка находятся на аванпостахъ маинцской арміи. Я вижу тотчасъ, что мнѣ нечего дѣлать въ Брюсселѣ и прямо говорю объ этомъ эскадронному начальнику, который немедленно соглашается со мной. Онъ выдалъ мнѣ подорожную и черезъ осьмнадцать часовъ дружбы съ моимъ начальникомъ и товарищами, я отправился.

«Но судьба услуживаетъ мнѣ лучше, чѣмъ благоразуміе. Я проѣзжалъ черезъ Кёльнъ, чтобы прибыть въ окрестности Франкфурта, гдѣ стоитъ мой полкъ, — и вдругъ узнаю, что гражданинъ д'Арвилль, генералъ аншефъ и инспекторъ маинцской кавалеріи, на дняхъ долженъ быть здѣсь. Всѣ говорятъ мнѣ, что по рекомендаціи его друга, Бернонвилля, меня тотчасъ же опредѣлятъ къ нему ординарцемъ; такимъ образомъ теперь я буду имѣть больше движенія, если не тѣлеснаго, то умственнаго, чѣмъ если бы мнѣ пришлось быть солдатомъ. Дѣла мои идутъ хорошо и ты будь покойна.

«Ты узнаешь по газетамъ, что въ Брабантѣ были волненія по поводу конскрипціи. Инсургенты овладѣли на нѣсколько часовъ однимъ городкомъ, но французы выгнали ихъ оттуда и убили у нихъ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ Брюссель привели двадцать-семь инсургентовъ, когда я былъ тамъ; я видѣлъ между ними людей всякаго возраста и двухъ капуциновъ. Конскрипція была только

предлогомъ, на самомъ же дѣлѣ они хотѣли помочь англійскому дессанту, потому что англичане растянулись у береговъ Остенде и Гента. Нашъ дилижансъ сломался, мы принуждены были остановиться на восемь часовъ въ Лувенѣ, а всѣ города, которые были впереди, пришли въ сильное движеніе. Распространился слухъ, что въ Брюсселѣ было возстаніе, потому что дилижансъ оттуда не приходилъ; тревога увеличилась до такой степени, что стала первою новостью, и мнѣ едва вѣрили, когда я сказалъ, что оставилъ Брюссель очень спокойнымъ. Двинули часть маинцской арміи и Брабантъ скоро будетъ усмиренъ. Я больше и больше благословляю заботы, которыми ты окружила мое дѣтство: нѣмецкій языкъ мнѣ чрезвычайно пригодился, всю дорогу я былъ переводчикомъ въ дилижансѣ. Путешественникамъ было очень жаль разстаться со мной въ Кёльнѣ и потерять своего толмача. — Ты проведешь очень скучную зиму и это одно меня печалитъ. Но я надѣюсь достать какое нибудь порученіе въ департаментѣ Эндры, и мнѣ удастся позаботиться о тебѣ, поласкать тебя и развеселить. Твоя печаль — единственная моя забота; я не думаю о томъ, что можетъ со мной случиться, и съумѣю какъ нибудь обдѣлать свои дѣла».

Въ ожиданіи генерала д'Арвилля нашъ егерь прогуливался по берегамъ Рейна, но несмотря на радость быть военнымъ, не могъ помириться съ отсутствіемъ матери. «Берега Рейна напоминаютъ мнѣ Сену въ Пасси, писалъ онъ ей, и я, печальный, думаю о тебѣ и зову тебя, какъ въ тѣ времена, когда мы были такъ несчастны». Встрѣтившись съ адъютантомъ генерала Якоби, они толкуютъ о музыкѣ, вмѣстѣ занимаются ею и дружатся. Наконецъ пріѣзжаетъ генералъ д'Арвилль и тотчасъ выбираетъ protégé Бернонвилля своимъ ординарцемъ.

Этотъ генералъ, котораго звали тогда Огюстъ Арвилль, былъ графъ д'Арвилль, впослѣдствіи сенаторъ; во время революціи онъ былъ маршаломъ, потомъ служа подъ начальствомъ Дюмурье онъ былъ нѣсколько холоденъ или медленъ въ сраженіи при Жеманѣ; послѣ измѣны этого генерала онъ переданъ былъ революціонному комитету, но къ счастію, его оправдали. Впослѣдствіи онъ больше получалъ милостей, нежели славы; въ 1814 году онъ подалъ голосъ противъ императора и сдѣланъ былъ перомъ Франціи. Онъ могъ быть храбрымъ и любезнымъ человѣкомъ, но вообще тѣ, кто легко перемѣняетъ свои убѣжденія, не оставляютъ въ памяти людей слишкомъ горячихъ слѣдовъ, и искренность ихъ всегда можно подвергать нѣкоторому сомнѣнію. Этотъ генералъ обращалъ большое вниманіе на рекоменда-

цію и происхожденіе; его адъютантъ и родственникъ, молодой маркизъ Коленкуръ поддерживалъ въ немъ такія не революціонныя мнѣнія. Аристократическій характеръ этихъ двухъ личностей очень хорошо рисуется въ письмахъ моего отца, которыя представляютъ довольно оригинальную картину духа реакціи, съ каждымъ днемъ возраставшаго въ рядахъ арміи.

Кёльнъ, 26 брюмера VII года (ноябрь 98).

«Вчера адъютанты генерала, и между прочими Коленкуръ, пригласили меня къ себѣ обѣдать. Мы провели время весело и дружно. Потомъ мы перешли въ комнату генерала, у котораго болитъ нога; я оставался съ нимъ одинъ съ полчаса. Свободно и ласково онъ говорилъ со мной о прежнихъ временахъ, освѣдомился, какъ меня помѣстили на квартирѣ и чѣмъ кормятъ; потомъ дѣлалъ тысячу вопросовъ о моемъ прошедшемъ, о моемъ рожденіи и связяхъ. Узнавши, что жена и дочь генерала Марльера провели лѣто у тебя, что дочь генерала Гибера вышла за моего племянника, что г-жа Дюпенъ-Шенонсо была жена моего дѣда, онъ сталъ еще болѣе внимателенъ, и я понялъ, что все это не было ему чуждо. Потомъ занимались музыкой; много было кёльнскихъ щеголей и щеголихъ, которые, для нѣмцевъ, держатъ себя недурно. Каждый спрашивалъ генерала: «что это за егерь?» Въ Германіи не привыкли видѣть ординарцевъ въ салонахъ вмѣстѣ съ старшими офицерами и такое нарушеніе этикета немного безпокоитъ ихъ; я объ этомъ нисколько не безпокоюсь и дѣлаю свое дѣло, тѣмъ болѣе, что послѣ музыки подали великолѣпную закуску, съ которой я вовсе не церемонился. За тѣмъ пуншъ.... и потомъ танцы. Наконецъ меня пригласили ужинать съ адъютантами генерала Трегье....

«Ты видишь, что не имѣя ни одного су, я живу какъ принцъ. Главный штабъ составленъ хорошо; всѣ адъютанты очень любезные молодые люди, и *гражданинъ* Коленкуръ сказалъ мнѣ отъ генерала, что въ три или четыре мѣсяца я буду офицеромъ.

«До сихъ поръ усмиряютъ инсургентовъ; сожгли много селъ между Монсомъ и Брюсселемъ; Кёльнъ спокоенъ....

«Я знаю теперь городъ такъ хорошо, какъ будто вѣкъ жилъ въ немъ. Это — очень печальное и очень величественное собраніе церквей, монастырей и старыхъ каменныхъ домовъ. Рейнъ здѣсь очень широкъ; по немъ плаваютъ небольшія купеческія суда, которыя приходятъ изъ Голландіи; черезъ него устроенъ pont volant, который переплываетъ рѣку въ шесть минутъ.... Онъ поднимаетъ цѣлый эскадронъ кавалеріи. Такъ какъ военные

переѣзжаютъ рѣку даромъ, то я часто доставляю себѣ это удовольствіе».

Кёльнъ, 8 нивоза VII года (декабрь 98).

«Я только что узналъ очень хорошую новость. Мой полкъ, который былъ на дорогѣ въ Италію, возвращается въ Дустъ, который отдѣляется отъ Кёльна однимъ Рейномъ. Онъ можетъ быть уже пришелъ туда, когда я пишу это; слѣдовательно онъ находится подъ начальствомъ моего генерала. Я познакомился въ театрѣ съ главнымъ адъютантомъ Гибалемъ, который спрашивалъ, намѣренъ ли генералъ сдѣлать меня офицеромъ. Я отвѣчалъ, что онъ подаетъ мнѣ надежду. Нѣсколько дней спустя онъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, и генералъ отвѣчалъ, что сначала онъ боялся за меня, но потомъ узналъ меня лучше и живо мной интересуется; что онъ не потеряетъ меня изъ виду и намѣренъ выбрать депо, въ которомъ были бы лучшія лошади и наставники и отправить меня туда, чтобы я скорѣе могъ научиться кавалерійскимъ маневрамъ.

«Третьяго дня былъ данъ прекрасный балъ, гдѣ былъ и генералъ съ своими адъютантами. Я поклонился ему, онъ взглянулъ на меня очень привѣтливо и спросилъ, умѣю ли я вальсировать; я тотчасъ же доказалъ ему это. Я замѣтилъ, что онъ слѣдилъ за мной глазами и съ довольнымъ видомъ говорилъ обо мнѣ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ. Ты не любишь войны и я не стану говорить тебѣ дурно о старомъ правленіи; но мнѣ хотѣлось бы доказывать свои способности на полѣ сраженія, а не на балѣ.

«Ты спрашиваешь меня объ отношеніяхъ моихъ съ Коленкуромъ. Я всегда оказываю ему все вниманіе и почтеніе, какимъ обязанъ; но это оригинальное существо, которое не можетъ мнѣ слишкомъ нравиться: сегодня онъ съ вами очень любезенъ, завтра принимаетъ васъ сухо. Онъ говоритъ нѣжности въ родѣ Детартра. Онъ гоняетъ своихъ секретарей какъ школьниковъ, и въ самомъ незначительномъ разговорѣ сохраняетъ тонъ человѣка, дающаго уроки цѣлому свѣту. Это олицетворенное властолюбіе; онъ говоритъ вамъ о погодѣ такъ же, какъ бы велѣлъ своему слугѣ взнуздать лошадь. Мнѣ несравненно больше нравится другой адъютантъ, Дюронель: онъ истинно любезенъ, добръ и держитъ себя очень просто; говоритъ открыто, по дружески и не причудничаетъ. Онъ также былъ на балѣ и мы размѣстились вальсировать по старшинству — сначала гражданинъ Коленкуръ, потомъ Дюронель, затѣмъ я, такъ что мы исполняли свое круговращеніе какъ планеты.

«Всѣ твои размышленія о свѣтѣ, по поводу моего положенія, очень справедливы; я сохраню ихъ и извлеку изъ нихъ пользу. Письмо твое прекрасно, и я не первый скажу, что ты пишешь какъ Севинье, но ты больше, нежели она, знаешь превратности свѣта.

«Мы счастливы за свои носы, что не пошли на смотры; мы оставили бы ихъ въ снѣгахъ Вестфаліи. Нельзя сказать, чтобы и здѣсь было очень жарко; термометръ стоялъ вчера на тридцати четырехъ градусахъ ниже точки замерзанія. Бѣдные часовые умираютъ какъ мухи; потому мнѣ не слѣдуетъ жаловаться, что я сплю въ нетопленой комнатѣ и просыпаюсь утромъ съ кусочками льду на усахъ. Дѣло въ томъ, что теперь самая жестокая зима, какую только я видѣлъ, и я переношу ее, какъ будто никогда не зналъ, что такое огонь.»

ГЛАВА IX.

Продолженіе писемъ. — Новый годъ въ Кёльнѣ. — Катанье на саняхъ. — Коленкуръ и Дюровель. — Шуточная дуэль.

Кёльнъ, 1 января 1799 (нивозъ VII года).

«Въ первый разъ въ жизни я провожу этотъ день, необнявши тебя. Всѣ добрые нѣмцы весело сходятся, поздравляютъ другъ друга, празднуютъ этотъ день въ семействѣ, и я чувствую, что мое сердце сжимается. Я былъ сегодня у одного богатаго негоціанта изъ общества генерала и оставался у него часть вечера. Отца окружало восемь дѣтей; старшій сынъ имѣетъ дарованія, сегодня онъ приготовилъ прекрасный рисунокъ, который отецъ съ восхищеніемъ показывалъ мнѣ; сестра его довольно хорошо сыграла сонату Плейели. Радость и счастіе царствовали между ними; одинъ я былъ не веселъ. Они замѣтили это и поняли, что напоминаютъ мнѣ о счастливыхъ минутахъ; они стали смотрѣть на меня съ бо́льшимъ интересомъ и выражали больше дружбы ко мнѣ; не знаю какъ, но и мнѣ стало пріятнѣе съ ними. Я видѣлся съ ними только во второй разъ, но я доволенъ былъ тѣмъ, что они поняли меня и, стараясь раздѣлить со мной свое счастье, заглушили во мнѣ чувство одиночества.

«Здѣсь въ обыкновеніи особенная, неизвѣстная у насъ, вѣжливость, которая состоитъ въ томъ, что на новый годъ подъ окнами той особы, которой хотятъ выразить свою привязанность, начинаютъ сильную ружейную стрѣльбу. Прерывая ея

сонъ, хотятъ показать, что не спятъ сами, а что думаютъ о ней, скитаясь по улицѣ. Тѣмъ хуже для сосѣдей! я цѣлую ночь былъ на сторожѣ, меня не предупредили объ этомъ и я думалъ, что появились разбойники. У моей хозяйки есть хорошенькая сестра и обожатели цѣлую ночь безпрерывно стрѣляли подъ ея окномъ, а мнѣ очень хотѣлось спать, потому что утромъ я пѣшкомъ ходилъ въ Мюльгеймъ, чтобы видѣть свой полкъ. Мнѣ нужно было видѣться съ квартирмейстеромъ, который принялъ меня какъ нельзя лучше и проводилъ къ эскадронному начальнику. Этотъ послѣдній осыпалъ меня вѣжливостями и простился со мной уже на улицѣ. Они скоро придутъ въ Дустъ, который отъ Кёльна отдѣленъ только Рейномъ, и приглашали меня туда къ себѣ обѣдать. Остальная часть полка придетъ на дняхъ; она задержана льдами, которые покрываютъ рѣку у Дюссельдорфа. Не удивляешься ли ты счастливому случаю, который приводитъ меня въ кёльнскую дивизію, когда я всего меньше ждалъ этого? Теперь не станутъ упрекать меня, что я всегда былъ въ отлучкѣ отъ своего полка.

«Ты изумлена тѣмъ уваженіемъ, которое доставляетъ тебѣ у извѣстныхъ людей имя матери защитника отечества; но ты угадала настоящую причину. Они видятъ, что я могу воротиться съ оружіемъ и багажемъ и что не должно ссориться съ егерями, которые по своимъ манерамъ приходятся съ родни гусарамъ. Нѣтъ никого умнѣе этихъ важныхъ господъ!

«....Виртуозу Дешартру желаю найти глухонѣмыхъ аматеровъ, которые не будутъ ни слышать, ни критиковать его игры, а *гражданкѣ* Румье, моей почтенной нянѣ, чувствъ болѣе республиканскихъ.»

Кёльнъ, 18 нивоза VII года (январь 99).

«....Генералъ пригласилъ меня черезъ Коленкура на обѣдъ. Онъ расспрашивалъ меня о Жанъ-Жакѣ Руссó, его исторіяхъ съ моимъ отцомъ, и слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что у меня закружилась бы голова отъ восхищенія, еслибъ я былъ глупецъ. Но я держалъ себя осторожно, чтобъ не показаться болтуномъ или чтобъ не подумали, что я приглашенъ только для этого. Послѣ обѣда генералъ и Дюронель сѣли въ великолѣпные сани въ видѣ дракона (золотаго съ зеленымъ), въ которые запряжены были двѣ отличныя лошади. Въ другихъ саняхъ помѣстился я съ Коленкуромъ; мой товарищъ, красный гусаръ, видя, что я выхожу изъ-за стола и сажусь въ генеральскіе сани, вытаращилъ на меня глаза и подумалъ, что это привидѣлось ему во снѣ. Генералъ ѣздилъ въ саняхъ по городу чтобы сдѣ-

лать приглашенія на большой праздникъ, назначенный на другой день. Ему хотѣлось, чтобы я слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ визитахъ, и мы вмѣстѣ были у г-жи Герштадтъ; упрашивая ее отпустить дочь на праздникъ, онъ шутя сталъ передъ ней на колѣни и сказалъ: неужели вы допустите меня долго оставаться въ такой позѣ передъ моими адъютантами и ординарцемъ, внукомъ маршала де-Саксъ? Дамы удивилась, не понимая вѣроятно, какимъ образомъ я не былъ эмигрантомъ.

«....На другой день было превосходное катанье: отправились изъ дома генерала въ шесть часовъ вечера; у всѣхъ берейторовъ были факелы въ шесть футовъ; всѣхъ саней было пятнадцать. Музыканты 23-го полка, одѣтые въ красное съ золотыми галунами, ѣхали впереди и играли атаку. Это было прекрасно. Я былъ на дворѣ, чтобъ посмотрѣть сани и лошадей, генералъ вышелъ взглянуть на нихъ и сказалъ мнѣ: «вы отправитесь съ нами и потомъ придете на балъ, который будетъ послѣ.» Право, онъ очень любезенъ со мною, и былъ бы любезенъ еще больше, еслибъ его не фланкировалъ Коленкуръ; этотъ посредникъ охлаждаетъ все. У него есть въ городѣ интрижки и онъ очень ревнивъ. Когда-то мнѣ вздумалось сказать, что m-lle P... очень хороша собой, и я тотчасъ же замѣтилъ на его лицѣ безпокойство; въ тотъ же вечеръ я замѣтилъ, что онъ запретилъ этой особѣ танцовать со мной. Его вообще не любятъ; я не считаю его ни глупцомъ, ни злымъ, но невозможно найти такого щепетильнаго характера, такого непріятнаго и сухаго голоса. Занимаясь съ своими секретарями и оставаясь съ ними одинъ, онъ цѣлый день не скажетъ имъ ни слова.... Два два уже онъ показываетъ большое благоволеніе ко мнѣ и называетъ меня запросто Дюпеномъ; но это будетъ не долго, расположеніе духа у него слишкомъ причудливо.»

Кёльнъ, 16 плювьоза VII года (февраль 99).

«....Уже восемь дней у меня нѣтъ ни одного су и я предпочитаю обходиться безъ денегъ, чѣмъ что нибудь попросить у генерала. Я вовсе не боюсь его, но не рѣшаюсь дѣлать это черезъ Коленкура. У этого *гражданина* такой важный, такой покровительственный видъ; я такъ мало желаю и вмѣстѣ такъ боюсь его протекціи, что сколько возможно стараюсь избѣгать ея. Ты просишь нарисовать тебѣ его портретъ. Коленкуру около двадцати пяти лѣтъ; онъ дюймомъ выше меня; держится хорошо, хотя колѣни его немного вогнуты внутрь. Лицо у него четвероугольное, толстый носъ, маленькіе глаза; наружность его

было бы благородно, еслибъ онъ не дѣлалъ ее заносчивою. Когда онъ ходитъ или танцуетъ, то выгибаетъ спину и съ афектаціей поднимаетъ голову, что придаетъ ему довольно странный профиль. Говоритъ всегда громко и еще выше поднимаетъ голову.... (*)

«Дюронель славный малый; онъ сынъ секретаря военнаго министра при Людовикѣ XV. Онъ хорошо сложенъ; это прекрасный офицеръ. (**)

Кёльнъ, безъ числа.

«Ты пугаешь меня землетрясеніями; намъ недостаетъ только изверженій волкана. Нѣмцы сочиняютъ здѣсь уморительныя капуцинады и угрожаютъ намъ небесною карой. Между тѣмъ Кёльнъ, городъ очень благочестивый и называющійся городомъ трехъ королей и одиннадцати тысячъ дѣвъ былъ пощипанъ льдами гораздо больше, чѣмъ наши города землетрясеніемъ.

«Тебя должно очень удивить, что здѣсь уже четыре дня много говорятъ обо мнѣ. Я участвовалъ въ дѣлѣ, которое могло перессорить французовъ съ нѣмцами этого города. Я познакомился съ однимъ молодымъ конскриптомъ 23-го егерскаго полка, который остался въ Кёльнѣ по знакомству съ Коленкуромъ. Мы были вмѣстѣ съ нимъ на балѣ, на который генералъ далъ мнѣ билетъ. Одинъ молодой нѣмецъ, соперникъ моего товарища егеря въ одной интригѣ, довольно некстати вмѣшался въ разго-

(*) Помѣщая въ своей книгѣ такой отзывъ о Коленкурѣ, авторъ прибавляетъ: «мнѣ кажется, что здѣсь нѣтъ ничего серьёзнаго и непріятнаго для родственниковъ и друзей этого лица. Когда дѣло идетъ о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ, каковъ былъ герцогъ Виченцскій, его черты, манеры, подробности его жизни, принадлежатъ въ нѣкоторомъ родѣ исторіи; издаваемая мною переписка также принадлежитъ исторіи.... Я знаю, что мы обязаны уваженіемъ къ мертвымъ, и особенно къ родственникамъ мертвыхъ. (Вспомнимъ, что у насъ недавно былъ примѣръ такой щепетильности, но безъ такихъ поводовъ, къ памяти лицъ, принадлежащихъ сколько семейству, столько же и народной исторіи. Считать всякую хоть бы и не совсѣмъ вѣрную подробность о жизни историческаго лица оскорбительною для его памяти значитъ слишкомъ мало цѣнить дѣйствительныя его достоинства). Точно также я приведу впослѣдствіи и добрыя слова моего отца о человѣкѣ, который въ юности возбуждалъ въ немъ такую антипатію. Эта антипатія, основанная не на важныхъ фактахъ, а на инстинктивномъ чувствѣ, понятна со стороны человѣка столь открытаго, простодушнаго, наружнаго такъ сказать, каковъ былъ молодой солдатъ республики, поставленный въ зависимость и подъ начальство человѣка серьёзнаго, холоднаго и сосредоточеннаго. Здѣсь произошла только встрѣча двухъ различныхъ организацій.»

(**) Впослѣдствіи Дюронель былъ однимъ изъ извѣстныхъ генераловъ Наполеона; онъ отличился при Аустерлицѣ, въ кампаніяхъ 1807—9 годовъ, и въ 1813 былъ правителемъ Дрездена; онъ до конца остался вѣренъ императору.

воръ этого послѣдняго съ его красавицей. Они повздорили и нѣмецъ назвалъ моего товарища бездѣльникомъ.... Около нихъ поднимается шумъ; увидѣвши, что задѣли егеря, я подхожу къ нему, мы спокойно отводимъ нѣмца въ сторону и назначаемъ ему свиданіе на другой день. Нашъ молодецъ остался съ разинутымъ ртомъ и показывалъ видъ, что не понимаетъ насъ. На другой день утромъ мы являемся къ нему и егерь спрашиваетъ у него, бездѣльникъ ли онъ или нѣтъ. «Да, милостивый государь, отвѣчалъ нѣмецъ, вы бездѣльникъ.» Въ такомъ случаѣ выбирайте себѣ секунданта, мы будемъ драться. «Я не стану драться, господа, потому что не имѣю этого обыкновенія.» При такомъ прекрасномъ отвѣтѣ, мой товарищъ отвѣшиваетъ ему пощечину. Нѣмецъ кричитъ и зоветъ на помощь; всѣ жители дома въ минуту сбѣгаются на лѣстницу, я становлюсь у дверей и не позволяю имъ входить. Нѣмцы ничего не дѣлаютъ не обдумавши, и покамѣстъ они разсуждали о томъ, что имъ надо предпринять, мой товарищъ продолжалъ отсчитывать свою расплату. Нѣмецъ кричитъ, за нимъ принимается весь домъ кричать караулъ. Мы выходимъ изъ комнаты, соскакиваемъ съ лѣстницы среди озадаченныхъ нѣмцевъ и уходимъ.

«Нашъ бѣднякъ одѣвается, бѣжитъ къ генералу Якоби и представляетъ ему длинную жалобу на бумагѣ, гдѣ обвиняетъ насъ въ покушеніи на его жизнь. Генералъ призываетъ къ себѣ егеря, который простодушно разсказываетъ, въ чемъ дѣло. Опасаясь скандала въ городѣ и не обвиняя егеря, генералъ хотѣлъ однако тотчасъ же выпроводить его; пріятель мой, адъютантъ Якоби, защищаетъ дѣло моего товарища и выигрываетъ его.

«Но исторія скоро разошлась по городу. Мы, французы, нисколько не затрудняемся называть настоящимъ именемъ поведеніе побитаго нѣмца; его соотечественники краснѣютъ за него и отыскиваютъ его, чтобы заставить драться. Одинъ французъ благородно предлагаетъ себя въ секунданты. Потерявши возможность отдѣлаться отъ насъ, онъ пишетъ на большомъ листѣ, великолѣпнымъ германскимъ слогомъ, преуморительный вызовъ нашему егерю,—точно вызовъ Роланда двѣнадцати перамъ. Мы важно принимаемъ его, и въ одно прекрасное утро всѣ собираемся на берегу Рейна. Нѣмецъ все еще надѣялся, что дѣло уладится, и не хотѣлъ взять съ собой оружія. Я предлагаю ему свою саблю. Егерь нападаетъ на него какъ слѣдуетъ, тотъ сколько можетъ защищается и отступаетъ наконецъ въ воду; тутъ мой егерь, который хотѣлъ только напугать нѣмца, однимъ ударомъ отбиваетъ половину оправы моей сабли, которую нѣмецъ пото-

ропился броситъ въ Рейнъ, чтобы положить оружіе передъ врагомъ. Онъ проситъ сдачи, мы заставляемъ упрашивать себя; онъ предлагаетъ взять назадъ свою жалобу; я читаю ему нравоученіе въ родѣ Дешартра и требую, чтобъ онъ не только взялъ назадъ свою жалобу, но и увѣрилъ генерала, что никто никогда не имѣлъ покушеній на его жизнь.

«Онъ соглашается и проситъ насъ на завтракъ; затѣмъ бѣжитъ къ Якоби — исполнить наши условія, возвращается къ намъ съ братомъ, приглашаетъ насъ обѣдать и угощаетъ блистательно; потомъ ведетъ насъ въ театръ и наконецъ мы цѣлый день провели на непріятельской землѣ. Я разсказывалъ все это дѣло Коленкуру и генералу Арвиллю, и они смѣялись до слезъ моему повѣствованію.

«Но это еще не все. Нѣмецъ, считающій меня спасителемъ его драгоцѣнныхъ дней, расточаетъ мнѣ вѣжливости; вчера на балѣ онъ два раза уступалъ мнѣ свою даму; онъ хотѣлъ, чтобъ я выпилъ весь пуншъ, который былъ въ буфетѣ; онъ обожаетъ французскихъ военныхъ и охотно бы сталъ называть меня monseigneur. Я разсказалъ всю комедію своей пріятельницѣ, которая много ей смѣялась, но говорила, что мы такъ поступили съ нѣмцемъ, потому только, что онъ нѣмецъ, и что мы не любимъ нѣмцевъ. Я отвѣчалъ, что въ замѣнъ этого мы очень любимъ нѣмокъ. Она согласилась, и мы помирились.

«Ты очень желаешь мира, а я напротивъ боюсь его. Война для меня единственное средство къ повышенію; если она возобновится, я легко и съ честью могу сдѣлаться офицеромъ. Ведя себя порядочно въ какомъ нибудь дѣлѣ, можно получить чинъ на самомъ полѣ сраженія; какое удовольствіе, какая слава! У меня сердце прыгаетъ, какъ только я подумаю объ этомъ. Тогда можно получить отпускъ, можно провести счастливыя минуты въ Ноганѣ, и какъ хорошо вознаграждается этимъ то немногое, что удастся сдѣлать!

«Я изучаю теперь теорію эскадрона и запоминаю всѣ команды, такъ что съ небольшой практикой я скоро догоню своихъ товарищей.

«Ты говоришь, что письма твои очень длинны; я желалъ бы, чтобъ онѣ были еще длиннѣе. Я счастливъ, когда у меня достаетъ на часъ такого чтенія.... Здѣсь уже не называютъ другъ друга *гражданинъ* или *гражданка;* между собой военные съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе принимаютъ старое *monsieur*, а дамы всегда *дамы*.»

Въ слѣдующемъ письмѣ упоминается о портретѣ моего отца, а такъ какъ теперь этотъ портретъ передо мной, я скажу здѣсь, какова была наружность молодаго человѣка, переписка котораго обнаруживаетъ такое доброе и чистое сердце, такой открытый, веселый и прямой характеръ. Чтобы очертить его въ немногихъ словахъ, я воспользуюсь формой, въ какой онъ самъ представилъ портретъ Коленкура.

Ростъ пять футовъ три дюйма, станъ тонкій, изящный и хорошо сложенный, блѣдный цвѣтъ лица, немного орлиный и удивительно очерченный носъ, черные и рѣзко отдѣляющіеся усы и брови, большіе черные глаза, тихіе и въ то же время блестящіе, прекрасные глаза, какіе только можно представить; густые, напудренные волосы, небрежно спадающіе на лобъ и почти совершенно закрывающіе его. Эта масса напудренныхъ волосъ, почти касающаяся черныхъ какъ смоль бровей, очень идетъ къ лицу и еще болѣе выказываетъ блескъ глазъ. Вообще, характеръ и наружность моего отца отличались въ это время чрезвычайной нѣжностью и тонкостью, и понятно, почему не смотря на ростъ, генералъ д'Арвилль могъ принять его подъ маской за женщину. Кромѣ того, у него были маленькія ноги и превосходныя руки.

Портретъ нарисованъ очень хорошо. Костюмъ егеря темнозеленаго цвѣта, темнокрасный воротникъ и бѣлые галуны даютъ ему суровый и простой видъ, очень идущій къ этой физіономіи, на которой привычка къ мечтательной меланхоліи борется съ врожденною веселостью характера.

Впослѣдствіи мой отецъ сталъ нѣсколько дороднѣе, но не потерялъ изящества своей осанки. Фигура его опредѣлилась, черты обнаружились. Онъ сталъ однимъ изъ красивѣйшихъ офицеровъ арміи. Но для меня, его идеальная красота, самая поражающая прелесть его, заключаются въ портретѣ, о которомъ я говорю и о которомъ онъ будетъ говорить.

Кёльнъ, 26 плювьоза VII года (февраль 99).

«Ну, моя добрая мать, благополучно ли я прибылъ? Какъ ты находишь? Я похожъ? Здѣсь всѣ нашли въ портретѣ, какъ говорится, *поразительное* сходство. Да и я, хоть и ниразу еще не находилъ, чтобы портретъ былъ похожъ на меня, какъ только взглянулъ на этотъ, то *узналъ* себя. Онъ начатъ былъ уже давно — я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ на новый годъ, но въ серединѣ своей работы живописецъ отправился въ Кобленцъ и воротился оттуда только на дняхъ....

«Я оставилъ своихъ негоціантовъ (*) и невеселую комнату, которую тебѣ описывалъ. Я живу теперь чудесно: у меня хорошенькая комната съ печью; каждое утро приносятъ мнѣ чай съ хлѣбомъ и масломъ. Хозяинъ мой — любезный докторъ; у него очень хорошенькая дочь, которая недурно играетъ на фортепьяно. У этого достойнаго человѣка жилъ секретарь генерала Лаборда и уѣзжая оставилъ мнѣ свою квартиру, которую я могу оставить за собою, передавъ назначенную мнѣ въ муниципалитетъ. Я переселился сюда, держа подъ мышкой саблю и съ билетомъ въ рукѣ, какъ графъ Альмавива и входя, я сказалъ также, какъ онъ: «не здѣсь ли домъ доктора....» «Не Бартоло, весело отвѣчалъ мой любезный хозяинъ, а Даніэль, которому очень пріятно васъ видѣть.» Какъ видишь, счастье не измѣняетъ мнѣ. Вездѣ нахожу я друзей или людей, готовыхъ сдѣлаться моими друзьями.

«Въ нашемъ штабѣ много перемѣнъ. Дюронель уѣзжаетъ, тѣмъ хуже! Коленкуръ тоже, тѣмъ лучше! Дюронель былъ только начальникомъ эскадрона *à la suite;* онъ отправился въ 10-й гусарскій полкъ, гдѣ будетъ начальникомъ эскадрона; Коленкуръ отозванъ къ своему корпусу, большая радость! Генералъ останется безъ адъютантовъ. Двѣ недѣли тому назадъ сюда пріѣхалъ драгунскій офицеръ, котораго генералъ очень любитъ и протежируетъ. Этого молодаго человѣка лѣтъ осьмнадцати онъ произвелъ въ офицеры, но директорія не хотѣла утвердить производства, такъ что онъ принужденъ оставить свой постъ и лишиться чина, хотя провелъ уже годъ на службѣ. Можешь видѣть изъ этого, что теперь не легко имѣть повышеніе и что протекція ничего здѣсь не значитъ. Надобно согласиться съ этимъ, потому что это справедливо, и стараться получить свои шпоры, какъ древніе герои, настоящими подвигами. Этотъ молодой человѣкъ ждетъ своего счастья отъ событій, какъ и всѣ мы. Онъ носитъ однако эполеты и генералъ даетъ ему порученія какъ офицеру, но все это дѣлается немного контрабандой и можетъ кончиться дурно. Жаль было бы, еслибъ его карьера затруднилась тѣмъ, что онъ хорошо началъ; онъ очень милъ и мы съ нимъ дружны. Когда вечеромъ мы остаемся въ канцеляріи одни съ секретаремъ, а генералъ съ адъютантами уѣзжаетъ дѣлать визиты, то всѣ трое становимся похожи на дѣтей безъ учителя; шалимъ, деремся подушками, поднимаемъ пыль, страшно шумимъ, а когда кто нибудь придетъ, мы задуваемъ свѣчи и прячемся въ большой шкафъ. Посѣтитель думаетъ, что никого нѣтъ, и уходитъ, и мы начинаемъ снова.»

(*) У которыхъ ему была отведена квартира.

ГЛАВА XI.

Отъѣздъ Коленкура. — Сенъ-Жанъ и его похожденія. — Отъѣздъ изъ Кёльна. — Брюль, Кобленцъ. — Тіонвиль. — Благосклонность офицеровъ. — Первый чинъ. — Невинный обманъ.

Кёльнъ, 24 вантоза VII года (мартъ 99).

«Наконецъ Коленкуръ уѣхалъ. Я пожелалъ ему добраго здоровья и пріятнаго путешествія; онъ отвѣчалъ мнѣ поклонами ледяными еще болѣе обыкновеннаго. Странно, что я не плакалъ о немъ; секретарь тоже, маленькій драгунскій офицеръ тоже, однимъ словомъ не плакалъ никто, кого только я знаю, даже предметъ его страсти, которому онъ навѣрно наскучалъ торжественнѣйшимъ образомъ. О немъ жалѣетъ одинъ добродушный генералъ. Кстати, ты написала-таки ему? Какъ ты безпокоишься обо мнѣ! Онъ не говорилъ мнѣ о твоемъ письмѣ, но за обѣдомъ, на который пригласилъ онъ меня въ тотъ же день, я догадался по его виду, что̀ было что-то въ этомъ родѣ. Онъ спрашивалъ меня, чувствую ли я способность къ канцелярскимъ занятіямъ; я отвѣчалъ, что пишу очень плохо; да и кромѣ того, что это правда, я вовсе не чувствую въ себѣ наклонности къ постыдному ремеслу кописта, изъ котораго ничему не научишься и ничего не пріобрѣтешь. Генералъ распрашивалъ меня о твоемъ состояніи, отношеніяхъ, образѣ жизни, и все это съ такимъ участіемъ, что я готовъ спорить о чемъ угодно, что онъ влюбился въ тебя, никогда тебя не видѣвши. Онъ спросилъ похожъ ли я на тебя, и я отвѣчалъ утвердительно, — я этимъ очень горжусь; тогда онъ сказалъ мнѣ въ видѣ комплимента, что ты должна быть очень хороша собой, на что я не могъ не отвѣтить, что ты была еще лучше и всегда будешь хороша. Онъ сказалъ потомъ, что очень желалъ бы засвидѣтельствовать тебѣ свое почтеніе. Берегись, чтобы онъ не забылъ меня, занимаясь тобой; я знаю, что ты хотѣла бы не этого, и еслибъ могла хоть на одинъ день сдѣлаться кокеткой, то сдѣлалась бы для меня и для моей пользы. Но станемъ говорить серьёзно. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, генералъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ много сдѣлать для меня: его постъ слишкомъ мирный, а у меня нѣтъ желанія заплеснѣвѣть въ канцелярской пыли; надобно подождать. Генералъ говоритъ мнѣ, что я мало занимаюсь, но чѣмъ же онъ прикажетъ мнѣ заниматься, когда не даетъ мнѣ никакого дѣла, когда у меня нѣтъ даже лошади, и когда все время проходитъ у насъ

въ визитахъ, балахъ и въ театрѣ. Еслибъ у меня не было страсти къ музыкѣ, мнѣ пришлось бы умереть со скуки, потому что я принужденъ заучивать команды и эскадронные маневры сидя въ своей комнатѣ; конечно это научитъ немногому.

«Съ Коленкуромъ изчезли изъ нашего штаба важныя и презрительныя физіономіи; необязательныя и непріятныя слова перестали мучить уши. Въ его должность вступилъ Дюронель; онъ еще не уѣзжаетъ, слава Богу. Какой противоположный характеръ! Онъ милъ, любезенъ, говоритъ съ вами съ удовольствіемъ, отдаетъ приказанія точно, но не грубо. Онъ бываетъ начальникомъ эскадрона только на смотрахъ, а не такъ какъ тотъ, съ утра до вечера. Право, мнѣ кажется, что Коленкуръ забралъ себѣ въ голову подражать манерами и важностью Бонапарте, о которомъ онъ говоритъ безпрестанно и отъ котораго конечно далеко отсталъ. Мнѣ кажется, что подобный тонъ былъ бы несносенъ и у генерала-аншефа; нужно по крайней мѣрѣ, чтобы эта наружная важность сопровождалась дарованіями, и хотя ихъ нельзя отвергать у Коленкура, ихъ все таки мало ему, чтобы ловко подражать людямъ первостепеннымъ.

«Мой пріятель, драгунскій офицеръ, называется Менуаръ; онъ сынъ куломмьерскаго нотаріуса. Отказъ директоріи касательно его повышенія падаетъ не прямо на нашего генерала, а на Ожеро, который сдѣлалъ это производство по его рекомендаціи и всѣ назначенія котораго были отвергнуты директоріей.... Меня зовутъ обѣдать; это генеральскіе секретари; они такъ шумятъ, что всѣ сосѣди высунулись въ окна смотрѣть. Надобно выдти къ нимъ, чтобы прекратитъ скандалъ. Обнимаю тебя отъ всей души.

«Скажи Сенъ-Жану, что въ арміи идетъ молва, будто хотятъ сдѣлать наборъ изъ всѣхъ людей отъ сорока до пятидесяти пяти лѣтъ, и что я постараюсь доставить ему въ нашемъ полку мѣсто повара, чтобы онъ могъ подвергаться только огню кухни, — думаю, что огонь баттарей будетъ ему неприличенъ.»

Этотъ Сенъ-Жанъ, часто служившій цѣлью дружескихъ насмѣшекъ моего отца, былъ кучеръ ихъ дома и супругъ кухарки *Одеванъ*. Эти древніе супруги умерли у насъ, мужъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бабушки, отъ которой мы легко могли скрыть это, потому что она страдала параличемъ. Сенъ-Жанъ былъ довольно смѣшной пьяница. Во всю свою жизнь онъ былъ жестокій трусъ, и когда бывалъ на веселѣ, на него нападали привидѣнія — *Жоржонъ*, нечистый духъ черной долины, *бѣлая собака*, *большой звѣрь*, фантастическій міръ тамошнихъ

суеверій. Отправляясь каждой почтовый день въ Шатру за письмами, онъ каждый разъ принималъ торжественныя предосторожности для этого пути (въ одну милю), особенно зимой, когда онъ возвращался домой уже ночью. Нагрузившись съ утра фламандскими шнурами вина, онъ надѣвалъ сапоги, относившіеся по крайней мѣрѣ ко временамъ фронды, натягивалъ платье неопредѣленнаго цвѣта и формы, затѣмъ цаловалъ жену, почтительно подставлявшую ему стулъ, чтобъ помочь влѣзть на старую и флегматическую лошадь, которая мелькомъ шагомъ въ два часа (это его выраженіе) привозила его въ городъ. Тамъ онъ два или три часика проводилъ въ кабакѣ; да и послѣ исполненія своего дѣла, и наконецъ къ ночи предпринималъ обратный путь и рѣдко ворочался домой безъ какихъ нибудь приключеній; то встрѣчалъ онъ разбойниковъ, которые осыпали его ударами; то видѣлъ передъ собой огромный огненный шаръ, его горячій преслѣдовалъ его по полямъ; то вѣшался на его лошадь подъ какимъ нибудь видомъ нечистый духъ и мѣшалъ ей подвигаться впередъ, или садился на нее верхомъ и дѣлался такъ тяжелъ, что бѣдное животное падало подъ этой ношей. Уѣзжая изъ Ноана въ девять часовъ утра, онъ едва успѣвалъ ворочаться къ девяти часамъ вечера, и развертывая погиновенную свой портфейль, чтобы отдать бабушкѣ письма и газеты, онъ съ самымъ серьёзнымъ видомъ передавалъ намъ разсказъ о своихъ галлюцинаціяхъ.

Однажды съ нимъ было довольно забавное приключеніе, которымъ онъ не хвалился. Въ темный и туманный вечеръ, пріѣзжалъ домой погрузившись въ глубокія размышленія, которыя вызываетъ вино, какъ вдругъ очутился лицемъ къ лицу съ двумя вооруженными всадниками, которые не могли быть никѣмъ иначе, кромѣ разбойниковъ. По одному изъ тѣхъ внушеній мужества, которыя являются отъ одного страха, онъ припоминаетъ своего коня и рѣшается напугать разбойниковъ, прикинувшись разбойникомъ самъ, и закричалъ страшнымъ голосомъ: стойте, господа, кошелекъ или жизнь!

Жандармы, удивленные не много такой дерзостью и думая, что имѣютъ дѣло съ вооруженными бандитами, вынимаютъ сабли и едва не съиграли худой шутки надъ Сенъ-Жаномъ, но вдругъ узнали его и помирали со смѣху. Они не хотѣли однако не сдѣлать ему надлежащаго нравоученія и погрозили отвести его въ тюрьму, если онъ еще разъ будетъ такъ вести себя. Они встрѣтились съ жандармами.

Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ младшаго помощника несмышленаго сына въ конюшняхъ Людовика XV, и

сохранилъ отъ этого званія торжественныя и важныя маневры и уваженіе къ чиноначалію. Впослѣдствіи онъ былъ почтальономъ и когда послѣ революціи моя бабушка взяла его въ кучера, то при этомъ представилось маленькое затрудненіе: ни подъ какимъ видомъ онъ не хотѣлъ садиться на козлы экипажа и оставить свой полукафтанъ съ красными обшлагами и серебряными пуговицами. Бабушка не умѣла противорѣчить никому и предоставила ему ѣздить какъ знаетъ и онъ всегда возилъ ее, какъ почтальонъ, и такъ какъ у него была привычка засыпать сидя на лошади, то онъ не разъ ее опрокидывалъ. Наконецъ онъ несносно служилъ ей въ теченіе двадцати пяти лѣтъ и самая простая мысль — отослать его, ниразу не приходила въ голову этой терпѣливой и доброй женщинѣ.

Онъ кажется не на шутку повѣрилъ выдумкѣ моего отца о пятидесятилѣтнихъ конскриптахъ, и женился въ это время для того только, чтобъ избавиться отъ случайныхъ требованій республики. Спустя двадцать лѣтъ, когда его спрашивали, былъ ли онъ въ арміи, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, но мнѣ приходилось поступить въ нее.» Когда отецъ мой въ первый разъ пріѣзжалъ въ отпускъ послѣ Маренго и итальянской кампаніи, Сенъ-Жанъ не узналъ его и обратился въ бѣгство, но видя, что онъ идетъ въ комнаты бабушки, онъ бросился къ Дешартру и сказалъ ему, что какой-то солдатъ вошелъ *противъ его воли* въ домъ и безъ всякаго сомнѣнія убьетъ госпожу.

Несмотря на все это, въ немъ были и добрыя черты, и узнавши однажды разъ, что у бабушки не было денегъ, которыя ей необходимо было послать сыну, онъ съ радостью принесъ ей свое годовое жалованье, которое онъ по какому-то чуду еще не пропилъ. Быть можетъ, онъ получилъ его наканунѣ! но во всякомъ случаѣ мысль принадлежитъ ему, и для пьяницы это мысль очень хорошая. Онъ во многомъ еще уступалъ моему отцу, но въ старости, для меня онъ сдѣлался гораздо упрямѣе, и часто, чтобы ѣхать на лошади, я должна была сѣдлать и взнуздывать ее сама или даже идти пѣшкомъ до первой деревни, чтобы подковать тамъ лошадь, — Сенъ-Жанъ нарочно снималъ у нея подкову, чтобъ я не заставляла ее скакать.

Отецъ мой подарилъ ему серебряныя шпоры, онъ потерялъ одну изъ нихъ и до конца своей жизни носилъ одну шпору, никакъ не соглашаясь придѣлать другой; когда жена собирала его въ дорогу, онъ всегда говорилъ ей: *madame*, не забудьте мою серебряную *шпору*.»

Называя другъ друга не иначе, какъ *monsieur* и *madame*, они

не пропускали однако ни одного дня своего пріятнаго сожитія, чтобъ не подраться, и наконецъ Сенъ-Жанъ умеръ, какъ жилъ, — пьяный.

Кёльнъ 27 флореаля (апрѣля 99).

«Ты бранишь меня, моя добрая мать, а я не заслужилъ этого, потому что теперь ты вѣроятно получила письма, посланныя мною прежде. Я проклинаю почту, которая причиняетъ тебѣ столько безпокойства. Будь увѣрена, однимъ разъ навсегда, что эта замедлость не можетъ происходить отъ меня, потому что я не могу *забыть* писать къ тебѣ, а что касается до несчастныхъ случаевъ, то помни, что я *невредимъ*, что со мной не приключается ничего, и что егерь моего роста не можетъ затеряться, какъ носовой платокъ.

«Генералъ держитъ свое обѣщаніе и даетъ мнѣ столько дѣла, что я не знаю, за что приниматься.... Пріятели, пріятельницы, отвѣты, катанья — не оставляютъ мнѣ свободной минуты. Генералъ въ энтузіазмѣ отъ моего письма; правду сказать, оно разборчиво. Въ заключеніе всего, я живу какъ нельзя лучше, если ты уже непремѣнно хочешь, чтобъ я занимался такимъ образомъ; но мнѣ больше нравится разносить письма, чѣмъ писать ихъ. Однажды, онъ послалъ меня въ Боннъ, въ шести большихъ миляхъ отсюда, доставить депешу генералу Вирьону. Я воротился въ тотъ же день; цѣлое утро была ужасная погода, я запачкалъ свой карабинъ, патронташъ, сумку, и самъ былъ въ грязи съ ногъ до головы. Въ такомъ видѣ я встрѣтился съ генераломъ, который гулялъ съ дамами, подъ руку съ великолѣпной Августой. Увидѣвъ меня, онъ дружески подозвалъ меня къ себѣ; я приближаюсь къ нему рысью, отдаю отвѣтъ и удаляюсь, засвидѣтельствовавши свое почтеніе. Я замѣтилъ, что дамы, увидѣвъ на мнѣ латы, смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Моя подруга была тутъ же и осталась немного назади другихъ, чтобы скрыть свое волненіе. Глаза ея покраснѣли и стали влажны, и я забылъ свою усталость: я побѣжалъ бы, какъ заяцъ, и прыгалъ бы какъ коза, хоть за минуту передъ тѣмъ былъ очень утомленъ. Женщины рождены для того, чтобы утѣшать насъ отъ всѣхъ несчастій земли; у нихъ только найдешь эту внимательную и милую заботливость, которой грація и чувствительность придаютъ столько цѣны. Ты показывала мнѣ все это, когда я былъ подлѣ тебя, и теперь ты поправляешь мои заблужденія. Еслибъ всѣ матери были похожи на тебя, миръ и счастіе всегда бы жили въ семействѣ! Каждое твое письмо, каждый проходящій день увеличиваютъ мою признательносъ и любовь къ тебѣ.

Лейхштратъ, 2 мессидора VII года (іюнь 99).

«Я отправился изъ Кёльна (*); меня провожала шумная и веселая молодежь, въ экипажахъ и верхомъ. Впереди кортежа были Монуаръ и Леруа, адъютантъ генерала; между ними ѣхалъ я, съ карабиномъ и лядункой за плечами, на своемъ венгерцѣ. Когда мы проѣзжали, караулы отдавали намъ честь, и видя развѣвающіеся султаны и коляски никто конечно не подумалъ, что все это собралось, чтобы провожать простаго солдата.

«Вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Боннъ, какъ было предположено сначала, мы свернули съ дороги и направились къ Брюлю, великолѣпному замку, прежней резиденціи курфирста. Это мѣсто гораздо удобнѣе для прощанья, чѣмъ Боннъ; веселая толпа позавтракала и отправилась потомъ осматривать замокъ. Это подражаніе Версали; въ полуразрушенныхъ комнатахъ цѣлы еще прекрасные плафоны, расписанные альфреско; обширная и хорошо освѣщенная лѣстница поддерживается каріатидами и украшена барельефами. Несмотря однако на богатство, все это носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ дурнаго вкуса нѣмцевъ. Копируя насъ, они всегда впадаютъ въ крайность, и подражая намъ, становятся обезьянами. Я долго блуждалъ въ этомъ дворцѣ съ егерскимъ офицеромъ, который такъ же, какъ я любитъ искусства.

«Мы соединились съ нашимъ обществомъ въ паркѣ и исходивши паркъ во всѣхъ направленіяхъ, вздумали играть въ мячъ. Мы были на прекрасной полянѣ, окруженной великолѣпнымъ лѣсомъ; погода была удивительная; всѣ забавлялись наперерывъ, снявши верхнее платье и слѣдя глазами за мячомъ, когда въ глубинѣ зеленой аллеи мы увидѣли приготовленія къ банкету. Игра тотчасъ брошена, всѣ торопятся, бѣгутъ; маленькіе пирожки были уничтожены прежде, чѣмъ успѣли поставить ихъ на столы. Въ концѣ обѣда, за которымъ шутки мѣшались съ нѣжностью, я долженъ былъ вырѣзать на корѣ дерева охотничій рожокъ и саблю съ моимъ вензелемъ въ серединѣ. Когда я кончилъ, они вырѣзали кругомъ этого свои имена съ девизомъ: «онъ уноситъ съ собой наши сожалѣнія.» Около дерева очертили кругъ и пили въ серединѣ его.

«Такъ какъ становилось уже поздно, мнѣ привели лошадь, мы обнялись и разстались со слезами на глазахъ. Я поскакалъ рысью и скоро потерялъ ихъ изъ виду.

(*) Одъ ѣхалъ въ кавалерійское депо, въ Тіонвиллѣ, гдѣ долженъ былъ изучать кавалерійскіе маневры, для вступленія потомъ въ дѣйствительную службу.

«И вотъ я одинъ, печально путешествующій по бешеной дорогѣ, теряющій разомъ и друзей и подругу, столько же мрачный въ концѣ дня, сколько былъ блистателенъ въ его началѣ. Этотъ способъ разставаться, заглушая свои чувства, рѣшительно печальнѣе всѣхъ, какіе я знаю. Здѣсь не собираешь своего мужества и прогоняешь разсудокъ, который могъ бы дать его; садишься за пиръ и вдругъ остаешься одинъ, смущенный, какъ при пробужденіи отъ сна....

«Пріѣхавши въ Коблевцъ, я ходилъ на удачу по улицамъ и встрѣтился съ братомъ военнаго коммиссара, который состоитъ на службѣ въ Эренбрейтштейнѣ. Прекрасный случай видѣть знаменитую крѣпость, о которой теперь столько говорятъ. Мы возобновили знакомство, онъ повелъ меня къ себѣ обѣдать и при захожденіи солнца мы вошли въ фортъ. Представь себѣ Пеліонъ, взгроможденный на Оссу, однимъ словомъ дѣло титановъ: огромныя скалы, покрытыя бастіонами, которые окаймлены двумя стами огненныхъ жерлъ, магазины съ бомбами и ядрами; кучи камней на каждомъ склонѣ, назначенныя для того, чтобы задавить нападающихъ. На площадкѣ скалы находится дворъ, окруженный восемью валами, откуда Коблевцъ виденъ à vol d'oiseau и Рейнъ въ видѣ ленты, облегающей скалу. Никогда эта крѣпость не мѣняла владѣтелей и мы первые завоевали ее. Я сдѣлалъ четыре лье лишнихъ, чтобы увидѣть ее, и не жалѣю объ этомъ.

«Ты удивляешься множеству моихъ знакомыхъ; вчера вечеромъ я самъ удивлялся этому. Было очень поздно, когда я проѣзжалъ одно изъ ущелій Гунсрука, куда спускаешься какъ въ пропасть; густота лѣса увеличивала темноту, — вдругъ я услышалъ, что меня называютъ по имени. Оборачиваюсь и вижу молоденькую даму съ офицеромъ, котораго не разъ встрѣчалъ на балахъ въ Кёльнѣ. Мы вступаемъ въ разговоръ и удивляемся случаю, который познакомилъ насъ на балѣ и свелъ потомъ въ такомъ страшномъ мѣстѣ, потому что никакой адъ оперы не можетъ сравниться съ этими ущельями. Это одни лѣса, черные потоки и сухія поляны. Наконецъ пожелавъ другъ другу добраго пути, мы разстались и я поздно уже пріѣхалъ къ кучѣ избушекъ, подъ названіемъ Кайзерлихъ. Здѣсь-то я былъ благодаренъ тебѣ, что ты выучила меня по нѣмецки! Я стучусь во всѣ двери, хозяинъ высовываетъ носъ въ окно, но при видѣ моей формы быстро прячется и запирается. Они даютъ намъ пріютъ только тогда, когда нельзя сдѣлать иначе, и боятся насъ какъ чертей; что касается до меня, я бы охотнѣе спалъ на от-

крытомъ воздухѣ, чѣмъ въ этихъ посудинахъ. Но мой бѣдный конь, еще не вполнѣ избавившійся отъ болѣзни, умиралъ съ голоду и усталости. Я вздумалъ поэтому выдать себя за улана, и отправившись въ другой конецъ деревни, объявляю о приходѣ императорскихъ войскъ, сочиняю нѣмецкія фамиліи, говорю о полковникѣ баронѣ Штромбергѣ, какомъ-то князѣ и добродушный поселянинъ отпираетъ двери и принимаетъ меня и моего коня съ большимъ уваженіемъ. Онъ будетъ конечно потомъ выведенъ изъ заблужденія, но это его дѣло. Рано утромъ я выѣхалъ, пишу къ тебѣ изъ Лейхштрата; завтра буду въ Трирѣ. Скоро увижусь съ генераломъ Арвиллемъ; онъ долженъ пріѣхать въ Тіонвилль для смотровъ; онъ прощался со мной самымъ любезнымъ образомъ, говорилъ, куда должно адресовать ему письма и обѣщалъ писать обо мнѣ къ квартирмейстеру и начальнику депо.

Тіонвилль, 16 мессидора (Іюль 99).

«Какъ и въ Кёльнѣ, я здѣсь въ большомъ свѣтѣ. Молодой конскриптъ, виртуозъ Гарди, дебютировалъ вмѣстѣ со мной на одномъ изъ концертовъ, устроеннымъ нашимъ начальникомъ; они бываютъ въ домѣ одного инженернаго капитана, который женился и основался въ этомъ городѣ. Мы были покрыты рукоплесканіями. Нашъ начальникъ рекомендовалъ насъ и въ другой домъ.... Онъ очень умный и злой человѣкъ, но съ холоднымъ и важнымъ видомъ, и болталъ много остроумнаго вздора; я ему не уступалъ въ этомъ, онъ отвелъ меня въ сторону и говорилъ со мной такъ лестно и дружески, что я былъ истинно тронутъ. Генералъ писалъ ему, чтобы дать мнѣ при первой вакансіи унтеръ-офицерскій чинъ; теперь она есть и я жду своего назначенія, а въ ожиданіи изучаю теорію и каждое утро бываю на ученьѣ. Нашъ начальникъ распорядился помѣстить меня на флангѣ, чтобы я привыкъ ко всѣмъ движеніямъ фронта. Это не трудно, и тѣ упражненія, которымъ ты меня учила въ дѣтствѣ, помогаютъ теперь мнѣ ловко дѣйствовать карабиномъ на лошади. Мой фурьеръ, котораго я угощаю довольно регулярно, любитъ меня до безумія; онъ называетъ меня *mon chasseur* такимъ тономъ, какъ бы сказалъ *mon général*, и на ученьѣ тихонько подсказываетъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. Скоро я вполнѣ узнаю свои обязанности и буду носить галуны на рукавахъ. Я обязанъ своимъ повышеніемъ Бернонвиллю, потому что генералъ Арвилль, прекрасный впрочемъ человѣкъ, не можетъ рѣшиться ни на что, если его не подталкиваютъ каждую минуту. Бернонвилль писалъ къ нему даже, чтобъ сдѣлать меня квартирмей-

стеромъ, но это кажется было невозможно. Онъ написалъ ко мнѣ любезное письмо, на которое я буду отвѣчать сегодня.

Тіонвилль, 20 мессидора VII года (іюль 99).

«Еслибъ я умѣлъ читать, говоритъ Монтосьель, я уже десять лѣтъ былъ бы унтеръ-офицеромъ. Я умѣю читать и писать, и теперь исполняю свои обязанности, будучи возведенъ въ этотъ блестящій санъ по приказанію генерала, и стоя во главѣ своего отряда, который получилъ приказъ повиноваться мнѣ *во всемъ, чтобы я ни повелѣлъ*. Съ этого славнаго дня я ношу два галуна на рукавахъ и считаюсь начальникомъ капральства, то есть двадцати четырехъ человѣкъ и *главнымъ* инспекторомъ ихъ выдержки и прически. Въ замѣнъ того, я не имѣю ни одной свободной минуты. Съ шести часовъ утра до девяти вечера у меня нѣтъ времени чтобы чихнуть: въ шесть часовъ чистка лошадей до половины восьмаго; въ восемь ученье до половины двѣнадцатаго; въ полдень обѣдъ; въ два часа учатъ конскриптовъ сѣдлать и взнуздывать лошадей; въ три, снова чистка до половины пятаго; въ пять пѣхотное ученье до половины восьмаго; въ восемь ужинъ; въ девять часовъ послѣдній сборъ, въ десять ложатся спать очень усталые и на другой день начинаютъ снова. Кромѣ того, я теперь декадный, то есть, обязанъ въ теченіе декады ходить въ магазинъ въ четыре часа утра и раздавать для лошадей сѣно, а для солдатъ хлѣбъ. Наконецъ, девять дней, какъ я имѣю честь быть brigadier, у меня не было времени написать тебѣ ни строчки. Къ счастію моя декада приходитъ къ концу и я не буду уже такъ заваленъ дѣломъ....

«Генералъ кажется компрометтировалъ бы себя, еслибъ далъ мнѣ чинъ повыше, и несмотря на настоянія Бернонвилля, онъ едва рѣшился сдѣлать меня унтеръ-офицеромъ. Онъ писалъ къ нашему начальнику Дюпре, чтобы тотъ сдѣлалъ ему такое требованіе, — и пишетъ ко мнѣ, что по этому требованію онъ и произвелъ меня. Пусть онъ увѣряетъ другихъ, что не онъ дѣлаетъ это производство, — въ добрый часъ! но увѣрять въ этомъ меня самого, когда у меня въ рукахъ письмо Бернонвилля, — это уже слишкомъ. Какъ бы то ни было, я получилъ чинъ; но ты видишь, что еще не такъ легко сдѣлать первый шагъ. Труба звучитъ, такъ прощай же, моя милая мать. Здѣсь не дожидаются никого.»

Тіонвилль, 13 фрюктидора VII года (сентябрь 99).

Все еще въ Тіонвиллѣ, съ четырехъ часовъ утра до восьми вечера упражняясь въ пѣхотномъ и кавалерійскимъ ученьѣ, тамъ и здѣсь въ качествѣ задняго солдата, какъ слѣдуетъ унтеръ-офи-

серу. Вечеромъ я возвращаюсь измученный, не имѣя возможности ни минуты посвятить *музыкѣ, стиху и игрѣ*. Я отсталъ отъ прекраснаго общества, пренебрегаю самыми хорошенькими женщинами и почти не занимаюсь музыкой. Я буквально унтеръ-офицеръ, погруженный въ тактику и сдѣлавшійся образцомъ точности и дѣятельности. И всего хуже то, что нахожу въ этомъ удовольствіе и не жалѣю о своей свободной и веселой жизни. Я надѣюсь, по обѣщаніямъ Бернонвилля, сдѣлаться скоро квартирмейстеромъ: тогда я рѣшительно буду *m-r J'ordonne*. Нельзя быть любезнѣе Бернонвилля: онъ писалъ ко мнѣ два раза съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, писалъ также обо мнѣ къ бригадному начальнику и Дюпре. Онъ не нуждается, чтобъ ему дѣлали требованія, и не боится компрометтировать себя. Я нисколько не сомнѣваюсь, что генералъ Арвилль хочетъ мнѣ добра, но когда нужно идти впередъ зачѣмъ бы то ни было, это человѣкъ, разбитый параличомъ. Быть можетъ терроръ и тюрьма сдѣлали на него невыгодное впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ онъ какъ будто желаетъ быть забытымъ и остаться незамѣченнымъ у правительства. Я узналъ сегодня, что мой полкъ не находится уже въ его вѣдѣніи; главная квартира его будетъ въ Страсбургѣ. Въ эту минуту генералъ долженъ быть въ Парижѣ, и я больше не знаю, куда ему писать. Твои письма вскружили ему голову и онъ такъ полюбилъ меня, что еслибъ для моего сохраненія нужно было посадить меня въ бокалъ, онъ не преминулъ бы сдѣлать это. Но не надобно было простирать его заботливость до того, чтобы онъ мѣшалъ мнѣ составить карьеру.

«Я получилъ деньги и расплатился со всѣми долгами. Я устроилъ теперь свои дѣла, то есть у меня нѣтъ ни одного су, но я никому не долженъ. Не присылай мнѣ денегъ до конца мѣсяца. Я здѣсь имѣю все въ кредитъ, и ни въ чемъ не нуждаюсь.»

Сейчасъ приведенное письмо, означенное Тіонвиллемъ, было писано изъ Кольмара. Это былъ обманъ любящаго сына и онъ объяснится въ слѣдующемъ письмѣ. Объяснится и недовольство генераломъ Арвиллемъ. Если читатель интересуется этой перепиской, я не буду баловать его любопытства разсказывая то, что происходило въ это время въ умѣ молодаго воина.

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ СТАРОЙ АНГЛІИ.

Соч. Д'Израэли.

I.

НИЩЕНСТВУЮЩІЕ АВТОРЫ И ИХЪ МЕЦЕНАТЫ.

Авторы *по ремеслу* (*) прежде чѣмъ попали въ руки книгопродавцевъ, вынесли много оскорбленій отъ своихъ знатныхъ меценатовъ, въ свиту которыхъ загоняла ихъ нужда. Бѣдствія одного изъ такихъ писателей, равно какъ наглость и скаредность его мецената, принимавшаго съ удовольствіемъ стихи, но нелюбившаго платить за нихъ, живо рисуются въ біографіи Томаса Чёрчьярда, поэта временъ Елисаветы, бѣдняка, который всю жизнь свою писалъ стихи, и, къ довершенію несчастія, жилъ слишкомъ долго. Муза Чёрчьярда (Churchyard) была чрезвычайно плодовита, и число его стихотвореній превосходитъ всякое вѣроятіе. Онъ ухаживалъ за многими богачами; но они, принимая его стихи, плохо вознаграждали самого поэта. Чёрчьярдъ самъ составилъ длинный каталогъ своихъ произведеній и присоединяетъ къ нему замѣтки о томъ, что доставило ему каждое изъ нихъ: замѣтки эти иногда довольно смѣшны, но большею частью грустны. Такъ, при оглавленіи одной книги, которую онъ никакъ не могъ выручить обратно отъ своего мецената, Чёрчьярдъ прибавляетъ: «а та книга была написана такими прекрасными стихами, какіе только когда либо удавалось мнѣ написать; почтенный дворянинъ, живущій въ Блакъ-Фрирзѣ, можетъ засвидѣтельствовать справедливость моихъ словъ: я читалъ ему мое произведеніе.» Другой меценатъ наградилъ его точно также, и поэтъ замѣчаетъ при

(*) Израэли такъ объясняетъ это названіе — authors by profession: «когда мы сдѣлались читающимъ народомъ и книги стали одною изъ нашихъ потребностей, тогда открылась эта торговля, ведущая часто къ нищенству. Основатели *авторства по ремеслу* появляются гораздо прежде елисаветинскаго времени; но только въ то время нѣсколько веселыхъ остряковъ, собирая дань съ общественнаго расположенія и подчинивъ свои мнѣнія своему перу, стали жить для того, чтобы писать, и писать для того, чтобы жить.»

этомъ случаѣ: «безчисленное множество моихъ одъ и сонетовъ остались навсегда у моихъ патроновъ и пропали совершенно даромъ, — такъ, напримѣръ, двѣнадцать длинныхъ поэмъ, писанныхъ мною къ празднику Рождества Христова и посвященныхъ двѣнадцати благороднымъ лордамъ.» Но я не берусь соперничать съ самимъ Чёрчьярдомъ въ описаніи его бѣдственной жизни. Вотъ какъ горюетъ онъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, о напрасно истраченной молодости:

«Пора — говоритъ онъ — давно уже пора на покой моимъ бѣднымъ костямъ! Съ тѣхъ поръ, какъ прошла моя молодость и унесла съ собою всѣ радости жизни, остались мнѣ дни мученія. Веселые дни, полные красоты и силы, проскользнули какъ мечта, какъ тѣнь, — разрушились до тла подобно игрушкамъ дѣтства.

«Взглянувъ на себя въ зеркало и увидавъ свои ввалившіяся щоки, я убѣдился, что мнѣ остается только ежеминутно ожидать смерти. Станъ мой сгорбился, голова клонится къ землѣ, а впалые глаза ушли подъ нахмуренныя брови, подобно двумъ звѣздамъ, скрывшимся въ облака.

«Губы мои поблѣднѣли, лицо стало худо и дышетъ холодомъ, зубы вываливаются, какъ спѣлые орѣхи изъ своихъ скорлупокъ; обнаженный черепъ указываетъ только мѣсто, гдѣ были волосы; члены, нѣкогда гибкіе, коченѣютъ; проворный языкъ часто путается въ своихъ разсказахъ, и мужество падаетъ вмѣстѣ съ силами.

«У кровельщика есть и своя бѣдная хижина; пастухъ знаетъ, что сонъ ждетъ его ночью; поденьщикъ отдыхаетъ наконецъ отъ своихъ трудовъ; всякой твари судьба отпускаетъ хоть немного покоя: и я также родился подъ кровлей....

«Но прежде, чѣмъ духъ мой оставитъ мое тѣло и отойдетъ къ Господу, я хочу завѣщать вамъ, друзья мои, за вашу непритворную любовь ко мнѣ, мои книги, мои рукописи и пѣсни, которыя пѣлъ я.

«Теперь, друзья, давайте руки и простимся; пора, товарищи! Конецъ нашимъ веселымъ вечерамъ и нашимъ радостямъ, конецъ нашимъ живымъ розсказнямъ, нашимъ шуткамъ и играмъ: все ускользаетъ подобно легкой тѣни солнечнаго дня! Едва убѣгу я, какъ другой займетъ мое мѣсто на этой аренѣ.... пусть же проведетъ онъ съ вами болѣе счастливые дни, и пусть найдетъ онъ выгоднымъ для себя великое дѣло творчества.»

А между тѣмъ Томасъ Чёрчьярдъ былъ поэтъ не безъ дарованій: онъ оставилъ своей отчизнѣ поэму: «Достоинство Валли-

са», которая была нѣсколько разъ перечитываема и стала народною. Онъ помѣсталъ также въ «Зерцалѣ Сановниковъ» жизнеописаніе Вольсея, которое и теперь еще не утратило своего значенія. Спенсеръ, въ одной изъ своихъ поэмъ, помѣщаетъ личность Чёрчьярда; онъ описываетъ бѣдствія поэтической жизни этого трудолюбиваго писателя, кропавшаго стихи цѣлыя полстолѣтія, и заставляетъ задуматься читателя надъ меланхолической трубкой старика, который пѣлъ до тѣхъ поръ, пока охрипъ.

Эпитафія Чёрчьярда, сохраненная Камденомъ, чрезвычайно поучительна для всѣхъ вообще поэтовъ, если только можно учиться изъ эпитафій:

«*Бѣдность* и *поэзія* почиваютъ здѣсь вмѣстѣ: добрые сосѣди говорите прозою, да будьте веселы» (*).

«Томъ Нешъ (Nesh) сознается, что, вынужденный трудными обстоятельствами, res angustae domi, когда «карманы его можно было выворотить безъ всякаго опасенія», онъ сочинялъ за одного джентльмена, имѣвшаго претензіи на авторство. Онъ также разсказываетъ намъ, какъ, бывши въ провинціи, писалъ стихи для одного помѣщика. «Я вынужденъ былъ — говоритъ онъ — оставить свое любимое поле и направить свой плугъ въ чужую борозду, или, по-просту, писать любовныя посланія для одного причудливаго сеньора (Senior Fantasticos), и дважды или трижды въ мѣсяцъ безславить свое перо.» «Бѣдность — прибавляетъ онъ — одна только бѣдность могла заставить меня покинуть мои любовныя занятія и, гоняя съ мѣста на мѣсто, принудила прибѣгнуть къ такимъ средствамъ.» Поэтъ въ эти времена считался на ровнѣ съ бродягами.

Даже въ позднѣйшій періодъ, въ царствованіе Іакова I, который самъ такъ ревностно занимался литературой, одинъ великій писатель, посвятившій и жизнь свою и имущество на созданіе труда, имѣвшаго національное значеніе, былъ доведенъ до нищенства. Антикварій Стоу (Stove) представляетъ собой рѣзкій примѣръ бѣдственнаго положенія тогдашнихъ писателей. Онъ истратилъ всю жизнь свою и все свое наслѣдство на изученіе англійскихъ древностей, пѣшкомъ исходилъ все королевство, посѣщая древніе памятники и роясь въ монастырскихъ книгохранилищахъ. Его собраніе рукописей и книгъ было изумительно, и страсть къ наукѣ не покидала его во всю жизнь. Сидя въ монастырскихъ библіотекахъ, онъ жилъ болѣе съ мертвыми, нежели съ живыми, и наша исторія и наша литература обязаны ему многимъ: Спен-

(*) *Poverty* and *poetry* his tomb doth inclose;
Wherefore, good neighbours, be merry *in prose*.

серъ посѣщалъ его библіотеку, а трудамъ Стоу мы обязаны первымъ хорошимъ изданіемъ Чаусера. Истомленный сверхсильными занятіями и бѣдностью, оставленный въ презрѣніи гордою столицею, исторію которой онъ создавалъ, и потерявъ въ старости употребленіе ногъ, старый антикварій не потерялъ веселаго расположенія духа и самъ шутилъ надъ своимъ калѣчествомъ: «болѣзнь — говорилъ онъ — поразила именно ту часть моего тѣла, которая больше всего была въ употребленіи.» Много исходилъ онъ въ свою жизнь и много истратилъ своихъ собственныхъ денегъ на собраніе англійскихъ древностей, изъ которыхъ извлекъ столько полезнаго для общества и только на осьмидесятомъ году жизни получилъ Стоу публичное признаніе своихъ заслугъ; но это признаніе было совершенно особаго рода и можетъ показаться нѣсколько страннымъ нашимъ читателямъ. Обстоятельства довели его до того, что онъ просилъ у Якова I позволенія собирать милостыню, «какъ вознагражденіе за тѣ труды и сорока-пяти-лѣтнія странствованія, которыя онъ употребилъ для отъисканія хроникъ Англіи и за тѣ восемь лѣтъ, которыя онъ посвятилъ обозрѣнію города Лондона и Вестминстера, и ради его глубокой старости; потому что, оставивъ прежнія свои занятія, онъ ничего не скопилъ и отдалъ всего себя благородной странѣ.» Дозволеніе на нищенство, скрѣпленное государственною печатью, было выдано просителю. Въ немъ, во вниманіе къ заслугамъ Стоу, исчисленнымъ вполнѣ, разрѣшалось ему «собирать подаяніе отъ доброхотныхъ дателей въ предѣлахъ Англійскаго королевства и испрашивать и принимать милостыню отъ всѣхъ нашихъ подданныхъ.»

Этотъ патентъ былъ оглашенъ во всѣхъ церквахъ; но сумма, вырученная такимъ образомъ, была такъ незначительна, что Стоу нашелся вынужденнымъ просить о продолженіи даннаго ему права еще на двѣнадцать мѣсяцевъ: одинъ изъ приходовъ богатаго Сити далъ только семь шиллинговъ и шесть пенсовъ! Таково было покровительство, оказанное писателю, который умѣлъ быть полезнымъ для Англіи, но не для самого себя.»

За этимъ періодомъ *патронатства* слѣдовалъ другой — періодъ *подписокъ*, когда авторъ собиралъ вознагражденіе за свое твореніе прежде, чѣмъ оно появилось на свѣтъ: способъ, который наводнилъ англійскую литературу множествомъ пустыхъ произведеній. Слѣдующій періодъ можетъ быть названъ періодомъ *посвященій*, въ которыхъ писатели, стараясь превознести до небесъ своихъ крошечныхъ меценатовъ, въ той же самой степени унижали самихъ себя. Иногда патронъ и авторъ долго не сходи-

лишь за цѣну посвященія (*). Меценатъ Петра Меттью (Motteux), недовольный хладнокровіемъ своего автора, самъ написалъ себѣ удивительнѣйшее посвященіе и подписалъ подъ нимъ имя бѣднаго автора. Еще въ болѣе непріятномъ положеніи находились писатели по ремеслу, когда они сами дѣлались разнощиками своихъ твореній. Разительный примѣръ такого положенія представляетъ намъ Мильзъ Девисъ (Myles Davies) замѣчательный ученый того времени, помѣшавшійся отъ нужды и негодованія.

Мильзъ Девисъ можетъ быть помѣщенъ на первомъ планѣ въ числѣ несчастныхъ англійскихъ литераторовъ. Онъ обладалъ обширными знаніями и всю жизнь свою посвятилъ наукамъ и изученію языковъ, не переставая заниматься ими и въ то время, когда его умственныя способности, сбитыя съ прямого пути бѣдностью, горемъ и оскорбленіями, пришли въ совершенное разстройство. Не видя исхода изъ своего затруднительнаго положенія, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ: сдѣлался нищенствующимъ авторомъ и разнощикомъ своихъ собственныхъ произведеній; такимъ образомъ онъ испилъ всю чашу горестей этого званія и вынесъ большія и мелкія оскорбленія отъ людей всѣхъ сословій, а часто даже отъ самихъ ученыхъ, которые не хотѣли признать въ нищемъ авторѣ своего брата по наукѣ.

Девисъ и его сочиненія извѣстны немногимъ любителямъ литературныхъ рѣдкостей, хотя какъ самъ авторъ, такъ и его творенія заслуживаютъ вниманія и имѣютъ право быть упомянутыми въ этомъ разсужденіи «О Бѣдствіяхъ Англійскихъ Авторовъ.»

Девисъ началъ свое литературное поприще твореніемъ, содержаніе котораго, по его разнообразію, опредѣлить трудно. Томы этого сочиненія появлялись постепенно, и два первые изъ нихъ сохранили и до настоящаго времени свою цѣну: они заключаютъ въ себѣ біографіи англійскихъ авторовъ и критическій разборъ ихъ сочиненій; но все это сочиненіе носитъ одно общее заглавіе «Британскаго Атенея». Книги эти чрезвычайно рѣдки.

Біографія Девиса почти неизвѣстна, хотя онъ самъ описалъ свою жизнь. Онъ былъ родомъ изъ Валлиса и принадлежалъ къ тамошнему духовенству: жаркій противникъ папства, аріанизма и соціанизма, онъ былъ ревностнымъ подданнымъ Георга I; прекрасно зналъ латинскую и греческую словесность и почти всѣ

(*) Цѣна посвященій театральныхъ пьесъ была однообразно установлена: отъ Карла I до Георга I платили за посвященіе отъ пяти до десяти гиней; при Георгѣ I она возрасла до двадцати. Почти по этой же цѣнѣ продавались панегирики.

новѣйшіе языки. Покинувъ свою родину по политическимъ причинамъ, онъ переселился въ Лондонъ и здѣсь, въ несчастную для себя минуту, началъ авторское поприще, окруженный книгами и *большимъ семействомъ*. Девисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ уединившихся ученыхъ, которые до самой смерти остаются дѣтьми, и, кажется, воображалъ, что его огромная начитанность дастъ ему обильныя средства существованія.

Въ первомъ томѣ его сочиненія, посреди несвязныхъ и безпорядочныхъ элементовъ этого литературнаго хаоса, можно найти нѣсколько весьма любопытныхъ разсказовъ. Въ своемъ посвященіи онъ говоритъ, что «представляетъ писателей и ихъ сочиненія въ *катоптрическомъ видѣ*.»

Въ предисловіи ко второму тому онъ излагаетъ весь планъ своего сочиненія и покуда еще нигдѣ замѣтно не удаляется отъ избраннаго имъ предмета, и нигдѣ еще не проглядываетъ тотъ странный и блуждающій юморъ, который мы видимъ въ его дальнѣйшихъ сочиненіяхъ.

Но я подозрѣваю, что при составленіи слѣдующихъ томовъ помѣшательство мало по малу закрадывалось въ разсудокъ Девиса или, можетъ быть, замѣтивъ, что простое сочиненіе о литературѣ не принесетъ ему никакихъ выгодъ, и желая пріобрѣсти вниманіе всѣхъ классовъ общества, онъ пустился писать о всѣхъ возможныхъ предметахъ: юридическихъ, медицинскихъ, богословскихъ и литературныхъ. По его собственному признанію:

«Скупость книгопродавцевъ и скаредность жестокосердыхъ меценатовъ бросили его въ гнусное стадо, толкающееся по переднимъ, и подвергли безумной наглости грубыхъ негодяевъ, разнощиковъ, швейцаровъ, риемачей, нищихъ, аптекарей, адвокатовъ и тому подобныхъ хищныхъ животныхъ, которыя, подобно ему, по цѣлымъ часамъ тѣснились въ звѣринцѣ, называемомъ переднею богача.»

Въ одномъ изъ посланій своихъ къ доктору Миду (Mead), онъ пишетъ: «одна только бѣдность могла заставить меня издавать мои сочиненія ради куска насущнаго хлѣба, и одна только крайняя необходимость могла принудить человѣка, подобнаго мнѣ, выносить оскорбленія, столь тяжелыя для скромности и образованности ученаго.»

Девисъ посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій Георгу I, другое — графу Оксфордскому, прибавивъ къ французскому посвященію латинскую оду. Никогда болѣе наивная лесть не касалась слуха министра! Въ этомъ посвященіи Девисъ помѣстилъ посланіе, названное имъ Scripturae Pindaricae, къ тогдашнему полити-

ческому клубу, нѣсколько одъ, въ которыхъ славилъ англійскихъ ораторовъ, и цѣлую политическую драму на латинскомъ языкѣ, подъ пышнымъ заглавіемъ «Pallas Anglicana». Мевій и Бавій не могли сравняться съ нимъ въ обиліи посвященій и неутомимости. Дикій вопль помѣшаннаго мало по малу возвышается посреди криковъ нужды и отчаянія.

Трудно разсказать страданія истиннаго ученаго, просящаго милостыню за книгу, которая стоила ему много труда, но Деннисъ самъ, въ безъискуственномъ разсказѣ, описываетъ намъ свои бѣдствія.

Выставивъ нѣсколько именъ своихъ скупыхъ меценатовъ, «этихъ — какъ говоритъ онъ — грошевыхъ покровителей, этихъ копеечныхъ скрягъ, этихъ кичливыхъ невѣждъ», онъ продолжаетъ:

«Они съ удовольствіемъ принимали моя сочиненія, но ничего не давали за нихъ и на мои просьбы отвѣчали, или что не получали моихъ книгъ, или что ничего объ нихъ не помнятъ; итакъ, брали мои книги gratis et ingratis.

«Но одинъ почтенный лордъ былъ столь милостивъ, что соизволилъ принять цѣлую связку моихъ сочиненій, къ которымъ присоединилъ я письмо и оду, посвященную его лордскому сіятельству: я отнесъ все это къ дверямъ его палатъ, — но пять лѣтъ напрасно ожидалъ отвѣта. Я нѣсколько разъ спрашивалъ швейцара: «что бы это значило, что лордъ ничего не отвѣчаетъ?» — «Я полагаю — сказалъ онъ — что черезъ пять или шесть дней вы получите отвѣтъ.» Но прошло пять и шесть мѣсяцевъ, а отвѣта не было, несмотря на то, что все это время я безпрестанно писалъ французскія письма къ этому лорду, посылая ему свѣжія оды, въ которыхъ восхвалялъ его до небесъ, прилагалъ адресы моей квартиры и скромно напоминалъ, что его милость удостоила принять мой подарокъ. Постоянно, каждую недѣлю три или четыре раза, я являлся на дворѣ его палатъ и простаивалъ тамъ отъ двѣнадцати часовъ утра до трехъ и четырехъ часовъ вечера, а иногда ходилъ подъ окнами залы, стараясь обратить на себя вниманіе хозяевъ. Часто ихъ лордскія сіятельства, вставъ изъ за стола, и подойдя къ открытому окошку, взглядывали на меня, и начинали преспокойно полоскать себѣ ротъ; и я могу засвидѣтельствовать, что они совершали эту операцію съ такою необыкновенною ловкостью, что теплая вода, со свистомъ процеживаясь сквозь ихъ зубы и не касаясь подбородка, почти орошала мое лицо, такъ что я не могъ слышать запаха оранжевой воды, переливающейся дождемъ возлѣ самаго носа. Но однажды ея лорд-

свое сіятельство совершило это важное дѣло уже съ такою ловкостью, которая не дѣлаетъ чести англійской лэди такого высокаго круга, такого покроя и такой красоты: зачѣмъ же плевать въ глаза незнакомцу, котораго вся вина состоитъ только въ томъ, что онъ поднесъ нѣсколько сочиненій ея сіятельному супругу? Потомъ подошелъ къ окну и его лордское сіятельство и взглянулъ на меня такъ значительно, что я подумалъ: вотъ наконецъ броситъ онъ мнѣ гинею за всѣ оскорбленія, которыя я вынесъ въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, неутомимо посѣщая его порогъ. Я подвинулся уже было, чтобы напомнить его лордскому сіятельству о бѣдномъ авторѣ.... но въ эту самую минуту лордъ широко раскрылъ свой ротъ, и цѣлый фонтанъ жидкой горчицы хлынулъ оттуда прямо въ мои несчастные глаза, которые оттого, чуть не лопнули.»

Но Девисъ, несмотря на все это, продолжалъ ходить къ лорду, пока наконецъ связка его книгъ, оставшаяся неразвязанною, не была возвращена ему, съ приложеніемъ полу-гинеи и желанія, чтобы онъ болѣе не присылалъ своихъ сочиненій.

Часто нашъ бѣдный и оскорбленный авторъ къ строкамъ, исполненнымъ гнѣва и негодованія, присоединяетъ истинно смѣшныя сцены литературнаго нищенства:

«Я не могу не прибавить — говоритъ онъ — двухъ или трехъ приключеній, случившихся со мною при поднесеніи моихъ книгъ такимъ лицамъ, которыя принимали ихъ съ удовольствіемъ, или желая прочесть ихъ, или желая помочь бѣдному ученому, или, наконецъ, изъ пустого тщеславія.

«Иные богатые пасторы перерывали весь домъ и сбивали съ ногъ всю прислугу, чтобы достать бѣдную *крону*. Наконецъ, въ заключеніе всей этой суматохи, Томъ или Джакъ отправлялись, обыкновенно, *размѣнивать гинею;* а господинъ, порывшись долго, отъискивалъ наконецъ ту несчастную, назначенную имъ крону, которую я долженъ былъ принимать со всѣмъ парадомъ и униженіемъ, сопровождающимъ обыкновенную милостыню: какъ будто самыя книги, печать и бумага вовсе ничего не стоили, и какъ будто пасторъ дѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе, дотрогиваясь до нихъ и позволяя имъ оставаться у себя въ домѣ.

«— Вѣдь я не буду читать ихъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ этихъ господъ.

«— У меня нѣтъ времени и поглядѣть на нихъ», говорилъ другой.

«— Нынче деньги дороги», отвѣчалъ жирный деканъ.

«— Мои глаза слабы, и я едва ли буду въ состояніи читать ихъ», разсуждалъ важный башонъ.

«— Что тебѣ нужно отъ меня?» спрашивалъ четвертый.

«— Сэръ, я поднесъ вамъ недавно, только что вышедшую послѣднюю часть моего «Британскаго Атенея.»

«— Мнѣ не нужна твоя книга: возьми ее прочь. Я не понимаю, что значитъ это заглавіе.»

«— Сэръ, заглавіе очень просто, и книга моя писана по англійски....

«— Хочешь крону за оба тома?»

«— Но она мнѣ самому стоила гораздо дороже, и я подношу вамъ ее изъ за куска насущнаго хлѣба; вѣдь долженъ я чѣмъ нибудь жить!»

«— Это до меня нисколько не касается! Живи или умирай: для меня это рѣшительно все-равно.»

«— Вотъ удивительно, мастеръ! сообщаетъ мнѣ по секрету Джаксъ —не дальше, какъ вчера вечеромъ баринъ превозносилъ вашу книгу и вашу ученость до небесъ, а теперь для него все-равно, если бы вы умерли съ голоду у его ногъ. Правда, впрочемъ, что и прежде онъ часто смѣялся надъ вашимъ платьемъ, хоть и увѣрялъ всѣхъ, что вы величайшій ученый въ Англіи.»

Такова была въ Англіи жизнь нищаго-ученаго! Эти сцены, обрисованныя Девисомъ съ такимъ горькимъ юморомъ, свели его съ ума. Напрасно силился бѣднякъ пріобрѣсть благосклонность людей всѣхъ состояній: «всѣ вѣтры были противны разбитому кораблю!»

II.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НАСМѢШКА.

Насмѣшка составляетъ особенный видъ краснорѣчія: она обладаетъ всею стремительностью ораторской рѣчи, также произвольно преувеличиваетъ и уменьшаетъ предметы, также неотразима! Она имѣетъ дѣло не съ истиной, но съ призракомъ истины, и это постоянное совпаденіе вымышленнаго образа съ его оригиналомъ возбуждаетъ въ насъ обидный смѣхъ.

Въ насмѣшкѣ нѣтъ ничего существеннаго: чѣмъ остроумнѣе она, тѣмъ болѣе въ ней вымысла. Направленная на извѣстное лицо, она повсюду сохраняетъ единство разъ задуманнаго характера и, поддѣлываясь подъ характеръ прототипа, ставитъ ра-

детъ съ нимъ такую вымышленную личность, которую мы не всегда можемъ отличить отъ существующей въ дѣйствительности. Даже хорошо зная истинный предметъ, мы не можемъ защититься отъ обманчиваго образа, который незамѣтно вкрадывается въ наши понятія, столько же подчиненныя воображенію, сколько и разсудку. Вотъ почему характеры многихъ замѣчательныхъ личностей дошли до насъ въ такомъ извращенномъ видѣ, отмѣченныя неизгладимымъ клеймомъ остроумія. Сатирики этого разряда, играя отдаленнымъ сходствомъ, навсегда приковываютъ созданный ими характеръ къ дѣйствительному. Смоллетъ, задѣтый за живое разсужденіями Акенсида (Akenside) о Шотландіи, сдѣлалъ изъ этого геніальнаго и добродѣтельнаго человѣка въ высшей степени комическое лицо, такъ что нѣтъ никакой возможности въ смѣшномъ медикѣ Смоллета отличить вымыселъ отъ дѣйствительности (*). Насмѣшники и остряки обладаютъ тѣмъ обиднымъ преимуществомъ надъ людьми слишкомъ самоувѣренными въ своей честности или слишкомъ чувствительными, что ихъ забавные вымыслы болѣе занимаютъ толпу, нежели простой разсказъ, который могъ бы ихъ опровергнуть. Они унижаютъ противника, но въ то же время возбуждаютъ нашу веселость и тѣмъ только отличаются отъ грубыхъ клеветниковъ. Острякъ, успѣвшій заставить смѣяться публику, уже нанесъ смертельный ударъ своему противнику и согналъ его съ поля сраженія. Серьёзное выраженіе не можетъ отразить насмѣшки, потому что она, принимая всѣ возможныя формы, въ сущности не имѣетъ никакой. Остроумная клевета и ѣдкая насмѣшка воздушны, не существуютъ въ дѣйствительности и не боятся ранъ: онѣ носятся надъ головою человѣка подобно тѣмъ адскимъ химерамъ, которыхъ не могъ коснуться мечъ Энея; но эти лживые образы, эти отраженія истины, эти призраки, со-

(*) Объ Акенсидѣ мы знаемъ немногое. Очарованіе его разговора, говорятъ, было таково, что онъ могъ даже разогрѣть лѣнивый и холодный умъ сэра Джона Гаукинса (Hawkins), который съ необыкновенною живостью описываетъ дни, проведенные въ его обществѣ. «Разговоръ Акенсида — говоритъ онъ — былъ всегда занимателенъ, полонъ доброты, учености и назидательныхъ истинъ и, не имѣя претензій на остроуміе, веселилъ и научалъ. Совершенно довольный своею судьбою и всѣмъ, что его окружало, онъ, кажется, чувствовалъ наслажденіе бытія и благодарилъ за это счастье Подателя всѣхъ благъ въ такихъ выраженіяхъ, отъ которыхъ не отказался бы самъ Платонъ. Онъ любилъ въ разговорѣ съ избранными друзьями и съ тѣми, занятія которыхъ были близки къ его собственнымъ, помянуть за круговой чашей великихъ людей древности и, воскрешая ихъ характеры, останавливался въ особенности на тѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, которыя прославляли ихъ имя.» Насмѣшка обратила эту благородную любовь въ страсть къ *поверенному искусству древнихъ*.

ванные злостью воображенія, могутъ самый героизмъ заставить трепетать, краснорѣчіе и мудрость — обратить въ безуміе, и даже ниспровергнуть крѣпкое зданіе чести.

Злоупотребленіемъ, конечно, не уничтожается законное употребленіе насмѣшки: умнѣйшіе люди были вмѣстѣ и самыми колкими остряками, начиная отъ Сократа до Эразма и отъ Эразма до Бутлера и Свиѳта. Насмѣшка была всегда однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ убѣжденія и рѣзала то, что не могло быть распутано. «Пересмѣшникъ» записалъ на смерть риѳмованныя героическія трагедіи и, осмѣявъ неестественный вкусъ публики, обратилъ его отъ пустого звука къ содержанію и отъ высокопарности къ истинному чувству. Общество пуританъ объявило войну папству и могущественно дѣйствовало на убѣжденіе народа оружіемъ насмѣшки. Важныя разсужденія и рѣчи архіепископа и прелатовъ не могли бороться съ этими остроумными нападками. Но Томъ Нешъ (Nash), съ которымъ мы хотимъ ближе познакомить нашихъ читателей, самый замѣчательнѣйшій изъ остряковъ этого геніальнаго вѣка, обратилъ на пуританъ ихъ же собственное оружіе и заставилъ ихъ замолчать, отплачивая имъ тою же фальшивою монетою. Онъ обрушилъ на ихъ голову народную брань, которою они наполняли свои брошюры, и поражалъ ихъ такими посланіями, одно заглавіе которыхъ показываетъ уже нѣсколько самое ихъ содержаніе, напримѣръ: «Папа съ топоромъ, или фига моему сыночку», «А раскуси-ка мнѣ этотъ орѣхъ?» и т. под. (*)

(*) Впрочемъ, этотъ неутомимый острякъ и ядовитый насмѣшникъ, отъ котораго многимъ приходилось солоно жить, жилъ самъ не очень весело. Вотъ что говоритъ о немъ Израэли, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія:

«Никогда — говоритъ онъ — тяжелыя чувства *автора по ремеслу* не были выражены съ такою силою, съ какою выразилъ ихъ Нешъ — это созданіе генія, голода и отчаянія. Вспоминая свою *литературную жизнь*, онъ замѣчаетъ, что онъ «ложился поздно и вставалъ рано, наслаждаясь холодомъ и бесѣдуя съ нищетою», и потомъ прибавляетъ: «всѣ мои труды погибли, и въ самомъ цвѣтѣ моего остроумія я былъ доведенъ до нищеты. Вотъ почему я обвинялъ мою судьбу, смѣялся надъ моими меценатами, грызъ перья, рвалъ бумагу и приходилъ въ бѣшенство». Далѣе онъ размышляетъ такъ: «Сколько людей, поставленныхъ ниже меня во всѣхъ отношеніяхъ, пользуются теперь богатствомъ и почетомъ! Я знаю починщика старыхъ сапоговъ, нажившаго состояніе въ пятьсотъ фунтовъ; трактирнаго слугу, который самъ потомъ выстроилъ отличный трактиръ; извощика, который успѣлъ изъ хвостовъ своихъ лошадей сплесть себѣ капиталъ въ тысячу фунтовъ. Что же сдѣлалъ я, который былъ и богаче, и знатнѣе, и талантливѣе ихъ? И что я такое теперь? нищій! За что же на меня такое проклятіе?» Таково было жалкое положеніе автора по ремеслу во времена Елисаветы. Нешъ хотѣлъ было навсегда покинуть отечество, но остался, думая найти поддержку въ тѣхъ

Но злоупотребленіе насмѣшки есть одна изъ важнѣйшихъ литературныхъ язвъ, когда она унижаетъ и казнитъ того, передъ кѣмъ должна бы была почтительно склоняться. Не забудемъ, что Сократъ объявилъ передъ своими судьями, что «начало его преслѣдованія коренится въ тѣхъ необузданныхъ шуткахъ Аристофана, которыя оказывали такое незаконное вліяніе на народъ въ продолженіе *нѣсколькихъ лѣтъ*.» И этотъ-то вымышленный Сократъ, а не великій моралистъ, былъ осужденъ на смерть. Мы знаемъ, какую важную роль играла насмѣшка въ трагической развязкѣ нашихъ государственныхъ переворотовъ: ядъ ея проникъ твердую броню добродѣтели и чести и, исказивъ рыцарскую личность Карла, далъ перевѣсъ мнѣнію немногихъ надъ мнѣніемъ огромнаго большинства. Вотъ вредная и опасная сторона остроумія!

Литературный вѣкъ Елисаветы, столь богатый геніями всѣхъ родовъ, представляетъ намъ замѣчательный примѣръ могущества насмѣшки въ перебранкѣ между знаменитымъ острякомъ Томомъ Нешемъ и ученымъ Габріэлемъ Гарве (Harvey). Эта ссора показываетъ, въ чемъ состоитъ самая сущность насмѣшки, изъ какихъ матеріаловъ выковываются ея острыя стрѣлы и какими средствами успѣваетъ она понизить до одного съ собою уровня человѣка, поставленнаго, по видимому, выше ея нападокъ.

Габріэль Гарве занимаетъ между нашими авторами значительное мѣсто; но онъ, съ двумя своими учеными братьями, имѣлъ несчастіе, какъ говоритъ Вудъ (Wood), попасть на зубы извѣстнаго и неутомимаго шута Тома Неша.

Имя Гарве знакомо любителямъ поэзіи, какъ имя человѣка, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными

«преступныхъ средствахъ», къ которымъ прибѣгали его собраты. Его примѣръ доказываетъ всю шаткость нравственности этихъ геніальныхъ людей того вѣка. Онъ даетъ слѣдующее обѣщаніе тому меценату, который захочетъ обязать его своими благодѣяніями: «я составлю ему такую славу, какой не можетъ составить ни одинъ поэтъ Англіи; но — прибавляетъ Нешъ — если онъ отпуститъ меня ни съ чѣмъ, то пусть ждетъ, что я громко осмѣю его, — не на одинъ часъ и не на одинъ день, потому что ,оскорбленіе всегда свѣжо въ моей памяти, но напишу на него цѣлую поэму, и такую прекрасную и обработанную поэму, что она переживетъ и меня и его, и будетъ свидѣтельствовать потомству о его гнусной скупости.» Эти строки невольно напоминаютъ Чаттертона, когда онъ расчитывалъ свой приходъ и расходъ, по случаю смерти лорда-мера Бекфорда, своего патрона, смерть котораго помѣшала ему издать свое сочиненіе. Высчитавъ, сколько онъ понесъ убытковъ отъ смерти лорда-мера и сколько выручилъ на элегіяхъ, Чаттертонъ заключаетъ: «итого въ приходѣ 3 фунта 13 шиллинговъ 6 пенсовъ.»

До такого безстыдства достигали нищіе-писатели!

знаменитостями того вѣка и особенно со Спенсеромъ, который любилъ и уважалъ его: но, кромѣ того, Гарве и самъ имѣлъ право на всеобщее уваженіе, какъ докторъ правъ, какъ человѣкъ, обладавшій обширною ученостію, какъ плодовитый поэтъ. Казалось бы, такую личность нелегко было поставить въ смѣшное положеніе; но одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ и самыхъ ѣдкихъ остряковъ этого остроумнаго вѣка съумѣлъ облечь ее въ ту странную и уродливую форму, которая возбуждаетъ въ насъ невольный смѣхъ, и, переживъ свой прототипъ, одна дошла до нашего времени.

Правда, Гарве былъ педантъ, но педантизмъ составлялъ необходимую принадлежность учености того времени, когда наша національная литература только что выходила изъ младенчества. Онъ ввелъ гекзаметръ въ нашу словесность и тщеславился этимъ нововведеніемъ, думая произвесть совершенную реформу въ англійскомъ стихосложеніи; но гекзаметръ былъ не въ духѣ нашего языка и употреблялся только до того времени, пока сдѣлался достаточно смѣшнымъ. Стиль Гарве былъ полонъ педантическихъ претензій, и въ его юморѣ было болѣе схоластическаго цинизма, нежели легкаго и меткаго остроумія. Онъ, можетъ быть, кромѣ того, имѣлъ слабости, свойственныя людямъ, которые сами вышли изъ ничтожества* и своими собственными усиліями проложили себѣ дорогу къ извѣстности: тщеславился своими знатными знакомствами и старался скрыть, что отецъ его былъ канатный фабрикантъ. Гарве любилъ одѣваться пышно, сообразуясь съ привычками того класса общества, въ который онъ попалъ: а желая занимать почетное мѣсто между своими друзьями и знакомыми, онъ кормилъ ихъ нѣжными сонетами и льстивыми посвященіями и наконецъ рѣшился напечатать цѣлое собраніе панегириковъ, адресованныхъ ему самому. Онъ и его два брата, изъ которыхъ одинъ былъ богословомъ, а другой медикомъ, начали заниматься астрономіей; но астрономы тогдашняго времени обыкновенно оканчивали свое поприще дѣлаясь издателями календарей и наконецъ астрологами, — а астрологъ, само собою разумѣется, дѣлался прорицателемъ. «Ученое разсужденіе братьевъ Гарве о землетрясеніяхъ — какъ разсказывалъ Вудъ — взволновало публику»; но такъ какъ ни одно изъ ихъ предсказаній не сбылось, то три брата достаточно были наказаны остроуміемъ, этимъ отъявленнымъ врагомъ прорицаній всякаго рода. Шутъ Тарльтонъ, славившійся своими импровизированными сатирами, вывелъ ихъ на сцену; Эльдертонъ, пьяный сочинитель народныхъ балладъ, пустилъ на Гарве цѣлую стаю

своихъ стиховъ. Одна изъ его балладъ на землетрясеніе, начинающаяся словами: «трухъ, трухъ, трухъ!» (Quake, quake, quake!), заставила публику смѣяться надъ тѣмъ страхомъ, который было овладѣлъ ею, и три ученые брата были подняты на смѣхъ всѣми остряками цѣлаго Лондона. Габріэль имѣлъ дерзость съ важностью ученаго отвѣчать имъ всѣмъ разомъ, смѣшивая ихъ въ одну толпу — обстоятельство, на которое, вѣроятно, намѣкаетъ Спенсеръ, въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, посвященныхъ Габріэлю Гарве, гдѣ онъ хвалитъ его за то, что онъ, соблюдая достоинство ученаго, *не боится глупыхъ нападковъ пустыхъ людей, думавшихъ запугать его*, разумѣя подъ именемъ пустыхъ людей всю дружную шайку лондонскихъ остряковъ елисаветинскаго времени, т. е. Кита Марло (Kit Marlow), Роберта Грина (Greene), Деккера, Неша и другихъ людей, не слишкомъ строгихъ правилъ, но обладающихъ самымъ ѣдкимъ, лукіановскимъ остроуміемъ, которое процвѣтало въ этотъ періодъ (*). Къ несчастію для ученаго Гарве, онъ рѣшился на грубую брань, которая вовсе не шла такому ученому мужу и солидному человѣку, имѣвшему претензіи на аристократическія манеры, и задѣлъ Неша, поспѣшившаго отплатить ему съ лихвой. Памфлеты ихъ, кипящіе злобой, занимали всю столицу; но Нешъ, увлеченный жаромъ перебранки, вплелъ въ свои сатиры весь родъ Гарве, поднялъ на смѣхъ всѣхъ трехъ братьевъ, сдѣлалъ одного смѣшнѣе другого и даже задѣлъ чистое имя достойной всякаго уваженія сестры Габріэля. Нешъ мстилъ Гарве болѣе всего за своего стараго товарища и пріятеля Роберта Грина, надъ могилой котораго потѣшался Гарве, подобно вампиру, пьющему кровь мертвецовъ, припоминая всѣ буйства и бѣдствія покойнаго остряка. Эта перебранка доросла до такихъ размѣровъ, что правительство нашло нужнымъ прекратить этотъ скандалъ, и архіепископъ кентерберійскій опредѣлилъ, «чтобы всѣ книги Неша и доктора Гарве, у кого бы онѣ не находились, были отобраны и впредь нигдѣ не были печатаны» — обстоятельство, объясняющее чрезвычайную рѣдкость этихъ памфлетовъ.

(*) Гарве, въ своемъ отвѣтѣ Нешу, помѣстилъ эмблематическую гравюру, выражающую его полное презрѣніе къ остроумію лондонскихъ насмѣшниковъ, на которой изображена высокая пальма, у твердаго корня которой лежитъ цѣлый клубъ змѣй, которые, поднявъ свои ядовитыя жала, напрасно стараются пронзить твердую кору дерева; а на одномъ изъ листковъ написана итальянская пословица: Il vostro malignare non giova nulla, т. е. злость ваша безсильна.

Нешъ, который въ своихъ другихъ сочиненіяхъ писалъ прекраснымъ и плавнымъ слогомъ — слогомъ адиссоновскимъ, подделывался подъ педантическій слогъ ученаго Гарве, наполнилъ свои памфлеты противъ него такимъ множествомъ обветшалыхъ выраженій, что нѣкоторые укоряли его въ устарѣлости языка, не понявъ цѣли этого новаго Лукіана (*). Скрытая иронія, замаскированныя колкости, тонкіе намеки, — всѣ эти острыя и утонченныя орудія современной сатиры не были знакомы нашимъ первымъ сатирикамъ: ихъ своевольное остроуміе полно мужественнаго юмора и веселости; они предаются всему пылу воображенія, и нападаютъ прямо на всѣ слабыя стороны своей жертвы. Они пишутъ съ тою же откровенностью, какою отличаются и басни старыхъ временъ, и не краснѣя даютъ каждой вещи ея настоящее имя.

Въ своей литературной сатирѣ, Нешъ выставилъ въ смѣшномъ видѣ всю біографію Гарве; но такъ какъ здѣсь я имѣю дѣло только съ литературнымъ остроуміемъ, а не съ литературною клеветою, то и пропускаю большую часть этихъ нападокъ.

Нешъ, какъ искусный сочинитель памфлетовъ, зналъ, что насмѣшка, не облеченная въ одежду истины, похожа на стрѣлу, пущенную кверху, которая летитъ безъ цѣли, не задѣвая никого, и потому, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, торжественно объявляетъ публикѣ, что онъ употребилъ эти два или три года на то, чтобы ознакомиться съ жизнью и языкомъ Гарве, «и достигъ въ этомъ изученіи такого совершенства, что можетъ хоть на двухъ стахъ листахъ бумаги *хлестать по ушамъ ученаго доктора его же собственными фразами*, и потомъ прибавляетъ:

«Хотя Гарве давно уже пишетъ противъ меня, но я до сихъ поръ еще, по своему милосердію, щадилъ его и благосклонно дозволялъ ему наслаждаться жизнью. Пусть же поблагодаритъ онъ своихъ друзей за свою опалу, которую я отнынѣ возлагаю на него: они, преждевременно празднуя его тріумфъ надо мною, принудили меня взяться за чернилицу и исчерпать ее до дна.

«Рожденіе такихъ литературныхъ героевъ, каковъ Габріэль, всегда ознаменовывается какими нибудь злосчастными предсказаніями. Мать его видѣла во снѣ, что будто она разрѣшилась отъ бремени машиной громадныхъ размѣровъ, которая сыпала

(*) Нешъ былъ большой любимецъ всѣхъ остряковъ того вѣка. Одинъ называетъ его: «нашъ истинный англійскій Аретинъ»; другой — «милый сатирикъ Нешъ»; третій описываетъ его «зубастую музу, вооруженную клыками, и его перо сравниваетъ съ палицей Геркулеса.»

на всѣ стороны цѣлые тюки испачканной бумаги. А въ минуту появленія на свѣтъ самого Габріэля Гарве родился теленокъ съ двумя языками, съ ушами длиннѣе ослиныхъ и съ вывороченными ногами»—тонкій намекъ на литературный геній Габріэля!

Потомъ Нешъ рисуетъ каррикатурный портретъ Гарве такими яркими красками, что произведеніе этой насмѣшливой фантазіи будто стоитъ передъ нашими глазами. «Его лицо, пепельнаго, смугло-жолтаго цвѣта, похоже на объѣденный окорокъ или на высохшую треску; кожа покороблена и стянута какъ кусокъ обгорѣлаго пергамента; щоки изрыты каналами, покрыты шрамами и морщинами, будто щоки столѣтняго старика.» И эту преждевременную дряхлость Гарве, самонадѣянный Нешъ смѣло приписываетъ своему собственному таланту:

«Я сломалъ и исковеркалъ его въ три погибели — говоритъ онъ. — Взгляните на его голову, и вы на каждый мой стихъ найдете въ ней по сѣдому волосу, и держу пари, что вся борода его побѣлѣетъ какъ снѣгъ, когда онъ прочтетъ эту книгу.»

Чтобы окончить портретъ Габріэля и выразить все свое презрѣніе къ его характеру, Нешъ рисуетъ его скаредность: «Онъ терпѣливѣе верблюда переноситъ голодъ и жажду и заѣдаетъ свои гекзаметры овечьими ногами, бараньими почками и свеклой.»

Разряженный въ свой венеціянскій бархатъ и въ пантуфли, «онъ похожъ на ящикъ зубочистокъ. Швейцаръ танцовальной залы, онъ готовъ цаловать тѣнь, тѣнь вашихъ ногъ: basia de umbra, de umbra de los pedes.»

Эта каррикатура, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторое сходство съ оригиналомъ: Нешъ не рискнулъ бы вывести лицо, которое публика тотчасъ бы признала за вымышленное. Къ этому описанію приложенъ вырѣзанный на деревѣ портретъ Гарве: онъ представленъ въ самомъ жалкомъ положеніи, выражающемъ, какъ колика схватила Габріэля при извѣстіи о выходѣ этой сатиры.

Растянутость и тажеловѣсность *«двухъ-мильныхъ періодовъ Габріэля»* Нешъ описываетъ такъ, — и мы приведемъ это описаніе, какъ образчикъ тогдашней сатиры»:

«— Чтожь, почтарь, нѣтъ больше писемъ отъ доктора?

Нешъ называетъ письмами всѣ памфлеты свои и Гарве.

«— Заваленъ ими, сэръ! Вотъ ихъ цѣлая огромная связка, такая же толстая, какъ тюкъ хлопчатой бумаги или груда соленой рыбы.

«— Какъ же ты привезъ такую кучу? неужели верхомъ?

«— На повозкѣ, сэръ! да и то подъ нею крякнули у меня три оси.

«— Тяжелыя новости! Прими же прочь всю эту связку и вези назадъ: я не хочу ее раскрывать.

«— Сжальтесь надо мной, сэръ: возьмите ее! возопилъ почтарь. — Моя повозка на каждой милѣ ломалась подъ этой кладью по сорока разъ. Смилуйтесь, сэръ: прикажите убрать этотъ тюкъ; онъ пригодится вамъ для починки большой дороги или для забивки плотины; или хоть завалите имъ трясину.

«Но когда наконецъ я развязалъ и развалилъ эту кучу и увидѣлъ въ ней только собачьи объѣдки, бычачью желчь, кабаньи печенки и тому подобный дрязгъ, то пришелъ въ такую же ярость, какъ тотъ поваръ, котораго заставляли слушать длинную рѣчь въ то время какъ его жаркое горѣло.

«Взявъ оттуда одно посланіе къ Джону Вольфу (типографщикъ Гарве), я снесъ это посланіе въ желѣзную лавку и попросилъ свѣсить: лавочникъ долженъ былъ прикинуть на другую чашку вѣсовъ кадку сельдей и три голландскіе сыра (*). При дворѣ разошелся слухъ, что съ этихъ поръ стража королевы будетъ пробовать свою ловкость и силу, швыряя не желѣзный молотъ, какъ это было прежде, а это посланіе.»

«Въ немъ тридцать-шесть листовъ и ровно тридцать-шесть точекъ: на каждый листъ по періоду, — ни болѣе, ни менѣе. Это вы найдете у Гарве вездѣ, такъ же вѣрно, какъ на четыре пенни купите два черные пуддинга, и за два черные пуддинга получите четыре пенни; это еще самое короткое доказательство его остроумія. Онъ не можетъ пожелать вамъ добраго утра безъ того, чтобы не сказать длинной рѣчи; онъ не можетъ выпить стакана пива безъ того, чтобъ не угостить васъ трехъ-часовою диссертаціей de arte bibendi. О, это самый драгоцѣнный экземпляръ велерѣчивѣйшаго въ свѣтѣ педанта!»

Но самою слабою стороною Гарве было желаніе скрыть свое происхожденіе, и это давало неисчерпаемый источникъ Нешу для самыхъ колкихъ насмѣшекъ. Онъ постоянно называлъ свои памфлеты на Габріеля *«посланіями къ старшему сыну веревочнаго мастера.* «Напоминать Габріэлю — говоритъ онъ — кто былъ его отецъ, значитъ заживо класть его въ могилу: онъ то-и-дѣло, что сочиняетъ скандальныя исторіи и навязывается въ дѣти какому нибудь аристократу, стараясь всѣми силами отдѣлаться отъ своего происхожденія. Ни Габріэль, ни его братья не терпятъ

(*) Въ боченкѣ 500 штукъ сельдей — огромное число за небольшую цѣну.

напоминаній, что отецъ ихъ былъ веревочный мастеръ: этимъ однимъ напоминаніемъ, какъ увѣряли меня мои друзья, навлекъ я на себя всю ненависть трехъ Гарве. Пересмотрите обѣ книги, написанныя на меня Габріэлемъ, и нигдѣ вы не найдете ни одного слова о веревочномъ фабрикантѣ, ни даже слова веревка: вездѣ Габріэль держится отъ него на цѣлую милю; только въ одномъ мѣстѣ, въ своей первой книгѣ, онъ говоритъ: «и можно ли добраго сына укорять его отцомъ? перифраза, означающая веревочнаго мастера.» Нешъ увѣряетъ, будто Габріэль клятвенно утверждалъ передъ судомъ, что отецъ его былъ почтенный человѣкъ и образовалъ въ университетѣ своихъ сыновей. «Я счелъ нужнымъ подтвердить это — прибавляетъ Нешъ — и прибавить еще отъ себя, — трехъ такихъ гордыхъ сыновей, которые при встрѣчѣ съ палачомъ, лучшимъ покупщикомъ товара ихъ батюшки, не ломаютъ своихъ шляпъ.»

Эти часто повторяемыя нападки на слабую сторону характера Гарве задѣвали его болѣе всѣхъ прочихъ и болѣе всѣхъ возбуждали смѣхъ публики, потому что онѣ были справедливы. Другою слабостью Гарве была страсть его къ богатству и чопорности въ одеждѣ; а возвратясь изъ Италіи, онъ усвоилъ себѣ итальянскій покрой платья, и это не укрылась отъ зоркаго остроумія Неша. «Габріэль — говоритъ онъ — не стыдится, однакожь, въ своемъ черномъ камзолѣ изъ венеціянскаго бархата торчать у порога сера Филиппа Сиднея.» Гарве гордился своимъ глубокимъ знаніемъ «тосканскихъ авторовъ» и превозносилъ до небесъ самыя плохія ихъ произведенія. Нешъ говоритъ, что Габріэль ѣздилъ въ Италію «и купилъ тамъ на два гроша тосканизма, а возвратясь, вовсе отказался отъ своего родимаго произношенія и манеръ и до того исковеркалъ себя на итальянскій ладъ, что даже сама королева объявила, что Гарве нѣсколько напоминаетъ итальянца. Это объявленіе привело его въ такой восторгъ, что онъ сорвалъ перья съ своей шляпы, навострилъ уши и, закусивъ удила, бросился прыгать.»

Труднѣе всего для Неша было опрокинуть ту крѣпкую стѣну, которую выстроилъ противъ него Габріэль изъ панегириковъ и сонетовъ, писанныхъ къ нему его друзьями, и въ которыхъ Гарве превозносился какъ человѣкъ ученый и геніяльный. Не будучи въ состояніи отрицать дружбы Гарве съ Спенсеромъ и Сиднеемъ, Нешъ, съ свойственною ему находчивостью, старается злыми сарказмами обойти ихъ мнѣнія: «Нехорошъ тотъ человѣкъ, который самъ о себѣ говоритъ, что у него было много друзей, и у котораго нѣтъ теперь ни одного.» Что же

касается до другихъ, которыхъ Гарве называетъ *своими благородными и добрыми пріятелями*, то Нешъ отдѣлываетъ ихъ всѣхъ разомъ.

«Пустые мальчишки, у которыхъ въ мозгу чесотка: ихъ одолѣваетъ страсть печататься, и они печатаютъ что́ ни попало. Вотъ кто эти ничтожные коноводы, которыхъ Гарве превозноситъ въ своихъ письмахъ.» «Эти выскочки — говоритъ Нешъ далѣе — наводняющіе свѣтъ своими памфлетами, похожи на тѣ дикія племена жаркихъ странъ, которыя, когда захочется имъ ѣсть, убиваютъ какую попало птицу и привязываютъ ее къ столбу, предоставляя солнцу приготовить изъ нея жаркое. Такъ и эти писатели, выпустивъ въ свѣтъ свои недозрѣлыя произведенія и предоставивъ кому угодно общипать ихъ, думаютъ, что создали нѣчто великое.»

Гарве издалъ списокъ своихъ друзей, и Нешъ сдѣлалъ къ нему слѣдующую надпись: «Номинальная книга ученыхъ мужей и лордовъ, которыхъ проситъ Габріэль Гарве разрѣшить его сомнѣніе, оселъ онъ или нѣтъ.»

Гарве на колкости Неша отвѣчалъ весьма неудачно. «Томъ Нешъ — пишетъ онъ — взирая на простыхъ людей съ вершины своего остроумія, называетъ Габріэля Гарве невѣждой, дуракомъ, идіотомъ, болваномъ, глупымъ гусемъ, осломъ и тому подобными названіями, которыя свойственны только языку одного Неша; но онъ долженъ бы былъ указать въ частности, какія слова въ моемъ письмѣ — слова неуча, какія мысли — мысли дурака, какія доказательства — доказательства идіота, какія мнѣнія — мнѣнія болвана, какія сужденія — сужденія глупого гуся, и какія умозаключенія могутъ быть названы умозаключеніями осла.» Но всякому легко могло прійти въ голову, что сатиры англійскаго Лукіана были уже слишкомъ длинны и безъ этихъ математическихъ указаній.

Лондонскіе остряки, кажется, лишили бѣднаго Гарве и послѣдняго остроумія: онъ и его слишкомъ тонкокожіе друзья глубоко страдали отъ язвъ, наносимыхъ сатирами Неша. Торжественная поза, которую принимаетъ бѣдный ученый при угрозахъ насмѣшниковъ, только забавна. Имъ стоило назвать Габріэля Gabrielissime Gabriel (квинтессенція самого себя), и онъ уже дрожалъ отъ гнѣва; они собираются опровергать всѣ его письма хоть цѣлую вѣчность, и это обѣщаніе приводитъ его въ отчаяніе. Слѣдующее мѣсто, въ которомъ Габріэль описываетъ свое горькое положеніе, можетъ вызвать улыбку:

«Этотъ великій порицатель всѣхъ моихъ писемъ говоритъ мнѣ: «Габріэль! если есть въ тебѣ хоть сколько нибудь остроумія и искусства, то я вытяну ихъ до конца; пиши о чемъ хочешь и на какомъ языкѣ тебѣ угодно, я никогда не оставлю тебя безъ отвѣта и во всемъ тебя опровергну: защищай истину, и я докажу, что истина, выходя изъ твоихъ нечистыхъ устъ, дѣлается ложью.» Онъ не хочетъ оставить меня въ покоѣ во всю мою жизнь, до тѣхъ поръ, пока я буду держать перо въ рукахъ — ad infinitum! Я отвѣчаю: онъ готовитъ уже возраженіе; я пишу *трипликатъ:* онъ начинаетъ *квадрупликатъ;* онъ искажаетъ мои сентенціи, рубитъ съ плеча мои аргументы, коверкаетъ мои слова, подмѣниваетъ мои фразы, и все для того, чтобы исказить и перепортить мои мнѣнія!»

Бѣдный Гарве! онъ не зналъ, что въ насмѣшкѣ *нѣтъ ничего существеннаго*, и что *нѣтъ конца* ея злой веселости.

Любовь Гарве къ гекзаметрамъ, которые онъ насильно втиснулъ въ англійскій языкъ, въ самомъ дѣлѣ смѣшна. Онъ пробовалъ употребить этотъ размѣръ въ такомъ множествѣ разнообразныхъ стихотвореній, что Нешъ замѣчаетъ поэтому случаю довольно справедливо:

«Гекзаметръ до того завладѣлъ Габріэлемъ Гарве, что онъ рѣшительно не можетъ пропустить ни одного столба на улицѣ, ни одного флюгера на верху церкви, ни одного дерева, ни одного лавроваго листа, ни одной вербы безъ того, чтобы не привѣтствовать ихъ гекзаметрами. Если послѣ ужина, за карточнымъ столомъ, ему попадется въ руки кёровая дама, то онъ готовъ всю ночь декламировать о сердцѣ мужскомъ и женскомъ.» И Нешъ приводитъ здѣсь, весьма кстати, нѣсколько самыхъ натянутыхъ гекзаметровъ Гарве.

«Я признаю, что гекзаметръ — аристократическаго происхожденія и принадлежитъ къ весьма древней фамиліи; но въ нашемъ климатѣ ему не поздоровится. Почва наша слишкомъ каменвста для этого плуга, и гекзаметръ идетъ въ англійскомъ языкѣ подергиваясь и прискакивая, какъ человѣкъ, вязнущій въ болотѣ: то подымется, то хлопнется объ землю, и никакъ не можетъ сохранить той величественной осанки, которою славился онъ у грековъ и римлянъ.»

Въ другомъ мѣстѣ, Нешъ представляетъ въ самомъ смѣшномъ видѣ поѣздку въ Лондонъ, предпринятую Гарве единственно съ тою цѣлью, чтобы написать отвѣтъ на сатиру Неша:

«Гарве остановился у своего издателя Вольфа и прожилъ у него тридцать-семь недѣль, не дѣлая шагу за двери, не выходя

даже въ церковь, и это въ самое убійственное время, когда язва свирѣпствовала въ Лондонѣ. Три-четверти года онъ оставался въ четырехъ стѣнахъ, въ самомъ яростномъ настроеніи духа, умирая отъ бѣшенства и жажды мщенія, пренебрегая спасеніемъ души и здоровьемъ тѣла, работая и потѣя такъ, что во мнѣ даже возбудилъ жалость.»

Потомъ Нешъ разсказываетъ всѣ бѣдствія, которыя вынесъ издатель сочиненій Гарве и его друзей, — «сочиненій, отъ которыхъ бумага покрывалась ржавчиною и гнилью, такъ-что бѣдный Вольфъ вынужденъ былъ просить привиллегію, чтобы въ Лондонѣ никому, кромѣ его, не продавали бумаги.» Разсказавъ множество бѣдственныхъ приключеній съ Гарве, Нешъ оканчиваетъ тѣмъ, что заставляетъ Вольфа посадить Габріэля въ Ньюгетъ, «гдѣ у него, къ вѣчному его посрамленію, отняли шпагу.» Столько вытерпѣлъ Габріэль Гарве за то, что осмѣлился задѣть Тома Неша!

Но Гарве имѣлъ возможность отрицать существованіе тѣхъ смѣшныхъ фактовъ.... «Какъ онъ говоритъ, что этого не было?» вопіетъ Нешъ и сыплетъ тысячи новыхъ анекдотовъ, одинъ смѣшнѣе другого, разукрашенныхъ для эффекта, но основанныхъ на такихъ фактахъ, которые могла подмѣтить одна только неусыпная злость. И Нешъ торжествуетъ:

«Посмотрите, я разрушилъ славу ученаго доктора при дворѣ, и чего бы мнѣ ни стоило, я не оставлю его до тѣхъ поръ, пока не выживу изъ университета.» Онъ разсказываетъ намъ, что Гарве выведенъ былъ на сцену въ Троицкомъ Коллегіумѣ, «въ остроумной комедіи: Pedantius, гдѣ легко было узнать Габріэля въ ѳопорномъ школьномъ учителѣ, которому набили ротъ фразами Гарве и котораго снабдили всѣмъ шутовствомъ, раскиданнымъ въ его книгахъ: они до того позаботились объ этой роли, что достали даже мантію Гарве и его пантуфли и переняли его напыщенный акцентъ. Пусть онъ докажетъ, что онъ и его братья не были выведены на сцену въ Кларгаллѣ, въ комедіи подъ названіемъ:

Tarrarantantara turba tumultuosa Trizonum
Tri-Harveyorum Tri-harmonia,

или что въ другой комедіи, подъ названіемъ: «Duns furens, или Дикъ Гарве въ бѣшенствѣ», не былъ выведенъ на сцену, въ Петергозѣ, младшій Гарве, что̀ привело Дика въ такое бѣшенство, что онъ, ворвавшись въ Коллегіумъ, перебилъ окна, и докторъ Пренъ вынужденъ былъ посадить его въ карцеръ и продержать тамъ до окончанія представленія.»

А этотъ Дикъ Гарве былъ не только братъ человѣка, уважаемаго въ литературѣ и въ обществѣ, но и замѣчательный профессоръ своего времени. Нешъ называетъ его «пигмеемъ Дикомъ», похожимъ на пучокъ сальныхъ свѣчей. Крошечный Дикъ посвядѣлалъ глупости съ молочницей, какъ увѣрялъ меня одинъ изъ тилъ всю свою жизнь и все свое крошечное остроуміе на защиту Брута и троянцевъ (*). Геркулесовскій подвигъ этого бѣшенаго Дика состоялъ въ томъ, что онъ поставилъ на воротахъ Кембриджской школы бюстъ Аристотеля съ вывороченными пятками и приклеилъ ему ослиныя уши»; а Томъ «заноситъ этотъ подвигъ въ лѣтописи in perpetuam dei memoriam.» Но Вудъ, нашъ серьёзный и проницательный антикварій, замѣчаетъ:

«Чтобы ни говорили эти пустыя головы (лондонскіе остряки) о Ричардѣ Гарве, его творенія убѣждаютъ насъ, что онъ совершенно былъ не таковъ, какимъ они его представляютъ.»

Далѣе Нешъ дѣлаетъ смѣшное сравненіе «тупоумнаго Габріэля съ взъерошеннымъ Ричардомъ.» Астрономъ Ричардъ постоянно снимаетъ съ неба Большую Медвѣдицу и вводитъ въ свои лекціи такіе безбожные вопросы, «о которыхъ я и говорить не хочу, изъ страха, чтобы земля меня не поглотила.» Въ заключеніе, Нешъ горько сожалѣетъ, что у него не осталось болѣе мѣста; «а то бы я заставилъ Габріэля бѣжать изъ Англіи, показавъ ясно, что онъ самый прожорливый неряха, какой только когда либо вылизывалъ блюда въ барскихъ домахъ, куда онъ затесался непрошенный и откуда его выгнали за растространеніе соблазнительныхъ парадоксовъ между поваренками.» Нешъ считалъ самого себя чѣмъ-то въ родѣ Архилоха и думалъ, что его сатиры могутъ заставить человѣка повѣситься.

Какъ дурно выдерживалъ бѣдный Гарве эту литературную дуэль и какъ сильно сатиры Неша задѣвали его, мы видимъ изъ его собственнаго признанія. Въ своихъ письмахъ, послѣ нѣсколькихъ любопытныхъ разсужденій о сатирахъ Архилоха, Лукіана, Аретина и Скельтона, — «всего этого ядовитаго исчадія старыхъ и новыхъ остряковъ» — онъ, Гарве, осуждаетъ даже своего благороднаго друга Спенсера за его сатиры.

Всѣ обстоятельства, разсказанныя такъ подробно въ этой біографіи, носятъ на себѣ только *тѣнь истины*; но кто въ состояніи отдѣлить въ ней истину отъ вымысла? И такіе-то разсказы

(*) Ричардъ Гарве написалъ очень ученое разсужденіе о томъ, что Брутъ былъ на Британскихъ островахъ. А въ университетѣ партія, нападающая на Аристотеля, называлась троянцами, принявъ на себя имя заклятыхъ враговъ грековъ.

доходятъ до потомства, запутывая характеры знаменитыхъ людей въ непроницаемую тѣнь клеветы и геніальнаго вымысла.

Писатели, подобные Нёму и его собратіямъ, отдѣляютъ сами себя отъ всего человѣчества и разрываютъ связь, соединяющую ихъ съ обществомъ: они живутъ посреди его подобно бандитамъ. Въ этомъ и безъ того слишкомъ обильномъ извлеченіи я не выписалъ самыхъ преступныхъ обвиненій, взводимыхъ на Гарве, и оставилъ нетронутыми самыя грубыя клеветы: я хотѣлъ только показать гибельныя дѣйствія насмѣшки и обличить тѣ орудія, которыми она чернитъ по своей волѣ самые достойные характеры. Дикая веселость насмѣшки, отягчая и преувеличивая дѣйствительные недостатки характера и выдумывая несуществующіе, мучитъ жертву пустой игры и злаго юмора и кидается на одну изъ самыхъ ломкихъ вещей — доброе имя человѣка, которое такъ трудно защитить, но съ которымъ связано столько личнаго спокойствія и счастія.

III.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕНАВИСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОМПЛОТЫ.

Въ мирномъ ходѣ литературы мы съ изумленіемъ останавливаемся передъ людьми талантливыми, но обладающими завистливымъ умомъ и дерзкою рукою убійцы, вооруженною вмѣсто пера стилетомъ. Раздражительность, мстительность, ни предъ чѣмъ не блѣднѣющая сатира отличаютъ такихъ писателей. Они не могутъ простить своему сопернику его талантовъ и его достоинствъ и преслѣдуетъ его цѣлую жизнь, пока наконецъ, по закону нравственнаго вознагражденія, не сгараютъ сами въ томъ ненасытномъ пламени, которое сами же воспитали въ груди своей. Такія неестественныя страсти дѣйствуютъ всего сильнѣе въ *провинціяльныхъ писателяхъ:* ихъ дурныя стремленія, сосредоточиваясь въ тѣсномъ кружкѣ, быстрѣе разгараются. Самая близость геніяльнаго человѣка и фамильярное обращеніе съ нимъ возбуждаютъ въ такихъ людяхъ злобу и ненависть: несчастный, постигнутый этою разрушительною страстью, воображаетъ, кажется, что, уничтожая геній другаго, онъ прокладываетъ дорогу своей собственной славѣ. Искусство и геній, съ которыми они не могутъ состязаться, терзаютъ ихъ цѣлую жизнь. Не выходя на открытую арену соперничества, они подкрадываются къ своимъ жерт-

вамъ съ ловкостью наемныхъ бандитовъ. Такая жизнь раскрывается теперь передъ нашими глазами.

Докторъ Жильбертъ Стюартъ съ самой ранней молодости посвятилъ себя литературѣ; но привычки его были безпорядочны и страсти пламенны. Слава Робертсона, Блера, Генри и другихъ, цѣлаго кружка тогдашнихъ геніальныхъ шотландскихъ писателей, не давала ему покоя и наполняла душу его злобой и завистью. Онъ направилъ всѣ свои литературныя усилія на то, чтобы унизить таланты другихъ: всѣ его историческія сочиненія написаны съ тою цѣлію, чтобы уронить сочиненія Робертсона, а всѣ его критическіе труды вызваны желаніемъ подрыться подъ славу геніевъ родной страны. Переписка этого автора съ его лондонскимъ издателемъ лежитъ передъ нами, и она объяснитъ намъ, какимъ образомъ Стюартъ сдѣлалъ адъ изъ собственной своей жизни, и какимъ образомъ его замѣчательный талантъ, который могъ бы быть обработанъ и доведенъ до совершенства, утратилъ всѣ признаки человѣчности и погибъ окончательно, поглощенный враждебными страстями. Я только передаю здѣсь, со всею возможною вѣрностью, надежды и разочарованія этого литературнаго бойца, не примѣшивая своихъ собственныхъ ощущеній. Колоритъ этой статьи не мой: я своею кистью беру краски съ палитры самого художника.

Въ іюнѣ 1773 года, въ столицѣ Шотландіи былъ составленъ планъ «Эдинбургскаго Магазина и Обозрѣнія» (The Edinburgh Magazine and Rewiew). Письма Стюарта по этому поводу полны самыхъ злобныхъ надеждъ. Онъ многаго ждетъ отъ умнаго издателя, Смелли, и отъ нѣсколькихъ почтенныхъ критиковъ: профессора Барона, доктора Блаклока и профессора Ричардсона; и въ самомъ дѣлѣ, первый нумеръ этого журнала былъ составленъ съ такимъ искусствомъ, какого не представляло прежде ни одно періодическое изданіе. Но дерзкая смѣлость мнѣній Стюарта, его нападки на личность, язвительность его литературной брани представляли такое новое и уродливое явленіе въ шотландской литературѣ, что многіе почтенные люди съ ужасомъ смотрѣли на этотъ журналъ.

Стюартъ рѣшился украсить первую книжку своего журнала: «гравюрой, представляющей лорда Монбоддо въ видѣ четвероногаго. А потому я настоятельно прошу васъ, поищите этого изображенія въ какой нибудь лубочной лондонской типографіи; здѣсь же боятся продавать его. Намъ хочется представить его въ видѣ небывалаго животнаго и приложить къ нему важное

описаніе, въ родѣ описаній Бюффона. Впрочемъ, я не намѣренъ нападать на его лордское сіятельство слишкомъ «открыто».

Однако, онъ не рискнулъ приложить описанія, и только одно изображеніе небывалаго звѣря было выставлено въ окнахъ продавцовъ картинъ. Таковъ былъ первый дебютъ авторской фантазіи Стюарта, обѣщавшей далеко развиться современемъ.

Въ сентябрѣ этотъ враждебный жаръ не ослабѣлъ.

«Успѣхъ — пишетъ онъ — превзошелъ всѣ наши ожиданія: подписка въ книжныхъ магазинахъ ростетъ изумительно: корреспонденты стекаются толпою; но болѣе всего поразитъ васъ то, что робкій владѣлецъ «Шотландскаго Магазина» хочетъ бросить свое изданіе. Вы изумлены!... я тоже!»

Такимъ образомъ онъ льститъ себя надеждою, что уже уничтожилъ своихъ противниковъ: появленіе перваго нумера журнала должно было нанести имъ послѣдній и окончательный ударъ. Авторы и золотопромышленники — самыя сангвиническія натуры въ свѣтѣ; и Жюльбертъ Стюартъ торжествовалъ уже свою побѣду надъ докторомъ Генри, воображая его у ногъ своихъ, издыхающимъ подъ его критическимъ томагоукомъ.

При выходѣ перваго нумера, въ ноябрѣ 1733 года, торжествующій тонъ Стюарта продолжается: онъ съ лихорадочной восторженностью увѣдомляетъ своего друга, что «тысячи экземпляровъ разлетѣлись изъ Роу и Флитъ-Стрита».

Декабрьскія письма Стюарта нѣсколько умѣреннѣе: причиною этого, какъ кажется, былъ довольно холодный отвѣтъ лондонскаго корреспондента. Журналъ, наполненный личностями и колкостями, не произвелъ большаго впечатлѣнія въ Лондонѣ. Однакожъ, Стюартъ продолжаетъ увѣрять своего друга, что «второй нумеръ будетъ лучше перваго, а третій лучше втораго.»

Слѣдующее за тѣмъ письмо, отъ 4 марта 1774 г., писано Стюартомъ подъ вліяніемъ того же хорошаго расположенія духа:

«Магазинъ идетъ впередъ и въ этомъ нумерѣ обѣщаетъ еще болѣе. Наша артиллерія заставила умолкнуть непріятельскія баттареи. Всѣ важныя физіономіи дуются; Городской Совѣтъ вздумалъ было удержать насъ и погрозилъ притянуть Крича (эдинбургскаго издателя) къ суду за дерзости. Памфлетъ на злоупотребленія Геріотскаго госпиталя, въ которомъ ясно доказываются всѣ злоупотребленія смотрителя, былъ имъ отвѣтомъ. А теперь мы приготовляемъ имъ новую казнь: разборъ таксы для бѣдныхъ.

Таковъ духъ этой реформы и языкъ реформатора! Эта злость не похожа на патріотизмъ. Презрѣніе, съ которымъ Стюартъ отзывается о своихъ современникахъ, забавно:

«Монбоддо издалъ свой второй томъ, а въ будущемъ же нумерѣ мы отдѣлаемъ его и Кемза: произведеніе перваго чисто ребяческое, втораго — немного лучше. Мы раздѣлаемся съ ними безъ всякихъ церемоній. Я замѣчаю удивительный упадокъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ. Мы загонимъ ихъ. Я думаю, что ихъ поддерживаютъ одни диссиденты, самый глупый сортъ людей. «Ежемѣсячное Обозрѣніе» не можетъ загладить потери, нанесенной ему смертію Гоксворса (Hawkesworth), и я сильно подозрѣваю, что Лангхорнъ оставилъ ихъ: давно уже я не вижу его пера.»

Мы достигли теперь до неожиданной и нравственной катастрофы нашего разсказа. «Тысячи экземпляровъ, полетѣвшихъ въ Лондонъ», остались большею частію въ книжныхъ лавкахъ: публика мало ихъ требовала. Въ Эдинбургѣ литературная вражда, наполнявшая новый журналъ, дала было сначала ему большой ходъ; но потомъ она же была и тайною причиною его упадка: лихорадочный успѣхъ журнала былъ непроченъ и носилъ уже въ себѣ сѣмена разрушенія. Стюартъ скоро поссорился съ своимъ сотрудникомъ, Смелли, за искаженіе направленія его журнала. Осторожный Смелли такъ искусно составилъ статью, назначенную поразить лордовъ Монбоддо и Кемза, что она незамѣтно изъ сатиры преобразилась въ панегирикъ. Кромѣ того, издатели были вовлечены въ непріятный процессъ за дерзкія статьи противъ духовенства. Бѣшеный зоилъ дорого заплатилъ за свое недолговременное торжество и былъ принужденъ сознаться, что это обстоятельство «разрушило его покой». Онъ рѣшается сдѣлать изъ своего великолѣпно-задуманнаго обозрѣнія простую компиляцію статей лондонскихъ періодическихъ изданій. Таковъ всегда прогрессъ злого таланта! Авторъ самъ испытываетъ на себѣ тѣ орудія пытки, которыя онъ готовилъ для другихъ.

Теперь мы приступаемъ къ самому замѣчательному мѣсту:

«17 іюля 1774 года.

«Мнѣ чрезвычайно больно, что «Магазинъ» не понюхъ въ Лондонѣ: я думалъ, что лондонская почва будетъ для него благопріятнѣе. Но видно, мнѣ суждено уже выносить постоянныя неудачи во всемъ, что бы я ни задумалъ. При такомъ счастіи я удивляюсь еще, какъ мнѣ удалось убѣдить издателя. Мнѣ очень

досадно, что я оставилъ Лондонъ, и я думаю, какъ только обзаведусь деньгами, снова воротиться туда. *Я смертельно ненавижу Эдинбургъ и всѣхъ, кто живетъ въ немъ.* Нѣтъ ни одного города въ мірѣ, который бы имѣлъ столько претензій на ученость и такъ мало учености. Торжественныя мины и грубое невѣжество шотландскихъ литераторовъ невыносимы. Въ этомъ городѣ ничего нельзя сдѣлать такого, въ чемъ бы была хоть капля здраваго смысла: только жеманство, лицемѣріе и предразсудки процвѣтаютъ здѣсь. Пусть погибнетъ эта страна и всѣ ея жители: мужчины, женщины и дѣти!»

Далѣе: «Журналъ мой слишкомъ хорошъ для этой страны: людей со вкусомъ и съ знаніями весьма мало по эту сторону Твида; но на всякомъ шагу вы встрѣтите идіота, который объявитъ вамъ свои претензіи на то и на другое. Успѣхъ «Магазина» въ Шотландіи даже больше того, чего мы должны были ожидать, принимая въ соображеніе, что всѣ здѣсь думаютъ только объ его уничтоженіи.»

Далѣе преступный шотландецъ проклинаетъ шотландскій народъ, — за то, что онъ не апплодировалъ его поносной брани, его клеветамъ и дерзостямъ и всякаго рода литературнымъ преступленіямъ. Такова та чудовищная страсть, которая горитъ въ груди литературнаго таланта, сбросившаго съ себя всѣ узы нравственности. Это то же самое чувство, которое заставило Колло д'Эрбуа сдѣлать предложеніе зажечь Ліонъ (уже залитый кровью) со всѣхъ четырехъ концовъ, за то, что ліонцы осмѣлились нѣкогда освистать его на сценѣ,—его, жалкаго и бездарнаго актера!

Стюартъ проклялъ Шотландію и удалился въ Лондонъ, — упавшій, но не смирившійся; отвергнутый, но не измѣнившійся, уничтоженный, но все еще высокомѣрный: перемѣна мѣста не измѣнила его сердца. Онъ закоренѣлъ въ литературныхъ преступленіяхъ и погибъ въ нихъ. Въ Лондонѣ въ это время началось изданіе *Англійскаго Обозрѣнія*, идоломъ котораго былъ Витакеръ (Whitaker), манчестерскій историкъ. Стюартъ говоритъ, что онъ «отдаетъ пальму первенства Витакеру, а не Юму и Робертсону». По слухамъ же я знаю, что онъ ставилъ себя самого выше Витакера и на одну доску съ Монтескьё. Онъ выхлопоталъ для себя и для Витакера степень доктора правъ, и этотъ претендентъ на громадную славу гордился теперь титломъ, купленнымъ за деньги. Въ *Англійскомъ Обозрѣніи* выразился весь злобный геній Стюарта, раздувшаго вражду между шотландцами въ Лондонѣ и шотландцами въ Эдинбургѣ. «Горькое зелье

приготовляемое имъ для Блера, Робертсона, Гиббона и всѣхъ талантливѣйшихъ писателей того времени, сначала пробудило въ публикѣ неестественный вкусъ, но потомъ было отброшено съ негодованіемъ, какъ злая глупость.

Но раскроемъ теперь тотъ литературный комплотъ, который былъ руководимъ Стюартомъ. Этотъ комплотъ, по тому упорству, съ которымъ онъ преслѣдовалъ свои дѣла, не имѣетъ, можетъ быть, ничего себѣ подобнаго во всей исторіи литературы. Вслѣдствіе его, спокойствіе замѣчательнаго автора, доктора Генри, было нарушено на долго; продажа его сочиненій, на которыя онъ издержалъ бо́льшую часть своего имущества, остановилась; самъ онъ, покрытый позоромъ и преслѣдуемый насмѣшками, долженъ былъ покинуть Лондонъ и уѣхать въ Эдинбургъ, встрѣчаемый повсюду враждою и презрѣніемъ. Все это было дѣломъ одной и той же руки, чего, можетъ быть, не зналъ самъ Генри. Этотъ злобный Протей являлся повсюду на его дорогѣ, въ тысячѣ новыхъ формъ.

Въ письмахъ Стюарта, находящихся у меня, я могъ прослѣдить развитіе этого литературнаго заговора отъ начала до конца.

25 ноября 1773 г.

«Во многихъ журналахъ напали на насъ, и въ особенности докторъ Генри, который очень длинно и очень глупо защищаетъ противъ насъ свое скучное разглагольствованіе. Я отвѣчалъ ему, и съ такимъ искусствомъ, какое неизвѣстно въ этой странѣ. Почтеннѣйшій историкъ пришелъ въ неописанное изумленіе и тотчасъ же призвалъ къ себѣ на помощь все *Общество Распространенія Полезныхъ Свѣдѣній*. Всѣ члены этого Общества меня преслѣдуютъ, и я преслѣдую ихъ въ свою очередь. Они фанатики и раздраженны, я скептикъ, хладнокровенъ и безстрастенъ; я смѣло открываю борьбу, потому что чувствую себя въ силахъ бороться съ ними: или побѣда останется за мною, или я погибну какъ слѣдуетъ человѣку.»

13 декабря 1773 г.

«Давидъ Юмъ хочетъ писать разборъ сочиненій Генри; но этотъ трудъ такъ соблазнителенъ, что я самъ берусь за него и не уступлю его никому и ни за что въ свѣтѣ.»

4 апрѣля 1774 г.

«Генри окончательно уничтоженъ; продажа его сочиненій остановилась, и даже прежніе друзья покинули его. Прошу васъ, увѣдомьте, въ какомъ положеніи находятся дѣла его въ

Лондонѣ. Генри отложилъ свою поѣздку въ Лондонъ; вы не можете себѣ представить, до какой степени онъ униженъ (*).

«Мнѣ бы хотѣлось пріѣхать въ Лондонъ, чтобы написать разборъ исторіи Генри въ «Ежемѣсячномъ Обозрѣніи». Статья здѣсь и другая, въ «Критическомъ Обозрѣніи», совершенно бы его уничтожили. Не можете ли вы поработать въ послѣднемъ? Что̀ касается до «Ежемѣсячнаго», то кажется, что Давидъ Юмъ помѣстилъ тамъ статью, которую онъ назначалъ прежде для васъ. Это очень хорошо, и мы славно позабавимся. Я добылъ корректуру этой статьи, чтобъ потѣшиться надъ ней съ пріятелями. Этотъ великій философъ начинаетъ завираться (*)»

Стюартъ приготовляется, по пріѣздѣ Генри въ Лондонъ, напасть на него разомъ во всѣхъ журналахъ и, уронивъ достоинство его исторіи, отбить покупщиковъ.

21 марта 1774 г.

«Завтра утромъ Генри отправляется въ Лондонъ съ огромными надеждами на распродажу своей исторіи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы послѣдняя книжка нашего обозрѣнія опередила его и прежде достигла вашей столицы. Впрочемъ, какъ я полагаю, ему не выручить много: наша книжная торговля не такъ глупа, чтобъ платить чистыя деньги за совершенную безсмыслицу. Мнѣ отъ души хотѣлось бы въѣхать въ Лондонъ вмѣстѣ съ Генри. Онъ, я думаю, горитъ желаніемъ помириться со мною. Умоляю васъ, дайте ему почувствовать остроту вашихъ когтей, и я никогда не забуду вашей услуги. Если Гвитанеръ въ Лондонѣ, то онъ можетъ хватить его сверху; а Петерсонъ пусть толкнетъ его въ бокъ. Душите его со всѣхъ сторонъ! Пусть дрожитъ и блѣднѣетъ этотъ негодяй и возвращается къ намъ съ полнымъ со-

(*) Докторъ Генри былъ замѣчательный ученый, но имѣлъ несчастную страсть къ юмору, и его слогъ мало согласовался съ достоинствомъ предмета. Тѣмъ не менѣе его изъисканія и теперь сохранили свою цѣну. Но въ журналахъ было сказано о немъ, что его сочиненіе не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Перепутанное, написанное площаднымъ слогомъ, безграмотное, оно лишено всѣхъ историческихъ достоинствъ. Авторъ, какъ антикварій, не имѣетъ ни точности, ни познаній; какъ историкъ, онъ не имѣетъ ни одушевленія, ни вкуса, ни чувства. Его твореніе — настоящая газета, въ которой мы читаемъ происшествія, не видя ихъ причинъ, и въ которой мы встрѣчаемъ одни имена и ни одного характера. Онъ подобралъ въ свое сочиненіе только одинъ хламъ и бракъ описываемаго имъ времени. — Стюартъ и не воображалъ, что придетъ время, когда имя Генри будетъ знакомо всякому англійскому читателю, а имя Стюарта будетъ предано полному забвенію.

(*) Критика на Генри въ «Ежемѣсячномъ Обозрѣніи» (Monthly Rewiew) была написана Юмомъ, и простота и наивность философа показались Стюарту безуміемъ.

знанiемъ своего ничтожества. Умоляю васъ, напишите ко мнѣ тотчасъ же, какъ только вы его увидите. Онъ горько жаловался на меня Страгану и Розе. Я пришлю къ вамъ статью о немъ: «Предостереженie съ Парнаса», въ родѣ Боккалини.»

Мартъ 1774 г.

«Докторъ Генри теперь уже добрался до Лондона. Я надѣюсь, что вы засвидѣтельствуете ему свое почтенie въ «Утренней Хроникѣ» (Morning Chronicle). Если вы только потрудитесь выписать хоть одну изъ его шуточекъ, то вы сдѣлаете его навсегда смѣшнымъ. Напримѣръ, возьмите хоть то, что говоритъ онъ о св. Дунстанѣ. Вы меня понимаете.»

27 марта 1774 г.

«Тысячу благодарностей вамъ за вашу статью въ «Лондонской Хроникѣ» и за то участie, которое вы принимаете въ отношенiи Генри; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы нанесли ему окончательный ударъ не прежде, какъ увѣрившись, что онъ дѣйствительно въ Лондонѣ. Когда вамъ случится раздѣлываться съ вашимъ собственнымъ врагомъ, то я отблагодарю васъ за вашу услугу и мѣтко нанесу ему смертельный ударъ: для васъ я готовъ опрокинуть все на свѣтѣ, хотя бы само адское пламя шло мнѣ на встрѣчу.

«Я не могу и выразить, какъ прiятно мнѣ, что Гвитанеръ раздѣляетъ наше презрѣнie къ Генри. Этотъ идiотъ, уѣзжая изъ Эдинбурга, грозилъ, что онъ найдетъ средство привлечь на свою сторону лондонскiя обозрѣнiя, и что ихъ панегирики заставятъ умолкнуть нашу критику. Юмъ велъ себя дурно въ этомъ дѣлѣ, и я собираюсь наказать его: вашъ журналъ можетъ ожидать отъ меня цѣлаго ряда статей, въ которыхъ я укажу на множество ошибокъ Юма и выставлю его полное невѣжество въ англiйской исторiи. Вѣрующiе и невѣрующiе нападаютъ на меня: это ужь слишкомъ много для человѣка съ моимъ характеромъ, и моя гордость не выноситъ болѣе. Я стану защищать себя такъ, какъ они, конечно, и не ожидаютъ.»

11 апрѣля 1774 г.

«Съ невыразимымъ удовольствiемъ прочелъ я извѣстie, что великiй мужъ уже въ столицѣ. Это превосходно, и этимъ вы обязаны мнѣ. Вы изумительно совершенствуетесь. Бѣдное творенiе остолбенѣетъ. Вотъ для него статейка; помѣстите ее. Боккалини не замедлитъ. Я хочу дѣйствовать такъ, чтобы Давидъ (Юмъ) узналъ, что толкуетъ Генри объ его обозрѣнiи: это въ высшей степени низко. Но чего хорошаго можно ожидать отъ этого неуча? Видѣли ли вы Мекферлана? Онъ обязанъ мнѣ бла-

годарностью за свою исторію Георга III и, вѣрно, потрудится подложить огонька. Идіотъ будетъ предложенъ въ предсѣдатели при слѣдующемъ выборѣ: надѣюсь, однакожь, что онъ не останется безъ оппозиціи.»

20 мая 1774 г.

«Боккалини готовъ былъ уже къ отправкѣ, когда почтенный историкъ, для котораго онъ былъ приготовленъ, появился въ Эдинбургѣ; впрочемъ, я позабочусь, чтобъ статья моя не пропадала даромъ. Критика Давида была ему пріятна. Это любопытный образчикъ, съ одной стороны, нахальства и тщеславія, а съ другой — низости, достойной презрѣнія. Старый историкъ начинаетъ завираться, а молодой и не переставалъ врать.»

3 апрѣля 1775 г.

«Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что все, что́ было написано для уничтоженія этого человѣка, не забыто и никогда не позабудется. Бѣдный Генри при смерти, и друзья его объявили, что я убилъ его. Я принялъ это увѣдомленіе, какъ комплиментъ, и отвѣчалъ, что они дѣлаютъ мнѣ этимъ обвиненіемъ слишкомъ много чести.»

Но Генри и его исторія пережили Стюарта и *его критики;* Робертсонъ, Блеръ, Кемзъ и другіе, на которыхъ нападалъ онъ, заняли должное мѣсто въ общественномъ уваженіи. Какой же пьедесталъ занимаетъ Стюартъ? Его историческія творенія, не основанныя на добросовѣстномъ изученіи, блестятъ только мишурнымъ блескомъ; но прочное зданіе исторіи строится не изъ дерзскихъ парадоксовъ и блестящихъ фразъ. Эта тѣнь *Монтескьё,* съ которымъ онъ хотѣлъ соперничать, въ послѣдніе дни своей жизни искала утѣшенія въ темномъ углу бюртонской харчевни. Здѣсь онъ и двое или трое другихъ разочарованныхъ писателей, соперничая въ возліяніяхъ, угощали другъ друга пивомъ, за которое не всегда могли расплатиться, и вспоминали свои неудачные литературные подвиги. За нѣсколько времени до смерти Стюарта характеръ его смягчился, и его злость обратилась въ глубокую меланхолію. Теперь онъ, съ горечью въ душѣ, рецензировалъ самого себя и видѣлъ въ себѣ жертву преступнаго честолюбія, строившаго свою славу на развалинахъ славы своихъ соотечественниковъ, и погибшій талантъ, который при лучшемъ направленіи могъ бы принести много пользы. Жильбертъ Стюартъ умеръ такъ же, какъ жилъ: онъ погибъ жертвой невоздержности физической и нравственной!

IV.

БѢДСТВІЯ ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Сочиненія Юма пользуются такою извѣстностью, философія его полна такого свѣтлаго спокойствія, его обращеніе было такъ привлекательно, что мы не безъ удивленія встрѣчаемъ имя его въ каталогѣ писателей-несчастливцевъ. Но взгляните на всю жизнь Юма, и вы убѣдитесь, что бо̀льшая часть ея была полна огорченій и неудачь, и что этотъ твердый человѣкъ, обладавшій такимъ стоическимъ характеромъ, готовъ былъ навсегда оставить свою отчизну и перемѣнить свое имя, и исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы обстоятельства, независѣвшія отъ него, не удержали его въ Англіи.

«Я не могу — говоритъ Юмъ — похвалиться успѣхомъ моихъ первыхъ и лучшихъ сочиненій.» Его «Трактатъ о Человѣческой Природѣ» умеръ тотчасъ же по выходѣ изъ печати. Авторъ далъ этому сочиненію новое заглавіе; но и тогда успѣхъ его былъ немного болѣе. Слѣдующее письмо его къ де-Мезо, которое, какъ кажется, еще до сихъ поръ неизвѣстно публикѣ, познакомитъ насъ съ чувствами молодого и скромнаго философа:

«Давидъ Юмъ къ де-Мезо.

«Сэръ!

«По моей подписи вы уже угадаете содержаніе всего письма. Ни одинъ молодой авторъ не можетъ удержаться, чтобъ не говорить о своихъ произведеніяхъ цѣлому свѣту; но если, кромѣ того, онъ встрѣчается съ человѣкомъ, судъ котораго онъ признаетъ и знанія котораго цѣнитъ высоко, тогда можно простить ему это желаніе. Вы были такъ добры, что обѣщали мнѣ, если вамъ удастся найти свободное время отъ другихъ вашихъ занятій, бросить взглядъ на мою философскую систему и въ то же время спросить о ней мнѣнія тѣхъ изъ вашихъ знакомыхъ, которыхъ вы сочтете способными быть судьями въ этомъ дѣлѣ. Нашли ли вы мою систему достаточно понятною? кажется ли она вѣрною? сносенъ ли слогъ, которымъ она изложена? Вотъ три вопроса, которые заключаетъ въ себѣ все, и я прошу васъ отвѣчать на нихъ съ полной свободой и откровенностью. Я знаю, что есть обыкновеніе льстить поэтамъ, говоря о ихъ произведеніяхъ; но надѣюсь, что философы не подлежатъ этому правилу,

тѣмъ болѣе еще, что въ этомъ отношеніи произведенія поэзіи и философіи совершенно неодинаковы: если намъ что нибудь не нравится въ произведеніяхъ поэзіи, то мы не можемъ выставить на это другой причины, кромѣ собственнаго нашего вкуса; но такъ какъ такая причина неубѣдительна, то мы считаемъ за лучшее скрыть наши чувства. Но каждая ошибка въ философіи можетъ быть ясно указана и доказана, и я льщу себя надеждою, что вы подарите меня этими указаніями въ отношеніи произведенія, которое я вамъ вручаю. Но я боюсь, что для васъ будетъ слишкомъ затруднительно обозначить всѣ ошибки, которыя вы замѣтите, потому прошу васъ указать мнѣ по крайней мѣрѣ хотя на самыя существенныя изъ нихъ, и вы можете быть увѣрены, что я приму это какъ особенную благосклонность съ вашей стороны.

«Остаюсь, съ величайшимъ уваженіемъ,
сэръ, вашъ покорнѣйшій и
преданнѣйшій слуга
Давидъ Юмъ.

6 апрѣля 1739 г.

«Если вамъ угодно будетъ писать ко мнѣ, то адресуйте въ Найнвелль, близъ Бервика, за Твидомъ.»

Любимое сочиненіе Юма «Разсужденіе о Началахъ Морали» прошло въ свѣтъ никѣмъ незамѣченное. Къ изданію первой части своей исторіи онъ приступилъ съ самыми блестящими надеждами. Вотъ что́ говоритъ онъ самъ по этому поводу:

«Мнѣ казалось, что я былъ единственнымъ историкомъ, который не обращалъ никакого вниманія ни на внѣшнія современныя обстоятельства, ни на собственный свой интересъ и презиралъ предразсудки толпы; а такъ какъ предметъ былъ по моимъ силамъ, то я и надѣялся на соразмѣрный успѣхъ. Но ужасно было мое разочарованіе! Всѣ классы общества соединились противъ меня за то, что несчастная судьба великихъ жертвъ прошлаго столѣтія вызвала у меня великодушную слезу.» «Но еще оскорбительнѣе было то, что книга моя, казалось, была предана полному забвенію, и что только сорокъ-пять экземпляровъ ея было продано въ двѣнадцать мѣсяцевъ.»

Юмъ, обладавшій такимъ стоическимъ литературнымъ характеромъ, былъ до того сраженъ и до того напуганъ этой неудачей, что потерялъ всякое желаніе продолжать далѣе и «рѣшился перемѣнить свое имя и никогда болѣе не возвращаться на роди-

ну»; но тогдашняя война помѣшала ему привесть въ исполненіе это намѣреніе.

Однако же, какъ только неудача перваго тома исторіи была нѣсколько позабыта, Юмъ снова взялся за перо и приступилъ ко второму тому, «который долженъ былъ выкупить своего несчастнаго брата». Но всего враждебнѣе была встрѣчена третья часть исторіи, содержащая въ себѣ царствованіе Елисаветы. «Эти постоянныя неудачи — говоритъ Юмъ — сдѣлали меня нечувствительнымъ къ поверхностному сужденію публики», и онъ окончилъ свою исторію, имѣвшую и тогда весьма незначительный успѣхъ.

Наконецъ, уже только на шестьдесятъ-пятомъ году своей жизни, за годъ или за два до смерти, Юмъ могъ сказать: «Я вижу многіе признаки моей литературной извѣстности, обнаружившейся *наконецъ* съ нѣкоторымъ блескомъ; но немного лѣтъ осталось мнѣ наслаждаться имъ.» Какое жалкое утѣшеніе для философа-скептика, подобнаго Юму!

Къ имени Юма мы позволяемъ себѣ присовокупить не менѣе знаменитое имя Драйдена.

Приготовивъ второе изданіе Виргилія, Драйденъ принужденъ былъ искать насущнаго хлѣба. Едва окончивъ одинъ тяжелый трудъ, онъ немедленно принялся за другой, и не могъ откладывать, потому что въ то самое время онъ отправилъ въ Римъ своего больного сына. Въ одномъ изъ писемъ къ своему книгопродавцу, Драйденъ говоритъ: «если Богу угодно уже допустить, чтобы я умеръ отъ изнеможенія, подъ гнетомъ трудовъ, превышающихъ мои силы, то я не могу лучше истратить своей жизни, какъ употребить ее на сохраненіе жизни моего сына.» Въ это-то время, на семидесятомъ году своей жизни, «изнуренный трудами и угнетенный судьбою», какъ онъ самъ выражается въ своемъ предисловіи къ Виргилію, Драйденъ принужденъ былъ заключить контрактъ съ книгопродавшемъ на 10,000 стиховъ, по шести пенсовъ за строчку!

Вся драматическая жизнь, съ перваго до послѣдняго дня, была рядомъ бѣдствій и неудачь. Въ то самое время, когда онъ чувствовалъ, что силы его слабѣютъ, и на томъ же самомъ поприщѣ, на которомъ Драйденъ долженъ былъ добывать себѣ средства къ существованію и славу, онъ встрѣтилъ противниковъ, чернившихъ его нравственность: Бокингемъ осыпалъ его острыми насмѣшками; ничтожный соперникъ его Сеттль торжествовалъ надъ нимъ повсюду; и кромѣ того Драйденъ осужденъ

былъ выносить холодный и насмѣшливый взглядъ Лангбена (Langbaine), который читалъ поэтовъ только затѣмъ, чтобы уличать ихъ въ заимствованіи. Современный геній такъ близокъ къ своимъ судьямъ, что ему трудно снискать всеобщее уваженіе; а гнѣвныя предисловія Драйдена возбудили только мстительность остроумцевъ. Какъ могли сочувствовать они оскорбленной, но все еще гордой и возвышенной душѣ поэта? Враги его распустили о немъ двѣ нелѣпыя сплетни, которымъ не вѣрили сами, но которыя выставляли Драйдена въ дурномъ свѣтѣ передъ публикою. Говорили, что, завидуя успѣхамъ Крича (Creech) въ переводахъ изъ Лукреція, Драйденъ далъ ему коварный совѣтъ попытать свои силы надъ Гораціемъ, зная навѣрное, что эти попытки будутъ неудачны: а одинъ современный театралъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ, по поводу гнѣвнаго предисловія, которое рѣшился приложить къ своей пьесѣ Конгревъ (Congreve), говоритъ:

«Публика была слишкомъ строга къ этой пьесѣ, и авторъ, по этому случаю, рѣшился отпотчивать ее въ своемъ предисловіи, что окончательно погубило и его трудъ и его самого. Дѣло въ томъ, что онъ послушался *коварныхъ* совѣтовъ своего друга, мистера Драйдена, который, завидуя успѣху прежней пьесы Конгрева, натолкнулъ его на глупое подражаніе своимъ собственнымъ гнѣвнымъ предисловіемъ.»

Нападки на Драйдена сдѣлались еще живѣе, когда вышла въ свѣтъ его «Торжествующая любовь». Тотъ же самый критикъ говоритъ по этому поводу:

«Это сочиненіе и его надменный авторъ осуждены общимъ приговоромъ всего Лондона», — и потомъ, описавъ успѣхъ «Рокового Брака» и «Невинной Любви» Созерна (Southern), заключаетъ: что «научитъ молодыхъ поэтовъ быть повѣжливѣе *и доведетъ высокомѣрнаго Драйдена и Конгрева до безумія.*»

Я привелъ эти мѣста съ тою цѣлію, чтобы читатель могъ получить вѣрное понятіе о тѣхъ чувствахъ, которыя питали современники къ величайшимъ геніямъ своего вѣка: какъ тщательно отъискиваютъ они всѣ средства, чтобы унизить и подавить этихъ великихъ людей! какъ грубо обращаются съ ними! съ какимъ удовольствіемъ стараются уморить съ голоду и довести до безумія Драйдена и Конгрева — двухъ величайшихъ талантовъ Англіи! Паденіе ихъ не возбудило сочувствія, а только презрѣніе и насмѣшку. Какое различіе между приговорами современниковъ и приговорами потомства!

Драйденъ не писалъ въ патетическомъ родѣ; но что можетъ быть трогательнѣе этихъ предисловій, которыя онъ оставилъ потомству! Они открываютъ всѣ чувства его сердца, и читатель живетъ среди его домашнихъ скорбей. Джонсонъ осуждаетъ Драйдена за то, что онъ мало цѣнилъ счастье родиться англичаниномъ (*).» Но Драйденъ не только не цѣнилъ этого счастья, но даже горевалъ о томъ, что не могъ бѣжать изъ страны, которая не умѣла вознаграждать своихъ геніальныхъ людей. Но можемъ ли мы обвинять Драйдена за то, что онъ, чувствуя всю несправедливость современниковъ, жаловался потомству, въ безпристрастіе котораго вѣрилъ?

Джонсонъ нападаетъ на Драйдена за это «стараніе напомнить свѣту о своихъ собственныхъ достоинствахъ и за безцеремонное выраженіе высокаго мнѣнія о своихъ собственныхъ талантахъ.» Драйденъ отвѣчаетъ самъ за себя, съ простотой Монтеня и съ достоинствомъ Мильтона или Грея:

«Всѣмъ авторамъ свойственно слишкомъ высоко цѣнить свои произведенія: и мнѣ лучше самому замѣтить въ себѣ эту слабость, нежели дожидаться, пока свѣтъ ее замѣтитъ. Да и зачѣмъ иначе посвятилъ бы я всю жизнь свою такому невыгодному занятію? и зачѣмъ бы состарѣлся я, добывая такое безплодное вознагражденіе, какое представляетъ намъ слава? Тѣ же самыя усилія, которыя сдѣлали меня поэтомъ, могли доставить мнѣ и почести и богатство, которыя часто даются людямъ и менѣе меня ученымъ и менѣе меня честнымъ.»

Съ какою грустью описываетъ Вайтгидъ (Whitehead) положеніе Драйдена, удрученнаго старостью:

«Человѣкъ живетъ, какъ бы ни была странна цѣль его жизни. Не безумно ли мѣнять счастье на славу? А между тѣмъ несчастному Драйдену пріятно было блистать въ этомъ безстыдномъ вѣкѣ. Бардъ, обиженный судьбою! какъ бы ни громко было твое имя, твои плачущіе стихи напоминаютъ намъ, что жизнь твоя была грустна. Къ чему послужилъ тебѣ весь тотъ блескъ, озарявшій жизнь твою, отъ восхода твоей славы до послѣдней заключительной сцены?»

Микль, переводчикъ «Луизіады», представляетъ намъ поразительный примѣръ того страннаго, меланхолическаго страха, который сопровождаетъ иногда совершеніе великаго дѣла, предпри-

(*) Джонсонъ нападаетъ на письмо Драйдена къ графу Рочестерскому, въ которомъ поэтъ, описывая свою бѣдность и униженіе, говоритъ: «Съ одного вѣка будетъ и того, что онъ убилъ презрѣніемъ Коле (Cowley) и уморилъ съ голоду Бутлера.»

пятаго геніальнымъ человѣкомъ. Пять лѣтъ онъ провелъ безвыѣздно въ деревнѣ, посвящая всего себя уединенному труду. Онъ заключилъ свое предисловіе отрывкомъ изъ поэмы, стансы которой имѣли такое грустное вліяніе на переводчика, — вліяніе, не покидавшее его цѣлую жизнь. Авторъ, словами любимаго поэта, обращается къ своей музѣ:

«Хорошо же и награждаешь ты пустой трудъ! надъ бездомной головою всходитъ блѣдная нужда и падаетъ оттуда отравленнымъ ливнемъ. Пятнающее презрѣніе кидается на тебя и пробуждаетъ трепещущаго отъ золотыхъ видѣній; въ душной темницѣ и на соломенной постели кончаешь ты свою безполезную жизнь.»

И когда наконецъ великій и тяжелый трудъ былъ оконченъ, то автору стало еще тяжелѣе, чѣмъ было тогда, когда его одолѣвали грустныя предчувствія. Онъ посвятилъ свое твореніе герцогу Бёккле (Buccleugh); герцогъ, находясь, вѣроятно, подъ вліяніемъ ученія Адама Смита или другого какого нибудь политикоэконома, былъ вооруженъ противъ всѣхъ поэтическихъ трудовъ: онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на книгу Милька. Однакожь, къ чести писателя, должно прибавить, что самое посвященіе его все состояло изъ нѣсколькихъ строкъ, неунижавшихъ достоинства поэта, и что онъ имѣлъ великодушіе и при второмъ изданіи своей книги не выбросить прежняго посвященія, хотя меценатъ его продолжалъ молчать, какъ истуканъ, которому приносятъ жертвы. Сама критика была не слишкомъ благосклонна къ этому блестящему пятилѣтнему труду и оскорбила чувствительность автора. Вотъ что̀ онъ пишетъ къ одному изъ своихъ друзей:

«Хотя мое твореніе хорошо принято въ Оксфордѣ, но я долженъ признаваться вамъ, что нѣкоторыя вещи меня оскорбили. Нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, вкравшихся въ предисловіе, были съ точностью указаны; за нѣсколько замѣтокъ о Виргиліи, Мильтонѣ и Гомерѣ мнѣ приписали слишкомъ надменныя притязанія на ученость. Но болѣе всего не понравилось имъ мое разсужденіе о бѣлыхъ стихахъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ и послѣ изданія своего великаго творенія былъ по прежнему несчастливъ. Микль, подобно Юму и Драйдену, могъ также питать желаніе покинуть родную землю. Онъ по прежнему видѣлъ себя «бездомнымъ», и тяжелыя мечты «о соломенной постели» и «душной темницѣ» не переставали посѣщать его. Бѣдность давила его; но «я никогда — говорилъ

онъ — не соглашусь писать для книгопродавцевъ.» Онъ составилъ планъ изданія своихъ собственныхъ поэмъ по подпискѣ:

«Я желаю сдѣлать послѣднее изданіе моихъ сочиненій, со всевозможною тщательностью. Это изданіе будетъ, по всей вѣроятности, моимъ прощальнымъ словомъ къ той обнаженной скалѣ, которая безплоднѣй самаго голаго изъ шотландскихъ утесовъ, и которую называютъ Парнасомъ. По окончаніи этого труда, если губернаторъ Джонстонъ не поможетъ мнѣ выйти изъ моего затруднительнаго положенія, я вынужденъ буду навсегда распрощаться съ Европой, съ моей бѣдственной нерѣшимостью и, можетъ быть, и съ тѣми душевными скорбями, которыя ее сопровождаютъ.»

Къ неменьшимъ литературнымъ бѣдствіямъ должны мы причислить и то положеніе геніальнаго писателя, когда онъ, посвятивъ свои дни на изданіе огромнаго и національнаго труда, по окончаніи его и изданіи въ свѣтъ принужденъ отказаться отъ всякой надежды на славу и на вознагражденіе своихъ пожертвованій. Конечно, это презрѣніе и заброшенное сочиненіе, сдѣлавшееся, можетъ быть, предметомъ насмѣшекъ и колкостей, становится потомъ, когда автора уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашей литературы, — но можетъ ли благодарность потомства проникнуть въ загробныя сѣни?

Это бѣдствіе неизбѣжно, хотя тѣмъ не менѣе тяжело: для оцѣнки новаго геніальнаго творенія нужно время, и потомство принадлежитъ генію. Такая судьба постигла многія изъ великихъ произведеній англійской словесности, и намъ не нужно бы было заходить въ прошедшее далѣе елисаветинскаго времени, чтобы найти примѣры такого литературнаго бѣдствія; но одно твореніе необыкновеннаго таланта по неволѣ останавливаетъ наше вниманіе.

Это твореніе есть «*Поліольбіонъ*» Михаила Драйтона (*) поэма необыкновенная по величію плана и силѣ выполненія. Генеалогія поэтическихъ произведеній не можетъ быть показана съ полной достовѣрностью, но мнѣ кажется, что первая мысль этой поэмы была внушена Драйтону планами *Леланда* и *Британіей* Камдена, который, наслѣдовавъ планы Леланда, не наслѣдовалъ его поэтическаго таланта: Драйтонъ соединялъ въ себѣ то и другое.

(*) Драйтонъ (Drayton) жилъ отъ 1563 г. до 1631. Лучшее его твореніе: «Поліольбіонъ» (Polyolbion), въ которомъ онъ описываетъ великобританскіе острова. Мы во всемъ не раздѣляемъ съ Дизраэли его восторга отъ Драйтона и другихъ. *Прим. редак.*

Это національное произведеніе было дурно принято, и поэтъ не могъ никогда простить этого равнодушія своихъ современниковъ къ его великому дѣлу. Драйтонъ и его поэтическіе друзья не могли удержать своего негодованія, видя, какъ современные остроумцы осыпали насмѣшками «Поліольбіонъ.»

Одинъ изъ современныхъ поэтовъ говоритъ: «они предпочитаютъ льстивыя строки каждаго памфлетиста;» другой: «Драйтонъ живетъ и пишетъ, когда вѣкъ отказываетъ ему и въ средствахъ къ жизни и въ предметахъ для его поэмъ.»

Драйтонъ издалъ сначала только осьмнадцать частей своего «Поліольбіона», а вторую половину его впослѣдствіи. Въ этотъ промежутокъ времени мы имѣемъ его письмо къ Друммонду, писанное въ 1619 году:

«Благодарю васъ, мой дорогой Друммондъ, за ваше доброе мнѣніе о «Поліольбіонѣ.» У меня есть еще двѣнадцать книгъ, въ которыхъ заключаются Кентъ, восточная часть и сѣверъ до рѣки Твида: но онѣ покоятся у меня, потому что мое условіе съ книгопродавцами кончено: это цѣлое общество низкихъ плутовъ, которыхъ я презираю отъ всей души.»

Но поэтъ долженъ бы былъ скорѣе направить свой гнѣвъ на покупщиковъ книгъ, нежели на продавцовъ, которые, хотя плутовство и съ родни торговлѣ, не измѣняли бы своимъ собственнымъ выгодамъ. Книгопродавцы обыкновенно не только не ставятъ преградъ автору, пользующемуся успѣхомъ, но скорѣе готовы торопить его, предпочитая сорвать неспѣлый плодъ и удовлетворить поскорѣе требованіямъ публики, чѣмъ дожидаться его полной зрѣлости.

Однакожь, эти *плуты*, какъ называетъ ихъ Драйтонъ, заставили его вынести всѣ муки автора, который не можетъ напечатать своихъ произведеній; потому что вторая часть «Поліольбіона» вышла только черезъ три года послѣ этого письма, и то безъ картъ. Предисловіе этой второй части замѣчательно: оно написано съ такою горечью, въ которой Драйтонъ даже нѣсколько забываетъ достоинство поэта. Вотъ это предисловіе:

«Тому, кому угодно будетъ прочесть это!

«Когда я задумывалъ мою поэму, или этотъ *геркулесовскій трудъ*, какъ инымъ угодно называть ее, то многіе изъ моихъ почтенныхъ друзей увѣряли меня, что я могу разсчитывать на хорошее вознагражденіе, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что по дорогѣ, избранной мною, никто еще не ходилъ, и что въ моемъ трудѣ найдутъ себѣ мѣсто, всѣ прелести, красоты и рѣдкости этого славнаго острова, перевитыя преданіями

бритовъ, саксовъ, норманновъ и англичанъ, — а во-вторыхъ потому, что почти всѣ сколько-нибудь знаменитыя фамиліи Англіи будутъ, тѣмъ или другимъ образомъ, лично заинтересованы въ этой поэмѣ.

«Но вышло совершенно противное: вмѣсто вознагражденія, котораго я, по мнѣнію моихъ друзей, долженъ былъ ожидать, я встрѣтилъ повсюду дикое невѣжество и низкую хулу. Нѣкоторые изъ книжныхъ торгашей, взявшихъ на себя продажу первой части, такъ какъ она не продавалась съ тою скоростью, съ которою расходятся обыкновенно разные глупые дрязги, дѣлающіе стыдъ нашему языку и нашей націи, рѣшились выбросить изъ нея посланія къ читателямъ и такимъ образомъ снабдили покупателей изуродованными изданіями.

«Нѣкоторые изъ нашихъ выродившихся англичанъ (я не могу прибрать имъ другого названія) не совѣстятся говорить, что на этомъ островѣ нѣтъ ничего достойнаго изученія, и гордятся тѣмъ, что ничего въ немъ не знаютъ. Впрочемъ, я не придаю большой цѣны мнѣніямъ этихъ господъ, odi profanum vulgus et arceo.»

Но, какъ истинный поэтъ, вдохновеніе котораго, подобно судьбѣ, превозмогаетъ всѣ препятствія, Драйтонъ не уклонился отъ своего призванія: онъ оканчиваетъ свое письмо смѣлымъ обѣщаніемъ: «они не помѣшаютъ мнѣ перейти къ Шотландіи, если только средства и время не заставятъ меня отказаться отъ тѣхъ предположеній, которыя я выразилъ въ своей первой пѣснѣ.» И можно ли себѣ представить, что столько горечи собралось въ груди поэта, дышавшей только нѣжною и мечтательною любовью къ природѣ, «чья муза носилась по доламъ и горамъ и подслушивала говоръ каждаго потока»?

Грустно подумать, что многія изъ величайшихъ произведеній нашей словесности довели своихъ творцовъ до бѣдности и отчаянія, и что многіе изъ нашихъ геніяльныхъ писателей сошли въ могилу, не насладившись своею славою.

ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ НА ФИЛИППИНСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Горы, которыя мы проходили, были покрыты великолѣпными лѣсами. Отъ времени до времени роскошныя долины развертывались подъ нашими ногами; травы были такъ высоки и густы, что мы съ трудомъ могли раздвигать ихъ, чтобы прокладывать себѣ путь.

Лейтенантъ мой непропускалъ случая пострѣлять мимоходомъ дичи, для нашего пропитанія; что до меня, я былъ слишкомъ преданъ созерцанію живописной мѣстности, слишкомъ страстно влюбленъ въ эту дѣтственно-плодоносную природу, которая цѣломудренно разскрывала предо мною свои красы, чтобы думать объ охотѣ за дичью. Мой вѣрный Алила былъ не такой энтузіастъ, но за то былъ болѣе благоразуменъ. Въ самый день нашего выступленія, онъ убилъ оленя; мы остановились на отдыхъ на берегу ручейка; вмѣсто риса и хлѣба нарѣзали пальмника и начали ѣсть печенку животнаго, поджаренную слегка на вертелѣ. Удивительно вкусенъ и роскошенъ былъ для меня тогда этотъ полдникъ. Ахъ! сколько разъ потомъ, сидя за богатымъ столомъ, передъ разнообразными и изысканными блюдами, которые наполняли атмосферу залы благоуханіями, я вспоминалъ съ сожалѣніемъ объ ужинѣ съ Алилой въ лѣсу, послѣ цѣлаго дня странствованія по горамъ.

Послѣ этого ужина, нѣсколько густыхъ, зеленыхъ вѣтвей, срубленныхъ нами и сложенныхъ въ кучу на влажной землѣ, служили постелью въ глубинѣ лѣса и мы проспали тамъ до утра безъ малѣйшаго страха, а главное безъ мрачныхъ сновидѣній. Съ восходомъ зари, мы продолжали путь и вмѣстѣ съ нами пробуждалась природа, спокойная и прекрасная. Испаренія подымавшіяся изъ ея нѣдръ прикрывали ее, какъ юную дѣву встающую съ ложа сна; потомъ мало помалу покрывало это разрывалось на отдѣльныя причудливыхъ формъ пелены; пелены эти, тихо волнуемыя утреннимъ вѣтеркомъ, подымались все

выше и выше, изчезая наконецъ за вершинами деревъ и г
мадныхъ скалъ. Мы долго шли; потомъ около полудня, увид
долину обитаемую племенемъ *Игорроте*. Тамъ было всего
хижины, слѣдовательно населеніе не могло быть многочисл
но. На порогѣ одной изъ хижинъ, стоялъ человѣкъ лѣтъ
десяти и нѣсколько женщинъ. Мы подошли съ задней стор
хижинъ и потому появленіе наше было такъ внезапно, что
кари не успѣли еще скрыться, какъ мы были уже посреди
Я началъ рѣчь также какъ и по прибытіи въ Палавъ,
имѣя съ собою ни коралловыхъ ожерелій, ни стеклян
вещицъ, предложилъ имъ часть нашего оленя и старался
ми вразумить ихъ, что мы пришли съ самыми дружески
мѣреніями. Тогда между нами установился интересный
скій разговоръ, въ продолженіе котораго, я могъ удобно
дать представившуюся мнѣ новую породу людей. Я
что нарядъ *игорротовъ* былъ почти такой же какъ у Т
новъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ украшеній; но, черты
раженіе лицъ было совершенно иное. Мужчина вообще
ростомъ, грудь его чрезвычайно широка, голова несоразм
большая и всѣ прочіе члены такъ сильно развиты, что съ
наго взгляда можно видѣть въ нихъ геркулесовскую силу;
то онъ не имѣетъ той красоты формъ, какою отличаются
гіане; цвѣтъ кожи бронзовый, самаго темнаго оттѣнка.
него нестолько сгорбленный а глаза желтые и продолговаты
родѣ щелей, какъ у китайцевъ. Женщины, которыхъ я увид
имѣли также очень рѣзкія черты лица, темную кожу и
волосы, зачесанные по китайски назадъ. Къ сожалѣнію
няясь пантомимами, я не могъ получить удовлетворительн
отвѣтовъ на все, что желалъ бы узнать, а потому и огран
ся посѣщеніемъ хижины. Эта была скорѣе лачужка въ од
этажъ. Она состояла изъ стѣнки, сомкнутой изъ высокихъ
стыхъ кольевъ, подъ остроконечной крышкой и имѣла
улья; въ этой стѣнкѣ оставлено одно небольшое отверстіе,
которое можно проходить только ползкомъ. Несмотря на т
затрудненіе, я хотѣлъ увидѣть внутренность помѣщенія и
знакъ моему лейтенанту, быть на готовѣ на случай опасно
потомъ осторожно пролѣзъ въ хижину. Игорроте были
удивлены моимъ поступкомъ, но не обнаружили ни малѣйш
желанія остановить меня. Я вошелъ въ какой-то сарайный
лахъ. Маленькое отверстіе въ верхушкѣ крыши пропускало с
ружи немного свѣта и выпускало дымъ. На полу были ку
ньли, которая вѣроятно, служила постелью семейству. Въ одно

и рассмотрѣлъ бамбуковыя копья, нѣсколько раздвоенныхъ ...ъ, занѣнявшихъ чашки, небольшую кучку круглыхъ ... для обороны въ случаѣ нападенія и нѣсколько плоскихъ ... обдѣланныхъ кусковъ дерева, служившихъ изголовьемъ. ...лъ поспѣшно изъ этой берлоги, принужденный къ тому ...нымъ зловоніемъ; впрочемъ я видѣлъ все. Я спросилъ ... у игорроте какой дорогой можно пройти къ христіа-..., онъ понялъ меня, указалъ ту сторону пальцемъ и мы ... далѣе. Мимоходомъ я видѣлъ поля усѣянныя пататами ...рнымъ тростникомъ; въ этомъ заключалась единственная ...ленность несчастныхъ дикарей.. Пройдя долѣе часу, мы ... подвергнулись большой опасности: при входѣ въ об-... долину мы увидѣли одного игорроте побѣжавшаго отъ ... всѣхъ ногъ; онъ насъ замѣтилъ, и я приписалъ его ... испугу; какъ вдругъ мы услышали звуки тамтана и кон-... увидѣли до двадцати человѣкъ вооруженныхъ копьями, ... шли прямо на насъ. Я понялъ, что дѣло безъ боя не ...тся и велѣлъ моему лейтенанту выстрѣлить въ толпу, ... однакожь, чтобы никого не ранить.

...ла выстрѣлилъ; пуля его просвистала надъ головами ди-..., которые были такъ изумлены шумомъ выстрѣла, что ...ъ остановились и стали насъ осматривать со вниманіемъ. ...оразумно воспользовался минутой ихъ изумленія, и мы ...но повернули на право въ огромный лѣсъ, оставивъ ... въ лѣвой сторонѣ; къ счастію дикари насъ не пре-...али.

...йтенантъ мой не вымолвилъ ни слова во все продолженіе ... сцены; я замѣчалъ уже не разъ, что онъ становился нѣмъ ...нуты опасности. Когда же мы потеряли храбрыхъ Игор-... изъ виду, даръ слова къ нему возвратился.

— Господинъ, сказалъ онъ, недовольнымъ тономъ: — какъ ...лѣю, что не выстрѣлилъ прямо въ кучу этихъ бездѣльни-...ъ.

— Почему же жалѣешь? спросилъ я.

— Потому что нѣтъ сомнѣнія, одного изъ нихъ я убилъ бы ...рное.

— Что жь изъ этого слѣдуетъ?

— То, что по крайней мѣрѣ наше путешествіе не кончилось бы по пустому, мы отправили бы одного дикаря къ чорту.

— Ахъ, Амила! возразилъ я: — развѣ ты сдѣлался злымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, господинъ, отвѣчалъ онъ: — но я не знаю отъ чего вы такъ добры къ этой проклятой породѣ?.... когда вы преслѣдуете *Тюлизане* (бандитовъ), которые въ сто разъ лучше ихъ и притомъ христіане?

Тюлизане далеко не такъ золъ, какъ эти дураки, которые убиваютъ васъ, не говоря ни слова и потомъ ѣдятъ вашъ мозгъ... и Алила глубоко вздохнулъ....

Съѣденный мозгъ все напоминалъ о себѣ.... Разговоръ Алилы былъ такъ любопытенъ, сужденія такъ оригинальны, онъ такъ простодушно высказывалъ ихъ, что слушая его я почти забылъ о моихъ игорротте. Мы продолжали нашъ путь черезъ лѣсъ, держась, сколько возможно болѣе на югъ, дабы приблизиться къ провинціи *Батанга*, гдѣ я долженъ былъ снова увидѣть больнаго друга, который вѣроятно безпокоился о моемъ долгомъ отсутствіи. Разлучаясь съ нимъ я не открылъ настоящей цѣли моего путешествія и думаю, что еслибъ она сдѣлалась извѣстною, то меня давно считали бы погибшимъ. Вспоминаніе о женѣ, которая оставшись въ Манилдѣ, никакъ не могла подозрѣвать, что я познакомился съ игорротами, пробудило во мнѣ желаніе возвратиться какъ можно скорѣе въ свое семейство. Погруженный въ думы, увлеченный размышленіями, я шелъ безмолвно, не удостоивая на этотъ разъ взглядомъ богатую растительность, которая выставляла по сторонамъ дороги свои сокровища. Это доказываетъ что я былъ крѣпко озабоченъ, потому что, непочатые лѣса между тропиками и въ особенности на Филиппинскихъ островахъ, не могутъ по своему превосходству идти въ сравненіе съ нашими европейскими лѣсами. Шумъ водопада напомнилъ мнѣ гдѣ я находился и я привѣтствовалъ природу въ ея гигантскихъ произведеніяхъ. Взглянувъ на верхъ, я увидѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшее *балете* фиговое или смоквенное дерево, чрезвычайныхъ размѣровъ, которое составляетъ лучшее украшеніе мрачныхъ и таинственныхъ лѣсовъ Филиппинскихъ.

Это колоссальное дерево развивается изъ такого же зерна какъ и обыкновенное фиговое дерево; вещество его бѣло и ноздревато и оно выростаетъ въ немногіе годы, до необыкновенной высоты. Предусмотрительная природа, позволяющая ягненку оставлять клочки шерсти на придорожныхъ кустарникахъ, для того чтобы робкая птичка могла употребить ихъ на устройство своего гнѣзда, выказала свою геніальность и въ формахъ фиговаго дерева, растущаго на Филиппинскихъ островахъ. Вѣтви его, выходя изъ ствола, распространяются горизонтально и по-

томъ, образуя крутое колѣно, поднимаются перпендикулярно верху; но такъ какъ я уже сказалъ, дерево ноздревато и круто, то вѣтвь не имѣя крѣпости, неминуемо должна бы была обломиться на сгибѣ, еслибъ одна нить, которую индѣйцы называютъ *капля воды*, не отдѣлялась отъ дерева, *для* того чтобы пустить корень въ землю и утолщаясь соразмѣрно съ вѣтвью, служить ей живою подпорой. Кромѣ того вокругъ ствола, на очень большомъ разстояніи отъ земли вырастаютъ природныя подпорки, упирающіеся однимъ концомъ въ стволъ а другимъ въ сгибъ вѣтви. Великій строитель вселенной все предвидѣлъ!

Видъ *балете*, бываетъ иногда необыкновенно живописенъ. Вообразите себѣ, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ въ діаметрѣ, занимаемомъ обыкновенно этими гигантскими смоковницами, находятся и гроты, и коридоры и комнаты, часто меблированныя природными стульями изъ массивныхъ пней. Никакая иная растительность не представляетъ такого могущества и разнообразія. Это дерево вырастаетъ иногда на скалѣ, гдѣ нѣтъ ни на вершокъ земли; длинные корни его вытягиваются по поверхности скалы, обвиваютъ ее и наконецъ погружаются въ ближайшій ручей. Такое совершенство творенія однакожь весьма обыкновенно въ нетронутыхъ лѣсахъ Филиппинскихъ.

— Вотъ хорошее мѣсто для ночлега, сказалъ я моему лейтенанту.

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Какъ, сказалъ онъ: — развѣ вы хотите здѣсь остановиться, господинъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ я.

— Но вы не видите, что мы здѣсь больше въ опасности, нежели между игорротами.

— Какая же опасность намъ угрожаетъ?

— Какая опасность? неужели вамъ неизвѣстно, что эти огромныя деревья, служатъ жилищемъ, *Тикъ-балану* (злой духъ). Если мы здѣсь останемся, вы можете быть увѣрены, что я не засну ни на минуту и насъ цѣлую ночь будутъ безпокоить.

Я улыбнулся; мой лейтенантъ видѣлъ эту улыбку.

— О, господинъ! сказалъ онъ грустно: — что могли бы мы сдѣлать противъ духа, который не боится ни пули, ни кинжала?....

Страхъ бѣднаго Тагала былъ такъ великъ, что я не могъ долѣе ему противорѣчить; я уступилъ, и мы выбрали для отдыха мѣсто, которое было совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ, но за то

очень нравилось Алилѣ. Ночь прошла по обыкновенію очень хорошо; мы проснулись и продолжали подвигаться впередъ лѣсомъ.

Часа черезъ два, при выходѣ изъ лѣса на равнину, мы встрѣтились лицомъ къ лицу съ однимъ игорроте, ѣхавшимъ верхомъ на буйволѣ. Встрѣча была довольно любопытная. Я приставилъ дуло ружья къ груди дикаря, мой лейтенантъ схватилъ животное за поводья, и мы сдѣлали знакъ наѣзднику чтобы онъ не смѣлъ шевельнуться; потомъ, все знаками же, я освѣдомился не слѣдуютъ ли за нимъ другіе и понялъ изъ его отвѣтовъ, что онъ одинъ ѣдетъ на сѣверъ, въ сторону противоположную нашему направленію. Алила, который былъ рѣшительно сердитъ на дикихъ, чувствовалъ сильное поползновеніе всадить этому дикарю пулю въ лобъ, но я энергически воспротивился его намѣренію и велѣлъ выпустить поводья буйвола.

— Господинъ, сказалъ онъ: — посмотримъ по крайней мѣрѣ, что у него въ этихъ вазахъ?

На шеѣ буйвола привязаны были три или четыре вазы, покрытыя банановыми листьями.

Не ожидая отвѣта, лейтенантъ освидѣтельствовалъ ихъ носомъ и открылъ къ великому своему удовольствію, что въ нихъ заключалось рагу изъ оленя, издававшее особенный ароматъ. Неспрашивая меня, онъ отвязалъ меньшую изъ вазъ, далъ буйволу толчекъ прикладомъ ружья и сказалъ:

— Ve-te-Judio! (ступай, подлый жидъ).

Игорроте, получивъ свободу, пустился во всю буйволову прыть, а мы забрались въ чащу лѣса, избѣгая открытыхъ мѣстъ, чтобы не встрѣтиться съ дикарями въ большемъ числѣ. Около пяти часовъ мы пріостановились чтобы подкрѣпить свои силы. Лейтенантъ мой ждалъ этой минуты съ нетерпѣніемъ, потому что благопріобрѣтенная ваза распространяла очень апетитный запахъ. Наконецъ желанная минута настала; мы усѣлись на травѣ: я погрузилъ свой кинжалъ въ вазу поставленую къ огню и вынулъ изъ нее.... цѣлую руку. (*) Мой бѣдный лейтенантъ былъ также пораженъ какъ я, и мы, въ первыя минуты изумленія, не выговорили ни одного слова. Наконецъ, я далъ такого толчка ногой этой вазѣ, что она разлетѣлась въ дребезги и содержавшееся въ ней человѣческое мясо разостлалось по

(*) Игорроте, однакожъ, по разсказамъ другихъ индѣйцевъ, не людоѣды; можетъ быть встрѣченный герой получилъ эти кушанья отъ другихъ дикарей, отъ гинаае, напримѣръ.

ени. Ребенкова рука все еще оставалась на концѣ моего кинжала... Эта рука возбуждала во мнѣ ужасъ, однакожъ я разсмотрѣлъ ее внимательно, и полагаю, что она принадлежала ребенку или одному изъ племени *айетасъ*, обитающаго въ горахъ *Пунта-Энгано марибелесъ*, о которыхъ я буду имѣть случай говорить въ продолженіи этаго разсказа.

Я съѣлъ нѣсколько пальмовыхъ стеблей, изпеченныхъ въ горячей золѣ, Алила послѣдовалъ моему примѣру, и мы, весьма довольные, тронулись далѣе отыскивать себѣ ночлегъ.

Черезъ два часа по восхожденіи солнца, мы вышли окончательно изъ лѣса на обширную равнину. Кое гдѣ по сторонамъ мы увидѣли поля засѣянныя рисомъ, обработанныя по тагальски; тогда мой лейтенантъ сказалъ съ наивной радостью:

— Господинъ, мы на христіанской землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, дорога сдѣлалась легче. Мы шли небольшой тропинкой и подъ вечеръ прибыли къ одной индѣйской хижинѣ. На порогѣ ея сидѣла молодая дѣвушка, и слезы ручьями лились по ея опечаленному лицу. Я подошелъ къ ней и спросилъ о причинѣ ея огорченія. Выслушавъ мои вопросы, она встала и, ничего не отвѣчая, повела насъ во внутренность жилища. Тамъ мы увидѣли безжизненное тѣло старухи и узнали, что покойница — мать молодой дѣвушки. Братъ ея отправился въ деревню къ родственникамъ умершей, чтобы позвать ихъ на вынось тѣла.

Сцена эта растрогала меня. Я старался успокоить безутѣшную молодую дѣвушку и просилъ оказать намъ гостепріимство на одну ночь, на что она безпрепятственно согласилась. Близость покойника не пугала меня, но я подумалъ объ Алилѣ, который былъ такъ суевѣренъ и боязливъ, когда дѣло шло о привидѣніяхъ и злыхъ духахъ.

— Ну чтожъ! сказалъ я ему: — не боишься ли ты провести ночь подлѣ покойника?

— Нѣтъ, господинъ, отвѣчалъ онъ смѣло: — эта умершая, душа христіанская, которая не только не желаетъ намъ зла, но даже будетъ охранять насъ.

Я удивился отвѣту тагала, его спокойствію и увѣренности; а онъ имѣлъ свои причины говорить такъ. Индѣйскія хижины въ деревняхъ, всегда состоятъ изъ одной только комнаты, такъ что мы съ трудомъ могли въ ней размѣститься всѣ четверо. Каждый изъ насъ устроился какъ было лучше. Въ глубинѣ стояла покойница: маленькая лампадка теплилась у ея изголовья, проливая очень слабый свѣтъ; подлѣ нея легла огорченная дочка.

Я помѣстился въ небольшомъ разстояніи отъ смертнаго ложа, лейтенантъ мой расположился ближе къ двери, которую мы оставили отворенную, въ избѣжаніе жара и дурнаго воздуха.

Около двухъ часовъ по полуночи я былъ пробужденъ раздирающимъ душу голосомъ и почувствовалъ, въ ту же минуту что кто-то перескочилъ черезъ меня съ страшными криками которые скоро раздались внѣ хижины. Я протянулъ руку къ той сторонѣ гдѣ спалъ Алила, мѣсто его было пусто, лампадка погашена, темнота совершенная......

Это привело меня въ безпокойство. Я позвалъ молодую дѣвушку, она отвѣчала, что также какъ и я, слышала крики и шумъ но не понимала тому причины. Я взялъ ружье и вышелъ призывая моего лейтенанта. Никто не отвѣчалъ, все было безмолвно. Тогда я пошелъ далѣе на удачу и по временамъ, громко кликалъ Алилу.... Отошедши сотню шаговъ я услышалъ изъ-за дерева, мимо котораго проходилъ, робко произнесенныя слова:

— Я здѣсь, господинъ.

Это былъ Алила. Я подошелъ и увидѣлъ его, спрятавшагося за пень дерева и дрожащаго какъ каждый изъ его листковъ.

— Что съ тобою случилось? спросилъ я, — и что ты здѣсь дѣлаешь?

— О, господинъ! сказалъ онъ: — простите меня: мнѣ пришли дурныя мысли; красота молодой индіанки тронула мое сердце, но одинъ только демонъ могъ вдохнуть въ меня грѣшное намѣреніе.... Когда я увидѣлъ что вы уснули, я подошелъ къ постели молодой дѣвушки.... я погасилъ лампадку....

— Потомъ? спросилъ я нетерпѣливо.

— Потомъ.... я хотѣлъ поцѣловать ее; но въ ту минуту, когда я былъ уже такъ близокъ къ ней, что чувствовалъ теплоту дыханія, на мѣстѣ молодой дѣвушки оказалась покойница ея мать, и я увидѣлъ передъ собою холодную оцѣпенѣлую фигуру и, въ тоже время, двѣ большія костлявыя руки протянутыя чтобы обхватить меня.... Тогда я вскрикнулъ.... и убѣжалъ.... Но старуха преслѣдовала меня, умершая шла за мною какъ живая, и только сейчасъ исчезла, услышавъ вашъ голосъ, а я спрятался за это деревцо какъ вы меня видите.

Страхъ индѣйца и его ошибка вызывали охоту посмѣяться надъ нимъ; но я сдѣлалъ ему строгій выговоръ за дурное намѣреніе употребить во зло гостепріимство, такъ радушно намъ оказанное. Онъ раскаялся и просилъ меня простить его. Полагаю, что онъ достаточно былъ наказанъ испытаннымъ страхомъ. Я хотѣлъ возвратиться съ нимъ въ хижину, но это было

невозможно, онъ ни за что въ мірѣ не соглашался. Я оставилъ ему свое ружье и возвратился одинъ. Бѣдная дѣвушка была также сильно испугана. Я разсказалъ ей подробности приключенія, поблагодарилъ за ласковый пріемъ, и такъ какъ утро было уже близко, то оставивъ хижину я присоединился къ Алилѣ, который ждалъ меня съ нетерпѣніемъ.

Надежда скоро увидѣть родныхъ и свою сторону, удвоили наши силы; и мы пришли до заката солнца въ одну индѣйскую деревню, не встрѣтивъ на пути ничего замѣчательнаго. Это была наша послѣдняя станція. (*).

(*) Трудно было бы сказать утвердительно, къ какой націи принадлежитъ по происхожденію различныя породы людей населяющихъ внутренность Люсона. Тингіаны, судя по ихъ прекраснымъ формамъ, по цвѣту кожи, глазамъ, орлиному носу, наконецъ по страсти къ музыкѣ, къ фарфоровымъ издѣліямъ и другимъ привычкамъ, по всей вѣроятности потомки японцевъ. Легко могло случиться, что въ эпоху, безъ сомнѣнія весьма отдаленную, нѣсколько китайскихъ лодокъ, называемыхъ *джонками*, отправившись изъ Японіи, были занесены сильными сѣверными вѣтрами къ берегамъ Люсона, гдѣ и потерпѣли крушеніе, а экипажи ихъ, не видя возможности возвратиться домой, для избѣжанія столкновенія съ малайцами, которые владѣли прибрежіемъ, удалились на жительство во внутренность горъ, неприступность которыхъ предохраняла ихъ отъ опасности внезапнаго нападенія. Японскіе моряки, обыкновенно ограничиваясь плаваніемъ вдоль береговъ, берутъ съ собою на суда и женщинъ, въ чемъ я имѣлъ случай неоднократно удостовѣриться на многихъ джонкахъ, которыя мнѣ случалось осматривать изъ любопытства. Эти самыя джонки, занесенныя бурей, пристали укрыться къ берегу Люсона, гдѣ пробыли четыре мѣсяца въ ожиданіи перемѣны муссона; и если бы здѣшнее правительство не оказало имъ помощи, то экипажи ихъ принуждены бы были искать спасенія въ горахъ, какъ это вѣроятно сдѣлали *тингіане*.

Эти послѣдніе, имѣвши съ собою нѣсколько женщинъ, безъ сомнѣнія пріобрѣли между сосѣдними племенами другихъ и, такъ какъ они обитаютъ въ прекрасной здоровой странѣ, то народонаселеніе ихъ значительно увеличилось. Они занимаютъ теперь шестнадцать деревень: *Паланъ, Аламе, Мабуантокъ, Далейанъ, Ланкиденъ, Баакъ, Наданкитанъ-и-Пангалъ, Кампазанъ-и-Данглазъ, Лагайанъ, Ганагакъ, Малеле, Буке, Годдани, Ансангланъ-и-Мадалагъ, Манабъ, Палогъ-и-Аме.* Игорротесы, которыхъ я не имѣлъ случая изучить хорошо, по всей вѣроятности, потомки великой морской арміи, которая подъ предводительствомъ китайца *Лима-Онъ*, сдѣлавши, 30-го ноября 1574 г. неудачное нападеніе на Манилу, ретировалась въ провинцію Пангазинанъ, гдѣ была вторично разбита въ заливѣ Лингейанъ; флотъ ея совершенно истребленъ и лишь часть экипажей спаслась бѣгствомъ въ горы Пангазинанскія, гдѣ испанцы не могли ихъ преслѣдовать.

Игорроте имѣютъ длинные волосы, узкіе китайскіе глаза, носъ нѣсколько приплюснутый, губы толстыя, выдавшіяся скулы, широкія плечи, сильные мускулистые члены и ярко-мѣдный цвѣтъ кожи; они очень похожи на китайцевъ южныхъ провинцій Небесной имперіи.

Я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній о гинане, — другомъ дикомъ племени, отличающемся жестокостью, которое обитаетъ въ сосѣдствѣ тингіане.

Предоставляю себѣ описать впослѣдствіи племена *айетасъ* и *негритосъ*, первобытныхъ жителей острова Люсона.

Послѣ такого долгаго, но интереснаго путешествія, я прибылъ въ *Китта*, городокъ провинціи *Булакань*, гдѣ оставилъ своего выздоравливающаго друга.

Моё продолжительное отсутствіе, причинило много безпокойствъ; къ счастію, жена моя, бывшая въ Маниллѣ, не знала какія именно страны я посѣщалъ.

Больной, не исполняя въ точности предписаннаго ему леченія, занемогъ сильнѣе и, съ нетерпѣніемъ ждалъ моего прибытія чтобы возвратиться умирать домой, какъ онъ говорилъ. Желанія его сбылись. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, мы отправились вмѣстѣ въ дорогу и, на другія сутки, прибыли въ Маниллу, гдѣ другъ мой отдалъ Богу душу, въ кругу своего семейства. Это грустное происшествіе уменьшило радость свиданія моего съ женою.

Спустя нѣсколько дней послѣ похоронъ, мы собрались въ обратный путь въ Ялу-Ялу.

Путешествіе наше по озеру было очень непріятно, до выхода изъ пролива *Киканбутазанъ*; но тамъ, мы встрѣчены были такимъ порывистымъ восточнымъ вѣтромъ и такимъ сильнымъ волненіемъ озера, что принуждены были возвратится въ проливъ и пристать къ берегу, близь хижины старика рыболова, *Ре-Лампаго*, о которомъ было упомянуто выше.

Матросы наши вышли на берегъ, чтобы приготовить ужинъ, мы же не выходили; лежа спокойно въ ладьѣ, мы слушали разсказы стараго рыбака, который, присѣвъ на корточки, на индѣйскій маверъ, старался занимать насъ, передавая воспоминанія изъ видѣнныхъ и слышанныхъ имъ исторій *съ бандитами*. Я прервалъ его вдругъ, сказавъ:

— Ре-Лампаго, я предпочелъ бы слышать повѣствованіе о твоихъ собственныхъ похожденіяхъ; разскажи намъ лучше свои несчастія.

Старый рыбакъ тяжело вздохнулъ и, не желая отказать мнѣ, началъ свою повѣсть въ поэтическихъ выраженіяхъ, свойственныхъ тагалокскому языку, которыя невозможно близко передать въ переводѣ.

«— Родина моя не здѣсь, на озерахъ, сказалъ онъ. — Я родился на островѣ *Зебу*. Въ двадцать лѣтъ я былъ, какъ говорится, красивый малый; но, повѣрьте, ни мало не гордился физическими достоинствами и предпочитаю репутацію перваго рыбака въ деревнѣ. Однакожь товарищи завидовали мнѣ, въ особенности потому, что дѣвушки посматривали на меня благосклонно и оказывали предпочтеніе предъ другими.»

Я улыбнулся наивному признанію старика. Онъ замѣтилъ это и возразилъ:

«— Я говорю вамъ эти вещи, милостивый господинъ, потому что въ мои лѣта можно говорить о нихъ, безъ опасенія показаться смѣшнымъ. Это было такъ давно! Притомъ же, прошу понять, что я передаю эти подробности для большей точности разсказа, а не изъ тщеславія! Впрочемъ, взгляды, которыми молодыя дѣвушки удостоивали меня, когда я проходилъ по деревнѣ, ни мало не льстили мнѣ. Я любилъ Терезу, господинъ, любилъ страстно и былъ любимъ взаимно, и потому оставался равнодушенъ ко всякому другому взгляду кромѣ ея. Ахъ! Тереза была прекраснѣйшею дѣвушкой во всей деревнѣ. Бѣдная женщина! она, также какъ и я, теперь измѣнилась. Годы — тяжелое бремя, постоянно насъ гнетущее, съ которымъ нѣтъ возможности бороться! Когда я вспоминаю о блаженныхъ дняхъ юности, о силѣ и твердости, которыя мы почерпали во взаимной привязанности, я проливаю слезы умиленія и горести. Гдѣ они, эти прекрасные дни? ихъ унесли губительныя вѣтры, порождающіе бури. Жизнь имѣетъ свою зарю, какъ и день, и также какъ день, имѣетъ свой закатъ!....»

Рыбакъ остановился. Я не хотѣлъ прерывать его размышленій и, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, мы сидѣли въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ Ре-Лампаго какъ будто пробудился, провелъ рукою по лбу, взглянулъ на насъ, какъ бы извиняясь въ минутномъ самозабвеніи, и продолжалъ.

«— Мы воспитывались вмѣстѣ, и когда выросли, дали другъ другу слово на вѣчное соединеніе. Тереза скорѣе рѣшилась бы умереть чѣмъ принадлежать другому, и я скоро докажу вамъ, что я согласился бы на самыя неблагопріятныя условія, лишь бы только не разлучаться съ подругою моего сердца.

«— Увы! въ жизни всегда болѣе слезъ нежели радостей, больше труда нежели отдохновенія!

«— Родители Терезы противились нашему браку, придумывая разныя препятствія и, какъ я ни старался склонить ихъ къ согласію отдать мнѣ руку моей возлюбленной, я не могъ этого достигнуть. Однакожь, они хорошо знали, что подобно пальмамъ, мы не могли жить одинъ безъ другаго, что мы не пережили бы разлуки! Но наши просьбы, слезы, страданія не возбуждали въ нихъ ни жалости, ни сочувствія. Я начиналъ уже упадать духомъ, когда однажды утромъ, мнѣ пришла благочестивая мысль посвятить младенцу Іисусу, въ церковь острова Зебу, первую

жемчужину, которую достану со дна моря. Съ этою цѣлью, я вышелъ ранѣе обыкновеннаго на берегъ, и громко молилъ Всевышняго помочь моему соединенію съ Терезой.

«— Солнце начинало уже согрѣвать землю огненными лучами и золотило сребристую поверхность водъ; природа пробуждалась и каждое живущее существо, воспѣвало своимъ языкомъ благодарственный гимнъ Создателю.

«— Со страхомъ и надеждой, я началъ нырять, чтобы найти на днѣ морскомъ желанную жемчужину, но всѣ мои поиски были сначала безплодны.

«— Если бы кто нибудь взглянулъ въ это время на лицо мое, то, безъ сомнѣнія, прочиталъ бы на немъ глубокое уныніе. Однакожь, надежда не совершенно еще оставила меня, я снова погрузился въ воду, и снова безуспѣшно. «О, Господи! воскликнулъ я, ты не внимаешь моей молитвѣ! Ты не хочешь чтобы возлюбленному Сыну Твоему сдѣлано было приношеніе, которое я посвятилъ Ему! (*).

«— Въ шестой разъ я опустился въ холодную глубь, и вынесъ со дна моря двѣ огромныя раковины; сердце мое застучало отъ нетерпѣливаго ожиданія. Раскрывъ одну, я нашелъ въ ней такую прекрасную жемчужину, какой я отъ роду не видывалъ. Я пришелъ въ такой восторгъ, что началъ плясать въ своей пирогѣ какъ съумасшедшій. Господь, очевидно, удостоивалъ меня Своего покровительства, давъ мнѣ возможность сдержать данное слово.

«— Съ сердцемъ, переполненнымъ радостью, я возвратился домой и, не откладывая долѣе исполненія даннаго обѣта, отнесъ превосходную жемчужину Зебусскому священнику, который былъ восхищенъ моимъ приношеніемъ.

«Эта жемчужина стоитъ 5000 піастровъ (**) и вы, конечно, не разъ любовались ею, вмѣстѣ со всѣми приходящими молиться въ храмъ, потому что младенецъ Іисусъ держитъ ее въ ручкѣ, какъ бы показывая народу.

«Священникъ благодарилъ меня и поздравилъ съ счастливою мыслью.

(*) Индѣйское преданіе, также какъ и испанское, говоритъ, что образъ Младенца Іисуса, находящійся въ Зебу, существовалъ прежде открытія Филиппинскихъ острововъ; послѣ покоренія, этотъ образъ былъ найденъ на морскомъ берегу, откуда побѣдители — испанцы, перенесли его въ соборную церковь, гдѣ онъ творилъ многія чудеса.

(**) 25,000 франковъ.

«— Ступай, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, небо вознаградитъ тебя за безкорыстіе и благочестіе, и рано или поздно желанія твои будутъ исполнены.

«Я вышелъ отъ святаго человѣка съ душою спокойною и довольною и поспѣшилъ сообщить Терезѣ утѣшительныя слова пастыря. Мы радовались и веселились какъ дѣти. Молодость получила отъ Бога много преимуществъ, и главное изъ нихъ — надежду! Въ двадцать лѣтъ, при малѣйшей возможности надѣяться, сердце предается ожиданію и всѣ горести его отлѣтаютъ; какъ утренній вѣтерокъ поглощаетъ капли воды, оставленныя бурей въ чашечкѣ цвѣтка, такъ точно надежда осушаетъ слезы, наполняющія глаза и изгоняетъ вздохи, вылетающіе изъ груди отъ избытка страданія! Мы были такъ увѣрены, что скоро осуществятся наши предположенія, что перестали уже и думать о прошедшихъ огорченіяхъ.

«На зарѣ жизни, печаль оставляетъ такой же легкій слѣдъ въ душѣ, какой нога проворнаго индѣйца на песчаномъ берегу, когда съ моря дуетъ вѣтеръ!

«Жители деревни, видя насъ такими веселыми, завидовали нашей участи и родители Терезы не находили болѣе причинъ препятствовать нашему браку. Казалось, мы приближались къ пристани, наша пирóга спокойно плыла, колеблемая тихою зыбью, мы напѣвали радостный гимнъ возвращенія, не помышляя, увы! что намъ предстояло разбиться о подводный камень!

«Молодые индѣйцы не предвидятъ утромъ, какая буря ожидаетъ ихъ къ вечеру. Буйволъ не успѣваетъ уклониться отъ петли охотника и часто устремляется на встрѣчу опасности, желая избѣжать ее. Я шелъ впередъ какъ безумецъ, смотря на солнце, и не думая о безднѣ, которая скрывалась во мракѣ подъ моими ногами. Несчастіе тѣмъ сильнѣе поразило меня, что я его не ожидалъ.

«Однажды вечеромъ, возвращаясь съ промысла, и предвкушая минуты наслажденія и отдыха подлѣ Терезы, я увидѣлъ, шедшаго ко мнѣ на встрѣчу, одного изъ сосѣдей, съ которымъ я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. При взглядѣ на него, невольный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ. Его блуждающіе глаза сверкали молніями, голосъ дрожалъ отъ внутренней тревоги.

— Лосъ-Моросъ (Малайцы) сдѣлали высадку на берегъ.... сказалъ онъ.

— Боже! воскликнулъ я, закрывая лицо руками.

— Они захватили нѣкоторыхъ изъ нашихъ жителей и увели ихъ въ плѣнъ.

— А Тереза? вскрикнулъ я.

— Тереза также похищена.

«Послѣ этого открытія, я не слыхалъ болѣе ничего, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, какъ воинъ, пораженный въ сердце ядовитою стрѣлою, оставался безъ чувствъ и самосознанія.

«Когда я пришелъ въ себя, слезы выступили изъ глазъ и облегчили меня. Во мнѣ вдругъ пробудилась прежняя энергія, и я понялъ, что не должно было терять времени. Я побѣжалъ на берегъ, гдѣ оставалась моя пирóга; отчаливъ ее, я сталъ грести, что было силъ въ погоню за налайщами, не потому, чтобы имѣлъ надежду силою освободить Терезу, но чтобы раздѣлить съ нею плѣнъ и всѣ ожидавшія ее несчастія, которыя вдвоемъ переносятся всегда легче. Тотъ, кто первый сообщилъ мнѣ эту ужасную новость, видѣлъ какъ я оставилъ берегъ и подумалъ, что я лишился разсудка. И въ самомъ дѣлѣ, на лицѣ моемъ были всѣ признаки или помѣшательства, или вдохновенія свыше. Пирóга летѣла какъ птица по волнистому морю точно ее двигали двадцать невидимыхъ гребцовъ; я разсѣкалъ волны съ быстротою полета Гальціоны, уносимой бурею.

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ усиленнаго, напряженнаго труда, я увидѣлъ наконецъ корсаровъ, увозившихъ мое сокровище и, удвоивъ силы, скоро настигнулъ ихъ. Приблизившись къ нимъ, я объяснилъ въ трогательныхъ выраженіяхъ, изходившихъ прямо изъ души, что Тереза моя жена и что я лучше хочу сдѣлаться ихъ рабомъ, нежели разстаться съ нею. Пираты выслушали мои слова и взяли меня къ себѣ, не изъ сострадація, но по жестокости. Для чего имъ было отказываться отъ одного лишняго невольника?

«Спустя нѣсколько дней послѣ этого роковаго вечера, мы прибыли въ Іоло. Тамъ сдѣланъ былъ раздѣлъ плѣнныхъ, и хозяинъ, на долю котораго мы достались, отвелъ насъ къ себѣ.

«Для такой ли горькой участи я отправился до зари на рыбную ловлю и давалъ обѣщаніе посвятить младенцу Іисусу первую мою жемчужину?... Несмотря на горе, я не роპталъ, однакожь, и не жалѣлъ о приношеніи, сдѣланномъ въ церковь. Господь Владыко вселенной, и воля Его должна была совершиться!»

Ре-Лампаго остановился, съ покорностью посмотрѣлъ на небо и мы увидѣли на лицѣ его слѣды глубоко-прочувствованныхъ страданій. Порывистый вѣтеръ по прежнему раскачивалъ

нашу лампо; матросы, кончивши свою трапезу, усѣлись подлѣ насъ, чтобы слушать разсказъ стараго рыбака. Физіономіи ихъ выражали самое наивное вниманіе. Я сдѣлалъ знакъ разскащику и онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

«Плѣнъ нашъ продолжался два года, въ теченіе которыхъ мы вытерпѣли много непріятностей и огорченій. Нерѣдко хозяинъ уводилъ меня съ собою на берега одного озера во внутренности острова и разлучалъ на цѣлые мѣсяцы съ моею Терезою, скажу откровенно, съ моей женой: видя, что люди не могутъ соединить насъ, мы сами соединились вѣчными узами передъ лицомъ самого Создателя! По возвращеніи, я находилъ мою бѣдную подругу всегда доброю, вѣрною, преданною; ея душевная твердость поддерживала и меня.

«Одно обстоятельство побудило меня рѣшиться на смѣлое, отчаянное предпріятіе. Тереза должна была скоро сдѣлаться матерью.... Какова была бы моя радость, еслибы мы въ это время жили въ Зебу, окруженные семействомъ и друзьями! Сколько счастія заключалось бы для меня тогда въ одной мысли быть отцемъ! Увы! находясь въ неволѣ, я думалъ со страхомъ о послѣдствіяхъ, и рѣшился исторгнуть мать и младенца изъ мучительнаго плѣна.

«У меня была рана на ногѣ, которая оказала мнѣ въ этомъ случаѣ важную услугу. Хозяинъ отправился однажды на рыбную ловлю на берега большаго озера, и зная, что у меня больная нога, оставилъ меня безъ присмотра въ Іоло. Я воспользовался этимъ случаемъ для приведенія въ исполненіе давно задуманнаго плана — бѣжать съ Терезой. Предпріятіе было смѣло; но желаніе быть свободнымъ удвоиваетъ силы и мужество; я не колебался ни минуты. Съ наступленіемъ ночи, Тереза вышла по одной дорогѣ, которую я указалъ ей, я по другой и мы оба прибыли къ одному мѣсту на берегу моря. Тамъ мы бросились въ маленькую пирóгу, и ввѣрили судьбу свою волѣ Провидѣнія.

«Въ продолженіе всей ночи мы гребли безостановочно; я никогда не забуду этого таинственнаго бѣгства. Вѣтеръ дулъ довольно сильный, ночь была черная, звѣзды чуть мерцали во мракѣ. Намъ все чудилось, что за нами погоня и сердца наши бились такъ сильно, что ихъ можно бы было слышать среди безмолвія, царствовавшаго въ природѣ!

Наконецъ, стало разсвѣтать; мало по малу мы различали сквозь туманъ скалистые берега и могли разглядѣть довольно далеко, что погони за нами не было. Съ душой, полною святой надежды, мы продолжали грести не теряя бодрости, направляя

дью къ сѣверу, чтобы пристать къ одному изъ острововъ, принадлежавшихъ христіанамъ.

«Я запасся нѣсколькими кокосами, но этого было слишкомъ недостаточно для поддержанія нашихъ физическихъ силъ: три дня и три ночи мы плыли, не принимая другой пищи и наконецъ изнеможенные отъ усталости, пали на колѣна, призывая на помощь младенца Іисуса. Послѣ этой горячей молитвы, силы почти совершенно насъ оставили. Мы выпустили весла изъ ослабѣвшихъ рукъ и легли на дно пироги, рѣшившись умереть въ объятіяхъ другъ друга.

«Истощеніе силъ постепенно увеличивалось и привело насъ къ совершенной безчувственности и безпамятству....

«Пирога подвигалась по волѣ волнъ!

«Когда мы очнулись, не знаю черезъ сколько времени, то увидѣли себя окруженными попеченіями христіанъ, которые, завидѣвъ съ берега гонимую волнами лодку, догнали насъ и оказали необходимую помощь. Но, едва ступили мы на берегъ, какъ моя милая Тереза почувствовала страшныя боли и родила на свѣтъ слабаго, больнаго ребенка. Я сталъ на колѣна передъ этимъ невиннымъ созданіемъ и благодарилъ Бога за избавленіе его отъ невольничества. Это былъ мальчикъ....»

Рыбакъ испустилъ тяжелый вздохъ, и слезы канули на его исхудавшія, морщинистыя щеки. Каждый изъ насъ внималъ съ почтеніемъ этому печальному воспоминанію.

«Выздоровленіе совершалось медленно, продолжалъ Ре-Ламмпо; наконецъ, здоровье наше возстановилось на столько, что мы могли оставить островъ Негра, куда заступничество Младенца Іисуса чудотворно пригнало нашу ладью, и поселились здѣсь на постоянное жительство, на берегу великаго озера. По своему положенію въ срединѣ острова Люсона, оно доставило мнѣ возможность заняться по прежнему рыболовнымъ промысломъ, не подвергаясь опасности отъ малайцевъ, которые могли бы вторично напасть на насъ, еслибы мы жили въ Зебу.

«Сынъ мой выросъ красивымъ мальчикомъ....

— Онъ наслѣдовалъ это отъ отца, сказалъ я, припоминая начало разсказа старика; но мое замѣчаніе не могло вызвать улыбки на его грустное лицо.

«— Онъ сдѣлался славнымъ рыбакомъ, продолжалъ Ре-Ламмпаго, и мы жили втроемъ очень счастливо, когда насъ постигло страшное испытаніе. Младенецъ Іисусъ безъ сомнѣнія отвратилъ отъ насъ Свои очи или, Богъ былъ недоволенъ нами. Я не роп-

щу, но Онъ наказалъ насъ слишкомъ строго, пославши несчастіе, которое мы будемъ оплакивать до могилы!»

И слезы старика текли обильнѣе и горче.

— Ахъ! какъ справедливо сказалъ итальянскій поэтъ: *«Ничто на землѣ такъ не прочно какъ слезы. Глаза старика почти уже не видятъ, но могутъ долго еще плакать.»*

Голосъ Ре-Лампаго прерывался рыданіями, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ.

«— Однажды ночью, при ясномъ, спокойномъ свѣтѣ луны, мы закинули сѣти въ одномъ мѣстѣ пролива, и вытаскивая ихъ, встрѣтили затрудненіе; чтобы увидѣть какое препятствіе ихъ удерживало, сынъ мой нырнулъ въ воду. Я оставался въ пирогѣ, и наклонившись за бортъ, въ ожиданіи его возвращенія, увидѣлъ при серебристомъ свѣтѣ луны, взиравшей на насъ съ высоты, большое кровавое пятно, поднимавшееся къ поверхности воды. Я испугался и вытащилъ проворно сѣть.... Несчастный сынъ мой ухватился за нее, но, увы! мнѣ не суждено было видѣть его въ живыхъ!»

— Какъ! твой сынъ!... воскликнулъ я.

«— Да, мой бѣдный Жозе-Маріо! сказалъ онъ. Въ сѣти попался крокодилъ и.... вмѣсто сына, ко мнѣ возвратился только обезглавленный трупъ его!... Послѣ этой роковой ночи, Тереза и я молимъ только Бога скорѣе призвать насъ къ себѣ, потому что ничто уже не привязываетъ насъ къ землѣ. Тотъ изъ насъ, кто переселится отсюда прежде, будетъ похороненъ тамъ.... надъ этимъ зеленымъ холмикомъ, осѣненнымъ деревяннымъ крестомъ, передъ входомъ въ нашу хижину.... а послѣдній изъ насъ троихъ, оставивъ здѣшній міръ, безъ сомнѣнія найдетъ сострадательнаго христіанина, который положитъ тѣло его подлѣ праха милыхъ сердцу....»

Ре-Лампаго остановился, и чтобы дать волю своей горести и воспоминаніямъ, всталъ и безмолвно простился съ нами. Растроганные до глубины души, мы не смѣли нарушить его молчанія.

Вѣтеръ утихъ.

Усердные матросы ожидали нашихъ приказаній.

Спустя нѣсколько минутъ мы пошли къ Ялѣ-ялѣ и прибыли туда на закатѣ солнца. На другой день по пріѣздѣ, я занялся дѣлами по управленію моимъ государствомъ. Мое отсутствіе было для него неблагопріятно и я долженъ былъ принять мѣры для уничтоженія нѣкоторыхъ вкравшихся безъ меня злоупотребленій. Нѣсколько легкихъ наказаній и бдительный надзоръ хозяйскаго

глаза скоро возстановили порядокъ и тогда я могъ обратить все свое вниманіе на обработку земель.

Это было въ началѣ зимы, въ эпоху проливныхъ дождей и сильныхъ бурь. Ни одинъ чужестранецъ не осмѣлился бы переправиться въ это время чрезъ озеро, чтобы посѣтить насъ. Мы были вдвоемъ, жена и я, въ совершенномъ уединеніи; дни наши текли безмятежно и счастливо и мы не знали скуки. Привязанность наша другъ къ другу заключала въ себѣ столько живыхъ, положительныхъ элементовъ, что была совершенно достаточною для наполненія нашего существованія.

Это пріятное уединеніе было скоро прервано счастливымъ, непредвидѣннымъ происшествіемъ. Я получилъ изъ Маниллы письмо, — что̀ очень рѣдко случается въ Ялѣ-ялѣ, — извѣщавшее меня о пріѣздѣ старшаго брата, который остановился у моего зятя и ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ моего возвращенія. Я не зналъ, что онъ рѣшился оставить Францію и потому эта новость, этотъ внезапный пріѣздъ, столько же изумилъ, какъ и обрадовалъ меня.

Итакъ, меня ожидало свиданіе съ братомъ, съ которымъ я былъ связанъ самою нѣжною дружбой.

О! тотъ, кому никогда не суждено было разлучаться съ своими пенатами, съ родными, съ первыми привязанностями, едва ли пойметъ всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на меня нежданнымъ письмомъ! Когда прошелъ первый восторгъ, я рѣшился, не теряя ни минуты отправиться въ Маниллу. Дорожные сборы были недолги; выбравъ легчайшую изъ пиро̀гъ и двухъ сильныхъ индѣйцевъ, я поцаловалъ на прощаньѣ мою милую Анну и, чрезъ нѣсколько минутъ плылъ уже по водамъ озера. Несмотря на проворство гребцовъ, мнѣ все казалось, что мы плывемъ слишкомъ медленно; я хотѣлъ бы дать крылья легкой ладьѣ и перелетѣть отдѣлявшее меня пространство, также быстро какъ моя мысль. Никогда путешествіе не казалось мнѣ такъ продолжительно, а между тѣмъ, могучіе гребцы, воодушевляемые моимъ нетерпѣніемъ, употребляли всѣ усилія къ скорѣйшему осуществленію моихъ желаній. Наконецъ, мы пріѣхали; я тотчасъ побѣжалъ къ зятю и бросился въ объятія брата Генриха. Чрезмѣрное душевное волненіе долго мѣшало намъ говорить и только слезы, обильно струившіяся изъ глазъ, выражали нашу сердечную ра̀дость. За то, сколько вопросовъ надавалъ я ему, когда первое впечатлѣніе утихло! Ни одинъ изъ родныхъ и знакомыхъ не были забыты. Малѣйшія подробности о дорогихъ сердцу людяхъ были для меня важны и интересны.

Остальную часть дня и всю ночь мы провели въ непрерывной, неистощимой бесѣдѣ, а на другой день отправились въ Ялуялу.

Генрихъ спѣшилъ познакомиться съ своею невѣсткой, а я — подѣлиться счастіемъ съ дорогой подругой. Добрая, Анна! моя радость была радостью для тебя, мое счастіе и для тебя счастіемъ! Ты встрѣтила Генриха какъ брата и эта братская привязанность была всегда въ тебѣ такъ же искренна и неизмѣнна, какъ и любовь ко мнѣ!

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ тихихъ, отрадныхъ воспоминаніяхъ о Франціи и обо всемъ, что заключалось въ ней близкаго нашимъ сердцамъ, грустное чувство, котораго я не могъ подавить въ себѣ, примѣшалось къ моей радости. Я думалъ о нашемъ многочисленномъ семействѣ, столь отдаленномъ отъ насъ, и разсѣянномъ по лицу земли. Младшій изъ братьевъ, увы! кончилъ жизнь на Мадагаскарѣ. Другой братъ, Робертъ, поселился въ Порто-Рико, а два мои зятя, оба капитаны, проводили жизнь въ дальнихъ плаваніяхъ, и чаще всего въ Индіи. Бѣдная мать! бѣдныя сестры, одинокія, безъ опоры, безъ поддержки; сколько заботъ, безпокойствъ и опасеній испытали вы, проводя жизнь въ совершенномъ уединеніи! Я желалъ бы, чтобы вы были со мною, но увы! насъ раздѣляетъ цѣлый міръ, и только надежда, когда нибудь увидѣть васъ, разсѣевала облака, нерѣдко затемнявшія счастливыя минуты, доставленныя мнѣ пріѣздомъ брата.

Отдохнувъ немного, Генрихъ пожелалъ раздѣлить со мною труды; я ознакомилъ его со всѣми пріемами моей обработки и, онъ взялъ на свою долю надзоръ за усовершенствованіемъ плантаціи и уборкой полей. Я же предоставилъ себѣ управленіе индѣйцами, заботы объ улучшеніи и разсмотрѣніи стадъ и безпощадное преслѣдованіе бандитовъ. Я былъ всегда на готовѣ, для усмиренія этихъ безпокойныхъ обитателей горъ и лѣсовъ, но никогда не разсказывалъ о многихъ маленькихъ стычкахъ съ ними, въ которыхъ самому мнѣ приходилось всегда играть главную роль. Напротивъ, я строго приказывалъ моимъ стражамъ быть скромными, не желая причинять безпокойства доброй Аннѣ и подвергать опасности брата, который вѣроятно захотѣлъ бы тогда мнѣ сопутствовать; я не могъ быть также спокойнымъ за него какъ за самаго себя; я вѣрилъ въ свою звѣзду и, скромность въ сторону, даже позволялъ себѣ думать, что пули бандитовъ питали ко мнѣ нѣкоторое уваженіе. Въ небольшихъ перестрѣл-

кахъ въ открытомъ полѣ, опасность была не велика, но совсѣмъ не то было въ рукопашныхъ схваткахъ, при встрѣчѣ грудь съ грудью, что случалось со мною не одинъ разъ, и здѣсь я позволяю себѣ кстати разсказать одинъ изъ подобныхъ случаевъ въ подтвержденіе сказаннаго объ уваженіи, какое оказывали мнѣ пули бандитовъ.

Однажды возвращаясь домой съ своимъ лейтенантомъ и, не имѣя другаго оружія, кромѣ кинжаловъ, мы пробирались по густому лѣсу. Алила сказалъ мнѣ: — «Господинъ, мы находимся теперь въ сторонѣ, весьма часто посѣщаемой бандитомъ *Кажуи!*» А Кажуи пользовался репутаціею самаго жестокаго начальника разбойниковъ. Между прочими его злодѣйскими подвигами, онъ для потѣхи утопилъ однажды двадцать человѣкъ своихъ соотечественниковъ. Давно у меня лежало на сердцѣ, избавить страну отъ такого изверга; замѣчаніе моего лейтенанта заставило меня свернуть на маленькую тропинку, которая привела насъ къ хижинѣ, въ чащѣ лѣса.

Приказавъ Алилѣ остаться внизу и держать ухо востро, пока я пойду развѣдать кто живетъ въ этой хижинѣ, я поднялся по лѣсенкѣ, ведущей по обыкновенію въ тогальскія жилища, и увидѣлъ тамъ Индіанку, которая очень усердно была занята плетеніемъ цыновки. Я попросилъ у нея огня, чтобы закурить сигару, и возвратился къ моему лейтенанту; но, окинувъ хижину внимательнымъ взглядомъ, я нашелъ, что она снаружи гораздо объёмистѣе, чѣмъ внутри. Я снова взбѣжалъ на лѣсенку, осмотрѣлъ кругомъ комнату, гдѣ находилась молодая дѣвушка и замѣтилъ въ одномъ углу дверь, завѣшенную цыновкой; я быстро отворилъ ее и, въ ту же минуту, Кажуи, который поджидалъ меня сзади съ карабиномъ, выстрѣлилъ въ меня почти въ упоръ. Огонь и дымъ ослѣпили меня, но пуля по особому, непостижимому счастію коснулась только платья, не ранивъ меня. Въ это время Алила, знавшій, что при мнѣ не было огнестрѣльнаго оружія, услышавъ выстрѣлъ, считалъ меня погибшимъ. Онъ бросился стремглавъ на лѣстницу, увидѣлъ, что я стою окруженный облакомъ дыма, съ кинжаломъ въ рукѣ и глазами отъискиваю врага, который видя, меня на ногахъ послѣ выстрѣла, подумалъ, конечно, что я носилъ при себѣ *anten-anten*, дьявольскій талисманъ, по повѣрью индѣйцевъ, имѣющій свойство дѣлать человѣка невредимымъ отъ всякаго огнестрѣльнаго оружія. Тогда невольный страхъ овладѣлъ бандитомъ; онъ выпрыгнулъ въ окошко и бросился со всѣхъ ногъ искать спасенія въ лѣсу.

Алила не вѣрилъ глазамъ и, ощупывалъ меня со всѣхъ сторонъ, чтобы убѣдиться, не пролетѣла ли пуля сквозь меня. Удостовѣрившись наконецъ, что я не былъ раненъ, онъ сказалъ:

— Если бы вы не имѣли при себѣ *anten-anten*, вы были бы убиты.

Мои индѣйцы всегда воображали, что я владѣлъ этимъ секретомъ и многими другими; напр. видя, что я иногда могъ пробыть двадцать четыре и даже тридцать шесть часовъ безъ пищи и питья, они были совершенно увѣрены, что я могу существовать такимъ образомъ неопредѣленно долгое время.

Тагалы сохранили всѣ старинныя суевѣрія. Однакожъ, благодаря испанцамъ, всѣ они Христіане, хотя понимаютъ эту религію какъ дѣти и думаютъ, что посѣщеніе церкви въ воскресные и праздничные дни, ежегодная исповѣдь и причащеніе, достаточны для искупленія всѣхъ ихъ грѣховъ. Слѣдующій анекдотъ, случившійся со мною, объяснитъ, каковы ихъ понятія о Евангельской добродѣтели.

Два молодые индѣйца, укравъ однажды у сосѣда нѣсколько домашнихъ птицъ, пришли продавать ихъ моему мажордому за двѣнадцать су. Я велѣлъ позвать ихъ къ себѣ, чтобы дать строгій выговоръ и наказать, а они въ простотѣ сердца отвѣчали мнѣ:

— Это правда, господинъ, мы не хорошо сдѣлали, но можно ли было поступить иначе, когда завтра мы должны причащаться, а у насъ нѣтъ ни копѣйки на чашку шоколада.

У нихъ обыкновеніе тотчасъ послѣ причастія пить шоколадъ, и неисполненіе этого обычая казалось имъ грѣшнѣе похищенія, на которое они рѣшились.

Два злотворныя божества играютъ въ ихъ жизни важную роль; тагалы вѣрили въ нихъ еще прежде покоренія Филиппинскихъ острововъ. Одно изъ этихъ пагубныхъ божествъ — *Тикъ-Баланъ*, о которомъ я уже говорилъ, живетъ въ лѣсахъ, во внутренности огромныхъ фиговыхъ деревъ. Это божество можетъ причинять всевозможное зло тому, кто не почитаетъ его, или не носитъ при себѣ нѣкоторыхъ травъ; проходя подлѣ одного изъ такихъ деревъ, каждый дѣлаетъ знакъ рукою произнося: *Тавитъ-по*, что по тагальски значитъ: *съ вашего позволенія, господинъ*. Другое божество называется *Азуанъ*. Оно присутствуетъ въ особенности, и всегда злонамѣренно, при разрѣшеніи женщинъ отъ бремени, и потому нерѣдко можно видѣть, что въ то время, когда жена индѣйца мучится, готовясь произвести на свѣтъ, мужъ ея садится верхомъ на крышу своей хижины съ

саблей въ рукѣ и поражаетъ воздухъ то лезвеемъ, то рукояткой, для того, чтобы выгнать скорѣе *Азуана*.

Иногда онъ продолжаетъ этотъ маневръ въ продолженіи многихъ часовъ до тѣхъ поръ, пока процессъ рожденія не кончится. Одно изъ ихъ вѣрованій, которому могли бы позавидовать европейцы, состоитъ въ томъ, что когда ребенокъ не достигшій еще разумнаго возраста умираетъ, то это почитается счастіемъ для цѣлаго семейства; это ангелъ, отходящій на небо, чтобы быть покровителемъ всѣхъ своихъ родныхъ и потому, день похоронъ его большой праздникъ; приглашаются родные и друзья, пьютъ, поютъ и танцуютъ всю ночь, въ той хижинѣ, гдѣ младенецъ умеръ. Однакожь я замѣчаю, что суевѣрія индѣйцевъ слишкомъ отдаляютъ меня отъ моего предмета. Впослѣдствіи я буду имѣть случай разсказать съ большею пользою нравы и обычаи этихъ странныхъ людей, а теперь возвращусь къ той минутѣ, когда Алила сказалъ съ полною увѣренностью, что я ношу при себѣ *anten-anten* и что слѣдовательно, пуля не можетъ меня ранить. Потомъ, онъ обратился къ молодой дѣвушкѣ, которая стояла въ углу ни жива, ни мертва.

— А! проклятая тварь, сказалъ онъ: — ты вѣрно наложница Казруи; теперь съ тобой будетъ расправа!

Въ ту же минуту онъ подошелъ къ ней, махая кинжаломъ; я бросился между ними, зная, что онъ способенъ убить человѣка, въ особенности когда нападеніе было сдѣлано на меня и угрожало мнѣ опасностью.

— Несчастный! сказалъ я: — что ты хочешь сдѣлать?...

— Бездѣлицу, господинъ мой, обрѣзать волосы и уши этой низкой женщинѣ и поручить ей передать Кажуи, что онъ скоро будетъ въ нашихъ рукахъ.

Съ большимъ трудомъ я могъ отктонить его отъ этого намѣренія. Я долженъ былъ употребить всю мою власть и, въ утѣшеніе позволить ему сжечь хижину, что̀ онъ и поспѣшилъ исполнить, а перепуганная молодая дѣвушка, пользуясь моимъ покровительствомъ, тѣмъ временемъ убѣжала въ лѣсъ.

Лейтенантъ мой былъ правъ, говоря, что Кажуи скоро попадетъ въ наши руки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ мы сожгли разбойничій шалашъ, шедши однажды съ тремя спутниками изъ числа моей стражи, мы открыли въ самой густой части лѣса, маленькую хижинку. Мои индѣйцы тотчасъ побѣжали къ ней, чтобы не выпустить оттуда никого; но она была окружена почти со всѣхъ сторонъ топкимъ, болотистымъ грунтомъ, прикрытымъ

травою и хворостомъ, въ которомъ они всѣ трое увязли по поясъ. Бывши немного позади ихъ, я замѣтилъ опасность и, обойдя болото, подошелъ къ хижинѣ съ другой доступной стороны. Вдругъ я встрѣтился лицемъ къ лицу съ Кажуи и, такъ близко, что едва не столкнулся съ нимъ. У меня былъ въ рукѣ кинжалъ, у него тоже; началась борьба. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ мы наносили другъ другу учащенные удары, которыхъ каждый избѣгалъ какъ могъ; мнѣ кажется, однакожь, что счастіе было сначала противъ меня; остріе кинжала Кажуи уже вонзилось довольно глубоко мнѣ въ правую руку, когда я успѣлъ выхватить лѣвую рукою изъ-за пояса пистолетъ довольно большаго калибра, и выстрѣлилъ прямо ему въ грудь; пуля съ пыжемъ пролетѣта чрезъ нее насквозь. Еще нѣсколько мгновеній Кажуи старался защищаться, но я однимъ сильнымъ толчкомъ повалилъ его къ моимъ ногамъ и вырвалъ у него кинжалъ, который храню до сихъ поръ.

Между тѣмъ люди мои, успѣвшіе высвободиться изъ трясины, присоединились ко мнѣ; озлобленіе наше противъ Кажуи вскорѣ уступило мѣсто жалости. Мы составили насилки, перевязали рану и перенесли его такимъ образомъ чрезъ разстояніе болѣе шести миль, къ моему дому, гдѣ ему оказаны были всѣ необходимыя пособія. Съ минуты на минуту я ожидалъ, что онъ отдастъ Богу душу; каждую четверть часа люди доносили мнѣ о состояніи его здоровья и каждый разъ говорили: «Господинъ, онъ не можетъ умереть, потому что имѣетъ при себѣ *антенъ-антенъ*, но, къ счастію нашему, вы тоже носите съ собою этотъ талисманъ; въ противномъ случаѣ вамъ бы не сдобровать.» Я посмѣялся внутренно надъ ихъ суевѣріемъ и былъ совершенно убѣжденъ, что смерти ему долго не ждать; когда мой летенантъ съ радостнымъ видомъ принесъ мнѣ маленькую рукописную тетрадку, дюйма въ два въ квадратѣ и сказалъ: «Господинъ, вотъ *антенъ-антенъ*, который я нашелъ на шеѣ Кажуи.» Въ ту же минуту другой индѣецъ пришелъ объявить, что бандитъ кончилъ жизнь.

— Видите ли, господинъ, сказалъ Алила: — если бы я не снялъ съ него *anten-anten*, онъ былъ бы еще живъ.

Я перелистывалъ рукопись; въ ней были молитвы, воззванія на тагальскомъ языкѣ, не отличавшіяся здравымъ смысломъ. Одинъ почтенный монахъ, бывшій въ это время со мною, взялъ ее у меня изъ рукъ; я думалъ, что онъ хотѣлъ такъ же, какъ и я, прочитать ее изъ любопытства, но онъ всталъ, пошелъ въ кухню и возвратившись черезъ минуту объявилъ, что бросилъ,

рукописи въ огонь; бѣдный мой лейтенантъ едва не заплакалъ отъ огорченія, потому, что считалъ ее уже своею собственностью, и думалъ, что имѣя ее при себѣ, онъ былъ бы навсегда не вредимымъ. Я также имѣлъ намѣреніе сохранить ее, какъ любопытный документъ малайскаго суевѣрія. На другой день, мнѣ стоило большихъ усилій уговорить священника, отца Мигеля похоронить тѣло Кажуи на кладбищѣ; онъ возразилъ, что человѣкъ, носившій передъ смертью *anten-anten*, не могъ быть похороненъ въ освященномъ мѣстѣ. Нужно было увѣрить его, что за минуту до смерти *anten-anten* былъ взятъ у Кажуи и, что онъ имѣлъ время раскаяться.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Кажуи, мой вѣрный Алила, подвергся въ свою очередь не менѣе страшной опасности, какъ и я въ схваткѣ съ однимъ начальникомъ бандитовъ. Но Алила былъ храбръ и хотя ему не достался въ наслѣдство *anten-anten* покойнаго, онъ не боялся встрѣчи съ врагомъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо вооруженъ.

Большія суда, въ родѣ Ноева Ковчега, нагруженныя товарами, перевозили ежемѣсячно зажиточныхъ купцовъ по р. Пазигъ въ Санта-Крузъ, куда по четвергамъ собиралась значительная ярмарка. Восемь предпріимчивыхъ, отважныхъ бандитовъ, переодѣвшись, отправились также въ числѣ прочихъ на одномъ изъ этихъ судовъ; оружіе ихъ было спрятано между тюками товаровъ. Едва только судно вышло изъ гавани, какъ они выхватили его и началась сцена ужаснаго кровопролитія. Всѣ, кто оказывалъ сопротивленіе были безжалостно задушены, самъ лоцманъ выброшенъ за бортъ; наконецъ, не встрѣчая болѣе препятствія, они обобрали у всѣхъ пассажировъ деньги, все, что было при нихъ драгоцѣннаго, и обогащенные добычей, провели судно къ одному необитаемому берегу, гдѣ и высадились.

Я былъ предувѣдомленъ объ этомъ дерзкомъ предпріятіи и поспѣшилъ прибыть къ тому мѣсту, гдѣ они вышли на берегъ, но, къ сожалѣнію, было уже поздно, они успѣли убѣжать въ горы, раздѣливъ между собою добычу. Несмотря на малую надежду догнать ихъ, я пустился однакожъ за ними въ погоню, и послѣ долгаго преслѣдованія, встрѣтилъ прохожаго индѣйца, который сообщилъ мнѣ, что одинъ изъ бандитовъ, не поспѣвая за товарищами, былъ не далеко впереди насъ, и что если мы прибавимъ шагу, то можемъ скоро догнать его. Алила былъ лучшій ходокъ изъ всей моей стражи, онъ былъ легокъ, какъ олень, и потому я сказалъ ему: «Ступай Алила, и приведи мнѣ этого бѣглеца мертваго или живаго».

Храбрый лейтенантъ мой, для большаго облегченія себя, оставилъ ружье и съ однимъ копьемъ, отправился исполнять порученіе. Потерявъ его изъ вида, мы скоро услышали выстрѣлъ; по всей вѣроятности, это бандитъ выстрѣлилъ въ Алилу и, мы всѣ думали, что онъ или раненъ, или убитъ. Мы удвоили шагъ надѣясь подоспѣть еще во время, для подаіня ему помощи; но скоро увидѣли его, спокойно возвращающагося къ намъ. Лицо его и одежда была въ крови, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой страшная голова бандита, которую онъ держалъ за волосы, какъ нѣкогда Юдиоь голову Олоферна. Но мой бѣдный Алила былъ раненъ, и первою моею заботою было осмотрѣть какова рана. Удостовѣрившись, что опасности не было, я спросилъ у него о подробностяхъ сраженія:

«— Господинъ, сказалъ онъ: — вскорѣ послѣ того, какъ я оставилъ васъ, я увидѣлъ бандита; онъ тоже замѣтилъ меня и храбро искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но я бѣжалъ быстрѣе и скоро догналъ. Потерявъ надежду уйти, онъ оборотился и выставилъ противъ меня пистолетъ. Я не испугался и бѣжалъ прямо на него.... Выстрѣлъ раздался, я почувствовалъ, что раненъ въ лицо, но это не остановило меня: я кинулся впередъ и проткнулъ его копьемъ на сквозь, но такъ какъ нести его было слишкомъ тяжело, то я отрѣзалъ ему голову»!

Поздравивъ Алилу съ побѣдой и, осмотрѣвъ еще разъ его рану, я нашелъ, что часть пули разрѣзанной на четверо, попала ему въ скулу правой щеки и сплюснулась на кости; я вынулъ ее и вскорѣ онъ выздоровѣлъ.

Теперь, пересказавъ окончательно читателю всѣ мои экспедиціи противъ бандитовъ, я возвращаюсь къ продолженію моей обыкновенной жизни въ Ялѣ-Ялѣ: въ эту эпоху несчастіе наложило трауръ на мое семейство. Я получилъ письмо отъ родныхъ, которые увѣдомляли меня, что братъ мой Робертъ, возвратившись изъ Порто-Рико, опасно заболѣлъ и скоро сошелъ въ могилу. Онъ умеръ на рукахъ моей матери и сестеръ въ маленькомъ домикѣ *Ла-планшъ*, гдѣ, какъ я уже говорилъ, мы получили первое воспитаніе. Добрая моя Анна плакала вмѣстѣ съ нами и оказывала самую нѣжную внимательность брату Генриху и мнѣ, чтобы облегчить или разсѣять наше горе послѣ понесенной потери. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и новое огорченіе посѣтило насъ. Наше маленькое общество въ Ялѣ-Ялѣ, состояло изъ моей невѣстки, молодаго человѣка Делоне́ родомъ изъ Сенъ-Мало, недавно пріѣхавшаго изъ Бурбона, для устройства въ Манилѣ сахарныхъ заводовъ; молодаго испанца Бермипана и

друга моего, капитана Габріэля Лафона, такъ же, какъ я Нантскаго урожденца. Онъ прибылъ на Филиппинскіе острова на кораблѣ, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Южной Америкѣ, гдѣ исполнялъ важныя морскія порученія въ званіи капитанъ-командира, наконецъ, послѣ многихъ приключеній и превратностей судьбы, явился въ Манилу съ маленькимъ состояніемъ, купилъ судно и отправился въ Тихій Океанъ для ловли *beloté* или морскаго червя. По прибытіи къ острову Тонга-Табу, онъ разбился съ судномъ о скалы, окружающія этотъ островъ; самъ спасся вплавь, но лишился всего. Послѣ того, онъ перешелъ на Маріанскіе острова, гдѣ отъ огорченія и дурной пищи сдѣлался боленъ, а оттуда возвратился въ Манилу, страдая жестокимъ кровавымъ поносомъ; я пригласилъ его къ себѣ въ домъ и оказывалъ всѣ попеченія, какія заслуживалъ соотечественникъ и добрый другъ. Вечера наши проходили въ интересныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ, каждый изъ насъ постранствовавъ довольно на своемъ вѣку, имѣлъ запасъ разсказовъ; въ продолженіе дня больные оставались съ дамами, между тѣмъ какъ я и братъ занимались хозяйствомъ, каждый по своей части. Но скоро, увы! несчастный случай разрушилъ спокойствіе, царствовавшее въ Ялѣ-Ялѣ. Бермиганъ занемогъ такъ опасно, что черезъ три дня я лишился надежды спасти его жизнь; никогда не забуду я той роковой ночи, когда мы собрались всѣ въ гостиной, со страхомъ и смятеніемъ на лицахъ и въ сердцахъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, въ сосѣдней комнатѣ, слышно было предсмертное хрипѣніе; это были послѣднія минуты жизни Бермигана. Мой добрый другъ Лафонъ, доведенный также болѣзнью почти до безнадежнаго состоянія, прервалъ печальное молчанье. «Да, сегодня Бермиганъ, а черезъ нѣсколько дней, можетъ быть завтра, придетъ и моя очередь. Посмотри! любезный мой донъ Пабло: я могу сказать, что почти не существую. Взгляни на мои ноги, на тѣло; я почти скелетъ, я не могу принимать никакой пищи. Впрочемъ, лучше умереть, чѣмъ такъ жить»! Я былъ такъ увѣренъ, что предчувствіе его незамедлитъ осуществиться, что едва осмѣлился сказать нѣсколько словъ утѣшенія и надежды. Кто бы могъ предугадать тогда, что только онъ и я переживемъ всѣхъ насъ окружающихъ, всѣхъ полныхъ жизни и здоровья! Но, не станемъ нарушать послѣдовательности событій.

Несчастный Бермиганъ испустилъ послѣднее дыханіе. Домъ мой въ Ялѣ-Ялѣ лишился своей дѣвственности, смерть посѣтила его. На другой день въ молчаніи и печали, мы всѣ собрались на кладбище, чтобы схоронить нашего друга и отдать ему послѣд-

ній долгъ. Тѣло было положено у подножія большаго креста, поставленнаго въ центрѣ кладбища, и въ продолженіе многихъ дней скорбь и безмолвіе царствовали въ домѣ владѣльца Ялѣ-Ялы.

Спустя нѣсколько времени я имѣлъ утѣшеніе замѣтить, что попеченія мои о здоровьи друга Лафона подавали надежду на исцѣленіе.

Вслѣдствіе чрезвычайно сильныхъ лекарствъ, на которыя я долженъ былъ рѣшиться, здоровье его стало вдругъ поправляться — и, вслѣдъ за тѣмъ возвратился аппетитъ, такъ что онъ скоро получилъ возможность отправиться во Францію. Въ настоящее время, поселившись въ Парижѣ, онъ женатъ на особѣ, надѣленной всѣми качествами, которыя могутъ составить семейное счастіе, и имѣетъ трехъ прекрасныхъ дѣтей. Пользуясь видимымъ положеніемъ въ свѣтѣ и общимъ уваженіемъ, онъ не забылъ шести мѣсяцовъ, проведенныхъ въ Ялѣ-Ялѣ, и неблагодарность никогда не коснулась его благороднаго, преданнаго сердца; между имъ и мною и до сихъ поръ существуетъ самая искренняя привязанность и я считаю себя счастливымъ, что могу сказать ему здѣсь: онъ былъ и будетъ всегда моимъ лучшимъ другомъ.

Такъ какъ я назвалъ уже многихъ особъ, изъ числа проживавшихъ нѣкоторое время въ Ялѣ-Ялѣ, то кстати упомяну объ одномъ изъ колонистовъ, Іоакимѣ Бальтазарѣ, родомъ изъ Марселя, человѣкѣ въ высшей степени эксцентрическомъ. Іоакимъ, въ ранней молодости успѣлъ забраться чрезъ бортъ на одно судно, отправлявшееся изъ его роднаго города. Прибывъ въ Бурбонъ, незачисленнымъ въ составъ экипажа, онъ былъ взятъ и переданъ на корабль *Астролябія*, который совершалъ кругосвѣтное плаваніе. Оттуда онъ бѣжалъ на Маріанскіе острова, прибылъ въ крайней бѣдности на острова Филиппинскіе и обратился къ добрымъ монахамъ, прося ихъ позаботиться о спасеніи души его. Онъ прожилъ съ ними, и на ихъ счетъ, около двухъ лѣтъ; потомъ это ему наскучило, онъ открылъ въ Манилѣ кофейный домъ и промотавъ въ удовольствіяхъ и развратѣ довольно значительную сумму, которую я и другой французъ дали ему взаймы, поселился наконецъ на моей землѣ, выстроивъ большое соломенное зданіе, болѣе похожее на магазинъ, нежели на домъ. Тамъ содержалъ онъ всегда нѣчто въ родѣ сераля, усыновлялъ всѣхъ дѣтей, которыхъ ему приносили, имѣлъ также своихъ дѣтей и эта толпа вѣчно шумящихъ ребятишекъ уподобляла домъ его школѣ взаимнаго обученія. Если одна изъ

женщинъ наскучала ему, то онъ призывалъ кого нибудь изъ работниковъ и говорилъ ему: «Вотъ тебѣ жена; будь добрымъ мужемъ, обходись съ нею хорошо: а ты, женщина, вотъ твой мужъ, будь ему вѣрна. Ступайте съ Богомъ, убирайтесь и чтобъ я никогда васъ болѣе не видалъ.» Онъ почти всегда былъ безъ копейки въ карманѣ, а иногда вдругъ получалъ большія суммы которыя расточались въ нѣсколько дней. Онъ имѣлъ также, многимъ нравящееся, обыкновеніе брать у всѣхъ взаймы и никому не отдавать, жилъ какъ настоящій индѣецъ и, ко всему этому, былъ труслив. какъ мокрая курица. Его свѣтлые волосы и блѣдное, безжизненное лицо безъ бороды, заслужили ему отъ индѣйцевъ названіе *уэла-дугу*, слова татальскія, означающія: *не имѣющій крови*.

Однажды, переправляясь чрезъ озеро въ небольшой пирогѣ съ нимъ и двумя индѣйцами, мы были застигнуты однимъ изъ страшныхъ вихрей, часто посѣщающихъ китайскія моря. Эти вихри, называемые *тай-фунгъ*, довольно рѣдки въ нашей сторонѣ, но всегда ужасны. Небо покрывается грозными облаками, дождь льется рѣкой, дневный свѣтъ исчезаетъ такъ, какъ бываетъ иногда въ самые темные туманы, и вѣтеръ дуетъ съ такою стремительностью, что опрокидываетъ все, что встрѣчается ему на пути.

И такъ, мы плыли въ нашей пирогѣ: едва только вѣтеръ началъ подниматься сильнѣе, какъ Бальтазаръ сталъ призывать на помощь всѣхъ святыхъ поименно. Въ отчаяніи, онъ громко кричалъ: «О, Боже мой! я большой грѣшникъ, сотвори мнѣ милость, дай возможность исповѣдаться въ грѣхахъ и получить отпущеніе». Всѣ эти іеремiады и крики только пугали моихъ двухъ индѣйцевъ, а положеніе наше было такъ опасно, что мы должны были сохранять все присутствіе духа, для искуснѣйшаго управленія лодкою, которая ежеминутно могла быть потоплена. Однако я надѣялся, что снабженная, для равновѣсія, двумя большими бамбуковыми шестами, она могла очень хорошо держаться на водѣ не опрокидываясь, если только у насъ достанетъ искусства и силы, чтобы успѣвать поворачивать во время къ вѣтру и не подставлять подъ удары волнъ боковыхъ сторонъ пироги; въ противномъ случаѣ погибель наша была бы неизбѣжна. Что я предвидѣлъ, то и случилось. Набѣжала волна; въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ мы были совершенно *ею поглощены*, но волна отошла и мы остались опять надъ поверхностью воды. Наша пирога налилась почти до бортовъ, *но мы* ее не оставили, и подогнувъ ноги подъ скамейки, крѣпко за

нихъ удѣлялись. Но каждый разъ, какъ волна приближалась къ намъ, она окачивала насъ съ головою, отбѣгала и тогда мы имѣли время вздохнуть, пока новая волна не настигала насъ. Чрезъ каждыя три или четыре минуты, этотъ маневръ повторялся; индѣйцы и я употребляли тогда всю свою силу и искусство, чтобы уйти изъ-подъ вѣтра. Бальтазаръ кончалъ свои іереміады, всѣ были безмолвны, только я произносилъ изрѣдка слова: «не унывай, ребята, скоро пріѣдемъ.»

Положеніе наше сдѣлалось еще хуже съ наступленіемъ ночи. Проливной дождь не переставалъ, порывы вѣтра сдѣлались еще яростнѣе. По временамъ насъ озаряли на мгновеніе огненные шары, подобные тѣмъ, которые у моряковъ называются: *feu de Saint Elme (огонь св. Эльма).* Въ эти минуты внезапнаго освѣщенія, я вглядывался въ даль, но не видалъ ничего, кромѣ необозримаго, колыхающагося водянаго пространства. Въ продолженіе почти двухъ часовъ, волны качали и обдавали насъ, мало по малу однакожь придвигая насъ къ берегу, и наконецъ въ ту минуту, когда совсѣмъ того не ожидали, мы очутились вдругъ среди огромнаго бамбуковаго куста. Тогда я узналъ, что мы на берегу, что озеро разлилось на многія мили по прибрежнымъ землямъ; мы стояли по грудь въ водѣ, и не было возможности выбраться за черту наводненія. Темнота такъ сгустилась, что нельзя было выбрать никакого направленія, пирóга же завязши между бамбуками, не могла болѣе служить намъ. Мы вскарабкались, какъ могли, на бамбуковыя деревья до той вышины, гдѣ они оканчивались стрѣлками; тѣла наши были изранены острыми иглами, покрывающими мелкія вѣтки; дождь продолжалъ хлестать безпрерывно, вѣтеръ не унимался и всякій порывъ его раскачивалъ и гнулъ бамбуки, которыхъ гибкія сучья раздирали намъ лицо и тѣло. Я многое вытерпѣлъ въ жизни, но никогда ночь не казалась мнѣ такою долгою и ужасною! Даръ слова возвратился къ Іоакиму Бальтазару и онъ сказалъ мнѣ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ: «Ахъ, донъ Пабло! напишите, сдѣлайте милость, къ моей матери, разскажите ей трагическій конецъ ея несчастнаго сына!...»

Я не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему: «Проклятый трусъ!... Развѣ мое положеніе лучше твоего?... Молчи, иначе я заставлю тебя нырнуть, чтобы не слушать болѣе твоихъ малодушныхъ жалобъ». Бѣдный Іоакимъ собралъ тогда все свое мужество и молчалъ, только по временамъ глубокіе вздохи выражали его страданія.

Вѣтеръ, который все время дулъ къ сѣверо-западу, около 4 часовъ, вдругъ измѣнилъ направленіе къ востоку, и немного спустя совсѣмъ затихъ. Между тѣмъ почти разсвѣло и мы были спасены. Тогда мы могли наконецъ осмотрѣться и нашли что всѣ четверо имѣли самый жалкій видъ; платье наше было изорвано въ клочки, все тѣло избито и покрыто глубокими царапинами. Холодъ проникнулъ до мозга нашихъ костей и, отъ такого продолжительнаго купанья кожа вся сморщилась; мы похожи были на утопленниковъ, вытащенныхъ изъ воды по прошествіи многихъ часовъ. Наконецъ, изувѣченные, изнеможенные, мы спустились съ бамбуковъ въ воды озера. Онѣ произвели на насъ пріятное и полезное впечатлѣніе и показались такъ теплы, какъ ванна, нагрѣтая до 30 градусовъ.

Оживленные этой пріятной температурой, мы высвободили нашу пирóгу изъ куста, гдѣ, къ счастію, она такъ крѣпко засѣла, что волны и теченіе не могли отнести ее далѣе. Спустивъ ее на воду, мы успѣли добраться до одной индѣйской хижины, гдѣ скоро обсохли и подкрѣпили свои силы. Въ природѣ возстановилось спокойствіе, небо очистилось, солнце засіяло полнымъ блескомъ, но вездѣ видны были слѣды тай-фунга. Къ полудню мы возвратились въ Ялу-Ялу, гдѣ были встрѣчены общею, тѣмъ живѣйшею радостью, что всѣ домашніе знали, что наканунѣ я былъ на озерѣ, и предположеніе о моей погибели невольно представлялось уму каждаго. Моя добрая, несравненная Анна бросилась со слезами въ мои объятія; она была въ такой тревогѣ цѣлыя сутки, что счастіе увидѣть меня, долго не находило другаго выраженія кромѣ слезъ, обильно струившихся по ея щекамъ.

Бальтазаръ отправился въ свой сераль. Пока онъ жилъ подъ моимъ покровительствомъ, индѣйцы оказывали ему наружное почтеніе; но послѣ моего отъѣзда изъ Ялы-Ялы онъ былъ убитъ и всѣ знавшіе его хорошо, говорили, что онъ давно заслужилъ такой конецъ своими низкими, безнравственными поступками.

Такъ какъ я уже разсказалъ объ одномъ тай-фунгѣ, то кстати позволяю себѣ забѣжать впередъ и описать въ самыхъ краткихъ словахъ другой, подобный же ураганъ, но по послѣдствіямъ гораздо ужаснѣе того, который привелось мнѣ испытать въ легкой ладьѣ и на бамбуковомъ кустѣ.

Я только что кончилъ постройку хорошенькой купальни на озерѣ, противъ оконъ нашего дома и былъ очень доволенъ и гордъ тѣмъ, что могъ доставить женѣ это новое удовольствіе. Въ тотъ самый день, когда индѣйцы отдѣлали послѣднія наруж-

выя украшенія, къ вечеру поднялся сильный порывистый западный вѣтеръ; мало по малу воды озера всколыхались и скоро не оставалось никакого сомнѣнія, что намъ придется имѣть дѣло съ тай-фунгомъ.

Братъ и я долго смотрѣли въ окно, устоитъ ли купальня противъ усилій вѣтра; но вдругъ, въ одинъ изъ его порывовъ мое бѣдное зданіе исчезло какъ карточный домикъ. Мы отошли отъ окна и хорошо сдѣлали, потому что вслѣдъ за тѣмъ еще сильнѣйшій порывъ разбилъ всѣ стекла и рамы, обращенныя на западъ, ворвался во внутренность дома, смялъ и опрокинулъ все, что стояло на пути, и вылетѣлъ насквозь, проломивши дверь и часть противоположной стѣны. Озеро забушевало до такой степени, что валы взлетали на крышу дома и наводняли наши покои. Мы не могли уже въ нихъ оставаться. Помогая другъ другу, жена моя, братъ, одинъ молодой французъ, находившійся тогда въ Ялѣ-Ялѣ, и я, перебрались въ одну комнатку внизу, которая освѣщалась только маленькимъ окошкомъ, притворили плотно ставни, уперлись въ нихъ плечомъ, употребляя всѣ наши силы противъ напора вѣтра, угрожавшаго выломить эту преграду, и такимъ образомъ провели почти всю ночь въ совершенной темнотѣ. Въ этой комнаткѣ хранились между прочимъ бутыли съ водкой; милая моя Анна наливала ее въ пригоршни и давала намъ пить изъ своихъ рукъ, чтобы согрѣть и поддержать наши силы. На разсвѣтѣ вѣтеръ утихъ, тишина возстановилась. Вся мебель и украшенія моего дома были разбиты въ дребезги; всѣ комнаты наполнены водою, всѣ чердаки засыпаны пескомъ, нанесеннымъ изъ озера громадными волнами. Вскорѣ домъ мой сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ колонистовъ, которые провели страшную ночь и не имѣли пристанища. Солнце поднялось наконецъ высоко и лучезарный шаръ его засіялъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Въ небѣ не видно было ни одного облачка, но грусть и жгучая тоска овладѣли моею душою, когда я разсматривалъ изъ окна опустошенія, произведенныя тай-фунгомъ. Деревень не стало! всѣ хижины были снесены.... церковь разрушена! мои магазины, сахарные заводы уничтожены; повсюду — только груды развалинъ. Мои поля, обильно покрытыя сахарнымъ тростникомъ, были совершенно сглажены и зеленѣющія окрестности, живописно прекрасныя за двѣнадцать часовъ предъ тѣмъ, поблекли, помертвѣли, какъ будто послѣ долгой суровой зимы. Нигдѣ не было видно зелени, деревья лишились листьевъ, всѣ вѣтви какъ будто срѣзаны, цѣлые лѣсные участки вырваны съ корнемъ, и такое смертоносное превращеніе произошло въ нѣ-

сколько часовъ! Въ продолженіе этого дня и на слѣдующій, озеро выбросило на берегъ многіе трупы несчастныхъ индѣйцевъ! Первою заботою отца Мигеля было похоронить ихъ и много лѣтъ спустя видны еще были на кладбищѣ въ Ялѣ-Ялѣ нѣсколько крестовъ съ надписью: *Неизвѣстный, кончившій жизнь свою во время тай-фунга.* Мои индѣйцы, не теряя времени, принялись перестроивать хижины, а я — исправлять по возможности нанесенные мнѣ убытки и разореніе.

Плодотворная филиппинская природа скоро сбросила наложенный на нее трауръ. Прошла недѣля — и деревья покрылись новыми листьями, какъ будто при наступленіи прекраснаго лѣта. Тай-фунгъ охватилъ пространство двухъ миль въ поперечникѣ, и какъ могучій смерчь, опрокинулъ и истребилъ все встрѣченное на пути.

Но довольно о бѣдствіяхъ. Возвращаюсь къ той эпохѣ, когда несчастный Бермигамъ, къ общему нашему огорченію, кончилъ свое земное поприще.

Усадьба моя процвѣтала; всѣ мои индѣйцы были счастливы; народонаселеніе Ялы-Ялы съ каждымъ днемъ увеличивалось; я пользовался общей любовью и уваженіемъ и оказалъ важныя услуги испанскому правительству постояннымъ преслѣдованіемъ бандитовъ, которые, могу сказать, питали ко мнѣ благоговѣйное уваженіе. Они смотрѣли на меня, какъ на непріятеля, но непріятеля храбраго, неспособнаго ни на какую подлую мѣру противъ нихъ, сражавшагося съ ними открыто, честно, по-рыцарски; я же, съ своей стороны, такъ хорошо изучилъ индѣйскій характеръ, что не боялся никакой ловушки или засады; я былъ увѣренъ, что они никогда не позволятъ себѣ дѣйствовать противъ меня хитростью или измѣной, и съ этимъ убѣжденіемъ смѣло ходилъ вездѣ, и днемъ и ночью безъ провожатыхъ. Безъ малѣйшаго опасенія бродилъ я по лѣсамъ, по горамъ и часто даже велъ съ честными бандитами переговоры, какъ съ равными мнѣ владѣльцами, не презирая приглашеній явиться въ назначенное мѣсто, которыя они мнѣ дѣлали иногда, желая попросить у меня совѣта или помощи. Эти rendez-vous назначались всегда по ночамъ, въ мѣстахъ уединенныхъ, и слово, данное съ обѣихъ сторонъ, не вредить другъ другу, было свято исполняемо. Въ этихъ ночныхъ переговорахъ, безъ посторонныхъ свидѣтелей, мнѣ удавалось нерѣдко возвращать къ жизни мирной этихъ заблудшихъ людей, которые, проведя буйную молодость, были замѣшаны во многихъ преступленіяхъ, еще не получившихъ должной кары по закону. Случалось также, что подобныя

[illegible] бывали безуспѣшны, въ особенности если пришлось имѣть дѣло съ характерами гордыми и неукротимыми, которыми часто надѣлены бываютъ люди, которыхъ единственнымъ наставникомъ и путеводителемъ въ жизни была природа.

Однажды я получилъ, между прочимъ, письмо отъ одного метиса, важнаго преступника, избравшаго театромъ своихъ подвиговъ смежную съ Лагуной провинцію. Онъ писалъ, что желаетъ меня видѣть и просилъ придти ночью въ извѣстное дикое мѣсто, гдѣ и самъ хотѣлъ явиться также одинъ. Ни мало не колеблясь, я отправился на свиданіе и нашелъ его тамъ, какъ было условлено.

Онъ объявилъ, что намѣренъ перемѣнить образъ жизни и, поселиться въ моей деревнѣ, прибавивъ къ тому, что никогда не совершалъ преступленій противъ испанцевъ, а только противъ туземцевъ и метисовъ. Мнѣ не возможно было принять его на житье не компрометируя себя. Я предложилъ ему помѣститься къ одному монаху, гдѣ онъ могъ бы скрываться въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока забудутся его преступленія и, тогда возвратиться въ общество. Подумавши немного, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, это значило бы лишиться свободы. Лучше умереть, чѣмъ жить въ неволѣ!

Потомъ я предложилъ ему совѣтъ переселиться въ *Тапузи*, мѣсто, гдѣ бандиты, строго преслѣдуемые, могли безнаказанно укрываться. (Я скоро буду имѣть случай говорить объ этой деревнѣ). Метисъ, сдѣлавъ отрицательный жестъ, отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, особа, которую я желалъ бы взять съ собою не согласится жить тамъ. Вы ничего не можете сдѣлать для меня, прощайте!

Затѣмъ, мы пожали другъ другу руку и разстались. Нѣсколько дней спустя, хижина, въ которой онъ случайно находился, была окружена ротой пѣхотныхъ испанскихъ солдатъ. Бандитъ прежде всего вывелъ владѣльцевъ хижины и когда увидѣлъ ихъ внѣ опасности, взялъ карабинъ и началъ стрѣлять по солдатамъ, которые съ своей стороны отвѣчали ему тѣмъ же. Когда стѣны хижины были насквозь пронизаны пулями и отвѣта на нихъ бандитъ уже не посылалъ, тогда одинъ изъ солдатъ осмѣлился подойти ближе и зажегъ хижину, изъ опасенія, не живой ли онъ еще тамъ находится, но опасенія эти были напрасны!

Упомянувъ о *Тапузи*, я не могу не посвятить нѣсколько строкъ этому странному убѣжищу, гдѣ люди, изгнанные закономъ, живутъ въ порядкѣ и совершенномъ согласіи.

Тапузи, означающее по тагальски *конецъ свѣта*, маленькая деревушка, между горами, отстоящая около двадцати-пяти миль

отъ Ялы-Ялы. Она составилась изъ бандитовъ и бѣжавшихъ ссыльныхъ, которые живутъ свободно, управляются сами собою и по неприступности занимаемаго мѣста, совершенно защищены отъ преслѣдованій испанскаго правительства. Я часто слыхалъ объ этой необыкновенной деревнѣ, но никогда не встрѣчалъ человѣка, который былъ тамъ лично и могъ бы сообщить мнѣ положительныя, подробныя свѣдѣнія.

Однажды я рѣшился самъ отправиться туда и открылъ свое намѣреніе только моему лейтенанту, который сказалъ на это:

— Господинъ, я, безъ сомнѣнія, найду тамъ нѣкоторыхъ изъ моихъ старыхъ товарищей, слѣдовательно, намъ нечего бояться.

Мы отправились втроемъ, скрывъ настоящую цѣль путешествія и шли двое сутокъ по горамъ, почти непроходимыми дорогами.

На третій день мы подошли къ потоку, русло котораго было усѣяно огромными камнями, торчавшими изъ воды. Берега, отстоявшіе одинъ отъ другаго шаговъ на двадцать, поднимались отвѣсно, какъ двѣ высокія стѣны. Верхнія окраины ихъ, вышиною до тысячи метровъ, значительно сближались, оставляя только узкое отверстіе, пропускавшее такъ мало свѣта, что онъ едва освѣщалъ то мѣсто, гдѣ мы переходили, перепрыгивая съ камня на камень.

Это ущелье — единственная дорога, по которой можно пробраться въ Тапузи, составляетъ неодолимую естественную преграду, защищающую деревню отъ нападенія испанскихъ сбировъ.

Мой лейтенантъ сказалъ мнѣ:

— Посмотрите вверхъ, господинъ, жители Тапузи одни только знаютъ тропинки, ведущія къ вершинамъ горъ, гдѣ надъ всѣмъ протяженіемъ оврага, у нихъ приготовлены груды камней, которые стоитъ только толкнуть, чтобы сбросить на осаждающихъ; цѣлая армія не успѣла бы проникнуть къ нимъ, если бы они захотѣли тому воспрепятствовать.

Я увидѣлъ дѣйствительно, что мы находились въ положеніи не совершенно безопасномъ и, если бы тапузины приняли насъ за враговъ, то не было бы возможности защищаться. Но мы зашли уже далеко; думать объ отступленіи было поздно и должно было продолжать начатое. Мы пробирались уже болѣе часа по этому ущелью, какъ вдругъ каменная глыба громадныхъ размѣровъ, обрушившись съ вершины скалы разбилась въ куски въ двадцати шагахъ впереди насъ: это было предувѣдомленіе. Мы

остановилась, положили оружіе на землю и сѣли. Легко могло быть, что такая же глыба висѣла надъ нашими головами и готова была раздавить насъ.... Впереди насъ послышался крикъ. Я приказалъ лейтенанту пойти одному, безъ оружія, въ ту сторону, откуда онъ былъ слышенъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, сопровождаемый двумя индѣйцами, которые, удостовѣрившись въ моихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, сами предложили провести насъ въ деревню; съ этимъ прикрытіемъ намъ нечего было бояться. Мы весело прошли остальную часть дороги, до той высоты, гдѣ оканчивался утесистый оврагъ, и передъ нами открылась равнина въ нѣсколько миль въ окружности, огражденная со всѣхъ сторонъ высокими горами. Пространство, по которому мы проходили, было усѣяно каменьями, то разбросанными, то нагроможденными одни на другіе, а позади насъ высилась, неправильными, причудливыми уступами, грозная гора, напоминавшая видомъ своимъ старинную европейскую крѣпость, изсѣченную какъ бы волшебною силою изъ цѣльной каменной массы.

Окинувши однимъ взглядомъ все окрестное мѣстоположеніе, я невольно дивился и благоговѣлъ предъ безконечнымъ могуществомъ и разнообразіемъ природы. Вдругъ желанная цѣль моего путешествія, деревня Тапузи представилась моимъ глазамъ. Расположенная на одномъ концѣ долины, она состоитъ изъ пятидесяти соломенныхъ домиковъ, сходныхъ во всемъ съ индѣйскими.

Всѣ жители смотрѣли на насъ въ окна. Проводники повели насъ прямо къ начальнику, называемому *матанда санайонъ* (*).

Это былъ красивый старецъ; судя по наружности, лѣтъ около осьмидесяти. Онъ привѣтливо поклонился намъ и обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда? съ дружескими ли намѣреніями, вслѣдствіе ли желанія удовлетворить ваше любопытство, или потому, что строгость кастильскихъ законовъ заставляетъ васъ искать убѣжища между нами? Если такъ, то милости просимъ, вы найдете здѣсь братьевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — мы пришли не для того, чтобы съ вами остаться навсегда. Я вашъ сосѣдъ, владѣлецъ Ялы-Ялы и пришелъ съ тѣмъ, чтобы предложить вамъ мою дружбу, въ ожиданіи того же отъ васъ.

(*) Старый начальникъ.

При словѣ *Яла-Яла*, на лицѣ старика выразилось изумленіе и онъ подумавъ, отвѣчалъ:

— Я давно слышалъ о васъ, какъ объ агентѣ правительства, которому поручено преслѣдовать несчастныхъ; но я также слышалъ, что вы исполняете вашу обязанность съ кротостію и снисходительностію, какой они заслуживаютъ, и часто оказываете имъ покровительство; а потому мы съ удовольствіемъ приглашаемъ васъ быть нашимъ гостемъ.

Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій, намъ подали молока и пататовъ и, во время закуски, старикъ продолжалъ свободно бесѣдовать со мною.

— Тому прошло уже много лѣтъ, сказалъ онъ: — я не могу опредѣлить съ точностію, когда именно это было, нѣсколько человѣкъ пришли и поселились въ Тапузи. Спокойствіе и безопасность, которыми они здѣсь наслаждались, внушили желаніе послѣдовать ихъ примѣру многимъ другимъ, искавшимъ возможности избавиться отъ наказанія, за сдѣланные ими проступки. Вскорѣ сюда стали переселяться отцы семействъ съ женами и дѣтьми; это были первыя основанія маленькаго государства, которое вы видите. Теперь здѣсь почти все общее: охота и нѣсколько полей, засѣваемыхъ пататами и маисомъ, достаточны для нашего пропитанія. Тотъ, кто имѣетъ, даетъ неимущему. Почти всѣ наши одежды выпрядены и вытканы нашими женщинами; лѣсная абака (*) доставляетъ намъ необходимыя для того нитки. Мы не знаемъ денегъ и не нуждаемся въ нихъ; честолюбія у насъ нѣтъ; каждый увѣренъ, что никогда не останется безъ куска хлѣба. По временамъ насъ посѣщаютъ иностранцы и если они захотятъ подчиниться нашимъ законамъ, то остаются между нами; имъ дается двѣ недѣли на размышленіе. По истеченіи этого срока, они вольны удалиться, или присоединиться на всегда къ нашему семейству. Законы наши кротки и снисходительны; величайшимъ наказаніемъ за важные проступки, полагается у насъ изгнаніе. Мы не забыли вѣры нашихъ отцевъ и я уповаю, что Богъ, безъ сомнѣнія, проститъ мнѣ первыя мои заблужденія, за все, что я во имя его дѣлаю въ продолженіе многихъ лѣтъ, для благоденствія ближнихъ.

— Но кто же вашъ начальникъ, спросилъ я: — кто ваши судьи и священнослужители?

— Я, отвѣчалъ онъ: — я исполняю всѣ эти обязанности. Было время, когда здѣсь жили всѣ какъ дикари; я былъ тогда

(*) Абака, растительный шолкъ.

молодъ, силенъ и преданъ душою моимъ собратіямъ. Бывшій начальникъ умеръ и меня выбрали на его мѣсто. Тогда я употребилъ всѣ старанія, чтобы дѣлать только то, что справедливо и полезно для счастія людей, ввѣрившихъ судьбу свою моему управленію. До тѣхъ поръ на религію не обращалось должнаго вниманія; я напомнилъ моимъ ближнимъ, что они родились христіанами, назначилъ часъ, въ который всѣ должны были собираться по воскресеньямъ для общей молитвы и принялъ на себя всѣ обязанности, всѣ принадлежности христіанскаго пастыря. Я совершаю обряды вѣнчанія, я освѣщаю водою крещенія новорожденныхъ, я приношу утѣшеніе умирающимъ. Бывши въ юности пѣвчимъ на клиросѣ, я припомнилъ всѣ церковные обряды и хотя мнѣ не предоставлены высшею духовною властію всѣ права и преимущества, присвоенныя должностямъ, которыя я по необходимости принялъ на себя, но я исполняю ихъ съ вѣрою и любовью, а потому надѣюсь, что Богъ проститъ меня, видя мои добрыя намѣренія.

Во все продолженіе рѣчи старика, я слушалъ и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; я находился между людьми, которые имѣли репутацію безнравственности, слыли въ общемъ мнѣніи за воровъ и убійцъ, но какъ несправедливо ихъ понимали! Я удивлялся въ особенности прекрасному старцу, который руководствуясь самыми простыми законами, основанными на началахъ здраваго смысла и нравственности, управлялъ кротко, спокойно и твердо въ теченіе многихъ лѣтъ. Съ другой стороны какой поучительный примѣръ представляютъ эти свободные люди, убѣжденные опытомъ въ необходимости избрать начальника, такъ сказать, короля и, возвращавшіеся, одни при помощи другихъ, на путь истины и добродѣтели!

Я не скрылъ отъ старика своихъ мыслей, откровенно одобрялъ его образъ дѣйствій и увѣрялъ, что архіепископъ манилльскій утвердитъ своимъ благословеніемъ всѣ религіозные обряды, совершаемые имъ съ такою возвышенною цѣлью; я даже предложилъ свои услуги, чтобы просить архіепископа о назначеніи къ нему помощника и пастора, но онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, милостивый государь, покорно васъ благодарю, не говорите о насъ никогда. Мы были бы, конечно, счастливы, еслибъ имѣли здѣсь христіанскаго священника, но я увѣренъ, что вскорѣ чрезъ его вліяніе, мы были бы покорены испанскому правительству. Мы узнали бы нужду въ деньгахъ для уплаты податей, честолюбіе прокралось бы къ намъ, но сдѣлались бы мы

отъ того счастливѣе или лучше? Нѣтъ, еще разъ нѣтъ, не говорите о насъ, дайте мнѣ слово.

Умозаключеніе его казалось мнѣ такъ основательнымъ, что я согласился съ его желаніемъ, высказалъ ему уваженіе, которое онъ вполнѣ заслуживалъ и обѣщалъ никогда не нарушить нескромностью спокойствія обитателей его деревни.

Вечеромъ насъ посѣтили всѣ жители, въ особенности женщины и молодыя дѣвушки, обнаружившія необузданное любопытство увидѣть бѣлаго человѣка; любопытство это будетъ понятно и естественно, когда я скажу, что ни одна изъ женщинъ Тапузи, никогда не выходила изъ деревни.

На другой день, сопровождаемый начальникомъ и нѣкоторыми старожилами, я обошелъ долину и осмотрѣлъ поля, засѣянныя пататами и маисомъ, составляющими главнѣйшую пищу жителей. Подойдя къ той части долины, гдѣ я наканунѣ еще замѣтилъ огромные камни, старикъ остановился и сказалъ:

— Взгляните, господинъ кастиліянецъ (*), въ то время, когда тапузяны не имѣли религіи и жили какъ дикіе звѣри, Богъ наказалъ ихъ. Посмотрите, какъ вся эта часть горы лишена растительности: однажды ночью, во время страшнаго землетрясенія, гора раздвоилась и одна половина ея обрушилась на деревню, которая занимала тогда все это пространство, усыпанное камнями. Еще бы нѣсколько сотъ шаговъ и все было бы уничтожено; въ Тапузи не осталось бы ни одного человѣка въ живыхъ, но къ счастію, разрушеніе горы пощадило часть деревни и ея жителей, и они поселились на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ видите теперь. Съ тѣхъ поръ мы молимся Богу и стараемся жить такъ, чтобы не навлечь на себя такой ужасной кары, какой подверглись несчастныя жертвы этой достопамятной ночи.

Разговоръ и сообщество этого старца, можно сказать *короля Тапузи*, были для меня весьма интересны. Но прошло уже четыре дня, какъ я оставилъ Ялу-Ялу и тамъ вѣроятно безпокоились о моей отлучкѣ, въ особенности моя Анна, а потому я приказалъ лейтенанту приготовляться къ отъѣзду. Мы простились съ хозяевами, простились дружески и разстались. Черезъ два дня я прибылъ уже домой, довольный своимъ путешествіемъ и добрыми обитателями Тапузи.

Я засталъ Анну въ великомъ безпокойствѣ, не только по причинѣ моего отсутствія, но потому что наканунѣ моего пріѣзда ее предувѣдомили, что жители двухъ большихъ мѣстечекъ

(*) Въ глазахъ тагала, каждый европеецъ, какой бы націи онъ ни принадлежалъ, есть кастиліанецъ.

нашей провинціи поссорились и объявили другъ другу войну. Самые смѣлые изъ нихъ, въ числѣ трехъ или четырехъ сотъ, собрались на островѣ Талемъ, гдѣ обѣ партіи стоятъ лицомъ къ лицу, въ ежеминутной готовности начать сраженіе и есть уже жертвы павшія въ предварительныхъ стычкахъ.

Это извѣстіе испугало Анну. Она знала, что я не такой человѣкъ, чтобы ждать, сложа руки, результата борьбы; она уже воображала меня, съ десяткомъ моей стражи, въ самомъ пылу схватки и, можетъ быть, уже жертвою моего самоотверженія. Я успокоивалъ ее какъ всегда, обѣщая быть благоразумнымъ, не увлекаться и не забывать о ней; но времени терять было нельзя; нужно было, во что бы то ни стало предупредить столкновеніе, которое, безъ сомнѣнія, многимъ стоило бы жизни. Но что я могъ сдѣлать съ десятью стражами? Могъ ли я заставить повиноваться моей волѣ такое множество людей, побуждаемыхъ страстями или выгодами? Очевидно нѣтъ. Дѣйствовать силою, значило отдать себя и всю страну на вѣрную смерть; что же дѣлать?... вооружить всѣхъ моихъ индѣйцевъ.... но у меня не было столько судовъ, чтобы перевести ихъ въ Талемъ; въ этомъ затрудненіи, подумавъ, я рѣшился отправиться только вдвоемъ съ моимъ лейтенантомъ; мы взяли оружіе и сѣли въ небольшую пирôгу, которою управляли сами; едва приблизились мы къ берегу на разстояніе человѣческаго голоса, какъ вооруженные индѣйцы стали кричать намъ, чтобы мы не причаливали, или, они будутъ стрѣлять въ насъ. Не обращая вниманія на эту угрозу, мой лейтенантъ и я чрезъ минуту смѣло соскочили на берегъ и, пройдя шаговъ двадцать, находились уже среди враговъ.

Я тотчасъ подошелъ къ начальникамъ и сказалъ:

— Несчастные! что вы дѣлаете? вы, начальствующіе, подвергаетесь всей строгости законовъ. Опомнитесь! Еще есть время: заслужите прощеніе, прикажите вашимъ людямъ немедленно положить оружіе, отдайте мнѣ также и ваше, въ противномъ случаѣ, чрезъ нѣсколько минутъ я буду въ главѣ вашихъ противниковъ и буду драться противъ васъ. Послушайтесь, или съ вами будетъ поступлено какъ съ измѣнниками.

Они слушали со вниманіемъ и были въ половину побѣждены. Однакожь, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ мнѣ:

— А если вы отберете у насъ оружіе, то кто поручится, что противники наши не воспользуются этимъ, чтобы напасть на насъ?

— Я даю вамъ въ томъ честное слово, отвѣчалъ я: — и если они не послушаются, какъ вы это сдѣлаете, то я возвращусь къ вамъ, отдамъ вамъ оружіе и буду сражаться въ вашихъ рядахъ.

Эти слова, сказанныя твердымъ, повелительнымъ тономъ, произвели желанное дѣйствіе. Начальники, не возражая ни слова, пришли и положили оружіе къ моимъ ногамъ. Примѣру ихъ послѣдовали всѣ прочіе воины, и въ одну минуту передо мною образовалась куча карабиновъ, ружей, копій и ножей. Я выбралъ десять человѣкъ, изъ числа тѣхъ, которые охотнѣе повиновались мнѣ, далъ каждому изъ нихъ ружье и сказалъ:

— Поручаю вамъ храненіе этого оружія, и если бы имъ хотѣли овладѣть, стрѣляйте въ зачинщиковъ.

Записавъ для большей важности ихъ имена, я пошелъ въ противный лагерь, гдѣ нашелъ всѣхъ въ готовности атаковать непріятеля. Я остановилъ ихъ и сказалъ:

— Сраженія не будетъ, ваши противники обезоружены. Вы также должны положить оружіе или сѣсть сейчасъ въ ваши пироги и отправиться по домамъ. Если вы этого не сдѣлаете, то я сію минуту возвращу оружіе вашимъ врагамъ и самъ въ главѣ ихъ отряда, буду сражаться противъ васъ. Исполните, что вамъ приказываютъ и я даю вамъ слово, что все будетъ забыто.

Индѣйцы должны были немедленно рѣшиться на то или другое; они знали, что со мною шутки плохи, что у меня угроза и наказаніе слѣдуютъ одно за другимъ. Въ нѣсколько минутъ они всѣ спустились въ лодки и я остался на берегу съ однимъ моимъ лейтенантомъ, глядя имъ вслѣдъ, пока флотилія не скрылась изъ виду. Тогда я снова перешелъ въ другой лагерь, гдѣ меня ждали съ нетерпѣніемъ, объявилъ индѣйцамъ, что непріятель удалился, и слѣдовательно, они могли спокойно возвратиться въ свою деревню.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣтки и размышленія Новаго Поэта по поводу русской журналистики.

«Москвитянинъ» 1853 года (№ 1—7): *Критика* А. А. Григорьева. — *Зимній вечеръ*, повѣсть на новый годъ Д. В. Григоровича. — *Бабушка* — отрывокъ изъ семейныхъ записокъ М. П. Бибикова. — *Комедія въ комедіи*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, г-на *Дріянскаго*. — *Ночное*, — лѣтняя сцена, г-на Стаховича. — *Стихотворенія гг. Цурикова и Кержака-Уральскаго*. — *Письма Карамзина* къ А. И. Тургеневу.

«Москвитянинъ», какъ было уже не разъ говорено въ нашихъ журналахъ, находится подъ вліяніемъ двухъ редакцій: — *старой* и *молодой*—и потому, вѣроятно, онъ не имѣетъ того единства, той цѣльности, того опредѣленнаго колорита, которые невольно отыскиваетъ читатель въ каждомъ періодическомъ изданіи. Въ «Москвитянинѣ» иногда старая редакція явно преобладаетъ надъ молодою, иногда молодая беретъ верхъ надъ старою — и все это совершается какъ будто бы случайно, безъ всякой борьбы: явится нѣсколько книжекъ, похожихъ болѣе на сборникъ, чѣмъ на журналъ и послѣ этихъ книжекъ съ историческими матеріалами (болѣе или менѣе интересными и довольно впрочемъ рѣдкими въ послѣднее время), съ историческими афоризмами, съ различными краткими, отрывистыми и всегда очень оригинальными отмѣтками и замѣтками старой редакціи, напоминающими прежній «Москвитянинъ»,—вдругъ выйдетъ нѣсколько номеровъ, имѣющихъ болѣе журнальный характеръ съ критическими статьями, въ которыхъ молодая редакція желаетъ высказывать свои теоріи и взгляды на искусство.... Но, къ сожалѣнію любопытствующихъ поближе познакомиться съ этими взглядами и теоріями, критическія статьи молодой редакціи обыкновенно прерываются или на половинѣ, или при самомъ началѣ — и такъ и остаются неоконченными. Задуманные всегда (судя по началамъ) широко, глубоко и добросовѣстно, онѣ имѣютъ видъ тѣхъ огромныхъ и хитрозадуманныхъ зданій, которые также прихотливо начаты какъ и брошены и съ безчисленными полусгнившими и почернѣвшими лѣсами, представляютъ печальный видъ безполезно пропавшаго труда и безполезно погибшихъ матеріаловъ.... Смотря на эти громадные лѣса, на эти груды кирпичей думаешь: «а можетъ быть вѣдь изъ этого что нибудь и вышло бы!» и въ тоже время досадуешь, что полусгнившіе лѣса и обвалившіеся кирпичи — ничего недоказавшіе, занимаютъ безтолку простран-

ство, изъ котораго можно бы было извлечь какую нибудь пользу, которое не пропадало бы даромъ. Что намъ за дѣло до того, если обломки недоконченнаго зданія намекаютъ на талантъ, вкусъ и добросовѣстность архитектора? Что намъ за дѣло до того, что онъ что-то хотѣлъ сказать этимъ зданіемъ? Мысль въ зачатіи, какъ бы она ни казалась широка и глубока, ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ самой обыкновенной, вседневной мыслью развитой и окончательно высказанной.... Но если архитекторъ недоконченнаго зданія не успѣвшій еще—при всемъ своемъ усиліи—ясно, опредѣленно и окончательно высказать своей мысли, взявшійся за какой нибудь колоссальный трудъ и даже еще неокончившій фундаментъ для своего труда, — будетъ отзываться съ презрительной гордостью объ оконченныхъ трудахъ своихъ предшественниковъ, которые добывали мысль въ потѣ и крови и высказывали ее съ увлеченіемъ, съ добровѣстною горячностію, впадая иногда въ неизбѣжные для всякаго человѣка ошибки и промахи, — тогда можно и даже должно остановить такого заносчиваго архитектора и спросить его:... «Ты такъ строгій къ своимъ предшественникамъ, къ людямъ, подготовлявшимъ, можетъ быть, тебя самого, — что же сдѣлалъ ты самъ, сказалъ ли ты хоть что нибудь новое послѣ нихъ?.... Во имя же чего твоя надмѣнность, твое презрѣніе къ тѣмъ благороднымъ труженикамъ мысли, которые не смотря на свои ошибки и заблужденія, сдѣлали хоть что нибудь? Труды ихъ передъ нашими глазами.... Они высказали ими все что могли и умѣли высказать, а ты все усиливающійся что-то сказать и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ остающійся при этомъ усиліи — имѣешь ли ты право бросать камень въ твоего собрата, въ твоего ближняго уже совершившаго свое дѣло и окончившаго свое поприще?»

Съ такою же рѣчью можемъ мы обратиться и къ критику молодой редакціи «Москвитянина» г-ну Григорьеву, который такъ гордо и презрительно относится о критикѣ 1838—1846 годовъ, и никогда не упускаетъ случая уязвлять ее при всякомъ удобномъ случаѣ.... Положимъ, что эта критика (имѣвшая, нельзя не замѣтить, вліяніе довольно сильное) заблуждалась, впадала въ промахи, — (какая же критика не впадаетъ въ промахи?) но она прошла не безполезно, она сдѣлала что нибудь, она высказала свою мысль, какъ могла.... труды ея еще не совсѣмъ забыты.... Что же, послѣ этой критики сказала новаго заносчивая критика молодой редакціи «Москвитянина»?.... Въ чемъ и гдѣ ея *новое слово?* Въ г-нѣ Островскомъ!.... Кромѣ этого *новаго слова*, критика молодой редакціи не сказала ни одного новаго слова послѣ критики 1836—1846 годовъ, которую она называетъ *одряхлевшею*.

Прекрасно!... Положимъ, что это важное открытіе, что г. Островскій дѣйствительно явился къ намъ съ новымъ словомъ, что отъ него начнется новая эпоха литературы, но все это требуетъ однако нѣкоторыхъ доказательствъ.... Положимъ, что мы не понимаемъ искусства такъ глубоко, какъ слѣдуетъ понимать его, что наши взгляды на

искусство легки, что мы не въ состоянiи оцѣнить вполнѣ значенiя такого писателя, какъ г. Островскiй, но въ такомъ случаѣ помогите же нашему невѣжеству, просвѣтите насъ, объясните намъ, что это за новое слово произнесенное г. Островскимъ, поставьте насъ на ту точку зрѣнiя, съ которой мы могли бы ясно увидѣть это новое слово, докажите намъ, что дѣйствительно съ г. Островскаго начинается новая эпоха литературы....

Сознавая, что молодая редакцiя «Москвитянина» добросовѣстно убѣждена во всемъ этомъ, мы съ большимъ любопытствомъ приступили къ чтенiю статьи: *О комедiяхъ Островскаго и ихъ значенiи въ литературѣ и на сценѣ* (№ 3, «Москвитянина» 1855), надѣясь найти наконецъ въ этой статьѣ разъясненiе тѣхъ убѣжденiй, которые высказывались до сихъ поръ молодою редакцiею почти бездоказательно. Начало статьи обѣщало многое.... Послѣ вступленiя, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, слѣдуетъ *Обозрѣнiе дѣятельности Островскаго и отношенiй къ ней критики*, за тѣмъ — *Обозрѣнiе отношенiй литературы нашей къ народности....* а за тѣмъ.... продолженiя статьи — столь любопытной, съ такими приступами и приготовленiями, — не послѣдовало....

Но поговоримъ о томъ, что е́сть — и познакомимъ нашихъ читателей хотя съ началомъ статьи г. А. Григорьева, долженствовавшей объяснить намъ не посвященнымъ, какое глубокое и великое значенiе имѣетъ въ русской литературѣ г. Островскiй.

Статья открывается нападками на критику, предшествовавшую критики молодой редакцiи.

«Тому назадъ *какихъ-нибудь десять съ небольшимъ* лѣтъ — говоритъ «молодая редакцiя — наша критика, въ какомъ-то упоенiи, возглашала «на каждомъ шагу: «Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ» — «Гомеръ, Шек- «спиръ, Пушкинъ, Лермонтовъ» — «Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ, «Лермонтовъ, Гоголь» — «Шекспиръ, Байронъ, Лермонтовъ, Гоголь, — «г. Д. или г. N.» и т. д. Возводить въ *мiровые генiи* сегодня, — и «*завтра присоединять къ числу таковыхъ еще новаго*, часто жертвуя «прежними, не стоило ей большаго труда. Замѣчательно, что созда- «вая генiевъ за генiями, она *все чаще стала забывать имя Пушкина*, «— *и когда кругозоръ* по истинѣ многодумнаго *Гоголя расширился*, «помимо желанiя и вѣдома господъ, державшихъ въ рукахъ своихъ «кормило критики, — она, сперва сквозь зубы, а потомъ и во все- «услышанiе *начала подготавливать его развѣнчанiе*, относясь съ иро- «нiею къ задачамъ, которыя полагалъ себѣ поэтъ въ лирическихъ «мѣстахъ своихъ «Мертвыхъ Душъ», и заботы о выполненiи кото- «рыхъ онъ такъ искренно, прямо и ясно высказалъ въ предисловiи «ко второму изданiю первой части своей поэмы; — мало того, кри- «тика *не устыдилась объявить, что г-ну Д. или г-ну N. суждено играть* «*въ литературѣ нашей роль, можетъ быть, выше роли Гоголя, и т. п.* «Любопытное и странное явленiе — тѣмъ болѣе любопытное и стран- «ное, что оно повторяется не разъ въ исторiи нашей критики. *Зрѣ-*

«*лыя произведенія Пушкина не нравились самымъ жаркимъ поклонни-*«*камъ его прежнихъ, сравнительно легкихъ, произведеній;* — Борисъ «Годуновъ не соотвѣтствовалъ тому идеалу исторической драмы, ко-«торый составила себѣ критика телеграфская, Анжело казался крити-«кѣ телескопской написаннымъ тяжелыми виршами, — и критика «воскликнула: «Теперь мы не узнаемъ Пушкина: онъ умеръ или мо-«жетъ быть обмеръ на время!» — Наконецъ, самыя посмертныя его «произведенія встрѣчены были съ какою-то непростительною холод-«ностію, *и новые кумирчики, надпланные критикою, стали заслонять* «*отъ глазъ молодежи его лаврами увѣнчанный ликъ.* Та же исторія «повторилась и съ Гоголемъ, какъ *только взглядъ его на жизнь вообще,* «*и на нашу русскую жизнь въ особенности, возвысился на такую сте-*«*пень, на которую не могла взойдти съ нимъ критика.*»

Остановимся на этихъ словахъ. Подъ критикой *десяти* прошедшихъ лѣтъ *съ небольшимъ* — авторъ статьи разумѣетъ критику — «Телеграфа», «Библіотеки для Чтенія», «Отечественныхъ Записокъ», «Современника», «*Пантеона*» (?)—«*сходную*, какъ онъ замѣчаетъ, болѣе или менѣе *въ основныхъ положеніяхъ*».... Это что-то не совсѣмъ такъ. «Телеграфъ» прекратилъ свое существованіе болѣе двадцати лѣтъ назадъ тому, «Современникъ» въ преобразованномъ видѣ издается осьмой годъ, но какъ бы то ни было никакъ нельзя сказать, чтобы критика «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» (о «Телеграфѣ» и говорить нечего, — это время давно минувшее) была *сходна въ основныхъ положеніяхъ* съ критикою «Библіотеки для Чтенія».... Всѣмъ извѣстно, съ какой точки зрѣнія «Библіотека для Чтенія» смотрѣла на русскую литературу, возводя по своей прихоти въ геніи гг. Кукольника, Тимофѣева и другихъ и подшучивая надъ Гоголемъ и другими представителями русской литературы.... Какое же сходство въ *основныхъ положеніяхъ*, этой такъ называемой критики «Библіотеки для Чтенія» съ серьёзными критическими статьями, которые печатались нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» — о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и проч., съ статьями, въ которыхъ всегда обнаруживалась горячая, истинная любовь и уваженіе къ искусству? Г. Григорьевъ не можетъ смѣшивать критику «Отечественныхъ Записокъ» съ критикою «Библіотеки для Чтенія»; мы знаемъ о какой критикѣ говоритъ онъ, да и онъ самъ объясняетъ это далѣе въ своей статьѣ, опредѣляя именно на какихъ годовъ критику намекаетъ онъ (1838—1846 г.). Это то намъ и необходимо было знать положительно. Эту критику, то есть критику отъ 1838 до 1846 года обвиняетъ онъ: 1) въ томъ, что она возводила *міровыхъ геніевъ* безъ всякаго труда, создавала своихъ кумирчиковъ, заслоняя Пушкина; 2) не оцѣнила послѣднихъ лучшихъ произведеній Пушкина; 3) развѣнчала Гоголя, когда кругозоръ его расширился и не устыдилась (?) объявить, что г-ну Д. или N. суждено играть въ литературѣ нашей роль, можетъ быть, выше Гоголя....

Первое обвиненіе можетъ относиться развѣ только къ шуткамъ редакціи «Библіотеки для Чтенія», которая воображала заслонить

Пушкина гг. Кукольникомъ, Тимофѣевымъ и другими. Но стоятъ ли эти шутки того, чтобы упоминать объ нихъ?... Авторъ статьи говоритъ не о шуткахъ и балагурствѣ, а о критикѣ.... Но откуда онъ взялъ, что серьёзная критика не оцѣнила (будто бы) послѣднихъ произведеній Пушкина — это рѣшить трудно. Напротивъ, критика того времени очень ясно говорила, что Пушкинъ въ своихъ послѣднихъ посмертныхъ, и, къ сожалѣнію, неоконченныхъ произведеніяхъ — въ «Галубѣ», въ «Русалкѣ», въ «Египетскихъ ночахъ» и проч., достигъ высшей степени художественности, и если критика отозвалась неблагосклонно объ *Анджелло*, то она имѣла на это нѣкоторое право, ибо дѣйствительно передѣлка *Анджелло* изъ Шекспира неудалась Пушкину. Гоголя критика не развѣнчивала, а по поводу изданной имъ *Переписки*, высказала ему только много горькихъ истинъ.... Можетъ быть эти истины слѣдовало бы выражать не такъ желчно, сохраняя болѣе спокойствія и критическаго достоинства, — это вопросъ другой.... Но что значитъ замѣчаніе г. Григорьева, что критика именно развѣнчала Гоголя въ ту минуту, когда *кругозоръ его расширялся?*... Неужели, по мнѣнію г. Григорьева, изданіе *Переписки* было доказательствомъ расширенія кругозора Гоголя?... Г. Григорьевъ былъ бы совершенно правъ, обвиняя критику въ томъ, что она сдѣлала непростительный промахъ, объявивъ, будто бы г. Д. или г. N. суждено играть въ литературѣ нашей роль, можетъ быть, выше Гоголя, но онъ не правъ, какъ бы заподозрѣвая ее въ умышленномъ желаніи унизить Гоголя на счетъ г. Д или г. N. Дѣло было гораздо проще.... Критика *добросовѣстно* увлеклась первымъ произведеніемъ г. Д. и первое свое впечатлѣніе съ горяча передала публикѣ, но эта критика тотчасъ же увидѣла свой промахъ—и торжественно созналась въ немъ.

Въ этомъ поступкѣ, мы полагаемъ, нѣтъ ничего посдыднаго.— Немногіе способны признавать явно свои ошибки и торжественно объявлять о своихъ промахахъ. — Такой благородной откровенности и сознанія мы желаемъ и современной критикѣ.... Кто изъ критиковъ не вводилъ въ заблужденіе публику? Кто изъ нихъ не ошибался? Кто не дѣлалъ промаховъ? Кто не создавалъ своихъ кумировъ?... Постыдно только то, если критикъ внутренно сознавая свои ошибки и промахи, упорно продолжаетъ стоять за нихъ и оставляетъ публику въ заблужденіи, въ которое онъ сначала ввелъ ее невольно. Добросовѣстное заблужденіе не есть преступленіе и въ добросовѣстномъ заблужденіи нѣтъ ничего постыднаго.

Г. Григорьевъ продолжаетъ:

«Смѣлость критики въ увѣнчаніи и развѣнчаніи литературныхъ «дѣятелей, дойдя наконецъ до нелѣпости, должна была замѣниться «другою крайностью. Разочарованіе перешло въ извѣстнаго рода осто«рожность, не въ ту, впрочемъ, которая не доскажетъ иногда слова, «боясь погрѣшить передъ общимъ смысломъ, — но въ ту, которая, «изъ страха впасть въ смѣшное, *готова скорѣе отрицать*, *чѣмъ пола-*

«*гать что-либо, скорѣе унижать, чѣмъ возвышать — въ осторожность* «*нравственной дряхлости, на все смотрящей съ улыбкою недовѣрія*, въ «осторожность, которая «*не вѣритъ только потому, что вѣрила нѣко-* «*гда всему*». Въ такомъ состояніи одряхленія находится въ наше время «критика, которая нѣкогда такъ смѣло разрывала всякія связи съ исто- «рическимъ преданіемъ....

«Обжегшись на молокѣ, станешь дуть и на воду, — и становясь «на мѣсто *одряхлѣвшей* критики, мы можемъ понять, что ей теперь, «съ своими *идейками* и съ своими *кумирчиками*, мудрено *признать* «*что-нибудь новое, живое въ литературѣ*, — что она, нѣкогда столь «расточительно раздававшая патенты на геніальность, засмѣетъ теперь «первая всякаго, кто первый назоветъ и *дѣйствительно геніальное ге-* «*ніальнымъ*....»

Осторожность показываетъ только нѣкоторое знаніе жизни и опытность и, вслѣдствіе этого, подчиненіе до извѣстной степени всякихъ паѳосовъ и восторговъ времени и критическому анализу. Если это есть признакъ одряхлѣнія, то мы готовы причислить себя къ людямъ одряхлѣвшимъ. Такъ, напримѣръ, если появится въ литературѣ талантъ, начинающій блистательно, — произведеніемъ, выходящимъ изъ обыкновеннаго уровня литературныхъ явленій, мы радостно встрѣчаемъ и привѣтствуемъ его, потому что намъ дорого все, что служитъ къ чести и украшенію русскаго слова; мы даже невольно увлечемся можетъ быть въ пользу его въ первыя минуты и нѣсколько преувеличимъ его значеніе—но если этотъ талантъ послѣдующими своими произведеніями не оправдаетъ вполнѣ тѣхъ увлеченій, которыя возбудило его первое произведеніе, — мы уже не въ состояніи по заранѣе составленной теоріи восхищаться безусловно всѣмъ, чтобы ни выходило изъ подъ пера его.... Мы невольно въ такомъ случаѣ дѣлаемся осторожными и даемъ время высказаться автору, чтобы произнести надъ нимъ рѣшительный судъ.... Мы не желаемъ создавать себѣ ни литературныхъ кумировъ, ни кумирчиковъ. — Литературные кумиры и кумирчики царятъ только въ литературныхъ кружкахъ. — Внѣ этихъ кружковъ они изъ кумировъ превращаются въ обыкновенныхъ смертныхъ съ бо́льшимъ или меньшимъ талантомъ.... Если мы видимъ только замѣчательный и можетъ быть нѣсколько односторонній талантъ — въ томъ, въ чемъ другіе видятъ геніальность, новое слово — и проч., то это можетъ быть доказываетъ только, что мы не принадлежимъ ни къ какимъ литературнымъ кружкамъ — и высказываемъ наше сужденіе о литературныхъ явленіяхъ по крайнему нашему разумѣнію, не имѣя особенныхъ причинъ, ни унижать, ни черезъ мѣру возвышать эти явленія.... Время покажетъ, кто изъ насъ правъ: — мы ли одряхлѣвшіе литературные судьи, или новые критики, вѣроятно полные жизни и силъ, — какъ противуположность одряхлѣвшимъ.

Самъ г. Григорьевъ говоритъ, что «только *время* есть настоящій оцѣнщикъ геніальныхъ произведеній».

«*Стыдно*, продолжаетъ онъ, *тому, кто*, чувствуя сердцемъ и понимая исторически извѣстную правду, побоится сказать ее потому только, что она нѣкоторымъ покажется смѣшна и неприлична, — стыдно и тому, кто, высказавши правду, хотя бы даже и не во время, и не вполнѣ, — намекомъ только, — отступится отъ нея, заслышавши смѣхъ за собою, — стыдно потому, что въ первомъ нѣтъ вовсѣ вѣры въ правду, а во второмъ слишкомъ мало вѣры въ нее, и слишкомъ много самолюбія».

Это совершенно справедливо — и мы къ этому можемъ еще только прибавить отъ себя нѣсколько словъ: «Стыдно тому, кто отрицаетъ всякое достоинство въ трудахъ своихъ предшественниковъ, подготовлявшихъ ему путь, кто не умѣетъ или не желаетъ войти въ ихъ положеніе въ данную минуту, чтобы оцѣнить ихъ по справедливости, откинуть какъ шелуху ихъ невольныя заблужденія, промахи и ошибки и открыть тѣ благородныя стремленія, которыми они были движимы, ихъ порыванія къ истинѣ, которую они искали переходя черезъ муки сомнѣній и заблужденій, — словомъ отыскать истинную и полезную сторону ихъ трудовъ, — зерно, которое скрывалось подъ шелухой....

Прежде, чѣмъ строго требовать добросовѣстности отъ другихъ, — будемъ стараться сами быть добросовѣстными и приступая къ суду человѣка постараемся сбросить всѣ наши личныя предубѣжденія и предразсудки въ отношеніи этого человѣка, — да не будетъ судъ нашъ осужденіемъ....

Г. Григорьевъ весьма справедливо полагаетъ, что съ точки зрѣнія исторической критики всякій вопросъ долженъ быть изслѣдованъ ab ovo схваченъ съ минуты его зачатія.... (Судимъ ли мы друзей, или враговъ нашихъ, — все равно, прибавимъ мы отъ себя)....

«Но — прибавляетъ г. Григорьевъ — конечно не такъ, какъ дѣлывалось это въ статьяхъ нашихъ журналовъ отъ 1838 до 1846 года, когда всю старую литературу подымали, говоря о какомъ нибудь писателѣ, и вслѣдствіе этого *впадали въ безпрестанныя и неминуемыя повторенія*.....»

Какъ будто мы-то не повторяемся въ нашихъ статьяхъ!

Приступая къ изложенію значенія г. Островскаго въ русской литературѣ и вѣроятно къ объясненію этого таинственнаго *новаго слова*, самъ г. Григорьевъ осуждающій въ повтореніяхъ своихъ предшественниковъ, — предувѣдомляетъ, что онъ долженъ будетъ весьма часто ссылаться на свои прежвія статьи, иногда просто *повторяя* высказанныя въ нихъ мысли....

Г. Григорьевъ разсматриваетъ прежде всего отношенія критики къ г. Островскому, или къ новому слову. Критики, разумѣется, страшно при этомъ достается.... Она, по мнѣнію г. Григорьева, *не въ состояніи была* понять новаго явленія; новое слово ускользнуло отъ ея опредѣленія, теперь *она его и видитъ — да зубъ неймётъ, какъ говорится;* она стала въ *очевидно комическое положеніе*

къ новому явленію; г. Островскій *разсердилъ* критику отсутствіемъ *желчи*, рѣзкости въ опредѣленіяхъ линій, *наивностью манеры въ граціозныхъ сценкахъ;* критикѣ *досадно*, что *грубость требованій окружающаго быта (?) не будетъ въ ней протеста;* смѣлая новость послѣдней драмы г. Островскаго нанесла *чувствительное оскорбленіе одряхлѣвшей критикѣ;* критика называется жалкою, бѣдною, и проч. и въ заключеніе упоминается, что она сама не знаетъ чего хочетъ относительно новаго писателя....

Едва ли есть что нибудь справедливое въ этомъ рѣзкомъ очеркѣ отношеній критики къ г. Островскому.... Дѣйствительно до сихъ поръ еще основательно и серьёзно не была разсмотрѣна литературная дѣятельность г. Островскаго ни въ одномъ журналѣ, не смотря на то, что объ авторѣ «Свои люди — сочтемся» написано болѣе чѣмъ о комъ нибудь изъ нашихъ писателей, за исключеніемъ Гоголя. Но во всемъ, что писалось о г-нѣ Островскомъ, во всѣхъ критическихъ замѣткахъ, о немъ болѣе или менѣе справедливыхъ, — критика не обнаруживала ни гнѣва, ни досады и вовсе не ставила себя въ комическое положеніе относительно разсматриваемаго ею автора. Мы не помнимъ всѣхъ критическихъ журнальныхъ замѣтокъ о г Островскомъ и разсужденій о дѣйствующихъ лицахъ ею комедій, но, мы кажется не ошибемся если скажемъ, что вообще критика единогласно признала замѣчательный и самобытный талантъ г. Островскаго, выразившійся всего болѣе въ его первой комедіи «Свои люди — сочтемся» и выражавшейся, по ея убѣжденіямъ, хотя уже не такъ художественно и полно, въ послѣдующихъ произведеніяхъ автора: въ его *Бѣдной невѣстѣ*, въ *Не свои сани не садись*, въ *Бѣдность не порокъ* и даже отчасти въ драмѣ: *Не такъ живи, какъ хочется.* Критика (ошибалась она или нѣтъ, — рѣшитъ время) отдавая полную справедливость г. Островскому за оживленіе нашей сцены, говорила, что его послѣднія произведенія слабѣе первыхъ относительно и формы и содержанія, что они не имѣютъ того громаднаго значенія, которое придаютъ имъ нѣкоторые,—полагающіе, что эти произведенія обнимаютъ всю русскую жизнь, всего русскаго человѣка, и смиренно замѣчала при этомъ, что мелкій купеческій классъ, такъ вѣрно и мастерски изображаемый г. Островскимъ, еще далеко не обнимаетъ всю русскую жизнь и не можетъ служитъ полнымъ выраженіемъ богатой и разнообразной натуры русскаго человѣка. Вотъ что говорила критика о прекрасныхъ произведеніяхъ г. Островскаго. Откуда же берутъ, что она поставила себя въ комическое положеніе относительно этого автора?....

И г. Григорьевъ, *безъ церемоніи говоря*, видящій въ г. Островскомъ *создателя народнаго театра*, замѣчаетъ, что «Бѣдность не порокъ» — не *самая оконченная изъ его драмъ* и что послѣдняя его драма: «Не такъ живи, какъ хочется» — *еще болѣе небрежна по формамъ*, *или лучше сказать совсѣмъ пренебрегаетъ формами*, что вѣроятно много вредитъ ей въ художественномъ отношеніи. Слѣдовательно, и г. Гри-

горьевъ согласенъ отчасти съ одряхлѣвшею критикою въ томъ, что послѣднія произведенія г. Островскаго слабѣе первыхъ.

Намъ кажется напротивъ, что критика черезъ мѣру восторгающаяся произведеніями г. Островскаго и въ жару паѳоса объявляющая о томъ, что въ лицѣ этого писателя *грядетъ къ намъ новое слово*, поставила себя въ гораздо болѣе комическое положеніе, относительно г. Островскаго....

Выйдти изъ этого комическаго положенія она можетъ только тогда, когда докажетъ намъ ясно и положительно, что такое разумѣетъ она подъ *новымъ словомъ*. Восторженная критика чувствуетъ сама необходимость этого — и приступаетъ къ разъясненію своихъ убѣжденій. Она говоритъ:

«Новы въ талантѣ Островскаго, какъ во всякомъ самобытномъ та-«лантѣ — содержаніе и форма. Подъ содержаніемъ разумѣю я: 1) «общее отношеніе поэта къ жизни, его міросозерцаніе; 2) типы, имъ «создаваемые, и манера ихъ изображенія. Подъ формою: 1) самобыт-«ность постройки произведеній и 2) особенность языка. По этимъ «категоріямъ и слѣдовало бы разсмотрѣть вопросъ о талантѣ Остров-«скаго безотносительно: но чтобы нагляднѣе и яснѣе представить дѣло, «должно употребить нѣсколько окольный путь, начать ab ovo. *Новое «слово Островскаго есть самое старое слово — народность:* новое от-«ношеніе его есть только прямое, чистое, непосредственное отношеніе «къ жизни, — и по этому должно: 1) въ краткомъ очеркѣ предста-«вить различныя отношенія литературы нашей къ народности, и 2) «въ таковомъ же схватить предшествовавшее отношеніе литературы «къ жизни вообще. Тогда дѣло обозначится само собою, и отдѣливши, «отграничивши его, поставивши на особое, ему принадлежащее, мѣ-«сто, можно будетъ опредѣлить его безотносительное значеніе ..»

Наконецъ намекъ на то, что разумѣется подъ новымъ словомъ сдѣланъ. *Новое слово* въ сущности *есть старое слово*. Тезисы поставлены, приступъ сдѣланъ, остается только развить эти тезисы, смѣло идти на приступъ и умереть, или доказать, что одряхлѣвшая критика дѣйствительно не въ состояніи понять такого явленія, какъ г. Островскій, что его произведенія далеко оставили за собою всю предшествовавшую литературу, и прочее....

Ждемъ этихъ доказательствъ, результата этого приступа. Мы терпѣливы и любознательны....

Въ другихъ критическихъ замѣткахъ молодая редакція «Москвитянина» *относится*, по ея выраженію, *съ безусловною похвалою* къ поэмѣ г. Мея: *Цвѣты*, написанной дѣйствительно звучными и прекрасными стихами и напечатанной въ «Библіотекѣ для Чтенія»; очень подробно разбираетъ «Свистулькина» г. Григоровича, замѣчаетъ, по обыкновенію, на перекоръ петербургскимъ журналамъ, что г. Григоровичъ въ крестьянскомъ быту (въ «Антонѣ Горемыкѣ», въ «Бобылѣ», въ «Рыбакахъ») *заѣзжій гость*, что его *хозяйское дѣло* — анализъ пошлости, суетности и проч.; что г. Григоровичъ, вмѣстѣ съ гг. Па-

наевымъ и Соллогубомъ принадлежатъ къ *естествоиспытательной школѣ*, что *они имѣютъ дѣло съ анализомъ болѣзни нравственнаго лакейства* и прочее. Это выражено недурно... но какъ бы то ни было, намъ пріятно замѣтить здѣсь, кстати, что если съ критикой молодой редакціи «Москвитянина», выражающейся всегда нѣсколько хитро, заносчиво и кудревато и не соглашаешься очень во многомъ, но всегда видишь въ ней стремленіе къ истинѣ, любовь и уваженіе къ искусству, и что хотя въ этой критикѣ и проскакиваютъ иногда небольшія предубѣжденія къ лицамъ ей подсудимымъ, но вообще для нее искусство выше всѣхъ личныхъ воззрѣній и отношеній....

По части беллетристики, мы можемъ обратить особенное вниманіе только на два произведенія въ семи книжкахъ «Москвитянина»: *Зимній вечеръ*, повѣсть г. Григоровича и *Бабушка*—отрывокъ изъ семейныхъ записокъ г. Бибикова. Въ повѣсти г. Григоровича описывается дошедшее до крайней нищеты семейство акробата, которому нечаянно наканунѣ новаго года Богъ посылаетъ избавителя въ лицѣ холостаго, пожилаго и богатаго доктора. Семейство это состоитъ изъ Яши Жилетникова, его больной жены, пятерыхъ дѣтей и старика Герасима отца ея. Доведенныя до отчаянія — старикъ и его зять рѣшаются подкинуть, тихонько отъ матери, ея груднаго младенца — доктору ... Старикъ выноситъ изъ дома младенца, подкрадывается къ подъѣзду доктора, кладетъ свою ношу у дверей и убѣгаетъ, но люди доктора подкараулившіе старика, схватываютъ его и приводятъ къ доктору. Надобно замѣтить, что не за долго до этого доктору также подкинули младенца.... Докторъ человѣкъ добрый, но вѣдь по неволѣ выйдешь изъ терпѣнія, если всякій день будутъ подкидывать дѣтей!... Еще надобно замѣтить, что за нѣсколько времени передъ этимъ докторъ потерялъ бумажникъ съ значительной суммой денегъ; этотъ бумажникъ былъ найденъ Яшей Жилетниковымъ, который возвратилъ его въ цѣлости владѣтелю.... Докторъ сначала очень сердится на старика Герасима и въ наказаніе приказываетъ ему взять назадъ не только младенца, котораго онъ хотѣлъ ему подкинуть, но и другаго младенца, который былъ ему подкинутъ передъ этимъ. Несчастный старикъ возвращается домой холодный и голодный съ двумя младенцами. Семейство въ отчаяніи, но вдругъ является докторъ (это наканунѣ новаго года) съ запасомъ провизіи, вынимаетъ изъ боковаго кармана письмо и читаетъ во всеуслышаніе:

«Въ письмѣ значилось, что ребенокъ, подкинутый такого-то числа «декабря, доктору такому-то, принадлежитъ богатымъ родителямъ, «которыхъ обстоятельства заставляютъ на время скрываться; далѣе «объяснялось, что на имя ребенка положенъ капиталъ въ Опекунскій «Совѣтъ, и что проценты съ этого капитала, тысячу рублей въ годъ, «предоставляется получать тѣмъ, кто будетъ заботиться о сохраненіи «ребенка въ добромъ здравіи.

«— Безъ васъ, я покороче познакомился съ вашею женою, сказалъ «докторъ, обращаясь къ Яшѣ Жилетникову: — васъ, собственно, я

«уже давно знаю за честнаго, добраго человѣка.... я разсудилъ отдать «на ваше попеченіе ребенка и предоставляю вамъ пользоваться его до-«ходами.

«Предоставляю вамъ самимъ судить о впечатлѣніи — прибавляетъ «авторъ — какое произвели слова доктора на семейство Яши Жилет-«никова.»

И за тѣмъ начинаются поздравленія съ новымъ годомъ....

Авторъ этотъ анекдотъ разсказалъ чрезвычайно трогательно и умѣлъ придать ему интересъ повѣсти, введя въ свой разсказъ равныя эпизодическія лица. Впечатлительный читатель прочитавъ «Зимній вечеръ» навѣрно посмѣется отъ всей души и въ то же время будетъ разтроганъ до слезъ. Чего же требовать болѣе отъ автора легкаго разсказа?... Намъ только не нравится тонъ вступленія къ этому разсказу, тонъ довольно избитый....

Отрывокъ изъ семейныхъ разсказовъ г. Бибикова—написанъ очень просто и тепло, безъ всякихъ литературныхъ претензій и замашекъ и безъ всякаго остроумія, крайне опошлившагося въ послѣднее время и сдѣлавшагося достояніемъ литературной посредственности. Чтобы нѣсколько познакомить нашихъ читателей съ отрывкомъ г. Бибикова, мы приведемъ изъ него разсказъ няни Ульяны Ѳедоровны о «Московской чумѣ:

«— Вотъ дѣти мои! говоритъ няня, я тогда еще была ребенокъ «глупый, какъ моровую-то язву послалъ Господь на Москву. Жила я «съ покойной матушкой у богатаго купца на Покровкѣ, въ большомъ, «каменномъ дому, что выходилъ угломъ на самую площадь. Вотъ, «какъ увидалъ купецъ, что люди начинаютъ мереть какъ мухи, и «накупилъ всякаго рода провизіи, муки, дровъ, живности разной и «много разнаго рода съѣстнаго, наложилъ всѣ анбары биткомъ, да и «ворота на запоръ, да и прикрѣпилъ ихъ цѣпями желѣзными, и же-«лѣзными ставнями окна на улицу заколотилъ.

«Вотъ мы и начали жить затворниками; скука-то, скука-то такая, «что ужасть! Одно было утѣшеніе: встанемъ, бывало, на подоконни-«ки, да и давай смотрѣть въ сердечки ставень, что̀ дѣлается на ули-«цѣ. А посмотришь, то такого страху наберешься, что по цѣлымъ «ночамъ не спишь — такъ ознобъ и пробираетъ, словно лихорадка «трясетъ.

«Видала не разъ, какъ это каторжники, въ дегтярныхъ зипунахъ, «выносятъ покойниковъ изъ домовъ, а иныя грѣшныя тѣла просто «бросятъ изъ окошка, съ третьяго этажа, на улицу, да ужь послѣ и «подберутъ ихъ или потащатъ баграми до телѣгъ, набросаютъ ихъ «туда кое-какъ, одного на другаго, да и повезутъ хоронить; а телѣги-«то скрипучія такія, да тяжелыя! какъ заскрипятъ, да застукаютъ по «мостовой — такъ и бѣжишь спрятаться въ погребъ, уткнешься въ «уголъ носомъ, зажмешь уши, да и простоишь такъ, пока хозяинъ не «придетъ сказать, что телѣги проѣхали.

«Разъ.... вотъ ужь страху-то мы набрались, — и Господи Боже «мой! какого страху! — Разъ, дѣло было къ вечеру, — вдругъ слы- «шимъ — стучатъ въ ворота, а ворота такъ и трещатъ, и цѣпи «звучатъ, такой гвалтъ поднялся на улицѣ! — Мы къ окнамъ, а ужь «купецъ, хозяинъ, давно стоитъ на окнѣ и смотритъ въ скважину, и «лица на немъ нѣтъ, самъ на себя не похожъ... да какъ закричитъ: «Эй, вы! не смѣй никто смотрѣть въ окно! не то пришибу! Молитесь «лучше Богу!»

«Батюшки свѣты! подумали мы, должно быть хозяинъ-то зане- «могъ моровой язвой: и лице-то такое блѣдное, и глаза налились «кровью, и весь-то дрожитъ какъ осиновый листъ.... Мы и вонъ изъ «горницы, бѣжать благимъ матомъ за хозяйкой, — а хозяйка, такая «добрая была и богомольная, все Богу молилась — прибѣжала она «въ горницу, мы за ней — смотримъ, хозяинъ всё глядитъ въ «щелку.

«А на улицѣ-то, на улицѣ такой содомъ идетъ, и всё приба- «вляется.»

«Что это съ тобой, батюшка Прохоръ Ильичъ? спрашиваетъ хо- «зяйка — «Не подходи, говоритъ купецъ, убью до смерти! Не твое «дѣло!»

«Вдругъ, какъ ножемъ отрѣзало — разомъ всё стихло на улицѣ. «Смотримъ, на хозяина лице нашло, перекрестился, сердечный, и го- «воритъ: «Ну, дѣтки! говоритъ, благодарите Всевышняго Бога! отъ «лютой смерти избавилъ Онъ насъ, грѣшныхъ.

«И началъ разсказывать, какъ каторжники разграбили сосѣдній «домъ, гдѣ хозяева и домочадцы всѣ до одного повымерли, — пере- «пились, окаянные, пьянешеньки, да и вздумали и нашъ домъ гра- «бить. Вотъ они подошли къ воротамъ, да и начали стучаться, — «видятъ, ворота не подаются, и закричали: «Эй, ребята! давай изъ «печи головешку — зажжемъ купца!...»

«Вдругъ, видитъ хозяинъ, скачетъ по улицѣ генералъ въ лентѣ, а «за нимъ царскіе драгуны, да какъ налетятъ на каторжниковъ, да «какъ почнутъ ихъ тузить палашами — мигомъ всѣхъ разогнали.

«То-то страху-то, страху-то было, мои сердечные! Вѣдь испекли- «бы насъ, окаянные, какъ раковъ — живьемъ!...

«И чего-то, чего не обѣщались мы пресвятой Иверской Богоматери! «Мы послѣ съ матушкой и въ «Кеовъ» ходили пѣшкомъ—благодарить «св. угодниковъ за спасеніе!

«Намъ ужь послѣ страшно было и подходить къ окну, а всё не- «легкая тянула тебя посмотрѣть на улицу.

«Вотъ и слышимъ мы разъ ночью, стонаетъ кто-то на площади — «да такъ стонаетъ, что сердце у меня поворачивалось. Мы и не вы- «держали, — сѣмъ, говоримъ, посмотримъ въ окно, — а ночь-то была «какъ день свѣтлая! — смотримъ — батюшки-свѣты! посередь пло- «щади сидитъ человѣкъ на высокомъ колу! руки-то у него связаны, «а ногами такъ и машетъ и шуба на немъ богатая, такъ и развѣ-

«вается! — да какъ вскрикнетъ вдругъ — такъ мы съ оконъ такъ и «попадали; а то опять застонетъ: «Дайте, говоритъ, православные, водицы испить»....

«Это, сказывали намъ послѣ, наказывали, по указу Царицы, какого-то человѣчка за измѣну.»

Ночное — житейская сцена изъ русскаго быта г. Стаховича можетъ быть и имѣетъ достоинство дагеротипнаго снимка, но вовсе лишена поэзіи. *Комедія г. Дріянскаго* также принадлежитъ къ дагеротипнымъ снимкамъ, но очень блѣднымъ и не ловкимъ.

Поэзія «Москвитянина» довольно оригинальна, это относится, впрочемъ, не къ стихамъ г. Цурикова, которые не имѣютъ въ себѣ ничего оригинальнаго: отличаясь патріотическими чувствами, они лишены всякаго литературнаго достоинства. За то никто не откажетъ въ оригинальности *поэмѣ г. Кержака-Уральскаго: Наставленія жениха невѣстѣ*, написанной разными размѣрами и даже иногда вовсе безъ всякаго размѣра.... Приведемъ отрывки изъ этой прелестной поэмы: г. Кержакъ-Уральскій объявляетъ на отрѣзъ своей невѣстѣ, что дверь его будетъ закрыта добрымъ друзьямъ... Онъ говоритъ:

«Первые враги намъ — добрые друзья....
О, для нихъ закрыта будетъ дверь моя!...
Спросишь ты: «Что жь лучше молодой подруги?
Что же безопаснѣй, какъ дѣлить досуги
Съ той, съ которой сблизилъ съ дѣтства институтъ?
Гдѣ тутъ преступленье? Въ чемъ опасность тутъ?...»
Въ искреннемъ обмѣнѣ чувствъ и наблюденій
Для тебя отрада; а путемъ сравненій
Жизни посторонней съ жизнію твоей —
Ты прійдти мечтаешь къ мудрости скорѣй;
Такъ!... Но ты, подругѣ вѣря безъ повѣрки,
Весь свой бытъ домашній по ея же мѣркѣ
Начинаешь мѣрить, — а моихъ заботъ
О твоемъ покоѣ — исчезаетъ плодъ....
Всѣ мои усилья для тебя ничтожны,
Мысль, что *«сдѣлать лучше»* должно и возможно,
Что въ судьбѣ подруги болѣе отрадъ, —
Эта мысль для счастья — смертоносный ядъ!
А потомъ совѣты.... Эти мнѣ совѣты!
«Ты, *ma chère, повѣрь мнѣ, въ этомъ вѣрься мнѣ ты,*
«У тебя то дурно, то совсѣмъ не такъ;
«Я, ma chère, все вижу: твой несчастливъ бракъ....»
И подруги глупой глупое участье
Такъ тебѣ докажетъ мнимое несчастье,
Что твое довольство, миръ твой и покой, —
Все исчезнетъ разомъ, смѣнится тоской....
Вотъ плоды отъ дружбы! Если жь думать здраво,
Если строго думать, то откуда право,
Мимо друга-мужа, получила ты
Міръ свой задушевный и свои мечты

Довѣрять подругѣ, и дѣлиться съ нею
Тѣмъ, что, съ дня вѣнчанья, я считалъ *моею*
Собственностью полной, твердой, нераздѣльной?...
Мужъ твой — другъ твой вѣчный, а не двухнедѣльный!...»

Описавъ различныя супружескія несчастія: спазмы, пріятельницъ, мигрени, нервы, обмороки, волокитъ, г. Кержакъ восклицаетъ:

«Но прочь отъ насъ вы, призраки несчастья!
Скорѣе къ намъ вы, лучшіе друзья;
Довольство, трудъ, взаимность и согласье,
Вы, кѣмъ цвѣтетъ и зиждется семья!»

И затѣмъ продолжаетъ:

«Въ русскій ладъ слагать попробую:
«Любитъ братъ сестру богатую,
«*Любитъ мужъ жену здоровую....*»
И премудра та пословица, —
Ей въ быту не прекословица!...
Будь же, дѣвушка цвѣтущая,
Въ женахъ крѣпкая, могучая,
Чтобы дѣти, если Богъ пошлетъ,
Были всѣ, что кровь со сливками;
Чтобы горе, если Богъ нашлетъ,
Ты снесла, и не урывками, —
Какъ больные, — а *всегда* была
Силой женственной полна, мила!...

Барышня — къ которой относятся эти наставительныя рѣчи — конфуаится, а женихъ безъ застѣнчивости восклицаетъ:

«Но что жь ты потупила глазки?
Иль пѣсня моя такъ волнуетъ тебя?
Иль дѣвственный стыдъ твой такъ чутокъ?
Прости! я забылся, и видѣлъ себя
Отцомъ твоихъ милыхъ малютокъ!..«

Все это очень мило.... Всѣ мужья должны быть въ восторгѣ отъ этихъ поучительныхъ стиховъ.

Кромѣ *восемнадцати писемъ Карамзина* (довольно любопытныхъ) къ А. И. Тургеневу полученныхъ г. Погодинымъ отъ сего послѣдняго, «Москвитянинъ» 1855 года не представляетъ никакихъ историческихъ матеріаловъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургская дружина. — Высочайшій смотръ кадетъ. — Поѣздки на кронштадскій рейдъ. — Петербургская загородная жизнь. — Послѣднее засѣданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. — Присужденіе Академіею Наукъ демидовскихъ премій. — Письма изъ Севастополя. — Неустрашимость его защитниковъ. — Женщины и дѣти въ Севастополѣ. — Игры дѣтей. — Сестры милосердія. — Эпизоды изъ частной жизни защитниковъ Севастополя. — Письма изъ Симферополя. — Занятіе Керча и Еникале непріятелемъ. — Подробности о занятой непріятелемъ мѣстности. — Его подвиги въ Еникале. — Вѣсти о русскихъ плѣнныхъ во Франціи. — Альбомы карриватуръ. — О смерти профессора Симонова. — Брошюра, изданная г. Погенполемъ въ Брюсселѣ.

Въ настоящее время болѣе чѣмъ когда нибудь читаются газеты и весь интересъ заключается въ извѣстіяхъ, прилетающихъ едва только не съ быстротою мысли по электрическому телеграфу. Прежде бывало лѣтомъ, въ кандитерской или кафе-ресторанѣ сидятъ какіе нибудь два-три господина за газетами, и то уже самые отчаянные газетоманы, которымъ и день не въ день, если они не прочтутъ летучихъ листковъ, наполненныхъ разными разностями. Теперь другое дѣло: во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ получаютъ газеты, народу биткомъ набито, такъ что надо ждать очереди для прочтенія современныхъ и столько интересныхъ извѣстій. Читаютъ всѣ, читаютъ отъ мала до велика, и даже тотъ, кто почти никогда не заходилъ въ кандитерскую, спѣшитъ туда и требуетъ чего нибудь, чтобы только имѣть право пробѣжать новости. Въ Гостиномъ дворѣ въ каждой лавкѣ читаютъ газеты, даже на Щукиномъ и Апраксиномъ; наконецъ въ каждомъ лабазѣ и мелочной лавочкѣ «Полицейская Газета» переходитъ изъ рукъ въ руки и возвращается къ своему владѣльцу въ видѣ совершенно неудобномъ почти ни для какого употребленія. Да и можетъ ли быть иначе: мы живемъ въ такое время, что каждый день становится болѣе и болѣе интереснымъ, и единодушныя мольбы и желанія побѣды нашему храброму войску и безпредѣльная увѣренность въ несокрушимости русской силы, — бросаютъ отрадный колоритъ на всѣ кружки людей, собирающихся читать и разсуждать о современныхъ событіяхъ.

Ожидая встрѣтить незванныхъ гостей, наши полки размѣщены на огромныхъ границахъ имперіи, и одна только мысль въ головѣ русскаго солдата, одно желаніе въ сердцѣ — встрѣтиться съ врагомъ и побѣдить или умереть. Во всѣхъ почти губерніяхъ сформированы уже ополченія и поступили въ ряды защитниковъ отечества. С. Петербургской дружинѣ первой достался завидный удѣлъ предстать на смотръ Государю Императору. Несмотря на короткое время, ратники, при дѣятельномъ содѣйствіи офицеровъ и преисполненные любовью къ отечеству, оказали большіе успѣхи,—за что удостоились Высочайшей благодарности. Надо было видѣть эти стройные ряды, одушевленные присутствіемъ Монарха, — въ присутствіи Котораго дружина, стараясь показать свои успѣхи, — чтобы имѣть понятіе о томъ, на что способенъ русскій человѣкъ. С. Петербургская дружина, казалось понимала, что есть еще люди, которые могутъ сдѣлать ей сравненіе съ дружинами славной отечественной войны, и на каждомъ лицѣ ратника, казалось, выражалась мысль, что если придется, то сыновья и внуки съумѣютъ умереть точно такъ же, какъ умирали ихъ отцы и дѣды.

— Одиннадцатаго іюня, утромъ, былъ Высочайшій смотръ кадетамъ на Царицыномъ Лугу. Не смотря на лѣтнее время, когда въ Петербургѣ не бываетъ и половины обыкновенныхъ его жителей, не смотря на жаркій день и на то, что немногіе могли знать о смотрѣ, всѣ окружающія Царицынъ Лугъ мѣста были покрыты множествомъ зрителей, любовавшихся рядами юныхъ воиновъ, которые, въ ожиданіи прибытія Государя Императора, составляли три обширные фаса пѣхоты. Въ сторонѣ находились: эскадронъ гвардейскихъ юнкеровъ и команда молодыхъ черкесовъ на коняхъ. Пѣхота состояла изъ воспитанниковъ Пажескаго, всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ.

Въ одиннадцать часовъ, привѣтственные звуки военной музыки и барабановъ возвѣстили прибытіе Государя Императора. Прежде всего Государь обошелъ всѣ ряды кадетъ, и здоровался съ ними; громогласное ура было отвѣтомъ. Началось ученье пѣхоты, артиллеріи и наконецъ кавалеріи.

Когда кончились смотръ и ученье, Государю Императору угодно было подозвать къ себѣ кадетъ, выпускаемыхъ офицерами на службу. Въ одно время кинулись они, тотчасъ образовали тѣсный кругъ, и радостными кликами отвѣчали на привѣтъ Монарха. Онъ осчастливилъ ихъ выраженіемъ Своей увѣренности, что они будутъ достойными своихъ предшественниковъ на поприщѣ военной службы, и такъ же усердно будутъ служить Ему, какъ тѣ служили Незабвенному Его Родителю. «Ура! Будемъ, будемъ, Государь! Надѣйтесь на насъ! былъ отвѣтъ». Наконецъ Государь, отъ полноты сердца, съ растроганною душою сказалъ имъ: «Богъ благословитъ васъ! Прощайте,

дѣти!» Посреди ура, ясно послышались слова кадетъ, ближе другихъ стоявшихъ къ Государю: «Государь! Побудьте съ нами еще немного! Дайте намъ насмотрѣться на Васъ!» Они совершенно окружили Его, тѣснясь вокругъ лошади, на которой сидѣлъ Государь, и Онъ былъ такъ растроганъ, такъ милостивъ, что еще нѣсколько минутъ оставался посреди Своихъ *дѣтей*. Они прибавляли съ умиленіемъ, но громкимъ голосомъ: «Государь! вѣдь мы теперь долго не увидимъ Васъ! Мы далеко уѣдемъ! Дайте намъ поглядѣть на Васъ!» Государь не могъ не снизойти къ этой просьбѣ, такъ прямодушно, искренно, глубоко выраженой. Голосъ растроганной души былъ слышенъ въ словахъ Его, когда Онъ сказалъ наконецъ: «Ну, пустите же Меня, дѣти!... Пора!... Прощайте!... Богъ благословитъ васъ: вы добрыя Мои дѣти!»

Онъ тронулъ коня, толпа немного раздвинулась и, посреди благословеній и восторженныхъ восклицаній, Государь быстро удалился, окруженный блестящею свитою.

— По примѣру прошлаго года, съ разрѣшенія начальства, желающіе два раза въ недѣлю отправляются на кронштадскій рейдъ, по четвергамъ и воскресеньямъ. Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстны эти поѣздки изъ прошлогоднихъ описаній, а мы прибавимъ только, что въ нынѣшнемъ году такъ много посѣтителей, что съ трудомъ достанешь мѣсто. Оно и понятно: имѣя ежедневно извѣстія о движеніи непріятельскаго флота, и зная близость его отъ Кронштадта, каждому любопытно хоть издали въ зрительную трубку посмотрѣть на непріятельскіе корабли, которые для вооруженныхъ глазъ довольно явственно виднѣются на горизонтѣ. Порядокъ этого интереснаго гулянья прежній. Въ 11 часовъ утра садятся на пароходъ на пристани товарищества петергофскаго пароходства (близь Николаевскаго моста) и прибывъ въ Петергофъ, тотчасъ же садятся на другой пароходъ, который съ музыкой объѣзжаетъ рейдъ, форты и давъ зрителямъ возможность посмотрѣть въ открытое море, поворачиваетъ обратно къ Петергофу. Проѣзжая мимо нашихъ кораблей и канонирскихъ лодокъ, гуляющіе машутъ шляпами, платками и привѣтствуютъ моряковъ единодушнымъ ура, на которое тѣмъ же отвѣчаютъ со всѣхъ судовъ, унизанныхъ офицерами и матросами. Не только первый разъ испытывающіе эту поѣздку, но и тѣ, кто уже нѣсколько разъ объѣзжалъ рейдъ — не могутъ не чувствовать какого-то отраднаго волненія.

Близость непріятельскаго флота и воинственныя приготовленія союзниковъ не мѣшаютъ, однако же, петербургцамъ предаваться обычнымъ увеселеніямъ. Разнородные дилижансы, невскіе легкіе пароходы и быстрые вагоны желѣзныхъ дорогъ — развозятъ горожанъ по окрестностямъ, и вездѣ, гдѣ только есть какая нибудь возможность, устроены вечера для пріятнаго препровожденія времени. Не говоримъ уже о великолѣпныхъ паркахъ и садахъ Царскаго села, Павловска,

Петергофа, Гатчины, Ораніенбаума, но и вокругъ столицы, каждый день петербургскіе жители находятъ развлеченіе. Конечно, на всѣхъ этихъ гуляньяхъ нѣтъ ничего особеннаго; игра оркестра занимаетъ здѣсь главную роль; и всѣ оркестры эти болѣе или менѣе играютъ удовлетворительно. Большинство посѣтителей этихъ гуляній составляютъ не живущіе на окрестныхъ дачахъ, а обреченные на постоянную жизнь въ городѣ, и стоитъ только пойти вечеромъ къ пристани невскихъ легкихъ пароходовъ у Лѣтняго сада, чтобы имѣть понятіе о томъ, какое огромное число горожанъ спѣшитъ на острова. Загородныя увеселенія преимущественно на островахъ: по прежнему въ заведеніи Искусственныхъ минеральныхъ водъ и вновь у Каменноостровскаго моста, на дачѣ Гарфункеля.

На Минеральныхъ водахъ управляетъ увеселеніями уже не Излеръ, а г. Анбіель, однако на афишахъ значится, что вечера даются все-таки *подъ руководствомъ Излера*, которому въ былые годы остроумные петербургскіе фельетонисты писали панегирики въ стихахъ и прозѣ. Соперницей Минеральнымъ водамъ появилась въ этомъ году дача Гарфункеля, именуемая *Виллой Боргезе*, и несмотря, что вновь сформированная вилла эта угощаетъ посѣтителей одной только музыкой, гуляющіе не скучаютъ, потому что держжеръ г. Цезарь Пуньи знаетъ свое дѣло. На Крестовскомъ и на Безбородкиво тоже музыка, но всѣ эти увеселительные вечера не достигаютъ еще вполнѣ своей цѣли, потому что имъ не достаетъ иллюминацій, а иллюминація въ Петербургѣ теперь дѣло невозможное, по весьма естественной причинѣ—по случаю отсутствія ночи. По Петергофской дорогѣ на первой верстѣ за Нарвской заставой на дачѣ купца Ушакова (бывшей графини Заводовской) также открыты музыкальные вечера, съ участьемъ труппы вольтижеровъ и гимнастиковъ извѣстнаго Віола. Для тѣхъ петербургскихъ жителей, которые удалены отъ острововъ, дача Ушакова и Екатерингофъ служатъ пріятнымъ мѣстомъ гулянья.

— Императорское Русское Географическое Общество имѣло, 25-го мая 1855 года, послѣднее предъ каникулярнымъ временемъ общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ г. вице-предсѣдателя, члена Государственнаго Совѣта М. Н. Муравьева, присутствовали 29 дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ. — Вице-предсѣдатель открылъ засѣданіе объявленіемъ, что Общество осчастливлено новымъ знакомъ Монаршаго вниманія къ его занятіямъ, и пригласилъ при семъ гг. присутствовавшихъ выслушать Рескриптъ, которымъ Государю Императору благоугодно было удостоить Общество.

Съ чувствомъ глубочайшей признательности приняло Общество Монаршее одобрѣніе трудовъ его на пользу изученія Россіи.

Вслѣдъ за симъ исправляющій должность секретаря сообщилъ собранію первыя извѣстія, полученныя изъ Иркутска, объ открытіи

дѣйствій экспедиціи, отправленной въ Восточную Сибирь. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири увѣдомилъ вице-предсѣдателя о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ имъ къ отправленію членовъ экспедиціи, на первый годъ, въ разныя мѣста Восточной Сибири. По плану его, главный астрономъ, дѣйствительный членъ А. Ѳ. Шварцъ распредѣлилъ занятія экспедиціи слѣдующимъ образомъ: главный астрономъ и три его помощника раздѣлились на три отдѣльныя партіи: 1) поручикъ Межевыхъ Инженеровъ Рошковъ отправился для астрономическихъ опредѣленій въ Усть-Стрѣлочный караулъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда слѣдовать сначала до Албазина и далѣе до Устья Буреи, и потомъ внизъ по Амуру до самаго его устья. Главные пункты, которые поставляется опредѣлить поручику Рошкову, суть, кромѣ двухъ упомянутыхъ: устья рѣкъ Кумары, Зеи, Буреи, Сунгари, Уссури, Кернна, Амгуна и наконецъ Амура. 2) Другая партія отправляется въ Витимскъ, а оттуда вверхъ по Витиму до самыхъ крайнихъ его вершинъ и до Эравинскаго озера. Подпоручику Смирягину, коему поручается эта партія, назначено сдѣлать подробную съемку этой рѣки и съ точностью опредѣлить устья Витима и р. Цыпы. Это изслѣдованіе важно въ томъ отношеніи, что оно должно рѣшить вопросъ о возможности сообщенія между долинами Лены и Шилки чрезъ вершины Витима. На случай, что изъ ближайшихъ свѣдѣній о вершинахъ этой послѣдней окажется необходимымъ произвести нивеллировку отъ ея вершинъ до Эравинскаго озера, эта партія должна встрѣтиться здѣсь съ слѣдующею третьей, состоящею изъ главнаго астронома, дѣйствительнаго члена А. Шварца и его помощника подпоручика Усольцова. 3) Третья партія отправляется въ южную часть Забайкальской области. Главными предметами ея занятій будутъ: точное опредѣленіе въ ней географическаго положенія нѣкоторыхъ пунктовъ, изслѣдованіе вершинъ Баргузина и С. Ангары и другихъ рѣкъ, ближайшихъ къ вершинамъ Витима, и наконецъ производство сказанной нивеллировки, отъ Эравинскаго озера, въ случаѣ надобности, подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго астронома въ совокупности со второю партіею. — До свѣдѣнія собранія доведено было, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предположилъ снарядить отъ Сибирскаго Отдѣла особую ученую экспедицію для описанія нѣкоторыхъ мѣстностей лѣваго прибрежья Амура, и что на расходы по этой экспедиціи членъ-соревнователь отдѣла С. Ф. Соловьевъ пожертвовалъ полпуда золота. Изъ частныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до Общества, извѣстно, что экспедиція отправилась уже изъ Иркутска, 9-го апрѣля, на мѣсто изслѣдованія. Въ составѣ ея находятся слѣдующія лица: магистръ естественныхъ наукъ Герстфельдъ, Маакъ, Кочетовъ (технологъ и химикъ), Зондгагенъ (поручикъ Межеваго корпуса) и препараторъ Фурманъ. Экспедиція будетъ проходить мѣстами совершенно неизвѣстными и чрезвычайно интересными. Гг. ученые осмотрятъ долину Ніоманъ-Бира, перевалятъ че-

ревъ хребетъ Хинганъ-Оола, далѣе будутъ слѣдовать по котловинѣ Гирина, опять перейдутъ водораздѣлъ и, достигнии р. Амгуна, спустятся въ Амуръ. Въ снаряженіи этой экспедиціи, въ ученомъ отношеніи, принималъ большое участіе дѣйствительный членъ Шварцъ, находившійся въ то время въ Иркутскѣ; вообще она обставлена и обезпечена всѣмъ превосходно. — Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи статистики, А. П. Заблоцкій, сообщилъ затѣмъ собранію продолженіе извлеченій изъ отчета начальника Каспійской экспедиціи, К. М. Бера. Предметомъ чтенія въ это собраніе избрана была отдѣльная статья г. академика о пониженіи уровня Каспійскаго моря. Приводя всѣ бывшія до сего времени изслѣдованія ученыхъ объ этомъ вопросѣ, К. М. Беръ вошелъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, въ обсужденіе этого предмѣта со всѣми подробностями, изученными имъ лично на мѣстѣ, и привелъ множество новыхъ свѣдѣній, непозволяющихъ согласиться безусловно съ мнѣніями о повсемѣстномъ пониженіи уровня моря. Въ связи съ этимъ вопросомъ, К. М. Беръ обратился къ разсмотрѣнію, вообще, замѣчаемаго, во всемъ теченіи Волги и устьяхъ ея, стремленія рѣки къ правому или нагорному ея берегу. Весьма любопытныя замѣчанія о постоянномъ отклоненіи рѣки и фарватера ея все далѣе къ западу и постепенное обмелѣніе ея крайнихъ восточныхъ устій, подтверждено академикомъ разными историческими свидѣтельствами путешественниковъ, описывающихъ свои плаванія изъ Волги въ море. — Собраніе съ живѣйшимъ любопытсвомъ выслушало чтеніе, и принесло искреннюю благодарность А. П. Заблоцкому, за принятый имъ на себя трудъ извлеченія означенныхъ свѣдѣній изъ отчета начальника экспедиціи.

— Изъ представленныхъ въ Академіи Наукъ на соисканіе сочиненій, полная премія въ 1,428 руб. присуждена труду корпуса инженеровъ Путей Сообщенія подполковника Журовскаго, подъ заглавіемъ: «О мостахъ по системѣ Гау».

Шесть слѣдующихъ сочиненій удостоились половинной преміи въ 714.

1) Liv- Esth- und Kurländishes Urkundenbuch, г. Фридриха Георга фонъ Бунге.

2) Paloodendrologicon rossicum. Г. д-ра Мерклина (состоящаго при Императорскомъ Спб. Ботаническомъ садѣ).

3) О гальванической проводимости жидкостей, г. Л. С. Савельева (профессора Императорскаго Казанскаго Университета).

4) Начальныя основанія аналитической химіи, С. Иванова (инженеръ-подполковника).

5) Учебныя пособія для временнаго курса турецкаго языка, мирзы А. Казембека (профессора Императорскаго Спб. Университета).

6) Г. Головоцкій (состоящій въ придворной конюшнѣ) получилъ половинную премію за изобрѣтеніе хронологической машины, опи-

саніе которой (съ 4-мя планами) составлено г. академикомъ Вишневскимъ.

Шесть слѣдующихъ сочиненій удостоились почетнаго отзыва Академіи:

1) Пѣсни разныхъ народовъ, г. Берга.

2) О цѣнностяхъ въ древней Руси, г. Заблоцкаго.

3) Руководство къ сахарному производству, г. Витте.

4) Mittheilungen aus dem Strafrecht, г. Вольфельда.

5) Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи, г. Кузнецова.

6) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго учебнаго округа, г. Воронова....

Но такъ какъ теперь главный рускій интересъ не въ Петербургѣ, а въ Севастополѣ, то мы и обратимся туда.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ мужественное войско наше покрылось новою славою, блистательно отразивъ штурмъ, къ которому болѣе года приготовлялись союзники. Англо-французы кажется убѣдились достаточно, что Севастополь не только умѣетъ выдерживать правильную осаду, но храбро и благоразумно отражаетъ самый усиленный приступъ и не упуститъ, при возможности, захватить въ плѣнъ самыхъ храбрыхъ непріятелей, *даже первыхъ солдатъ въ мірѣ* (*). После каждаго пораженія, союзники краснорѣчиво отговаривались въ своихъ журналахъ; теперь любопытно, какую найдутъ они причину неудачи перваго приступа. Читатели будутъ находить въ каждой книжкѣ «Современника» разсказы очевидца о жизни Севастополя, разсказы, дышащіе высокимъ интересомъ, но не смотря на это, мы будемъ приводить всѣ извѣстія получаемыя оттуда. Приведемъ же нѣсколько частныхъ писемъ изъ Севастополя.

«Способы веденія войны, при защитѣ Севастополя, до чрезвычайности разнообразны. Мы боремся съ врагами на водѣ, въ полѣ, посредствомъ земляныхъ работъ на поверхности земли и подъ землей, и наконецъ боремся въ воздухѣ.

«При борьбѣ на водѣ, мы не выходимъ, съ нѣкотораго времени, въ море, правда: но и врагамъ нашимъ окончательно загражденъ доступъ, посредствомъ флота, въ Севастопольскую Бухту. Не говорю о каменныхъ твердыняхъ, сторожащихъ Севастополь со стороны моря; положимъ, несмотря на ихъ губительный огонь, союзники, рискуя потерять три четверти своихъ судовъ, могли бы еще, быть можетъ, ввести въ бухту остальную часть; но сверхъ этихъ фортовъ ихъ ждутъ преграды, преодолѣть которыя не во власти человѣческой: бухта, кромѣ свайной перемычки, перерѣзана двумя рядами затоплен-

(*) Такъ французы называютъ зуавовъ.

ныхъ судовъ! — Съ честью отслуживъ отечеству опредѣленный для нихъ срокъ, суда эти заживо погребли себя во влажную могилу, съ тѣмъ, чтобы окончательно обезопасить свой родимый городъ, своихъ младшихъ братій, отъ покушеній недруга. За этою же подводною твердыней, незванныхъ гостей ждетъ нѣсколько сотенъ жерлъ военныхъ судовъ, стоящихъ въ боевой линіи, бортами къ морю, съ вѣчно открытыми люками, въ которые, до времени *молча*, *чугунныя пушки глядятъ*. Въ первой линіи (насупротивъ Павловскаго Форта) стоятъ корабли «Парижъ» (у мыска), «Великій князь Константинъ» (въ срединѣ) и «Храбрый» (у сѣверной), готовые къ бою по первому сигналу.

«Адмиральскій флагъ поднятъ на кораблѣ «Великій Князь Константинъ». Пароходы безпрестанно шмыгаютъ по бухтѣ, будучи всегда готовы на помощь угрожаемому пункту; да и не разъ уже имъ удавалось громить врага, особенную оказавъ услугу при отраженіи ночной аттаки французовъ на тогда еще не конченнаго и не вооруженнаго Селенгинскаго Редута, въ ночи съ 12-го на 13-е февраля.

«Что сказать о нашей борьбѣ съ непріятелемъ въ полѣ? Наши неоднократныя большія и малыя вылазки, взятіе Балаклавскихъ передовыхъ укрѣпленій отрядомъ генерала Липранди, сбитіе непріятельскихъ линій и овладѣніе рядомъ укрѣпленій на Инкерманскихъ высотахъ; наше ночное нападеніе на французскія апроши въ ночи на 10-е марта, развѣ не служатъ живымъ доказательствомъ, какъ сильно мы дѣйствуемъ въ полѣ, когда обстоятельства вызываютъ насъ изъ-за импровизированныхъ нашихъ твердынь? Подробности всѣхъ этихъ событій преисполнены величайшей занимательности; когда нибудь, если останусь въ живыхъ, разскажу нѣкоторыя изъ нихъ, теперь же нѣкогда....

«Ратуемъ противъ недруга посредствомъ земляныхъ работъ, и эта борьба чуть ли не труднѣйшая. Еще такъ недавно, еще только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, южная сторона Севастополя едва была защищена съ сухаго пути башней Малахова Кургана на нѣсколько орудій, небольшими оборонительными казармами, да стѣной, на нѣкоторомъ пространствѣ.

«Еще такъ недавно, по словамъ знаменитаго Иннокентія, была «*единственная твердыня наша, главная цѣль ихъ нашествія, едва не на половину пространства своего еще почти беззащитна и открыта къ нападенію.*» Взгляните же теперь на Севастополь: вы усомнитесь, человѣческія ли руки произвели такія громадныя работы! Посмотрите на 3-й и 4-й нумеръ, на Корнилова Бастіонъ (Малаховъ Курганъ)! Каждое изъ этихъ укрѣпленій, взятое само по себѣ, представляетъ сильную крѣпость, на приведеніе которой въ состояніе, дающее возможность восторжествовать надъ всѣмъ усиліями врага, наука истощила всѣ свои уроки. Все, что только изобрѣла новѣйшая фортифи-

кація для защиты крѣпостей, все нашло себѣ приложеніе при созданіи этихъ укрѣпленій, и они, какъ вожди, возносятся надъ стройными рядами баттарей и бастіоновъ, раскинувъ ихъ вправо и влѣво отъ себя, обвивъ ихъ грозною цѣпью свой родимый городъ. Сѣть траншей, которыми покрыта мѣстность, и крѣпко связаны между собою почти всѣ большія и малыя укрѣпленія, составляя такимъ образомъ изъ оборонительныхъ работъ одно неприступное цѣлое, еще болѣе сплачивается глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, соединяющимъ собою бастіоны. За этою линіей фортовъ ждетъ недруга другая линія баттарей, построенныхъ на приличныхъ мѣстахъ. Нѣсколько домовъ приведено въ оборонительное положеніе; изъ многихъ оконъ громадныхъ казармъ глядятъ орудія; баррикады перерѣзываютъ многія улицы подъ защитою полевыхъ орудій. Такъ называемыя «литерныя баттареи» (отъ А до К) примкнули къ баттареѣ маяка, на правомъ берегу Черной Рѣчки, сотнями жерлъ готовы встрѣтить незванныхъ гостей, и отъ времени до времени угощаютъ ихъ чугунными гостинцами, препятствуя ихъ работамъ за Киленъ-Балкой! А какія укрѣпленія нагромождены на сѣверной! Словомъ, чтобъ изумить всякое воображеніе, стоило бы только описать подробно всѣ земляныя укрѣпленія, созданныя въ Севастополѣ со дня его осады! Но теперь еще не время говорить объ этомъ. Ясно и безъ того, какъ грозны должны быть твердыни, нами созданныя, если въ теченіе девяти мѣсяцевъ остаются тщетными всѣ усилія цѣлой непріятельской арміи овладѣть хотя однимъ шагомъ земли, на которой мы утвердились, если въ теченіе девяти мѣсяцевъ дерзостный врагъ не только не рѣшился броситься на общій штурмъ, но со всякимъ днемъ болѣе и болѣе убѣждается, что штурмъ дѣлается для него невозможнѣе, со всякимъ часомъ!

«Рука объ руку съ нашими оборонительными сооруженіями на поверхности земли — идутъ работы подъ землею. Дивны подробности этой подземной войны; но представить ея картину должны ея участники, дѣйствующія въ ней лица; наши же о ней разсказы были бы безцвѣтны, потому что мы не посвящены въ глубочайшія тайны этой войны гигантовъ, въ царствѣ гномовъ. Притомъ же большая часть подробностей этой войны должна быть секретомъ, до времени. Видимъ только, что полгода союзники трудятся подъ землей, что тысячи препятствій, имъ противупоставленныхъ почвою и другими мѣстными условіями, преодолѣны ими, и однако же ни одного значительнаго успѣха имъ не удавалось стяжать надъ нами. — Тотлебенъ, не будемъ давать ему эпитетовъ, Россія и безъ нихъ его знаетъ, Тотлебенъ превращаетъ въ ничто всѣ усилія и труды союзниковъ.

«Разнообразнѣе другихъ наша война воздушная. Разнообразнѣе она, быть можетъ, потому, что, такъ сказать, безпрерывнѣе проявляется, непрестанно требуетъ новыхъ жертвъ, ежедневно увлекаетъ нѣкоторыхъ, и ежеминутно грозитъ всѣмъ и всякому. Мы, собственно,

стоимъ теперь на корабельной сторонѣ, и слушаемъ неумолкаемый концертъ. Перестрѣлка въ цѣпи не затихаетъ ни на мгновенье; наши стрѣляютъ изъ-за ложементовъ, тѣ изъ траншей. Разстояніе, раздѣляющее стрѣлковъ обѣихъ сторонъ, не превышаетъ двухъ сотъ шаговъ. Коническія пули непріятеля, съ чашечками и безъ чашечекъ, летаютъ на огромное разстояніе, и наносятъ сильнѣйшія раны. Мы не вооружены такимъ огромнымъ числомъ штуцеровъ, какимъ вооруженъ непріятель, а потому доселѣ его ружейный огонь былъ несравненно дѣйствительнѣе нашего, и если мы и могли съ успѣхомъ на него отвѣчать, то только огнемъ штуцеровъ, которые несравненно лучше и дальше бьютъ, чѣмъ всѣ ружья непріятельскія; надо также замѣтить, что наши штуцерники въ своемъ дѣлѣ несравненно искуснѣе непріятельскихъ. Особенно союзники боятся стрѣлковыхъ баталіоновъ. Доказательствъ множество: бывало, зимою, нашъ штуцерникъ промерзаетъ, сидя въ ложементѣ, выскочитъ изъ него, да и давай бѣгать, чтобъ, хлопая руками, согрѣться, какъ грѣется московскій извощикъ, при 25-ти градусахъ мороза, ожидая у своей биржи желаннаго сѣдока. Что же? По удалому солдатикѣ непріятель тотчасъ откроетъ частый огонь; выстрѣлы посыплются градомъ, а онъ все-таки дѣло свое сдѣлаетъ: согрѣется и заберется въ ложементъ. Союзникъ же не смѣй носа показать, наши штуцера лежатъ уже со взведенными курками, въ крошечныхъ амбразурахъ; очередные между товарищами штуцерники не дремлютъ....

Вслушайтесь, какіе разнообразные звуки составляетъ этотъ концертъ смерти, разыгрываемый шестой мѣсяцъ въ Севастополѣ! Жители старики, женщины, дѣти, не говорю уже мы всѣ, такъ привыкли къ этому концерту, что намъ кажется необыкновеннымъ не только тотъ получасъ, тѣ пять минутъ, въ которыя, по какому либо случаю, не слышны бываютъ выстрѣлы. Дня почти не проходитъ, чтобъ не было несчастнаго случая съ кѣмъ нибудь изъ жителей, а между тѣмъ остальные не обращаютъ на это ни какого вниманія, — совершенно привыкли къ близости смерти, сдружились съ нею.. Правительство даетъ всѣ средства жителямъ Севастополя, самымъ бѣднымъ, выѣхать изъ Крыма даже, не только изъ Севастополя, — не хотятъ: здѣсь, говорятъ, родились мы, здѣсь и умремъ; здѣсь погибаютъ наши мужья и братья, съ ними, если будетъ угодно Богу, погибнемъ и мы! Вся сѣверная и западная стороны Малахова Кургана покрыты домиками (мазанками) матросовъ, наполненными ихъ семействами. Женщины моютъ бѣлье офицерамъ, оказывая тѣмъ услугу особой важности; торгуютъ не только на двухъ базарахъ корабельной стороны, но даже на самомъ Малаховомъ Курганѣ, сидя около блиндированныхъ воротъ онаго, за траверсомъ, предлагая толпамъ солдатъ, приходящимъ въ свободную минуту полакомиться: блины, пироги, куски нарѣзанной селедки, яблоки, булки разныхъ видовъ и свойствъ, славный хлѣбъ, квасъ, орѣхи, холодецъ и всякую съѣстную всячину, которую солда-

ты тутъ же, если есть лишняя копѣйка, запиваютъ горячимъ сбитнемъ. Вмѣсто него выпилъ бы солдатъ рюмку водки, что грѣха таить, да изволите видѣть, кабаки-то здѣсь закрыты начальствомъ; рюмки водки во всемъ Севастополѣ достать нельзя! Иногда украдкою купишь у матроски или у своего же товарища, экономическую, отъ ежедневной порціи, но все это очень дорого. Матроска носитъ мужу пищу на бастіонъ, сидитъ съ нимъ у орудія, пока онъ поѣстъ, чтобъ взять назадъ посудину, проводитъ съ мужемъ по два, по три часа, несмотря на безпрерывный полетъ непріятельскихъ снарядовъ. Во время общаго бомбардированія, женщины таскали безпрестанно воду на бастіоны, освѣжить измученныхъ трудомъ и зноемъ бойцевъ. Убьютъ кого изъ нашихъ офицеровъ, — положатъ его товарищи на вѣчный одръ — непремѣнно явится или хозяйка убитаго, или сосѣдка, оросить слезою участія славный прахъ, — обложить голову, уже стяжавшую вѣнецъ небесный, свѣжими листками ерани и мирта. Бываетъ иногда: ударятъ тревогу. Чтожь, женщины? Кричатъ, бѣгаютъ? Ни чуть не бывало: стоятъ у своихъ калитокъ, подгорюнясь и провожая полными слезъ глазами, бѣгущіе по своимъ мѣстамъ отряды солдатъ, — молятся и тихо плачутъ, — предавая судьбу свою въ руки Господни.

«Своимъ присутствіемъ въ Севастополѣ женщины не уменьшаютъ мужества его защитниковъ, о, нѣтъ! Видя твердость женщинъ въ самыя опасныя мгновенья, укрѣпляется даже слабѣйшій духомъ. Мысль, что шагъ назадъ предъ непріятелемъ есть шагъ къ погибели любимой семьи, одушевляетъ солдата и приковываетъ его къ мѣсту, ему указанному начальствомъ, къ мѣсту, котораго онъ не покинетъ до смерти.

«Закипитъ дѣло посильнѣе, какая нибудь вылазка, — нападеніе: женщины знаютъ, гдѣ будетъ работа — бѣгутъ на перевязочный пунктъ, и, кто чѣмъ можетъ, помогаютъ раненымъ.

«Ночью, во время удачной вылазки нашей съ 10-го на 11-е марта, для разрушенія непріятельскихъ работъ противъ Камчатскаго редута, у насъ не мало было раненыхъ. На перевязочный пунктъ, что въ арестантскихъ казармахъ, на корабельной у доковой стѣны, пришла старушка и съ нею двѣ женщины.

«— Пожалуйте, батюшка, мнѣ человѣкъ десять или двѣнадцать на домъ, я за ними сама присмотрю, и перевяжу, и раны обмою, и покормлю немножко.

«— Спасибо, голубушка, спасибо тебѣ, возьми, ради Бога!

«— А ужь о нихъ-то будьте спокойны, батюшка, завтра сама въ шпиталь приставлю. Своихъ схоронила, родимый, двухъ уже! и человѣка-то своего, и сынишку, парня такого молодаго! дрожащимъ голосомъ кончала старушка: — спокойны будьте, присмотрю за ними!»

«И дѣйствительно: доставленные ею на другой день въ госпиталь раненые оказались отчетливо перевязанными заботливою рукою ста-

рушки, успокоенными, отдохнувшими, нѣсколько подкрѣпленными сномъ и теплымъ чаемъ, которымъ она ихъ напоила.

«И такъ поступаютъ многія, послѣ всякаго, сколько нибудь важнаго дѣла, когда знаютъ, что не въ предѣлахъ возможнаго, при значительной прибыли раненыхъ, дать всѣмъ скорую помощь, и немедленно необходимый имъ покой.

«Послѣ дѣла 24-го октября 1854 года, на Инкерманскихъ высотахъ, какая-то матроска явилась на дорогу, по которой войска отходили на свои позиціи. Тянулось въ полки много легко раненыхъ, не захотѣвшихъ итти въ госпиталь. Измученные ранами, голодомъ, жаждой и усталостью, они садились кучами близъ дороги. Въ числѣ ихъ-то появилась старушка. У нея было готовое тѣсто въ горшкѣ, сковородка, немножко дровецъ, постное масло въ пузырькѣ. Мигомъ она раздула и развела огонь, масло заворчало на чугунной сковородкѣ, старушка давай жарить оладьи и угощать ими отдыхающихъ солдатъ, къ которымъ присоединились новые раненые. Старуха кормила всѣхъ, пока было тѣсто. Солдаты давай было расплачиваться за угощеніе, куда тебѣ! просто разбранила ихъ:

«— Не хотите, говоритъ, принять отъ меня трудовъ!»

«Ну, и солдатики, предовольные, что заморили червяка, поплелись къ мѣстамъ, благословляя добрую старушку.

«Разсказывая о Севастопольскихъ женщинахъ, нельзя умолчать о ихъ дѣтяхъ. Севастополь сдѣлался разсадникомъ героевъ. Все, что живетъ въ его окопахъ, воспиталось войною, повито опасностью, вскормлено нуждой, взлелѣяно лишеніями. Всмотритесь въ жизнь здѣшнихъ ребятъ. Тотъ къ батькѣ на баттарею, подъ градомъ вражескихъ снарядовъ, по нѣскольку разъ въ день сбѣгаетъ, снесетъ то поѣсть, то выпить, то чистую рубашку, то тулупъ, или починенные сапоги. Иной мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, день деньской работаетъ весломъ на вольномъ яликѣ, шмыгая отъ одного берега бухты къ другому, на пространствѣ, гдѣ весьма часто вспѣниваетъ воду осколокъ лопнувшей надъ бухтой бомбы, или самая бомба, захлебнувшаяся морскою водой, или грянетъ ракета страшнымъ громомъ, и желѣзная ея гильза поплыветъ, какъ морской баснословный змѣй, скользя по водной зыби, грозя смертью, отъ которой юноша силится избѣжать учащенными ударами своего еще нетвердаго весла. Послѣ перваго бомбардированія Севастополя, морское начальство велѣло собрать непріятельскіе снаряды и снести ихъ въ назначенныя мѣста, обѣщая за всякій по копѣйкѣ серебромъ. Снарядовъ валялось вездѣ множество; въ иныхъ мѣстахъ совершенно былъ чугунный помостъ. Сначала было стали солдаты таскать снаряды, но когда увидѣли, что этимъ дѣломъ съ любовью занимаются ребятишки, то солдаты предоставили имъ этотъ заработокъ. Надо было видѣть, что за сцены тутъ происходили! Изъ-подъ самыхъ баттарей, несмотря на огонь непріятельскій, цѣлыя ар-

теля мальчишекъ таскали ядра — кто не ссилитъ тащить: катитъ ядро; другіе вдвоемъ тащатъ его въ мѣшечкѣ; иные везутъ одно, два, три ядра на маленькой телѣжкѣ; глядишь, запряглась въ эту телѣжку, между прочимъ и дѣвчонка, сама немножко больше ядра. Эта доставка снарядовъ совершенно уподоблялась доставкѣ въ муравейникъ, его населеніемъ, различныхъ матеріяловъ, необходимыхъ для сооруженія и существованія онаго.

«На дняхъ привели къ генералу Хрулеву (онъ исправляетъ должность коменданта корабельной стороны и командуетъ лѣвою половиной оборонительной линіи города Севастополя) мальчишку. Онъ подрядился таскать ядра отъ рогатки (между Малаховымъ курганомъ и вторымъ нумеромъ) до Камчатскаго редута, получая по копѣйкѣ за ядро!... Не забудьте, что ему надобно было проходить около полуверсты подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскимъ; не забудьте, что на этомъ пространствѣ не только носятся ежеминутно артиллерійскіе снаряды, но, какъ пчелы, жужжатъ штуцерныя пули; не забудьте, что это пространство надо пройти мѣрнымъ шагомъ, потому что съ 36-ти-фунтовымъ ядромъ мальчикъ не очень-то побѣжитъ.

«— Много ли же ты стащилъ сегодня ядеръ? спросилъ его генералъ.

«— Тридцать, ваше превосходительство.

«— Ну, отъ чего же ты босой?

«— Да чтобъ легче было, ваше превосходительство, назадъ бѣжать, какъ отнесешь ядро.

«Разумѣется, лихому мальчику сейчасъ офицеры набросали нѣсколько денегъ. Обласканный генераломъ, онъ просилъ позволенія возвратиться къ своему ремеслу, увѣряя, что ему сподручна эта работа, доставляющая возможность ежедневно лакомиться горячимъ сбитнемъ съ молокомъ.»

Вотъ отрывка изъ походныхъ записокъ г. Алабина, мастерски рисующаго многіе эпизоды изъ боевой жизни.

«.... Здѣшнія дѣти знаютъ одну только игру — въ войну. На всякой площадкѣ построены маленькія баттареи, обведенныя траншеями; красная тряпка играетъ роль флага; бревешки — роль пушекъ; круглые комки грязи исправляютъ должность ядеръ; горсть мелкихъ камешковъ, облѣпленныхъ глиною, съ успѣхомъ замѣняетъ бомбу, или правильнѣе картечную гранату, особенно какъ хватитъ по головамъ осаждающихъ батарею удальцовъ. Штурмы назначаются ежедневно, то въ одномъ, то въ другомъ углу слободы, и къ назначенному пункту стекаются ребятишки со всего околотка. Начинаютъ правильную осаду, ведутъ траншеи, строятъ батареи, бомбардируютъ крѣпость; осажденные дѣлаютъ вылазки, даютъ полевыя сраженія — на кулачки, — наконецъ бомбардированіе въ одинъ прекрасный день усиливается, и съ крикомъ ура осаждающіе бросаются на приступъ, и всегда берутъ

крѣпость. Но кромѣ приступовъ у нихъ разыгрываются еще цѣлыя сраженія. Въ особенномъ ходу Синопское, а бываетъ иногда и Инкерманское Храбрѣйшему изъ своего числа мальчишки даютъ славное имя Нахимова: онъ руководитель боя. Часто подобный примѣрный бой оканчивается дѣйствительнымъ: тому носъ разобьютъ, нѣсколько фонарей подставятъ, а другому, если иная картечная граната слишкомъ усердно приготовлена, и лобъ раскроятъ.

«Однажды какъ-то, одно изъ подобныхъ сраженій, а именно Синопское, до того трагически кончилось, что въ знаменитомъ дѣлѣ счелъ нужнымъ принять участіе проходившій мимо десятскій. Разумѣется, Нахимовъ и все, что было помолодцоватѣе, удрало, достались въ руки десятскаго три или четыре несчастные турка, да четыре дѣвчонки. Всѣхъ ихъ привели къ частному. Рѣшено было, для примѣра, отпустить по нѣскольку розогъ всѣмъ — не затѣвай сраженій! Приговоръ немедленно былъ исполненъ надъ турками. Дошла очередь до старшей дѣвчонки лѣтъ осьми.

«— Помилуйте баринъ, ваше благородіе, со слезами просила дѣвочка: — я вѣдь не дралась....

«— Врешь, всѣ вы тамъ были!

«— Нѣтъ, помилуйте, не были! всѣхъ спросите, такъ скажутъ, что не были.... Я была Корниловъ, мы съ пароходами оставались!... (*).

Осада произвела такое впечатлѣніе на дѣтей, что ихъ ребяческая болтовня постоянно имѣетъ предметомъ различные случаи боевой жизни Севастополя. Слово *трусъ* у нихъ самая оскорбительная брань; всѣ уважаютъ храбрѣйшаго, и знаютъ кого выбрать изъ среды своей вождемъ, когда затѣвается у нихъ сраженіе. Дѣтей не мало убито и ранено, особенно во время бомбардированія. Часто встрѣчаю въ городѣ мальчика, лѣтъ двѣнадцати, на костылѣ.

«— Что у тебя нога, мальчикъ, спросилъ я его, увидѣвъ впервые?»

«— Ядромъ-съ оторвало, ваше благородіе!...

«Кровь невинныхъ жертвъ этой чудовищной борьбы падетъ на голову руководителей этой осады, полгода уже терзающей несчастный городъ!

«Но мы хотя нѣсколько отдохнули сердцемъ въ бесѣдѣ о дѣтяхъ. Возвратимся къ разсказу о нашей воздушной войнѣ. Севастополь опоясанъ непріятельскими батареями; онѣ нагромождены отъ моря до

(*) Извѣстно, что генералъ-адъютантъ Корниловъ съ флотиліей пароходовъ крейсеровалъ для отысканія непріятельской эскадры, и подоспѣлъ къ синопскому дѣлу, тогда уже, какъ

«Надъ покинутой столицей Митридата
Объятой пламенемъ и страхомъ казни,
Стоялъ нашъ флотъ съ опущенной сѣкирой!»

Черной Рѣчки, въ двѣ и болѣе линій, и вооружены всѣмъ, что только нашъ изобрѣтательный вѣкъ выдумалъ огнестрѣльнаго, для уничтоженія человѣческаго рода. И эти изобрѣтенія летатъ на наши батареи, въ нашъ открытый предъ непріятелемъ, какъ на ладони, городъ, въ его лучшія зданія, въ госпиталь, въ доки, въ бухту, на сѣверную, силятся попадать въ корабли; девять мѣсяцевъ разрушаютъ домы, бьютъ жителей; вырываютъ мертвыхъ изъ могилъ (*)! Разумѣется, что мы не дремлемъ, въ свою очередь, и за угощеніе платимъ угощеніемъ въ родѣ Демьяновой ухи, отъ котораго недруги съ радостью бы отказались. Отъ ихъ же докучныхъ гостинцевъ мы отдѣлываемся всѣми средствами, какія намъ только указываетъ наука и опытъ.

«На батареяхъ у насъ траверзы, спасители отъ ядеръ; блиндажи — защитники отъ бомбъ.

«Но, всѣ ли мои читатели знаютъ, что такое *блиндажъ?* Это, по просту сказать, землянка, у которой потолокъ сдѣланъ изъ брусьевъ въ обхватъ толщины, положенныхъ въ два ряда, одинъ вдоль, другой поперегъ. Такимъ же порядкомъ положено ряда два фашинника, насыпанъ толстый слой земли, еще ряда два фашинъ и наконецъ на сажень или на полторы насыпана земля. Само собою разумѣется, что посреди блиндированной землянки, чтобъ потолокъ не обрушился отъ тяжести, идетъ рядъ колоннъ изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ. Предъ дверьми траверзъ, чтобъ осколки не летѣли въ блиндажъ. Въ такой землянкѣ безопасно. Семи-пудовая бомба не пробиваетъ хорошо устроеннаго блиндажа: размечетъ землю, иногда фашины; накатника же не пробьетъ. Но подъ блиндажами только свободные отъ службы люди: для тѣхъ же, кто на службѣ, у орудій, на работѣ, для носки снарядовъ, другая живая и единственная защита — *сигнальщикъ*. Обыкновенно эту должность исполняетъ молодецъ изъ молодцевъ: матросъ или солдатъ, храбрый, твердый, не ротозѣй, зоркій и опытный глазъ котораго не пропуститъ ни одного непріятельскаго выстрѣла, и въ моментъ его тотчасъ опредѣлитъ: какой снарядъ пущенъ, и, даже приблизительно, упадетъ ли снарядъ на батарею, или пойдетъ искать себѣ жертвъ въ другихъ мѣстахъ. Сигнальщикъ стоитъ на банкетѣ и смотритъ, по преимуществу, за тѣми только непріятельскими орудіями, которыя, онъ знаетъ, сегодня дѣйствуютъ по его батареѣ.

«Пушка-а-а!» протяжно кричитъ сигнальщикъ, и кто не очень занятъ своимъ дѣломъ, прыгнетъ за сосѣдній траверзъ: летитъ ядро.

«Маркела!».... (**) знайте, пущена бомба; но она летитъ тихо, онъ успѣваетъ еще разъ оповѣстить о ней; люди знаютъ это и не трога-

(*) Безъ шутокъ; на дняхъ бомба врѣзалась въ могилу небольшаго кладбища, что въ Аполлоновой Балкѣ, и взбросила покойника на воздухъ.

(**) Другіе кричатъ «*мартына*». Такъ солдаты величаютъ мортиру, вообще всѣ они, вмѣсто бомба, говорятъ *бонба;* вмѣсто граната *гарната;* пропасть такихъ измѣненій.

ются съ мѣста. Днемъ по звуку, ночью по полету сигнальщикъ опредѣляетъ ея направленіе, и если по его разсчету она упадетъ на батарею, онъ кричитъ «бонба» и тогда люди ложатся, спасаясь, отъ осколковъ, а кто успѣетъ, вскочитъ подъ блиндажъ.

«Часто, очень часто сигнальщикъ не доканчиваетъ начатаго возгласа, особенно не всякому удается кончить слово «пушка!» — ядро вѣдь несется стремительно!...

«Тысячи любопытныхъ случаевъ можно подмѣтить, наблюдая за сигнальщиками. Сколько самоотверженія, самаго необыкновеннаго мужества встрѣчаешь въ этихъ людяхъ, рѣшительнаго презрѣнія смерти, насмѣшки надъ ея яростію!...

«На Камчатскомъ редутѣ, нѣсколько дней спустя послѣ начала его постройки, работалъ Камчатскій егерскій полкъ. Перекрестнымъ огнемъ каталъ непріятель по нашимъ работамъ — не нравилось ему новое сосѣдство! Ночью выстрѣлъ за выстрѣломъ, то съ фронта, то съ фланга изъ-за Киленъ-Балки. Сигнальщикъ цѣлую ночь стоялъ безсмѣнно. Взгрустнулось русской душѣ: онъ, оперщись на бруствeръ, затянулъ вполголоса, и тянулъ до самаго разсвѣта, одну изъ тѣхъ родныхъ ему пѣсень, что, по словамъ одного русскаго писателя, *зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце*!

«*Не былы снѣги*.... пѣлъ сигнальщикъ, протягивая всякій слогъ до безконечности, *не былы снѣги-то во полѣ.... пушка-а-а!... забѣлилися.... Мартына!... бонба!... забѣлилися; эхъ, не былы... мартына!... мимо!...* И такъ далѣе цѣлую ночь, но пѣсню эту съ ея вставками, однимъ съ нею тономъ пропѣтыми, подъ разнообразные звуки выстрѣла, ревъ и разрывъ снарядовъ, во всей ея красотѣ, можетъ передать только талантливый музыкантъ. Съ такимъ акомпаниментомъ, при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ она пѣлась, не всякому удастся услышать русскую пѣсню. Къ разсвѣту непріятель участилъ огонь; пѣсня пресѣклась сама собою: сигнальщикъ безпрестанно долженъ былъ кричать:

«— *Бонба! пушка! берегись, граната!* и такъ далѣе.

«— Не части, Михѣичъ! кричали ему товарищи.

«— Съ ноги собьешься! смѣясь подхватывалъ другой.

«На бастіонѣ № 5-й сигнальщикомъ былъ матросъ 33 го Флотскаго Экипажа Иванъ Левко. Безмятежно исполнялъ онъ свою обязанность: проносилась бомба дальше, по направленію къ пѣхотному прикрытію, «*не наша!*» кричалъ Левко, «*армейская!*» и прилегшіе было къ землѣ матросы принимались за свою работу. Какъ-то однажды бомба упала въ амбразуру, у которой стоялъ Левко на банкетѣ... трубка горѣла: «*бережись*, сопе!» закричалъ сигнальщикъ.... еще мгновенье.... По случаю трубка погасла, бомбу не разорвало, «*не ховайсь, померла!*» протянулъ Левко.

«Ежеминутно грозящая опасность такъ пріучила къ себѣ солдатъ, что ихъ мужество дошло до совершеннаго равнодушія. Въ послѣднее время, на возгласы сигнальщика большинство перестало обращать

вниманіе, и теперь только новички ложатся, да прячутся. «Отъ руки Божіей не уйдешь!» говорятъ солдаты, и смѣло смотрятъ въ лицо смерти. Отвага ихъ дошла до страсти, такъ сказать, вступать въ борьбу съ разрывнымъ снарядомъ. Стоитъ только прочесть приказы Главнокомандующаго Крымскою Арміею, чтобъ съ восторгомъ увидѣть, сколько пожаловано знаковъ отличія Военнаго Ордена, за потушеніе непріятельской бомбы, или за то, что выброшена граната, или даже бомба съ батареи! Увлеченіе доходитъ до того, что когда упавшая граната катится нѣкоторое пространство, прыгая и догорая, готова будучи разразиться не въ это, такъ въ слѣдующее мгновеніе, — человѣкъ пять, шесть солдатъ взапуски бѣгутъ, чтобъ догнать ее и вырвать трубку, или другимъ какимъ способомъ потушить снарядъ!...

«На Камчатскомъ редутѣ бомба ударила въ траверзъ, и зарылась въ немъ. Селенгинскаго пѣхотнаго полка рядовой Петръ Петровъ, проносившій мимо мѣшокъ земли, вскочилъ на траверзъ, высыпалъ землю на мѣсто, въ которое зарылась бомба и притопталъ ногою землю, думая погасить трубку.... По необыкновенной милости Господней, его отвага увѣнчалась успѣхомъ — бомба задохлась!...

«Въ темныя ночи французы бросали противъ Селенгинскаго редута брандскугели, и въ то мгновеніе, когда онъ, падая на землю, разбрасываетъ пламя, осыпали освѣщенное имъ пространство градомъ пуль. Въ одну прекрасную ночь видятъ, летитъ зловѣщій фонарь, упалъ, покатился вдоль нашихъ работъ, производившихся вблизи редута; французы пошли строчить!... Охъ, перебьютъ многихъ!... Не долго думавъ, ему на перерѣзъ бросился Макаръ Сидоренко, рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка, догналъ брандскугель, и лишь только онъ успѣлъ остановиться, затушилъ его мѣшкомъ земли!....

«Во время перваго бомбардированія Севастополя, 5-го октября 1854 года, одна изъ множества бомбъ упала близъ толпы солдатъ 24-го Флотскаго Экипажа, прикрывавшаго батарею, устроенную между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Разумѣется, солдаты шарахнулись: кто успѣлъ, упалъ на землю, другіе неподвижно ждали смерти.... мгновеніе было ужасно — бомбовая трубка догорала..,. Матросъ Трофимъ Александровъ бросился къ бомбѣ....

«— *Бережись, бережись*! закричали ему товарищи: — *курица, курица*!... (*).

«Но Александровъ зналъ, что дѣлалъ: схватилъ грязи и залѣпилъ горѣвшую трубку. Она погасла.... Матросъ перекрестился, и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ:

«— *Эхъ вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь*!...

«Въ тотъ же день бомба ворвалась въ казематъ 5-го бастіона; народу тамъ было не мало. Матросъ 43-го Флотскаго Экипажа Григорій Палюкъ не задумался: шапкой почерпнулъ воды, и подскочилъ

(*) Т. е. берегись, курится!

къ бомбѣ, чтобъ залить ее, но она не дождалась — лопнула!... «Пропалъ Палюкъ!» думали всѣ. Ничего не бывало. Поднялся дымъ, матроса увидѣли невредимаго, но только оглушеннаго разрывомъ, стоящаго надъ мѣстомъ взрыва, съ шапкой воды въ рукахъ, съ вытянутымъ лицемъ и разинутымъ ртомъ: «*Ишь, подумаешь, не успѣлъ!*»

— Вотъ еще любопытное письмо изъ Симферополя, въ которомъ описываются подвиги англичанъ и турокъ въ Керчи и Еникале.

3-го іюня 1855 года.

«Пишу вамъ подъ вліяніемъ самыхъ грустныхъ впечатлѣній. Вамъ уже извѣстно, что непріятельская пароходная флотилія, проникнувъ въ Азовское море, и захвативъ нѣсколько каботажныхъ судовъ, подходила было къ Арабату, гдѣ ее удачно отразили, сожгла небольшіе запасы муки и овса въ мѣстечкѣ Геничи, зажгла конгревовыми ракетами нѣсколько домовъ въ мирномъ Таганрогѣ, словомъ, повторила прошлогоднюю исторію, прославившую англичанъ въ Балтійскомъ морѣ. Но, по всей вѣроятности, до васъ не дошли еще слухи о дѣйствіяхъ союзниковъ собственно на сухомъ пути, послѣ занятія Керчи и Еникале. Это весьма печальный разсказъ, который я не могу передать хладнокровно.

«Десантныя войска, состоявшія, какъ говорятъ, изъ пяти тысячъ французовъ, четырехъ тысячъ англичанъ и трехъ тысячъ турокъ, вообще людей малоспособныхъ, частію несовершеннолѣтнихъ, недолго занимали Керчь. Вниманіе ихъ устремлено было на фортъ Еникале, составляющій, какъ извѣстно, ключъ во входу въ Азовское море, и потому они, прогостивъ сутки въ Керчи, оставили тамъ, *для порядка* небольшую военную команду и сильную эскадру въ виду города, а сами перебрались въ Еникале, гдѣ немедленно начали сильно укрѣпляться, успѣвъ въ короткое время выкопать вокругъ занятаго ими мѣста широкій, глубокій ровъ. При этихъ передвиженіяхъ турки, а наравнѣ съ ними и англичане, выказали себя безчеловѣчными варварами. Они врывались въ домы, отнимали у оставшихся жителей деньги, дорогія вещи, оскорбляли женъ и дѣвицъ. Французы слабо слѣдятъ за ихъ поведеніемъ, и потому разбои повторяются ежедневно. При наступленіи дня, цѣлыя партіи турокъ, сопровождаемыя татарами, нарядившимися въ турецкія чалмы, подъ предводительствомъ офицеровъ, выходятъ изъ-за Еникальскаго укрѣпленія, сходятъ съ кораблей, стоящихъ у Керченской пристани, и производятъ самую отчаянную фуражировку. Кромѣ самаго города, всѣ окрестности его, на протяженіе шести и семи верстъ, въ конецъ разграблены. 15-го мая, они неожиданно ворвались на хуторъ Катерлесъ, въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, принадлежащій г. Хамарито, потребовали отъ него денегъ, лошадей и женщинъ. Почтенный помѣщикъ отвѣчалъ, что денегъ у него нѣтъ, что табунъ лошадей онъ угналъ далеко въ степь, а женщины выѣхали въ Симферополь, при первомъ извѣстіи о высадкѣ непріятеля въ Керчи.

«Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, офицеръ, начальствовавшій шайкою разбойниковъ, не щадя сѣдинъ семидесяти-лѣтняго старика, три раза ударилъ его саблею по рукѣ и по плечу, и самъ отправился въ экономію, чтобъ лично осмотрѣть все, тамъ находившееся. Забравшись въ помѣщичій домъ, турки захватили все, что тамъ было, не исключая ничтожныхъ вещей, даже дамскаго гардероба; распороли всѣ подушки, тюфяки, диваны, предполагая найти въ нихъ сокрытыя драгоцѣнности; изрубили въ куски два фортепіана и всю мебель, и окончивши такой подвигъ, отправились въ обратный путь.

«Въ самой Керчи, не столько турки, сколько англичане грабили и опустошали частные домы и жителей самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Пожива для нихъ была богатая, роскошная; въ домахъ найдены были всевозможные продовольственные припасы, мебель, сервизы, зеркала, въ различныхъ магазинахъ красные и бакалейные товары — и непріятель ни чѣмъ не пренебрегъ: въ теченіе двухъ недѣль, варвары, выдающіе себя за людей, проникнутыхъ христіанскою любовью къ ближнему, грузили захваченными вещами свои громадные пароходы, и въ довершеніе всего, по окончаніи нагрузки, ознаменовали себя поступкомъ, достойнымъ временъ Нерона, — зажгли городъ съ двухъ сторонъ. Православныя русскія церкви и старинная греческая церковь сгорѣли: не пощаженъ пламенемъ и католическій костелъ. Одинъ англичанинъ, во время служенія обѣдни, ворвавшись въ греческую церковь, гдѣ было много молящихся, гордо, не снимая фуражки, прошелъ сквозь царскія врата въ алтарь, схватилъ съ налоя оправленный въ серебро и позолоченный образъ, и вынесъ его оттуда, не будучи ни кѣмъ остановленъ, тогда какъ тутъ же въ церкви стояли нѣсколько французовъ, улыбнувшихся при несказанной дерзости англичанина. Очевидцы греки разсказывали мнѣ, что, когда англичанинъ выхватилъ образъ изъ алтаря, между присутствовавшими православными раздался какой-то неестественный, пронзительный крикъ или стонъ, и лица всѣхъ молящихся сдѣлались блѣдны, какъ полотно. Въ этой церкви хранится съ давнихъ поръ явленный образъ Іоанна Крестителя, весьма почитаемый греками.

«У меня нѣтъ силъ разсказать, я не умѣю выразить, что сдѣлали защитники знамени Магомета съ промышленною Керчью и несчастными ея жителями! Еслибъ вы узнали всѣ подробности дѣйствій англичанъ и турокъ (о французахъ я не говорю — тѣ нѣсколько милосерднѣе), нѣтъ, еслибъ вамъ передать только сотую долю ихъ подвиговъ, совершенныхъ въ Керчи и Еникале, вы застонали бы сами, какъ Православные въ греческой церкви; вы не упрекнули бы меня за нерелигіозное желаніе мстить врагамъ, мстить безпощадно, не обвинили бы за то чувство, которое должно проникнуть всю Россію. Я вамъ скажу, что при занятіи Евпаторіи и Балаклавы, въ поступкахъ союзниковъ было сколько нибудь человѣческаго чувства; въ Керчи и Еникале они совсѣмъ измѣнились, сдѣлались похожими на звѣрей, хуже звѣрей, хотѣлъ я сказать, иначе къ чему эта гром-

кая прокламація о неприкосновенности частнаго имущества и о личной безопасности жителей, которую они издали по вступленіи въ Керчь?

«Вчера привели сюда сто сорокъ-пять человѣкъ плѣнныхъ турокъ, французовъ и англичанъ, и въ числѣ ихъ двухъ офицеровъ.

— Заимствуемъ изъ «Морскаго Сборника» очень любопытный отрывокъ изъ донесенія ст. сов. Мансурова о раненыхъ и семействахъ убитыхъ ...

«.... Въ примѣръ вполнѣ отчетливой и безусловной вѣры въ Бога, я могу указать на матроса 35-го флотскаго экипажа, Семена Степанова и жену его. О Степановѣ я уже доносилъ 13-го марта: онъ удивилъ меня основательностью и раціональностью своего разговора; даже форма его рѣчи и выраженія, имъ употребленныя, показали въ немъ рѣдкое натуральное образованіе и утонченность чувствованій, часто невѣдомую нашимъ простолюдинамъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ убѣдительно и сколько разъ онъ уговаривалъ жену свою оставить его въ Севастополѣ, и удалиться отъ опасности; какъ онъ просилъ своего командира силою выпроводить ее отсюда. На всѣ его просьбы жена отвѣчала одно и то же: «что она ни за что его не оставитъ, что ее мучила бы совѣсть, еслибъ она покинула его въ такое время, когда онъ можетъ нуждаться въ ея уходѣ и заботахъ, что она не боится ни ранъ, ни смерти, и рада умереть вмѣстѣ съ нимъ.» На увѣщанія и приказанія командира она отвѣчала преклоненіемъ колѣнъ и слезными просьбами не разлучать ея съ мужемъ, и наконецъ выпросила себѣ эту *милость* Тогда уже Степановъ предалъ себя и жену волѣ Божіей, и доставилъ ей случай ходить за нимъ, когда онъ былъ раненъ на Камчатскомъ люнетѣ.»

— Вотъ еще письмо изъ Севастополя.

«На вопросы твои, мой добрый товарищъ, которыми ты меня такъ часто бомбардируешь, спѣшу отвѣтить однимъ залпомъ: девятый мѣсяцъ идетъ знаменитая оборона г. Севастополя, а дѣла враговъ нашихъ не двигаются; ждали они чудесъ отъ своей бомбарды и ошиблись въ расчетѣ. Тотлебенъ и Ползиковъ, своей беспримѣрной дѣятельностью, построили столько защиты отъ вражескихъ гостинцевъ, что мартовская канонада дешевле октябрской намъ обходится... Нельзя довольно надивиться недостатку духа у господъ союзниковъ: восемь мѣсяцевъ держатъ въ осадѣ городъ, имѣютъ огромныя средства къ нападенію и — что же? во все это время одинъ только разъ въ ночи 11-го февраля, вздумались сами сдѣлать нападеніе, за то и расплатились съ ними по-русски. Два новые редута наши, съ такою быстротою воздвигнутые, дѣйствуютъ отлично и много замедлили весь ходъ осады; одинъ только Камчатскій люнетъ какъ передовой стражъ внѣ линіи укрѣпленія, передъ Корниловскимъ бастіономъ, страдаетъ болѣе другихъ. Особенно памятенъ для насъ останется печальный день 7-го марта, въ который мы лишились одного изъ зна-

менитѣйшихъ защитниковъ Севастополя, контръ-адмирала Истомина. Полгода этотъ доблестный воинъ, какъ часовой безсмѣнный, стоялъ на Малаховомъ курганѣ, — то былъ морякъ, вскормленный въ духѣ русскомъ! Самоотверженіе его было безграничное. Во время первыхъ дней октябрской бомбарды онъ для себя выбиралъ постоянно самыя опасныя мѣста Малахова кургана, и долго полковникъ Полянковъ не могъ уговорить его сдѣлать траверзъ для собственной его защиты. Безстрашіе его возбуждало общій восторгъ и соревнованіе подчиненныхъ: въ душѣ любя солдатъ, онъ дѣлалъ съ ними все, что могъ; бывало гренадеры Бутырскаго полка (которые долѣе прочихъ имѣли честь служить подъ его командою) говорили: «Нашъ адмиралъ какъ будто о семи головахъ, въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ». И подлинно онъ былъ душою всѣхъ насъ, и словомъ, и дѣломъ; умѣлъ передавать геройскій духъ свой всѣмъ его окружающимъ. Говоря объ Истоминѣ нельзя умолчать о дѣятельномъ сотрудникѣ покойнаго, полковникѣ Полянковѣ, который, въ самыя критическія минуты всегда съ свѣтлымъ лицемъ одушевлялъ рабочихъ и, какъ тѣнь Истомина, былъ съ нимъ неразлученъ; его трудамъ и практическому знанію дѣла обязаны много севастопольскія укрѣпленія. 7-го Марта въ десять часовъ утра, Истоминъ, по обыкновенію своему, осмотрѣвъ свою дистанцію, возвращался съ Камчатскаго люнета (въ сюртукѣ и эполетахъ; — солдатской шинели онъ не любилъ, и какъ будто стыдился ее надѣвать для сохраненія себя отъ выстрѣловъ); съ нимъ рядомъ шли Саперный капитанъ Чистяковъ и капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ. Истоминъ шелъ между ними: ядро, брошенное съ французской батареи, ударивъ въ лице Истомина, костями его черепа ранило Чистякова въ високъ и сильно контузило въ руку Сенявина: одна только задняя часть затылка, отлетѣвшая назадъ, осталась отъ головы героя-адмирала; кровію его и мозгами облиты были Чистяковъ и Сенявинъ. Близко видалъ я смерть, и въ разныхъ видахъ, но подобнаго случая не помню ни въ нынѣшней, ни въ прежней кампаніи. Западные хвастуны вѣроятно назовутъ басней, если имъ сказать, что Истоминъ семь мѣсяцевъ какъ часовой, не раздѣваясь, безвыходно хранилъ созданный имъ бастіонъ, по нѣскольку разъ въ день осматривалъ всѣ работы и цѣпь, даже въ секреты днемъ ѣздилъ въ эполетахъ (за что однажды чуть не поплатился жизнью, какъ и всѣ окружавшіе его). Презрѣніе къ смерти было въ немъ развито до фанатизма: когда случалось очевиднымъ для всѣхъ, что выстрѣлы непріятеля принимали вѣрное направленіе, онъ непремѣнно тутъ становился съ трубой въ рукахъ, и ни какія убѣжденія не могли заставить его перемѣнить мѣсто. Много видалъ я людей храбрыхъ въ разныхъ кампаніяхъ, но такая фанатическая храбрость, какъ въ Истоминѣ, есть явленіе рѣдкое и достойное подражанія для всякаго вѣрнаго слуги Царя и Отечества. Миръ праху твоему, герой Истоминъ! Ты былъ украшеніемъ нашего флота, имя твое съ благоговѣніемъ будутъ произносить потомки, и исторія Севастополя поставитъ

тебя въ число именитыхъ защитниковъ его. — Съ 15-го января осажденный городъ ожилъ новою жизнію — возвратились къ намъ Царскіе Дѣти и съ ними многочисленная свита Съ тѣхъ поръ присутствіе Ихъ мы считали необходимымъ, каждый изъ насъ какъ будто помолодѣлъ. Бутырскому полку на этотъ разъ Богъ даровалъ особенное счастіе быть подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Его Высочества генералъ-инженера и трудиться предъ Его глазами при произведеніи укрѣпленія сѣверной стороны Севастополя. Я не умѣю выразить, до какой степени Великій Князь, Своимъ привѣтливымъ словомъ и милостивымъ вниманіемъ къ полку, успѣлъ, въ самое короткое время, обворожить насъ; одно слово, одинъ взглядъ, и мы готовы бы кажется аттаковать не только весь союзный лагерь, но даже и корабли, такъ дерзко плавающіе предъ городомъ. Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнные для насъ дни какъ сонъ миновались. 18-го Февраля Великіе Князья были отозваны въ Петербургъ. — Съ тѣхъ поръ была для насъ еще отрадная минута — пріѣздъ новаго главнокомандующаго князя Горчакова; сильнымъ словомъ привѣтствовалъ онъ войска, благодарилъ отъ имени Царя за службу, объявилъ о новыхъ войскахъ къ намъ идущихъ на помощь, и закипѣло сердце русское, молодецкое, святымъ огнемъ ревности къ новымъ подвигамъ, во славу русскаго имени, и не только восемь, а восемьдесятъ мѣсяцевъ готовы мы также пламенно и радостно итти, куда прикажутъ, не разбирая ни числа, ни цвѣта разноплеменныхъ враговъ Россіи. Напрасно гг. французы пожаловали насъ фанатиками (въ газетѣ l'Indépendence Belge въ концѣ ноября) за вылазку 24-го октября; не фанатики мы, а безотвѣтные исполнители власти, надъ нами поставленной. Вѣра укрѣпляетъ духъ нашъ, но не затмѣваетъ разсудка. Русскій солдатъ все тотъ же, каковъ былъ на Сенъ-Готардѣ съ Суворовымъ; даже, смѣю сказать, подъ Севастополемъ въ немъ больше пламени — ему отраднѣе отстаивать родную землю, чѣмъ сражаться за владѣнія Императора Австрійскаго.— Теперь мы стоимъ близъ Черной рѣчки, изъ которой непріятель безнаказанно бралъ воду, но съ прибытіемъ нашихъ штуцерныхъ это ему не дешево обходится; перестрѣлки ежедневныя, и наши молодцы до такой степени привыкли быть вблизи непріятеля, что даже среди бѣлаго дня, скуки ради, играютъ въ носки. Тебѣ, какъ мирному гражданину, это покажется невѣроятнымъ, но этотъ случай извѣстенъ и начальству, а штуцерные получили награду. Могу еще тебѣ прибавить и другой примѣръ самоотверженія, одному только русскому духу доступный: трое нашихъ (*) штуцерныхъ, лежавшіе за камнями въ изгибѣ Черной рѣчки, замѣтили, что два француза спустились къ колодцу въ самую долину, и стали черпать воду; наши штуцерные стали стрѣлять; французы, кинувъ все, что имѣли въ рукахъ, замахали платками и бросились бѣжать къ Черной рѣчкѣ, съ видимымъ желаніемъ сдаться. Тогда вся французская цѣпь, ле-

(*) Бутырскаго полка.

жавшая въ завалахъ, открыла по нимъ огонь; но бѣгущіе, достигнувъ Черной рѣчки, бросились вплавь. Французъ переплылъ скоро, но бѣжавшій за нимъ Арабъ, не умѣя плавать, началъ тонуть; казалось бы, пускай утонетъ — однимъ меньше; но нѣтъ, гренадеръ Ѳеровъ кидается въ рѣку одѣтый, и какъ теченіе въ томъ мѣстѣ очень быстрое, то волною уноситъ ихъ обоихъ; тогда выскакиваетъ другой штуцерный Чуриновъ, и бросившись имъ на помощь, не взирая на усиленный огонь непріятельской цѣпи, спасаетъ обоихъ и приводитъ въ лагерь. Богъ невидимо хранилъ это высокое самоотверженіе: никто не раненъ, ни спасаемые, ни спасавшіе, всѣ цѣлы, и еслибъ ты видѣлъ, какъ эти герои разсказывали свой поступокъ начальству, какъ мало цѣнили они свое великодушіе, ты порадовался бы духу русскаго солдата и великому его смиренію, въ такія минуты, когда онъ говоритъ о подвигѣ, безсознательно имъ совершенномъ, и даже не понимаетъ что иначе можно сдѣлать. Пожалуй, и этотъ случай назовутъ фанатизмомъ....

Севастополь, 3-го мая.

«Благотворный дождь, шедшій безпрерывно съ 27-го по 30-е апрѣля, оживилъ все. Крымская природа пробудилась въ полномъ блескѣ. Весна вступила въ свои права и развилась во всей своей красотѣ; небо надъ нами чистое, голубое; на немъ блещетъ южное солнце; окрестные поля и луга покрыты зеленью. Жители Севастополя, конечно лишены теперь удовольствія наслаждаться природой въ садахъ и лугахъ, занятыхъ непріятелемъ, и довольствуются небольшимъ бульваромъ, находящимися у памятника Казарскому. Тамъ мы собираемся по вечерамъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ, посмотрѣть на море, усѣянное множествомъ военныхъ кораблей и пароходовъ трехъ союзныхъ флотовъ, на траншейную штуцерную перестрѣлку противъ третьяго бастіона, или Малахова Кургана, на непріятельскій лагерь съ его бараками, баттареями, редутами, траншеями и ложементами, а иногда и на маневры, при чемъ слышна и музыка. На нашемъ бульварѣ нѣтъ ничего особеннаго; онъ расположенъ на горѣ, на немъ нѣсколько десятковъ деревъ и небольшая, красивая бесѣдка, которая обращена теперь въ телеграфъ; цвѣтовъ нѣтъ. Вмѣсто запаха цвѣтовъ мы нюхаемъ запахъ пороха, вмѣсто пѣнія птицъ, мы слышимъ неумолкаемые пушечные выстрѣлы, свистъ ядеръ, трескъ бомбъ и гранатъ и адскій шумъ громадныхъ конгревовыхъ ракетъ. Птицы такъ перепуганы этимъ шумомъ и трескотнею, что летаютъ во всѣ стороны какъ шальныя, и вы рѣдко увидите или услышите гдѣ нибудь поющаго скворца. Вечеромъ, когда смеркнется, у насъ начинается зрѣлище другаго рода: я говорю о бомбахъ, описывающихъ въ воздухѣ свои блестящія параболы, и о безпрестанныхъ проблескахъ пушечныхъ выстрѣловъ, извергающихъ смерть. Но не подумайте, чтобъ городъ нашъ былъ пустъ; въ немъ вы еще найдете много жителей, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, у которыхъ домы совершенно

разбиты; на Екатерининской улицѣ вы встрѣтите и дамъ и дѣвицъ; онѣ заходятъ въ лавки и магазины и дѣлаютъ покупки; иныя выходятъ съ дѣтьми. Мнѣ на дняхъ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующей дѣтской выходки. Малютка, дѣвочка лѣтъ девяти, услышавъ трескъ бомбы, разразившейся въ воздухѣ надъ головами проходящихъ, остановилась и, указывая вверхъ пальчикомъ, сказала матери:

«— Маменька, маменька, посмотри, вонъ розорвало бомбочку!

«— Ну, иди, иди, а то еще тебя осколкомъ ушибетъ.

«— Да, какъ же! — смѣетъ!»

«Что мы уже привыкли къ пушечнымъ выстрѣламъ, ядрамъ и бомбамъ — противъ этого не можетъ быть возраженія: но еслибъ кто нибудь не изъ Севастопольцевъ могъ, перенесясь къ намъ изъ безопаснаго мѣста, посмотрѣть, что происходитъ надъ нашимъ городомъ, онъ бы ужаснулся и потерялся, а мы, съ помощью Божіею, переносимъ все и донынѣ живы. Если скажу, что всякая женщина, живущая въ Севастополѣ, можетъ быть храбрымъ воиномъ въ любомъ сраженіи, я не солгу. И вотъ доказательство, которому я самъ былъ свидѣтелемъ. Для убѣжденія въ достовѣрности моего разсказа, называю по именамъ всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ. На второй день Пасхи, 28-го марта, когда непріятель съ разсвѣтомъ открылъ адскій огонь по бастіонамъ и по городу, когда ядра, бомбы, гранаты и конгревовы ракеты сыпались градомъ, я вышелъ изъ дому, и съ большою опасностью прошелъ на Екатерининскую Улицу, къ Севастопольскому купцу Секерену. Это было въ девять часовъ утра; я его засталъ за чаемъ, и мы разговорились. Во время нашего разговора входитъ въ комнату его кухарка, женщина лѣтъ 45-ти, жена матроса 30-го Флотскаго Экипажа Марка Леонтьева Маргунова, Варвара Иванова, мужъ, которой находился на четвертомъ бастіонѣ.

«— Ну, баринъ, говоритъ она хозяину: — я вамъ уже все состряпала, вамъ подадутъ и безъ меня обѣдать, а мнѣ позвольте сходить къ мужу на бастіонъ.»

«— Что ты, матушка, теперь на бастіонъ! да посмотри, что дѣлается на дворѣ: — съ трудомъ можно пройти по улицамъ, а ты хочешь итти на бастіонъ; обожди немного, вотъ завтра или послѣ завтра, когда поутихнетъ, тогда и пойдешь.

«— Вотъ еще ждать, когда утихнетъ! Пожалуй, они, окаянные нехристи, будутъ стрѣлять цѣлую недѣлю, а мужа моего, можетъ, убьютъ, и я не увижу его. Я ему приготовила пасху и десятокъ яицъ, понесу ему и похристосуюсь съ нимъ; я его вчера ждала, да видно ему нельзя было прійти, служба Царская.

«— Да, вѣдь тебя могутъ убить или ранить.

«— И, батюшка, если суждено быть убитой, то и дома убьетъ; я помолюсь Богу и пойду себѣ потихоньку. А если и убьетъ, то вы меня такъ не бросте, а похороните по-христіански.»

«— Ну, Богъ съ тобою, благослови тебя Господь!»

«И она пошла, посреди страшнаго дождя пуль, ядеръ и бомбъ, отыскала своего мужа, похристосовалась съ нимъ, отдала ему пасху, и благополучно возвратилась домой. Нужно еще замѣтить, что въ этотъ день, какъ и всегда, былъ обращенъ на 4-й бастіонъ самый усиленный огонь непріятеля. Подобные случаи отважности у насъ не рѣдки. Жены, часто, посреди сильнаго огня, приносятъ своимъ мужьямъ на бастіоны обѣдать, и возвращаются благополучно домой. Вотъ духъ русскаго народа! Вотъ тайна нашей стойкости, непонятная чужеземцамъ! Но за то они обладаютъ другими преимуществами: они, какъ видно изъ газетъ, изобрѣли уже столько чудныхъ военныхъ секретовъ, что и счета нѣтъ. Они, напримѣръ, увѣряютъ, что изобрѣли средство разрушать въ нѣсколько часовъ цитадели, гавани и цѣлые города; изобрѣли маякъ, такого рода, который въ одно и то же время освѣщаетъ всѣ работы и движенія непріятеля и скрываетъ всѣ дѣйствія своихъ; изобрѣли средство, которымъ можно произвести временную слѣпоту въ непріятельскомъ гарнизонѣ. Всѣ эти секреты увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ при опытахъ во Франціи и Англіи, но только — странное дѣло — не оказываютъ никакого дѣйствія у Севастополя: ужь такой, право, «нецивилизованный» городъ, не слушается никакихъ усовершенствованій. А между тѣмъ, наши «нецивилизованные» воины безъ помощи всякихъ секретовъ и маяковъ, ясно видятъ въ темныя ночи всѣ непріятельскія работы и движенія, не даютъ ему ни на шагъ взять надъ собой перевѣса и, не наводя слѣпоты на непріятельскій гарнизонъ, дѣлаютъ удачныя вылазки, и забираютъ въ глазахъ у нихъ штуцера и плѣнныхъ, межъ которыми, порой, и самого камандира баттареи. Вотъ секретъ, котораго союзники, кажется, еще не открыли. Обнародованіе же о ихъ пресловутыхъ изобрѣтеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы сказали, не напоминаетъ ли китайцевъ, когда они, желая устрашить «необразованнаго» врага, во время сраженія выносятъ впередъ огромный щитъ, на которомъ намалеваны страшныя чудовища. Пусть ихъ тѣшатся этимъ дешевымъ утѣшеніемъ, за неимѣніемъ лучшаго.

— Всѣмъ извѣстно, какую благотворительную пользу принесли въ Крыму сестры Крестовоздвиженской общины, которыя неутомимо, денно и нощно, ухаживаютъ за ранеными. Высокая мысль послать сестеръ милосердія на мѣсто военныхъ дѣйствій, такъ быстро приведенная въ исполненіе, была причиною, можно сказать навѣрное, что не одна сотня страдальцевъ осталась въ живыхъ, чего не случилось бы безъ этой мѣры. Кромѣ необыкновеннаго усердія и умѣнья ухаживать за больными, сестры милосердія однимъ своимъ появленіемъ въ госпитальныхъ палатахъ производятъ уже отрадное впечатлѣніе. Самые тяжело раненые, претерпѣвающіе жестокую боль, видя лицо сестры, исполненное кротости и сострадавія, словно забываютъ свои муки и просятъ сестеръ разговаривать съ ними.

Въ настоящее время находятся въ Крыму 98 сестеръ Крестовоздвиженской общины. Письма нѣкоторыхъ чрезвычайно любопытны.

Мы сдѣлаемъ изъ нихъ краткія извлеченія, ибо они уже были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

— «Съ 10-го на 11-е число марта, пишетъ одна изъ сестеръ, у насъ была сильная пальба; въ ночь принесли 45 раненыхъ. Сестра Г., мать Серафима (*), и еще три сестры были на дежурствѣ съ полуночи до одиннадцати часовъ утра; онѣ помогали докторамъ и были облиты кровью отъ многихъ и трудныхъ ампутацій. Генералъ-штабъ-докторъ самъ приходилъ меня благодарить за сестеръ, удивляясь ихъ усердію. На 12-е число я сама, мать Серафима и еще три сестры ходили на дежурство; съ двухъ часовъ ночи насъ позвали: было принесено 25 человѣкъ раненыхъ. Я не могу описать этой ужасной картины, этого раздирающаго сердце стона и крика. Вся операціонная комната была уложена этими страдальцами; весь полъ былъ залитъ кровью, и мы стояли въ крови.... У кого ноги нѣтъ, кто безъ руки, у инаго голова раздроблена, но онъ еще живъ и проситъ помощи; у одного лице было сорвано ядромъ, и онъ жилъ нѣсколько часовъ. Мы были такъ заняты и увлечены, что не обращали вниманія на сильную бомбардировку, отъ которой всѣ зданія дрожали. Нѣсколько бомбъ разорвалось надъ нашими бараками; но, по милости Божіей, никого не ранило. Хирургъ Райскій неутомимо работаетъ съ прочими медиками. — Эти четыре дня, съ 10-го числа, сестры безъ сна и отдыха были при операціяхъ. Обязанность сестеръ поить раненыхъ чаемъ, какъ скоро ихъ принесутъ, ставить рожки, помогать при операціяхъ; однимъ словомъ, теперь безъ сестеръ ни одна операція не можетъ обойтись, и всѣ доктора имѣютъ къ нимъ большое уваженіе. 12-го марта намъ разомъ было прислано 400 раненыхъ и болѣе чѣмъ на половину очень трудныхъ; у насъ не было мѣстъ, и ихъ всѣхъ положили въ палатки. Вотъ была суета! мы всѣ бѣгали, доктора всѣ были заняты своими палатами; одинъ почтеннѣйшій старичекъ нашъ, Гатунинъ, съ сестрами, съ трехъ часовъ послѣ обѣда до одиннадцати часовъ ночи перевязывалъ и помогалъ больнымъ. Тутъ сестры трудились съ самоотверженіемъ, перевязывая раны защитниковъ Севастополя. Того же дня къ вечеру еще привели 200 человѣкъ, и мы ночью поили ихъ чаемъ; надо было видѣть эту суету, всѣ на ногахъ! Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ пришли подводы, и нѣсколько сотъ раненыхъ было отправлено; въ палаткахъ все еще есть раненые, но не очень трудные. Въ числѣ этихъ раненыхъ есть двадцать два француза и три англичанина. Нѣкоторые изъ нихъ очень тяжело ранены, и трое уже умерли. Одинъ получилъ четырнадцать ранъ штыкомъ; лице его проколото такимъ образомъ, что языкъ отрѣзанъ, и этотъ страдалецъ живъ; онъ ничего не можетъ ѣсть, кромѣ крѣпкаго бульона; его поятъ съ трудомъ. Когда мы навѣщаемъ его, онъ начинаетъ говорить, но никто не понимаетъ

(*) Инокиня Тверскаго Рожественскаго Новодѣвичьяго монастыря, находящагося близъ самой Твери при рѣкѣ Тмакѣ.

его едва слышнаго мычанья. Плѣнные въ восторгѣ отъ того, какъ ихъ русскіе содержатъ, и уже нѣсколько писемъ писали въ свой лагерь, говоря, что за ними ухаживаютъ добрые сестры милосердія, и что они считаютъ себя счастливыми. Я имъ предложила на выборъ чай и бульонъ съ бѣлымъ хлѣбомъ; они предпочли бульонъ и чрезвычайно этимъ довольны. Даю имъ также табакъ и бумажки для папиросъ: беспредѣльно благодарятъ, и когда входимъ въ палатку, каждый насъ привѣтствуетъ. О своихъ не говорю—они насъ величаютъ всевозможными именами. Въ палатѣ больныхъ грековъ недавно умеръ греческій офицеръ отъ тифуса; больно было видѣть его страданія. Однажды я провела много часовъ у его кровати; у него много дѣтей, и онъ мнѣ поручилъ просить ихъ начальника, князя Мурузи, о своемъ семействѣ. Ему очень не хотѣлось умирать; но, пріобщившись Св. Тайнъ, онъ былъ совершенно покоенъ, и все спрашивалъ у меня, скоро ли онъ умретъ. Этотъ офицеръ не молодыхъ лѣтъ, прекрасно говорилъ по французски и, видно, былъ очень хорошо образованъ; какъ мы старались ему помочь, но не могли. Я еще не имѣла случая видѣть его начальника, и не могла передать послѣднія слова этого страдальца. У насъ былъ плѣнный французскій капитанъ де-Брессu, раненый съ 10 го на 11-е число. У него были ужасныя раны: нога раздроблена, рука отрѣзана, грудь ранена штыкомъ, голова разрублена сабельнымъ ударомъ, и въ добавокъ весь избитъ прикладами. Онъ жилъ шесть дней, и надо было удивляться борьбѣ его со смертью; онъ былъ чрезвычайно силенъ и здороваго сложенія, его положили въ отдѣльной комнатѣ, и за нимъ наблюдала мать Серафима; все было исполнено по приказаніямъ доктора, и какъ было жаль, когда доктора сказали, что ему остается не много жить; въ послѣднее утро я пришла къ нему за часъ до его смерти; онъ протянулъ ко мнѣ руку, спросилъ, какъ мое здоровье, и замѣтилъ, что я блѣдна; я едва могла отвѣчать ему, и тотчасъ ушла. Мать Серафима оставалась при немъ до его кончины. Сегодня его хоронили, и нашъ русскій священникъ отпѣвалъ его; сдѣлали ему черный гробъ, и я съ двумя сестрами и мать Серафима проводили на кладбище; грустно стало на душѣ при видѣ этого осиротѣлаго гроба; я вспомнила, какія онъ письма диктовалъ одному французскому офицеру къ своей женѣ, матери и сестрѣ. Я оставалась пока совсѣмъ зарыли могилу. Крестъ Почетнаго Легіона и нѣсколько брелоковъ, которые онъ сохранилъ, отосланы во французскій лагерь. — Сестра Б.... у меня дежуритъ при одномъ тяжело раненомъ полковомъ командирѣ Днѣпровскаго полка, полковникѣ Радомскомъ; князь Васильчиковъ просилъ доставить Радомскому особенное попеченіе, и я поручила его своей сестрѣ; ея вниманіемъ полковникъ очень доволенъ. На дняхъ я ѣздила на южную сторону, и на возвратномъ пути возлѣ нашего катера, шагахъ въ двадцати пяти, упало ядро; свистъ и грохотъ такъ оглушилъ меня, что я два дня чувствовала какую-то дурноту въ головѣ и шумъ въ правомъ ухѣ. Теперь я начинаю разбирать тюки съ бѣльемъ, и раздаю его многимъ

бѣднымъ офицерамъ, юнкерамъ, солдатамъ и волонтерамъ греческимъ; плѣнныхъ также не забываю, за что всѣ они безпредѣльно благодарны, и возсылаютъ искреннія молитвы о нашей Высокой Покровительницѣ. — По приказанію профессора Пирогова, я посѣщаю два раза въ день офицерскія палаты и спрашиваю больныхъ объ ихъ нуждахъ; по предписанію доктора, имъ выдается бульонъ, компотъ изъ сухихъ фруктовъ, саго на винѣ, полбутылки краснаго южно-бережнаго хорошаго вина, супъ изъ курицы и миндальное молоко, все это дается, смотря по болѣзни; даютъ имъ также по два фунта сахару, и четверть фунта чаю на десять дней, по назначенію профессора Пирогова.»

Доказательствомъ высокаго христіанскаго чувства, которымъ проникнуты всѣ благочестивыя сестры, можетъ служить слѣдующая выписка изъ письма начальницы Общины, г. С.... отъ 24-го марта:

«Въ четвертокъ на ночь, къ Двѣнадцати Евангеліямъ, я опять отправилась въ Александровскія казармы; всѣ сестры уже ожидали меня; едва мы напились чаю, какъ прислали сказать намъ, что началась служба. Служба совершается въ огромной комнатѣ, гдѣ стоитъ нѣсколько образовъ изъ разбитой церкви, налой съ Евангеліемъ, два большіе подсвѣчника съ сотнями мелкихъ свѣчей, затепленныхъ усердіемъ храбрыхъ воиновъ, страдальцевъ раненыхъ и изнуряющихся внутренними болѣзнями. Службу совершалъ іеромонахъ со флота; во время чтенія Двѣнадцати Евангелій была такая сильная бомбардировка со стороны непріятелей, что залпы и свистъ ядеръ, бомбъ и длинноxвостыхъ ракетъ буквально оглушали; я очень часто смотрѣла что съ моими сестрами дѣлается. Онѣ были совершенно покойны, и одна усердная молитва отражалась на ихъ лицахъ. По окончаніи всенощной, мы отправились на покой, и всѣ такъ устали, что, не обращая вниманія на громъ пушечныхъ залповъ, заснули прекрѣпко; не спали только дежурныя сестры. — Въ пятницу утромъ, ко мнѣ прислалъ генералъ Анненковъ своего адъютанта спросить, когда онъ можетъ видѣть меня, и сказать, что онъ уже нѣсколько дней искалъ меня, но я, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, съ нимъ не встрѣчалась. Я съ этимъ же адъютантомъ сѣла въ катеръ и отправилась на Сѣверную. Генералъ-Адъютантъ Анненковъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ, спросилъ о госпиталяхъ, и пожелалъ знать, въ чемъ главныя надобности наши; я ему передала, что всего нужнѣе имѣть большой запасъ сахару и еще кое-какія необходимыя мелочи; онъ далъ слово исполнить все по возможности. Онъ премного благодарилъ меня за сестеръ и говорилъ, что всѣ солдаты очень довольны ими, что ихъ дежурства вездѣ приносятъ пользу. — Въ пятницу я была у обѣдни, потомъ опять на ночь возвратилась въ Александровскія казармы, гдѣ меня встрѣтили всѣ съ восторгомъ и радостными криками: каждая сестра выражала свое горе, полагая, что я къ нимъ не пріѣду. Пошли всевозможныя разсказы о своихъ дѣяніяхъ цѣлаго дня: я выслушала ихъ съ любовью, разцѣловала каждую и напомнила, что спать пора.

Мать Серафима мнѣ передала приглашеніе отъ отца Серафима, присутствовать при погребеніи плащаницы на Малаховомъ курганѣ (нынѣ Корниловомъ), гдѣ служба совершается въ блиндажѣ. Я приняла это приглашеніе съ радостью, и въ шесть съ половиною часовъ утра была готова съ матерью Серафимою. Отецъ Серафимъ ожидалъ насъ на лѣстницѣ. Мы всѣ перекрестились и отправились; онъ былъ нашимъ вожатымъ; благополучно взойдя на гору, вошли внутрь этого укрѣпленія (выстрѣлы не умолкали ни на минуту); моимъ глазамъ представилось огромное укрѣпленіе, которое можно назвать цѣлою крѣпостью. Всѣ матросы и солдаты были уже на работѣ; мы подходили ко многимъ канавамъ, гдѣ они, какъ муравьи, усердно работали и рыли землю. Многіе изъ нихъ усердно просили благословенія у добраго отца Серафима. Разными извилинами мы дошли до разбитой башни, гдѣ была квартира храбраго адмирала Корнилова. Здѣсь же и блиндажъ, въ которомъ живутъ матросы и совершается служба: это длинное зданіе въ землѣ, ходъ очень низкій, надо нагибаться, чтобъ войти въ это земляное зданіе; мы почти ползкомъ вошли въ темный, длинный корридоръ съ колоннадой дубовыхъ столбовъ по обѣимъ сторонамъ. Нѣсколько секундъ я ничего не видѣла въ этой комнатѣ; меня подвели къ образамъ и плащаницѣ, освѣщенной свѣчами; хоръ пѣвчихъ спѣвался, и довольно хорошіе голоса согласно пѣли «Слава въ вышнихъ Богу.» Я помолилась и отъ усталости присѣла на какой-то ящикъ, — нѣсколько минутъ я была въ какомъ-то странномъ положеніи, не отъ страха, а отъ чувства состраданія къ окружающимъ меня; чувство благоговѣнія наполняло мою душу при видѣ плащаницы, Евангелія въ богатой оправѣ, престольнаго креста и образа Святителя Николая въ кіотѣ, образа Божіей матери, печатнаго на бумагѣ: все это было освѣщено нѣсколькими свѣчами. — Этотъ длинный корридоръ мнѣ живо напомнилъ Кіевскія Пещеры, и я, глядя на всѣхъ молящихся, думала: сколько между ими есть праведниковъ и святыхъ мучениковъ, искупившихъ кровію свои прегрѣшенія! Вся эта картина навела на меня грустныя, тяжелыя и безотчетныя думы. Мои размышленія были прерваны начатіемъ заутрени; я встала съ своего ящика и стала на указанное мѣсто. Солдаты и матросы наполняли блиндажъ; каждый входилъ съ благоговѣніемъ; горячая и усердная мольба отражалась на всѣхъ лицахъ. Царствовала глубокая тишина. Службу совершалъ отецъ Серафимъ.—Мы молились и молились усердно; неумолчная стрѣльба не развлекала нашего вниманія. Отецъ Серафимъ спросилъ у капитана Ю.... можно ли съ плащаницею идти кругомъ, онъ разрѣшилъ, и мы, подъ тихое пѣніе молитвы «Святый Боже», вышли изъ блиндажа со свѣчами въ рукахъ; въ это время раздался выстрѣлъ и надъ нами со свистомъ пролетѣло ядро. Но мы спокойно продолжали шествіе, обошли одну сторону и вошли въ блиндажъ. Заутреня кончилась; эти минуты не повторяются дважды въ жизни человѣка, и подобная способность молиться бываетъ не у каждаго въ душѣ.»

— Описывая жизнь свою въ Севастополѣ, сестра П... говоритъ: «Въ среду я дежурила; въ этотъ день вечеромъ была сильная пальба; огни такъ и сверкали, такъ и раздавались удары; но раненыхъ относили намъ, и ночь для насъ прошла спокойно. Въ четвертокъ мы хоронили одну изъ сестеръ; здѣшній протоіерей, Веніаминъ, и нашъ монахъ отпѣвали ее. День былъ чудный и теплый, какъ лѣтомъ. Невозможно представить себѣ, какое грустное впечатлѣніе производило погребальное пѣніе, которому вторили выстрѣлы и звонъ колокола. На разсвѣтѣ въ пятницу, меня разбудили извѣстіемъ, что ночью была вылазка, что принесли семьдесятъ раненыхъ, и что докторъ Тарасовъ проситъ меня прислать одну изъ сестеръ въ домъ Благороднаго собранія. Я тотчасъ отправилась туда. Представьте себѣ прекрасныя двери краснаго дерева, залу высокую и просторную бѣлаго мрамора, съ пилястрами розоваго мрамора, паркетный полъ, и на немъ около ста зеленыхъ кроватей съ сѣрыми одѣялами и при нихъ зеленые столики. По одну сторону залы большая операціонная комната и за ней двѣ большія комнаты и вездѣ койки. По другую сторону также двѣ комнаты, оклеенныя прекрасными обоями. Воздухъ вездѣ чистый. Въ одно это утро было одиннадцать ампутацій. Ночью, благодаря Бога, все было спокойно. Въ субботу, обойдя больницы, я оставалась дома и писала счеты за февраль. Въ воскресенье, едва пришла на дежурство въ домъ собранія, нашъ докторъ Тарасовъ объявилъ, что князь Васильчиковъ прислалъ предварить, что будетъ дѣло, и чтобъ у насъ все было готово для принятія раненыхъ. Вотъ собралось восемь докторовъ и шесть фельдшеровъ, пришли ко мнѣ еще сестры. Мы то сучили лигатурный шелкъ, то рѣзали и катали бинты. Я хлопотала, чтобъ была теплая вода, готовый самоваръ поить раненыхъ чаемъ и пр. Очень часто имъ даютъ чай съ виномъ или водкой, чтобъ возбудить пульсъ прежде принятія хлороформа. Вотъ, въ одиннадцатомъ часу, началась пальба, и стали растворяться настежь парадныя двери, и вотъ то трое, то двое носилокъ, то ведутъ подъ руки раненаго. Доктора осматриваютъ страдальцевъ и при затруднительномъ случаѣ зовутъ другъ друга на совѣщаніе. Раздаются слова: «Этого на Николаевскую баттарею (значитъ легко раненъ); этого въ Гущина домъ (значитъ безъ всякой надежды); этого оставить здѣсь (значитъ нужна ампутація или экзартикуляція или резекція). Ночь началась страшная, но благодаря Бога, было только пятьдесятъ раненыхъ.» — Въ другомъ мѣстѣ, описывая Севастополь, та же сестра говоритъ: «Вчера былъ торговый день, и я ходила на рынокъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ это былъ осажденный городъ. Въ лавкахъ—и посуда и хрусталь. На улицахъ сидятъ женщины и торгуютъ мелочью. На рынкѣ толпа народа. Солдаты покупаютъ табакъ и сельди, а между солдатами и греки въ ихъ живописномъ костюмѣ. Они одѣваются въ бѣлыя юпочки со множествомъ складокъ; это очень красиво.»

«Сестра С.... пишетъ отъ 1-го апрѣля: «Разскажу вамъ теперь о моемъ путешествіи и о подвигахъ моихъ добрыхъ сотрудницъ.

Мы встрѣтили первый день праздника на Малаховомъ курганѣ въ Александровскихъ казармахъ. На второй день праздника началась такая бомбардировка, что страхъ; истинно, ужасная была канонада, всѣ выстрѣлы были обращены на Малаховъ курганъ, на 3-й и 4-й бастіоны. Утромъ, когда я отослала къ вамъ письмо, погода была очень дурная, дождь лилъ ливмя, вѣтеръ валилъ съ ногъ, выстрѣлы оглушали; я была въ ужасной тревогѣ, чтобъ сестры на Александровскомъ укрѣпленіи съ испуга не разбѣжались куда ни попало; взявъ съ собою мать С..., я бросилась на набережную — нѣтъ ни одного катера: грязь такая вязкая, что ногъ нельзя вытащить; мы возвратились домой. Тутъ привезли молодую даму, перепуганную и промоченную дождемъ до костей. Я ее приняла, одѣла въ сухое платье и отогрѣла. Надобно было видѣть, что за бѣготня была у насъ въ эту минуту; точно въ котлѣ кипѣло! Но ни одна сестра не оробѣла и не испугалась. — Къ намъ, на сѣверную сторону, начали бросать бомбы, которыя разрывало, и сестра А.... принесла еще горячій осколокъ мнѣ на показъ; но Богъ помиловалъ: ни кого не убило. Я не могла успокоиться: простилась со всѣми сестрами, поручила моей добрѣйшей и усерднѣйшей помощницѣ Г... всѣхъ и все и, помолясь Богу, опять побѣжала съ матерью С.... на пристань; къ счастію, встрѣтила нашихъ матросовъ, и мы отправились на Александровскую. Какъ вамъ описать это ужасное зрѣлище? Я не боялась, но мнѣ жаль было нашихъ добрыхъ матросовъ гребцовъ. «Что, друзья мои, не боитесь?» спросила я ихъ. «Матушка, рады стараться!» отвѣчали они. Мы отвалили отъ берега. Вѣтеръ былъ сильный и противный. Переправа наша длилась цѣлый часъ, и когда мы стали приближаться къ горѣ, насъ осыпали ядра. Мы не могли пристать къ обыкновенной нашей пристани, а заѣхали въ доки, и потомъ пустились съ С.... бѣгомъ по набережной впередъ, а за нами матросы съ тюками корпіи и бинтовъ. Крутая гора сдѣлалась такой скользкой отъ дождя, что мы едва вскарабкались, а ядра возлѣ насъ такъ и ударялись въ гору. Это мѣсто бухты кипѣло отъ ядеръ и бомбъ. Надо было видѣть эту картину! Когда ихъ нѣсколько упадетъ разомъ, отъ паденія образуется высокій водяной столбъ, который потомъ разсыпается какъ фонтанъ. Я по неволѣ любовалась этимъ видомъ, когда, выбившись изъ силъ, не могла итти впередъ, и отдыхала на горѣ, но страха и тѣни не было; я смѣялась еще съ матросомъ, который меня велъ подъ руку. Наконецъ мы взобрались на гору, и я опять пустилась бѣгомъ въ операціонную комнату, гдѣ меня встрѣтили главный докторъ Загорянскій, старшій операторъ Павловскій, профессоръ Гюббенетъ и еще нѣсколько медиковъ; всѣ они съ ужасомъ смотрѣли на меня, и не могли понять, какъ я могла пройти такое опасное мѣсто. Тутъ же нашла я и дежурную сестру, милую и усердную труженицу Б..., за которую меня всѣ доктора благодарили. Оттуда я пошла прямо къ сестрамъ во флигель, и нашла только одну сестру, хозяйку Б..., а всѣ прочія были на службѣ.

Вижу — на столѣ ядро. Меня удивило, откуда оно? Сестра Б... сказала мнѣ, что оно катилось вслѣдъ за сестрой Г..., которая, немного обождавъ, велѣла служителю принести его къ нимъ въ комнату. Всѣ сестры собрались въ одиннадцать часовъ; онѣ были обрадованы моимъ пріѣздомъ, и безпокоились, чтобъ я не заболѣла. Дѣйствительно, мы были промочены насквозь, а я еще была въ шубѣ! У меня сдѣлалась маленькая лихорадка; я напилась чаю съ виномъ, согрѣлась, крѣпко заснула подъ грохотъ орудій, и черезъ часъ была опять здорова и пошла по всѣмъ палатамъ. Потомъ, въ часъ мы всѣ обѣдали за однимъ столомъ, а въ девять прекрѣпко спали. На третій день праздника, утромъ, я поѣхала прямо въ Михайловское укрѣпленіе, осмотрѣла комнату, возвратилась на сѣверную сторону въ бараки, и велѣла все приготовить къ вечеру; мать С.... и сестра М.... отправились впередъ съ вещами, а я въ семь часовъ вечера пріѣхала съ тремя сестрами и нашла уже все приведеннымъ въ порядокъ. На другой день, отецъ Веніаминъ, по моей просьбѣ, пришелъ въ началѣ шестаго часа утра, и отслужилъ молебенъ съ водосвятіемъ, а послѣ чаю, я пошла разводить сестеръ по мѣстамъ.... Отправилась въ лавки отыскать шелку на лигатуры; у меня въ Александровскомъ перевязывали нитками. Всѣ лавки были заперты, насилу открыли; я купила шелку на 8 руб. сер., и была въ восторгѣ. Меня всѣ напугали, что отъ ядеръ нельзя ходить; однако я четыре часа толкалась по городу и въ опасномъ мѣстѣ, при сильныхъ выстрѣлахъ, но не видала ни одного осколка, ни ядра; закупила все что было необходимо для сестеръ, и благополучно возвратилась въ свои сѣверные бараки, отославъ все въ Михайловское, и до того была утомлена, что въ восемь часовъ бросилась въ постель, и мертвымъ сномъ спала до семи часовъ утра. Утромъ, только что собралась ѣхать въ городъ, получила записку отъ сестры Ч...., которая увѣдомляла, что ихъ переводятъ на Павловскій мысокъ, и спрашивала на это моего позволенія. Расмросивъ солдатъ и увидя, что они сожалѣютъ о сестрахъ, я немедленно поѣхала на ихъ же катерѣ и, Боже праведный, что мнѣ представилось! Всѣ зданія были безъ оконъ, кровли съ иныхъ сорваны, дворы изрыты бомбами и усѣяны осколками; выстрѣлы, какъ громовые удары, безъ умолку раздавались. Я первая вошла въ операціонную залу, нашла свою голубушку Б... уже при операціи, и очень блѣдною. Она въ испугѣ разсказывала, какъ ночью бомба оторвала уголъ въ операціонной комнатѣ, во время самой операціи. Здѣсь также всѣ окна были безъ стеколъ. Тутъ я отдала полфунта шелку; старшій операторъ Павловскій былъ въ восторгѣ и чрезвычайно благодарилъ меня. Потомъ повели меня въ палаты, изъ которыхъ еще не были выведены раненые самые трудные, ампутированные. Тутъ я увидѣла, какъ бомба, пробивъ два яруса, провалилась возлѣ одного трудно раненаго, безногаго, такъ близко, что надобно удивляться: менѣе четверти аршина; вырвала подъ нимъ доску, и его ушибла очень больно, но никого не убила а только засыпала всѣхъ вокругъ

пылью. Я стала разговаривать съ больными. Они довольно еще были веселы и покойны духомъ и сказали: «Матушка! бомба-то ничего; а вотъ ты у насъ не отними дорогой нашей сестрицы.» Меня это очень тронуло, и я имъ дала слово, что при нихъ останется старшая сестрица. Ихъ сейчасъ всѣхъ перенесли на рукахъ на Павловскій мысокъ, за четверть версты, тамъ безопаснѣе, туда не долетаютъ бомбы. Потомъ пошла я къ сестрамъ. Онѣ мнѣ разсказали, что возлѣ ихъ стѣны пролетѣла бомба, пробила три яруса и провалилась въ подвалъ, наполненный дѣтьми и женщинами; здѣсь убила она мать и троихъ дѣдей. Я зашла туда, видѣла яму, кругомъ осколки и кровь троихъ невинныхъ дѣтокъ. Что моя душа чувствовала, это необъяснимо!» и прочее.

Чрезвычайно любопытны также эпизоды изъ частной жизни защитниковъ Севастополя.

«I. Впереди Севастопольской оборонительной линіи, для ближайшаго наблюденія за непріятельскими осадными работами, предъ исходящими углами укрѣпленій, устроены ложементы, которые день и ночь занимаются штуцерными и охотниками. Очередные не отводятъ глазъ отъ штуцера, вставленнаго въ нарочно продѣланную между камнями ложемента крошечную бойницу, и хоть на мгновеніе появись вражья голова, щелкнетъ курокъ, и нерѣдко, глядишь — кувыркнется недругъ! 12-го мая, въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ предъ бастіономъ № 3-го, противъ англійской траншеи, сидѣла команда штуцерныхъ отъ Камчатскаго егерскаго полка.

«— Смотри, смотри, закричалъ егерь Евсѣевъ: — чтось катится мимо!

«— Чего тебѣ катится, — аль не видишь, заяцъ бѣжитъ!

«— Катай его, Кузнецовъ — на тебя бѣжитъ....

«— Не замай его, замѣтилъ четвертый солдатикъ: — можетъ оборотень какой!...

«Раздался выстрѣлъ — заяцъ убитъ. Въ англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ. Убитый заяцъ лежалъ на серединѣ между нашими и непріятельскими ложементами. Перекрестился Ефимъ Кузнецовъ (*), и вслѣдъ за выстрѣломъ, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и подбѣжалъ къ убитому зайцу. Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ. Наши и англичане, забывъ на время перестрѣлку, высунулись изъ за окоповъ и смотрѣли на удальца. — Кузнецовъ, выбѣжавъ изъ ложементовъ, схватилъ зайца за заднія лапы и, поднявъ ружье назготовку, отходилъ къ своимъ ложементамъ. Англичане, пораженные удальствомъ стрѣлка, встрѣтили эту смѣлую выходку единодушнымъ «ура» — и хлопали въ ладоши. — Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку, поклонился, и, показавъ врагамъ зай-

(*) Ефимъ Кузнецовъ, штуцерникъ 11-й егерской роты Камчатскаго егерскаго полка, изъ крестьянъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, дер. Филатова.

ка, — скрылся въ ложементъ. Головы спрятались, перестрѣлка затихла. Кузнецовъ, получившій строгій нагоняй за несвоевременную охоту, представилъ зайца командиру полка — и посыпались рубли удалому стрѣлку.... А Кузнецовъ?... Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ — гдѣ жь тутъ молодечество, — убилъ зайца — извѣстное дѣло, не бросить же убитаго. У защитниковъ Севастополя смерть потеряла свой ужасъ.

«II. Въ ночи съ 10-го на 11-е мая, на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи, произошелъ страшный, кровавый бой за траншею. Подъ адскимъ огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ, наши и непріятельскія колонны ходили въ штыки; спорныя траншеи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки, и два раза егеря наши, увлеченные запальчивостью, достигали до непріятельскихъ окоповъ. Разсвѣтъ дня прекратилъ упорный бой; полувырытыя траншеи остались въ нашихъ рукахъ; но, не составляя совершеннаго прикрытія для людей, въ продолженіе дня занимались одними только охотниками изъ штуцерныхъ. Велики были потери съ обѣихъ сторонъ; убитые и часть раненыхъ остались въ пространствѣ между нашими и непріятельскими работами. Въ числѣ послѣднихъ находился егерь Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, получившій пулевую и штыковую раны. — Около шести часовъ пополудни 11-го мая, егерь подползъ къ нашимъ ложементамъ и, принесенный на перевязочный пунктъ, разсказывалъ слѣдующее:

«Въ послѣднюю атаку, опрокинувъ непріятеля, мы выскочили изъ траншеи да и за врагомъ: не помню далеко ли я пробѣжалъ, какъ одинъ изъ французовъ пнулъ меня штыкомъ въ руку; оно бы и ничего, да въ то же время — штуцерная пробила мнѣ ногу. Ударъ прикладомъ по головѣ оглушилъ до конца. Когда я опомнился—было тихо, и только изрѣдка то бомба пролетитъ, аль штуцерная просвиститъ. — Осмотрѣлся я: гляжу шагахъ въ тридцати непріятельскіе ложементики; оглянулся назадъ — свои далеко; ощупался, — болитъ рука и нога, ползти не могу, опереться не на что. — Зубами и лѣвой рукой разорвалъ я рубашку, стянулъ рану на рукѣ и туго завязалъ ногу.... Изъ силъ выбился—жажда такая, что и Господи упаси, во рту пересохло и языкъ словно выжгло; вижу, что до своихъ не дойдешь и думаю: вѣдь не злодѣй же какой французъ — дастъ воды умирающему.... Перекрестился, да и къ ложементикамъ подползъ — сидѣло пять человѣкъ.

«— Дяденьки, сказалъ я жалобно: — дайте водицы, родимые, умираю!

«Одинъ изъ французовъ, бравый такой, подалъ мнѣ стклянку съ водою, глотнулъ я водицы — такъ и ожилъ совсѣмъ.

«— Спасибо вамъ, дядюшки, дай вамъ Богъ доброе здоровье!

«Французъ, давшій мнѣ воды, нагнулся ко мнѣ, покачалъ головою, да и говоритъ:

«— Плохо, братъ, землякъ, ты перевязанъ!

«И съ этимъ словомъ снялъ у меня съ ноги обвязку, намочилъ тряпицу, приложилъ на рану, и своимъ платкомъ повязалъ мнѣ ногу — такъ и пооблегчило.

«— Што, братъ-камрадъ, плохо? говоритъ французъ.

«— Плохо, отвѣчалъ я.

«— Правда, говоритъ французъ: — намъ еще хуже, чѣмъ вамъ — терпи!

«Выпилъ я еще водицы и силъ набрался.

«— Спасибо вамъ, дяденьки, дай вамъ Богъ здоровья. — Позвольте мнѣ — я поползу теперь къ своимъ.

«— Ну, ползи, братъ, ползи! сказали французы и засмѣялись.

«— Хорошій народъ, ваше благородіе, эти французы, даромъ што враги! — Веселые, разговорчивые да и не трусы какіе!

«Снялъ я шапку, поклонился, поблагодарилъ враговъ за ласку ихъ, да и поползъ къ своимъ — ни одинъ не тронулъ!»

«Довольно тщательная перевязка раны на ногѣ, платокъ съ рисункомъ и надписью, и описаніе положенія мѣстности, гдѣ очнулся раненый, свидѣтельствуютъ, что егерь дѣйствительно былъ у непріятельской траншеи. Языкъ, на которомъ объяснялся егерь съ своими дяденьками — понятенъ, и племянникъ, разсказывая о своихъ страданіяхъ, сопровождалъ свой разсказъ знаками, а разговоръ дядюшекъ толковалъ по своимъ впечатлѣніямъ. Любопытно видѣть — ведетъ ли солдатъ плѣннаго француза или караулитъ его на дворѣ гауптвахты, или въ одной палатѣ лежитъ съ ранеными — разговоръ у русскаго съ французомъ не прекращается. Болтливый французъ говоритъ безъ умолку; смѣтливый солдатъ, вовсе не понимая разсказщика, толкуетъ дѣло по своему, прибавляя впопадъ и не впопадъ пріобрѣтенныя въ Придунайскихъ княжествахъ свѣдѣнія иностраннаго языка: *Бука есть туй есть бука!*»

— Письма изъ Симферополя, какъ находящагося вблизи театра войны, сообщаютъ тоже очень интересныя извѣстія.

12-го мая 1855.

«Вопреки хвастовству англичанъ, увѣряющихъ Европу, что они нанесли сильное, нравственное пораженіе могуществу и торговлѣ Россіи, мы можемъ утвердительно сказать, что современныя политическія обстоятельства имѣли самыя благопріятныя послѣдствія для расширенія внутренней нашей производительности. Нынѣшняя война выдвинула на первый планъ многіе промышленые вопросы, остававшіеся прежде въ тѣни, на которые не было обращено нами должнаго, усиленнаго вниманія. Такимъ образомъ съ начала прошлаго года добываніе каменнаго угля и сѣры приняло у насъ широкіе размѣры; Балтійскій и Черноморскій флоты довольствуются нынѣ собственнымъ антрацитомъ, находимымъ въ изобиліи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ особенности въ Землѣ Войска Донскаго. Огромные транспорты этого топлива проходятъ чрезъ нашъ городъ въ Севастополь; качествомъ

своимъ онъ несравненно выше ньюкестльскаго и валлійскаго угля, хотя и обходится нѣсколько дороже послѣдняго, вслѣдствіе затруднительности дальней перевозки сухимъ путемъ. Чрезъ остановку отпуска каменнаго угля, торговля Англіи получила значительный уронъ, простирающійся, по вычисленію г. Чевкина, до 1,300,000 руб. сер.

«Равномѣрно, Россія извлекаетъ въ настоящее время все потребное для нея количество самородной сѣры и сѣрнаго колчедана въ своихъ владѣніяхъ, несмотря на то, что на это произведеніе, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, чувствуется сильнѣйшая потребность. Въ нашемъ отечествѣ издавна находимы были богатые пласты каменнаго угля и сѣрнаго колчедана, но, кажется, никто до сихъ поръ не указалъ на Крымскій полуостровъ, какъ на страну, представляющую много слѣдовъ мѣсторожденія этихъ ископаемыхъ, лежащихъ погребенными въ мертвомъ бездѣйствіи. Признаки существованія каменнаго угля въ Крыму встрѣчаются недалеко отъ Симферополя, при татарской деревнѣ Теренаиръ, а также, по увѣренію помѣщика Качони, въ имѣніи его близъ Карасубазара. Собственно сѣрныхъ копей въ Крыму не открыто; но источники, имѣющіе запахъ и вкусъ сѣры, попадаются во многихъ мѣстностяхъ: въ Судакѣ, въ имѣніи графа Мордвинова, есть небольшой сѣрный ручей, водою котораго тамошніе татары излечиваютъ лихорадки; въ окрестностяхъ Евпаторіи и Керчи находятся озера, обличающія близость сѣрныхъ ключей. Изслѣдованіе этихъ мѣстностей неминуемо обнаружитъ присутствіе богатыхъ даровъ, которые щедро зарыты природою въ Крыму; разработка этихъ минераловъ предоставляется будущему.

«Плодовые сады въ Крыму совершенно отцвѣли; но покупщиковъ на будущіе плоды до сихъ поръ не является. Обыкновенно, въ прежніе годы, татары, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, откупали плоды у владѣльцевъ садовъ, и вносили, при покупкѣ, половинную или третью часть договорной цѣны, но въ нынѣшнемъ году этого не повторилось: татары не откупили еще ни одного сада и положительно отказываются, по какимъ-то своимъ разсчетамъ, отъ всякихъ подобныхъ сдѣлокъ. Въ Крыму, кромѣ татаръ, почти никто не занимается этою промышленостью, и потому садохозяевамъ прійдется самимъ заботиться о распродажѣ плодовъ, на которые, по моему предположенію, въ нынѣшнемъ году будутъ существовать высокія цѣны. Огородничествомъ, этою весною, татары вовсе не занимаются, несмотря на предлагаемыя имъ выгодныя условія; отъ этого, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, здѣшніе помѣщики понесутъ значительный ущербъ въ доходахъ.

«По случаю приближенія поры сѣнокосовъ и жатвы хлѣба, обращая ближайшее вниманіе на нужды нашего края, постигнутаго бѣдствіями войны, Правительство, между прочими благими мѣрами, распорядилось о вывозѣ рабочихъ людей изъ многонаселенной Малороссіи; предложенныя имъ условія весьма для нихъ выгодны, и нынѣ получено извѣстіе, что нѣсколько большихъ партій, составляющихъ

вмѣстѣ не одну тысячу людей, направляются къ намъ изъ Полтавской, Харьковской и другихъ сосѣднихъ губерній. Что касается до татаръ, то ихъ выселяютъ, по распоряженію главнаго начальства, во внутренность полуострова, на разстояніи двадцати-пяти верстъ отъ морскаго берега.

«Устройство шоссе отъ Симферополя до Севастополя, производимое по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства, довольно быстро подвигается впередъ; можно надѣяться, что къ концу осени успѣютъ провести шоссе въ бо́льшей части низменныхъ мѣстъ, представлявшихъ въ ненастное время едва одолимыя затрудненія при переѣздахъ.

«Въ Симферопольскихъ госпиталяхъ испытывали на дняхъ дѣйствіе извѣстной Ждановской жидкости на освѣженіе и очищеніе комнатнаго воздуха. Опытъ удался какъ нельзя лучше, и теперь это полезное изобрѣтеніе, столь благодѣтельное для больныхъ и раненыхъ, введено во всѣхъ госпитальныхъ отдѣленіяхъ.

«Дезертирство изъ союзной арміи, уменьшившееся въ послѣднее время, теперь вновь усилилось. На этой недѣлѣ привели къ намъ около шестидесяти перебѣжавшихъ французовъ. Причину своего бѣгства они объясняютъ недостаткомъ воды и свѣжей мясной пищи, и кромѣ того скукою отъ продолжительнаго пребыванія на безплодной мѣстности между Севастополемъ и Балаклавою. Большая часть изъ нихъ веселы, остроумны и сохраняютъ собственное достоинство. Наши солдаты обнаруживаютъ къ нимъ больше пріязни, нежели къ англичанамъ.

«Недавно умеръ въ Севастополѣ взятый въ плѣнъ раненый французскій офицеръ де Кресси, жестоко раненый въ руку и ногу, съ раздробленіемъ кости. Когда ему сдѣлана была операція отнятія этихъ двухъ членовъ, и когда привели его въ чувство послѣ пріема хлороформа, сестра милосердія, ухаживавшая за нимъ, рукою закрыла ему глаза, чтобъ не вдругъ поразить его видомъ ампутированныхъ руки и ноги; докторъ, производившій операцію, спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ. Больной отвѣчалъ шутливымъ тономъ, что онъ испытываетъ большое удовольствіе отъ положенной ему на глаза женской ручки. Чрезъ три часа онъ скончался.»

20-го мая 1855.

«Въ то время, когда наше вниманіе занято было Севастополемъ и кровавыми стычками, происходящими подъ стѣнами его, неугомонный врагъ нашъ, посадивъ на корабли свои значительное число войскъ, неожиданно явился съ многочисленнымъ флотомъ въ совершенно противуположной оконечности Крыма, предъ мирною торговою Керчью и сосѣднимъ съ нею поселеніемъ Еникале. 12-го мая, непріятельская армада изъ семидесяти вымпеловъ, подойдя къ Камышъ-Буруну, приморскому имѣнію помѣщика Оливъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Керчи, сдѣлала маленькую рекогносцировку на берегу, потомъ отпра-

вилась къ самой Керчи, пославши парламентера объявить начальству города, что находящіяся на судахъ союзныя войска имѣютъ приказаніе занять Керчь и Еникале. Командующій войсками на Керченскомъ полуостровѣ, генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, имѣя въ этихъ мѣстахъ слишкомъ слабый, сравнительно съ пришедшимъ непріятельскимъ десантомъ, гарнизонъ, распорядился о немедленномъ вывозѣ всѣхъ суммъ и дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ, извѣстилъ жителей о предстоящемъ занятіи Керчи и Еникале, для принятія съ ихъ стороны мѣръ къ скорѣйшему выѣзду, и самъ, съ малочисленнымъ отрядомъ войскъ, отступилъ по направленію къ Арабатской Стрѣлкѣ. Въ ночи съ 12-го на 13-е мая, большая часть жителей Керчи и Еникале, вслѣдствіе рѣшительныхъ и благоразумныхъ мѣръ исправляющаго должность Керчь-Еникальскаго градоначальника, полковника Антоновича, успѣла отчасти собрать свои пожитки, и во время оставить мѣсто своего жительства. Неимѣвшіе возможности, или нежелавшіе отдалиться на далекое пространство отъ Керчи, пріютились въ Катерлесѣ, помѣстьѣ въ четырехъ верстахъ отъ города, принадлежащемъ почтенному семидесятилѣтнему старцу Константину Антоновичу Хамарито, съ распростертыми объятіями принявшему къ себѣ несчастныхъ бѣглецовъ. 13-го числа, непріятель вошелъ въ городъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, и вслѣдъ затѣмъ занялъ войсками своими и мѣстечко Еникале. Оставшимся жителямъ объявлено было, что имущество ихъ неприкосновенно и безопасность обезпечена, и что они находятся подъ покровительствомъ законовъ.... Немногіе повѣрили этому обѣщанію, несмотря на то, что, чрезъ два часа по вступленіи въ городъ, французская полиція распоряжалась уже по всѣмъ кварталамъ и улицамъ.

«Занявъ Керчь и Еникале, союзные пароходы прошли въ Азовское море и показывались предъ мѣстечкомъ Арабатомъ, гдѣ у насъ устроено укрѣпленіе. Встрѣченные огнемъ нашей артиллеріи, они ретировались, и, кажется, съ того времени не совершили еще особенныхъ подвиговъ на незнакомомъ имъ морѣ. Мы въ правѣ ожидать отъ нихъ геройскихъ дѣйствій, подобныхъ тѣмъ, какими увѣнчали они себя предъ беззащитными Брагестадомъ, Улеоборгомъ и другими портами Балтійскаго моря.

«Неизлишнимъ считаю сообщить вамъ нѣсколько подробностей о занятой непріятелемъ мѣстности.

«Приморскій портовый городъ Керчь, окруженный со всѣхъ сторонъ могильными курганами давно минувшихъ лѣтъ, лежитъ у подошвы возвышенной горы «Митридата». Имѣя болѣе шести тысячъ жителей, онъ заключаетъ въ себѣ 1,560 частныхъ и казенныхъ зданій, по бо́льшей части новѣйшей постройки и красивой архитектуры. Маленькая Одесса, какъ часто называютъ у насъ городъ Керчь, весьма важный въ торговомъ отношеніи, имѣетъ три православныя церкви, одну католическую, одну мечеть, одну синагогу, дѣвичій институтъ, временно переведенный въ Таганрогъ, музеумъ древностей,

съ ведущею къ нему великолѣпною асфальтовою лѣстницею, библіотеку и клубъ. Въ окрестностяхъ его устроено отдѣленіе Луганскаго литейнаго завода и находятся богатыя ломки строеваго известняка, грязные вулканы, нефтяные колодцы, подлѣ которыхъ асфальтовый заводъ, и сѣрные ключи. Кромѣ того, въ пятнадцати верстахъ отъ города, возлѣ Азовскаго моря, находятся цѣлебныя грязи, неуступающія свойствами своими Саксинимъ минеральнымъ грязямъ (*).

«Селеніе Еникале находится въ двѣнадцати верстахъ отъ Керчи, при проливѣ, соединяющемъ Черное и Азовское моря. Замѣчательнаго въ немъ древняя турецкая крѣпость, съ фонтаномъ въ стѣнѣ ея, и подземельемъ, простирающимся, по увѣренію старожиловъ, на девяносто слишкомъ верстъ въ длину. Главнымъ промысломъ мѣстныхъ жителей (858 душъ, 102 дома) считается рыбная ловля, преимущественно осетра и бѣлуги, отъ которой они имѣютъ значительныя выгоды.

«Намъ пишутъ изъ Севастополя, что дезертирство въ непріятельскихъ рядахъ замѣтно усилилось съ прибытіемъ сардинцевъ, которые десятками передаются въ нашъ лагерь. Говорятъ, что новый французскій главнокомандующій, генералъ Пелиссье, разстрѣлялъ недавно двадцать двухъ солдатъ, за покушеніе перейти на нашу сторону. Едва ли эта грозная мѣра непріятеля будетъ имѣть на его армію хорошее вліяніе.

«Число больныхъ въ симферопольскихъ госпиталяхъ уменьшается. Раненымъ офицерамъ выдается денежное вспомоществованіе чрезъ прибывшаго сюда флигель-адъютанта полковника Волкова. Кромѣ того, ожидаютъ пріѣзда графа М. М. Віельгорскаго, уполномоченнаго для раздачи на мѣстѣ временныхъ пособій раненымъ, и снабженнаго значительными денежными средствами.

«На прошлой недѣлѣ, три дня сряду, шелъ сильный дождь съ громомъ и молніею, который, достаточно увлажнивъ землю, принесъ большую пользу травамъ и хлѣбамъ. Основываясь на настоящемъ цвѣтущемъ положеніи ихъ, и надѣясь, что уборка сѣна и хлѣба будетъ сопровождаться благопріятною погодою, можно поручиться за изобильный сборъ того и другаго произведенія. Сѣнокошеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже началось.

«Цѣны на хлѣбъ и овесъ, къ радости нашей, замѣтно упали въ послѣднее время; овесъ, продававшійся по 8 р. 50 к. за четверть, можно было купить, за пять дней предъ симъ, по 5 р. и даже по 4 р. 50 копѣекъ; теперь цѣнность его снова возросла до 6 рублей, по случаю занятія непріятелемъ Керчи.

— Вотъ что пишутъ о нашихъ плѣнныхъ во Франціи.

«Сообщаемъ читателямъ свѣдѣнія о нашихъ плѣнныхъ соотечественникахъ, находящихся во Франціи, и надѣемся, что все, касающееся до нихъ, будетъ принято съ живымъ участіемъ. На шестой недѣлѣ Великаго Поста, по порученію русскаго правительства, про-

(*) Новороссійскій Календарь 1855 года.

тоіерей Васильевъ отправился на островъ Эксъ, гдѣ находятся привезенные изъ Бомарзунда русскіе военноплѣнные. По прибытіи въ Эксъ, протоіерей Васильевъ прежде всего отслужилъ панихиду по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Николаѣ I, предваривъ оную краткимъ разсказомъ о болѣзни и христіанской кончинѣ Монарха нашего. Глубокая горесть и слезы вѣрныхъ воиновъ свидѣтельствовали о томъ, какъ проникнуты они были великостію невозвратимой потери, Россіею и ими понесенной. Затѣмъ протоіерей Васильевъ приступилъ къ великопостному служенію по уставу Православной Церкви. Всѣ военноплѣнные были имъ исповѣданы и удостоены причащенія запасными дарами. Во время служенія въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, начатаго въ полночь; присутствовали даже до тридцати французовъ. Семьсотъ свѣчей, горѣвшихъ въ рукахъ предстоявшихъ, торжество обряда и пѣнія, духовная радость присутствующихъ, единогласныя повторенія словъ: «Воистину Воскресе!», пасхальное лобзаніе, все это не только исполнило умиленіемъ православныхъ, но сильно и благопріятно подѣйствовало на иностранцевъ. Послѣ богуслуженія, протоіерей освятилъ приготовленные куличи и присутствовалъ при разговѣньи военноплѣнныхъ. Въ христіанской радости Свѣтлаго праздника добрые воины воскресли и обновились духомъ. На другой день протоіерей занялся ихъ житейскимъ бытомъ и нашелъ, что всѣ помѣщены удобно, пищу имѣютъ достаточную и по качеству хорошую. Состояніе здоровья русскихъ военноплѣнныхъ весьма удовлетворительно: съ самаго ихъ прибытія во Францію, въ продолженіе осьми мѣсяцевъ было только три смертные случая. Не смотря на то, что существенныя нужды всѣхъ удовлетворены французскимъ правительствомъ, отецъ протоіерей поставленъ былъ въ необходимость сдѣлать нѣкоторыя издержки, какъ по причинѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ тогдашнее его посѣщеніе, то-есть, по случаю Страстной недѣли и Свѣтлаго праздника, такъ и особеннаго положенія больныхъ и семейныхъ. На всѣ издержки эти употребилъ онъ деньги, частію, изъ суммы, Всемилостивѣйше пожалованной на сей предметъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ Первымъ, остальные же расходы произвелъ изъ другихъ благотворительныхъ пожертвованій, полученныхъ имъ: отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государынь Великихъ Княгинь Ольги Николаевны и Маріи Павловны и Его Императорскаго Высочества Принца Петра Ольденбургскаго, а также Молдавскаго Господаря Князя Стурдзы — (тысячу франковъ), нашего Повѣреннаго въ дѣлахъ при Баденскомъ дворѣ, колежскаго совѣтника Столыпина (тысячу франковъ) и статскаго совѣтника Анатолія Демидова (1,200 франковъ) (*). Статскій совѣтникъ Демидовъ желалъ, чтобъ, за раздачею

(*) Считаемъ долгомъ упомянуть, что прежде сего Парижскій банкиръ г. Гомбергъ доставилъ протоіерею Васильеву 1,000 франковъ для нашихъ плѣнныхъ, а именно: въ пользу больныхъ, раненыхъ, женщинъ и дѣтей. Нѣкоторые изъ соотечественниковъ нашихъ, находящихся въ Бельгіи, прислали для сего 500 франковъ.

нижнимъ чинамъ по франку, остальныя пожертвованныя имъ деньги употреблены были на угощеніе военноплѣнныхъ офицеровъ столомъ. Исполняя это желаніе, отецъ протоіерей роздалъ деньги нижнимъ чинамъ въ Среду Пасхальной недѣли, а обѣдъ далъ въ городѣ Турѣ, куда прибылъ самъ, и гдѣ находилось семнадцать нашихъ офицеровъ. Радость трапезы помрачалась грустью плѣна, особенно же скорбію о великой утратѣ, понесенной Россіею.

— Почти каждый мѣсяцъ появляется множество каррикатуръ по поводу настоящихъ событій. Къ числу самыхъ удачныхъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ — *Пословицы: отъ пословицы не уйдешь; пословица въ вѣкъ не сломится*, изданныя *г. Аннинскимъ*. Карандашъ г. Аннинскаго довольно боекъ и подписи изъ пословицъ весьма удачно подобраны.... Мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ это остроумное изданіе. Очень не дурно также «Зеркало для Англичанъ» (Mirror for Englichmen четыре тетради, сочиненыя г. В. Невскимъ). Въ послѣднихъ двухъ тетрадяхъ г. Невскій изображаетъ: подвиги англичанъ на Бѣломъ морѣ и на Ледовитомъ океанѣ; возвращеніе Непира на родину; взятіе Севастополя знаменитымъ татариномъ; англійскій лазаретъ; мужественное британское войско проливающее свою кровь предъ Севастополемъ, и проч. Къ этимъ каррикатурнымъ очеркамъ приложенъ объяснительный текстъ.

— Въ ночи съ 9 на 10 января сего года скончался профессоръ Казанскаго университета И. М. Симоновъ. Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія объ немъ, извлеченныя нами изъ «Москвитянина.»

«Иванъ Михайловичъ Симоновъ родился въ Астрахани въ 1794 году, въ семействѣ одного изъ тамошнихъ гражданъ. Когда онъ оканчивалъ курсъ въ гимназіи, по счастливому для Казанскаго университета случаю, переведенный изъ астраханской гимназіи учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ университетъ адъюнктомъ «Всеобщей Исторіи», предложилъ отцу Симонова отправить съ нимъ сына, для помѣщенія въ числѣ студентовъ: предложеніе было принято тѣмъ охотнѣе, что родитель Симонова уже давно имѣлъ намѣреніе помѣстить сына въ Московскій университетъ. Питая особенную наклонность къ литературѣ, молодой студентъ еще молодаго и университета изъявилъ сначала желаніе слушать лекціи въ факультетѣ словесныхъ наукъ; но профессоръ чистой математики Бартельсъ, замѣтивъ, на вступительномъ испытаніи, успѣхи Симонова въ математикѣ и физикѣ, склонилъ его измѣнить свое намѣреніе и посвятить себя изученію физико-математическихъ наукъ. Съ особеннымъ стараніемъ изучалъ Симоновъ въ теченіе университетскаго курса, теоретическую и практическую астрономію, и за наблюденія надъ большою кометою 1811 года

получилъ благодарность отъ тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа Степана Яковлевича Румовскаго, который самъ былъ однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ астрономовъ въ Европѣ. При окончаніи университетскаго курса, Симоновъ, по предложенію попечителя, держалъ испытаніе прямо на степень магистра физико-математическихъ наукъ, представилъ сочиненіе о притяженіи однородныхъ сфероидовъ, гдѣ изложилъ многія поясненія къ третьей книгѣ Лапласовой небесной механики, и — былъ утвержденъ магистромъ въ день своихъ имянинъ, 24 іюня 1812 года; — съ этого дня, когда ему исполнилось 18 лѣтъ отъ роду, онъ уже вступилъ въ государственную службу по ученому вѣдомству и проходилъ съ честію это трудное поприще въ теченіи сорока слишкомъ лѣтъ. Черезъ два года Симоновъ былъ возведенъ въ званіе адъюнкта астрономіи.

«Между тѣмъ умолкла брань, воздвигнутая на Россію Наполеономъ; миръ воцарился въ Европѣ, и нѣмецкіе профессора, загнатые бурями войны подъ гостепріимный кровъ Россіи, начали возвращаться на родину. Въ 1816 году, профессоръ астрономіи Литровъ первый оставилъ Казанскій университетъ, и адъюнктъ Симоновъ заступилъ его мѣсто въ качествѣ экстра-ординарнаго профессора двухъ каѳедръ: теоретической и практической астраноміи. Спустя годъ, Симоновъ ѣздилъ въ Петербургъ, для ознакомленія съ академическою обсерваторіею и для изученія астрономическихъ пріемовъ Шуберта и Вишневскаго, для чего и пробылъ въ Петербургѣ полгода. Въ 1819 году, весной, онъ вторично прибылъ въ Петербургъ, и совершенно негаданно — къ рѣшенію многаго въ своей судьбѣ: незадолго передъ тѣмъ, санктпетербургская академія наукъ, невѣдомо Симонову, представила министру народнаго просвѣщенія о назначеніи молодаго казанскаго ученаго астрономомъ въ одну изъ морскихъ экспедицій, въ то время отправлявшихся для ученыхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, Симоновъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія неожиданно кстати: само собою разумѣется, что онъ съ радостью принялъ столь лестное предложеніе, избравъ для себя путешествіе вокругъ свѣта въ южномъ полушаріи, куда назначались шлюпы «Востокъ и Мирный», первый подъ начальствомъ Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена, а второй — М. П. Лазарева, выступившіе въ походъ въ іюлѣ 1819 года.

«Утвержденный, по возвращеніи въ Казань, въ 1822 году, въ званіи ординарнаго профессора астрономіи, Симоновъ съ жаромъ принялся за вычисленіе наблюденій, произведенныхъ имъ во время путешествія. Не успѣлъ еще онъ окончить этого труда, какъ былъ посланъ въ чужіе края, вмѣстѣ съ бывшимъ профессомъ физики, нынѣ академикомъ, Купферомъ для заказа астрономическихъ и физическихъ инструментовъ. Въ іюлѣ 1823 года, казанскіе ученые выѣхали изъ С.-Петербурга, и черезъ Берлинъ, Дрезденъ и Прагу прибыли въ Вѣну. Здѣсь профессоръ Симоновъ заказалъ, для астрономической обсерваторіи Казанскаго университета, многіе инструменты, въ политехническомъ заведеніи, и здѣсь же принялъ его въ дружескія объя-

нія бывшій наставникъ его Литровъ, профессоръ Вѣнскаго университета и директоръ университетской обсерваторіи.

Отсюда Симоновъ отправился черезъ Зальцбургъ въ Мюнхенъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ оптикомъ Фраунгоферомъ, и черезъ Штутгардъ, Баденъ и Страсбургъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ оставался около года, до окончательнаго изготовленія заказанныхъ инструментовъ. Это время употреблено было Симоновымъ въ пользу для спеціальнаго ознакомленія съ современными требованіями астрономической науки и для общаго знакомства съ другими отраслями знанія: такимъ образомъ, въ теченіи всего пребыванія въ Парижѣ, онъ не пропускалъ почти ни одного засѣданія академіи наукъ и географическаго общества, котораго былъ членомъ, постоянно слушалъ лекціи знаменитыхъ математиковъ, физиковъ и астрономовъ, а также лекціи исторіи французской литературы Вильмена, въ Сорбонѣ, французской исторіи Гизо, въ Атенеѣ; посѣщалъ физіологическіе опыты Мажанди и отчасти бесѣды извѣстнаго френолога Галя; присутствовалъ въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ академіи надписей и весьма часто занимался на парижской обсерваторіи. Это пребываніе въ Парижѣ доставило ему короткое знакомство со всѣми астрономами, математиками и физиками, славившимися въ ученомъ мірѣ, а также съ учеными по другимъ отраслямъ и съ литераторами; въ особенности баронъ Александръ Гумбольдтъ оказывалъ ему личное расположеніе, а изъ русскихъ знаменитостей обратилъ на него отличное вниманіе графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ и познакомилъ его со многими примѣчательными людьми Франціи, которыхъ Симоновъ часто встрѣчалъ въ великолѣпныхъ салонахъ графа, въ городѣ и на дачѣ.

Въ 1828 году профессоръ Симоновъ посѣтилъ большую половину Казанской губерніи и часть Симбирской и Оренбургской, для опредѣленія географическаго положенія многихъ городовъ; а кромѣ того, онъ опредѣлилъ, посредствомъ барометра, возвышеніе мѣстъ, тогда имъ посѣщенныхъ. Между тѣмъ, заказанные въ Вѣнѣ астрономическіе инструменты были получены въ Казани и поставлены сперва на временной обсерваторіи, а потомъ Симоновъ занялся составленіемъ плана нынѣшней университетской обсерваторіи, который, по надлежащемъ разсмотрѣніи, былъ одобренъ. Основаніе этому прекрасному зданію положено въ 1833 году, а въ 1837 году были уже установлены всѣ инструменты, съ прибавленіемъ, къ прежде заказаннымъ, большаго рефрактора, подобнаго дерптскому.

Съ этого времени Симоновъ преимущественно занялся астрономическими наблюденіями, и, напечатавъ первый рядъ ихъ, за 1838, 1839 и 1840 годы, онъ отправился опять въ чужіе края, для свиданія съ европейскими астрономами и для присутствованія на майнцскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ онъ посѣтилъ важнѣйшіе по его занятіямъ города Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи; пробылъ въ Лондонѣ и Парижѣ почти по мѣсяцу, а въ Майнцѣ во все продолженіе съѣзда, и читалъ тамъ от-

четы о своихъ занятіяхъ, относящихся къ Астрономіи и особливо къ земному магнитизму, теоріей котораго онъ занимался въ то время съ особеннымъ тщаніемъ и для котораго неоднократно производилъ, безъ посторонней помощи, по 44 часа сряду, наблюденія надъ измѣненіемъ магнитнаго отклоненія. Передъ послѣднимъ засѣданіемъ поразило нашего ученаго горестное извѣстіе: обсерваторія Казанскаго Университета сдѣлалась жертвою огромнаго пожара 1842 года, и въ нѣсколько часовъ погибла цѣль многолѣтнихъ усилій профессора и университетскаго начальства. Только въ 1847 году было вполнѣ возстановлено это прекрасное зданіе, съ прибавленіемъ отличнаго меридіаннаго круга Репсольда, вмѣсто поврежденнаго во время пожара вѣнскаго круга, а экваторіалъ и рефракторъ были исправлены въ механическомъ заведеніи Главной Пулковской обсерваторіи; но уже суждено было вновь обновленному зданію перейдти въ иныя руки, потому-что Иванъ Михайловичъ Симоновъ, въ 1845 году, призванъ былъ къ занятію мѣста ректора Казанскаго Университета и окончилъ свою полезную жизнь въ этомъ званіи.»

— Недавно получена въ Петербургѣ брошюра, напечатанная въ Брюсселѣ, г. Поггенполемъ: *L'empereur Nicolas I. 5 Mars 1855, par N. de Poggenpohl*. Брошюра эта проникнутая истинно-патріотическими чувствами (г. Поггенполь принадлежитъ къ нашимъ соотечественникамъ), оканчивается слѣдующими словами:

«Peu de princes ont eu le bonheur de mourir les mains entrelacées dans celles de leur fils; peu d'héritiers de la couronne ont eu le bonheur de monter sur le trône à l'âge de 37 ans, avec la conscience de n'avoir jamais un seul jour et un seul instant démérité de l'amour, de la bénédiction de leur père. Initié depuis longtemps aux affaires, partageant avec son auguste père le fardeau de l'Etat, l'Empereur actuel de Russie succède à l'Empereur Nicolas sans que son vaste empire se ressente autrement de ce changement que par la douleur qu'il partage avec son nouveau souverain. Puisse ce lien du cœur se changer bientôt, pour tous ses fidèles sujets et ses chauds partisans, en un lien de joie et de bonheur, à cette douce pensée, qui, tandis que nous écrivons, soudain arit nos larmes et répand la quiétude dans notre cœur, — que l'Empereur Nicolas n'est mort qu'en partie, puisque par sa belle âme, son esprit généreux et chevaleresque, il vit encore dans son fils bien-aimé. Ses nobles traits resteront à jamais empreints dans tous les cœurs. Ses augustes cendres iront illustrer celles qui reposent déjà dans le caveau de cette glorieuse lignée de souverains dont le ciel a doté l'empire russe, et pour tous les enfants de Russie ces cendres seront une sainte relique. L'amour, l'amour du prince et des sujets, se sera donc partagé les augustes dépouilles, l'esprit comme le corps de ce glorieux souverain. La mort nous l'aura enlevé sous le nom de Nicolas I-er, l'amour nous l'aura rendu sous celui d'Alexandre II!»

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Всемірная выставка въ Парижѣ. — 15 мая. — Fiasco. — Дворецъ промышленности. — Дворецъ изящныхъ искусствъ. — Выставка домашняго скота.— Посѣтители. — Два китайца. — Ихъ странности. — Лордъ мэръ. — Верди и Россини. — Увеселенія. — Опера. — Vêpres Siciliennes... на сценѣ. — «Ягуарита», соч. г. Обера. — Театръ. — Итальянцы. — Г-жа Ристори и Рашель. — Поѣздка въ Америку. — Тостъ Легуве. — Премія Верона. — Смерть живописца Изабе, тенора Лавиня и Дюпона. — Новости литературы. — Современный поэтъ. — Г. Неттманъ. — Журналы. — Подземныя и подводныя желѣзныя дороги. — Лондонскій сэзонъ. — Литературное — затишье. — Новый романъ Вальтеръ-Скотта. — Г. Кабаній и Athenaeum. — Непростительный скептицизмъ этого журнала. — Что отвѣтитъ г. Кабеній? — Смерть Корреръ-Белль. — Полковникъ Раулинсонъ. — Его экспедиція... вовсе не воинственная. — Ассирійскія древности. — Изверженіе Везувія. — Желѣзная дорога на Панамскомъ перешейкѣ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Парижъ представлялъ собой зрѣлище совсѣмъ не привлекательное. Холодъ, дождь, грязь, градъ, всѣ непогоды такъ, по видимому, полюбили эту столицу изящества и вкуса, что вовсе не хотѣли съ ней разстаться. Улицы становились непроходимы, тѣмъ болѣе, что къ атмосферическимъ неудобствамъ присоединялись и другія, совсѣмъ инаго рода. Ломки домовъ и цѣлыхъ улицъ, огромныя передѣлки, постройки и перестройки шли своимъ чередомъ, затрудняли проѣздъ, стѣсняли прохожихъ. Въ такой суматохѣ Парижъ готовился къ пріему гостей, которыхъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, — многочисленныхъ экспонентовъ и безчисленныхъ посѣтителей на свою выставку.

Зданіе выставки уже давно было готово, но о внутреннемъ устройствѣ его, къ сожалѣнію, никакъ нельзя было сказать того же самого. Самые увѣренные ожидатели, самые ревностные поклонники ея будущаго величія начинали приходить въ отчаяніе. И, по правдѣ сказать, было изъ чего. Теперь дѣла приняли уже, если не совершенно, то гораздо болѣе благопріятный оборотъ, а въ то время всѣ опасенія, всѣ страхи были вовсе не безосновательны. Первое мая должно было быть первымъ днемъ выставки, но первое мая прошло, а двери новыхъ дворцовъ все еще оставались закрытыми и для парижанъ, можетъ быть вовсе не удивленныхъ, и для иностранцевъ, которыхъ почти нигдѣ не было видно. Дѣйствительно, еще ничто не было готово. Волей или неволей нужно было отложить церемонію до 15-го числа.

Въ этотъ день она имѣла мѣсто; выставка была открыта, но точно также волей или неволей, изъ всѣхъ привезенныхъ предметовъ развѣ только десятая часть стояла на своихъ мѣстахъ; залы были наполнены работниками, неразвязанными тюками, закупоренными и раскупоренными товарными ящиками.

По этимъ-то и по другимъ еще причинамъ мы не ошибемся, если скажемъ, что первые дни существованія новорожденной выставки и самая церемонія, несмотря на весь свой блескъ и величіе, на свою роскошь и эффектность были совершеннымъ *fiasco*. Начнемъ съ того, что и самый день совсѣмъ не захотѣлъ прилично убраться для такого славнаго торжества. Небо было затянуто сѣрыми тучами, улицы были покрыты грязью; каждая минута грозила проливнымъ дождемъ. Несмотря на то, у Елисейскихъ полей съ ранняго утра стали собираться толпы, частію любопытныхъ, частію обязанныхъ участвовать въ церемоніалѣ. Какъ бы къ довершенію бѣды, кареты пріѣзжавшихъ должны были останавливаться на значительномъ разстояніи отъ входа въ зданіе. Изящныя дамы, въ роскошныхъ туалетахъ выбирались на грязную улицу и съ ужасомъ видѣли, что двери еще не отпирались.... То была непріятная минута. Къ счастію, она продлилась не долго. Должно сознаться, говоритъ французскій лѣтописецъ, что въ самомъ зданіи царствовалъ совершенный порядокъ и входившимъ тотчасъ же предупредительно были указываемы мѣста. Но утѣшительно ли это?

Здѣсь, внутри, въ великолѣпіи недостатка не было. Баркатъ и золото, щиты съ гербами и разноцвѣтные флаги, императорскій тронъ съ роскошнымъ балдахиномъ, кругомъ, цѣлыя толпы чиновъ, сановниковъ, членовъ разныхъ сословій и корпорацій въ парадныхъ мундирахъ, пріятно поражали зрѣніе. Въ часъ по полудни пушечный выстрѣлъ изъ Тюльерійскаго замка возвѣстилъ жителямъ о выѣздѣ императора изъ дворца. Поѣздъ состоялъ изъ шести каретъ, изъ которыхъ въ первыхъ помѣщались придворные сановники; въ послѣдней же, запряженной восемью лошадьми, сидѣли императоръ съ супругой, оберъ гофмаршалъ и оберъ-гофмейстерина императрицы. У дверецъ кареты стояли дежурный адъютантъ, оберъ-шталмейстеръ императора и комендантъ дворцовой гвардіи (des Cent Gardes). Выѣздъ сопровождали нѣсколько эскадроновъ гвардіи и гвардейскихъ кирасиръ, съ военной музыкой. Со всѣхъ сторонъ тѣснились на встрѣчу толпы народа; но напрасно сталъ бы кто искать здѣсь выраженія шумной радости или восторга. Все торжество походило болѣе на театральное представленіе, въ которомъ есть и дѣйствующія лица и толпы зрителей, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ бросаются въ глаза и театральныя подмостки. Любопытство и удивленіе, вотъ все, что можно было прочесть на лицахъ присутствовавшихъ.

Встрѣченный у дверей зданія принцемъ Наполеономъ, императоръ приблизился къ трону, стоя у котораго выслушалъ рѣчь принца, столь ловко направленную къ восхваленію главнаго дѣйствующаго лица въ описываемой церемоніи, и безъ сомнѣнія, уже извѣстную нашимъ читателямъ. Императоръ отвѣчалъ очень коротко.

«Mon cher cousin — сказалъ онъ — назначивъ васъ предсѣдателемъ коммиссіи, которой предстояло побѣдить столько трудностей, я хотѣлъ дать вамъ тѣмъ доказательство моего особаго къ вамъ довѣ-

ріи. Мнѣ пріятно видѣть, что вы такъ совершенно его оправдали. Прошу васъ передать мою благодарность членамъ коммисеіи, за ихъ просвѣщенныя старанія и неутомимое усердіе. Считаю себя счастливымъ открывая этотъ *храмъ мира*, *призывающій въ согласію всѣ народы*.»

Въ слѣдъ за тѣмъ императоръ и императрица вмѣстѣ со свитой обошли длинный рядъ залъ и вновь возвратясь въ центральное строеніе описаннымъ порядкомъ, возвратились въ Тюльерійскій дворецъ, гдѣ четверть часа спустя, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о ихъ прибытіи. Тѣмъ кончилась церемонія, но гдѣ во все это время были самые экспоненты, эти представители промышленности, люди, которые изъ отдаленныхъ краевъ свѣта привезли произведенія своего труда, и которымъ, по справедливости, слѣдовало бы играть въ торжествѣ не послѣднюю роль? О нихъ никто не подумалъ, никто не вспомнилъ, ихъ нигдѣ не было видно. Разсказываютъ, что они дѣйствительно явились къ зданію выставки, и провожаемые привратниками отъ одного входа къ другому, добились, наконецъ, своего, вошли въ зданіе не задолго до прибытія двора, но, на бѣду, съ открытіемъ церемоніи всѣ двери заперлись и несчастнымъ промышленникамъ пришлось простоять все время въ пустомъ коррядорѣ, никого и ничего не видя и не слыша, чѣмъ всѣ они остались весьма недовольны, какъ и легко себѣ можно представить. Замѣчательно еще, что самая церемонія привела бо̀льшую часть повѣствователей о ней въ очень непріятное настроеніе духа. Одинъ замѣчаетъ, что въ центральной залѣ, въ которой совершено было открытіе выставки, разставлены были въ числѣ привезенныхъ предметовъ, готическіе памятники, церковныя каѳедры, разные престолы и другія принадлежности церквей, что̀ давало всему мрачный видъ кладбища. Англійскій корреспондентъ замѣтилъ, что позади и вокругъ императорскаго трона расположены были произведенія Соединенныхъ Штатовъ, флаги этихъ республикъ, съ своими тринадцатью звѣздами развѣвались кругомъ — служа какъ бы угрозой или насмѣшкой. При этомъ случаѣ, дѣло, разумѣется, не могло обойтись безъ сравненій съ лондонской всемірной выставкой, съ великолѣпнымъ Хрустальнымъ дворцомъ, который до сего времени украшаетъ еще столицу Великобританіи.

Безъ сомнѣнія, англичанамъ нравится болѣе ихъ Сейденгамскій дворецъ, это дѣйствительно небывалое строеніе, которое, вмѣстѣ съ небывалымъ до того времени предметомъ, для котораго служило помѣщеніемъ, имѣло, впрочемъ, преимущество вызвать, со стороны извѣстнаго ученаго и романиста, Самуеля Варрена, произведеніе «Лилія и пчела», (The lily and the bee), до смысла котораго, вѣроятно и до сихъ поръ никто еще не могъ добраться. Не говоря уже о различіи въ политическомъ горизонтѣ той эпохи и настоящей, различіи, которое не можетъ не отразиться и на самой выставкѣ. Парижская выставка, по крайней мѣрѣ, до настоящей минуты еще во многомъ уступаетъ Лондонской. Строгій порядокъ, предупреди-

тельность и предусмотрительность, практичность и умѣстность всѣхъ распоряженій главнаго комитета въ Лондонѣ, невольно приходятъ на память каждому. Всѣми этими качествами пока еще не могутъ похвалиться парижане. «Сознаюсь, что съ этой выставкой надѣлали много глупостей (de bêtises),» отвѣчалъ, говорятъ, принцъ Наполеонъ на жалобы экспонентовъ, «но я тогда былъ въ Крыму, и потому не имѣлъ возможности заниматься распоряженіями по устройству зданій.» Экспоненты не совсѣмъ, впрочемъ, остались довольны этимъ объясненіемъ. Къ числу главныхъ неудобствъ принадлежатъ недостатокъ порядочнаго надзора въ самомъ зданіи, безпрестанныя перемѣны въ размѣщеніи предметовъ выставки и еще одно обстоятельство, которое не можетъ не поразить. Крыши дворцовъ стеклянныя и распорядители совершенно упустили изъ виду покрыть ихъ чѣмъ нибудь для уменьшенія сильнаго вліянія солнечныхъ лучей. Отъ этого, кромѣ нестерпимаго жара въ самомъ зданіи, большая часть издѣлій могла бы подвергнуться совершенной порчѣ. Главною причиною всѣхъ этихъ безпорядковъ полагаютъ существованіе двухъ распорядительныхъ коммиссій при выставкѣ — императорской (commission impériale) и коммиссіи дворца промышленности (commission du palais de l'Industrie). Эти-то коммиссіи никакъ не могли дойти до совершеннаго взаимнаго согласія, распоряженія одной отмѣнялись предписаніями другой и добиться толку было довольно трудно. Впрочемъ, все мало по малу приводится въ порядокъ, крыши покрываютъ особенно приготовленнымъ холстомъ, въ залы проводятъ подземныя трубы, устраиваютъ фонтаны для очищенія и освѣженія воздуха — и французы надѣются, что, наконецъ, ни въ чемъ не уступятъ своимъ сосѣдямъ островитянамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было ожидать, чтобы число посѣтителей выставки было очень значительно. Дѣйствительно до 1 іюня огромныя залы казались совершенно пустыми; сборъ бывалъ самый незначительный, не удивительно что несчастные спекуляторы, строители зданій выставки, надѣявшіеся на такіе славные барыши, начинали приходить въ отчаяніе. Незначительное число посѣтителей много зависѣло также и отъ высокой платы за входъ; съ 15 мая по 1 іюня она составляла пять франковъ, а жители Парижа вообще не любятъ платить за подобныя зрѣлища, и что было смотрѣть, когда большая часть произведеній еще лежала въ ящикахъ? Правда, 27 мая залы дворцовъ были совершенно полны, число посѣтителей въ этотъ день превышало 80,000,— но входъ былъ *gratis* и потому самъ по себѣ фактъ этотъ не былъ особенно утѣшителенъ. Съ 1-го іюня плата за входъ назначена меньшая; прежняя цѣна оставлена только для одного дня въ недѣлѣ — для самаго несчастнаго — для пятницы; во всѣ остальные платится одинъ франкъ, въ воскресенье (по особенному распоряженію правительства) только двадцать сантимовъ.

Но мы ничего не сказали еще о самыхъ зданіяхъ выставки. Они состоятъ изъ трехъ отдѣльныхъ строеній, которыя всѣ носятъ назва-

ніе дворцовъ — Дворецъ Промышленности или Центральный, Дворецъ Машинъ и Дворецъ Изящныхъ Искусствъ. Первое изъ нихъ имѣетъ видъ параллелограмма, съ тройной стеклянной крышей, въ родѣ той, которая покрываетъ трансептъ въ лондонскомъ Хрустальномъ Дворцѣ. Въ этомъ зданіи имѣла мѣсто описанная нами церемонія. Второе строеніе имѣетъ видъ галлереи, довольно узкой относительно протяженія. Оно построено на берегу Сены, имѣетъ въ длину около трехъ четвертей мили, и снаружи, особенно со стороны рѣки, не совсѣмъ пріятно поражаетъ зрѣніе. За то внутренній видъ этого зданія, прекрасно освѣщеннаго, эффектнѣе другихъ. Центральный дворецъ отличается чрезвычайнымъ однообразіемъ перспективы и въ этомъ отношеніи нисколько не походитъ на зданіе воздвигнутое въ Гайдъ-паркѣ. Войдя въ послѣднее трудно представить себѣ что это не болѣе какъ строеніе. Сквозь огромную хрустальную крышу ясно видны и солнечный свѣтъ и облака появляющіеся на небѣ, между тѣмъ какъ искусно расположенные ряды колоннъ, деревьевъ, статуй, на каждомъ шагу открываютъ новые виды, представляютъ глазамъ заманчивую, разнообразную перспективу. Ничего подобнаго нельзя найти въ Центральномъ дворцѣ. Весь блескъ, вся роскошь прямо съ перваго взгляда, бросается въ глаза входящимъ; въ немъ нѣтъ ничего неопредѣленнаго, поэтическаго, и его великолѣпіе не представляетъ воображенію ничего привлекательнаго. Внутреннее устройство въ этихъ двухъ дворцахъ должно было быть совершенно приведено къ концу только въ послѣднихъ числахъ іюня, а потому мы не можемъ сообщить никакихъ подробностей о выставленныхъ предметахъ. Что касается до Дворца Изящныхъ Искусствъ, то онъ былъ уже почти приведенъ въ порядокъ. Зданіе это воздвигнуто у Елисейскихъ полей, на концѣ Avenue Montaigne, новой улицы, недавно только образовавшейся изъ прежней Allée de Veuves. Оно имѣетъ 136 метровъ въ длину и 72 метра въ ширину; его внутреннее устройство, обширность залъ, распредѣленіе свѣта и расположеніе выставленныхъ картинъ и произведеній не оставляютъ ничего желать. Стѣны залъ покрыты оливковой краской, которая считается лучшею для эффекта картинъ, внутри нѣтъ никакихъ украшеній, которыя бы рѣзко бросаясь въ глаза, могли бы отвлечь вниманіе посѣтителей отъ главнаго предмета; двери, или правильнѣе говоря, отверстія въ стѣнахъ украшены портретами изъ старинныхъ Бовесскихъ (Beauvais) и Гобленовскихъ ковровъ. Школа французской живописи, занимаетъ первое мѣсто по числу выставленныхъ произведеній и вѣроятно займетъ такое же и по достоинству ихъ. Изъ числа 5028 померовъ каталога почти половина принадлежитъ французскимъ художникамъ и вѣроятно трудно бы было подобрать рядъ именъ болѣе славныхъ въ современномъ искусствѣ. Должно сказать также, что ни правительство, ни частныя лица не пожалѣли ничего для того чтобы увеличить блескъ этой выставки. Самыя дорогія картины изъ богатыхъ частныхъ собраній охотно были представлены владѣль-

ценные для этой цѣли, огромныя картины изъ парижскихъ церквей и изъ императорскихъ дворцовъ также нашли здѣсь свое мѣсто.

Гг Энгръ (Ingres) и Горасъ Верне имѣютъ каждый цѣлое отдѣленіе: первый изъ нихъ выставилъ 40 картинъ писанныхъ масляными красками и картоновъ (cartons à vitraux). Верне принадлежатъ 22 картины, въ числѣ которыхъ находятся самыя колоссальныя его произведенія: *La Prise de la Smala* и *la Bataille d'Isly*. Изъ другихъ французскихъ художниковъ, главное мѣсто занимаютъ еще произведенія Делакруа и Декана (Decamps); за ними слѣдуютъ всѣ извѣстные современные художники: Гюденъ, Тройонъ, Ше-д'Естъ-Анжъ (Chaix-d'Est-Ange), Делессеръ, Денойе, Лакасъ и др.; за исключеніемъ гг. Ари Шеффера, и Поля Делароша, которые не пожелали выставить ничего. Наконецъ, въ самомъ концѣ зданія расположены великолѣпные ковры Бовесской и Гобленовской мануфактуръ и Севрскій музей. Изъ прочихъ государствъ, первое мѣсто, по количеству выставленныхъ произведеній, занимаетъ Англія; въ каталогѣ ей принадлежатъ 733 номера, но, кажется, богатые британскіе владѣтели картинныхъ галлерей поскупились прислать принадлежащія имъ сокровища, безъ чего лучшимъ художникамъ, разумѣется, трудно было представить себя достойнымъ образомъ. Потому, хотя мы и встрѣчаемъ здѣсь славнѣйшія имена англійской школы, а именно — произведенія Уарда (котораго выставлены двѣ извѣстныя картины «Сонъ Арджилля» и «Казнь Монроза») сельскіе виды Кресвика, девять картинъ сэра Эдвина Ландсира (Lanseer) и произведенія Дайса, Вольи другихъ, но англичане сѣтуютъ о томъ, что собраніе это никакъ не можетъ еще быть названо полнымъ и что даже произведенія выставленныя названными художниками не суть лучшія и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить представителями всей дѣятельности ихъ такъ какъ произведенія французскихъ живописцевъ.

Нельзя пройти безъ вниманія залъ германской живописи. Пруссія занимаетъ одну изъ большихъ залъ; въ ней выставлены 245 картинъ. Здѣсь находятся произведенія замѣчательнѣйшихъ германскихъ художниковъ, какъ основателей, такъ и послѣдователей берлинской и дюссельдорфской школъ живописи, — въ главѣ всего — творенія Корнеліуса и Каульбаха. Затѣмъ слѣдуютъ другія государства, приславшія большее или меньшее число произведеній. Вотъ число метровъ, которое нѣкоторыя государства требовали для выставки своихъ картинъ: Англія — 800 метровъ; Бельгія — 752; Пруссія — 750; Голландія — 310; Швейцарія — 300; Австрія — 210; Швеція и Норвегія — 130; Великое Герцогство Гессенское — 52 метра; Виртембергское Королевство — 23; Ганноверское — только 1 метръ. Отчизна искусства, Италія занимаетъ послѣднее мѣсто и по количеству и по достоинству присланныхъ произведеній. — При взглядѣ на такое рѣдкое собраніе столь замѣчательныхъ произведеній человѣческаго искусства, легко можетъ поразить васъ страшная мысль: что бы сталось, если бы въ какомъ нибудь концѣ этого огромнаго зданія возникъ пожаръ? Какая потеря въ

мірѣ могла бы вознаградить владѣльцевъ и художниковъ за потерю этихъ геніальныхъ твореній? И когда можно бы было надѣяться вновь составить подобное собраніе? Должно сознаться, что всѣ предосторожности противъ подобнаго несчастія приняты.

Въ сосѣдствѣ скульптурной залы устроенъ резервуаръ, постоянно наполненный водой въ количествѣ четырехъ кубическихъ метровъ; въ другихъ залахъ проведены въ стѣнахъ въ большомъ количествѣ водопроводныя трубы изъ Шальо, Монсо и изъ Пантеона, внутри и вокругъ зданія расположено на день и на ночь достаточное число пожарныхъ служителей, — однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, для предотвращенія бѣдствія, котораго, по справедливости, ничѣмъ бы не было возможно исправить. — Что касается до оцѣнки выставленныхъ произведеній, до опредѣленія относительнаго достоинства различныхъ школъ живописи, которыя всѣ имѣютъ здѣсь достойныхъ представителей, то, безъ сомнѣнія, о всемъ этомъ пока нельзя сказать еще ничего, такъ какъ самая выставка такъ недавно открыта. Но мысль соединить со всемирной выставкой, выставку произведеній изящныхъ искуствъ должна быть названа чрезвычайно счастливой и въ этомъ отношеніи парижская всемірная выставка будетъ имѣть предъ лондонской значительное преимущество. Изъ приведенныхъ уже нами именъ художниковъ, читатели убѣдятся въ томъ, какъ занимательно должно быть это зрѣлище. Нужно было бы объѣздить всѣ столицы Европы, пересмотрѣть всѣ картинныя галлереи, всѣ музеи и дворцы, для того, чтобы взглянуть на эти дивныя творенія, которыя теперь собраны въ одномъ зданіи, подъ одной крышей.

Вмѣстѣ съ выставкой промышленности открыты были выставки садоводства и выставка домашняго скота на Марсовомъ Полѣ. О первой нельзя сказать ничего кромѣ того развѣ, что она была расположена съ замѣчательнымъ вкусомъ, — самыя растенія не представляли ничего особенно интереснаго, хотя въ числѣ ихъ и были довольно рѣдкія. Выставка на Марсовомъ Полѣ гораздо замѣчательнѣе. Домашнія животныя всевозможныхъ породъ были привезены изъ разныхъ краевъ свѣта. Швейцарскія коровы, испанскіе мериносы, быки, бараны и овцы изъ Англіи, доведенные до непомѣрной толщины и величины, животные всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ породъ и даже два суратскіе быка, прибывшіе прямо изъ Индіи, встрѣтились здѣсь и можетъ быть посматривали на себя съ такою же гордостью, какъ и привезшіе ихъ владѣльцы. Пальма первенства досталась извѣстному англійскому овцеводу Джонасу Веббу, который получилъ уже огромное число призовъ и медалей на другихъ выставкахъ сельскаго хозяйства въ собственномъ своемъ отечествѣ. Теперь онъ продалъ своихъ заводскихъ барановъ соутдоунской (South Down) породы по 2,500 франковъ; одного изъ нихъ купилъ Императоръ. Вообще англійскіе сельскіе хозяева отличились на этой выставкѣ болѣе другихъ. Выставленные принцемъ Албертомъ животные также обращали на себя общее вниманіе. Изъ присланныхъ имъ птицъ за одного пѣтуха и двухъ

курицъ предлагали баснословную цѣну 1,800 франковъ, но онъ вовсе отказался ихъ продать. Французскимъ императоромъ куплено было на этой выставкѣ разныхъ животныхъ на 20,000 фр., императрицей на такую же сумму.

Между тѣмъ какъ устройство выставки приближалось, хотя и довольно медленно, къ окончанію, Парижъ мало-по-малу, наполнялся разнообразными посѣтителями со всѣхъ концовъ свѣта, знатными и незнатными, людьми прославленными и извѣстными, и наконецъ, вовсе неизвѣстными и ничѣмъ не прославленными. Были посѣтители и никому до того неизвѣстные, но замѣчательные, по крайней мѣрѣ привлекавшіе на себя общее вниманіе. Сюда принадлежатъ два гражданина Небесной Имперіи, которые въ отчизнѣ своей, вѣроятно, не выходили изъ ряда людей обыкновенныхъ, но въ Парижѣ имѣли преимущество служить предметомъ всеобщаго любопытства. Они прибыли изъ Калькутты чрезъ Лондонъ въ Парижъ, и въ продолженіи первыхъ трехъ дней своего тамъ пребыванія успѣли шесть разъ перемѣнить квартиру, не находя нигдѣ совершенно удобнаго для себя помѣщенія. Одного изъ нихъ зовутъ Гуангъ, другаго Панъ-се-Ченъ. Первый украшенъ красной пуговкой, второй хотя гораздо старѣе, носитъ только павлинье перо. Гуангъ нанялъ себѣ карету, и желая осмотрѣть городъ какъ можно лучше и скорѣе, непремѣнно хотѣлъ помѣститься на козлахъ. Величайшаго труда стоило уговорить его отмѣнить это намѣреніе, въ слѣдствіе котораго онъ бы, вѣроятно, очень скоро успѣлъ увидѣть не только городъ, но и большую часть его народонаселенія, по крайней мѣрѣ подвижнаго и склоннаго къ уличнымъ развлеченіямъ. Панъ-се-Ченъ съ своей стороны не замедлилъ показать еще лучшій примѣръ своей эксцентричности. Увидѣвъ въ одномъ магазинѣ въ Палерояле, множество французскихъ и иностранныхъ орденовъ, онъ накупилъ около дюжины самыхъ красивыхъ изъ нихъ, и, къ не малому удивленію магазинщицы, немедленно облекся въ нихъ, самыми разнообразными способами, по собственному вкусу и усмотрѣнію. Такъ какъ онъ, однако, говоритъ по-англійски, то одинъ англичанинъ, увидѣвъ его вечеромъ, объяснилъ ему какъ могъ, всю неумѣстность и неумѣренность его кокетства. Высокій мандаринъ, проникнутый чувствомъ справедливости, тотчасъ отказался отъ всѣхъ неправильно-пріобрѣтенныхъ украшеній, и снявъ свои ордена, великодушно подарилъ ихъ мимо проходившему солдату, который, не видя никакой возможности, скоро дослужиться до почестей, такъ внезапно на него посыпавшихся, сбылъ все полученное обратно въ магазинъ. Но Панъ-се-Ченъ уже старъ, Гуангъ, напротивъ, молодъ, и, повидимому, очень влюбчивъ. Онъ успѣлъ отличиться многими любезностями, не всегда удачными. Какъ бы то ни было, парижане бѣгали за ними, любовались ими, наперерывъ старались на нихъ взглянуть. Но оставимъ этихъ китайцевъ и обратимся къ посѣтителямъ, заслуживающимъ нашего полнаго и почтительнаго вниманія. Знаменитый итальянскій маэстро Россини теперь въ Парижѣ. Онъ пріѣхалъ туда по случаю

всемірной выставки. Давно уже страдаетъ онъ какою-то внутреннею болѣзнію. Его ничто не занимаетъ и не интересуетъ; онъ скученъ, сердитъ и всѣмъ недоволенъ. Друзья никакъ не могли завести его даже въ оперу, гдѣ давалось новое произведеніе Обера, хотя для него и была приготовлена тамъ закрытая ложа въ бенуарѣ.

— «Все это счастіе, которые испытываютъ другіе»—сказалъ онъ, говорятъ: «только раздражаетъ меня, потому что заставляетъ сильнѣе чувствовать мое несчастное положеніе.»

Ве́рди также въ Парижѣ. Онъ недавно поставилъ новую оперу *les Vêpres Siciliennes*, о которой мы еще скажемъ нѣсколько словъ. Этотъ композиторъ, нѣсколько лѣтъ уже пользующійся столь громкою извѣстностью, принадлежитъ къ числу самыхъ неутомимыхъ тружениковъ. Онъ рѣдко бываетъ въ свѣтѣ, находясь постоянно въ кругу нѣкоторыхъ избранныхъ соотечественниковъ своихъ, людей спокойныхъ и разсудительныхъ. Ему около сорока лѣтъ, онъ съ виду гораздо болѣе похожъ на нѣмца, нежели на итальянца, и въ обращеніи его вовсе нѣтъ ни пылкости, ни услужливости, свойственныхъ его соотечественникамъ. Напротивъ, онъ довольно суровъ, очень несообщителенъ, молчаливъ и недовѣрчивъ. Выраженіе его лица строгое, почти отталкивающее; волосы его свѣтло-каштановаго цвѣта, лицо блѣдное, довольно большая борода всегда въ безпорядкѣ; все это вмѣстѣ съ впалыми глазами, тонкими губами и съ какою-то безстрастностію въ лицѣ придаютъ ему нѣчто таинственное. Онъ едва отвѣчаетъ на поклоны, ни у кого не бываетъ, не обращаетъ вниманія на всѣ о себѣ толки и сплетни, ничего не говоритъ, думаетъ и занимается своимъ дѣломъ.

Ожидаютъ еще прибытія американскаго писателя Вашингтона Ирвинга, который, мимоходомъ замѣтимъ, гораздо болѣе европеецъ, чѣмъ американецъ, знаменитой пѣвицы г-жи Гольдшмидтъ (Дженни Линдъ) и другихъ.

Пятаго іюня прибылъ въ Парижъ лондонскій лордъ мэръ, сэръ Франсисъ Грегемъ Мунъ, тотъ самый, котораго посѣтилъ французскій императоръ во время послѣдней поѣздки своей въ Англію, и который получилъ за то отъ императора золотую табакерку съ бриллiантовымъ вензелемъ, а отъ королевы несравненно болѣе лестную для честолюбія награду — титулъ баронета. Сэръ Франсисъ началъ свою карьеру очень скромно; онъ былъ сначала литографомъ, потомъ сталъ заниматься изданіемъ иллюстрированныхъ книгъ, трудомъ и бережливостью составилъ себѣ состояніе, приносящее милліонъ двѣсти тысячъ франковъ годоваго дохода, которымъ и наслаждается въ настоящее время. Онъ и прибывшіе съ нимъ альдермены помѣстились въ Hôtel de Ville, гдѣ въ честь ихъ данъ былъ вслѣдъ за тѣмъ великолѣпный банкетъ чинами города Парижа.

Нельзя сказать, чтобы увеселенія въ этой столицѣ шли своимъ чередомъ. Напротивъ, по случаю не бывалаго торжества, они, кажется, принимаютъ небывалые размѣры. Большая опера, Лирическій

театръ, французскіе театры и сверхъ того театры: англійскій, испанскій, итальянскій, нѣмецкій, испанскій балетъ, не говоря уже о загородныхъ гуляньяхъ, которыя существуютъ теперь, точно такъ же, какъ существовали прежде и какъ вѣроятно будутъ существовать и впредь, — чего можно желать болѣе? На Лирическомъ Театрѣ (Théâtre Lyrique) поставлены двѣ новыя комическія оперы г. Галеви — *Ягуарита* (*Jaguarita l'Indienne*) и г. Обера — *Дженни Белль*. Первая изъ нихъ имѣла совершенный успѣхъ, которымъ обязана была какъ новости сюжета, костюмовъ, сцены, такъ и прекрасной музыкѣ г. Галеви. Либретто написано гг. де-Сенъ-Жоржемъ и де-Лёвеномъ, сюжетъ заимствованъ изъ романа Эжена Сю: *Hercule Hardi*. Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Суринама, въ южной Америкѣ. Между поселившимися здѣсь голландцами и природными жителями страны — индѣйцами царствуетъ безпрерывная война. Главное дѣйствующее лицо, героиня есть предводительница дикаго племени Дакотасовъ. Она жрица, оракулъ, а по храбрости, смѣлости и предпріимчивости своей получила прозваніе — Ягуариты. Ненависть къ державнымъ пришельцамъ ея единственная страсть; кровавая месть главная цѣль ея жизни. Въ нее влюбленъ начальникъ сосѣдняго племени дикарей, господинъ коричневаго цвѣта, которого носъ украшенъ двумя огромными кольцами. Но чего не случается? Красавица, забывая вражду и ненависть, презираетъ своего поклонника, и влюбляется въ смертнаго врага своего, въ голландскаго капитана Мориса, несмотря на то, что въ носу у него нѣтъ колецъ и одѣтъ онъ въ зеленый форменный мундиръ съ оранжевыми выпушками. Интересъ пьесы заключается въ военныхъ эпизодахъ и въ сценахъ страстной любви дикой индіанки. Комизмъ ея основанъ главнымъ образомъ на одномъ лицѣ, молодомъ нидерландцѣ, который на собственную свою бѣду носитъ славное и воинственное имя Фанъ Тромпа. Онъ былъ воспитанъ дома, теткой, окруженъ всевозможными нѣжностями и внезапно очутился предводителемъ военнаго отряда. Онъ вовсе не созданъ для этой роли, боязливъ и совершаетъ нѣсколько подвиговъ порядочной трусости, но судьба устроиваетъ все къ его же вящшей славѣ, къ собственному удивленію своему онъ даже оказывается первымъ храбрецомъ въ мірѣ, возбуждаетъ всеобщее удивленіе и восторгъ, однимъ словомъ, оказывается вполнѣ достойнымъ потомкомъ своихъ воинственныхъ предковъ. Что касается до капитана Мориса, то онъ, тронутый сильной страстью Ягуариты, спасшей его однажды изъ западни, въ которую онъ было попалъ, покидаетъ свою обрученную (бѣлѣйшую изъ креолокъ) и избавивъ предводительницу Дакотасовъ отъ преслѣдованія ея краснокожихъ подданныхъ наконецъ соединяется съ новой своей возлюбленной, узами любви и брака. Таковъ сюжетъ этой пьесы; что касается до музыки, то опера эта, по отзыву критиковъ, принадлежитъ къ самымъ удачнымъ произведеніямъ талантливаго композитора. Увертюра — одна изъ лучшихъ изъ написанныхъ имъ; вообще опера отличается замѣчательной оркестровкой, богатствомъ, обы-

ліемъ, новостью и оригинальностью мотивовъ и арій. Успѣху ея много содѣйствовали также дебютъ новаго тенора — г. Монжоза, бывшаго актера нашего Михайловскаго театра и игра молодой пѣвицы г-жи Кабель въ ролѣ Ягуариты. — Содержаніе новой оперы ветерана-композитора, г. Обера, Дженни Белль, не отличается ни новостью, ни особою занимательностью, по этому мы не станемъ утомлять читателей его изложеніемъ. Либретто составлено г. Скрибомъ (сколько написалъ онъ ихъ на своемъ вѣку?). Музыка отличается нѣжностью и граціей мотивовъ, всѣми достоинствами свойственными произведеніямъ этого неисчерпаемаго композитора. Опера имѣла большой успѣхъ, которому много содѣйствовало пѣніе и игра m-lle Duprez, дочери извѣстнаго тенора, пользовавшагося такою громкою извѣстностью и недавно сошедшаго со сцены. Новая опера маэстро Верди: *Les Vêpres Siciliennes* — надѣлала много шуму еще до своего появленія. О ней много говорили, толковали, судили и рядили, дѣлали разныя предположенія и ожидали съ нетерпѣніемъ ея появленія. Наконецъ, она была поставлена на Большой Оперѣ подъ надзоромъ самого г. Верди; но до сего времени ее давали только одинъ разъ и потому окончательное сужденіе о ея достоинствахъ должно отложить до будущаго времени. Содержаніе почерпнуто изъ исторіи Италіи, какъ видно изъ самого заглавія. Этимъ именемъ называется кровавая драма, разыгравшаяся въ Сициліи еще въ XIII столѣтіи, во время владычества французовъ. Происшествіе, бывшее къ ней поводомъ или предлогомъ, довольно извѣстно. Въ Палорѣ существовалъ обычай, ходить на поклоненіе, во время вечерень на Святой недѣлѣ, въ часовню Святаго Духа, находившуюся въ недальнемъ разстояніи отъ этого города. Въ 1282 году, когда французскія войска занимали непокорную столицу Сициліи, губернаторъ, Гюи де Монфоръ, отдалъ приказаніе, воспрещавшее жителямъ ходить въ эту часовню вооруженными. Солдаты, которымъ поручено было наблюденіе за исполненіемъ этого приказанія, произвольно простерли его и на лица женскаго пола и начали слишкомъ усердно исполнять повелѣніе правителя страны. Такимъ образомъ была оскорблена одна знатная сицилійская дама; отсюда возникла драка между народомъ и войскомъ, которая повлекла за собой всеобщее возстаніе. Г. Скрибъ, избравъ аналогическій этому фактъ, украсилъ его цвѣтами собственнаго воображенія и такова его драма. Впрочемъ, въ началѣ, въ небольшомъ предисловіи, которое онъ счелъ нужнымъ предпослать ей, онъ говоритъ, что рѣзня, извѣстная подъ именемъ Сицилійскихъ вечерень, никогда не имѣла мѣсто, — любопытно бы было знать, на чемъ основалъ онъ свое мнѣніе, или для кого писалъ это. Либреттистъ находился въ довольно затруднительномъ положеніи, ибо очень естественно, не желалъ выставлять съ дурной стороны своихъ соотечественниковъ, а г. Верди умолялъ его быть любезнымъ и къ обитателямъ Сициліи.

— Не могу же я, однако, сдѣлать такъ, чтобы французы порѣзали сицилійцевъ! возражалъ онъ.

— Этого я и не требую, отвѣчалъ г. Верди: — но, пожалуйста, не обижайте слишкомъ моихъ бѣдныхъ островитянъ. Я и безъ того каждый день получаю безъимянныя письма отъ своихъ соотечественниковъ, въ которыхъ они угрожаютъ мнѣ освистать оперу, если Сицилія будетъ оскорблена какъ бы то ни было.... да и мнѣ самому можетъ прійтись не совсѣмъ хорошо....

Наконецъ г. Скрибъ согласился вставить нѣсколько стиховъ, восхваляющихъ доблесть и мужество сицилійцевъ. Онъ выкинулъ ихъ впослѣдствіи, но вообще говоря, въ оперѣ скорѣе французы выставлены въ дурномъ свѣтѣ, и такъ г. Верди остался спокоенъ и безопасенъ. Первое представленіе этой оперы было очень успѣшно. Музыка обилуетъ, говорятъ, мотивами нѣжными и граціозными, чего трудно было ожидать отъ этого композитора; что касается до бравурныхъ пассажей, то они, какъ извѣстно, составляютъ его *forte*, или, по крайней мѣрѣ, спеціальность. Впрочемъ, какъ мы сказали уже, пока еще нельзя сдѣлать о ней никакого общаго заключенія.

Представленія итальянской драматической труппы подъ дирекціей г. Ригетти производятъ рѣшительный фуроръ. Но въ этомъ успѣхѣ повиненъ вовсе не г. Ригетти. Главная виновница его г-жа Ристори (маркиза Каприаника дель Грильо), имя которой уже извѣстно и дилетантамъ путешественникамъ и читающей публикѣ вообще. Эта артистка, по всѣмъ отзывамъ о ней, дѣйствительно обладаетъ талантомъ необыкновеннымъ. Она соединяетъ въ себѣ въ равно-высокой степени два качества обыкновенно исключающія одно другое — талантъ комическій и трагическій. Сверхъ того, она замѣчательно-хороша собой и обладаетъ всѣми условіями необходимыми для сцены. Не удивительно, послѣ этого, что во время ея представленій, зала Вантадурскаго театра постоянно полна сверху до низу, несмотря на итальянскій языкъ, который, безъ сомнѣнія, понятенъ только небольшему числу зрителей. Достаточно сказать, что послѣ первыхъ дебютовъ ея число представленій, назначенныхъ для этой труппы (двѣнадцать) было удвоено. Главный успѣхъ ея составляетъ трагедія Альфьери — *Мирра* (*Myrrha*) въ которой ея блестящій талантъ имѣлъ возможность выказать себя вполнѣ. Бѣдному Альфьери порядочно досталось отъ французскихъ фельетонистовъ, но тѣмъ не менѣе игра артистки привлекала несмѣтное число публики и апплодисментамъ не было конца. Этотъ необыкновенный успѣхъ не остался безъ вліянія на другую знаменитую артистку. Мы говоримъ о Рашели. Гдѣ была она въ послѣднее время? Этого навѣрное никто не зналъ. Говорили о ея предполагаемой поѣздкѣ въ Америку, нѣкоторые думали, можетъ быть, что она уже и въ пути, достовѣрно было только то, что ее не было въ Парижѣ, но г-жа Ристори вызвала ее изъ уединенія и вотъ въ годовщину рожденія Корнеля, когда на Французскомъ-

Театрѣ объявлена была его трагедія — Горацій, всѣ къ удивленію прочли на афишѣ, что роль Камиллы будетъ играть Рашель. Ристори, никогда не видавшая ее прежде присутствовала при этомъ представленіи.

«Какъ понравилась ей игра г-жи Рашель?» спросилъ кто-то у одной итальянки.

«Еслибъ m-me Ristori нашла, что m-lle Rachel играетъ хорошо, то она созналась бы, что сама играетъ дурно», отвѣчала она. Съ своей стороны довольна ли Рашель успѣхами ея соперницы? Говорятъ, что нѣтъ, говорятъ, что она теперь еще поспѣшнѣе отправится въ Америку, куда увезетъ съ собой сестеръ своихъ Сару, Лію, Дину, Дебору, и т. д., такъ же, какъ и г-на Рафаэля Феликса, *entrepreneur de congés*.... Не будемъ разбирать этого. Всѣ великіе артисты имѣли свои странности, и можетъ быть даже, немного самолюбія, — кто знаетъ? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакого сомнѣнія въ томъ, что талантъ геніальной французской артистки не пострадаетъ ни отъ какого сравненія, въ чемъ вѣроятно согласятся съ нами всѣ наши читатели, видѣвшіе ее въ Петербургѣ.

Кстати о Рашели. Всѣхъ забавилъ тостъ, произнесенный въ честь ея французскимъ писателемъ Легуве (Legouvé), на обѣдѣ общества драматическихъ писателей (Association des auteurs dramatiques). Г. Легуве, пожертвовавшій передъ тѣмъ въ пользу общества двѣ тысячи пятьсотъ франковъ (вознагражденіе за убытки, доставшееся ему по случаю выигрыша процесса его съ госпожею Рашель) былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ и усердныхъ тостовъ.

«— Господа, отвѣчалъ г. Легуве: — позвольте мнѣ, съ своей стороны, предложить вамъ тостъ: пью за здоровье госпожи Рашель, ибо безъ ея участія сумма эта вѣроятно не попала бы въ вашу казну.»

Комитетъ общества литераторовъ (Société des gens de lettres) получилъ недавно отъ неизвѣстнаго приношеніе въ десять тысячъ франковъ, для раздачи премій лучшимъ сочиненіямъ, по приложенной тѣмъ лицомъ программѣ. Всѣ полагаютъ, но неизвѣстно въ какой степени это достовѣрно, что приношеніе это сдѣлано авторомъ «Записокъ парижскаго буржуа», извѣстнымъ докторомъ Вероном. Какъ бы то ни было, комитетъ распорядился уже этими деньгами слѣдующимъ образомъ:

Пожертвованную сумму, по желанію неизвѣстнаго дарителя, распредѣлить въ видѣ премій авторамъ лучшихъ сочиненій по нижеизложенной программѣ:

1) Медаль въ 2,000 франковъ за лучшее сочиненіе *о литературѣ и писателяхъ XIX столѣтія.*

2) Медаль въ 1,500 франковъ за лучшее сочиненіе *о Бальзакѣ.*

3) Медаль въ 1000 франковъ за *лучшій романъ, по занимательности и степени выказаннаго таланта*, величиной отъ 50 до 60 тысячъ буквъ.

4) Медаль въ 1,500 франковъ за лучшую поэму на тему: *Искатели золота въ XIX столѣтіи.*

Остающаяся сумма 4,000 франковъ будетъ раздѣлена между авторами сочиненій, которыя коммиссія признаетъ достойными второстепенныхъ наградъ, или даже только почетнаго отзыва.

Рукописи должны быть представлены къ 15 сентябрю или къ 1 октябрю 1855 года; каждая изъ нихъ должна быть запечатана въ особомъ конвертѣ, съ эпиграфомъ, въ другомъ конвертѣ долженъ быть такой же эпиграфъ и имя автора.

Присужденіе наградъ будетъ имѣть мѣсто въ публичномъ засѣданіи Общества въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года.

Право собственности на представленныя на конкурсъ рукописи остается за сочинителями, которые обязываются только уступить 5 процентовъ изъ достающейся имъ суммы въ пользу вспомоществовательной кассы Общества. Сверхъ того, оно предоставляетъ себѣ право издать въ пользу той же кассы собраніе сочиненій удостоенныхъ награды.

Недавно умеръ въ Парижѣ извѣстный французскій художникъ Изабе (Isabey) отецъ, бывшій первымъ миніатюристомъ Императора Наполеона I. — Жанъ Батистъ Изабе, родился въ Нанси, въ 1767 г. и 19-ти лѣтъ прибылъ въ Парижъ, желая посвятить себя исторической живописи. Получивъ нѣсколько медалей Парижской Академіи, онъ хотѣлъ ѣхать въ Римъ, для того, чтобы продолжать тамъ свои занятія, но по недостатку удобствъ, долженъ былъ остаться въ Парижѣ и посвятилъ себя портретной живописи, посредствомъ которой и пріобрѣлъ себѣ и громкую славу и большое состояніе. Его можно назвать создателемъ совершенно особаго рода живописи (à la manière noire), получившаго его имя, послѣ выставки 1798 года, на которой отличилось его собраніе фамильныхъ портретовъ, названныхъ: *la Bargne d'Isabey.* Впрочемъ его обширныя занятія по части исторической живописи дали ему возможность стать выше собственно такъ-называемой портретной живописи. Этимъ-то предварительнымъ трудамъ своимъ обязанъ онъ былъ успѣхами картинъ своихъ: *Посѣщеніе Бонапартомъ фабрики братьевъ Севеновъ*, въ Руанѣ, *Посѣщеніе Бонапартомъ фабрики Оберкампфа*, въ Жуи, — *Тюльерійскій парадъ*, — *Вѣнскій конгрессъ*, и др., которыя хранятся теперь въ Версальскомъ дворцѣ. Въ Люксамбургскомъ дворцѣ есть много неподражаемыхъ его акварелей, въ томъ числѣ лучшее его произведеніе въ этомъ родѣ, видъ *Лѣстницы музея*, выставленный имъ въ 1817 году. Онъ рисовалъ также на эмалѣ и на фарфорѣ. Столъ, на которомъ онъ изобразилъ Императора, окруженнаго маршалами и генералами въ кампаніи 1805 года, есть лучшее произведеніе, когда-либо выходившее изъ Севрскихъ мануфактуръ. Царствованіе Наполеона I было вообще эпохой славы Изабе; онъ былъ тогда живописцемъ министерства иностранныхъ дѣлъ и императорскаго кабинета. Впрочемъ, какъ художникъ, онъ и послѣ перемѣны династіи остался въ своемъ отечествѣ и не под-

вергался опалѣ. При Людовикѣ XVIII онъ былъ королевскимъ живописцемъ и распорядителемъ придворныхъ празднествъ и спектаклей; въ послѣдствіи, онъ былъ назначенъ помощникомъ хранителя королевскихъ музеевъ и умеръ командоромъ ордена почетнаго легіона, отличіе, которое до сего времени имѣютъ изъ живописцевъ только г. г. Энгръ и Горасъ Верне.

Изабе умеръ 88 лѣтъ. Онъ оставилъ одного сына, также извѣстнаго художника.

Франція лишилась также другой своей старинной знаменитости. Недавно умеръ въ По (Pau) Лавинь (Lavigne), бывшій теноръ Большой оперы, пріобрѣвшій себѣ когда-то такую громкую славу въ двухъ операхъ Спонтини, въ «Весталкѣ» и въ «Фернандѣ Кортесѣ». Послѣ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ звуковъ, къ которымъ пріучили насъ современные артисты, простой гортанный голосъ Лавиня вѣроятно показался бы намъ очень страннымъ. Но Лавинь въ свое время производилъ фуроръ и даже удивлялъ своими нотами, казавшимися тогда очень высокими. Онъ останавливался на *sol* и бралъ *la* только по праздникамъ. Но эти дни были для него полнымъ торжествомъ. Во второмъ актѣ «Фернанда Кортеса» послѣ хора возмущенныхъ, когда предводитель ихъ начинаетъ свое извѣстное *Maestoso con brio*, заключающееся словами: *Cortez va vous conduire à des succès nouveaux*, всѣ зрители притаивали дыханіе, прислушиваясь какъ Лавинь, размахивая шпагой, бралъ свое знаменитое *la* (на слогѣ succès), единственное во всей партіи, и за тѣмъ рукоплесканіямъ и восторгу не было ни конца, ни мѣры. А Лавинь гордый, довольный и счастливый, удалялся за кулисы, радуясь своему торжеству. Кого бы удивило теперь это *la*, теперь когда всякій пѣвецъ силится дойти до *ut*, которое бралъ Дюпре, когда гигантскій голосъ Тамберлика, славнаго мавра, пріучилъ насъ къ *ut dièze* въ «Отелло» Россини?

Лавинь пѣлъ въ продолженіе двадцати лѣтъ. Говорятъ, что голосъ его былъ дѣйствительно чрезвычайно силенъ; на концертѣ, ежегодно дававшемся, въ царствованіе Людовика XVIII, на Тюльерійской террасѣ, его совершенно ясно можно было слышать, стоя посреди сада. Лавинь былъ прекрасный музыкантъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отличный и образованный человѣкъ.

Изъ его современниковъ пѣвцовъ отличается въ настоящее время въ живыхъ только Деривисъ старшій. Живя въ своемъ родномъ городкѣ, онъ получалъ пенсію въ продолженіе двадцати лѣтъ. Въ послѣднее время, онъ былъ пораженъ общимъ параличемъ и умеръ 76 лѣтъ отъ роду.

Еще старѣе его былъ актеръ Дюпонъ (Dupont) отецъ извѣстной субретки Французскаго театра, умершій въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Парижа, 88 лѣтъ отъ рожденія. Онъ родился въ 1767 году, дебютировалъ въ первый разъ въ 1785 году, бывъ 18 лѣтъ отъ роду, и проведя на сценѣ ровно требуемое число лѣтъ (20) удалился и

съ того времени по день смерти постоянно получалъ свою пенсію, составлявшую 6,000 франковъ въ годъ. Такимъ образомъ, онъ получилъ отъ правительства, по оставленіи службы, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, сумму равняющуюся 300,000 франковъ. Это едва ли не единственный примѣръ подобнаго рода.

Французская литература за послѣднее время не представляетъ никакихъ особенно замѣчательныхъ явленій. Мы назовемъ, впрочемъ, собраніе критическихъ статей г. Кювилье Флёри, сотрудника «Journal des Débats (Etudes historiques par Cuvillier-Fleury), подобное же собраніе (Causeries littéraires) Армана де-Понмартена сотрудника «Revue des Deux Mondes», посмертный романъ несчастнаго Жерара «Мечта и жизнь» (La Rêve et la vie), изданный книгопродавцемъ Леву, вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкими статьями, оставшимися послѣ этого писателя и сочиненіе г. Арсена Гуссэ (Arsène Houssaye) «Исторія 41-го кресла Французской Академіи». Извѣстно, что Французская Академія, учрежденная министромъ Ришльё, состоитъ изъ сорока членовъ. Подъ названнымъ замысловатымъ заглавіемъ г. Арсенъ Гуссэ хотѣлъ изложить жизнеописаніе тѣхъ поэтовъ и писателей, которыхъ Академія но излишней разборчивости или по другимъ какимъ либо причинамъ отказывалась принять въ число своихъ членовъ, но которые потомствомъ, а часто и самыми современниками признаны были вполнѣ достойными этой чести. Такихъ замѣчательныхъ людей французская литература представляетъ достаточное число, и книга подобнаго содержанія можетъ быть очень занимательной. Нельзя пройти, однако, безъ вниманія одной странности автора. Онъ недовольствуется однимъ жизнеописаніемъ приводимыхъ имъ писателей, но и пишетъ рѣчи, которыя, по его предположенію, они произнесли бы, еслибъ были удостоены выбора Академіи. Но говорить за великихъ людей, дѣло не совсѣмъ легкое.

Нѣсколько прежде этихъ сочиненій вышелъ трудъ г. Альфреда де-Неттманъ (Alfred de Nettement) о французской литературѣ настоящаго столѣтія. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ два тома. Первое излагаетъ исторію французской литературы во время реставраціи, второе во время царствованія Орлеанской династіи съ 1830 по 1848 годъ. Это есть трудъ добросовѣстный, изобличающій большія познанія и много изученія, но къ сожалѣнію, отличающійся самымъ страннымъ направленіемъ и ложнымъ взглядомъ, которые безъ сомнѣнія много вредятъ оцѣнкѣ писателей и ихъ произведеній. Г. Неттманъ, впрочемъ, довольно извѣстенъ во французской литературѣ; достаточно напомнить читателямъ, что онъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Revue Contemporaine», для того, чтобы дать понятіе о его образѣ мыслей. Въ первомъ сочиненіи своемъ онъ разбирая кратко писателей начала настоящаго вѣка въ отдѣлѣ *Origines littéraires*, безъ мѣры восхищается Шатобріаномъ, Жозефомъ де-Мэтромъ и Бональдомъ и въ слѣдующихъ главахъ произноситъ довольно строгія сужденія о

многихъ французскихъ знаменитостяхъ. Страшно достается бѣдному Беранже, но можно надѣяться, что слава безсмертнаго поэта уцѣлѣетъ отъ нападокъ неумолимаго критика. Впрочемъ, г. Неттманъ пишетъ съ убѣжденіемъ; тамъ, гдѣ онъ могъ быть безпристрастнымъ у него встрѣчаются и вѣрныя оцѣнки писателей и еще чаще прекрасныя мысли.

«Есть величіе въ поклоненіи идеѣ — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — даже и тогда, когда она представляетъ только призракъ истины.»

Противъ этого спорить нельзя.

Кромѣ означенныхъ сочиненій, уже вышедшихъ въ свѣтъ, ожидаютъ въ скоромъ времени появленія сочиненія Мишлѣ «О реформаціи», въ которомъ, говорятъ, мастерскою рукою очерчены характеры Лютера, Кальвина, Меланхтона и Ѳедора Вецы, — и сочиненія г. Фаллу «О французской эмиграціи» съ 1796—1815 годъ.

Очень благосклонымъ отзывомъ критиковъ пользуется недавно вышедшее собраніе стихотвореній г. Максима Дюкана (Maxime Du Camp). Оно носитъ заглавіе «Современныхъ пѣснопѣній» (Chants modernes). Поэтъ съ первыхъ строкъ излагаетъ свой взглядъ на поэзію.

«Poètes, croyez-moi, ne dites plus: «Ma lyre!»
Ne dites plus: «ô Muse!» oubliez les vieux mots,
Imitez Rabelais quand il disait: *Les Pots!*
Au lieu du dieu Bacchus et de son saint délire.»

восклицаетъ онъ, и за тѣмъ увѣряетъ насъ, что Діана давно перестала ожидать въ рощѣ Эндиміона, что Аполлонъ умеръ уже отъ дряхлости на своемъ Парнассѣ, что Пегасъ устарѣлъ, однимъ словомъ, что вся миѳологія никуда въ наше время не годится. Что же воспѣваетъ онъ самъ? Желѣзныя дороги, локомотивы, пары, газъ, электричество, хлороформъ и т. д. Все это прекрасно, даже, можетъ быть очень умно и остроумно, и стихотворенія Дюкана, по крайней мѣрѣ предметы его пѣснопѣній, дѣйствительно, современны; но мы сомнѣваемся, чтобы во всемъ этомъ было много поэзіи.

Количество мелкихъ журналовъ ростетъ съ неимовѣрной быстротой. Не говоря уже о тѣхъ листкахъ, которые продаются у входа въ выставку и имѣютъ цѣлью объяснять посѣтителямъ необходимыя о ней свѣдѣнія, число другихъ журналовъ (легкихъ съ виду, тяжелыхъ по содержанію) ни разу послѣ 1848 года не достигало подобныхъ размѣровъ. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «La Bohême», съ портретомъ редактора вмѣсто виньетки; «Cadet Roussel»; «Fortune»; «Fronde»; «Original»; «Sans-le-Sou»; «Revue des cours publics»; «Bazar littéraire», и т. д.

Дѣла компаній желѣзныхъ дорогъ во Франціи идутъ очень успѣшно. Работы постоянно подвигаются впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и доходы, къ немалому, вѣроятно, удовольствію акціонеровъ. Къ концу первой четверти настоящаго года протяженіе желѣз-

ныхъ дорогъ, открытыхъ для путешественниковъ составляло 4,724 километра; доходы, полученные съ нихъ за это время простирались до 49,444,706 франковъ. Въ прошедшемъ 1854 году протяженіе этихъ дорогъ за тоже время равнялось 4,130 километрамъ, и съ нихъ получено доходу 40,136,385 франковъ.

Между тѣмъ эти желѣзныя дороги оказываются въ настоящее время недостаточными. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ уже ощущается необходимость устройства ихъ въ самыхъ городахъ, для болѣе удобнаго сообщенія жителей между собой. Въ Соединенныхъ Штатахъ подобныя дороги существуютъ въ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ; тамъ онѣ проложены по улицамъ городовъ и устройствомъ своимъ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ.

Сдѣлать тоже самое въ Парижѣ и въ Лондонѣ не представлялось никакой возможности, по причинѣ тѣсноты и многолюдства улицъ. По этому правительства заняты были проэктами объ устройствѣ въ этихъ столицахъ подземныхъ желѣзныхъ дорогъ. Во Франціи подобный проэктъ былъ представленъ въ прошедшемъ году, но до настоящаго времени еще не приводился въ исполненіе. Англичане поспѣшнѣе воспользовались этою мыслію. Парламентъ утвердилъ недавно билль о постройкѣ подземной желѣзной дороги въ Лондонѣ, сооруженіе которой будетъ стоить 30,000,000 франковъ. Эта же дорога — *the metropolitan railway* — къ устройству которой будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени, должна имѣть въ длину 7 километровъ (4½ мили — безъ малаго 8 верстъ). Она начнется у станціи *Great-Western*, и пролегая около *North-Western* и *Great Northen* окончится подъ сводами зданія Почтоваго управленія. На каждой полумили и сверхъ того на перекресткахъ и привалахъ омнибусовъ будутъ учреждены станціи. Поѣзды будутъ отправляться каждыя пять минутъ отъ 8 до 11 часовъ утра и отъ 3 до 6 часовъ по полудни Капиталъ необходимый для постройки этой дороги доставленъ частію компаніями сѣверной и лондонской желѣзныхъ дорогъ, частію собранъ по подпискѣ, недавно лишь закрытой. О парижской желѣзной дорогѣ не слышно еще ничего. Французы утѣшаютъ себя, пока, мыслію, что сооруженіе подземной дороги имъ первымъ пришло на мысль.

Впрочемъ это не единственный примѣръ того, какъ англичане развиваютъ и приводятъ въ исполненіе мысли раждающіяся у ихъ болѣе изобрѣтательныхъ сосѣдей Тоже самое было и со многими открытіями. Такъ, напримѣръ, газовое освѣщеніе, впервые появившееся въ началѣ настоящаго столѣтія, въ Англіи было открыто гораздо ранѣе французомъ Филиппомъ ле-Бономъ. Онъ былъ инженеръ путей сообщенія и еще въ 1785 году думалъ о возможности употреблять для освѣщенія домовъ и улицъ газы, отдѣляющіеся при горѣніи дерева. Занимаясь долго этимъ предметомъ онъ сообщилъ объ открытіи своемъ Парижскому Институту въ 1799 году. Въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ получилъ привиллегію и въ 1801 году издалъ не-

большую брошюру, въ которой излагалъ результаты своихъ изслѣдованій. Брошюра эта вышла подъ заглавіемъ: «Thermo-lampes, ou poêles qui chauffent, éclairent avec économie, et offrent, avec plusieurs produits précieux, une force motrice applicable à tout espèce de machines.

Ле-Бонъ началъ съ дистиллировки древесныхъ веществъ, изъ которыхъ добываютъ газъ, масло, смолу и пригорѣлодревесную кислоту; но въ брошюрѣ своей онъ уже указывалъ на возможность дистиллировки всѣхъ жирныхъ веществъ. Съ 1799 по 1802 годъ онъ безпрерывно занимался своими опытами. Первыя термо лампы учредилъ онъ въ Гаврѣ; но добытый имъ газъ, состоявшій изъ углеводорода и изъ окиси углерода, не былъ очищенъ, освѣщалъ дурно и при горѣніи распространялъ непріятный запахъ: по этому-то открытіе его не обратило на себя большаго вниманія и изобрѣтателю, который принужденъ былъ бросить свои занятія, поручено было устройство въ Версалѣ фабрики пригорѣлодревесной кислоты.

Онъ умеръ окончательно разоренный своими опытами. Но англичане не замедлили привесть въ исполненіе его открытій. Въ 1804 году Виндсоръ, называя себя изобрѣтателемъ газоваго освѣщенія, выгребовалъ себѣ привиллегію на выдѣлку горючаго газа. Въ 1805 году во многихъ мастерскихъ въ Бирмингамѣ, между прочимъ въ мастерской Уатта, было устроено освѣщеніе газомъ подъ надзоромъ Виндсора и Мурдоха. Въ 1810 году образовалось первое заведеніе для освѣщенія газомъ въ Лондонѣ; во Франціи же это изобрѣтеніе было впервые примѣнено въ 1818 году.

Инженеры назначенные для изслѣдованія способовъ проложенія желѣзныхъ дорогъ чрезъ Швейцарскія Альпы, въ сдѣланномъ объ этомъ предметѣ донесеніи, между прочимъ, представили смѣту о расходахъ необходимыхъ для постройки этихъ дорогъ. По ихъ разсчетамъ проложенія желѣзной дороги.

Чрезъ гору	Сплюгенъ будетъ стоить		160,750,000	франковъ.
—	С. Бернаръ	—	185,275,000	—
—	Люкманиръ	—	183,125,000	—
—	С. Готардъ	—	160,425,000	—
—	Гриизель и Альбрумъ		191,500,000	—
—	Гриизель и Симплонъ		205,550,000	—

Замѣчательнѣе, впрочемъ, этихъ альпійскихъ дорогъ, и даже лондонской подземной желѣзной дороги будетъ подводная желѣзная дорога, которую предполагаютъ провесть между Дувромъ и Кале, чрезъ Ламаншскій проливъ. Объ этомъ предметѣ представлено уже нѣсколько проэктовъ и смѣтъ. Въ числѣ другихъ представленъ проэктъ докторомъ Пайерномъ. По его разсчету для сооруженія подводнаго туннеля и желѣзной дороги чрезъ этотъ проливъ, потребуется 140 подводныхъ лодокъ (изобрѣтенныхъ имъ же), полторы тысячи матросовъ и работниковъ, 4,340,000 кубическихъ метровъ матеріаловъ и

капиталъ въ 240 милльоновъ франковъ. Переѣздъ изъ Англіи во Францію въ случаѣ сооруженія этой желѣзной дороги, можно будетъ совершить въ тридцать три минуты.

Извѣстно, что въ то время, когда жители Петербурга и вообще всѣхъ большихъ европейскихъ городовъ спѣшатъ оставить шумныя и тѣсныя улицы города и выбраться въ деревни или по крайней мѣрѣ на окрестныя дачи и всѣ заѣзжіе и незаѣзжіе артисты удаляются въ различныя стороны свѣта, или, по крайней мѣрѣ умолкаютъ,—въ Англіи дѣлается совсѣмъ другое. Эксцентричные великобританцы тогда только начинаютъ веселиться какъ слѣдуетъ: они стекаются со всѣхъ сторонъ въ свою огромную столицу, гдѣ все оживляется, гдѣ обѣдамъ, вечерамъ, баламъ, концертамъ, представленіямъ всякаго рода не бываетъ конца. Это лондонскій сезонъ, самое блестящее время въ году, прельщающее даже и членовъ парламента, которые въ обыкновенное время рѣшаются забыть на нѣсколько недѣль и трибуну, и министровъ, и великолѣпныя залы своихъ палатъ, для того, чтобы искать развлеченія въ другихъ мѣстахъ. На этотъ годъ, однако, не ожидали слишкомъ блестящаго сезона. Важныя политическія событія, занимающія въ настоящее время всеобще вниманіе и придающія такую важность парламентскимъ засѣданіямъ, безъ сомнѣнія, воспрепятствуютъ большому развлеченію, точно такъ же, какъ и издержки, въ которыя вовлеченъ народъ вообще, вслѣдствіе этихъ событій. Съ другой стороны, люди свободные и имѣющіе средства, предпочитаютъ отправиться на всемірную выставку въ Парижъ, и потому столичные театры и другія увеселительныя мѣста не дѣлали большихъ приготовленій.

Какъ бы за одно съ городскою жизнію и литература въ послѣднее время не представила ничего особенно замѣчательнаго. Книгопродавцы угощали публику только новыми изданіями произведеній англійскихъ поэтовъ царствованія королевы Анны. Обозрѣнія (Reviews) также много занимались этими писателями, начиная съ Драйдена и до Коупера включительно. Говорятъ, впрочемъ, что Маколэй приготовилъ, наконецъ, къ печати еще два тома своей «Исторіи Англіи», что Вашингтонъ Ирвингъ окончилъ давно обѣщанный первый томъ жизнеописанія Вашингтона и что кромѣ того, въ непродолжительномъ времени появятся еще нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, имѣющихъ впрочемъ болѣе интереса для англичанъ; но пока дѣло ограничивается, какъ видно, одними обѣщаніями и предположеніями.

Нельзя, впрочемъ, оставить безъ вниманія изданнаго недавно французскимъ ученымъ г. Кабани (de Saint-Maurice Cabany) новаго романа «Вальтеръ-Скотта» подъ названіемъ «Мордёнъ повѣсть Тринадцатаго вѣка», (Moredun: a Tale of the Twelve Hundred and Ten. 3 vols. London.). Романъ этотъ надѣлалъ много шуму до своего появленія, или, правильнѣе говоря, самъ г. Кабани нашумѣлъ сколько могъ, для того, чтобы обратить общее вниманіе на свое изданіе и убѣдить читающую публику, что издаваемое имъ сочиненіе есть дѣйствительно произведеніе знаменитаго романиста. Для того, чтобы по-

лить на чемъ основывалъ г. Кабани свои доказательства, полезно вспомнить, что Джонъ Баллантайнъ, извѣстный книгопродавецъ и издатель сочиненій Вальтеръ-Скотта въ одномъ письмѣ къ миссъ Эджворгъ, писанномъ въ 1814 году, упоминаетъ о какомъ-то романѣ этого писателя, почерпнутомъ изъ средневѣковой жизни (describing el der manners), который, какъ кажется, не былъ никогда изданъ. Этотъ-то романъ, утверждаетъ г. Кабани, есть именно тотъ самый, которыйонъ предлагаетъ вниманію читателей. Всѣ англійскіе журналы и лица, знавшіе сэра Вальтеръ Скотта выразили еще до изданія романа сильное сомнѣніе въ его подлинности, столь сильное, что оно гораздо болѣе походило на прямое отрицаніе. Г. Кабани былъ этимъ очень недоволенъ. Въ главѣ всѣхъ стоялъ журналъ «Athenaeum», и на него г. Кабани устремилъ сильнѣйшія нападки свои въ предисловіи, которое предпослалъ роману. Но вотъ романъ явился въ свѣтъ и общее недовѣріе нисколько не разсѣялось. «Атенеумъ» утверждалъ, что лучшее основаніе, которое можетъ служить для доказательства подлинности или подложности всякаго сочиненія, приписываемаго какому бы то ни было извѣстному писателю есть языкъ, слогъ этого сочиненія и за тѣмъ брался доказывать, что Вальтеръ Скотту и во снѣ никогда не снилось такого языка, которымъ написанъ «Мордёнъ.» Г. Кабани протестовалъ. Кому знать эти дѣла, какъ не ему, извѣстному ученому, автору столькихъ біографій, и сверхъ того, предсѣдательствующему члену французскаго общества любителей древностей, — *directeur générale de la Société des Archivistes de France.* «Атенеумъ» охотно признаетъ всѣ эти права г. Кабани на ученое довѣріе, хотя и говоритъ, что принужденъ вѣрить ему на-слово, ибо, никогда не слыхалъ ни о самомъ знаменитомъ обществѣ, ни объ ученыхъ трудахъ предсѣдательствующаго его члена. Наконецъ, вотъ доказательство, представленное этимъ журналомъ, которое, кажется, неопровержимо. Четвертая глава 1-го тома новаго романа начинается слѣдующими словами: «Въ одной изъ тѣсныхъ и извилистыхъ улицъ, пролегавшихъ въ Ньюкестлѣ, между Сандгиллемъ и древнимъ замкомъ, — улицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и до сего времени уцѣлѣли отъ разрушительнаго вліянія времени, денегъ и рукъ Грейнджера, человѣка» и т. д. Изъ словъ этихъ очевидно, что романъ этотъ могъ быть написанъ только послѣ того, какъ г. Грейнджеръ началъ въ Ньюкестлѣ свои перестройки, а по всей вѣроятности написанъ тогда уже, когда онъ привелъ ихъ къ окончанію. Но *покупка*, слѣдствіемъ которой были упоминаемыя перестройки, была сдѣлана г. Грейнджеромъ только въ 1834 году. Вальтеръ-Скоттъ умеръ въ 1832 г., слѣдовательно никакъ не могъ написать этого романа. Что отвѣтитъ на это г. Кабани?

Англійская литература понесла въ послѣднее время важную потерю. Недавно умерла въ графствѣ Іоркскомъ извѣстная писательница, печатавшая сочиненія свои подъ псевдонимомъ *Коррерь-Белль*. Романы ея «Дженъ Эръ», «Шерли и Вильеттъ», обнаружившіе такой замѣчательный и сильный талантъ, достаточно знакомы русскимъ читате-

лимъ. Настоящее имя ея было *Шарлотта Бронте* или *Бронтии*. Изъ англійскихъ журналовъ одинъ *Daily News* сообщаетъ нѣкоторыя подробности о ея жизни. Мы узнаемъ изъ него, что отецъ этой писательницы, переживиіій все свое семейство, — жену и нѣсколькихъ дѣтей, — есть пасторъ Гавортскаго прихода въ графствѣ Іоркскомъ. Его три дочери Шарлотта, Эмилія и Анна (двѣ послѣднія писали подъ псевдонимомъ Эллисъ и Актонъ Белль) получили первоначальное образованіе подъ родительской кровлей, и прежде, чѣмъ сдѣлались писательницами, всѣ три были гувернантками. Первая изъ нихъ дѣйствительно была нѣкоторое время преподавательницей въ одномъ брюссельскомъ пансіонѣ и характеры миссъ Фаншау, Поля Эммануэля и другихъ лицъ одного изъ ея романовъ списаны съ дѣйствительности точно также какъ характеры Дженъ Эръ и миссъ Люси описаны ею съ себя самой. Первый ея романъ — «Дженъ Эръ» — тотчасъ при появленіи своемъ обратилъ на себя общее вниманіе, но несмотря на свои большія достоинства подвергся довольно строгой критикѣ со стороны нѣкоторыхъ журналовъ. Романъ этотъ написанъ былъ подъ тягостнымъ бременемъ зависимаго существованія. Второе произведеніе ея — «Шерли» — написанное въ томъ самомъ году, когда писательница лишилась двухъ сестеръ своихъ, Эмиліи и Анны и любимаго ея брата, молодаго человѣка, подававшаго самыя блистательныя надежды, представляю много оригинальныхъ сторонъ, несмотря на то, что безспорно слабѣе и перваго и послѣдняго ея романа. Оно еще болѣе возбудило общее любопытство о личности автора, строго хранившаго свое инкогнито. Тотъ, кому бы удалось проникнуть въ ея уединеніе, увидѣлъ бы женщину небольшаго роста, имѣвшую уже за тридцать лѣтъ, вовсе не хорошую собой и совершенно посвятившую себя домашнимъ занятіямъ — кухнѣ и хозяйству, — все, что можно себѣ вообразить наименѣе романическаго. Критикъ журнала *Daily News*, которому, кажется, удалось ее видѣть, говоритъ, что она представлялась ему олицетвореніемъ *домашней жизни* (*home life*), этого *сокровища*, которое воспѣвалъ Вордсвортъ въ своей «Excursion».

«Столько же искусная въ домашнемъ хозяйствѣ, какъ и въ поэзіи, женщина эта открыла своему семейству совершенство своихъ пироговъ, прежде чѣмъ удивила свѣтъ превосходствомъ своихъ сочиненій. Въ томъ совершенномъ одиночествѣ, въ которомъ суждено ей было жить, — въ этой странѣ почти дикой, гдѣ физическихъ силъ ея не хватало на то, чтобы пройтись по тропинкамъ горъ; въ этомъ уединенномъ домѣ, гдѣ отецъ ея, единственное лицо, съ которымъ бы ей было возможно перемолвить слово, рѣдко прерывалъ молчаніе, совершенно посвятивъ себя своимъ ученымъ занятіямъ; гдѣ, подъ ея окнами, выходившими прямо на кладбище, окружавшее ея жилище, видны были могилы ея двухъ сестеръ, — въ этой живой могилѣ душѣ ея оставалось только обратиться къ самой себѣ, — и каковы были страданія этой души, ясно видно изъ ея послѣдняго романа. Съ полнымъ самоотверженіемъ, свойственнымъ ей, она говаривала иногда намъ не-

сравненно тягостнѣе для нея будетъ это одиночество, когда старику отцу ея прійдется умереть.» -

Лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года миссъ Бронти вышла замужъ за молодаго пастора одного изъ приходовъ іоркскаго графства, мистера Николь (Nichol) и умерла нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ минувшемъ апрѣлѣ.

Недавно возвратился въ Англію полковникъ Раулинсонъ (Rawlinson), британскій резидентъ въ Багдадѣ, извѣстный своими открытіями по части ассирійскихъ древностей и въ особенности прославившійся дешифровкой древнѣйшихъ ассирійскихъ письменъ (Keilschrift). Въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Багдадѣ, онъ наблюдалъ за работами, производившимися въ Ассиріи и Вавилоніи, по порученію попечителей британскаго Музея. Открытія, сдѣланныя имъ въ это время, могутъ быть, по справедливости, названы чрезвычайно замѣчательными. Онъ вывезъ изъ этихъ странъ огромное собраніе древностей, изъ которыхъ бо́льшее число, по роду своему, до сего времени было вовсе неизвѣстно европейскимъ ученымъ. Часть памятниковъ этихъ уже привезена въ Лондонъ и расположена въ Музеѣ, остальныя находятся на пути изъ Индіи и будутъ доставлены въ непродолжительномъ времени. Они состоятъ изъ скульптурныхъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ самому блестящему періоду существованія ассирійской монархіи, изъ цилиндровъ, (сдѣланныхъ изъ terra-cotta) съ древними надписями, вполнѣ сохранившимися, изъ дощечекъ (tablets) изъ пережженой глины, съ подобными же надписями и другихъ предметовъ. Всѣ древности эти добыты изъ развалинъ храмовъ и дворцовъ древнихъ халдейскихъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ царей. Найденныя г. Раулинсономъ дощечки, число которыхъ простирается до 10,000, составляютъ одно изъ важнѣйшихъ его открытій. Онѣ относятся къ эпохѣ почти неизвѣстного греческимъ историкамъ, ассирійскаго царя Ассура-бани-бала. Часть одного изъ дворцовъ этого царя открыта была еще Лайардомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ниневіи, но при помощи работъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ развалинахъ Коюнджука, открыто другое строеніе, несравненно лучше сохранившееся и отличающееся бо́льшими размѣрами и болѣе изящной отдѣлкой. Что касается до упомянутыхъ дощечекъ, найденныхъ въ этомъ зданіи, то онѣ составляли, вѣроятно, библіотеку этого царя и обнимали собой, по видимому, всѣ отрасли наукъ, извѣстныхъ ассиріянамъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, которыя объясняютъ древне-ассирійскія письмена. Нѣкоторыя изъ нихъ, которыхъ число однако, къ сожалѣнію, не велико, показываютъ какимъ образомъ собственно-письменные знаки образовались мало-по-малу изъ древнихъ фигуръ или изображеній предметовъ, употреблявшихся для выраженія мыслей; другія объясняютъ звуки, выражавшіеся извѣстными знаками; наконецъ, остальныя заключаютъ въ себѣ подробное исчисленіе всѣхъ простыхъ и сложныхъ идеографовъ языка, съ ихъ фонетическими эквивалентами. Далѣе

и при помощи этихъ объяснительныхъ таблицъ дешифровка надписей подвигалась медленно; безъ нихъ же, замѣчаетъ г. Раулинсонъ, большая часть надписей и до сихъ поръ осталась бы неразобранной.

Г. Раулинсонъ намѣренъ провести въ Лондонѣ полтора года и посвятить это время на составленіе обширнаго труда о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ и объ отношеніи ихъ къ исторіи древней Азіи. Впрочемъ, въ чтеніи своемъ въ засѣданіи Королевскаго Азіатскаго Общества (Royal Asiatic Society) въ Бомбеѣ, онъ изложилъ вкратцѣ главные результаты своихъ открытій. Онъ раздѣляетъ всѣ найденные имъ памятники на три разряда, изъ коихъ первый относится къ халдейскому періоду и обнимаетъ собой время отъ XII до XIII столѣтія до Р. X, второй къ древне-ассирійскому (отъ VII до XIII вѣка до Р. X.) наконецъ, третій принадлежитъ эпохѣ вавилонскихъ царей и простирается до покоренія Вавилона персидскимъ царемъ Киромъ. Надписи, сохранившіяся на цилиндрахъ и объясняющія имена царей, годы ихъ царствованій, войны и другія предпріятія и распоряженія, чаще всего сооруженіе различныхъ храмовъ, дворцовъ и зданій, особенно важны. Замѣчательно, что свѣдѣнія сообщаемыя этими надписями о событіяхъ, извѣстныхъ уже исторіи или изъ библейскихъ книгъ или изъ сочиненій древнихъ писателей вполнѣ согласны съ этими сказаніями, такъ-что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ подлинности и въ достовѣрности другихъ, составляющихъ новое пріобрѣтеніе для науки. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія открытіе нѣсколькихъ цилиндровъ, относящихся къ царствованію вавилонскаго царя Набонида и найденныхъ въ развалинахъ храма, стоявшаго на мѣстѣ халдейскаго *Ура* (Ur). Извѣстно, что относительно послѣдняго вавилонскаго царя сказанія древнихъ историковъ разнорѣчатъ съ библейскимъ преданіемъ. По послѣднему имя этого царя было *Бальтазаръ* (Balthazar или Belshazar), который погибъ въ Вавилонѣ, тогда какъ по сказанію историка Берова, послѣдній царь былъ Набонидъ, который былъ разбитъ персами въ сраженіи. На найденныхъ нынѣ цилиндрахъ сохранившіяся вполнѣ надписи излагаютъ исторію построенія храма, сооруженнаго въ царствованіе царя Набонида и оканчиваются молитвою къ богамъ о благополучіи старшаго сына царя *Бель-таръ-езера*, тогда какъ подобной молитвы о сыновьяхъ царей не встрѣчается ни въ одной другой надписи. Изъ этого г. Раулинсонъ выводитъ то заключеніе, что этотъ Бель-таръ-езеръ, тождественный съ Вальтазаромъ или Бельтазаромъ, принималъ участіе вмѣстѣ съ отцомъ въ управленіи государствомъ и въ этомъ предположеніи находитъ, очень правдоподобно, возможность помирить библейское сказаніе съ свѣдѣніями сохраненными древними историками.

Въ Италіи важную и, за недостаткомъ другихъ, почти единственную новость составляетъ изверженіе Везувія. Въ послѣднее время въ южной части этой страны замѣчено было нѣсколько явленій, предвѣщавшихъ близость изверженія, а именно, случилось нѣсколько земле-

трясеній, изъ коихъ однимъ разрушенъ былъ городъ Мельфи; обвалилась часть кратера огнедышащей горы и Везувій извергалъ по временамъ дымъ въ несравненно бо̀льшемъ противъ обыкновеннаго количествѣ, но несмотря на все это, до конца апрѣля никто изъ свѣдущихъ людей не предполагалъ, чтобы изверженіе могло случиться ранѣе октября. Оно случилось въ первыхъ числахъ мая; вмѣстѣ съ тѣмъ произошло затмѣніе луны, и воцарившійся мракъ возвышалъ таинственное величіе этого торжественнаго зрѣлища.

Приводимъ отрывокъ изъ занимательнаго разсказа очевидца о первыхъ дняхъ этого явленія.

«На другую ночь послѣ начала изверженія огнедышащей горы, я отправился въ Резину. Въ окрестностяхъ Неаполя, на срединѣ одного моста стоитъ большое изваяніе св. Януарія съ надписью на пьедесталѣ, повѣдующей какъ въ древнія времена чудесное посредничество этого угодника, остановившаго теченіе лавы, спасло городъ отъ разрушенія. Простертая рука святителя была обращена къ горѣ, какъ бы воспрещая разрушительное огнѣдальнѣйшее движеніе, между тѣмъ какъ блескъ пламени пылавшаго вдали, ясно отражался на его лицѣ. Приближаясь къ Резинѣ мы встрѣчаемъ еще одну старинную длинную надпись, въ которой заботливые предки взываютъ къ потомству, умоляя ихъ быть осторожными и осмотрительными и описываютъ силу, неудержимость, страшную разрушительность изверженія, — и вотъ кипящая лава уже катится по склону горы, и толпы народа стремятся къ ней навстрѣчу; какъ будто, забывъ предостереженіе предковъ, онѣ сами ищутъ своей погибели. Но вотъ Резина остается позади насъ и мы пѣшкомъ взбираемся на гору, — дѣлать нечего, лошади окончательно отказываются везти далѣе. Кругомъ насъ огромное число разнообразныхъ экипажей, по той же причинѣ оставленныхъ здѣсь владѣльцами, толпы людей, распряженныя лошади, — все вмѣстѣ составляетъ разнообразныя и живописныя группы. У насъ нѣтъ путеводителя да и не къ чему имѣть его, остается только слѣдовать за потокомъ людей, которые всѣ стремятся по одному направленію. Удалясь нѣсколько отъ большой дороги мы вступили на потокъ лавы выброшенной вчера и успѣвшей уже затвердѣть; съ виду онъ походилъ на огромное пространство покрытое обожженымъ каменнымъ углемъ, а возвышенія мѣстами поражавшія зрѣніе казались волнами, внезапно остановленными и окаменѣвшими. Жаръ подымавшійся снизу былъ нестерпимъ; подошвы наши горѣли. Тонкій, затвердѣвшій слой, по которому мы шли, покрывалъ еще не остывшую лаву. Разбивая безъ труда его поверхность, мы бросали клочки бумаги или какого либо удобовоспламеняющагося вещества и огонь вспыхивалъ въ ту же минуту; мы закуривали сигары и шли далѣе. Лишь воображаемая линія отдѣляла теперь пространство, на которомъ мы стояли отъ самаго замѣчательнаго зрѣлища, какое когда либо мнѣ случалось видѣть, — то была огромная, огненная равнина, медленно, неудержимо подвигавшаяся впередъ,

какъ будто невидимая сила приводившая ее въ движеніе, сознавая ничтожность всякой преграды, презирала всякую поспѣшность или порывистость въ своемъ дѣйствіи. Въ этомъ движеніи, въ этой страшной силѣ было какое-то величіе, оставившее во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Шумъ, происходившій вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ лава подвигалась впередъ напоминалъ собой теченіе Альпійскихъ горныхъ рѣкъ; а отъ тренія затвердѣвшихъ частицъ ея происходило какое-то шипѣніе походившее на свистъ тысячи людей.

«Но было одно мѣсто, гдѣ это величественное зрѣлище становилось еще величественнѣе. На полъ-пути между Эрмитажемъ и подошвой конуса есть огромный оврагъ, отдѣляющій Везувій отъ Соммы. При противномъ вѣтрѣ потокъ лавы могъ бы направиться на сѣверъ или на западъ къ Эрколано, но теперь онъ шелъ по направленію этого оврага, который спускается на тысячу футовъ внизъ и упирается въ деревни Масса ди Сомма, Санъ Себастіано и Мадонна-дель-Арко. Первый спускъ въ этотъ оврагъ очень обрывистъ и въ него-то направился потокъ имѣвшій двѣсти футовъ въ ширину; образуя такимъ образомъ огромный огненный каскадъ онъ продолжалъ подвигаться впередъ, такъ же медленно, какъ и прежде, между прелестными плантаціями тополей и каштановыхъ деревьевъ. Всѣ эти деревья разумѣется погибли. Внезапно вспыхнетъ пламя, раздастся какой-то крикъ, что-то закачается въ воздухѣ и дерево за деревомъ пожирается всепоглащающимъ пламенемъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть движеній, слышать звуковъ, которые бы явственнѣе выражали страданіе. Глядя на нихъ, на ихъ судорожныя движенія, я не могъ освободиться отъ мысли, что то были человѣческія существа и невольно восклицалъ: «Poverini!» видя, какъ одно за другимъ ихъ пожирало пламя.

«..... Цѣль нашего путешествія, однако, не была бы вполнѣ достигнута, если бы мы ограничились тѣмъ, что видѣли Семь кратеровъ извергали пламя въ эту ночь и мы непремѣнно хотѣли подойти къ одному изъ нихъ. И такъ, съ величайшимъ трудомъ, мы стали подыматься выше и выше, пока не достигли наконецъ желаемаго пункта. Трескъ, который мы услышали здѣсь, походилъ на отдаленную канонаду и за каждымъ ударомъ извергался огонь, падали каменья или стремились новые потоки лавы. Каменья падали вокругъ насъ и между нами, но по причинѣ малой величины своей не представляли никакой опасности. Гораздо страшнѣе была огромная масса красныхъ, огненныхъ облаковъ, грозно сгустившихся вдали. Если бы вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, мы всѣ бы неминуемо погибли.

Забравъ немного лавы и опустивъ въ нее нѣсколько монетъ, мы съ этой добычей возвратились на прежнее мѣсто. Лава текла по прежнему. По временамъ она выбрасывала изъ себя большіе сгустившіеся куски, которые падая на землю отскакивали нѣсколько разъ въ сторону. Блескъ огня и жаръ тамъ бывали нестерпимы въ этихъ слу-

чахъ, что закрывая лице руками, мы принуждены бывали искать спасенія въ бѣгствѣ.

«.... Вчера ночью я посѣтилъ деревни Масса-ди-Сомма и Санъ-Себастіано, до которыхъ лава успѣла уже добраться. Я былъ до крайности пораженъ зрѣлищемъ, которое представилось моимъ глазамъ: все, что я видѣлъ до того времени совершенно померкло предъ нимъ. Ни величіе, ни живописность самой сцены не могли заглушить всеподавляющаго чувства страха, которое она во мнѣ возбудила. На этотъ разъ, скажу только, что я видѣлъ каскадъ горящей лавы, вышиной, безъ преувеличенія въ 1000 футовъ. То былъ Ніагарскій водопадъ объятый пламенемъ. Теперь лава достигла уже улицъ названныхъ деревень. Волненіе въ столицѣ и во всей окрестной странѣ, достигло высшей степени: все населеніе стремится къ мѣсту, привлекающему исключительное вниманіе всѣхъ и каждаго. Въ первую ночь, въ которую я ѣздилъ смотрѣть на гору, я встрѣтилъ тамъ короля и королеву. Многіе изъ зрителей оставались у горы въ продолженіе всей ночи, потому что это одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, на которые нельзя достаточно насмотрѣться.

«.... Изверженіе все принимаетъ бóльшіе размѣры и часть Массы ди-Соммы совершенно разрушена. Несчастные жители бѣгутъ куда кто знаетъ, забирая съ собой имущество, деревья, которыя успѣваютъ срубить, однимъ словомъ, все, что только возможно спасти отъ общей гибели.»

Весьма важное извѣстіе составляетъ открытіе желѣзной дороги, проложенной гражданами Соединенныхъ Штатовъ чрезъ Панамскій перешеекъ, въ Америкѣ. Первый поѣздъ прибылъ по этой дорогѣ въ городъ Панаму (у Тихаго океана) 28 января настоящаго года; онъ состоялъ изъ четырехъ пустыхъ вагоновъ и совершилъ переѣздъ отъ противоположнаго берега въ шесть часовъ, если не безъ затрудненій, то по крайней мѣрѣ безъ всякаго приключенія.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой дорогѣ.

Она имѣетъ въ длину около 49 миль и образуетъ двѣ наклонныя плоскости различнаго протяженія. Сѣверная плоскость упирается въ Лимонскій заливъ, извѣстный прежде подъ названіемъ залива Мансенилье. Мансенилье былъ болотистый островъ, отличавшійся столь вредной атмосферой, что не заключалъ даже на себѣ никакихъ животныхъ. Теперь онъ совершенно осушенъ и соединенъ съ твердой землей трудами американскихъ инженеровъ. На немъ воздвигнутъ городъ *Аспинвалль*, имѣющій 3,000 жителей и названный такъ по имени предпринявшаго сооруженіе желѣзной дороги.

Отъ этого пункта до противоположной оконечности своей, сѣверная плоскость имѣетъ 37 миль въ длину и возвышается до 250 футовъ надъ поверхностью моря. Достигнувъ этой высоты она соединяется съ юго восточной плоскостью, примыкающей къ берегу Тихаго океана. Эта послѣдняя плоскость имѣетъ въ длину всего 10 миль и 2.400 футовъ; но покатость ея гораздо значительнѣе, и именно, на первыхъ

четырехъ миляхъ она составляетъ 60 футовъ на каждую милю (т. е. 12 миллиметровъ на метръ), но мало по малу становится слабѣе и наконецъ дѣлается почти вовсе нечувствительной.

Постройка этой желѣзной дороги представляла величайшія затрудненія. Мѣстами нужно было прокладывать ее по чрезвычайно болотистому грунту, мѣстами чрезъ рѣки такія какъ Ріо-Хагресъ, мѣстами наконецъ по почти движущейся почвѣ. Хотя она и пересѣкаетъ Кордильерскія горы, но на всемъ протяженіи своемъ проложена подъ открытымъ небомъ, и потому, по необходимости, образуетъ линію чрезвычайно извилистую.

Вообще говоря, пишутъ изъ Панамы журналу «Moniteur de la flotte», построеніе этой желѣзной дороги, стоившей 7 милліоновъ піастровъ (35 милліоновъ франковъ), представляло небывалыя трудности, которыя всѣ побѣждены весьма удачно (*).

(*) The Athenaeum. — L'Institut. — Indépendance Belge. — Allgemeine Zeitung. — Revue Britannique, и проч.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

Москва лѣтомъ. — Подмосковныя. — Дачи. — Сокольники, Петровскій паркъ. Останкино, Кунцево. — Лѣтнія удовольствія. — Эрмитажъ, Садъ удовольствій. — Либерманъ и его концерты. — Погода, гроза, замѣчательное атмосферическое явленіе. — Московскіе бѣги. — Каррикатуры Баклевскаго.

Лѣтомъ Москва какъ и всякая столица, перемѣняетъ физіономію. Городъ пустѣетъ, кружки рѣдѣютъ, домà начинаютъ бѣлить, начинаютъ исправлять мостовыя, зной пыль и духота самаго неприхотливаго человѣка гонятъ extra muros. Впрочемъ эта не новость, такъ было прошлаго года, такъ будетъ нѣсколько лѣтъ впередъ; но никогда, вѣроятно, наша столица не будетъ такъ пуста, кàкъ въ настоящее время. Небольшое общество Москвы разсыпалось совершенно, большая часть молодыхъ людей поступила въ ополченіе и покрасовавшись нѣкоторое время въ новыхъ мундирахъ разбрелась по дружинамъ; семейные люди разъѣхались по дачамъ, а большая часть по деревнямъ. Въ городѣ остался лишь чиновный людъ, да тѣ, которыхъ задержали силы обстоятельствъ. Дачная жизнь нынѣшняго лѣта мало оживлена: въ Сокольникахъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Останкинѣ вездѣ можно найдти неотданныя дачи, не говорю уже о Мазиловѣ Валынскомъ и проч., гдѣ всѣ почти домики стоятъ съ закрытыми окнами. Кромѣ нынѣшняго года отдѣлившагося рѣзкою чертою отъ предыдущихъ лѣтъ, самая желѣзная дорога измѣнила значительно московскую дачную жизнь, поднявши подмосковья. До *чугунки* собственно подмосковными назывались только имѣнія, которыя находились въ двадцати, тридцати верстахъ отъ города и то по шоссе, или по дорогѣ проходимой, гдѣ не рискуешь сломать ни экипажа, ни шеи. Теперь цѣлый рядъ деревень отъ Москвы до Клина и даже до Твери сдѣлался подмосковными. Владѣлецъ, для котораго прежде его имѣніе было terra incognita, теперь проводитъ въ немъ цѣлое лѣто самъ, да и созываетъ еще московскихъ знакомыхъ. Но деревенская жизнь при желѣзномъ пути, несмотря на всѣ удобства не вдругъ еще привьется къ нашему обществу. Московскія дамы, а преимущественно дѣвицы рѣшительно не довольны подмосковными и въ нѣдрахъ семейства представляютъ отъявленную опозицію. Скучно, скучно и скучно, вторятъ онѣ въ одинъ голосъ; хотя во многихъ подмосковныхъ жизнь

очень возможна. Кто не изходилъ окрестности Москвы вдоль и поперекъ съ ружьемъ въ рукахъ, или съ портфелемъ, тотъ не можетъ понять до какой степени онѣ живописны, и какъ разнообразна и богата наша сѣверная природа. Со всякимъ положеніемъ надо свыкнуться, со всякою жизнью умѣть сжиться, тогда найдемъ вездѣ интересы. La vie duchateau у насъ еще новость,— новость, съ которою мы не умѣемъ совладѣть.... приведу маленькій примѣръ: не далѣе, какъ прошлаго года я получилъ премилое приглашеніе на французскомъ діалектѣ пріѣхать провести два три дни въ подмосковную одной знакомой моей дамы. Въ припискѣ было означено, что имѣніе въ десяти верстахъ отъ Крюковской станціи и что намъ, т. е. мнѣ и другимъ приглашеннымъ, стоитъ только доѣхать до станціи, гдѣ насъ будетъ ждать экипажъ. Я отправился, столкнулся съ общими знакомыми, наконецъ доѣхали до Крюковской станціи, сошли съ платформы.... экипажа не было: мы распрашивали и разыскивали во тщѣ. Послѣ совѣта мы рѣшились отправиться пѣшкомъ до первой деревни неся наши вещи. Тамъ мы наняли двѣ телѣги за баснословную цѣну и запыленные, замученные, раздосадованные пріѣхали къ позднему обѣду. Хозяйка была въ отчаяніи и безпрестанно повторяла: «Вотъ что значитъ деревня.» Вотъ что значитъ безпорядокъ, думалъ я.» По произведенному слѣдствію оказалось, что насчетъ экипажа дѣло пошло по инстанціямъ: жена сказала мужу, мужъ Алексѣю, Алексѣй Петрушкѣ, а Петрушка проспалъ до обѣда. При такихъ условіяхъ приглашенія разумѣется непріятны и дамы рискуютъ оставаться однѣ цѣлое лѣто; но вина не въ подмосковныхъ.

Перейдемъ къ дачамъ и къ лѣтнимъ удовольствіямъ города.

Сокольники нынѣшнимъ лѣтомъ не такъ наполнены, какъ въ предыдущія. Дачи заняты преимущественно купцами и больными, купцы никогда не гуляютъ, т. е. не прохаживаются хотѣлъ я сказать, а жены ихъ и дѣти прогуливаются, только по вечерамъ и въ назначенные для гулянья дни; прекрасная роща пуста и уныла. Лѣтніе балы еще не начались, а Буркина дача съ оркестромъ Эрлангера, Депо, цыганами и аэростатами привлекаетъ немногочисленную публику. Бѣдный Раппо разорился отъ своего предпріятія и умеръ въ большой бѣдности, Морелю кажется не угрожаетъ раззореніе; садъ его всегда почти полонъ. Надобно отдать справедливость этому заведенію, оно устроено со вкусомъ. Садъ великъ, содержится опрятно, прекрасная растительность, катанья по пруду, хорошо отдѣланная зала, лучшій хоръ цыганъ, лучшій оркестръ музыки, самое положеніе его, все это привлекаетъ публику. Къ тому же г. Морель изобрѣтательнѣе другихъ антрепренеровъ и болѣе тратитъ на свой эрмитажъ, чѣмъ всѣ содержатели различныхъ садовъ вмѣстѣ.

Въ нынѣшнемъ году открылись еще два сада: садъ удовольствій и садъ для всѣхъ возрастовъ. Садъ удовольствій находящійся близъ

Екатерининскаго Института самъ по себѣ не дуренъ; но слишкомъ уже скромно отдѣланъ, оркестръ Генриха Блези тоже не изъ лучшихъ, онъ жидокъ, не полонъ. Что сказать о представленіяхъ? представленія разумѣется не интересны; да они и не главное дѣло. Какіе-то фокусники, братья Тейнеръ показывающіе силу и проч. Публика здѣсь разнообразная, больше картузовъ, чѣмъ шляпъ, больше бородокъ; ужинъ плохъ, вины тоже средней руки, а цѣна — цѣна первыхъ ресторановъ въ мірѣ. Плата за входъ тоже измѣнена. По праздникамъ: 1 руб., въ простые дни 75 коп. сер., съ кавалера; кавалеръ и дама вмѣстѣ платятъ рубль и проч. Но все это еще дорого и не доступно для того кружка, который долженъ былъ бы пользоваться подобнаго рода удовольствіями. Въ Парижѣ подобнаго рода сады великолѣпны и доступны всякому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и Шомьеръ, и Мабиль и Шаторужъ,—все это было по франку за входъ. Тамъ разсчитываютъ на массу. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ лѣтніе концерты съ оркестромъ Ланнера и Штраусса обходились по 10 и 15 коп. серебромъ. Если у насъ нельзя довести до такой цѣны, то зачѣмъ увеличивать безполезную конкуренцію. Я утверждаю заранѣе, что у насъ въ Москвѣ всѣ сады вмѣстѣ существовать не могутъ.

Жаль, что ничего не могу сказать ни о Студенцѣ, ни о Химкахъ, о которыхъ читаю объявленія въ каждомъ нумерѣ «Полицейскихъ Вѣдомостей». Въ объявленіяхъ очень красноречиво и трогательно описаны всѣ прелести и удобства этихъ гуляній и слово: *вина* напечатано курсивомъ и крупными буквами; какъ бы напоминая почтеннѣйшей публикѣ о главномъ двигателѣ всѣхъ удовольствій.

Нынѣшнею зиму музыкальнаго сезона у насъ, какъ и вездѣ, не было и въ то время правду многочисленной публикѣ негдѣ было бы и помѣстится въ этомъ тѣсномъ и неудобномъ садикѣ. Г. Дено своимъ cornet à piston производитъ по прежнему нѣкоторое впечатлѣніе, по временамъ раздаются и рукоплесканія, особенно когда онъ исполняетъ русскія пѣсни: «Ужь какъ вѣетъ вѣтеръ», и тому подобное. Впрочемъ, Дено мастерски владѣетъ своимъ инструментомъ, который на открытомъ воздухѣ и пѣвучъ и пріятенъ. Но этотъ знаменитый cornet à piston ѣдетъ на дняхъ въ Берлинъ и съ нимъ Буркина дача теряетъ главную приманку.

Петровскій паркъ по прежнему посѣщается только лишь однимъ кружкомъ, который рѣдѣетъ замѣтно. Въ воскресные дни здѣсь бываетъ цѣлая толпа и все почти замоскворѣчье. Досадная пыль преслѣдуетъ васъ всю дорогу, не покидаетъ въ аллеяхъ парка, и сопровождаетъ до самой заставы и на обратномъ пути. Ничего не можетъ быть скучнѣе парка въ праздники. Воксала нѣтъ уже давно, лѣтнія горы уничтожены; нѣмецкій клубъ перебиравшійся на лѣто въ воксалъ остается въ городѣ, и самое зданіе воксала упадаетъ и обваливается. А давно ли все это было ново, оживлено и наполнено тысячью постоянныхъ посѣтителей!

Останкино, сохраняющее свою скромную физіономію съ незапамятныхъ временъ, по прежнему служитъ убѣжищемъ нѣмецкимъ артистамъ, музыкантамъ и художникамъ; тѣже прогулки по саду, тѣже чаи подъ липками, тѣже чайницы, даже тѣже оловянныя ложечки, которыя непріятно брать въ руки, такъ онѣ черны и грязны. Здѣсь домики малы, тѣсны, неудобны; но дешевы, стало быть всегда почти разобраны. За то ни буря, ни зной, ни политическія дѣла не имѣютъ никакого вліянія ни на Останкино, ни на его мирныхъ обитателей.

Живописное Кунцево очень посѣщалось нынѣшнею весною; но живущихъ тамъ весьма не много. Большая часть прекрасныхъ дачь выстроена богатыми купцами и негоціантами собственно для себя самихъ, а число отдающихся въ наймы очень не велико; ихъ на расхватъ разбираютъ еще зимою.

Между лѣтними удовольствіями въ городѣ первое мѣсто занимаетъ Эрмитажъ, основанный Морелемъ прошлаго года. Тиволи покойнаго Раппо пріохотило нашу публику къ подобнаго рода удовольствіямъ. Мы считали себя избавленными отъ всѣхъ возможныхъ артистокъ и артистовъ — вдругъ прочли объявленіе о концертѣ господина Либермана — *натуральнаго флейтиста*, удивлявшаго Европу и Америку. Г. Либерманъ очень молодой человѣкъ, котораго привезли въ Москву еще зимою. Онъ фигурировалъ нѣкоторое время въ нѣсколькихъ домахъ, извѣстныхъ за покровителей артистовъ и искуствъ, гдѣ всегда вертятся трехстепенные и пятистепенные странствующіе таланты. На одномъ изъ такихъ вечеровъ мнѣ удалось слышать свистанье г. Либермана. Въ небольшомъ кружкѣ это было очень мило и заняло общество. Мелодія г. Либермана не лишена пріятности, тактъ его вѣренъ. И вотъ мы видимъ г. Либермана въ большой залѣ Благороднаго собранія свистящаго на всѣ тоны...., и раскланивающагося прениэко предъ *избрънною* публикою. Какъ бы то ни было, но г. Либерманъ далъ два концерта. Молодецъ! Право, молодецъ!

Погода у насъ стоитъ перемѣнчивая: то зной, то холодъ, то дожди, то засуха, то бури, которыхъ мы не запомнимъ. Гроза 13-го іюля была причиною замѣчательныхъ явленій. Она началась въ девятомъ часу вечера и продолжалась часа полтора. Громовые удары были сильные и, молніи, почти безпрерывно слѣдовавшіе одна за другою, освѣщали весь горизонтъ. Ударъ грома упалъ на Кремлевскую башню и зажегъ находившіеся въ ней деревянные ящики. Другой ударъ поразилъ вновь строющееся зданіе купца Морковина. Недавно выведенная стѣна подвальнаго этажа была сдвинута съ мѣста, большая часть ея обвалилась, а лѣвое крыло, болѣе чѣмъ на аршинъ подалось впередъ. Сдвинутая стѣна имѣла девять саженъ длины и семь аршинъ вышины. По мнѣнію профессора Любимова, эта масса представляла тяжесть въ шесть тысячъ пудъ. 22-го и 23-го числа московскія ули-

ние напоминали собою Лондонъ; онѣ были покрыты какъ бы флёромъ. Эта особенная атмосфера, сквозь которую тускло проникалъ солнечный свѣтъ, — извѣстна, подъ именемъ изгара (сухаго тумана). Говорятъ, что лѣсные и торфяные пожары, бывшіе вдалекѣ отъ Москвы, во время засухи, были причиною подобнаго явленія, продолжавшагося два дни. Когда я пишу эти строки — погода, кажется, установилась и пришла въ нормальное положеніе; поэтому, охотно оставляю ее въ покоѣ, лишь бы она не мѣшала намъ наслаждаться лѣтомъ.

24-го числа начались рысистые бѣги. Кто не живалъ въ Москвѣ, тотъ не можетъ себѣ представить до какой степени бѣги занимаютъ и интересуютъ средній кругъ московскихъ жителей. Купцы, мѣщане, ремесленники, вольноотпущенные — всѣ спѣшатъ на бѣгъ. Почти каждый изъ нихъ имѣетъ лошадку, и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ запасается *бѣгункомъ*, котораго объѣзжаетъ съ большимъ терпѣніемъ и бережетъ пуще глазу. И хоть его бѣгунокъ не перебѣжитъ и плохой извощичей лошади, но онъ все считаетъ себя охотникомъ, и въ душѣ его таится страстишка къ рысистымъ лошадямъ, которыхъ онъ знаетъ, какими любуется на бѣгу.

Въ седьмомъ часу все поле покрывается телѣжками, бѣговыми дрожками, ваньками и пѣшеходами; седьмаго половина начинаетъ играть полковая музыка, а въ семь начинается бѣгъ. До настоящей поры было только два бѣга, въ пятницу и въ воскресенье. Въ пятницу бѣгъ не представлялъ большой занимательности для публики пришедшей по образу пѣшаго хожденія; но была очень интересна для заводчиковъ, потому что призъ былъ значительный. Призъ въ знакъ уваженія общества къ своему вице-президенту П. П. Воейкову, былъ изъ золотой медали въ 200 руб. сер. и денегъ 1405 р. Бѣжали три лошади Г. С. Бардина *Усанъ 2-й* завода В. А. Тулинова, С. И. Терпигорева *Лебедь* и *Лоскутъ* завода Н. А. Дубовицкаго; четвертая же лошадь К. Трубецкаго *Храбрый*, сбѣжалъ съ бѣга; на первомъ же поворотѣ наѣздникъ упалъ съ дрожекъ. Усанъ пришелъ первымъ оставивъ своихъ противниковъ за флагомъ. Второе состязаніе было очень упорно. За призъ спорили двѣ прекрасныя лошади: *Молодецкой* Д. П. Нарышкина и *Летунъ* П. Р. Воронцова. Молодецкой обѣжалъ и пришелъ первымъ и на перебѣжкѣ. Молодецкой славный кораковый конь хорошо выдержанный и бравшій уже многіе призы. Шести верстную дистанцію онъ пробѣжалъ въ 5 м. и 30 съ неб. секундъ. Въ воскресенье взялъ призъ сѣрый жеребецъ И. И. Дубовицкаго *сынъ Горюна*. Но главный интересъ бѣга представляла троичная гонка. Скакали четыре тройки, одной правилъ самъ владѣлецъ. Троичная ѣзда страсть русскаго народа. Надобно было видѣть, съ какимъ участіемъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ пестрая толпа слѣдила за всѣми шансами состязающихся. Завертывается на пятый кругъ Г. Б. приподнимается на ноги и стоймя проскакиваетъ мимо флага оставляя за собою тройки: гг. Караулова и Шаховскаго. Восторгъ толпы не

имѣлъ границъ. Она всею массою двинулась къ побѣдителю: рукоплескали, кричали браво и поздравляли съ самымъ искреннимъ изъявленіемъ радости.

Между каррикатурами появляющимися довольно часто въ послѣднее время, нельзя пройдти молчаніемъ каррикатуры г. Баклевскаго на текстъ извѣстной пѣсни: «Воевода Пальмерстонъ». Что касается до рисунка, то онъ болѣе чѣмъ удовлетворителенъ. Остроуміе нѣсколько избитое: это кулакъ большаго размѣра, потомъ человѣческій корпусъ огромнымъ сапогомъ давящій жалкую фигуру и тому подобное. Лучшій листокъ въ Альбомѣ 5-й. Онъ изображаетъ молодаго русскаго парня, фигура набросана бойкою и ловкою рукою.

N.

Москва 26-го іюня 1855.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА,

въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи № 19, напротивъ Пассажа

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

Азовское море, съ его приморскими и портовыми городами, ихъ жителями, промыслами и торговлею, внутри и внѣ Россіи, съ приложеніемъ карты Азовскаго моря. Сост. *Н. Зуевымъ*. Спб. 1855. Ц. съ картою 1 руб., безъ карты 75 коп., за перес. 25 коп.

Содержащее въ себѣ: Предисловіе. Гл. I. Азовское море, его положеніе и берега, историческое значеніе, длина и глубина, грунтъ моря, вѣтры и горизонтъ моря, качества воды, теченіе, судоходство и маяки, Керченскій проливъ, Бердянская коса, рѣки въ впадающія въ Азовское море, торговля азовская. Гл. II. Азовская флотилія. Азовское казачье войско, Черноморское казачье войско, Ногайскія степи, островъ Черепаха, рыбная ловля. Гл. III. Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ съ городами Орѣховъ, Ногайскъ, Азовъ, Ростовъ на Дону, Эйскъ, Эйское укрѣпленіе, Геничи, Арабатъ, Ачуевъ и проч.

Пословицы въ карикатурахъ (по случаю настоящей войны), составл. *Н. Аннинскимъ*, 6 большихъ листовъ литографированныхъ, съ красивою оберткою. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 руб. 50 коп., раскрашенные 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Содержаніе картинъ. К. I. Каша не наша, котелъ не свой; были и посудки да за моремъ дудки; не кути дядя спот-

кнешься, будетъ больно какъ очнешься. К. II. Не доглядишь окомъ заплатишь бокомъ, на волка только слава, а овецъ таскаетъ сава. К. III. Не пускай козла огородъ сторожить; засидѣлся гостенекъ знать пригрѣлъ комелекъ. К. IV. Нашла коса на камень; не въ силу Филя прется животъ надорвется. К. V. Пріятели удружили кабалой угостили; ѣхали наживати да пришлось свое проживать. К. VI. Кто съ жиру дуритъ, а моя спина свербитъ; казакъ донской, что король северской и нирвнъ до солонъ.

Вторая тетрадь изъ шести большихъ листовъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Гг. иногородные могутъ присылая 3 руб. за черные и 7 руб. за раскрашенные получить вдругъ обѣ тетради.

Атласъ Тверской губерніи, выпускъ 1 по 4. Содержащій Калязинскій, Корчевской, Тверской и Кашинскій уѣзды. Москва. 1853, 1855. Ц. 22 руб., вѣсов. за 10 фунт.

О русскихъ глаголахъ. *Аксакова*. М. 1855 Ц. 30 коп., съ перес. 60 коп.

Практическое руководство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ Россіи. *Н. Абашева*, съ 17 въ текстѣ напечатанными рисунками и 4 литографированными таблицами чертежей. Спб. 1855. Ц 2 руб., перес. за 2 фунта.

Элементарный способъ рѣшенія вопросовъ относительно сопротивленія строительныхъ матеріаловъ и устойчивости сооруженій, съ практическими примѣрами, таблицами и 120 чертежами, расположенными въ текстѣ. Спб. 1855. Ц. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Войны Россіи за обладаніе Балтійскимъ моремъ, политика Англіи въ отношеніи къ Россіи и вступленіе англійскаго флота въ Балтійское море. Москва. 1855. Ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Восточная война, ея причины и послѣдствія, пер. съ фр. М. 1855. Ц. руб., перес. за 1 фунтъ.

Ручная книжка земледѣльческой химіи, почвознанія и ученія о назьмахъ, общепонятно изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ. *В. Гамма*, съ 33 политипажными рисун-

ками въ текстѣ. Спб. 1855. Ц. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. *Егунова*. выпускъ 1. М. 1855. Ц. 1 руб. 20 коп., перес. за 1 фунтъ.

Записки о бомбардированіи Одессы 10 апрѣля 1854 г. Соч. *К. Зеленецкаго*. Одесса. 1855. Ц. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи. Книга Н. Полевина I. М. 1855. Ц. 3 руб., перес. за 3 фунта.

Изслѣдовательныя усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія современи его введенія въ европейскихъ войскахъ и по нынѣ. *Константинова*, съ 33 фигурами и изъясненіемъ чертежей. Спб. 1855. Ц. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Объ ударныхъ трубкахъ для разрывныхъ артиллерійскихъ снарядовъ, испытанныхъ въ прусской, нидерландской и бельгійской артиллеріяхъ. *Константинова*, съ чертежами. Спб. 1855. Ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Питеръ Симпль. Романъ *Маріета*, въ 2 ч. М. 1855. Ц. 1 руб. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Правила конюшеннаго хозяйства или обязанности кучера и конюшенной прислуги. *О Пашкевича*. Спб. 1855. Ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб. 1855. Ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ производству листоваго зеленаго стекла въ Россіи. Сост. *В. Писаревымъ*. Спб. 1855. Ц. 1 руб. 75 коп., перес. за 2 фунта.

Указатель открытій по физическимъ и естественнымъ наукамъ. *Хотинскаго*. Спб. 1855. Ц. 1 руб. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Плѣнъ въ Англіи, фрегата Спѣшный и транспорта Вильгельмина въ 1807 году. *В. Шульца*. Спб. 1855. Ц. 75 коп., перес. за 1 фунтъ.

Бухгалтерія о расположеніи годичнаго прихода, и расхода и жалованья опредѣленнаго отъ 1 милліона до 1 рубля серебромъ. М. 1855. Ц. 75 коп., перес. за 1 фунтъ.

К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Соч. *С. Ешевскаго*, М. 1855. Ц. 2 руб., перес. за 2 фунта.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать непосредственно свои требованія книгопродавцу М. О. Вольфу, въ гостиный дворъ, № 19, въ С. Петербургѣ, не только на книги въ семъ объявленіи означенныя, но и на всѣ, кѣмъ и гдѣ бы не были изданы и публикованы.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 29 іюня 1855 года.
Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Питеръ Симпль. Романъ капитана Марріэта. Переводъ съ англійскаго. 2 части. Москва. 1855. Ц. 1 руб. 50 коп, съ перес. 2 руб. 25 коп.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Соч. *Н. Чернышевскаго*, на степень магистра русской словесности. Спб. 1855. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

Таврида съ Крымскимъ полуостровомъ, въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніахъ, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1855. Ц. 50 коп., съ перес., 75 коп.

О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа. Соч. *Н. Благовѣщенскаго*. Спб. 1855. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Изслѣдованіе псковской судной грамоты 1467 года. *Ѳ. Устрялова*. Спб. 1855. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи и ихъ значеніи въ сферѣ отечественной промышленности. Со многими таблицами. *А. Н. Егунова* Москва. 1855. Ц. 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб 50 коп.

Книга для купцовъ, купеческихъ прикащиковъ, конторщиковъ и коммиссіонеровъ. Содержащая въ себѣ: 1) Подробную коммерческую переписку, 2) Изложеніе правилъ и формъ для написанія купеческихъ актовъ или письменныхъ обязательствъ, какъ-то: векселей, заемныхъ писемъ, счетовъ, росписокъ, довѣренностей, контрактовъ, купчихъ, объявленій, накладныхъ и проч. 3) Таблицы процентовъ, расходовъ, приходовъ и жалованій. 4) Бухгалтерію и проч. Составлена директоромъ торговаго дома *Васильевымъ*. Москва. 1855. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга двадцать-первая. Москва. 1855. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Гг. иногородные особы съ требованіями своими благоволятъ относиться въ Санктпетербургъ на имя книгопродавца Ѳ. В. Базунова.

Печатать позволяется. Іюня 26 дня 1855 года.
Цензоръ *В. Бекетовъ*.
Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Стр.

Объявленіе отъ редакціи «Современника».

Объявленія отъ книгопродавцевъ М. О. Вольфа и Ѳ. В. Базунова.

СОВРЕМЕННИКЪ въ 1855 году выхо
перваго числа каждаго мѣсяца книжкам
20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе, съ
тинкою парижскихъ модъ при каждой кни

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

съ 12-ю картинками модъ и другими приложеніями,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или дост*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, углу Большой Дмитровки, прот Университетской типографіи, въ д Загряжскаго, при книжномъ маг И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** *Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

1855

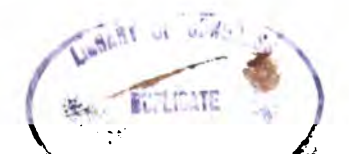
№ VIII АВГУСТЪ

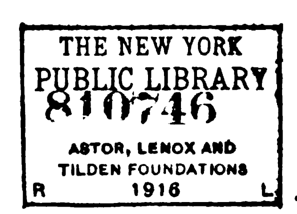
Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ:

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)





«Современнику», съ **Высочайшаго Его Императорскаго Величества** соизволенія, дозволено перепечатываніе военныхъ извѣстій изъ «Русскаго Инвалида». Такимъ образомъ, на все время военныхъ дѣйствій «Современникъ» пріобрѣтаетъ новый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: *Военныя извѣстія* и будетъ имѣть возможность представлять отнынѣ, въ *каждой книжкѣ* ежемѣсячные объ нихъ отчеты. Для того же, чтобы нашимъ читателямъ была яснѣе связь настоящихъ военныхъ событій съ предшествовавшими — мы сочли необходимымъ изложить эти событія послѣдовательно — съ самаго начала войны, до настоящей минуты, руководствуясь тѣми же оффиціальными свѣдѣніями, которыя сообщались «Русскимъ Инвалидомъ».

Въ отдѣлѣ *Военныхъ извѣстій* въ добавленіе къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, будутъ кромѣ того тщательно собираться редакціею всѣ любопытнѣйшія частныя письма, присылаемыя изъ театра войны, лицами, участвующими въ ней и сестрами Крестовоздвиженской Общины; разсказы о геройскихъ подвигахъ нашихъ воиновъ, — словомъ, всѣ факты касательно настоящей войны, разсѣеваемые въ ежедневныхъ листкахъ газетъ.

Мы желаемъ, чтобы читатели «Современника» имѣли впослѣдствіи полную и подробную, во всемъ ея величіи,

картину неустрашимости и самоотверженія русскаго народа.

Смѣемъ думать, что этотъ новый отдѣлъ, вмѣстѣ съ военными разсказами Л. Н. Т. и другихъ, которые будутъ печататься также постоянно, — придастъ новую жизнь и новый интересъ «Современнику», редакція котораго постоянно стремилась и стремится, по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности, къ тому, чтобы оправдать имя журнала, завѣщанное ему великимъ нашимъ поэтомъ.

СТЕПНАЯ БАРЫШНЯ.

ПОВѢСТЬ.

Усталый и голодный добрался я до уѣзднаго городка П*., и остановился у гостинницы — лучшей въ городѣ, по словамъ моего ямщика. На встрѣчу ко мнѣ выбѣжалъ слуга. Я потребовалъ комнату и прибавилъ: «смотри же только: чистую, пожалуйста».

— Ужь не побрезгайте, окнами на дворъ, умильно глядя на меня сказалъ слуга.

Я заглянулъ на грязный дворъ, заставленный различными весьма странными экипажами. Подъ навѣсомъ стояли лошади, коровы, бараны. На дворѣ толпились мужики; шумъ былъ ужасный. Желая хорошенько выспаться послѣ трехъ ночей, проведенныхъ въ телѣгѣ, я потребовалъ комнату непремѣнно съ окнами на улицу.

— Все занято, отвѣчалъ слуга.

— А на лѣво-то отъ насъ, Архипъ? раздался мужской голосъ надъ нашими головами.

Въ окнѣ втораго этажа покоились животами на пуховыхъ подушкахъ въ ситцовыхъ наволочкахъ старикъ и старушка.

— Занято! нехотя отвѣчалъ Архипъ на ихъ замѣчаніе.

— Ну такъ 5-й нумеръ, что опорожнилъ сегодня купецъ, подхватила старушка.

— Исправникъ взялъ подъ кого-то! грубо крикнулъ Архипъ.

Благодаря заботливости стариковъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ попытать счастья въ другомъ трактирѣ.

— Ты поѣзжай къ нѣмцу, можетъ у него есть! замѣтилъ старичокъ моему ямщику.

— Подъ гору не ѣзди, а ступай низомъ, — тутъ ближе: я хаживала пѣшкомъ, съ горячностію прибавила старушка.

Ямщикъ тронулся, я поклонился старичкамъ, благодаря за непрошенныя услуги. Они отвѣчали самыми радушными поклонами.

По случаю ярмарки, даже всѣ харчевни городишка были биткомъ набиты, и я скоро принужденъ былъ возвратиться къ первому трактиру. Старички, завидѣвъ меня, раскланялись со мной, уже какъ съ короткимъ знакомымъ и съ участіемъ спросили: нашелъ ли я нумеръ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ я выходя изъ телѣги, и обратился къ выбѣжавшему Архипу: — давай хоть на дворъ нумеръ, что дѣлать!

Архипъ торжественно отвѣчалъ:

— Да и его сейчасъ заняли.

Это извѣстіе меня ошеломило.

— Ишь какой, мы вѣдь тебѣ сказывали: обожди! баринъ, можетъ статься и вернется, строго замѣтила ему старушка и обратясь ко мнѣ, продолжала съ чувствомъ обиженнаго достоинства: — въ ярмарку дворянамъ здѣсь мѣста нѣтъ: купечество все захватываетъ, хоть на улицѣ ночуй.

Это меня нисколько не утѣшило, я присталъ къ Архипу, чтобъ давалъ мнѣ нумеръ. Архипъ на отрѣзъ объявилъ, что нѣтъ, — развѣ не выбудетъ ли кто къ вечеру, — да и то Богъ знаетъ!

Я стоялъ въ недоумѣніи — не зная, что дѣлать, какъ вдругъ старичокъ крикнулъ слугѣ:

— Архипъ, Архипъ! Проси къ намъ, мы уступимъ имъ одну комнату. Пожалуйте, комнатка изрядная, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

— Милости просимъ, мы завтра уѣзжаемъ, одну ночь и потѣснимся, — ничего! подтвердила старушка.

Я поклонился имъ, но все еще стоялъ въ нерѣшимости; старикъ положилъ ей конецъ, давъ Архипу приказаніе та-

щить съ телѣги мою поклажу, а самъ скрылся; старушка скрылась тоже.

— Что это за люди? спросилъ я Архипа, принявшагося за выкладку моихъ вещей.

— Тутошные помѣщики! не безъ презрѣнія отвѣчалъ Архипъ, и какъ-то, двусмысленно спросилъ, приподнявъ чемоданъ: — тащить чтоль на верхъ?

— Какъ ихъ фамилія?

— Зябликовы! отвѣчалъ Архипъ.

— Григорій Никифорычъ и Авдотья Макаровна приказали просить вашу милость на верхъ, — сопровождая свои слова низкимъ поклономъ, сказала дѣвушка въ тиковомъ платьѣ, съ волосами, расчесанными на двѣ косы.

Ей было лѣтъ двадцать слишкомъ. Она имѣла лицо рябое, некрасивое и сердитое; особенно злобно покосилась она на Архипа, который поглядывалъ на нее насмѣшливо.

— Да, пожалуйте! раздался голосъ старика надъ моей головой: — что глядишь-то, тащи вверхъ чемоданъ, повелительно прибавилъ онъ своей прислужницѣ.

Эта оригинальная услужливость со стороны незнакомыхъ людей, а также голодъ и желаніе отдыха заставили меня послѣдовать за сердитой дѣвой, которая уже успѣла переброситься съ Архипомъ довольно энергическою бранью. Корридоръ, по которому я шелъ за прислугой, несшей мои вещи, былъ какъ слѣдуетъ быть корридору въ уѣздномъ трактирѣ: грязенъ, пахучъ и теменъ. Въ продолженіе моего шествія всѣ двери нумеровъ раскрывались и изъ нихъ высовывались любопытныя головы постояльцевъ. Я вошелъ въ свѣтлую и довольно чистую комнату, которой главная меблировка состояла изъ сундуковъ, коробокъ, узелковъ, а стѣны были завѣшаны мужескимъ и женскимъ гардеробомъ. Явились старички и опять начали раскланиваться со мной, какъ со своимъ гостемъ.

— Рекомендую вамъ мою супругу Авдотью Макаровну, сказалъ мужъ; а жена замѣтно готовясь, что я подойду къ ея рукѣ, прибавила:

— Милости просимъ раздѣлить съ нами уголокъ и хлѣбъ-соль.

Я сталъ извиняться, что стѣсню ихъ.

— И, полноте! мы переночуемъ въ другой комнатѣ, это наша тоже, указывая на сосѣднюю дверь, прервалъ старичокъ.

— Не на улицѣ же вамъ, батюшка, было ночевать! И все это Архипъ, купцу всякому наровитъ угодить, а для дворянства нѣтъ мѣста!

И старушка указала мнѣ мѣсто возлѣ себя на диванѣ. Я сѣлъ.

Настало молчаніе; пользуясь имъ, я разсмотрѣлъ внимательнѣе моихъ новыхъ знакомыхъ. Старички имѣли физіономіи необыкновенно простыя и добродушныя. Я готовъ былъ бы держать пари, что въ жизни своей они не знавали ни какого горя: такъ спокойно, даже туповато было выраженіе ихъ лицъ. Щеки сохраняли румянецъ; полнота не переходила еще границъ, но животы замѣтно были развиты, — все не дурные признаки. Волосы у обоихъ были свѣтлорусые. Туалетъ старика, вѣроятно по случаю лѣта, состоялъ изъ сѣро-черной нанки. Бѣлая косынка обхватывала его короткую и толстую шею. На супругѣ его туалетъ также не былъ роскошенъ. Темный ситцевый капотъ — лифъ коротенькой, рукава съ пуфами. Подъ лифомъ платья, вмѣсто манишки, была надѣта бѣлая кисейная косынка. Чепчикъ тюлевый съ рюшью безъ всякихъ бантовъ дополнялъ этотъ простенькій и чистенькій туалетъ. Григорій Никифорычъ прервалъ молчаніе слѣдующимъ вопросомъ:

— Откуда изволите ѣхать?

— Изъ Х. губерніи.

— Изъ своихъ помѣстьевъ?

— Да.

— Холостые? спросила Авдотья Макаровна.

— Не женатъ.

— Изволите состоять на государственной службѣ? спросилъ Забликовъ.

— Да-съ.

— Родители живы? обратясь снова ко мнѣ,. спросила старушка.

— Давно умерли.

Авдотья Макаровна покачала головой съ соболѣзнованіемъ.

— Позвольте узнать имя и отечество ваше? спросилъ старичокъ.

Я сказалъ; они раза два повторили его, какъ бы заучивая урокъ.

— А который годокъ вамъ, батюшка Николай Николаевичъ? спросила меня старушка.

— А сколько у васъ душъ? спросилъ Забликовъ, какъ только я удовлетворилъ любопытству его жены.

— Братцы и сестрицы есть? сказала Авдотья Макаровна.

— У меня нѣтъ ни какихъ близкихъ родныхъ! отвѣчалъ я, досадуя на докучливыхъ старичковъ; но они, кажется, и не подозрѣвали, что ихъ любопытство можетъ наскучить и продолжали меня допрашивать.

— А заложены ли ваши мужички? спросила меня Забликова.

— Нѣтъ, улыбаясь отвѣчалъ я.

— Хорошо вы дѣлаете! Ахъ, какъ трудно справляться потомъ! съ грустью произнесла Авдотья Макаровна, изъ чего я могъ догадаться, что ихъ мужички были заложены.

— А каковъ хлѣбъ въ вашихъ мѣстахъ? не давая мнѣ отдыха, спросилъ Забликовъ.

— А скотинки много, батюшка, у васъ? перебила своего мужа Авдотья Макаровна.

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

Старички встрепенулись и съ удивленіемъ глядѣли на меня, какъ будто я имъ сказалъ что-нибудь ужасное.

— Я плохой хозяинъ, мало живу въ деревнѣ; нанимаю управляющаго, — прибавилъ я, желая оправдаться.

— Небось нѣмца! язвительно замѣтилъ мнѣ Забликовъ, а его супруга съ ужасомъ прибавила:

— Какъ же можно не знать своего добра?

Во все время этого разговора, сердитая дѣва въ тиковомъ платьѣ бѣгала изъ комнаты въ комнату, рылась въ сундукахъ, въ узлахъ и снимала со стѣны крахмаленныя юбки, шумъ которыхъ въ другой комнатѣ возвѣщалъ мнѣ о новомъ скоромъ знакомствѣ.

Появленіе молодой дѣвушки пояснило мнѣ докучливые распросы стариковъ, и ихъ оригинальное гостепріимство. Ее отрекомендовали мнѣ слѣдующею фразою:

— Вотъ наша дочка, Ѳеклуша!

Ѳеклуша, покраснѣвъ, присѣла мнѣ, и поспѣшила сѣсть въ уголъ.

Началось приготовленіе къ чаю; старушка и супругъ ея стали хлопотать около стола, на который постлали чистую скатерть. Я этимъ временемъ поглядывалъ на новое лице.

Ѳеклушѣ было не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ; она съ перваго взгляда мнѣ не понравилась; можетъ быть ея пестрое шерстяное платье, его покрой и украшенія были тому причиной; мнѣ показалась она портретомъ матери, какъ, вѣроятно, была та въ молодости: голубые же глаза, такіе же бѣлокурые волосы, только разумѣется съ отливомъ не сѣроватымъ, а золотистымъ; тотъ же здоровый цвѣтъ лица, пышность плечъ, и простодушный взглядъ. Но когда она приблизилась къ столу и я поразсмотрѣлъ ее, то всякое сходство Ѳеклуши съ ея родителями исчезло. Ея бирюзовые глаза такъ были умны, живы и блестящи, что казалось искры струились изъ нихъ. Ея золотистые волосы крутились отъ природы такъ изящно, что не могли служить украшеніемъ глупому лицу. Черты ея были миніатюрны, ротикъ дышалъ такою свѣжестью, что нельзя было смотрѣть на него равнодушно. Но что окончательно меня плѣнило, — это ея ручки, форма которыхъ могла бы служить образцомъ самой строгой правильности и красоты. По загару ея лица и рукъ видно было, что Ѳеклуша не принадлежала къ тѣмъ деревенскимъ барышнямъ, которыя ведутъ жизнь въ комнатахъ, боясь солнца и чистаго воздуха, какъ страшныхъ посягателей на женскую красоту. Мнѣ тоже очень понравилась въ Ѳеклушѣ ея безцеремонность; она кушала чай при незнакомомъ ей мужчинѣ съ большимъ аппетитомъ, не заботясь кажется о томъ, какое это произведетъ впечатлѣніе на него. Откушавъ чай, она молча поцаловала свою мать и снова сѣла въ уголъ.

Старики угощали меня усердно и такъ какъ я давно не пилъ хорошаго чаю, то вполнѣ удовлетворилъ ихъ радушіе. Но едва кончился чай, какъ Заблюковъ замѣтилъ своей супругѣ, что пора бы похлопотать объ ужинѣ. Авдотья Макаровна вышла изъ комнаты, за ней послѣдовала и Ѳеклуша.

Григорій Никифорычъ, выпившій очень много чаю, сидѣлъ въ креслахъ въ изнеможеніи и дышалъ тяжело. Полумракъ въ комнатѣ и молчаніе хозяина клонили меня ко сну; я уже началъ подремывать, но вдругъ встрепенулся, пробужденный необыкновенно мелодическими звуками неизвѣстнаго для ме-

ния инструмента. Замѣтивъ, что я прислушиваюсь, старикъ сказалъ мнѣ тихо:

— Ѳеклуша моя мастерица играть на гитарѣ. Я люблю ее вечеркомъ послушать. Поди сюда, не стыдись, гость извинитъ, вѣдь ты самоучка, прибавилъ старикъ уже громко.

Ѳеклуша тотчасъ же явилась на зовъ отца, съ гитарою въ рукахъ.

Часто тиранили меня игрою на фортепьяно, но женщину съ гитарой въ рукахъ я еще не видалъ никогда. Ѳеклуша усѣлась на окно и безъ всякаго жеманства стала играть русскія пѣсни. Я даже не подозрѣвалъ, чтобъ гитара, инструментъ всѣми презираемый, могла передавать самые трудные пассажи. Я былъ въ восторгѣ отъ искусства гитаристки; сонъ мой прошелъ и я подсѣлъ къ ней поближе. По приказанію отца, она стала пѣть. Голосокъ у ней былъ небольшой, но чистенькій, вѣрный и такой мягкій, что нравился мнѣ въ эту минуту лучше всѣхъ женскихъ голосовъ, какіе я когда либо слышалъ. Я не сводилъ съ нея глазъ.... Она или была вся поглощена пѣніемъ, или слишкомъ хорошо сознавала свое искусство,—только нисколько не конфузилась ни похвалъ моихъ, ни удивленія. Что касается до меня, то нервы мои отъ безсонныхъ ночей были слишкомъ раздражены; притомъ нѣсколько недѣль передъ этимъ провелъ я въ заключеніи въ деревнѣ со старостою и управляющимъ, и можетъ быть отъ этого Ѳеклуша произвела на меня такое сильное впечатлѣніе. Я въ ней видѣлъ въ эту минуту чуть не музыкальнаго генія, а лицо ея казалось мнѣ замѣчательнымъ по красотѣ. Заслушавшись ея, я не замѣтилъ возни въ комнатѣ и только когда подали огонь, увидѣлъ, что постель мнѣ сдѣлана и столъ накрытъ.

— Полно, Ѳеклуша. Угости-ка гостя хлѣбомъ да солью, сказала Ѳеклушѣ мать.

Ѳеклуша тотчасъ замолкла, положила гитару на окно, сѣла за столъ и принялась кушать.

Аппетиту у меня не было, — я не ѣлъ, а старики дивились какъ можно заснуть съ голоднымъ желудкомъ. Мнѣ очень хотѣлось имъ объяснить, что смотря на блестящіе глазки ихъ Ѳеклуши, нетрудно потерять аппетитъ и сонъ; однако я не сказалъ этого. Въ разговорѣ моемъ съ степной барышней я не подмѣтилъ у ней ни одной изъ заученыхъ, пошлыхъ фразъ. Если она чего не понимала изъ моихъ словъ,

то наивно устремляла на меня свои вопрошающіе глаза, и этотъ взглядъ приводилъ меня въ восхищеніе. Ужинъ къ моему неудовольствію очень скоро кончился, или мнѣ такъ показалось, только старики, помолясь Богу и принимая мою благодарность, съ сожалѣніемъ сказали:

— Что дѣлать, батюшка, вѣрно не понравилась наша хлѣбъ-соль, — такъ мало кушали! Не взыщите, чѣмъ богаты....

Я благодарилъ и оправдывался усталостію.

— Пора по мѣстамъ; Ѳеклуша, полно! замѣтилъ старичокъ дочери; но она сѣла на окно, взяла гитару и начала ее настроивать, какъ бы приглашая меня на мое прежнее мѣсто.

Я замѣтилъ, что приказаніе отца не понравилось Ѳеклушѣ, и хотѣлъ было просить старичковъ, чтобъ они позволили мнѣ еще послушать ихъ виртуозку, какъ вдругъ вошелъ Архипъ съ извѣстіемъ, что очистился сосѣдній нумеръ. Хозяева мои однакожь воспротивились моему намѣренію тотчасъ перебраться. Они объявили, что перейдутъ туда сами, чтобъ не безпокоить своего усталаго гостя переноской вещей. Предупредительность ихъ была трогательная; постель для меня была уже готова на диванѣ. Пришлось покориться.

— Когда изволите выѣхать? замѣтила старушка, прощаясь со мной: — а мы до жаровъ выберемся.

— А куда вамъ ѣхать, позвольте узнать? спросилъ Григорій Никифорычъ.

— Въ Уткино, кажется верстъ пятьдесятъ отсюда.

Уткино, Уткино! радостно повторили за мной старички, а ихъ дочь, игравшая въ эту минуту на гитарѣ, вдругъ остановилась, но когда я взглянулъ на нее, она поспѣшно опять стала брать аккорды.

— Господи! да мы знаемъ Ивана Андреича очень хорошо! Такой добрый, хорошій человѣкъ! сказалъ Зябликовъ, а старушка съ грустью прибавила:

— Частенько бывалъ у насъ, гащивалъ по нѣскольку дней! Мы его любили; скажите ему, что Ѳеклуша скучаетъ по немъ.

Ѳеклуша заиграла какую-то удалую малороссійскую пѣсню, какъ бы желая заглушить слова своей матери.

— Скажите ему, что мы ума не приложимъ, какая черная кошка пробѣжала между нами? тоскливо сказалъ Зябликовъ.

— Да, да, — вздыхая тяжело, вторила ему Авдотья Макаровна, — не брезгалъ нашимъ хлѣбомъ и солью; игрывалъ бывало все на гитарѣ съ Ѳеклушой; а тутъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, глазъ не кажетъ. Сначала думали, боленъ, ну, посылать къ нему; потомъ узнали, что въ добромъ здоровьѣ, по сосѣдямъ ѣздитъ. Вотъ скоро мѣсяцъ, какъ глазъ не кажетъ, какъ будто....

— Чтожь, Авдотья Макаровна, всякій воленъ въ знакомствѣ! остановилъ съ досадою свою супругу Зябликовъ.

— Правда, а все-таки скажу, не слѣдъ дворянину, и еще сосѣду такъ поступать. Ну, чѣмъ мы обидѣли его? горячась говорила старушка.

Ѳеклуша поспѣшно подошла къ матери, дернула ее за рукавъ и что-то шепнула на ухо.

— Сейчасъ, сейчасъ! торопливо отвѣчала она Ѳеклушѣ и обратясь ко мнѣ, хотѣла продолжать прерванный разговоръ.

Но Ѳеклуша снова дернула ее за рукавъ платья.

— Да пойдемте.

— Ну, пойдемъ! съ досадой сказала госпожа Зябликова.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы васъ заговорили. Прошу не оставить насъ вашимъ знакомствомъ. Если будете въ Уткинѣ, къ намъ милости просимъ: всего верстъ пять, — сказалъ старичокъ, пожимая мнѣ руку.

— Не побрезгайте нашимъ приглашеніемъ, батюшка, прибавила Авдотья Макаровна.

Я подошелъ къ ея ручкѣ, чтобъ имѣть право поцаловать также ручку у дочери. Ѳеклуша безъ застѣнчивости подала мнѣ свою руку, мягкую и гладкую какъ атласъ, слегка коснулась своими губами до моего лба и что-то шепнула мнѣ. Я такъ былъ пораженъ этимъ, что замѣтно смѣшался и не могъ ничего сказать на привѣтливыя приглашенія родителей. Мнѣ уже начинало казаться, не воображеніе-ли обмануло меня; но, уходя, Ѳеклуша бросила на меня такой выразительный взглядъ, что не оставалось никакого сомнѣнія. Я долго смотрѣлъ на дверь, куда они всѣ скрылись, и досадовалъ на себя, что придаю важность шалости степной барышни, которую она, можетъ быть, повторяетъ не съ первымъ со мною. Сознаюсь, мнѣ было непріятно встрѣтить въ этой кроткой и простенькой дѣвушкѣ такую смѣлость и я поспѣшилъ лечь спать, чтобъ не думать объ ней болѣе....

Бѣготня и шумъ въ корридорахъ затихли; я задремалъ. Но стукъ въ дверь заставилъ меня пугливо вскочить. Сонъ мой исчезъ. Я весь превратился въ слухъ; кто-то стоялъ у двери, ведущей въ сосѣднюю комнату. Въ тишинѣ я слышалъ не только шорохъ, но даже дыханіе. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я спѣшилъ одѣться и подойдя къ двери, ждалъ въ волненіи повторенія этого стука. Шорохъ за дверью усилился и между щелкой просунулась бумажка, сложенная въ линейку. Я взялъ ее, и вообразите себѣ, чего-то испугался. Въ эту минуту мнѣ вдругъ пришли въ голову, Богъ знаетъ какія догадки. Зачѣмъ старички препятствовали моему перемѣщенію, почему дверь сосѣдней комнаты, гдѣ находилась Ѳеклуша, не заперли на ключь? Трусость моя меня насмѣшила; я подумалъ, что нечего разсуждать, а надо дѣйствовать, и прочелъ записку, содержаніе которой не оправдало мои ожиданія. Вотъ что было написано карандашемъ на лоскуткѣ:

«Ради Бога, не передавайте ничего Ивану Андреичу, о «чемъ васъ просила маменька, даже не сказывайте ему, что «познакомились съ нами.»

Я прочиталъ записку нѣсколько разъ, подошелъ къ двери и кашлянулъ тихо, потомъ погромче, и еще громче. Не было отвѣта. Я подумалъ, что можетъ быть нужна осторожность, и стоялъ у двери, какъ часовой, по временамъ возобновляя мой кашель. Мертвая тишина была въ другой комнатѣ. Я началъ злиться и уже готовъ былъ отворить дверь, но вдругъ послышался шорохъ въ корридорѣ — и бросился на свою постель. Досада моя усиливалась; я видѣлъ себя одураченнымъ, и обдумывалъ планъ мщенія; но напрасно я трудился надъ нимъ: и признака жизни не было въ другой комнатѣ!

«Что за странные люди мои новыя знакомые! думалъ я. — Неужели подъ этою личиною простоты и радушія кроется какой нибудь обманъ? Но они недостаточно умны для этого.»

Ихъ гостепріимство я нашелъ неестественнымъ. Чѣмъ объяснить ихъ хлопоты и заботливость обо мнѣ? Попромотались на ярмаркѣ, и разсчитываютъ, что я заплачу за комнаты, въ которыхъ они жили? Это предположеніе показалось мнѣ еще болѣе вѣроятнымъ, особенно когда я вспомнилъ небрежное обхожденіе съ ними Архипа, перебранки его съ сердитой горничной и жалобы старушки, что имъ насилу дали нумеръ.

Только подъ утро заснулъ я крѣпко, какъ спятъ люди здоровые тѣломъ и душою, притомъ три дня и три ночи скакавшіе на телѣгѣ. Проснувшись очень поздно и не замѣтивъ никакого движенія въ сосѣдней комнатѣ, я вспомнилъ свои предположенія и позвалъ Архипа.

— Ну чтó, уѣхали? спросилъ я его не безъ улыбки.

— Чуть свѣтъ. Приказали вамъ кланяться.

Я велѣлъ подать счетъ, но Архипъ отвѣчалъ мнѣ:

— Уплачено все! А если будетъ милость, такъ на чай прислугѣ.

Я устыдился собственныхъ заключеній. Семейство Зябликовыхъ сдѣлалось снова для меня привлекательнымъ и оригинальнымъ по своей простотѣ.

Черезъ часъ, я уже ѣхалъ въ село Уткино и образъ Ѳеклуши съ ея добродушными родителями ни на минуту не оставлялъ меня. Мнѣ смѣшно было, что я такъ сильно заинтересовался степной барышней, но въ то же время мнѣ очень хотѣлось узнать поскорѣе отъ владѣтеля села Уткина, чтó это за люди. Его поступокъ съ ними меня не безпокоилъ, потому что я очень хорошо зналъ странный характеръ моего пріятеля.... вѣрнѣе сказать, бывшаго пріятеля, потому что уже нѣсколько лѣтъ мы не видались съ нимъ.

Позвольте мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобъ познакомить васъ съ владѣтелемъ Уткина. Физіономію его я очерчу въ нѣсколькихъ словахъ. Когда мы съ нимъ разстались, а этому прошло шесть лѣтъ, онъ былъ строенъ, съ розовыми щеками, съ голубыми глазами и очень густыми бѣлокурыми волосами. — Характеръ его вовсе не соотвѣтствовалъ его кроткой наружности. Онъ былъ недовѣрчивъ, упрямъ и такъ самоувѣренъ, что пустившись въ споръ о предметѣ, совершенно ему незнакомомъ, не уступалъ самымъ очевиднымъ доказательствамъ и упорно поддерживалъ нелѣпость, разъ слетѣвшую съ его языка. — Можетъ быть, не годилось бы такъ откровенно говорить о пріятелѣ. Но въ наше время каждый сознаетъ и наивно расписываетъ не только недостатки своихъ ближнихъ, даже и свои собственные. Мой пріятель чуть ли не съ дѣтства имѣлъ слабость къ разгадыванію человѣческаго сердца. И никто такъ часто не ошибался какъ онъ въ выборѣ друзей, даже не исключая меня, котораго онъ призналъ въ самую мизантропическую

минуту своей жизни единственнымъ человѣкомъ, достойнымъ его дружбы. Онъ имѣлъ хорошее состояніе и половину его потратилъ въ коммерческихъ оборотахъ, гдѣ позналъ гибельныя послѣдствія честнаго слова людей. — Легко понять, какъ подѣйствовало ѣто на характеръ недовѣрчивый отъ природы. Убѣгая общества, Иванъ Андреичъ сталъ впадать въ дикія умозрѣнія, и по упрямству и самоувѣренности не слушалъ возраженій, повторяя одно: я горжусь тѣмъ, что никогда не измѣняю своего мнѣнія. Еслибъ онъ былъ уменъ и дѣятеленъ, то упрямство его, можетъ быть, принесло бы ему пользу. Но онъ учился съ грѣхомъ пополамъ, ума особеннаго не имѣлъ, дѣятеленъ былъ только на словахъ. — Итакъ, я оставилъ моего пріятеля самымъ отчаяннымъ мизантропомъ, и теперь соображалъ, какое превращеніе должна была совершить съ нимъ уединенная деревенская жизнь. Онъ, вѣроятно, похудѣлъ, одичалъ; чуждается людей, постоянно молчитъ и бродитъ по лѣсамъ, оплакивая слабости человѣчества.

Ямщикъ объявилъ, что скоро должно показаться Уткино. Дорога пошла между полями и такая узкая, что канавы, выкопанныя по бокамъ, препятствовали разъѣхаться двумъ встрѣчнымъ. А между тѣмъ, навстрѣчу моего экипажа ѣхали бѣговыя дрожки; ими правилъ какой-то господинъ, а сзади его сидѣлъ кучеръ и басилъ:

— Правѣй, правѣй!

Мой ямщикъ, оглядясь на обѣ стороны, сердито крикнулъ:

— Куда, правѣй? Не видишь, чтòль, канава! ну, держи самъ правѣй!

И онъ придержалъ телѣгу. Бѣговыя дрожки подъѣхали близко, кучеръ продолжалъ кричать:

— Правѣй.

— Ну чтò же у васъ будетъ? сказалъ я.

— Да не валить же вашу милость въ канаву! Проѣзжай! сказалъ сердито мой ямщикъ.

Тогда самъ баринъ крикнулъ!

— Держи лѣвѣй!

Бѣговыя дрожки едва могли проѣхать шагомъ мимо меня. Я имѣлъ время разсмотрѣть господина, правившаго чуть ли не столѣтнимъ рысакомъ. Ростъ его былъ средній, но полнота скрадывала его. Полная его фигура была облечена въ бѣлый

парусинный балахонъ, въ видѣ пальто-сакъ, и изъ той же матеріи широкія панталоны. На головѣ пестрый картузъ затѣйливаго фасона. Полныя его щеки и двойной подбородокъ слегка обросли бурыми иглами, а усы были желтовато-пепельные. Господинъ въ балахонѣ, страшась вѣрно очутиться въ канавѣ, все вниманіе свое обратилъ на возжи.

— Уткинской баринъ! сказалъ мнѣ ямщикъ.

— Какъ? Не можетъ быть! Иванъ Андреичъ? воскликнулъ я.

— Да-съ, они-съ! Я не призналъ ихъ сначала.

— Стой, стой! закричалъ я, повернувшись назадъ и махая руками къ дрожкамъ.

Чему я такъ обрадовался, самъ не знаю. Впрочемъ, въ юности дружба такъ пылка и снисходительна, такъ проста и горяча, что нѣтъ мѣста въ умѣ для анализа. Любишь человѣка самъ не знаешь за что; иногда по привычкѣ. Какъ часто я видѣлъ ужасно суровыхъ стариковъ, дѣлавшихся мягкими и веселыми при одномъ воспоминаніи молодости!....

Подбѣжавъ къ дрожкамъ и взглянувъ на толстаго господина съ краснымъ лицомъ, смотрѣвшаго на меня вопросительно, я сконфузился. Хоть бы одна черта прежняго моего пріятеля; даже ноги, висѣвшія на воздухѣ, имѣли видъ копытъ, такъ онѣ были толсты. Я попросилъ извиненія, сказавъ, что ошибся.

— Вы къ кому ѣдете? спросилъ меня господинъ въ балахонѣ.

— Въ село Уткино, отвѣчалъ я.

— Значитъ, вы желаете видѣть Ивана Андреича, спросилъ господинъ въ балахонѣ.

— Да.

— Позвольте узнать вашу фамилію? Я потому спрашиваю, что я самъ Иванъ Андреичъ, улыбаясь и приподнимая картузъ, сказалъ господинъ въ балахонѣ.

Въ отвѣтъ на это, я назвалъ мою фамилію.

Крикъ радости вырвался изъ груди господина въ балахонѣ и онъ кинулся меня обнимать. Только въ эту минуту, по звуку голоса, я окончательно убѣдился, что это точно мой пріятель. Какъ бы ни измѣнился человѣкъ въ зрѣлые года, но голосъ у него въ минуты сильнаго волненія является прежній.

Мы поцаловались и, надо сознаться, слегка прослезились; потомъ стали разглядывать другъ друга, дѣлая обоюдно не слишкомъ лестные комплименты, чего, впрочемъ, не замѣчали.

— Возможно ли такъ растолстѣть, измѣниться? говорилъ я.

— А ты какъ состарѣлся! я тебя, право, чуть не за старика принялъ: сколько морщинъ на лбу! вторилъ мой пріятель.

— Право, ни одной морщинки нѣтъ путной. Понабралъ я ихъ отъ пустоты жизни, сказалъ я.

— Полно, полно! вѣдь ты все надъ книгами коптѣлъ.

— Право, не отъ книгъ.

— Такъ небось отъ жизни! Я помню хорошо тебя. Ты, братъ, имѣлъ счастливѣйшій характеръ, всѣ тебѣ казались добрыми и честными людьми.

Я разсмѣялся и ужасно обрадовался, что хоть взглядъ на людей не измѣнился въ моемъ другѣ.

— А тебѣ, по прежнему, добрые люди кажутся злыми? сказалъ я.

— Богъ съ ними! оставимъ ихъ. Садись ко мнѣ на дрожки, я тебя довезу домой, отвѣчалъ мой пріятель.

Долго бился кучеръ, чтобъ поворотить лошадь, не опрокинувъ дрожки. Я невольно сказалъ:

— Какой дуракъ придумалъ сдѣлать такую дорожку?

— Я, — отвѣтилъ мнѣ мой пріятель.

— Извини! но по старой дружбѣ я повторю, что глупѣе ничего нельзя было придумать.

Иванъ Андреичъ съ жаромъ принялся доказывать пользу такой дороги. Помѣстившись за его спиной, я прервалъ его неожиданнымъ вопросомъ:

— Ты женатъ? Дѣти есть?

— Что ты, съума сошелъ? Кто это тебѣ навралъ? Я не одурѣлъ еще! возразилъ онъ разгорячась.

— Чѣмъ же ты обидѣлся? Какъ будто я спросилъ тебя, не обокралъ ли ты кого? И что это значитъ? Ужь ты не влюбленъ ли безнадежно, а?

— Это что за глупости! такъ строго вскрикнулъ мой пріятель, что столѣтній конь его вздрогнулъ и прибавилъ рыси.

Я и самъ, глядя на жирный затылокъ моего пріятеля, едва не расхохотался при мысли, что онъ влюбленъ. А впрочемъ, почему мы привыкли думать, что только худощавые имѣютъ право быть влюбленными?

Я кротко сказалъ:

— Отчего же ты разсердился, когда я коснулся любви и женщинъ?

— Ты очень хорошо знаешь, что я никогда не любилъ говорить объ этомъ пустомъ предметѣ.

— Ты могъ измѣниться.

— Ошибся, я твердъ, если разъ въ чемъ убѣдился.

— Неужели ты сталъ даже ненавистникомъ женщинъ?

— Не сдѣлаться же мнѣ селадономъ. А ты почему не женатъ? — Я живу въ глуши, не вижу никого, а ты въ обществѣ. Почему ты не женатъ?? а?? присталъ ко мнѣ мой пріятель.

— Потому братецъ, что еще не нашелъ женщины.

— И не найдешь, пока не одурѣешь, или лучше сказать, если не наскочишь на ловкую. Какъ разъ обвѣнчаешься, такъ все скоро сдѣлается, что только будешь дивиться своей глупости!

— Неужели нѣтъ женщинъ, достойныхъ насъ? что̀ мы за перлы такіе между мужчинами, сказалъ я, смѣясь.

— Перлы? да, мы перлы! горячо возразилъ онъ.

— Однако ты-таки высокаго мнѣнія о себѣ!

— Ни чуть. Я знаю одно, что если мы будемъ мужьями, насъ славно и ловко будутъ обманывать.

— Почему непремѣнно насъ будутъ обманывать? Я убѣжденъ, что дѣвушка, сколько нибудь умная и порядочная, замужемъ за хорошимъ человѣкомъ не станетъ обманывать его, если самъ онъ не доведетъ ее до этого.

— Что̀ я спорю съ тобою! Я вѣдь помню твои идеальные взгляды на женщинъ.... я, признаюсь, думалъ, что ты давно съ рогами!...

Пріѣздъ къ дому прекратилъ нашъ разговоръ; хозяинъ ввелъ меня къ себѣ. Описывать комнаты и меблировку право не стоитъ. Я замѣтилъ во всемъ большой безпорядокъ; а пыль, лежавшая повсюду слоями, ясно говорила о нетребовательности моего пріятеля. Онъ суетился, бранилъ прислугу, ворчалъ себѣ подъ носъ и распрашивалъ въ то же вре-

мя о Петербургѣ и нашихъ общихъ знакомыхъ. Обѣдъ не замедлилъ явиться и былъ составленъ, если не очень тонко, за то сытно. Иванъ Андреичъ ни однимъ блюдомъ не остался доволенъ; однако, каждое кушалъ съ большимъ аппетитомъ. Послѣ обѣда, закуривъ трубку, онъ повелъ меня въ садъ свой, въ которомъ ровно также ничего не было замѣчательнаго, кромѣ развѣ большаго количества ноготковъ. Но какъ ни былъ плохъ садъ и его цвѣты, это не мѣшало моему пріятелю, гордиться обширными познаніями въ ботаникѣ.

Разостлали коверъ въ тѣни подъ деревомъ и мы улеглись. Видъ съ этого мѣста былъ очень хорошъ; садъ и домъ были расположены на самомъ высокомъ мѣстѣ, которое господствовало надъ нѣсколькими верстами въ окружности. Поля, овраги, лѣса, деревушки ясно были видны отсюда при яркомъ освѣщеніи полуденнаго солнца. Я залюбовался видомъ и сказалъ:

— Право, весело жить въ деревнѣ, я бы сейчасъ переселился изъ Петербурга.

— А я хочу уѣхать изъ деревни, замѣтилъ онъ.

— Я думалъ, что ты полюбилъ деревенскую жизнь.

— За что ее любить? Я живу здѣсь не для удовольствія. Хозяйство, столько хлопотъ и непріятностей! Ты думаешь, здѣсь не найдется дурныхъ людей, какъ въ городахъ? Право, они всюду одинаковы, вездѣ ими руководитъ одинъ разсчетъ.

— Ты, по прежнему, если еще не болѣе, ожесточенъ противъ людей, особенно противъ женщинъ.

— Ну, оставь ихъ въ покоѣ. Я рѣшился, братъ, никогда не жениться, значитъ мнѣ все равно, Богъ съ ними съ этими фуріями.

Эти слова были произнесены грустно и такъ рѣшительно, что я пристально посмотрѣлъ на лицо моего пріятеля. Оно несмотря на свой красный цвѣтъ и полноту, было печально. Посидѣвъ молча нѣсколько минутъ, онъ вдругъ уткнулъ его въ подушку. Я не безпокоилъ его и не возобновлялъ разговора. Чрезъ пять минутъ пріятель мой дышалъ очень покойно. Я послѣдовалъ его примѣру, и закрывъ лицо носовымъ платкомъ, сладко заснулъ. Очнулся я отъ богатырскаго храпѣнія: — возлѣ меня, снявъ платокъ съ лица, пріятель мой лежалъ навзничь и на разные тоны варьировалъ свое храпѣніе. Мальчишка лѣтъ двѣнадцати, одѣтый въ

длинный сюртукъ изъ домашняго сѣраго сукна, сидѣлъ въ головахъ барина, сложивъ ноги по турецки и держа въ рукахъ вѣтку березы, листья которой покоились на лицѣ и груди спящаго Ивана Андреича, потому что мальчишка, свѣся голову на грудь, слегка вторилъ носовымъ храпѣніемъ барину. Я взялъ травку и пощекаталъ мальчику ухо. Мальчикъ, зачесавъ ухо и открывъ глаза, торопливо началъ хлестать вѣткою по лицу своего господина, который вѣроятно привыкнувъ къ такого рода ощущеніямъ, даже и не поморщился.

— Какъ ты это очутился здѣсь? спросилъ я мальчишку, у котораго лицо было довольно лукаво.

— Мнѣ приказано сидѣть всегда послѣ обѣда за кустами и какъ они-съ изволятъ заснуть, я и долженъ обмахивать ихнее лицо, отвѣчалъ онъ тихо.

— Какъ же ты узнаешь, что онъ заснулъ?

— Они кажинный разъ изволятъ захрапѣть. Я и сажусь.

— А близко деревня Зябликовыхъ отъ васъ? спросилъ я мальчишку, который пугливо поглядѣлъ на спящаго своего барина и едва слышно произнесъ:

— Пять верстъ, вонъ за лѣсомъ ихняя крыша.

— А налѣво, чей барскій домъ?

— Щеткиныхъ! шопотомъ отвѣчалъ мальчишка.

— Бываютъ у васъ?

Мальчишка кивнулъ головой и заботливо началъ обмахивать своего барина, храпѣніе котораго сдѣлалось отрывисто и грозно.... налитые кровью глаза моего пріятеля вдругъ открылись; онъ ими обвелъ кругомъ, и не безъ удивленія сказалъ мнѣ:

— Ты ужь проснулся!

— Кажется пора, смотри-ка, солнце за лѣсъ ушло, отвѣчалъ я, и указывая по направленію крыши Зябликовыхъ, спросилъ: — что это за крыша, чей это домъ?

Иванъ Андреичъ ничего на это не отвѣчалъ, а началъ читать мораль своему негру, по поводу волдыря, вскочившаго на его барской рукѣ отъ укушенія комара. Потомъ пригласилъ меня идти въ комнаты пить чай, и привелъ въ свой кабинетъ, который, какъ и другія комнаты, отличался топорной домашняго издѣлія меблировкой, которую покрывалъ слой пыли.

Письменный столъ былъ такой величины, что, за нимъ, право, свободно могъ бы помѣститься цѣлый департаментъ. Бумаги, планы лежали на немъ грудами, а главный безпорядокъ дѣлали «Московскія Вѣдомости», валявшіяся какъ попало, чуть ли не за десятокъ лѣтъ. Другихъ книгъ не было и признаку. Я невольно спросилъ моего пріятеля, суетившагося около стола:

— Неужели ты никакихъ журналовъ не выписываешь?

— Когда читать? жалобно возразилъ онъ, и стуча по кипѣ счетовъ, прибавилъ не безъ самодовольствія: — вотъ чтеніе нашего брата помѣщика, глаза заболятъ, какъ начитаешься ихъ. Вездѣ надо самому взглянуть, если не хочешь быть обкраденнымъ.

— Есть же хозяева, которые находятъ время читать, сказалъ я.

— Да, много ихъ! займутся книгами, а у нихъ этимъ временемъ и тащутъ и хапаютъ. Нѣтъ, я не могу выносить этого. Если взялся за хозяйство, такъ ужь работай, какъ слѣдуетъ.

— Да это пытка!

— То-то и есть, ты, можетъ быть, думалъ, что я сижу руки сложа.

— Однако отъ такой жизни можно одурѣть! съ наивностью воскликнулъ я.

Пріятель мой обидѣлся и началъ прехитро доказывать превосходство своего образа жизни.

— Вы людей изучаете по книгамъ, а я на дѣлѣ, и могу сказать, такъ хорошо узналъ человѣка, что право не ошибусь, стоитъ мнѣ только взглянуть на него. Кто хорошо и вѣрно видитъ вещи, тому не нужно книгъ.

Эта самоувѣренность меня уничтожила. Я увидѣлъ на диванѣ гитару, и спросилъ:

— Это ты поигрываешь?

— Да, иногда! отвѣчалъ онъ, и взявъ гитару, сталъ брать аккорды.

По виду гитары можно было заключить, что на ней упражнялись частенько.

— Не поешь ли ты? спросилъ я своего пріятеля, который что-то мурлыкалъ.

— Если не боишься, изволь спою, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ничего. Я довольно смѣлъ.

Иванъ Андреичъ началъ настроивать гитару и это продолжалось почти цѣлый часъ. Я потерялъ надежду услышать что нибудь, но наконецъ онъ откашлянулся и вздохнулъ такъ мощно, что я приготовился услышать громадный голосъ. Но другъ мой, къ удивленію моему, запѣлъ тихо и сиповато. Поглядѣвъ на него, я догадался, что имѣю дѣло съ любителемъ, который вполнѣ увѣренъ въ пріятности своего голоса и умѣньи владѣть имъ. Верхнія ноты улетали у него въ носъ, какъ дымъ въ трубу. Вообразите себѣ плотную фигуру, въ бѣломъ балахонѣ; гитара подпрыгиваетъ на полномъ животѣ, при всякой энергической нотѣ; брови подымаются кверху, глаза закрываются, жилы на шеѣ синѣютъ и какъ будто припухаютъ. Незнаю, можетъ быть, я былъ въ излишне весёломъ расположеніи духа, только мнѣ очень смѣшонъ показался пѣвецъ, и когда, въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, его свѣтло-сѣрые глаза увлажились слезой, я едва удержался отъ смѣха и сказалъ:

— Какъ ты хорошо поешь!

Онъ не замѣтилъ ироніи и продолжалъ пѣть.

Любитель чего бы то ни было, тотъ же пьяница, стоитъ ему глотнуть каплю, чтобъ забыть о мѣрѣ. Такъ точно и мой пріятель пропѣлъ мнѣ множество романсовъ и малороссійскихъ пѣсень. Меня удивило, что онъ пѣлъ тѣ же пѣсни, что и Θеклуша. Но его пѣніе было жалкая пародія на нѣжный голосокъ дѣвушки. Въ заключеніе пѣвецъ пропѣлъ: «Ой вы уланы», притопывая каблуками, присвистывая и прищелкивая языкомъ; я взялъ поскорѣе листъ «Московскихъ Вѣдомостей» и притворился читающимъ. Иванъ Андреичъ сдѣлался мнѣ противенъ; въ эту минуту Θеклуша живо представлялась моимъ глазамъ, свѣженькая и граціозная!

Побродивъ по комнатѣ, владѣлецъ села Уткина усѣлся опять на диванъ и сталъ безъ толку фантазировать. Удаль прошла въ немъ, онъ весь насупился и такъ погрузился въ свои фантазіи, что муха, обѣгавъ все его обширное лицо, расположилась было уже спать на его носу; но вдругъ онъ словно очнулся: бросилъ гитару на диванъ и сказалъ мрачно:

— Я думаю, я тебѣ надоѣлъ.

— Ты хозяинъ дома, отвѣчалъ я.

— Спасибо за откровенность, но право не знаю, какъ тебя развлечь.... въ карты не играю.

— Ты и такъ усталъ, развлекая меня, замѣтилъ я.

— Ты все такая же шпилька, какъ былъ.

— Нѣтъ, право, я былъ пораженъ твоимъ талантомъ; а кто давалъ тебѣ уроки пѣнія и музыки?

Иванъ Андреичъ сконфузился, и съ минуту молчалъ, потомъ замѣтилъ съ упрекомъ:

— Не нравилось, сказалъ бы, я бы пересталъ! это, братъ, не по дружески!

Мы перемѣнили разговоръ. Послѣ ужина я, однако жь, не утерпѣлъ и завелъ опять рѣчь о Зябликовыхъ.

— Ахъ, я и забылъ тебѣ сказать, что въ П. я случайно познакомился съ твоими сосѣдями.

— Съ кѣмъ? ихъ много у меня.

— Съ очень добрыми, простыми и оригинальными людьми.

— Да съ кѣмъ же? нетерпѣливо повторилъ мой пріятель.

— Зябликов.... я не успѣлъ договорить фамилію, какъ онъ разразился насильственнымъ смѣхомъ.

— Простые, простые, повторялъ онъ иронически: — ха, ха, ха, вотъ хорошо разгадываешь людей, ха, ха, ха!

— Ты меня удивляешь; кажется, они тебя такъ любятъ.

— А, а, а! Такъ вы ужь коротко познакомились. Небось жаловались на меня, избрали тебя примирителемъ.

— Ты такъ странно отзываешься о нихъ, что я прежде всего попрошу у тебя объясненія: что̀ они за люди? серьёзно сказалъ я.

— Простые, очень простые. Но только не совѣтую тебѣ съ ними возобновлять знакомство, если ты не намѣренъ въ одно прекрасное утро очутиться женатымъ!

Я невольно припомнилъ чрезмѣрное радушіе и угодливость Зябликовыхъ.

— Ты ужь не успѣлъ ли влюбиться? Видишь, и въ степи женщины не лишены хитрости. А какими простенькими прикидываются, чтобъ заманить!

— Неужели Ѳеклуша притворщица? воскликнулъ я съ досадою, что̀ очень обрадовало моего друга; онъ потирая руки, сказалъ:

— Успѣла, кажется, поймать на удочку, да еще какого отчаяннаго волокиту!

— Не приписывай мнѣ этого титула, я даже кандидатомъ въ волокиты никогда не былъ. Прошу тебя серьёзно: скажи мнѣ, что было между тобой и Зябликовыми?

И позабывъ просьбу Ѳеклуши, я передалъ ему подробно мое знакомство и даже показалъ записку дѣвушки. Иванъ Андреичъ пришелъ въ такое раздраженіе, что мнѣ стало жаль его; мнѣ показалось, что онъ влюбленъ въ Ѳеклушу и что моя откровенность слишкомъ неумѣстна. Наконецъ я понялъ изъ отрывистыхъ его фразъ, что простодушные старички чуть было его не женили, и что Ѳеклуша самая хитрая кокетка, занимающаяся ловлею жениховъ.

— Ты знаешь, какъ я остороженъ и таки понимаю людей, но они просто приколдовали меня своею простотой. По счастью пріѣхалъ ко мнѣ мой сосѣдъ Щеткинъ,—да и поразскажи мнѣ про нихъ исторію.

— Что же это за исторія? съ любопытствомъ спросилъ я.

— Такая, что я съ этого дня ни ногой къ нимъ.

— Можетъ быть ихъ оклеветали,—замѣтилъ я.

— Оклеветали! Жаль, что ты не спросилъ объ Зябликовыхъ у любаго мужика въ П., всѣ знаютъ эту исторію. И эти на видъ простодушные старички рѣшаются на все, чтобъ ловить жениховъ. Да, эта дочка-то похитрѣе своей сестрицы, она не останется въ дурахъ! Мало того, что научили ее завлекать мужчинъ, еще привораживаютъ. Травки разныя варятъ. Я тебѣ скажу, что въ столицѣ ты не встрѣтишь такихъ людей. Будто изъ почету къ гостю, дочку пошлютъ стряпать, да и угощаютъ потомъ этой стряпней.

— Но скажи мнѣ, для чего Ѳеклушѣ травы? она и такъ можетъ нравиться.

Иванъ Андреичъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Пойми, что никто съ ними не хочетъ знаться изъ сосѣдей. Вотъ они и ловятъ новичковъ, чтобъ забрать въ руки прежде, чѣмъ новичокъ узнаетъ эту исторію....

— Неужели ты вѣришь въ колдовство? смѣясь сказалъ я и мнѣ на минуту показалось невозможнымъ, чтобъ Ѳеклуша и ея родители были способны на подобныя вещи.

Иванъ Андреичъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, началъ разсказывать свою первую встрѣчу съ Ѳеклушей. Они встрѣтились у рѣки; она его пригласила въ домъ; онъ долго

былъ очарованъ ихъ искреннимъ радушіемъ; но потомъ ему стало подозрительно слѣпое довѣріе къ нему стариковъ; когда же онъ узналъ отъ Щеткина исторію, случившуюся въ ихъ семействѣ, тогда..... тогда онъ все понялъ!

Факты такъ были ясны, что я сидѣлъ повѣся голову и рѣшился ужь не заѣзжать къ Зябликовымъ, тѣмъ болѣе, что Ѳеклуша мнѣ очень нравилась.

Придя къ себѣ въ комнату, я нашелъ мальчишку въ длинномъ сюртукѣ, спящаго на полу въ ожиданіи меня. Я разбудилъ его и велѣлъ ему идти спать къ себѣ, но прежде спросилъ его:

— Есть у васъ верховая лошадь?

— Какъ же-съ.

— Такъ вели-ка завтра пораньше утромъ осѣдлать ее и разбуди меня.

— Слушаю-съ, я скажу дядѣ Прохору, чтобъ онъ ее завтра не посылалъ за водой.

— Такъ ты мнѣ водовозную хочешь дать? спросилъ я смѣясь.

— Другія нейдутъ. На конюшнѣ много жеребцовъ, да никто на нихъ не садится. У, какіе!

— Отчего же ихъ не попробуютъ осѣдлать?

— Не знаю-съ, баринъ не желаетъ. Ихъ рѣдко и изъ конюшни-то выводятъ, а ужь какъ выпустятъ, такъ просто страшно, такъ вотъ на дыбы, да наровятъ лягнуть.

Я подивился умѣнью моего пріятеля хозяйничать, окутался въ одѣяло и погасилъ свѣчу. Но комары завели такой концертъ въ комнатѣ, что спать не было возможности. Я зажегъ свѣчу. Задремалъ я только къ утру, измученный и окровавленный. Но сонъ мой былъ непріятенъ. Я видѣлъ во снѣ Ѳеклушу, подсыпавшую мнѣ что-то въ питье, а потомъ, будто я обвѣнчался съ ней. Я проснулся весь въ поту, у постели моей стоялъ мальчишка, повторяя однообразно:

— Лошадь готова.... лошадь готова.

Я одѣлся и сошелъ на крыльцо.

Было еще рано. Все небо покрывали сѣрыя облака, которыя низко и медленно двигались; вѣтру не было и признаковъ, накрапывалъ мелкій дождь. Послѣ двухнедѣльной нестерпимой жары, такое утро съ отсутствіемъ солнца обрадовало меня и я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя влажный

утреннiй воздухъ. Лошадь, подведенная къ крыльцу, насмѣшила меня своей фигурой. Она была очень высока, съ толстымъ животомъ, съ выдавшимися костями; ноги передвигала какъ палки. Къ довершенiю всего, сѣдло на ней было казацкое, такъ что сѣвъ на нее, я очутился словно на верблюдѣ.

— Извольте лѣвый поводъ короче держать, а то она на пристяжкѣ иногда ходитъ, такъ и кривитъ голову, замѣтилъ мнѣ кучеръ Прохоръ Акимычъ, съ очень развитымъ туловищемъ и на коротенькихъ ножкахъ, съ важнымъ лицомъ, которое почти сплошь было покрыто изкрасна-черными волосами.

— Да ходила ли она подъ верхомъ?

— Куплена была-съ для верху еще покойнымъ бариномъ. Стояла, стояла, а тамъ ее въ упряжь пустили, замучили. Теперь хуже всякой скотины ее мыкаютъ. А лошадь добрая, славная такая.

И кучеръ ласково провелъ рукою по мордѣ лошади. Не успѣлъ я выѣхать за околицу, какъ меня догналъ мальчишка и вручилъ мнѣ нагайку, съ наставленiемъ только не бить лошадь по бедрамъ.

— Почему?

— Неравно, какъ нибудь зацѣпите за ногу, такъ оборони Богъ, этого она не любитъ.

— Понесетъ?

— Нѣтъ, брыкаться начнетъ.

— Да ты скажи лучше все, что за ней водится, я не желаю сломать шею.

— Ничего-съ, она смирная! съ усмѣшкой отвѣчалъ мальчишка.

Онъ говорилъ правду: несмотря на удары нагайкой, лошадь и не думала прибавить шагу, а плелась нога за ногу. Потерявъ терпѣнiе, я сталъ съ ожесточенiемъ бить ее и шпорить; она поскакала, но такой убiйственной рысью, что я чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла и до хрипоты кричалъ: «тпру, тпру!» Внявъ моему отчаянному гласу, она снова пошла шагомъ.

Маленькая тропинка вела къ лѣсу, — я ѣхалъ по ней.... или, вѣрнѣе, по ней шла моя лошадь, никакъ не желавшая повернуть на торную дорогу, куда я разъ десять направлялъ ее. Наконецъ, я предоставилъ ей полную свободу,

тѣмъ охотнѣе, что пышныя облака поднялись высоко и быстро понеслись: солнце стало нагрѣвать и тѣнь лѣса была заманчива. Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей нервы мои были сильно возбуждены. Тихій шорохъ, лѣсъ, утренній воздухъ, пѣніе птицъ, — все дѣйствовало на душу живѣе обыкновеннаго. Я весь предался природѣ. Рѣдки у человѣка минуты полнаго забвенія мелочей, дѣлающихъ насъ разсѣянными и равнодушными къ лучшему въ жизни. А безъ нихъ, безъ этихъ мелочей, какъ дышется свободно, какое равновѣсіе чувствуешь во всемъ своемъ существѣ, будто вновь переживаешь счастливое дѣтство и въ тоже время сознаешь въ себѣ силу человѣка, исполненнаго энергіи.... Все, что испытано дурнаго въ прошедшемъ, тушуется какими-то радужными надеждами въ будущемъ. Вся нѣжность, уцѣлѣвшая въ глубинѣ души, рвется на свободу, — и вы радуетесь, что вамъ не нужно душить ее — вы посреди природы! Ничтожная травка интересуетъ васъ и получаетъ значеніе въ вашихъ глазахъ. Вы готовы оплакивать муравья, погибшаго подъ вашей ногой, такъ дорога и прекрасна кажется вамъ жизнь въ эти минуты!

Я находился въ такомъ мирномъ настроеніи духа. Поводъ былъ брошенъ и моя кляча шла себѣ куда знала, едва передвигая ноги. Я ѣхалъ лѣсомъ довольно долго; вдругъ она неожиданно прибавила шагу и повернула съ тропинки въ сторону; я очутился на полянѣ, живописно окоймленной кустарникомъ. Мнѣ вздумалось пройтись по травѣ, омытой утреннимъ дождемъ; но едва я началъ останавливать лошадь, какъ она своей убійственной рысью пустилась поперегъ поляны и мы очутились у ската пригорка, внизу котораго текла узенькая рѣка, извивавшаяся прихотливыми поворотами. Раздосадованный неповиновеніемъ клячи, я позабылъ наставленіе мальчика: ударилъ ее нагайкой по заднимъ ногамъ и въ тоже мгновеніе полетѣлъ чрезъ голову ея внизъ, цѣпляясь за траву, которая отъ дождя скользила изъ моихъ рукъ. Я кубаремъ скатился къ самому краю берега и вѣрно бы выкупался, но къ счастію, подъ руку мнѣ попался какой-то сучокъ — я ухватился за него, однакожь, не смотря на это весь мой лѣвый бокъ успѣлъ побывать въ водѣ. Выкарабкавшись на сухое мѣсто, я проклиналъ свою прогулку, забывъ, что минуту назадъ былъ самый счаст-

ливый человѣкъ. Моя лошадь, какъ ни въ чемъ не бывало, пощипывала траву, стуча удилами.

— Прохоръ! ты? раздался женскій, довольно твердый голосъ не вдалекѣ отъ меня.

Я сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда послышался голосъ; но вмѣсто его раздался плескъ воды. Я понялъ, что попалъ на свиданіе. Мнѣ захотѣлось взглянуть на нимфу, плескавшуюся въ рѣкѣ и я осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Ну что морочишь-то, не вижу что ли лошади! раздался снова уже сердитый женскій голосъ.

Я смѣло пошелъ по берегу рѣчки, которая круто изворачивалась, образуя миніатюрные мысы и полуостровки. На одномъ изъ такихъ мысовъ въ видѣ сапога, по другую сторону рѣки, я увидѣлъ таинственную нимфу. Поднявъ высоко свое тиковое платье, и заткнувъ конецъ за поясъ, она словно на показъ выставляла свои красныя и толстыя босыя ноги, слѣды которыхъ тонули въ мокрой травѣ. Лица не было видно, виднѣлся только загорѣлый затылокъ да бѣлокурые волосы, причесанные на двѣ косы. Возлѣ нея лежала въ корзинѣ куча мокраго бѣлья. Нимфа, нагнувшись, усердно полоскала какое-то бѣлье.

— Скажи-ка пожалуйста, какая эта рѣчка? спросилъ я ее, неожиданно появясь изъ-за кустовъ на краю противуположнаго берега.

Незнакомый голосъ такъ испугалъ дѣву, что она вздрогнула, выпрямилась и молчала, дико осматривая меня. Я повторилъ свой вопросъ.

— Брысь! рѣзко произнесла дѣва и поднявъ свое платье бухнулась на колѣни въ траву и валькомъ доставала бѣлье, выпавшее у ней изъ рукъ при моемъ появленіи.

Но бѣлье раздувшись понеслось по водѣ; теченіе рѣки было довольно быстро.

— Такъ не достанешь, — сказалъ я, страшась, чтобъ дѣва не упала въ воду. — Лучше обѣги къ кусту.

Она кинулась бѣжать по берегу; я тоже, какъ бы влекомый теченіемъ рѣчки.

— Уйдетъ, уйдетъ! отчаянно завопила она, послѣ нѣсколькихъ попытокъ поймать бѣлье и заметалась по берегу, ища палки. — Ахъ, помогите, помогите, родимый. Помогите! Прохоръ Акимычъ!

Она совсѣмъ потерялась.

Я силился сломать большой сучокъ отъ перваго попавшагося дерева, но въ торопяхъ никакъ не могъ этого сдѣлать.

— Барышня, голубушка, держите, держите! пронзительно вскрикнула несчастная прачка и какъ безумная пустилась бѣжать снова, простирая руки къ бѣлью.

Я пересталъ возиться съ сучкомъ и побѣжалъ тоже за бѣльемъ. Всего было досаднѣе, что крутые повороты рѣки безпрестанно подавали надежду поймать, но юбка недавалась и бѣдная прачка испускала отчаянные вопли.

— Что ревешь такъ! сказалъ я въ сердцахъ. — Бить что ли тебя будутъ за эту дрянь?

— Больно жалко! всхлипывая бормотала несчастная.

Я только тутъ разсмотрѣлъ ея лицо: это была уже знакомая мнѣ служанка Зябликовыхъ. Тронутый слезами бѣдной женщины, которыхъ былъ я невольной причиной, я сбросилъ съ себя мокрое пальто мое и бросился въ воду.

Обрадованная горничная побѣжала за мной по верху берега и криками поощряла мое рвеніе.

Она безпокоилась не обо мнѣ, а о барскомъ бѣльѣ. Рѣчка была такъ быстра, что несла меня, какъ щепочку. Я проплылъ такъ нѣсколько саженъ и сталъ чувствовать усталость, а главное страхъ, потому что плавать я былъ не мастеръ, а рѣчка становилась шире и бурливѣе. Я сдѣлалъ большое усиліе, чтобъ приплыть къ берегу и непугался не на шутку. Дна я не могъ достать ногами, а берегъ былъ обрывистый и глинистый, ни травы, ни сука, за чтобъ удержаться. Я уже готовъ былъ кричать о помощи, какъ увидѣлъ въ дали картину, которая заставила меня на минуту забыть страхъ. Впрочемъ, надо сознаться, что я въ то же время замѣтилъ вблизи нависшій надъ водою кустъ, за который удобно могъ ухватиться. Мое вниманіе привлекла женская фигура, которая стояла, или вѣрнѣе, почти висѣла на воздухѣ у крутаго берега, держась одной рукой за торчащіе кусты какой-то зелени; въ другой рукѣ она держала удочку, круто выгнувшуюся отъ тяжести — только не рыбы, а бѣлья. Занятая пойманной добычей, дѣвушка незамѣтила меня, хотя я подплылъ довольно близко; за то я чуть не вскрикнулъ, узнавъ въ ней — Ѳеклушу!

— Федосья, Федосья! бѣлье мое! кричала Ѳеклуша!

— Барышня, упадете! упадете! умоляющимъ голосомъ, едва переводя дыханіе, отозвалась босая служанка, бѣжавшая по берегу,

— Удочку сломитъ! отвѣчала барышня и еще ниже опустилась.

Маленькая ея ножка скользнула по мокрой глинѣ, кустъ вырвался изъ ея руки и вѣрно она упала бы въ воду, если бы не Федосья, прибѣжавшая въ эту самую секунду и ухватившая ее за руку. Өеклуша, ловко цѣпляясь своими ножками о берегъ, добралась до верху и только тогда вскрикнула, чуть не въ слезахъ.

— Моя удочка, ахъ! моя удочка!

Федосья вторила ей приговаривая:

— Барышня, вѣдь это ваше бѣлье!

Я уже карабкался на берегъ, но отчаяніе Өеклуши такъ на меня подѣйствовало, что я забылъ свою трусость и вновь пустился плыть за удочкой.

Вѣроятно Өеклуша увидѣла меня, потому что страшно вскрикнула.

— Назадъ, ради Бога назадъ!

Я повернулъ голову и поблагодарилъ улыбкой. Өеклуша манила меня къ себѣ, топала ногами, то жалобно, то повелительно повторяя:

— Назадъ, назадъ!

Федосья въ это время дергала ее за рукавъ и говорила:

— Вѣдь новое! пусть его!

— Тамъ дальше водоворотъ, остановитесь! продолжала кричать Өеклуша.

— А ваша удочка, барышня, крикнула Федосья съ досадою и махала мнѣ рукой, чтобъ я плылъ дальше.

Но Өеклуша сдѣлала мнѣ такой повелительный жестъ, указывая на берегъ, что я съ большимъ удовольствіемъ повиновался этому грозному приказанію. Пока я подплывалъ къ берегу, пока карабкался, Федосья вѣроятно все успѣла передать своей барышнѣ; она крикнула мнѣ весело:

— Я сейчасъ побѣгу домой и пришлю вамъ дрожки.

И она какъ стрѣла пустилась бѣжать.

Федосья встрѣтила меня сердитымъ вопросомъ:

— Измокли?

— Барышня твоя не хотѣла, а я бы поймалъ бѣлье.

И смотря на рѣчку, я прибавилъ:

— Ишь, какъ ее тащитъ!

— Прахъ ее возми! плюнувъ, выразительно произнесла Федосья, провожая глазами плывущее бѣлье. — А вѣдь васъ барышня признала. Сейчасъ за вами пришлютъ дрожки. Только надо вамъ выйти къ дорогѣ.

И я пустился въ путь съ Федосьей, которая шагала такъ скоро, что мокрое платье едва позволяло мнѣ поспѣвать за ней. Желая завязать разговоръ я сказалъ, глядя на другой берегъ:

— Чтобъ еще лошадь не пропала!

— Не уйдетъ! сердито произнесла Федосья.

— Почему ты думаешь? спросилъ я.

— Всякій Божій день ходитъ за водой! Какъ ей не знать дороги. Вѣдь и у скотины хватитъ разума найти домъ свой.

— Не далеко вашъ барскій домъ? спросилъ я.

— Не далеко.

— И добрые твои господа?

Федосья какъ-то подозрительно и не хотя произнесла: — Не злые! и потомъ посмотрѣла на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать: «ну что еще будешь спрашивать»?

— Чего же ты такъ испугалась, что уплыла юбка?

При этомъ воспоминаніи все лицо Федосьи пришло въ движеніе; она очень энергически сказала:

— Лѣшій бы ее взялъ! не въ добрый часъ вышла я изъ дому!

Мы приближились къ мѣсту, гдѣ осталась корзинка съ бѣльемъ и Федосья, показавъ мнѣ рукой впередъ, сердито сказала:

— Идите все прямо!

И она вновь принялась за свое дѣло и съ какимъ-то ожесточеніемъ заколотила валькомъ бѣлье. Я неторопился идти и опять заговорилъ съ ней.

— Я никакъ не ожидалъ, что ваши господа такъ близко живутъ отъ Ивана Андреича, сказалъ я.

Она молчала.

— А что, бываетъ у васъ Иванъ Андреичъ? спросилъ я.

Федосья вмѣсто отвѣта, замахнувшись валькомъ, повернула ко мнѣ голову и грозно осмотрѣла меня. Потомъ она грубо спросила:

— А вамъ на что знать?

— Я такъ спросилъ; я....

Не шутя я смѣшался. Федосья презрительно посмотрѣла на меня и взмахнувъ валькомъ, стала колотить имъ бѣлье, заглушая свое ворчанье. Однако я слышалъ фразу:

— Прахъ васъ всѣхъ возьми! Провалились бы и съ Уткинскимъ-то бариномъ!

На рябомъ ея лицѣ появились красныя пятна и я рѣшился недосаждать ей больше вопросами, чтобъ не пріобрѣсти слишкомъ сильнаго врага въ камеристкѣ Ѳеклуши. Уходя отъ нея я сказалъ:

— Все прямо надо идти?

Федосья кивнула головой и крякнула, выжимая мокрое платье, которое скрутила въ жгутъ.

Обойдя мысъ, гдѣ она мыла, я расположился за кустами, чтобъ отдохнуть и потомъ идти далѣе. Кругомъ была тишина; ворчанье Федосьи и плескъ бѣлья разносились далеко. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался на другомъ берегу рѣзкій голосъ:

— Федосья! а Федосья!

Я увидѣлъ изъ-за своей засады Прохора, появившагося съ боченкомъ за спиной у берега. Прохоръ сбросилъ боченокъ съ плечь на земъ и поднявъ теплую шапку кверху, сказалъ съ насмѣшливою учтивостью.

— Наше вамъ, Федосья Петровна!

— Ишь нечистая таки тебя принесла! раздался сердитый голосъ Федосьи. — Какой лѣшой угораздилъ тебя отдать лошадь-то?

— А что?

— Пустая голова. Вѣдь я думала, ты ее выпрягъ. Смотрю, лошадь пощипываетъ траву наверху; кричу: Прохоръ! глядь, чужой, я заглядѣлась, да и упусти новое бѣлье барышнино, только что на ярмонкѣ сшили.

— Э, э, э! протяжно произнесъ Прохоръ.

— Э, э, э! козлиная борода, продолжала Федосья: — вотъ теперь, гдѣ ее искать. Такъ вотъ и понесло ее, словно кто ей обрадовался.

— Ну чтожь? видно вѣдьмѣ какой понадобилось ваше бѣлье! шутливо замѣтилъ Прохоръ. — Такъ и не удержала? прибавилъ онъ съ участіемъ.

— Вѣдь полѣзъ было въ воду — поймалъ бы, да струсила барышня!

— Что ты?

— Вотъ-те Христосъ!

— Вотъ какъ! А гдѣ онъ?

— Пошелъ къ намъ. Барышня побѣжала домой, чтобъ Оську прислать.

Прохоръ умильно сказалъ:

— Ну вотъ и женихъ.

Федосья плюнула такъ сильно, что чуть не достала до противуположнаго берега; вслѣдъ за тѣмъ посыпалась изъ устъ ея неслыханная брань на Прохора. Я дивился изобрѣтательности прачки и равнодушію кучера, который легъ животомъ на траву и пощипывая ее не подымалъ глазъ, пока Федосья бранилась; какъ только гнѣвъ ее сталъ стихать, онъ довольно мягкимъ голосомъ спросилъ:

— Когда стирала?

— Вчера! не такъ уже сердито отвѣчала Федосья.

— Что-то больно зажились на ярмонкѣ, чай на корню весь хлѣбъ протранжирили?

— И ты тудажь! Радъ зубы-то скалить! съ прежнимъ гнѣвомъ возразила Федосья.

— Ну что кричишь? а тебѣ что? небось, купили что нибудь?

— Почище вашего богача. Тику, башмаки.

— Чай вздернешь носъ, какъ напялишь башмаки? насмѣшливо замѣтилъ Прохоръ.

— Извѣстно на мужика не буду смотрѣть!

— Ишь ты!

— Да!

Разговоръ замолкъ. Черезъ минуту, Прохоръ таинственно спросилъ:

— Поджидала нашего-то?

— Только что и свѣту, что вашъ! такъ и есть! плевать мы хотѣли!

И голосъ Федосьи принялъ снова раздражительный тонъ.

— Ахъ, Петровна, Петровна! упустили вы! Не успѣли

приколдовать-то! такъ грустно произнесъ Прохоръ, что я не зналъ, какъ растолковать его слова.

— Какже! приворожишь его! волкомъ глядѣлъ всегда.

— Угораздило его тогда съѣздить въ городъ; сидѣлъ бы въ деревнѣ, можетъ статься и уладилось бы все.

— Что попусту болтать, Прохоръ Акимычъ. Лучше до свадьбы все узналъ, чѣмъ послѣ бы попрекалъ. Не найти ей жениха, какъ они не бейся. Кто захочетъ знаться съ ними! Мы, какъ знаешь пріѣхали въ городъ, на насъ такъ и таращатъ глаза, словно мы съ того свѣта пришли.

Голосъ у Федосьи вдругъ оборвался; она какъ будто глотала слезы.

— Архипка окаянный встрѣтилъ меня добрымъ словомъ. Что, говоритъ, зачѣмъ пріѣхали? Въ острогѣ посидѣть! Вишь! а! Всякій разбойникъ зубы скалитъ! Вѣдь насилу въ трактиръ пустили. Нѣтъ, говоритъ, у насъ порожнихъ нумеровъ. Ахъ онъ окаянный, татаринъ, злодѣй!

Послѣднія слова были произнесены съ рыданіемъ, которое однако скоро кончилось громкимъ и частымъ сморканьемъ.

Я смотрѣлъ на Прохора: онъ лежалъ по прежнему на животѣ, только лицо свое уткнулъ въ шапку, которая лежала у его бороды.

— Прощай, Прохоръ Акимычъ, сказала Ѳедосья очень ласково, послѣ долгаго молчанія.

— Идешь! хриповато произнесъ Прохоръ, лѣниво вставая.

— Завтра на лошади пріѣдешь за водой? спросила Федосья.

— Баню приказано истопить.

— Чтобъ ему задохнуться! проворчала Федосья и сказавъ еще Прохору «прощай», удалилась съ ношею мокраго бѣлья.

Скрипъ корзины долго еще слышался посреди тишины.

Прохоръ послѣ ухода Федосьи сидѣлъ нѣсколько минутъ въ одномъ положеніи, повѣсивъ голову на грудь и пощипывая густую свою бороду. Потомъ онъ сталъ потягиваться и сново задумался. Стукъ экипажа, ѣхавшаго мнѣ на встрѣчу, заставилъ его вспомнить свою обязанность; онъ, взявъ боченокъ, подлѣзъ на корточкахъ къ водѣ и началъ топить его. Я вышелъ изъ своей засады и окликнулъ его. Прохоръ тоже нѣ-

сколько испугался, но не выпустилъ изъ рукъ боченка. Онъ снялъ шапку.

— Спасибо за лошадь, чуть шею не сломалъ. Бери ее назадъ! сказалъ я.

— Вѣрно изволили по заднимъ ногамъ ударить? равнодушно отвѣчалъ Прохоръ: — какъ прикажете, прислать дрожки сюда?

— Нѣтъ, не надо! если спроситъ Иванъ Андреичъ, скажи гулять пошелъ.

Мнѣ не хотѣлось, чтобъ мой пріятель зналъ о моемъ визитѣ.

— Слушаю-съ! Оська, эй, здѣсь! заоралъ Прохоръ, махая шапкой.

Я чувствовалъ смущеніе отъ своей невинной лжи. Разговоръ, подслушанный мною за минуту, смутилъ меня. Онъ очень согласовался съ подозрѣніями моего пріятеля. Я было началъ раздумывать, ѣхать ли къ Зябликовымъ, какъ явился кучеръ съ сухимъ бѣльемъ и платьемъ. Онъ объявилъ, что господа приказали кланяться и ждутъ меня кушать чай. «Лучше самъ удостовѣрюсь во всемъ», подумалъ я и крикнулъ Прохору, чтобъ онъ сказалъ своему барину, что я поѣхалъ къ сосѣдямъ.

Я превратился слегка въ Зябликова, надѣвъ его костюмъ. Покачиваясь на старинныхъ дрожкахъ съ огромными крыльями, которыя годились къ любому пароходу для прикрытія колесъ, я обдумывалъ, какъ мнѣ себя держать: неужели поддаться хитростямъ стариковъ и кокетству ихъ дочери? Эти мысли навели на меня хандру и я подобно моему пріятелю дивился дурнымъ человѣческимъ свойствамъ. Старики меня встрѣтили съ такою добродушною радостью, которая могла тронуть всякаго, кто не зналъ настоящаго ея источника. Наружность барскаго стариннаго домика примирила меня нѣсколько съ ихъ желаніемъ сыскать себѣ скорѣе зятька. Комнаты, несмотря на бѣдность меблировки, отличались и чистотой и уютностью, хотя въ передней не обошлось безъ портнаго съ босыми ногами. Онъ шилъ что то изъ сѣрой нанки, напоминавшее костюмъ г-на Зябликова. Меня усадили въ гостиную на диванъ, который, какъ и вся мебель, покрытъ былъ бѣлымъ чехломъ, и стали усердно угощать чаемъ, расправшивая о владѣльцѣ села Уткина. Ѳеклуша не

являлась; я не церемонясь спросилъ о причинѣ. Старики захлопотались и старушка черезъ минуту привела Өеклушу въ гостиную. Разгорѣвшіяся ея щеки и слегка разтрепавшіеся золотистые волосы, придавали ей что-то особенное. Сдѣлавъ мнѣ реверансъ, она сѣла въ уголъ.

— Благодарю васъ за ваше безпокойство, сказалъ я, кланяясь. — Вы, я думаю, устали? Я не зналъ, что это такъ далеко!

— И, батюшка, она охотница удить рыбу, въ день-то разъ пять сбѣгаетъ къ рѣкѣ! отвѣчала за свою дочь г-жа Зябликова.

— Въ горѣ, что удочку упустила, — глупая! за то гостя нашла, усмѣхаясь, прибавилъ отецъ.

Улыбка на лицахъ хозяевъ непріятно подѣйствовала на меня; даже Өеклуша вдругъ подурнѣла въ моихъ глазахъ. Я подумалъ:

«Они торжествуютъ, что заманили въ сѣти звѣря, не подозрѣвая, что звѣрь-то бывалый.»

— Өеклуша, покажи-ка гостю садъ! сказала мать.

Дочь тотчасъ же встала, отворила дверь на ветхую террасу и пошла по аллеѣ.

— Не угодно ли, указывая мнѣ на террасу сказалъ хозяинъ дома, такъ покойно, какъ будто въ его предложеніи ничего не было страннаго.

Едва удерживая улыбку, хотя вовсе не веселый, я отправился за степной Манонъ-Леско. Догнавъ ее, я не могъ найти никакого вопроса, и опять повторилъ:

— Вы, я думаю, устали? Вашъ домъ не близко отъ рѣки.

Өеклуша улыбнулась и отвѣчала мнѣ:

— Да я хожу оврагомъ, а не дорогой.

И проходя кусты смородины, мимоходомъ она срывала ягоды и кушала ихъ.

— У васъ отличный садъ.

Өеклуша весело отвѣчала:

— Мы сами ходимъ за нимъ.

Въ это время показались старички; они тоже собирали ягоды, но кажется болѣе наблюдали за нами.

— Покажи бесѣдку-то! крикнула Өеклушѣ мать.

Өеклуша пошла скоро; я съ бо̀льшею смѣлостью послѣдовалъ за ней.

Когда мы зашли далеко за кусты, я остановилъ ее довольно фамильярно за рукавъ платья, сказавъ ей:

— Нарвите мнѣ крыжовнику.

Ѳеклуша не обратила никакого вниманія на выраженіе моего лица и на мое обращеніе и стала собирать ягоды. Набравъ полную горсть, она протянула мнѣ руку. Я смотрѣлъ ей прямо въ глаза; они были такъ ясны, что я терялся въ недоумѣніи. Я нагнулся къ ея ладони, и дѣлая видъ, что беру ягоды, коснулся губами ея маленькихъ пальчиковъ.

Ѳеклуша вдругъ разразилась превеселымъ смѣхомъ. Я вздрогнулъ — и догадался.... она не умѣла скрыть своей радости.

Продолжая смѣяться, она сказала мнѣ:

— Вы точно моя машка кушаете.

— А кто такая ваша машка? кошка? спросилъ я, придерживая Ѳеклушу за руку.

— Нѣтъ, коза! отвѣчала Ѳеклуша.

Я расхохотался; Ѳеклуша смотрѣла на меня вопросительно, все болѣе и болѣе краснѣя, потому что я крѣпко сжалъ ея руку.

— Возьмите ягоды! сердито сказала она.

Я невольно высвободилъ ея руку. Она поспѣшно высыпала на мою ладонь ягоды, и пустилась бѣжать съ крутой горы въ оврагъ, за которымъ опять поднималась гора.

Я бросилъ ягоды и кинулся за ней. Но Ѳеклуша, какъ стрѣла, съ размаху вбѣжала на противоположную гору, въ то время, какъ я задыхаясь и спотыкаясь, чуть не на четвереренькахъ карабкался на нее. На горѣ стояла бесѣдка въ формѣ гриба; потомъ шляпку его обнесли перилами и приставили лѣстницу. Ѳеклуша уже стояла наверху, когда я усѣлся отдыхать на половинѣ горы.

— Устали? насмѣшливо спросила она.

— Зачѣмъ вы не велите сдѣлать мостикъ? сказалъ я.

— Зачѣмъ мостикъ? вѣдь есть дорожка, можно обойти. Тамъ есть еще такой же оврагъ, такъ черезъ него перекинули мостъ: внизу ручей и очень круто подыматься.

Я насилу взобрался запыхавшись на верхъ бесѣдки. Потъ катилъ съ меня градомъ, солнце такъ и пекло на этомъ возвышеніи, ничѣмъ не закрытомъ. Ѳеклуша какъ будто не замѣча-

ла солнца, только слегка прищуривъ глазки, глядѣла задумчиво въ даль. Я наконецъ обратилъ вниманіе на видъ, который мнѣ обошелся дорого. Вблизи оврагъ съ размытымъ песчанымъ дномъ, на отлогостяхъ его группы деревъ, небольшія лужайки. Далѣе — село Уткино, какъ на блюдечкѣ; мнѣ даже показалось, что я узналъ въ саду то мѣсто, гдѣ спалъ наканунѣ.

— Это что за домъ? спросилъ я Ѳеклушу, указывая на домъ моего пріятеля.

— Барскій! отвѣчала Ѳеклуша.

— Чей?

— Уткинскій! вотъ отсюда я хожу къ рѣкѣ! прибавила она, отвернувшись отъ меня слегка, но я замѣтилъ краску на ея лицѣ.

Чрезъ минуту она снова повернула ко мнѣ свою голову, которую солнце освѣщало ярко. Прозрачность и нѣжность кожи, совершенно синіе глаза и какъ золото пушистые волосы, въ такой были гармоніи съ тонкими чертами лица, что я залюбовался и забылъ о живописныхъ окрестностяхъ, которыя мнѣ подробно описывала Ѳеклуша. Я неожиданно прервалъ ее слѣдующей фразой:

— Ѳекла Григорьевна, чѣмъ вы меня наградите за исполненіе вашего приказанія.

Лицо Ѳеклуши приняло вопросительное и тревожное выраженіе.

— Я былъ тамъ! указавъ на село Уткино, продолжалъ я.—И ни слова не упомянулъ, что имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ. Вы вѣдь желали этого?

И я придвинулся очень близко къ Ѳеклушѣ, которая ужасно сконфузилась, потупила глаза и тихо произнесла:

— Благодарствуйте!

Я протянулъ руку, съ вопросомъ:

— Вы довольны мной?

— Да! шопотомъ произнесла Ѳеклуша.

— Такъ дайте вашу ручку?

Ѳеклуша быстро подала руку, я поцаловалъ ее. Ѳеклуша слегка коснулась губами моего лба. Я сжалъ сильнѣе ея руку, но встрѣтилъ ея глаза, полные слезъ и такаго грустнаго выраженія, что я оторопѣлъ. Поцаловавъ еще разъ ея руку, я не скоро нашелся, что говорить. Ѳеклуша сѣла да-

леко отъ меня и тоже молчала. Наконецъ она первая прервала молчанье.

— Я вамъ все разскажу въ другой разъ, сказала она, все еще не глядя на меня.

— О чемъ разскажете?

Она указала головой на село Уткино.

Меня тронулъ ея наивный голосъ. Я былъ въ очень глупомъ положеніи; на каждомъ шагу мысли мои противорѣчили одна другой. Но почему всѣ подозрѣнія моего упрямаго пріятеля такъ схожи съ разговоромъ кучера и горничной? Почему старикамъ было посылать насъ въ эту уединенную бесѣдку? Можетъ быть, ея совѣсть чиста, какъ ея ясные глаза. Или все это притворство? И какъ ни было жарко, по тѣлу моему пробѣжала дрожь.

— Пойдемте, скоро завтракать! вставая сказала Ѳеклуша.

Я предложилъ ей свою руку и сжималъ ее крѣпко, пока мы опускались съ лѣстницы. Я шелъ такъ медленно и робко, что Ѳеклуша спросила меня:

— Вы боитесь, кажется?

— Да, отвѣчалъ я со вздохомъ.

— Лѣстница крѣпкая.

— Хотите знать, чего я боюсь въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я съ жаромъ и остановился на половинѣ лѣстницы.

Въ эту минуту грубый и знакомый голосъ Федосьи раздался внизу.

— Барышня, завтракъ готовъ.

Я долженъ сознаться, что очень испугался въ первую минуту и какъ дуракъ, далъ дорогу Ѳеклушѣ, которая высвободивъ свою руку изъ моей, побѣжала съ горы.

Ѳеклуши не было за завтракомъ, только къ концу она явилась со сковородой. Пылающее ея лицо доказывало, что кушанье было приготовлено ею. Я невольно вспомнилъ слова моего пріятеля. Старики, торжественно переглянувшись, начали подчивать меня этимъ блюдомъ. Я просилъ ихъ самихъ отвѣдать сначала.

— Гдѣ же это водится, хозяева прежде гостя! сказала старушка.

Я положилъ на тарелку стряпню Ѳеклуши и ждалъ, когда начнутъ ѣсть старики, а они все угощали меня.

— Что, батюшка, не отвѣдаете?

— Скушайте, вѣдь она мастерица у насъ стрянать.

И оба такъ внимательно слѣдили за каждымъ кускомъ, который я клалъ въ ротъ, что хоть кого сбили бы съ толку. Послѣ завтрака я хотѣлъ идти домой, но въ ту минуту, какъ я готовъ былъ проститься, у раскрытаго окна, къ которому я стоялъ спиной, раздался крикъ козы. Я невольно отскочилъ отъ окна. Старички и ихъ дочь разсмѣялись. Коза передними ногами стояла на окнѣ и продолжала кричать. Ѳеклуша, продолжая еще смѣяться, взяла кусокъ хлѣба, посыпала солью, показала козѣ, и пошла изъ залы.

— Ѳеклуша, да ты покажи свою умницу-то гостю. Ахъ, какія она штуки знаетъ! сказала старушка.

— Вѣрите ли, батюшка, знаетъ тоже, что на ярманкѣ собаки у штукарей дѣлаютъ! добродушно прибавилъ Зябликовъ.

Я пошелъ за Ѳеклушей, вовсе не интересуясь козой, которая встрѣтила свою госпожу прыганьемъ, боданьемъ и разными козлиными ласками, за что̀ получала по кусочку хлѣба.

— За что вы ее любите? спросилъ я Ѳеклушу, замѣтя въ ея глазахъ необыкновенную нѣжность, когда она ласкала козу.

— Она выросла у насъ; все понимаетъ, посмотрите, я ей скажу: пойдемъ, машка, въ лѣсъ!

И Ѳеклуша побѣжала къ воротамъ; коза за ней. Ѳеклуша споткнулась и вскрикнула; лицо ея приняло плачевное выраженіе и потирая свою маленькую ножку, она сказала:

— Ахъ, я ушибла ногу!

Я кинулся ее подымать, принявъ все это за истину, но Ѳеклуша премило улыбнулась мнѣ, а машка ея забѣгала около нее и лизала ей руки. Ѳеклуша вдругъ разсмѣялась, вскочила и потирая пальцемъ о палецъ, говорила бѣгая:

— Обманула, обманула!

Коза догоняла ее, злилась и старалась сшибить съ ногъ.

Я стоялъ посреди двора и слѣдя за деревенской Эсмеральдой, думалъ себѣ о томъ, что женщина кокетка можетъ обойтись безъ салона, кушетки, собачки и прочаго. Гибкость таліи, маленькая ножка, ловкость, — все это съумѣла выказать Ѳеклуша въ игрѣ съ своей машкой. Уставъ бѣгать, Ѳеклуша

сѣла на крыльцѣ, а коза улеглась у ея ногъ. Раскраснѣвшіяся щеки, блестящіе глаза столько придали одушевленія лицу дѣвушки, что я не могъ оторвать отъ нея глазъ. Я забылъ о своемъ намѣреніи идти домой и болталъ съ Өеклушей, наблюдая за краской въ ея лицѣ, которая какъ зарево постепенно погасала на немъ. Въ это время я забылъ все; я наслаждался красотой, но скоро явились глупые старики съ своей неизмѣнной фразой:

— Өеклуша, что же ты гостю не покажешь огородъ?

— Хорошо-съ! отвѣчала дочь.

Мнѣ показалось, что Өеклуша конфузилась нетонкихъ уловокъ своей матери и мнѣ стало жалко ея. Однако меня повели въ огородъ. О, сельская жизнь! какъ все украшаешь ты! Рѣпа, морковь и другія овощи, какъ я узналъ, были тоже подъ надзоромъ Өеклуши. Она прикрикнула на дѣвчонокъ и мальчишекъ, занимавшихся кражею овощей, вмѣсто того, чтобы шелушить горохъ. Только что Өеклуша принялась мнѣ показывать свой двухъ-аршинный парникъ, какъ сдѣлалось въ огородѣ сильное смятеніе и дѣтскіе крики и смѣхъ огласили воздухъ:

— Машка, машка!

Коза, какъ бѣшеная, бѣгала по грядамъ, срывала и ѣла зелень. Өеклуша, я и всѣ мальчишки стали выгонять козу, которая дѣлала уморительные прыжки, сбивала дѣтей съ ногъ, даже меня чуть не уронила. Хохоту и крику не было конца. Солнце страшно пекло мою голову, а я и не замѣчалъ, что потерялъ фуражку. Наконецъ машка была выгнана изъ огорода и мы усѣлись отдыхать въ тѣни. Моя бѣготня кажется очень понравилась Өеклушѣ и она замѣтно стала обходиться со мною смѣлѣе, какъ съ человѣкомъ уже хорошо знакомымъ. Время такъ скоро прошло, что я былъ пораженъ, когда насъ позвали обѣдать. Правда, было только двѣнадцать часовъ, но день у меня начался съ пятаго часа утра. Отговариваться было глупо, да и признаться, ѣхать не хотѣлось въ такой жаръ. Обѣдъ былъ продолжителенъ, потому что кушаньямъ не было конца. Я и Өеклуша мало ѣли. Я былъ въ очень веселомъ духѣ, но старики мастера были убивать мою веселость. Послѣ обѣда они безъ извиненія отправились почивать, оставивъ меня одного съ Өеклушей, которая какъ будто околдовала меня. Я не могъ не глядѣть на

нее, не улыбаться, если она глядѣла и улыбалась. Мы усѣлись на ступенькахъ террасы, Ѳеклуша взяла гитару по моей просьбѣ. Она пѣла и играла, сколько я желалъ. Я увлекся музыкой, нервы мои пришли въ сильное раздраженіе. Голосъ Ѳеклуши трогалъ меня до слезъ. Я началъ ее учить романсы Варламова. Рука моя часто останавливала ручку Ѳеклуши, чтобъ выдержать тактъ. Мы глядѣли другъ другу въ глаза, голоса наши сливались. Я распѣвалъ, какъ на сценѣ, чуть не со всѣми жестами. Мы такъ предались музыкѣ, что не вдругъ замѣтили стариковъ, которые явились съ заспанными лицами на террасу насъ слушать. Ихъ появленіе смутило меня, и они, по обыкновенію, не замедлили вылить на меня ушатъ холодной воды своими выходками.

— Ну, сказала старушка: — вотъ Ѳеклуша, есть теперь тебѣ съ кѣмъ время проводить, — и обращаясь ко мнѣ, она прибавила: — вы, батюшка, съ нами безъ церемоніи, погостите-ка у насъ, если не скучно вамъ съ нашей Ѳеклущей!

Дочь покраснѣла и ушла съ террасы. Я проклиналъ несносныхъ стариковъ, главное за то, что они отравили мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ, рѣдкихъ въ моей жизни. Снова голова моя наполнилась подозрѣніями. Веселость старыхъ Заблиовыхъ казалась мнѣ торжествомъ ихъ. Можетъ быть, Ѳеклуша расчитывала сидя со мной, каждый свой взглядъ, каждое свое слово. И какъ могло быть иначе? Почему такое сильное впечатлѣніе произвела на меня степная дѣвушка? Красота ея не такъ же блистательна. Нѣтъ, тутъ разсчетъ до самыхъ мелочныхъ движеній и взглядовъ.

Старики подсѣли ко мнѣ и какъ на зло разсказывали, какъ Иванъ Андреичъ сиживалъ, игрывалъ и гуливалъ съ ихъ дочерью. Злоба вдругъ охватила меня, я съ презрѣніемъ смотрѣлъ на хитрецовъ и въ душѣ смѣялся надъ ними. Появилась Ѳеклуша, я опять сталъ веселъ и очень развязенъ съ ней; затѣялъ играть въ кошку и мышку. Я ловилъ ее по саду. Откуда взялась у меня быстрота, ловкость, — право не знаю, но я овладѣвалъ мышкой нѣсколько разъ. Глупые старики смѣялись беззпечно; Ѳеклуша сначала игры бѣгала весело, но потомъ стала осторожна и одинъ разъ, когда я ее поймалъ, пугливо вскрикнула: видно, выраженіе моего лица не уступало кошачьему. Это потревожило нѣжныхъ родителей и меня не на шутку. Старики однако не поняли испуга дочери,

и когда мы смирно усѣлись, они предложили намъ идти ловить рыбу. Ѳеклуша отнѣкивалась, но я сталъ ее упрашивать, а родители усовѣщивать:

— Что ты, глупенькая, гостю надо угождать, чтобъ онъ не соскучился! замѣтила мать.

— Небось, одна не усидѣла бъ дома, десять разъ къ рѣкѣ бы сбѣгала, подхватилъ отецъ.

Дорогой я старался успокоить Ѳеклушу и велъ разговоръ о ихъ хозяйствѣ и деревнѣ. Я дивился, какъ могли Зябликовы существовать при такихъ скудныхъ средствахъ. У рѣки Ѳеклуша пришла въ свое нормальное положеніе. Она такъ занялась своими удочками, что кажется забыла о моемъ существованіи. Какъ я на нее ни посматривалъ, она оставалась покойной. Ея красивая фигура ясно отражалась въ водѣ; я глядѣлъ на нее и грусть охватила меня. Я думалъ: за что погибнетъ ея красота, молодость! Нѣтъ, упрекъ не падетъ на меня! Пусть лучше другой воспользуется хитростями глупыхъ стариковъ! Радостный крикъ моей собесѣдницы вывелъ меня изъ размышленія и я увидѣлъ въ рукахъ торжествующей Ѳеклуши рыбу, которая судорожно била хвостомъ.

— Не тираньте рыбу, выпустите ее! сказалъ я, находясь еще подъ вліяніемъ своихъ похвальныхъ размышленій.

Ѳеклуша иронически посмотрѣла на меня, какъ будто я сказалъ ужасную глупость. Я продолжалъ:

— Ну какъ вамъ не стыдно радоваться, что перехитрили несчастную рыбу. Вѣдь тутъ ни ума, ни ловкости никакой нѣтъ. Крючекъ долженъ гордиться, а не вы.

— Какъ же вы говорили, что любите охоту? Развѣ вы не убиваете птицъ? спросила Ѳеклуша.

Я самъ разсмѣялся своей сантиментальности, и не желая, чтобъ деревенская барышня смѣялась надо мною, сказалъ:

— Я потому просилъ васъ бросить рыбу, чтобы вы сколько нибудь занялись своимъ гостемъ. Я хочу говорить съ вами, глядѣть на васъ.

Ѳеклуша держа пойманную рыбу, смотрѣла на меня странно, какъ будто у меня на головѣ выросло невиданное растеніе. Я придвинулся къ ней такъ близко, что она вздрогнула всѣмъ тѣломъ; рыбка скользнула изъ руки и упавъ къ ее ногамъ, въ два прыжка очутилась въ водѣ. Ѳеклуша чуть не кинулась за ней. Я ее удержалъ.

— Не ребячьтесь, полноте! Я радъ, что ваша жертва ускользнула! И чтобъ вы не могли больше тиранить бѣдныхъ рыбъ — пусть все пойдетъ за ней! И я бросилъ въ воду и удочку и банку съ червями.

Ѳеклуша на минуту онѣмѣла, слѣдя глазами за своей удочкой. Увидѣвъ, что удочка поплыла, она заплакала какъ ребенокъ и жалобно повторяла:

— Моя удочка! гдѣ я достану другую?

Кроткій ея гнѣвъ меня устыдилъ; я повторялъ съ полнымъ раскаяніемъ:

— Простите, простите! я чувствую, что моя шутка глупа, дерзка! Если хотите, я брошусь въ воду и достану удочку.

Я еще и не думалъ броситься въ рѣку, какъ Ѳеклуша пугливо схватила меня за плечо и умоляющимъ голосомъ просила не дѣлать этого. Я придержалъ ее ручку и хотѣлъ поцаловать. Поцаловавъ разъ, я не ограничился такимъ ничтожнымъ изъясненіемъ раскаянія, и продолжалъ цаловать ручку, повторяя:

— Простите, я пошутилъ.

Ѳеклуша сначала улыбалась мнѣ, потомъ стала выдергивать, наконецъ, жалобно просила меня оставить ея руку. Только что я исполнилъ ея просьбу, какъ она убѣжала отъ меня. Я и не думалъ о погонѣ.

Я сидѣлъ на берегу въ странномъ и непріятномъ состояніи, съ ожесточеніемъ рвалъ траву съ землею и бросалъ въ рѣку. Долго я раздумывалъ, какимъ образомъ степная барышня могла такъ плѣнить меня, заставить расчувствоваться, разнѣжиться отъ одной слезинки и навѣрно притворной! Ужь будто съ ней не случалось такихъ сценъ? Она дурачитъ меня своею наивностью! Повѣрю я, чтобъ глупая рыба сколько нибудь ее занимала! это все расчетъ и очень ловкій! Жаль! гибель ея неизбѣжна. Хорошо, что я и пріятель мой такъ совѣстливы.

Прочитавъ мысленно себѣ панегирикъ, я хотѣлъ было идти домой и удалиться отъ печальной картины страшнаго лицемѣрія подъ личиною наивной простоты и довѣрчивости къ людямъ; но что же я скажу своему пріятелю? Неужели сознаться, что я испугался этой дѣвочки, бѣжалъ отъ ея чаръ? Мнѣ сдѣлалось смѣшно. Я пошелъ къ дому Зябликовыхъ. Въ саду Ѳеклуша робко сказала мнѣ:

— Не пугайте меня! Зачѣмъ вы такъ все шутите?

— Развѣ съ вами Иванъ Андреичъ не шутилъ такъ? спросилъ я.

— Никогда! произнесла тихо Өеклуша.

— Я болѣе не буду. Дайте вашу ручку въ знакъ мира.

Өеклуша не рѣшалась, я засмѣялся — она робко протянула руку. Я пожалъ ее.

— Простите, если я васъ напугалъ.

Мы снова сдѣлались друзьями, т. е. кажется, Өеклуша разочла болѣе естественнымъ вѣрить моимъ словамъ.

Старики встрѣтили насъ съ очень веселыми лицами и угощали меня чаемъ, да булочками до отвращенія. Послѣ ужина они прощаясь со мной, сказали:

— Можетъ быть, вы не привыкли по деревенски рано ложиться спать, Өеклуша посидитъ съ вами; позабавитъ васъ музыкой!

Я поклонился за ихъ внимательность и докуривая сигару, сѣлъ на ступенки терассы, дивясь нецеремонности моихъ новыхъ знакомыхъ. Өеклуши не было въ комнатѣ въ это время и я былъ радъ за нее. Я думалъ, что она инстинктомъ, да и по моему обращенію съ нею, пойметъ, что ей дѣлать. Но вдругъ она явилась съ гитарой въ рукѣ и сѣла возлѣ меня. Вечеръ былъ нѣсколько свѣжъ, садъ весь покрытъ мглой, небо чисто и усыпано яркими звѣздами. Я счелъ за грѣхъ тратить время на разгадку характеровъ, и сѣвъ поближе къ Өеклушѣ, просилъ ее спѣть мнѣ что нибудь. Она исполнила мое желаніе. Пѣсня, которую она пѣла, была самаго грустнаго напѣва. Малороссійскія слова были полны жалобы на злобу и холодность людей къ бѣдной, обманутой дѣвушкѣ. Голосъ Өеклуши былъ такъ трогателенъ и грустенъ, что я просилъ ее перестать и спѣть что нибудь повеселѣе.

— А я такъ очень люблю эту пѣсню! сказала Өеклуша.

И въ ея голосѣ послышались мнѣ слезы.

— Почему вы можете ее любить? Развѣ....

— Моя сестра все ее пѣла, прервала меня Өеклуша, продолжая брать начальные аккорды.

Эти слова дали моимъ мыслямъ другое направленіе. Я взялъ на себя роль исправителя, и сказалъ:

— Часто вы сидѣли такъ съ Иваномъ Андреичемъ?

Аккордъ замеръ; Ѳеклуша молчала. Темнота мѣшала мнѣ видѣть выраженіе ея лица. Я повторилъ свой вопросъ, болѣе настойчиво.

— Да! часто.... робко отвѣчала Ѳеклуша.

— Нравился онъ вамъ?

Долго я ждалъ отвѣта. Ѳеклуша сидѣла какъ статуя.

— Я потому съ вами такъ откровененъ, что принимаю въ васъ большое участіе. Не бойтесь меня, я васъ спрашиваю для вашей же пользы.

Ѳеклуша молчала, да и что ей было отвѣчать?

— Если вы будете молчать, вы обидите меня и докажете тѣмъ, что все правда, что говорили мнѣ объ васъ.

— Ахъ, Боже мой, да что же я буду вамъ говорить? съ досадою проговорила Ѳеклуша.

— Отвѣчать на все, о чемъ я васъ спрашиваю, съ суровостью наставника сказалъ я. — Вы молоды, не дурны собой. Къ чему вамъ торопиться искать жениха?

— Какого жениха? тревожно спросила Ѳеклуша.

— Ну полноте! я все знаю. — Иванъ Андреичъ хотѣлъ жениться на васъ и вѣрно бы женился, если бы ...

— Я знаю, что всѣ сосѣди говорятъ объ насъ! съ подавленнымъ вздохомъ прервала меня моя слушательница.

— Если знаете, то вамъ надо быть какъ можно осторожнѣе. Не оставаться одной, вотъ какъ теперь я съ вами.

Мои слова, кажется, произвели сильный эффектъ, потому что я слышалъ ускоренное дыханіе Ѳеклуши.

— Можетъ быть, вы уже были бы женой Ивана Андреича, а теперь пріобрѣли въ немъ себѣ врага.

— Я ему ничего не сдѣлала! произнесла торопливо Ѳеклуша.

— Какъ ничего? нѣтъ, вы много можете сдѣлать вреда человѣку. Вы на столько хороши собой, что даже порядочнаго человѣка можете заставить сдѣлать низкой поступокъ. Сознайтесь, — вы очень хорошо знаете всю силу вашей красоты?

Ѳеклуша молчала. Я старался разглядѣть ея лицо, но было слишкомъ темно; вдругъ, мнѣ съ чего-то показалось, что сдержанный смѣхъ вырвался изъ ея груди. Я обидѣлся, потому что разсчитывалъ на другое впечатлѣніе.

— Говорите откровенно, — не правда ли, вы разсчитывали меня завлечь и вамъ удалось бы совершенно, если бы....

Я былъ прерванъ воплемъ, вырвавшимся изъ груди Θеклуши, которая закрывъ лицо, вскочила и убѣжала отъ меня.

Я остался какъ дуракъ, одинъ, не зная, что мнѣ дѣлать. Вопль былъ такъ естественъ.... но можетъ быть это была досада, что я угадалъ и разрушилъ всѣ планы и надежды ея? Я просидѣлъ долго на террасѣ, поджидая возвращенія Θеклуши, однако она не являлась, и я, недовольный своей ролью, побрелъ въ назначенную для меня комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась ко мнѣ Федосья съ двумя кружками; въ одной былъ квасъ, въ другой — вода. Поставивъ ихъ на столъ, она не двигалась съ мѣста и глядѣла на меня такъ свирѣпо, что я съ досадою ей сказалъ:

— Мнѣ больше ничего не надо.

Федосья заминаясь, грубо пробормотала.

— Барышня....

Я догадался, что предъ мной стоитъ повѣренная Θеклуши.

— Ну что твоя барышня?

— Плачетъ! мрачно отвѣчала мнѣ горничная.

— Что же мнѣ дѣлать? развѣ я могу идти утѣшать ее?

— Да вы ее обидѣли! злобно и съ упрекомъ сказала Федосья.

— Чѣмъ я ее обидѣлъ? развѣ она тебѣ жаловалась?

— Жаловаться? мнѣ? нѣтъ, барышня отцу родному не скажетъ ничего! Чѣмъ она виновата! Пріѣхали оттуда за тѣмъ, чтобъ смѣяться тоже надъ нами. Ей Богу, грѣшно такъ обижать людей!

Федосья меня пристыдила, я покраснѣлъ и какъ бы оправдываясь, сказалъ:

— Съ чего же ты взяла? Я ничего не знаю о твоей барышнѣ и за что я могу ее обидѣть?

— Одинъ каторжникъ скажетъ про нее худо! вотъ что! грубо прервала меня Федосья и съ грустью продолжала:

— А всякъ наровитъ ее обидѣть! Знаемъ мы все, ума-то своего не хватило у Уткинскаго и уши развѣсилъ какъ баба какая, а развѣ на каждый ротокъ накинешь платокъ.

— Да я ничего дурнаго не слыхалъ о твоихъ господахъ.

Федосья искоса поглядѣла на меня и злобно улыбаясь, произнесла медленно и нѣсколько тише своего обыкновеннаго голоса:

— Небось нехристъ, разбойникъ Архипка, въ трактирѣ не понасказалъ про насъ турусы на колесахъ?

— Ни слова, право!

— И Уткинская дворня не уступитъ любой шайкѣ воровъ, тоже небось молчала? продолжала она.

Глаза Федосьи блестѣли гнѣвомъ; побѣлѣвшія губы судорожно дергались.

— Божусь, что я ни отъ кого ничего не слыхалъ. Ты разскажи-ка мнѣ лучше сама. Если кто будетъ говорить что нибудь про твоихъ господъ, я хоть буду знать, правду ли говорятъ или нѣтъ.

Федосья задумалась и вздохнувъ тяжело, мягкимъ голосомъ произнесла:

— Господи, Господи! кажись иной разъ думается, лучше бы на чужой сторонѣ въ сырой землѣ лежать, чѣмъ сраму-то столько выносить. Да видитъ Богъ, барышня безъ вины виновата стала на весь Божій свѣтъ.

— Разскажи-ка мнѣ все, что было. Можетъ статься, я и помогу, — злоязычниковъ заставлю молчать. Вѣдь что худая, что хорошая слава, все отъ людей расходится.

— Извѣстно! Какъ бы отъ Бога, такъ нашу барышню не обѣгали бы. Вѣдь, батюшка, послѣдняя мѣщанка задираетъ предъ ней носъ, а сосѣди-то просто и рыло воротятъ, словно она виновна въ чемъ. На что я, какая анбиція у холопки, а и то сердце кровью обливается, какъ какой нибудь каторжникъ Архипка начнетъ скалить зубы: такъ бы кажись, глаза выцарапала разбойнику. Вѣдь воръ, мошенникъ! Въ сколькихъ скверныхъ дѣлахъ былъ замѣшанъ! А живетъ, да надъ честными людьми тѣшится.

Федосья пришла снова въ сильное волненіе. Я старался ее успокоить и просилъ скорѣе разсказать семейную тайну ея господъ.

— Ну вотъ! также какъ и нонѣче, пріѣхали мы на ярмонку, начала она, — теперешней барышнѣ было всего годочковъ десять, да такая, маленькая, худенькая была. Она вотъ на послѣдяхъ прытко зачала рости, да добрѣть, а сестрица-то ея была уже въ порѣ, невѣста. Упокой ея душу! разстроганнымъ голосомъ замѣтила разсказчица.... Ну, вотъ! стояли мы на квартирѣ, а насупротивъ нашихъ оконъ стоялъ тоже жилецъ. Верстъ шестьдесятъ отъ насъ его имѣніе. Зло-

дѣй! Ну вотъ, онъ окаянный, цѣлый Божій день бывало лежитъ себѣ на окнѣ, да все на барышню-то нашу и глазѣетъ. На грѣхъ, аль нечистый попуталъ, баринъ нашъ купи козла, да такого шутника. Вѣдь машка, это его дочь!.... Козелъ ходитъ по улицѣ, а цыганъ-то и ну его приласкивать, заприметя, что наша барышня съ козломъ играетъ. Наколетъ на рога бумажки ему, да и пошлетъ къ нашимъ окнамъ. Такъ вотъ каждый день козелъ съ бумажками домой и придетъ. Знать и наша барышня не брезгала этимъ. Ну вотъ, день за днемъ; колдунъ лакея своего подсылаетъ, а тотъ говоритъ: баринъ нашъ знакомство хочетъ завесть съ вашими господами. А потомъ, душегубецъ, и сталъ таскаться въ домъ. Живемъ мы словно важные помѣщики, и въ комедію, и въ лавки злодѣй водитъ барышню, и барыню тоже. Ну вотъ, стали собираться по домамъ. Барышня горюетъ. Ужь успѣлъ обойти нечистый ее. Пріѣхали домой, не успѣли разобрать сундуковъ, глядь катитъ гость во дворъ, татаринъ небритый! Ужь его наши господа чествовали какъ какого князя. А онъ озорникъ безсовѣстный, добромъ отплатилъ за все.

— Хорошъ онъ былъ собой?

— Волчья ехидность, змѣиная душа. Кажись, на что я холопка, а глаза ему выцарапала бы, если бы онъ подъѣхалъ ко мнѣ. Просто совиная рожа. Глазища, словно въ маслѣ; такъ и бѣгаютъ. Смотрѣть страшно, какъ онъ бывало сидитъ съ нашей барышней. Она бѣдненькая... Ахъ онъ злодѣй, злодѣй!

И Федосья заскрежетала зубами и стиснула кулаки.

— Что же дальше? сказалъ я.

— Ну вотъ! Также, какъ вы, аль Уткинской бывало пріѣдетъ къ намъ, гуляетъ съ барышней, поютъ: она больно жалостливо пѣла и онъ начнетъ басить съ ней. Бывало гащивалъ по недѣлѣ. Ну вотъ, наша барышня и невѣста, приданое шить начали. Женихъ сидмя сидитъ у насъ. Да вдругъ ни съ того, ни съ сего сталъ рѣже, да рѣже, проклятый. Барышня наша плачетъ, худѣетъ. Стали ее уговаривать, «что насильно милъ не станешь.» Куды тебѣ, такъ вотъ и воетъ. А женихъ-то окаянный совсѣмъ пропалъ, ни ногой. Поѣхалъ баринъ самъ къ нему. Вернулся такой блѣдный, что мы всѣ перепугались. Видимъ дѣло плохо, женихъ на попятный

дворъ. Говоритъ «родственники запрещаютъ жениться, что молодъ еще.» Злодѣйская душа, змѣиная порода!... Ну вотъ, наша барышня, какъ узнала, что женихъ-то на понятный дворъ, чуть разума не потеряла и бросилась было въ рѣку, да вытащили. Ужь такъ напугала, такъ напугала, что мы всѣ земли подъ собой не слышали. Бывало душу надрываетъ, какъ цѣлёхоньку ночь проплачетъ, да простонетъ. Просто извелась вся, однѣ косточки. Ну вотъ, разъ она такъ и заливается, плачетъ; я спала въ ея горницѣ, встала, перекрестилась, да и говорю ей: полноте барышня, не убивайтесь, другаго найдете жениха; а она бѣдненькая говоритъ мнѣ: «нѣтъ», говоритъ....

Федосья захлебнулась слезами и замолкла. Я смотрѣлъ на ея лицо и дивился быстрымъ перемѣнамъ, рѣзко проявлявшимся на нёмъ. То оно покрывалось краской и слезы являлись въ глазахъ, то вдругъ блѣдность смѣняла краску, а глаза сверкали дикимъ гнѣвомъ.

— Ну что же тебѣ отвѣчала барышня? спросилъ я разсказчицу, которая встрепенулась и тяжело вздохнувъ, такимъ свирѣпымъ голосомъ произнесла свое «ну вотъ», что дрожь пробѣжала у меня по тѣлу.

— Ну вотъ, барышня мнѣ все и разскажи. Поплакали мы съ ней вдоволь, да и разсудили съ горя бѣжать.

— Ты-то зачѣмъ бѣжала? спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ! Барышня захотѣла бѣжать, не пустить же ее одну!

— Куда же вы рѣшились бѣжать?

— А Богъ знаетъ, про то знала барышня. Ну вотъ, мы какъ задумали это, барышня стала пободрѣе. Господа-то обрадовались и повеселѣли. Никто въ домѣ не знаетъ сраму, кромѣ меня, ни единая баба во дворѣ. Барышня все заготовляетъ въ дорогу. Тихонько взяла у барина какіе-то старые паспорты и въ одну темную ноченьку, когда всѣ улеглись, помолясь, мы вышли изъ дома роднаго. Нечаяли и во вѣкъ его увидать.

Она пошатнулась и присѣла на стулъ. Но, какъ будто опомнясь, вскочила на ноги, и, вытирая слезы, продолжала разсказъ: «Ну вотъ шли мы, шли и Богъ вѣсть сколько недѣль. Отдохнемъ денекъ, да опять идемъ. Барышня одѣта какъ я же. Такъ вотъ всѣмъ и выдаетъ себя за хо-

лопку. Бывало гляжу на нее, а сердце точно кто давитъ. И Боже упаси величать ее барышней! заплачетъ, ты, говоритъ, лучше оставь меня одну! А если бывало стану распрашивать куда идемъ и что будетъ съ нами, у ней одинъ отвѣтъ: «Вернись, если боишься, а я туда уйду, гдѣ бъ меня не отыскали.» Пока деньжонки у насъ водились, все какъ-то легче было идти, а тутъ на ночлегѣ насъ обокрали. Котомки обмѣнили. Дѣлать нечего. Все идемъ, да идемъ. Ну вотъ, пришли мы на ночлегъ въ деревушку. Денегъ-то не было, такъ мы со всякимъ сбродомъ легли спать. На утро хотимъ идти, не пускаютъ. На дорогѣ нашли убитаго купца. Глядь стража кругомъ, становой. Всѣхъ по одиночкѣ допрашиваютъ. Дошла очередь и до насъ. Барышня моя точно полотно, вся дрожитъ. Я за нее перепужалась. Взяли паспорты отъ насъ, глядѣли, глядѣли, да и ну насъ допрашивать, такъ мудрено, разъ до пяти одно и тоже. Потомъ становой сталъ кричать на барышню, она знать испужалась, да и проболталась, только взяли насъ подъ стражу и повели назадъ въ городъ. Ну вотъ, посадили насъ врозь. Стало мнѣ жаль барышню, я во всемъ и созналась, сказала, что я уговорила ее бѣжать изъ родительскаго дома. Повели насъ съ солдатами назадъ. Барышня моя ужь идти не можетъ. Ножки распухли, не ѣстъ, не пьетъ; ну вотъ, вернулись мы и въ нашъ городъ, посадили насъ въ острогъ и послали за господами. Барышню увезли домой чуть живую, а меня....

Федосья ничего не произнесла болѣе, но я угадалъ остальное по выраженію ея лица и поспѣшно спросилъ:

— Неужели о тебѣ она не похлопотала?

— Дай имъ Богъ здоровья! много истратились даже. Ну выпустили меня. Да что! вѣдь ужь все-таки острожная осталась. Вѣдь всякій мальчишка зналъ это!...

— Что же твоя барышня?

— Я ужь ее не застала въ живыхъ! Царство ей небесное! Сказывали наши, какъ она мучилась долго и все просила, чтобъ повидать этого нехриста, злодѣя, окаяннаго!

— Ну что же, видѣла?

— Какъ же! Душегубецъ, разбойникъ! Посылали, посылали къ нему, не ѣдетъ. Баринъ поѣхалъ самъ просить его, Христомъ Богомъ, проститься съ умирающей. А онъ, колод-

някъ клейменый, ускакалъ изъ дому, выпрыгнулъ въ окно. Сама барыня поѣхала къ нему, говорятъ, какъ плакала, валялась у него въ ногахъ, только бы простился и облегчилъ бы барышню. Ну пообѣщалъ и даже крикнулъ: лошадь подать! Да такъ вотъ до сихъ поръ, чорная душа, все ѣдетъ къ намъ. А она, сердечная, не пережила—Богу душу отдала.

И Федосья горько стала плакать.

— Неужели ничего не сдѣлали съ нимъ? сказалъ я, сильно взволнованный.

— А что съ нимъ сдѣлаешь? Отъ нашихъ такъ вотъ рыло воротятъ, точно чума у насъ какая. Вотъ Уткинской гащивалъ сначала, а тутъ — и ни ногой! тоже вотъ и вы сдѣлаете! Да за что обижать насъ?

И она пуще заплакала.

Этотъ нѣсколько безтолковый разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Всю ночь я думалъ о томъ. Неужели проступокъ бѣдной дѣвушки, искупаемый такими страданіями, бросаетъ до сихъ поръ тѣнь на все семейство?... До чего мы дошли: потеряли тактъ отличать простоту отъ хитрости, облѣпились такъ, что принимаемъ за вѣру чужія слова, хотя бы они касались чести и жизни нашего ближняго, и дѣйствуемъ по чужому вліянію! За что я обидѣлъ бѣдную дѣвушку? Изъ лѣни, изъ невниманія къ чужимъ страданіямъ. И какое я имѣлъ право исправлять ее, еслибы даже всѣ нелѣпыя подозрѣнія моего пріятеля были справедливы? Я въ нетерпѣніи ждалъ утра, чтобъ какъ можно скорѣе вразумить Ивана Андреича, доказать ему его жестокость, которая и меня вовлекла въ непростительную дерзость. Чуть забрезжило утро, какъ я уже ѣхалъ на крестьянской телѣгѣ въ Уткино. Пріятель мой спалъ еще, когда я пріѣхалъ, но горя нетерпѣніемъ его видѣть, я разбудилъ его. Увидѣвъ меня онъ пугливо спросилъ:

— Что случилось? что съ тобой?

Укоръ на совѣсти, плачевная драма, хотя безтолково переданная, вѣроятно все вмѣстѣ оставило слѣды на моемъ лицѣ.

— Ничего печальнаго! отвѣчалъ я, садясь возлѣ кровати.

— Ужь не надѣлали ли они тебѣ какихъ неудовольствій? съ ужасомъ воскликнулъ мой пріятель.

Эта выходка меня взбѣсила; я сердито отвѣчалъ:

— Да, по твоей милости я много надѣлалъ глупостей. Я оскорбилъ дѣвушку, которая....

— Боже мой! что съ тобой? вѣрно успѣли приколдовать? суетливо вскакивая съ постели, прервалъ меня Иванъ Андреичъ.

— Ты просто сдѣлался бабой. Я всю исторію узналъ отъ Федосьи. Волосы дыбомъ становятся за васъ. Чѣмъ бы защитить, а вы!...

Пріятель мой разразился смѣхомъ и снова кинувшись на свою постель, отрывисто произносилъ:

— Вотъ одолжилъ.... ха, ха, ха! вотъ одурачили-то молодца!... Расчувствовался отъ сказки, сплетенной дѣвкой, которая на весь околодокъ слыветъ самой пропащей головой! Да я запретилъ своему Прокопкѣ жениться на ней. Его бы просто со свѣту сжили мои люди.

— Послушай, ты выводишь меня изъ терпѣнія, — прервалъ я грубо. Пріятель озлобился и съ презрѣніемъ возразилъ:

— Даже и объ острожной дѣвкѣ Зябликовыхъ непозволительно мнѣ говорить? Ты бы лучше съ самого начала предупредилъ меня о близкихъ своихъ отношеніяхъ съ барышней.

— По какому праву ты такъ безчестишь несчастную дѣвушку? едва сдерживая дыханія, перебилъ я.

— Такъ ты желаешь знать, на чемъ основаны мои права?

— Да.

Пріятель мой иронически смотря на меня произнесъ выразительно:

— Э! да ты самъ знаешь лучше меня, но не хочешь сознаться или самолюбіе тебѣ не позволяетъ этого сдѣлать.

Я вышелъ изъ себя и самъ не знаю, какъ выговорилъ:

— Только подлецы способны такъ чернить женщину.

Я опомнился, но уже было поздно. Иванъ Андреичъ поблѣднѣлъ, и я тоже, и мы съ полчаса просидѣли молча, повѣся носы, не шевелясь, не глядя другъ на друга. Наконецъ онъ, вѣроятно желая прекратить скорѣе наше глупое положеніе, спряталъ лицо подъ одѣяло и оттуда глухимъ и нетвердымъ голосомъ сказалъ:

— Я не ожидалъ, чтобъ наши дружескія отношенія такъ нарушились. И за кого ты оскорбилъ преданнаго тебѣ человѣка, Богъ знаетъ! Я желаю одного, прибавилъ онъ, открывъ

лицо свое, все еще блѣдное: — чтобъ только не здѣсь окончилась наша исторія. Для этой барышни слишкомъ много чести!

Странно! меня вдругъ обдало, какъ бы ушатомъ холодной воды. Вся горячность моя исчезла. Мнѣ показалась смѣшной и неумѣстной моя защита угнетенной дѣвушки. И кто разберетъ ихъ? Можетъ быть мой пріятель точно правъ. А если и нѣтъ, что же мнѣ-то такое? И съ чего я разгорячился, развѣ въ первый разъ въ жизни приходится мнѣ видѣть и слышать несправедливость?

Я такъ сильно погрузился въ эти размышленія, что мой пріятель пріосанился и сказалъ уже съ нѣкоторымъ эффектомъ.

— Что дѣлать! противъ опредѣленія не пойдешь!

Мнѣ просто сдѣлалось совѣстно, что я обидѣлъ его. И я сказалъ съ полной искренностью:

— Послушай! я чувствую всю вину свою и всю глупость своей раздражительности. Ты въ правѣ требовать отъ меня всякого удовлетворенія; но если я буду просить у тебя извиненія, то надѣюсь, что ты не сочтешь мое искреннее сознаніе за трусость?

Пріятель мой молчалъ, но я замѣтилъ, что онъ былъ тронутъ моими словами и тономъ моего голоса. Я не замедлилъ воспользоваться этой минутой и продолжалъ въ томъ же тонѣ и какъ бы разсуждая самъ съ собою:

— Драться! намъ!! изъ-за дѣвушки, которую всего я знаю одинъ день....

— И объ которой не стоитъ говорить, подхватилъ злобно Иванъ Андреичъ и съ грустью прибавилъ, взглянувъ на меня въ первый разъ послѣ глупой моей фразы: — больно мнѣ подумать, что такая госпожа могла быть причиной....

Я взглянулъ на моего пріятеля и тяжело вздохнулъ; онъ сдѣлалъ тоже, и мы посмотрѣвъ съ минуту другъ на друга съ грустью, — съ нѣжностью, молча, но очень выразительно обнялись.

Черезъ полчаса мы съ аппетитомъ пили утренній чай, и я преравнодушно выслушивалъ отъ моего пріятеля разные возмутительные факты и подозрѣнія на счетъ Ѳеклуши. Не то, чтобы я вѣрилъ всему, но изъ предосторожности и спокойствія, переходящихъ иногда въ человѣкѣ за предѣлы здраваго смысла, я далъ себѣ слово болѣе не видать Ѳеклуши, —

не потому, чтобы я боялся быть пойманнымъ ея родителями, но мнѣ какъ-то жаль было ея, а жалость въ этихъ случаяхъ иногда бываетъ опасна.

Пріятель мой былъ въ восторгѣ отъ моего рѣшенія и вздумалъ разсказать мнѣ поучительную исторію одного близкаго своего пріятеля, долженствовавшую окончательно убѣдить меня въ лицемѣрствѣ Ѳеклуши.

Вотъ его разсказъ: — Одинъ молодой человѣкъ съ прекрасными тѣлесными и душевными качествами пріѣзжалъ въ Варшаву для полученія денегъ изъ казны. Знакомства ровно никакого не было у молодаго человѣка и онъ развлекалъ себя одними прогулками по городу и его садамъ. По утрамъ онъ каждый день разхаживалъ въ знаменитомъ городскомъ саду, гдѣ есть, между прочимъ, источникъ минеральной воды, которымъ многіе лечатся. Молодой человѣкъ не любилъ многолюдства, потому избралъ себѣ самую уединенную аллею, гдѣ гулялъ, или сидѣлъ по цѣлымъ часамъ. Одинъ разъ онъ нашелъ свое мѣсто уже занятымъ, дама въ траурѣ сидѣла на скамейкѣ и прегорько плакала. При видѣ мужчины она поспѣшно опустила вуаль и скрылась. Вѣроятно уединенная аллея гармонировала съ грустнымъ настроеніемъ дамы, потому что на другое же утро она явилась съ книгой въ рукахъ и такъ была задумчива, что только тогда замѣтила молодаго человѣка, сидящаго на скамейкѣ, какъ поровнялась съ нимъ. Не извѣстно отъ чего, но дама испугалась, вздрогнула, на минуту пріостановилась, и потомъ уже продолжала свою прогулку. Молодой человѣкъ на этотъ разъ хорошо разглядѣлъ даму. Она была молода, красива и высока. Типъ ея лица рѣзко доказывалъ польское происхожденіе. Она уронила носовой платокъ — молодой человѣкъ поспѣшилъ поднять его и отдать ей; она поблагодарила его по-русски съ польскимъ акцентомъ. Голубые, ясные и выразительные глаза дамы сдѣлали очень пріятное на него впечатлѣніе; онъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчалъ ее въ саду, и они раскланивались какъ знакомые. Такъ прошла недѣля, съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ въ первый разъ увидѣлъ красивую даму въ слезахъ.

Однажды задумчиво идя по своей аллеѣ, онъ услышалъ позади себя умоляющій женскій голосъ:

— Спасите меня, панъ!

Молодой человѣкъ обернулся, передъ нимъ стояла красивая полька въ траурѣ, блѣдная и со сложенными на груди руками. Въ ея голубыхъ глазахъ столько было мольбы, что молодой человѣкъ съ участьемъ спросилъ: чѣмъ можетъ быть ей полезенъ?

— Дайте мнѣ вашу руку, панъ! отвѣчала полька и поспѣшно схватила подъ руку ошеломленнаго человѣка, съ ужасомъ сказавъ: — онъ идетъ сюда, ради Бога, панъ, не погубите меня, сдѣлайте видъ, что я ваша дама!

Въ это время высокой, плечистый, бѣлокурый господинъ прошелъ мимо нихъ, свирѣпо оглядывая польку и ея кавалера, который по чувству состраданія къ бѣдной женщинѣ, отвѣчалъ ему такимъ же свирѣпымъ взглядомъ.

— Ахъ, панъ, вы спасли меня отъ страшной непріятности и я буду признательна вамъ всю жизнь! съ чувствомъ произнесла красивая полька, освобождая руку молодаго человѣка. Но онъ вызвался довести встревоженную женщину до дому. Она радостно приняла предложеніе и какъ бы въ знакъ признательности разсказала ему вкратцѣ свое бѣдственное положеніе. Это была вдова, пріѣхавшая въ Варшаву, чтобъ укрыться отъ преслѣдованій родственника, который завелъ съ нею процессъ о наслѣдствѣ послѣ ея мужа.

— Я сирота, была выдана силою замужъ за старика, который былъ добръ, но ревнивъ до безумія. Я много страдала при немъ, но послѣ его смерти подверглась еще большимъ оскорбленіямъ: родственники моего мужа знаютъ, что за меня не кому вступиться!

Молодой человѣкъ очень обрадовался узнавъ, что его угнетенная спутница стоитъ въ одной съ нимъ гостинницѣ. Она пригласила его къ себѣ въ нумеръ выпить чашку кофе. Ихъ встрѣтила дѣвушка маленькая, вся въ веснушкахъ; несмотря на дурноту, она имѣла большое сходство съ своей госпожей, которая объявила, что это единственная ея прислуга и нянюшка ея малютокъ, которыхъ тотчасъ привели въ комнату. Красивая полька съ нѣжностью расцаловала дѣтей, и посадивъ ихъ на колѣни къ гостю, велѣла его обнять и благодарить за мать, которую онъ защитилъ. Послѣ этой трогательной сцены мать приказала Юзѣ, т. е. нянюшкѣ, увести дѣтей и затѣмъ панна Розалія, какъ назвала ее Юзя, сняла шляпку и мантилью и предстала молодому человѣку

во всемъ блескѣ своей красоты. Прощаясь съ панной Розаліею, онъ обѣщалъ быть ея покровителемъ. Скоро общество умной и красивой польки сдѣлалось ему необходимостью. Она передала ему подробную повѣсть о жизни своей и страданіяхъ и такъ была довѣрчива, что даже давала ему читать письма, которыя ей писали родственники покойнаго мужа; но къ несчастью молодой человѣкъ не только не умѣлъ читать, но даже ни слова не понималъ по-польски, что впрочемъ ему не мѣшало сочинять для нея бумаги по процессу, которыя она съ нимъ переводила на польскій языкъ.

Молодой человѣкъ былъ встревоженъ въ одно утро: онъ получилъ анонимное письмо, гдѣ его предостерегали на счетъ панны Розаліи; но вспомнивъ, что у нея есть враги, онъ пренебрегъ низкимъ ихъ мщеніемъ, тѣмъ болѣе, что преслѣдованія свирѣпаго господина снова начались; панна Розалія иначе не выѣзжала изъ дому, какъ только по вечерамъ въ каретѣ, въ сопровожденіи молодаго человѣка, который былъ вооруженъ карманнымъ пистолетомъ.

Ночныя прогулки въ тѣнистыхъ аллеяхъ садовъ съ восторженной панной Розаліей очень дѣйствовали на молодаго человѣка; только роль покровителя удерживала въ границахъ его страсть. Анонимныя письма продолжали его предостерегать.

Однажды молодой человѣкъ нашелъ панну Розалію въ величайшемъ разстройствѣ. При видѣ его, она въ слезахъ бросилась къ нему на грудь и на всѣ его вопросы отвѣчала одними рыданіями.

Шумъ въ передней и мужской голосъ говорившій съ Юзей, заставилъ придти въ себя панну Розалію; она вскрикнула:

— Это опять *онъ* пришелъ меня оскорблять!

И она упала безъ чувствъ на руки молодому человѣку, который бережно положилъ ее на диванъ, а самъ кинулся загородить дорогу свирѣпому господину, появившемуся въ дверяхъ.

— Я родственникъ панны Розаліи и желаю съ ней говорить по дѣлу, — съ горячностью сказалъ свирѣпый господинъ молодому человѣку, непускавшему его въ комнату.

— Извольте идти вонъ, сударь, или я позову лакеевъ, чтобъ васъ выгнали отсюда! закричалъ внѣ себя отъ бѣшенства молодой человѣкъ.

— Вы кто? мужъ панны Розаліи что ли? грозно крикнулъ свирѣпый господинъ и поднялъ палку.

Молодой человѣкъ отшатнулся,—въ эту минуту панна Розалія кинулась между ссорящимися и ударъ достался ей. Молодой человѣкъ какъ левъ ринулся было на свирѣпаго господина, но панна Розалія обхватила его ноги и цалуя, говорила съ рыданіемъ:

— Я васъ не пущу, панъ! я не хочу, чтобъ вы погибли за меня!

Свирѣпый господинъ убѣжалъ; такое самоотверженіе и нѣжность въ красивой женщинѣ, привели молодаго человѣка къ тому, что онъ готовъ былъ идти за панну Розалію въ огонь и воду. Онъ успокоилъ ее какъ могъ и рѣшился ей сказать объ анонимныхъ письмахъ. Панна Розалія страшно поблѣднѣла, губы ея задрожали и глаза такъ страшно заблестѣли, что молодой человѣкъ испугался. Какъ могъ, онъ успокоилъ ее увѣреніемъ, что ни чему не повѣритъ, чтобы ему ни писали и ни говорили объ ней. Уходя, онъ рѣшился съ особенною нѣжностью поцаловать ручку у панны Розаліи, которая сама его проводила до дверей, нѣжно ему шепнувъ:

— Не оставляйте меня!

Не успѣлъ молодой человѣкъ сдѣлать двухъ шаговъ по корридору, какъ раздался пронзительный крикъ въ нумерѣ панны Розаліи. Онъ поспѣшно вернулся, боясь не случилось ли чего опять съ бѣдной женщиной. Отворивъ дверь, онъ остолбенѣлъ. Панна Розалія, своей величавой и красивой рукой била по щекамъ Юзю, которая защищалась и страшно кричала. Замѣтивъ свидѣтеля, панна Розалія зажала ротъ Юзѣ, толкнула ее въ комнату и заперла дверь на ключь. Сдѣлавъ все это, она кинулась къ молодому человѣку и рыдая стала разсказывать, что Юзя была въ заговорѣ съ ея родственникомъ и что она авторъ анонимныхъ писемъ.

Молодой человѣкъ, находясь подъ вліяніемъ нѣкоторой робости и почтенія къ атлетической силѣ панны Розаліи,—молчалъ. Тогда панна Розалія воскликнула:

— Боже мой, панъ! я беззащитная, слабая женщина, они меня погубятъ въ вашихъ глазахъ! Нѣтъ, лучше смерть!

И панна Розалія схватила столовый ножъ лежавшій на тарелкѣ; молодой человѣкъ къ счастью успѣлъ выхватить его и принять въ объятія панну Розалію, съ которой сдѣлался

истерическій припадокъ, видѣнный въ первый разъ молодымъ человѣкомъ.

Съ этого дня панна Розалія слегла въ постель, явился докторъ и какая-то пожилая полька, — Юзя исчезла. Въ бреду больная болѣе ни о чемъ ни говорила, какъ о своемъ покровителѣ, котораго называла самыми нѣжными именами. Піявки, ледъ и лекарства привели панну Розалію въ память; она сейчасъ же потребовала къ себѣ молодаго человѣка, который не выходилъ изъ ея нумера, хотя не былъ допускаемъ докторомъ къ больной.

Молодой человѣкъ оправдывалъ поступокъ панны Розаліи съ Юзей энергической натурой полекъ, и какъ страсть была сильна въ немъ, то онъ очень снисходительно забылъ все.

Выздоровленіе совершилось быстро, благодаря попеченію искуснаго врача и необыкновенной натурѣ больной. Молодой человѣкъ не переставалъ получать анонимныя письма и не могъ удержаться, чтобъ не читать ихъ; тѣмъ болѣе, что они заранѣе увѣдомляли его, о чемъ панна Розалія будетъ говорить съ нимъ и что сдѣлаетъ. Одно письмо его испугало. Вотъ его содержаніе:

«Послѣдній разъ я пишу къ вамъ, потому что завтра ваша участь будетъ рѣшена. Чтобъ удостовѣрить васъ въ справедливости моихъ предостереженій, я вамъ скажу заранѣе все, что вамъ будетъ говорить панна Розалія. Вы ее найдете спящею на диванѣ, который стоитъ у дверей въ сосѣдній нумеръ. Не садитесь на диванъ и избѣгайте ласкъ панны Розаліи. Все готово, чтобъ васъ погубить. Если вы замѣтите шорохъ за занавѣской, то не бѣгите въ переднюю, тамъ будутъ стоять свидѣтели, а прямо бросьтесь въ спальню, тамъ есть дверь въ корридоръ.»

Молодой человѣкъ рѣшился тотчасъ же показать письмо паннѣ Розаліи, чтобъ съ общаго совѣта наказать скверную Юзю.

Когда онъ вошелъ въ нумеръ къ паннѣ Розаліи, то невольно пріостановился: она спала на диванѣ у дверей. Въ комнатѣ горѣла одна свѣча и та была съ абажуромъ. Молодой человѣкъ рѣшился уйти, но панна Розалія проснулась и остановила его нѣжнымъ голосомъ:

— Панъ, это вы? А я заснула и видѣла очаровательный сонъ. — Сядьте здѣсь! прибавила она, указывая на диванъ.

Молодаго человѣка стала бить лихорадка; онъ не рѣшался сѣсть на диванъ; но панна Розалія, оттолкнувъ кресла, усадила его возлѣ себя и, глядя на него съ нѣжностью, спросила:

— Что̀ это, панъ, какія у васъ холодныя руки?

При этомъ она прижала руку молодаго человѣка къ своему сердцу.

Молодой человѣкъ вскочилъ; ему послышался шорохъ за занавѣской. Онъ неожиданно рванулъ ее — и увидѣлъ, что дверь раскрыта. Панна Розалія вскрикнула, но молодой человѣкъ былъ уже въ спальнѣ и потомъ въ корридорѣ, по которому бѣжалъ, какъ сумасшедшій. Прибѣжавъ въ свой нумеръ, онъ почти безъ чувствъ упалъ на диванъ и не скоро опомнился. Анонимныя письма не лгали; Юзя на другой день объяснила ему все. Эта Юзя была родная сестра панны Розаліи, которая обращалась съ ней грубо и дерзко. Юза изъ мщенія, а вѣрнѣе, изъ зависти, испортила планъ своей сестры и спасла молодаго человѣка. Сильная досада овладѣла имъ, когда онъ узналъ, что мнимый преслѣдователь мнимой вдовы былъ съ ней за одно и что дѣти были взяты на прокатъ. Панна Розалія была фигурантка польскаго театра, исключенная за разсѣянность въ туалетѣ. Свирѣпый господинъ потерпѣлъ тоже неудачу и тоже по разсѣянности: онъ передернулъ карту, его побили и лишили средствъ продолжать карьеру. Взаимное несчастіе соединило ихъ. Узнавъ о пріѣздѣ молодаго человѣка съ деньгами, они приняли похвальное намѣреніе обобрать его: панна Розалія должна была разыграть несчастную жертву страсти, а свирѣпый господинъ злобнаго ея родственника. Предполагалось, что этотъ родственникъ, будто бы изъ желанія погубить панну Розалію, явится къ ней въ критическую минуту со свидѣтелями и потребуетъ отъ молодаго человѣка денегъ, чтобъ неопозорить несчастную. Планъ былъ хорошъ, но конецъ не удался, хотя молодой человѣкъ, все-таки недосчитался не одной тысячи злотыхъ: — онъ и самъ не замѣчалъ, какъ платилъ по счетамъ панны Розаліи магазинщикамъ, какъ давалъ ей деньги на процессъ, не говоря уже о мелкихъ тратахъ.

Эта исторія, съ большимъ жаромъ разсказанная моимъ пріятелемъ, вовсе не произвела на меня желаемаго дѣйствія. Я догадался, что герой забавнаго похожденія былъ

самъ разскащикъ: такъ вотъ вслѣдствіе какого разочарованія видитъ онъ во всѣхъ женщинахъ грязные разсчеты и обманъ... Я устыдился, что хоть на минуту поддался глупымъ его подозрѣніямъ на счетъ Ѳеклуши, и ломалъ голову, какъ бы мнѣ половчѣе, и не упоминая прошедшаго, высказать ей свое раскаяніе, разумѣется, взваливъ всю вину на пріятеля.

На другое утро рано, я отправился къ рѣкѣ, гдѣ ловила рыбу Ѳеклуша и не ошибся,—я нашелъ ее на томъ же мѣстѣ. Долго я любовался грустно-задумчивой позой ея. Мнѣ даже казалось, что она не обращала вниманія на поплавокъ, глаза ея слѣдили за быстрымъ теченіемъ воды. Солнце и комары не безпокоили ее. Она была вся закутана въ бѣломъ и очень походила на красивую и печальную статую на какой нибудь гробницѣ.

Я вышелъ изъ своей засады и сталъ ломать сухія сучья, будто не замѣчая никого, но между тѣмъ, я глядѣлъ въ воду, гдѣ ясно отражалась вся фигура дѣвушки. Ѳеклуша вздрогнула, завидѣвъ меня; хотѣла встать, но потомъ, вздохнувъ тяжело, перекинула свою удочку, такъ тихо, что это движеніе можно было принять за плескъ рыбы на поверхности воды.

Долго мы притворялись, что не замѣчаемъ другъ друга; наконецъ, мнѣ это надоѣло. Я раскланялся съ Ѳеклушей, она отвѣчала мнѣ не ласковымъ, но и не сердитымъ поклономъ.

— Вы давно здѣсь? спросилъ я.

— Давно.

— А я васъ сейчасъ только замѣтилъ.

— А я васъ давно видѣла.

Я покраснѣлъ. Къ чему лгать даже тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ нужды?

Разговоръ нашъ прекратился и, къ возобновленію его, я не придумалъ ничего лучшаго, какъ спросить:

— Григорій Никифорычъ и Авдотья Макаровна здоровы?

— Здоровы.

— Встали?

— Давно.

Снова настало молчаніе. Я бросилъ попытку поддерживать разговоръ, усѣлся на берегу и сталъ смотрѣть какъ Ѳеклуша ловитъ рыбу, которая, — отъ моего глазу что ли, — часто срывалась.

— Не мѣшаю ли я вамъ? спросилъ я.

Ѳеклуша покачала головой, осмотрѣла внимательно червя и закинула такъ ловко удочку, что чуть не коснулась другаго берега рѣки, гдѣ я сидѣлъ.

— Значитъ, вы не вѣрите въ дурной глазъ? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А есть дураки, которые всему вѣрятъ, напримѣръ, вашъ сосѣдъ; да онъ скоро будетъ бояться, чтобъ его не обратили въ волка недобрые люди.

Ѳеклуша молчала и внимательно слушала меня; ободренный этимъ, я продолжалъ:

— И такіе люди, право, очень опасны, они могутъ сбить съ толку человѣка и заставить его надѣлать тысячу глупостей, которыя тотъ готовъ, Богъ знаетъ, чѣмъ выкупить.

Краснорѣчіе мое изсякло, тѣмъ болѣе, что слушательница моя ровно ничего не возражала; она, по прежнему, смотрѣла и слушала съ грустью.

Я замолчалъ, недовольный собой. Посидѣлъ, повертѣлъ прутикомъ, сломаннымъ съ ближайшаго куста, наконецъ всталъ, простился съ Ѳеклушей и пошелъ домой.

Я еще никогда въ жизни не находился въ такомъ неловкомъ положеніи передъ женщиной, какъ въ эту минуту. Замѣть я малѣйшій разсчетъ со стороны Ѳеклуши — метить мнѣ своей холодностью или тѣшиться моимъ раскаяніемъ — дѣло другое. Нѣтъ! она такъ просто и глубоко была оскорблена мною, что ей и въ голову не приходило извлекать изъ своего положенія какія нибудь выгоды или рисоваться. Однако, мнѣ отъ этого не было легче; я желалъ уловить что нибудь невыгодное для Ѳеклуши и тѣмъ облегчить свою совѣсть.

Пріятель мой не подозрѣвалъ цѣли моей прогулки и, видя что я скученъ, вздумалъ меня развлечь. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ Щеткинымъ, единственнымъ сосѣдямъ, гдѣ были взрослыя дочери и куда ѣздилъ мой пріятель.

— Я тебѣ скажу одно объ этомъ семействѣ, что ихъ простота и радушіе не чета Зябликовымъ. Дочерей своихъ держатъ строго, не стараются сбыть съ рукъ, да такъ воспитываютъ, что имъ и въ голову не приходитъ смотрѣть на каждаго заѣзжаго, какъ на жениха.

Такой панегирикъ Щеткинымъ меня заинтересовалъ. Я согласился ѣхать. Пріѣздъ нашъ, повидимому, не имѣлъ ни

какого вліянія на домашнее теченіе дѣлъ, но за то подземные, глухіе раскаты слегка заколебали весь домъ, наружностью своей очень похожій на петербургскіе дома средняго сословія, имѣющіе претензію на роскошь и моду. Роскошь состояла въ томъ,—что повсюду на спинкахъ стульевъ и дивановъ изъ ирадедаму, гостинодворской работы, были развѣшаны дырявыя лоскутки, называвшіеся *антимакасарами*. А мода въ разстановкѣ мебели — въ такомъ безпорядкѣ и тѣснотѣ, что вы рисковали десять разъ ушибиться и отдавить другимъ ноги, прежде чѣмъ усѣсться. При этомъ диваны и стулья такъ были низки, что входившему въ первую минуту казалось, будто все общество сидитъ на полу. Разговаривать тоже было трудно, потому что модная разстановка мебели имѣла еще то удобство, что все общество сидѣло спиной другъ къ другу.

Г. Щеткинъ радостно принялъ насъ. Позвольте мнѣ слегка описать наружность его. Это было маленькое, сморщенное, сѣдое существо, съ лицомъ краснымъ какъ макъ. Подбородокъ, выдавшійся впередъ, составлялъ единственную характеристическую черту его сморщеннаго, маленькаго лица. Впрочемъ, его крошечные глазки неизвѣстнаго цвѣта, очень плутовато и быстро бѣгали. Разговоръ его былъ пріятный и дѣловой. Онъ часто повторялъ фразу:

— Слава Богу, пожилъ въ свѣтѣ, всего видѣлъ.

Онъ былъ вдовецъ и отецъ трехъ, не только взрослыхъ, но уже зрѣлыхъ дочерей, хотя меньшую водили какъ ребенка и стригли ей волосы, подвивая ихъ въ пукольки. Воспитаніе трехъ своихъ дочерей г. Щеткинъ поручилъ гувернанткѣ, которая, по собственнымъ его словамъ, замѣняла его дочерямъ мать. Гувернантка, вѣроятно чувствуя собственное свое достоинство, держала себя въ домѣ какъ глава семейства; она даже, какъ говорили люди, управляла не только всѣмъ домомъ, но и самимъ Щеткинымъ, и его деревней.

Наружность гувернантки въ самомъ дѣлѣ была очень величава для простой роли. Росту она была страшно высокаго. Толщины такой необъятной, что когда являлась въ комнату, окруженная своими невысокими питомицами, то онѣ казались передъ нею точно дѣтьми. Анна Егоровна (такъ она называлась) приняла насъ очень привѣтливо въ столовой за завтра-

комъ и дала приказаніе лакею, одѣтому въ сѣрый суконный фракъ съ гербовыми пуговицами: — «позвать изъ классу барышень.»

Явились три граціи: Жюли, Лизъ и Мари.

Всѣ три маленькія ростомъ, наружности пошловатой; черты лица неправильныя. Наивно-натянутое выраженіе лица и дѣтски-рѣзвыя движенія дѣлали ихъ похожими на маріонетокъ, взятыхъ изъ театра. По ихъ гладкимъ и жирно намазаннымъ волосамъ, изъ которыхъ выдѣланы были разныя замысловатыя штуки; по ихъ кисейнымъ, разглаженнымъ платьямъ, трудно было себѣ вообразить, чтобъ онѣ сидѣли за классами. Я забылъ еще сказать о ихъ цвѣтѣ лица. Онѣ всѣ были бѣлы и румянецъ не игралъ, а лежалъ какъ-то мертвенно на ихъ щекахъ. Французскій діалектъ былъ такъ усвоенъ ими, что онѣ въ забывчивости иногда обращались съ нимъ къ лакею. Застѣнчивости и тѣни не было въ этихъ трехъ барышняхъ. Онѣ, напротивъ, старались показать передо мной, какъ петербургскимъ пріѣзжимъ, свое искусство въ любезности и свѣтской болтовнѣ.

Послѣ завтрака, Анна Егоровна извинилась передъ нами и пошла давать въ гостиную уроки своимъ миніатюрнымъ воспитанницамъ. Кто изъ нихъ пѣлъ, кто игралъ. И это продолжалось два часа.

Хозяинъ дома, какъ бы не замѣчая домашняго концерта, оставался за столомъ, куря и занимая насъ разговорами про свою службу въ Петербургѣ, свое значеніе у одного изъ важныхъ лицъ, и пр. Онъ говорилъ также о своей честности, о своей дальновидности, и я замѣтилъ, что эта старая, сморщенная фигурка преловко льстила на каждомъ шагу моему пріятелю.

Послѣ уроковъ, барышни надѣли шляпки съ зелеными вуалями и перчатки съ отрѣзанными пальцами, и подъ предводительствомъ Анны Егоровны, которой приличнѣе было бы дать палку тамбуръ-мажора, чѣмъ иголку, всѣ усѣлись на терассу, уставленную тощими цвѣтами и деревцами, и принялись вышивать.

Г. Щеткинъ пригласилъ насъ принять участіе въ домашнемъ разговорѣ, который вертѣлся Богъ знаетъ на чемъ. Но надо отдать справедливость, что барышни очень искусно подерживали его и ни на минуту не давали ему прекратиться.

Анна Егоровна ухаживала страшно за моимъ пріятелемъ. Она за обѣдомъ такъ его угощала, что даже противно было видѣть. Но мой пріятель, казалось, былъ доволенъ всѣмъ этимъ. Послѣ обѣда, онъ безъ церемоніи пошелъ спать, хозяинъ тоже. Анна Егоровна осталась со мной и барышнями, которымъ для моціона приказано было поиграть въ серсо. Я принялъ участіе въ ихъ игрѣ. Анна Егоровна сидѣла на терассѣ въ большихъ креслахъ и дремала, а можетъ быть только дѣлала видъ, что дремлетъ.

Барышни такъ были затянуты въ корсеты, что очень скоро пришли въ изнеможеніе и предложили мнѣ обойти ихъ садъ. Только что мы скрылись за кустами отъ террасы, какъ лица барышень измѣнились; выраженіе ихъ изъ веселаго и наивнаго превратилось въ зрѣло-кокетливое.

Старшая потребовала, чтобъ я подалъ ей руку, и жалась ко мнѣ очень близко то отъ пчелы, то отъ паука. Остальныя сестры шли рядомъ, давали мнѣ нюхать цвѣтки, которые такъ подносили къ моему носу, что я касался губами ихъ пальцевъ. Свою даму я не забывалъ и слегка пожималъ ей ручку. Скоро началъ я замѣчать нѣкоторой раздоръ между сестрами. Двѣ сестры скрылись и мы остались одни. Разговоръ вдругъ прекратился и моя дама, томно потупивъ глаза, стала вздыхать. Я спросилъ ее, не скучаетъ ли она деревенскою жизнью.

— Ахъ, очень! Вообразите, сосѣдей нѣтъ рѣшительно. Мы, просто, дичаемъ здѣсь каждое лѣто.

— А вы знакомы съ Зябликовыми? спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ молчанья, которое становилось неловкимъ.

При этомъ вопросѣ моя дама вздрогнула и пугливо спросила меня въ свою очередь:

— А вы видѣли ее?

— Кого?

— Ихъ дочь.

— Какъ же, даже имѣлъ счастіе провести съ ней цѣлый день.

Рука моей дамы слегка высвободилась изъ моей; она со вздохомъ сказала:

— Мы ее не видали, папа намъ не велитъ даже упоминать о ней.

— Почему? спросилъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

— Не знаю! съ наивностью, не менѣе притворною, отвѣчала барышня. И вдругъ спросила меня кокетливо, играя своимъ зонтикомъ:

— А вы будете часто къ намъ ѣздить?

— Это будетъ зависѣть отъ расположенія вашего папа. Если онъ....

— О, онъ очень, очень будетъ радъ. Мы будемъ дѣлать парти-де-плезиръ. Однимъ дамамъ, не правда ли, очень скучно.

— А развѣ Иванъ Андреичъ рѣдко у васъ бываетъ?

— Да онъ все сидитъ съ папа, да о дѣлахъ толкуютъ.

— Какой онъ странный,—не правда ли? Я сдѣлалъ этотъ вопросъ очень выразительно и слегка прижалъ ручку барышни, которая покраснѣла и томно потупила глазки.

— Жюли! Жюли! раздались пискливые голоса барышень съ разныхъ концовъ.

Жюли или моя дама сдѣлала недовольную мину.

— Жюли! Жюли! еще пронзительнѣй запищали ея сестрицы, и меньшая, выскочивъ изъ-за куста, сказала по французски:

— Тебя зоветъ Анна Егоровна.

Жюли сдѣлала гримасу своей сестрѣ и оставивъ мою руку, съ необыкновенною любезностью сказала мнѣ:

— Подождите здѣсь, я сейчасъ приду! И она побѣжала съ сестрой.

Не успѣлъ я сдѣлать двухъ шаговъ, какъ словно изъ земли выросла средняя сестра, крича:

— Жюли!

И потомъ, какъ бы удивясь, воскликнула:

— Вы одни? Гдѣ же сестра?

— Она ушла.

— Вы соскучитесь здѣсь! Мы такъ отвыкаемъ отъ общества въ деревнѣ, что когда зимой пріѣзжаемъ въ Петербургъ, то наши кузены называютъ насъ дикарками. Вы выѣзжаете на балы? Любите танцы? Я ужасно люблю вальсъ.

— И я нахожу, что это самый пріятный танецъ, отвѣотвѣчалъ я.

— Кажется, идетъ Жюли! Ахъ, давайте прятаться отъ нея! схвативъ меня за руку и съ силою таща за собой, сказала барышня.

Я послѣдовалъ за ней и мы прятались довольно долго отъ поисковъ Жюли, которая съ досадою крикнула сестрѣ.

— Анна Егоровна тебя зоветъ!

Мы вышли изъ засады и были встрѣчены Жюли очень сердито.

Всѣ трое мы отправились къ террасѣ, на которой нашли Щеткина, моего пріятеля и Анну Егоровну въ дружеской бесѣдѣ. Анна Егоровна строго спросила сестеръ, разумѣется все на французскомъ діалектѣ:

— Гдѣ Мари? Я ее послала за вами.

Но въ эту минуту принесли ягоды и фрукты и всѣ занялись ими.

Между разговоромъ я упомянулъ о Ѳеклушѣ. Какъ лица у всѣхъ вытянулись! Сморщенная фигурка хозяина дома, злобно усмѣхаясь, подмигнула моему пріятелю на меня и сказала:

— Уже успѣли! Точно вороны ждутъ своей добычи, никого не пропустятъ, чтобъ....

Пріятель мой сдѣлалъ недовольную гримасу, а Анна Егоровна замѣтила отцу семейства, что не слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ, тѣмъ болѣе, гдѣ есть дѣвицы, упоминать о такой дѣвушкѣ.

Пріятель мой посмотрѣлъ на меня такъ, какъ бы желая сказать:

— Видишь, не я одинъ отзываюсь дурно о Зябликовыхъ.

Желая удостовѣриться въ своемъ подозрѣніи, я началъ подделываться подъ общее мнѣніе о Зябликовыхъ, и сказалъ двѣ-три плоскія остроты на ихъ счетъ, что доставило большое удовольствіе какъ моему пріятелю, такъ и всему обществу. Наивныя барышни премило кусали губки, чтобъ скрыть свои улыбки, на этотъ разъ вовсе непринужденныя.

Ѳеклушѣ все вмѣнялось въ преступленіе. Ея одинокія прогулки въ лѣсахъ, рыбная ловля. Они, т. е. г. Щеткинъ и Анна Егоровна знали все, что дѣлается въ деревнѣ Зябликовыхъ и доброту степныхъ помѣщиковъ толковали въ дурную сторону. Игра Ѳеклуши на гитарѣ приводила въ ужасъ наставницу. Спорили о ея годахъ, прибавили ей чуть ли не пять лѣтъ. Однимъ словомъ, все общество, въ продолженіи двухъ часовъ, только и говорило, что о Зябликовыхъ, даже барышни принимали участіе въ разговорѣ.

— Я бы умерла отъ страха, еслибъ очутилась одна въ лѣсу, сказала Жюли.

— И я бы! подхватила меньшая.

— У ней руки и лицо, говорятъ, какъ у крестьянки. Она никогда не носитъ ни перчатокъ, ни шляпки.

— Mesdemoiselles, mesdemoiselles! воскликнула строго, какъ бы опомнясь, Анна Егоровна своимъ воспитанницамъ.

Такъ вотъ гдѣ нашелъ мой пріятель простоту и радушіе! подумалъ я, и мнѣ захотѣлось отомстить ему.

Когда стало темно, я успѣлъ, поочереди, каждой сестрицѣ пожать ручку и дать ей замѣтить, что я всякій день хожу на охоту около ихъ деревни, рано поутру.

На возвратномъ пути, пріятель мой очень ловко подмѣтившій впечатлѣніе, сдѣланное на меня семействомъ Щеткиныхъ, лукаво спросилъ:

— Ну что, похожи они на твоихъ хитрыхъ простяковъ? Небось самъ смѣялся своей глупости сегодня. Я тебя увѣряю, что если ты чаще будешь бывать у нихъ, то я не поручусь за твое нѣжное сердце.

Я отъ души захохоталъ, и другъ мой, непонявъ моего смѣха, вторилъ мнѣ очень искренно....

На другое утро я отправился съ ружьемъ бродить въ лѣсу около деревни Щеткиныхъ, и вовсе не. былъ удивленъ, встрѣтивъ Анну Егоровну съ воспитанницами; онѣ ужасно испугались меня.

— Здѣсь такая глушь, что одинъ видъ мужчины наводитъ ужасъ, если онъ внезапно явится, какъ вы! сказала мнѣ Анна Егоровна.

Барышни всѣ одѣты были въ утреннемъ нарядѣ и такъ показались мнѣ противны, что я недолго оставался съ ними и поспѣшилъ къ рѣчкѣ, гдѣ надѣялся найти Ѳеклушу.

Боже мой, какъ она похорошѣла для меня послѣ дня, проведеннаго съ благовоспитанными барышнями! Какъ уменъ и простъ ея взглядъ, сколько въ ней наивности самой искренней! Какъ оригинальны ея вопросы и отвѣты! Я подъѣхалъ къ рѣчкѣ, привязалъ лошадь къ дереву и поспѣшилъ къ знакомому мѣсту.

Мнѣ показалось страннымъ, почему сердце мое сильнѣе забилось и краска бросилась въ лицо, когда я нашелъ пустымъ мѣсто, гдѣ сидѣла Ѳеклуша послѣдній разъ. Мнѣ

такъ захотѣлось посмотрѣть на ея личико, рѣдкое по своему простому выраженію, что я побрелъ по берегу рѣчки къ дому въ надеждѣ встрѣтить ее.

Малѣйшій шорохъ на другомъ берегу заставлялъ меня радоваться, но напрасно. Я почти подошелъ къ оврагу, которымъ Ѳеклуша имѣла обыкновеніе ходить домой; но ея тутъ не было. Я разсердился на самого себя, и быстро вернулся домой, вновь удивляясь своему капризу. На памятномъ мѣстѣ перваго знакомства увидѣлъ я рябую Федосью, за тѣмъ же занятіемъ, т. е. за полосканьемъ бѣлья. Я ужасно обрадовался и на этотъ разъ не испугалъ ее своимъ неожиданнымъ появленіемъ, а предварительно кашлянулъ.

Федосья подняла свое сердитое лицо отъ работы и поклонилась мнѣ низко, когда я приподнялъ фуражку свою и сказалъ:

— Здорова?

— Нешто!

— Господа здоровы?

— Богъ милуетъ! отвѣчала отрывисто рябая дѣвка и занялась своей работой.

Помолчавъ, я спросилъ, стараясь какъ можно болѣе придать равнодушія своему голосу:

— А барышня отчего не ловитъ рыбу сегодня?

— Мнѣ что-ль она сказываетъ, когда не ловитъ!

— Да она здорова?

— Нешто!

Федосья была самая несносная изъ горничныхъ, какихъ я знавалъ. Обыкновенно онѣ на одинъ вопросъ отвѣчаютъ всегда въ десять разъ болѣе, а эта такъ была скупа на слова, что отъ нея ровно ничего не добьешься.

— Скажи-ка мнѣ Федосья: не сердится ли твоя барышня на меня?

Рябая дѣвка, вывертывая чулокъ, дико посмотрѣла на меня и очень безцеремонно произнесла:

— Знать замаралъ хвостъ? Я-то почемъ знаю!

— Я пріѣхалъ бы къ вамъ, да боюсь.... Самъ не знаю, какъ я взялъ ее въ повѣренныя къ себѣ.

— Что бояться? небось не съѣдятъ! шумя въ водѣ чулками, отвѣчала Федосья.

Въ эту минуту я вздрогнулъ, Ѳеклуша явилась изъ-за куста, неся на плечѣ удочки и всѣ остальные снаряды въ плетеной корзинкѣ. Печально-насмѣшливая улыбка на ея губахъ ясно доказывала, что она слышала мой разговоръ съ Федосьей. Я такъ потерялся, что не поклонился Ѳеклушѣ, она первая мнѣ поклонилась.

Федосья, указывая презрительно на меня головой, сказала своей барышнѣ:

— Спрашивалъ меня....

Я чуть не кинулся на Федосью, чтобъ зажать ротъ глупой болтуньѣ, но Ѳеклуша предупредила меня, вѣроятно понявъ мое жалкое положеніе, и обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: здоровъ ли я?

— Почему вы такъ поздно сегодня пришли ловить рыбу? спросилъ я.

Ѳеклуша пошла далѣе.

— Позвольте мнѣ сегодня ловить рыбу съ вами? спросилъ я.

— Я взяла одну удочку, какъ бы смѣшавшись сказала Ѳеклуша, остановилась и посмотрѣла на меня.

Моя фигура выражала такую кротость и мольбу, что вѣрно тронула дѣвушку. Я робко замѣтилъ, что могу сдѣлать удочку изъ хорошаго сучка, если только у ней есть лишняя лѣса.

— Есть, нельзя безъ запасной лѣсы идти ловить рыбу.

И она указала мнѣ дорогу, какъ ближе можно перебраться на другой берегъ.

Когда я прибылъ къ Ѳеклушѣ, то она уже сидѣла съ удочкою въ рукахъ и для меня готова была другая. Я сѣлъ возлѣ и изъ страха напомнить ей о моей дерзости съ ней при первомъ моемъ знакомствѣ, я такъ велъ себя осторожно, что даже ничего не говорилъ.

Ѳеклушу это замѣтно ободрило; она учила меня какъ ловить рыбу.

— Вы не видали никогда Щеткиныхъ барышень? спросилъ я.

— Очень часто въ церкви. Даже онѣ разъ были у насъ за сѣменами нашихъ дынь, отвѣчала Ѳеклуша.

— Скажите, пожалуйста, почему вы не продолжаете знакомства съ ними?

Сказавъ это, я раскаялся: лицо Өеклуши вспыхнуло; я испугался, что опять оскорбилъ ее и поспҍшилъ сказать:

— Впрочемъ, вы хорошо и дҍлаете. Вы знаете, онѣ изъ числа вашихъ враговъ.

— Право не знаю, за что они всѣ насъ не любятъ, отвѣчала довольно равнодушно Өеклуша.

— Я думаю, васъ очень возмущаетъ, что всѣ ваши сосѣди такіе глупые и злые на языкъ.

— Мнѣ все равно, вотъ только папеньку и маменьку огорчаютъ; особенно когда придешь въ церковь: всѣ сторонятся, возлѣ кого ни станешь.

Мнѣ показалось, что глаза дѣвушки увлажились слезами, но я незамѣтилъ и тѣни озлобленія въ ея лицѣ и голосѣ. Каждое слово ея, движеніе, взглядъ я невольно сравнивалъ съ воспитанными въ строгости дѣвицами Щеткиными; сравнивалъ нашу настоящую бесѣду за три версты отъ дому, съ глазу на глазъ въ лѣсу и прогулку мою вчера въ саду въ двадцати шагахъ отъ террасы, гдѣ сидѣла страшная блюстительница нравственности; сравнивалъ и живой румянецъ на щекахъ Өеклуши съ краской на лоснящихся лицахъ наивныхъ барышень.... Ихъ руки, хотя бѣлыя и съ выточенными ногтями, никуда не годились въ сравненіи съ загорѣлыми ручками степной дѣвушки. Гибкость таліи Өеклуши, пушистость волосъ ея,—все въ ней дышало неподдѣльностью и роскошной простотой. Сколько нѣжности, веселости и часто грусти въ ея взглядѣ; улыбка на ея губахъ, не смазанныхъ розовой помадой, такъ была увлекательна. Я просидѣлъ очень долго съ удочкой въ рукахъ, и если бы Өеклуша не собралась домой, я готовъ былъ бы хоть цѣлый день смотрѣть на нее и слушать ея голосокъ.

Провожая ее, я даже не осмѣлился предложить ей свою руку и удовольствовался тѣмъ, что несъ снаряды рыбной ея ловли.

У сада, я простился съ ней, искренно благодаря ее за снисхожденіе ко мнѣ. Она просила меня завтракать, но я чувствовалъ сильное волненіе и отправился домой.

Дома я нашелъ гостя, — г. Щеткина, который объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ собственно ко мнѣ съ визитомъ, наказалъ мнѣ кучу комплиментовъ и просилъ меня быть домашнимъ человѣкомъ въ его семействѣ.

— Мои дочери еще дѣти и не могутъ васъ занять, какъ петербургскія дамы; но если вы будете невзыскательны къ нимъ, то я надѣюсь, что будете насъ посѣщать. Вашъ товарищъ (и Щеткинъ указалъ своими плутовскими глазками на моего пріятеля): — вотъ, онъ понялъ наше семейство. Мы ищемъ въ деревнѣ отдыха. Съ придворными нужна политика, а здѣсь я хочу простоты, радушія, хочу дышать чистымъ воздухомъ, да пожимать благородныя руки такихъ рѣдкихъ молодыхъ людей.

И онъ пожалъ руку моего пріятеля, потомъ мою.

Когда уѣхалъ гость, настоятельно прося насъ пріѣхать послѣ обѣда къ нему, пріятель мой очень лукаво началъ поглядывать на меня, потиралъ руки кряхтя выразительно, даже пощипалъ на гитарѣ, мурлыча какія-то слова, наконецъ невыдержалъ и спросилъ меня:

— Что, ты завтра намѣренъ также идти рано поутру на охоту?

— Да! отвѣчалъ я очень серьёзно, и пріятель мой предался необыкновенной веселости, такъ-что его смѣхъ надоѣлъ мнѣ; я спросилъ его, что находитъ онъ смѣшнаго въ моихъ прогулкахъ.

Пріятель мой смѣясь сказалъ мнѣ:

— Ну, которая? неушто во всѣхъ трехъ? Ахъ ты Сердечкинъ! Ну, гдѣ тебѣ подмѣтить что нибудь!

Эти слова были произнесены съ сожалѣніемъ. Я былъ очень доволенъ на этотъ разъ проницательностью моего пріятеля и, не стараясь его выводить изъ заблужденія, сказалъ сердито:

— Какіе у тебя шпіоны! все тотчасъ тебѣ пересказываютъ.

— Ишь хитрецъ, подслушалъ, что ѣдутъ гулять и махнулъ съ ружьемъ, будто нечаянно! ха, ха, ха! продолжалъ Иванъ Андреичъ.

Мнѣ было хотѣлось разочаровать его въ дальновидности и объяснить, что не я, а его наивныя барышни пріѣзжали въ лѣсъ для свиданія со мной; но я удержался: мнѣ хотѣлось покороче узнать пугливыхъ барышень, которыя готовы были умереть отъ страху, очутясь однѣ въ лѣсу.

Мы пріѣхали въ этотъ вечеръ очень поздно къ Щеткинымъ. Иванъ Андреичъ по своей врожденной проницательности открылъ во мнѣ страшное нетерпѣніе ѣхать въ гости,

откладывалъ какъ можно далѣе поѣздку,—и тѣшился моими страданіями.

Самоваръ давно былъ на столѣ, когда мы пріѣхали къ Щеткинымъ. Жюли разливала чай, все семейство сидѣло вокругъ стола. Я помѣстился между двумя сестрами и такъ былъ неловокъ въ этотъ день, что мои ноги часто встрѣчались съ ножками барышень. Когда мы пошли сдѣлать нѣсколько туровъ въ саду по случаю теплой лунной ночи, то Мари успѣла мнѣ тихо сказать:

— Какой вы злой! почему такъ поздно пріѣхали?

Жюли въ свою очередь упрекнула меня и ловко дала замѣтить, что она завтра рано встанетъ и будетъ въ полѣ собирать васильки.

Одна Лизъ была молчалива; но когда я ей подалъ нечаянно уроненую ею перчатку, то она очень выразительно пожала мнѣ руку.

Анна Егоровна, какъ я замѣтилъ, еще не совсѣмъ отказалась отъ надежды на перемѣну своей судьбы. Она кажется была заинтересована моимъ пріятелемъ. Но надо отдать ей справедливость, что въ то же время она содѣйствовала очень усердно завербованію жениховъ своимъ воспитанницамъ. Она разсказывала намъ со слезами о кротости, послушаніи ихъ, о ихъ дружбѣ между собой и прочее.

— Ахъ, какъ онѣ дружны! это поразительно! — восклицала она: — очень часто Мари приходитъ ко мнѣ, цалуетъ меня и говоритъ: «какъ я счастлива, что у меня такія сестры!» Онѣ меня такъ любятъ, что я не знаю, какъ благодарить судьбу и вообразите, онѣ всѣ поклялись неразлучаться и умереть съ папа. Не правда ли, какія онѣ еще дѣти? Я даже боюсь, хорошо ли я дѣлаю, что оставляю ихъ въ этихъ понятіяхъ. Какъ вдругъ рѣзокъ будетъ переходъ къ дѣйствительности! Впрочемъ, пусть онѣ блаженствуютъ, зачѣмъ пугать ихъ юное воображеніе!

Слушая Анну Егоровну, я думалъ, что подобныхъ барышень можно напугать только однимъ, именно предсказаніемъ, что онѣ не перейдутъ къ дѣйствительности, т. е. не выйдутъ замужъ....

Каждое утро я видѣлся съ Ѳеклушей и скрывалъ это отъ моего пріятеля. По вечерамъ же мы ѣздили съ нимъ къ Щеткинымъ. Я, впрочемъ, скоро сдѣлался причиной

раздора между сестрами. Каждая поверяла мнѣ тайны сердца другой сестры, такъ что я узналъ всѣ секреты трехъ барышень. Особенно поражала меня Мари своей хитростью и смѣлостью; старшія сестры изъ ревности мѣшали другъ другу говорить со мной, видѣться въ бесѣдкѣ по вечерамъ. Мари всему была причиной: она ловко разжигала самолюбіе ихъ и пока тѣ ссорились, Мари смѣялась и острила на ихъ счетъ, гуляя со мной по тѣнистымъ аллеямъ сада.

Успѣхи мои такъ быстро шли впередъ, что я почувствовалъ нѣкоторое отвращеніе ко всему семейству Щеткиныхъ и въ одно прекрасное утро разсказалъ моему пріятелю кокетство со мной барышень, плутовство отца и мнимую строгость Анны Егоровны.

Вслѣдствіе этого между нами чуть не повторилась ссора, бывшая за Ѳеклушу; но на этотъ разъ мы ограничились деликатными колкостями, сдержали свой грубый гнѣвъ и съ этой минуты раздѣлились на двѣ партіи. Я за Зябликовыхъ стоялъ горой, а мой пріятель превозносилъ семейство Щеткиныхъ. Я открывалъ ему глаза насчетъ лицемѣрства смѣлыхъ дѣвицъ, а онъ возмущался моей слѣпотой и страшился за мою будущность. Между тѣмъ семейство Щеткиныхъ, разгнѣванное моимъ предпочтеніемъ семейству Зябликовыхъ, къ которымъ я началъ ѣздить всякій день, а у нихъ переставъ бывать даже съ визитами — это семейство занялось распусканіемъ самыхъ несбыточныхъ сплетенъ насчетъ меня и Ѳеклуши, а я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе открывалъ въ Ѳеклушѣ богатства самороднаго ума и поэзіи. Я былъ влюбленъ и притомъ такъ сильно, что приходилъ въ отчаяніе, не замѣчая въ степной дикаркѣ взаимности.

Кончилось тѣмъ, что Щеткины распустили такую исторію объ нашихъ прогулкахъ въ лѣсу, что мнѣ болѣе ничего не оставалось, какъ жениться на Ѳеклушѣ.

Нѣсколько дней я ходилъ мрачный, нося въ себѣ великодушную рѣшимость на геройской подвигъ, который въ сущности былъ очень естественъ; я смотрѣлъ самъ на себя, какъ на человѣка приносящаго жертву.

Я уже составилъ планъ, что женясь на Ѳеклушѣ, немедленно увезу ее за границу для приданія ей того лоску, отсутствіе котораго въ ней такъ плѣняло меня. Послѣ моего рѣшенія, мнѣ даже стали казаться неприличными ея

страсть къ рыбной ловлѣ, ея пренебреженіе къ своей красотѣ. «Надо, чтобъ она хоть надѣвала шляпку и перчатки ловя рыбу», пресерьёзно думалъ я, утомленный болѣе важными мыслями.

— Ну, а если она неоставитъ свою гитару? задавалъ я себѣ неожиданно вопросъ и краснѣлъ, воображая Ѳеклушу, свою жену, играющую въ нашемъ салонѣ на гитарѣ.

Какая мука быть нерѣшительнымъ! я десять разъ начиналъ свое объясненіе съ Ѳеклушей и все откладывалъ, но не потому, чтобы я боялся отказа,—подобная мысль и не приходила мнѣ въ голову. Она, бѣдная дѣвушка, всѣми презираемая, безъ денегъ, безъ свѣтскаго образованія, не могла отказать человѣку, который носилъ фамилію довольно старинную, былъ не безъ состоянія, молодъ и не безобразенъ собой. Если я до сихъ поръ видѣлъ равнодушіе со стороны Ѳеклуши ко мнѣ, такъ это очень было понятно. Запуганная дѣвушка, можетъ быть непозволяла себѣ увлекаться. Но когда она услышитъ о возможности взаимности, то вѣрно радость, чувство благодарности пробудятъ въ ней любовь.... Однимъ словомъ, я воображалъ себя рыцаремъ угнетенной красоты и невинности.

Я далъ замѣтить Ивану Андреичу о моемъ намѣреніи, чтобъ нѣсколько насладиться своимъ благороднымъ поступкомъ. Его ужасъ за мою будущность, мольбы — одуматься и т. п., удостовѣрили меня еще болѣе въ героизмѣ моего замысла, и я избралъ наконецъ день объясненія.

Ѳеклуша была на рѣкѣ за своимъ занятіемъ. Я подсѣлъ къ ней. Мое встревоженное лицо, нетвердый голосъ,—я былъ увѣренъ, обратятъ на меня особенное вниманіе дѣвушки и дадутъ мнѣ поводъ начать поэффектнѣе мое предложеніе; но рыба ловилась какъ на зло очень удачно и я долженъ былъ не только начать разговоръ, но даже напомнить о своемъ присутствіи.

— Ѳекла Григорьевна! сказалъ я довольно трагически, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе дѣвушки; она посмотрѣла на меня вопросительно, я продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Скажите мнѣ откровенно, будете ли вы искренно отвѣчать мнѣ на всѣ мои вопросы?

— Я развѣ когда говорила неправду? съ удивленіемъ спросила она.

— Въ сію минуту откровенность ваша необходима, вопросы мои слишкомъ близки моему сердцу.

И я наслаждался заранѣе, какое должно впечатлѣніе произвести мои слова на слушательницу, неподозрѣвавшую о предстоявшемъ ей счастіи.

— До васъ вѣроятно доходятъ сплетни на счетъ нашихъ прогулокъ? продолжалъ я.

Ѳеклуша вся вспыхнула, судорожно сжала свои губы и сдерживала ускоренное дыханіе.

— Васъ это не возмущаетъ? спросилъ я ее, желая пользоваться всѣми выгодами своего положенія.

— Чѣмъ же я могу пособить! съ грустью спросила Ѳеклуша и вѣрно не желая продолжать разговора, оскорбительнаго для ея самолюбія, осмотрѣла червя на крючкѣ и хотѣла закинуть въ воду — но я не допустилъ ее до этого и возвыся голосъ сказалъ гордо:

— Неужели вы думаете, что я спокойно могу это слышать?

Ѳеклуша закидывая удочку отвѣчала:

— Что же дѣлать! Я знаю, вы не вѣрите ни чему! Пусть ихъ говорятъ что хотятъ! но мнѣ только досадно и больно, когда моя мать плачетъ объ этомъ. На дняхъ пріѣзжала нарочно къ намъ попадья, всякія глупости пересказать про васъ, слышанныя у сосѣдей—и такъ огорчила отца и мать, что я...

Ѳеклуша не окончила рѣчи и отвернула личико отъ меня.

Я былъ доволенъ. Она должна была сильнѣе почувствовать мой благородный поступокъ.

— Я давно имѣлъ намѣреніе заставить молчать дурановъ вашихъ сосѣдей, но боялся (я лгалъ даже въ самую важную для меня минуту жизни: какъ глубоко сидитъ въ насъ привычка лгать!) — чтобъ вы не сочли мое предложеніе вынужденнымъ.... Я.... я хочу жениться на васъ!

Произнеся эту страшную для всякаго мужчины фразу, я такъ оробѣлъ, что мнѣ даже пришли на память снова многія подозрѣнія моего пріятеля на счетъ Ѳеклуши. Меня удивило молчаніе Ѳеклуши и еще болѣе спокойствіе, съ какимъ глаза ея были устремлены на поплавокъ, колыхавшійся на водѣ.

— Что же вы молчите? спросилъ я обиженнымъ голосомъ.

— Что же мнѣ отвѣчать на шутку?

— Какъ шутка! воскликнулъ я съ жаромъ и забывъ свою заученную роль, старался показать искренность моихъ чувствъ и словъ.

Ѳеклуша наконецъ прервала меня и очень серьёзно сказала:

— Если все это не шутка и вы твердо рѣшились жениться, то я вамъ скажу прямо: замужъ я не пойду!

— Значитъ вы любите кого нибудь другаго. Неужели Иванъ....

Ѳеклуша не позволила мнѣ выговорить все имя моего пріятеля и сдѣлала знакъ рукой, чтобъ я замолчалъ. Въ ея взглядѣ я замѣтилъ сильное презрѣніе, но оно скоро исчезло и она твердымъ голосомъ произнесла:

— Я ни за кого не пойду замужъ, никогда, никогда!

Послѣднія слова рѣзко раздались по рѣкѣ.

Я вздрогнулъ и спросилъ о причинѣ такого рѣшенія.

Ѳеклуша съ грустью отвѣчала:

— Я была еще ребенкомъ, какъ моя сестра страдала и умерла. Я тогда же дала слово никогда не быть ни чьей невѣстой.

— Но это ребячество! воскликнулъ я.

— Можетъ быть, но до сихъ поръ я не измѣняла себѣ.

— Неужели вамъ никто не нравится изъ мужчинъ? вы не дитя, горячась замѣтилъ я.

— Я такъ мало вижу ихъ, а тѣхъ мужчинъ, которыхъ я знала....

Ѳеклуша остановилась и продолжала весело:

— Оставимъ этотъ разговоръ, я не люблю вспоминать стараго!

— Нѣтъ, я хочу знать одно. Вы равно всѣхъ презираете?

Я едва могъ вѣрить своимъ ушамъ, что получилъ отказъ.

Ѳеклуша необыкновенно мягко и нѣжно произнесла:

— Я никого не люблю!

Я убѣжалъ отъ Ѳеклуши; слезы приступили къ моимъ глазамъ. Не знаю, отчего я плакалъ: отъ угрызенія ли совѣсти, что и я былъ участникомъ тѣхъ жестокихъ оскорбленій дѣвушкѣ, которыя, можетъ быть, навсегда лишили ее всей поэзіи жизни, или отъ болѣе естественной причины, отъ глубоко уязвленнаго самолюбія? Я долго не могъ опомниться. Мнѣ казалось невозможнымъ такое равнодушіе

дѣвушки къ моимъ жертвамъ. Я страдалъ, готовился такъ долго, думалъ найти искреннюю благодарность и безумную радость.... И что же? презрѣніе мнѣ было наградой за все. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы слова Ѳеклуши были искренни Я думалъ, что ея гордость жаждала мести, насытилась, и теперь, черезъ нѣсколько дней, Ѳеклуша сама дастъ мнѣ замѣтить, что оцѣнила и взвѣсила всю важность и благородство моего поступка....

Когда я вернулся домой, мой пріятель встрѣтилъ меня съ такой печальной миной, что, я увѣренъ, не болѣе печально встрѣтилъ бы онъ мой холодный трупъ. Въ его голосѣ и движеніяхъ замѣчалась грустная покорность судьбѣ, противъ которой человѣкъ сознаетъ все свое ничтожество.

Я былъ такъ раздраженъ, что на его плаксивое поздравленіе отвѣчалъ бранью. Онъ ни слова не произнесъ, а только тяжело вздохнулъ. Но когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло, то кинулся радостно обнимать меня и къ нему возвратилась тотчасъ способность говорить чушь. Я снова обругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ и на зло ему, Щеткинымъ и всѣмъ сосѣдямъ далъ себѣ слово возобновить свое предложеніе и возобновить — гласно! Для этого я избралъ посредникомъ одного помѣщика, страшнагѣ сплетника, который пораженъ былъ моимъ намѣреніемъ и все твердилъ:

— Вотъ счастье-то людямъ! да они одурѣютъ отъ радости!

И забывъ, что очень часто доставлялъ моему пріятелю сплетни объ Ѳеклушѣ, онъ принялся выхвалять ее мнѣ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Меня самого поразило спокойствіе, съ какимъ выслушали старички Зябликовы мое предложеніе. Или они знали рѣшеніе своей дочери? но этому противорѣчило ихъ удивленіе, когда была призвана она и они услышали отказъ ея.

Итакъ, я вторично выслушалъ отказъ.

— Что дѣлать, батюшка, не судьба намъ съ вами породниться! Благодаримъ за честь! сказалъ Зябликовъ, пожимая мнѣ руку.

Старушка, казалось, такъ была удивлена отказомъ своей дочери, что не нашлась мнѣ ничего сказать, какъ только вздохнувъ тяжело произнесла:

— На все воля Божья!

Θеклуша удалилась тотчасъ, какъ объявила свое рѣшеніе. Я побрелъ въ садъ, чтобъ проститься съ нимъ навсегда. Въ одной изъ его аллей меня догнала Федосья, бухнулась мнѣ въ ноги и отъ волненія и слезъ могла только повторять:

— Господи! Господи!

Я велѣлъ ей встать.

— Спасибо, спасибо! теперь ее не посмѣютъ обижать, вытирая слезы и улыбаясь въ тоже время, сказала Федосья и стала ловить мою руку, чтобъ поцаловать.

Защищаясь отъ этого выраженія радости, я сказалъ:

— Да твоя барышня не хочетъ, чтобъ я былъ ея мужемъ, она мнѣ отказала.

Федосья вздрогнула и какъ ошеломленная вытаращила на меня свои глаза. Я продолжалъ нетвердымъ голосомъ:

— Скажи своей барышнѣ, что я болѣе не увижу ее, но всегда буду помнить объ ней. Скажи....

Я былъ еще тогда молодъ, господа, и потому очень извинительно, что не могъ продолжать говорить, слезы мнѣ помѣшали.

Федосья вытерла передникомъ потъ, выступившій на рябомъ и поблѣднѣвшемъ лицѣ и глухимъ голосомъ спросила меня:

— Такъ таки и сказала: не хочу замужъ?...

Я кивнулъ головой.

Федосья злобно усмѣхнулась и съ упрекомъ смотря на меня, произнесла сквозь зубы:

— Знать повернули ей все сердце злые языки!

И она низко поклонилась мнѣ, пошла по аллеѣ, плача и бранясь въ одно и тоже время....

Въ этотъ же день я разстался съ моимъ пріятелемъ. Изъ гостинницы П.... я написалъ Зябликовымъ письмо, въ которое вложилъ другое — къ Θеклушѣ. Черновое къ старикамъ я нарочно оставилъ въ нумерѣ на столѣ. Въ немъ я сожалѣлъ, что не могъ породниться съ ними, получа отказъ отъ ихъ дочери, и порядочно обругалъ всѣхъ ихъ сосѣдей, распускавшихъ сплетни. Потомъ я узналъ, что мое письмо ходило по рукамъ въ губерніи, но все-таки не спасло Θеклушу отъ злословія; ея отказъ приписали Богъ знаетъ какимъ нелѣпостямъ.

Года черезъ три, я уже забылъ не только о существованіи моего пріятеля, но даже рѣдко вспоминалъ и о Ѳеклушѣ, которую оцѣнилъ еще болѣе, когда оставилъ ее. Я долженъ сознаться, что чувствовалъ теперь большую благодарность за ея отказъ. Какой я семьянинъ, когда хандрю страшно оттого, если поживу съ годъ на одномъ мѣстѣ и безъ ужаса не могу себѣ вообразить дѣтскаго писку и суетливости въ комнатахъ.

Мой пріятель изрѣдка писалъ ко мнѣ. Я могъ заключить по этимъ письмамъ, что онъ оставался все такимъ же нелѣпымъ человѣкомъ. Его обокралъ наглымъ образомъ управляющій нѣмецъ, выписанный имъ прямо изъ Германіи для улучшенія хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства; его обманывалъ староста; камердинеръ морочилъ его десять лѣтъ своей мнимой честностью и преданностью.

Но это все до сихъ поръ было только смѣшно.... Наконецъ получилъ я письмо, которое заставило меня искренно пожалѣть о бѣдномъ Иванѣ Андреичѣ. Вотъ его содержаніе:

«Зная твою лѣнь, я не сержусь на твое упорное молчанье. Но я хорошо увѣренъ въ твоей любви ко мнѣ и искренномъ участіи во всемъ, что до меня касается. (Вотъ и ошибся). Я считаю обязанностью увѣдомить тебя о перемѣнѣ моей судьбы. Я женатъ! Въ выборѣ жены я былъ остороженъ. Не мѣсяцъ, не годъ, я зналъ ту, которую избрало мое сердце. Я изучилъ до мелочей ея характеръ. Сознаюсь, что когда мнѣ пришла мысль жениться, то я употребилъ разныя хитрости для испытанія ея свойствъ и увидѣлъ несомнѣнные залоги семейнаго счастья. Кротость ея характера рѣдкая, воспитаніе она получила отличное и направлена къ тому, чтобы быть хорошей женой. Привязанность ея ко мнѣ тоже не одно разгоряченное воображеніе дѣвушки, жаждущей перемѣны своего положенія. Нѣтъ, она доказала мнѣ ее на фактахъ. Вотъ тебѣ примѣръ. Когда она была въ Петербургѣ, то за нее сватался генералъ, богатый и изъ высшаго круга, но она отказала ему. Другіе еще были женихи. Никто не зналъ причины ея отказовъ и когда я сдѣлался ея женихомъ, все уже открылось. А какъ запала мнѣ мысль жениться на этой дѣвушкѣ, которую я видѣлъ почти всякій день, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и не замѣчалъ ея любви ко мнѣ? Очень странный случай! Я знаю, ты не вѣришь въ предсказанія, но почему же такъ случилось? Въ П.... появилась

гадальщица, которая заочно предсказывала, если только ей принесутъ волосы того человѣка, который желаетъ узнать свое будущее. Анна Егоровна ѣхала въ П.... и попросила у меня волосъ моихъ, чтобъ спросить гадальщицу обо мнѣ. Она, т. е. гадальщица, изволила мнѣ сказать, «что я близокъ счастья, но дурные люди омрачили меня и я его не вижу.» Я посмѣялся. Разъ мы тоже поѣхали въ городъ П.... и ужь на обратномъ пути домой, Щеткинъ (я былъ съ нимъ), предложилъ мнѣ заѣхать къ гадальщицѣ, жившей на выѣздѣ изъ города. Вотъ мы и вошли къ ней. Щеткинъ первый пошелъ гадать. Ну, право, то, что она ему говорила, никто не могъ знать, кромѣ его самого или очень близкихъ людей къ нему. Я спрашивалъ о себѣ. Она тоже мнѣ удивительныя вещи насказала. И подъ конецъ прибавила:

«— Ну, судьба твоя была горькая отъ людей, за то все скоро окончится для тебя.

«Мы поняли, что она предсказываетъ мнѣ смерть и Щеткинъ очень разсердился на гадальщицу, которая отозвалъ меня въ сторону, шепнула мнѣ:

«— Ты не далекъ отъ своей судьбы, есть особа, очень, очень о тебѣ думающая.

«Я засмѣялся.

«Гадальщица погрозила мнѣ и продолжала:

«— Хочешь, такъ испытай, правду ли я говорю?

«— Ну, хорошо, хочу! сказалъ я.

«— Смотри, запомни. Когда уйдешь отъ меня, то первая дѣвушка, которая встрѣтитъ тебя, она-то и есть.

«— Ну, если я встрѣчу крестьянку? спросилъ я, смѣясь....

«— Полно! полно! увидишь, что на ней розовое платье будетъ.

«Поговоривъ еще съ гадальщицей, мы уѣхали. Я даже забылъ о ея словахъ на счетъ своей судьбы, но пріѣхавъ къ Щеткинымъ, я увидѣлъ первую Жюли: сидитъ за рояломъ и въ розовомъ платьѣ! Съ этой минуты я сталъ наблюдать за ней, что же? открылъ тайну, которую она такъ долго скрывала отъ всѣхъ!... Я и тутъ не скоро поддался, ты знаешь, какъ я остороженъ. Но она доказала свою привязанность, оставшись на зиму съ отцемъ въ деревнѣ — и отказавъ, какъ я уже говорилъ, жениху; отецъ, не подозрѣвавшій ея любви

ко мнѣ, сталъ сердиться на нее и хотѣлъ было уже просить ея претендента въ деревню, чтобъ кончить дѣло, но тутъ я помѣшалъ неожиданнымъ своимъ предложенiемъ.

«Помню, ты нѣкогда очень не жаловалъ семейство Щеткиныхъ, но я понимаю, ты былъ ожесточенъ противъ всѣхъ, кто не былъ согласенъ съ тобой. Кстати о прошедшей твоей страсти, т. е. Ѳеклѣ Григорьевнѣ. Она вышла замужъ недавно и сдѣлала себѣ партiю приличную. Въ нашей губернiи появился землемѣръ, котораго принимали многiе помѣщики. Увѣряли, будто онъ говоритъ на трехъ языкахъ и очень уменъ и красивъ собой; но по правдѣ сказать, у насъ здѣсь всему нельзя вѣрить. Какъ новичка его и женили. Я было хотѣлъ предупредить его, послалъ пригласить его къ себѣ, будто хочу дать ему работу, а онъ изволилъ отказаться, да еще очень дерзко отзывался обо мнѣ въ одномъ домѣ. Разумѣется, ему хотѣлось сдѣлаться помѣщикомъ. Зябликовъ умеръ, а старуха живетъ съ дочерью. Преуморительная, говорятъ, была ихъ свадьба: обвѣнчались, никто даже не зналъ изъ сосѣдей; визитовъ никому не дѣлали, какъ важныя лица и насъ подняли страшно.

«Прощай, будь на столько любезенъ, что отвѣчай мнѣ на это письмо. Я очень желалъ бы видѣть тебя въ деревнѣ теперь. Ты бы порадовался, — я помирился съ женщинами.»

Увы! я скоро узналъ очень печальныя подробности о женитьбѣ Ивана Андреича, которыя, впрочемъ, предвидѣлъ.

Жюли, тщетно искавшая себѣ въ Петербургѣ мужа военнаго и молодаго, рѣшилась; за неимѣнiемъ другаго жениха, завлечь моего прiятеля. Разумѣется, все дѣлалось съ общаго согласiя отца и Анны Егоровны. Ухаживали, льстили страшно, пугали небывалыми женихами, но видя упорство своего сосѣда, начали употреблять болѣе сильныя средства: повезли его къ гадальщицѣ, подучивъ ее заранѣе. Жюли осталась на зиму съ отцомъ въ деревнѣ, и разсыпалась мелкимъ бѣсомъ передъ моимъ прiятелемъ, которому заронили мысль о женидьбѣ. Однимъ словомъ, много времени и труда потратили, за то поймали дикаго звѣря.

Капитала, положеннаго на каждую дочь въ ломбардъ, о чемъ часто упоминалъ г. Щеткинъ въ мое пребыванiе, не оказалось. За то прiятель мой долженъ былъ заплатить въ

первый же годъ супружества въ Опекунскій Совѣтъ проценты за деревню своего тестя.

Когда я узналъ, что мой пріятель намѣренъ переселиться на житье въ Петербургъ, я отъ души желалъ ему сдѣлаться простякомъ, бросить свою дальновидность и не видать, что будетъ дѣлаться у него подъ носомъ!

Я видѣлъ ихъ въ Петербургѣ.

Жюли все также была затянута въ корсетъ, цвѣтъ лица ея еще сталъ ярче, а лобъ, покрывавшійся морщинами, еще сильнѣе лоснился. Она очень часто нѣжничала со своимъ мужемъ, не стѣсняясь никѣмъ, и въ тоже время кокетничала передъ какимъ-то юнкеромъ, годившимся ей въ сыновья.

Черезъ годъ Жюли очень разстроила свое здоровье и мой пріятель долженъ былъ вести ее лечиться заграницу. Вскорѣ по возвращеніи, онъ отправился жить въ деревню, а Жюли постоянно оставалась въ Петербургѣ, будто бы для излеченія какой-то серьёзной болѣзни, не мѣшавшей ей, однако же, зимой танцовать на различныхъ балахъ....

Н. С.

1853.

ТЯЖЕЛЫЯ ВРЕМЕНА.

РОМАНЪ

Ч. ДИККЕНСА.

Окончаніе.

ГЛАВА XXXI.

РѢШЕНІЕ.

Неутомимая мистриссъ Спарситъ, не обращая вниманія на сильную простуду, отъ которой ея голосъ обратился въ шопотъ, и ея статная грудь до того потрясалась безпрерывнымъ чиханьемъ, что грозила, по видимому, надрывомъ органовъ, пустилась въ погоню за своимъ патрономъ и гналась пока не настигла его въ столицѣ. Тамъ величаво явилась она передъ нимъ въ его отелѣ, на улицѣ Сентъ-Джемсъ, приложила фитиль къ зажигательнымъ снарядамъ, которыми была заряжена, и разразилась. Исполнивъ долгъ свой съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ, эта превосходная и великодушная женщина, лишилась чувствъ и упала на воротникъ мистера Бондерби.

Первымъ дѣломъ мистера Бондерби было стряхнуть съ себя мистриссъ Спарситъ, и предоставить ей полную свободу пройти всѣ степени страданія на полу. Потомъ онъ прибѣгнулъ къ сильнымъ возбуждающимъ средствамъ; какъ-то:

вертѣлъ пальцы своей паціентки, щипалъ ей руки, обильно поливалъ водой лицо, и усердно подносилъ къ носу флаконъ съ летучими спиртами. Когда средства эти привели ее въ чувство (а привели они чрезвычайно быстро), мистеръ Бондерби, не предложивъ никакого другого подкрѣпленія, втолкнулъ ее въ вагонъ и привезъ въ Кокстоунъ скорѣе мертвую, чѣмъ живую.

Если смотрѣть на мистриссъ Спарситъ, какъ па классическую руину, то, по прибытіи въ Кокстоунъ, она представляла собою весьма любопытное зрѣлище; но съ другой точки зрѣнія, перенесенныя ею страданія были чрезмѣрны и вызывали невольное удивленіе. Несмотря ни на наружный, ни на внутренній безпорядокъ своей спутницы, и совершенно равнодушный къ ея убѣдительнымъ чиханьямъ, мистеръ Бондерби нисколько не медля втискалъ ее въ карету и примчался съ ней въ Каменный Пріютъ.

— Ну, Томъ Градгрэиндъ, сказалъ Бондерби, врываясь въ кабинетъ своего тестя поздно вечеромъ: — вотъ эта лэди — мистриссъ Спарситъ, — ты вѣдь знаешь ее, сообщитъ тебѣ извѣстіе, отъ котораго ты остолбенѣешъ.

— Вѣрно мое письмо не дошло до тебя! воскликнулъ мистеръ Градгрэиндъ, изумленный такимъ внезапнымъ появленіемъ.

— Дошло ли ваше письмо до меня, сэръ! проревѣлъ Бондерби. — Теперь не время толковать о письмахъ. Никто не долженъ говорить Джозіѣ Бондерби о письмахъ, когда онъ находится въ такомъ положеніи, какъ теперь.

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ, убѣдительнымъ тономъ: — я говорю о письмѣ особенной важности, и которое касается Луизы.

— Томъ Градгрэиндъ, отвѣчалъ Бондерби, нѣсколько разъ ударяя по столу ладонью: — я самъ говорю объ извѣстіи особенной важности, которое также касается Луизы. Мистриссъ Спарситъ, ма'мъ, выдвиньтесь впередъ!

При этомъ несчастная лэди, употребляя всевозможныя усилія сообщить извѣстіе, безъ звуковъ голоса, и съ болѣзненными жестами, краснорѣчиво говорившими о воспаленномъ состояніи горла, представляла собою такую жалкую фигуру, что мистеръ Бондерби, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ ее за руку и потрясъ весь ея организмъ.

— Если вы, ма'мъ, не въ состояніи говорить, сказалъ онъ: — то я самъ объясню въ чемъ дѣло. Теперь не время для лэди, какъ бы ни было высоко ея происхожденіе, теперь не время для нее быть совершенно безсловесною и кривляться, какъ будто глотая камни. Томъ Градгрэиндъ, эта лэди случайно очутилась въ такомъ положеніи, въ которомъ до слуха ея долетѣлъ изъ-за дверей разговоръ между вашей дочерью, и вашимъ драгоцѣннымъ джентльменомъ-другомъ мистеромъ Гартгаузомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Да! въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Бондерби. — И въ этомъ разговорѣ....

— Нѣтъ никакой необходимости, Бондерби, повторять его содержаніе. Я знаю все.

— Ты знаешь все! сказалъ Бондерби, выпучивъ глаза на своего спокойнаго и ничѣмъ невозмутимаго тестя. — Значитъ, ты знаешь также, гдѣ она теперь находится?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Она здѣсь.

— Здѣсь?

— Любезный мой Бондерби, во всякомъ случаѣ, позволь мнѣ попросить тебя воздержаться отъ такихъ громкихъ восклицаній. Лишь только представилась ей возможность отстранить себя отъ свиданія съ человѣкомъ, о которомъ ты говоришь, и котораго, къ моему крайнему сожалѣнію, я ввелъ къ тебѣ въ домъ, Луиза поспѣшила сюда, искать моей защиты. Прошло нѣсколько часовъ послѣ моего пріѣзда сюда, когда я принялъ ее — здѣсь, въ этой самой комнатѣ. Она пріѣхала въ городъ на послѣднемъ поѣздѣ, прибѣжала въ этотъ домъ подъ страшной грозой, и явилась передо мной почти помѣшанная. Разумѣется, я ее оставилъ здѣсь. Умоляю тебя, для собственнаго твоего и для ея спокойствія, быть потише.

Мистеръ Бондерби молча посмотрѣлъ по всѣмъ направленіямъ, кромѣ того, гдѣ стояла мистриссъ Спарситъ, и потомъ вдругъ обратясь къ племянницѣ лэди Скэджерсъ, сказалъ этой несчастной:

— Послушайте, ма'мъ! Вы доставите намъ удовольствіе, сказавъ нѣсколько словъ въ оправданіе вашего поступка. Вы пріѣхали въ Лондонъ, да еще на экстренномъ поѣздѣ, съ пустыми сплетнями, вмѣсто багажа.

— Сэръ, прошептала мистриссъ Спарситъ: — стараясь оказать вамъ услугу, я до такой степени разстроила свои нервы и здоровье, что мнѣ больше ничего не остается, какъ только искать облегченія въ слезахъ.

И она заплакала.

— Очень хорошо, ма'мъ, сказалъ мистеръ Бондерби: — не дѣлая другаго замѣчанія, неприличнаго для женщины хорошей фамиліи, я долженъ, однако же, прибавить къ вашимъ словамъ, что облегченіе вы можете сыскать не въ однихъ слезахъ, но и въ другомъ еще, и именно въ каретѣ. А какъ карета, въ которой мы пріѣхали сюда, стоитъ у подъѣзда, то позвольте проводить васъ до нее и отправить въ банкъ, гдѣ совѣтую вамъ за лучшее поставить ноги въ самую горячую воду, передъ сномъ выпить рюмку хорошаго рому и вытерѣться масломъ.

Съ этими словами, мистеръ Бондерби протянулъ правую руку къ рыдающей лэди, проводилъ ее съ лѣстницы, и вскорѣ воротился одинъ.

— По лицу твоему, Томъ Градгрэиндъ, я замѣтилъ, что ты хочешъ со мной поговорить, сказалъ онъ: — и вотъ я здѣсь. Но, откровенно тебѣ сказать, я теперь не въ весьма хорошемъ расположеніи духа; во первыхъ потому, что мнѣ не нравится это происшествіе, а во вторыхъ, я очень хорошо понимаю, что твоя дочь никогда не оказывала мнѣ почтительности и покорности, какія должна бы оказывать Джозіѣ Бондерби изъ Коксточна его жена. Смѣю сказать, ты имѣешь свои понятія, а у меня есть свои. Если ты намѣренъ сегодня сказать мнѣ что нибудь такое, что не согласуется съ этимъ чистосердечнымъ замѣчаніемъ, то лучше оставь это до другаго раза.

Надобно замѣтить, что мистеръ Бондерби, усматривая въ тестѣ своемъ нѣкоторую мягкость, старался быть какъ можно черствѣе и суровѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Такова уже была его милая натура.

— Любезный мой Бондерби, началъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Ну, ужь извините меня, прервалъ Бондерби: — я вовсе не имѣю желанія быть любезнымъ. Это слово пугаетъ меня. Когда кто нибудь начнетъ называть меня любезнымъ, то я обыкновенно вижу въ этомъ намѣреніе взять верхъ надо

мной. Я говорю съ тобой безъ церемоній, вѣдь ты знаешь, что я человѣкъ простой. Если тебѣ нравится любезность, то ты знаешь гдѣ искать ее. У тебя есть друзья-джентльмены и они снабдятъ тебя этимъ товаромъ сколько твоей душѣ угодно. А у меня этого не водится.

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ убѣдительнымъ тономъ: — мы всѣ склонны дѣлать ошибки....

— А я думалъ, что ты никогда не могъ ихъ дѣлать, прервалъ Бондерби.

— Быть можетъ, я и самъ также думалъ. Но, я опять говорю, что всѣ мы склонны дѣлать ошибки; и право я бы гораздо лучше понималъ твою деликатность, и былъ бы за нее признателенъ, еслибъ ты избавилъ меня отъ этихъ намековъ на Гартгауза. Въ этомъ разговорѣ я не буду упоминать о томъ, что онъ былъ съ тобой въ дружбѣ, и ты самъ старался поддержать это отношеніе; такъ пожалуйста неукоряй и меня этой дружбой.

— Я еще ни разу не произнесъ его имя! сказалъ Бондерби.

— И прекрасно! отвѣчалъ мистеръ Градгрэиндъ, съ видомъ терпѣнія и даже покорности, и на нѣкоторое время оставался задумчивымъ.

— Бондерби, сказалъ онъ наконецъ: — я начинаю думать, что мы не вполнѣ понимали Луизу.

— Кого же ты разумѣешь подъ словомъ: *мы*?

— Ну хорошо, пускай *я* одинъ не вполнѣ понималъ Луизу, отвѣчалъ Градгрэиндъ, на грубый вопросъ. — Я сомнѣваюсь, что былъ непогрѣшителенъ въ методѣ ея воспитанія.

— Вотъ это такъ, возразилъ Бондерби. — Въ этомъ я согласенъ съ тобой. Наконецъ ты таки самъ убѣдился въ этомъ. Г'м! Воспитаніе! Я тебѣ скажу, что̀ значитъ воспитаніе: это — когда тебя вытолкнутъ изъ дому въ шею, и кромѣ колотушекъ, ничего не дадутъ на пропитаніе! Вотъ это я называю воспитаніемъ.

— Однако, здравый разсудокъ твой легко можетъ постичь, что каковы бы ни были достоинства этой системы, но ее трудно примѣнить къ воспитанію дѣвочекъ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ съ подобострастіемъ.

— Я не вижу тутъ никакого затрудненія, возразилъ упрямый Бондерби.

— Мы не станемъ входить въ подробности этого предмета, съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ мистеръ Градгрэиндъ. — Увѣряю тебя, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія противорѣчить. Я ищу средствъ къ поправленію зла, если только возможно отыскать ихъ; и надѣюсь, что ты, Бондерби, поможешь мнѣ, и нѣсколько одушевишь меня, потому что я сильно огорченъ и разстроенъ.

— Я все еще не понимаю тебя, сказалъ Бондерби, съ непреклоннымъ упрямствомъ: — и потому не даю никакого обѣщанія.

— Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, любезный Бондерби, продолжалъ мистеръ Градгрэиндъ тѣмъ же смиреннымъ и унылымъ тономъ: — я гораздо лучше познакомился съ характеромъ Луизы, чѣмъ въ теченіе многихъ предшествовавшихъ лѣтъ. Открытіе это сдѣлано не мною, но оно подѣйствовало на меня весьма сильно. Я думаю, Бондерби, тебя удивятъ мои слова, я думаю, — что въ Луизѣ есть качества, которыя.... которыя оставались въ жалкомъ пренебреженіи и были нѣсколько искажены. И, — я хотѣлъ сказать тебѣ, — если бы ты согласился съ моимъ желаніемъ предоставить ее на нѣкоторое время ея лучшей натурѣ и содѣйствовать развитію этой натуры любовію и нѣжнымъ участіемъ, — это послужило бы къ счастію всѣхъ насъ. Луиза (и мистеръ Градгрэиндъ закрылъ руками лицо) — была всегда моей любимой дочерью.

Услышавъ эти слова, бурливый Бондерби побагровѣлъ и надулся до такой степени, что казалось, съ нимъ будетъ ударъ. Однакожь онъ подавилъ свое негодованіе и сказалъ:

— Ты хочешь оставить ее здѣсь на нѣкоторое время?

— Я.... я хотѣлъ предложить тебѣ, любезный Бондерби, не позволишь ли ты погостить Луизѣ у меня, и воспользоваться нѣжнымъ попеченіемъ Сисси, — я разумѣю Цецилію Джюпъ, которая понимаетъ ее, и которой Луиза довѣряетъ все.

— Изъ всего этого я заключаю, Томъ Градгрэиндъ, сказалъ Бондерби, выпрямляясь во весь ростъ и запустивъ руки въ карманы: — изъ всего этого я узнаю твое мнѣніе, что Луиза Бондерби и я не пара другъ другу, что между нами, какъ говорится, существуетъ разладица.

— Я боюсь, что въ настоящее время существуетъ общая разладица между Луизой и.... и.... и почти всѣми отношеніями, въ которыя я ее поставилъ.

— Теперь, смотри сюда, Томъ Градгрэиндъ, сказалъ пылающій Бондерби, раздвинувъ до нельзя ноги, и еще глубже запустивъ руки въ карманъ, между тѣмъ какъ волоса его представляли собою скошенную траву, въ которой бушевалъ неистовый гнѣвъ мистера Бондерби.—Ты говорилъ довольно, теперь дай мнѣ поговорить. Я кокстоунецъ. Я Джозія Бондерби изъ Кокстоуна. Я знаю наперечетъ всѣ кирпичи этого города; я знаю какія работы производятся въ этомъ городѣ; я знаю всѣ фабричныя трубы этого города; я знаю чѣмъ пахнетъ дымъ этихъ трубъ, и знаю всѣхъ фабричныхъ въ городѣ. Я знаю всѣхъ до одного. Все это вмѣстѣ и отдѣльно имѣетъ свою дѣйствительность: это факты въ своемъ родѣ. Когда кто станетъ говорить мнѣ что нибудь о воображеніи, я всегда скажу тому человѣку кто онъ такое и что у него на умѣ. У него на умѣ черепашій супъ, фазаны на золотыхъ блюдахъ и карета шестерней. Это же самое на умѣ у твоей дочери: ей этого-то и хочется. Если ты такого мнѣнія, что она хочетъ имѣть это, то рекомендую тебѣ доставить ей. Отъ меня, Томъ Градгрэиндъ, она никогда этого не получитъ.

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ: —я надѣюсь, что послѣ моей убѣдительной просьбы, ты примешь совсѣмъ другой тонъ.

— Постой, подожди немного, возразилъ Бондерби: —ты высказалъ все, я полагаю. Я выслушалъ тебя, выслушай, пожалуйста, и ты меня. Не представляй собою олицетворенія несправедливости и непостоянства. Мнѣ хотя и прискорбно видѣть Тома Градгрэинда доведеннаго до такого положенія, въ какомъ онъ теперь находится, но вдвойнѣ было бы прискорбно увидѣть его униженіе. Слушай же. Ты далъ мнѣ понять, что между мной и твоей дочерью существуетъ разладица. Въ отвѣтъ на это, я *тебѣ* даю понять, что дѣйствительно между нами есть разладица, и разладица первой величины. Вотъ въ чемъ заключается она: твоя дочь не понимаетъ достоинствъ своего мужа, ей не внушено того понятія, какое бы слѣдовало внушить ей о чести, которою я удостоилъ ее, вступивъ съ ней въ бракъ. Кажется сказано ясно!

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ: — это несправедливо.

— Въ самомъ дѣлѣ? Пріятно слышать. Это вѣрно потому, что всѣ мои замѣчанія для Тома Градгрэинда, при его новомъ взглядѣ на предметы, кажутся несправедливыми. А я съ своей стороны совершенно убѣжденъ, что они должны быть чертовски справедливы. Съ вашего позволенія я продолжаю. Ты знаешь мое происхожденіе; тебѣ извѣстно, что въ теченіе многихъ лѣтъ я не нуждался въ колодкѣ, потому что не имѣлъ сапоговъ. Но хочешь вѣрь мнѣ, хочешь нѣтъ, а есть лэди — высокородныя лэди, — принадлежащія къ хорошимъ фамиліямъ, да! — къ знатнымъ фамиліямъ! — которыя только что не обожаютъ землю, по которой я хожу.

Онъ выстрѣлилъ этимъ, какъ ракетой, въ голову своего тестя.

— Тогда какъ твоя дочь, продолжалъ Бондерби: — весьма далеко не природная лэди. Это ты самъ знаешь. Меня ни сколько не интересуютъ подобныя вещи; это ты также знаешь очень хорошо; но это фактъ, и тебѣ его не измѣнить. Какъ ты думаешь къ чему я это говорю?

— Ужь вѣрно не къ тому, чтобъ пощадить меня, отвѣчалъ Томъ Градгрэиндъ кроткимъ голосомъ.

— Такъ слушай же, сказалъ Бондерби: — и пожалуйста не прерывай, пока не наступитъ твоя очередь. Я говорю это къ тому, что поведеніе твоей дочери и ея безразсудство удивили нѣкоторыхъ лэди съ обширными и высокими связями. Мои страданія удивили ихъ. Теперь я самъ удивляюсь, и больше не хочу страдать.

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ, вставая: — мнѣ кажется, чѣмъ меньше будетъ сказано сегодня, тѣмъ лучше.

— Напротивъ, Томъ Градгрэиндъ, по моему, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Мнѣ хочется высказать то, что я хотѣлъ тебѣ сказать, и тогда, пожалуй можно кончить. Теперь я прихожу къ вопросу, который можетъ сократить нашъ разговоръ. Что ты думалъ сказать мнѣ, сдѣлавъ предложеніе на счетъ Луизы?

— Что я думалъ сказать?

— Да, на счетъ позволенія погостить ей у васъ, сказалъ Бондерби, потрясая головой.

— Я надѣялся миролюбивымъ образомъ убѣдить тебя въ необходимости дозволить Луизѣ провести нѣсколько дней въ спокойствіи и размышленіи, которыя могли бы привести ее къ постепенной и лучшей перемѣнѣ, во многихъ отношеніяхъ.

— Къ разсѣянію твоихъ идей касательно нашей разладицы? сказалъ Бондерби.

— Да; если вы хотите употребить это выраженіе.

— Скажи, что̀ тебя заставило подумать объ этомъ?

— Я уже сказалъ, что мы не поняли Луизы, какъ бы ее слѣдовало понять. Неужели Бондерби, мое требованіе слишкомъ чрезмѣрно, если я прошу тебя, какъ старшаго ея лѣтами, помочь мнѣ поставить ее на прямую дорогу? Ты принялъ на себя все попеченіе объ ней, ты далъ въ этомъ клятву передъ олтаремъ, и....

Мистеръ Бондерби могъ бы быть раздосадованъ повтореніемъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ Стефену Блэкпулю, но вмѣсто того онъ только прервалъ своего тестя, внезапно соскочивъ со стула.

— Перестань, перестань! сказалъ онъ: — мнѣ нечего говорить объ этомъ. Я также хорошо знаю за кого я ее считаю, какъ и ты. Тебѣ нечего и безпокоиться объ этомъ; это мое дѣло.

— Я только хотѣлъ замѣтить, Бондерби, что мы всѣ болѣе или менѣе склонны ошибаться, неисключая даже и тебя и что нѣкоторая уступка съ твоей стороны, могла бы оказаться не только дѣломъ прямой любви, но и справедливымъ долгомъ въ отношеніи къ Луизѣ.

— Я думаю совсѣмъ иначе, сердито отвѣчалъ Бондерби. Я намѣренъ окончить это дѣло согласно съ моими понятіями. Я не хочу изъ-за этого заводить съ тобой ссору. Сказать тебѣ правду, ссориться изъ за этого, по моему мнѣнію, было бы недостойно моей репутаціи. Что касается до твоего джентльмена-друга, то онъ можетъ убраться отсюда куда хочетъ. Если онъ станетъ на моей дорогѣ, я ему выскажу, что̀ у меня на умѣ, а если не станетъ, такъ я ничего не скажу, потому что на этотъ вздоръ не стоитъ терять время. Что же касается до твоей дочери, которую я сдѣлалъ Луизой Бондерби, и могъ бы сдѣлать гораздо лучше, оставивъ ее Луизой Градгрэиндъ, если она завтра въ полдень не воротится

ко мнѣ, то я долженъ понимать, что она предпочитаетъ оставаться здѣсь; тогда я пришлю сюда все ея имущество, а ты примешь на себя обязанность печься объ ней. Все, что я стану говорить другимъ на счетъ нашей размолвки, будетъ заключаться въ слѣдующихъ словахъ: — я, Джозія Бондерби, получилъ свое особенное воспитаніе; она, дочь Тома Градгрэинда, получила также свое особенное воспитаніе; и что такія двѣ лошади не станутъ тянуть дружно. Я всѣмъ извѣстенъ за человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и большая часть народа пойметъ довольно скоро, что та женщина, которая могла бы пробѣжать со мной вмѣстѣ длинную дорогу, также выходитъ изъ числа обыкновенныхъ.

— Бондерби, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ: — прежде, чѣмъ ты рѣшишься сдѣлать это, я серьёзно умоляю тебя подумать о такой рѣшимости.

— Я человѣкъ рѣшительный, сказалъ Бондерби, надѣвая шляпу: — и что бы я ни задумалъ сдѣлать, дѣлаю разомъ. Меня бы крайне изумило такое замѣчаніе Тома Градгрэинда, еслибы онъ могъ изумить меня чѣмъ нибудь, послѣ того, какъ сдѣлался поборникомъ сантиментальнаго вздора. Я передалъ тебѣ мое рѣшеніе, и больше ничего не имѣю сказать. Спокойной ночи.

И мистеръ Бондерби отправился въ городъ. На другой день, спустя пять минутъ послѣ полудня, онъ приказалъ тщательно упаковать имущество мистриссъ Бондерби и отправить къ Тому Градгрэинду; объявилъ о продажѣ своего загороднаго дома. и снова началъ жить холостякомъ.

ГЛАВА XXXII.

ПРОПАЖА.

Покража въ банкѣ не оставалась безъ послѣдствій, и продолжала занимать первое мѣсто въ заботливости хозяина этого учрежденія. Для доказательства своей энергіи и дѣятельности, какъ свойственныхъ человѣку замѣчательному, человѣку проложившему себѣ широкую дорогу, коммерческому диву, удивительнѣе, чѣмъ сама Венера, потому что онъ вышелъ не изъ морской пѣны, а изъ грязи. Бондерби хотѣлъ показать, какъ

мало домашнія дѣла его убавляли рвенія къ дѣламъ коммерческимъ. Вслѣдствіе этого, въ теченіе первыхъ недѣль его одиночества, онъ даже усилилъ свое обыкновенное расположеніе шумѣть и хлопотать, и съ каждымъ днемъ до того углублялся въ изслѣдованія покражи, что чиновники, въ рукахъ которыхъ было это дѣло, мысленно проклинали вора и почти желали, чтобъ этой покражи никогда не случалось.

Изслѣдованія эти были направлены ошибочно, и слѣдъ вора пропалъ. Хотя съ самаго начала этого событія они велись такъ спокойно, что весьма многіе начинали думать, что дѣло это какъ не подающее никакой надежды къ окончанію, оставлено безъ производства, но ничего новаго не открывалось. Никто изъ подозрѣваемыхъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ прямому обвиненію. И что всего замѣчательнѣе, о Стефенѣ Блэкпулѣ не было ни слуху ни духу, и таинственная старушка оставалась по прежнему загадкой.

Когда дѣло дошло до этого положенія, и не показывало ни малѣйшихъ признаковъ выдти изъ него, мистеръ Бондерби рѣшился сдѣлать смѣлый и окончательный шагъ. Онъ написалъ объявленіе, въ которомъ предлагалъ двадцать фунтовъ награды за поимку Стефена Блэкпуля, подозрѣваемаго въ покражѣ денегъ изъ кокстоунскаго банка, вечеромъ, такого-то числа; онъ во всѣхъ подробностяхъ описалъ одежду Стефена, его лицо, ростъ и особые примѣты; прибавилъ когда и какъ оставилъ онъ городъ, и по какой дорогѣ видѣли его идущимъ. Все это Бондерби напечаталъ огромными буквами на огромныхъ листахъ, и въ глубокую полночь приказалъ прибить эти объявленія на стѣнахъ, такъ чтобъ съ разсвѣтомъ они поразили зрѣніе всего кокстоунскаго населенія въ одинъ моментъ.

Фабричные колокола должны были вызванивать самыя высокія и громкія ноты, чтобъ разсѣять группы рабочихъ, которые на разсвѣтѣ пасмурнаго дня столпились вокругъ прибитыхъ объявленій, пожирая ихъ жадными глазами. Самые жадные глаза были тѣхъ, кто не умѣлъ читать. Эти люди, слушая голосъ читающаго въ слухъ пріятеля, — а такіе пріятели во всякое время готовы были къ ихъ услугамъ, — выпуча глаза съ какимъ-то страхомъ смотрѣли на гигантскія буквы. Это могло бы казаться забавнымъ, еслибъ невѣжество не выражало вмѣстѣ съ тѣмъ ожиданія угрожающихъ бѣд-

ствій. Въ теченіе многихъ часовъ, среди нескончаемаго шума, стука и визга станковъ, веретенъ и колесъ, эти прибитыя объявленія не выходили изъ многихъ глазъ, и содержаніе ихъ продолжало звучать во многихъ ушахъ; и когда фабричные снова высыпали на улицы, передъ грозными листами бумаги по прежнему толпилось множество читателей.

По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, Слэкбриджъ очутился въ Кокстоунѣ и въ этотъ вечеръ назначилъ митингъ. Онъ пріобрѣлъ отъ типографщика чистенькій экземпляръ объявленія и принесъ его въ карманѣ.

— О, мои други и соотечественники! говорилъ онъ. О, мои собраты и сограждане! — Чтó вы скажете на счетъ этого адскаго документа?

И вынувъ изъ кармана объявленіе, онъ развернулъ его и выставилъ на видъ всему собранію. — О, мои товарищи по ремеслу! посмотрите какой измѣнникъ обрѣтался въ лагерѣ тѣхъ великихъ сподвижниковъ на поприще труда, лишеній и заботъ, имена которыхъ внесены въ священные списки правосудія и братскаго согласія! О, мои братья, и не долженъ ли я, какъ мужчина, прибавить, — мои сестры! чтó вы скажете, *теперь*, о Стефенѣ Блэкпулѣ съ его сутуловатыми плечами, — пяти футъ и семи дюймовъ ростомъ, какъ значится въ этомъ унизительномъ и отвратительномъ документѣ, въ этомъ безчестномъ и гнусномъ объявленіи? — О! я знаю, я вижу, съ какимъ бы удовольствіемъ вы раздавили вампира, нанесшаго этотъ позоръ, это пятно на созданныхъ по образу и подобію Божію людей, которые къ счастію навсегда изгнали его изъ своей среды! Да, мои соотечественники, я могу сказать, что вы изгнали его къ счастію! Вы помните, какъ онъ стоялъ здѣсь передъ вами на этой платформѣ; вы помните, какъ я, грудь съ грудью и лицомъ къ лицу, — отражалъ всѣ его увертки; вы помните, какъ онъ вертѣлся, отбивался, отступалъ, пока ему ни на волосъ не оставалось болѣе мѣста, на которомъ бы могъ онъ удержаться; тогда я нанесъ ему окончательный ударъ, и обратилъ его въ бѣгство! — И теперь, мои други, которыхъ жесткое, но честное ложе, которыхъ скудная, но независимая трапеза пріобрѣтены тяжкими трудами, — скажите теперь, какое названіе долженъ принять на себя этотъ подлый трусъ, когда маска сорвана съ его лица, и онъ стоитъ передъ нами во всемъ своемъ безобразіи?—

Сказать ли вамъ какое? — Названіе вора! грабителя! — Бѣглеца, котораго голова оцѣнена! Заразы! Язвы! — Вслѣдствіе этого, мои товарищи, соединенные священными узами братства, къ которымъ ваши дѣти и дѣтей вашихъ дѣти еще нерожденные простираютъ свои младенческія руки и сердца, я объявляю вамъ отъ Соединеннаго Трибунала, всегда пекущагося о вашемъ благоденствіи, всегда ревностно защищающаго ваши выгоды, что этимъ митингомъ рѣшается слѣдующее: что Стефенъ Блэкпуль, ткачь, на котораго ссылаются въ этомъ объявленіи, уже торжественно исключенъ изъ общества кокстоунскихъ фабричныхъ, а потому фабричные освобождаются отъ позора его преступленій, и отъ упрековъ за его безчестные поступки!

Слэкбриджъ кончилъ. Нѣсколько громкихъ голосовъ воскликнули:

— Нѣтъ, неправда!

И, человѣкъ сорокъ подхватили это восклицаніе возгласомъ:

— Вниманіе, вниманіе!

А одинъ изъ нихъ присовокупилъ:

— Слэкбриджъ! ты опять разгорячился; ты очень торопишься!

Но это были пигмеи, поставленные противъ многочисленной арміи, которая въ защиту Слэкбриджа прокричала громогласное:

— Ура!

Мужчины этого митинга и женщины находились еще на улицахъ, спокойно расходясь по домамъ, когда Сисси, отозванная за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ отъ Луизы, воротилась домой:

— Кто тебя вызывалъ, Сисси? спросила Луиза.

— Мистеръ Бондерби, отвѣчала Сисси, робко произнося это имя: — вашъ братъ, мистеръ Томъ, и еще какая-то молодая женщина, которая называетъ себя Рахилью, и говоритъ, что вы знаете ее.

— Что̀ имъ нужно, милая Сисси?

— Они хотятъ видѣться съ вами. Рахиль плачетъ и, кажется, очень раздражена.

— Батюшка, сказала Луиза, потому что при этихъ словахъ Сисси, онъ вошелъ въ комнату: — батюшка, я не могу отказать

имъ по причинѣ, которая объяснится сама собою. Должна ли я принять ихъ здѣсь?

Вмѣстѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ, Сисси вышла привести ихъ и немедленно появилась вмѣстѣ съ ними. Томъ вошелъ послѣднимъ, и остановился въ самомъ темномъ углу комнаты, подлѣ дверей.

— Мистриссъ Бондерби, сказалъ ея мужъ, входя съ холоднымъ поклономъ: — надѣюсь, я васъ не безпокою. Теперь, дѣйствительно, поздняя пора, но вотъ эта молодая женщина представила показанія, которыя дѣлаютъ мое посѣщеніе необходимымъ. ТомъГрадгрэиндъ, такъ какъ твой сынъ, Томъ, отказывается по какой-то странной причинѣ пояснить эти показанія, то я принужденъ поставить эту женщину на очную ставку съ твоей дочерью.

— Молодая лэди, вы видали меня прежде? сказала Рахиль, становясь передъ Луизой.

Томъ закашлялъ.

— Вы видали меня прежде? повторила Рахиль, не получая отвѣта.

Томъ снова закашлялъ.

— Да; я тебя видѣла.

Рахиль гордо бросила глаза свои на Бондерби, и сказала:

— Неугодно ли вамъ объявить, молодая лэди, гдѣ вы меня видѣли, и кто находился при этомъ свиданіи.

— Я заходила въ домъ, гдѣ квартировалъ Стефенъ Блэкпуль, въ тотъ вечеръ, когда ему отказали отъ работы, и тамъ я увидѣла тебя. Стефенъ также былъ тамъ, и еще какая-то старушка, которая не говорила со мной, и которую я съ трудомъ могла видѣть, потому что она стояла въ темномъ углу. Со мной былъ братъ.

— Почему ты мнѣ не сказалъ этого, молодой Томъ? спросилъ Бондерби.

— Я обѣщалъ сестрѣ не говорить!

Луиза торопливо подтвердила эти слова.

— И кромѣ того, сказалъ Волчонокъ съ горячностью: — она говоритъ такъ хорошо и такъ подробно, что я счелъ за лучшее молчать.

— Сдѣлайте одолженіе, молодая лэди, продолжала Рахиль: — скажите зачѣмъ въ этотъ недобрый часъ, вы приходили къ Стефену?

— Я чувствовала сострадание къ нему, сказала Луиза, и румянецъ ея усилился: — я хотѣла узнать что онъ былъ намѣренъ дѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ему помощь.

— Благодарю васъ, ма'мъ, сказалъ Бондерби. — Это въ высшей степени лестно и обязательно.

— Предлагали ли вы ему ассигнацію? спросила Рахиль.

— Да; но онъ отказался отъ нее и взялъ только два фунта стерлинга золотой монетой.

Рахиль опять устремила свой взглядъ на мистера Бондерби.

— О, конечно! сказалъ Бондерби. — Если ты спрашиваешъ меня справедливо ли твое забавное и невѣроятное показаніе, то я обязанъ отвѣтить, что оно подверждается.

— Молодая лэди, продолжала Рахиль: — Стефенъ Блэкпуль названъ теперь воромъ въ печатныхъ объявленіяхъ, по всему городу, и Богъ знаетъ еще гдѣ! Сегодня вечеромъ былъ митингъ, на которомъ говорили о немъ въ этомъ же позорномъ родѣ. О Стефенѣ! объ этомъ честномъ, вѣрномъ и превосходномъ человѣкѣ.

Ея негодованіе измѣнило ей, и она зарыдала.

— Я очень, очень сожалѣю, сказала Луиза.

— О, моя молодая лэди! возразила Рахиль: — можетъ быть вы сожалѣете, но я этого не знаю. Я не могу сказать, что бы вы могли сдѣлать и чего бы не могли! Люди вамъ подобные не знаютъ насъ; не заботятся о насъ, не принадлежатъ къ намъ. Я не знаю зачѣмъ вы приходили къ намъ въ тотъ вечеръ. Я могу допустить только одно, что вы приходили съ какою нибудь особенною цѣлью, вовсе не думая какую бѣду накликали на этого несчастнаго человѣка. Я тогда же сказала: да благословитъ васъ небо за ваше посѣщеніе; и сказала это отъ чистаго сердца, потому что вы, казалось, дѣйствительно сожалѣли о немъ; но теперь я ничего незнаю, ничего!

Луиза не могла упрекать ее за несправедливыя подозрѣнія; она такъ вѣрна была своей идеѣ объ этомъ человѣкѣ и такъ сожалѣла о немъ.

— И когда подумаю, сказала Рахиль сквозь горькія слезы: — когда подумаю, что этотъ человѣкъ былъ такъ признателенъ, полагая, что вы сострадаете ему; когда вспомню, какъ онъ закрывалъ руками свое изнеможенное лицо, чтобъ скрыть слезы, вызванныя вашимъ великодушіемъ — о, тогда

мнѣ кажется, что вы быть можетъ сожалѣете и не имѣете дурной причины вашему сожалѣнію; но я не знаю, ничего не знаю!

— Ты я вижу славная штука, если вздумала придти сюда съ такими упреками! проворчалъ Волчонокъ, дѣлая безпокойное движеніе въ темномъ углу. — Тебя бы слѣдовало протурить отсюда, чтобъ ты знала какъ вести себя.

Рахиль не сказала на это ни слова. Только и былъ слышенъ одинъ тихій плачь, пока не заговорилъ мистеръ Бондерби.

— Послушай! сказалъ онъ: — ты знаешь зачѣмъ тебя привели сюда; такъ ты и помни свое дѣло, а не хныкай.

— Да, дѣйствительно, сказала Рахиль, отирая слезы: — мнѣ не слѣдуетъ здѣсь, и я не буду больше плакать. Молодая лэди, когда я прочитала то, что̀ напечатано о Стефенѣ, и въ чемъ столько же истины, сколько было бы ее, еслибъ напечатали тоже самое о васъ, я прямо пошла въ банкъ объявить, что я знаю гдѣ находится Стефенъ, и поручиться что онъ явится сюда черезъ два дни. Я не могла тамъ встрѣтиться съ мистеромъ Бондерби, тѣмъ болѣе что вашъ братецъ выгналъ меня вонъ; я пошла отыскивать васъ, но и васъ не нашла, и тогда отправилась работать. Вечеромъ, лишь только вышла изъ фабрики, я поспѣшила услышать что говорятъ о Стефенѣ — вѣдь я увѣрена, что онъ воротится опровергнуть эту клевету! и потомъ пошла опять отыскивать мистера Бондерби, отыскала его, разсказала ему все до словечка, что извѣстно мнѣ, — онъ ни слову не повѣрилъ и привелъ меня сюда.

— Покуда, все довольно справедливо, сказалъ мистеръ Бондерби, съ запущенными въ карманы руками и шляпой на головѣ: — но я знаю вашу братью давнымъ давно, ты замѣть это, — и знаю что вы любите посплетничать. Теперь же я совѣтую тебѣ лишняго не говорить, а дѣлать свое дѣло. Ты рѣшилась высказать что-то; такъ смотри же, все что̀ я могу сказать на этотъ счетъ, такъ это: высказывай.

— Я написала Стефену съ почтой, которая ушла сегодня послѣ обѣда, сказала Рахиль: — и онъ будетъ сюда не далѣе, какъ черезъ два дня.

— Такъ вотъ что я тебѣ скажу, возразилъ мистеръ Бондерби. Ты, быть можетъ не знаешь, что и за тобой отъ вре-

меня до времени присматриваютъ; ты не знаешь, что въ этомъ дѣлѣ и ты не совсѣмъ свободна отъ подозрѣнія, потому поводу, что о бо́льшей части людей судятъ по ихъ знакомству съ другими людьми. Въ этомъ случаѣ не забыта и почтовая контора. Я хочу сказать, что черезъ эту контору ни одного письма не отправлялось на имя Стефена Блэкпуля. Поэтому, куда дѣвались твои письма, я предоставляю догадываться тебѣ самой. Можетъ статься ты ошибаешься, и не писала ни одного письма.

— Не прошло недѣли, молодая лэди, послѣ его ухода отсюда, сказала Рахиль, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ Луизѣ: — какъ онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, что принужденъ былъ искать работы подъ чужимъ именемъ.

— О-го! вотъ оно что! вскричалъ Бондерби, свиснувъ и покачавъ головой. — Онъ перемѣнилъ свое имя! Это не слишкомъ хорошо для человѣка такой безукоризненной репутаціи! Подозрѣніе невольнымъ образомъ должно возродиться, когда невинный человѣкъ принимаетъ на себя чужія имена.

— Именемъ любви и состраданія къ человѣчеству, сказала Рахиль, на глазахъ которой снова навернулись слезы: — умоляю васъ, молодая лэди, скажите что́ же оставалось дѣлать несчастному человѣку? Съ одной стороны противъ него возстали фабриканты, съ другой — фабричные, въ то время когда онъ хотѣлъ только трудиться, честнымъ образомъ пріобрѣтать насущный хлѣбъ, и во всемъ поступать по совѣсти и справедливо. Неужели человѣкъ не можетъ имѣть ни своей собственной души, ни своего ума? Неужели онъ, угождая тѣмъ и другимъ, долженъ дѣйствовать безчестно, а въ противномъ случаѣ, неужели его должно преслѣдовать какъ зайца?

— Правда, правда! сказала Луиза: — я сожалѣю его отъ чистаго сердца, и надѣюсь, что онъ оправдается.

— Въ этомъ отношеніи, вамъ нечего за него бояться! Онъ внѣ всякой опасности!

— Тѣмъ болѣе внѣ всякой опасности, что ты не хочешь сказать гдѣ онъ находится? сказалъ мистеръ Бондерби. — Не такъ ли?

— Онъ воротится сюда, безъ моего посредничества, и безъ незаслуженнаго упрека, что́ его привели насильно. Онъ

воротится сюда добровольно, чтобъ оправдать себя, и смыть съ себя пятно позора. Я сообщила ему какія мѣры приняты противъ него, сказала Рахиль, отклоняя отъ себя всякое недовѣріе, какъ скала отбрасываетъ набѣгающія волны: — и онъ будетъ здѣсь не далѣе, какъ черезъ два дня.

— Несмотря на то, чѣмъ скорѣе мы поймаемъ его, тѣмъ скорѣе ему представится случай оправдаться, прибавилъ мистеръ Бондерби. — Противъ тебя, я ничего не имѣю сказать. Всѣ твои слова оказываются справедливыми; доказать ихъ справедливость я предоставилъ тебѣ средства; и теперь можно положить этому конецъ. Желаю вамъ всѣмъ спокойной ночи! Я долженъ ѣхать и еще немного поразсмотрѣть это дѣло.

При первомъ движеніи мистера Бондерби, Томъ выдвинулся изъ темнаго угла, приблизился къ своему патрону и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ. Единственнымъ прощальнымъ привѣтомъ, который онъ сердито произнесъ, были слова: «спокойной ночи, батюшка»! Сестрѣ своей онъ не сказалъ почти и слова, бросилъ на нее мрачный взглядъ и удалился.

Во все это время мистеръ Градгрэиндъ оставался безмолвнымъ.

— Рахиль, сказала Луиза кроткимъ голосомъ: — ты будешь имѣть ко мнѣ больше довѣрія, когда лучше узнаешь меня!

— Не въ моемъ характерѣ, ма'мъ, не имѣть довѣрія къ кому бы то ни было, отвѣчала Рахиль, смягчаясь болѣе и болѣе: — но когда мнѣ не вѣрятъ, когда никому изъ всѣхъ насъ бѣдняковъ не вѣрятъ, — я не могу переносить спокойно подобныя вещи. Я васъ прошу, простите меня, если чѣмъ нибудь оскорбила васъ. Я не думала о томъ, что я говорила. Но могла ли и могу ли я говорить иначе, зная до какой степени этотъ человѣкъ обиженъ.

— Написали ли вы Стефену? спросила Сисси: — что подозрѣніе падаетъ на него, потому что его видѣли, какъ онъ ходилъ въ тотъ вечеръ около банка? Онъ бы зналъ по крайней мѣрѣ, какія представить объясненія, и вообще былъ бы готовъ.

— О, да, моя милая, отвѣчалъ Рахиль: — но я до сихъ поръ не могу придумать, что бы такое могло привлечь его къ банку. Онъ не имѣлъ обыкновенія ходить туда. Это ему

совсѣмъ не по дорогѣ. Его дорога и моя одна и таже, и идетъ въ другую сторону.

Сисси уже стояла подлѣ нее и распрашивала, гдѣ она живетъ, и нельзя ли придти къ ней завтра вечеромъ, чтобъ узнать нѣтъ ли извѣстія о Стефенѣ.

— Я не думаю, сказала Рахиль: — что онъ придетъ завтра.

— Въ такомъ случаѣ я приду и послѣ завтра, сказала Сисси.

Когда Рахиль, согласившись на это, ушла, мистеръ Градгрэиндъ приподнялъ голову и сказалъ:

— Милая Луиза, сколько мнѣ помнится, я никогда не видѣлъ этого человѣка. Полагаешь ли ты, что онъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ?

— Прежде я полагала, батюшка, хотя и съ большимъ трудомъ, но теперь я этому не вѣрю.

— Ты хочешь сказать, что старалась повѣрить этому, потому что его подозрѣвали. Скажи мнѣ, какая его наружность, его манеры: замѣтна ли въ нихъ честность?

— Онъ показался мнѣ весьма честнымъ.

— Къ тому же увѣренность этой женщины непоколебима, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ, съ задумчивымъ видомъ. — Теперь я спрашиваю самаго себя: знаетъ ли объ этихъ обвиненіяхъ настоящій преступникъ? И гдѣ этотъ преступникъ? Кто онъ?

Волосы мистера Градгрэинда въ послѣднее время замѣтно начинали измѣнять свой цвѣтъ. Въ то время, какъ онъ снова склонился къ рукѣ, и казался сѣдымъ и старымъ, Луиза, съ выраженіемъ боязни и сожалѣнія торопливо подошла къ нему и сѣла съ нимъ рядомъ. Въ этотъ моментъ глаза ея случайно встрѣтились съ глазами Сисси. Сисси вспыхнула и испугалась. Луиза приложила къ губамъ палецъ.

На другой день вечеромъ, когда Сисси воротилась домой и сказала Луизѣ, что Стефенъ еще не пришелъ, она говорила это шопотомъ. На третій вечеръ, когда она сообщала тоже извѣстіе, и прибавила, что о Стефенѣ нѣтъ и слуха, она говорила тѣмъ же тихимъ и боязливымъ голосомъ. Съ той минуты, когда Луиза и Сисси обмѣнялись взорами, онѣ ни разу не произносили имени Стефена въ слухъ, ни разу не заводили объ немъ разговора, и когда мистеръ Градгрэиндъ говорилъ

о покражѣ, онѣ слушали его почти безъ всякаго вниманія.

Два назначенныхъ дня прошли; прошли три дня и три ночи, а Стефенъ Блэкпуль не являлся, и не давалъ о себѣ никакого извѣстія. На четвертый день, Рахиль, съ прежней увѣренностію, но съ мыслію, что письмо ея не дошло по назначенію, пришла въ банкъ, и показала письмо Стефена съ его адресомъ, по которому видно было, что онъ находился въ одной изъ множества фабричныхъ колоній, въ сторонѣ отъ большой дороги и въ шестидесяти миляхъ отъ Кокстоуна. Немедленно были посланы туда нарочные, и весь городъ съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго дня, въ который Стефенъ Блэкпуль долженъ былъ пріѣхать.

Во все это время Волчонокъ, какъ тѣнь, ни на шагъ не отставалъ отъ мистера Бондерби, помогая ему во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Онъ былъ сильно взволнованъ, находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, до крови кусалъ свои ногти: его губы приняли темный цвѣтъ и растрескались отъ внутренняго жара. Въ тотъ часъ, когда ждали прибытія подозрѣваемаго человѣка, Волчонокъ былъ уже на станціи желѣзной дороги, и предлагалъ пари, что Стефенъ Блэкпуль скрылся за долго до пріѣзда посланныхъ за нимъ, и что въ Кокстоунъ онъ не явится.

Волчонокъ былъ правъ. Посланные воротились одни. Они узнали, что Стефенъ получивъ письмо Рахили, немедленно скрылся; но куда! ни одна душа объ этомъ не знала. Въ Кокстоунѣ оставалось еще одно сомнѣніе: добросовѣстно ли Рахиль написала письмо свое, дѣйствительно ли она убѣждала его прибыть въ Кокстоунъ для своего оправданія, или быть можетъ совѣтовала ему бѣжать и скрыться? Мнѣнія по этому предмету были различны.

Шесть дней, семь дней прошло. Наступила другая недѣля; Волчонокъ началъ ободряться и становиться дерзкимъ:

— Неужели подозрѣваемый Стефенъ и дѣйствительно воръ? Любопытный вопросъ! Если нѣтъ, то гдѣ же онъ, и почему онъ не является въ Кокстоунъ?

Гдѣ онъ, и почему онъ не является въ Кокстоунъ! Въ глубинѣ ночи, эхо его собственныхъ словъ, которое въ теченіе дня раскатывалось Богъ знаетъ какъ далеко, снова возвращалось къ нему, и до утра звучало въ ушахъ его.

ГЛАВА XXXIII.

НАХОДКА.

Еще день и еще ночь уступили мѣсто другому дню и другой ночи, а Стефена Блэкпуля нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ же онъ, и почему онъ не является въ Кокстоунъ?

Каждый вечеръ Сисси отправлялась къ Рахили и сидѣла съ ней въ ея чистенькой комнатѣ. Весь день Рахиль трудилась надъ тяжелой работой, какъ должны трудиться подобные люди, несмотря на то, какія бы ни были ихъ душевныя тревоги. Дымовыя змѣи не безпокоились о томъ, кто пропалъ и кто нашелся, кто оказался хорошимъ человѣкомъ, и кто дурнымъ; меланхоличные слоны, какъ затверлѣлые фактическіе люди, ни на волосъ не отступали отъ своей рутины, что̀ бы вокругъ нихъ не происходило. Еще день и еще ночь, уступили мѣсто другому дню и другой ночи. Однообразіе ни чѣмъ не нарушалось. Даже исчезновеніе Стефена Блэкпуля вошло въ общую колею, и сдѣлалось такой же однообразной диковинкой, какъ и всякая отдѣльная машина въ Кокстоунѣ.

— Сомнѣваюсь, сказала Рахиль: — найдется ли во всемъ городѣ человѣкъ двадцать, которые увѣрены въ честности несчастнаго Стефена.

Она сказала это Сисси, въ то время, когда обѣ онѣ сидѣли въ квартирѣ Рахили, при свѣтѣ одинокого уличнаго фонаря. Сисси пришла туда, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и дождалась возвращенія Рахили съ работы. Съ тѣхъ поръ онѣ сидѣли у окна, гдѣ Рахиль застала ее, не нуждаясь въ томъ, чтобы болѣе яркій огонь освѣщалъ печальный ихъ разговоръ.

— Еслибъ, къ несчастію, я лишена была возможности побесѣдовать съ вами, продолжала Рахиль: — то мнѣ кажется, я сошла бы съума. Черезъ васъ я пріобрѣтаю надежду и силу; вѣдь вы вѣрите, что хотя показанія и противъ него, но онъ оправдаетъ себя?

— Я вѣрю этому отъ чистаго сердца, отвѣчала Сисси. При вашемъ убѣжденіи Рахиль въ его невинности, я до та-

кой степени увѣрена въ этомъ, какъ будто знала его въ теченіе многихъ лѣтъ его страданій, такъ же, какъ и вы его знали.

— А я, душа моя, сказала Рахиль дрожащимъ голосомъ: — я знала его во все это время, такимъ вѣрнымъ, честнымъ и добрымъ, что если объ немъ уже больше ничего не услышимъ, и если я доживу до ста лѣтъ, то и тогда при послѣднемъ издыханіи могла бы сказать тоже самое. Богъ видитъ мое сердце! Я никогда еще не сомнѣвалась въ честности Стефена Блэкпуля!

— Въ Каменномъ Пріютѣ мы всѣ до одного вѣримъ, что рано или поздно, но онъ будетъ освобожденъ отъ подозрѣній.

— Чѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ этомъ, сказала Рахиль: — тѣмъ болѣе я вижу великодушія въ томъ, что вы приходите ко мнѣ оттуда, нарочно за тѣмъ, чтобъ утѣшать меня, провести со мной время и показать другимъ, что вы не оставляете меня въ то время, когда я сама не совсѣмъ еще свободна отъ подозрѣній, тѣмъ болѣе я сожалѣю о томъ, что огорчила молодую лэди, высказавъ ей мое недовѣріе. И кромѣ того.....

— Но теперь, Рахиль, ты увѣрена въ ней?

— Да; съ тѣхъ поръ, какъ вы сблизили насъ другъ съ другомъ, я совершенно въ ней увѣрена. Но бываетъ время, когда я никакимъ образомъ не могу выкинуть изъ головы....

И голосъ Рахили до того затихъ, ея углубленіе въ самое себя до того усилилось, что Сисси, сидѣвшая подлѣ нее, принуждена была выслушивать ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Бываетъ время, когда я ни подъ какимъ видомъ не могу выкинуть изъ головы подозрѣнія къ человѣку, котораго сама не знаю. Я не могу придумать, кто этотъ человѣкъ, не могу придумать какимъ образомъ и зачѣмъ это могло быть сдѣлано, но я подозрѣваю, что кто-то сбилъ Стефена съ дороги. Я подозрѣваю, что Стефенъ возвратясь сюда добровольно, и оправдавъ себя передъ всѣми, обличилъ бы кого нибудь, и этотъ кто-нибудь, чтобъ воспрепятствовать тому, остановилъ его и сбилъ его съ дороги.

— Это ужасная мысль, сказала Сисси, блѣднѣя.

— Еще ужаснѣе подумать, что его могутъ и убить.

Сисси задрожала и сдѣлалась еще блѣднѣе.

— Когда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову, сказала Рахиль: — а она приходитъ часто, хотя я всѣми силами стараюсь прогнать ее, начиная считать отъ единицы до самыхъ большихъ чиселъ, или говорить про себя разные побасенки, которыя знавала будучи ребенкомъ, на меня находитъ тогда такая странная и сильная суетливость, что до какой бы степени я ни была утомлена, во мнѣ всегда является расположеніе ходить и ходить какъ можно больше. Вотъ и теперь, передъ сномъ, чтобъ избавиться отъ этого, я провожу васъ домой.

— Онъ могъ захворать на обратномъ пути, сказала Сисси, боязливо, предлагая весьма скудную частичку надежды: — и въ такомъ случаѣ, по дорогѣ найдется много мѣстъ, гдѣ бы онъ могъ остановиться.

— Но ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ его не находится. Его искали во всѣхъ, и не нашли.

— Да; правда, замѣтила Сисси, неохотно соглашаясь съ этимъ.

— Онъ перешелъ бы весь этотъ путь въ два дня. Еслибъ у него заболѣли ноги и онъ не могъ бы идти, я послала въ письмѣ, которое онъ получилъ, деньги на проѣздъ, въ случаѣ, еслибъ у него не оказалось своихъ.

— Станемъ надѣяться, Рахиль, что завтрашній день принесетъ намъ что нибудь лучшее. Пойдемъ подышать чистымъ воздухомъ.

Нѣжная рука Сисси набросила платокъ на черные, лоснящіеся волоса Рахили, и онѣ вышли. Вечеръ былъ прекрасный, и небольшія группы фабричныхъ беззаботно стояли на уличныхъ перекресткахъ, — но для бóльшей части изъ нихъ наступило время ужина, и потому на улицахъ встрѣчались весьма немногіе.

— Ты теперь спокойнѣе, Рахиль, и твоя рука не горяча.

— Мнѣ всегда бываетъ лучше, душа моя, когда я прогуляюсь и подышу немного чистымъ воздухомъ. Но когда я не могу этого сдѣлать, я слабѣю и становлюсь совсѣмъ разстроенной.

— Но, Рахиль, ты не должна изнурять себя, потому что можетъ быть Стефену понадобятся твои услуги. Завтра суббота. Если завтра не услышишь ничего новаго, то въ во-

скресенье утромъ прогуляемся за городъ, и это подкрѣпитъ тебя на цѣлую недѣлю. — Согласна ли ты?

— Да, моя милая.

Въ это время онѣ находились въ улицѣ, гдѣ стоялъ домъ мистера Бондерби. Дорога Сисси проходила мимо дверей этого дома, и онѣ шли прямо къ нимъ. По желѣзной дорогѣ въ Кокстоунъ только что прибылъ поѣздъ, который привелъ въ движеніе нѣсколько экипажей и произвелъ въ городѣ значительный шумъ и суету. Мимо ихъ промчалось нѣсколько каретъ, въ то время, какъ они подходили къ дому мистера Бондерби, и одна изъ нихъ неслась съ такой быстротой, что онѣ невольнымъ образомъ оглянулись. Ярко пылавшій газъ, надъ подъѣздомъ мистера Бондерби, показалъ имъ, что въ этой каретѣ сидитъ мистриссъ Спарситъ, которая въ какомъ-то лихорадочномъ восторгѣ и волненіи старалась отворить дверцы. Въ тотъ же моментъ и мистриссъ Спарситъ увидѣла ихъ и закричала имъ, чтобъ онѣ остановились.

— Какое странное стеченіе обстоятельствъ! восклицала мистриссъ Спарситъ, съ помощію кучера вылѣзая изъ кареты.

— Какъ неожиданно Провидѣніе помогаетъ смертнымъ! Выходите, ма'мъ, сказала она вслѣдъ за этимъ, кому-то въ каретѣ: — выходите, а не то васъ вытащатъ оттуда!

При этой угрозѣ изъ кареты вышла таинственная старушка, которую мистриссъ Спарситъ безъ церемоніи схватила за воротъ.

— Оставьте ее! кричала мистриссъ Спарситъ съ величайшей энергіею. — Никто не смѣй дотронуться до нее. Она принадлежитъ мнѣ. Входите, ма'мъ! сказала мистриссъ Спарситъ, перевертывая свое прежнее приказаніе. — Входите, входите! а не то васъ втащатъ силой!

Видъ матроны классической наружности, матроны, которая схватила за воротъ дряхлую старуху, и тащитъ ее въ домъ, послужило бы, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ достаточнымъ поводомъ для истинныхъ англійскихъ зѣвакъ ворваться въ домъ, и убѣдиться въ чемъ дѣло. Но когда гласность и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственность покражи въ банкѣ занимали умы цѣлаго города, это явленіе, становившееся вдвое интереснымъ, неизбѣжно должно было повлечь за собой толпу любопытныхъ съ такой непреодолимой силой, что если бы кровля грозила обрушиться на нихъ, то

и тогда бы стремленіе не уменьшилось. Вслѣдствіе этого, случайные свидѣтели сцены, состоящіе изъ дѣятельнѣйшихъ сосѣдей, числомъ до двадцати-пяти, ворвалися по слѣдамъ Сисси и Рахили, которыя въ свою очередь шли по слѣдамъ мистриссъ Спарситъ и ея добычи, и вся толпа вторгнулась въ столовую мистера Бондерби, гдѣ любопытные не замедлили взобраться на стулья, чтобъ лучше видѣть, что происходитъ впереди.

— Позовите сюда мистера Бондерби! вскричала мистриссъ Спарситъ. — Рахиль, ты знаешь, что это за женщина?

— Это мистриссъ Пеглеръ, отвѣчала Рахиль.

— Я думаю, что такъ! вскричала мистриссъ Спарситъ въ восторгѣ. — Приведите сюда мистера Бондерби! Посторонитесь! дайте дорогу!

При этомъ старуха мистриссъ Пеглеръ, закутываясь въ платокъ и избѣгая любопытныхъ взоровъ, съ умоляющимъ видомъ что-то прошептала.

— Не говори мнѣ этого, сказала мистриссъ Спарситъ: — дорогой я говорила двадцать разъ, что не выпущу тебя изъ рукъ, пока сама не передамъ тебя ему на руки.

Наконецъ явился и мистеръ Бондерби, сопровождаемый мистеромъ Градгрэиндомъ и Волчонкомъ, съ которыми онъ держалъ на верху совѣщаніе. Мистеръ Бондерби посмотрѣлъ на незваныхъ гостей, скорѣе съ удивленіемъ, нежели радушно.

— Что тутъ такое! проревѣлъ онъ.—Мистриссъ Спарситъ, ма'мъ, въ чемъ дѣло?

— Сэръ, начала объяснять эта достойная женщина: — я считаю за особенное счастіе, что могу представить вамъ особу, отыскать которую вы такъ давно и сильно желали. Побуждаемая желаніемъ доставить вамъ спокойствіе, и располагая весьма неопредѣленными данными, относительно мѣста жительства этой особы, сообщенными мнѣ молодой женщиной Рахилью, которая, къ счастію, лично можетъ это засвидѣтельствовать, я увѣнчана полнымъ успѣхомъ и привезла эту старуху съ собой. Не считаю за нужное прибавлять, что привезла ее съ величайшимъ нерасположеніемъ съ ея стороны. Я совершила этотъ подвигъ, сэръ, не безъ нѣкотораго безпокойства; но безпокойство отъ желанія услужить вамъ, составляетъ для меня удовольствіе, а голодъ, жажда и холодъ — истинное наслажденіе.

При этомъ мистриссъ Спарситъ замолчала, потому что лицо мистера Бондерби, при видѣ старушки мистриссъ Пеглеръ, представляло собою соединеніе всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и выраженій неудовольствія.

— Что вы хотите этимъ сказать? неожиданно и съ величайшимъ гнѣвомъ спросилъ онъ. — Я васъ спрашиваю, мистриссъ Спарситъ, ма'мъ, что вы этимъ хотите сказать?

— Сэръ! воскликнула мистриссъ Спарситъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Почему вы не занимаетесь своимъ дѣломъ, ма'мъ? проревѣлъ Бондерби. — Какъ вы смѣете совать вашъ носъ въ мои семейныя дѣла?

Этотъ вопросъ совершенно обезоружилъ мистриссъ Спарситъ. Она опустилась на стулъ, не согнувъ ни одного члена, какъ будто морозъ оледенилъ ее; и устремивъ на мистера Бондерби неподвижный взглядъ, сложила руки, при чемъ рукавчики ея захрустѣли, какъ будто и они тоже были заморожены.

— Мой милый Джозія! вскричала мистриссъ Пеглеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Мой любезный сынъ! Не вини меня въ этомъ дѣлѣ. Это не моя вина, Джозія. Я нѣсколько разъ говорила этой лэди, что поступокъ ея тебѣ не понравится, но она и слушать меня не хотѣла.

— Зачѣмъ же вы позволили ей привезти себя? Развѣ вы не могли сорвать ей шляпку съ головы, выбить ей зубы, вцѣпиться въ нее ногтями, словомъ, сдѣлать ей что нибудь въ этомъ родѣ? сказалъ Бондерби.

— Мой милый сынъ! Она грозила мнѣ, въ случаѣ моего сопротивленія, привезти меня сюда съ констаблями, и потому я сочла за лучшее спокойно слѣдовать за ней, чѣмъ надѣлать шумъ и тревогу въ такомъ.... (и мистриссъ Пеглеръ боязливо, но гордо окинула взглядомъ всѣ стѣны): — въ такомъ прекрасномъ домѣ, какъ этотъ. Да, мой милый, мой благородный, мой великодушный сынъ! въ этомъ я не виновата. Я всегда жила тихо, мой милый Джозія, всегда старалась жить скрытно. Я ни разу не нарушила нашего условія. Я никогда и никому не говорила, что я твоя мать. Я любовалась и восхищалась тобою издали, и если иногда, въ длинные промежутки времени, приходила въ этотъ городъ, чтобъ съ любовью и гордостью взглянуть на тебя, я дѣлала это, душа моя, тайкомъ, и опять уходила.

Мистеръ Бондерби, запустивъ руки въ карманы, ходилъ въ сильной досадѣ взадъ и впередъ по одной сторонѣ длиннаго стола, между тѣмъ какъ зрители жадно ловили каждое слово мистриссъ Пеглеръ, и съ каждымъ словомъ глаза ихъ становились круглѣе и круглѣе. Мистеръ Бондерби продолжалъ еще ходить, когда мистеръ Градграйндъ, терпѣливо выслушавъ старушку, обратился къ ней съ слѣдующимъ замѣчаніемъ, высказаннымъ довольно сердито.

— Я удивляюсь, ма'мъ, что въ ваши лѣта, у васъ достаетъ духу и совѣсти называть мистера Бондерби своимъ сыномъ, послѣ вашего ненатуральнаго и безчеловѣчнаго съ нимъ обхожденія.

— Ненатуральнаго! вскричала бѣдная старушка. — Безчеловѣчнаго обхожденія съ моимъ неоцѣненнымъ сыномъ?

— Неоцѣненнымъ! повторилъ мистеръ Градграйндъ. Да; онъ неоцѣненъ теперь, потому что самъ пробилъ себѣ дорогу и сдѣлался независимымъ человѣкомъ; но ничего не стоилъ онъ, когда вы бросили его въ младенчествѣ, и предоставили на жертву звѣрскому обхожденію пьяницы-бабушки.

— Я бросила моего Джозію! вскричала мистриссъ Пеглеръ, всплеснувъ руками. Богъ васъ проститъ, сэръ, за ваши злыя выдумки, и за оскорбленіе памяти моей бѣдной матери, которая умерла у меня на рукахъ, когда Джозіи еще не было на свѣтѣ. Дай Богъ, чтобъ вы раскаялись въ этомъ, сэръ, и да продлится ваша жизнь, чтобы лучше узнать объ этомъ.

Она говорила съ такою горячностью, и такъ ясно обнаруживала чувство оскорбленнаго достоинства, что мистеръ Градграйндъ, пораженный вѣроятіемъ ея словъ, сказалъ ей, болѣе мягкимъ голосомъ:

— Такъ вы отрицаете, ма'мъ, что вы оставили вашего сына ..... выростать въ грязной канавѣ?

— Чтобы я оставила Джозію выростать въ грязной канавѣ! воскликнула мистриссъ Пеглеръ: — ничего подобнаго не бывало, сэръ! Никогда, никогда! — Какъ вамъ не стыдно выдумывать такія вещи! Милый сынъ мой знаетъ, и всегда вамъ скажетъ, что хотя онъ и происходитъ отъ бѣдныхъ родителей, но отъ такихъ, которые любили его такъ нѣжно, какъ только можно, — которые никогда не считали стѣснительнымъ доставлять ему возможность выучиться читать, писать и ариѳметикѣ. У меня еще теперь хранятся дома его

книжки и тетради, которыя могу вамъ показать когда угодно. Да, и теперь хранятся! сказала мистриссъ Спарситъ, съ чувствомъ оскорбленной гордости. Мой милый сынъ знаетъ, и всегда вамъ скажетъ, что когда онъ остался послѣ смерти отца по восьмому году, его мать всячески старалась, считая это за долгъ, за удовольствіе, за счастіе, помочь ему выйти въ люди, и опредѣлила его въ прикащики. Славный былъ онъ и степенный молодецъ, имѣлъ добраго хозяина, который доставилъ ему возможность проложить дорогу впередъ, сдѣлаться богатымъ и благоденствовать. — Я отъ себя вотъ еще что̀ скажу вамъ, — потому что милый сынъ мой не хотѣлъ, чтобы знали объ этомъ другіе, — хотя его мать держала въ деревнѣ небольшую лавочку, но онъ никогда не забывалъ меня, и присылалъ мнѣ ежегодно по тридцати фунтовъ стерлинговъ, больше чѣмъ мнѣ нужно было, — такъ что изъ нихъ я еще откладывала частичку на черный день. За это онъ требовалъ одного только условія: чтобы я оставалась въ своей деревнѣ, не хвасталась сыномъ и не безпокоила его. И я его никогда не безпокоила, кромѣ только того, что разъ въ годъ приходила сюда взглянуть на него, но приходила такъ, что онъ не видѣлъ меня и не зналъ объ этомъ. И онъ поступилъ въ этомъ случаѣ весьма благоразумно, продолжала бѣдная старушка, защищая сына своего съ чувствомъ материнской любви: — будь я здѣсь, я, безъ сомнѣнія, надѣлала бы множество неприличныхъ вещей; но въ дали отъ него, и совершенно всѣмъ довольная, я могу гордиться моимъ Джозіей про себя; могу любить его изъ потребности любить кого нибудь! — Мнѣ стыдно за васъ, сэръ, сказала мистриссъ Пеглеръ въ заключеніе: — мнѣ стыдно за ваше злословіе и подозрѣніе. До этого я никогда не бывала здѣсь и не хотѣла быть, потому что сынъ мой сказалъ, что это не слѣдуетъ. Я бы не была и теперь, еслибъ меня не привезли сюда насильно. О, стыдитесь, стыдитесь, сэръ, обвинять меня въ томъ, что я была худою матерью моему сыну, тѣмъ болѣе стыдитесь, что передъ вами стоитъ сынъ мой, который скажетъ вамъ, какъ далеки вы отъ истины!

Въ толпѣ народа поднялся ропотъ, выражавшій участіе къ старушкѣ, и мистеръ Градгрэиндъ начиналъ чувствовать себя въ весьма невыгодномъ положеніи, какъ вдругъ мистеръ Бондерби, который продолжалъ ходить подлѣ стола, дышать

все тяжелѣе и тяжелѣе и становиться краснѣе и краснѣе, — остановился и сказалъ:

— Право не знаю, чему я обязанъ собраніемъ въ моемъ домѣ такого общества; впрочемъ, я не хочу и знать объ этомъ. Когда любопытство ваше совершенно удовлетворено, то я полагаю, что вы разойдетесь; впрочемъ, удовлетворено ли оно или нѣтъ, но я надѣюсь, что вы разойдетесь. Я не обязанъ читать лекцій о моихъ семейныхъ дѣлахъ; меня не нанимали для этого, да я и не хочу этого дѣлать. Поэтому, кто ожидаетъ дальнѣйшихъ объясненій, тотъ обманется въ своихъ ожиданіяхъ — особливо Томъ Градгрэиндъ. По поводу розысканій о покражѣ въ банкѣ, сдѣлана была относительно моей матери ошибка. Еслибъ не было употреблено излишняго усердія, которое я очень не жалую, этого бы не случилось. И затѣмъ, спокойной ночи!

Хотя мистеръ Бондерби довольно спокойно произнесъ эти слова, и еще спокойнѣе отворилъ дверь для гостей, но въ немъ замѣтна была какая-то застѣнчивость, чрезвычайно робкая и въ высшей степени забавная. Обличенный хвастунъ, основавшій свою пустую репутацію на лжи, и хвастовствомъ своимъ далеко отстранявшій отъ себя прямую истину, какъ будто чувствовалъ себя недостойнымъ честнаго происхожденія, и представлялъ собою пресмѣшную фигуру. Въ глазахъ людей, выходившихъ изъ дверей,—людей, которые, какъ ему извѣстно было, разнесутъ все, что̀ происходило за этими дверями, по всему городу, и молва пойдетъ на всѣ четыре стороны, онъ казался такимъ смѣшнымъ, что едва ли бы показался смѣшнѣе, еслибъ ему окарнали уши. Даже несчастная мистриссъ Спарситъ, упавшая съ высоты восторга въ лужу уныніа, далеко не была въ томъ положеніи, въ какомъ находился этотъ замѣчательный человѣкъ — Джозія Бондерби, кокстоунскій негоціантъ.

Рахиль и Сисси, оставивъ мистриссъ Пеглеръ ночевать въ домѣ ея сына, дошли вмѣстѣ до воротъ Каменнаго Пріюта и тамъ разстались. Мистеръ Градгрэиндъ настигъ ихъ менѣе, чѣмъ на половинѣ дороги, и говорилъ съ ними съ большимъ участіемъ о Стефенѣ Блэкпулѣ; онъ надѣялся, что этотъ примѣръ неосновательныхъ подозрѣній противъ мистриссъ Пеглеръ, послужитъ въ пользу несчастному Стефену.

Что̀ касается до Волчонка, то какъ во время этой сцены,

такъ и до нее, онъ ни на шагъ не отставалъ отъ Бондерби. Казалось, онъ чувствовалъ, что пока Бондерби не сдѣлалъ еще безъ его вѣдома никакого открытія, до тѣхъ поръ могъ считать себя внѣ всякой опасности. Онъ не находилъ за нужное навѣщать свою сестру, и съ тѣхъ поръ какъ она воротилась домой, видѣлъ ее только разъ, и именно, въ тотъ вечеръ, когда Бондерби явился къ мистеру Градгрэинду вмѣстѣ съ Рахилью.

Въ душѣ его сестры образовалось какое-то неясное, неопредѣленное опасеніе, котораго она не смѣла высказать, и которое окружало ея угрюмаго и неблагодарнаго брата страшною таинственностью. Это же самое мрачное опасеніе представилось, въ томъ же самомъ неопредѣленномъ видѣ и Сисси, когда Рахиль говорила о человѣкѣ, котораго сама не знала, но который опасался возвращенія Стефена, и вѣроятно, помѣшалъ ему воротиться. Луиза никогда не говорила о томъ, что подозрѣваетъ брата своего участникомъ въ покражѣ, — она и Сисси ни разу не имѣли откровеннаго разговора по этому предмету, кромѣ только выразительнаго обмѣна взглядами, когда ничего неподозрѣвающій отецъ Луизы склонялъ на руку свою сѣдую голову; но въ душѣ той и другой гнѣздилось это подозрѣніе, — та и другая знали объ этомъ. Это опасеніе было такъ страшно, что оно носилось надъ ними какъ грозный призракъ; ни одна не смѣла подумать, что этотъ призракъ былъ близокъ къ ней, а еще менѣе — къ другой.

А между тѣмъ принужденная бодрость Волчонка продолжала развиваться въ немъ. Если Стефенъ Блэкпуль не воръ, то пусть онъ покажется. Почему же онъ не является?

Еще прошла ночь. Еще день и еще ночь, а Стефена Блэкпуля нѣтъ какъ нѣтъ. Гдѣ же онъ, и почему же онъ не является въ Кокстоунъ?

ГЛАВА XXXIV.

ЗВѢЗДА.

Было прекрасное осеннее воскресенье, ясное и прохладное, когда рано поутру Сисси и Рахиль встрѣтились, чтобъ отправиться за городъ.

Такъ какъ Кокстоунъ посыпаетъ пепелъ не только на свою голову, но и на окрестности, то жители его, любившіе отъ времени до времени подышать чистымъ воздухомъ, имѣли обыкновеніе отъѣзжать на нѣсколько миль по желѣзной дорогѣ, выходили на поля и беззаботно проводили время. Сисси и Рахиль выбрались изъ дыма посредствомъ этого обыкновеннаго способа, и были высажены на станціи желѣзной дороги, расположенной почти на половинѣ дороги между городомъ и лѣтней резиденціей мистера Бондерби.

Хотя зеленѣющій ландшафтъ былъ испещренъ грудами каменнаго угля, но все же онъ зеленѣлъ повсюду; вездѣ виднѣлись группы деревьевъ; въ воздухѣ, пропитанномъ благоуханіемъ, пѣли жаворонки. и все это покрывалось сводомъ безоблачнаго голубаго неба. Въ отдаленіи съ одной стороны показывался Кокстоунъ, какъ черное облако; съ другой, также въ отдаленіи высились горы, съ третьей, гдѣ солнце сіяло на отдаленное море, замѣтна была слабая перемѣна въ свѣтѣ горизонта. Подъ ногами ихъ разстилалась свѣжая трава, на которой волновалась прекрасная тѣнь древесныхъ вѣтвей, покрывая ее темными и свѣтлыми пятнами; живыя изгороды были роскошны; все дышало спокойствіемъ. Машины надъ отверзтіями угольныхъ копей, и тощія старыя лошади, совершившія тяжелую дневную работу оставались также спокойными; колеса остановились на нѣкоторое время; и великое колесо земнаго шара, по видимому, обращалось безъ сотрясеній и шума рабочей поры.

Рахиль и Сисси гуляли по полямъ и тѣнистымъ дорожкамъ, перебираясь иногда черезъ заборы, которые рушились отъ прикосновенія ноги, иногда проходя вблизи поросшихъ травою кирпичей и бревенъ, обозначавшихъ покинутыя мѣста разработокъ каменнаго угля. Небольшія насыпи, гдѣ трава была гуще и выше и гдѣ лапушникъ и крапива перемѣшивались въ безпорядкѣ съ другими подобными растеніями, онѣ обходили; такъ какъ носились слухи въ той сторонѣ, что подъ такими мѣстами скрываются глубокія заброшенныя копи.

Солнце было высоко, когда они присѣли отдохнуть. Онѣ не видѣли ни души, ни вблизи ни въ отдаленіи; безмолвія ничто не нарушало.

— Здѣсь такъ тихо, Рахиль, и такъ спокойно; на дорогѣ

не видно слѣдовъ; и мнѣ кажется, что въ теченіе цѣлаго лѣта, мы первые прошли по ней.

Въ то время, какъ Сисси говорила это, ея взоры привлечены были еще одной перегнившей изгородой. Она встала, чтобъ посмотрѣть на нее.

— Что это значитъ? сказала она. — Черезъ нее недавно кто нибудь переходилъ. Совсѣмъ свѣжіе надломы дерева. Да вотъ и чьи-то слѣды! О, Рахиль!

Сисси прибѣжала назадъ и бросилась на шею Рахили. Рахиль стояла уже на ногахъ въ сильномъ смущеніи.

— Что съ тобой? Въ чемъ дѣло?

— Не знаю. Но вонъ тамъ лежитъ шляпа въ травѣ.

Они вмѣстѣ подвинулись впередъ. Рахиль подняла шляпу задрожала всѣмъ тѣломъ, и вслѣдъ за тѣмъ залилась слезами: на подкладкѣ шляпы написано было «Стефенъ Блэкпуль» собственной его рукою.

— О, бѣдный, о, несчастный Стефенъ! Онъ погибъ! погибъ! Онъ лежитъ здѣсь убитый!

— Развѣ.... развѣ ты видишь кровь на шляпѣ? спросила Сисси, нетвердымъ голосомъ.

Онѣ боялись взглянуть на шляпу, но наконецъ осмотрѣли ее и не нашли на ней никакихъ знаковъ насилія. Она оставалась на одномъ мѣстѣ, вѣроятно, нѣсколько дней, потому что дождь и роса покрыли ее пятнами, и на землѣ, гдѣ она лежала, трава была измята. Не трогаясь съ мѣста, онѣ боязливо осмотрѣлись кругомъ, но больше ничего не видѣли.

— Рахиль, прошептала Сисси: — я пройду немного впередъ.

Сисси сняла руку съ шеи Рахили, и только что хотѣла двинуться впередъ, какъ вдругъ Рахиль, съ пронзительнымъ визгомъ, огласившимъ всю окрестность, схватила ее обѣими руками. Передъ ними у самыхъ почти ногъ, находилась окраина страшной пропасти, прикрытая густой травой. Онѣ отпрыгнули назадъ и упавъ на колѣни, склонили лица на шею другъ друга.

— О, Боже мой! Онъ упалъ въ эту пропасть! онъ тамъ!

Только эти слова, да страшный вопль, составляли все, чего можно было добиться отъ Рахили слезами, мольбами, убѣжденіями и всякими другими средствами; даже необходимо было держать ее, иначе она бы бросилась въ пропасть.

— Рахиль, милая Рахиль, добрая Рахиль, ради Бога, оставь этотъ страшный вопль! Подумай о Стефенѣ, вспомни о немъ!

Усиленнымъ повтореніемъ этой мольбы, Сисси успѣла наконецъ успокоить ее, и заставила обратить къ себѣ лицо, на которомъ не было ни слезъ, ни выраженія.

— Рахиль! Стефенъ еще можетъ быть живъ. Вѣдь ты не оставила бы его на днѣ этой ужасной пропасти, если бы могла подать ему помощь.

— О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

— Ради Стефена! не трогайся съ этого мѣста! Дай мнѣ подойти и послушать!

Сисси трепетала всѣмъ тѣломъ отъ одной мысли, что должна приблизиться къ пропасти; но преодолѣвъ свой страхъ, она подползла на рукахъ и на колѣняхъ, и кликнула Стефена, такъ громко, какъ только могла. Потомъ прислушалась, но ни одинъ звукъ не отвѣтилъ ей, еще разъ кликнула и послушала, еще разъ,— повторила это двадцать, тридцать разъ, и все безъотвѣтно. Наконецъ она взяла небольшой кусокъ земли, съ того мѣста, гдѣ оступился Стефенъ, бросила его въ пропасть, но звукъ паденія этого куска не долетѣлъ до нея.

Обширный видъ, столь прекрасный за нѣсколько минутъ въ своемъ безмолвіи, внушалъ отчаяніе неустрашимой Сисси, въ то время какъ она встала и оглянулась, не видя ни откуда помощи.

— Рахиль мы ни минуты не должны терять. Мы должны идти по разнымъ направленіямъ искать помощи. Ты ступай по дорогѣ, по которой мы пришли, а я пойду впередъ вотъ по этой тропинкѣ. Говори всѣмъ, кого только встрѣтишь, что случилось здѣсь. Помни о Стефенѣ! Быть можетъ онъ ждетъ нашей помощи!

По лицу Рахили Сисси видѣла, что теперь можетъ на нее положиться. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, и поглядѣвъ, какъ удалялась Рахиль, ломая себѣ руки, — Сисси повернулась и побѣжала на поиски. У изгороди она остановилась, чтобъ привязать платокъ, который бы указывалъ роковое мѣсто, потомъ сбросила шляпку съ головы, и побѣжала такъ быстро, какъ никогда еще не бѣгала.

Бѣги Сисси, именемъ самого Неба, бѣги! — Не останавливайся переводить дыханіе! Бѣги, бѣги! Ускоряя шаги свои этой мысленной мольбой, она перебѣгала съ одного поля на другое, съ одной тропинки на другую, — отъ одного мѣста къ другому, пока не добѣжала наконецъ до сарая подлѣ машины, поставленной надъ угольной копью, и не увидѣла тутъ двухъ мужчинъ, спавшихъ въ тѣни на соломѣ.

Разбудить ихъ и потомъ разсказать имъ въ несвязныхъ словахъ, что̀ привело ее къ нимъ, было дѣломъ величайшей трудности; но лишь только они поняли ее, такъ куда и сонъ дѣвался. Одинъ изъ нихъ былъ въ полупьяномъ видѣ; услышавъ крикъ своего товарища, что въ заброшенную адскую шахту упалъ человѣкъ, онъ опромѣтью бросился къ лужѣ грязной воды, окунулъ въ ней голову, и воротился трезвымъ.

Съ этими людьми Сисси побѣжала къ другому; въ полумили разстоянія оттуда къ третьему, и такимъ образомъ подняла тревогу на значительномъ пространствѣ. Отыскалась свободная лошадь, на которой Сисси приказала одному человѣку летѣть во весь опоръ къ станціи желѣзной дороги, и отдать тамъ записку на имя Луизы. Въ это время уже цѣлая деревня была на ногахъ; во̀роты, веревки, шесты, свѣчи, фонари, всѣ необходимые предметы немедленно были собраны въ одно мѣсто, чтобъ оттуда перенести къ заброшенной адской шахтѣ.

Сисси казалось, что прошло безконечное число часовъ, съ тѣхъ поръ какъ она оставила погибшаго человѣка лежать въ могилѣ, въ которую положенъ былъ живымъ. Она не могла долѣе оставаться вдали отъ этой могилы; ей казалось, какъ будто она убѣжала отъ нее, и потому поспѣшила назадъ, сопровождаемая шестью работниками, въ томъ числѣ и полупьянымъ человѣкомъ, котораго страшное извѣстіе совершенно отрезвило, и который былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ. По приходѣ къ адской шахтѣ, они нашли ее такою же одинокою, какою Сисси ее оставила. Работники кликали Стефена, прислушивались, какъ это дѣлала Сисси, осматривали окраину пропасти, разсуждали какимъ образомъ это случилось, наконецъ сѣли и стали ждать прибытія необходимыхъ орудій.

Каждое жужжанье насѣкомыхъ въ воздухѣ, каждый шелестъ листьевъ, каждый шопотъ между людьми заставлялъ Сисси вздрагивать: — ей казалось, что во всемъ этомъ она слышала звуки, вылетавшіе со дна пропасти. Но одинъ только вѣтеръ лѣниво носился надъ пропастью, и ни одинъ звукъ не долеталъ до ея поверхности. Вся группа продолжала сидѣть на травѣ, ожидая подмоги. Между тѣмъ начали собираться праздные люди, услышавшіе о несчастномъ происшествіи; явилась дѣйствительная помощь со всѣми орудіями; наконецъ возвратилась и Рахиль; въ ея партіи находился докторъ, который принесъ съ собой немного вина и лекарства. Но надежда въ собравшемся народѣ, что несчастный еще живъ, — была очень слаба.

Когда народа собралось столько, что мѣшали приступить къ работѣ, отрѣзвившійся работникъ принялъ съ общаго согласія, начальство надъ всѣми, поставилъ цѣпь вокругъ шахты и назначилъ людей охранять ее. Кромѣ охотниковъ, которые вызвались работать, только Сисси и Рахили позволено было находиться внутри цѣпи, да впослѣдствіи, когда по запискѣ Сисси прибылъ экстренный поѣздъ изъ Кокстоуна, — мистеру Градгрэинду съ Луизой и мистеру Бондерби съ Волчонкомъ.

Послѣ того, какъ Сисси и Рахиль въ первый разъ присѣли на траву у шахты, солнце спустилось на четыре часа; и только теперь приступили къ сооруженію снаряда для безопаснаго спуска двухъ человѣкъ. Какъ ни простъ былъ этотъ снарядъ, но въ устройствѣ его встрѣтились затрудненія: — недоставало еще нѣкоторыхъ орудій, нужно было послать за ними и ждать, когда принесутъ. Было уже около пяти часовъ прекраснаго осенняго вечера, когда спустили въ шахту зажженную свѣчу, чтобъ узнать о состояніи подземнаго воздуха, между тѣмъ какъ четыре человѣка съ грубыми лицами стояли у окраины пропасти, внимательно наблюдая за свѣчой; она горѣла слабо, когда ее подняли на верхъ, и тогда въ шахту влили немного воды. Наконецъ привязали бадью; отрезвившійся работникъ и его товарищъ, съ фонарями въ рукахъ, сѣли въ нее, и крикнули:

— Спускай!

Веревки постепенно становились все туже и туже; воротъ скрипѣлъ; человѣкъ до двухъ сотъ смотрѣло на этотъ спускъ,

притаивъ дыханіе. Но вотъ поданъ сигналъ, и вòротъ пересталъ вертѣться, оставляя на себѣ еще большой конецъ веревки. Промежутокъ времени, въ теченіи котораго люди у вòрота стояли безъ всякаго дѣйствія, былъ такъ продолжителенъ, что нѣкоторыя женщины подняли вопль, полагая, что случилось новое несчастіе. Но докторъ, державшій часы въ рукахъ, объявилъ, что не прошло еще пяти минутъ, и строгимъ голосомъ увѣщевалъ ихъ соблюдать молчаніе. Не успѣлъ онъ кончить своихъ увѣщаній, какъ вòротъ снова приведенъ былъ въ дѣйствіе и вертѣлся въ обратную сторону. Опытный глазъ видѣлъ, что онъ идетъ не такъ тяжело, какъ передъ этимъ, когда спускались двое, и что теперь возвращался изъ ямы только одинъ.

Веревка натягивалась все болѣе и болѣе; кольцо за кольцомъ наматывалось на вòротъ, и взоры всѣхъ прикованы были къ отверстію пропасти. Наконецъ показался отрезвившійся работникъ, и ловко прыгнулъ на траву.

— Живъ или мертвъ? раздался всеобщій крикъ, и въ тотъ же моментъ уступилъ мѣсто глубокому, торжественному безмолвію.

— Живъ, отвѣчалъ онъ, и воздухъ огласился громкими восклицаніями.

И на многихъ глазахъ видны были слезы.

— Но только очень, очень разбитъ, прибавилъ работникъ, при первой возможности. — Гдѣ докторъ? Онъ такъ разбитъ, сэръ, что мы не знаемъ, какъ его поднять.

Началось общее совѣщаніе. Съ безпокойствомъ всѣ смотрѣли на доктора, въ то время, какъ онъ дѣлалъ вопросы, и получая отвѣты, качалъ головой. Солнце уже пряталось за горизонтъ, и красноватый свѣтъ вечерняго неба весьма рѣзко обрисовывалъ лица, выражавшія тяжелое недоумѣніе.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что люди снова подошли къ вòроту, и работникъ снова опустился въ яму, взявъ съ собой немного вина и другихъ подкрѣпляющихъ средствъ. Вскорѣ поднялся наверхъ и другой человѣкъ. Между тѣмъ, по распоряженію доктора, принесены были носилки, на которыхъ тотчасъ же сдѣлали изъ лишняго платья и соломы мягкую постель, а докторъ приготовилъ изъ собранныхъ платковъ бинты и перевязки. Всѣ эти предметы поставлены были и

положены подлѣ человѣка, который только что вылѣзъ изъ ямы, и сообщены были ему наставленія, какъ употреблять ихъ. Этотъ работникъ, при свѣтѣ фонаря своего, упирался сильной рукой въ длинный шестъ, и отъ времени до времени поглядывая, то на сіяющую передъ нимъ пропасть, то на толпу народа, представлялъ во всей сценѣ весьма замѣчательную фигуру. Уже стемнѣло, и въ народѣ засвѣтились факелы.

Изъ немногихъ словъ этого человѣка, сказанныхъ окружавшимъ его, и быстро разнесшихся по всей толпѣ, оказывалось, что несчастный Стефенъ упалъ на груду мусора, до половины прикрывавшаго отверстіе шахты, и что дальнѣйшее его паденіе было остановлено массой земли выдававшейся впередъ съ одной стороны пропасти. Онъ лежалъ на спинѣ съ подогнутою подъ себя рукою, и по его мнѣнію едва ли шевелился съ тѣхъ поръ, какъ упалъ, кромѣ того только, что свободной рукой дѣлалъ движеніе въ боковой карманъ, гдѣ было немного хлѣба и мяса. Онъ ушелъ прямо съ работы, лишь только получилъ письмо, и уже въ сумерки шелъ по этой дорогѣ, направляясь къ загородному дому мистера Бондерби. Онъ не боялся идти по этой опасной мѣстности въ такую позднюю пору, потому что чувствовалъ себя невиннымъ и хотѣлъ скорѣе оправдаться.

— Эта адская шахта, сказалъ работникъ: — будь она проклята! по всей справедливости заслужила это названіе; хотя Стефенъ и можетъ еще говорить, но едва ли будетъ живъ.

Когда все было готово, этотъ работникъ началъ опускаться въ яму, выслушавъ торопливыя наставленія товарищей и доктора, и снова исчезъ въ глубокомъ мракѣ. Веревка попрежнему сматывалась съ вòрота, попрежнему былъ поданъ сигналъ и вòротъ остановился. Ни одинъ человѣкъ теперь не отпускалъ отъ него своей руки. Наконецъ поданъ сигналъ, и вся цѣпь наклонилась впередъ.

Веревка натягивалась до нельзя, и кажется, готова была оборваться, люди у вòрота напрягали усилія, и самый вòротъ издавалъ жалобные звуки. Не возможно было смотрѣть на веревку безъ мысли, что она оборвется. Но, кольцо за кольцомъ спокойно навивалось на стержень, показались цѣпи принадлежащія къ огромной бадьѣ, а наконецъ и самая

бадья съ двумя мужчинами по сторонамъ: — зрѣлище, отъ котораго кружилась голова, и сжималось сердце! они бережно поддерживали фигуру несчастнаго, изувѣченнаго человѣческаго созданія.

Между мужчинами пронесся тихій ропотъ сожалѣнія, а женщины громко рыдали, въ то время, какъ эту фигуру, почти лишенную человѣческаго образа, медленно переносили изъ бадьи и бережно клали на носилки. Кромѣ доктора, никто не рѣшался подойти къ носилкамъ. Онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ для бо̀льшаго спокойствія страдальца, а самое лучшее такъ это то, что онъ покрылъ его. Исполнивъ это со всею нѣжностью, онъ подозвалъ Рахиль и Сисси; и теперь, всѣ увидѣли блѣдное, изнуренное, страдальческое лицо съ обращенными къ небу глазами, съ сломанной правой рукой, которая высовывалась изъ-подъ одѣяла, чтобы ее взяла другая рука.

Рахиль и Сисси смочили лицо несчастнаго, и дали ему напиться воды, влив̀ъ въ нее нѣсколько подкрѣпляющихъ капель и вина. Хотя Стефенъ лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на небо, но, услышавъ голосъ своей подруги, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Рахиль!

Она наклонилась надъ нимъ, потому что Стефенъ не могъ повернуться къ ней и взглянуть на нее, — и взоры ихъ встрѣтились.

— Рахиль, моя милая.

Она взяла его руку. Стефенъ снова улыбнулся и сказалъ.

— Не выпускай моей руки, моя добрая Рахиль!

— Ты сильно страдаешь, мой милый, мой добрый Стефенъ?

— Я страдалъ, но теперь нѣтъ. Я страдалъ долго.... ужасно страдалъ.... моя милая.... но теперь все прошло. Ахъ, Рахиль, какой во всемъ безпорядокъ! Во всемъ, во всемъ рѣшительно. Я упалъ въ шахту, которая, какъ говорятъ старики, стоила жизни сотнямъ и сотнямъ людей, отцовъ, сыновей и братьевъ, которые были дороги тысячамъ и тысячамъ, и спасали ихъ отъ нужды и голода. Я упалъ въ копь, которая своимъ газомъ убиваетъ людей жесточѣе войны.

— Ты не забыла, Рахиль, твоей маленькой сестры. Нѣтъ, ты не такая, чтобы забыть и ее и меня, который теперь такъ близокъ къ ней. Ты помнишь — бѣдная, терпѣливая, страдающая Рахиль,—помнишь, какъ ты трудилась для нее, когда она цѣлый день просиживала на своемъ маленькомъ стуликѣ у твоего окна, — помнишь какъ она умерла, — невиннымъ, но несчастнымъ младенцемъ, умерла, — потому что не имѣла чистаго воздуха, потому что жила въ жалкихъ жилищахъ рабочихъ людей. — Вездѣ безпорядокъ, — Рахиль, — во всемъ безпорядокъ!

Въ это время подошла къ нему Луиза; но, обращенный лицомъ къ темному небу, Стефенъ не могъ ее видѣть.

— Еслибъ всѣ вещи, которыя касаются насъ, не были въ такомъ безпорядкѣ, тебѣ бы не зачѣмъ было приходить сюда. Еслибъ не было такого безпорядка между нашей собратіей, — они бы меня не обвинили. Еслибъ мистеръ Бондерби узналъ меня, какъ слѣдовало, или, еслибъ онъ совсѣмъ меня не узнавалъ, онъ бы не сердился на меня, не подозрѣвалъ бы меня. Но посмотри вонъ туда, Рахиль, — посмотри вверхъ.

Смотря по направленію его глазъ, Рахиль догадалась, что онъ показывалъ ей на звѣзду.

— Она свѣтила мнѣ, сказалъ онъ съ благоговѣніемъ: — въ моихъ страданіяхъ, во тьмѣ этой пропасти. Она освѣщала мой умъ. Глядя на нее, я думалъ о тебѣ, Рахиль, и безпорядокъ въ умѣ моемъ прекращался. Если кто надлежащимъ образомъ не понималъ меня, то и я въ свою очередь, не понималъ другихъ. Когда я получилъ твое письмо, я тотчасъ же подумалъ, что между молодою лэди, которая говорила со мною и оказала мнѣ помощь, и ея братомъ, который также говорилъ со мной, были злые умыслы. Когда я упалъ, я очень сердился на нее, и спѣшилъ оказать ей такую же несправедливость, какую оказали мнѣ. Но въ нашихъ сужденіяхъ, какъ и въ нашихъ дѣлахъ мы должны быть осмотрительнѣе, и воздерживаться отъ скораго осужденія. Въ моей печали и страданіяхъ, глядя на эту звѣзду, освѣщавшую мой умъ, я видѣлъ все яснѣе, и въ предсмертной молитвѣ просилъ Бога, да распутается этотъ безпорядокъ, да станутъ люди лучше понимать другъ друга, чтобъ лучше было другимъ, чѣмъ мнѣ.

Выслушавъ эти слова, Луиза нагнулась надъ нимъ съ противоположной стороны отъ Рахили, такъ, чтобы онъ и ее могъ видѣть.

— Вы слышали? сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Я не забылъ васъ, лэди.

— Да, Стефенъ, я слышала. Твоя молитва и моя молитва.

— У васъ есть отецъ. Вы передадите ему отъ меня нѣсколько словъ.

— Онъ самъ здѣсь, сказала Луиза, съ ужасомъ. Не подвести ли его?

— Сдѣлайте милость.

Луиза подвела отца. Стоя рука въ руку, они оба смотрѣли на торжественное выраженіе въ лицѣ страдальца.

— Сэръ, вы оправдаете меня; вы смоете пятно съ моего имени. Я поручаю вамъ это.

Мистеръ Градгрэиндъ смутился, и спросилъ: какимъ же образомъ?

— Вашъ сынъ скажетъ вамъ какимъ образомъ. Спросите у него. Я никого не обвиняю: я ничего не оставляю за собою, ни даже слова. Я видѣлся съ вашимъ сыномъ и говорилъ съ нимъ. Это было вечеромъ. Я ничего больше ни прошу отъ васъ, какъ только оправдать меня, и надѣюсь, что вы исполните это.

Работники были готовы нести его; докторъ торопилъ этимъ; тѣ, кто имѣлъ факелы и фонари, приготовились идти впереди носилокъ. Но прежде, чѣмъ двинулось шествіе, Стефенъ сказалъ Рахили, продолжая смотрѣть на звѣзду:

— Часто, когда я приходилъ въ себя и когда видѣлъ, что она не перестаетъ свѣтить мнѣ въ моихъ страданіяхъ, я думалъ, что это та самая звѣзда, которая указывала путь къ дому нашего Спасителя. Я даже теперь думаю, что это та самая звѣзда.

Работники подняли носилки, и Стефенъ былъ въ восторгѣ, что его понесли по направленію, которое, какъ оказалось ему, указывала эта звѣзда.

— Рахиль, моя милая Рахиль! Не выпускай моей руки! Въ этотъ вечеръ, моя добрая Рахиль, мы можемъ идти вмѣстѣ!

— Я буду держать твою руку, Стефенъ, сказала Рахиль: и буду идти подлѣ тебя во всю дорогу.

— Богъ да благословитъ тебя!

— Будьте такъ добры, покройте мнѣ лицо!

Бережно несли его по полямъ, по дорожкамъ, по обширному ландшафту. Рахиль все время не выпускала руки Стефена изъ своей руки. Легкій шопотъ изрѣдка прерывалъ печальное безмолвіе. И скоро носилки умирающаго стали одромъ умершаго. Звѣзда указала, гдѣ найти защитника и покровителя несчастныхъ; путемъ смиренія, скорби, страданій, любви къ ближнему и прощенія обидъ, онъ достигъ наконецъ вѣчнаго успокоенія — вѣчнаго блаженства.

ГЛАВА XXXV.

ТРАВЛЯ ВОЛЧОНКА.

Прежде чѣмъ цѣпь вокругъ адской шахты была разорвана, одна фигура изчезла изъ ея средины. Мистеръ Бондерби и его безотвязная тѣнь не стояли подлѣ Луизы, державшей за руку своего отца, но расположились отдѣльно въ нѣкоторомъ отдаленіи. Когда мистеръ Градгрэиндъ былъ потребованъ къ умирающему, Сисси, внимательно слѣдившая за всѣмъ, что вокругъ нее происходило, тихонько подошла сзади къ Волчонку, на лицѣ котораго изображался ужасъ, хотя никто этого не замѣчалъ, потому что всѣ взоры прикованы были къ одному предмету, и что-то прошептала ему на ухо. Не поворачивая головы, онъ сдѣлалъ нѣсколько возраженій Сисси, и изчезъ, прежде, чѣмъ тронулось шествіе.

По пріѣздѣ домой, мистеръ Гадгрэиндъ послалъ въ домъ Бондерби записку, приказывая своему сыну немедленно къ нему явиться; но на эту записку онъ получилъ отвѣтъ, что мистеръ Бондерби потерялъ его въ толпѣ, и не видя его съ тѣхъ поръ полагалъ, что онъ находится въ Каменномъ Пріютѣ.

— Я думаю, батюшка, сказала Луиза, въ эту ночь онъ не воротится въ городъ.

Мистеръ Градгрэиндъ ушелъ, не сказавъ ни слова.

Поутру онъ самъ отправился въ банкъ, и увидѣвъ, что мѣсто сына пусто, пошелъ по улицѣ, по которой долженъ былъ встрѣтить мистера Бондерби, идущаго въ банкъ. Они

встрѣтились. Мистеръ Градгрэиндъ объявилъ банкиру, что по причинамъ, которыя объяснитъ въ скоромъ времени и о которыхъ умолялъ его теперь не спрашивать, онъ признавалъ необходимымъ на нѣкоторое время поручить своему сыну занятіе въ другомъ мѣстѣ. Онъ объявилъ также, что на немъ лежитъ обязанность оправдать Стефена Блэкпуля и указать дѣйствительнаго вора. Это извѣстіе какъ громъ поразило мистера Бондерби; такъ, что когда тесть его ушолъ, онъ неподвижно оставался на улицѣ, надуваясь какъ огромнѣйшій мыльный пузырь, только безъ его радужныхъ цвѣтовъ.

Мистеръ Градгрэиндъ воротился домой, заперся въ своемъ кабинетѣ и оставался въ немъ въ теченіе цѣлаго дня. Когда Сисси и Луиза постучались къ нему, онъ отвѣчалъ, не отпирая дверей: «Подождите, мои милыя, до вечера.» Но и вечеромъ онъ не принялъ ихъ:

— Я не могу еще видѣть васъ, сказалъ онъ: — завтра! завтра!

Во весь день онъ ничего не ѣлъ; вечеромъ не зажигалъ огня, и слышали, какъ онъ ходилъ по кабинету до поздней ночи.

Поутру онъ явился къ завтраку въ обычный часъ, и занялъ за столомъ свое обычное мѣсто. Казалось, что въ теченіе минувшей ночи онъ постарѣлъ еще болѣе, но за то онъ казался разумнѣе, добрѣе и лучше, чѣмъ въ тѣ дни, когда въ этой жизни онъ ни къ чему такъ не былъ привязанъ, какъ къ фактамъ. Выходя изъ столовой, онъ назначилъ время, когда къ нему придти, и, поникнувъ сѣдой головой своей, снова удалился въ кабинетъ.

— Милый батюшка, сказала Луиза, явившись къ нему вмѣстѣ съ Сисси, въ назначенный часъ: — у васъ еще остается трое молодыхъ дѣтей. Они будутъ совсѣмъ другіе, даже я буду другая, съ Божею помощью.

И вмѣстѣ съ этимъ она подала Сисси свою руку, какъ будто хотѣла этимъ сказать: «и съ твоею помощью.»

— Такъ ты думаешь, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ: — что твой преступный братъ составилъ этотъ планъ, въ тотъ вечеръ, когда ты ходила съ нимъ въ квартиру Стефена.

— Я боюсь, что тогда. Я знаю, что онъ очень нуждался въ деньгахъ и издерживалъ ихъ чрезвычайно много.

— Неужели онъ воспользовался намѣреніемъ бѣднаго человѣка оставить городъ, чтобъ свалить на него подозрѣнія?

— Я полагаю, батюшка, что эта мысль пришла ему на умъ, когда онъ сидѣлъ тамъ. Потому что я его просила сходить туда со мной, но не онъ мнѣ предложилъ сдѣлать этотъ визитъ.

— И онъ разговаривалъ съ этимъ бѣднякомъ?... Не отводилъ ли онъ его въ сторону?

— Онъ выводилъ его изъ комнаты. Я послѣ спрашивала брата, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, и получила весьма благовидный отвѣтъ; но со вчерашняго вечера, когда я начала припоминать всѣ предшествовавшія обстоятельства въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ, мнѣ кажется, что я могу слишкомъ вѣрно опредѣлить какого рода былъ между ними разговоръ.

— Объясни же мнѣ его, сказалъ отецъ: — неужели твои мысли представляютъ твоего преступнаго брата, въ томъ мрачномъ видѣ, въ какомъ я его представляю себѣ.

— Я боюсь, батюшка, говорила Луиза, замѣтно колеблясь: — я боюсь, что онъ отъ моего имени, а можетъ быть и отъ своего — сдѣлалъ Стефену предложеніе, которое заставило добраго и честнаго старика сдѣлать то, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ, и ждать у банка въ теченіе двухъ-трехъ вечеровъ, остававшихся до дня его выхода, изъ города.

— Да, это ясно! возразилъ отецъ. — Это слишкомъ ясно!

Онъ прикрылъ руками лицо, и на нѣсколько секундъ оставался безмолвнымъ.

— И теперь, гдѣ мы найдемъ его? сказалъ онъ. — Какимъ образомъ спасемъ его отъ правосудія? Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, которыми я могу промедлить до открытія истины, какимъ образомъ намъ отыскать его, только намъ однимъ и больше никому? Даже деньги, хотя бы это стоило десяти тысячь фунтовъ стерлинговъ, не помогутъ намъ въ этомъ.

— Батюшка, сказала Луиза: — Сисси безъ денегъ уже помогла намъ.

Мистеръ Градгрэиндъ приподнялъ глаза свои и устремилъ ихъ туда, гдѣ стояла Сисси. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на добрую волшебницу, обитавшую въ его домѣ.

— Ты всегда и во всемъ намъ помогаешь, мое милое дитя! сказалъ онъ голосомъ, въ мягкихъ тонахъ котораго отзывались и признательность и нѣжная любовь.

— Еще третьяго дня, мы имѣли свои опасенія, сказала Сисси, взглянувъ на Луизу. — И когда я увидѣла вчера, что васъ подвели къ носилкамъ, и слышала все, что было сказано до васъ,—вѣдь я все время стояла подлѣ Рахили,—я, никѣмъ не замѣченная, подошла къ вашему сыну, и сказала ему: — Не смотрите на меня. Глядите туда, гдѣ вашъ отецъ. Немедленно спасайтесь бѣгствомъ, для спасенія чести какъ вашего отца, такъ и вашей. Передъ этимъ онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но мои слова изумили его, и онъ задрожалъ еще сильнѣе. «— Куда я побѣгу? сказалъ онъ. — У меня нѣтъ денегъ, да къ тому же и не знаю кто согласится скрыть меня!» Я вспомнила о труппѣ странствующихъ комедіантовъ, къ которой принадлежалъ мой отецъ. Я не забыла около какихъ мѣстъ мистеръ Слири проходитъ въ это время года, тѣмъ болѣе, что читала объ немъ въ газетахъ не далѣе какъ третьяго дня. Я велѣла ему поспѣшить туда, объявить свое имя, и просить покровительства мистера Слири, до моего пріѣзда. «— Я буду у него до наступленія утра, сказалъ Томъ.»

И я видѣла, какъ онъ пробрался сквозь толпу и исчезъ.

— Слава Богу! воскликнулъ отецъ. — Его еще можно отправить заграницу.

Тѣмъ болѣе было надежды на эту возможность, что городъ, на который указала Сисси, находился на три часа ѣзды отъ Ливерпуля, откуда какъ нельзя удобнѣе и легче можно было отправить Тома въ какую угодно часть свѣта. Но осторожность въ сообщеніи съ нимъ была необходима, потому что теперь съ каждой минутой все болѣе и болѣе увеличивалась опасность, что подозрѣніе окончательно упадетъ на него, и нельзя было ручаться, что самъ мистеръ Бондерби изъ усердія къ общественному благу, не разыграетъ роль римлянина. Вслѣдствіе этого было рѣшено, что Сисси и Луиза отправятся въ городъ, гдѣ долженъ находиться Томъ, окольнымъ путемъ, между тѣмъ какъ несчастный отецъ, выѣхавъ изъ Кокстоуна, совершенно въ противоположную сторону, долженъ прибыть къ тому же мѣсту, другою и болѣе дальнею дорогой. Далѣе было положено, что отецъ не долженъ являться къ мистеру Слири, чтобъ не возбудить въ этомъ человѣкѣ подозрѣнія, или не принудить сына убѣжать куда нибудь въ другое мѣстѣ; но что всякаго рода переговоры должны быть предоставлены Сисси и Луизѣ, которыя и

должны извѣстить объ угрожающей бѣдѣ, о пріѣздѣ отца и о цѣли, съ какой они пріѣхали. Когда весь этотъ планъ былъ совершенно обдуманъ и надлежащимъ образомъ понятъ всѣми тремя, наступило и время привести его въ исполненіе. Вскорѣ послѣ полдня, мистеръ Грандгрэиндъ вышелъ изъ дому прямо за городъ, къ той линіи желѣзной дороги, по которой ему предстояло совершить путешествіе; а вечеромъ Сисси и Луиза отправились своей дорогой, весьма довольные тѣмъ, что не встрѣтили ни одного знакомаго лица.

Онѣ ѣхали всю ночь безостановочно, и рано поутру остановились на болотѣ миляхъ въ двухъ отъ города — цѣли ихъ поѣздки. Изъ этого угрюмаго, негостепріимнаго мѣста ихъ освободилъ старый почтальонъ, который къ особенному счастью путешественницъ проснулся весьма рано, и весьма усердно погонялъ лошадей. Такимъ образомъ, Сисси и Луиза примчались въ городъ по самымъ глухимъ проселочнымъ дорогамъ и околицамъ, гдѣ, повидимому, обитали одни только поросята; въѣздъ весьма не великолѣпный, но тѣмъ не менѣе упрочивавшій безопасность спутницъ.

Первый предметъ, поразившій ихъ зрѣніе при въѣздѣ въ городъ, былъ остовъ деревяннаго цирка мистера Слири. Труппа удалилась въ другой городъ миль за двадцать и уже открыла тамъ свои представленія. Сообщеніемъ между этими двумя мѣстами служила гористая дорога, по которой весьма медленно совершалась ѣзда. Хотя Луиза и Сисси употребили весьма немного времени на торопливый завтракъ и не позволили себѣ ни малѣйшаго отдыха, да и тщетно стали бы онѣ искать отдохновенія при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, но былъ уже полдень, когда начали показываться на житницахъ и городскихъ стѣнахъ афиши мистера Слири, и часъ по полудни, когда экипажъ остановился на торговой площади.

Начиналось большое утреннее представленіе волтижеровъ, какъ возвѣщалъ глашатый, когда Сисси и Луиза ступили на каменную мостовую. Чтобъ избѣжать распросовъ и не привлечь къ себѣ вниманія, Сисси рекомендовала представиться прямо въ циркъ. Если у кассы находился мистеръ Слири, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ бы узналъ ее и сталъ бы дѣйствовать по всѣмъ правиламъ благоразумія. Если же его не было у кассы, то, вѣроятно, находился на сценѣ, и

знаая, что онъ сдѣлалъ съ бѣглецомъ, сталъ бы поступать не менѣе благоразумно.

Съ замираніемъ сердца рѣшились онѣ подойти къ давно знакомому имъ балагану. Тотъ же флагъ, съ надписью: «Конское ристалище мистера Слири», развѣвался надъ нимъ; тотъ же готическій павильонъ стоялъ у самагo входа, но мистера Слири не было въ этомъ павильонѣ. Мастеръ Киддерминстеръ, достигшій слишкомъ зрѣлаго возраста, чтобъ представлять безумное легковѣріе милаго Купидона, покорился наконецъ непреодолимой силѣ обстоятельствъ, въ томъ числѣ и бородѣ, и въ качествѣ человѣка, способнаго на все, при этомъ случаѣ присутствовалъ за кассой, имѣя, между прочимъ, подъ рукой барабанъ, которому онъ посвящалъ свободныя минуты и излишекъ своихъ силъ. Напрягая все свое зрѣніе, чтобъ не проскользнула какъ нибудь фальшивая монета, мастеръ Киддерминстеръ, поставленный на такой важный постъ, кромѣ денегъ, ничего не видѣлъ; такимъ образомъ, Сисси прошла мимо его неузнанная, и вмѣстѣ съ Луизой вошла въ балаганъ.

Индѣйскій султанъ, на старой бѣлой лошади съ черными крапинами, вертѣлъ на пальцѣ сразу пять мѣдныхъ тазовъ, такъ какъ это составляло его любимое препровожденіе времени. Сисси, хотя очень хорошо знакома была съ его происхожденіемъ, не имѣла однакоже счастія лично знать его,— знала только что его царствованіе протекало мирно. Миссъ Джозефина Слири, должна была исполнить, какъ объявилъ новый клоунъ, роль тирольской наѣздницы; вслѣдъ за тѣмъ явился и мистеръ Слири, и представилъ публикѣ миссъ Джозефину.

Мистеръ Слири только разъ успѣлъ хлопнуть длиннымъ бичемъ своимъ подъ самыми ушами клоуна, и клоунъ только разъ успѣлъ проговорить: «если ты еще разъ это сдѣлаешь, я брошу въ тебя лошадью!» какъ Сисси была уже узнана и отцомъ и дочерью. Но какъ тотъ, такъ и другая продолжали дѣйствовать съ величайшимъ хладнокровіемъ; и, кромѣ только перваго момента, мистеръ Слири сохранялъ такое же выраженіе въ подвижномъ своемъ глазѣ, какое усматривалось въ неподвижномъ. Для Сисси и Луизы представленіе казалось чрезвычайно длиннымъ, особливо когда оно остановилось, чтобъ доставить клоуну случай помолоть

различный вздоръ и потѣшить публику. Наконецъ маленькая бѣлокурая Джозефина сдѣлала книксенъ среди громкихъ рукоплесканій. На сценѣ остался одинъ только клоунъ; какъ вдругъ кто-то прикоснулся къ плечу Сисси и пригласилъ ее выдти.

Сисси взяла съ собой и Луизу; онѣ были приняты мистеромъ Слири въ весьма маленькомъ отдѣльномъ аппартаментѣ, съ парусинными стѣнами, съ землянымъ поломъ и деревяннымъ косымъ потолкомъ, надъ которымъ зрители, апплодируя, стучали ногами такъ сильно, какъ будто хотѣли проломить его и готовы были обрушиться отъ изступленныхъ апплодисементовъ.

— Цецилія, сказалъ мистеръ Слири, съ стаканомъ грогу въ рукѣ: — душевно радъ что тебя вижу. Ты всегда была нашей любимицей, и ты заслужила нашу любовь съ давнихъ временъ. Прежде чѣмъ начнемъ мы говорить о дѣлѣ, ты должна повидаться съ нашими, иначе они крѣпко огорчатся — особливо женщины. Вотъ это Джозефина — дочь моя; она замужемъ за Чайлдерсомъ, и имѣетъ уже мальчика. Хотя малюткѣ всего только три года, но онъ усидитъ на какой угодно лошади. Мы зовемъ его «маленькимъ чудомъ схоластической эквилибристики», и если ты не слышала о немъ въ Лондонскомъ циркѣ, то непремѣнно услышишь въ Парижѣ. А помнишь ли ты Киддерминстера, который былъ къ тебѣ неравнодушенъ? Помнишь? Онъ тоже женатъ. Женился на вдовѣ, которая годится ему въ матери. Она плясала по канату; плясала когда-то, а теперь не пляшетъ — потому что очень растолстѣла. У нихъ двое дѣтей, — премиленькихъ! Еслибъ ты видѣла какъ они представляютъ «Дѣтей въ лѣсу», когда отецъ ихъ и мать умираютъ на конскомъ скаку, когда дядя ихъ беретъ ихъ, тоже на скаку, подъ свое покровительство, когда прилетаютъ реполовы чтобъ прикрыть ихъ листьями, — ты бы сказала, что это такое совершенство, на какомъ еще ни разу не останавливались твои глаза! Не забыла ли ты Эмму Гордонъ, которая замѣняла тебѣ мать? Ужь вѣрно не забыла; мнѣ бы не слѣдовало объ этомъ и спрашивать. Бѣдняжка! лишилась мужа! Онъ упалъ со слона, на которомъ сидѣлъ въ пагодѣ, въ качествѣ индѣйскаго султана, сломалъ себѣ спину и умеръ. Эмма вышла за другаго, — за сырщика, который влюбленъ въ нее, и она живетъ теперь припѣваючи.

Эти различныя перемѣны, мистеръ Слири,—котораго одышка замѣтно увеличилась, — разсказывалъ съ особеннымъ расположеніемъ и удивительнымъ простосердечіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ ввелъ Джозефину и Чайлдерса, котораго черты лица при дневномъ свѣтѣ казались довольно крупными, — принесъ на рукахъ маленькое чудо схоластической эквилибристики — словомъ собралъ всю труппу. Какими удивительными созданіями представлялись всѣ они глазамъ Луизы съ бѣленькими и румяными личиками, въ такихъ воздушныхъ хорошенькихъ платьяхъ и съ такими открытыми ногами! пріятно было видѣть какъ они толпились вокругъ Сисси! И Сисси не могла удержаться отъ слезъ.

— Ну довольно! сказалъ мистеръ Слири. — Цецилія перецаловала всѣхъ дѣтей, обняла всѣхъ женщинъ, пожала руку всѣмъ мужчинамъ, значитъ теперь можно отправляться по своимъ мѣстамъ, и приказать музыкантамъ начинать второе дѣйствіе.

— Теперь Цецилія, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, когда всѣ разошлись: — я не хочу знать ваши тайны, но полагаю что это миссъ сквайръ.

— Да. Это *его* сестра.

— А другаго сквайра дочь. Я это и хотѣлъ сказать. Надѣюсь, миссъ, я вижу васъ въ добромъ здоровьѣ? Надѣюсь что и здоровье сквайра находится въ хорошемъ состояніи?

— Мой отецъ пріѣдетъ сюда въ непродолжительномъ времени, отвѣчала Луиза, нетерпѣливо желавшая привести его къ сущности дѣла.— Скажите, въ безопасности ли мой братъ?

— Въ совершенной безопасности! отвѣчалъ онъ. — Я бы желалъ, миссъ, чтобъ вы заглянули на сцену, вотъ отсюда. Цецилія ты знаешь эти уловки: найди для себя удобную дырочку.

И всѣ они начали смотрѣть сквозь щели деревянныхъ досокъ.

— Сегодня будетъ представляться Джекъ Гигантъ — богатырь — комическая дѣтская пьеса, сказалъ Слири. — Вонъ тамъ, въ сторонѣ, вы видите маленькій домикъ, въ которомъ укрывается Джекъ отъ непогоды; а вонъ тамъ, мой клоунъ съ соусной кострюлей и вертеломъ представляетъ повара; а вонъ тамъ и самъ маленькій Джонъ, въ великолѣпномъ черномъ вооруженіи; а вонъ тамъ два негра, вдвое выше до-

мика, они должны стоять подлѣ домика, и наблюдать въ немъ за чистотой и порядкомъ: видители вы ихъ всѣхъ?

— Видимъ, въ одинъ голосъ сказали Сисси и Луиза.

— Посмотрите на нихъ еще разъ, сказалъ мистеръ Слири: — посмотрите на нихъ хорошенько. Видите ихъ всѣхъ? И прекрасно. Теперь, миссъ, — при этомъ онъ пододвинулъ къ нимъ скамейку и попросилъ присѣсть: — позвольте вамъ сказать, я имѣю свое собственное мнѣніе, какъ имѣетъ его сквайръ — вашъ отецъ. Я не хочу знать, что надѣлалъ вашъ братъ, — да для меня еще и лучше не знать объ этомъ. Все что я хочу сказать, заключается въ томъ, что сквайръ помогъ Цециліи, а я помогу сквайру. Вашъ братъ теперь на сценѣ и въ одномъ изъ негровъ вы должны узнать его.

Изъ груди Луизы вылетѣло восклицаніе, выражавшее въ половину глубокую горесть и въ половину радость.

— Это фактъ, сказалъ Слири: — и даже зная это, вы съ трудомъ повѣрите, что это вашъ братъ. Пусть придетъ сквайръ. Я удержу вашего братца здѣсь и послѣ представленія. Я не стану раздѣвать его, и не позволю ему смыть съ себя сажу. Пусть придетъ сюда сквайръ послѣ представленія, или придите вы сами, и вы увидите вашего братца и будете имѣть весь циркъ въ вашемъ распоряженіи. Не обращайте вниманія на его наружность, при ней онъ внѣ всякой опасности.

Луиза не находила словъ выразить свою благодарность. Тяжелый камень отпалъ отъ ея сердца. Не удерживая долѣе мистера Слири, она, съ глазами полными слезъ, попросила поклониться своему нѣкогда любимому брату, и вмѣстѣ съ Сисси удалилась изъ цирка до вечера.

Мистеръ Градгрэиндъ пріѣхалъ часомъ позже. Онъ тоже не встрѣтилъ никого изъ своихъ знакомыхъ; и теперь только и думалъ о томъ, какъ бы ему, съ помощію Слири, отправить своего безчестнаго сына въ Ливерпуль въ ту же ночь. Такъ какъ никто изъ нихъ не могъ провожать Тома, не подвергая его опасности быть узнаннымъ въ какомъ бы то ни было костюмѣ, то мистеръ Градгрэиндъ написалъ письмо къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, на котораго могъ вполнѣ положиться, умоляя его отправить подателя письма, чего бы это ни стоило, въ Сѣверную или Южную Америку; словомъ, въ какую бы то ни было отдаленную часть свѣта, лишь бы только отправить въ самомъ скорѣйшемъ времени и

самымъ скрытнымъ образомъ. Сдѣлавъ это, они начали ходить около цирка, ожидая, когда выдутъ изъ него не только зрители, но труппа и лошади. Наблюдая за этимъ въ теченіи длиннаго промежутка времени, они увидѣли, наконецъ, что мистеръ Слири вынесъ стулъ, сѣлъ на него у самаго входа и закурилъ трубку, какъ будто давая этимъ знать, что они могутъ приблизиться.

— Вашъ покорный слуга, сквайръ, сказалъ Слири, когда мистеръ Градграиндъ проходилъ мимо его. Если я вамъ понадоблюсь, вы можете найти меня здѣсь. Не забудьте, что вашъ сынъ въ шутовскомъ костюмѣ.

Всѣ трое вошли въ циркъ. Мистеръ Градграиндъ, убитый горемъ, опустился на табуретку клоуна въ самой серединѣ сцены. На одной изъ заднихъ скамеекъ, въ полусвѣтѣ и въ такомъ странномъ мѣстѣ, сидѣлъ преступный Волчонокъ, котораго мистеръ Градграиндъ имѣлъ несчастіе называть своимъ сыномъ.

Въ безобразномъ кафтанѣ, съ обшлагами и фалдами увеличенными до невѣроятной длины; въ огромномъ жилетѣ, въ коротенькихъ штанахъ, башмакахъ съ пряжками и дурацкомъ колпакѣ; ни одна вещь не была ему впору; все сдѣлано было изъ грубаго матеріала, все проѣдено молью; вездѣ виднѣлись дырья; съ полосами по чорному лицу, на которомъ сквозь сальный составъ краски, проявлялась боязнь; — короче, Волчонокъ представился мистеру Градграинду въ такомъ пошломъ и въ высшей степени смѣшномъ и жалкомъ видѣ, что онъ ни за что бы въ мірѣ не повѣрилъ глазамъ своимъ, что въ этой фигурѣ видитъ свое кровное дѣтище; но это былъ осязаемый фактъ, имѣющій и вѣсъ и мѣру. И вотъ до чего доведенъ одинъ изъ его образцовыхъ дѣтей!

Сначала Волчонокъ не хотѣлъ приблизиться къ отцу, и упорно оставался на своемъ мѣстѣ. Уступая наконецъ просьбамъ Сисси — на Луизу онъ вовсе не хотѣлъ обращать вниманія — онъ началъ спускаться съ одной скамейки на другую, и сталъ какъ вкопанный у самаго барьера.

— Какъ это было сдѣлано? спросилъ отецъ.

— Что̀ такое было сдѣлано? угрюмо отвѣчалъ сынъ.

— Покража денегъ въ банкѣ, сказалъ отецъ, возвысивъ голосъ.

— Я разломалъ бюро наканунѣ, и уходя, оставилъ его открытымъ. Ключь къ банку, я поддѣлалъ задолго до покражи. Я нарочно подбросилъ его къ банку, чтобы нашли его и подумали, что онъ былъ въ дѣлѣ. Я взялъ эти деньги не вдругъ, но бралъ ихъ по немногу. По счетамъ, я каждый вечеръ выводилъ ихъ въ расходъ, но не могъ всѣхъ вывести. Теперь вы знаете все.

— Громовой ударъ не поразилъ бы меня такъ сильно, какъ поражаютъ меня твои слова, сказалъ отецъ.

— Я не вижу, почему это такъ, проворчалъ Волчонокъ: — есть много людей, которые занимаютъ обязанности, требующія особаго довѣрія, и многіе изъ этихъ людей оказываются безчестными.

Отецъ закрылъ лицо руками, а сынъ продолжая сохранять свою смѣшную фигуру, кусалъ солому. Его руки, на которыхъ черная краска частію стерлась, — казались лапами большой обезьяны. Вечеръ быстро приближался къ ночи, и Волчонокъ отъ времени до времени безпокойно и нетерпѣливо обращалъ бѣлки своихъ глазъ на отца. Черная краска такъ густо покрывала лицо его, что бѣлки его глазъ составляли единственныя части его лица, которыя обличали жизнь или выраженіе.

— Тебя нужно отправить въ Ливерпуль, и оттуда ты долженъ бѣжать за границу.

— Полагаю, что долженъ. Хуже такого положенія, въ какомъ я находился съ дѣтскаго возраста, проворчалъ Волчонокъ: — для меня не можетъ быть нигдѣ. Это вѣрно.

Мистеръ Градгрэиндъ подошелъ къ дверямъ и воротился съ мистеромъ Слири, которому онъ предложилъ вопросъ:

Какимъ образомъ сбыть съ рукъ это жалкое созданіе?

— Я и самъ думалъ объ этомъ. Какъ вы хотите, а времени нельзя терять, и вы должны сказать: — да или нѣтъ. Отсюда до желѣзной дороги миль двадцать. Черезъ полчаса пойдетъ дилижансъ, который долженъ застать легкій поѣздъ. Этотъ поѣздъ доставитъ вашего сына въ Ливерпуль.

— Но взгляните на него, простоналъ мистеръ Градгрэиндъ. Въ этомъ видѣ....

— Я не говорю, что онъ долженъ отправиться въ шутовскомъ костюмѣ, — нѣтъ! сказалъ Слири: — скажите толь-

ко слово и черезъ пять минутъ, съ помощію моего гардероба, я сдѣлаю изъ него другаго шута.

— Я не понимаю васъ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Я одѣну его извощикомъ. Рѣшайтесь скорѣе, сквайръ. Я сбѣгаю за пивомъ. Признаюсь, кромѣ пива, я не встрѣчалъ еще никакого средства, которое бы такъ скоро и такъ хорошо смывало сальную краску.

Мистеръ Градгрэиндъ, нисколько не медля, согласился. Мистеръ Слири, нисколько не медля, вынулъ изъ ящика блузу, поярковую шляпу и другія принадлежности. Волчсонокъ, нисколько не медля, переодѣлся за парусинной ширмой; въ заключеніе всего, мистеръ Слири принесъ пиво и вымылъ Волчонку лицо.

— Теперь, сказалъ Слири: — пойдемъ къ дилижансу. Вы садитесь назади, я тоже тамъ сяду, и всѣ будутъ думать, что вы изъ моей труппы. Проститесь съ родными, да какъ можно скорѣе!

И вмѣстѣ съ этимъ онъ изъ деликатности удалился.

— Вотъ тебѣ письмо, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ. — Тебѣ будутъ доставлены всѣ необходимыя средства. Старайся раскаяніемъ и хорошимъ поведеніемъ загладить гнусный свой поступокъ, который довелъ тебя до такихъ ужасныхъ послѣдствій. Дай мнѣ руку, несчастный мой сынъ, и да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю.

Эти слова и ихъ трогательный тонъ вызвали нѣсколько слезъ на глаза преступника. Но, когда Луиза открыла объятія свои, чтобы проститься съ нимъ, онъ безъ церемоніи оттолкнулъ ее.

— Я не хочу съ тобой прощаться. Я не хочу больше говорить съ тобой.

— О, Томъ, Томъ! Неужели мы такъ разстанемся, послѣ всей моей любви къ тебѣ!

— Послѣ всей твоей любви! злобно возразилъ Томъ. — Хороша любовь! Оставила стараго Бондерби на его произволъ, выпроводила вонъ моего лучшаго друга Гартгауза, и въ заключеніе всего, убѣжала домой, въ то время, когда я находился въ величайшей опасности! Нечего сказать, хороша эта любовь! Разболтать всему свѣту о томъ, что мы посѣщали этого нищаго, и разболтать въ то время, когда меня со всѣхъ

сторонъ окружали уже сѣтью. Хороша любовь! Ты просто выдала меня. Ты обо мнѣ никогда не заботилась.

— Скорѣе! скорѣе! сказалъ Слири, изъ дверей.

И они пошли въ безпорядкѣ. Луиза со слезами говорила Тому, что она прощаетъ его, что она любила его, что рано или поздно, но онъ будетъ сожалѣть о томъ, что такъ простился съ ней, и будетъ вспоминать объ этихъ словахъ, какъ вдругъ на встрѣчу имъ вбѣжалъ мужчина. Мистеръ Градгрэиндъ и Сисси, находившіеся впереди Тома, на плечо котораго склонилась Луиза, съ ужасомъ остановились и отступили назадъ.

Передъ ними стоялъ Битцеръ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, его тонкія губы отдѣлились одна отъ другой, его ноздри расширились, его бѣлыя рѣсницы дрожали, его безцвѣтное лицо сдѣлалось еще безцвѣтнѣе, какъ будто отъ сильнаго бѣжанія онъ доведенъ былъ до степени бѣлаго каленія, тогда какъ другіе отъ этого только разгорячаются. Онъ до того запыхался, и такъ тяжело дышалъ, какъ будто онъ ни на минуту не останавливался съ того давнишняго вечера, когда гнался за маленькой Сисси, и наткнулся на мистера Градгрэинда и на Бондерби.

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ разстроить ваши планы, сказалъ онъ наконецъ, покачавъ головой: — но я не позволю, чтобъ меня провели какіе нибудь комедіанты. Я долженъ взять молодаго мистера Тома; я не позволю, чтобъ его увезли комедіанты. Вотъ онъ! — въ блузѣ! я долженъ взять его!

И онъ схватилъ его за воротъ.

ГЛАВА XXXVI.

ФИЛОСОФІЯ.

Вся группа воротилась въ балаганъ. Слири заперъ за собою дверь, чтобъ не явились еще незваные гости. Битцеръ, все еще держа ошеломленнаго преступника за воротъ, стоялъ посрединѣ цирка и въ темнотѣ наступившихъ сумерекъ мигалъ передъ своимъ стариннымъ патрономъ.

— Битцеръ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ, съ отчаянiемъ покоряясь волѣ бѣлобрысаго лакея: — Битцеръ! есть ли въ тебѣ сердцѣ?

— Циркуляцiя крови, сэръ, не можетъ совершаться безъ сердца, отвѣчалъ Битцеръ, улыбаясь, при такомъ странномъ для него вопросѣ. — Ни одинъ человѣкъ, сэръ, сколько нибудь знакомый съ фактами, относительно циркуляцiи крови, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что я имѣю сердце.

— Но доступно ли оно чувству состраданiя? почти со слезами, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Оно доступно здравому разсудку, и больше ничему, отвѣчалъ превосходный молодой человѣкъ.

Они стояли глядя другъ на друга. Лицо мистера Градгрэинда было также блѣдно, какъ и его преслѣдователя.

— Какая причина заставила тебя воспрепятствовать побѣгу этого преступнаго юноши, и уничтожить его несчастнаго отца? спросилъ мистеръ Градгрэиндъ. — Посмотри, въ какомъ отчаянiи его сестра! О, Битцеръ! Пожалѣй насъ!

— Сэръ, отвѣчалъ Битцеръ голосомъ дѣловаго человѣка, и соблюдая въ словахъ своихъ логическую связь: — если вы желаете знать причину, по которой я намѣренъ задержать мистера Тома и привести его обратно въ Кокстоунъ, то я считаю благоразумнымъ сообщить ее вамъ. Я съ самаго начала подозрѣвалъ молодаго мистера Тома въ покражѣ. Я уже давно присматривалъ за нимъ, потому что зналъ его поведенiе. Но моихъ наблюденiй за нимъ я никому не довѣрялъ, я наблюдалъ за нимъ втайнѣ, и достигъ теперь самыхъ вѣрныхъ доказательствъ, кромѣ его побѣга, и кромѣ собственнаго признанiя, которое я подслушалъ вò-время и во всей подробности. Я имѣлъ удовольствiе наблюдать за вашимъ домомъ со вчерашняго утра, и ѣхалъ за вами по вашимъ слѣдамъ. Я намѣренъ задержать молодаго мистера Тома и привести обратно въ Кокстоунъ, съ тѣмъ, чтобъ передать его на руки мистеру Бондерби. Сэръ, я нисколько не сомнѣваюсь, что за такую услугу мистеръ Бондерби передастъ мнѣ мѣсто молодаго мистера Тома. А я очень желаю, сэръ, занять это мѣсто, потому что оно возвыситъ меня, и доставитъ мнѣ значительныя выгоды.

— Если это только разсчетъ съ твоей стороны.... Сколь-

ко же ты хочешь взять денегъ, въ замѣнъ ожидаемаго мѣста? спросилъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Благодарю васъ за это предложеніе, отвѣчалъ Битцеръ: — я не гонюсь за деньгами. Зная, что при такомъ здравомъ разсудкѣ, какъ вашъ, вы непремѣнно сдѣлаете мнѣ это предложеніе, я заранѣе свелъ свои расчеты, и нашелъ, что незаконная сдѣлка съ вами, даже при весьма хорошемъ вознагражденіи, не доставитъ мнѣ такихъ хорошихъ и вѣрныхъ выгодъ, какъ мое повышеніе въ банкѣ мистера Бондерби.

— Битцеръ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ, простирая къ нему руки съ умоляющимъ видомъ, какъ будто говоря: «посмотри, какъ я жалокъ!» — Битцеръ, у меня остается еще одинъ шансъ смягчить тебя. Ты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ въ моей школѣ. Если, въ воспоминаніи всѣхъ заботъ, употребленныхъ на твое воспитаніе, ты можешь сколько нибудь пожертвовать выгодами, которыхъ ты ожидалъ, то я умоляю тебя, предоставить моему сыну плоды этихъ воспоминаній.

При этомъ горькія слезы Сисси и Луизы, начинали тревожить его.

— Пожалуйста не плачте, сказалъ онъ: — это совершенно безполезно: ваши слезы только надоѣдаютъ. Вы можетъ статься думаете, что я питаю зло къ молодому мистеру Тому: вовсе нѣтъ! Я хочу только, по тѣмъ основательнымъ причинамъ, о которыхъ я уже упомянулъ, привезти его обратно въ Кокстоунъ. Если онъ станетъ сопротивляться, то я закричу, чтобы схватили вора, и подниму тревогу! Но будьте увѣрены, онъ до этого не доведетъ себя.

Мистеръ Слири, который, съ разинутымъ ртомъ, и подвижнымъ глазомъ остававшимся въ такомъ же бездѣйствіи, какъ и неподвижный, слушалъ Битцера съ величайшимъ вниманіемъ и при этихъ словахъ выступилъ впередъ.

— Сквайръ, вамъ очень хорошо извѣстно, и вашей дочери очень хорошо извѣстно, даже лучше, чѣмъ вамъ, потому что я объявилъ ей это, что я не зналъ и не хотѣлъ знать проступка вашего сына, — я даже сказалъ, что лучше если и не буду знать, полагая, что онъ сдѣлалъ какую нибудь обыкновенную шалость. Но когда этотъ молодой человѣкъ объя-

вилъ, что вашъ сынъ учинилъ покражу въ банкѣ, то дѣло становится довольно серьёзнымъ, и тѣмъ серьёзнѣе, что я нѣкоторымъ образомъ дѣлаюсь соучастникомъ вашего сына. И потому сквайръ, вы не сердитесь на меня, если я беру сторону этого молодаго человѣка, и говорю, что онъ правъ, и дѣлу вашему помочь нельзя. Но чтобъ не дѣлать огласки въ здѣшнемъ городѣ, я могу оказать вамъ одну услугу, а именно: безъ всякаго шума отвести вашего сына и этого молодаго человѣка на станцію желѣзной дороги. Больше я ничего не могу для васъ сдѣлать; но это сдѣлаю.

Начались новыя слезы со стороны Луизы. Горесть мистера Градгрэинда была невыразима, когда и послѣдній другъ покинулъ его. Сисси съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣла не мистера Слири и въ душѣ поняла его. Когда они выходили, Слири выразительно взглянулъ на нее своимъ подвижнымъ глазомъ, какъ будто приказывая ей держаться къ нему, какъ можно ближе. Запирая дверь, онъ торопливо сказалъ.

— Сквайръ помогъ тебѣ, Цицилія, за это и я помогу сквайру. Скажу больше: этотъ молодой человѣкъ удивительный бездѣльникъ, и принадлежитъ тому хвастуну, котораго *мои* чуть не выбросили изъ окна. Ночь будетъ темная. У меня есть лошадь, которая только что не говоритъ; у меня есть маленькая лошадка, которая подъ рукой Чайлдерса пробѣжитъ пятнадцать миль въ часъ; у меня есть собака, которая цѣлые сутки не дастъ человѣку тронуться съ мѣста. Постарайся обмѣняться словцомъ съ молодымъ сквайромъ. Скажи ему, чтобъ онъ не боялся, когда наша лошадь начнетъ танцовать, и ждалъ кабріолета. Когда подъѣдетъ этотъ кабріолетъ, чтобъ онъ въ одинъ моментъ перескочилъ въ него. Если моя собака позволитъ молодому человѣку пошевелить ногой, я дамъ ему волю бѣжать. И если моя лошадь до утра тронется съ мѣста, на которомъ начнетъ танцовать — такъ я тогда отрекаюсь отъ нее! Смотри же, скорѣе!

Все было сдѣлано такъ скоро, что черезъ десять минутъ мистеръ Чайлдерсъ, бродившій около площади, получилъ наставленія, и экипажъ мистера Слири былъ готовъ. Интересно было видѣть, какъ ученая собака съ лаемъ и визгомъ бѣгала вокругъ экипажа, какъ мистеръ Слири сообщалъ ей своимъ

одинокимъ глазомъ, что Битцеръ долженъ служить предметомъ ея особеннаго вниманія. Уже стемнѣло, когда Слири, Томъ и Битцеръ двинулись въ путь; ученая собака, громадное животное, не отставая ни на шагъ отъ колеса, уже пронзала Битцера взглядомъ готовая броситься на него при первой попыткѣ съ его стороны сдѣлать движеніе.

Мистеръ Градгрэиндъ, Луиза и Сисси въ величайшемъ недоумѣніи провели въ гостинницѣ цѣлую ночь, не смыкая глазъ. Въ восемь часовъ утра явились къ нимъ мистеръ Слири и его собака; какъ тотъ, такъ и другая находились въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

— Все благополучно, сквайръ, сказалъ мистеръ Слири: — въ эту минуту вашъ сынъ навѣрное на кораблѣ. Чайлдерсъ подхватилъ его, спустя часа полтора, послѣ нашего отъѣзда отсюда! Моя лошадь танцовала польку чуть не до упаду (она стала бы вальсировать, если бы была безъ упряжи), и потомъ преспокойно легла отдыхать. Когда этотъ отъявленный бездѣльникъ сказалъ, что онъ пѣшкомъ погонится за вашимъ сыномъ, моя собака въ одинъ моментъ вцѣпилась зубами въ его галстухъ, сдернула на землю и до того тормошила его, что онъ вскарабкался въ мой шарабанъ и сидѣлъ въ немъ какъ вкопанный до половины седьмаго, когда я повернулъ оглобли домой.

Разумѣется мистеръ Градгрэиндъ обременилъ его благодарностями, и намекнулъ ему, со всевозможной деликатностью, на хорошее денежное вознагражденіе.

— Говоря собственно о себѣ, сквайръ, я не нуждаюсь въ деньгахъ; но Чайлдерсъ, человѣкъ семейный, и если вы предложите ему ассигнацію въ пять фунтовъ стерлинговъ, то онъ не откажется. Если вы купите ошейникъ для моей собаки, и приборъ колокольчиковъ для лошади, то я съ удовольствіемъ приму ихъ. Отъ грога я никогда не отказываюсь. (Онъ уже потребовалъ стаканъ съ самаго начала, и теперь спросилъ другой). Если, сквайръ, мои требованія не заходятъ слишкомъ далеко, то простенькій обѣдъ въ три часа, человѣкъ на шесть, осчастливитъ всѣхъ моихъ товарищей.

Мистеръ Градгрэиндъ весьма охотно вызвался исполнить всѣ эти незначительныя выраженія своей благодарности, примолвивъ, что это слишкомъ дешевая благодарность, за такую услугу.

— Очень хорошо, сквайръ; въ такомъ случаѣ, если вы заплатите за одинъ спектакль въ моемъ циркѣ, когда вамъ вздумается, вы болѣе чѣмъ подведете балансъ подъ нашъ разсчетъ. А теперь, сквайръ, я бы сказалъ вамъ на прощанье нѣсколько словъ.

Луиза и Сисси удалились въ сосѣднюю комнату. Мистеръ Слири, помѣшивая грогъ въ стаканѣ, и прихлебывая продолжалъ:

— Сквайръ, вамъ не нужно говорить что собака удивительное животное.

— Инстинктъ собаки изумителенъ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Я не гонюсь за названіями, сказалъ Слири: — мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла. Я говорю только, что собака удивительное животное. Она отыщетъ васъ гдѣ бы вы не находились и въ какомъ бы ни было отдаленномъ мѣстѣ!

— Она одарена превосходнымъ чутьемъ, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Я рѣшительно не знаю какъ это называется, и не хочу знать, повторилъ Слири, потрясая головой; — но меня отыскала одна собака, сэръ, такимъ страннымъ образомъ, что я такъ и подумалъ, ужь вѣрно она сходила къ другой собакѣ и спросила ее: «не случалось ли тебѣ, моя милая, знавать особу по имени Слири? — Мистера Слири, содержателя труппы странствующихъ музыкантовъ, здороваго мужчину, съ однимъ глазомъ?» А та собака, я думаю, вѣрно отвѣтила ей: «я не могу сказать, что знаю этого человѣка, но у меня есть подруга, которая навѣрно знакома съ нимъ!» Наконецъ эта собака, вѣроятно подумала немного, и сказала: «Слири, Слири! О да, конечно! Мнѣ однажды что-то говорила объ немъ моя подруга. Сейчасъ я достану тебѣ его адресъ». Разъѣзжая, сквайръ, изъ одного мѣста въ другое и являясь передъ публикой, нѣтъ ничего удивительнаго, если найдется такое множество собакъ, которыя знаютъ меня, что имъ и счета нѣтъ.

Такое странное вступленіе приводило мистера Градгрэинда въ крайнее недоумѣніе.

— Дѣло вотъ въ чемъ, сквайръ, сказалъ мистеръ Слири, приложивъ губы къ новому стакану съ грогомъ: — прошло четыр-

надцать мѣсяцовъ послѣ того какъ мы останавливались въ Честерѣ. Мы представляли пьесу: «Дѣти въ лѣсу». Какъ вдругъ черезъ задніе двери вбѣжала собака и прямо на сцену. По всему было видно, что она совершила дальнюю дорогу: она находилась въ весьма дурномъ состояніи, хромала и была почти слѣпая. Она обошла вокругъ каждаго изъ нашихъ ребятишекъ, какъ будто отыскивая знакомаго ребенка; потомъ подошла ко мнѣ, и, несмотря, что была очень слаба, стала позади меня на заднія лапы, повиляла хвостомъ и издохла. Сквайръ, эта собака была Меррилегсъ.

— Собака отца Сисси!

— Старая собака отца Цециліи. Зная хорошо эту собаку, я готовъ побожиться, что старикъ нашъ умеръ и схороненъ прежде, чѣмъ собака прибѣжала ко мнѣ. Джозефина, Чайлдерсъ и я долго говорили объ этомъ, и разсуждали о томъ, нужно ли писать Цециліи о смерти ея отца или нѣтъ? Наконецъ рѣшили не писать. Въ нашемъ письмѣ она бы ничего утѣшительнаго не нашла: такъ зачѣмъ же, подумали мы, тревожить ее и огорчать? Умышленно ли отецъ бросилъ ее, предпочелъ ли онъ шататься по свѣту одинъ и умереть съ горя, чѣмъ и ее таскать съ собою, это, сквайръ, также трудно опредѣлить, какъ.... какъ и то, какимъ образомъ отыскиваютъ насъ собаки!

— Сисси и теперь еще бережетъ бутылку съ девятью маслами; и она будетъ вѣрить въ любовь отца до послѣдней минуты своей жизни, сказалъ мистеръ Градгрэиндъ.

— Не правда ли, сквайръ, въ этомъ случаѣ представляются двѣ замѣчательныя вещи, сказалъ мистеръ Слири, углубляясь своимъ одинокимъ и на этотъ разъ задумчивымъ глазомъ въ стаканъ съ грогомъ: — во первыхъ то, что въ мірѣ существуетъ любовь, — любовь не къ своей собственной особѣ, но что-то совсѣмъ другое; второе то, что это чувство раждается безъ всякаго разсчета; а если есть какой разсчетъ, то его также трудно назвать, какъ и ту способность, по которой собаки насъ отыскиваютъ.

Мистеръ Градгрэиндъ посмотрѣлъ изъ окна, не сказавъ въ отвѣтъ ни слова. Мистеръ Слири опорожнивъ стаканъ, попросилъ Луизу и Сисси войти.

— Цецилія, душа моя, поцалуй меня, да и прощай! Миссъ сквайръ, видѣть, что вы обходитесь съ ней, какъ съ

сестрой и какъ сестру вы ее любите, служитъ для меня невыразимымъ удовольствіемъ. Надѣюсь, что вашъ братъ современемъ будетъ достоинъ васъ, и будетъ для васъ утѣшеніемъ. Сквайръ, пожмемте руки другъ другу, въ первый и послѣдній разъ! Не сердитесь на насъ, и не судите насъ, бѣдныхъ строго.

— Прежде мнѣ никогда и въ голову не приходило, сказалъ мистеръ Слири, вернувшись и просунувъ въ дверь голову: — что я такой несносный болтунъ.

ГЛАВА XXXVII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Опасно замѣтить что нибудь въ сферѣ пустаго самохвала, прежде, чѣмъ онъ самъ это замѣтитъ. Мистеръ Бондерби чувствовалъ, что мистриссъ Спарситъ довольно дерзко предупредила его, и осмѣлилась предполагать, что она умнѣе его. Неукротимо негодуя на нее, за торжественное открытіе мистриссъ Пеглеръ, онъ ворочалъ въ умѣ своемъ такое предположеніе со стороны женщины, находящейся отъ него въ совершенной зависимости, — ворочалъ до того, пока оно не приняло размѣры огромнаго снѣжнаго кома. Наконецъ онъ рѣшился наказать мистриссъ Спарситъ по ея заслугамъ, отказавъ ей въ мѣстѣ.

Преисполненный этой великой идеей мистеръ Бондерби явился къ завтраку, и занялъ свое старинное мѣсто въ той столовой, гдѣ висѣлъ его портретъ. Мистриссъ Спарситъ сидѣла у камина, и засунувъ ногу въ нитяное стремя, мчалась съ своимъ рукодѣльемъ въ невѣдомыя страны, вовсе не думая, что ее ожидало.

Со времени происшествія съ старушкой Пеглеръ, эта достойная женщина прикрыла свое сожалѣніе къ мистеру Бондерби завѣсой тихой грусти и нѣмаго раскаянія. Вслѣдствіе этого, она образовала привычку принимать печальный видъ; и этимъ-то печальнымъ видомъ встрѣтила своего патрона.

— Ну что у васъ такое? Чего вы надулись, ма'мъ? сказалъ мистеръ Бондерби отрывистымъ, сердитымъ тономъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ, возразила мистриссъ Спарситъ: не откусите моего носа.

— Не откусите моего носа! повторилъ мистеръ Бондерби. *Вашего* носа! прибавилъ онъ, какъ будто хотѣлъ сказать, по крайней мѣрѣ мистриссъ Спарситъ подумала, что онъ хотѣлъ сказать: «Вашъ носъ, ма'мъ, слишкомъ великъ, чтобъ его откусить.»

Послѣ этого оскорбительнаго замѣчанія, Бондерби отрѣзалъ корку хлѣба, и швырнулъ ножемъ, который съ шумомъ упалъ на полъ.

— Мистеръ Бондерби, сэръ! что съ вами? сказала мистриссъ Спарситъ, вынувъ ногу изъ стремя.

— А вамъ что за дѣло, ма'мъ? возразилъ мистеръ Бондерби. Чего вы смотрите на меня, выпуча глаза?

— Позвольте васъ спросить, не огорчены ли вы сегодня? спросила мистриссъ Спарситъ.

— Да огорченъ.

— Могу ли я спросить васъ, продолжала оскорбленная женщина: — не я ли, къ несчастію, причиною вашего огорченія?

— Я вамъ вотъ что̀ скажу, ма'мъ, сказалъ мистеръ Бондерби: — я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы меня дурачили. Женщина, какъ бы ни было высоко ея происхожденіе, не должна позволять себѣ надоѣдать и тяготить человѣка въ моемъ положеніи; это для меня невыносимо.

Мистеръ Бондерби чувствовалъ необходимость высказаться на отрѣзъ, предвидя, что если дойдетъ дѣло до подробностей, то ему не устоять. Мистриссъ Спарситъ сначала приподняла, потомъ нахмурила свои коріолановскія брови; уложила рукодѣлье въ корзинку и встала.

— Сэръ, сказала она, принимая величивую позу, — по всему видно, что въ настоящую минуту я вамъ мѣшаю. Я уйду въ свою комнату.

— Позвольте, ма'мъ, отворить для васъ дверь.

— Благодарю васъ; я сама это сдѣлаю.

— Нѣтъ ужь лучше позвольте мнѣ, сказалъ Бондерби, предубѣждая ее и опуская руку на замокъ: — мнѣ представляется при этомъ удобнѣйшій случай сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде, чѣмъ вы уйдете отсюда. Мистриссъ Спар-

ситъ, я начинаю думать, что вы стѣснены здѣсь; не правда ли? Мнѣ кажется, что подъ моей скромной кровлей ,,негдѣ развернуться лэди съ вашими геніальными способностями соваться въ чужія дѣла.

Мистриссъ Спарситъ бросила на него взглядъ, исполненный глубокаго пренебреженія и весьма учтиво сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ?

— Со времени послѣднихъ происшествій, ма'мъ, сказалъ Бондерби: — я думалъ объ этомъ и передумывалъ, и теперь моему слабому уму....

— О! сдѣлайте одолженіе, сэръ, прервала мистриссъ Спарситъ чрезвычайно быстро и съ большимъ одушевленіемъ: — не унижайте вашего ума. Извѣстно всѣмъ, до какой степени умъ и сужденія мистера Бондерби непогрѣшительны. Каждый имѣетъ на это доказательство. Вашъ умъ долженъ служить предметомъ общаго разговора. — Вы можете дурно отзываться о другихъ своихъ способностяхъ, но отнюдь не объ умѣ.

И мистриссъ Спарситъ засмѣялась принужденнымъ смѣхомъ. Мистеръ Бондерби весьма красный и встревоженный, продолжалъ:

— Мнѣ кажется, ма'мъ, что другой родъ жизни, и другое общество, лучше будутъ соотвѣтствовать лэди съ вашими дарованіями. Напримѣръ, хоть бы домъ вашей родственницы, лэди Скэджерсъ. Какъ вы думаете, ма'мъ, не найдутся ли тамъ какія нибудь дѣла, въ которыя вы могли бы вмѣшаться?

— Мнѣ никогда не случалось подумать объ этомъ, отвѣчала мистриссъ Спарситъ: — но теперь, когда вы намекнули на это обстоятельство, то я должна полагать, что это въ высшей степени справедливо.

— Такъ положимъ, ма'мъ, что вы займетесь этимъ, сказалъ Бондерби, опуская въ ея рабочую корзинку конвертъ съ банковымъ билетомъ. — Я предоставляю вамъ самимъ выбрать время для отъѣзда; а до тѣхъ поръ, быть можетъ, для лэди съ вашими дарованіями будетъ пріятнѣе имѣть столъ отдѣльно, и такимъ образомъ отстранить отъ себя всякія неудовольствія и безпокойство. Я долженъ извиниться передъ вами, что такъ долго заслонялъ вамъ дорогу — вѣдь я, знаете, ни больше, ни меньше какъ Джозія Бондерби изъ Кокстоуна.

— Напрасно вы мнѣ говорите объ этомъ, возразила мистриссъ Спарситъ: — еслибъ этотъ портретъ могъ говорить, — впрочемъ, онъ имѣетъ то преимущество предъ своимъ оригиналомъ, что не одаренъ способностію компрометировать себя и заставлять другихъ стыдиться за него; — еслибъ онъ могъ говорить, то непремѣнно бы засвидѣтельствовалъ, что много прошло времени, когда я начала останавливаться передъ нимъ и называть его глупцомъ. Чтò бы ни дѣлалъ глупецъ, онъ не можетъ возбуждать изумленія или негодованія; поступки глупца могутъ внушать одно презрѣніе.

Сказавъ это мистриссъ Спарситъ, — которой римскія черты лица похожи были въ эту минуту на медаль, выбитую для того, чтобъ увѣковѣчить презрѣніе къ мистеру Бондерби, — окинула его выразительнымъ взоромъ съ головы до ногъ, съ пренебреженіемъ прошла мимо его и поднялась на лѣстницу. Мистеръ Бондерби заперъ дверь, и подошелъ къ камину, углубясь по старой привычкѣ въ созерцаніе своего портрета и своего будущаго.

Но много ли, и чтò именно, онъ видѣлъ въ будущемъ? Онъ видѣлъ мистриссъ Спарситъ въ ежедневной битвѣ, на всѣхъ оружіяхъ изъ женскаго арсенала, съ злопамятною, брюзгливою, своенравною несносною лэди Скэджерсъ, которая по прежнему лежитъ въ постели съ своей таинственной ногой, въ маленькой удушливой квартирѣ, весьма необширной для одного, весьма тѣсной для двоихъ. Не видѣлъ ли онъ въ будущемъ еще что нибудь? Не видѣлъ ли онъ самого себя, представляющаго чужимъ людямъ Битцера, какъ молодаго человѣка, подающаго большія надежды, и преданнаго всей душой великимъ достоинствамъ своего хозяина; молодаго человѣка, который получилъ мѣсто молодаго Тома, и чуть-чуть не поймалъ самого Тома, но ему помѣшали какіе-то бездѣльники? Не видѣлъ ли онъ тамъ слабаго отраженія своего собственнаго образа, за сочиненіемъ тщеславнаго духовнаго завѣщанія, въ силу котораго двадцать-пять хвастуновъ, каждый за пятьдесятъ-пять лѣтъ отъ роду, каждый съ имененъ Джозія Бон-

дерби изъ Коксточна, должны навсегда обѣдать въ столовой Бондерби, жить въ зданіяхъ Бондерби, молиться въ часовнѣ Бондерби, содержаться на доходы Бондерби?... Предвидѣлъ ли онъ день, за пять лѣтъ впередъ, когда Джовія Бондерби изъ Коксточна, долженъ умереть отъ удара на одной изъ коксточнскихъ улицъ, и когда это драгоцѣнное завѣщаніе, начнетъ свое длинное поприще среди нескончаемаго дѣлопроизводства? Вѣроятно нѣтъ. А между тѣмъ, портрету его суждено все это увидѣть.

Въ тотъ же самый день, и въ тотъ же самый часъ, мистеръ Градгрэиндъ, задумавшись, сидѣлъ въ своей комнатѣ. Что-то онъ видѣлъ въ будущемъ? Видѣлъ ли онъ себя сѣдымъ и дряхлымъ старикомъ, который примѣняетъ непримѣнимыя доселѣ теоріи къ существующимъ обстоятельствамъ, который подчиняетъ свои факты и математическія вычисленія вѣрѣ, надеждѣ и любви; и уже болѣе не пытается измолоть это небесное тріо, въ своей пыльной маленькой мельницѣ? Видѣлъ ли онъ себя хоть мелькомъ, презираемаго своими политическими сподвижниками? Видѣлъ ли онъ, какъ они, исполненные убѣжденія, что національные мусорщики должны заботиться только объ удовлетвореніи своего честолюбія, но отнюдь не думать о благосостояніи народа, — видѣлъ ли онъ, какъ они порицали его изо дня въ день за его къ нимъ измѣну? Вѣроятно, зная своихъ собратій, онъ все это видѣлъ!

Вечеромъ того же самого дня Луиза сидѣла у камина, и смотрѣла на огонь, какъ въ давно минувшіе дни, съ тою только разницею, что теперь на лицѣ ея отражались кротость и смиреніе. Представлялось ли ей что нибудь въ будущемъ? Она видѣла объявленія на всѣхъ улицахъ Коксточна, въ которыхъ отецъ ея оправдываетъ покойнаго Стефена Блэкпуля, ткача, отъ несправедливаго подозрѣнія, объявляетъ виновнымъ своего роднаго сына, смягчая преступленіе его молодыми лѣтами и соблазномъ (онъ не смѣлъ прибавить: и его воспитаніемъ); но все это принадлежало къ настоящему. Она видѣла камень надъ могилой Стефена Блэкпуля, на которомъ отецъ ея сдѣлалъ надпись о смерти насчастнаго, но и это почти принадлежало къ настоящему, потому что знала, что камень этотъ будетъ сдѣланъ. Все это она могла видѣть ясно. Но что же видѣла она въ будущемъ?

Видѣла ли она работницу, по имени Ракиль, которая

послѣ продолжительной болѣзни снова является на звонъ фабричнаго колокола, и въ опредѣленные часы проходитъ мимо коксстоунскихъ фабричныхъ; работницу задумчивой красоты, всегда въ черномъ, но добродушную, спокойную и даже веселую? Она одна, изъ цѣлаго города, оказываетъ, по видимому, состраданіе къ несчастной, жалкой, всегда пьяной женщинѣ, которая отъ времени до времени появляется въ городѣ и проситъ у Рахили милостыню; она работаетъ и довольна своей работой: она считаетъ работу своимъ натуральнымъ жребіемъ; она будетъ работать, пока старость не отниметъ отъ нее возможности работать? Видѣла ли все это, Луиза? Если и не видѣла, но этому суждено было сбыться!

Видѣла ли она своего одинокаго брата, удаленнаго отъ нее за тысячи миль, который, на бумагѣ, окропленной слезами его, пишетъ къ ней, что слова ея слишкомъ скоро оправдались, и что онъ готовъ былъ заплатить всѣ сокровища въ мірѣ, чтобъ только взглянуть на ея милое лицо? Видѣла ли она, какъ наконецъ этотъ братъ приближается къ дому, съ надеждой увидѣть ее, но болѣзнь его удерживаетъ? Видитъ ли она письмо, написанное незнакомой рукой, въ которомъ говорится: «Братъ вашъ умеръ въ больницѣ, отъ горячки, такого-то числа; онъ умеръ въ раскаяніи и съ любовью къ вамъ; послѣднимъ его словомъ было — ваше имя.» Видѣла ли все это Луиза? И это также должно сбыться!

Видѣла ли она себя снова женою — матерью? Видѣла ли, что она съ любовію смотритъ за дѣтьми своими, и постоянно заботится о томъ, чтобъ въ младенческомъ возрастѣ они были младенцами и по душѣ, — такъ какъ она знаетъ, всю цѣну этому сокровищу, малѣйшая частица котораго служитъ благословеніемъ и счастіемъ для самаго умнѣйшаго изъ смертныхъ? Видѣла ли это Луиза? Этому не суждено было сбыться.

Видѣла ли она счастливую Сисси, которую любятъ счастливыя дѣти? Всѣ дѣти любятъ ее; она изучила всю дѣтскую науку; она не пренебрегаетъ развитіемъ въ дѣтяхъ воображенія; она всѣми силами старается изучить собратій своихъ; поставленныхъ ниже ее, и украсить ихъ однообразную, механическую жизнь, тѣми прелестями воображенія, безъ которыхъ сердце ребенка завянетъ; возмужалый обратится

морально въ живаго мертвеца, и благоденствіе народа будетъ существовать только въ однихъ парламентскихъ отчетахъ. Она идетъ по этой дорогѣ не потому, чтобы дала фантастическое обѣщаніе, не потому, чтобы принадлежала къ какому нибудь братству, или подражала прихоти, но просто потому, что считаетъ это — *долгомъ*. Видѣла ли это Луиза? Но и это также должно сбыться!

Любезный читатель! Вамъ и мнѣ остается рѣшить: совершится ли нѣчто подобное на нашихъ поприщахъ дѣятельности, или нѣтъ? Пусть совершается! Мы съ спокойнымъ духомъ будемъ сидѣть у очага, и смотрѣть, какъ пепелъ нашихъ огней мало по малу будетъ блѣднѣть и остывать....

РУССКІЕ МЕМУАРЫ XVIII ВѢКА.

Окончаніе.

III.

Записка Нащокина. — Его служба; парады и маневры. — Знакомство съ литературой своего времени. — Смѣшанный языкъ записокъ. — Князь Я. П. Шаховской. — Служебное его поприще при разныхъ царствованіяхъ. — Дѣловой слогъ его мемуаровъ. — Артиллеріи майоръ Даниловъ. — Его записки и другія сочиненія. — Юмористическія его воспоминанія. — Странствованія по родственникамъ и свойственникамъ. — Записки А. И. Бибикова. — Біографическія свѣдѣнія о немъ. — Языкъ его записокъ. — Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. — Его сочиненія и записки. — Записки Семена Порошина. — Заключеніе.

Василій Александровичъ Нащокинъ родился въ Москвѣ, въ 1707 году. О воспитаніи своемъ онъ выразился довольно лаконически: «въ 1716 г. и я пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ въ школѣ.» Вѣроятно, онъ прибылъ въ столицу вслѣдствіе состоявшагося (20 декабря 1715 г.) повелѣнія Петра Великаго, «которые есть въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ десяти лѣтъ и выше выслать въ школу С. Петербургскую, а въ чужіе края не посылать, и *чтобъ оные недоросли высланы были нынѣшнею зимою* (1). Ученіе въ школѣ продолжалось не долго; въ 1719 г. Нащокинъ записанъ въ солдаты, а въ 1722 г. видимъ уже его на дѣйствительной службѣ въ Бѣлгородскомъ полку; въ 1730 г. онъ переведенъ въ только-что составленный тогда Измайловскій полкъ, гдѣ и служилъ до 1759, т. е. до того

(1) Полное Собр. Зак. т. V, № 2968.

времени, когда его записки прекратились. Издатель ихъ, академикъ Языковъ нашелъ въ послужныхъ спискахъ Военной Коллегіи, что Нащокинъ умеръ въ 1761 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Оставленныя имъ записки начинаются 1712 годомъ, и въ началѣ содержатъ почти только краткія семейныя замѣтки. Потомъ вниманіе Нащокина, какъ человѣка, съ дѣтства сроднившагося съ своимъ званіемъ, было обращено преимущественно на то, что относилось къ военной службѣ: не удивительно потому, что бо́льшая часть записокъ посвящена подробностямъ о парадахъ, маневрахъ и проч. (2).

Во время его службы Измайловскій полкъ участвовалъ въ войнѣ противъ турокъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, и Нащокинъ оставилъ нѣсколько подробностей объ этомъ походѣ: хотя онѣ и не представляютъ ничего занимательнаго и важнаго, однако любопытны, какъ разсказъ очевидца и участника. Кромѣ того, Нащокинъ любилъ записывать всѣ случившіеся въ его время торжественные обѣды, балы и другія подобныя событія (3).

(2) Въ особенности любилъ онъ записывать такія происшествія, въ которыхъ участвовалъ самъ, собственною своею особою: въ журналѣ встрѣчаются точныя описанія словъ команды и ружейныхъ пріемовъ, когда эти слова и пріемы дѣлались по распоряженію Нащокина. На стр. 117—119 можно найти образчикъ такихъ подробностей: «.... у перваго дивизіона съ праваго фланга первый плутонгъ гранодеръ и первая пушка. У втораго дивизіона съ праваго-жъ фланга, второй плутонгъ гранодеръ и вторая пушка. У третьяго съ лѣваго фланга, третій плутонгъ, и третья пушка. У четвертаго съ лѣваго, четвертый плутонгъ гранодеръ и четвертая пушка, а между *дву* баталіоновъ гоубица. Три залфа безъ стрѣльбы пушечной командировано голосомъ. Во авангардѣ сигналомъ изъ пушки и т. д.» Въ концѣ этой ученой диспозиціи узнаемъ, что «по вышеписанному плану диспозиція дана отъ майора Нащокина и имъ ученіе произведено; ибо тогда въ С. Петербургѣ при тѣхъ баталіонахъ онъ былъ главнымъ и, для памяти впредь въ памятный журналъ внесено и подписано моею рукою. В. Нащокинъ.»

(3) Вотъ, напримѣръ, какъ описанъ праздникъ кавалеровъ св. Александра Невскаго: «Всемилостивѣйшая Государыня изволила быть въ коронѣ, въ кавалерскомъ цвѣтномъ платьѣ, какъ того ордена обыкновенной бываетъ мундиръ. На всѣхъ кавалерахъ единственный того ордена былъ уборъ: кафтаны бѣлые суконные, съ гасомъ серебренымъ, по борту въ два ряда и по всѣмъ швамъ подбой; камзолъ, обкладенный серебренымъ же гасомъ; пунцовые обшлага разрѣзные съ боку съ пуговицами, съ верху клиномъ.... Не для того больше обстоятельно описано, замѣчено въ журналѣ, что по пожалованіи Нащокину сего ордена, онъ чрезъ два года первой случай въ ономъ платьѣ при Дворѣ имѣлъ быть».... (стр. 188—189). Къ стр. 100 приложенъ чертежъ, съ показаніемъ расположенія столовъ за обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ, также №№, гдѣ каждый изъ маіоровъ гвардейскихъ полковъ сидѣлъ. Изъ подробнѣйшаго по сему случая описанія Нащокина, можно видѣть, что имъ было занято мѣсто подъ № 5, въ числѣ маіоровъ.

Въ записки также внесены иногда извѣстія о смерти извѣстныхъ въ свое время лицъ, вмѣстѣ съ краткими ихъ характеристиками; такимъ образомъ, мы можемъ найти у него современные отзывы о такихъ людяхъ, какъ графъ Левенвольдъ, Кейтъ, графъ Румянцовъ и др. Между этими замѣтками разбросаны свѣдѣнія и о томъ, что случалось съ его родными, женою, дѣтьми. При крещеніи послѣднихъ, напримѣръ, означалось обстоятельно имя, отчество, чинъ и отличія воспріемника (4).

Вотъ предметы, всего болѣе занимавшіе Нащокина: за тѣмъ все остальное, что не касалось самого или службы, мало возбуждало его сочувствіе и онъ часто проходилъ молчаніемъ или же говорилъ вскользь о многомъ такомъ, что было бы нынѣ любопытно.

Въ одномъ мѣстѣ записокъ онъ, однако, забывъ обычную степенность, занялся перепискою стиховъ,—правда, сочиненныхъ человѣкомъ въ свое время знаменитымъ, но все-таки стиховъ: на стр. 102 находимъ замѣтку издателя, что въ подлинныхъ запискахъ Нащокина было списано переложеніе въ стихи псалма LXX, съ примѣчаніемъ: «писалъ на псаломъ 70, каѳисмы 10, Александръ Сумароковъ, 1750 г. сентября 25, въ С. Петербургѣ, и для онаго преизряднаго толкованія внесенъ въ памятный журналъ.» Быть можетъ, это переложеніе обратило на себя вниманіе сочинителя записокъ потому болѣе, что было написано генераль-съ адъютантомъ графа А. Г. Разумовскаго, человѣка, какъ извѣстно, значительнаго тогда, и котораго братъ притомъ былъ подполковникомъ Измайловскаго полка. Вѣроятно потому же въ запискахъ сдѣлано и приведенное нами прежде замѣчаніе о Бецкомъ, отецъ котораго былъ знатнымъ вельможею. О дюкѣ де-Лиріа, оставившемъ мемуары о пребываніи своемъ въ Россіи, Нащокинъ замѣчаетъ, что онъ «славою богатства и знатностію природы превосходилъ всѣхъ обрѣтающихся пословъ, и жилъ въ Москвѣ превосходно, и домъ его, въ уборахъ и расходахъ, великою обширностію состоялся.» Смерть Рихмана, погиб-

(4) Напримѣръ, «Іюля 29 новорожденной мой сынъ крещенъ. Воспреемникомъ былъ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцевъ, государственный вице-канцлеръ, дѣйствительный камергеръ, лейбъ-компаніи поручикъ, орденовъ Александра Невскаго, св. Анны, Польскаго Бѣлаго орла и Прусскаго Чернаго орла, кавалера. При томъ воспреемницею присутствовала графиня Екатерина Ивановна Разумовская, супруга президента Десіенцъ Академіи, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника, дѣйствительнаго камергера, орденовъ Александра Невскаго, св. Анны и Польскаго кавалера, Кирила Григорьевича Разумовскаго, по отцевской фамиліи дочь Ивана Львовича г. Нарышкина....» (стр. 92—93).

шаго жертвою своей любознательности, возбудила много толковъ въ Петербургѣ. Нащокинъ, записавъ и это происшествіе съ своей точки зрѣнія, оставилъ тѣмъ самымъ любопытный образчикъ тогдашнихъ сужденій объ ученыхъ, жертвовавшихъ жизнію на пользу науки: «Іюля 26 (1753) убило громомъ въ С. Петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался объ удержаніи грома и молвіи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о семъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытный да чтетъ. Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о Аѳинейскомъ стихотворцѣ Евсхиліи, что и оной чрезъ астрономію позналъ убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдяше на яснѣ; орелъ же носяй на воздухѣ желвы (5), иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхилія глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвь и паде на главу. И такъ нечаянный конецъ вымыслу и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи. А о Евсхиліи пишется въ книгѣ Ификѣ и Ерополитикѣ на листѣ 183.»

Въ запискахъ находимъ упоминаніе и объ указѣ «о учиненіи университета и при томъ гимназіи въ Москвѣ, чего ради, для достопамятнаго вѣдома впредь, при семъ о томъ знатнѣйшемъ, по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, учрежденіи, точной указъ прилагается.» Чрезъ двѣ страницы объясняется для насъ, почему такое заведеніе, какъ университетъ, могло обратить на себя вниманіе Нащокина: «Іюня 13, во вторникъ, сынъ мой меньшей Иванъ, *отъ рожденія своего имѣя 8 лѣтъ*, отправленъ изъ С. Петербурга въ новоучрежденный университетъ.» По этой-то причинѣ онъ въ другомъ мѣстѣ записокъ замѣтилъ объ изданіи указа, что обученіе въ наукахъ не можетъ помѣшать произвожденію въ чины тѣхъ изъ учащихся, которые записаны въ службу. Извѣстно, что правительство приняло эту мѣру съ цѣлію пріохотить дворянъ къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ. Заботливый Нащокинъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ опредѣленіи сына, который былъ «написанъ въ Московской Университетъ», въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ (6). За политическими событіями сочинитель записокъ

(5) Желва — черепаха.

(6) Рожденіе Великаго Князя Павла Петровича было радостнымъ извѣстіемъ для всего Петербурга. По этому случаю были устроены разныя празднества и между прочимъ *аллегорическое представленіе*. Его описываетъ Нащокинъ такъ: «Россія въ отверзтомъ кругломъ храмѣ, гдѣ въ срединѣ представлено

слѣдилъ по единственной тогда политической газетѣ русской (С. Петербургскія Вѣдомости), и нерѣдко ссылается на нее. Запасъ книгъ, которыми онъ пользовался, былъ не великъ; мы видѣли, что онъ ссылался на «Иѳику и Іерополитику»; въ другомъ мѣстѣ, разсказывая, что при началѣ одного сраженія, гдѣ наши побѣдили, орлы рѣяли надъ русскими полками, Нащокинъ прибавляетъ: «сіе самъ я довольно видя свидѣтельствую, и хотя я въ томъ суевѣрнаго примѣчанія не имѣю, только и сіе почитаю древнихъ исторій сходно; ибо въ примѣчаніи, какъ и точно, въ 4 книгѣ Курція, въ главѣ 59, на стр. 483, о томъ примѣчаніи пишется.» Такимъ образомъ, Иѳика-Іерополитика, Исторія объ Александрѣ Македонскомъ — обѣ переведенныя еще по повелѣнію Петра Великаго и издававшіяся до конца XVIII вѣка,— С. Петербургскія вѣдомости, да надписи въ фейерверкахъ, сочиненныя по нѣмецки *профессоромъ аллегорій* Штелиномъ и переведенныя оффиціальнымъ переводчикомъ Академіи — вотъ произведенія, которыя служили для удовлетворенія любознательности тогдашнихъ читателей. Удивительно ли послѣ того, что Сумароковъ и другіе нѣкоторые пользовались въ свое время такою извѣстностью? Произведенія ихъ должны были производить большое впечатлѣніе, какъ нѣчто дотолѣ не виданное и не слыханное.

Языкъ записокъ Нащокина поражаетъ своею странною пестротою отъ множества иностранныхъ словъ: несмотря на то, можно замѣтить, что Нащокинъ, кромѣ своего природнаго, другаго языка не зналъ. Появленіе подъ перомъ его словъ, дикихъ для русскаго уха, можно объяснить желаніемъ сочинителя выражаться поизысканнѣе, витіеватѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ удаляться отъ языка народа. Впрочемъ, это желаніе оставалось часто напраснымъ и въ хитро разставленныхъ словахъ всегда почти прорывается простая русская рѣчь. Частое употребленіе иностранныхъ словъ было у Нащокина слѣдствіемъ привычки, усвоенной имъ на службѣ. Со временъ Петра Великаго, воен-

было зданіе чести съ щитомъ имени Ея Императорскаго Величества подъ короною, стояла на колѣняхъ предъ жертвенникомъ, а подлѣ ее Вѣрность и Благодарность во образѣ младенцовъ, которые побуждали ее принесть жертву и фиміамъ своихъ желаній вознести на небо, съ надписью въ низу: *Единаю еще Желаю.*»... Далѣе любознательный авторъ записокъ включилъ и стихи, объясняющіе это представленіе. Они начинаются такъ:

И такъ ужь Божія десница увѣнчала,
Богиня! все, чего толь долго Ты желала!
Чего жъ желала ты? лишь счастія гражданъ, и т. д.
(стр. 143—144).

вая часть можетъ быть болѣе, чѣмъ всѣ другія отрасли управленія, измѣнила свою терминологію; иностранныя слова необходимы были на каждомъ шагу. Измѣненіе общественной жизни ввело другія иностранныя слова, которыя тогда очень тѣсно сроднились съ языкомъ русскимъ; многія изъ нихъ уцѣлѣли и до сихъ поръ. Служака въ душѣ и знатокъ своего дѣла, Нащокинъ часто говорилъ о своихъ занятіяхъ тѣмъ же языкомъ, который привыкъ употреблять на службѣ и въ которомъ не видѣлъ ничего страннаго. Вліяніе разговорнаго языка тогдашняго образованнаго общества у него очень сильно; такимъ образомъ, семейство свое онъ называетъ не иначе, какъ *фамиліею*, ужинъ во дворцѣ — *вечерній трактаментъ*, угощать — *трактовать*, и проч. Многія изъ чужихъ словъ онъ произноситъ такъ, какъ обыкновенно произноситъ простой человѣкъ, стараясь подчинять своему слуху чуждые звуки: *машкарадъ, лиминація*, *патретъ* и проч. Когда Нащокинъ хотѣлъ писать витіевато, рѣчь его дѣлается особенно тяжелою и русскія слова, кромѣ несвойственной имъ разстановки, получаютъ иногда какую-то уродливую форму или непринадлежащее имъ значеніе: примѣровъ у Нащокина можно найти много. Говоря о смерти Петра Великаго, онъ прибавляетъ: «Вездѣ неутѣшная печаль на лицахъ всѣхъ *изобразуетъ*. Но распространяться о такой печали *недостатокъ моего сложенія прекращаетъ*....» Или о прибытія на балъ Императрицы: «въ 11 часовъ по полудни, Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня, изволила прибыть въ оное собраніе и *всемилостивѣйше благоволила при вечернемъ кушаньѣ оказывать свое всемилостивѣйшее присутствіе.*» Нащокинъ, какъ и Желябужскій, записалъ на память о видѣнномъ имъ затмѣніи. Второй выразился объ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ прежде писали лѣтописцы, а нынѣ скажетъ простой человѣкъ: «гибло солнце рано утромъ».... Нащокинъ долгомъ счелъ войти въ нѣкоторыя подробности: «Того жь году, въ 14 день Іюля, въ полдень, *въ стоящемъ при Петергофѣ съ командою лагерѣ, видимо было всѣми солнце въ затьмѣніи, отъ чего лучь свѣтила, отмѣнною темнотою, былъ подобенъ, какъ бываетъ близь ночи при закатѣ, или еще темнѣе, и свѣтъ солнечный не весьма ясенъ былъ*» (стр. 87). Видно, что ему было удивительно трудно найти пристойныя слова для описанія такого явленія.

Очень нерѣдко въ запискахъ его встрѣчаются мѣста довольно непонятныя, и легко примѣтить, что эта темнота и галантерейность изложенія являются у него всегда тамъ, гдѣ надобно было описывать что нибудь изъ свѣтской жизни и тогдашнихъ обще-

ственныхъ отношеній. Время, въ которое жилъ Нащокинъ, еще не было далеко отъ той поры, когда русское общество только что узнало и стало перенимать европейскіе обычаи и привычки. Въ нашемъ языкѣ не могло вдругъ изъ ничего явиться сотни дотолѣ не существовавшихъ словъ, условныхъ выраженій для передачи всего, что успѣли занять мы у другихъ, и вотъ причина, почему русскій, вращавшійся въ высшей сферѣ тогдашняго общества, или говорилъ по французски, или бралъ на удачу, какъ попало, первое встрѣтившееся слово, не разбирая, точно ли оно выражаетъ его мысль. Тотъ же самый Нащокинъ пишетъ весьма понятно, когда дѣло идетъ не о рекомендаціяхъ, авантажахъ и трактаментахъ, а напримѣръ, объ урожаѣ и недородѣ: «Сего 1751 года въ Костромскомъ, въ Ярославскомъ и въ Ростовскомъ уѣздахъ, хлѣбы ржаные были весьма худы, и жители весьма нужду претерпѣваютъ; а за Москвою, въ Орлѣ и прочихъ Украинскихъ городахъ, того же году хлѣбы родились весьма сильные. Оной годъ сначала былъ мочливый, а земли иловатыя — и отъ того недородъ, а послѣ была засуха, и такъ вся земля истрескалась; а въ Орлѣ черноземъ, какъ сушу, такъ и мокроту, могъ свести, ибо въ немъ природный сокъ».... Отъ старой литературной манеры у Нащокина осталось частое употребленіе словъ церковнославянскихъ, или русскихъ въ славянской формѣ. У писателей и переводчиковъ нашихъ, начиная со временъ Петра Великаго и до Сумарокова и Ломоносова, это явленіе встрѣчается постоянно. Славянскія формы, какъ книжныя, долго еще поддерживали свое существованіе, хотя обыкновенный разговорный языкъ часто противорѣчилъ имъ. Это принужденное употребленіе славянскихъ формъ, словъ и выраженій приводило къ тому, что люди не совсѣмъ знавшіе этотъ языкъ, какъ Нащокинъ, и писавшіе имъ по преданію, впадали нерѣдко въ грубыя ошибки, придавая русскимъ словамъ будто бы славянскую книжную форму (7). Нерѣдко, впрочемъ, у него видны и старинныя формы народнаго языка, существовавшія тогда если не въ разговорномъ языкѣ общества, то въ дѣловыхъ бумагахъ. Такимъ образомъ въ запискахъ Нащокина больше или меньше отразилось каждое изъ составныхъ началъ тогдашняго письменнаго языка, соединявшаго почти несоединимыя теперь вещи — манеру и слова, взятыя изъ иностранныхъ языковъ, и чисто народную рѣчь.

(7) Такъ онъ пишетъ: со святыми иконы, съ галеры, съ высокими добродѣтели, употребляетъ иногда двойственное число и т. п.

Записки князя Якова Петровича Шаховскаго извѣстны стали въ первый разъ изъ напечатаннаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 г. (8) извлеченія съ сокращеніями и поправками языка. Вполнѣ онѣ были изданы въ первый разъ въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ», 1830 г., съ портретомъ автора. Это изданіе было перепечатано потомъ безъ перемѣнъ въ 1821 г. въ Петербургѣ. (9) Въ 1810 году вышла также въ Москвѣ книга подъ заглавіемъ: «Жизнь князя Якова Петровича Шаховскаго, издалъ М. Матушкинъ». Это ничто иное какъ записки Шаховскаго, передѣланныя и дополненныя безполезными размышленіями и разсужденіями; въ концѣ книги есть только одно мѣсто, которое конечно не находилось въ подлинныхъ запискахъ, именно: о смерти сочинителя ихъ въ 1777 г. Іюля 23, и погребеніи его въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ трапезѣ теплой соборной церкви (стр. 172). Въ предисловіи къ первому изданію записокъ неизвѣстный издатель говоритъ, что онъ «заблагоразсудилъ оставить слогъ ихъ такимъ, каковъ онъ у г. сочинителя.» За это тѣмъ болѣе надобно благодарить его, что отрывки, помѣщенные въ «Вѣстникѣ Европы», были сильно переправлены: въ то время когда К. (т. е. Каченовскій) передѣлывалъ ихъ слогъ, глаженіе языка и изгнаніе старинныхъ словъ составляло одну изъ главнѣйшихъ заботъ писателей-современниковъ Карамзина.

Кн. Я. П. Шаховской родился двумя годами ранѣе Нащокина, т. е. въ 1705 году. Четырнадцати лѣтъ вступилъ онъ въ Семеновскій полкъ, въ 1725 г. перешелъ въ составленный тогда Лейбъ-региментъ (при Аннѣ Іоанновнѣ — конная гвардія). Съ 1734 г. князь служитъ при дядѣ своемъ кн. Алексѣѣ Ивановичѣ Шаховскомъ въ Малороссіи; въ 1735 пожалованъ въ ротмистры и служилъ при полку въ Петербургѣ, гдѣ, по порученію дяди своего, объяснялся иногда по дѣламъ лично съ Бирономъ, и чрезъ то сдѣлался извѣстнымъ этому могущественному тогда человѣку. По одному дѣлу, которое шло черезъ его руки, онъ обратилъ даже на себя вниманіе: герцогъ «являя мнѣ, говоритъ

---

(8) Ч. XLI, № 17 стр. 11—36 и № 18 стр. 97—115.

(9) Въ И. П. Библіотекѣ хранится рукописный экземпляръ этихъ же самыхъ записокъ, означенный въ каталогѣ F. отд. IV, № 15. Онъ поступилъ изъ библіотеки графа Толстова и вѣроятно былъ списанъ давно. За исключеніемъ разницы въ нѣкоторыхъ словахъ и правописаніи, печатныя записки ничѣмъ не разнятся отъ рукописныхъ. Удивительнѣе всего то, что въ первыхъ не замѣтно ни какихъ пропусковъ.

князь Шаховской, знаки своей благосклонности, долго.... со мною разговаривалъ.» Но «обрадованіе» его по этому случаю продолжалось не долго: дядя, особенно старавшійся, какъ видно, вывести въ люди племянника, умеръ, и дѣла по Малороссіи были поручены другимъ. Въ 1737 г. Шаховской былъ въ томъ самомъ походѣ, въ которомъ участвовалъ и Нащокинъ. По возвращеніи въ Петербургъ, князь успѣлъ снискать благосклонность человѣка, также одно время имѣвшаго большое значеніе, именно Артемія Петровича Волынскаго. Для кн. Шаховскаго подобное знакомство не было безполезно: Волынскій обѣщалъ ему достать мѣсто сенатора. Однако врагъ Бирона скоро послѣ того былъ арестованъ, а потомъ казненъ; люди къ нему близкіе, подверглись иные — опалѣ, другіе — суду и наказанію. Вмѣсто ожидаемаго сенаторства, Шаховской получилъ «неавантажное», по его словамъ, мѣсто члена въ полиціи. Послѣ кончины Анны Іоанновны, Биронъ на нѣкоторое время сдѣлался регентомъ, и кн. Шаховской началъ проситься въ армію. Въ отвѣтъ на эту просьбу, онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ назначеніемъ «главнымъ» въ полицію. Князь былъ въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что Биронъ сдѣлался къ нему чрезвычайно внимателенъ. Однажды онъ даже принялъ его въ кабинетѣ, тогда какъ многіе «въ голубыхъ и красныхъ кавалеріяхъ» дожидались этой чести въ пріёмной залѣ: «Я лишь только его высочеству (такъ величали тогда Бирона) поклонился, пишетъ князь, а онъ уже приказывалъ своему камердинеру подать для меня чашку кофе, и указалъ мнѣ кресла неподалеку стоящія, въ коихъ бы я сѣлъ. Я какъ всегда привыкшій предъ его высочествомъ стоять, началъ было поклонами отъ сего отрицаться....» Такая отмѣнная, по мнѣнію Шаховскаго, милость и ласковыя слова правителя сдѣлали его счастливымъ: всю ночь онъ плохо спалъ и заснулъ уже на разсвѣтѣ. Пробужденіе однако было не такъ счастливо: ночью Бирона успѣли взять подъ караулъ, а князь лишился своего значенія, такъ какъ, кромѣ него, былъ сдѣланъ особенный генералъ-полиціймейстеръ. Скоро однако Шаховской съумѣлъ попасть въ милость одного изъ вновь опредѣленныхъ кабинетъ-министровъ, графа Головкина, благодаря которому и получилъ мѣсто сенатора. Въ одинъ вечеръ, по возвращеніи съ праздника отъ новаго покровителя, князь говорилъ про себя: «въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ Сенаторъ между старшими въ первѣйшихъ чинахъ находящихся обращаюсь, и будучи такого многомочнаго министра любимецъ.... легъ спать.. .»

Но и на этотъ разъ судьба подшутила надъ Шаховскимъ: ночью, сенатскій экзекуторъ разбудилъ его, объявилъ о восшествіи на Престолъ Императрицы Елисаветы Петровны; гр. Головкинъ съ товарищами взяты были подъ арестъ, а кн. Яковъ Петровичъ лишился сенаторства. Нѣсколько дней оставался онъ безъ мѣста, наконецъ его потребовали въ Сенатъ, гдѣ объявили ему о назначеніи въ оберъ-прокуроры Правит. Синода. Но прежде чѣмъ узналъ о томъ, Шаховской размышляетъ о себѣ такимъ образомъ: «прежде на крыльцѣ встрѣчая по лѣстницамъ сквозь всѣ покои до присутственной палаты съ почтеніемъ меня провожали.... а нынѣ экзекуторъ, который недолго предъ тѣмъ своимъ патрономъ называлъ и въ знакъ своего покорнаго учтивства не сидя но стоя со мною разговаривалъ, какъ челобитчиковъ и прочихъ въ Сенатъ приходящихъ меня принялъ....»

Но на слѣдующій день встрѣча въ Синодѣ успокоила его самолюбіе: «того мѣста, также какъ и при Сенатѣ, находящійся такогожъ ранга экзекуторъ уже ожидая моего прибытія встрѣтилъ меня на лѣстницѣ съ нѣсколькими секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскихъ служителями, кои всѣ должны быть, такъ какъ и въ Сенатѣ, у Генералъ-Прокурора въ моей дирекціи, съ почтеніемъ рекомендовался и очищая дорогу, проводили меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе Святѣйшаго Синода....» Для того ли, чтобы увѣриться въ искренности мнѣній князя, или по странному стеченію обстоятельствъ, — на него вскорѣ было возложено порученіе отправить въ Сибирь арестованныхъ министровъ, и въ числѣ ихъ бывшаго благодѣтеля его графа Головкина съ женою. Описаніе этого случая принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ мѣстамъ записокъ.

Въ Синодѣ Шаховской ревностію къ службѣ и расторопностію, умѣлъ обратить на себя вниманіе Императрицы: несмотря на частые споры съ членами, въ 1753 г. онъ получилъ мѣсто генералъ-кригсъ-коммиссара. Множество заботъ, и непріятности, встрѣченныя имъ въ этой должности, заставили было князя думать о болѣе спокойной жизни и даже объ отставкѣ. Однако ему дали важное тогда мѣсто генералъ-прокурора въ Сенатѣ. Жена князя Шаховскаго была тому рада «неописанно», но самъ онъ говорилъ сначала: «повѣрьте, любезный читатель, что сіе увѣдомленіе нисколько меня не обрадовало. Я отъ истинной прискорбности отвѣтствовалъ ей (княгинѣ), что она это противъ здраваго разсудка дѣлаетъ, что такъ радуется наитягчайшимъ, нововалагаемымъ на меня, бременамъ....» Спустя нѣкоторое время, печальное предчувствіе сочинителя записокъ разсѣевается:

«чрезъ нѣсколько часовъ Сенатской экзекуторъ, оберъ-офицеры и прочіе канцелярскіе служители, уже узнавъ о томъ присланномъ указѣ, также прочихъ коллегій присутствующіе господа члены пріѣзжать начали съ поздравленіями и рекомендаціями о себѣ, ласкательное обрадованіе изъявляя и множественнымъ ихъ числомъ всѣ палаты мои наполнены были, какъ-то и нынѣ просвѣщенные въ политикѣ, размѣряя по приличностямъ употребляютъ. Въ тоже время и оной Всемилостивѣйшій, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества руки, въ Сенатъ присланной указъ, ко мнѣ принесенъ, въ коемъ я увидѣлъ, что я не только Генералъ-Прокуроромъ въ Сенатъ пожалованъ, но еще и въ Министерской конференціи.... присутствовать мнѣ повелѣно.... Сіи учиненныя тогда Высочайшія Ея Императорскаго Величества милости.... нечувствительно и мой философской разсудокъ плѣня, въ неописанное порадованіе привели....»

Въ этой должности князь встрѣтилъ также много недоброжелателей, въ особенности же въ лицѣ извѣстнаго въ тѣ времена графа Петра Ивановича Шувалова, такъ что по кончинѣ Императрицы онъ долженъ былъ выдти въ отставку: «Я и о семъ по истинѣ васъ, любезный читатель, прибавляетъ онъ, увѣдомляю, что и въ тотъ и послѣдующіе многіе дни, выгоня изъ головы моей тягостныя и заботливыя по дѣламъ званій моихъ мысли, и видя въ домѣ моемъ въ камерахъ пустоту, которыя прежде почти по всякой день почитателями, ласкателями и нужды свои облегчить чрезъ меня ищущими, заняты были, имѣлъ въ духѣ моемъ отъ разныхъ мыслей сраженіе и борьбу слабостей съ здравымъ разсудкомъ....» Князь удалился въ свою подмосковную деревню, гдѣ «воздухъ, говоритъ онъ, нашелъ чистый и безъ такихъ заразительныхъ частицъ, каковыя въ городахъ....» По восшествіи на престолъ Екатерины II, Шаховскому повелѣно было немедленно явиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ съ отмѣннымъ вниманіемъ Монархинею и ему объявлено, что ея Величеству будетъ весьма угодно, если онъ вступитъ снова на службу. «Вотъ, мой любезный читатель, я самъ и по нынѣ не разберу, искренняя ли моя преданность и почтеніе къ персонѣ сей нашей Монархини, которой я разумъ и чистой характеръ, уже за нѣсколько лѣтъ во всѣхъ ея поведеніяхъ познавалъ, или еще кроющаяся въ крови моей гордаго славолюбія страсть, тотчасъ взяли въ моемъ разсудкѣ поверхность и прогнавъ всѣ изъ мыслей моихъ выше описанные о философской моей жизни разсудки, вложили сердцу моему о тѣхъ Ея Величества мнѣ повелѣніяхъ наирадостное возчувствованіе....»

Слѣдствіемъ такихъ размышленій князя было то, что онъ снова вступилъ въ Сенатъ. Тамъ между прочимъ онъ занимался составленіемъ штатовъ коллегій; представленный имъ по этому предмету проектъ не былъ однако утвержденъ и въ 1766 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы, съ сохраненіемъ, вмѣсто пенсіи получаемаго имъ жалованья.

Князь Шаховской былъ въ дружественныхъ сношеніахъ съ В. А. Нащокинымъ. Они вели другъ съ другомъ пріятельскую переписку. (10) Однажды генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, пригласивъ къ себѣ Нащокина, просилъ его передать своему пріятелю, чтобы онъ не ссорился по одному дѣлу съ Сенатомъ. «Я получа отъ сего моего надежнаго друга, пишетъ кн. Шаховской, который также неробкаго духа былъ, о томъ увѣдомленіе, съ первою почтою писалъ къ нему, что я его Его Сіятельству за предосторожности благодарствую, а рѣшенія своего.... не отмѣню.» (11).

Въ запискахъ обоихъ этихъ лицъ есть одна общая черта — особенная любовь къ своимъ служебнымъ занятіямъ, описаніями которыхъ наполнены ихъ записки. Но у Нащокина служба была болѣе однообразна и онъ еще находилъ иногда время разсказывать о постороннихъ предметахъ, князь же Шаховской, постоянно погруженный въ дѣла, не могъ ни о чемъ болѣе говорить, какъ о своей службѣ, до такой степени, что въ разсказахъ о разныхъ юридическихъ случаяхъ не рѣдко приглашаетъ читателя справиться о нихъ поподробнѣе въ архивахъ.

Въ запискахъ графа Миниха, сына фельдмаршала, описаны отчасти тѣже событія, о которыхъ повѣствовалъ кн. Шаховской. Но сравнивъ ихъ, не трудно видѣть, что авторы ихъ не имѣли ничего общаго: гр. Минихъ весьма обстоятельно разсказываетъ о своихъ родственникахъ, ихъ титулахъ, его видимо занимаетъ торжественность, съ которою была отправлена его свадьба; ему извѣстны городскіе слухи, толки и пр. Князя Шаховскаго не занимали ни семейныя, ни общественныя дѣла, если не имѣли отношенія къ Синоду, Сенату, генералъ-прокурору и т. п. О своемъ семействѣ онъ упоминаетъ рѣдко и мимоходомъ; на все остальное смотрѣлъ болѣе нежели равнодушно. Однажды послѣдовало распоряженіе касательно его должности и тогда князь пишетъ, что «былъ между прочими въ комедіи; но не смотрителемъ оной, а разбирателемъ въ мысляхъ моихъ гаданій, для чего я оставленъ, и какъ мнѣ въ томъ поступать....» (ч. I,

(10) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, ч. I, стр. 219, 224, 238.

(11) Тамъ же ч. II, стр. 19.

стр. 30, 31). Это единственное мѣсто, гдѣ говоритъ Шаховской о театрѣ, но и то только потому, что въ немъ онъ занятъ былъ размышленіями о послѣдовавшемъ распоряженіи.... Какъ только въ запискахъ дѣло доходитъ до времени, когда авторъ окончательно вышелъ въ отставку, то онѣ прекращаются: князь, деревенскій житель, прощается съ читателемъ и пишетъ «конецъ». Въ предисловіи онъ сознается, что началъ писать отчасти изъ самолюбія: «чистосердечно признаюсь частію еще и въ удовольствіи собственной о моихъ иногда удачливо произведенныхъ дѣлахъ похвалъ любленія страсти.... сочинилъ я сіе краткое описаніе....»

Но будучи самолюбивымъ, Шаховской, при отправленіи своихъ обязанностей, являлся строгимъ исполнителемъ закона и ревностнымъ поборникомъ справедливости. Чтобы убѣдиться въ томъ достаточно прочесть то мѣсто записокъ, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ ему предлагали подарокъ въ 25,000 руб., чтобы онъ отказался отъ своего проекта снабжать армію сукнами не изъ Англіи, какъ это было заведено, а съ русскихъ фабрикъ. При этомъ князь признается чистосердечно, что ограниченное его состояніе, и притомъ дочь, которую надо было выдать замужъ, пришли ему въ то время на мысль, но скоро потомъ онъ съумѣлъ побѣдить себя и выгоды государственныя предпочелъ своимъ собственнымъ. Подобный поступокъ въ тогдашнія времена тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что за Вульфа, поставщика суконъ изъ Англіи, было много сильныхъ ходатаевъ, которые могли вредить Шаховскому. Въ этомъ отношеніи любопытенъ также его разговоръ или «диспутъ», какъ говоритъ князь Шаховской, съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, о чемъ мы уже упоминали: это любопытный фактъ въ исторіи того времени (12).

Слова князя, что дядя воспитывалъ его «по тогдашнимъ обыкновеніямъ», даютъ право думать, что въ дѣтствѣ онъ учился у какого нибудь грамотѣя, хорошо знавшаго церковныя книги: Шаховской любитъ приводить тексты св. писанія; привычнымъ изрѣченіемъ его были слова псалма Давида: «Господь мой и Богъ мой, на него уповаю, имъ и спасуся».... Подвергнувшись наказанію, по повелѣнію Императрицы, князь Яковъ Петровичъ съ покорностію говоритъ: «сей случай еще съ большимъ тщаніемъ къ послѣдованію въ такихъ приключеніяхъ во святыхъ пророку Даніилу, а въ славныхъ мужахъ аѳинскому Сократу и Аристиду меня привлекъ» (13).

(12) Записки кн. Шаховскаго ч. II, стр. 75 и слѣд.
(13) Записки, ч. I. Стр. 235.

Мы съ намѣреніемъ знакомили читателя съ княземъ Шаховскимъ собственными его словами: по нимъ замѣтно, что сочинитель записокъ на бумагѣ, какъ и на дѣлѣ, былъ опытнымъ служакою. У нашихъ грамотѣевъ и сочинителей первой половины XVIII столѣтія былъ въ большомъ употребленіи обычай писать напыщеннымъ, витіеватымъ языкомъ, въ которомъ иностранныя слова мѣшались съ дико построенными русскими; примѣры такой манеры мы видѣли еще въ запискахъ Матвѣева. Позднѣе это явленіе также имѣло своихъ представителей. Даже въ дѣловой перепискѣ, едва дѣло доходило до разсужденій, выводовъ, простая русская рѣчь замѣнялась напыщеннымъ наборомъ словъ, въ которомъ иногда не легко можно добраться до смысла. Князь Шаховской, рано начавшій заниматься гражданскими дѣлами, усвоилъ себѣ тотъ же способъ изложенія, какой господствовалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ. Помѣщенныя въ запискахъ дѣловыя бумаги, писанныя имъ самимъ или полученныя отъ другихъ лицъ— по языку удивительно сходны съ разсказомъ самого князя, и въ этомъ сходствѣ самая характеристическая черта его слога и языка.

Прежде всего въ его запискахъ поражаетъ нынѣшняго читателя чрезмѣрная длиннота предложеній: приступъ къ предисловію, напр., состоитъ изъ одного предложенія, едва умѣстившагося на двухъ печатныхъ страницахъ. Самый распорядокъ словъ въ отдѣльныхъ фразахъ отличается особенною затѣйливостію, которая теперь кажется тяжела и затруднительна въ чтеніи. Шаховской любитъ многочисленные эпитеты, которыми онъ снабжалъ каждое предложеніе, получавшее оттого довольно натянутую закругленность. Число архаизмовъ въ запискахъ его очень значительно; онъ часто употребляетъ такія слова, какъ *невѣдомость* (незнаніе), *манность* (скрытность), *заобыклость*, *презорство*, *поверхній* (наружный) и т. п. Они тѣмъ любопытны для насъ, что въ нихъ прекрасно выражается стремленіе русскаго языка обозначить тѣ понятія, которыя явились въ немъ отъ знакомства съ европейскими обычаями и общественной жизнью: отдѣльное слово получало тогда особенный смыслъ, который и сохраняло въ теченіе извѣстнаго времени, но потомъ выходило изъ употребленія, потому что въ замѣнъ его появлялось новое, точнѣе опредѣлявшее мысль. Точно также многія слова того времени, хотя и сохраняются до сихъ поръ, но уже съ другимъ значеніемъ: *воображеніе* у Шаховскаго значитъ вообще мысль, сужденіе; *заключеніе* — слѣдствіе и проч.

Изъ иностранныхъ словъ, кромѣ принятыхъ тогда въ дѣловомъ языкѣ: *аппробовать* вм. утвердить, согласиться, *персональ-*

ное изъясненіе вм. личное объясненіе и др. онъ употребляетъ и многія другія, напр. конфузія, амбиція, авантажъ, неавантажный коштъ, магазейнъ, мода, и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ уже тогда передѣланы были на русскій ладъ, напр. *обезкуражиться*.

Оставшіяся послѣ Данилова записки были изданы Павломъ Строевымъ подъ такимъ заглавіемъ: «Записки Артиллеріи Маіора Михаила Васильевича Данилова, написанныя имъ самимъ въ 1771 году.» (М. въ типогр. С. Селивановскаго 1842 г.) Въ предисловіи къ нимъ, издатель говоритъ, что онѣ достались ему «по случаю» и что «рукопись принадлежала самому автору, но очень дурнаго почерка, едва ли не дѣтскаго: я *поисправилъ ее*, не касаясь слишкомъ слога и выраженій, даже орѳографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его вѣка.»

Кромѣ этихъ записокъ извѣстны и другія сочиненія майора Данилова. Во первыхъ: «Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи съ пріобщеніемъ гидростатическихъ правилъ съ задачами. Собранное капитаномъ артиллеріи Михаиломъ Даниловымъ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1762 г.» Объ этой книжкѣ такъ говоритъ самъ авторъ въ своихъ запискахъ: «Пріятели мои и бывшіе командиры, вѣдая обо мнѣ, что я со излишествомъ противъ прочихъ офицеровъ имѣлъ случай обращаться въ артиллерійской наукѣ и зналъ ее, просили отъ меня для дѣтей своихъ ученыхъ записокъ; а другіе искали отъ меня и того формально, дабы и я самъ собою оказалъ ихъ дѣтямъ таковую услугу, чтобы по временамъ свободнымъ ѣздить къ нимъ указывать могъ, почитая меня, какъ человѣка свободнаго. Но я свою вольность никому въ таковую должность не рекомендовалъ, а нашелъ средство всѣмъ имъ услужить: написалъ я *артиллерійскаго знанія* книжку, отдалъ ее напечатать, роздалъ всѣмъ моимъ пріятелямъ и тѣмъ всѣхъ ихъ удовольствовалъ за 250 руб., что я заплатилъ за печатаніе сей книжки, а самъ чрезъ то отбылъ отъ учительской должности....» (14).

Во вторыхъ: «Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи, сочинилъ артиллеріи Маіоръ Михайло Даниловъ 1777 году.» (М. въ Унив. тип. 1779 г.). «Нынѣ въ гу-

---

(14) Зап. Данилова, стр. 129 — 130.

берніяхъ и прочихъ городахъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, также партикулярные многіе люди имѣютъ охоту представлять фейерверки и иллюминаціи, а не имѣя случая быть и видѣть оные при лабораторіи, по однимъ рецептамъ или запискамъ, имѣютъ не малое затрудненіе въ произвожденіи оныхъ въ желаемое дѣйствіе: то для облегченія ихъ въ томъ трудностей постарался я по своей возможности оныя фейерверочныя работы изъяснить описаніемъ и рисунками, дабы, имѣвъ къ тому потребные только матеріалы, могли по предложенному довольному показанію удобно изготовлять фейерверки и иллюминаціи....» Здѣсь же помѣщены краткія свѣдѣнія для исторіи пиротехніи въ Россіи.

Въ третьихъ: «Письма къ пріятелю, содержащія въ себѣ краткія, но полезныя и любопытства достойныя для человѣка матеріи.» У насъ въ рукахъ было изданіе, на заглавномъ листѣ котораго не выставлено ни года, ни типографіи, а написано только: «Втораго тисненія. Москва» (15). Не трудно замѣтить, что заглавный листъ этой книги напечатанъ и подклеенъ послѣ, а потому полагать надо, что втораго изданія ея не было. Помѣщенное тамъ третье письмо «О совѣсти» было перепечатано отдѣльною брошюркою въ 12° въ М. 1804 г. безъ всякихъ перемѣнъ. Въ указанныхъ каталогахъ ее не показано.

Въ первомъ письмѣ идетъ разсужденіе «о памяти и что рожденію человѣческому подобенъ и конецъ.» Сочинитель хотѣлъ доказать, что дѣтство имѣетъ сходство съ старостію, а что возмужалость въ человѣкѣ есть ни что иное, какъ «страсть, похотѣніе, или вожделѣніе и суета.» Второе письмо разсуждаетъ о безконечности элементовъ, о сердечномъ чувствѣ и о душевныхъ силахъ. Элементами авторъ считаетъ землю, воду, огонь и воздухъ, и въ первомъ изъ нихъ — землѣ авторъ находитъ безконечные элементы, отъ нее же происходящіе. Къ пяти чувствамъ человѣка онъ желаетъ прибавить еще шестое — *внутреннее, сердечное;* душу опредѣляетъ онъ слѣдующимъ образомъ: «Душа, какъ и всѣ утверждаютъ, есть невещественна, долготы, широты и толстоты не имѣетъ, слѣдовательно душа есть и не воздухъ; отъ сего заключить можно, что она безсмертна» (16). Въ третьемъ письмѣ назидательными примѣрами поясняется, что такое «совѣсть»? Четвертое заключаетъ въ себѣ разсужденіе «о неравенствѣ нравовъ и обычаевъ человѣческихъ и о понятіи душъ.» Оно на-

(15) У Сопикова означено два изданія: М. 1792 и М. безъ года (Оп. Росс. Библ. № 8178—9). У Смирдина одно изданіе 1783 года (№ 6364).

(16) Письмо къ пріятелю, стр. 31.

чинается такъ: «открываю вамъ чистосердечно въ чемъ и признаться не стыжусь, что я то знаю, что не знаю, или то понимаю, чего понять не могу....» Послѣ такой неудачной передѣлки знаменитаго изрѣченія Сократа, сочинитель толкуетъ о темпераментахъ и заключаетъ, что различіе характеровъ и склонностей людей происходитъ «отъ сложенія нашего тѣла. Когда нервы или тонкія въ головѣ нашей мозговыя для пребыванія души нашей жилки, изъ коихъ душа наша пылаетъ (?) и на все тѣло непостижимо намъ дѣйствуетъ; естьли оныя жилки отъ природы неизвѣстнымъ намъ случаемъ бываютъ засорены и не дѣйствительны, то на оныя засоренныя жилки душа дѣйствовать не можетъ, а дѣйствуетъ только на однѣ не засоренныя и исправныя. Отъ сего-то засоренія нервовъ бываетъ человѣкъ полуумнымъ, несмысленнымъ и дуракомъ» (17). Пятое письмо «О разумѣ животной твари, и о полезности ея на земномъ шару.» Всѣ эти письма писаны въ 1777, 1778 и 1781 годахъ.

Выписки наши достаточно показываютъ наивность мнѣній почтеннаго майора по части физіологіи и психологіи. Его желаніе писать о подобныхъ предметахъ, можно объяснить только тѣмъ, что онъ начитался книгъ, бывшихъ тогда въ ходу, подъ названіемъ «философскихъ», вздумалъ самъ въ свою очередь *пофилософствовать*, и на дѣлѣ испыталъ замѣчаніе Фамусова.

Для насъ «Письма къ пріятелю» любопытны по указаніямъ на разныхъ писателей, которыхъ читалъ Даниловъ. Ему были извѣстны: Новая Элоиза Руссо, нѣкоторыя сочиненія Вольтера, О педантствѣ Монтаня, Телемакъ Фенелона, Мысли Декарта, Знаніе философіи Теплова, Опытъ о человѣкѣ Попія (т. е. Попе) въ переводѣ Поповскаго, Жизнь Сиѳа, царя Египетскаго, — перев. Фонъ-Визина, Оды Ломоносова.

Число книгъ, прочитанныхъ Даниловымъ, сравнительно съ Нащокинымъ, было уже далеко больше; между тѣмъ, разница въ ихъ лѣтахъ была не велика: первый только пятнадцатью годами родился позже послѣдняго. Другое, новое поколѣніе, оставивъ въ сторонѣ Йейку и Іерополитику и имъ подобныя книги, перешло вдругъ къ Новой Элоизѣ и Монтаню. Переходъ крутой, тѣмъ болѣе, что первоначальное образованіе Данилова не многимъ разнилось отъ того, которое получилъ Нащокинъ. Это самое и было причиною, что Даниловъ съ наивнымъ простодушіемъ пускался въ разсужденія о жилкахъ, изъ которыхъ душа пылаетъ, и тому подобныхъ предметахъ. Переводы иностранныхъ писате-

(17) Тамъ же, стр. 51.

лей XVIII столѣтія мало оказывали вліянія на нашихъ читателей именно потому, что эти послѣдніе почти вовсе не были приготовлены къ такому серьезному чтенію. Сужденія о нихъ всего чаще говорились съ чужаго голоса; мысли ихъ не для всѣхъ были понятны и доступны. Примѣръ этого видимъ на Даниловѣ. Но если исчисленныя нами произведенія Данилова теперь совершенно забыты, то его записки стóятъ вниманія, какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для знакомства съ нашей стариной. Читая ихъ, невольно убѣждаешься въ истинѣ нерѣдко повторяемой мысли, что описаніе жизни человѣка самаго обыкновеннаго гораздо любопытнѣе иного романа. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что-либо проще тѣхъ происшествій, о которыхъ разсказываетъ Даниловъ? Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина, который имѣлъ кучу дѣтей и множество родственниковъ, — иные изъ нихъ были люди достаточные, бóльшая же часть — бѣдняки, жившіе кое-какъ въ своихъ деревушкахъ. Самъ авторъ родился въ 1722 г., и сначала проживалъ у разныхъ родственниковъ, учился грамотѣ, читалъ часословъ и псалтырь. Въ 1737 г. поступилъ въ артиллерійскую школу въ Москвѣ, а въ 1740 г. вышелъ на службу фурьеромъ. Занимаясь приготовленіемъ разныхъ фейерверковъ и иллюминацій, онъ дослужился до капитана, женился и въ 1759 г. вышелъ въ отставку. Умеръ онъ послѣ 1790 г.

Казалось бы, что едва ли можно найти много занимательнаго въ разсказѣ о жизни, столь бѣдной происшествіями, а между тѣмъ записки Данилова читаются съ живымъ интересомъ и, дочитавъ ихъ, невольно жалѣешь, зачѣмъ не писалъ онъ болѣе. Авторъ не занималъ значительнаго мѣста, не участвовалъ въ событіяхъ, принадлежащихъ исторіи, и по необходимости остался въ кругу будничной жизни своей или тѣхъ лицъ, съ которыми сталкивала его судьба. Мелкія подробности объ этой жизни и составляютъ все содержаніе его записокъ, которыя тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе читателя, что майоръ обладалъ умѣньемъ въ немногихъ словахъ, иногда однимъ коротенькимъ анекдотомъ, живо и рѣзко очертить характеръ лица и событія. У него было много насмѣшливой наблюдательности, напоминающей общее свойство нашего народнаго юмора: самые смѣшные анекдоты онъ разсказываетъ серьёзно и съ простодушіемъ, которое не предполагаетъ, по видимому, никакого желанія подшутить насчетъ ближняго.

Отецъ Данилова, какъ мы замѣтили, былъ человѣкъ небогатый, такъ что въ пропитаніи ему помогали благодѣтели изъ

знатныхъ господъ, а дѣти проживали у родственниковъ. Мы уже видѣли, какъ и чему Даниловъ учился у Брудастаго: все образованіе окончилось азбукою и Даниловъ былъ отвезенъ къ одной вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, бывшей въ свойствѣ съ отцемъ его. «Вдова, сказано въ запискахъ, охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только, признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобы хотя одинъ день прошелъ безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока вдова перестанетъ щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту» (18). У вдовы былъ любимецъ племянникъ: однажды онъ напроказилъ и Матрена Петровна, въ видахъ исправленія его, распорядилась наказать дядьку и автора записокъ, невинныхъ свидѣтелей проказъ баловня племянника.

Быть можетъ, такое явное пристрастіе побудило отца Данилова взять сына отъ причудливой тетушки и передать его на руки къ одному воеводѣ, также причитавшемуся родственникомъ. Съ сыномъ его маленькой Даниловъ отправлялся на Рождество въ уѣздѣ «христа славить» и съ ними посылалось «по пяти и болѣе порожнихъ саней, на подаяніе за славленіе». Отъ воеводы Даниловъ переходитъ на житье къ третьему родственнику, также Данилову. Этотъ любилъ болѣе всего выпить, и нисколько не радѣлъ о мальчикѣ: въ одну поѣздку съ нимъ авторъ записокъ чуть было не замерзъ и едва не умеръ: «родственникъ мой — говоритъ Даниловъ — узнавъ о моей болѣзни чрезъ своихъ служителей, позволилъ мнѣ лечь съ собою въ коляску, въ которой я немного покойнѣе былъ, нежели за коляскою. Когда онъ не спалъ дорогою, то обучалъ свою лягавую собаку, которая съ ними въ коляскѣ пребывала третья, а чтобъ собака не боялась огня и ружейнаго выстрѣла, то онъ на каждый день заряжалъ часто пистолеты, стрѣлялъ и вспышки дѣлалъ, для своей собаки, въ коляскѣ. Какъ бы то ни было, только мы доѣхали до Глухова благополучно».... Его житье у родныхъ не кончилось и съ поступленіемъ въ школу: онъ только ходилъ туда учиться, а помѣщался у свойственника. Впослѣдствіи перешелъ онъ къ одной дворянкѣ, чтобы сыну ея «показывать, когда свободно будетъ, ариѳметики».... Другая дама, для подобной же цѣли, имен-

(18) Записки Данилова, стр. 42—43.

но «дабы вмѣстѣ ѣздить *съ мужемъ ея въ школу*», перезвала прилежнаго Данилова къ себѣ. Но старанія заботливой супруги о мужѣ-школьникѣ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: Северинъ (такъ звали мужа) былъ, по словамъ автора записокъ, «шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, и переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія».

По выходѣ изъ школы на дѣйствительную службу, Даниловъ былъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, работая при фейерверкахъ и иллюминаціяхъ. Однажды онъ влюбился въ дочь иностранца кучера, служившаго у астронома Делиля. Даниловъ пишетъ, что онъ по возможности старался побѣдить въ себѣ эту склонность: «мнилъ я овладѣть собою, положилъ противиться привычкѣ свиданія, и, чтобы не быть повержену въ полную власть любовнаго предмета, отложилъ частое свиданіе съ Шарлотою и не выходилъ со двора никуда»... Но все было напрасно, ибо «я былъ тогда подобенъ — продолжаетъ Даниловъ — какъ нѣкоторый стихотворецъ страстнаго человѣка изображаетъ стихами:

Я холоденъ какъ ледъ, но въ пламени горю,
Смѣюся и грущу, о томъ и говорю (19).

Одно происшествіе, надѣлавшее тогда много шуму въ Петербургѣ, а всего болѣе командировка въ Ригу, принудили однако Данилова забыть свою Шарлоту.

Въ 1752 г. Данилову удалось открыть способъ приготовлять для фейерверковъ зеленый огонь. При этомъ случаѣ онъ разсказываетъ, что генералъ отъ артиллеріи Толстой, увидѣвъ это изобрѣтеніе, отозвался, «что секретъ зеленаго огня не менѣе Колумбусова яйца удивителенъ». Въ запискахъ есть любопытныя свѣдѣнія о введенныхъ гр. П. И. Шуваловымъ гаубицахъ и единорогахъ. Изобрѣтеніе послѣднихъ принадлежало, по словамъ Данилова, ему и его товарищу Мартынову. Вообще здѣсь есть любопытные матеріалы для біографіи графа П. И. Шувалова, котораго Даниловъ зналъ, когда графъ былъ у нихъ фельдцейгмейстеромъ.

Когда авторъ произведенъ былъ въ капитаны и оберъ фейерверкеры, жена одного изъ его товарищей предложила ему жениться. Отказа со стороны новопроизведеннаго капитана не послѣдовало, и ему была представлена *старушка*, *торговка Ивановна*, которая вручила тотчасъ же записку о состояніи одной

---

(19) Зап. Данилова, стр. 61—65.

невѣсты. Оказалось, что она вдова, съ 900 душами крестьянъ и мызою близь Петербурга. «Назначенъ былъ — разсказываетъ Даниловъ — день свиданія нашего, *смотра*, *по обыкновенію древнему*, въ церкви.... по прошествіи обѣдни, я подошелъ къ Топильскому поздороваться, какъ съ знакомымъ человѣкомъ; невѣста моя подошла къ нему же: мы при семъ свиданіи, поглядя одинъ на другаго, выговорили по нѣскольку словъ между собою; оное все происходило съ нѣкоимъ родомъ стыдливости, а паче мнѣ, потому что я въ первый разъ на своей жизни, смотрѣлъ невѣсту и товарища, съ которымъ опредѣлялъ себя на весь мой вѣкъ жить».... (20).

Женидьба Данилова была непріятна одному изъ могущественныхъ его начальниковъ и это обстоятельство заставило его выдти въ отставку. Чинъ майора, слѣдовавшій при отставкѣ, онъ уже выхлопоталъ себѣ по возшествіи на престолъ Екатерины II.

Мы выбирали изъ записокъ только тѣ событія, которыя имѣютъ отношенія къ лицу самого автора; но, вообще, въ нихъ можно найти много любопытныхъ указаній для характеристики того времени.

Желая оставить воспоминаніе о незатѣйливой жизни своей и родственниковъ, Даниловъ, разумѣется, долженъ былъ писать по просту — безъ затѣй, почти такъ какъ говорилъ ежедневно. А такъ какъ разговорный языкъ людей средняго класса не отдѣлялся еще рѣзко отъ народнаго, то неудивительно, что записки Данилова и нынѣ читаются легко, не утомляя читателя, какъ другіе мемуары. Впрочемъ, это замѣчаніе относится къ языку записокъ вообще, сравнительно съ другими произведеніями этого рода; въ частностяхъ же и въ языкѣ Данилова можно найти много такого, въ чемъ онъ обнаруживаетъ вліяніе общихъ литературныхъ условій того времени. Прежде всего замѣтны у Данилова архаизмы. Онъ не даромъ учился грамотѣ по церковнымъ книгамъ: въ запискахъ его попадаются славянизмы, но не тѣ, которыхъ такъ много бываетъ въ сочиненіяхъ начала XVIII вѣка.

У него нѣтъ славянскихъ формъ русскаго слова; вообще онъ не насиловалъ языка, и если иногда употреблялъ архаизмы, то случайно и безъ всякаго намѣренія щеголять ими. Въ этомъ существенное отличіе склада его записокъ отъ записокъ его предшественниковъ; у него нѣтъ и того оффиціальнаго и дѣловаго

---

(20) Записки, стр. 97—98.

слога, которымъ отличается особенно Шаховской и отчасти Нащокинъ. Тѣмъ не менѣе и у Данилова встрѣчается много словъ, измѣнившихъ теперь свое значеніе или совершенно вышедшихъ изъ обращенія, и потому странныхъ для насъ (напр. *априданая* мамка, т. е. данная въ приданое, *способность*, т. е. удобность, *удовольствіе*, т. е. удовлетвореніе, продовольствіе и пр.): они получали у него мѣсто потому, что вполнѣ принадлежали разговорному языку, хотя и невсегда были народными. Но и изъ его записокъ легко видѣть, что условія народности или не народности языка съ тѣхъ поръ и до нашего времени измѣнились очень мало, — несравненно меньше, чѣмъ тогдашній литературный языкъ отступаетъ отъ нынѣшняго. Писанное тогда подъ вліяніемъ народной рѣчи остается вполнѣ народнымъ и теперь. Многія фразы Данилова ведутъ свое начало до XVII столѣтія и остаются цѣлы и въ настоящее время. Какъ простъ у него выборъ словъ, такъ же проста и синтактическая форма его языка. Видно, что Даниловъ писалъ по бóльшей части такъ, какъ говорилъ, нисколько не заботясь о правильности и послѣдовательности, наблюдаемыхъ въ письменной рѣчи, и потому многія мѣста его записокъ переданы обыкновенными разговорными фразами, напримѣръ: «умыслилъ одинъ изъ дядьевъ зятя моего, Никита, зазвалъ къ себѣ племянника Афанасья, для котораго сдѣлалъ веселое собраніе и пиръ, да и взялъ съ него закладную въ 5,000 рублей на село, что наилучшее, называемое Новое, 250 душъ, каменная въ немъ церковь; а денегъ за оное село едва получилъ зять мой одну тысячу рублевъ».... (21).

Такія мѣста, гдѣ господствуетъ свобода разговорной рѣчи, встрѣчаются у Данилова на каждой страницѣ; тѣмъ болѣе становятся у него замѣтны выраженія темныя, сбивчивыя, книжныя. Любопытно, что помѣщенныя въ запискахъ письма Данилова къ графу Шувалову и Мартынову по своему складу не имѣютъ и тѣни подобія съ записками (22). Тоже самое можно сказать и объ его же «Письмахъ къ пріятелю». Слогъ ихъ, вмѣсто легкаго и непринужденнаго, тяжелъ, слова разставлены какъ будто не по своимъ мѣстамъ, обороты отличаются особенною затѣйливостью — однимъ словомъ, замѣтно, что Даниловъ въ письмахъ поддѣлывается подъ господствующій литературный обычай и для него забывалъ языкъ простой и непринужденный, образчики котораго оставилъ въ запискахъ. Впрочемъ, и у него попадается тяжелая, нѣмецкая и латинская, разстановка словъ, и

(21) Записки, стр. 35.
(22) Записки, стр. 113 и слѣд.

также неудачное переложеніе изъ иностранныхъ языковъ, напр. *чтобы не быть повержену въ полную власть любовнаго предмета*, или: сіе произведеніе (т. е. приключеніе) *привело меня ко вниманію* о Шарлотѣ, или: она очень разумѣла, *что принадлежитъ до кухни* и др. Нѣкоторыя иностранныя слова передѣланы по русски такъ: *дигетъ* (діэта), *лабаторія*, *крицъ комиссаръ*, или употреблены не въ собственномъ ихъ значеніи: «шитье въ тогдашнее время было въ Москвѣ *въ манерѣ* самое лучшее», или: «амазонка *прожектировала* мнѣ, что сватается за нее женихъ» и проч.

Записки Шаховскаго, Данилова и Нащокина доказываютъ, что языкъ общества сталъ отдѣляться отъ народнаго, принимая въ себя выраженія, слова и обороты, до XVIII вѣка неизвѣстные и происшедшіе отъ вліянія европейскихъ языковъ и измѣненія общественной жизни и понятій. Такимъ образомъ мало по малу образовывалось какъ бы отдѣльное нарѣчіе.... но оно не могло вдругъ вытѣснить кореннаго языка, старое мѣшалось съ новымъ, и это послѣднее брало верхъ въ разговорномъ языкѣ, когда нужно было выразить новыя понятія или говорить о предметахъ изъ новаго порядка вещей. Это легко можно замѣтить, перечитывая нѣсколько страницъ въ тогдашнихъ запискахъ. Смотря по обстоятельствамъ, одно и тоже лицо говоритъ разнымъ языкомъ, просто или тяжело, неловко и витіевато. Къ тому же приводитъ и разборъ «Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова» (изданныхъ сыномъ его сенаторомъ Б., Спб. въ Морск. тип. 1817). Болѣе всего обращаютъ здѣсь вниманіе множество отрывковъ изъ переписки, веденной Бибиковымъ со многими замѣчательными лицами своего времени, напр. гр. П. Ив. Шуваловымъ, Ив. Ив. Шуваловымъ, гр. Ник. Ив. и П. Ив. Паниными, Суворовымъ, Румянцовымъ и др. Кромѣ содержанія письма эти любопытны и по языку своему; однѣ изъ нихъ писаны о дѣлахъ, другія наполнены изъявленіями свѣтской вѣжливости, третьи — дружескія, родственныя. Въ первыхъ и вторыхъ письмахъ очень мало простаго, народнаго склада рѣчи: такъ въ нихъ много подстрочныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ или оборотовъ, не свойственныхъ русскому языку.

Бибиковъ, съ самыхъ первыхъ годовъ своей службы, обратилъ на себя вниманіе и пользовался лестною извѣстностію. Гр.

П. И. Шуваловъ, заботившійся объ улучшеніи русской артиллеріи, просилъ его мнѣнія объ этомъ предметѣ въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Государь мой Александръ Ильичъ! Дѣйствительная бытность ваша въ нынѣшнихъ походахъ, въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, непремѣнно уповаю я, дали вамъ случай примѣтить дѣйство нашей артиллеріи; а потому прошу васъ, государь мой, мнѣ откровенно объяснить, въ чемъ разсуждаете вы или находите полезнѣе старую или новую артиллерію, и чѣмъ преимуществуетъ старая артиллерія новой, и какіе неудобства или недостатки имѣетъ новая передъ тою, и въ чемъ они состоятъ?

«Мнѣ сіе извѣстіе тѣмъ отъ васъ нужнѣе, чѣмъ больше я хочу объяснить существительное дѣйство артиллеріи, а въ случаѣ недостатка новой артиллеріи, оную исправить; впрочемъ я не сомнѣваюсь, что вы подадите мнѣ объясненіе на основаніи чести и должности, въ чемъ конечно и надобность состоитъ. Чего ради оное изъясненіе съ первою почтою прошу ко мнѣ прислать, а я есмь со всегдашнимъ почтеніемъ» и проч. (23).

Такихъ словъ и фразъ, какъ *дѣйствительная бытность*, *существительное дѣйство*, *надобность состоитъ*, *объясненіе на основаніи чести и должности*, конечно, нельзя сыскать въ старинномъ языкѣ; онѣ были новоизобрѣтеніемъ тогдашняго дѣловаго слога. Выраженіе: «*въ чемъ разсуждаете вы или находите полезнѣе старую или новую артиллерію и чемъ преимуществуетъ старая артиллерія новой....*» кажется буквальнымъ переводомъ съ французскаго: en quoi vous *jugez* plus utile l'ancienne ou la nouvelle artillerie, et par quoi l'ancienne est *préférable à la* nouvelle....

Еще труднѣе было писать въ то время письма церемонныя: во французскомъ языкѣ для подобныхъ случаевъ готовы сотни фразъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе, такъ что пишущему остается отъ себя прибавить только нѣсколько словъ. Русскому языку были еще чужды такія утонченности, и сочинители писемъ, для отклоненія затрудненій, брали французскіе образцы, которые по русски выходили весьма неудачными копіями.

И. И. Шувалову довелось (въ 1761 г.) однажды писать подобное письмо къ Бибикову, по случаю успѣшныхъ дѣйствій его въ войнѣ противъ Пруссіи:

«Государь мой Александръ Ильичъ. *Имѣю честь васъ поздравить съ оказаніемъ вашей ревности искуства военнаго, въ дан-*

(23) Записки о ж. Биб., стр. 21—22.

номъ вамъ отъ вашего шефа предпріятіи. Желаю сердечно, *такъ и надѣюсь*, что ваша служба награждена будетъ. Мнѣ *тѣмъ радостнѣе* было слышать о прославленіи вашего имени, что зная столь давно ваши качества всегда *ожидалъ* соотвѣтствующихъ имъ дѣйствій. Вы, государь мой много меня одолжите, естьли ваше *упражненіе* дозволитъ временемъ меня увѣдомлять о *происхожденіяхъ* нашего оружія. Желаю и прошу Бога, дабы все соотвѣтствовало къ достиженію вожделѣннаго мира. Пребывая съ отмѣннымъ почтеніемъ есмь государь мой, покорный слуга.» (24).

Начало письма сильно напоминаетъ французское выраженіе: Je vous félicite avec la preuve de votre valeur, послѣднее слово, означающее именно подвигъ военный, въ письмѣ переведено «ревностію *искуства военнаго*.» Далѣе «*желаю сердечно, такъ и надѣюсь*» есть переводъ слово въ слово «Je désire de tout mon cœur, *ainsi que* je l'éspére..;» *мнѣ тѣмъ радостнѣе было*...., что... *ожидалъ — il m'était d'autant plus agréable... que j'attendais*.... Слова *происхожденіе* и *упражненіе*, употребленныя не въ томъ значеніи, какое имѣютъ теперь, кажется были неудачнымъ переводомъ нѣмецкихъ словъ Vorgang и Beschäftigung.

Подвигъ Бибикова подалъ случай и Петру Ивановичу Панину написать къ нему такое письмо:

«Государь мой Александръ Ильичъ. Повторяя мое благодареніе за ваше, государь мой *посѣщеніе* меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ, и поздравленіе съ славнымъ вашимъ надъ непріятелемъ *произведеніемъ*, принесенное жъ мною за недостаткомъ времени предъ симъ въ письмѣ брата моего Леонтьева, а теперь пользуясь пересылкою къ вамъ приложеннаго у сего письма, *подтверждаю пріемлемые* мои во всѣхъ вашихъ происхожденіяхъ истинно *дружескія участія*, *которыя* меня въ великое сожалѣніе приводятъ о вашей долговременной болѣзни, для которой думаю только вы и съ особливымъ уже знаніемъ Ѳрептовскаго положенія нынѣ и лишились быть соучастникомъ столь счастливаго, а для васъ бы особливо полезнаго тамъ произшествія».... (25).

Въ письмахъ П. И. Панина давно уже замѣтили особенную тяжелость языка; сравнивая ихъ съ другими, мы видимъ, однако, что въ языкѣ ихъ встрѣчаются однѣ и тѣже особенности, какъ и въ другихъ современныхъ сочиненіяхъ. Фразеологія его была общею въ то время; здѣсь она достигаетъ своей крайности и по-

(24) Записки и проч., стр. 26—27.
(25) Записки и проч., стр. 27—28.

тому для насъ больше замѣтна. Въ сущности эти письма писаны также, какъ записки Шаховскаго и Болотова.

Въ 1767 году, Бибиковъ былъ избранъ предводителемъ (маршаломъ) Коммиссіи для составленія новаго уложенія и Философовъ, бывшій тогда датской посланникъ, другъ и пріятель Бибикова, писалъ къ нему, между прочимъ, объ этомъ предметѣ: «Все *преткновеніе* коммиссіи своей ты *воображаешь* съ большимъ благоразуміемъ. Я несказанно радуюсь, что *не вдавшись самолюбивому о себѣ предубѣжденію*, *судишь колеблемость своего рока по существу дѣла столь большее*, *столь различное обнятіе въ себѣ заключающее:* будь всегда *въ осторожныхъ* сихъ *мысляхъ*, иди всегда со щупомъ въ рукахъ, *преодолѣвая поверхностію* своей *души* и своей *добродѣтели*, все оскорбляющее тебя. Помни совѣтъ лучшаго твоего друга, помни, что и твои *сантименты* при *индиферантныхъ* и до *тебя собственно подлежащихъ обстоятельствахъ для тебя были всегда рѣшительны въ томъ*, *чтобъ по толику себя въ службѣ*, *въ чинахъ и почти въ свѣтѣ*, *по колико то съ прямою честію возможно*, *а скорѣе всѣмъ*, *нежели его въ замѣнъ чего-либо и остановить*».... (26) и т. д. все въ томъ же родѣ, который, какъ видимъ, былъ общею принадлежностью всего общества.

Бибиковъ родился въ 1729 году и свое дѣтство и юность провелъ дома и только для виду былъ записанъ въ инженерный корпусъ. По смерти матери, онъ находился на рукахъ бабки и тетки, монахинь Зачетейскаго монастыря. Онѣ-то, по словамъ сочинителя записокъ, «прилагали всевозможнѣйшія попеченія о доставленіи ему лучшаго воспитанія, какое только, по тогдашнему времени, могло образовать благороднаго юношу.» Бибиковъ, подъ руководствомъ, вѣроятно, своихъ родственницъ, узналъ французской языкъ и, въ 1749 г., занимался «переложеніемъ съ французскаго на россійскій языкахъ сочиненія, касающагося до его рода службы.» Личность его любопытна для историка русской литературы тѣмъ, что подъ его начальствомъ служилъ Державинъ, который написалъ краткую характеристику бывшаго своего начальника и оду на смерть его (27), а Фонъ-Визинъ былъ съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ, и въ письмахъ къ автору «Недоросля», Бибиковъ говоритъ ему «любезный другъ» и «ты.»

(26) Записки и пр., стр. 105.

(27) Какъ эта характеристика, такъ и рѣчь, сочиненная Державинымъ, для произнесенія въ собраніи Казанскаго дворянства, по случаю Высочайшаго рескрипта и желанія Императрицы считаться «*Казанскою помѣщицею*», находятся въ запискахъ Бибикова, стр. 5—17 и 301—308, и пропущены во всѣхъ изданіяхъ Державина.

Бибиковъ перевелъ: изъ французской энциклопедіи главу о войнѣ; поэму, «De l'art militaire» Фридриха II. Этотъ переводъ переложенъ былъ въ стихи В И. Майковымъ, незнавшимъ ни одного иностраннаго языка и 13 главу романа Мармонтеля «Велизарій.» Послѣдній переводъ былъ сдѣланъ по желанію Императрицы Екатерины, во время ея путешествія по Волгѣ: одна изъ главъ переведена самою Государынею, а остальныя ея приближенными и потомъ романъ былъ изданъ подъ заглавіемъ: «Велизеръ, сочиненія Мармонтеля, члена Французской Академіи. Переведенъ на Волгѣ. Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768 г. Посвященъ Его Преосвященству Гавріилу Епископу Тверскому.»

Что касается до писемъ самого Бибикова, замѣчательно, что въ нихъ очень мало, иногда совсѣмъ нѣтъ обыкновенной принужденности. Отчасти это происходило отъ самого независимаго характера его, который не стѣснялся никакимъ положеніемъ и со всѣми говорилъ просто, не нуждаясь въ затѣйливыхъ фразахъ. Съ другой стороны для него вѣроятно не пропало даромъ литературное образованіе, которое должно было дать ему умѣнье владѣть языкомъ: нельзя ни въ какомъ случаѣ. отвергать его превосходства въ этомъ отношеніи передъ другими лицами, записками которыхъ мы занимались до сихъ поръ.

Послѣднимъ и важнѣйшимъ подвигомъ Бибикова было начало усмирѣнія Пугачевскаго бунта.

Вотъ какъ описываетъ онъ въ письмѣ къ женѣ положеніе, въ которомъ нашелъ онъ дѣла по пріѣздѣ въ Казань: «Казань нашелъ я въ трепетѣ и ужасѣ; многіе отсюда, или лучше сказать большая часть дворянъ и купцевъ съ женами выѣхали, а женщины и чиновники здѣшніе уѣзжали всѣ безъ изъятія, иные до нижняго, а иные до Москвы ускакали. Сами губернаторы были въ Кузьмодемьянскѣ. Теперь нѣкоторые возвращаются, а иные уже и пріѣхали. Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать буде бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю всевозможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ своею милостію».... Въ другомъ письмѣ: «Съ послѣднимъ курьеромъ собственноручное письмо государыни я имѣлъ счастіе получить, весьма милостивое, и дѣлами моими она очень довольна. Высочайшая довѣренность еще болѣе умножена. Дай Боже, чтобы желанію и ревности моей къ службѣ Ея Величества

успѣхъ соотвѣтствовалъ, а дѣлаю и работаю какъ только достаютъ силы. Дѣла мои, Богу благодареніе, идутъ часъ отъ часу лучше, войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны, то я изъ всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у гуся, не зябнутъ ли ноги? Ой да, работка. — Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ. Однако работаю и работать буду до положенія ризъ. Твори Богъ волю свою».... Или: «Богу благодареніе — Оренбургъ освобожденъ, теперь мой другъ тебя и себя поздравляю. Дѣло мое сдѣлано, правда, что стоило мнѣ и это дѣльцо! много крови испортило, но теперь знаю я самъ свою цѣну, что сдѣлалъ, то-то у васъ будетъ праздникъ».... (28).

Говоря о письмахъ, помѣщенныхъ въ запискахъ Бибикова, нельзя не сказать о тѣхъ, которыя изъ нихъ были писаны Сочинительницею Наказа.

Андріянъ Моисеевичъ Грибовскій, бывшій статсъ-секретарь Императрицы, разсказываетъ, что однажды государыня, отдавая ему собственноручную записку о пріисканіи справокъ для написаннаго Ею Устава о Сенатѣ, примолвила: «Ты не смѣйся надъ моею русскою ороографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ, могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо его знаю.» Впрочемъ, государыня, прибавляетъ Грибовскій, говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала....» (29).

---

(28) Записки и пр., стр. 280, 313, 318.

(29) См. «Записки о Екатеринѣ Великой, состоявшаго при Ея Особѣ статсъ-секретаря и кавалера Андріана Моисеевича Грибовскаго (писаны въ исходѣ 1796).» Онѣ были помѣщены въ «Москвитянинѣ» 1847 г., ч. II, и въ томъ же году безъ перемѣнъ изданы отдѣльною брошюрою. Помѣщенная здѣсь въ началѣ статья «Изображеніе Ея Величества Императрицы Всероссійской», приписанная издателемъ «Москвитянина» Грибовскому, есть плохой переводъ извѣстной статьи принца де Линя «Portrait de feu sa Majesté Impériale de toutes les Russies (Oeuvres choisies du Maréchal Prince de Ligne publiées par Propiac. Paris. 1801). Многія мѣста перевода искажены и тамъ, гдѣ въ подлинникѣ де-Линь говоритъ отъ своего лица, въ изданныхъ запискахъ переправлено, такъ-что можно подумать, будто все это разсказываетъ самъ Грибовскій. Редакція «Москвитянина» сочла все это за разсказъ самого Грибовскаго и въ этихъ темныхъ мѣстахъ находила ошибки рукописи.

Императрица любила русскій языкъ, употребляла устарѣлыя слова, какъ—то: дондеже, понеже и т. п., и даже нѣсколько педантствовала этимъ (30).

Что Екатерина Великая не только знала русскій языкъ, но и угадывала ложное направленіе современнаго литературнаго слога, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ написанное Ею шутливое завѣщавіе о томъ, кто долженъ наслѣдовать «Были и небылицы». Наслѣдникъ, между прочимъ, обязывался:

2) Писавъ, думать не долго и немного, наипаче не потѣть надъ словами.

3) Краткія и ясныя израженія предпочитать *длинными и кругловатымъ*.

4) Кто *писать будетъ*, тому *думать по Русски*.

5) *Иностранныя слова замѣнить русскими и изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ*, ибо нашъ языкъ и безъ того богатъ.

7) *Слова класть ясныя* и буде можно самотеки.

11) *Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить*, то есть *надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенные будутъ.*» (Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. Ч. VIII, стр. 173—175).

Въ запискахъ Бибикова любопытно письмо Императрицы, гдѣ разсказывается о мятежѣ въ Москвѣ во время моровой язвы (31). Оно написано простымъ разговорнымъ языкомъ, въ которомъ вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ книжныхъ оборотовъ, которые мы читали до сихъ поръ.

О существованіи записокъ Андрея Тимоѳеевича Болотова стало извѣстно изъ краткой біографіи его, помѣщенной въ Земледѣльческомъ журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства (1838 г. № 5, стр. 183—198). Біографія эта заимствована изъ собственноручныхъ записокъ покойнаго Болотова и въ ней ука-

(30) Обозрѣніе царствованія Императрицы Екатерины II, П. Сумарокова. Спб. 1832. II, стр. 34.

(31) Въ запискахъ, вѣроятно, исправлена орѳографія письма. Извѣстно, что государыня не ладила съ нею, и поэтому случаю въ «Быляхъ и небылицахъ» нѣсколько разъ подсмѣивалась сама надъ собою. (См. «Собесѣдникъ», ч. III, стр. 132, 133. Ч. VII, стр. 137).

заны всѣ печатные и оставшіеся въ рукописяхъ переводы его и сочиненія. Это указаніе полезно тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть изданныхъ Болотовымъ книгъ, являлясь безъ имени автора. Вотъ хронологическій перечень этихъ сочиненій и переводовъ:

«Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 2 части, 1776—1779. Съ эпиграфомъ: «Господи! устнѣ мои отверзеши и уста мои возвѣстятъ хвалу твою!» (На 1 стр. 2 части стоитъ вензель изъ буквъ Н. Н., обыкновенно находимый на книгахъ, изданныхъ Н. Новиковымъ). Здѣсь въ формѣ разговоровъ изложены главнѣйшія понятія о Богѣ и природѣ: нѣсколько лицъ защищаютъ и опровергаютъ разныя положенія. Изъ нихъ особенно любопытна Луцинда, поборница суевѣрныхъ повѣрій, которой приходилось выслушивать довольно рѣзкія возраженія.

«Сельской житель, экономическое въ пользу деревенскихъ жителей служащее изданіе.» 2 части, (1778—1779) въ тип. Императорскаго Московскаго Университета. Это было первое русское періодическое изданіе, исключительно посвященное сельскому хозяйству. Наружный видъ, изложеніе, даже самый еженедѣльный срокъ «Сельскаго жителя» сильно напоминаютъ сатирическіе еженедѣльные журналы, одно время бывшіе у насъ въ большомъ ходу. Также какъ и тамъ, сельскій житель въ письмахъ сообщаетъ свои наставленія и свѣдѣнія, печатаетъ вопросы, отвѣты и возраженія своихъ подписчиковъ въ родѣ Садолюбовъ, Усидѣновъ и имъ подобныхъ (въ сатирическихъ журналахъ писали Мологлоты, Добросерды и проч.) Сначала помѣщенъ разговоръ въ одномъ обществѣ о намѣреніи издавать «Сельскаго жителя» — уловка, къ которой обыкновенно прибѣгали издатели, чтобы высказать яснѣе цѣль своего предпріятія. Болотовъ заставляетъ одного господина говорить слѣдующимъ образомъ: «что это за еженедѣльныя сочиненія! и будетъ ли когда конецъ онымъ? Нѣтъ такова года, въ который бы публика не отягощена была ими, а иногда, когда мало одного, такъ двумя или тремя. Уже какихъ и какихъ мы въ немногіе сіи годы не видали? И *всякія-то всячины* были и *поденьщины* то, и *то и сьо, и ни то ни сьо, и адскія то почты, и трутни то и живописцы то и кошельки то* (32), и Богъ знаетъ какія. Въ однихъ именахъ мы истинно уже запутались, а о матеріяхъ и говорить нечего. Господа со-

(32) Заглавія журналовъ 1769 и другихъ годовъ.

чинители какъ не умничаютъ, и какъ по примѣру хамелеоновъ ни перемѣняютъ своего наружнаго вида и колера, но какъ-то все худой успѣхъ имѣютъ».... «Сельской житель» обратилъ на себя вниманіе только что основаннаго тогда Вольнаго Экономическаго Общества и, по отзывамъ современниковъ, пользовался извѣстностію. Новиковъ замѣтилъ успѣхъ «Сельскаго жителя», и предложилъ издателю его составлять для каждаго № «Московскихъ вѣдомостей» по одному печатному листу хозяйственныхъ записокъ. Болотовъ занимался этимъ въ продолженіи десяти лѣтъ и издалъ ихъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Экономическій магазинъ или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лекарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и не безполезныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей, въ пользу россійскихъ домостроителей и другихъ любопытныхъ людей, образомъ журнала издаваемый. Москва, въ университетской тип. Н. Новикова. 40 частей.»

Во время пребыванія своего въ Кенигсбергѣ, Болотовъ коротко познакомился съ трудами многихъ изъ тамошнихъ профессоровъ и ученыхъ. Въ особенности на него имѣли сильное вліяніе лекціи извѣстнаго въ свое время профессора Крузіуса, понятія котораго о человѣческой волѣ отразились въ двухъ сочиненіяхъ Болотова: «Чувствованіе Христіанина, при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣлѣ, относящіяся къ самому себѣ и Богу. Сочиненіе одного Россіянина» (М. 1781.) и «Путеводитель къ истинному человѣческому щастію или опытъ нравоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ пріобрѣтенію онаго» (3 ч. М. 1784.) Оба сочиненія изданы Новиковымъ и напечатаны въ Университетской типографіи. Участіе Болотова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 80-хъ годовъ и участіе, которое принималъ ихъ издатель въ трудахъ его, показываютъ, что Болотовъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ литературнаго кружка, составившагося въ Москвѣ въ 1782 году, подъ названіемъ: Дружественнаго ученаго общества. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ исторіи русской литературы. Скромною программой на русскомъ и латинскомъ языкахъ и публичнымъ засѣданіемъ 6 ноября 1782 г. въ домѣ лейбъ-гвардіи майора Петра Алексѣевича Татищева, общество стало извѣстно публикѣ. Трудолюбивый Бакмейстеръ такъ описываетъ первое засѣданіе: «общество

хотя недавно получило свое начало, однако состоитъ изъ многихъ лицъ, различныхъ званій и возрастовъ: онѣ изъ любви къ наукамъ дружески соединились съ цѣлію употреблять свободные часы на пользу своего государства. Общество уже успѣло раздать безденежно много учебныхъ книгъ и основать филологическую семинарію. Изъ членовъ его, кромѣ Шнейдера, Баузе (профессоровъ университета), Ключарева и Страхова, никто не названъ. Президентъ также еще не наименованъ, но безъ сомнѣнія имъ будетъ г. Татищевъ.» Далѣе Бакмейстеръ сообщилъ приглашеніе къ торжественному открытію ученаго дружескаго общества на латинскомъ языкѣ (33). Изъ «Московскихъ Вѣдомостей» можно видѣть, что оно не ограничилось одними обѣщаніями на бумагѣ, но старалось и на дѣлѣ осуществить главную цѣль своего учрежденія — распространеніе истинныхъ познаній и совершенствованіе родной литературы. «Какъ за недолго передъ симъ, разсказывается тамъ, *нѣкто* письменно объявилъ университетскимъ кураторамъ свое намѣреніе учредить Переводческую Семинарію для преложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на Россійскій языкъ; и на сей конецъ не только онъ взялъ на себя содержать при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на своемъ иждивеніи шестерыхъ студентовъ, но такожъ находящимся уже при семъ Университетѣ Семинаристамъ способствовать въ ученыхъ ихъ упражненіяхъ всевозможнымъ образомъ. И какъ сей, любовь ко благу общему доказывающій примѣръ и заслуживающій неоспоримо должную похвалу; почти въ тожъ самое время произвелъ вожделѣнное и достохвальное подражаніе въ его друзьяхъ, которые, споспѣшествуя сему благонамѣренному предпріятію, обѣщали въ томъ же видѣ на своемъ иждивеніи содержать еще десятерыхъ студентовъ».... Кромѣ того, явное безкорыстіе профессора Шварца, доказанное имъ въ продолженіе службы своей Университету, съ испытанною въ ней ревностью, безъ всякаго жалованья, чтобы возбудить тѣмъ другихъ господъ ученыхъ, по обычаю иностранныхъ университетовъ, учить публично безъ всякой платы, въ короткое время произвело уже вожделѣнное дѣйствіе».... и ученикъ Шварца, Шнейдеръ изъявилъ желаніе читать лекціи безъ жалованья (34). Далѣе видно, что общество, «которое цѣлью своей взаимной связи предпоставило способствовать, сколько оно можетъ, распространеніе Россійской Литературы, какъ скоро сообщило планъ своего студентскаго заведенія (т. е. филологической семинаріи) переводчиковъ при универ-

(33) Russische Bibliothek, VIII Bd. 381, 387—396.

(34) «Московскія Вѣдомости» 1782. № 48, стр. 383.

титетѣ Его Высокородію Г. Лейбъ Гвардіи Маіору П. А. Татищеву,» то онъ тотчасъ же пожелалъ содержать на свой счетъ 6 студентовъ (35). Наконецъ изъ прибавленія къ № 97 того же года Вѣдомостей видно, что изъ состоящихъ на иждивеніи Дружескаго ученаго общества воспитанниковъ произведено было въ студенты 20 человѣкъ, въ числѣ ихъ находился извѣстный въ послѣдствіе времени профессоръ Павелъ Сохацкій.

Вѣроятно, у Болотова, какъ члена сотрудника общества, есть въ неизданныхъ частяхъ его записокъ много любопытныхъ подробностей о томъ времени. Будемъ надѣяться, что владѣтели рукописи когда нибудь подѣлятся съ публикою этимъ важнымъ матеріаломъ. Послѣднее двадцатилѣтіе прошлаго столѣтія имѣетъ большое значеніе въ исторіи русской литературы. Тогда едва ли не въ первые на литературу обращали вниманіе, какъ на живую, не случайную силу, которая въ состояніи произвести многое въ будущемъ; тогда появилось множество переводовъ съ иностранныхъ языковъ; мысль получила болѣе правъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей и, наконецъ, выразилось болѣе сознательное желаніе усвоить плоды европейскаго образованія.

Въ 1781 году вышло новое произведеніе Болотова «Нещастныя сироты, драмма (sic) въ 3 дѣйствіяхъ. Сочинена въ Богородицкѣ въ 1780 г.» (М. въ Универ. тип., издана также Новиковымъ). Эта драма написана на извѣстную тему о торжествѣ добродѣтели и наказаніи порока и лишена всякой занимательности.

Въ журналѣ 1794—1798 годовъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» по указанію біографа, мы нашли двѣ статьи Болотова: одна въ стихахъ подъ названіемъ «Утреннее расположеніе духа» съ подписью А. Б. (36), подъ другой, кромѣ буквъ есть еще замѣчаніе: «Съ горы Авелезеры, на брегахъ рѣки Скниги въ Алексинскомъ уѣздѣ». Здѣсь дѣйствительно находилось имѣніе Болотова. Статья эта написана со всѣми риторическими прикрасами и называется «Время созрѣванія плодовъ» (37).

Болотовъ перевелъ «Проповѣдь Іерузалема», помѣщенную въ «Московскомъ изданіи» Новикова, и отдѣльно: a) «Генріета, или гусарское похищеніе, приключенія, происходившія во время войны Пруссаковъ съ Цесарцами». Пер. съ Нѣмецкаго А. Б. М. 1782 г. b) «Іоанна Мельхіора Гёцена, разсужденія о началѣ и концѣ нынѣшняго и о состояніи будущаго міра». Съ Нѣм. М.

(35) «Моск. Вѣдом. № 52, стр. 415—416.

(36) Пріятное и пол. препров. времени ч. XIII, стр. 271.

(37) Тамъ же ч. XV, стр. 385—398 и 401—409.

1783 г. и с) «Жизнь и страшныя приключенія умершаго въ 1788 г. Карла Эдуарда Претендента Великобританіи и Французской короны». Пер. съ Нѣм. А. В. М. 1794 г.

По свидѣтельству біографіи, послѣ Болотова осталось до 60 неизданныхъ рукописей различныхъ сочиненій (38). Между ними находятся: «Записки о замѣчательныхъ событіяхъ, которыя онъ началъ въ 1755 г. и продолжалъ во всю жизнь. b) Разныя замѣчанія и извѣстія о турецкой войнѣ 1768 г. с) Очаковскія анекдоты и описаніе происшествій при осадѣ сего города въ 1789 г. d) Собраніе анекдотовъ о кн. Потемкинѣ. е) Современныя записки объ отечественныхъ событіяхъ 1795. f) Современныя извѣстія о первой французской войнѣ 15 ч. съ 1805—1810. g) Описаніе послѣдней французской войны въ 30 ч. съ 1811—1815 и h) Описаніе собственной жизни—39 частей.

Всѣ статьи хозяйственныя указаны въ упоминаемой нами много разъ статьѣ Зем. Журнала.

Въ первый разъ отрывки изъ записокъ Болотова съ коротенькой біографіей были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1838 и 1839 годовъ. Въ этихъ отрывкахъ разсказывается «О новосельѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1762 году» и помѣщено описаніе Гроссъ-Эггерсдорфскаго сраженія въ 1757 году (39). Затѣмъ значительная часть ихъ была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850—1851 годовъ (40). Но большая половина ихъ остается до сихъ поръ неизданною. Онъ велъ записки въ продолженіе цѣлой жизни (а жилъ онъ 95 лѣтъ, вышедши въ отставку двадцати-семи лѣтъ), въ изданныхъ же частяхъ дѣло идетъ о томъ времени, когда онъ былъ на службѣ.

Мы уже прежде сказали о воспитаніи Болотова: какъ часто бываетъ у людей небогатыхъ, оно было чрезвычайно разнохарактерно. То онъ на рукахъ у дядьки, то подъ надзоромъ ученаго Лейпцигскаго университета, Болотовъ узнаетъ французскій языкъ въ петербургскомъ пансіонѣ, чтобы забыть его потомъ въ деревнѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ снова попадаетъ къ наставнику французу, а потомъ въ деревнѣ переписываетъ церковныя книги и, между дѣломъ, играетъ съ сосѣдними ребятишками. Отецъ его, былъ въ свое время человѣкъ очень образованный, хорошо зналъ архитектуру, географію, говорилъ по нѣмецки

(38) Землед. Журн. 1838. № 8, стр. 196—197.

(39) «Сынъ Отечества» 1838. т. VIII, стр. 61—69 и 1839. т. IX, стр. 1—58.

(40) Часть 1 въ 1850 г. Т. LXIX, отд. II, стр. 101; части II и III въ т. LXX, стр. 1 и 83; ч. III (оконч.) LXXI, 1; ч. IV, LXXII, 29 и 35 ч. V, 1851; LXXIV стр. 1 и 83; ч. VI, LXXV и LXXVI, 1.

и усердно заботился о воспитаніи сына; но мать была простая женщина, которая «ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла», и когда Болотовъ остался съ нею въ деревнѣ, то кромѣ частыхъ понуканій протверживать выученное въ Петербургѣ, она пособить сыну въ дѣлѣ образованія ничѣмъ не могла. Въ деревнѣ къ нимъ ѣздили въ гости знакомые, мелкопомѣстные помѣщики. Увеселенія ихъ не отличались особенною затѣйливостію: «тогдашній праздникъ, пишетъ при этомъ случаѣ А. Т., праздновань былъ точно такъ, какъ праздновали праздники въ деревняхъ нашихъ старики и предки. Не за одними только обѣдами и ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они и въ прочее время. Старички наши вставали отъ того всегда изъ за стола подгулявши.... По утрамъ у насъ обыкновенно бывали праздничные завтраки; тамъ обѣды и за ними почиваніе; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ поваликою, а поутру, проснувшись, принимались опять за ѣду и прочее тому подобное...» (41).

Изъ деревни молодаго Болотова отправили въ Петербургъ къ дядѣ, ротмистру конной гвардіи. Здѣсь былъ другой родъ жизни: «во время съѣздовъ препровождали гости время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получила свое начало и основаніе. Самая нѣжная любовь, подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господство, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были еще въ превеликую диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярышнями и дѣвушками съ языка была не спускаема.... Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ игрывали по вечерамъ. Въ прочее жь время упражнялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ особенности за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ, что упражняясь въ разговорахъ...» (42).

Между тѣмъ какъ Болотовъ жилъ въ Петербургѣ, мать его умерла. По совѣту дядьки, онъ снова отправился въ деревню. У Болотова съ малолѣтства была развита страсть къ чтенію. Еще будучи въ пансіонѣ, онъ узналъ о существованіи сочиненія Фе-

(41) «Отеч. Зап.» 1850, май, стр. 18.
(42) Тамъ же, стр. 32.

нелона «Похожденія Телемака»: книгу эту долженъ былъ онъ читать учителю по французски, но скоро однако досталъ и русской переводъ, въ которомъ «сладкій, піитическій слогъ, говоритъ онъ, плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода.» (43) Потомъ ему попались у отца Курасова сокращеніе исторіи и Исторія Принца Евгенія, которыя и были перечитаны нѣсколько разъ. Въ Петербургѣ у дяди Болотовъ читалъ рукописный переводъ французскаго романа: «Эпаминондъ и Целеріана»; «изъ нея, говоритъ онъ, я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и романической.» (44) Любопытно и приведенное выше указаніе о томъ, что въ тодашнемъ образованномъ обществѣ были въ ходу «любовныя пѣсенки». Самыя любимыя изъ нихъ принадлежали Сумарокову. Когда Болотовъ ѣхалъ изъ Петербурга къ сестрѣ, то дорогою «препровождалъ я время свое, говоритъ онъ, въ распѣваніи любовныхъ пѣсенокъ, выученныхъ и затверженныхъ мною въ Петербургѣ и въ читаніи трагедіи «Артистоны», которая, не помню по какому случаю, мнѣ досталась и была первая, которую я въ жизнь мою читывалъ; впрочемъ ѣхалъ я съ наполненною самолюбіемъ головою.» Видно трагедія Сумарокова считалась изящнымъ и важнымъ произведеніемъ, что Болотовъ, знавшій ее и нѣсколько пѣсенъ, получилъ о себѣ высокое мнѣніе. У сестры онъ прочелъ «Описаніе Квинтомъ Курціемъ жизни Александра Македонскаго»: «Я не могъ, продолжаетъ Болотовъ, устать ее читаючи, прочиталъ ее раза три на досугѣ между прочихъ дѣлъ, и получилъ многія чрезъ то понятія о войнахъ древнихъ Грековъ и тогдашнихъ временахъ.» Въ деревнѣ онъ списывалъ Телемака, и читалъ, за неимѣніемъ другихъ, церковныя книги. Тамъ-то одинъ старичекъ, слывшій за ученаго въ своемъ околодкѣ, рекомендовалъ ему только что вышедшую тогда Аргениду Тредьяковскаго. «Сію книгу превозносилъ онъ безчисленными похвалами, и что въ ней все можно найти — и политику и нравоученіе и пріятность и все и все....»

Съ поступленіемъ въ полкъ, во время зимнихъ стоянокъ близь Риги и Ревеля, Болотовъ опять вспомнилъ нѣмецкій языкъ и съ тѣхъ поръ въ запискахъ безпрестанно попадаются указанія на нѣмецкія книги, которыя Болотовъ читалъ и даже пробовалъ переводить. Впрочемъ не забыты были и русскія сочиненія: у одного унтеръ-офицера ихъ полка былъ экземпляръ «Хорева.» «Сію трагедію, пишетъ Болотовъ, зналъ онъ всю наизусть, и

(43) «Отечественныя Записки» 1850, апрѣль стр. 167.

(44) «Отечественныя Записки» 1850, май стр. 33.

не знаю по какому случаю умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актёръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной нерѣдко увеселялъ онъ и зятя и сестру мою, и меня....» и ему самому трагедія «полюбилась до безконечности....» (45) Въ прусскій походъ Болотовъ узналъ нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ, такъ что пруссаки считали его «за природнаго Нѣмца.» Въ запискахъ подробно разсказано, какія сочинитель читалъ нѣмецкія книги и какія изъ нихъ ему болѣе нравились; записано также, когда онъ впервые написалъ стихи. Съ нимъ служилъ одинъ молодой человѣкъ, который, «будучи Новгородцемъ, былъ своенравенъ, упрямъ и не любилъ шутокъ и издѣвокъ надъ собою.... Къ вящшему несчастію, привыкнувъ къ Новгородскому нарѣчію, не могъ онъ и въ службѣ еще никакъ отвыкнуть отъ онаго и отъ называнія многихъ вещей на о, по, ко и совсѣмъ не такъ, какъ другіе называютъ; а это нерѣдко подавало поводъ шутить надъ нимъ....» (46) По совѣту товарищей, Болотовъ вздумалъ «сложить на него пѣсенку» «и какъ мнѣ, пишетъ онъ, голосъ старинной и всѣмъ знакомой пѣсни «нѣгдѣ въ маленькомъ лѣску, при потокахъ рѣчки» всѣхъ прочихъ былъ знакомѣе, да и самый родъ пѣсни казался къ тому наиудобнѣйшимъ, то и началъ я тотчасъ вымышлять слова и составлять въ первый разъ отъ роду риѳмы....»

Изъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, какъ любопытны записки Болотова для исторіи нравовъ и обычаевъ русскаго общества XVIII столѣтія. Не менѣе любопытны онѣ и по языку своему. По свидѣтельству внука, часть напечатанныхъ записокъ составлена была Болотовымъ въ 1789—1799 годахъ, слѣдовательно, когда были уже имъ написаны нѣкоторыя сочиненія и онъ свыкнулся съ письменнымъ языкомъ. Несмотря на то, однако, въ запискахъ безпрестанно встрѣчаются неровности языка, которыя объясняются тѣмъ, что литературный языкъ того времени не выработался еще до такой степени, чтобы въ немъ сгладились всѣ его разнородныя стихіи. Мы уже замѣчали, что въ произведеніяхъ XVIII столѣтія очень любопытно наблюдать ту смѣсь стариннаго достоянія языка съ новыми его пріобрѣтеніями, которая должна была служить переходомъ къ образованію позднѣйшаго литературнаго языка. По изложенію Болотовъ стоитъ выше многихъ изъ своихъ современниковъ; привычка писать дала ему умѣнье довольно легко управляться съ языкомъ, хотя характеръ его слога напоминаетъ

(45) «Отечественныя Записки» 1850, іюль стр. 3.
(46) «Отечественныя Записки» 1851, февраль стр. 116—117.

нескончаемую старческую болтовню. Онъ пишетъ почти такъ же, какъ бы сталъ разсказывать самъ. Совсѣмъ тѣмъ и у него можно замѣтить черты, принадлежавшія старой литературной рутинѣ. Его разговорный языкъ наполняется иногда тяжелыми книжными фразами, или вообще отъ старанія его писать длинные періоды и сокращать ихъ посредствомъ причастій и дѣепричастій, или иногда отъ желанія придать своимъ словамъ важный и торжественный колоритъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить тогдашнія теоретическія правила языка (напримѣръ, по грамматикѣ Ломоносова) съ тѣмъ, что представляютъ намъ литературныя произведенія того времени; между ними мы часто найдемъ тѣсное соотвѣтствіе. Неоправдываемыя нашимъ употребленіемъ, положенія Ломоносова подтверждаются современными примѣрами. Каждый періодъ литературнаго языка съ того времени имѣлъ свои любопытныя формы, обороты и слова, хотя не отвергалъ и другихъ; эти формы не разъ были предметомъ этимологическихъ споровъ Ломоносова съ Сумароковымъ и Тредьяковскимъ.

Какъ человѣкъ начитанный и знающій литературныя уложенія своего времени, Болотовъ любитъ риторическія украшенія и пользуется ими въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было подѣйствовать на душу читателя, возбудить сожалѣніе, восторгъ и проч. Особенною затѣйливостью отличается его разсказъ объ одномъ изъ своихъ родственниковъ, который попалъ въ плѣнъ, пробылъ въ неволѣ двадцать лѣтъ и, по возвращеніи на родину, узналъ, что жена и дочь его погибли, домъ разоренъ, а имѣніе въ рукахъ дальнихъ родственниковъ. Въ этомъ разсказѣ онъ съ избыткомъ употребляетъ славянскія слова, которыя, по ученію Ломоносова, возвышали слогъ и возбуждали вниманіе и участіе читателя. Что Болотову было не безъизвѣстно подраздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, тому служитъ доказательствомъ изложеніе его записокъ въ видѣ писемъ: «Я учинилъ это — говоритъ онъ — для того, чтобъ можно было разсказывать иногда что нибудь и смѣшное» (47). Извѣстно, что Ломоносовъ въ письмахъ пріятельскихъ допускалъ низкій слогъ, или другими словами, обыкновенный разговорный языкъ.

Помня твердо церковныя книги и воспользовавшись ими значительно, Болотовъ зналъ по тогдашнему соображенію и «подлый» языкъ народа.

Въ полку при отцѣ, въ деревнѣ у матери, въ разговорахъ съ дядькою и сосѣдями онъ свыкся съ народною рѣчью и пользовался ею очень часто. Когда онъ вышелъ въ отставку, то жизнь

(47) «Отечественныя Записки», 1850, апрѣль, стр. 103.

въ деревнѣ и занятіяхъ тамъ еще болѣе сблизила его съ народомъ: Императрица Екатерина по одобренію Вольнаго Экономическаго Общества поручила Болотову въ управленіе нѣкоторыя свои волости, что имъ было исполняемо въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтъ, т. е. до смерти государыни. Такимъ образомъ онъ былъ постоянно близокъ къ народному говору: понятно, отчего въ запискахъ его встрѣчаются почти на каждомъ шагу слова и выраженія не только народныя, но даже областныя, удержавшіеся и донынѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ узналъ ихъ Болотовъ. (48) Кромѣ отдѣльныхъ словъ, онъ усвоилъ себѣ во многомъ и манеру народной рѣчи: она очень замѣтна бываетъ у него по своей оригинальности и несходству съ обыкновенными пріемами. Таково, напримѣръ, частое употребленіе уменьшительныхъ формъ: «*свѣтличка* у меня была такая *хорошенькая*, два было у ней *окошечка*.... небольшой складной *столикъ* и складное *стульцо*» или: «*маленькая каморочка* съ тремя *красненькими окошечками*» и т. п. Подобные русскіе эвфемизмы встрѣчаются у него часто. Таково большое количество пословицъ, поговорокъ и присловій (напр. береги какъ порохъ въ глазѣ, на безлюдьѣ и сидни въ честь, началъ жить и горе мыкать, ловить въ мутной водѣ рыбу, попался какъ мышь въ западню, — къ этакому празднику люди пѣшкомъ ходятъ, и т. п.), употребленіе глагольныхъ междометій, безличныхъ повелительныхъ наклоненій и разныхъ частицъ, напр.: *таки*, *то*, *та*, *ка*, *де* и проч., необходимыхъ въ разговорѣ русскаго человѣка. Современникъ Болотова Кургановъ называетъ ихъ въ своей Универсальной Грамматикѣ *прилогами* и говоритъ, что *де* «употребляется и въ разговорахъ и на письмѣ въ такихъ случаяхъ, когда одинъ другому слова третьяго пересказываетъ, а *дискать* для того же служитъ въ просторѣчіи. Но *въ нынѣшнихъ* печатныхъ книгахъ, *подражая иностранному штилю* или пописи, вмѣсто частаго повторенія *де*, чужую или постороннюю рѣчь ставятъ безъ всякой перемѣны другою азбукою, или отмѣтя каждую строку только двойными запятыми, начиная тако:, говорилъ, предлагалъ, онъ, они и проч. (49) Наконецъ и у него, какъ у другихъ писателей XVIII столѣтія, много словъ чисто-русскихъ и общественныхъ, но вышедшихъ изъ употребленія въ наше время.

(48) Въ примѣръ приводимъ нѣсколько словъ изъ разныхъ мѣстъ его записокъ: *лопотня*, *стремя*, *нравный*, *понаблошнуться* (привыкнуть), *чудиться*, *барабошиться*, *бучило* (омутъ), *гваздать* (пачкать), *заварошка* (сумятица), *камяга* (маленькая лодка), *мурья* (избенка), *оборкаться* (оріентироваться), *прохадимецъ* (пройдоха), *сиръ* (бѣднякъ), *шишлять* (дѣлать кое-какъ), *хлопистый* (хлопающій) и проч.

(49) Россійская Универс. Граммат. 1769., стр. 81.

Болотову съ малолѣтства извѣстны были языки французскій и особенно нѣмецкій, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Во время прусскаго похода онъ служилъ переводчикомъ при русскомъ военномъ губернаторѣ въ Кенигсбергѣ. Знаніе иностранныхъ языковъ замѣтно въ его запискахъ болѣе, чѣмъ у многихъ изъ его предшественниковъ: кромѣ отдѣльныхъ словъ (которыя большею частію сохранились у насъ до сихъ поръ), вліяніе иностранныхъ языковъ замѣтно у него и въ составленіи фразы, при чемъ онъ не оставался только послѣдователемъ другихъ. Впрочемъ галлицизмы и германизмы такъ смѣшались въ нашемъ литературномъ языкѣ съ чисто-русскими оборотами, что во многихъ случаяхъ трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли фраза характеру русскаго языка или она просто подражаніе французской или нѣмецкой фразѣ. Подобные, трудно отличаемые галлицизмы можно встрѣтить не только у Болотова, но и у всѣхъ русскихъ писателей, начиная отъ Кантемира до Карамзина и даже Пушкина. Причина появленія ихъ — стремленіе русскаго языка выразить новыя понятія, и для того, усвоить себѣ европейскую терминологію и фразеологію.

У Болотова встрѣчается и странное употребленіе предлога *чрезъ*, которымъ переводили франц. par, и противъ котораго вооружался Ломоносовъ въ своей грамматикѣ (§ 444); онъ пишетъ и другія фразы, очевидно переведенныя буквально съ французскаго, напр. «платье, экипажи.... и все прочее — было у него.... *на нынѣшней и великолѣпной ногѣ* или: «расположилъ родъ тогдашней жизни моей *на степенной и уединенной ногѣ* и т. п. Теперь употребленіе этого оборота ограничилось двумя-тремя фразами. *Брать предлогъ, брать время, дѣлать компанію* прямо переведены съ prendre prétexte, prendre le temps, faire la compagnie и пр.

Въ заключеніе упомянемъ, что у Болотова встрѣчаются уже новосоставленныя, въ подражаніе французскимъ goût и touchant, слова: *вкусъ* и *трогательный*, которыя такъ часто употреблялись Карамзинымъ и его послѣдователями и подвергались преслѣдованіямъ Шишкова: «получилъ я тутъ начальный *вкусъ* и охоту къ музыкѣ; во всемъ томъ не находилъ я *вкуса;* свиданіе съ моею покойною родительницею было *трогательно.*» Не употреблялъ ли онъ ихъ до Карамзина? Вообще введеніе новыхъ словъ въ литературный языкъ трудно приписывать именно такому-то лицу; оно, какъ и все въ языкѣ, происходитъ не вдругъ и мало по малу; трудно назначить опредѣленное время фактамъ исторіи языка.

Въ 1755 г. началъ издаваться первый учено-литературный журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія». Въ майской книжкѣ этого журнала, при переводѣ «Путешествіе жизни человѣческія», помѣщено было отъ редакціи такое замѣчаніе: «производятъ ли ежемѣсячныя наши сочиненія, такъ какъ титулъ обѣщаетъ, въ читателяхъ дѣйствительно какую пользу и увеселеніе, о томъ мы сами свидѣтельство подавать не можемъ, кромѣ сего, что нѣкоторые добропонятные молодые дворяне въ кадетскомъ корпусѣ оными побуждены были оказать силу свою въ переводахъ, чему они намъ нѣсколько опытовъ и сообщили. Искусство ихъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ являетъ, съ какимъ прилежаніемъ юношество въ семъ благоучрежденномъ училищѣ всему тому, что совершенному кавалеру прилично, наставляемо бываетъ. При чемъ не можемъ мы безъ похвалы оставить, что въ переводахъ ихъ находимъ не малую силу существенныхъ красотъ Россійскаго языка. О разсудительномъ же ихъ избраніи полезныхъ матерій упоминать за излишнее почитаемъ. Читатели сами могутъ о томъ разсуждать, которымъ уповательно пріятную услугу окажемъ сообщеніемъ оныхъ переводовъ, увѣряя ихъ при томъ, что и другіе съ стороны намъ сообщаемые переводы отъ насъ не пренебрежены быть имѣютъ, ежели только матерія и стиль сходствовать будетъ съ нашимъ намѣреніемъ. Теперь мы предлагаемъ изъ сообщенныхъ намъ кадетскихъ переводовъ по времени первые.» (51).

Перелистывая далѣе Ежемѣс. Сочиненія, находимъ и въ двухъ слѣдующихъ годахъ подъ нѣкоторыми статьями подпись С. П., иногда съ прибавленіемъ словъ «переводилъ въ Шляхетномъ корпусѣ». Наконецъ въ мартовской книжкѣ 1757 г. (стр. 282) открывается имя этого переводчика кадета; тамъ указаны: «типографскія погрѣшности, находящіяся въ письмѣ о порядкахъ въ обученіи наукъ, отъ сержанта Шляхетнаго кадетскаго корпуса *Семена Порошина* сочиненномъ и сообщенномъ въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ.»

Такимъ образомъ Семенъ Андреевичъ Порошинъ, бывшій потомъ наставникомъ и кавалеромъ при Наслѣдникѣ престола Павлѣ Петровичѣ, еще на ученической лавкѣ сдѣлался сотрудникомъ въ журналѣ Миллера. Вотъ статьи, которыя были помѣщены Порошинымъ въ Еж. Соч.: 1) Путешествіе жизни человѣческія (1755, май стр. 404—413); 2) Историческое описаніе о мануфактурахъ, пер. съ нѣм. (1756, февраль стр. 125—140); 3) О клятвопреступленіи, также переводъ неизвѣстно откуда

(51) Ежемѣс. Соч. 1755, май стр. 404.

(іюнь стр. 511—518); 4) Размышленія о долготѣ жизни человѣческой, пер. (сентябрь стр. 286—302); 5) Размышленія о величествѣ Божіемъ, по колику оное прилѣжнымъ разсмотрѣніемъ и испытаніемъ естества открывается, переводъ (ноябрь стр. 407—438); 6) О пользѣ упражненія въ благородныхъ художествахъ и въ наукахъ, для приведенія умныя силы въ порядокъ. Пер. (декабрь стр. 503—514); 7) Разсужденіе о китайскомъ языкѣ изъ писемъ барона Гольберга (1757, февраль стр. 161—165); 8) Письмо, въ которомъ сравнивается Александръ Великій съ Карломъ XII. Изъ писемъ господина барона Гольберга (мартъ стр. 266—282); 9) Письмо о производимомъ дѣйствіи музыкою въ сердцѣ человѣческомъ. Взято изъ нравоучительныхъ и сатирическихъ сочиненій господина Стонекастеля. Вольный переводъ (іюль 1756 г. стр. 79—88), и 10) О порядкахъ въ обученіи наукъ (февраль 1757 г. стр. 126—151).

Можно предполагать, что эта послѣдняя статья была составлена въ подражаніе какому нибудь иностранному сочиненію самимъ Порошинымъ и она можетъ въ нѣкоторой степени дать понятіе объ идеалѣ воспитанія, какой создавали себѣ образованные люди того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ она намекаетъ и на воспитаніе самого сочинителя въ Шляхетномъ корпусѣ.

Въ указѣ объ основаніи этого заведенія (52) нѣтъ полныхъ свѣдѣній о предметахъ обученія и способѣ преподаванія. Онъ объясняетъ только, что при Петрѣ Великомъ былъ обычай посылать дворянъ для обученія наукамъ за границу и записывать ихъ въ гвардію. «А понеже воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ добромъ порядкѣ содержится, однакожъ, дабы таковое славное и государству зѣло потребное дѣло наипаче въ искусствѣ производилось, весьма нужно дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ тому въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали Мы: учредить Корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей, отъ 13 до 18 лѣтъ, какъ Россійскихъ, такъ и Эстляндскихъ и Лифляндскихъ провинцій, которыхъ обучать Арифметикѣ, Геометріи, Рисованію, Фортификаціи, Артиллеріи, шпажному дѣйству, на лошадахъ ѣздить и прочимъ къ воинскому искусству потребнымъ наукамъ. А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, Исторіи, Географіи, Юриспруденціи, танцованію, музыки и прочихъ полезныхъ на-

(52) Полное Собр. Зак. № 5811, 1731 г. іюля 29.

ужъ, дабы видѣть природную склонность, потомъ бы и къ ученію опредѣлять....»

Порошинъ, въ письмѣ «О порядкахъ въ обученіи наукъ», указываетъ на тѣ науки и знанія, которыя необходимы и полезны для свѣтски образованнаго человѣка. Письмо обращено къ пятнадцати-лѣтнему юношѣ, которому уже извѣстны французскій и нѣмецкій языки. Прежде всего совѣтуется употребить одинъ годъ на изученіе латинскаго языка «не для того, что нѣкоторые угрюмые ученые люди, у коихъ лобъ всегда множествомъ морщинъ украшенъ, и которые на вѣки смѣяться закаялись, не хотятъ тѣхъ причислять и къ человѣческому обществу, кои не со всѣми зачинаютъ говорить по латинѣ, или сочиненія своя въ свѣтъ не на одномъ латинскомъ языкѣ, но что большая часть преполезныхъ книгъ славныхъ въ древности краснорѣчіемъ и другими знаніями авторовъ писана на ономъ: А сія коль къ распространенію Россійскаго витійства нужны, въ последующемъ увидите.» Послѣ латинскаго языка слѣдуетъ заниматься философіею: «напоенный сладкимъ млекомъ философическихъ ученій разумъ непоколебимъ въ разсужденіяхъ, твердъ въ заключеніяхъ, и прикрытъ отъ бурныхъ дыханій грознаго несчастія.» Здѣсь о философіи говорится въ томъ смыслѣ, какъ понимали обыкновенно это слово въ прошломъ столѣтіи французскіе энциклопедисты, и потому въ философію Порошина входитъ и физика, и народное право, и политика. По его мнѣнію образованному человѣку необходимо изученіе высшей математики «и особливо алгебры, дабы ужѐ просвѣтить совершенно разумъ и изостривъ оный строгими математическими выдумками и доказательствами, тѣмъ сдѣлать къ изобрѣтенію способнымъ.» За философіею и математикою слѣдуютъ исторія собственно, исторія натуральная и исторія о наукахъ. Говоря о послѣдней, Порошинъ прибавляетъ: «Здѣсь можетъ быть повѣся голову съ прискорбностію о Россіи подумаете, которая въ разсужденіи сего не столь многими преимуществами наслаждается. Однако въ сіе самое время примите въ разсужденіе, коль давно еще ее Петръ обновилъ, просвѣтилъ и возвысилъ; и такъ представьте оную купно съ помянутыми народами въ мысляхъ вашихъ. Вмѣсто того, что тамъ науки, считая назадъ цѣлыми вѣками, едва до начала своего доходятъ, здѣсь оныя въ единую минуту число своихъ лѣтъ счесть могутъ. Въ такомъ безпристрастномъ разумѣніи сравните Россію съ прочими государствами; и увидите, сколько много она надъ ними возвышена. Благополучія Россійскаго стрегущіе умы и у кормила ея посажденные неутомимые атле-

ты, обременены ежечасно другими безчисленными трудами и помышленіями о пользѣ и процвѣтаніи дражайшаго отечества. Не оставляютъ однакожь и полезныхъ учрежденій до наукъ касающихся, и особливо Россійскій свѣтъ Россійскими книгами обогатить стараются. Они всѣ по справедливому къ отечеству усердію въ умѣ своемъ воображаютъ: для чего у насъ не быть Картезіямъ, для чего не быть Лейбницамъ, Вольфамъ, для чего не быть Локамъ, для чего не быть Невтонамъ? Россійскія ли острыя головы къ тому неспособны? Путь ли намъ къ достиженію сего неизвѣстенъ? Воспаленные таковыми усердными желаніями тщатся забытію оныхъ поспѣшествовать и самымъ дѣломъ. Увидимъ и мы Темпейскія Россійскихъ Музъ долины прозращеніями, плодомъ отягощенными, покрыты! Возвеселимся пріятнымъ ихъ обоняніемъ и наслажденіемъ. Къ чему только требуется время и наше терпѣніе. Для сего совѣтую и вамъ, когда нибудь у досугу перевесть книжку, ктому такожь побудить вашихъ пріятелей, дабы и имъ имѣть ту честь, что къ скорѣйшему помянутыхъ желаній и стараній успѣху и свои силы употребляли. Если оные, паче чаянія, сбывшимися не увидите, то по крайней мѣрѣ потомки то несказанное удовольствіе чувствовать станутъ. Не надобно имъ будетъ учиться по нѣмецки, по французски, по латинѣ, затѣмъ, что все писанное на оныхъ языкахъ изъ домашнихъ кладезей почерпать могутъ. Правда и языковъ знаніе не безполезно, да иногда и необходимо; однако, при помянутыхъ выгодахъ не всякому. Между тѣмъ можно на нихъ и тогда для отдохновенія отъ труднѣйшей работы употреблять нѣсколько часовъ, а чтобъ могши обойтись безъ оныхъ влюбляться въ нихъ безразсудно, то вздорно, тупо и неосновательно....» Въ заключеніи, упомянувъ географію и поэзію, Порошинъ въ особенности предлагаетъ обратить вниманіе на реторику «дабы о всякой матеріи умѣть говорить, и въ прозѣ и въ стихахъ писать краснорѣчиво, и тѣмъ склонять людей къ своему мнѣнію». Затѣмъ, высчитываются сочиненія Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана, Фенелона, Роллена и даже Готшеда «во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ, говоритъ Порошинъ, собранныя къ витійству наставленія примѣняйте къ Россійскому языку; кои съ онымъ сродны, тѣ записывая, старайтесь къ пользѣ Россійскаго юношества привесть въ систему: особливо въ Латинскихъ книгахъ увидете, коль великая красота сего языка имѣетъ сходство съ пріятностію нашего; для сего въ чтеніи оныхъ упражняйтесь чаще и прилежнѣе. Но употребленное на сіе ученіе время не почитайте за утраченное. Сверьхъ того, что Реторика Россіянамъ теперь нужна и надобна, имѣетъ она великія и можетъ

быть не совсѣмъ вѣдомыя пользы. Она служитъ къ распространенію понятій нашихъ и знаній, учитъ глубже проникать въ вещи, и осторожнѣе обходиться съ оными. Ибо когда хочу другаго въ чемъ либо увѣрить, то изобрѣтаю всѣ только случиться при томъ могущія обстоятельства, и для того все дѣло вдоль и поперегъ разсматриваю. Правда у древнихъ Римлянъ носилася жалоба, что Риторы увѣсистыми словами своего краснорѣчія истину на вѣсахъ правосудія перетягали: однако нынѣ то не опасно, понеже у насъ совсѣмъ другія обстоятельства. Единая правда должна быть его руководительницею. Краснорѣчія помощію распестривъ и украсивъ наитемнѣйшія и важнѣйшія вещи, можемъ побудить или наче принудить, другихъ къ охотному и жадному оныхъ слушанію. Непріятно ли видѣть себя во образѣ Амфіона, умы и чувствы всѣхъ плѣняющаго, и толпою горящихъ къ себѣ тайнымъ любленіемъ сердецъ быть окруженну? Не весело ли слушать раздающіеся плески и похвальныя восклицанія? И наконецъ, не должно ли за низпосланіе такого преизящнаго дарованія съ благоговѣніемъ благодарить Создателя? Благородный духъ вскорѣ таковыя преимущества и сію должность признаваетъ. Дай Боже, чтобъ мы и сего рода книгъ множество на Россійскомъ языкѣ увидѣли! Познали бы Россіане еще большую пользу неоцѣненныя Реторики».... «Чтожъ особливо до краснорѣчія, прибавляетъ далѣе Порошинъ, то для онаго и священныя Россійскія книги съ пользою употреблять можете, въ которыхъ кромѣ спасительныхъ наставленій и сіе сокровище лежитъ подъ покровомъ Славянскаго языка.»

Статья шестнадцати-лѣтняго Порошина можетъ показаться нынѣ странною, но въ свое время она, вѣроятно, была принята съ одобреніемъ, потому что соединяла и убѣжденія, привитыя къ намъ извнѣ, и старательно защищала народную нашу гордость и нѣкоторыя изъ преданій старины. Порошинъ совѣтуетъ для просвѣщенія молодаго человѣка заниматься и математикою и риторикою. Въ одно и тоже время взываетъ онъ къ тѣнямъ и Ньютона и Цицерона и не довольствуясь этимъ, предлагаетъ даже и поэзію, которая по его словамъ значитъ: «сплетать похвалы, дѣлать надписи, пѣть славу» и пр. Мысль о такомъ способѣ воспитанія, по которому надобно было учиться самымъ разнороднымъ наукамъ, была, конечно, порождена французскимъ энциклопедизмомъ XVIII столѣтія: тогда не было большою рѣдкостью, что одинъ и тотъ же писатель сочинялъ и трагедію и нѣжный мадригалъ и, послѣ героической поэмы принимался за математическія выкладки, или выдумывалъ замысловатую теорію физи-

ки. Понятенъ и восторгъ Порошина къ риторикѣ, если вспомнить любой курсъ риторики тѣхъ временъ, или даже болѣе близкихъ къ намъ временъ. Указаніе на славенскій языкъ, какъ важный источникъ для русскаго краснорѣчія, было сдѣлано подъ вліяніемъ Ломоносова, мнѣніе котораго почти для всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ нашихъ было аксіомою, которая и не нуждалась въ доказательствахъ.

По выходѣ изъ корпуса, Порошинъ, пробывъ недолгое время флигель-адъютантомъ при Императорѣ Петрѣ III, поступилъ потомъ въ число кавалеровъ при Наслѣдникѣ Престола, Павлѣ Петровичѣ. Въ этой-то должности ему пришла счастливая мысль записывать все, что ни случалось ежедневно въ комнатахъ Государя. Записки были начаты съ 20-го сентября 1764 г. и продолжались изо дня въ день до 13-го января 1766 г. По нѣкоторымъ намекамъ въ концѣ ихъ, можно догадываться, что сочинитель прекратилъ свои замѣтки въ слѣдствіе какихъ-то огорченій. Записки его изданы подъ заглавіемъ: «Семена Порошина записки, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника Престолу Россійскаго.» Спб. 1844, въ тип. К. Крайя.

Занимая должность, которая дозволяла видѣть все, что ни было примѣчательнаго и достойнаго вниманія при дворѣ, Порошинъ оставилъ записки, полныя занимательности. Мемуары его не лишены интереса и для исторіи русской литературы, потому что Порошинъ нерѣдко говоритъ о тогдашнихъ представителяхъ нашей словесности и притомъ съ теплымъ участіемъ, которое показываетъ, что авторъ, несмотря на свои новыя обязанности, не забывалъ о томъ, что прежде учили его уважать.

Языкъ записокъ Порошина нисколько несходенъ съ тѣмъ, которымъ написаны его статьи въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Замѣчаніе это можно отнести вообще къ манерѣ другихъ его современниковъ, оставившихъ послѣ себя записки и вмѣстѣ съ тѣмъ писавшихъ для печати: письменный русскій языкъ, вслѣдствіе разныхъ вліяній получилъ много особенностей, неизвѣстныхъ почти въ разговорномъ языкѣ и соблюдаемыхъ болѣе или менѣе только тамъ, гдѣ дѣло касалось литературныхъ произведеній или предметовъ, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Записки писались по большей части на скорую руку, или такъ, что сочинитель не прилагалъ особеннаго старанія слѣдовать всѣмъ литературнымъ постановленіямъ; оттого въ нихъ болѣе удержался обыкновенный разговорный языкъ, хотя и не вездѣ въ одинаковой степени.

Порошинъ писалъ свои записки этимъ простымъ языкомъ, по большей части отрывисто: плавность и закругленность письменной рѣчи соблюдена только тамъ, гдѣ доходило до общихъ разсужденій и умствованій. Потому быть можетъ авторъ и замѣчаетъ въ предисловіи, что его записки написаны безъ соблюденія *красоты* и *точности*: «всякой вечеръ записывалъ я что днемъ произойдетъ, и не могъ на то употребить болѣе часа или полутора часа времени, за другими моими упражненіями и дѣлами. Впрочемъ вить это не настоящая Его Высочества исторія, а только записка къ составленію его исторіи». Оттого у Порошина гораздо менѣе встрѣчается словъ церковно-славянскихъ, чѣмъ у его предшественниковъ; да и вообще число архаизмовъ очень не велико, или они становятся не такъ замѣтны для насъ при общемъ впечатлѣніи его простой и естественной фразы. Но у Порошина мало и народнаго въ характерѣ языка, что мы могли замѣтить въ нѣкоторыхъ другихъ запискахъ; въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ того времени осталось уже немного особенностей, которыя бы въ той же степени могли принадлежать и народной рѣчи. Въ иностранныхъ собственныхъ именахъ женскаго рода Порошинъ ставитъ постоянно русское окончаніе, напр. графиня Сиверсша, Дюшамонша, Брюсша, Лафонша и т. п. Нѣкоторыя особенныя этимологическія формы, теперь болѣе и болѣе оставляемыя литературнымъ языкомъ (напр. род. пад. *смотрѣть полку* и др.), живутъ еще въ запискахъ Порошина; нерѣдко вставляются у него разныя соединительныя частицы, напр. *то*, *де* и пр.

Всего замѣтнѣе у Порошина вліяніе французскаго языка. Онъ или записываетъ цѣлыя французскія фразы, особенно изъ разговоровъ, или употребляетъ множество французскихъ словъ, получившихъ тогда обращеніе и иногда уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ: *генеральныя* разсужденія, вкоренить въ него *идею*, *профессія*, *креатура*, благородные *сентименты*, отдаленные *объекты*, *натуральный дефектъ* т. е. природный недостатокъ и т. п. Многія французскія выраженія переведены буквально по русски, напр. я представлялъ неукротимаго, т. е. je faisais l'infléxible; что великое между ими движеніе сдѣлало, т. е. cela produit un grand mouvement; не страстенъ онъ къ танцованію, т. е. il n'est pas passionné pour les danses; показывалъ ему свое о томъ удовольствіе, т. е. j'en ai temoigné ma satisfaction и пр. Нѣкоторыя слова переведены иначе, нежели переводятся теперь, напр. смотритель вм. зритель (spectateur), сложить вм. сочинить (composer) и др.

Вліяніе французскаго языка у Порошина тѣмъ болѣе любопытно, что онъ самъ иногда въ запискахъ подсмѣивается надъ тогдашними петиметрами, хваставшимися своими знаніями Франціи и Парижа, и, будучи еще кадетомъ, говорилъ объ иностранныхъ языкахъ, что «могши обойтись безъ оныхъ, влюбляться въ нихъ безразсудно, то вздорно, тупо и неосновательно». Кромѣ того въ запискахъ своихъ Порошинъ является безграничнымъ приверженцемъ всего отечественнаго: стоило только говорить при немъ не съ похвалою о чемъ бы то ни было, касавшемся до Россіи, и онъ начиналъ всегда противъ того возражать и даже сердиться. Когда же ему доводилось слышать похвалы русскому — онъ становился видимо довольнымъ. Такъ однажды, услышавъ о переводѣ сочиненія Крашенинникова о Камчаткѣ на французскій языкъ, онъ пишетъ: «Желалъ бы я, чтобъ болѣе такихъ оригинальныхъ книгъ у насъ было, для которыхъ бы чужестранные учась языку нашему на свой ихъ переводили. Сіе было бы уже не ложное свидѣтельство цвѣтущаго наукъ состоянія! тѣмъ то бы неоспоримо возсіялъ прямо просвѣщенный вѣкъ въ Россіи»! Или за обѣдомъ у Наслѣдника Цесаревича, одному придворному вздумалось сдѣлать легкомысленную выходку противъ русскихъ. «Государь, пишетъ Порошинъ, съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: чтожь сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ? Замолчалъ онъ тутъ.... Послѣ стола, отведши Великаго Князя, хвалилъ ево графъ Иванъ Григорьевичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ гр. А. С. Ухвативъ меня за руку говорилъ онъ Великому Князю: Вотъ, Ваше Высочество, и Семенъ Андреевичъ конечно это апробуетъ. Кто и не знаетъ меня, тотъ изъ этого моего журнала заключить можетъ, была ли отъ меня въ семъ апробація».

Крѣпко стоя за все русское, Порошинъ въ то же время холодно отзывался объ иностранцахъ и иногда не отдавалъ справедливости даже и тѣмъ изъ нихъ, которыхъ труды на пользу Россіи дѣйствительно заслуживали благодарности.

Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ съ замѣчательнымъ удовольствіемъ записалъ рѣчи Сумарокова, гдѣ Таубертъ названъ былъ дуракомъ; въ другой разъ онъ намѣренно уменьшалъ заслуги Миллера: «Александръ Сергѣичъ (графъ Строгоновъ, любившій, какъ видно изъ записокъ Порошина, иностранцевъ), сталъ выхвалять г. Миллера, что онъ многое до исторіи касающееся выдалъ. Я (т. е. Порошинъ) говорилъ на то, что изданія его по большой части касаются до Сибири; что онъ нарочно на нѣ-

сколько лѣтъ за тѣмъ туда былъ посылаемъ, и всѣ архивы ему были отворены; *что впрочемъ труды его конечно похвальны.* Но весьма сожалѣю я, продолжалъ я, что достоинства и старанія покойнаго Василья Никитича Татищева остались почти совсѣмъ въ забвеніи».... Эта похвала трудамъ Татищева въ разговорѣ о Миллерѣ заключаетъ въ себѣ косвенный намекъ: извѣстно, что многіе изъ противниковъ Миллера утверждали, что онъ пользуется при изданіи своихъ трудовъ рукописными сочиненіями Татищева.

Патріотическія выходки и наружное равнодушіе ко всему иностранному обращаютъ на себя вниманіе, потому что все это отчасти было отголоскомъ мнѣній и другихъ лицъ и перешло въ нашу литературу. Сумароковъ особенно отличался, какъ защитникъ старины и врагъ подражаній иностранному: «бредятъ люди, писалъ онъ, проповѣдующія то, что мы до временъ Петра Великаго варвары, или паче скоты были. Предки наши были не хуже насъ: а сей послѣдній царь (т. е. Ѳеодоръ Алексѣевичъ) въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому. И не было Россіанамъ другова превращенія, какъ вопіютъ новомодники невѣжи, наслушавшіяся отъ чужестранныхъ, которымъ они сами о себѣ такую подлость натолковали, кромѣ сея, что сія сумазбродныя толкователи превращены стали; ибо они изъ человѣковъ ненапудреныхъ, дѣйствительно въ напудреную скотину превратились»... Впослѣдствіи времени у насъ нерѣдко слышались подобныя же, сумароковскія мнѣнія: разница была только въ томъ, что онѣ высказывались не въ такой откровенной формѣ, какъ у автора Хорева.

Рѣзкія выходки Сумарокова и другихъ становятся болѣе ясными, когда припомнимъ обстоятельства, породившія ихъ. Отчужденіе Россіи отъ Европы, за весьма малыми исключеніями во второй половинѣ XVII вѣка, было въ полной силѣ и старательно охранялось всѣми мѣрами. Въ 1675 г. одному русскому, именно, князю Кольцову-Масальскому, вздумалось себѣ подстричь волосы короче, нежели какъ обыкновенно это дѣлалось его современниками. За такой поступокъ князя разжаловали изъ стряпчихъ въ жильцы, а другимъ наказывалось, подъ опасеніемъ опалы и записки въ нижніе чины, чтобы никто «иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенималъ, волосъ у себя на головѣ не подстригалъ, такожъ и платья и шапокъ съ иноземныхъ образцовъ не носилъ, и людемъ своимъ потому жъ носить не велѣлъ» (53). Когда Петръ началъ вводить реформу въ

(53) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. I № 607.

общественную жизнь Москвы, когда онъ сталъ поощрять ученіе, переводы съ иностранныхъ языковъ, уничтожилъ затворничество женщинъ и началъ покровительствовать иностранцамъ, помогавшимъ въ его трудахъ, многіе изъ русскихъ не задумались утверждать, что Москва есть новый Вавилонъ и что жители ея гибнутъ въ беззаконіяхъ и проч. Стефанъ Яворскій, при вступленіи своемъ въ управленіе патріаршихъ дѣлъ, долженъ былъ написать сочиненіе, подъ названіемъ «Знаменіе пришествія Антихристова и кончины вѣка», единственною цѣлью котораго было показать безсмыслицу въ толкахъ тогдашнихъ суевѣровъ. Смерть Петра показала, что убѣжденіе о пользѣ его преобразованій не раздѣлялось многими даже изъ его приближенныхъ: «къ чему всѣ сіи затѣи? Развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши дѣды, которые не пускали иностранцевъ?» говорили нѣкоторые изъ нихъ.

Реформа дѣлала свое дѣло. Правда, что большинство общества еще долго оставалось на той ступени, на которой засталъ его XVIII вѣкъ, но въ меньшинствѣ все-таки замѣтно стало стремленіе къ европейскому образованію. Европейская жизнь, пришедши въ столкновеніе съ старинными привычками и обычаями, сначала могла имѣть вліяніе только внѣшнее и потому въ XVIII столѣтіи возникъ въ Россіи особый разрядъ людей, по видимому, похожихъ на иностранцевъ, усвоившихъ ихъ обычаи, одежду и даже языкъ до тончайшихъ подробностей, и въ тоже время оставшихся въ душѣ современниками Котошихина. Существованіе подобныхъ индивидуумовъ дѣйствительно могло возбудить смѣхъ — и на нихъ сочиняли комедіи, писались задорныя пародіи, письма и т. д. При этомъ надобно было отъискать и причину появленія такихъ неудавшихся иностранцевъ. Самолюбіе народное не дозволило искать ея въ нашемъ прошедшемъ, а потому вся вина пала на французовъ, какъ на корень всѣхъ бѣдъ и золъ. Мысль о вліяніи и вредѣ отъ французовъ была подхвачена съ величайшимъ удовольствіемъ и ею постоянно пользовались русскіе сатирики. Но все это не уменьшило силы направленія, противъ котораго ратовали.

Вмѣстѣ съ жалобами на подражаніе иностраннымъ обычаямъ слышались всегда и нападки на порчу русскаго языка французскими словами и выраженіями, а также употребленіе ихъ въ разговорѣ и на бумагѣ. Точно такъ же, какъ въ началѣ восьмисотыхъ годовъ подсмѣивались хоромъ надъ слезливостію и чувствительностію послѣдователей автора «Бѣдной Лизы», а въ наше время надъ петербургскими почитателями европейскаго комфорта—

точно также въ царствованіе Елизаветы и Екатерины нещадно разили всѣхъ тѣхъ, кто примѣшивалъ въ русскую рѣчь иностранныя слова. Не говоря о театральныхъ произведеніяхъ, являлись журналы, въ которыхъ бóльшая часть статей направлена была на злосчастный французской языкъ. О пристрастіи къ нему говорили даже въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ этого всего менѣе можно было ожидать, какъ напримѣръ, въ хозяйственномъ изданіи Болотова «Сельской житель», въ сборникѣ историческихъ матеріаловъ Н. Новикова, «Повѣствователь древностей россійскихъ» и др. Порошинъ увлекся своей любовью къ національному и всеобщимъ стремленіемъ «сатирствовать», надъ русскими петиметрами и «мѣшаніемъ чужестранныхъ словъ въ языкъ свой». Порошинъ замѣчаетъ однажды въ своихъ запискахъ: «Весьма остроумно замѣтилъ государь, что иные русскіе въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько словъ французскихъ, что кажется будто говорятъ французы, и между французскихъ словъ мѣшаютъ русскія. Также говорили, что иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго отъ слова до слова переводятъ и въ рѣчахъ и въ письмѣ, напримѣръ, vous avez trop de pénétration pour ne pas l'entrevoir, вы очень много имѣете проницанія, чтобъ этова не видѣть; on prétend qu'il ne partit que ces jours-ci, требуютъ, чтобъ онъ не поѣхалъ, какъ только на сихъ дняхъ, и тому подобное. Такіе люди не знаютъ или не хотятъ знать, что на одномъ языкѣ очень хорошо, на другомъ переведенное отъ слова до слова очень худо быть можетъ....»

Эти слова достаточно показываютъ, какъ неблагосклонно смотрѣлъ Порошинъ на обычай вставлять въ русскую рѣчь французскія выраженія. Между тѣмъ въ запискахъ своихъ онъ самъ нерѣдко увлекался обычаемъ и страдаетъ именно тѣми недостатками, которые осуждалъ въ другихъ. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются у него выраженія въ родѣ *coup de théatre*, *faux brillant* и т. п., или передѣлки на русской ладъ: *профессія*, *сантиментъ*, *дефектъ* и др. и подстрочные переводы съ французскаго: *я представлялъ неукротимаго*; *вошелъ въ нѣжныя мысли*; *старался на себя апликацію дѣлать* и проч.

Убѣжденіе Порошина въ порчѣ языка галлицизмами и въ тоже время употребленіе ихъ имъ самимъ могутъ быть объяснены только тѣмъ, что языкъ въ разговорѣ и даже на бумагѣ, когда мысли излагаются скоро и безъ дальней отдѣлки, не поддается легко никакимъ теоріямъ, какъ бы онѣ справедливы ни были, и тѣсно связанъ съ жизнію и привычками человѣка. Болотовъ, конечно, безъ всякаго умысла, оставилъ въ своихъ запискахъ

много образцевъ простонароднаго языка, который онъ имѣлъ случай узнать хорошо съ дѣтства. Порошинъ началъ воспитаніе въ учебномъ заведеніи, изучилъ тамъ основательно иностранные языки, изъ которыхъ на французскомъ онъ сталъ говорить съ пятнадцати лѣтъ. Вокругъ него безпрестанно слышался этотъ языкъ: одинъ его молодой знакомый сочиняетъ, или, быть можетъ, только переписываетъ нѣжное письмецо, начинающееся

Votre mérite est extrême,
Et vous pouvez tout charmer и т. д.

Съ своею сестрою Порошинъ переписывается по французски; книги, которыя онъ читаетъ, французскія; бóльшая часть его разговоровъ ведется по французски. Послѣ этого неудивительна привычка употреблять французскія слова или переводить ихъ, по выраженію его самого, «отъ слова до слова». Она была такъ сильна, что едва ли кто могъ избѣгнуть ея, даже изъ тѣхъ, которые во всеуслышаніе порицали «гибельную порчу роднаго языка». Сумароковъ былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ этой моды; въ стихахъ, нарочно написанныхъ имъ на этотъ предметъ, онъ говоритъ:

«Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ,
Солому *пальею*, *обжектомъ* видъ зоветъ.
И рѣчи русскія лишь тѣ ему прелестны,
Которы на Руси вралямъ однимъ извѣстны.»

И не смотря на это вовсе нельзя сказать, чтобы и Сумароковъ былъ безукоризненнымъ хранителемъ чистоты русскаго языка. Письмо къ Фонъ-Визину, по слогу сильно напоминаетъ имъ же осмѣяннаго Дюлижа: «Я сію минуту ѣду въ деревню. Москва n'est pas un séjour très sure pour les habitants, qui ne veulent pas encore avec tous les domestiques sortir de ce monde, le mal s'augmente de jour en jour peu à peu. Въ моемъ домѣ нѣтъ еще ни кошки больной, ибо я всѣ способы употребляю очищать воздухъ и удалять гнилость; но въ народѣ болѣзнь или паче смерть, ne connoit pas la raillerie. Вручите письмо Его Сіятельству Н. Ивановичу и напоминайте ему о милостивомъ отвѣтѣ. Сіе письмо, ради меня, есть крайне нужное. Montres moi de nouveau votre amitié. Adieu.

Вашего Высокоблагородія
Милостиваго государя
покорный и вѣрный слуга
А. Сумароковъ» (54).

---

(54) Здѣсь удержана ореографія подлинника; сравни Фонъ-Визинъ, князя Вяземскаго, стр. 371.

Эта разладица печатныхъ возгласовъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ дѣйствительности, можетъ пригодиться для соображеній о временахъ, болѣе къ намъ близкихъ. Попытки охранять языкъ отъ нововведеній, на перекоръ дѣйствительности, невозможны: легко въ кабинетѣ и на бумагѣ составить какую угодно теорію, можно будетъ и защищать ее, пожалуй найдутся и послѣдователи, но едва дѣло коснется дѣйствительности — искусно придуманныя умозрѣнія разлетаются въ прахъ и иногда такъ незамѣтно для изобрѣтателя ихъ, что онъ въ простотѣ души и не думаетъ, что самъ же противорѣчитъ себѣ.

Записками Порошина мы оканчиваемъ обозрѣніе русскихъ мемуаровъ XVIII столѣтія. Должно сознаться, что наша статья оканчивается именно на той эпохѣ, когда произведенія подобнаго рода становятся болѣе и болѣе любопытными и подробными. Въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ записки, принадлежащія замѣчательнымъ людямъ того времени; сфера наблюдательности расширяется и обнимаетъ самыя интересныя стороны въ жизни общественной. До сихъ поръ передъ нами было то переходное время, которое прожила Россія отъ сближенія своего съ Европою до тѣхъ поръ, пока возникшее въ жизни русскаго общества броженіе стало успокоиваться и направленіе нѣкоторой части публики стало принимать оттѣнокъ единства — вѣрный признакъ присутствія идеи. Конечно, было бы любопытно и назидательно прослѣдить по запискамъ и этотъ періодъ русской жизни, но въ настоящее время подобное намѣреніе неудобоисполнимо, потому что многіе изъ мемуаровъ остаются или въ рукописяхъ, или изданными не вполнѣ. Къ первымъ относятся записки В. Лопухина (въ каталогѣ Имп. Публ. Библіотеки, отд. II, XVIII. F. IV. Исторія), Башилова (также въ И. П. Б.), Державина (находились у родственника, тайн. сов. К. М. Бороздина), Радищева (по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, у кн. Вяземскаго); сюда же должно причислить и разсказъ гр. Ростопчина «Послѣдній день царствованія Екатерины II и первый день царствованія Императора Павла I» (отрывки въ «Словарѣ» Б. Каменскаго). Къ вторымъ: записки кн. И. Ю. Долгорукова (отрывки напечатаны въ «Отеч. Зап.», изд. Краевскимъ и въ «Сказаніи о родѣ кн. Долгоруковыхъ»; подлинникъ у автора послѣдней книги), Храповицкаго (извлеченія изъ нихъ помѣщены въ «Отеч. Зап.» Свиньина, въ рукописи въ И. П. Библіотекѣ и въ Библіотекѣ Акад. Наукъ), кн. И. М. Долгорукова (отрывокъ въ «Москвитянинѣ», а подлин-

никъ у кн. П. И. Долгорукова), митрополита Платона (начало и то не вполнѣ въ «Москвитянинѣ», подлинникъ въ И. П. Библіотекѣ), И. И. Дмитріева (также въ «Москвитянинѣ», рукопись у М. Дмитріева), Д. Языкова (выписка въ «Словарѣ» Б. Каменскаго, подлинникъ у наслѣдниковъ покойнаго академика).

Сверхъ того, есть еще записки русскихъ, писанныя на иностранныхъ языкахъ, такъ, напримѣръ, кн. Дашковой, адмирала Чичагова и другихъ, но всѣ онѣ мало извѣстны въ Россіи.

Описаніе русскихъ мемуаровъ мы начали съ Крекшина, Матвѣева и Желябужскаго, родившихся въ XVII столѣтіи, когда русскій литературный языкъ почти не существовалъ и люди грамотные учились ему по славянскимъ книгамъ. Крекшинъ не успѣлъ испытать вліянія новаго порядка вещей: оставаясь только свидѣтелемъ, но не участникомъ происходившаго, въ запискахъ своихъ онъ является представителемъ до-петровской Россіи. Его славянскій языкъ старается приблизиться къ тому, которымъ были писаны тогдашнія церковныя книги. Гр. Матвѣевъ въ этомъ отношеніи едва ли стоитъ выше Крекшина: въ тѣ времена образованіе простолюдина и знатнаго равно не отличалось многосторонностію и разнообразіемъ. Отецъ Матвѣева былъ однако исключеніемъ изъ общаго правила и считался просвѣщеннѣйшимъ между современниками; сынъ его зналъ латинскій языкъ и благодаря ему, вступилъ на дипломатическое поприще: но, ни долгое пребываніе въ Европѣ, ни знакомство съ латинскою литературою не могли стереть впечатлѣній его дѣтства; свою «исторію» онъ пишетъ книжнымъ славянскимъ языкомъ: европейская жизнь отразилась у него во множествѣ вычурныхъ иностранныхъ словъ, которыя затвердилъ на память и не преминулъ вставить между славянскими оборотами.

Желябужскому было некогда заняться даже и церковными книгами: съ ранней молодости, въ сопровожденіи переводчика, онъ то въ приставахъ у чужеземныхъ пословъ, то въ гонцахъ къ иностраннымъ дворамъ. Когда вздумалось ему записывать все происходившее вокругъ, онъ по необходимости выражался на бумагѣ такъ, какъ говорилъ—отсюда понятна отрывистая рѣчь его записокъ и простонародныя выраженія. За нимъ слѣдуютъ записки Нащокина и Шаховскаго. Эти люди уже родились при Петрѣ: всѣхъ недорослей изъ дворянъ, какъ только выходили они изъ дѣтства, высылали на службу, въ которой они и оставались до глубокой старости. Поэтому языкъ Нащокина и Шаховскаго долженъ былъ отзываться занятіями, которымъ они себя посвятили, и дѣйствительно, когда у нихъ встрѣчаешь сла-

вянизмы, то они всегда или ошибочны или какъ-то неестественные, но зато Нащокинъ хорошо зналъ фрунтовую службу и военная терминологія у него слышится на каждомъ шагу. Записки Шаковскаго, какъ гражданскаго чиновника, напоминаютъ сильно экстракты и дѣловыя бумаги: тѣ же длинноты, то же стараніе изложить дѣло такъ, чтобы не оставалось требовать никакихъ дополненій. Даниловъ, поучившись нѣкоторое время въ школѣ и притомъ, по собственному сознанію, безъ малѣйшей пользы, вступилъ въ усердные производители работъ по фейерверкамъ; въ молодости онъ всего болѣе вращался въ простонародной сферѣ, по выходѣ въ отставку, сталъ почитывать надосугѣ разныя, попадавшіяся подъ руку книжки. Онъ даже сдѣлался, какъ видѣли, писателемъ. Его записки написаны простымъ разговорнымъ языкомъ съ весьма рѣдкими прикрасами изъ славянскихъ книгъ, да кое-какими перековерканными иностранными выраженіями. Тамъ же, гдѣ онъ хотѣлъ блеснуть своимъ слогомъ, именно въ сочиненіяхъ для печати, царствуетъ напыщенная проза, дикая для уха: стремленіе къ такъ-называемому высокому слогу, которымъ будто бы надобно было писать всѣ мало-мальски серьёзныя сочиненія явилось и у Данилова. Таже разница замѣтна въ письмахъ Бибикова и его переводахъ изъ «Велизарія»; письма Шуваловыхъ отличаются галлицизмами — они хорошо знали и любили французскій языкъ, и это подало поводъ къ весьма наивному предположенію, будто бы И. И. Шуваловъ былъ виновникомъ пристрастія у насъ къ французскому языку; по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ графъ Ростопчинъ, который запрещалъ въ Москвѣ имѣть вывѣски съ французскими надписями. О Шуваловѣ онъ пишетъ такъ: «какое несчастіе, что Петръ I насъ обрилъ, а Шуваловъ *заставилъ говорить нечестивымъ этимъ французскимъ языкомъ* (55).

Что литературный языкъ не могъ установиться даже въ концѣ XVIII вѣка, доказываютъ записки Болотова: въ языкѣ ихъ попеременно отражается пребываніе автора, то въ деревнѣ посреди русскаго народа, то въ Курляндіи между ея скромными обитателями или въ Кенигсбергѣ на квартирѣ честнаго ремесленника. Но Болотовъ уже почти не пишетъ славянизмовъ. У Порошина ихъ еще менѣе: онъ замѣнилъ славянизмы переводами или подлинными словами французскими, что однако не помѣшало ему упрекать модниковъ за мѣшаніе въ свою рѣчь чужеземныхъ словъ.

(55) Отеч. Зап. 1854 г. № 7, Науки, стр. 37.

Такимъ образомъ начавъ съ славянизмовъ, мы постепенно дошли до галлицизмовъ въ русскихъ запискахъ, точно также, какъ, говоря о воспитаніи, мы должны были прежде всего сказать о часословѣ и псалтырѣ, а потомъ заключить свѣдѣніями о французахъ-гувернерахъ и словами Бецкаго: «смѣха достойный присвоили мы обычай учить дѣтей въ школахъ грамотѣ по книгамъ на языкѣ и буквахъ славянскихъ» и проч. Постепенное уменьшеніе вліянія славянскаго языка, и подъ конецъ совершенное исчезновеніе его (кромѣ орѳографіи и нѣкоторыхъ немногихъ словъ и оборотовъ), болѣе важная роль живаго разговорнаго языка и наконецъ усвоеніе сначала отдѣльныхъ словъ, а потомъ и цѣлыхъ выраженій изъ иностранныхъ языковъ — составляютъ главнѣйшія событія въ исторіи русскаго языка XVIII вѣка, если разсматривать его въ современныхъ запискахъ. Все это находясь въ тѣсной связи съ обстоятельствами жизни самихъ авторовъ отразилось и въ современной литературѣ — съ тою только разницею, что послѣдняя нерѣдко отставала отъ дѣйствительности и нерѣдко держалась упрямо того, что на дѣлѣ уже не имѣло силы и значенія. При Петрѣ, когда чувствовалась настоятельная надобность въ русскомъ письменномъ языкѣ, который былъ бы понятенъ всѣмъ отъ мала до велика, при Петрѣ еще не появлялась мысль о составленіи какого-либо учебника народнаго русскаго языка. Въ 1703 г. вышелъ треязычный лексиконъ — греческо-латинско-славянскій, Поликарпова. Послѣдній языкъ, по мнѣнію составителя лексикона, потому въ особенности нуженъ русскимъ, что отъ него начались языки польской, чешской, и др., и что онъ происходитъ отъ слова *слава*. Въ царствованіе же Петра изданы три грамматики, но также славянскія. Въ одной изъ нихъ, именно Ѳедора Максимова, 1723 г., говорится между прочимъ, что книжный языкъ для русскихъ и тогда не былъ понятенъ: грамматика составлена «съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней обдержаться славянская реченія, россіиски въ малѣ разумѣваема.» Впрочемъ нельзя винить тогдашнихъ установителей правилъ языка, что они были такъ мало заботились о настоящемъ русскомъ языкѣ; всѣ они были воспитанники славяно-греко-латинской академіи и не могли иначе думать о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и славянскаго языковъ.

«По возвращеніи моемъ въ отечество 1730 года, въ сентябрѣ, пишетъ Тредьяковскій, началъ я себя производить, *по молодости и по французскому духу*, въ Обществѣ нѣкоторыми стішками» (56).

(56) Ежемѣсяч. Соч. Іюнь 1755 г. стр. 496.

Въ это же время онъ издалъ переведенный имъ, первый на русскомъ языкѣ романъ «Ѣзда на островъ любви.» Онъ былъ переведенъ Тредьяковскимъ въ бытность его во Франціи. Замѣтивъ, вѣроятно, что тамъ книжный языкъ нисколько не разнится отъ разговорнаго, переводчикъ рѣшился не употреблять и по русски другаго языка, кромѣ разговорнаго; но такъ какъ это могло у насъ показаться нововведеніемъ, то въ предисловіи Тредьяковскій долгомъ счелъ объяснить причины своего намѣренія: «На меня, говоритъ онъ, не изволте погнѣваться (*буде вы еще глубокословныя держитесь славянщизны)*, что я оную (т. е. повѣсть) не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мирская. Другая: *языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ*, и многія его наши читая не разумѣютъ, а сія книга есть Сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумителна. Третья: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая идетъ у меня за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ тупословіемъ моимъ словенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать....» Такъ разсуждалъ Тредьяковскій, находясь еще подъ вліяніемъ воспоминаній о Парижѣ и пребываніи своемъ за границею. Въ предложенной имъ ореографіи главнѣйшею заботою было также изгнаніе старинныхъ правилъ правописанія, вошедшихъ въ нашу гражданскую печать, и приближеніе ея, на сколько то возможно, къ латинскому шрифту, что также было и желаніемъ Петра. Наконецъ, нападки Тредьяковскаго на славянскій языкъ и въ особенности на защитниковъ его Поликарпова и другихъ, можно и нынѣ угадать въ различныхъ его статейкахъ.

Но, обжившись снова въ Россіи, и приглядѣвшись къ тому, что его окружало, Тредьяковскій пересталъ гнушаться славянскимъ языкомъ и даже написалъ сочиненіе «О первенствѣ Славенскаго языка предъ Тевтоническимъ», гдѣ доказывалось, что Саксонія происходитъ отъ русскаго слова *сажаніе*, а Германія — отъ *холма, холманія, Алеманія* и т. д.

За это отступничество отъ своихъ мнѣній Сумароковъ такъ укорялъ Тредьяковскаго: «онъ въ молодости своей, старался наше правописаніе испортити простонароднымъ нарѣчіемъ, къ которому онъ и свое правописаніе располагалъ: а въ старости глу-

бокою и еще учиненною самимъ собою глубочайшею славенщизною: тако перемѣняется молодыхъ людей невѣріе въ суевѣріе; но истинна никакая крайности не причастна....»

Извѣстно, что Ломоносовъ началъ свое ученіе также съ псалтыря, потомъ онъ восхищался стихами Семеона Полоцкаго, наконецъ учился въ Московской Академіи до 25 лѣтъ, откуда и былъ отправленъ за границу. Онъ былъ осторожнѣе Тредьяковскаго и въ своемъ «Предисловіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ» всѣ роды сочиненій, считавшіеся тогда почетными, совѣтывалъ писать славянскимъ языкомъ, какъ болѣе способнымъ выражать все возвышенное и выходящее изъ круга предметовъ обыкновенныхъ. На долю русскаго языка достались увеселительныя письма, комедіи, эпиграммы, для которыхъ потребенъ былъ «низкій штиль». Въ то время славянскій языкъ, по преданію по крайней мѣрѣ, еще былъ въ великомъ уваженіи у нашихъ теоретиковъ, и потому разсужденіе Ломоносова оставалось неприкосновеннымъ до конца XVIII вѣка, т. е. до того времени, когда снова явилась мысль писать простымъ разговорнымъ языкомъ, безъ тяжелой славянской примѣси.

Сумароковъ также питалъ большое уваженіе къ славянскому языку, однако употреблялъ его рѣже. Въ своей статьѣ о правописаніи онъ почти никогда не обращается за примѣрами къ церковнымъ книгамъ, напротивъ, какъ истинный москвичъ, считаетъ московское нарѣчіе образцовымъ и потому главнѣйшимъ его аргументомъ противъ правописанія Ломоносова было напоминаніе, что Ломоносовъ родился не въ Москвѣ, а въ отдаленной провинціи, отчего московское нарѣчіе и превратилъ въ «Колмогорское».

Теперь слѣдовало бы сказать о нападкахъ русскихъ писателей того времени на частое употребленіе въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ. Но объ этомъ мы уже сказали нѣсколько словъ, говоря о запискахъ Порошина. — То, что замѣтно у него и Сумарокова, можно видѣть и у другихъ писателей нашихъ того времени: рабское подражаніе французскому языку и зависимость отъ него должны были исчезнуть въ нашемъ языкѣ, когда онъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самостоятельно выразить прежде чуждыя для него понятія.

П. ПЕКАРСКІЙ.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА, *съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч. Изданіе* П. В. Анненкова. *Шесть томовъ. Спб. 1855.*

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Ранѣе, нежели мы надѣялись, новое изданіе сочиненій Пушкина завершилось выходомъ двухъ послѣднихъ томовъ, благодаря заботливости издателя, сдержавшаго свои обѣщанія публикѣ съ точностью. Хвалить внѣшній видъ изданія, теперь оконченнаго, считаемъ совершенно излишнимъ, потому что между нашими читателями вѣроятно не найдется ни одного, который бы уже не просматривалъ, не перечитывалъ его. Не считаемъ нужнымъ указывать и внутреннія достоинства изданія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, потому что уже говорили объ этомъ въ началѣ нашихъ статей. Было бы утомительно для читателей, если бы мы вздумали вдаваться теперь въ мелочныя указанія статей и стихотвореній Пушкина, разсѣянныхъ по журналамъ, и не вошедшихъ въ составъ изданія, сдѣланнаго г. Анненковымъ — важнѣйшіе изъ этихъ пропусковъ были уже указаны критикою по случаю выхода въ свѣтъ изданія 1841 года, и если не были пополнены г. Анненковымъ, то конечно не по забывчивости, а только потому, что планъ новаго изданія не допускалъ помѣщенія этихъ статей, большею частью полемическихъ. Исчисленіе другихъ, совершенно незначительныхъ журнальныхъ замѣтокъ, не есть, по нашему мнѣнію

дѣло критики, которая должна обращать вниманіе только на вещи, имѣющія внутреннее значеніе: длиннымъ и сухимъ спискамъ подобнаго рода мѣсто въ спеціальныхъ библіографическихъ трактатахъ, и въ примѣчаніяхъ къ будущему «*Полному* собранію сочиненій Пушкина» (если когда нибудь русская литература будетъ имѣть такое собраніе) — заглавіе, котораго скромно и благоразумно не далъ г. Анненковъ своему изданію, полному только въ предписанныхъ ему границахъ. Во всякомъ случаѣ, эти статейки едва ли могли бы прибавить что нибудь значительное къ тому, что уже дано «матеріалами», столь тщательно собранными изъ бумагъ Пушкина г. Анненковымъ. Прибавленія, какія въ настоящее время могли бы быть сдѣланы къ изданію, были бы совершенно ничтожны въ сравненіи съ массою драгоцѣнныхъ новыхъ данныхъ, представленныхъ «Матеріалами для біографіи Пушкина», примѣчаніями новаго изданія и нѣкоторыми пьесами его, не входившими въ составъ прежняго изданія.

Въ предъидущей статьѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ Пушкину современной ему критики; мы видѣли, что если она въ плохихъ или недобросовѣстныхъ журналахъ часто унижалась до тупости и забавной придирчивости, то посредствомъ лучшихъ своихъ органовъ — «Телеграфа» и «Телескопа», успѣла высказать довольно много справедливыхъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина и — что еще важнѣе и труднѣе — даже объ отношенія слѣдующихъ его произведеній къ предъидущимъ, о постепенномъ развитіи его таланта. Но само собою разумѣется, что оцѣнка дѣятельности поэта, столь полнаго силы, жизни и движенія, какъ Пушкинъ, не могла быть полна, пока значительная часть этой дѣятельности еще скрывалась въ будущемъ; разумѣется также, что писатель столь важный въ исторіи общаго развитія нашей литературы, какъ Пушкинъ, не могъ быть точно оцѣненъ по своему значенію и вліянію на судьбу литературы, пока это вліяніе не выразилось положительными фактами: мѣрило для оцѣнки воспитателя дается только дѣятельностью его воспитанниковъ. Потому критика, современная Пушкину, вовсе не будучи лишена ни смысла, иногда прекраснаго, ни проницательности, иногда очень мѣткой, и нимало не заслуживая пренебреженія, съ какимъ о ней иногда отзываются, напротивъ, имѣя право на наше вниманіе не менѣе другихъ отраслей тогдашней литературной дѣятельности, — эта критика тѣмъ не менѣе далеко уступаетъ своею глубиною послѣдующей критикѣ, имѣетъ значеніе только какъ приготовленіе къ этой критикѣ, подобно всей тогдашней литерату-

рѣ, имѣющей важность преимущественно потому только, что она служила почвою, на которой могла возникнуть дѣятельность послѣдующей литературной эпохи, которая въ свою очередь особенно драгоцѣнна для насъ не какъ нѣчто имѣющее абсолютное значеніе, а какъ зародышъ и залогъ будущаго развитія русской литературы, приближеніе котораго должно быть завѣтнымъ желаніемъ каждаго образованнаго русскаго. Каково бы ни было безотносительное достоинство произведеній Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя и современныхъ намъ русскихъ писателей, но они еще милѣе для насъ, какъ залогъ будущихъ торжествъ нашего народа на поприщѣ искусства, просвѣщенія и гуманности.

Критика, возникшая вскорѣ по смерти Пушкина — сказали мы — гораздо полнѣе и точнѣе, нежели современная ему критика, опредѣлила значеніе этого великаго писателя въ русской литературѣ. По видимому, надобно было бы предполагать, что результаты ея изслѣдованій еще у всѣхъ свѣжи въ памяти и не должны быть снова подробно пересказываемы, какъ вещи общеизвѣстныя. На самомъ дѣлѣ такое предположеніе, несмотря на всю свою естественность, оказывается несправедливымъ. Если бы воскресли люди, голосъ которыхъ такъ недавно еще былъ выслушиваемъ какъ голосъ самой истины — чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно — если бы воскресли эти люди и посмотрѣли на то, что пишется нынѣ, они воскликнули бы словами одного изъ нынѣшнихъ поэтовъ, который вѣроятно самъ уже позабылъ свои прежнія слова:

Или въ эти годы
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были?....

Но, увлеченные воспоминаніями, мы удалились отъ нашего предмета — разсмотрѣнія того, какимъ образомъ понимала Пушкина критика, господствовавшая въ нашей литературѣ послѣ паденія современной ему критики. Журналы старыхъ годовъ не всегда можно имѣть въ рукахъ, потому не излишне будетъ въ короткихъ словахъ повторить существенныя мысли многочисленныхъ статей о Пушкинѣ, столь подробно и вѣрно оцѣнившихъ его поэтическую дѣятельность.

Прежде всего надобно замѣтить, что эти статьи сильно возставали противъ ѣдкихъ отзывовъ экс-студента Надоумко о «Полтавѣ», «Нулинѣ» и «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и холодныхъ отзывовъ «Телеграфа» о послѣдующихъ произведеніяхъ Пушкина.

Онѣ доказывали, что какъ «Борисъ Годуновъ», такъ и «Евгеній Онѣгинъ» — великія созданія. Потому въ смутныхъ воспоминаніяхъ, какія остались у бо́льшей части нынѣшнихъ читателей отъ этихъ статей, едва ли не самымъ положительнымъ осталось мнѣніе, что онѣ были безусловнымъ панегирикомъ Пушкину; что произведенія Пушкина были въ нихъ представлены равно художественными по формѣ и колоссальными по идеѣ; что Пушкинъ былъ поставленъ въ нихъ неизмѣримо выше всѣхъ русскихъ поэтовъ, не исключая никого. Многимъ на основаніи этихъ неточныхъ воспоминаній представляется даже, будто бы критика ставила Пушкина однимъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, равнымъ Шекспиру въ «Борисѣ Годуновѣ», едва ли не выше Шиллера и Байрона. Выписки, которыя мы приведемъ ниже, вѣрнѣе покажутъ понятія критики о поэтическомъ значеніи Пушкина; мы здѣсь не хотимъ излагать ея мысли собственными словами — способъ всегда болѣе или менѣе произвольный, и считаемъ нужнымъ сдѣлать только два или три замѣчанія относительно общяго характера этой критики.

Чтеніе выписокъ, которыя мы представимъ, убѣдитъ каждаго въ томъ, какъ независимы и нелицепріятны были ея сужденія. Быть можетъ даже нынѣ, когда отдаленность времени даетъ намъ полную возможность судить безъ увлеченій, многимъ покажется, что критика говорила о Пушкинѣ не довольно восторженно. Но тѣмъ не менѣе каждый можетъ видѣть, что она была проникнута глубокимъ благоговѣніемъ къ имени Пушкина. На это, кромѣ главной причины — великаго достоинства самыхъ произведеній Пушкина и пламеннаго сочувствія этой критики ко всему, что было прекраснаго въ русской литературѣ, есть и другая причина, зависѣвшая отъ обстоятельствъ. Это указано въ самомъ началѣ статей. Въ концѣ жизни Пушкина, публика охладѣла къ своему любимцу; но «безвременная смерть Пушкина, какъ и должно было ожидать, «снова и съ бо́льшею силою обратила къ падшему поэту сочув«ствіе и любовь общества. Не успѣло еще войдти въ свои бере«га взволнованное утратою поэта чувство общества, какъ подняла «свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго зло«памятная посредственность. Она начала, прямо и косвенно, тол«ковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь унизить «ихъ.... веселое скаканіе воловозныхъ существъ на могилѣ льва «возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное; «а наглое безстыдство низости имѣетъ свойство выводить изъ тер«пѣнія. Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себѣ обсто«ятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пу-

«шкина какъ должно, только болѣе и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ удивленіи къ великому поэту?» Далѣе говорится, что наконецъ эти обстоятельства миновались, и настало время судить о Пушкинѣ совершенно хладнокровно. Но каждый, у кого бьется въ груди сердце, знаетъ по опыту, что человѣкъ энергическій никогда не будетъ говорить совершенно хладнокровно о томъ, отъ чего когда нибудь возмущалось его сердце. Кто былъ современникомъ пошлыхъ выходокъ противъ великаго поэта, кто былъ нѣкогда пораженъ громовою вѣстью о его ранней кончинѣ, тотъ можетъ современемъ судить о немъ безпристрастно, но никогда не будетъ въ состояніи говорить о немъ безъ слѣдовъ прежняго увлеченія. Каждому человѣку изъ позднѣйшаго поколѣнія легко судить о томъ по недавнему горькому опыту. Кто изъ насъ, внезапно пораженныхъ вѣстью о смерти Гоголя, возмущавшихся потомъ недостойными выходками противъ этого великаго таланта, не сохранитъ навсегда въ душѣ слѣдовъ скорби, которой съ такою горечью предавались мы?

Мы упомянули объ этомъ чрезвычайно сильномъ сочувствіи критики къ поэту между прочимъ и потому, что этимъ отношеніемъ объясняется ея стремленіе истолковать сколь возможно выгоднѣе для того или другаго произведенія смыслъ его, иногда въ противорѣчіе тому, чего по своему безпристрастію не можетъ не замѣтить и не высказать сама критика. Примѣровъ можно привесть очень много. Ограничимся двумя или тремя. Въ «Цыганахъ» идея произведенія выражена въ характерѣ и дѣйствіяхъ Алеко, и Алеко есть идеалъ безукоризненный въ глазахъ автора. Но критика не можетъ не видѣть, что понятія, которыми руководствуется Алеко, ложны; что онъ требуетъ отъ другихъ того, чего самъ не хочетъ дѣлать для нихъ. Критика очень жарко изобличаетъ жестокость и несправедливость Алеко — и съ тѣмъ вмѣстѣ старается доказать, что идея поэмы выразилась не въ лицѣ Алеко, а въ кроткихъ воззрѣніяхъ стараго цыгана, хотя очевидно, что по мысли Пушкина цыганъ этотъ, какъ человѣкъ снисходительный только по своему невѣжеству и робости, не имѣющій истиннаго понятія о любви, стоитъ ниже Алеко. Критика готова даже предположить, что Алеко Пушкина очищается страданіемъ, между тѣмъ какъ очевидно, что по мысли Пушкина Алеко невинный страдалецъ, который сокрушенъ незаслуженною потерею, и которому не отъ чего исправляться, не въ чемъ раскаяваться. Другой примѣръ: очевидно, Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за то, что въ деревнѣ онъ не отвѣчалъ страстною любовью на письмо Татьяны; что и эту его холодность и любовь къ ней, загорѣв-

шуюся въ немъ послѣ, Пушкинъ совершенно объясняетъ сентенціею:

> О люди! всѣ похожи вы
> На прародительницу Эву:
> Что вамъ дано, то не влечетъ;
> Васъ непрестанно змій зоветъ
> Къ себѣ, къ таинственному древу:
> Запретный плодъ вамъ подавай,
> А безъ того вамъ рай не рай;

очевидно также, что Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за эту любовь и представляетъ отвѣтъ ему Татьяны какъ безусловно истинный и правый. Критика не могла согласиться съ этими понятіями, по ея мнѣнію сухими, узкими и фальшивыми. Она жарко и подробно высказываетъ свой взглядъ на Онѣгина и на Татьяну (какъ она является въ послѣдней главѣ), противуположный взгляду самаго Пушкина на эти личности и мотивы ихъ дѣйствій — и однако же не хочетъ дойти до вывода, необходимо слѣдующаго изъ этихъ фактовъ: или Онѣгинъ и Татьяна изображены въ романѣ не такими, какъ представлялись мысли самаго автора, слѣдовательно Пушкинъ также не могъ понять и очертить ихъ въ полномъ и истинномъ свѣтѣ, какъ и Лермонтовъ своего Печорина, или они изображены дѣйствительно такими, какими представлялись понятіямъ самаго автора, и въ такомъ случаѣ о нихъ должно сказать тоже, что о людяхъ одного разряда съ Алеко.

Послѣ замѣчанія, нами сдѣланнаго, легко понять эти важныя противорѣчія и недомолвки. Но какъ ни велико было благоговѣніе критики къ Пушкину, ея желаніе окружить имя Пушкина всѣмъ блескомъ безсмертія, но проницательность анализа и пламенная любовь къ истинѣ были въ ней гораздо сильнѣе. Развитіе русской литературы было для нея выше увлеченія самыми милыми именами, горячее желаніе развитія жизни и просвѣщенія въ родной землѣ сильнѣе самой любви къ русской литературѣ, которая была ей драгоцѣнна именно потому, что есть двигательница жизни и просвѣщенія. Потому нѣтъ въ этой критикѣ ни умышленныхъ умолчаній, ни пристрастнаго взгляда на тотъ или другой фактъ литературы. И если она иногда, увлекаемая любовью, какъ въ настоящемъ случаѣ, не дѣлаетъ вывода изъ своихъ понятій, то понятія эти всегда выражены полно, ясно и сильно, такъ что и заключеніе ясно само собою, и для каждаго мыслящаго читателя оно уже высказано.

Другое замѣчаніе: для истиннаго критика разсматриваемое сочиненіе очень часто бываетъ только поводомъ къ развитію

собственнаго взгляда на предметъ, котораго оно касается вскользь или одностороние. Такъ произошли большая часть увлекательныхъ эпизодовъ, которыми богаты статьи о Пушкинѣ. Это не всегда понимаютъ, и не всегда отличаютъ мысли критика отъ понятій, высказанныхъ въ разбираемомъ произведеніи, считая критика только простымъ комментаторомъ автора. Какія удивительныя страницы написаны на русскомъ языкѣ о «Цыганахъ», о характерѣ Онѣгина, о Татьянѣ, о русскомъ обществѣ и русской женщинѣ! Мы очень ошиблись бы, если бы, начавъ ясиѣе понимать всѣ эти вещи, о которыхъ онѣ говорятъ, предположили, что узнали ихъ отъ Пушкина, а не отъ его критика.

Критика, о которой мы говоримъ, такъ полно и вѣрно опредѣлила характеръ и значеніе дѣятельности Пушкина, что, по общему согласію, ея сужденія до сихъ поръ остаются справедливыми и совершенно удовлетворительными. Нужно только одно — предлагать вопросы, — отвѣты уже приготовлены. Жаль только, что иногда забываются важнѣйшіе вопросы, или очень часто забываютъ искать на нихъ отвѣта гдѣ слѣдуетъ, а хлопочатъ объ изготовленіи посильныхъ отвѣтовъ собственнаго издѣлія, не всегда мастерскаго. Во второмъ насъ нельзя будетъ обвинить; остается только намъ желать, чтобы вопросы были избраны нами несовершенно неудачно.

Когда мы захотимъ составить себѣ ясное понятіе о личности Пушкина, какъ поэта, прежде всего является сомнѣніе: можно ли считать этого генія, умершаго въ цвѣтѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, вполнѣ совершившимъ свое назначеніе въ русской литературѣ, исполнившимъ для ея развитія все, что исполнить было въ силахъ его натуры? Никому не приходитъ въ голову подобное сомнѣніе, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о Байронѣ, который также умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, объ Андреѣ Шенье, который также погибъ въ цвѣтѣ силъ и таланта, ни — чтобы привесть примѣръ, болѣе близкій намъ — о Кольцовѣ, который умеръ моложе Пушкина и началъ развиваться гораздо въ болѣе позднія лѣта. Но о Пушкинѣ мы часто думаемъ почти такъ же, какъ о Лермонтовѣ, который дѣйствительно отнятъ смертью у русской литературы далеко не достигнувъ полнаго развитія своихъ силъ, который въ будущемъ обѣщалъ несравненно болѣе того, что успѣлъ сдѣлать. Но разница между двумя поэтами въ этомъ отношеніи огромна. Сравните стихотворенія, написанныя Лермонтовымъ въ 1836—1837 годахъ, съ его стихотвореніями, принадлежащими 1840—1841 годамъ, и вы увидите въ послѣднихъ огромное превосходство надъ первыми и по

глубинѣ содержанія и по совершенству формы. Но такой разницы не замѣтно, напримѣръ, между стихотвореніями Пушкина 1835—1836 и 1829—1830, даже 1825—1826 годовъ: если въ 1835 году были написаны «Полководецъ», «Туча», «Пиръ Петра Великаго», «Опять на родинѣ», — то 1830 году принадлежатъ «Къ Вельможѣ», «Поэту», «Для береговъ отчизны дальной», «Бѣсы», «Подражанія Данту» и проч., а 1825 году «Въ крови горитъ огонь желанья», «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», «Сожженое письмо», «Я помню чудное мгновенье», «19-е октября», «Буря мглою небо кроетъ», «Чертогъ сіялъ» и проч. Чтобы найдти осязательную разницу между стихотвореніями послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина и его предъидущими стихотвореніями, мы должны отступить до 1822—1823 годовъ. Мы указали на лирическія произведенія, потому что они, по общему согласію, даютъ самое вѣрное средство слѣдить за ходомъ развитія поэта. Почти тотъ же результатъ обнаруживается и большими произведеніями Пушкина. Въ примѣчаніи мы представляемъ два списка ихъ по хронологическому порядку (*).

(*) Вотъ порядокъ, въ какомъ являлись въ печати произведенія Пушкина:
Годы:
1820. Русланъ и Людмила.
1822. Кавказскій плѣнникъ.
1824. Бахчисарайскій Фонтанъ.
1825. Братья разбойники. — Евгеній Онѣгинъ, глава 1.
1826. Онѣгинъ, глава 2.
1827. Цыганы. — Онѣгинъ, глава 3.
1828. Графъ Нулинъ. — Онѣгинъ, главы 4, 5, 6. — Сцена изъ Фауста.
1829. Полтава.
1830. Онѣгинъ, глава 7.
1831. Борисъ Годуновъ. — Повѣсти Бѣлкина.
1832. Онѣгинъ, глава 8. — Моцартъ и Сальери. — Пиръ во время чумы. — Сказка о Гвидонѣ.
1833. Домикъ въ Коломнѣ.
1834. Пиковая дама. — Сказка о мертвой царевнѣ.
1835. Нѣсколько простонародныхъ сказокъ.
1836. Родословная моего героя. — Скупой рыцарь. — Капитанская дочка.

По смерти Пушкина были изданы: Галубъ. — Мѣдный Всадникъ. — Каменный гость. — Русалка. — Арапъ Петра Великаго. — Дубровскій. — Египетскія ночи. — Сцены изъ рыцарскихъ временъ.

Мы помѣстили этотъ списокъ для того, чтобы понятны были сужденія о Пушкинѣ, являвшіяся въ послѣднее время его жизни. Но еще интереснѣе обозрѣть хронологическую послѣдовательность, въ которой были написаны важнѣйшія произведенія Пушкина. Этотъ списокъ — самое вѣрное свидѣтельство о развитіи его поэтической дѣятельности

Первый изъ этихъ списокъ показываетъ, что съ 1832 года до конца своей жизни Пушкинъ не напечаталъ ни одного значительнаго произведенія въ стихахъ, кромѣ только «Скупаго Рыцаря», явившагося въ 1836 году. Потому становится понятно, какимъ образомъ въ статьѣ «Телескопа» за 1835 г. «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», принадлежащей тому же перу, которое черезъ нѣсколько лѣтъ написало статьи о Пушкинѣ, могло быть сказано: «Я не включаю въ число современныхъ поэтовъ Пушкина, который уже совершилъ кругъ своей художнической дѣятельности». Дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Пушкина нельзя было не думать, что великій писатель совершенно оставилъ прежнее поприще своей славной дѣятельности, и отнынѣ хочетъ сдѣлаться исключительно прозаикомъ, и сосредоточить свои силы преимущественно на историческихъ трудахъ. Явившіяся по смерти его превосходныя поэтическія созданія, сочиненіе которыхъ современники, незнавшіе опредѣлительно года, когда они были писаны, естественно должны были относять къ послѣднимъ годамъ жизни поэта (въ чемъ убѣждала и неоконченность «Галуба», «Русалки», «Арапа Петра Великаго», «Египетскихъ ночей») — эти посмертныя сочиненія могли тогда заставить оставить прежнее мнѣніе и думать, что смерть пресѣкла дни Пушкина въ эпоху самой сильной его поэтической дѣятельности. Но теперь, благодаря даннымъ, которыя сообщены г. Анненковымъ, мы знаемъ годъ, которому принадлежитъ созданіе каждаго изъ произведеній Пушкина, и не можемъ раздѣлять этого предположенія. Просматривая второй изъ приведенныхъ нами списковъ видимъ, что съ 1833 года Пушкинъ уже не написалъ ни одного значительнаго художественнаго произведенія. Три послѣдніе года его жизни были посвящены исключительно историческимъ трудамъ; да и три предъидущіе года (1831—1833) были

Годы:
1820. Русланъ и Людмила.
1821. Кавказскій Плѣнникъ.
1823, 1824, 1825. Первыя шесть главъ Онѣгина. — Борисъ Годуновъ.
1825. (Борисъ Годуновъ.)
1826. Сцена изъ Фауста.
1827. Арапъ Петра Великаго.
1828. Полтава.
1829. Галубъ.
1830. Скупой Рыцарь. — Моцартъ и Сальери. — Каменный гость. — Пиръ во время чумы.
1832. Русалка. — Дубровскій.
1833. Мѣдный Всадникъ. — Капитанская дочка. — Пиковая дама. — Египетскія ночи.

уже очень скудны поэтическими произведеніями. Г. Анненковъ относитъ къ нимъ только простонародныя сказки — шалость великаго поэта, и «Русалку» и «Мѣднаго Всадника». Поэтическая дѣятельность видимо стала для Пушкина второстепенною, начиная съ 1830 года, которому принадлежатъ, по отмѣткамъ г. Анненкова, его драматическія сцены. Кромѣ того, если въ 1820—1825 годахъ мы замѣчаемъ быстрое и неослабное развитіе поэтическаго таланта, то постепенность этого развитія замедляется, если не исчезаетъ впослѣдствіи. Это легко видѣть, обративъ вниманіе на слѣдующія цифры:

1820. «Русланъ» и «Людмила». 1821. «Кавказскій Плѣнникъ». 1822. «Бахчисарайскій фонтанъ». 1824. «Цыганы». 1825. Шесть главъ «Онѣгина»; «Борисъ Годуновъ».

Невозможно спорить противъ того, что произведеніе каждаго послѣдующаго года въ этомъ ряду гораздо выше прежнихъ произведеній. Но такъ ли очевидно послѣдовательное возвышеніе художественнаго достоинства произведеній въ слѣдующемъ ряду:

1827. «Арапъ Петра Великаго». 1828. «Полтава». 1830. «Драматическія сцены». — «Каменный гость». — «Повѣсти Бѣлкина». 1832. «Русалка». — «Дубровскій». 1833. «Мѣдный Всадникъ». — «Пиковая дама». — «Капитанская дочка». — «Египетскія ночи».

Лучшія изъ этихъ произведеній стоятъ совершенно на одной высотѣ, и рядъ ихъ повсюду прерывается произведеніями, имѣющими только второстепенное достоинство. Такъ за «Женихомъ», прекраснымъ созданіемъ изъ народной жизни (1827) слѣдуютъ (до 1833) многія изъ простонародныхъ сказокъ, очень слабыхъ, какъ всѣми признано. Такъ за «Арапомъ Петра Великаго» (1827) слѣдуютъ «Повѣсти Бѣлкина» (1830). Смѣшно было бы думать, какъ думали въ 1831—1836 годахъ, что талантъ Пушкина начиналъ ослабѣвать, — потому что въ эти годы онъ создалъ «Каменнаго гостя», «Русалку» и «Мѣднаго всадника»; но очевидно, съ 1826—1830 онъ достигъ возможной высоты своего развитія (если не достигъ ея еще раньше, около 1825 года, которому принадлежатъ «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ») и что съ этого времени относительное достоинство поэтическихъ его произведеній не возрастаетъ неуклонно съ каждымъ годомъ, зависитъ не отъ болѣе поздняго года, какъ прежде, а просто отъ измѣняющихся обстоятельствъ свободнаго вдохновенія, то на время капризно покидающаго своего любимца, то возвращающагося къ нему съ прежнею силою. Невозможно также не видѣть, что Пушкинъ въ послѣдніе годы менѣе дорожитъ

своимъ поэтическимъ талантомъ, — это видимъ и изъ его писемъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, считаетъ важнымъ дѣломъ только исторію Пугачевскаго бунта, а «Капитанскую дочку» ничтожною бездѣлкою, написанною для развлеченія, для отдыха; еще убѣдительнѣе тоже самое видимъ изъ небрежности, съ которою онъ посвящаетъ свой талантъ прелестнымъ игрушкамъ, которымъ самъ не придаетъ цѣны, каковы «Домикъ въ Коломнѣ» (1830), «Простонародныя сказки», «Родословная моего героя» (1833) и проч. Наконецъ самое положительное доказательство того, что Пушкинъ въ послѣдніе годы пренебрегаетъ своимъ поэтическимъ талантомъ—измѣнившееся направленіе его занятій: онъ очень мало пишетъ поэтическихъ произведеній, и обольщается славою историка.

Всѣ эти факты не были прежде извѣстны въ такой точности, какъ знаемъ ихъ теперь мы, благодаря новому изданію и приложенной къ нему біографіи. Но проницательность критики, о которой мы говоримъ, не нуждалась въ этихъ мелочныхъ сличеніяхъ цифръ, чтобы найдти истинный отвѣтъ на вопросъ: чего могла бы ожидать русская поэзія отъ Пушкина, еслибы онъ прожилъ долѣе? Не было ли все, намъ отъ него теперь оставшееся, только первымъ періодомъ его поэтической дѣятельности, вторая эпоха которой дала бы намъ нѣчто новое и гораздо высшее? Не должно ли и о Пушкинѣ сказать, какъ мы говоримъ о Лермонтовѣ, что онъ похищенъ смертью, далеко не совершивъ того, что совершилъ бы? Нѣтъ, говоритъ критика, талантъ Пушкина высказался намъ весь, онъ сдѣлалъ для русской литературы все, что призванъ былъ своею натурою сдѣлать:

«Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтическій духъ; но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своей апогеи, и потому обѣщало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданій, но уже не обѣщало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, подъ его вліяніемъ образовавшіеся эстетически, (продолжаетъ критика) уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣлостію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія смѣнившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы... По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія, какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣ-

вилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ безусловно-великій и для настоящаго и для будущаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, которыя болѣе или менѣе удовлетворяются имъ, а другою, большею и значительнѣйшею стороною, вполнѣ удовлетворявшій своему настоящему, которое онъ вполнѣ и выразилъ, и которое для насъ — уже прошедшее.»

Противъ первой половины выписаннаго нами мѣста невозможно спорить, имѣя факты, доставленные изданіемъ г. Анненкова. Каждый понимающій ходъ развитія русской литературы, понимающій значеніе Лермонтова, Гоголя и безпристрастно смотрящій на позднѣйшихъ нашихъ писателей, согласится и съ послѣдующими мыслями критика, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но и теперь, хотя уже прошло много лѣтъ съ того времени, какъ были сказаны эти слова, очень многіе, даже изъ молодаго поколѣнія, не понимаютъ еще, почему же Пушкинъ принадлежитъ уже прошедшей эпохѣ, почему онъ не можетъ быть признанъ корифеемъ и современной русской литературы? Причиною этихъ недоумѣній — то странное обстоятельство, что не для всѣхъ ясно значеніе Пушкина въ русской литературѣ, хотя оно давно объяснено; потому продолжимъ наши выписки: онѣ для нѣкоторыхъ напомнятъ то, что, повидимому, должно было бы нынѣ быть извѣстно каждому:

«Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство.... Стихъ Пушкина, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ въ исторіи русской поэзіи, явившій собою что-то небывалое, непохожее ни на что прежнее, — этотъ стихъ былъ представителемъ новой, небывалой поэзіи. Если бы мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтическій, художественный, артистическій стихъ, — и этимъ разгадали бы тайну всей поэзіи Пушкина. Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія, не ей исключительно вы удивляетесь: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ... Въ Шекспирѣ, васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій сердцевѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель.... Въ поэзіи Байрона, прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей. Въ

поэзіи Гёте, передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель.... Въ Пушкинѣ, напротивъ того, прежде всего увидите художника, призваннаго для искусства, исполненнаго любви ко всему прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему; отсюда всѣ достоинства и всѣ недостатки его поэзіи... Его назначеніе было усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія. До Пушкина у насъ не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы «Русланъ и Людмила», «Братья Разбойники», «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ» отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, учениками на школьныхъ лавкахъ, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, его появленіе не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, неслыханный энтузіазмъ, — потому что послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И потому же самому, теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ бы получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ.»

Итакъ существенное значеніе дѣятельности Пушкина состоитъ, по опредѣленію критики, въ томъ, что онъ первый познакомилъ русскую публику съ поэзіею, первый далъ намъ произведенія истинно поэтическія и художественныя. Обыкновенно до сихъ поръ продолжаютъ, по смутнымъ воспоминаніямъ о мнѣніяхъ «Телеграфа» и «Телескопа», толковать, что заслуга Пушкина преимущественно состоитъ въ народномъ элементѣ, который ввелъ онъ въ нашу литературу. Само собою разумѣется, что каждый русскій есть русскій, и что поэтому Пушкинъ, будучи поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи русскимъ, былъ русскимъ поэтомъ, и его поэзія есть русская поэзія, а не нѣмецкая или китайская. По видимому, теперь давно пора бы забыть о столь важныхъ и удивительныхъ открытіяхъ. Но если глубокая мысль очень долго не бываетъ понимаема большинствомъ, то съ другой стороны

фразы, лишенныя существеннаго смысла, фразы, представляющія наборъ словъ, и болѣе ничего, имѣютъ свойство очень упорно держаться въ памяти. Такъ случилось и съ знаменитымъ опредѣленіемъ существенной стороны дѣятельности Пушкина. Надобно было бы, вмѣстѣ съ нашимъ критикомъ, сказать просто, что до Пушкина Россія не имѣла великихъ поэтовъ; что Пушкинъ первый далъ намъ прекрасные стихи, писанные на родномъ языкѣ, а не переведенные съ другаго языка; что этимъ увлекъ онъ всю публику, до него столь же мало знакомую съ поэзіею, какъ до построенія московской желѣзной дороги съ желѣзными дорогами; — но это съ одной стороны слишкомъ просто, съ другой стороны слишкомъ неудобно для составленія пышныхъ фразъ. Старая фраза о томъ, что Пушкинъ ввелъ народность въ нашу литературу, представляла передъ этою скромною и вѣрною мыслью большія выгоды — она лишена внутренняго содержанія, потому очень удобна для реторическихъ распространеній; да кромѣ того, къ ней уже успѣли привыкнуть — обстоятельство очень важное для людей, неимѣющихъ охоты думать. Потому-то мы до сихъ поръ и слышимъ разсужденія о Пушкинѣ, не какъ о первомъ нашемъ поэтѣ, а какъ о «народномъ нашемъ поэтѣ». На эти фразы мы находимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ слѣдующій отвѣтъ:

«Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. Намъ кажется это только на половину вѣрнымъ. Народный поэтъ тотъ, котораго весь народъ знаетъ; національный поэтъ — тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько нибудь образованные классы народа, какъ, напримѣръ, нѣмцы знаютъ Гёте и Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ-себѣ доселѣ: «Не бѣлы-то снѣжки»...., не подозрѣвая даже того, что поетъ стихи, а не прозу.... Слѣдовательно, съ этой стороны, смѣшно было бъ и говорить объ эпитетѣ «народный» въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово «національный» еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ народный. Подъ «народомъ» всегда разумѣютъ массу народонаселенія. Подъ «націею» разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ въ своихъ твореніяхъ и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ стихія народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, развившееся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Національный поэтъ — великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ себѣ географически и физіологически народной жизни, ибо былъ не

только русскій, но притомъ русскій надѣленный отъ природы геніальными силами; однакожь въ томъ, что называютъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно-великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника.... Прочтите его чудную драматическую поэму «Каменный гость» — она, и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ, такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его «Египетскія ночи» — вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра.... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни, мы могли бы привести много, но довольно и этихъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истиною рисовалъ природу и нравы даже никогда не виданныхъ имъ странъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскихъ не отличались вѣрностію природѣ?»

Дѣлая вслѣдъ за этимъ выписку изъ статьи Гоголя: «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», критика находитъ очень справедливымъ мнѣнія Гоголя, особенно его опредѣленіе національнаго поэта: «Поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами» — но, прибавляетъ критика:

«Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да *какъ* же чувствуютъ и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?... Вотъ вопросы....

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ толковать о предметахъ, еще неимѣющихъ фактическаго значенія, еще принадлежащихъ области фантазій. Фактъ бываетъ неопровержимъ, недопускаетъ разногласій; потому о немъ нельзя наговорить такъ много и такихъ блестящихъ фразъ, какъ о фантомахъ, созданныхъ досужимъ воображеніемъ.

Но возвратимся къ опредѣленію существеннаго характера поэзіи Пушкина. Согласно съ «Телеграфомъ», до сихъ поръ многіе увѣрены, что натура великаго поэта совершенно измѣнилась въ 1825—1830 годахъ, что безстрастный художникъ 1835 года былъ

рѣшительною противуположностью Пушкину 1823 года, который являлся русскимъ Байрономъ, если не русскимъ Андреемъ Шенье. И относительно этого мнѣнія находимъ слѣдующія, чрезвычайно вѣрныя, замѣчанія:

«Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Это сравненіе болѣе, чѣмъ ложно; ибо трудно найдти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго увлеченія живою могучею мыслью, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ въ самой исторіи, такъ же какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ произведеній... Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, потому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ, нежели рефлектирующимъ... Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящною елейностію, кротостію, глубиною и возвышенностію своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и бо́льшую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы настоящаго.»

«Первыми своими произведеніями, онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человѣка отрицанія. Но ничего этого небывало: невозможно предположить болѣе анти-байронической натуры, какъ натура Пушкина.»

Относительно мнимаго глубокаго разрыва съ дѣйствительностью, который будто бы составлялъ главную характеристику музы Пушкина въ первый періодъ ея развитія, приведемъ еще замѣчаніе о стихотвореніи «Демонъ» и «Сценѣ изъ Фауста», которыя яснѣе другихъ извѣстныхъ произведеній Пушкина выразили сущность разочарованія, производившаго столь сильный эффектъ на тогдашнихъ читателей и критиковъ.

«Сцена изъ Фауста», варьяція, разыгранная на тему драматической поэмы Гёте, многимъ такъ понравилась, что они, не зная гётева «Фауста», порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами; но между ею и гётевымъ «Фаустомъ» нѣтъ ничего общаго. Она — не что иное,

какъ распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно-мелкій, изъ самыхъ нечиновныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей,

Въ тѣ дни, когда имъ были *новы*
Всѣ впечатлѣнья бытія;

поэтому, ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него.

«Знакомое съ демономъ другаго поэта, наше время съ улыбкою смотритъ на пушкинскаго чертёнка. Его мефистофель — просто напросто острякъ прошедшаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина — не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé.»

Правда, нельзя не признать, что первыя произведенія Пушкина очень замѣтно отличаются отъ послѣдующихъ по своему духу; нельзя не видѣть, что юноша написавшій «Цыганъ», не написалъ бы такихъ объективно безстрастныхъ произведеній, какъ «Мѣдный Всадникъ» и «Каменный Гость»; знаменитыя стихотворенія «Чернь» и «Поэтъ, не дорожи любовію народной» (1828 — 1830) не могли явиться въ 1820 или 1821 годахъ. Г. Анненковъ собралъ много матеріаловъ для объясненія обстоятельствъ, имѣвшихъ свою долю вліянія на эту перемѣну въ великомъ поэтѣ. Онъ указываетъ на дружбу съ Катенинымъ, на вліяніе «Московскаго Вѣстника» и проч. Безъ сомнѣнія, впечатлительная натура Пушкина не могла не уступать до нѣкоторой степени мнѣніямъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Но Катенина зналъ Пушкинъ съ 18 или 19 лѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ подчиниться ему — если могъ подчиниться — еще тогда же, а статьи «Московскаго Вѣстника» были очень слабы, и Пушкинъ былъ гораздо выше ихъ авторовъ по духу, слѣдовательно не могъ имъ подчиняться. Можно было бы къ этимъ вліяніямъ пріискать еще другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ подобномъ же духѣ, особенно прекращеніе тѣхъ пріятельскихъ отношеній, памятникомъ которыхъ осталось стихотвореніе «Аріонъ» — но очевидно, что всѣ эти факты имѣли только второстепенную важность въ исторіи развитія нашего поэта. Главною причиною перемѣны должно считать именно ту, которая указана критикою — натуру самаго Пушкина. Въ первой молодости онъ могъ волноваться, — съ кѣмъ изъ молодыхъ людей этого не случается?

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ;

— но потомъ, когда онъ достигъ зрѣлости, когда его образъ мыслей установился сообразно съ его собственною натурою, порывы, навѣянные молодостью, и такъ называемымъ «духомъ вѣка» исчезли сами собою, какъ исчезаютъ въ зрѣломъ человѣкѣ всѣ молодыя стремленія, если были только увлеченіями молодости, а не глубокими потребностями самой натуры. Ни благодарить, ни упрекать за эту перемѣну рѣшительно не кого, кромѣ самого Пушкина и его природы. Впрочемъ, и перемѣна была вовсе не такъ велика, какъ многіе еще думаютъ, раздѣляя заблужденіе «Телеграфа». Мы теперь очень хорошо видимъ, что всѣ монологи Алеко — фразы, прекрасныя, но лишенныя внутренней правды, и что Алеко вовсе не Бельтовъ, даже не Печоринъ, а развѣ Владиміръ, судьбу котораго нѣкогда разсказалъ намъ г. Майковъ въ своей поэмѣ «Двѣ судьбы». Пушкинъ не измѣнился, онъ только развился; съ его картинъ, по его собственному выраженію, только слетѣли чуждыя краски, и слетѣли, по его же собственному очень справедливому выраженію, отъ самой невинной причины — отъ лѣтъ; сначала, какъ всякій молодой человѣкъ, Пушкинъ увлекался чужими стремленіями —

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей....
. . . .
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей.

Но молодежь двадцатыхъ годовъ обманулась «чуждыми красками», которыя «беззаконнымъ рисункомъ чернили» юношескія поэмы и особенно лирическія стихотворенія Пушкина; молодежь приняла эти «чуждыя краски» за колоритъ, свойственный генію самаго живописца; быть можетъ, нельзя слишкомъ строго упрекать молодежь за эту ошибку, потому что развѣ легко отгадать, какъ со временемъ разовьется юноша, еще находящійся подъ чужимъ вліяніемъ? Да и публика позднѣйшей эпохи, болѣе опытная и требовательная, развѣ мало дѣлала подобныхъ ошибокъ? Но, смѣйтесь или жалѣйте объ этой ошибкѣ, остается тотъ фактъ, что отъ этой ошибки очень много зависѣлъ восторгъ, съ какимъ были встрѣчены первыя произведенія Пушкина. Просимъ читателей припомнить выписанное нами въ предъидущей статьѣ замѣчаніе «Телеграфа» о томъ, какія стихотворенія создали славу Пушкина. Когда потомъ разочаровались въ этихъ надеждахъ, публика охладѣла къ поэту, невиннымъ образомъ обманувшему ее, и поэтъ отплатилъ публикѣ за холодность презрѣніемъ. Онъ рѣзко и горько высказалъ ей, въ зна-

менитыхъ стихотвореніяхъ «Чернь», и «Поэтъ, не дорожи любовію народной», что не хочетъ обращать на нее вниманія, что не хочетъ имѣть съ нею дѣла. Но въ этихъ отвѣтахъ его, обстоятельствамъ и гнѣву принадлежитъ только тонъ рѣчи, а не сущность мыслей, которая лежала въ душѣ Пушкина и тогда, когда онъ былъ превозносимъ единодушнымъ энтузіазмомъ всей читающей Руси. Еще въ 1824 году онъ говорилъ:

Блаженъ, *кто про себя таилъ*
Души высокія созданія....
. . . .
Блаженъ, кто *молча былъ поэтъ*
И терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Что слава? Шопотъ ли чтеца,
Гоненье ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Разницы между «презрѣнною чернью» 1824 года и «тупою чернью», «безсмысленнымъ народомъ» 1828 года, очень мало. Теорія, говорящая, что поэтъ творитъ для себя, а не для своихъ читателей, которые не могутъ его понимать, на сужденія и потребности которыхъ не долженъ обращать онъ вниманія, — всегда была теоріею Пушкина, и не только «Каменный Гость» и «Мѣдный Всадникъ», но точно также и главы «Онѣгина» по нѣскольку лѣтъ скрывались въ его портфелѣ отъ «презрѣнной черни». Повторяемъ, разница между 1823 и 1833 годами была не велика, и «Чернь» выразила всегдашній образъ мыслей великаго поэта. Въ наше время (чего не видимъ въ наше время?) есть люди, думающіе, что «чернь» была въ самомъ дѣлѣ кругомъ виновата и что Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ образѣ мыслей о призваніи поэта — невозможно отвѣчать на это лучше, нежели слѣдующею выпискою:

«Въ стихотвореніи «Чернь» заключается художническое profession de foi Пушкина. Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ, а тѣмъ, чтобы забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ «вдохновеніями и сладкими звуками»; но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если бъ толпа не соприсутствовала жертвоприношеніямъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной

жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны и карать сатирою порочныхъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія давала ему отвѣты на вопросы времени. Кто поэтъ про себя и для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и разрѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе «Поэтъ», въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ, но мысль эта теперь совершенно ложна. Наше время преклоняетъ колѣна только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія — лучшее оправданіе его жизни. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе тѣмъ не менѣе былъ причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили его первыя произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, пьесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ произведеній (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели находила ихъ (и это, конечно, не была ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывался его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастію, въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство, но мало пріобрѣтало общество.»

Одно изъ важнѣйшихъ основаній признавать «презрѣнную толпу», то есть большинство «безсмысленнымъ народомъ», «тупою черныю» состоитъ въ томъ, что «современники, встрѣтивъ съ восторгомъ первыя незрѣлыя, слабыя въ художественномъ отношеніи произведенія Пушкина, холодно и даже непріязненно отвернулись отъ его позднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ произведеній, и тѣмъ ясно доказали свою неспособность быть судьями въ дѣлѣ искусства, свою тупость и безсмысленность.» Въ предъидущей статьѣ мы старались показать этотъ фактъ въ его истинныхъ границахъ; теперь приведемъ сужденія позднѣйшей критики, которую никто не отважится обвинить ни въ ту-

неумія, ни въ недостаткѣ чрезвычайно тонкаго и вѣрнаго эстетическаго вкуса, — приведемъ сужденія этой позднѣйшей критики о самыхъ характеристическихъ и важныхъ произведеніяхъ двухъ различныхъ эпохъ поэтической дѣятельности Пушкина, и эти сужденія съ достаточною ясностью рѣшатъ вопросъ о томъ, до какой степени былъ основателенъ или не основателенъ первоначальный восторгъ и послѣдующее охлажденіе публики. Какъ самыя характеристическія произведенія, мы избираемъ, для перваго періода отношеній публики къ Пушкину, «Руслана и «Людмилу» — первое и «Онѣгина» — важнѣйшее по достоинству изъ произведеній, возбудившихъ всеобщій энтузіазмъ; для втораго — «Бориса Годунова» — первое и важнѣйшее изъ произведеній, встрѣченныхъ холодно. Изъ этихъ сужденій, — справедливость которыхъ никто не захочетъ оспоривать въ настоящее время, если не изъ убѣжденія, то изъ уваженія къ авторитету, противъ котораго возставать не легко — мы выведемъ и общее сужденіе о Пушкинѣ, которое будетъ только повтореніемъ того, что говорилось въ статьяхъ, нами цитуемыхъ, — но которое, — чего добраго — могло бы пожалуй многимъ показаться и ново, и даже парадоксально (вѣдь все, чего мы не знаемъ или что мы забыли, — парадоксъ) безъ этихъ выписокъ, которыя должны совершенно успокоить людей, боящихся мнимыхъ парадоксовъ, на счетъ притязаній нашихъ на оригинальность во мнѣніяхъ: если истина уже сказана другими, не нужно хлопотать о придумываніи оригинальностей; должно только повторять ее, чтобы знали или припомнили ее тѣ, кому не мѣшаетъ ее знать и помнить. Итакъ предлагаемъ наши выписки, — во первыхъ, о «Русланѣ и Людмилѣ.»

«Судъ современниковъ бываетъ пристрастенъ; однакожь въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность. Ни одно произведеніе Пушкина не произвело столько шума и криковъ, какъ «Русланъ и Людмила.» Для насъ теперь «Русланъ и Людмила» не больше, какъ сказка, лишенная колорита мѣстности, времени и народности; и въ наше время не у всякаго даже юноши станетъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Но въ то время, когда явилась эта поэма, она дѣйствительно должна была показаться необыкновенно великимъ созданіемъ.... все (въ ней) было такъ ново, такъ оригинально, такъ обольстительно — и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и складъ рѣчи, и смѣлость кисти, и яркость красокъ, и игривое остроуміе. По всему этому, «Русланъ и Людмила» — такая картина, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Юноши двадцатыхъ годовъ были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили «Руслана и Людмилу.»

Статьи объ «Онѣгинѣ» принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ въ ряду статей о Пушкинѣ. Жаль, что мѣсто не позволяетъ намъ привести здѣсь большаго отрывка изъ нихъ, — среди безцвѣтныхъ толковъ о мелочахъ отрадно и здорово перенестись и перенесть читателя къ чему нибудь лучшему — но мы должны ограничиться нѣсколькими строками, заключающими въ себѣ сущность взгляда на «Онѣгина».

«Онѣгинъ» есть самое задушевное произведеніе Пушкина, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ бы личность поэта отразилась съ такою полнотою, такъ свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы.... Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ «Онѣгина», — эта поэма имѣетъ для насъ, Русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе.... Прежде всего въ «Онѣгинѣ» мы видимъ поэтически-воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія.... Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина всѣ произведенія русской поэзіи какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія ... Первымъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ «Евгеній Онѣгинъ».... Вмѣстѣ съ современнымъ ему произведеніемъ, «Горе отъ Ума», романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. До этихъ двухъ произведеній, русскіе поэты неумѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни.... Оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ «Онѣгина» былъ бы невозможенъ «Герой нашего времени», такъ же какъ безъ «Онѣгина» и «Горе отъ Ума» Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности; исполненное такой глубины и истины».

«Онѣгина» можно назвать энциклопедіею русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но за то какимъ великимъ шагомъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ».

На основаніи этихъ выписокъ сужденіе о правахъ «Бориса Годунова» и другихъ чисто-художественныхъ произведеній Пуш-

кина на значеніе для публики и для исторіи литературы уже готово. Какъ бы ни были прекрасны въ художественномъ отношеніи «Каменный Гость», «Галубъ», «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь» и проч., но можно ли сказать о нихъ, что «все въ нихъ ново, оригинально, и стихъ, которому подобнаго «ничего не бывало, и смѣлость кисти, и яркость красокъ?» Что «въ нихъ отразилась вся душа, вся любовь поэта, его чувства, «идеалы?» Что «они имѣютъ огромное общественное значеніе, служа представителями впервые пробудившагося общественнаго «самосознанія?» Что «они имѣли счастіе, подобно «Онѣгину», «быть первыми національно-художественными произведеніями»? «Что они имѣли огромное значеніе для общества»? Но каковы и чисто-художественныя достоинства «Бориса Годунова»?

«Борисъ Годуновъ» былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго.... Какъ тогда, такъ и теперь, у «Бориса Годунова» были жаркіе поклонники; но какъ тогда, такъ и теперь, число этихъ поклонниковъ было очень малочисленно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виноваты? Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты; потому что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса была для него истинно-Ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей ширинѣ и глубинѣ, свой геній, и, несмотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобы не погрѣшить противъ «Исторіи Государства Россійскаго». Потому его поэтическій инстинктъ видѣнъ не въ цѣлости, а только въ частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого, пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ; то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другаго ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти. Отъ этого, за отсутствіемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, «Борисъ Годуновъ» Пушкина является чѣмъ-то неопредѣленнымъ, и не производитъ почти никакого рѣзкаго сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въ правѣ ожидать отъ него читатель, безпрестанно поражаемый его художественными красотами, безпре-

станно восхищающійся его удивительными частностями. И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими недостатками, то, съ другой стороны, она же блистаетъ и необыкновенными достоинствами. Первыя выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя — изъ превосходнаго выполненія со стороны формы.

Обвинять ли публику, спросимъ мы, если она не была увлечена пьесою, въ которой «нѣтъ живой поэтической идеи», нѣтъ «цѣлости и полноты», которая не «производитъ никакого сосредоточеннаго впечатлѣнія», «является чѣмъ-то неопредѣленнымъ» и въ которой «превосходны» только «частности»?

«Каменный Гость», «Галубъ» и другія посмертныя произведенія Пушкина не могутъ подлежать упреку въ эстетическихъ недостаткахъ, которыми страждетъ «Годуновъ»; но всѣ онѣ, за исключеніемъ «Мѣднаго Всадника», имѣютъ мало живой связи съ обществомъ, потому и остались безплодны для общества и литературы.

Читатели вѣроятно уже успѣли утомиться нашими ретроспективными разсужденіями и выписками. Но — мы живемъ въ ретроспективное время. Если не говорить о Пушкинѣ, то о чемъ же говорить нынѣ въ русской литературѣ? Правда, можно очень справедливо возразить на это: да за чѣмъ же говорить о русской литературѣ? Но такое возраженіе было бы очень прискорбно, потому что оно ведетъ къ вопросу: о чемъ же говорить? Оставимъ однако діалогическую форму, и продолжимъ умозаключеніе: говоря о Пушкинѣ, лучшее, что возможно сдѣлать — возвратить вниманіе читателей къ тому, что было уже сказано о немъ, потому что лучше и вѣрнѣе ничего нельзя не только сказать, но и придумать въ настоящее время. Но всему есть мѣра, даже выпискамъ и повтореніямъ, а наша статья близка къ концу; намъ остается только привести общее заключеніе о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы — оно опять будетъ опираться на выпискѣ — иначе невозможно въ настоящее время, когда все должно быть защищено авторитетами; и какъ благодарны должны быть мы тому счастливому обстоятельству, что многое, нужное для настоящаго времени, уже давно сказано — иначе мы или не могли бы, или неумѣли бы сказать ничего.

Вотъ общее сужденіе о Пушкинѣ:

«Первыя поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическихъ тріумфовъ. Однако же, какъ скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости и субъективное стремленіе начало исчезать въ чисто-художественномъ направленіи, —

къ нему начали охладѣвать. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекрасныя созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Съ другой стороны, люди, страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина видѣли только одно невѣжество толпы; смотря на искусство съ точки зрѣнія односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатіи и антипатіи большинства бываютъ часто безсознательны, то рѣдко бываютъ безсмысленны и безосновательны, а напротивъ, часто заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ. Странно же, въ самомъ дѣлѣ, было думать, чтобъ то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, въ первый еще разъ жизни своей откликнулось на голосъ пѣвца и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ поэтомъ, — странно было думать, чтобъ тоже самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту за то только, что онъ созрѣлъ и возмужалъ въ своемъ геніи, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности.... Между тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь, порождая изъ себя новыя явленія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывавшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ ли по силѣ таланта или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ — не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить своею поэзіею несравненно высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, чѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина.... Другой поэтъ, вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, подарилъ публику такимъ твореніемъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія *(дѣло идетъ о Гоголѣ и «Мертвыхъ Душахъ»)*. Все это было безмолвною, фактическою философіею самой жизни и самаго времени, для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ.»

Новаго сказать еще нечего послѣ этого. Потому и мы, перескажемъ «собственными словами» (какъ говорится на ученическомъ языкѣ) то, что такъ превосходно и вѣрно было сказано о Пушкинѣ критикою предъидущаго поколѣнія:

До Пушкина не было въ Россіи истинныхъ поэтовъ; русская публика знала поэзію только по слухамъ, изъ переводовъ, или по слабымъ опытамъ, въ которыхъ искры поэзіи гасли въ пучинахъ реторики или льдахъ внѣшней холодной отдѣлки. Пушкинъ далъ намъ первыя художественныя произведенія на родномъ языкѣ, познакомилъ насъ съ невѣдомою до него поэзіею. На этомъ былъ главнымъ образомъ основанъ громадный успѣхъ его первыхъ произведеній. Другая причина энтузіазма, ими возбужденнаго, заключалась въ томъ, что, по увлеченію молодости,

Пушкинъ согрѣвалъ ихъ теплотою собственной жизни, нечуждой стремленіямъ вѣка, до извѣстной степени заманчивымъ и для нашего тогдашняго общества. Послѣдующія его произведенія, не представляя уже интереса первыхъ даровъ поэзіи русскому обществу, успѣвшему вкусить ея изъ первыхъ произведеній Пушкина, не могли возбуждать энтузіазма, который пробуждается только новымъ. Холодность публики усиливалась холодностью самыхъ произведеній, которыя имѣли передъ прежними то преимущество, что были совершеннѣе въ художественномъ отношеніи, но въ которыхъ общество не находило уже ничего имѣющаго связь съ его жизнью. Торжество художественной формы надъ живымъ содержаніемъ было слѣдствіемъ самой натуры великаго поэта, который былъ по преимуществу художникомъ. Великое дѣло свое — ввести въ русскую литературу поэзію, какъ прекрасную художественную форму, Пушкинъ совершилъ вполнѣ, и узнавъ поэзію, какъ форму, русское общество могло уже идти далѣе и искать въ этой формѣ содержанія. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтовъ и, особенно, Гоголь. Но художническій геній Пушкина такъ великъ и прекрасенъ, что, хотя эпоха безусловнаго удовлетворенія чистою формою для насъ миновалось, мы доселѣ не можемъ не увлекаться дивною художественною красотою его созданій. Онъ истинный отецъ нашей поэзіи, онъ воспитатель эстетическаго чувства и любви къ благороднымъ эстетическимъ наслажденіямъ въ русской публикѣ, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась, благодаря ему — вотъ его права на вѣчную славу въ русской литературѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Іюль, 1855 года.

Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. *Сочиненіе* баккалавра Московской Духовной Академіи Сергѣя Смирнова. *Москва 1855.*

Сочиненіе г. Смирнова печаталось по частямъ въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ Св. Отецъ въ русскомъ переводѣ»; теперь оно вышло отдѣльной книгой, въ полномъ своемъ составѣ. Оно представляетъ исторію Славяно-Греко-Латинской Академіи отъ ея основанія въ 1685 году и до 1814 года, послѣ котораго начинается новый періодъ ея существованія, продолжающійся и теперь.

Самой исторіи авторъ предпосылаетъ введеніе, гдѣ показываетъ, какимъ образомъ появилась и развилась мысль объ основаніи въ Москвѣ высшаго православнаго училища. Исправленіе церковныхъ книгъ вполнѣ обнаружило необходимость образованія: Олеарій упоминаетъ уже о школѣ, основанной патріархомъ Филаретомъ, въ которой учили по гречески и по латыни; Ртищевское общество, составленное изъ ученыхъ Кіевской академіи «для обученія русскихъ свободнымъ наукамъ», служитъ выраженіемъ той же мысли; заботился объ училищахъ и патріархъ Никонъ. Новыя смуты по поводу поправки церковныхъ книгъ яснѣе и яснѣе выказывали нужду въ образованныхъ людяхъ, которые бы могли служить дѣлу церкви и государства; но прежняя рутина сохраняла свою силу, тѣмъ болѣе, что трудно было

основать училища и потому, что онѣ остались бы нѣкоторое время и безъ наставниковъ и безъ учениковъ: надобно было приготовить и тѣхъ и другихъ. Многіе впрочемъ хорошо понимали положеніе дѣла, и митрополитъ газскій, Паисій Лигаридъ, пріѣхавшій въ Москву по дѣлу Никона, единственнымъ средствомъ успокоить народныя волненія считалъ заведеніе училищъ. «Искалъ я, говорилъ онъ, корня сего духовнаго недуга, поразившаго нынѣ христіанское царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, — и наконецъ придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и въ третьихъ училища.» Съ этимъ согласны были и другіе іерархи и убѣждали царя обратить вниманіе на этотъ важный предметъ, ссылаясь на совѣтъ патріарховъ, основавшихъ патріаршество въ Россіи, — «сотворить на Москвѣ соборъ училищный»; въ тоже время нѣкоторые изъ московскихъ горожанъ просили у царя позволенія завести училище въ приходѣ Іоанна Богослова, царь согласился, и патріархи, въ грамотѣ, данной по этому случаю, радовались успѣху просвѣщенія и грозили проклятіемъ врагамъ науки. Въ 1679 году воротился въ Москву іеромонахъ Тимоѳей, который прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, видѣлъ тамъ жалкое положеніе православныхъ грековъ и оскудѣніе свободныхъ греческихъ наукъ и передалъ свои соболѣзнованія царю Ѳедору Алексѣевичу. Царь, тронутый его разсказомъ, поручилъ патріарху Іоакиму основать въ Москвѣ греческое училище: оно было открыто при типографіи; Тимоѳей былъ сдѣланъ ректоромъ, учители выбраны изъ грековъ. Царь желалъ однако придать училищу бóльшіе размѣры и преобразовать его въ академію; составлена была грамота, въ которой предоставлялись будущей академіи значительныя права и преимущества, а между тѣмъ посланы къ восточнымъ патріархамъ запросы объ испытанныхъ въ православіи и въ дѣлѣ ученія наставникахъ. Мысль Ѳедора Алексѣевича была приведена въ исполненіе только въ правленіе царевны Софіи: стрѣлецкіе бунты и волненія староверовъ не давали возможности прежде приступить къ дѣлу. Въ 1685 году два ученые монаха — Каріонъ Истоминъ и Сильверстъ Медвѣдевъ — представили царевнѣ просьбы въ стихахъ объ открытіи училища; Медвѣдевъ приложилъ къ своей просьбѣ и грамоту, составленную для царя Ѳедора, но она не была теперь утверждена,

вѣроятно, по вліянію патріарха Іоакима, который на Медвѣдева смотрѣлъ не совсѣмъ благопріятно. Наконецъ, съ прибытіемъ греческихъ ученыхъ, приглашенныхъ чрезъ восточныхъ патріарховъ, начинается существованіе Славяно-Греко-Латинской академіи, игравшей такую важную роль въ исторіи нашего образованія.

Исторію ея г. Смирновъ подраздѣляетъ на три главные періода. Первый періодъ заключаетъ въ себѣ 1685—1700 годы т. е. дѣятельность Лихудовъ и ихъ учениковъ до Палладія Роговскаго. Тотчасъ по прибытіи въ Россію, Лихуды начали свои заботы объ училищѣ; на первый разъ къ нимъ поступили пять учениковъ типографской школы и два монаха; изъ этихъ первыхъ воспитанниковъ стали особенно извѣстны впослѣдствіи Ѳедоръ Поликарповъ, составитель треязычнаго словаря и другихъ сочиненій и переводовъ, и Палладій Роговскій, который сталъ потомъ во главѣ академіи. Между тѣмъ для помѣщенія академіи построено было обширное зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; патріархъ съ соборомъ духовенства присутствовалъ при его открытіи, и Лихуды перешли туда изъ Богоявленскаго монастыря; къ нимъ переведены были всѣ ученики типографской школы, и кромѣ того, по царскому указу велѣно было боярамъ отдавать своихъ дѣтей въ новое училище. По словамъ Лихудовъ, ученики ихъ «иніи есть священницы, іеродіаконы и монахи, иніи князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града.» Труды Лихудовъ увѣнчались успѣхомъ; ученики ихъ въ три года основательно изучили преподанныя имъ науки, могли говорить на латинскомъ и греческомъ языкахъ, и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ. Ученые братья не оставляли безъ вниманія и богословскихъ споровъ по поводу распространившихся въ то время несправедливыхъ мнѣній о евхаристіи: ихъ полемическія сочиненія «Акосъ» и «Мечецъ духовный» пользовались большою извѣстностью и часто переписывались благочестивыми читателями. Лихуды впрочемъ не успѣли кончить своего дѣла; вслѣдствіе разныхъ происковъ и интригъ они должны были удалиться изъ Москвы и уже потомъ вызваны были въ Новгородъ митрополитомъ Іовомъ, для учрежденія славяно-греко-латинской школы. Впослѣдствіи они снова возвращены были въ Москву, но только Софроній посвятилъ еще нѣсколько лѣтъ своей жизни Московской академіи, потому что Іоанникій умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву.

При Лихудахъ и первыхъ преемникахъ ихъ, академія называлась Греческими и Еллинославенскими школами, и характеръ образованія былъ греческій; восточные патріархи были недо-

вольны введеніемъ латинскаго языка, и онъ былъ совершенно исключенъ изъ круга преподаванія. Преемники Лихудовъ въ 1700 г. учили на одномъ греческомъ языкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ латинскій языкъ получилъ важное значеніе въ академіи и даже сдѣлался въ ней господствующимъ.

Второй періодъ исторіи академіи простирается до тѣхъ поръ, когда управленіе академіею вполнѣ предоставлено было протектору ея, митрополиту Платону (1775). Характеръ этого учрежденія въ XVIII столѣтіи значительно измѣняется: греческое вліяніе совершенно упадаетъ и уступаетъ мѣсто латинскому; наставники выбираются изъ ученыхъ Кіевской академіи, которые принесли съ собой новое направленіе. Протекторъ академіи, Стефанъ Яворскій, образовавшійся въ Кіевской академіи, внушилъ царю, что Кіевская академія, уже обнаружившая свое благодѣтельное вліяніе, можетъ служить образцомъ и для Московской, и Петръ Великій въ указѣ 7 іюля 1701 года велѣлъ «завесть въ академіи ученія латинскія». Съ тѣхъ поръ науки читались на латинскомъ языкѣ, и самая академія, въ которую перешли Кіевскіе порядки и обыкновенія, стала называться Латинскими, Славено-латинскими школами.

Вмѣстѣ съ наставниками явилась изъ Кіева и самая метода преподаванія. Ректоръ былъ въ тоже время профессоромъ богословія, а префектъ—философіи; каждый преподаватель составлялъ обыкновенно свои собственныя записки, не пользуясь лекціями предшественника, но несмотря на то, характеръ учебныхъ руководствъ оставался одинъ и тотъ же, потому что всѣ держались одной общей системы и измѣненія преподавателей ограничивались только частностями. Образцомъ богословскихъ и философскихъ уроковъ Московской академіи были системы кіевскихъ ученыхъ: главною чертою ихъ было строгое схоластическое направленіе, основнымъ авторитетомъ котораго въ богословіи былъ Ѳома Аквинатъ и другіе схоластическіе теологи. Отъ нихъ заимствована была ея форма, а иногда и содержаніе богословскихъ чтеній, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда западные богословы неправильно объясняли православные догматы. Впрочемъ нѣкоторые профессоры, какъ Кириллъ Флоринскій, руководствовались и другими сочиненіями, напр. «Камнемъ вѣры» Стефана Яворскаго, и были скорѣе эклектиками, чѣмъ строгими послѣдователями схоластической системы. Эта послѣдняя стала упадать болѣе и болѣе отъ новаго направленія въ изученіи богословія, направленія, принадлежавшаго Ѳеофану Прокоповичу. Въ системахъ, писанныхъ послѣ Кирилла Флоринскаго встрѣчаются

уже или буквальныя выписки изъ Прокоповича или нѣсколько измѣненное изложеніе его мнѣній. Наконецъ, съ появленіемъ въ 1765 году «Богословія» митрополита Платона на русскомъ языкѣ, схоластическія системы совершенно упали, потому что русское изложеніе обнаружило ложность и тяжелость ихъ постройки, скрытыя прежде искуственною латынью. Въ преподаваніи философіи схоластика держалась дальше и упорнѣе: Аристотель былъ главнымъ ея авторитетомъ; имена новѣйшихъ ученыхъ, напр. Декарта, хотя и проникали въ науку, но не получали въ ней важнаго значенія; только въ концѣ втораго періода преподаваніе философія начало подчиняться Вольфовой философіи, которая скоро принята была въ школы въ системѣ Баумейстера. Въ реторикѣ господствовало извѣстное направленіе XVIII вѣка.

Число учениковъ академіи простиралось въ это время отъ 200 до 600 человѣкъ; большая часть была изъ духовнаго званія, но академія не была закрыта и для свѣтскихъ сословій, потому что свѣтскихъ училищъ было еще немного. Ректоры жаловались иногда на ограниченность числа учениковъ; многіе воспитанники выходили изъ академіи, не окончивъ курса, или для поступленія въ разныя мѣста епархіальнаго вѣдомства и въ училищную службу, или отправляясь по вызову въ ученики Московскаго госпиталя и Академіи Наукъ, или по другимъ причинамъ; до богословскаго курса доходили немногіе. Кромѣ классныхъ занятій, воспитанники академіи устроивали публичные диспуты, на которыхъ разбирались какіе нибудь богословскіе или философскіе тезисы, — давали духовныя представленія или комедія, пѣли въ торжественныхъ случаяхъ канты и проч. Ректоръ и префектъ завѣдывали внутреннимъ управленіемъ академіи, которая подчинена была главному надзору св. Синода, и нерѣдко исполняли особенныя порученія начальства, преимущественно такія, въ которыхъ нужно было участіе просвѣщеннаго духовенства. Такимъ образомъ они должны были дѣлать увѣщанія раскольникамъ, отступникамъ отъ православія и иновѣрцамъ, иногда доставляли начальству нѣкоторыя ученыя справки; имъ поручали разсмотрѣніе рукописей и книгъ духовнаго содержанія. «Такъ, въ 1722 году ректору Гедеону Вишневскому поручено разсмотрѣть «списанныя уставомъ и скорописью подозрительныя тетради и письма», взятыя въ лавкахъ на Спасскомъ мосту. Такого рода порученія повторялись довольно часто: ректоръ пересматривалъ такъ называемыя «волшебныя тетради» и давалъ о нихъ свое мнѣніе; пойманный съ такими бумагами или переписывавшій ихъ подлежалъ гражданскому суду, былъ наказываемъ плетьми

и потомъ отсылаемъ къ ректору на увѣщаніе». (Ист. Моск. Акад. 129—130). Наставникамъ академіи принадлежатъ и многіе ученые труды и переводы съ греческаго и другихъ языковъ; многіе изъ воспитанниковъ составили себѣ болѣе или менѣе извѣстное имя въ русской литературѣ, — назовемъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, профессора Московскаго университета Барсова, Антіоха Кантемира, Ломоносова, лирика Петрова, Поповскаго, Рубана. Сохранился одинъ школьный опытъ Ломоносова въ стихотворствѣ, подъ которымъ учитель Квѣтницкій подписалъ pulchre (хорошо):

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли;
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ! плачутъ убоги,
Меду полизали,
А сами пропали (стр. 250).

Третій періодъ исторіи Московской академіи составляетъ управленіе протектора митрополита Платона (1775—1814). Самъ ученикъ и потомъ наставникъ академіи, Платонъ вполнѣ изучилъ ея духъ, направленіе и потребности и зналъ, какими средствами она можетъ быть приведена къ лучшему состоянію. Въ 1775 году, сдѣлавшись архіепископомъ московскимъ, Платонъ назначенъ былъ директоромъ и протекторомъ Академіи и съ тѣхъ поръ зависимость ея отъ Синода мало по малу уменьшалась; наконецъ, академія почти вполнѣ была подчинена его власти. — «Съ теплымъ, сердечнымъ участіемъ онъ вошелъ въ ея жизнь, говоритъ г. Смирновъ, съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ученіемъ, поощрялъ и наставниковъ и учениковъ, опредѣлилъ ихъ занятія до мельчайшихъ подробностей. Кругъ наукъ при немъ значительно распространился, введены новые предметы ученія, появились новыя учебныя руководства, духъ схоластики потерялъ силу и уступилъ мѣсто свѣтлому воззрѣнію на предметъ. Зная по собственному опыту всю тяжелость системъ, которымъ время и привычка усвоили права первенства, Платонъ призналъ нужнымъ ввести великорусскій элементъ въ науку и оставить заимствованіе свѣта ученія отъинуду. Имѣя много ученыхъ людей вокругъ себя, онъ положилъ конецъ вызову ученыхъ изъ Кіева, отстранилъ ихъ системы, дотолѣ бывшія образцами

для московскихъ богослововъ и философовъ, и образовалъ по своей мысли академію, сообщивъ ей всѣ средства къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Академія, въ первый періодъ именовавшаяся еллинскими школами, во второй славено-латинскими, при Платонѣ съ достоинствомъ носила названіе славяно-греко-латинской. Важнымъ трудомъ въ дѣлѣ ея усовершенствованія было усиленіе русскаго языка въ школѣ: нѣкоторые уроки были составляемы и преподаваемы на языкѣ отечественномъ, который введенъ въ сочиненія и даже на диспутахъ, чего прежде не было. Языкъ греческій, который до Платона или невсегда или слабо былъ преподаваемъ, при немъ сталъ процвѣтать въ Академіи, такъ что много явилось воспитанниковъ, свободно говорившихъ по ромейски.... Вмѣстѣ съ тѣмъ Платонъ усилилъ знаніе еврейскаго языка. Изъ наукъ введены при немъ въ разныя времена: герменевтика, церковная и гражданская исторія, пасхалія, физика, преподаваніе которой не имѣло почти ничего общаго съ прежними комментаріями на физику Аристотеля, исторія философіи, миѳологія и медицина.... Платонъ желалъ, чтобъ питомцы академіи получили образованіе многостороннее, и дозволялъ имъ собирать медъ познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености: нѣкоторые изъ учениковъ академіи, по его распоряженію, посѣщали лекціи въ университетѣ, а по основаніи «дружескаго ученаго общества» число ихъ возрасло значительно» (стр. 259 — 260). Расширивъ кругъ образованія, улучшивъ способы преподаванія, Платонъ заботился и о матеріальномъ благосостояніи академіи; денежное ея содержаніе было постоянно увеличиваемо; для бѣдныхъ воспитанниковъ заведена бурса; библіотека приведена въ порядокъ и увеличена. Воспитанники почти исключительно были изъ духовнаго званія, потому что Платонъ хотѣлъ сдѣлать академію чисто-духовнымъ заведеніемъ — для другихъ сословій было уже открыто значительное число свѣтскихъ училищъ; — при всемъ этомъ ограниченіи, число воспитанниковъ академіи увеличивалось почти съ каждымъ годомъ, такъ что къ концу протекторства Платона доходило уже до 1600. Наставники, какъ и прежде, кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ, занимались порученіями высшаго начальства; въ учрежденномъ въ 1799 году духовномъ цензурномъ комитетѣ предсѣдательствующимъ назначенъ былъ ректоръ академіи, а членами нѣкоторые изъ ея ученыхъ; до того времени труды по цензурѣ духовныхъ и другихъ книгъ возлагаемы были преимущественно на ректора и префекта, иногда и на другія лица, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Новикова. Въ журналѣ входящихъ цензурныхъ дѣлъ 1786—8 годовъ любопытно извѣстіе о книгахъ представленныхъ

въ цензуру Карамзинымъ; это были «*Луизіада*», поэма Камоэнса; «*О происхожденіи зла*», поэма Галлера и трагедія Шекспира «Юлій Цезарь». Въ журналѣ находится и расписка Карамзина: «оную книгу по отпечатаніи въ оригиналѣ и экземпляръ печатной доставить цензору, и не прежде оную выпускать въ свѣтъ, пока отъ него не получу письменнего на то дозволенія, обязуюсь Порутчикъ Николай Карамзинъ».

Управленіемъ Платона г. Смирновъ оканчинаетъ обзоръ исторіи Славяно-греко-латинской академіи. Послѣ того она перенесена въ Троицкую Лавру и для нея поступила новая эпоха.

Сочиненіе г. Смирнова — одинъ изъ тѣхъ добросовѣстныхъ и до извѣстной степени полныхъ и законченныхъ трудовъ по исторіи русскаго образованія и литературы, какихъ у насъ вообще очень немного. Вся картина развитія Московской Академіи представлена имъ очень удовлетворительно; авторъ старался не опускать безъ вниманія даже мелкихъ, но любопытныхъ подробностей ея исторіи. Въ каждомъ періодѣ онъ опредѣляетъ сначала общее направленіе и ученый характеръ академіи, указываетъ матеріальныя средства ея, помѣщеніе, управленіе, содержаніе, приводитъ свѣдѣнія о библіотекѣ; затѣмъ излагаетъ труды наставниковъ и занятія учениковъ, разсказываетъ судьбу тѣхъ и другихъ. Авторъ сообщаетъ также списки ректоровъ, префектовъ и учителей академіи съ краткими біографическими свѣдѣніями; исторія Лихудовъ изложена у него довольно обстоятельно. Особенно любопытны въ книгѣ г. Смирнова разборы учебниковъ богословскихъ и философскихъ, которыми въ разное время руководствовались профессоры для своихъ лекцій. Вмѣстѣ съ подобными разборами кіевскихъ учебниковъ, въ книгѣ Макарія Булгакова, они даютъ довольно полное понятіе о средствахъ тогдашняго духовнаго образованія; въ книгѣ г. Смирнова эти разборы подробнѣе, чѣмъ въ «Исторіи Кіевской Академіи». Немало достоинства придаетъ сочиненію г. Смирнова и то обстоятельство, что онъ имѣлъ возможность пользоваться источниками рукописными: библіотекой Московской Академіи, архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московской Синодальной конторы, Заиконоспасскаго монастыря, Московскаго семинарскаго правленія и проч. Можно бы упрекнуть автора за повтореніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ вещей (напр. о Ломоносовѣ и другихъ) и недостаточныя указанія о лицахъ менѣе извѣстныхъ, — но это не составляетъ главнаго въ его сочиненіи. Жаль, что авторъ не опредѣлилъ того, очень значительнаго вліянія, какое имѣла московская академія вообще на

характеръ русскаго образованія въ XVIII столѣтіи и въ частности на большую часть духовныхъ училищъ и семинарій, которыя она снабжала наставниками и начальниками, приносившими съ собой и московскіе школьные обычаи и устройство, и методу преподаванія.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ (стр. 396 — 428) помѣщены: 1) Стихотворная просьба Каріона Истомина царевнѣ Софіи, 2) грамота восточныхъ патріарховъ о Лихудахъ, 3) грамота къ Лихудамъ отъ патріарха іерусалимскаго Досиѳея, 4) *Conclusiones theologicae* или *установленія богословская* 1732 года, отрывки изъ лекцій, 5) учрежденіе для студентовъ, въ московской академіи содержимыхъ коштомъ Платона, митрополита московскаго, 6) положенія богословскія для публичныхъ состязаній, предложенныя въ московской академіи въ 1776 году, и разговоръ объ ариѳметикѣ, веденный на диспутѣ двумя учениками высшаго класса.

Осада Севастополя или таковы русскіе. *Москва. 1855.*

Осада Севастополя! Тотъ темный именемъ и не блистающій талантомъ авторъ, который выставилъ это громкое заглавіе надъ нѣсколькими страницами плохихъ виршей, вѣроятно, и не подозрѣвалъ всего величія избраннаго имъ заглавія. Этимъ только можно извинить смѣлость бѣднаго писаки, который разсказываетъ въ своей брошюрѣ одинъ изъ эпизодовъ этой колоссальной эпопеи — смерть адмирала Корнилова, — эпопеи, развязка которой находится еще въ рукахъ судебъ.

Нѣтъ надобности говорить, что стихи неизвѣстнаго сочинителя нисколько не соотвѣтствуетъ предмету. Но это было бы и тогда, еслибъ онъ имѣлъ дарованіе; можно сказать утвердительно, что ни одинъ изъ существующихъ нынѣ талантовъ, не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ не въ состояніи произвесть что либо равняющееся величію совершающихся передъ нами событій. Нѣсколько времени тому назадъ корреспондентъ газеты «Times» сравнивалъ осаду Севастополя съ осадою Трои. Онъ употребилъ это сравненіе только въ смыслѣ продолжительности осады, но мы готовы допустить его въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ, именно, въ смыслѣ героизма, которымъ запечатлѣны дѣянія защитниковъ Севастополя, въ смыслѣ громадности борьбы и великихъ, неожиданныхъ случайностей и катастрофъ, наконецъ, въ смыслѣ того глубокаго и страстнаго интереса, съ которымъ приковано къ этой борьбѣ вниманіе цѣлаго свѣта. «Иліада», содержаніе которой составляетъ осада Трои греками,

не принадлежитъ къ временамъ историческимъ; время, въ которое совершаются эти событія, — время миѳическое, когда еще боги принимали явное участіе въ дѣлахъ смертныхъ.... Можно думать, что эта отдаленность эпохи, это участіе боговъ невольно увеличиваютъ въ глазахъ читателя колоссальность событій «Иліады»; но совершающееся нынѣ передъ нами, и безъ участія боговъ, и безъ того покрова таинственности, которую сообщаетъ предметамъ дальность времени, развѣ все это лишено величія и колоссальности? Мы рѣшительно утверждаемъ, что только одна книга въ цѣломъ мірѣ соотвѣтствуетъ величію настоящихъ событій — и эта книга «Иліада». Въ обыкновенное, такъ сказать, будничное время, не всегда и не вдругъ возбуждаетъ она въ читателѣ сочувствіе къ своимъ воинственнымъ событіямъ; но, теперь, когда вниманіе всѣхъ трепетно приковано къ театру войны, когда каждая удача, каждая неудача отзываются во всѣхъ сердцахъ радостію или скорбію,—въ это великое время «Иліада», какъ полнѣйшее выраженіе героическаго настроенія, читается съ наслажденіемъ и сочувствіемъ невыразимымъ. Въ какое иное время какъ не теперь, когда воображеніе поневолѣ наполнено представленіями адскаго бомбардированія, кроваваго поля, усѣяннаго трупами, въ какое иное время можно сильнѣе почувствовать, напримѣръ, слѣдующую сцену:

. . . . Ахиллесъ Демолеона тамъ же
Въ брани противника сильнаго, славную вѣтвь Антенора,
Пикой въ високъ поразилъ, сквозь шеломъ его мѣдноланитный:
Крѣпкая мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
Пика могучая, кость проломила и въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ, и смирила его въ нападеньи.
Въ слѣдъ Гипподама, который на долъ соскочивъ съ колесницы,
Бросился въ бѣгъ передъ нимъ, поразилъ онъ копьемъ въ между плечье;
Онъ, испуская свой духъ, застоналъ, какъ волъ темночелый
Стонетъ, кругомъ олтаря Геликійскаго мощнаго бога,
Юношей силой влекомый, и богъ Посидонъ веселится:
Такъ застоналъ онъ, и духъ его доблестный кости оставилъ.
Тотъ же съ копьемъ полетѣлъ на питомца боговъ Полидора,
Сына Пріамова. Старецъ ему запрещалъ ратоборство;
Онъ изъ сыновъ многочисленныхъ былъ у Пріама юнѣйшій,
Старцевъ любимѣйшій сынъ; быстротою всѣхъ побѣждалъ онъ,
И, съ неразумія дѣтскаго, ногъ быстротою тщеславясь,
Рыскалъ онъ между переднихъ, пока погубилъ свою душу.
Мѣднымъ дротомъ младаго его Ахиллесъ быстроногій,

Мчавшагось мимо, въ хребетъ поразилъ, гдѣ застежки златыя
Запонъ смыкали, и гдѣ представлялася броня двойная:
Дротъ на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнувъ онъ палъ на колѣна; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность къ чреву руками прижалъ онъ поникшій.
. . . .
. . . .
Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ дебрямъ,
Окрестъ сухой горы; и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень:
Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ;
Гналъ, поражалъ; заструилося черною кровію поле.
Словно когда земледѣлецъ воловъ сопряжетъ крѣпкочелыхъ,
Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ;
Быстро стираются класы мычащихъ воловъ подъ ногами:
Такъ подъ Пелидомъ божественнымъ твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся мѣдная ось и высокій полкругъ колесницы,
Въ кои какъ дождь и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
Брызги хлестали; пылалъ онъ добыть между смертными славы,
Храбрый Пелидъ, и въ крови обагрялъ необорныя руки.»

Или смерть Асторопея, погибшаго также отъ руки Ахиллесовой:

. . . . налетѣлъ, и мечемъ у надменнаго душу исторгнулъ:
Чрево близь пупа ему разрубилъ, и изъ чрева на землю
Вылилась внутренность вся; и ему, захрипѣвшему, очи
Смертная тьма осѣнила; Пелидъ же на грудь его бросясь,
Пышныя латы срывалъ, и вѣщалъ величаясь побѣдой:
«Въ прахѣ лежи! Тебѣ тяжело всемогущаго Зевса
«Спорить съ сынами!» . . . .
. . . .
. . . .
Рекъ, и изъ брега стремнистаго вырвалъ огромную пику.
Бросилъ врага, у котораго гордую душу исторгнулъ,
Въ прахѣ простертаго; тамъ его залили мутныя волны;
Вкругъ его тѣла и рыбы и угри толпой закипѣли,
Почечный тукъ обрывая и жадно его пожирая.

Или эту мольбу о жизни сына Пріамова Ликаона къ Ахиллесу:

. . . . тотъ подходилъ полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желалъ онъ
Смерти ужасной избѣгнуть и близкаго чернаго рока.
Дротъ между тѣмъ длиннотѣнный занесъ Ахиллесъ быстроногій,
Грянуть готовый; а тотъ подбѣжалъ и обнялъ ему ноги,

Къ долу припавъ; и копье у него засвистѣвъ надъ спиною,
Въ землю воткнулось дрожа, человѣческой жадное крови.
Юноша лѣвой рукою обнялъ, умоляя, колѣна,
Правой копье захватилъ, и его изъ руки не пуская,
Такъ Ахиллеса молилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ноги объемлю тебѣ, пощади, Ахиллесъ, и помилуй!
«Я предъ тобою стою, какъ молитель, достойный пощады!
«Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
«Въ день, какъ меня полонилъ ты въ цвѣтущемъ отца вертоградѣ.
«Послѣ ты продалъ меня. . . . .
. . . .
. . . .
«Брата уже ты сразилъ въ ополченіяхъ нашихъ передникъ;
«Острымъ копьемъ закололъ Полидора, подобнаго богу.
«Тожъ и со мною несчастіе сбудется! Знаю, могучій!
«Рукъ мнѣ твоихъ не избѣгнуть, когда уже богъ къ нимъ приблизилъ!
«Слово иное скажу я; то слово пріими ты на сердце:
«Не убивай меня; Гекторъ мнѣ братъ не единоутробный,
«Гекторъ, лишившій тебя благороднаго, нѣжнаго друга!

Такъ говорилъ убѣждающій сынъ знаменитый Пріамовъ,
Такъ Ахиллеса молилъ; но услышалъ не жалостный голосъ:
«Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
«Такъ, доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъ солнца,
«Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ бывало пріятно.
«Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъ я принялъ.
«Нынѣ, пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
«Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Пріамовой Трои!
«Всѣмъ вамъ Троянамъ смерть, и особенно дѣтямъ Пріама!
«Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
«Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
«Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ;
«Сынъ отца знаменитаго, матерь имѣю богиню!
«Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
«Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, въ вечеру, или въ полдень,
«Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
«Или копьемъ поразивъ, или крылатой стрѣлою изъ лука.»

Такъ произнесъ; и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный онъ дротъ уронилъ, и трепещущій, руки раскинувъ,
Сѣлъ; Ахиллесъ же, стремительно мечъ обоюдный исторгши,
Въ выю вонзилъ у ключа, и до самой ему рукояти
Мечъ погрузился во внутренность; ницъ онъ по черному праху
Легъ распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертваго за ногу взявши, въ рѣку Ахиллесъ его бросилъ,

И надъ нимъ издѣваясь, пернатыя рѣчи вѣщалъ онъ:
«Тамъ ты лежи, между рыбами! жадныя рыбы вкругъ язвы
«Кровь у тебя нерадиво оближутъ! Не матерь на ложе
Тѣло твое, чтобъ оплакать, положитъ; но Ксанѳъ быстротечный
«Бурной волной унесетъ въ безпредѣльное лоно морское.
«Рыба играя межъ волнъ, на поверхность чернѣющей зыби
«Рыба всплыветъ, чтобъ насытиться бѣлымъ царевича тѣломъ.»

Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ прошло съ созданія «Иліады», но найдется ли въ настоящее время хоть одно сердце, которое не сочувствовало бы слѣдующему превосходному прощанію Гектора съ Андромахой?

Онъ (Гекторъ) приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ встрѣчу, предстала;
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона:
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный:
Оваго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе, младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему, и такія слова говорила:

«Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
«Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери; скоро
«Буду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
«Вмѣстѣ напавши убьютъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
«Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
«Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
«Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
«Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій,
«Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
«Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
«Но не смѣлъ обнажить, — устрашался нечестія сердцемъ:
«Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
«Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы
«Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
«Братья мои единокровные: семь оставалось ихъ въ домѣ:
«Всѣ, и въ единый день, переселились въ обитель Аида:
«Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,

«Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
«Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
«Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
«Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
«Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
«Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
«Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
«Сжалься же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
«Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
«Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
«Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
«Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
«Оба Аякса могучіе, Идоменей знаменитый;
«Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
«Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой либо мудрый,
«Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце.

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
«Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Трояицемъ и длинноодежной Троянкой,
«Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
«Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
«Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
«Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
«Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
«Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
«Но, не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
«Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
«Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
«Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
«Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ мѣдью покрытый,
«Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
«И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткать чужеземкѣ,
«Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиперея,
«Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
«Льющую слезы тебя — кто нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
«Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
«Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
«Скажетъ; и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
«Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
«Но, да погибну, и буду засыпанъ я перстью земною,
«Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!

Рекъ; и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;

Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида;
Яркою мѣдью испуганъ, и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшейся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій; и на руки взявши
Милаго сына, цалуетъ, качаетъ его, и поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:

«Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
«Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
«Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
«Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
«Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
«Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!

Рекъ, и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее, и рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:

«Добрая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
«Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу;
«Но судьбы, какъ я знаю, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
«Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
«Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
«Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
«Дѣло свое исправлять; а война — мужей озаботитъ
«Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ.

Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли броне блещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.

Мы заключимъ наши выписки отрывкомъ изъ посѣщенія Пріамомъ непріятельскаго лагеря, съ цѣлью выпросить у Ахиллеса трупъ убитаго имъ Гектора, напомнивъ при этомъ читателямъ, что вся эта сцена — одна изъ величественнѣйшихъ въ самой «Иліадѣ».

. . . . если мужъ преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ, и къ другому народу приходитъ,
Къ сильному въ домъ; съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ;
Такъ изумилися всѣ, и одинъ на другаго смотрѣли.
Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
«Старца, такого жъ какъ я, на порогѣ старости скорбной!
«Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его окружавши сосѣды,
«Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
«Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
«Сердце тобой веселитъ, и вседневно льстится надеждой,
«Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
«Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
«Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
«Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
«Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
«Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
«Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
«Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
«Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
«Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
«Выкупить тѣло его, приношу драгоцѣнный я выкупъ.
«Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
«Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
«Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
«*Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!*

Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакать отъ сердца его отступило;
Быстро возсталъ онъ, и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
«Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
«Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
«Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
«Но успокойся, возсядь Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
«Скроемъ въ сердца, и заставимъ безмолвствовать горести наши.
«Сердцу крушительный плачь ни къ чему человѣку не служитъ:
«Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
«Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.....»

Многіе даже изъ образованнаго класса гораздо болѣе уважаютъ «Иліаду» по преданію, нежели любятъ читать ее. Если эти люди и въ настоящее время не поймутъ величія ея, то съ со-

жалѣніемъ скажемъ, что значеніе ея навсегда останется для нихъ закрытымъ.

Восточная война, ея причины и послѣдствія. *Москва. 1855.*

Брошюра эта, написанная еще въ мартѣ прошедшаго года, и слишкомъ поздно явившаяся въ русскомъ переводѣ, едва ли можетъ имѣть особенный интересъ для читателей въ настоящее кремя. Борьба, неизбѣжность которой еще только предсказываетъ брошюра, продолжается уже болѣе года, и приняла такіе обширные размѣры, что совершенно измѣнила свой характеръ. Это уже не война между Россіею и Турціею съ ея союзниками, какою представлялась она полтора года тому назадъ, а война между Россіею и двумя западными державами, которыя оттѣснили Турцію на второй планъ и на военномъ и на дипломатическомъ поприщѣ. Если возможно было сомнѣваться, по совѣту или противъ совѣта Англіи и Франціи начала войну Турція въ 1853 году, то для каждаго теперь ясно, что въ настоящую минуту Турція продолжаетъ ее противъ собственной воли, по приказанію своихъ союзниковъ, которые изъ союзниковъ сдѣлались властелинами слабой державы. Дѣло приняло оборотъ, напоминающій басню, разсказанную аѳинянамъ когда сиракузяне предлагали имъ свою помощь противъ персовъ: «Лошадь вела войну къ какимъ-то врагомъ, и видя собственное безсиліе продолжать ее, обратилась съ просьбою о помощи къ человѣку. Человѣкъ охотно взялся помогать ей, только съ условіемъ, чтобы лошадь позволила ему сѣсть па ея спину; лошадь согласилась; но когда, по окончаніи войны, попросила своего союзника освободить ея спину отъ тяжести его тѣла, подъ которою она изнемогаетъ, союзникъ преспокойно отвелъ ее въ конюшню, не слушая никакихъ просьбъ, и послѣ того никогда уже не возвращала себѣ лошадь прежней воли.» Аѳиняне, выслушавъ эту басню, отказались отъ помощи, предлагаемой сиракузянами. Турки не знали басни, вѣроятно только потому и просили помощи у французовъ и англичанъ. Какъ бы то ни было, но характеръ войны совершенно измѣнился послѣ того, какъ она стала дѣломъ западныхъ державъ, и тѣ вопросы, о которыхъ первоначально шло дѣло, потеряли теперь значеніе — воюющія державы успѣли согласиться въ ихъ рѣшеніи на вѣнскихъ конференціяхъ и это не остановило войны, потому что успѣли уже возникнуть новые вопросы, отнявшіе у первыхъ большую часть

важности. Во многомъ измѣнились и другія обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ продолженіе войны, и на которыхъ основаны предположенія автора брошюры. Однимъ словомъ, событія, совершающіяся передъ нашими глазами, отняли своимъ развитіемъ большую часть интереса у прошлогоднихъ памфлетовъ и статей, которыя могли быть любопытны въ свое время. Къ числу ихъ принадлежитъ и брошюра, заглавіе которой мы выписали выше.

Азовское море, *съ его приморскими и портовыми городами, ихъ жителями, промыслами и торговлею. Съ приложеніемъ карты Азовскаго моря, составленной* А. Зуевымъ. *Спб. 1855.*

Книжка, составленная внимательно и представляющая интересъ по случаю военныхъ событій, театромъ которыхъ служитъ Азовское море и его берега. Заимствуемъ изъ нея нѣсколько свѣдѣній о Керченскомъ проливѣ и о городахъ Таганрогѣ, Маріуполѣ и Бердянскѣ:

«Керченскій Проливъ имѣетъ глубины на фарватерѣ, около Керчи, отъ 21 до 26 футовъ, далѣе къ Еникале, мѣстами, только 18 и 16 футовъ, ближе къ Азовскому Морю глубина уменьшается до 14 футовъ, а за Финарскимъ Мысомъ (съ небольшимъ четыре версты къ сѣверовостоку отъ Еникале) въ Азовскомъ Морѣ увеличивается отъ 25 до 30 футовъ. У входа въ Керченскій Проливъ съ Чернаго Моря, ширина его составляетъ до 14 верстъ; онъ расширяется между Керченскою Бухтою и Таманскимъ Заливомъ; но близъ Еникале, къ Азовскому Морю, съуживается отъ противолежащей длинной косы, такъ что въ этомъ мѣстѣ ширина около четырехъ верстъ. Мелководіе въ сѣверовосточной сторонѣ Керченскаго Пролива, примыкающей къ Азовскому Морю, позволяетъ здѣсь проходить только судамъ, имѣющимъ осадки не болѣе 13 футовъ.

«*Таганрогъ*, главный портовый городъ юговосточной Россіи, съ 22,472 жителей, расположенъ на мысѣ у сѣвернаго берега залива Азовскаго моря, въ разстояніи около 30 верстъ отъ устьевъ Дона. Въ настоящее время въ городѣ считается 1320 домовъ и 10 церквей. Особеннаго замѣчанія заслуживаютъ: Императорскій дворецъ (каменный), іерусалимскій Александровскій монастырь, монументъ Императору Александру I-му, старинная крѣпость, остатки гавани, построенной Петромъ Великимъ. Во внѣшней торговлѣ Таганрога, вывозъ всегда значительно превышаетъ привозъ, при большомъ требованіи *пшеницы*, которая составляетъ *главнѣйшую статью* заморскаго отпуска. Пшеница доставляется въ Таганрогъ водою, съ разныхъ пристаней рѣки Дона, куда подвозится сухимъ путемъ изъ Земель Донскаго и Черно-

морскаго Войска, изъ Кавказской Области, Воронежской губерніи и отъ Дубовки съ Волги, изъ Самары и другихъ низовыхъ пристаней, а прямо въ Таганрогъ привозятъ пшеницу изъ окрестныхъ селеній, изъ Екатеринославской и Харьковской губерній, на воловьихъ фурахъ. Съ 1815 по 1853 годъ, цифра отпуска пшеницы изъ Таганрога составляетъ 4,212,088 четвертей.

«Гавань Таганрога, основанная Петромъ Великимъ, имѣла первоначально восемь футовъ глубины. — Не будучи поддерживаема около ста лѣтъ, гавань, отъ наносовъ съ моря—песка и ила, и съ нагорной стороны — земли, во время дождей, засорилась и обмелѣла такъ, что глубина ея составляетъ не болѣе четырехъ футовъ, и только въ одномъ проходѣ или ковшѣ осталось мѣсто для зимовки небольшаго числа малыхъ купеческихъ судовъ безъ груза; но и при входѣ ихъ черезъ этотъ проходъ встрѣчаются затрудненія, а при весеннемъ вскрытіи моря, во время бурныхъ западныхъ вѣтровъ, суда не рѣдко терпятъ вредъ отъ сильнаго натиска льдовъ. Такое неудобство побудило мѣстное начальство избрать, для зимовки судовъ, особенное мѣсто внѣ гавани, защищаемое возвышеннымъ мысомъ. Таганрогскій Рейдъ имѣетъ около 20 верстъ въ окружности; онъ ограничивается съ западной стороны Петрушиною Косою.

«Морскія суда обыкновенно останавливаются въ 3½ и болѣе до 12 верстъ отъ берега, какъ по мелководію, такъ и для удобнѣйшаго, въ случаѣ надобности, лавированія, и еще болѣе по причинѣ быстрыхъ, неправильныхъ и часто значительныхъ приливовъ и отливовъ.

«Биржа Таганрогская, расположенная на низменномъ песчаномъ берегѣ морскаго залива, отдѣляется отъ города высокою горою.

«Городъ Маріуполь основанъ въ 1780 году греками, крымскими выходцами, и имѣетъ прекрасный рейдъ, котораго глубина, въ 1½ мили отъ берега, равняется 15 и 16 футамъ. Жителей въ Маріуполѣ считается 4,600 душъ обоего пола. Въ настоящее время въ городѣ 768 домовъ. Главный промыселъ жителей Маріупольскихъ — закупка и продажа пшеницы, льнянаго и сурѣпнаго семени, частью сырыхъ кожъ, сала, шерсти и т. д. для заграничнаго отпуска прямо изъ Маріуполя и чрезъ Керчь; среднимъ числомъ, въ годъ Маріупольскій Портъ отпускаетъ болѣе 175,000 четвертей хлѣба.

Бердянскъ основанъ только въ 1837 году княземъ М. С. Воронцовымъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Бердянскъ, было нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, и не болѣе 25-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ устроена пристань, а теперь здѣсь находится городъ, въ которомъ 6,498 жителей, земли до 10,000 десятинъ и 985 домовъ. Быстрому развитію города способствуетъ, сверхъ значительнаго отпуска хлѣба въ Керчь и заграницу, производимая жителями его рыбная ловля и сухопутная торговля рыбою.

«Бердянскъ имѣетъ превосходную гавань, въ которой можетъ помѣститься до 2,000 судовъ.

«По семилѣтней сложности вывезено хлѣба:

«Съ 1839 по 1846 г. 1,020,947 четв. или среднимъ числомъ въ годъ 145,849 четв., съ 1846 по 1853 г. 1,906,957 четв. или среднимъ числомъ въ годъ 272,442 четв.

Карта Азовскаго моря, приложенная къ его описанію, сдѣлана въ большомъ размѣрѣ, литографирована и иллюминована очень отчетливо.

Новыя письма о химіи, въ ея приложеніяхъ къ промышленности, физіологіи и земледѣлію, Юстуса Либиха. *Переводъ инженеръ-поручика* А. Іохера. *Спб. 1855.*

Разсказываютъ, что Либиха, основателя органической химіи, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, спросили: «Какимъ предметомъ ты хочешь заниматься?» — «Химіею», отвѣчалъ онъ — «Глупенькій, какъ же можно заниматься такими пустяками!» отвѣчалъ ученѣйшій изъ присутствовавшихъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если какая нибудь наука можетъ назваться созданіемъ новѣйшаго времени, то это химія, особенно органическая. Кто учился химіи лѣтъ двадцать тому назадъ, тому нынѣ должно совершенно вновь изучать ее, чтобы хоть сколько нибудь имѣть понятіе объ огромной важности и великихъ результатахъ этой науки, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка, едва ли не самой важнѣйшей въ наше время изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, и уже ставшей, не смотря на свою молодость, руководительницею нашею и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности, и въ физіологіи, и въ медицинѣ. Виновникомъ столь быстраго и благодѣтельнаго для людей развитія химіи былъ Либихъ; онъ же былъ и объяснителемъ своихъ великихъ открытій для всѣхъ образованныхъ людей, потому что, обладая всѣми качествами геніальнаго изслѣдователя, онъ въ тоже время одаренъ способностью и охотою писать чрезвычайно популярно — драгоцѣнныя качества, рѣдко соединяющіяся въ одномъ человѣкѣ. Его «Письма о химіи», будучи одною изъ важнѣйшихъ книгъ нашего времени по ученому достоинству, съ тѣмъ вмѣстѣ одна изъ самыхъ занимательныхъ и легкихъ книгъ, какія только существуютъ по естественнымъ наукамъ. Въ послѣднемъ отношеніи они стоятъ наровнѣ съ астрономическими трактатами Араго, далеко превосходя ихъ по геніальной самостоятельности содержанія. Впрочемъ, было бы совершенно напрасно распространяться о достоинствахъ этого сочиненія, всѣмъ извѣстныхъ. Первая часть «Писемъ» (I—XXVI

письма) была уже переведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ на русскій г. Дьячевичемъ; теперь является и вторая часть ихъ, служащая необходимымъ продолженіемъ первой (письма XXVII —XXXVII). Благодаря г. Іохера за этотъ истинно полезный трудъ, мы пользуемся появленіемъ новой книги Либиха на русскомъ языкѣ, чтобы сообщить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о главѣ современныхъ химиковъ.

Юстусъ Либихъ родился въ 1803 году въ Дармштадтѣ. Еще будучи ребенкомъ, онъ обнаруживалъ уже большую любовь къ естественнымъ наукамъ, и потому отецъ опредѣлилъ молодаго Юстуса, по окончаніи гимназическаго курса, въ аптеку въ городкѣ Геппенгеймѣ, близъ Дармштадта. Проживъ здѣсь около года, онъ поступилъ въ Боннскій университетъ, потомъ слушалъ лекціи въ Эрлангенѣ, и въ 1822 году, для усовершенствованія себя въ естественныхъ наукахъ, могъ отправиться въ Парижъ, благодаря пособію отъ правительства. Тамъ двадцатилѣтній юноша уже обратилъ на себя вниманіе Гумбольдта важными изслѣдованіями по части органической химіи. Отчасти рекомендаціи Гумбольдта, отчасти собственной извѣстности, быстро пріобрѣтенной, обязанъ онъ тѣмъ, что на 21-мъ году получилъ мѣсто профессора въ Гиссенскомъ университетѣ, который въ свою очередь обязанъ ему громкою славою, какъ лучшій университетъ въ Европѣ по части химіи. Въ Гиссенѣ оставался онъ до 1852 года, когда, принявъ настоятельныя приглашенія Баварскаго правительства, перешелъ профессоромъ химіи въ Мюнхенскій университетъ, привлеченный не какими нибудь денежными выгодами — онъ и въ Мюнхенѣ получаетъ, если не ошибаемся, не болѣе 2,000 талеровъ жалованья, т. е. гораздо менѣе, нежели каждый изъ профессоровъ парижскаго факультета, — а тѣмъ, что средства Мюнхенскаго университета позволяли ему устроить болѣе обширную лабораторію. Въ Гиссенъ, до Либиха совершенно неизвѣстный въ ученомъ мірѣ, стекались на лекціи Либиха ученики — не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но также изъ Россіи, Франціи, Англіи, даже Швеціи. Теперь они стекаются въ Мюнхенъ. Органическая химія, можно сказать, обязана своимъ существованіемъ Либиху, почти всѣми своими важными открытіями — Либиху и его ученикамъ.

Переводъ «Новыхъ писемъ о химіи» удовлетворителенъ со стороны языка, почти всегда правильнаго и яснаго.

Изслѣдованіе псковской судной грамоты 1467 года. Ѳ. Устрялова. *Спб. 1855.*

Трудъ молодаго ученаго, выгоднымъ образомъ свидѣтельствующій о его трудолюбіи и добросовѣстности, потому достойный ободренія. Псковская судная грамота имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи нашего законодательства, и заслуживаетъ подробнаго изученія. Г. Ѳ. Устряловъ, принявшій на себя трудъ объяснять ее, вообще исполняетъ свою задачу удовлетворительно и показываетъ, что ему хорошо извѣстны всѣ пособія, изъ которыхъ могъ онъ извлечь что нибудь для этой цѣли. Нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ въ переводѣ и въ объясненіяхъ — неизбѣжная принадлежность подобныхъ трудовъ, какъ это знаетъ по опыту каждый, ими занимавшійся, и потому за нихъ невозможно упрекать г. Ѳ. Устрялова. Мы можемъ сдѣлать на его трудъ только одно замѣчаніе: напрасно къ своему переводу не приложилъ онъ и самаго текста грамоты рядомъ съ переводомъ. Тогда его переводомъ и объясненіями было бы удобнѣе пользоваться.

Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, *собранное протоіереемъ* Андреемъ Іоанновымъ. *Изданіе пятое. Спб. 1855.*

Сочиненіе, написанное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ въ концѣ прошедшаго вѣка, есть одно изъ главныхъ пособій для изученія исторіи и ученій раскола. Сочинитель, самъ въ молодости принадлежавшій къ послѣдователямъ безпоповщины, очень хорошо зналъ суевѣрія раскольниковъ, особенно той секты, въ которую нѣкогда былъ увлеченъ. Кромѣ того, у него въ рукахъ было большое количество раскольничьихъ книгъ и грамотъ, писанныхъ расколоначальниками. Потому его книга заключаетъ въ себѣ множество фактовъ, сохраненіемъ которыхъ мы обязаны исключительно ему, и которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. «Полное историческое извѣстіе» было уже рѣдкою книгою въ послѣднее время, и лица, занимающіяся обращеніемъ раскольниковъ или изученіемъ ихъ исторіи, будутъ рады новому изданію этого важнаго пособія.

Игра пикетъ, *написанная и изданная* П. С. Вишневскимъ. *Спб. 1855.*

Выучиться по этой книжкѣ играть въ пикетъ очень трудно, потому что правила игры изложены въ ней безсвязно и сбивчиво

Гораздо проще и скорѣе можно научиться пикету, съигравъ двѣ или три игры съ кѣмъ нибудь знающимъ, потому что разсчеты его легко запомнить. Итакъ, книжка г. Вишневскаго, состоящая изъ нѣсколькихъ миньятюрныхъ страничекъ, не стоила бы своей цѣны: «75 коп., съ пересылкою 1 руб. сер.», если бы въ концѣ ея, послѣ увѣренія, что «игра эта такъ увлекательна, что въ нее «могутъ играть всегда съ удовольствіемъ всѣ мужчины и жен«щины; здѣсь бываютъ иногда такіе чрезвычайные случаи, ко«торые могутъ привести въ восхищеніе самую холодную душу»— если бы послѣ этого увѣренія не былъ разсказанъ авторомъ анекдотъ, способный привести въ восхищеніе самую холодную душу:

«Одинъ почтенный старый воинъ, славныхъ отечественныхъ воинъ, разсказывалъ мнѣ замѣчательный эпизодъ изъ собственной жизни: что въ пикетъ на деньги онъ никогда не игралъ; но что этой игрѣ онъ считалъ себя обязаннымъ счастливымъ супружествомъ. По выходѣ въ отставку въ 1818 году, говорилъ онъ, рѣшился я жениться, скоро нашелъ въ своей деревнѣ выгодную невѣсту, но сойтись съ нею въ продолженіе цѣлаго года никакъ не могъ; родители ея желали этого брака, а она и слышать не хотѣла; бывало пріиду къ ней, припоминалъ старый воинъ,—какъ водится въ такихъ случаяхъ, насъ оставятъ вдвоемъ, и мы сидимъ часъ другой: слова нейдутъ, она зѣваетъ, а мнѣ досадно; дѣло деревенское, развлеченій немного, и чѣмъ помочь горю я не зналъ; однажды мнѣ пришла въ голову благая мысль, и я рѣшился съ согласія родителей показать моей невѣстѣ правила игры въ пикетъ и онѣ ей понравились съ разу. Съ той поры, счастье улыбнулось намъ, и мы болѣе десяти лѣтъ не знали скуки, а почтенный старикъ, сколько мнѣ извѣстно никогда не лгалъ.»

Итакъ, кто желаетъ склонить къ любви гордую красавицу, долженъ играть съ нею въ пикетъ: «счастье улыбнется ему, и онъ съ нею болѣе десяти лѣтъ не будетъ знать скуки».

Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. *Составилъ* П. А. Лавровскій. *Спб. 1855.*

Г. Лавровскій предпринялъ дѣло небезполезное: разобрать составъ Іоакимовской лѣтописи, сохраненной для насъ Татищевымъ и сличить ея извѣстія съ фактами, находящимися у Нестора и польскихъ лѣтописцевъ. Особенно сличеніе съ польскими лѣтописями можетъ быть любопытно для людей, незнакомыхъ съ ними. Подобно всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, онъ оправдываетъ Татищева отъ несправедливаго обвиненія, будто бы лѣтопись эта выдумана имъ самимъ и признаетъ подлинность лѣтописи. Важнѣйшія изъ заключеній, до которыхъ онъ доходитъ,

состоитъ въ томъ, что первая половина отрывка, сохраненнаго Татищевымъ, обнимающая событія до призванія варяговъ, наполнена извѣстіями, которыя неподтверждаются другими источниками, и носятъ на себѣ очевидные слѣды средневѣковыхъ сказаній о происхожденіи и разселеніи народовъ; эта часть отрывка составлена подъ вліяніемъ польскихъ лѣтописцевъ. Вторая половина отрывка, разсказывающая событія, слѣдовавшія за призваніемъ варяговъ, значительныхъ образомъ дополняя Несторову лѣтопись, не содержитъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго или противорѣчащаго достовѣрнымъ фактамъ, напротивъ того, часто объясняетъ ихъ своими извѣстіями, и потому должна заслуживать нашего довѣрія.

ПЛѢННЫЕ АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ.

РАЗСКАЗЪ СТАРШАГО ЛЕЙТЕНАНТА КОРОЛЕВСКАГО ПАРОВАГО-ФРЕГАТА «ТИГРЪ».

АЛЬФРЕДА РОЙЕРА.

ГЛАВА I.

Туманы на Черномъ морѣ. — «Тигръ» сталъ на мель. — Мы узнаемъ свое положеніе. — Русскія дамы, — свидѣтельницы нашего несчастія. — Ихъ опасность. — Наши сигналы къ товарищамъ. — Ружейная перестрѣлка. — Попытки облегчить фрегатъ. — Артиллерійскій огонь. — Пушки выброшены въ море. — Русскія каленыя ядра пронизываютъ корпусъ фрегата. — Фрегатъ горитъ.

Рано утромъ 12 мая 1854 года, чрезъ три недѣли послѣ бомбардированія Одессы, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе пароходъ-фрегатъ «Тигръ», мы почувствовали, что это прекрасное судно стало на мель въ полутораста ярдахъ отъ берега, за четыре мили къ югу отъ Одессы. Наканунѣ того дня, въ полдень, мы отдѣлились отъ нашей эскадры, въ сопровожденіи «Везувія», и «Нигера», для крейсированія вдоль берега.

По причинѣ густаго тумана, который господствуетъ на Черномъ морѣ въ это время года, мы потеряли изъ виду нашихъ товарищей, и хотя направленіе и ходъ нашего фрегата были строго разсчитаны для избѣжанія опасности, — сильное теченіе значительно отклонило его къ западу отъ принятаго имъ пути. Земли не было видно вовсе; по крайней мѣрѣ мы не ожидали ее встрѣтить, потому что предполагали себя ближе къ острову Тендрѣ, нежели къ материку. Туманы, подобные тому, въ какомъ мы находились, часто встрѣчаются у береговъ Ирландіи,

но въ Средиземномъ морѣ я никогда не видалъ ничего подобнаго. Можно будетъ составить себѣ полное понятіе о мракѣ, который насъ окружалъ, если я скажу, что конецъ утлегара не былъ видѣнъ стоящему на кормѣ. Къ счастію, погода была такъ тиха, что когда фрегатъ нашелъ на подводный камень, или, лучше сказать, засѣлъ между двухъ подводныхъ камней (что впослѣдствіи было дознано русскими), мы не почувствовали почти никакого сотрясенія, и воображали, что онъ наткнулся на песчаную отмель, которая, какъ мы знали, находилась къ востоку отъ нашего курса. Стараніе избѣжать этой опасности и заставило насъ держаться болѣе къ западу. Сообразивъ все это, мы и не сомнѣвались, что безъ труда сдвинемся съ мели.

Мы стали на мель около половины шестаго. Вскорѣ туманъ, отъ дѣйствія солнца сталъ рѣдѣть, и, къ изумленію, мы увидѣли у себя слѣва высокій берегъ. Тутъ мы поняли свое опасное положеніе.

По мѣрѣ того, какъ туманъ поднимался, выказывались, точно изъ подъ занавѣси, прозрачныя струйки, набѣгающія на берегъ. Тутъ же мы замѣтили, какъ небольшая двухъ весельная лодка промелькнула мимо насъ вдоль берега, по направленію къ городу, очевидно, съ цѣлію дать знать о нашей бѣдѣ; а на скалѣ прямо надъ нами, мы могли различить сквозь рѣдѣющій туманъ хорошо знакомую намъ фигуру казака, верхомъ и съ длинной пикой, конечно раздумывавшаго въ это время, не пуститься ли во всю прыть, извѣстить начальство о ставшемъ на мель пароходѣ. Къ довершенію занимательности картины, — если только могла быть въ ней для насъ какая нибудь занимательность, — мы замѣтили двухъ дамъ подъ розовыми зонтиками, прогуливавшихся у себя въ саду и подошедшихъ къ обрыву. Эти дамы, со многими другими присоединившимися къ нимъ впослѣдствіи, были свидѣтельницами происшествій этого дня: онѣ все время смотрѣли на нашу перестрѣлку съ русскими войсками.

Само собою разумѣется, что мы были на столько деликатны, что не стрѣляли въ дамъ, а направляли наши орудія только противъ тѣхъ, кто на насъ нападалъ. Впрочемъ, такъ какъ яркіе цвѣта ихъ зонтиковъ были едва замѣтны въ туманѣ, то одинъ разъ наши стрѣлки, принявъ ихъ за свѣжее подкрѣпленіе, пришедшее къ русскимъ, чуть по нимъ не выстрѣлили. Къ счастію наши офицеры, во время замѣтивъ ошибку, отстранили опасность отъ дамъ, которыя, по свойственному имъ любопытству, хотѣли видѣть сраженіе. Вѣроятно, онѣ и не воображали поутру, пробуждаясь отъ сна, какое кровопролитіе и разрушеніе

произойдетъ въ тотъ день подъ самыми ихъ окнами, — которыхъ, впрочемъ, съ фрегата не было видно, по причинѣ вышины скалы. Въ Одессѣ суевѣрный народъ говорилъ, что наше несчастіе было намъ наказаніемъ за недавнюю бомбардировку.

Казакъ ускакалъ, а дамы остались; — первый — чтобы собрать противъ насъ непріятеля, вторыя, чтобы узнать, чѣмъ кончится битва. Будемъ впрочемъ думать, что дамы имѣли еще болѣе благую цѣль въ виду — помогать раненымъ.

Намъ было необходимо дать знать товарищамъ о нашемъ положеніи и предостеречь ихъ отъ опасности, которой и они, конечно, подвергались, слѣдуя по нашему курсу. За туманомъ, мы принуждены были употребить единственный въ такихъ случаяхъ сигналъ: безпрерывную пальбу изъ пушекъ, и весьма вѣроятно, что первое извѣстіе о происшествіи было передано Одесскому губернатору нашими же выстрѣлами. Легко себѣ представить, какое мучительное чувство овладѣло нами, когда мы узнали свое положеніе. Мы были такъ близко къ берегу и такъ плотно сидѣли на мели, что ни сдвинуться съ мѣста, ни сопротивляться непріятелю, намъ не было никакой возможности. Съ минуты на минуту мы ждали, что на насъ нагрянетъ артиллерія и стрѣлки.

Нападеніе начали стрѣлки, числа которыхъ мы не могли узнать, потому что русскіе стрѣляли изъ-за насыпи съ той части скалы, которая была ближе къ фрегату. Впрочемъ при первыхъ выстрѣлахъ никто изъ нашихъ не былъ убитъ, потому что пули большею частію попадали въ снасти.

Во время стрѣльбы лодки были спущены и якорь на-готовѣ, дабы, облегчивъ судно, можно было его оттащить. Всѣ усилія были употреблены, множество вещей побросано за бортъ, — но мы такъ плотно сидѣли на каменистомъ днѣ, что невозможно было сдвинуться. Полтораста человѣкъ работало за кабестаномъ, и эта плотная масса людей конечно послужила бы превосходною мишенью для русскихъ стрѣлковъ, — но на этотъ разъ туманъ былъ намъ спасителенъ, закрывая насъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Когда канатъ былъ натянутъ на столько, на сколько позволяло благоразуміе, а фрегатъ все не двигался, мы сочли за лучшее приготовиться къ защитѣ отъ непріятельской артиллеріи, выстрѣловъ которой мы ждали ежеминутно.

Носъ фрегата былъ частію ближайшей къ берегу; нашъ утлегаръ, такъ сказать, указывалъ на скалу, а берегъ былъ у насъ слѣва. Необходимо было образовать родъ вала на передней части судна, что мы и сдѣлали, повѣсивъ койки съ тюфяками и одѣялами на толстомъ канатѣ, отъ вантъ до форъ-штага съ обѣихъ

сторонъ: мы такимъ образомъ пересѣкли линію полета пуль съ вершины скалы. Койки заслоняли насъ отъ ружейнаго огня, а мы могли стрѣлять изъ подъ нихъ.

Часто бросали мы безпокойные взгляды на компасъ, думая открыть хоть малѣйшій признакъ движенія судна, потому что канатъ былъ натянутъ до крайней степени. По временамъ иной неунывающій сангвиникъ вскрикивалъ: «есть движенье!» и тѣмъ пріободрялъ матросовъ за кабестаномъ, — но вскорѣ опять исчезала всякая надежда.

Около половины десятаго, непріятель открылъ огонь изъ пушекъ. Это были 24-хъ фунтовыя пушки, только что привезенныя изъ Одессы; онѣ были поставлены прямо надъ нами на скалѣ, такъ что ихъ выстрѣлы ложились вдоль палубы, а наши орудія не могли вредить непріятелю, потому что ихъ нельзя было достаточно выдвинуть впередъ противъ берега. Потому-то мы и сочли за лучшее послать людей внизъ, выбросить безполезныя для насъ пушки въ море, дабы тѣмъ облегчить корабль и помочь ему сдвинутся съ мели. Люди, которые занялись выбрасываніемъ шестнадцати пушекъ за бортъ, были тѣмъ временемъ заслонены отъ выстрѣловъ верхнею палубою; но и тутъ, къ величайшему нашему отчаянію, фрегатъ не двигался.

Между тѣмъ намъ удалось перетащить одно орудіе на палубу и направить его изъ подъ коекъ на скалу, въ отпоръ артиллеріи, громившей насъ сверху; но легко себѣ представить, какъ безполезно было намъ стрѣлять вверхъ и при такихъ обстоятельствахъ.

Выстрѣлы русскихъ, прежде чѣмъ они приняли должное направленіе, попадали большею частію въ снасти и значительно перебили ихъ. Вскорѣ впрочемъ ядра стали попадать въ корпусъ, то засѣдая въ немъ, то пробивая его насквозь: такъ что если бы фрегатъ не стоялъ на мели, онъ непремѣнно пошелъ бы ко дну отъ множества пробоинъ, которыхъ мы не успѣвали задѣлывать.

Затѣмъ русскіе стали бросать каленыя ядра въ корпусъ фрегата, и мы увидѣли, что онъ въ двухъ мѣстахъ загорѣлся; а именно — горѣла большая шлюпка въ центрѣ фрегата, которая не была еще спущена, и еще одна опасная часть внизу. Послѣднее гибельное ядро пробило штирбортъ и засѣло въ кладовыхъ, оставивъ за собою круглое отверстіе, сквозь которое мы могли видѣть берегъ, какъ сквозь амбразуру. Такъ какъ кладовыя прилегали къ передней части пороховой камеры, то необходимо было употребить всѣ возможныя усилія, чтобы потушить пламя.

Всѣ, кого только можно было оторвать отъ прочихъ обязанностей, были созваны къ пожарнымъ трубамъ. Четыре трубы были въ безпрерывномъ дѣйствіи и успѣли до нѣкоторой степени потушить огонь: вслѣдъ за тѣмъ три были направлены на пороховую камеру, и такимъ образомъ мы работали до конца съ невыразимымъ напряженіемъ силъ.

ГЛАВА II.

Капитанъ Жиффардъ раненъ. — Пальба прекращается съ обѣихъ сторонъ. — Третій лейтенантъ посланъ на берегъ. — Первый лейтенантъ посланъ вслѣдъ за нимъ и удержанъ русскимъ генераломъ. — Вопросы г. Остенъ-Сакена. — Раненыхъ отправляютъ въ госпиталь. — Русскій генералъ отдаетъ справедливость мужеству непріятеля. — Карантинныя правила. — Экипажъ переѣзжаетъ на берегъ.

Въ четверть одиннадцатаго русская 24-хъ фунтовая граната пробила носовой бортъ, какъ разъ у единственной пушки, изъ которой мы могли стрѣлять, и разорвавшись, ранила мичмана и трехъ канонировъ. Такъ гибеленъ былъ этотъ разрывъ, что сверхъ того имъ оторвало лѣвую ногу стоявшаго близь пушки капитана Жиффарда и ранило правую. Одинъ осколокъ металла разбилъ телескопъ, который капитанъ держалъ въ рукѣ, а съ десятокъ другихъ прорвали ему платье и нанесли нѣсколько сильныхъ ушибовъ. Бѣдному молодому мичману оторвало обѣ ноги и онъ прожилъ только нѣсколько часовъ послѣ сдѣланной ему на кораблѣ операціи: онъ умеръ на берегу, въ то время, какъ его переносили въ госпиталь. Онъ былъ дальній родственникъ капитана и носилъ съ нимъ ту же фамилію. Вильямъ Тренеръ, артиллерійскій капитанъ, лишился лѣвой ноги и также умеръ, во время отправленія его въ госпиталь, несмотря на медицинское пособіе, данное ему на кораблѣ. Вильямъ Теннеръ, канониръ, былъ опасно раненъ въ бедро, но впослѣдствіи поправился въ госпиталѣ. Томасъ Гудъ, мальчикъ, подававшій картузы, четырнадцати лѣтъ, былъ сильно раненъ въ животъ и умеръ черезъ нѣсколько дней въ госпиталѣ. Онъ былъ легко раненъ еще въ началѣ дѣла, но оставался при должности.

Въ такомъ разстройствѣ, мы прекратили пальбу. Раненые были отнесены въ констабельскую, а капитанъ, будучи еще въ памяти, приказалъ поднять русскій флагъ въ знакъ того, что сдается. Третій лейтенантъ былъ посланъ всѣдъ за тѣмъ на берегъ, съ переговорнымъ флагомъ, чтобы объяснить начальнику

русскаго отряда, въ чемъ дѣло, потому что за туманомъ нашъ флагъ не былъ видѣнъ съ берега.

Едва онъ присталъ къ берегу, ему данъ былъ сигналъ: не подходить, — какъ бы за нарушеніе карантинныхъ правилъ, и онъ, не будучи въ состояніи объясниться съ начальникомъ береговаго отряда, отослалъ лодку назадъ за кѣмъ нибудь изъ знающихъ по французски. Я, какъ принявшій команду послѣ капитана, съѣхалъ на берегъ для объясненій съ генераломъ. Я былъ встрѣченъ на берегу младшимъ офицеромъ и подъ конвоемъ приведенъ къ генералу Остенъ-Сакену на вершину скалы. При генералѣ находились два пѣхотныхъ солдата и карантинный сторожъ, вооруженный двумя пистолетами. Генералъ Остенъ-Сакенъ, принявъ русскій флагъ, нами поднятый, за сигналъ къ нашимъ спутникамъ, спросилъ, что это значитъ — и получилъ въ отвѣтъ, что это знакъ, что мы сдаемся. Потомъ онъ спрашивалъ, много ли насъ всѣхъ на кораблѣ, много ли у насъ раненыхъ, куда мы шли и участвовали ли мы въ бомбардированіи Одессы? На всѣ вопросы я далъ ему удовлетворительные отвѣты, исключая вопроса о томъ, куда мы направляли свой путь. Я объяснилъ ему, что капитанъ нашъ тяжело раненъ и я не успѣлъ еще узнать отъ него о назначеніи фрегата.

Я обратился къ генералу съ просьбою объ изысканіи средствъ къ отправленію раненыхъ въ госпиталь. Онъ немедленно приказалъ одному офицеру обо всемъ этомъ позаботиться, и менѣе чѣмъ въ полчаса, явилась повозка и нѣсколько мягкихъ креселъ, вѣроятно взятыя съ дачи г. Кортацци, Одесскаго градскаго главы, на землѣ котораго были расположены и войска и баттареи, къ неизбѣжной порчѣ его цвѣтниковъ.

Русскій отрядъ простирался до трехъ тысячъ человѣкъ и состоялъ изъ батальона пѣхоты и нѣсколькихъ эскадроновъ уланъ. Онъ казался еще гораздо большимъ отъ несмѣтной толпы народа, который изъ любопытства, не размышляя объ опасности быть свидѣтелемъ ужасовъ войны, съѣзжался и сбѣгался изъ города, кто какъ могъ.

Генералъ не пропустилъ случая выразиться съ похвалою о мужествѣ нашего капитана, офицеровъ и команды, и, безъ всякой съ моей стороны просьбы, позволилъ намъ перевезти на берегъ частную собственность. При этомъ онъ приказалъ намъ торопиться съѣзжать на берегъ, опасаясь, чтобы наши спутники, которые могли слышать наши первые сигнальные выстрѣлы, не подошли къ намъ на помощь. Предполагая, вѣроятно, что и

флотъ могъ сюда собраться, онъ объявилъ, что опять откроетъ огонь, если экипажъ не высадится немедленно.

Я написалъ нѣсколько строкъ карандашемъ старшему по мнѣ офицеру, приказывая ему немедленно высаживаться. Русскій прапорщикъ на кончикѣ сабли донесъ мою записку, не нарушая карантинныхъ правилъ, до берега, гдѣ я передалъ ее другому офицеру, знавшему по англійски. Послѣдній, прибывшій сюда уже послѣ того, какъ я вышелъ на берегъ, былъ назначенъ посредникомъ между войсками и экипажемъ. Впрочемъ, записка моя не дошла по назначенію, потому что генералъ позволилъ мнѣ съ вершины скалы передать его приказаніе экипажу, отойдя на тридцать ярдовъ отъ мѣста, гдѣ генералъ стоялъ: мой голосъ былъ услышанъ на фрегатѣ.

Сначала генералъ какъ будто не понялъ, почему я просилъ его отмѣнить на этотъ разъ строгость карантинныхъ правилъ: онъ считалъ это рѣшительно невозможнымъ; и когда я объяснилъ ему, что это облегчитъ наши сношенія, то онъ замѣтилъ мнѣ, что и самъ Императоръ подчиняется всей строгости карантинныхъ постановленій. Вскорѣ генералъ къ удовольствію своему замѣтилъ двѣ лодки, отчалившія отъ фрегата съ частію экипажа; но и тутъ онъ продолжалъ съ безпокойствомъ смотрѣть въ туманную даль, какъ бы опасаясь, чтобы флотъ нашъ, подоспѣвши къ намъ на помощь, не отбилъ у него приза.

Двѣ кожуховыя лодки свезли на берегъ около ста восьмидесяти человѣкъ; но имъ не позволили воротиться за остальными, хотя генералъ первоначально и выразилъ желаніе, чтобы нѣсколько нашихъ матросовъ остались при лодкахъ во вторую поѣздку. Генералъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ касательно калибра нашихъ орудій, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, обратился къ одному изъ своихъ артиллерійскихъ офицеровъ, спрашивая его мнѣнія о степени справедливости нашихъ показаній. Потомъ онъ приказалъ ему съ отрядомъ русскихъ солдатъ отправиться на фрегатъ. Когда этотъ артиллеристъ, уже не молодой человѣкъ, по непривычкѣ къ морю, не безъ труда отвалилъ отъ берега съ отрядомъ въ пятьдесятъ человѣкъ, туманъ нѣсколько прояснился, и за полмили отъ фрегата показались два какіе-то темные предмета. Можно себѣ представить изумленіе русскихъ! Лодкѣ немедленно приказано было воротиться, а плѣнныхъ подъ сильнымъ прикрытіемъ отправили въ Одессу. «Нигеръ» и «Везувій» подходили къ намъ на помощь.

ГЛАВА III.

«Везувій» и «Нигеръ» открываютъ огонь. — Экипажъ «Тигра» продолжаетъ высаживаться. — Наши товарищи удаляются. — Усилія спасти обломки «Тигра». — Огонь продолжаетъ тлѣться внутри фрегата. — Взрывъ. — Экипажъ отводится въ Одесу. — Привалъ вблизи города. — Участіе жителей.

«Везувій» и «Нигеръ» открыли огонь около полудня; имъ отвѣчали съ берега, а между тѣмъ нашъ экипажъ продолжалъ высаживаться. Офицеры нашихъ пароходовъ, конечно, не могли разглядѣть своихъ товарищей, которые неустрашимо несли раненыхъ по берегу, подъ градомъ ядеръ, разрывавшихся во всѣхъ направленіяхъ. Русскіе между тѣмъ, по данному знаку, пригнулись къ землѣ и тѣмъ были защищены отъ выстрѣловъ.

Пальба нашихъ спутниковъ продолжалась, безъ вреда для русскихъ, и послѣ того, какъ вся остальная часть экипажа, вмѣстѣ съ ранеными, была направлена къ зданію карантина. Когда офицеры «Везувія» и «Нигера» догадались, въ чемъ дѣло, то удалились съ цѣлію довести о происшедшемъ адмиралу: они ясно видѣли, что спасти фрегата нельзя, а стрѣлять на опустѣвшій утесъ безполезно, потому что русскія войска удалились и оставалась одна только артиллерія.

Когда огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился, Одесскій лоцманъ, Луиджи Мокки, былъ посланъ на фрегатъ надзирать за выгрузкою тѣхъ вещей, которыя можно было свезти на берегъ. Онъ подалъ помощь второму лейтенанту, который съ немногими изъ экипажа ждалъ возвращенія нашей лодки. Лоцманъ въ нѣсколько поѣздокъ перевезъ къ карантинному молу вещи, которыя ему удалось спасти, и онѣ, послѣ должной окурки, были розданы владѣльцамъ.

Огонь, котораго невозможно было потушить, продолжалъ тлѣться внутри фрегата, и вечеромъ, около восьми часовъ, находясь уже въ зданіи карантина, мы услышали взрывъ и надѣялись, что русскіе будутъ лишены своей добычи. Это было справедливо только отчасти, потому что только небольшая часть пороха въ магазинѣ была способна воспламениться. Корабль продолжалъ горѣть до уровня воды и только двѣ торчавшія трубы свидѣтельствовали, что на этомъ мѣстѣ стоялъ пароходъ.

Экипажъ былъ построенъ въ длинную колонну по пяти или шести человѣкъ въ рядъ, и подъ сильнымъ конвоемъ мы на-

правились къ карантину, который показался намъ гораздо далѣе, нежели онъ дѣйствительно находился. Эти четыре мили мы шли слишкомъ два часа, потому что день былъ невыносимо жаркій и мы были сильно истомлены. Съ предъидущаго вечера мы ничего не ѣли, и только въ семь часовъ вечера могли приняться за пищу въ плѣну.

Кромѣ конныхъ казаковъ, вооруженныхъ длинными пиками, насъ сопровождали дрожки по обѣ стороны дороги. Множество дамъ и одесское лучшее общество не уступали въ любопытствѣ простому народу. Дачи по обѣ стороны дороги были также наполнены любопытными зрителями: впрочемъ, никто изъ нихъ не выражалъ обиднаго для насъ восторга.

Насъ конвоировали, кромѣ казаковъ, еще около двухъ сотъ человѣкъ 31-го пѣхотнаго полка. Они не менѣе насъ чувствовали усталость, и потому всѣмъ намъ позволено было остановиться для отдыха. Мѣстомъ привала было выбрано открытое поле по лѣвую сторону дороги, близь вала разрушенной крѣпости, на которомъ находится зданіе карантина. Невдалекѣ начиналась длинная аллея акацій, идущая вокругъ всего города. Толпа по прежнему напирала на войска, насъ окружавшія, и здѣсь мы въ первые испытали ту доброту и внимательность, въ которыхъ имѣли впослѣдствіи такъ много случаевъ убѣждаться, во время пребыванія у нашихъ малоизвѣстныхъ намъ враговъ. Одинъ старый офицеръ, сопровождаемый дамами, подошелъ къ намъ, и взявъ отъ пирожниковъ и хлѣбниковъ нѣсколько корзинъ, роздалъ съѣстное нашимъ морякамъ. По просьбѣ одного изъ нашихъ офицеровъ, принесли вина и воды для освѣженія команды. Было ли заплачено за пироги, этого я не знаю; но могу сказать то, что когда эти продавцы ушли, явились другіе со свѣжимъ пирожнымъ, которое хоть и очень было вкусно, но не могло удовлетворить проголодавшихся старыхъ моряковъ, истомленныхъ трудами.

Примѣру стараго офицера послѣдовали многіе другіе, съ радостью приносившіе плѣннымъ все, что могли достать съѣстнаго въ окрестностяхъ. Одинъ, напримѣръ, подчивалъ офицеровъ водкой и водой, запасенными имъ, по видимому, для собственнаго употребленія; но такъ какъ погода была жаркая, то мы благоразумно отъ этого отказались; тогда онъ послалъ за нѣсколько сотъ ярдовъ, въ ближайшій домъ, за легкимъ виномъ. Сигары и папиросы въ изобиліи были предлагаемы желающимъ; но при закуриваніи папиросъ были соблюдены въ строгости всѣ карантинныя правила. Вотъ еще примѣръ русской осторожно-

сти. Во время привала, лоскутокъ бумаги, на которомъ были написаны наши имена, по миновании въ немъ надобности, былъ разорванъ и брошенъ на вѣтеръ. Русскій офицеръ, увидя это, приказалъ одному солдату, скинувъ аммуницію, подойти къ намъ и собрать по кусочкамъ всю бумагу, дабы зараза не могла распространиться ни физически, ни политически. И такимъ образомъ этотъ солдатъ долженъ былъ впослѣдствіи высидѣть положенный срокъ въ карантинѣ вмѣстѣ съ нами; между тѣмъ какъ можно было, безъ всякаго для насъ униженія, заставить насъ самихъ подобрать бумагу.

ГЛАВА IV.

Карантинъ. — Увеличеніе раціона плѣнныхъ. — Синьоръ Аннибалъ Камбіаджіо, переводчикъ. — Карантинная стража. — Погребеніе двухъ товарищей. — Генералъ Остенъ-Сакенъ. — Его набожность. — Супруга генералъ Остенъ-Сакена. — Ея доброта и участіе къ намъ. — Генералъ Анненковъ. — Генералъ Крузенштернъ. — Баронъ Роллобергъ.

Отдохнувши съ полчаса, мы направились къ зданію карантина, которое устроено съ гораздо бо́льшею внимательностью къ удобствамъ помѣщенныхъ тамъ, нежели многія подобныя зданія въ Европѣ. Карантинъ помѣщается на вершинѣ скалы во сто футовъ вышиною, лицомъ къ морю, внутри разрушенной крѣпости, слѣды которой еще доселѣ видны. Одесса лежитъ на той же высотѣ въ разстояніи четверти мили къ сѣверу отъ карантина. Одинъ флигель карантиннаго зданія обращенъ къ востоку, другой къ югу: изъ обоихъ восхитительный видъ на море. Извилистая дорога ведетъ внизъ по скалѣ къ магазинамъ, расположеннымъ на берегу; отсюда она поворачиваетъ къ молу и таможнѣ. Таможня помѣщается между зданіемъ карантина и пристанью, съ которой во время бомбардированія Одессы семеро англійскихъ купцовъ убѣжали и присоединились къ флоту. Въ карантинѣ комнаты хороши, и что особенно замѣчательно, хорошо меблированы: стулья, обтянутые штофомъ, въ ситцевыхъ чахлахъ; диваны, кровати, ломберные столы, словомъ: все было для нашего удобства. Капитанъ вмѣстѣ съ медиками помѣщался въ одномъ изъ отдѣленій карантиннаго лазарета, состоящемъ изъ четырехъ комнатъ; остальныя одиннадцать комнатъ были отданы прочимъ офицерамъ, которыхъ было двадцать-два и при нихъ восемь служителей. Матросы были помѣщены въ южномъ флигелѣ и въ пустомъ пороховомъ магазинѣ, который принадлежалъ когда-то къ крѣпости. На лужкѣ передъ окнами росли кусты

сирени и акацій, оживляя мѣстность въ такое время года, когда весна была во всемъ цвѣтѣ. По вечерамъ мы обыкновенно выходили изъ комнатъ на этотъ лугъ подышать прохладой, попить и покурить на досугѣ, считая отъ нетерпѣнія дни нашего карантина, которые были ограничены двадцати-одними.

Такое множество неожиданныхъ нахлѣбниковъ конечно должно было затруднить карантинное начальство, касательно нашего продовольствія. Вотъ почему правительство во первыхъ позаботилось подрядить поставщика припасовъ для нашего стола; но такъ какъ въ назначеніи содержанія плѣнныхъ обыкновенно имѣли въ виду только турокъ, то оно и оказалось недостаточнымъ для утонченныхъ нуждъ болѣе образованнаго народа. Въ первый вечеръ экипажу дали только вина и хлѣба, впрочемъ, того и другаго въ изобиліи и отмѣннаго качества. Офицерамъ подали мяса и зелени въ достаточномъ количествѣ.

Начальство опредѣлило увеличить раціоны. Подрядчикъ обязался поставлять постоянно достаточное количество мяса, бульону и хлѣба, чѣмъ наши люди были совершенно довольны, хоть, впрочемъ, вина или грогу имъ не отпускали. Первоначально законъ опредѣлялъ по 15-ти копѣекъ (по шести пенсовъ) въ день на пищу каждаго плѣннаго, безъ различія званія. Начальство возвысило эту сумму до 50-ти копѣекъ на каждаго офицера и до 25-ти копѣекъ на каждаго солдата. Въ странѣ, гдѣ жизненные припасы сравнительно дешевле, такое содержаніе можно назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Я почитаю себя счастливымъ, имѣя случай выразить при этомъ нашу признательность синьору Аннибалу Камбіаджіо, который былъ опредѣленъ къ намъ отъ правительства въ качествѣ переводчика. Его снисходительная и истинно джентльменская внимательность къ намъ избавляла насъ отъ многихъ затрудненій, въ которыя мы были бы естественно поставлены безъ его содѣйствія. Онъ итальянецъ, но прекрасно знаетъ многіе языки, въ томъ числѣ французскій и англійскій. Дѣйствуя по приказанію начальства, онъ справедливо полагалъ, что удовлетворитъ вполнѣ его ожиданіямъ, когда будетъ обходиться съ нами внимательно и предупредительно. Какъ истинный джентльменъ высокаго образованія, онъ не щадилъ трудовъ для доставленія намъ всего необходимаго, и я увѣренъ, каждый изъ насъ навсегда сохранитъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Понятно, что послѣ чрезмѣрныхъ трудовъ этого дня, мы заснули какъ убитые на соломѣ, намъ посланной. На другой день мы проснулись для яснаго сознанія нашего положенія и для пе-

чальной обязанности — похоронить двухъ товарищей, которые умерли наканунѣ, павъ въ безполезной борьбѣ за нашу свободу.

Карантинная стража состояла изъ старыхъ солдатъ, бывшихъ уже на пенсіи; многіе изъ нихъ имѣли медали и кресты за военные подвиги, въ особенности противъ Черкесовъ. Нѣкоторые изъ нихъ служили при госпиталѣ; другіе днемъ исполняли должность часовыхъ, привратниковъ, вѣстовыхъ, а на ночь смѣняемы были молодыми строевыми солдатами, болѣе способными переносить труды и холодъ. Это мы заключили изъ того, что по ночамъ наши часовые перекликались такими продолжительными и громкими криками, какіе были бы не подъ силу шестидесяти-лѣтнимъ старикамъ. Часовыхъ обыкновенно смѣняли, когда уже стемнѣетъ, такъ что мы не имѣли возможности замѣтить, чьему храненію насъ поручали на ночь, а на другое утро мы обыкновенно встрѣчали уже нашихъ стариковъ.

Человѣкъ шесть этихъ стариковъ сопровождали нашу погребальную процессію на кладбище, которое есть не что иное какъ лугъ, принадлежащій къ карантину и обнесенный высокою кирпичною стѣною.

Такъ какъ единственный протестантскій священникъ въ Одессѣ былъ лютеранинъ и не говорилъ по англійски, то мы рѣшили исполнить обрядъ погребенія такъ, какъ это дѣлается на кораблѣ, что и совершено было мною, какъ старшимъ офицеромъ. Конечно, друзьямъ нашимъ пріятно будетъ узнать, что многіе изъ насъ во время суматохи при оставленіи фрегата не забыли взять свои молитвенники и библіи, менѣе заботясь объ остальной собственности. Возвратясь съ кладбища, мы были посѣщены нѣсколькими русскими генералами и офицерами, пришедшими освѣдомиться о нашемъ благосостояніи.

Генералъ Остенъ-Сакенъ ежедневно посѣщалъ капитана, офицеровъ и больныхъ. Онъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что каждый разъ находилъ Вильяма Теннера (который былъ раненъ и начиналъ поправляться) за библіею. Онъ очень хвалилъ его поведеніе, будучи самъ человѣкомъ весьма набожнымъ. Дѣйствительно, сердце его до такой степени нѣжно и мысли проникнуты набожностію, что онъ каждый разъ, посѣщая плѣнныхъ, заходилъ на могилы враговъ, и тамъ мы видѣли, какъ онъ, погруженный въ размышленіе, крестился и молился Всевышнему. Генеральша Остенъ-Сакенъ, его добрая супруга, не уступала ему въ нѣжной внимательности къ плѣннымъ и раненымъ. Послѣднимъ она присылала разныя лакомыя блюда изъ своего хозяйства; а когда Богу угодно было отозвать къ себѣ бѣднаго маль-

чика, Томаса Гуда, она приказала огородить желѣзною рѣшеткою его могилу и сама посадила надъ нею деревья. Эту нѣжность внушило ей воспоминаніе о своемъ собственномъ сынѣ, который тоже недавно умеръ и былъ однихъ лѣтъ съ Томасомъ Гудомъ. Какъ она умѣла сочувствовать чужому горю, видно еще изъ того, что она послала матери умершаго мичмана Жиффарда медальонъ съ его волосами.

Генералъ Анненковъ, генералъ-губернаторъ Одессы, генералъ Крузенштернъ, сынъ знаменитаго мореплавателя, баронъ Роллсбергъ, комендантъ Одессы, и многіе другіе офицеры, имена которыхъ мнѣ трудно запомнить, но благодарное воспоминаніе о которыхъ всегда будетъ живо, — всѣ выражали величайшее къ намъ вниманіе и сочувствіе къ нашему положенію.

ГЛАВА V.

Позволеніе написать письма къ товарищамъ на флотъ. — Перемѣщеніе изъ пороховаго магазина въ училище. — Недостатокъ воды въ Одессѣ. — Матросы составляютъ оркестръ. — Неизвѣстность нашей будущности. — Примѣръ добродушія и терпѣливости русскаго солдата. — Распоряженія для поддержанія порядка. — Экипажъ даритъ кольцо главному смотрителю карантина. — Ожиданія, что флотъ придетъ отмстить за взятіе «Тигра». — Прибытіе двухъ англійскихъ пароходовъ. — Письма отъ нашихъ. — Австрійскій консулъ кавалеръ Цешини. — Опасенія за жизнь капитана Жиффарда.

Генералъ Остенъ-Сакенъ, безъ всякой со стороны нашей просьбы, позволилъ намъ писать къ друзьямъ на флотъ съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы письма были пересылаемы черезъ начальство не запечатанныя и не касались политическихъ предметовъ. Это было для насъ источникомъ многихъ радостей. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего водворенія въ карантинѣ, врачебная управа нашла, что пороховой магазинъ былъ мѣстомъ нездоровымъ для нашего помѣщенія, и потому экипажъ былъ переведенъ въ большой домъ, который занимало прежде училище: тамъ наши люди помѣстились на просторѣ. Ученики были переведены за городъ. Это зданіе находилось за четверть мили отъ того мѣста, гдѣ помѣщены были офицеры, внѣ крѣпости, при подошвѣ гласиса, на углу одной изъ широкихъ улицъ предмѣстья. Съ обѣихъ сторонъ входа въ зданіе были поставлены часовые, а на противуположной сторонѣ улицы, противъ входа, былъ поставленъ сильный караулъ. Одинъ этажъ остался пустымъ, и потому мѣста было много внутри дома. Сверхъ того, обширный дворъ

представлялъ экипажу довольно простора для прогулки на чистомъ воздухѣ и для игръ, которыми наши моряки, отъ скуки, помнили дѣтскіе годы. Однимъ изъ важныхъ удобствъ помѣщенія былъ колодезь хорошей воды, такъ что офицерамъ въ этомъ отношеніи было менѣе удобства: имъ привозили ежедневно воду въ боченкахъ. Одесса вообще бѣдна хорошею водою; жители должны покупать ее у водовозовъ, привозящихъ ее въ боченкахъ изъ-за нѣкотораго разстоянія. Кровати учениковъ были нѣсколько коротки для нашихъ моряковъ; но, впрочемъ, это не составляло большаго затрудненія для людей, привыкшихъ на кораблѣ спать, скорчившись на койкахъ. Фортепьяно, стоявшее въ одной изъ комнатъ, поступило въ распоряженіе умѣющихъ играть; въ складчину была куплена скрипка у одного изъ музыкантовъ одесской оперы. Къ этимъ инструментамъ присоединилась флейта, которую одинъ изъ матросовъ успѣлъ захватить съ собою при высадкѣ, и такимъ образомъ составился маленькій оркестръ, подъ звуки котораго наши моряки плясали по вечерамъ съ трубками въ зубахъ, коротая время своего заключенія. Замѣчательнымъ доказательствомъ, до какой степени неутомимости могутъ достигать силы стараго моряка, служитъ то, что весьма часто послѣ тяжкой дневной работы стоитъ только кому нибудь заиграть на скрипкѣ — откуда ни возьмутся неутомимые танцоры, готовые по получасу выдѣлывать ногами разные па, какъ будто отъ этого искусства зависитъ самая жизнь ихъ. Хорошо, что наши моряки имѣли возможность предаваться этому здоровому и веселому занятію: это предохранило ихъ отъ гибельной тоски по родинѣ.

Всего болѣе мучила насъ неизвѣстность о томъ, долго ли намъ придется быть въ плѣну. Такъ какъ до того времени у англичанъ не было еще русскихъ военно-плѣнныхъ, то мы и не имѣли надежды на освобожденіе посредствомъ размѣна.

Экипажъ нашъ доказалъ, къ большой чести для себя, какую пользу принесла ему привычка къ порядку и дисциплинѣ. Такъ какъ офицеры были совершенно отдѣлены отъ простыхъ матросовъ, и послѣдніе могли съ ними видѣться только съ письменнаго разрѣшенія начальства, то экипажъ, самъ собою выбралъ одного изъ младшихъ русскихъ офицеровъ, знавшаго по французски, въ главные надзиратели за плѣнными. Онъ обязанъ былъ наблюдать за чистотою и порядкомъ въ комнатахъ, раздѣлять плѣнныхъ на партіи, смотрѣть, чтобы не курили въ постеляхъ и гасили огни въ 10 часовъ вечера. Всѣ эти распоряженія, клонившіяся къ тому, чтобы доставить каждому всѣ удобства и снискать расположеніе тѣхъ, чьему надзору матросы были ввѣрены,—

были представлены мнѣ на утвержденіе, и о всякомъ нарушеніи правилъ доносили мнѣ же. Разумѣется, что съ виновными начальство могло бы распорядиться по своимъ установленіямъ, но оно было столько снисходительно, что позволяло мнѣ самому назначать наказанія. Опредѣлено было, что исключеніе виновнаго на нѣсколько дней изъ общества товарищей было достаточнымъ наказаніемъ. Совершенное заключеніе виновнаго, въ особую комнату, было невозможно при карантинныхъ правилахъ, по которымъ сторожъ долженъ постоянно находиться при заключенномъ. Кромѣ часовыхъ, поставленныхъ передъ зданіемъ, около него съ утра и до вечера толпилось много горожанъ, любопытствовавшихъ поглядѣть на плѣнныхъ. Многія сострадательныя женщины приносили букеты цвѣтовъ и бросали въ комнату, къ большому удовольствію нашихъ моряковъ. Въ примѣръ терпѣливости и добродушія русскаго солдата, я могу разсказать одинъ случай. Когда толпа женщинъ слишкомъ тѣснилась къ окнамъ, часовые приказали нашимъ отойти отъ оконъ, а толпѣ отодвинуться. Одинъ изъ моряковъ дѣйствительно отошелъ, но вскорѣ вернулся со стаканомъ воды, которую и вылилъ на часоваго, что возбудило всеобщій смѣхъ. Можно было ожидать, что произойдетъ изъ этого что нибудь весьма непріятное для нашихъ, но никто изъ солдатъ не разсердился, вѣроятно сочтя это скорѣй за врожденную морякамъ страсть къ шуткамъ, нежели за желаніе обидѣть и досадить. Въ доказательство того, какъ довольны были наши моряки снисходительнымъ обращеніемъ съ ними, я упомяну, что по окончаніи карантина, они положили подарить кольцо въ знакъ признательности одному изъ карантинныхъ коммиссаровъ, доброму 84-хъ-лѣтнему и весьма крѣпкому еще старичку, который всю жизнь свою находился въ этой службѣ.

Русское начальство естественно ожидало, что союзный флотъ придетъ вторично бомбардировать Одессу, въ отмщеніе за разрушеніе «Тигра»; и потому телеграфы были постоянно въ движеніи на всѣхъ пунктахъ берега. Мы часто видѣли, съ какими озабоченными лицами являлись офицеры на полуразрушенную башню, внутри карантинной ограды, наблюдать — не появятся ли вдалекѣ корабли. Такимъ образомъ мы постоянно находились въ напряженномъ состояніи ожиданія свободы.

16-го мая синьоръ Аннибалъ Камбіеджіо принесъ намъ пріятное извѣстіе, что видны два англійскіе парохода, и что онъ отправляется ихъ встрѣчать; и почти въ тоже время графъ Медемъ, одинъ изъ адъютантовъ Остенъ-Сакена, присланъ былъ къ намъ съ предложеніемъ приготовить письма къ друзьямъ на

флотъ. Въ 10 часовъ, позавтракавъ на-скоро, мы въ величайшемъ нетерпѣніи устремили на море два телескопа, которые удалось намъ спасти съ фрегата. Наконецъ-то, къ полному удовольствію нашему, показались два парохода: они были и прежде видны съ русской сторожевой башни на берегу, но теперь стали видны и изъ карантина, противъ котораго остановились для сообщенія съ берегомъ. Вскорѣ мы разглядѣли, что это были «Furious» и «Inflexible», съ русскимъ флагомъ на гротъ-мачтѣ, и съ переговорнымъ на форъ-мачтѣ. Лодка, въ которой былъ посланъ синьоръ Камбіаджіо, для переговоровъ, встрѣтила лодку «Фуріуса» на половинѣ разстоянія отъ корабля до города. Послѣ непродолжительнаго разговора, лодки разъѣхались. Послѣ обычнаго обкуриванія, вскрытія и прочтенія, письма и посылки были переданы намъ. Какъ счастливы были тѣ (и только немногіе составляли исключеніе), которые получили отъ друзей письма и посылки, съ увѣреніями, что всѣ соотечественники сочувствуютъ имъ въ несчастіи.

Офицерамъ прибывшихъ пароходовъ мы обязаны полною благодарностію за щедрость, съ которою они снабдили насъ всѣмъ нужнымъ, въ особенности платьемъ и деньгами. Деньги собраны были ими по подпискѣ и присланы къ намъ, безъ всякой съ нашей стороны просьбы и безъ всякихъ условій. Я увѣренъ, что со временемъ мы заплатимъ имъ нашъ денежный долгъ, но долгъ благодарности останется вѣчно неоплатнымъ.

Намъ объявили позволеніе начальства приготовить отвѣты на письма съ флота; но личное свиданіе капитана «Фуріуса» съ офицерами «Тигра» не было дозволено, по политическимъ причинамъ. Послѣ обѣда первый лейтенантъ «Фуріуса» присталъ къ берегу съ большимъ запасомъ одѣялъ, фланели, сукна, мыла, табаку и проч., что безпрекословно было допущено въ карантинъ для окуренія и выдачи намъ. Между прочимъ была прислана бочка какао, по ошибкѣ, вмѣсто бочки мыла: это нѣсколько затруднило насъ, потому что у насъ не было достаточно сахару для какао, а отослать его назадъ или промѣнять его тоже было нельзя.

Русскіе были поражены заботливостію нашихъ товарищей о насъ, когда увидѣли, какое изобиліе запасовъ было прислано для удовлетворенія нашихъ нуждъ; а для нашего экипажа было весьма утѣшительно видѣть, что соотечественники не забыли ихъ и не пренебрегали ими. Къ тому же присылка запасовъ дала и занятіе экипажу: вскорѣ матросы явились въ новомъ приличномъ платьѣ, сшитомъ ими самими.

Адмиралъ прислалъ мнѣ также позволеніе написать требованіе на выдачу жалованья экипажу и денегъ на покупку необходимой для него одежды. Это требованіе приказано было заявить у австрійскаго консула Цешини, такъ какъ мы не имѣли своего представителя въ Одессѣ. По этому случаю принцъ Лейнингенъ (родственникъ Ея Величества, служащій въ Черномъ морѣ на флагманскомъ кораблѣ «Британія») написалъ къ австрійскому консулу письмо на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этихъ денежныхъ сдѣлкахъ мы не встрѣтили никакихъ затрудненій, платя только по полутора процента за дисконтированіе векселя.

Консулъ предлагалъ намъ также свое посредничество въ предъявленіи частныхъ денежныхъ требованій въ Англію, хотя по причинамъ политическимъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать весьма осмотрительно относительно насъ. Впослѣдствіи я буду имѣть случай еще упоминать о его благосклонности къ намъ, на сколько онъ могъ выражать ее.

Пароходы отправились назадъ въ шесть часовъ вечера, оставя насъ въ горькой досадѣ на судьбу, не дозволявшую намъ принять участіе въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Друзья наши повезли на флотъ печальныя извѣстія о состояніи здоровья нашего добраго и всѣми уважаемаго капитана.

ГЛАВА VI.

Предоставленіе намъ большей свободы. — Строгость карантинныхъ правилъ. — Карантинные врачи. — Докторъ Тови и г. Каррутерсъ. — Докторъ Арна. — Докторъ Погожевъ. — Раненый шотландецъ, спасенный русскими во время бомбардированія. — Обезглавленный трупъ, найденный на фрегатѣ «Тигръ». — Вопросы генерала. — Наше объясненіе. — Извѣстія англійскихъ газетъ. — Число пушекъ на «Тигрѣ.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ приходили наши пароходы, синьоръ Камбіаджіо представилъ начальству, что плѣнные офицеры чуствуютъ большое неудобство отъ ограниченнаго пространства, предоставленнаго имъ для прогулки. Дѣйствительно, намъ позволялось пользоваться только дворомъ передъ зданіемъ. Вслѣдствіе такого ходатайства намъ разрѣшено выходить и на лугъ, прилегавшій къ скалѣ. Кто не испыталъ самъ мучительныхъ карантинныхъ стѣсненій, тотъ не можетъ понять какое удовольствіе испытали мы, когда намъ предоставлена была большая свобода. Грудь дышала легче, члены были развязнѣе въ движеніяхъ, когда мы могли, на чистомъ воздухѣ, предпринимать болѣе далекія прогулки. Здѣсь-то, какъ я уже имѣлъ

случай замѣтить, мы обыкновенно пили по вечерамъ чай, разсуждая о происшествіяхъ, о которыхъ до насъ доходили слухи, и о новостяхъ, о которыхъ намъ писали друзья въ послѣднихъ своихъ письмахъ.

Забавно было иногда смотрѣть, къ какимъ мѣрамъ предосторожности прибѣгали наши карантинные сторожа. Когда, напримѣръ, намъ были присланы изъ города деньги, въ замѣнъ нашихъ векселей, то ихъ погружали въ воду, прежде выдачи намъ; а если намъ случалось передавать чистому сторожу какую нибудь бумагу, то онъ не бралъ ее изъ рукъ, а мы принуждены были класть ее на полъ; и тогда, захвативъ ее кончиками пальцевъ, онъ отправлялся съ нею въ особую комнату для окуриванія.

Однажды маленькая собачка, принадлежавшая нашему капитану, подбѣжала къ сторожу и ухватила его за полу: немедленно сторожъ снялъ съ себя платье для окуриванія, а собаку вынесли на дворъ и вымыли. Послѣ этого мы старались держать въ заперти бѣднаго Тоби, чтобы онъ не вводилъ насъ въ непріятность нарушенія карантинныхъ правилъ, такъ какъ это могло повести къ продолженію срока нашего заключенія, еслибы мы вошли случайно въ соприкосновеніе съ тѣми, кто позже насъ поступилъ въ карантинъ. Такихъ было немного: нѣсколько пассажировъ, пріѣхавшихъ на нейтральныхъ судахъ, да нѣсколько капитановъ, желавшихъ въѣхать въ гавань послѣ выдержанія карантиннаго срока. Карантиномъ завѣдуетъ медицинскій совѣтъ, между членами котораго есть два англичанина, издавна поселившіеся въ Одессѣ: докторъ Тови, изъ Манчестера, женатый на русской и г. Каррутерсъ, братъ англійскаго консула въ Таганрогѣ. Всѣ они были къ намъ весьма снисходительны, на сколько позволяла строгость карантина.

Главный докторъ карантина — г. Арпа, мальтіецъ; помощникъ его докторъ Погожевъ. Оба они оказывали всякое содѣйствіе нашимъ медикамъ при леченіи больныхъ и раненыхъ плѣнныхъ. Другой примѣръ человѣколюбія русскихъ начальниковъ представляетъ ихъ внимательность къ одному раненому шотландцу, котораго мы нашли въ госпиталѣ. Онъ находился на англійскомъ купеческомъ суднѣ и былъ сильно раненъ выстрѣломъ съ одного изъ нашихъ судовъ во время бомбардированія Одессы. Въ пылу дѣйствія, начальство, узнавъ о его несчастіи, простерло свою внимательность до того, что позаботилось объ отведеніи его въ госпиталь, для поданія ему немедленной помощи. Ему вырвало внутреннюю часть бедра и онъ страдалъ смыканіемъ челюстей.

Когда мы помѣстились въ карантинѣ, онъ былъ переданъ на руки нашимъ врачамъ и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Около 20-го мая случилось происшествіе, которое заслуживаетъ описанія, потому что показываетъ, какъ мало извѣстны въ Россіи англійскіе законы и наказанія, употребительныя у насъ на флотѣ. Синьоръ Камбіаджіо явился къ намъ, по порученію начальства, спросить, правда ли, что мы отрубили голову лоцману, который такъ неудачно навелъ на мель нашъ фрегатъ? Мы рѣшительно не понимали, что это значитъ, пока онъ не объявилъ намъ, что послѣ того, какъ мы оставили фрегатъ, тамъ найдено было обезглавленное тѣло, въ одеждѣ англійскаго моряка. Намъ объ этомъ ничего не говорили, пока, черезъ недѣлю, найдена была голова въ другой части корабля. Синьоръ Камбіаджіо прибавилъ, какъ бы въ оправданіе намъ, что конечно мы имѣли на то полное право по нашимъ законамъ, и что начальство желаетъ только знать, дѣйствительно ли это такъ было. Мы старались увѣрить синьора Камбіаджіо, что этого не могло быть, и что, вѣроятно, найденное тѣло принадлежитъ какому нибудь вору, который, переодѣвшись въ матроское платье, пріѣзжалъ на фрегатъ пошарить добычи, но встрѣтилъ тамъ совмѣстника, который его убилъ и обезглавилъ. Впрочемъ, кажется, нашему разсказу не вдругъ повѣрили. Все, что мы могли сдѣлать для бóльшей убѣдительности нашихъ словъ, — это показать нашего лоцмана, турка, который былъ съ нами въ карантинѣ. Даже и послѣ этого многіе офицеры, пріѣзжавшіе къ намъ, продолжали косвенными вопросами вывѣдывать отъ насъ объ этомъ дѣлѣ, думая, вѣроятно, что мы имѣемъ какія нибудь причины скрывать истину.

Эти обстоятельства подали поводъ нѣкоторымъ англійскимъ газетамъ распространять слухи, неблагопріятные для добраго имени нашего капитана, что огорчало его родственниковъ и всѣхъ, знавшихъ его испытанное благородство и доброту.

Много и другихъ разсказовъ распространяли въ то время второстепенныя газеты, для привлеченія вниманія читателей. Между прочими замѣчу одинъ, лишенный всякаго основанія, будто не задолго до смерти капитанъ созвалъ къ себѣ весь экипажъ и выражая сожалѣніе о томъ, что пришлось спустить флагъ, объявилъ, что при другихъ обстоятельствахъ онъ скорѣе бы взорвался на воздухъ, нежели сдался въ плѣнъ.

Другое обстоятельство, которое послужило предметомъ косвенныхъ распросовъ со стороны начальства, было не точное, повидимому, показаніе наше о числѣ пушекъ, бывшихъ на «Тигрѣ.»

Намъ было замѣчено, что мы показали только 16 пушекъ, между тѣмъ, какъ пушечныхъ оконъ было болѣе. На это мы отвѣчали, что на нѣкоторыхъ корабляхъ продѣлывается болѣе отверстій, нежели сколько полагается пушекъ, для перемѣщенія ихъ, въ случаѣ надобности, на болѣе удобныя позиціи. Такой отвѣтъ сочли удовлетворительнымъ. Впрочемъ, я не знаю, были ли перевезены въ Одессу наши пушки, или хоть часть ихъ, людьми, которымъ поручено было спасти остатки «Тигра.»

ГЛАВА VII.

Вторичный пріѣздъ «Фуріуса» и «Везувія». — Взятіе двухъ русскихъ бриговъ. — Предложеніе размѣна плѣнныхъ. — Щедрость русскаго начальства. — Револьверы Кольта. — Русскіе оружейники. — Цензура. — Продолженіе карантиннаго срока. — Надежды на размѣнъ плѣнныхъ. — Опасенія провести зиму въ Россіи. — Просвѣщенные враги и варвары-союзники.

25-го числа мы опять имѣли удовольствіе увидѣть англійскій флагъ на пароходахъ «Фуріусъ» и «Везувій». Въ первое посѣщеніе на нихъ былъ выброшенъ синій флагъ, теперь, по причинѣ повышенія въ чинѣ нашего адмирала, флагъ былъ бѣлый. Это возбудило любопытство русскихъ офицеровъ, которые не знали, что это значитъ: мы объяснили имъ.

Пароходы привезли намъ письма изъ дому, платье для офицеровъ и матросовъ, большой запасъ мыла и табаку, и извѣстіе, что близь Кавказа были взяты два русскіе брига, на которыхъ находилось 179 человѣкъ солдатъ и девять офицеровъ. Адмиралъ предлагалъ генералу Остенъ-Сакену вымѣнять ихъ на часть экипажа «Тигра». Такъ какъ онъ уже прежде освободилъ безъ выкупа болѣе ста русскихъ матросовъ съ купеческихъ судовъ, то онъ естественно предполагалъ, что на подобную сдѣлку русское начальство согласится. Дѣйствительно, генералъ Остенъ-Сакенъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, но долженъ былъ дождаться дальнѣйшихъ приказаній изъ Петербурга.

Такъ какъ лодкамъ, передавшимъ письма, не позволили пристать къ берегу, а русскія лодки только одинъ разъ съѣздили на «Фуріусъ», то мы и не могли написать отвѣтовъ и сообщить нашимъ послѣднихъ свѣдѣній о здоровьѣ капитана и прочаго экипажа. Мы могли передать только тѣ письма, которыя были написаны заранѣе: ихъ передали всѣ вдругъ, и пароходы отправились обратно.

Между вещами, привезенными «Фуріусомъ» для офицеровъ, находились два ящика, прибывшіе изъ Англіи и пересланные

съ корабля «Британія» на имя двухъ молодыхъ мичмановъ. Вещи, въ нихъ заключавшіяся, можно было, собственно говоря, конфисковать, потому что это были: сабля и кольтовскіе револьверы; но русское начальство, считая ихъ частною собственностію, а не военною контрабандою, опредѣлило задержать эти вещи до тѣхъ поръ, пока владѣльцы ихъ будутъ находиться въ плѣну. Генералъ Крузенштернъ приказалъ ихъ запечатать и выдалъ на нихъ росписку съ подробною описью. Русскіе удивлялись устройству револьверовъ, но, вѣроятно, и у нихъ теперь надѣлано много оружія по этому образцу. Вообще, надо замѣтить, что русскіе оружейники работаютъ хорошо, если за ними смотритъ начальство. Всѣ книги, найденныя на нашемъ фрегатѣ, были взяты для разсмотрѣнія въ цензуру и мы получили ихъ только по выходѣ изъ карантина.

Сначала мы полагали, что нашъ карантинъ продолжится только двѣ недѣли, но намъ было объявлено, что онъ продолжится три, и притомъ не ранѣе этого срока могъ придти отвѣтъ изъ Петербурга, касательно нашего дальнѣйшаго назначенія, которое сдѣлалось теперь самымъ занимательнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ.

Такъ какъ мы не могли сказать навѣрное, будетъ ли размѣнъ плѣнныхъ, то, опасаясь, что намъ прикажутъ ѣхать внутрь Россіи, мы стали заниматься различными приготовленіями къ этой поѣздкѣ. Забавно было смотрѣть, какъ всѣ занялись шитьемъ платья: даже офицерамъ приходилось употребить всю свою изобрѣтательность на пополненіе гардероба.

Перспектива — провести зиму Богъ вѣсть въ какой части Россіи, не представляла ничего утѣшительнаго. Наши опасенія на счетъ холода, который придется намъ терпѣть — далеко не уменьшились послѣ того, какъ мы случайно увидѣли наряды одного изъ нашихъ сторожей. Дѣло вотъ въ чемъ: сторожъ провѣтривалъ свое платье и мы увидѣли различные предметы для покрытія головы, носа и подбородка, предметы, о которыхъ мы дотолѣ рѣшительно не имѣли понятія, и которыхъ никакъ не предполагали нужными на югѣ. Что же ожидало насъ внутри Россіи, ужь не говоря объ ужасающихъ равнинахъ Сибири? Но подобныя опасенія были напрасны: снисходительность и доброта, которую намъ доселѣ оказывали, могли служить намъ порукой, что наши просвѣщенные враги не намѣрены прибѣгать къ безполезной жестокости съ нами.

Въ первое время, еще не ознакомившись съ характеромъ русскихъ, и опасаясь дурнаго обращенія, въ случаѣ если бы

насъ помѣстили въ какомъ нибудь захолустьи внутри Россіи, офицеры наши прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы спритать деньги, какія у нихъ были. Одни зашивали ихъ въ воротникъ мундира, другіе въ пояса и т. д. Но такія предосторожности были совершенно излишни, что я испыталъ впослѣдствіи. Въ мою поѣздку почти черезъ всю Россію, я часто, проводя ночь на станціи, оставлялъ свой чемоданъ въ экипажѣ, и не лишился ни одной бездѣлицы. Въ самомъ дѣлѣ, участіе, которое мы вездѣ встрѣчали — замѣчательно, — и какую противоположность представляетъ обхожденіе съ нами нашихъ просвѣщенныхъ враговъ, съ тѣмъ, что мы встрѣчали у нашихъ варваровъ союзниковъ, которымъ Англія такъ великодушно подала руку помощи. Въ Константинополѣ мальчишки, бѣгая за нами по улицамъ, часто плевали на насъ и, конечно, они дѣлали это по внушенію своихъ родителей, которые дома при дѣтяхъ не стѣснялись выражать свои чувства къ намъ.

ГЛАВА XVIII.

Смерть капитана Жиффарда. — Г. Домвиль, медикъ на фрегатѣ «Тигръ». — Погребеніе съ военными почестями. — Русскіе генералы присутствуютъ при церемоніи. — Приказанія Государя относительно офицеровъ и экипажа. — Назначеніе мичмановъ въ Московскій университетъ. — Унывіе экипажа. — Размѣнъ плѣнныхъ.

1-го іюня, въ половинѣ осьмаго часа утра, мы имѣли несчастіе лишиться любимаго нами капитана: онъ умеръ отъ ранъ. Врачи предвидѣли его смерть, потому что раны не представляли возможности къ залеченію ихъ, несмотря на всѣ средства и усилія.

Медикъ, служившій на нашемъ фрегатѣ, желая отклонить отъ себя отвѣтственность и дать друзьямъ капитана увѣренность, что всѣ средства къ спасенію его жизни были употреблены, обратился къ г. Остенъ-Сакену, за двѣ недѣли до смерти капитана, съ просьбою назначить консиліумъ изъ лучшихъ медиковъ Одессы. Это было 20 мая. Докторъ Вагнеръ и нѣсколько другихъ врачей, посѣтивъ капитана, одобрили всѣ средства, которыя были употреблены доселѣ и вообще всю методу леченія.

Безъ сомнѣнія, лицамъ, интересующимся судьбою тѣхъ, кто лишился жизни на фрегатѣ «Тигръ», пріятно будетъ узнать, какое мнѣніе о нашихъ врачахъ я слышалъ отъ одного изъ адъютантовъ генерала Остенъ-Сакена, барона Гротуса. Онъ замѣтилъ мнѣ, что одесскіе врачи свидѣтельствовали въ клиникѣ трупы умершихъ отъ ранъ нашихъ товарищей и выразили генералу

свое удивленіе, съ какимъ искусствомъ, по всѣмъ правиламъ науки, были дѣланы раненымъ всѣ необходимыя ампутаціи.

Я говорилъ уже, что нашъ несчастный капитанъ былъ любимъ всѣмъ экипажемъ; не менѣе онъ былъ уважаемъ офицерами всего флота: всѣ оплакивали его смерть. До послѣдняго часа онъ былъ веселъ, хотя видно было, что онъ мало надѣялся на выздоровленіе. Докторъ Домвиль прочитывалъ ему ежедневно по нѣскольку страницъ изъ Библіи, когда замѣчалъ, что онъ въ состояніи слушать. Это очевидно доставляло ему большое утѣшеніе, и въ послѣднія минуты сдѣлало его еще болѣе покорнымъ судьбѣ.

Печальное извѣстіе о его смерти немедленно было передано генералу, и онъ прислалъ своего адъютанта увѣрить насъ, что всѣ наши желанія касательно отданія послѣдней почести его праху будутъ внимательно исполнены. Сначала мы полагали, что, по причинѣ карантина, похороны будутъ имѣть характеръ домашній; но генералъ изъявилъ желаніе публично выразить свое уваженіе къ капитану, который мужествомъ своимъ снискалъ уваженіе враговъ, и потому опредѣлено было, что погребеніе будетъ совершено со всѣми почестями, подобающими званію покойнаго, и даже генералъ изъявилъ готовность одобрить всѣ распоряженія, какія мы сочтемъ приличными такому случаю.

У насъ былъ съ собою бѣлый флагъ, который мы хотѣли употребить вмѣсто покрова, какъ это обыкновенно дѣлается въ честь офицеровъ такого званія. Генералъ сначала согласился, но потомъ прислалъ къ намъ адъютанта просить, чтобы мы отмѣнили этотъ обрядъ, потому что войскамъ непріятно будетъ сдѣлать три залпа изъ ружей въ честь капитана, если они увидятъ англійскій флагъ: конечно мы согласились, во вниманіе къ такой народной антипатіи.

Начальство прислало намъ красивый гробъ, поставленный на дроги, въ четыре лошади. По причинѣ дурной погоды погребеніе было отложено еще на одинъ день, и во все это время стоялъ у дверей почетный караулъ, по приказанію начальства, съ ружьями, опущенными внизъ. Генералы и офицеры войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, пріѣзжали проститься съ покойнымъ.

3-го іюня въ девять часовъ утра, войска, собранныя у воротъ карантина, построились въ погребальное шествіе. Всѣ офицеры и матросы экипажа шли вслѣдъ за колесницей; впереди ѣхалъ красивый эскадронъ кавалеріи; за нимъ шли генералы съ блестящею свитою адъютантовъ; за ними полкъ пѣхоты съ опущенными ружьями, предшествуемый хоромъ музыкантовъ, игравшихъ

русскій погребальный маршъ; шествіе замыкалось батареею конной артиллеріи. Во исполненіе правилъ карантина мы должны были сдѣлать длинный обходъ кругомъ городскаго вала, дабы достигнуть кладбища, въ отдѣльной части котораго была приготовлена могила. День былъ очень жаркій и жители Одессы толпились по сторонамъ процессіи, несмотря на усилія казаковъ очищать дорогу: въ толпѣ не замѣтно было, однакожь, никакой злобной радости, напротивъ — сочувствіе выражалось повсюду. Службу совершалъ я самъ; мнѣ вторили офицеры и экипажъ: заключительную молитву прочиталъ лютеранскій пасторъ, находившійся тутъ, по нѣмецки. Пѣхота произвела три залпа изъ ружей, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, и войска разошлись по домамъ; остался только конвой — проводить плѣнныхъ до карантина. Мы оставались на могилѣ, пока ее закопали и покрыли камнями, нарочно приготовленными для того, чтобы впослѣдствіи удобнѣе было поставить памятникъ. За тѣмъ мы еще разъ поклонились праху нашего добраго капитана, съ надеждою, что и у насъ достало бы мужества съ такою же честію умереть на службѣ отечеству. Вскорѣ намъ объявлено было рѣшеніе Императора относительно насъ. Мнѣ приказано было ѣхать въ Петербургъ; другимъ двумъ лейтенантамъ и доктору, черезъ нѣсколько дней послѣ меня, ѣхать въ Рязань, городъ, лежащій за 100 миль къ юго-востоку отъ Москвы; остальныхъ офицеровъ и экипажъ приказано было раздѣлить на двѣ партіи и отправить туда же. Офицерамъ назначено было ѣхать въ повозкахъ, а экипажу идти пѣшкомъ, медленнымъ маршемъ, такъ чтобы поспѣть туда въ мѣсяцъ.

Четверыхъ младшихъ мичмановъ Императоръ приказалъ отправить въ Московскій университетъ, и отдать на особенное попеченіе ректора этого заведенія. Предполагалось, что они будутъ тамъ въ обществѣ молодыхъ людей одинаковаго съ ними возраста и званія, такъ какъ въ этомъ университетѣ, состоящемъ подъ особеннымъ покровительствомъ Императорской Фамиліи, воспитываются дѣти многихъ знатныхъ особъ. Таковы были первоначальныя распоряженія: впослѣдствіи обстоятельства во многомъ ихъ измѣнили.

Русское начальство, полагая, что нашъ экипажъ могъ нуждаться въ одеждѣ (офицеры объявили, что они совершенно довольны состояніемъ своего костюма), приказало снабдить каждаго матроса шинелью, какія носятъ русскіе солдаты, — изъ толстаго сѣраго сукна, длиною до икръ, и парою толстыхъ, просторныхъ сапоговъ, годныхъ для похода. Сверхъ того, во вни-

маніи къ непривычности матросовъ совершать такіе дальніе пути пѣшкомъ, приказано было снарядить нѣсколько повозокъ для поклажи и для тѣхъ, кто устанетъ идти. Многіе изъ экипажа, дѣйствительно, приходили въ уныніе, не зная, въ какую сторону придется имъ идти и по скольку верстъ въ день; особенно опасались они того, что съ ними будутъ худо обращаться, когда они будутъ разлучены съ своими офицерами. Опасенія ихъ были напрасны, потому что предложеніе англійскаго адмирала о размѣнѣ плѣнныхъ было принято, и экипажъ содержался въ прежнемъ помѣщеніи только до прибытія русскихъ плѣнниковъ. Это произошло мѣсяцъ спустя, и наши матросы получили свободу, за исключеніемъ 30-ти человѣкъ, которыхъ не на кого было размѣнять, и которые потому и были отправлены въ Рязань. Безъ сомнѣнія, теперь, послѣ того, какъ на нашу долю досталось столько плѣнныхъ въ Бомарзундѣ, и остальная часть нашего экипажа вскорѣ получитъ свободу.

ГЛАВА IX.

Намъ дозволяютъ сношенія съ жителями Одессы. — Баронъ Роллсбергъ. — Синьоръ Луиджи Мокки. — Щедрость Императора въ награжденіи заслугъ. — Внимательность русскихъ офицеровъ къ офицерамъ «Тигра». — Описаніе Одессы. — Бюстъ герцога Ришельё. — Одесскій Palais Royal. — Опера. — Представленіе «Риголетто» Верди. — Двѣ партіи. — La Cardosa. — «La Donna è mobile».

Такъ какъ намъ наконецъ дозволены были сношенія съ жителями, то офицеровъ перевели на жительство въ городъ, дабы предоставить ихъ помѣщеніе въ карантинѣ другимъ лицамъ. Баронъ Роллсбергъ, одесскій комендантъ, пригласилъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ — выбрать помѣщеніе для офицеровъ изъ числа тѣхъ зданій, которыя были предоставлены въ распоряженіе правительства. Я выбралъ домъ, ближайшій къ тому, гдѣ помѣщался нашъ экипажъ, въ сосѣдней улицѣ, въ разстояніи не болѣе ста ярдовъ. Этотъ домъ былъ на прекрасномъ мѣстѣ: противъ него находилась церковь и женскій монастырь, обитательницы котораго были увезены за пятьдесятъ миль внутрь страны, при началѣ бомбардированія Одессы. За дворомъ, къ нему прилегавшимъ и застроеннымъ разными хозяйственными принадлежностями (включая сюда и колодезь), находился довольно обширный садъ. Все это было собственностію вышеупомянутаго лоцмана Синьора Луиджи Мокки, человѣка весьма достаточнаго и весьма достойнаго того уваженія, которымъ онъ пользовался въ Одессѣ.

Когда мы были освобождены отъ карантина, синьоръ Мокка сдѣлалъ намъ оффиціальный визитъ, при чемъ мы увидѣли на немъ двѣ большія золотыя медали, пожалованныя ему Императоромъ за спасеніе жизни многихъ погибавшихъ въ кораблекрушеніяхъ при молѣ. Однажды онъ вывезъ на большомъ ботѣ якоря и канаты, и тѣмъ далъ возможность четырнадцати кораблямъ выплыть изъ подъ сильнаго вѣтра, при которомъ они были въ опасности быть выброшенными на берегъ. Эти подвиги были изображены на нѣсколькихъ картинкахъ, довольно грубой работы, развѣшенныхъ по стѣнамъ нашихъ комнатъ; но мы еще прежде объ этомъ слышали отъ многихъ безпристрастныхъ друзей стараго одесскаго лоцмана.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Россіи достойные иностранцы не только награждаются за свои труды, но правительство дозволяетъ имъ свободно пользоваться плодами своихъ занятій. Мы часто имѣли случай видѣть знаки Императорскаго вниманія на самыхъ простыхъ служителяхъ въ арміи и флотѣ. Нерѣдко видѣли мы частныхъ людей, украшенныхъ многими медалями, пожалованными имъ за заслуги или за долгую службу: они получаютъ двоякое вознагражденіе, — и почестями, и деньгами, — о чемъ всегда объявляется въ оффиціальныхъ газетахъ. Эта система имѣетъ цѣлію привязать подданыхъ къ службѣ и къ особѣ Императора, на котораго всѣ взираютъ какъ на безпристрастнаго судью и возмездника заслугъ. У дверей нашего дома постоянно находился сторожъ для посылокъ; а когда мы изъявляли желаніе побывать въ городѣ, то одинъ изъ адъютантовъ генерала Остенъ-Сакена всегда былъ готовъ сопровождать насъ въ коляскѣ, которую онъ нанималъ въ такомъ случаѣ. Эта готовность угождать малѣйшимъ желаніямъ нашимъ, со стороны лицъ такого высокаго званія, какъ оба брата бароны Гротусъ, была для насъ нѣсколько стѣснительна, потому что намъ совѣстно было такъ часто ихъ тревожить; но все-таки они неизмѣнно были къ намъ внимательны и возили насъ всюду, куда мы желали. Такъ мы ознакомились нѣсколько съ городомъ.

Городъ Одесса, существующій не болѣе шестидесяти лѣтъ, изъ простой рыбачьей деревни, сдѣлался въ такое короткое время однимъ изъ богатѣйшихъ приморскихъ городовъ въ Европѣ. Въ немъ много церквей (грекороссійскихъ, лютеранскихъ и католическихъ), оперный театръ, банкъ, биржа, казармы и другія казенныя зданія; улицы его длинны, прямы, широки и большею частію расположены подъ прямымъ угломъ. Самая большая русская церковь имѣетъ колокольню въ 150 футовъ вышиною, кры-

тую глазурованною черепицею голубаго цвѣта, что придаетъ ей удивительный блескъ и предохраняетъ ее отъ разрушительнаго дѣйствія климата. Городъ окруженъ бульварами, усаженными крѣпкими деревьями, изъ рода акацій: это единственная порода деревъ, которая можетъ рости на такой открытой мѣстности; они очень красивы, хотя и не достигаютъ выше тридцати футовъ. Бульвары составляютъ обыкновенную прогулку жителей, которые впрочемъ посѣщаютъ и сады, расположенные на скалѣ, передъ лучшими зданіями города, гдѣ иногда по вечерамъ, въ хорошую погоду, играетъ военная музыка. Внизъ со скалы къ молу ведетъ длинная лѣстница. Надъ нею, на открытомъ пространствѣ, прилегающемъ къ садамъ, находится на пьедесталѣ бюстъ герцога Ришельё. Онъ былъ значительно поврежденъ во время бомбардированія, къ большому сожалѣнію жителей, которые чтатъ память герцога, какъ одного изъ виновниковъ процвѣтанія города.

Въ Одессѣ есть зданіе, подобное парижскому палерояло, съ множествомъ лавокъ, роскошно убранныхъ всѣми предметами, составляющими потребность утонченно-образованной жизни. Близь этого зданія помѣщается опера, которую мы посѣтили, будучи приглашены въ ложу губернатора. Легко можно себѣ представить, что мы обратили на себя вниманіе зрителей. Публика состояла большею частію изъ военныхъ, между которыми намъ указали одного молодаго человѣка, который недавно былъ повышенъ тремя чинами, за геройскую защиту батареи на молѣ, которую Императоръ приказалъ назвать его именемъ. Къ сожалѣнію я не могу припомнить его фамиліи, но вѣроятно каждый житель Одессы ее знаетъ. Очень хорошая труппа итальянскихъ пѣвцовъ исполняла въ этотъ вечеръ оперу Верди, «Риголетто», къ большому удовольствію слушателей, которые, какъ и вездѣ, были раздѣлены на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая утверждала превосходство своей любимой Primma Donna assoluta.

La Cardosa въ роли Гильды была дѣйствительно очень хороша. Достоинство ея пѣнія еще болѣе возвышалось для насъ особенными обстоятельствами, при которыхъ мы его слышали въ этой отдаленной странѣ; и до сихъ поръ мотивъ ея аріи въ первомъ актѣ —

E pur l'ultimo sospir
Caro nome, Tuo sará,

раздается въ нашихъ ушахъ, напоминая намъ о томъ благосклонномъ обхожденіи, которое мы испытали со стороны нашихъ враговъ. Финалъ «La Donna è mobile», пропѣтый довольно

хорошимъ теноромъ, казалось, составлялъ часть атмосферы, при выходѣ изъ театра: онъ раздавался повсюду вокругъ насъ.

Я не могъ узнать, даетъ ли что нибудь правительство на содержаніе театра, но мнѣ говорили, что то лицо, которое, къ большой выгодѣ для себя, обязалось поставлять припасы для карантина, обязано въ то же время содержать и театръ.

ГЛАВА X.

Обѣдъ у кавалера Цешини. — Желѣзная дорога изъ Москвы въ Одессу. — Князь Воронцовъ. — Торговое благосостояніе Одессы. — Рескриптъ Императора. — Свиданіе съ генераломъ Остенъ-Сакеномъ. — Его супруга. — Визитъ къ генераламъ Анненкову и Крузенштерну. — Мой спутникъ. — Отправленіе въ Петербургъ. — Прощанье съ товарищами.

6-го іюня австрійскій генеральный консулъ, кавалеръ Цешини, пригласилъ всѣхъ насъ офицеровъ и доктора къ себѣ обѣдать, а для избѣжанія «недоразумѣній» онъ пригласилъ также двухъ адъютантовъ генерала, братьевъ бароновъ Гротусъ.

Онъ обыкновенно обѣдалъ въ четыре часа, но такъ какъ въ этотъ день я долженъ былъ отправляться въ Петербургъ, то обѣдъ былъ назначенъ ранѣе. Кромѣ насъ, общество состояло еще изъ отца и матери супруги консула, еще недавно женатаго. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, не касался политики, какъ предмета опаснаго. Мы разсуждали преимущественно о выгодахъ, какія пріобрѣтетъ весь край и нѣкоторыя частныя лица, когда будетъ проведена изъ Москвы въ Одессу желѣзная дорога. Это предположеніе такъ несомнѣнно, что ждутъ только, когда Государь подпишетъ условія, предложенныя господами Фоксомъ и Гендерсономъ, которые берутся построить дорогу. Императоръ отложилъ это предпріятіе до окончанія войны, но, говорятъ, что эти господа предлагаютъ свои услуги, несмотря на политическія обстоятельства.

Другой занимательный предметъ для разговора были недавнее бомбардированіе Одессы. Госпожа Цешини описала его намъ живыми красками, присовокупивъ, что и ея домъ подвергался большой опасности, которой, впрочемъ, счастливо избѣгнулъ. Князь Воронцовъ, главный начальникъ всего этого края, весьма благосклонный къ англичанамъ, имѣлъ также въ Одессѣ домъ, на вершинѣ скалы, ближайшей къ тому пункту, съ котораго стрѣляла англійская эскадра. Въ его домъ попало не менѣе тридцати бомбъ, которыя сильно его повредили; такъ что князь былъ однимъ изъ владѣльцевъ наиболѣе понесшихъ убытку отъ

бомбардированія. Къ счастію, его самого не было въ это время въ Одессѣ.

Одесса, по своему торговому благосостоянію, возбуждаетъ зависть Петербурга. Послѣдній опасается потерять до нѣкоторой степени свое значеніе въ сравненіи съ Одессой, которая, по выгодности своего положенія, привлекаетъ въ свою гавань обширную хлѣбную торговлю и оттого богатѣетъ.

Во время нашего пребыванія въ Одессѣ, таможнее начальство получило отъ Императора рескриптъ, въ которомъ изъявлено жителямъ Монаршее благоволеніе за соблюденіе порядка и за мужество во время бомбардированія. Рескриптъ принятъ былъ съ должною торжественностію, при громѣ пушекъ, при звонѣ колоколовъ.

Послѣ обѣда, мы, всѣмъ обществомъ, отправились въ одинъ изъ садовъ за ¼ мили отъ города. Тутъ была обширная кофейная, въ которой находился огромный органъ, игравшій различныя пьесы изъ оперъ: это прекрасный способъ веселять гостей музыкою, немногимъ уступающею оркестру. Здѣсь мы простились съ любезнымъ хозяиномъ, сожалѣя, что обстоятельства не дозволяютъ намъ долѣе пользоваться его обществомъ. Онъ предложилъ намъ свой экипажъ доѣхать до города. Пріѣхавъ домой, я услышалъ, что генералъ Остенъ-Сакенъ желаетъ меня видѣть у себя, на дачѣ генерала Лидерса, куда онъ недавно переѣхалъ. Я забылъ упомянуть, что наканунѣ того дня мы пріѣзжали къ генералу благодарить его отъ лица всего экипажа за доброту и снисходительность, которую онъ намъ оказывалъ, равно какъ и его супруга. Здѣсь-то мы имѣли случай познакомиться съ его сыномъ, только что возвратившимся изъ-подъ Силистріи, куда онъ былъ посланъ отъ военнаго министра. Это молодой человѣкъ, весьма пріятный въ обращеніи и прекрасно говорящій по англійски. Генеральша Остенъ-Сакенъ, которой доброта постоянно заставляетъ насъ говорить о ней съ жаромъ, была не совсѣмъ здорова; впрочемъ, она насъ приняла и сказала, что считаетъ за величайшее для себя удовольствіе, если она хоть чѣмъ нибудь могла сдѣлать намъ пріятнымъ наше пребываніе въ Россіи. Это женщина высокаго ума, и до сихъ поръ, несмотря на постоянно болѣзненное свое состояніе, имѣетъ въ наружности своей много привлекательнаго. Ей особенно понравился нашъ младшій мичманъ, бывшій съ нами. Она долго разговаривала съ нимъ по англійски, какъ настоящая англичанка; разспрашивала его о его родителяхъ и знакомыхъ — вообще старалась занять и развеселить его.

Въ тотъ же день мы посѣтили генераловъ: Анненкова и Крузенштерна, и прощаясь съ ними выразили имъ свою признательность за ихъ постоянное вниманіе къ нашимъ нуждамъ. Они сказали намъ нѣсколько лестныхъ словъ о мужествѣ, съ которымъ мы защищались и выразили увѣренность, что мы и въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія въ Одессѣ остались бы довольны ихъ обращеніемъ съ нами.

Генералъ Крузенштернъ предлагалъ съ своей стороны написать о насъ письмо къ губернатору рязанскому, своему другу. Онъ увѣрялъ насъ, что мы будемъ имъ очень довольны, и сдѣлалъ намъ самое блистательное описаніе рязанскихъ окрестностей, говоря, что мы найдемъ въ тамошнихъ рѣкахъ отличную рыбную ловлю, для которой мы запаслись и снарядами. Съ этими лицами мы бóльшею частію говорили по французски, потому что по англійски сводобно говоритъ въ Россіи только молодежь. Лѣтъ двадцать тому назадъ у руской знати вошло въ обыкновеніе брать въ кормилицы англичанокъ, и такимъ образомъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ пріучали дѣтей къ англійскому языку.

Но возвращусь къ разсказу. Пріѣхавъ домой отъ Цешини, мы нашли у себя графа Медема, одного изъ адъютантовъ генерала Остенъ-Сакена. Онъ представилъ меня господину Шерману, офицеру фельдъегерскаго корпуса, который былъ назначенъ провожать меня до Петербурга. Онъ объявилъ мнѣ, что генералъ желаетъ меня видѣть, и мы отправились вмѣстѣ.

Прибывъ въ квартиру генерала, я былъ тотчасъ введенъ къ нему въ кабинетъ, и нашелъ его за письменнымъ столомъ, съ большимъ квадратнымъ пакетомъ въ рукѣ. При моемъ входѣ онъ всталъ и выразилъ свое удивленіе, почему я въ мундирѣ: онъ ожидалъ меня видѣть уже въ дорожномъ платьѣ. Я объяснилъ ему, что я только что возвратился съ обѣда отъ г. Цешини. Онъ спросилъ, скоро ли я могу быть готовымъ къ отъѣзду? Я отвѣчалъ: въ половинѣ десятаго. Тогда генералъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути и простился со мною братскимъ поцалуемъ въ обѣ щеки.

День, назначенный для моего отъѣзда, былъ 7-е іюня; но такъ какъ генералъ выставилъ на своей депешѣ, что я долженъ былъ отправиться 6-го числа, то мы принуждены были выѣхать ранѣе полуночи, дабы пунктуально выполнить показаніе генерала: такова строгость заведеннаго порядка. Вотъ почему мои дорожныя приготовленія были еще не вполнѣ кончены, ибо я имѣлъ въ виду лишніе сутки на сборы; но съ помощію моего слуги, Франциска Домека, мальтійца, одного изъ нашихъ матросовъ, я улю-

жилъ въ чемоданъ нѣсколько вещей, нужныхъ на дорогу. Еще наканунѣ я прощался съ своимъ экипажемъ, убѣждая матросовъ по прежнему вести себя хорошо и не унывать; теперь я простился и съ товарищами офицерами, которые остались дома чтобы взглянуть на мое отправленіе. Австрійскій консулъ, братья бароны Гротусъ и нашъ старый другъ синьоръ Камбіаджіо, явились со мною проститься. Пожавъ друзьямъ руки, я сѣлъ съ моими спутниками въ экипажъ, ровно въ назначенный часъ.

ГЛАВА XI.

Мы отправляемся въ тарантасѣ. — Противурѣчивыя свѣдѣнія. — Запасъ провизіи. — Г. Моберлей. — Дурная погода. — Русскій самоваръ. — Польза его. — Чай въ стаканахъ. — Переѣздъ черезъ рѣку Бугъ. — Николаевскіе доки. — Русская эскадра на Бугѣ. — Русскій и датскій флаги. — Hôtel de Londres. — Способъ умываться.

Г. Шерманъ и я заняли мѣста внутри экипажа, а слуга мой сѣлъ съ кучеромъ внѣ его. Этотъ экипажъ, называемый тарантасомъ, только что прибывшій изъ Москвы, былъ нарочно для насъ нанятъ правительствомъ. Онъ состоялъ изъ крытаго сидѣнья для двоихъ, и изъ открытыхъ козелъ для кучера и слуги. Эти повозки строятся очень плотно, но безъ рессоръ, что, какъ полагаютъ, дѣлаетъ ихъ менѣе подверженными порчѣ во время поѣздки. Къ несчастію, нашъ тарантасъ былъ довольно старый и ломался нѣсколько разъ, прежде чѣмъ мы доѣхали до мѣста. Такую безрессорную бричку везутъ обыкновенно три лошади въ рядъ, перемѣняемыя на дорогѣ, смотря по разстоянію станцій, которое измѣняется отъ 10-ти до 18-ти миль. Лошади малорослы, и, какъ говорятъ, французы, «ne paient pas de mine»; но мы нашли, что онѣ довольно сносны.

Здѣсь я долженъ замѣтить, какіе противорѣчивые совѣты я получалъ на мои распросы о томъ, что необходимо брать съ собою въ дорогу, и, что всего замѣчательнѣе, отъ людей, которые только что пріѣхали по одной и той же дорогѣ. Напримѣръ, одни мнѣ совѣтовали непремѣнно взять съ собою чай и сахаръ, говоря, что я нигдѣ этого не достану въ дорогѣ, между тѣмъ какъ я на каждой станціи легко доставалъ и то и другое. Другой, только что пріѣхавшій изъ Москвы, убѣждалъ меня купить цѣпь и приковать мой чемоданъ сзади экипажа, говоря, что веревка, которою онъ будетъ привязанъ, непремѣнно будетъ перерѣзана тотчасъ по выѣздѣ изъ Одесы. Нечего дѣлать, въ первомъ же порядочномъ городѣ я купилъ цѣпь, которой, впрочемъ

не пришлось и употребить, потому что она сломалась; а между тѣмъ у насъ ничего не пропало, несмотря на то, что чемоданъ постоянно оставался въ задней части тарантаса, стоявшаго обыкновенно на улицѣ передъ гостинницею во время нашего ночлега. Сначала я таки боялся за свой чемоданъ и пересчитывалъ деньги, въ немъ находившіяся, и утромъ и вечеромъ, но потомъ мнѣ это надоѣло и я ужь болѣе о немъ не заботился. Трудно объяснить себѣ это противорѣчіе въ показаніяхъ людей, которые, очевидно, не имѣли намѣренія меня обманывать.

Между прочими предметами комфорта, какъ-то: болонскими соленьями, сыромъ, бѣлымъ хлѣбомъ, икрою, съ нами была дюжина каменныхъ бутылокъ отличнаго хересу, которую подарилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ добрыхъ друзей Mr. Maberly, англійскій купецъ въ Одессѣ. Этотъ джентльменъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться во время моего пребыванія въ Одессѣ, услышавъ отъ меня, что у меня нѣтъ молитвенника, предложилъ мнѣ свой собственный. Библіею снабдилъ меня Mr. Melvin, членъ англійскаго библейскаго общества; онъ же вознаградилъ потерю 50-ти экземпляровъ библіи, которые были посланы обществомъ изъ Константинополя для экипажа «Тигра».

До самаго нашего выѣзда погода стояла превосходная, и мы надѣялись, что будемъ пользоваться въ путешествіи лунными ночами; но, къ несчастію, погода перемѣнилась: не задолго до нашего выѣзда начался дождь и продолжался нѣсколько дней. Это было въ особенности тѣмъ для насъ не удобно, что я не распорядился устроить мѣсто для моего слуги внутри тарантаса, и онъ провелъ первую ночь подъ дождемъ, отъ котораго нѣсколько защищалъ его данный ему мною мой собственный плащъ. На слѣдующій день мы посадили его внутри, размѣстивъ нѣсколько удобнѣе ящики, которые везъ съ собою г. Шерманъ. Эти ящики заключали въ себѣ разные предметы, найденные на фрегатѣ «Тигръ», напр. планъ крейсированія фрегата, патентованная машина, для бросанія лота-Массе и проч.

Первая остановка наша была у заставы, какія находятся при въѣздѣ и выѣздѣ каждаго города. Здѣсь г. Шерманъ долженъ былъ представить свой паспортъ, и насъ спросили, нѣтъ ли у насъ контрабанды.

Наконецъ, мы выѣхали за городскія ворота и поѣхали по берегу залива. Ночью намъ приходилось переѣзжать въ бродъ небольшія морскія заводи; онѣ были очень мелки, но вдавались довольно далеко въ берегъ. Одинъ разъ, слуга мой, въ испугѣ разбудилъ меня крикомъ: мистеръ Ройеръ, мистеръ Ройеръ! лоша-

ди скачутъ во всю прыть впередъ, а экипажъ катится назадъ! Дѣло было вотъ въ чемъ: такъ какъ въ это время довольно сильный вѣтеръ гналъ воду по одному направленію съ нами, то полусонному слугѣ и показалось, что экипажъ идетъ въ противную сторону; а плесканье лошадей въ водѣ придавало ихъ бѣгу обманчивую скорость, которой на самомъ дѣлѣ не было.

Ночью мы нѣсколько разъ перемѣняли лошадей, а въ 6 часовъ утра остановились у небольшой почтовой гостинницы, стоявшей уединенно на дорогѣ. Бѣдность окрестностей еще болѣе увеличивалась отъ проливнаго дождя. Стараться запомнить названія станцій на дорогѣ было бы для меня и невозможностью и безразсудствомъ. Въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я находился, естественная осторожность удерживала меня отъ мелочныхъ распросовъ о мѣстахъ, нами проѣзжаемыхъ и иногда о такихъ, которыхъ не находилось и на подробныхъ картахъ. Здѣсь мы завтракали; чай былъ очень скоро приготовленъ помощію самовара. Это одинъ изъ полезнѣйшихъ предметовъ русской домашней утвари, и гораздо удобнѣе нашихъ англійскихъ чайниковъ. Употребленіе его такъ распространено въ Россіи, что вѣроятно, по причинѣ его обыкновенности, его не догадались привести на выставку 1851 года, въ числѣ предметовъ, достойныхъ вниманія. Труба, проходящая вертикально посрединѣ сосуда, служитъ, на подобіе печной трубы, для тяги воздуха, такъ что три угля, зажженные внѣ комнаты, быстро разгараются, и минутъ черезъ десять вода закипаетъ и поддерживается въ этомъ состояніи столько времени, сколько нужно.

Это устройство и проще и удобнѣе, нежели въ нашихъ чайникахъ, которые надлежитъ наливать кипяткомъ и которые требуютъ большаго огня для поддержанія воды въ такомъ состояніи, да и то лишь на короткое время, хотя это и сопряжено съ большою тратою времени и хлопотами. Самоваръ представляетъ еще то удобство, что съ помощію его можно въ тоже время сварить яйцо, или даже кусокъ телятины, а надъ трубою его разогрѣть тортъ. Желательно, чтобы самовары были введены у насъ; я увѣренъ, что кто пустилъ бы ихъ у насъ въ продажу по цѣнѣ, доступной для небогатыхъ людей, тотъ во многомъ увеличилъ бы нашъ домашній комфортъ и былъ бы вознагражденъ за трудъ. Вреда отъ горячихъ углей нечего опасаться: ихъ кладется не болѣе трехъ, и потому, дымъ отъ нихъ не замѣтенъ; ктому же, какъ я сказалъ, ихъ разжигаютъ внѣ комнаты, значитъ, вреда отъ нихъ произойти не можетъ. Въ пользу са-

моваровъ болѣе всего говоритъ ихъ повсемѣстная распространенность въ Россіи.

Такъ какъ я уже заговорилъ о приготовленіи чая, то замѣчу еще, что въ Россіи, гдѣ этому напитку придается большое значеніе, чайникъ ставится обыкновенно на самоваръ, дабы чай былъ какъ можно горячѣе, и если случалось иногда, что самоваръ былъ занятъ въ другой комнатѣ гостинницы, то намъ приносили два чайника, одинъ на другомъ: въ верхнемъ былъ завàренный чай, а въ нижнемъ кипятокъ, для поддержанія теплоты верхняго. Другая замѣчательная особенность въ русскомъ способѣ подавать чай, это стеклянные стаканы. Стекло дольше сохраняетъ теплоту, нежели фаянсъ, и потому, вѣроятно, его предпочитаютъ. Для насъ, конечно, это было бы неудобство. Мнѣ часто приходилось обжигать пальцы, и я всегда жалѣлъ, что у меня нѣтъ чайной чашки, — предметъ, который я только разъ встрѣтилъ въ Россіи, и то въ англійскомъ семействѣ. Такъ какъ русскіе обыкновенно не употребляютъ съ чаемъ молока, говоря, что они предоставляютъ такую смѣсь женщинамъ, то они, вѣроятно, потому и предпочитаютъ стаканы, что въ нихъ виденъ цвѣтъ напитка. Вмѣсто молока въ чай кладутъ кусочки лимона съ огромнымъ количествомъ сахару; къ этому прибавляется иногда ромъ, такъ что изъ чаю на самомъ дѣлѣ выходитъ пуншъ.

Выкуривъ по сигарѣ, мы отправились далѣе. Дорога сдѣлалась очень грязна, и обѣ пристяжныя лошади брызгали въ насъ грязью до такой степени, что мы сожалѣли, что не взяли съ собою покрывалъ, какъ намъ и совѣтовали. Куски грязи такъ часто попадали намъ въ лицо, что мы перестали наконецъ вытираться, предполагая доѣхавши до станціи хорошенько вымыться. Обыкновенно у такихъ экипажей въ Россіи дѣлаются фартуки и занавѣски, и на возвратномъ пути изъ Петербурга, я ѣхалъ въ экипажѣ, въ которомъ было и то, и другое, но такъ какъ въ то время погода была жаркая, то мы ихъ не задергивали, предпочитая пыль спертому воздуху внутри кареты.

Пока мы ѣхали, погода разгулялась, и около двухъ часовъ пополудни мы пріѣхали въ красивую деревеньку на правомъ берегу Буга, гдѣ должны были переѣхать черезъ рѣку на паромѣ, въ Николаевъ. Домики этой деревни выстроены съ нѣкоторыми притязаніями на вкусъ; при каждомъ садикъ съ цвѣтами; акація и тополь также придавали много привлекательности мѣстоположенію, особенно въ нашихъ глазахъ, невидавшихъ на всемъ пространствѣ отъ Одессы ни одного куста, кромѣ ровныхъ луговъ и кое-гдѣ клочковъ обработанной земли. Попались намъ,

правда, на дорогѣ двѣ-три фермы, но во всемъ было видно какое-то отсутствіе жизни.

Появленіе фельдъегеря, съ которымъ я ѣхалъ, производило на всѣхъ станціяхъ особенное движеніе; оно не осталось безъ вліянія и на паромщиковъ, которые, увидя его аксельбантъ, тотчасъ удалили съ парома экипажи, уже готовившіеся къ переправѣ и немедленно перевезли насъ. Та часть Николаева, которую мы видѣли, построена на высокомъ мѣстѣ, прямо надъ рѣкою. Этотъ городъ имѣлъ прежде нѣкоторую значительность; но какъ кажется, соперничество Одессы уменьшило его торговое благосостояніе. Здѣсь строятся линейные корабли, и я читалъ въ газетахъ, что послѣ синопскаго сраженія здѣсь спущенъ былъ корабль «Синопъ», названный такъ въ память этого событія. Впрочемъ я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что въ адмиралтействѣ не было замѣтно особеннаго движенія, и я видѣлъ ребра огромнаго военнаго корабля, на возведеніе котораго потребно бы было болѣе времени, нежели прошло съ тѣхъ поръ, какъ «Синопъ» могъ быть спущенъ. Въ Николаевѣ я видѣлъ только маленькій пароходъ въ починкѣ. Переправа черезъ рѣку взяла у насъ около получаса времени. Мы проѣхали мимо шести русскихъ военныхъ кораблей, укрѣпленныхъ на якорѣ поперегъ рѣки, ниже города; выше стояла маленькая казенная шкуна, а у самаго берега два австрійскія купеческія судна. Эта русская эскадра состояла изъ нѣсколькихъ фрегатовъ и корветъ не въ дѣйствующемъ состояніи, сколько я могъ судить по ихъ внѣшнему виду. На нихъ былъ распущенъ обыкновенный русскій флагъ, состоящій изъ трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго, горизонтальными полосами (*), а не такой, какъ на военныхъ корабляхъ.

Объяснить такое, повидимому, отклоненіе отъ общепринятыхъ правилъ, я могу только тѣмъ, что приведу объясненіе, данное мнѣ однимъ офицеромъ въ Одессѣ, на мой вопросъ, отчего ни въ Одессѣ, ни въ Евпаторіи не развѣвается на фортахъ Императорскій флагъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это чисто торговые города, и потому имъ не позволяется вывѣшивать Императорскаго флага, котораго они не въ состояніи были бы защищать.

Императорскій флагъ бѣлый, съ діагонально-положенымъ голубымъ крестомъ. Я полагаю, что эскадра, находившаяся въ

(*) Датскій флагъ состоитъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ, только въ другомъ порядкѣ: прежде красный, потомъ бѣлый и наконецъ синій. Христіане, живущіе въ Турціи, говорятъ, что русскіе ставятъ красный цвѣтъ внизу, дабы обозначить тѣмъ свое преобладаніе надъ Турками.

Николаевѣ, имѣла не полный комплектъ людей; оттого и флагъ у ней былъ просто національный, а не Императорскій, какой былъ на шкунѣ.

Приставъ къ берегу, мы, къ удивленію, узнали, что лошадей нѣтъ. Вотъ почему, оставя экипажъ и вещи на попеченіе солдата, мы отправились искать гостинницу Лондонъ, что было не легко, потому что она находилась почти за милю отъ адмиралтейства. Впрочемъ, намъ пріятно было прогуляться, послѣ долгаго сидѣнья въ экипажѣ.

Николаевъ — городъ весьма правильно выстроенный, какъ большая часть новыхъ русскихъ городовъ; улицы пересѣкаются подъ прямыми углами; ихъ ширина, длина и проч. опредѣлена правительствомъ, которое всѣмъ этимъ завѣдуетъ. Пока намъ готовили обѣдъ, мы съ большимъ наслажденіемъ вымылись, въ чемъ, какъ легко предположить, мы сильно нуждались, будучи забрызганы грязью. Равнодушіе здѣшняго народа вообще къ употребленію воды показалось мнѣ весьма страннымъ. Дѣйствительно, мнѣ иногда казалось, что здѣсь воды не любятъ. Я часто видѣлъ, какъ вмѣсто того, чтобы порядкомъ вымыться, иной заберетъ себѣ въ ротъ воды, выпрыснетъ ее себѣ въ руки и удовольствуется тѣмъ, что потретъ себѣ такимъ образомъ лицо. Разумѣется должно найтись много людей въ Россіи, которымъ такой неопрятный способъ мыться не нравится; но я говорю только о томъ, что имѣлъ случай замѣтить на пути. Даже въ гостинницахъ, гдѣ вамъ предлагаютъ, для удобства, такъ называемые рукомойники, тазы такъ малы, что походятъ болѣе на паштетныя блюда, а кувшины не болѣе англійскихъ молочниковъ большаго калибра. Я назвалъ мѣсто, гдѣ мы отдыхали гостинницей, «hôtel»; но на самомъ дѣлѣ оно не имѣло этого титула, а довольствовалось болѣе скромнымъ названіемъ traktir de Londres (вѣроятно испорченное нѣмецкое слово Traktirhaus); это потому, что тамъ можно было получать только съѣстное. Такъ какъ обѣдъ готовили довольно долго, то мы имѣли время вздремнуть, что насъ очень освѣжило. Здѣсь-то мой спутникъ купилъ цѣпь, о которой я упоминалъ выше, для того, чтобы, какъ намъ совѣтовали, приковать чемоданъ сзади экипажа. Г. Шерманъ съ большимъ добродушіемъ и веселостью разсказалъ мнѣ потомъ, что, когда онъ покупалъ цѣпь, столпившійся кругомъ него народъ спрашивалъ его, не намѣренъ ли онъ этою цѣпью приковать плѣнника? Это насъ очень потѣшило.

ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ НА ФИЛИППИНСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ видите, немного было дней совершенно безопасныхъ для меня, но я привыкъ къ моему положенію, вѣрилъ въ свою звѣзду, и выходилъ невредимымъ изъ всѣхъ неосторожно-смѣлыхъ поступковъ. Индѣйцы слѣпо повиновались мнѣ; я былъ такъ убѣжденъ въ ихъ вѣрности, что не принималъ уже противъ нихъ никакихъ предосторожностей, которыя были не лишними въ первый годъ моего пребыванія въ Ялѣ-Ялѣ.

Моя Анна раздѣляла со мною ежедневно труды, безпокойства, частію даже и опасности. Возможно ли было не любить ее болѣе глубокимъ чувствомъ, нежели обыкновенно любятъ жену среди жизни спокойной и ничтожной?

Яла-Яла находилась въ цвѣтущемъ состояніи: необозримыя поля засѣянныя рисомъ, сахарнымъ тростникомъ и кофе замѣнили безплодные лѣса и болота; обширные луга были покрыты многочисленными стадами, красивая деревенька въ индѣйскомъ вкусѣ, стояла въ центрѣ принадлежавшихъ мнѣ производительныхъ силъ. Въ ней въ особенности бросалось въ глаза изобиліе, дѣятельность, а на лицахъ жителей — довольство и счастіе. Домъ мой сдѣлался сборнымъ пунктомъ всѣхъ путешественниковъ, прибывавшихъ въ Маниллу, мѣстомъ выздоровленія для многихъ больныхъ, которые пріѣзжали подышать благотворнымъ воздухомъ Ялы-Ялы и насладиться всѣми ея удобствами и пріятностями. Тамъ не было различія между французами, испанцами, англичанами, американцами; всѣ были равными для насъ гостями; къ какой бы націи не принадлежали пріѣзжіе, ихъ принимали въ Ялѣ-Ялѣ какъ братьевъ съ тѣмъ радушнымъ гостепріимствомъ, какое нѣкогда водилось въ нашихъ колоніяхъ. Въ моихъ владѣніяхъ всѣ пользовались совершенною свободою, кромѣ одного только часа въ теченіи цѣлаго дня, когда всѣ безъ исключенія, желающіе и нежелающіе кушать, должны были собираться къ обѣду; въ остальное время, каждый предавался занятіямъ по своимъ склонностямъ. Натуралисты, напримѣръ, преслѣдовали насѣкомыхъ, птицъ и собирали коллекціи рѣдкихъ

растеній. Больные находили всегда попеченіе усерднаго доктора, внимательность и бесѣду любезной, остроумной хозяйки дома, которую обожали всѣ, проводившіе нѣкоторое время въ ея обществѣ. Любители прогулокъ могли осматривать живописныя окрестности, выбирая по вкусу, лѣса, горы, каскады, ручьи, долины или берега озера.

Охотники находили въ Ялѣ-Ялѣ истинно обѣтованную землю; они имѣли всегда къ услугамъ добрую стаю собакъ и индѣйцевъ для управленія ими, надежныхъ лошадей для ѣзды по горамъ и равнинамъ, гдѣ водились во множествѣ олени и кабаны. Если они желали имѣть менѣе утомительное удовольствіе, то могли, покоясь на лодкахъ, стрѣлять водяныхъ птицъ и переѣзжать на маленькіе острова, лежащіе между материкомъ Ялы-Ялы и островомъ Талевъ. Тамъ представлялась имъ охота совсѣмъ неизвѣстная въ Европѣ, это охота за летучими мышами. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году, въ эпоху восточнаго муссона, всѣ деревья этихъ островковъ съ вершины до первыхъ вѣтвей покрываются летучими мышами; онѣ замѣняютъ собою листья на деревѣ совершенно ими уничтоженныя. Завернувшись въ свои большія крылья онѣ спятъ въ теченіе дня; потомъ, ночью большими стадами отлетаютъ далеко отыскивать себѣ пропитаніе. Коль скоро западный муссонъ смѣняетъ восточный, они исчезаютъ и находятъ убѣжище отъ вѣтра на восточномъ берегу Люсона; съ новой перемѣной муссона, онѣ возвращаются на прежнее пристанище.

Едва только гости мои ступали ногою на одинъ изъ этихъ островковъ, какъ начиналась пальба, не прерывавшаяся до тѣхъ поръ, пока летучія мыши, испуганныя такимъ множествомъ выстрѣловъ и криками своихъ раненныхъ, не поднимались цѣлой стаей; онѣ носились нѣкоторое время, какъ темное грозное облако надъ покинутымъ жилищемъ, напоминая собою Фурій, изображаемыхъ иногда на гравюрахъ представляющихъ адъ, и за тѣмъ, отлетая небольшое пространство, опускались на деревья сосѣдняго острова. Если охотникамъ не наскучало это кровопролитіе, они могли идти за ними и снова начинать ту же потѣху; но, по большой части всегда оказывалось достаточно жертвъ, и удовлетворенные охотники подбирали ихъ подъ деревьями. гдѣ онѣ были подстрѣлены. Кромѣ охоты за летучими мышами можно было потѣшиться преслѣдованіемъ и стрѣльбою *Игуанъ*; это родъ большихъ ящерицъ отъ пяти до шести футовъ длиною, которыя живутъ въ скалахъ, по берегамъ озера. Утомленные стрѣльбою не требовавшею искусства, охотники снова

садились въ пирóги и могли наслаждаться удовольствіемъ подстрѣливать орловъ парившихъ надъ ихъ головами. Но въ этомъ случаѣ нужно было много ловкости и вѣрности глаза, потому что полетъ ихъ былъ почти всегда такъ высокъ, что только пулей можно было поражать этихъ огромныхъ хищныхъ птицъ. Наконецъ охотники возвращались домой, нагрузивъ лодки всякаго рода дичью, и каждый приносилъ съ собою запасъ разсказовъ о собственныхъ подвигахъ и забавныхъ неудачахъ кого либо изъ товарищей.

Игуана и летучая мышь имѣютъ весьма нѣжное, питательное мясо; что же касается до вкуса, то все зависитъ отъ воображенія, какъ увидитъ сейчасъ читатель.

Послѣ одной изъ такихъ знаменитыхъ охотъ на маленькихъ островкахъ, одинъ молодой американецъ сказалъ мнѣ, что онъ и его товарищи желаютъ попробовать вкусъ игуаны и летучей мыши. Полагая, что всѣ они согласились между собою, я заказалъ своему метрдотéлю соусъ изъ игуаны и рагу изъ летучей мыши.

За обѣдомъ, когда подали соусъ и всѣ ѣли его съ большимъ аппетитомъ я сказалъ одному изъ гостей:

— Вы видите, что мясо игуаны очень пріятно на вкусъ.

При словѣ *игуана*, всѣ гости измѣнились въ лицѣ, и каждый невольнымъ движеніемъ оттолкнулъ отъ себя тарелку, не въ силахъ будучи проглотить кусокъ, находившійся во рту и нужно было приказать скорѣе убрать со стола, вдругъ омерзѣвшее для всѣхъ кушанье, для того чтобы обѣдъ могъ продолжаться.

Когда мнѣ можно было, я самъ ходилъ съ гостями на охоту; тогда она бывала особенно успѣшна и занимательна, потому что я указывалъ имъ мѣста, изобилующія дичью и живописныя. Я проводилъ ихъ иногда на *Сокольмскій* островъ, еще болѣе любопытный нежели островъ летучихъ мышей. *Сокольмъ*, есть круглое озеро, не болѣе миля въ окружности, находящееся среди большаго озера, отъ котораго оно отдѣлено узкою полосою земли или, лучше сказать, узкою сомкнутою горою, которая ограждаетъ его со всѣхъ сторонъ — и возвышаясь почти отвѣсно на пять сотъ метровъ надъ водою, оканчивается вверху острымъ гребнемъ. Оба ската горы совершенно покрыты большими деревьями, представляющими густую массу зелени. Сторона, обращенная къ маленькому озеру, главный пріютъ всѣхъ водяныхъ птицъ куда индѣйцы никогда не проникаютъ, боясь каймановъ (одинъ изъ видовъ крокодила). Каждое дерево, убѣленное сверху до низу

оставляемымъ на вѣтвяхъ его пометомъ, покрыто гнѣздами наполненными яйцами и птицами всѣхъ возрастовъ и породъ....

Отправившись однажды вмѣстѣ съ моимъ братомъ, другомъ моимъ господиномъ *Линдсе*, (*) и однимъ американцемъ, я вздумалъ перетащить маленькую пирóгу черезъ гору, чтобы спустить ее въ воды круглаго озера. Индѣйцы сочли насъ за сумасшедшихъ и увѣряли, что мы имѣемъ желаніе отдать себя на съѣденье кайманамъ. Опасенія ихъ были довольно основательны, но опасности и трудности, какъ видно изъ многихъ выше разсказанныхъ примѣровъ, никогда насъ не останавливали. Мы хотѣли непремѣнно совершить прогулку по озеру, которое имѣло чрезвычайно унылый, мрачный характеръ; никогда ни одно дикое мѣсто не посѣляло во мнѣ такого печальнаго чувства, какое пробуждалось въ душѣ моей среди водъ Сокольма, замкнутаго со всѣхъ сторонъ высокими каменными горами и, имѣющаго видъ зеркала на днѣ пропасти. Солнце освѣщаетъ его только тогда, когда находится въ его зенитѣ, но во всякій другой часъ дня, тѣни горъ, отражаясь въ водахъ, окрашиваютъ ихъ прекраснымъ чернымъ цвѣтомъ. Царствующее тамъ молчаніе прерывается изрѣдка только криками птицъ и иногда звукомъ, подобнымъ тому, который происходитъ отъ удара двухъ досокъ одна объ другую. Этотъ звукъ производятъ кайманы, когда, схватывая мелкую добычу, съ силою щелкаютъ огромными челюстями.

Фантазія наша приведена была наконецъ въ исполненіе. Пирóга тихо скользила по озеру, когда появленіе каймана, въ довольно близкомъ разстояніи, заставило одного изъ насъ выстрѣлить въ него. Дѣйствіе, произведенное этимъ выстрѣломъ было поразительно: эхо повторило его несчетное число разъ, восходя до горныхъ вершинъ; кайманъ исчезъ. Но вдругъ стаи баклановъ (морской вóронъ) и другихъ водяныхъ птицъ, поднялись изъ чащи деревъ съ пронзительными криками и какъ темное облако вились надъ головами, во все время плаванія нашего по невозмутимымъ водамъ ихъ жилища. Кайманы неоднократно заставляли насъ повторять выстрѣлы: но они были испуганы только шумомъ; существеннаго же вреда мы не могли нанести имъ, потому что пули скользили по ихъ чешуѣ не пробивая ее насквозь.

Продолжая прогулку вкругъ озера, мы наловили много молодыхъ птичекъ и кончили экспедицію безъ приключеній, даже не

(*) Впослѣдствіи лордъ *Линдсе*, авторъ «Путешествія по берегамъ Японіи и Желтаго моря».

подвергаясь всѣмъ опасностямъ, которыми индѣйцы пугали насъ. Изъ Сокольма я провелъ своихъ гостей въ Лосъ-Баносъ, къ подножію горы въ нѣсколько тысячъ метровъ высоты, откуда бьютъ ключи кипящей воды, которые устремляются въ озеро и смѣшиваясь съ его водами, доставляютъ превосходное купанье, какой вамъ угодно температуры. Тамъ тоже на холмахъ охота изобильна и легка. Множество вахирей (дикій голубь) и прелестныхъ голубокъ, покоясь на вѣтвяхъ высокихъ деревъ, ожидали безъ недовѣрчивости охотниковъ, которые однакожь никогда не возвращались съ купанья не наполнивъ своихъ сумокъ.

Я доставлялъ имъ также изрѣдка великолѣпное зрѣлище охоты за буйволомъ; но со времени несчастія постигшаго Окампо, я не позволялъ ни одному иностранцу принимать участіе въ этомъ опасномъ удовольствіи. Взобравшись на вершины горъ или на деревья, они любовались картиной, находясь въ совершенной безопасности.

Въ дни отдохновенія отъ трудовъ, мы ходили въ лѣса смежные съ обработанными полями воевать съ обезьянами, величайшими врагами нашихъ жатвъ. Какъ только маленькая собачка, дрессированная для охоты этого рода давала намъ знать своимъ лаемъ, что грабители приближаются, мы тотчасъ являлись на нивы и, начиналась стрѣльба. Испуганныя обезьяны спасались на деревья, и укрываясь за сучьями и вѣтвями, дѣлались невидимыми. Но если маленькая собачка не отходила отъ дерева, то мы осматривали его кругомъ и часто открывали гдѣ нибудь притаившагося хищника. Тогда стрѣльба возобновлялась до тѣхъ поръ пока обезьяна не падала; наконецъ, когда потребность мщенія была удовлетворена, мы подбирали жертвы и я приказывалъ развѣсить ихъ вмѣсто чучелъ на высокихъ шестахъ, среди полей покрытыхъ сахарнымъ тростникомъ, для внушенія страха избѣжавшимъ казни. Только самую большую и толстую изъ нихъ относили всегда къ отцу Мигелю, почтенному пастырю, для котораго рагу изъ обезьяны было истиннымъ наслажденіемъ.

Случалось иногда, что я предпринималъ съ гостями путешествіе въ нѣсколько дней пути отъ Ялы-Ялы, для того чтобы показать имъ живописныя мѣста, каскады, гроты, или чудеса растительнаго царства, производимыя благодатной природой Филиппинскихъ острововъ.

Однажды, г. Линдсе, самый безстрашный изъ путешественниковъ, бывшій со мной на озерѣ Сокольмъ, предложилъ отпра-

виться вмѣстѣ къ гроту Санъ-Матео, который многіе путешественники и самъ я осматривали не одинъ разъ, но всегда такъ неудовлетворительно, что нѣкоторыя части его оставались для насъ еще неизвѣстными. Такое предложеніе было совершенно въ моемъ вкусѣ, и я, конечно, принялъ его съ удовольствіемъ; но на этотъ разъ не хотѣлъ возвращаться изъ экспедиціи, какъ бывало прежде, т. е., не употребивъ всѣхъ усилій чтобы изслѣдовать гротъ во всѣхъ его направленіяхъ. Линдсе, докторъ Женю, и братъ мой, приняли также какъ и я твердое намѣреніе повѣрить собственными глазами, справедливо ли все, что намъ разсказывали индѣйцы, или же, какъ часто намъ случалось замѣчать, ихъ поэтическое воображеніе изобрѣтало несуществующія диковинки. Если вѣрить ихъ стариннымъ преданіямъ, то это подземелье имѣло огромное протяженіе; тамъ видѣли, по ихъ словамъ ни съ чѣмъ не сравнимые волшебные дворцы, которые служили мѣстопребываніемъ фантастическимъ существамъ. Рѣшившись видѣть всѣ эти чудеса, мы отправились въ Санъ-Матео, взявъ съ собою индѣйца, вооруженнаго ломомъ и заступомъ, чтобы прокладывать дорогу, если бы удалось проникнуть далѣе того мѣста, которое всѣмъ уже было извѣстно. Мы запаслись также въ изрядномъ количествѣ факелами, необходимыми для приведенія въ исполненіе нашего плана. Прибывъ рано въ Санъ-Матео, мы провели остатокъ дня въ осмотрѣ живописныхъ окрестностей этого мѣстечка; спускались также къ потоку, который вылетая изъ горъ подходитъ съ сѣверной стороны къ мѣстечку; тамъ видѣли многихъ индѣйцевъ и индіанокъ занимавшихся промываніемъ песку, заключавшаго въ себѣ золотой порошокъ. Доходъ, получаемый ими ежедневно отъ этой работы въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ въ день, составляетъ отъ одного или двухъ франковъ до осьми и десяти; это зависитъ отъ болѣе или менѣе богатой жилы, которую счастіе имъ доставляетъ. Эта промышленность, обработка земель, одаренныхъ безпримѣрнымъ плодородіемъ, строевой лѣсъ покрывающій сосѣднія горы, вотъ все богатство жителей, которые вообще живутъ въ довольствѣ и изобиліи.

На другой день, съ разсвѣтомъ, мы пошли къ гроту, отстоявшему на два часа ходьбы отъ мѣстечка. Дорога, извивающаяся среди прекрасныхъ плантацій риса и бетеля окаймленная превосходной растительностію, сначала легка и удобна, но на полупути дѣлается вдругъ опасною и трудною, сворачивая отъ обработанныхъ полей къ берегу рѣчки. Эта рѣчка течетъ между невысокими горами и дѣлаетъ столько изгибовъ и заворотовъ

впередъ и назадъ, что нужно ежеминутно переходить почти вплавь съ одного берега на другой, чтобы воспользоваться тропинками ведущими несравненно прямѣе и ближе. До нѣкотораго разстоянія не доходя грота, ничто не прерываетъ однообразія этого дикаго мѣста. Вы идете оврагомъ; зрѣніе ваше со всѣхъ сторонъ ограничено скалами и зеленью кустарниковъ, растущихъ по скатамъ. Но на одномъ крутомъ поворотѣ рѣки, глазъ вашъ вдругъ ослѣпленъ панорамой, которая тихо развертываясь, открываетъ передъ вами волшебное великолѣпіе. Вообразите себя у подошвы двухъ неизмѣримыхъ горъ пирамидальной формы, совершенно сходныхъ очертаніями и высотою! Промежутокъ, раздѣляющій ихъ даетъ возможность видѣть въ отдаленіи глубину картины, превосходящей всякое описаніе. Между двумя гигантами рѣчка проложила себѣ дорогу и, тамъ у вашихъ ногъ, превратившись въ необузданный потокъ, пробирается между огромными глыбами бѣлаго мрамора; прозрачная, сверкающая вода игриво вьется и минуетъ препятствія оттѣсняющія ея движеніе; то превращаясь въ шумящій каскадъ, то исчезая подъ скалами, она волнуется, кипитъ, какъ будто повинуясь сверхъестественной силѣ, выбрасывающей ее изъ нѣдръ земли. Далѣе она образуетъ рядъ небольшихъ водопадовъ и льется широкою серебристою скатертью по мраморному дну, бѣлому и блестящему какъ алебастръ. Наконецъ преодолѣвъ всѣ препятстія, течетъ спокойно, въ болѣе скромной обстановкѣ и отражаетъ на кристальной поверхности разнообразную растительность, покрывающую берега.

Знаменитый гротъ находится въ горѣ, стоящей по правую сторону рѣчки, которую нужно перейти перепрыгивая съ камня на камень, потомъ подняться по крутому обрыву на разстояніи двухъ сотъ метровъ, чтобы добраться до входа въ гротъ, куда шагъ за шагомъ я поведу читателя.

Этотъ входъ почти правильной формы имѣетъ видъ церковнаго портика съ полнымъ сводомъ, окаймленнаго зеленѣющими фестонами изъ вьющихся растеній и ліанъ. Переступивъ порогъ, вы находитесь въ высокихъ, обширныхъ сѣняхъ, кругомъ обставленныхъ сталактитами желтоватаго цвѣта и, стаи летучихъ мышей, испуганныхъ свѣтомъ факеловъ, съ шумомъ поднимаются съ мѣстъ и вылетаютъ изъ грота. На протяженіи сотни шаговъ, подаваясь во внутренность, сводъ держится на равной высотѣ и галлерея просторна; но вдругъ первый опускается, а вторая съуживается до такой степени, что должно пробираться согнувшись до земли или ползкомъ на четверенькахъ, и подвигаться

въ этомъ неудобномъ положеніи около сотни метровъ. Потомъ, галлерея снова расширяется и сводъ на нѣсколько туазовъ становится выше; но вскорѣ встрѣчается новое препятствіе, надобно вскарабкаться на стѣнку почти отвѣсную, вышиною до трехъ метровъ. Непосредственно затѣмъ находится самое опасное мѣсто подземелья: тамъ двѣ огромныя пропасти съ сіяющею пастью, въ уровень съ поверхностью земли, готовы поглотить безразсуднаго, который, имѣя въ рукѣ факелъ, не приметъ всѣхъ мѣръ предосторожности въ такомъ темномъ лабиринтѣ. Камни, бросаемые въ пропасти, производя паденіемъ на дно глухой, едва слышный шумъ, доказываютъ, что глубина простирается на многія сотни метровъ. Далѣе галлерея, сохраняя прежнюю высоту и просторъ, продолжается не представляя ничего особенно замѣчательнаго до того мѣста, гдѣ предшествовавшія розысканія остановились. Тамъ она оканчивается высокой ротондой, одѣтой кругомъ сталактитами различныхъ формъ, и представляетъ въ одномъ мѣстѣ настоящій куполъ, поддерживаемый колоннами; подъ этимъ куполомъ находится маленькое озеро, изъ котораго бѣжитъ ручеекъ, теряющійся въ одной изъ описанныхъ пропастей. Въ этой части грота мы начали сёрьезныя изслѣдованія, стараясь удостовѣриться, есть ли возможность продолжать подземную прогулку. Мы опускались много разъ на дно озера, не находя ничего соотвѣтственнаго нашимъ желаніямъ; тогда мы обратились къ правой сторонѣ, разсматривая, съ пособіемъ факеловъ, малѣйшія углубленія въ стѣнкахъ галлереи. Послѣ многихъ безполезныхъ розысканій, мы нашли наконецъ трещину, въ которую можно было просунуть руку. Пропустивъ туда факелъ, мы увидѣли обширную пустоту, обставленную блестящими кристаллами; это открытіе пробудило въ насъ сильное желаніе изслѣдовать ближе. Индѣецъ, съ помощію лома, принялся за дѣло, чтобы увеличить отверстіе, въ ростъ и толщину человѣка. Онъ работалъ медленно и легкими ударами, чтобы избѣжать обвала, который могъ не только разрушить наши надежды, но даже причинить несчастіе. Каменный сводъ, висѣвшій надъ нашими головами, могъ задавить насъ, и, какъ послѣдствія показали, принятыя нами предосторожности оказались не безполезными. Въ ту минуту, когда ожиданія наши готовы были осуществиться и отверстіе было довольно уже велико для входа одному человѣку, вдругъ мы услышали глухой, продолжительный шумъ, который привелъ всѣхъ насъ въ ужасъ. Сводъ поколебался и угрожалъ опуститься на насъ: Была одна минута, (она показалась намъ очень длинною), когда мы оцѣпенѣли отъ страха; индѣецъ, неподвижный какъ статуя, держась

рукою за ломъ, остался въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находился съ послѣднимъ его ударомъ въ стѣну. Чрезъ минуту торжественнаго молчанія, оправившись немного отъ перваго испуга, мы захотѣли убѣдиться, дѣйствительно ли такъ велика угрожавшая намъ опасность, и увидѣли, въ сводѣ, надъ нашими головами длинную, широкую расщелину, извивавшуюся на нѣсколько десятковъ метровъ; подлѣ того мѣста стѣны, до котораго трещина доходила, огромный камень, отдѣлившись отъ нея, былъ счастливымъ для насъ случаемъ, задержанъ въ своемъ паденіи; верхній конецъ лома, котораго остріе крѣпко упиралось въ твердую массу, послужило ему точкой опоры и эта ненадежная подставка поддерживала на вѣсу отдѣлившійся камень надъ отверстіемъ, которое мы пробили. Удостовѣрившись съ большими предосторожностями, что ломъ и камень держались довольно плотно; мы, какъ безумцы, привыкшіе побѣждать всякаго рода трудности и препятствія, рѣшились пробираться одинъ за другимъ въ опасное отверстіе. Докторъ Жевю, хранившій до тѣхъ поръ упорное молчаніе, увидя наше намѣреніе, такъ перепугался, что къ нему возвратился даръ слова для выраженія жалобъ и просьбъ: онъ кричалъ чтобы его выпустили изъ грота. Съ нимъ вдругъ какъ будто сдѣлалось головокруженіе, онъ говорилъ прерывающимся голосомъ, что у него захватываетъ дыханіе, что его что-то душитъ и сердце стучитъ какъ молотокъ; что, оставаясь долѣе въ такомъ опасномъ положеніи, въ которомъ мы находились, онъ непремѣнно умретъ отъ аневризма. Онъ предлагалъ все, что имѣетъ, тому, кто спасетъ ему жизнь и, скрестя на груди руки, умолялъ Индѣйца не оставлять его и показать обратную дорогу. Изъ жалости къ такому паническому страху, мы позволили индѣйцу исполнить его просьбу. Когда онъ возвратился и мы убѣдились, что въ его отсутствіе грозный камень — причина нашего минутнаго испуга, — оставался совершенно неподвижнымъ, мы приступили къ исполненію нашего намѣренія, и, какъ змѣи, одинъ за другимъ, проползли въ отверстіе, едва достаточное для толщины нашихъ тѣлъ.

Мы скоро перестали думать объ опасности и неосторожности, съ какою рѣшились на этотъ шагъ и обратили все вниманіе на то, что представилось нашимъ глазамъ. Мы находились среди обширнѣйшей залы въ волшебномъ вкусѣ. При свѣтѣ факеловъ сводъ, полъ и стѣны блестѣли и сверкали какъ будто покрытые хрусталемъ самой высокой прозрачности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука человѣка, какъ видно, участвовала въ украшеніи этого очарованнаго зáмка: множество сталактитовъ и сталагмитовъ, про-

зрачныхъ какъ чистая, только-что замерзшая вода, имѣли разнообразныя формы колоннъ, люстръ, канделабровъ, драпировокъ. На одномъ концѣ залы, у самой стѣны, стоялъ олтарь съ ступеньками, какъ будто ожидавшій священника для совершенія божественной службы. Перо мое должно сознаться въ безсиліи для описанія всѣхъ чудесъ, приводившихъ насъ въ удивленіе. Мы, право, думали, что находимся въ одномъ изъ дворцовъ Тысяча одной Ночи. Разсказы индѣйцевъ не могли дать и понятія о всѣхъ красотахъ, которыя мы открыли....

Осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ сіяющій чертогъ, мы продолжали подземную прогулку все болѣе и болѣе углубляясь въ нѣдра земли по извилистому лабиринту, который, на протяженіи полумили не представлялъ ничего замѣчательнаго, кромѣ опасности отъ обваловъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ галлереи, своды не имѣли твердости камня, а состояли по видимому изъ одной земли, которая легко осыпалась и, слѣдовательно, могла преградить нашъ обратный выходъ изъ пещеръ. Несмотря на это, мы продолжали идти впередъ и вновь открыли обширный, величественный покой, также покрытый съ верху до низу блестящими сталактитами и не уступающій первому въ красотѣ подробностей. Тамъ мы снова занялись тщательнымъ осмотромъ кристаловидныхъ колоннъ, пьедесталовъ и другихъ неопредѣленной формы фигуръ, выступавшихъ изъ стѣнъ и сверкавшихъ разноцвѣтными искрами при свѣтѣ факеловъ. Мы собрали на память нѣсколько круглыхъ сталактитовъ, до того похожихъ видомъ на орѣхи въ сахарѣ, что когда по возвращеніи въ Маниллу, мы предложили ихъ на балѣ дамамъ, то первымъ ихъ движеніемъ было поднести эти камни къ губамъ, чтобы раскусить; но когда онѣ замѣтили свою ошибку, то оставили ихъ у себя, чтобы сдѣлать подвѣски къ серьгамъ. Насладившись вдоволь великолѣпіемъ и красотою всего видѣннаго, мы почувствовали утомленіе и сильный аппетитъ, тѣмъ болѣе, что не ѣли ничего съ самаго утра, а день былъ уже на исходѣ. Я знаю по опыту, что нравственная сила убываетъ вмѣстѣ съ истощеніемъ силъ физическихъ и мы, безъ сомнѣнія, находились въ этомъ обезсиленномъ состояніи духа, когда зловѣщія предположенія представились нашему уму. Одинъ изъ насъ высказалъ мысль, что между нами и выходомъ изъ грота могъ, въ теченіи дня, сдѣлаться обвалъ или, что еще вѣроятнѣе, камень, отдѣлившійся отъ свода и подпертый на вѣсу нашимъ ломомъ, могъ опуститься и запереть отверстіе. Если бы такое несчастіе дѣйствительно случилось, то положеніе наше было бы ужасно,

во всей силѣ слова! Мы не могли ожидать помощи извнѣ, даже отъ друга нашего Женю, который самъ растерялся отъ страха; намъ оставалось бы только кинжалами прекратить свою жизнь, чтобы не испытать жестокой участи быть похороненными за-живо. Всѣ эти размышленія, разобранныя одно за другимъ, побудили насъ возвратиться и предоставить другимъ, менѣе насъ осторожнымъ, если бы такіе нашлись изслѣдовать не пройденное еще нами пространство. Съ нѣкоторою невольною поспѣшностью, мы дошли обратно до того мѣста, гдѣ долженъ былъ разрѣшиться для насъ вопросъ, — *быть или не быть* и, слава Богу, нашли его открытымъ: ломъ все еще поддерживалъ грозящій камень. Одинъ за другимъ, избѣгая по возможности прикосновенія къ камню и лому, мы снова пролѣзли въ узкое отверстіе и, миновавъ опасность, съ облегченнымъ сердцемъ приближались уже къ выходу, какъ вдругъ земля подъ ногами нашими задрожала и раздался глухой, продолжительный трескъ! Къ счастію, подоспѣвшій въ это время индѣецъ разсѣялъ нашъ страхъ, объяснивъ, отъ чего это произошло. Оставшись позади насъ, онъ не хотѣлъ пожертвовать своимъ ломомъ и, когда мы отошли на нѣсколько шаговъ, онъ съ силой вырвалъ его изъ подъ камня. Обязанный спасеніемъ своему проворству или волѣ Провидѣнія, онъ успѣлъ ускользнуть изъ-подъ массы камня, которая, лишившись точки опоры, рухнулась внизъ заваливъ совершенно отверстіе. Безъ сомнѣнія, никто уже послѣ насъ не проникнетъ въ эту прекрасную часть грота, которую намъ удалось такъ благополучно осмотрѣть. Затѣмъ мы поспѣшили выбраться изъ подземелья и испытали особенно-отрадное, сладостное ощущеніе, взглянувъ снова на Божій свѣтъ. Друга нашего Женю мы нашли сидящимъ на камнѣ, въ сокрушеніи о нашемъ долгомъ отсутствіи.

Быть можетъ, читатель назоветъ преувеличеніемъ все, что я разсказываю объ удовольствіяхъ и приключеніяхъ моей жизни въ Ялѣ-Ялѣ; но истина и точность составляютъ единственное достоинство моего повѣствованія и многія почтенныя особы могли бы засвидѣтельствовать достовѣрность каждаго изъ описанныхъ мною происшествій. Впрочемъ, многіе путешественники, проживавшіе нѣкоторое время въ Ялѣ-Ялѣ, описывали картину моего существованія среди преданныхъ и милыхъ мнѣ индѣйцевъ. Я укажу между прочимъ на *Путешествіе вокругъ свѣта* несчастнаго Дюмонъ-Дюрвиля и контръ-адмирала Лапласа; въ каждомъ изъ этихъ сочиненій есть особая статья исключительно посвященная Ялѣ-Ялѣ.

Упомянувъ случайно о г. Лапласѣ, я кстати разскажу анекдотъ, доказывающій какимъ вліяніемъ я пользовался во всей провинціи Лагуна.

Многіе матросы изъ экипажа фрегата, которымъ командовалъ Лапласъ, дезертировали въ Маниллѣ и, несмотря на розыски, сдѣланные по распоряженію испанскаго правительства, пятеро изъ нихъ нигдѣ не отыскивались. Въ это время г. Лапласъ собирался погостить у меня нѣсколько недѣль, и губернаторъ сказалъ ему:

— «Чтобы отыскать вашихъ бѣглецовъ, обратитесь къ г-ну де-ла Жироньеру; никто другой не можетъ найти ихъ такъ скоро какъ онъ; передайте ему отъ меня приказаніе заняться немедленно этимъ дѣломъ.»

Лапласъ, пріѣхавши ко мнѣ, передалъ приказаніе, но я былъ столько независимъ, что и не подумалъ привести его въ исполненіе. Чрезъ нѣсколько дней, капитанъ съ командой изъ сотни солдатъ, прибылъ въ Ялу-Ялу и объявилъ г. Лапласу, что онъ высмотрѣлъ всю провинцію и не нашелъ никакихъ слѣдовъ дезертеровъ, употребивши на это двѣ недѣли. Это извѣстіе огорчило г. Лапласа и онъ сказалъ мнѣ:

— Г. де ла Жироньеръ, я вижу, что буду вынужденъ выйти въ море безъ этихъ пяти бѣглецовъ, если вы сами не захотите ихъ поискать. Сдѣлайте одолженіе, пожертвуйте частицею вашего времени, чтобы оказать мнѣ эту услугу.

Это было уже не приказаніе, а просьба и я отвѣчалъ:

— Черезъ часъ, командиръ, я отправлюсь въ дорогу и, черезъ сорокъ-восемь часовъ люди ваши будутъ здѣсь.

— Замѣтьте, сказалъ онъ: — что вы будете имѣть дѣло съ негодяями. Не подвергайте себя опасности и, если они будутъ сопротивляться, не щадите ихъ, стрѣляйте безъ сожалѣнія.

Нѣсколько минутъ спустя, я переправился чрезъ озеро съ моимъ лейтенантомъ и однимъ солдатомъ, направляясь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ по моимъ предположеніямъ могли укрываться французскіе солдаты. Я скоро напалъ на ихъ слѣдъ, и на другой день исполнилъ обѣщаніе данное г. Лапласу, доставивши къ нему пятерыхъ преступниковъ, противъ которыхъ не употребилъ ни насилія, ни оружія.

Я часто уже говорилъ о тагалахъ и описывалъ черты ихъ характера. Однакожь, я не входилъ еще во всѣ подробности, необходимыя для того, чтобы вполнѣ узнать это покорное испанцамъ племя, котораго коренное происхожденіе останется навсегда

задачею, или предположеніемъ, основаннымъ на догадкахъ. Весьма вѣроятно и почти неоспоримо, что Филиппинскіе острова были издавна обитаемы племенемъ негровъ, которые и донынѣ живутъ бо̀льшею частію въ лѣсахъ и называются по тагальски *Ахетасъ*, а по испански *Негритосъ*. Въ эпоху, безъ сомнѣнія, весьма отдаленную, ближайшіе сосѣди филиппинцевъ — малайцы, овладѣли прибрежьями и отодвинули туземное населеніе во внутренность горъ; съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ли случайностей мореплаванія или желанія воспользоваться плодородіемъ почвы, къ нимъ присоединялись китайцы, японцы, жители большихъ архипелаговъ Южнаго моря, яванцы и даже индусы. Изъ смѣшенія этихъ породъ, весьма несходныхъ по физіономіи, образовались различные оттѣнки кожи и типы, замѣчаемые между нынѣшними тагалами, которые сохраняютъ однакожь общій характеръ и малайскую жестокость.

Тагалъ вообще хорошо сложенъ, скорѣе большаго, нежели малаго роста; онъ имѣетъ длинные волосы, рѣдко брѣетъ бороду, цвѣтъ нѣсколько мѣдный, нерѣдко почти бѣлый, глаза большіе, оживленные, иногда продолговатые какъ у китайца; носъ довольно толстый и выдавшіяся скулы — принадлежность малайца. Характеръ его веселый и шутливый. Онъ любитъ танцы, музыку; пылокъ и страстенъ въ любви, жестокъ съ врагами, никогда не прощаетъ несправедливости и мститъ за себя всегда любимымъ оружіемъ — кинжаломъ, точно такой же формы, какъ у малайцевъ. Онъ крѣпко держится даннаго слова въ дѣлахъ серьёзныхъ и предается съ увлеченіемъ азартнымъ играмъ; онъ хорошій мужъ, превосходный отецъ, ревниво бережетъ честь своей жены, но мало заботится о дѣвственной чистотѣ дочери, потому что заблужденія дѣвичьей молодости не составляютъ препятствія къ выходу замужъ. Онъ удивительно воздерженъ и трезвъ: вода, рисъ и соленая рыба совершенно его удовлетворяютъ. Человѣкъ старый пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Въ семействѣ, во всѣхъ возрастахъ жизни, младшій повинуется старшему.

Онъ оказываетъ гостепріимство безъ всякихъ эгоистическихъ видовъ и не имѣя другой мысли, кромѣ желанія помочь ближнему. Когда путешественникъ приходитъ къ тагалу во время обѣда, то если бы даже онъ имѣлъ только самое необходимое для накормленія своего семейства, онъ тотчасъ предлагаетъ страннику мѣсто за столомъ. Когда старикъ, которому лѣта и дряхлость не позволяютъ уже работать, не имѣетъ средствъ къ

существованію, онъ переходитъ на житье къ сосѣду; тамъ находитъ онъ содержаніе и попеченія, какъ бы принадлежащій къ семейству и можетъ оставаться до конца своей жизни. Бракъ у тагаловъ имѣетъ свои любопытныя особенности. Ему предшествуютъ двѣ церемоніи: первая называется тамъ *монокъ*, слово тагальскія, означающія: *пѣтухъ ищетъ свою курицу*. Когда молодой индѣецъ объявляетъ своему отцу и матери, что полюбилъ какую нибудь индіанку, старики отправляются вечеромъ къ ея родителямъ, и послѣ равнодушнаго разговора о вещахъ постороннихъ, мать жениха даетъ піастръ невѣстиной матери. Жениху дозволяется продолжать искательство, если дѣвушка согласна и тогда піастръ употребляется на покупку бетеля и кокосоваго вина. Въ продолженіе почти цѣлой ночи, все общество жуетъ бетель и пьетъ вино, разговаривая о предметахъ, ни мало не касающихся до свадьбы. Молодые люди показываются тогда піастръ принятъ, видя въ этомъ залогъ ихъ соединенія.

На другой день молодой человѣкъ представляется родителямъ невѣсты. Его принимаютъ какъ роднаго, онъ тамъ обѣдаетъ, ночуетъ, участвуетъ во всѣхъ домашнихъ работахъ, особенно въ тѣхъ, которыя относятся къ обязанности дѣвушки. Онъ начинаетъ тогда службу, продолжающуюся два, три, иногда четыре года, и въ теченіи это времени строго наблюдаетъ за своимъ поведеніемъ, потому что самыхъ незначительныхъ промаховъ достаточно, чтобы ему отказали навсегда отъ дома.

Испанцы принимали всевозможныя мѣры для прекращенія этого обычая, заключающаго въ себѣ большія неудобства и злоупотребленія. Бываетъ часто, что отецъ дѣвушки, желая пользоваться услугами и трудами человѣка, которому не нужно ничего платить, нарочно тянетъ до безконечности это рабское испытаніе будущаго зятя, и иногда по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, отсылаетъ его подъ ничтожнымъ предлогомъ домой, чтобы взять другаго работника опять съ титуломъ жениха. Не случается также, что женихъ и невѣста утомляются продолжительнымъ ожиданіемъ и вступаютъ въ права супружества не дождавшись церемоніи; тогда молодая дѣвушка въ одинъ прекрасный день беретъ своего любовника за волосы и, приводя его такимъ образомъ къ священнику деревни, говоритъ, «что она его похитила и потому ихъ должно обвѣнчать». Въ этомъ случаѣ, обрядъ вѣнчанія совершается безъ согласія родителей; но если бы, на оборотъ, молодой человѣкъ похитилъ свою возлюбленную, то былъ бы строго наказанъ, а дѣвушка возвращена семейству.

Если всѣ дѣла въ совершенномъ порядкѣ, т. е. если женихъ выслужилъ добровольно два или три года и родители остались вполнѣ довольны его характеромъ и поведеніемъ, тогда наступаетъ день второй церемоніи, называемой *Тахинъ бохоль* (молодой человѣкъ, желающій скрѣпить узелъ соединенія).

Эта церемонія — большой праздникъ. Всѣ родственники и друзья обоихъ семействъ собираются въ домѣ нареченной и, раздѣлившись на двѣ партіи, обсуживаютъ интересы жениха и невѣсты; но каждое семейство имѣетъ адвоката и онъ одинъ можетъ подавать голосъ въ пользу своего кліента. Родители же не имѣютъ права даже говорить громко, они могутъ только сообщать потихоньку замѣчанія, какія признаютъ нужными своему адвокату.

Индіанка никогда не приноситъ за собою приданаго. Выходя замужъ, она не имѣетъ ничего; приданое долженъ принести молодой человѣкъ и потому адвокатъ дѣвушки, первый, предлагаетъ вопросы о приданомъ и опредѣляютъ обоюдныя условія.

Приведу въ примѣръ рѣчи двухъ адвокатовъ, слышанныя мною въ подобномъ случаѣ. Чтобы не затронуть самолюбія договаривающихся сторонъ, они, по большей части, выражаются иносказательно. Въ церемоніи, которую я удостоилъ своимъ присутствіемъ, адвокатъ невѣсты началъ такъ:

«Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка соединили судьбу свою; они не имѣли ничего, даже пристанища. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, молодая женщина была несчастлива. Наконецъ, тяжелая пора для нихъ миновалась: она увидѣла себя хозяйкою хорошенькаго домика, ей принадлежавшаго и сдѣлалась матерью прелестной дѣвочки; послѣ разрѣшенія отъ бремени, явился къ ней ангелъ и сказалъ: «Вспомни день твоего выхода замужъ и все время перенесенной тобою нищеты. Я беру новорожденную малютку подъ свое покровительство; когда она выростетъ, будетъ красивой дѣвушкой и всѣ молодые люди будутъ искать ея руки, отдай ее только тому, кто выстроитъ для нея храмъ о десяти колоннахъ, такъ чтобы каждая колонна была составлена изъ десяти камней. Если ты не исполнишь моего приказанія, дочь твоя будетъ такъ же несчастна, какъ была ты сама».

Послѣ этихъ словъ, адвокатъ противной стороны произнесъ слѣдующее:

«Жила нѣкогда королева, царство которой находилось на берегу моря. Между законами ея правленія былъ одинъ, соблюдаемый съ особенною строгостью. На основаніи этого закона, всѣ

суда приходившія въ порты ея владѣній, могли бросать якорь на глубинѣ не менѣе ста саженъ; кто нарушалъ этотъ законъ, былъ безъ пощады предаваемъ смерти. Случилось однажды, что храбрый морякъ былъ застигнутъ жесточайшей бурей. Послѣ многихъ усилій спасти свое судно, онъ вынужденъ былъ войти въ одинъ изъ портовъ королевы и бросить якорь, хотя канатъ его имѣлъ только восемьдесятъ саженъ длины. Онъ рѣшился скорѣе умереть на эшафотѣ, чѣмъ допустить до погибели судно и экипажъ. Разгнѣванная королева потребовала его къ себѣ; онъ бросился къ ея ногамъ и объясняя, что только необходимость заставила его преступить законъ и что, имѣя только восемьдесятъ саженъ каната, онъ не могъ бросить якоря на глубинѣ во сто саженъ и умолялъ о помилованіи».

Этимъ кончилась его рѣчь. Другой адвокатъ продолжалъ:

«Королева, тронутая его просьбами и невозможностью поступить иначе, простила его, и сдѣлала доброе дѣло».

Съ послѣдними словами, радость озарила лица всѣхъ присутствующихъ. Музыканты начали играть на гитарѣ; женихъ и невѣста показались изъ смежной комнаты; молодой человѣкъ снялъ съ себя четки и возложилъ ихъ на шею невѣсты, а бывшія на ней надѣлъ на себя. Вся ночь прошла въ пляскѣ, а обрядъ вѣнчанія, подобный христіанскому былъ отсроченъ на недѣлю.

Теперь, я объясню значеніе рѣчей, сказанныхъ адвокатами, какъ оно было истолковано мнѣ впослѣдствіи.

Мать невѣсты вышла замужъ безъ приданаго и была несчастлива; храмъ, котораго она требовала для своей дочери по внушенію ангела, означалъ домъ, а десять колоннъ, изъ десяти камней каждая, значили, что вмѣстѣ съ домомъ, нужно дать сумму во сто піастровъ (500 франковъ).

Рѣчь адвоката со стороны молодаго человѣка имѣла тотъ смыслъ, что онъ согласенъ дать домъ и потому о немъ въ рѣчи не упоминалось, но сознаваясь, что онъ имѣлъ не болѣе восьмидесяти піастровъ, онъ припадалъ къ стопамъ родителей невѣсты, умоляя, чтобы недостающіе двадцать піастръ не были препятствіемъ къ его соединенію съ молодой дѣвушкой. Прощеніе, дарованное королевой значило, что молодой человѣкъ получилъ согласіе невѣсты, съ 80 піастрами.

Рабство, предшествующее браку, какъ я сказалъ выше, было въ обычаѣ задолго до испанскаго владычества. Оно подтверждаетъ предположеніе о происхожденіи тагаловъ отъ малайцевъ,

которые, будучи мусульманами, сохранили нѣкоторые изъ обычаевъ нашихъ древнихъ патріарховъ.

Кажется, что я достаточно объяснилъ нравы и обычаи индѣйцевъ и теперь намѣренъ поговорить съ читателями о двухъ породахъ животныхъ, которыхъ часто имѣлъ случай наблюдать и даже побѣждать; одно изъ нихъ, живущее въ лѣсахъ, есть змѣй *боа*, другое въ большихъ рѣкахъ и озерахъ, это *кайманъ*.

Съ самаго начала моего поселенія въ Ялъ-Ялъ, когда я устроивалъ усадьбу, кайманы водились во множествѣ по сю сторону озера; я ежедневно видѣлъ изъ моихъ оконъ, какъ они рѣзвились въ водѣ и бросались на собакъ, слишкомъ близко подходившихъ къ берегу. Однажды служанка моей жены, имѣвшя неосторожность купаться на берегу озера, была внезапно схвачена кайманомъ огромныхъ размѣровъ. Одинъ изъ моихъ стражей, подоспѣвшій въ то время, когда онъ уносилъ ее, выстрѣлилъ изъ карабина и попалъ ему подъ мышку, — единственное уязвимое мѣсто каймана; но рана не остановила чудовище, оно изчезло въ глубинѣ вмѣстѣ съ добычей. Однакожь пробоина, сдѣланная пулей оказалась смертельною. Маленькіе морскіе раки, водящіеся въ изобиліи въ озерѣ, забираются въ рану; мало по малу число ихъ увеличивается, они начинаютъ грызть мясо и проникаютъ во внутренность организма. Такая участь постигла каймана, похитившаго нашу горничную. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, чудовище было найдено издохшимъ на берегу, въ пяти или шести миляхъ отъ моего дома. Индѣйцы принесли ко мнѣ серьги несчастной женщины, найденныя въ его желудкѣ.

Въ другой разъ, одинъ китаецъ ѣхалъ впереди меня верхомъ. Подъѣхавши на пути къ небольшой рѣчкѣ я пріостановился и пустилъ китайца впередъ, чтобъ узнать изъ его опыта глубока ли рѣчка. Вдругъ три или четыре каймана бросились на него; лошадь и всадникъ исчезли въ водѣ, которая на нѣсколько минутъ окрасилась кровью....

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть этихъ прожорливыхъ животныхъ вблизи и, съ этой цѣлью, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, когда они подходили ближе къ моему дому. Однажды ночью я повѣсилъ цѣлаго барана на огромную удочку, прикрѣпленную цѣпью къ толстой веревкѣ и на другой день не нашелъ ни барана ни цѣпи. Я также подкараулилъ кайманов съ ружьемъ, но если они въ водѣ, то пуля, ударившись о ихъ чешую отскакиваетъ не причинивъ имъ никакого вреда. Когда у меня

околѣла огромная собака удивительной филиппинской породы, такого роста, какого въ Европѣ не видывали, я велѣлъ положить ее на берегъ, самъ же, спрятавшись за кустомъ, ожидалъ съ ружьемъ на готовѣ появленія каймана. Но скоро меня одолѣлъ сонъ.... когда я проснулся, собаки уже не было. Къ счастію, кайманъ не ошибся въ выборѣ добычи....

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, они перестали было показываться въ окрестностяхъ моей деревни; но однажды утромъ, находясь съ пастухами въ нѣсколькихъ миляхъ отъ дома, я долженъ былъ вмѣстѣ съ ними переправляться вплавь черезъ рѣчку. Одинъ изъ пастуховъ сказалъ мнѣ:

— Господинъ, вода здѣсь глубока, въ этихъ мѣстахъ водятся кайманы, какъ бы не случилось бѣды; не лучше ли подняться выше, гдѣ рѣчка помельче.

Я готовъ былъ послѣдовать его совѣту, когда одинъ изъ нихъ, менѣе осторожный, сказалъ:

— Я не боюсь каймановъ! и пустился на лошади вплавь.... Едва достигъ онъ средины рѣки, какъ мы увидѣли приближавшагося къ нему каймана чудовищной величины.

Мы закричали, чтобы предостеречь его, а онъ, замѣтивъ опасность, спустился съ лошади, съ стороны противоположной той, съ которой показался кайманъ, и поплылъ изо всей силы къ берегу. Онъ тронулъ уже землю, но имѣлъ неосторожность пріостановиться за пнемъ дерева, опрокинутаго стремительностью потока у берега, гдѣ вода была по колѣно. Онъ воображалъ уже себя въ совершенной безопасности. Вынувъ ножъ, онъ началъ наблюдать за движеніями каймана, который приблизясь къ лошади, выставилъ изъ воды свою огромную голову, кинулся и схватилъ лошадь за сѣдло. Она рванулась, подпруга лопнула и, покуда кайманъ терзалъ зубами сѣдло, лошадь успѣла выбраться на берегъ. Но вскорѣ кайманъ замѣтилъ, что добыча ускользнула отъ него, бросилъ сѣдло и устремился къ индѣйцу. Увидѣвъ это движеніе, всѣ мы въ одинъ голосъ крикнули: спасайся, кайманъ идетъ къ тебѣ! но безстрашный индѣецъ, съ ножемъ въ рукѣ, не трогался съ мѣста. Чудовище подплыло къ нему: индѣецъ нанесъ ему ударъ въ голову, — это былъ щелчокъ по рогу буйвола! Кайманъ сдѣлалъ скачокъ, схватилъ его за ногу и, впродолженіе минуты, мы видѣли бѣднаго пастуха, — надъ водою, съ сложенными на груди руками, съ глазами, обращенными къ небу, въ положеніи человѣка, молящаго о милосердіи Божіемъ, — унесеннаго въ озеро; скоро эта группа исчезла подъ

волнами.... Драма кончилась, — желудокъ каймана былъ несчастному бѣдняку могилой. Въ эти мгновенья ужасной развязки, мы оставались безмолвными отъ страшнаго, томительнаго ожиданія, но когда несчастный пастухъ исчезъ, мы поклялись отмстить за него. Я велѣлъ приготовить три сѣти изъ толстыхъ веревокъ и протянуть ихъ поперегъ рѣчки въ водѣ, надежно укрѣпивъ концы по берегамъ; я приказалъ также построить хижинку для помѣщенія индѣйца, который долженъ былъ неусыпно караулить и дать мнѣ знать, когда кайманъ снова появится въ рѣкѣ. Два мѣсяца онъ ждалъ напрасно, но наконецъ увѣдомилъ меня, что кайманъ, схвативши гдѣ-то лошадь, потащилъ ее въ рѣчку, чтобы насладиться на свободѣ. Я немедленно прибылъ на мѣсто, пригласивъ священника, который очень желалъ видѣть охоту за кайманомъ и одного американца, друга моего, г. Русселя, гостившаго тогда у меня.

Сѣти были закинуты на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, для того, чтобы преградить кайману отступленіе въ озеро. Эта операція была не совершенно безопасною, потому что, когда сѣти были уже на мѣстахъ, то для удостовѣренія въ томъ, что онѣ доходили вплоть до дна и что животное не могло ускользнуть низомъ, одинъ изъ индѣйцевъ долженъ былъ нырять въ самую глубь; но въ это время кайманъ могъ находиться въ промежуткѣ между сѣтями и проглотить моего индѣйца. Къ счастію, этого не случилось. Когда все было готово, я велѣлъ спустить въ рѣчку три пироги, бортами крѣпко связанныя между собою и, посадилъ въ среднюю изъ нихъ нѣсколько индѣйцевъ, вооруженныхъ копьями и длинными бамбуковыми баграми, которые могли доставать до дня. Наконецъ, когда всѣ мѣры предосторожности были приняты, лодки тронулись по рѣкѣ.

Животное такихъ огромныхъ размѣровъ какого мы отыскивали, не легко можетъ укрыться; мы скоро увидѣли, какъ оно всплыло на поверхность воды и, ударяя хвостомъ по волнамъ, щелкало челюстями съ явнымъ желаніемъ уничтожить все, что осмѣлилось бы возмутить его спокойное убѣжище. Едва оно показалось, всѣ вскрикнули отъ радости; индѣйцы, бывшіе въ пирогѣ, бросили въ него копья; мы, стоявшіе по обѣимъ берегамъ, сдѣлали общій залпъ; но пули рикошетировали по чешуйчатой спинѣ, не пробивая ее, а острыя копья, скользя по ней, вонзались на десять дюймовъ въ части тѣла, непокрытыя чешуею; кайманъ уплывалъ съ невѣроятною быстротою, и встрѣтивъ препятствіе первой сѣти, силился безуспѣшно прорвать

ее, возвращался вверхъ по рѣкѣ, исчезалъ подъ водою и снова являлся на поверхности.

Отъ этихъ порывистыхъ движеній ломались древки копій, которыя индѣйцы вонзили въ его тѣло и въ немъ оставалось только желѣзо. При каждомъ его появленіи изъ воды, стрѣльба возобновлялась и мѣткія копья вновь погружались въ огромную массу его тѣла. Я убѣдился однакожь въ недѣйствительности нашихъ выстрѣловъ противъ его неуязвимой чешуи.

Мы раздражали его криками и жестами и когда онъ, приблизившись къ берегу, раскрылъ предо мною огромную пасть, я выставилъ впередъ ружье, такъ что дуло находилось едва въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ него и спустилъ разомъ оба курка въ надеждѣ, что пули мои не встрѣтятъ чешуи въ глубинѣ этой просторной глотки и, слѣдовательно, могутъ раздробить мозгъ; но, все было напрасно. Пасть захлопнулась съ страшнымъ шумомъ, втянувши въ себя только огонь и дымъ, вылетѣвшіе изъ ружья, а пули сплюснулись о ея наружныя кости, ни мало ихъ не повредивъ. Разъяренное животное дѣлало всевозможныя усилія, чтобы схватить кого нибудь изъ враговъ; силы его, казалось, возрастали вмѣстѣ съ ожесточеніемъ, а мы были уже почти обезсилены. Почти всѣ наши копья были всажены въ его тѣло и заряды подходили къ концу.

Въ продолженіе шести часовъ борьба не представляла никакого результата, позволявшаго надѣяться на ея скорое окончаніе, но наконецъ, одному изъ индѣйцевъ удалось тронуть непріятеля въ водѣ копьемъ необыкновенной величины; другой индѣецъ, по совѣту товарища, успѣлъ въ это время ударить тяжеловѣснымъ молотомъ по верхнему концу древка, отчего желѣзо вонзилось глубоко въ тѣло животнаго и въ ту же минуту движеніемъ, быстрымъ какъ молнія, оно направилось къ сѣтямъ и исчезло. Древко копья, отдѣлившись отъ желѣза всплыло на поверхность воды и мы напрасно ждали нѣсколько минутъ, чтобы чудовище появилось; мы начинали уже думать, что оно послѣднимъ, чрезвычайнымъ усиліемъ прорвало сѣти и успѣло уйти въ озеро. Вытащивъ первую сѣть, мы убѣдились по огромной прорѣхѣ въ ней, что предположеніе наше было основательно; вторая сѣть была въ такомъ же состояніи. Опечаленные неудачею, мы потащили третью, но вдругъ почувствовали сопротивленіе; индѣйцы потянули къ берегу и, къ величайшей нашей радости, чудовище показалось на поверхности рѣки, уже при послѣднемъ издыханіи. Наконецъ, когда вся масса его вышла изъ воды, мы не могли опомниться отъ удивленія, такъ поразила насъ его громадность.

Г. Руссель, какъ человѣкъ опытный въ этомъ отношеніи, снялъ размѣры главныхъ его частей и нашелъ, что въ немъ отъ крайней линіи ноздрей до конца хвоста — двадцать-семь футовъ; толщина же, вымѣренная въ окружности подъ мышками — одиннадцать футовъ. Брюхо было гораздо полнѣе, но мы не считали нужнымъ вымѣрять его, полагая, что объемъ его увеличился временно отъ лошади, съѣденной на завтракъ.

Послѣ этой первой операціи, мы держали совѣтъ, что намъ дѣлать и каждый высказалъ свое мнѣніе. Что касается до меня, то я желалъ перевезти его цѣликомъ къ себѣ домой; но это было невозможно; для этого нужно было бы употребить судно въ пять или шесть тоннъ, котораго мы не могли нигдѣ достать. Другой хотѣлъ имѣть его кожу; индѣйцы просили себѣ мясо, съ тѣмъ, чтобы, прокоптивши его, употреблять какъ вѣрнѣйшее лекарство отъ одышки. Они говорили, что всякій, страдающій одышкой, поѣвши нѣкоторое время этого мяса, непремѣнно исцѣляется. Третій имѣлъ виды на жиръ, полезный противъ ревматическихъ болей и наконецъ, мой почтенный священникъ просилъ раскрыть желудокъ чудовища, чтобы видѣть, сколько христіанъ оно поглотило на своемъ вѣку. Онъ увѣрялъ, что каждый разъ, когда кайманъ съѣдаетъ христіанина, онъ въ тоже время проглатываетъ непремѣнно довольно большой камень; слѣдовательно, по числу камней, которые окажутся въ желудкѣ, можно будетъ узнать положительно число похороненныхъ въ немъ.

Для удовлетворенія всѣхъ, я послалъ за топоромъ, чтобы отрубить только голову, которую хотѣлъ взять себѣ и предоставить все остальное другимъ, участвовавшимъ въ охотѣ; но отдѣлить голову было дѣло не легкое. Топоръ входилъ по рукоятку въ мясо, не проникая до костей; наконецъ, послѣ долгихъ усилій, мы достигли цѣли. Тогда мы раскрыли желудокъ и вытащили по частямъ похищенную поутру лошадь. Кайманъ не жуетъ; онъ откусываетъ огромными зубами часть и проглатываетъ. Вмѣстѣ съ лошадью, раздѣленною на семь или восемь кусковъ, мы нашли до пятидесяти фунтовъ камней, величиною отъ орѣха до кулака. Когда мой священникъ увидѣлъ количество камней, то не могъ не сказать:

— Я вижу, что это не правда; не можетъ быть, чтобы это животное могло проглотить такое множество христіанъ!

Было восемь часовъ, когда мы кончили дѣлежъ; я предоставилъ мясо своимъ помощникамъ, а голову велѣлъ перенести на

судно, для доставленія къ себѣ на домъ. Мнѣ очень хотѣлось сохранить эту чудовищную голову въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее отрубили, но для того нужно было имѣть запасъ мышьяковаго мыла, а у меня его не было и я рѣшился, отдѣливши мягкія части, сберечь ее въ видѣ скелета. Взвѣсивши сначала цѣликомъ, я нашелъ, что въ ней было 430 фунтовъ; длина отъ оконечности морды до первыхъ позвонковъ — пять футовъ. Въ ней нашлись всѣ мои пули, сплюснувшіяся о кости челюстей и нёба, какъ о стальную доску. Ударъ копья, поразившій его на смерть, былъ дѣломъ случая или чудомъ. Когда индѣецъ ударилъ молотомъ по древку, желѣзо пройдя чрезъ затылокъ въ позвоночный хребетъ, вонзилось въ спинной мозгъ, единственное чувствительное мѣсто во всемъ его организмѣ. Когда голова была окончательно приготовлена, когда кости высохли и побѣлѣли, я имѣлъ удовольствіе поднести ее въ подарокъ моему другу Русселю, а онъ впослѣдствіи, передалъ ее въ Бостонскій музеумъ.

Другое чудовище, которое я обѣщалъ описать, есть змѣй — *боа*, встрѣчаемый весьма часто на Филиппинскихъ островахъ, но рѣдко большихъ размѣровъ. Можно съ вѣроятностью предполагать, что это пресмыкающееся достигаетъ чудовищной величины, только въ такомъ случаѣ, если проживетъ нѣсколько столѣтій, но такъ какъ трудно допустить, чтобы въ продолженіе такого періода времени въ жизни животнаго не встрѣтилось случайностей, которыя могли бы прекратить его существованіе, то подобная долговѣчность — явленіе рѣдкое, и только въ глухихъ, не тронутыхъ лѣсахъ, въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, можно видѣть иногда боа, дожившаго до полнаго развитія.

Я часто видалъ боа обыкновенной величины, какихъ показываютъ во многихъ кабинетахъ. Они водились даже въ моемъ домѣ и однажды ночью я нашелъ такого гостя, длиною до двухъ метровъ, въ моей постелѣ. Случалось иногда, что прогуливаясь съ индѣйцами, я слышалъ пронзительные крики кабана. Мы тотчасъ направлялись къ тому мѣсту и почти всегда находили бѣднаго кабана задыхающагося въ объятіяхъ боа, который, обвивши его тѣло крѣпкими чешуйчатыми кольцами, втаскивалъ его постепенно на вершину дерева, служившаго ему точкой опоры при нападеніи на добычу. Поднявшись на нѣкоторую высоту, змѣй прижималъ кабана къ дереву съ такою силою, что задушалъ его, раздробивши всѣ кости. Тогда онъ выпускалъ добычу изъ смертоносныхъ колецъ на землю и собирался кушать; но эта послѣдняя операція могла бы продлиться нѣсколько дней, а

потому, не дожидаясь конца, я посылалъ пулю въ голову боа; индѣйцы снимали съ него кожу, изъ которой приготовляли ножны для кинжаловъ, а мясо коптили и употребляли какъ лакомое кушанье; нечего говорить, что кабана они также не забывали. Однажды индѣецъ нашелъ подъ деревомъ боа, который заснулъ, проглотивши на завтракъ рослую лань; онъ былъ такъ огроменъ, что нужно было бы телѣгу и буйвола для перевозки его въ городъ, но такъ какъ ни того, ни другаго подъ рукою не случилось, то индѣецъ разрѣзалъ жертву на части и унесъ свою долю мяса. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ приказалъ доставить мнѣ остатки. Мнѣ принесли отрѣзокъ, длиною въ восемь футовъ и такого объема, что высушенная кожа могла какъ плащъ покрыть человѣка большаго роста. Я подарилъ ее моему другу Линдсе.

Мнѣ не случалось еще разсматривать вблизи этихъ пресмыкающихся чудовищъ, о которыхъ индѣйцы говорили всегда съ преувеличеніемъ, какъ однажды, послѣ обѣда, проходя чрезъ горы съ двумя изъ пастуховъ, я услышалъ непрерывный лай собакъ, какъ будто нападавшихъ на животное, рѣшившееся защищаться. Предположивъ сначала, что онѣ, вѣроятно, подняли буйвола, упорно отражавшаго нападеніе, мы осторожно приближались къ сценѣ битвы и увидѣли, что собаки разсыпались по скату глубокаго оврага, на днѣ котораго лежалъ огромный змѣй. Чудовище, поднявъ голову на 5 или 6 футовъ, направляло ее то къ тому, то къ другому берегу и угрожало смѣлымъ врагамъ, своимъ раздвоеннымъ языкомъ; но проворныя собаки успѣвали удаляться отъ его прикосновенія. Первымъ моимъ побужденіемъ было всадить ему пулю въ голову, но потомъ пришла мысль взять его живымъ и отослать во Францію. Безъ сомнѣнія, это былъ бы величайшій боа изъ всѣхъ когда-либо тамъ видѣнныхъ. Для исполненія этого намѣренія, мы сдѣлали изъ индѣйскаго тростника такой прочный канатъ, что онъ могъ бы противиться усиліямъ дикаго буйвола. Съ большими предосторожностями, мы успѣли накинуть петлю на шею боа и привязали конецъ ея накрѣпко къ дереву, такъ чтобы голова его держалась на прежней высотѣ, около шести футовъ надъ землею. Затѣмъ, перейдя на другой берегъ оврага, мы закинули другую петлю, которую укрѣпили также какъ первую. Когда боа почувствовалъ сопротивленіе каната съ обѣихъ сторонъ и невозможность двигать головою, онъ свернулся въ кольцы, потомъ, вытягиваясь во всю длину, обхватывалъ хвостомъ мелкія деревья, росшія по обрыву, но къ несчастію для него, все уступало его усиліямъ; онъ съ корнемъ

вырывалъ молодыя деревья, сбрасывалъ въ оврагъ огромные камни, напрасно отъискивая точку опоры, при помощи которой могъ бы, собравъ всѣ силы, рвануться такъ, чтобы канаты лопнули; но они были крѣпки и устояли противъ его ярости.

Чтобы перевезти такое животное, нужно было бы нѣсколько буйволовъ и взрядное количество веревокъ. Ночь приближалась; мы надѣялись на прочность аркановъ и рѣшились оставить его въ этомъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы на утро возвратиться съ запасомъ всего необходимаго для успѣшнаго окончанія охоты; но, ошиблись въ расчетѣ. Въ продолженіи ночи, боа измѣнилъ маневръ; передвинувшись всею массой выше того мѣста, на которомъ мы его оставили, онъ отыскалъ точку опоры въ глыбахъ базальта и, обхвативъ ихъ, дѣлалъ такія усилія, что канаты наконецъ оборвались около самой шеи. Удостовѣрившись, что добыча ускользнула и, что никакія розысканія въ окрестностяхъ не могли открыть ее, я былъ весьма огорченъ, сомнѣваясь, чтобы подобный случай могъ представиться вторично. Впрочемъ, эти пресмыкающіяся рѣдко нападаютъ на человѣка; я слышалъ одинъ только подобный случай. Вотъ какъ это было.

Индѣецъ, преслѣдуемый за какую-то вину, скрывался въ пещерѣ. Отецъ его, знавшій это убѣжище, посѣщалъ по временамъ преступника и приносилъ ему рису. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, онъ нашелъ вмѣсто сына, огромнаго спящаго боа; онъ убилъ его и увидѣлъ въ желудкѣ тѣло несчастнаго сына. Нужно предполагать, что въ продолженіи ночи, онъ былъ задушенъ змѣемъ во время сна и послужилъ ему пищею. Деревенскій священникъ, явившійся на мѣсто смерти для похоронъ тѣла, видѣлъ остатки боа и говорилъ, что онъ былъ величины замѣчательной. Къ сожалѣнію, это было далеко отъ моей усадьбы и я не могъ во время удостовѣриться лично въ истинѣ факта; но нѣтъ ничего удивительнаго, что боа проглотилъ человѣка, если онъ легко можетъ проглотить лань. Много другихъ подобныхъ случаевъ было мнѣ разсказано индѣйцами. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей, проходя лѣсами, были схвачены змѣемъ, раздавлены объ дерево и потомъ съѣдены; но я всегда остерегался вѣрить исторіямъ индѣйцевъ и могъ положительно убѣдиться только въ истинѣ той, которую сейчасъ разсказалъ.

Впрочемъ, боа—змѣй наименѣе опасный изъ всѣхъ змѣиныхъ породъ, обитающихъ на Филиппинскихъ островахъ. Есть другіе, меньшихъ размѣровъ, причиняющіе смерть въ нѣсколько часовъ; между ними змѣя, называемая *дажонъ пале* (рисовый листъ) чрезвычайно ядовита. Единственное средство отъ укушенія ея — вы-

жечь рану раскаленнымъ углемъ; если же замедлить нѣсколько минутъ, то смерть, съ жесточайшими мученiями, неизбѣжна. *Алинъ-Морани* — другая порода, достигающая длины 8 и 10 футовъ; ея укушенiе можетъ быть еще опаснѣе; рана глубже, и слѣдовательно, бываетъ труднѣе для выжиганiя. Я никогда не бывалъ укушенъ этими пресмыкающимися, хотя не принималъ особыхъ предосторожностей, странствуя по лѣсамъ и днемъ и ночью. Только два раза я былъ въ опасности: въ первый разъ наступивъ ногою на *даженъ-пале;* я замѣтилъ это по особому движенiю и необъяснимо странному ощущенiю подъ ногою; я наступилъ крѣпче и увидѣлъ ея маленькую головку, которая вытягивалась чтобы ухватить меня за лодыжку; къ счастiю, я придавилъ ее такъ близко къ головѣ, что она не могла повернуть ее ко мнѣ; я вынулъ кинжалъ и отрѣзалъ ее.

Въ другой разъ, я увидѣлъ двухъ орловъ, которые взвивались и опускались какъ стрѣлы надъ грудою кустовъ и все въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Я полюбопытствовалъ узнать, на какое животное они нападали. Едва приблизился я, какъ огромная *алинъ-морани,* разъяренная ранами, которыя ей нанесли орлы, обратилась ко мнѣ; я хотѣлъ отступить, но она, свернувшись въ клубокъ, бросилась на меня и едва не коснулась моего лица. Я сдѣлалъ быстрый скачекъ назадъ и избѣжалъ встрѣчи, но не позволилъ себѣ обернуться къ ней спиной, потому что тогда погибель моя была бы неминуема. Змѣя вторично устремилась на меня, я снова уклонился отъ столкновенiя и безуспѣшно пытался нанести ей ударъ острiемъ кинжала; но въ это время индѣецъ, завидѣвшiй меня издали, прибѣжалъ на помощь съ дубинкой въ рукѣ и выручилъ меня изъ бѣды.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣтки о журналахъ за іюль мѣсяцъ 1855 года.

Читатель, вопреки вашимъ постояннымъ фельетонистамъ, которые каждый мѣсяцъ указываютъ вамъ на столько «замѣчательныхъ, прекрасныхъ, счастливыхъ по мысли, блестящихъ по изложенію» литературныхъ произведеній, и только скорбятъ объ опечаткахъ или посмѣиваются время отъ времени надъ неудачными дебютами новичковъ, — вопреки этимъ фельетонистамъ, мы не слишкомъ высокаго мнѣнія о современной русской литературѣ. (Спѣшимъ оговориться, что подъ словомъ «литература» мы разумѣемъ на этотъ разъ преимущественно беллетристику и то̀, что присоединяютъ къ ней журналы, взявшіе на себя поставку чтенія на русскую публику). Такъ-какъ намъ довелось говорить съ вами о русской литературѣ (не знаемъ, надолго ли, — можетъ быть, даже не болѣе какъ на одинъ этотъ мѣсяцъ), то мы сочли долгомъ прежде всего объявить вамъ нашъ образъ мыслей на этотъ счетъ, ибо безъ откровенности, по нашему мнѣнію, нѣтъ бесѣды, по крайней мѣрѣ такой, плодомъ которой бываетъ какая нибудь мысль, а не простое убійство времени. Итакъ, послушайте въ чемъ дѣло. Не перебранка журналовъ, не избытокъ опечатокъ и другихъ мелочныхъ погрѣшностей печалитъ насъ въ теперешней литературѣ, — мы недовольны ея физіономіей, ея характеромъ. Не то чтобъ она была скучна, или бѣдна дарованіями, — нѣтъ! мы скорбимъ о томъ, что она въ послѣднее время измельчала. Переберите въ памяти произведенія новѣйшихъ писателей, вдумайтесь въ характеръ ежемѣсячно пробѣгаемыхъ вами критикъ, рецензій, фельетоновъ — и вы можетъ быть согласитесь съ нами. Все это нерѣдко пишется съ дарованіемъ, не безъ такта, иногда даже съ искусствомъ, все это *легко читается* (и забывается) людьми пожившими на свѣтѣ, искушенными опытомъ и нѣсколько охлажденными: — но что могутъ дать всѣ эти повѣсти, рецензіи, фельетоны молодымъ и горячимъ юношамъ, только-что начинающимъ жить и читать, юношамъ, которые видятъ въ книгѣ, въ журналѣ — совсѣмъ не то, что видимъ теперь мы; — которые, подобно намъ, читаютъ всѣ эти повѣсти и фельетоны, но не такъ скоро забываютъ ихъ, какъ забываемъ мы? Вспомните, какое впечатлѣніе производили на васъ книги въ лѣта отрочества и юности, и сколькимъ вы сами обязаны книгамъ, — и вы, можетъ быть, раздѣлите съ нами боязнь, что теперешней литературѣ готовится въ

будущемъ тяжкій и справедливый упрекъ. Кто не знаетъ и не повторяетъ, что русская литература съ давнихъ временъ шла всегда впереди общества, отличалась постоянно, такъ сказать, характеромъ воспитательнымъ? Имена ея благородныхъ тружениковъ, начиная съ Кантемира и Ломоносова до недавнихъ честныхъ дѣятелей—славныхъ и обойденныхъ почему либо славой, сошедшихъ въ могилу на нашихъ глазахъ, — эти имена навсегда завоевали себѣ видное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Иныхъ она уже вписала на свои страницы, другихъ, ранѣе или позднѣе, но непремѣнно и неизбѣжно впишетъ. И каждый до нынѣ литературный періодъ ознаменованъ такими именами.... Но, мы желали бы спросить: что представляетъ собою литература настоящей минуты съ точки зрѣнія, какъ мы выразились, воспитательной? Не совсѣмъ пріятно отвѣчать на этотъ вопросъ. Извѣстно, что русское общество въ своихъ наиболѣе развитыхъ представителяхъ начало съ нѣкотораго времени усвоивать себѣ характеръ такъ называемой положительности, въ отличіе тому романтическому настроенію, которымъ отличалось оно еще въ не весьма давнія времена. На послѣднемъ, смѣняющемъ насъ поколѣніи этотъ характеръ легъ довольно рѣзко. Кто не встрѣчалъ теперь въ обществѣ людей молодыхъ, умныхъ, образованныхъ, въ высшей степени приличныхъ,— для которыхъ (въ двадцать пять лѣтъ съ небольшимъ) по видимому рѣшены уже всѣ вопросы жизни, которые говорятъ всегда умно, и никогда глупо, касаясь до всего слегка, не возмущаются никакимъ зломъ, сознавая (не безъ похвальной и интересной грусти), что оно неизбѣжно и неисправимо, которые съ готовностію (нѣсколько холодноватой) отдаютъ справедливость всякому доброму дѣлу, но сами не увлекаются никакими страстями, посмѣиваясь (впрочемъ, умѣренно и съ тактомъ) надъ всякимъ чувствомъ, надъ увлеченіемъ, и проч., и проч.... Кто не встрѣчалъ въ послѣднее время такихъ молодыхъ людей? кто не замѣтилъ, какъ эти люди благоразумны во всѣхъ случаяхъ жизни, какъ шаги ихъ по пути ея тверды и вѣрны! Если въ чемъ можно упрекнуть этихъ мудрецовъ, такъ развѣ въ одномъ, что съ ними очень скучно; но и это пожалуй можно объяснить ихъ скрытностью, слѣдствіемъ разумнаго охлажденія, — а въ остальномъ приходится только дивиться тому, гдѣ, какимъ образомъ, чрезъ какую долгую и тяжкую борьбу выработали они себѣ такое умѣнье побѣждать страсти, такую силу души, такую мудрость.... Увы! тутъ нѣтъ ни побѣды надъ страстями, тутъ нѣтъ ни силы, ни мудрости и, — что всего замѣчательнѣе, — тутъ нѣтъ и *не было никакой борьбы*.... Что же это такое? Намъ некогда входить въ подробности, и потому тѣмъ, кто хочетъ познакомиться съ этимъ типомъ новѣйшихъ молодыхъ людей, которыхъ особенно много развелось теперь въ Петербургѣ, напомнимъ повѣсть г. Тургенева «Затишье» и одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ ней—Владиміра Сергѣича Астахова, и поспѣшимъ окончить эти общія замѣчанія. Мы боимся, что еслибъ нужно было олицетворить настоящую русскую литературу,—то при всѣхъ ея прекрасныхъ

достоинствахъ,—пришлось бы нарисовать нѣчто въ родѣ сейчасъ описаннаго нами молодаго человѣка.... и вотъ почему мы не въ восторгѣ отъ нея. Равнодушіе, все-терпящая или холодно насмѣшливая апатія, участіе въ явленіяхъ жизни и дѣйствительности какое-то полупрезрительное и безсильное, — это качества не очень почтенныя и въ отдѣльной личности, а въ цѣлой литературѣ господство ихъ было бы чѣмъ-то сокрушительнымъ въ высшей степени. Утѣшаемъ себя мыслію, что до этого еще не дошла наша литература; но, повторяемъ, она не нравится намъ именно съ точки зрѣнія впечатлѣнія, которое должна производить на всякое молодое, свѣжее, воспріимчивое сердце (а вѣдь это главное; ибо для людей искушенныхъ жизнію, книги последнее дѣло: на нихъ не книги дѣйствуютъ, а развѣ событія, да и то лишь тогда, когда гроза и сила ихъ восходитъ на степень совершающихся, напримѣръ, нынѣ).... И тѣмъ прискорбнѣе сказанный недостатокъ, что наша литература далеко не бѣдна дарованіями: въ сію минуту въ ней есть нѣсколько превосходныхъ талантовъ... Впрочемъ, пожелаемъ имъ больше энергіи (нѣкоторымъ также должно пожелать и побольше образованія и соотвѣтствующаго таланту развитія сердца и другихъ человѣческихъ сторонъ), и да исчезнетъ навсегда (характеризующая новѣйшія дарованія) какая-то *сдержанность*, или, вѣрнѣе, *осторожность, робость*, можетъ быть, недостатокъ вѣры въ собственный умъ и сердце — печальное качество, парализирующее дѣятельность даже лучшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ дарованій! Въ заключеніе оговоримся, что не всѣхъ писателей поголовно обвиняемъ мы въ недостаткѣ, который признаемъ за настоящей литературой:—нѣтъ, въ числѣ ихъ нѣкоторые свѣтло понимаютъ свое призваніе, и имъ-то обязана наша литература тѣмъ, что ее нельзя упрекнуть *безусловно* въ уклоненіи отъ своего настоящаго, прекраснаго и благороднаго назначенія. Нѣтъ надобности называть имена этихъ «нѣкоторыхъ». Публика награждаетъ ихъ не только вниманіемъ къ ихъ произведеніямъ, но и *любовію* къ нимъ самимъ. Нельзя, однакожь, не сказать, что эти симпатичныя личности въ настоящей нашей литературѣ на перечетъ. Пошлемъ же имъ изъ глубины души нашъ искренній и горячій привѣтъ, позабывъ всѣ личныя отношенія, вражду, мелкіе разсчеты корысти и самолюбія, и пожелаемъ, чтобъ число такихъ дѣятелей съ каждымъ днемъ у насъ возрастало.

Теперь мы можемъ перейти къ журналамъ. — Съ точки зрѣнія, сейчасъ высказанной, очень порадовала насъ страничка, которую нашли мы въ іюльскомъ томѣ «Библіотеки для Чтенія», по поводу компиляціи г. Лукина «Объ опекѣ и попечительствѣ». Просимъ читателей прочесть эту страничку:

«... Читатель думаетъ, кажется, что объ этомъ предметѣ напиши, «что хочешь, все-таки книга выйдетъ скучная? Я не поклонникъ «скучныхъ книгъ и менѣе, нежели кто нибудь, расположенъ защи-«щать скучные предметы; но въ настоящемъ случаѣ не могу согла-«ситься съ читателемъ. Скучно то, что пусто, что мелочно, въ чемъ

«нѣтъ ни смысла, ни человѣческаго значенія: скучно ничего не дѣ-
«лать по утрамъ, играть въ карты по вечерамъ, ѣздить къ гости къ
«сосѣду, съ которымъ у насъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ разговора
«о погодѣ, скучно не имѣть въ жизни человѣческаго интереса, скучно
«растратить свою жизнь на мелочи, на пустяки, на вздоръ; но про-
«честь книгу, въ которой изложены наши обязанности въ отношеніи
«къ обществу, не должно быть и не можетъ быть скучно для благо-
«роднаго человѣка. Конечно, многіе считаютъ самымъ скучнымъ и несно-
«снымъ дѣломъ принять на себя опеку, или попечительство надъ несовер-
«шеннолѣтнимъ или несчастнымъ, лишеннымъ умственныхъ способно-
«стей; многіе радуются, когда имъ бываетъ можно уклониться отъ приня-
«тія на себя этой тяжелой, по ихъ мнѣнію, обязанности; но мы смѣемъ
«думать, что подобное уклоненіе не можетъ быть оправдано ни ра-
«зумомъ, ни нравственностью. Если каждый членъ общества граждан-
«скаго подумаетъ о томъ, чѣмъ онъ обязанъ обществу, если вспом-
«нитъ тѣ блага, которыми онъ пользуется въ обществѣ и которыя
«внѣ общества рѣшительно невозможны, то сомнѣваемся, чтобъ на-
«шелся такой человѣкъ, у котораго достало бы духу отказаться отъ
«пожертвованія, по призыву общества, частью своего времени,
«своихъ трудовъ, своего ума на пользу тѣхъ изъ младшихъ,
«слабыхъ его братій, у которыхъ еще нѣтъ ни довольно силъ
«физическихъ, ни довольно силъ умственныхъ и нравственныхъ, чтобъ
«жить независимо, своею волею и своею головой. Надо быть слиш-
«комъ глубокимъ, слишкомъ развращеннымъ и ожесточеннымъ эго-
«истомъ, чтобъ думать, что общество должно дѣлать все для насъ, а
«мы для него ничего, что мы одни только — цѣль, а все прочее — сред-
«ство. Встрѣчаются, конечно, такія уродливыя личности, но явленіе
«ихъ неестественно, на нихъ указываютъ пальцами, о нихъ говорятъ
«съ омерзѣніемъ, какъ о пресловутомъ современномъ авантюристѣ на
«западѣ, котораго имя, безъ сомнѣнія сдѣлается нарицательнымъ для
«выраженія всего, что есть самаго презрѣннаго и отталкивающаго
«въ XIX столѣтіи.......

«Если кому нибудь изъ насъ, хоть когда нибудь, хоть случайно,
«хоть разъ въ жизни удалось прожить нѣсколько минутъ для другихъ,
«позабывъ о себѣ, то пусть онъ вспомнитъ, какимъ чистымъ, жи-
«вымъ и благороднымъ наслажденіемъ проникло вдругъ все его су-
«щество, какъ онъ былъ счастливъ! А былъ онъ счастливъ потому,
«что исполнилъ свое назначеніе, что удовлетворилъ высшимъ требо-
«ваніямъ своей натуры, ибо только при этихъ условіяхъ можно быть
«счастливымъ. Одно изъ такихъ требованій для всякаго человѣка за-
«ключается въ томъ, чтобъ онъ сдѣлалъ что нибудь для своихъ ближ-
«нихъ, для своихъ согражданъ, чтобъ онъ оставилъ по себѣ что ни-
«будь достойное доброй памяти; но если мы не можемъ оставить сво-
«имъ согражданамъ ни великаго государственнаго подвига, ни слав-
«наго художественнаго произведенія, ни безсмертнаго литературнаго
«труда, потому что не дано намъ для этого достаточно средствъ и

«силы, то все таки мы можемъ оставить по себѣ, на память, доброе, «христіанское дѣло, мы можемъ, принявъ на свое попеченіе безпріютнаго сироту, образовать его умственно и нравственно, охранить его «достояніе, сдѣлать его честнымъ гражданиномъ. И такъ, не скучное «и не несносное положеніе быть опекуномъ малолѣтнаго; и такъ, не «лишнее знать предписанія закона объ обязанностяхъ опекуна....»

Вотъ голосъ, какого мы давно не слыхали въ нашихъ рецензіяхъ и фельетонахъ, и который желали бы слышать въ нихъ какъ можно чаще! Тутъ нѣтъ ничего новаго, ни особенно хорошо сказаннаго, но тутъ есть истина, поважнѣе той, что петербургское лѣто похоже на южную осень; — истина многими забытая, а инымъ сроду не приходившая и въ голову, которую не худо каждому знать и помнить, — тутъ есть содержаніе подѣльнѣе обыкновеннаго фельетоннаго содержанія. Кто бы ни былъ авторъ приведенныхъ строкъ, даровитъ или не даровитъ окажется онъ впослѣдствіи — мы рекомендуемъ его настоящую рецензію въ образецъ нашимъ фельетонистамъ и рецензентамъ, вѣчно нуждающимся въ матеріалѣ для своихъ статеекъ. Вотъ о чемъ могутъ и должны говорить люди, принимающіе на себя постоянное посредничество между литературою и публикою. Учите насъ быть лучшими, чѣмъ мы есть; укореняйте въ насъ уваженіе къ доброму и прекрасному, непотворствуйте вторгающейся въ общество апатіи къ явленіямъ сомнительнымъ или и вовсе презрѣннымъ, но обнажайте и преслѣдуйте подобныя явленія во имя правды, совѣсти и человѣческаго достоинства; растолковывайте намъ наши обязанности человѣческія и гражданскія, — мы еще такъ смутно ихъ понимаемъ; распространяйте въ большинствѣ массу здравыхъ, дѣльныхъ и благородныхъ понятій, — и вамъ будетъ прощенъ недостатокъ таланта. «Таланты отъ Бога», говоритъ пословица и, можетъ быть, читатель не вправѣ требовать таланта отъ всякаго журнальнаго рецензента или фельетониста; но онъ вправѣ надѣяться, что встрѣтитъ въ каждомъ журнальномъ дѣятелѣ человѣка благородно-мыслящаго и чувствующаго.

Журналистъ, легкомысленно вручающій перо для постоянной бесѣды съ публикою, чрезъ газету или журналъ, человѣку шаткому въ убѣжденіяхъ, скептическому, вообще ничтожному по своимъ моральнымъ качествамъ, — рискуетъ заслужить не совсѣмъ лестное мнѣніе общества, съ которымъ обходится такъ безцеремонно.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» мы считаемъ также долгомъ указать на помѣщенныя недавно три статьи подъ названіемъ «А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій», чтобъ иной читатель не пренебрегъ ихъ прочтеніемъ. Вотъ статьи, какихъ мы желали бы какъ можно болѣе, вотъ какова должна бы быть русская критика! «Умно, благородно, вѣрно, свѣтло и горячо!» — Это не покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что авторъ статей — одинъ изъ даровитыхъ русскихъ писателей, г. Дружининъ; но и у этого писателя немного найдется произведеній, которыя удались бы

такъ цѣльно, отъ которыхъ вѣяло бы такой прекрасной любовью къ родному слову, къ искусству! Совѣтуемъ прочесть эти прекрасныя статьи каждому, кто еще не прочелъ ихъ.

Въ томъ же нумерѣ «Библіотеки для Чтенія», откуда привели мы выше рецензію, есть начало романа «Кандидатъ въ Романисты», — начало, которое въ состояніи убить не одну, а цѣлую тысячу такихъ благородныхъ статеекъ своимъ страннымъ и жалкимъ юморомъ, безъ разбору направленнымъ какъ на то, что̀ дѣйствительно смѣшно, такъ и на то, что̀ составляетъ самую живую и свѣтлую сторону русской литературы. Надобно подождать конца, чтобъ поговорить объ этомъ романѣ.

Случилось такъ, что мы въ одно время прочли романъ Диккенса «Тяжелыя времена» (въ «Современникѣ»; этотъ же романъ переведенъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» — съ значительными сокращеніями) и романъ Жоржа Санда «Лора» (въ «Библіотекѣ для Чтенія»). Романъ Диккенса превосходенъ, романъ Жоржа Санда не болѣе, какъ посредственъ, и, однакожь, послѣдній пояснилъ намъ, чего не достаетъ въ первомъ, и мы откровенно скажемъ, что не желали бы, чтобъ вся литература состояла изъ однихъ такихъ романовъ, какъ романъ Диккенса, несмотря на удивительную отдѣлку частностей и цѣлаго, несмотря на благородную цѣль автора. Въ романѣ Диккенса вы постоянно чувствуете преобладаніе той положительности, противъ которой онъ самъ ратуетъ; эта положительность, *фактичность* — пустила въ самого автора слишкомъ глубокіе корни. Даже защищая идеальныя стороны человѣческой природы противъ такъ называемыхъ фактовъ, противъ фактическаго воспитанія, стремящагося къ подавленію ихъ, Диккенсъ счелъ нужнымъ привести положительную, матеріальную причину, почему сохраненіе нѣжныхъ стремленій сердца необходимо для человѣчества; въ одномъ мѣстѣ своего романа онъ говоритъ:

«Защитники взаимной пользы, чахлые образцы школьныхъ учителей, — фактическіе люди, поборники ложнаго понятія о счастіи человѣчества! между вами всегда находятся бѣдные люди, вы всегда имѣете возможность господствовать надъ ними. Старайтесь, пока не ушло время, разработывать и изощрять въ нихъ нѣжныя наклонности сердца, которыя могли бы украшать ихъ жизнь, въ ту пору, когда она будетъ нуждаться въ украшеніи; въ противномъ случаѣ, въ минуты вашего торжества, когда эти наклонности будутъ совершенно вытѣснены изъ ихъ души, когда они и жалкое ихъ существованіе встрѣтятся лицомъ къ лицу, дѣйствительность приметъ чудовищную форму, и тогда — гибель ваша неизбѣжна!»

Словомъ, во всемъ и вездѣ — практичность, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это въ своемъ родѣ прекрасно и дѣльно; но есть нѣчто неотразимо обаятельное въ томъ вольномъ, безотчетномъ и безкорыстномъ стремленіи къ идеалу, неуловимому, неопредѣленному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремленіи, которымъ

проникнутъ названный нами романъ французской писательницы! Пусть разумъ вашъ не всегда оправдываетъ автора, но ваше сердце невольно становится на его сторону, оно привязывается къ тѣмъ почти невозможнымъ въ дѣйствительности лицамъ, на которыхъ авторъ сосредоточилъ симпатію своей души. Нѣтъ! если необходимы и благотворны такіе романы, какъ романъ Диккенса, то не менѣе нужны и такіе романы, о которыхъ мы теперь заговорили,—романы, идеализирующіе дѣйствительность, лишь бы идеализація была искренняя, исходящая изъ благородной и высокой природы автора, жаждущаго видѣть человѣка лучшимъ, чѣмъ онъ есть, и, въ тоскѣ неудовлетворенной жажды, создающаго прекрасные идеалы.... Тонкій любитель искусства насладится превосходными характерами, мѣткой наблюдательностью въ романѣ Диккенса; отдастъ ему справедливость за счастливое сочетаніе съ достоинствами художественнаго произведенія полезной идеи; филантропъ громко похвалитъ его за эту идею; имѣющіе власть, можетъ быть, даже сдѣлаютъ, на основаніи ея, какое нибудь улучшеніе въ общественномъ быту,— но никогда не подѣйствуетъ подобное произведеніе на сердце, никогда оно не наполнитъ его такимъ избыткомъ благородныхъ ощущеній и стремленій, такой горячей жаждой дѣятельности, какъ то произведеніе, которое въ идеальной сторонѣ человѣка видитъ не подспорье его матеріальному благу, но условіе необходимое для его человѣческаго существованія! Впечатлѣніе производимое романомъ Диккенса, помимо доставляемаго имъ художественнаго наслажденія, — не превосходитъ впечатлѣнія, производимаго умнымъ и честнымъ трактатомъ политико-экономическаго содержанія. Вотъ почему, повторяемъ, мы не желали бы, чтобъ вся литература состояла изъ такихъ романовъ, какъ «Тяжелыя времена», хотя это одинъ изъ лучшихъ романовъ у самаго Диккенса, и хотя собственно русской литературѣ мы въ настоящее время желали бы такихъ романовъ какъ можно болѣе. Впрочемъ, еще пламеннѣе желали бы мы ей романовъ, какіе пишетъ Теккерей — ибо Теккерей, въ томъ отношеніи, о которомъ мы сейчасъ говорили, несравненно глубже Диккенса, несмотря на отсутствіе въ его романахъ чувствительности, которой такъ много у Диккенса. Нѣтъ надобности напоминать, что сторона сердца, чувства — всегда самая слабая (искусственная, иногда даже чисто ложная) въ романахъ Диккенса, и вводится имъ въ романъ какъ одна изъ пружинъ, назначенныхъ служить основной идеѣ произведенія, или какъ средство для эффектовъ, скрывающихъ сухость лежащей въ основѣ его сентенціи. Заключимъ эти замѣчанія совѣтомъ читателю прочесть оба эти романа и повѣрить наши впечатлѣнія. Онъ не будетъ жалѣть: ибо мистеръ Бондерби, мистриссъ Спарситъ и другія лица романа Диккенса вполнѣ вознаградятъ его за потерянное время, а «Лора» напомнитъ ему впечатлѣнія и порывы юности, къ которой всегда сладко перенестись мыслію!

Затѣмъ въ VII нумерѣ «Библіотеки для Чтенія» есть стихи, но между ними нѣтъ замѣчательныхъ.

Переходимъ къ «Отечественнымъ Запискамъ»; VII-ая ихъ книжка открывается стихами г-жи Волковой:

Когда среди толпы веселой и безпечной,
Вамъ тайну высказавъ *души чистосердечной*.... и проч.

Мы имѣемъ замѣтить сочинительницѣ только, что употребить выраженіе чисто*сердечная душа* почти такъ же странно, какъ сказать: длинно*ногая рука*. Г-ну Гербелю мы не имѣемъ ничего замѣтить по поводу его стихотворенія «Прохожій»; г-ну же Никитину мы скажемъ, что не всякое происшествіе хорошо для разсказа, а напротивъ есть множество такихъ, которыя, по своей исключительности, обыденности или безличности — рѣшительно для разсказа не годны. Зажиточный крестьянинъ женится на расторопной и работящей бабѣ; баба, поживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, умираетъ; вскорѣ за нею умираетъ единственный ихъ сынъ; потомъ въ деревнѣ сдѣлался падежъ на скотъ и неурожай на хлѣбъ, — крестьянинъ обѣднѣлъ, и съ горя пошелъ въ бурлаки. Все это разсказано стихами, и по тону, и по самымъ подробностямъ несовсѣмъ принадлежащими г-ну Никитину; притомъ вялыми и безцвѣтными — и названо «Бурлакъ». Какъ будто на Руси бурлаки идутъ въ эту должность только вслѣдствіе подобныхъ причинъ, въ романтической надеждѣ, что «разгуляютъ ихъ тоску Волги матушки синія волны?» Если бы такъ! Тогда бы и стихотвореніе г-на Никитина имѣло смыслъ. Отъ г. Никитина, какъ отъ поэта рожденнаго и живущаго въ народной средѣ, мы вправѣ были ожидать чего нибудь болѣе характернаго о лицѣ, избранномъ имъ въ заглавіе стихотворенія.

Итакъ хорошихъ стиховъ нѣтъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Лучшая статья въ этомъ нумерѣ «Отечественныхъ Записокъ» принадлежитъ г-ну Кудрявцеву. Она составляетъ продолженіе статей его о Данте, начатыхъ въ майской книгѣ. Намъ показалась эта вторая статья несравненно лучше первой, гдѣ дѣло шло о политическомъ положеніи Италіи въ Среднихъ вѣкахъ и борьбахъ гвельфовъ съ гибеллинами. При всемъ нашемъ уваженіи къ ученому, трудолюбивому и даровитому автору — мы съ сожалѣніемъ должны замѣтить, что первая статья его о Данте, относительно отчетливости въ изложеніи, — далеко уступаетъ второй. Конечно, борьба германскихъ императоровъ съ папами составляетъ такую громадную картину, которую почти невозможно сжать въ одну журнальную статью, — но за то журнальная статья требуетъ не подробностей этой великой борьбы — а опредѣленія ея началъ, ея существенныхъ причинъ, ея преобладающихъ характеровъ, — такъ чтобы для русскаго читателя ясно было, изъ чего возникла, разгоралась и кипѣла эта борьба и почему итальянскіе политическіе интересы такъ раздѣлены были между папскимъ престоломъ и германскимъ императоромъ. Намъ, пожалуй, замѣтятъ на это, что мы хло-

почемъ о вещахъ общеизвѣстныхъ; такъ, но кому извѣстныхъ? Ужь, конечно, не массѣ русскихъ читателей, которую собственно и должна имѣть въ виду ученая статья въ журналѣ. Вотъ эту-то любовь къ просвѣщенію русскихъ читателей, къ популярному разъясненію имъ результатовъ, выработанныхъ наукою — мы желали бы видѣть въ ученыхъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ литературныхъ журналахъ. Къ несчастію, въ этомъ отношеніи наши ученыя статьи подражаютъ бо̀льшею частью своимъ первообразамъ — нѣмецкимъ ученымъ статьямъ, вовсе не обращая вниманія на огромное различіе нѣмецкой читающей публики отъ русской. Вѣроятно къ этой же причинѣ должно отнести и ту неправильность въ языкѣ и изложеніи, которымъ отличаются бо̀льшею частію ученыя статьи въ нашихъ журналахъ.

Да, любезные читатели, вы можетъ быть не повѣрите мнѣ, но я еще очень живо помню время, — этому лѣтъ пятнадцать только, — когда видъ русскаго литературнаго журнала возбуждалъ въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ ученыхъ — улыбку презрѣнія. Съ схоластическимъ величіемъ смотрѣлъ ученый на популяризацію науки. Взглядъ на литературу, какъ на самый могущественный проводникъ въ общество идей образованности, просвѣщенія, благородныхъ чувствъ и понятій не приходилъ въ голову этимъ, впрочемъ, почтеннымъ и достойнымъ людямъ, полагавшимъ, что наука, высказываемая не съ университетской каѳедры — теряетъ уже достоинство науки. Теперь этотъ періодъ науки въ Россіи, слава Богу, прошелъ; наука не пренебрегаетъ уже литературнымъ журналомъ. Нѣтъ науки для науки, нѣтъ искусства для искусства, — всѣ онѣ существуютъ для общества, для облагороженія, для возвышенія человѣка, для его обогащенія знаніемъ и матеріальными удобствами жизни; и вопреки Пушкину, «чернь» всегда въ правѣ сказать поэту и ученому:

«Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ —
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки —
И мы послушаемъ тебя....

Эта вторая статья г. Кудрявцева о Данте искренно обрадовала насъ. Хотя она, какъ самъ авторъ говоритъ, составляетъ собственно извлеченіе изъ недавно вышедшихъ лекцій покойнаго Форіеля о Данте, пополненное и другими источниками, но это извлеченіе сдѣлано такъ прекрасно и съ такимъ знаніемъ дѣла, что для русской публики оно несравненно полезнѣе всѣхъ такъ называемыхъ *самостоятельныхъ* уче-

ныхъ трактатовъ, исполненныхъ схоластической темноты и доступныхъ однимъ немногимъ спеціалистамъ. Даже языкъ и изложеніе автора показались намъ несравненно выработаннѣе и отчетливѣе прежняго. Словомъ, это во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, *полезная* статья. И какое интересное содержаніе: рыцарская поэзія, въ которой отразились благороднѣйшія и поэтическія стороны феодальнаго общества и именно самой образованнѣйшей части его — Прованса, романтическая любовь, вдохновлявшая провансальскихъ рыцарей и трубадуровъ, — родственность итальянской цивилизаціи съ Провансомъ, которая способствовала къ усвоенію Италіей этого рода поэзіи, наконецъ вліяніе рыцарской поэзіи на итальянское общество и, преимущественно, на Флоренцію — родину Данте. Все это, вмѣстѣ съ изложеннымъ въ первой статьѣ г. Кудрявцева политическимъ положеніемъ Флоренціи, — образуетъ среду, подъ впечатлѣніями которой воспитался и созрѣлъ духъ Данте, характеристикѣ котораго вѣроятно будетъ посвящена слѣдующая статья даровитаго и трудолюбиваго автора.

Въ іюльской книгѣ «Отечеств. Зап.» напечатанъ «Дневникъ чиновника», на которомъ выставленъ 1807 годъ. Любопытныхъ фактовъ въ немъ очень мало, такъ мало, что едва ли они вознаградятъ за скуку, съ какою читается онъ. Особенно скучно дѣйствуетъ на читателя старческое, резонерское изложеніе этого «Дневника.» Хотя изъ него видно, что авторъ писалъ его въ очень молодыхъ лѣтахъ, но судя по монотонной сдержанности въ изложеніи — мы въ правѣ заключить, что исправляя и даже вѣроятно передѣлывая его въ зрѣлыхъ лѣтахъ, авторъ, — самъ того не замѣчая, лишилъ его той живости и свѣжести юношескихъ порывовъ и впечатлѣній, которыя хоть сколько нибудь могли бы вознаградить читателя за бѣдность и поверхностность содержанія. И потомъ—это постоянное ознакомленіе читателя со множествомъ самыхъ ничтожныхъ вседневныхъ обстоятельствъ и встрѣчъ автора, могло бы казаться интереснымъ только въ томъ случаѣ, когда бы обстоятельства эти хоть сколько нибудь характеризовали русское общество 1807 года. Вообще много бы выигралъ этотъ «Дневникъ», еслибъ авторъ выкинулъ изъ него по крайней мѣрѣ половину. Самую интересную сторону «Дневника» — и то далеко не новую, — составляютъ литературныя знакомства автора и тогдашніе литературные вечера. Но, къ сожалѣнію, у автора нѣтъ ни малѣйшей способности къ характеристикѣ лицъ: они какими-то смутными тѣнями мелькаютъ передъ читателемъ. Изъ анекдотовъ, сообщаемыхъ авторомъ, намъ показался особенно интереснымъ одинъ, о князѣ Шихматовѣ, и мы считаемъ за особенное удовольствіе познакомить съ нимъ нашихъ читателей:

«На литературномъ вечерѣ у А. С Шишкова, хозяинъ приглашалъ «князя Шихматова прочитать сочиненную имъ недавно поэму въ трехъ «пѣсняхъ: «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ»; но онъ не имѣлъ ея «съ собою, а наизусть не помнилъ, и потому положили читать ее въ буду«щую субботу, у Гаврилы Романовича. Морякъ Шихматовъ, необы-

«кновенно благообразный молодой человѣкъ, ростомъ малъ и вовсе не «красавецъ, но имѣетъ такую кроткую и свѣтлую физіономію, что, «кажется, ни одно нечистое помышленіе никогда не забиралось къ «нему въ голову. Признаюсь въ грѣхѣ, я ему позавидовалъ: въ эти «годы снискать такое уваженіе и быть на порогѣ въ академію... За «ужиномъ, обильнымъ и вкуснымъ, А. С. Хвостовъ съ Кикинымъ на-«чали шутя нападать на Шихматова за отвращеніе его отъ миѳологіи, «доказывая, что это непобѣдимое въ немъ отвращеніе происходитъ «отъ одного только упрямства, а что вѣрно, онъ самъ чувствуетъ и «понимаетъ, какимъ огромнымъ пособіемъ могла бы служить ему ми-«ѳологія въ его сочиненіяхъ. — «Избави меня Боже!» съ жаромъ воз-«разилъ Шихматовъ: «почитать пособіемъ вашу миѳологію и пачкать «вдохновеніе этой бѣсовщиной, въ которой, кромѣ постыднаго заблуж-«денія ума человѣческаго, я ничего не вижу. Пошлыя и безстыдныя «бабьи сказки — вотъ и вся миѳологія. Да и самая то древняя исто-«рія, до временъ христіанскихъ, египетская, греческая и римская — «сущія бредни, и я почитаю, что поэту-христіанину неприлично за-«имствовать изъ нея уподобленія не только лицъ, но и самыхъ проис-«шествій, когда у насъ есть исторія библейская, неоспоримо-вѣрная «и сообразная съ здравымъ разсудкомъ. Славныя понятія имѣли эти «греки и римляне о божествѣ и человѣчествѣ, чтобъ перенимать не-«лѣпыя ихъ каррикатуры на то и другое и усвоивать ихъ нашей сло-«весности!»

Въ литературномъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ», кромѣ повѣсти г-жи Марченко «Вокругъ да около», о которой мы ничего не скажемъ, помѣщена пословица въ драматической формѣ, соч. г-жи Ольги Н*, подъ названіемъ: *Умъ прійдетъ — пора пройдетъ.»* Мы не вовсе чужды симпатіи къ дарованію г-жи Ольги Н* и намъ очень не хотѣлось бы сказать ей что либо непріятное; — но тѣмъ не менѣе пословица ея неудачна. Вообще съ этого рода драматическими произведеніями у насъ вошло въ обычай обращаться очень нецеремонно. Мы воображаемъ, что стоитъ только взять первый попавшійся въ голову сюжетъ для любой русской пословицы, — раздѣлить его на сцены — и непремѣнно выйдетъ пьеска. Объ изученіи характеровъ, объ изобразительности лицъ, о мѣткомъ воспроизведеніи дѣйствительности — ни сколько не заботятся господа сочинители. Помилуйте! къ чему все это, — это такая легкая форма!! Нѣтъ, милостивые государи; если вы считаете большимъ трудомъ написать хорошую повѣсть, — то во сколько еще разъ долженъ увеличиться вашъ трудъ, когда вамъ надобно сосредоточить вашъ сюжетъ въ нѣсколько драматическихъ сценъ, которыхъ вы уже не можете пополнять и пояснять вашими разсужденіями, и гдѣ каждое лицо является характеромъ, живымъ характеромъ, въ практической сферѣ, само по себѣ, безъ всякой помощи вашихъ психологическихъ объясненій; гдѣ каждое слово дѣйствующаго характера должно носить въ себѣ глубокій отпечатокъ индивидуальности и дѣйствительности. Наши сочинители

драматическихъ пословицъ съ истинно аркадскою наивностію выставляютъ своихъ маріонетокъ, начинаютъ говорить за нихъ, какъ на кукольномъ театрѣ и какъ скоро считаютъ, что уже достаточно разстолковали выставленную въ заглавіи пословицу — пьеска оканчивается. Разбирать подобныя произведенія конечно не стоитъ, — но все таки нельзя не выразить сожалѣнія о времени, истраченномъ авторомъ съ дарованіемъ на такого рода мертвыя и скучныя кукольныя представленія. Еслибы по крайней мѣрѣ придумывались остроумные, или веселые сюжеты для такихъ кукольныхъ представленій, еслибъ соблюдилась въ нихъ по крайней мѣрѣ вѣрность въ мотивахъ! А то и этого нѣтъ. Напримѣръ, къ пословицѣ «Умъ прійдетъ — пора пройдетъ» придуманъ слѣдующій сюжетъ. Валерія Николавна, вдова 33 лѣтъ, воображаетъ, что любитъ Смольнева, господина 35 лѣтъ; а Смольневъ воображаетъ, что любитъ Валерію Николавну. Приходитъ минута объясненія, изъ которой оказывается, что имъ очень скучно вдвоемъ и что они вовсе не влюблены другъ въ друга. Почему все это названо пословицею «Умъ прійдетъ—пора пройдетъ»—мы рѣшительно не понимаемъ, равно какъ и того, зачѣмъ введены въ нее двѣ другія куклы, г. Костевичъ и Маня, 19-тилѣтняя родственница Валеріи Николавны.

Если авторъ хотѣлъ показать въ своей «пословицѣ», что въ тѣ годы, когда человѣкъ понимаетъ любовь, — онъ уже не можетъ любить, — то намъ кажется, онъ очень ошибся, придумавши такой фальшивый сюжетъ. Во первыхъ: любовь вовсе не зависитъ отъ ума. Гёте влюбился въ *послѣдній* разъ, когда ему было уже лѣтъ 70 и влюбился со всею пылкостію молодости, влюбился до того, что предложилъ руку 18-лѣтней дѣвушкѣ. Любовь зависитъ не отъ ума, а отъ характера, отъ впечатлительности нервъ — и притомъ, — старая истина, — для любви нѣтъ возрастовъ. Если при объясненіи Валеріи Николавны съ Смольневымъ оказалось, что они вовсе не влюблены другъ въ друга, то это не потому, чтобы имъ прошла пора любить, — а просто потому, что они не любили другъ друга. Любовь, какъ голодъ, есть чувство очень опредѣленное и ошибиться въ немъ трудно. Конечно, бываетъ иногда, что хочется инаго кушанья,—а подадутъ его,—отвѣдаешь — не нравится. Такъ случается часто и съ любовію. Но тутъ не жажда любви обманчива, а предметъ, который иногда не въ состояніи утолить ее. Такъ называемое разочарованіе случается одинаково и съ мужчинами и съ женщинами.... Все это вещи извѣстныя и мы просимъ прощенія у г жи Ольги Н* въ томъ, что невольно вдались въ въ такія общія мѣста.

Кстати о женскихъ произведеніяхъ: въ 6-мъ нумерѣ «Современника» напечатана была повѣсть г-жи Нарской «Первое знакомство съ свѣтомъ.» Журналы не обратили на нее вниманіе; одна газета, обыкновенно неодобряющая ничего печатаемаго въ «Современникѣ», отозвалась о ней дурно. По чувству справедливости, мы считаемъ своимъ долгомъ протестовать противъ такого равнодушія и недобросовѣстности

критики, — такъ какъ дѣло идетъ о дарованіи начинающемъ. Всѣ тѣ, которые прочли «Первое знакомство съ свѣтомъ», вѣроятно согласятся съ нами, что это едва ли не лучшая изъ всѣхъ женскихъ повѣстей. Милый, граціозный юморъ нѣкоторыхъ сценъ, тонкая обрисовка характеровъ (исключая характеры итальянца и Нелли), вѣрность мотивовъ, чистая веселость, возбуждающая невольную симпатію къ автору, образованный, наблюдательный умъ, постепенно возрастающая занимательность въ изложеніи, простота и изящество языка, наконецъ смѣлость и твердость манеры — всѣ эти рѣдкія качества заставляютъ насъ поздравить русскую публику съ новымъ женскимъ талантомъ.

Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Москвитянина» (8 и 9) немного интереснаго. Въ 8 № замѣтили мы оригинальную «Челобитную князя Сулешева царю Михаилу Ѳеодоровичу». Боярскій сынъ Данило Низовцевъ (жалуется князь) «пришедъ ко мнѣ холопу твоему (въ Свѣтлое «воскресенье) цаловаться и принесъ яйцо на рукѣ, и я холопъ твой «поднесъ къ нему яйцо жь и хотѣлъ съ нимъ поцаловаться, и онъ, «Государь, умысля воровски, *поцаловалъ меня холопа твоего въ руку*, «и я холопъ твой въ тужъ пору въ церкви передъ Архіепископомъ и «передъ товарищи и передъ всѣми людьми *зашибъ* того сына боярскаго за то, что онъ меня холопа твоего, умысля воровски, *мимо* «*губъ моихъ цалуетъ меня въ руку*, велѣлъ его дати за пристава до «твоего государева указу». Въ слѣдствіе просьбы боярина, Данило Низовцевъ былъ призванъ къ допросу Преосвященнымъ Макаріемъ, Архіепископомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ, и въ распросѣ показалъ: «пришолъ-де я къ боярину ко князю Юрью Яншеевичу цаловаться съ «яйцомъ, а *въ руку не цаловалъ*, не што боярину такъ показалось; да «постоявъ немного, сказалъ: виноватъ де я передъ государемъ, и сдѣ«лалось по грѣхамъ безъ хитрости, въ тѣ поры въ церкви была тѣс«нота, и меня попѣхнули сзади, и я де пошатнулся на боярина руку «губами *безхитростно*, и бояринъ за то на меня закричалъ, что де ты «страдникъ такъ дѣлаешь, и ударилъ меня по щекѣ да послалъ въ «тюрьму....»

Почему бояринъ Сулешевъ такъ оскорбился, что Низовцевъ поцаловалъ его въ руку вмѣсто губъ? Почему счелъ такой поступокъ воровскимъ умысломъ? Почему самое правительство раздѣляло мнѣніе боярина, нарядивъ по просьбѣ его слѣдствіе — (по которому — какъ замѣчаетъ г. Погодинъ — виновнымъ оказался битый)? Почему наконецъ самъ Данило Низовцевъ видитъ въ цалованіи руки нѣчто какъ бы преступное и старается объяснить поступокъ свой случайностью? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы предоставляемъ людямъ, спеціально занимающимся изученіемъ русскаго старинняго быта.

Въ 9 нумерѣ «Москвитянина» замѣчательна статья г. Б. «Десять дней въ Севастополѣ». Она отличается простотою изложенія, изобиліемъ интересныхъ фактовъ, добросовѣстно собранныхъ, и представляетъ въ настоящее время интереснѣйшее чтеніе. Г. Б. прибылъ въ Севасто-

поль изъ Кишинева въ началѣ февраля, и въ первую же ночь проведенную на сѣверной сторонѣ, — въ палаткѣ Александра Ивановича (военнаго маркитанта) разбуженъ былъ сильной стрѣльбой. — Утромъ оказалось, что ночью было довольно жаркое дѣло, завязанное непріятелемъ (съ 11 на 12-е февраля), напавшимъ на новый редутъ, только-что заложенный нашими на Сапунъ-горѣ. Нападеніе было блистательно отражено. Напившись чаю у маркитанта, авторъ спустился къ пристани и вошелъ въ какой-то сарай, гдѣ ожидали его солдаты, чтобъ перевезти съ пожитками въ городъ. Въ этотъ сарай на ту пору свозили раненыхъ для погребенія. Авторъ увидѣлъ нѣсколько жертвъ ночной схватки. Русскіе и французы лежали рядомъ въ однихъ рубашкахъ и нижнемъ платьѣ, безъ обуви. Въ головахъ у русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ. Страшный видъ! Блѣдныя лица, кровь, тяжелыя раны. Авторъ насчиталъ до 30 труповъ; два зуава поразили его своей красотой. Они лежали рядомъ. Оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по землѣ; высокіе лбы, правильныя черты, небольшіе усы и бороды; у одного были голубые глаза, выраженіе лица было полувосточное; каленкоровыя сорочки были чисты; брюки красные. У одного изъ-подъ рубашки виднѣлся голубой шарфъ, и этотъ несчастный былъ еще нѣсколько живъ. Высокая грудь, пробитая пулей, подымалась, и онъ шевелилъ рукой. Но черезъ минуту онъ уже не жилъ. Въ углу лежалъ тоже убитый пулей молодчикъ, русскій фельдфебель, весь въ крови. — Покинувъ это тяжелое зрѣлище, авторъ переправился въ городъ, и поселился въ гостинницѣ Шнейдера. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе видѣть городъ, бастіоны, осаду, но оказалось, что вдругъ этого сдѣлать нельзя: на бастіоны нужно проводниковъ; притомъ Севастополь не похожъ на другіе города: онъ весь въ горахъ и балкахъ; его никакъ не окинешь взглядомъ весь, а надо разсматривать по частямъ. Итакъ, въ первый день авторъ не видалъ осады, онъ провелъ его на сѣверной, у Александра Иваныча, слушая толки смѣнявшихся посѣтителей. На слѣдующій день г. Б. былъ въ баракахъ и присутствовалъ при операціяхъ (баракъ — длинное каменное строеніе въ одинъ этажъ. Внутри — кровати въ два ряда, на право и на лѣво. Надъ ними родъ шкапчиковъ, куда больные кладутъ свои вещи). Авторъ вошелъ въ операціонную палату вмѣстѣ съ докторомъ, княземъ Долгорукимъ, и вотъ что увидѣлъ: впереди кровать для операцій, далѣе на кроватяхъ лежали русскіе и французы, раненые въ последнее дѣло. Французовъ было трое, и всѣ зуавы: капитанъ и два солдата. Капитану только-что отняли ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. У него было восточное лицо; маленькая бородка съ просѣдью, славные усы и густыя брови. Бѣлая повязка на головѣ въ видѣ чалмы, которую надѣваютъ нерѣдко послѣ операціи, дѣлала его совершенно похожимъ на араба. Онъ лежалъ довольно далеко отъ дверей, вблизи которыхъ собирались дѣлать операцію одному русскому солдату, раненому пулей въ локоть. Все столпилось около

него: четыре доктора осматривали рану; двѣ-три сестры милосердія готовили инструменты, бинты, корпію, воду.... нѣсколько солдатъ устанавливали кровать. Въ это время авторъ подошелъ къ капитану. Капитанъ попросилъ его дать знать, что онъ съѣхалъ на одинъ край кровати, и можетъ упасть: это моя смертъ! прибавилъ онъ. Да не могу ли я вамъ помочь?» — Ну, нагнитесь! — Авторъ нагнулся, французъ обхватилъ руками его шею, но едва авторъ сталъ приподнимать его, какъ онъ опустилъ въ изнеможеніи руки: нѣтъ.... оставьте, оставьте!.... сказалъ онъ: вы очень скоро! Черезъ минуту они принялись снова, и въ три пріема авторъ положилъ его какъ надо. Налѣво подлѣ него лежалъ зуавскій солдатъ, бывшій въ дѣлѣ подъ его командой. Ему предстояла такая же операція. Лицо его было совершенно восточное, темное, но безъ бороды и съ легкими усами. Удивительно яркіе, большіе глаза блуждали въ орбитахъ. Авторъ подошелъ къ нему и спросилъ: не надо ли ему чего? — онъ отвѣчалъ неохотно: ничего! — Третій лежалъ направо отъ капитана: чрезвычайно красивый, чистый арабъ, съ небольшой чорной бородой, въ фесѣ и въ синемъ мундирѣ съ галунами на плечахъ и рукавахъ. Смертная тоска была во всѣхъ его чертахъ; на чорныхъ глазахъ какъ бы туманъ. Онъ безпокойно двигался по кровати, то пряталъ руки подъ одѣяло, то клалъ ихъ подъ голову. Пуля попала ему ниже живота и засѣла въ такомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя было вынуть. Рѣшили не дѣлать операціи, и онъ долженъ былъ умереть, и кажется зналъ объ этомъ. На всѣ вопросы окружающихъ онъ не отвѣчалъ ни слова, или очень неохотно. — Стали дѣлать операцію солдату, дали хлороформъ; потекла кровь.... операція была трудная, и тянулась долго. Солдатъ стоналъ все время и бранился. И всегда стонутъ въ этомъ странномъ снѣ. Авторъ съ трудомъ высмотрѣлъ всю операцію, но за то слѣдующія были ему уже ничего. Сестры милосердія, довольно молодыя дѣвушки, смотрятъ совершенно спокойно, и безпрестанно подмываютъ текущую ручьями кровь. Ногу солдату зуаву отрѣзали вмигъ и стали перевязывать жилы. Тутъ уже отнимаютъ хлороформъ. Шесть человѣкъ держали руки, но зуавъ былъ такъ силенъ, что въ минуты невыносимой боли, когда ему приставляли къ ногѣ теплую губку, — онъ подымалъ державшихъ, крича: au nom de Dieu! vous me brulez! vous me brulez!.... Капитанъ все время смотрѣлъ на операцію и одушевлялъ товарища: «Tenez vous brave, mon enfant! Nous arrivons bien, voyez-vous!» Таковъ онъ былъ со своими *дѣтьми*, но тутъ же находился по какому-то случаю одинъ перебѣжчикъ, — вѣроятно его сунули до распоряженій о немъ. Капитанъ зуавовъ и солдаты тотчасъ почуяли, что это не плѣнный, и никто съ нимъ не хотѣлъ говорить; да и Русскіе смотрѣли на него косо. Онъ былъ въ синей шинели съ короткимъ капюшономъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами, и все какъ-то жался, какъ будто зябъ. Скоро и солдату зуаву окончили операцію и положили его неподалеку отъ капитана. Всѣ уди-

вялись его крѣпкому сложенію, но одинъ докторъ замѣтилъ, что онъ изнуренъ, и потому.... «Богъ вѣсть, что будетъ! Зачѣмъ вы его такъ много заставляли работать?» сказалъ докторъ капитану. Капитанъ не отвѣчалъ ни слова.

Въ другомъ баракѣ авторъ нашелъ плѣнныхъ англичанъ вмѣстѣ съ французами. Какая разница въ физіономіяхъ! Всѣ были бѣлокурые, некрасивые, въ шапкахъ, совершенно похожихъ на наши франтовскія ямщицкія, съ короткими полями. Напереди былъ приткнутъ нумеръ. Одинъ былъ въ красной курткѣ съ бѣлыми петлицами, и въ голубомъ нижнемъ платьѣ; другіе въ чорныхъ шинеляхъ, похожихъ на французскія. Красный все расхаживалъ, присаживался на разныя кровати, а тѣ два занимались писаніемъ письма.

— «Вы сходите на перевязочный пунктъ, въ городъ!» сказалъ автору Долгорукій: — «*тамъ Пироговъ, когда онъ дѣлаетъ операцію, надо стать на колѣни.*» Выписываемъ эти слова, чтобъ присоединить къ нимъ наше удивленіе къ благородной, самоотверженной и столь благодѣтельной дѣятельности г. Пирогова,— дѣятельности, которая составитъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ исторіи настоящихъ событій. Одно изъ самыхъ отрадныхъ убѣжденій, что всякая личность, отмѣченная печатью генія, въ тоже время соединяетъ въ себѣ высочайшее развитіе лучшихъ свойствъ человѣческой природы — эта истина какъ нельзя лучше оправдана г. Пироговымъ, покинувшимъ свой постъ подъ Севастополемъ только послѣ долгой, тяжкой и изнурившей его силы дѣятельности, имѣвшей результаты — неоцѣнимые, невознаградимые! Это подвигъ не только медика, но и человѣка. Надо послушать людей, пріѣзжающихъ изъ-подъ Севастополя, что̀ и ка̀къ дѣлалъ тамъ г. Пироговъ! За то и нѣтъ солдата подъ Севастополемъ (не говоримъ объ офицерахъ), нѣтъ солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова и не учила бы своего ребенка произносить это имя съ благоговѣніемъ. Пройдетъ война, и эти матросы, солдаты, женщины и дѣти разнесутъ имя Пирогова по всѣмъ концамъ Россіи, оно залетитъ туда, куда не заглядывала еще ни одна русская популярность ... Если есть въ настоящее время личности, которымъ сердце отдаетъ охотно и безраздѣльно лучшія свои симпатіи, то, конечно, къ такимъ личностямъ принадлежитъ г. Пироговъ! Припоминая и соображая его прекрасную и неутомимую дѣятельность, приходишь къ убѣжденію, что слова: *безкорыстное служеніе Добру и Наукѣ* — столь часто и легкомысленно повторяемыя, — не всегда же одна пошлая фраза.... иногда заключаютъ они въ себѣ великій и благородный смыслъ!

Осмотрѣвъ бараки, авторъ воротился домой, и вечеромъ наблюдалъ полетъ непріятельскихъ бомбъ, пускаемыхъ въ городъ. Эти же бомбы разбудили его очень рано поутру; онъ подошелъ къ окну: на улицѣ уже двигался народъ, не обращая никакого вниманія на бомбы. Только двое стоявшіе на противоположномъ тротуарѣ, по видимому куп-

цы, взглядывали вверхъ всякій разъ, какъ слышался взрывъ, и крестились, потомъ опять начинали разговаривать.

За тѣмъ авторъ начинаетъ посѣщать бастіоны. Описаніе ихъ подробно и, должно думать, вѣрно; но послѣ художественнаго описанія 4-го бастіона, въ статьѣ Л. Н. Т.: «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ», оно показалось бы читателямъ «Современника» нѣсколько блѣднымъ, и потому мы его пропускаемъ, повторивъ только слѣдующія слова г. Б.: «О, еслибъ написать исторію этихъ бастіоновъ, не вычеркивая ни «одного дня, не стирая ни одной черты, — сколько умиляющаго, по«учительнаго, исторгающаго слезы было бы на ея страницахъ!» Но мы думаемъ, что читателю вѣрно будетъ любопытно взглянуть во внутренность мины. Вотъ какъ авторъ спускался туда. Онъ пошелъ вдвоемъ съ однимъ офицеромъ, нагнувшись, сперва въ полусвѣтѣ, потомъ въ совершенныхъ потьмахъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ навстрѣчу, кричали: *держи налѣво или направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ узко, что всегда задѣвали другъ друга. Наконецъ авторъ усталъ и поползъ на рукахъ и колѣнахъ. Товарищъ отдѣлился отъ него далеко, ему былъ слышенъ только его голосъ, — *держи налѣво, направо*!... вдругъ авторъ почувствовалъ подъ руками воду: — надо было встать. Мина шла уже и уже. Сперва онъ ощупывалъ по бокамъ доски и столбы, но потомъ все это кончилось: пошелъ голый, земляной корридоръ. Тягостное чувство испытываетъ непривычный человѣкъ подъ этими тѣсными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Авторъ дошелъ до того мѣста мины, гдѣ наша галлерея сошлась съ непріятельскою. Тутъ зажженъ фонарь и сидятъ на полу солдаты. Авторъ видѣлъ непріятельскія работы. Ихъ мины немного шире, больше нѣтъ никакой разницы Говорятъ, встрѣтясь съ нами, они бросили копать и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ, и засыпана землей. Отдохнувъ, поворотили назадъ. Хотѣлось скорѣе вылѣзть изъ этого длиннаго гроба. Въ концѣ, уже близко къ выходу, товарищъ пригласилъ автора зайдти къ штабсъ-капитану Мельникову, завѣдывающему минными работами, въ его нишь, которая устроена тутъ же въ минѣ. Изъ гроба авторъ очутился въ довольно-порядочной комнатѣ, увѣшанной коврами. Посреди стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ. По стѣнамъ шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны была печь, ростомъ въ человѣка, не доходившая до потолка. На ней, сверху лежали разныя тетради, бумаги, чертежи и — *Мертвыя души*....

Хозяинъ и вмѣстѣ создатель этой комнаты, — молодой человѣкъ, украшенный георгіевскимъ крестомъ — прозванъ въ шутку морянами *оберъ-кротъ*.

Автору показывали также церковь, устроенную въ казематѣ. «Въ большой мрачной комнатѣ, уставленной ружьями, заваленной аммуниціей, сіяла лампадами одна небольшая частица стѣнки, покрытая образами — это былъ иконостасъ бастіонной церкви. Бомба пробила въ одномъ мѣстѣ потолокъ, но не повредивъ ничего, даже не ранила

никого изъ солдатъ, находящихся тутъ постоянно. Всѣхъ ихъ человѣкъ десять. Здѣсь говѣла на первой недѣлѣ команда бастіона. Бомбы и ракеты вообще не разбираютъ, куда опускаться. Такъ однажды авторъ спалъ въ своемъ нумерѣ, какъ вдругъ надъ домомъ разразился ударъ. Раздался взрывъ, подобный взрыву бомбы, полетѣли жужжащіе черепки и зазвенѣли стекла. Въ корридорѣ поднялись шумъ и бѣготня. Автору лѣнь было встать и освѣдомиться тотчасъ въ чемъ дѣло. Утромъ оказалось, что это была ракета, ударившая въ старый нумеръ. Она пробила часть крыши у самаго краю, потомъ капитальную каменную стѣну, насквозь, столъ, и зарылась въ мѣшкѣ съ овсомъ. Въ сосѣднихъ нумерахъ лопнули всѣ стекла; въ занимаемомъ авторомъ, четвертомъ, ни одного. На диванѣ подлѣ стола, который пробило, спалъ деньщикъ. Его не задѣло.

— Испугался ли ты? спросили его.

— Нѣтъ, только проснулся, отвѣчалъ онъ: — значитъ не моя смерть.

Замѣтимъ эту черту, довольно общую въ русскомъ солдатѣ, какъ и вообще въ нашемъ народѣ. Русскій солдатъ полагаетъ, что отъ своей пули не спрячется, и на этомъ основаніи часто доводитъ свою неосторожность до крайней степени. Это вы безпрестрастно замѣчаете, читая письмо г. Б. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: «Вообще наши неосторожны. Когда нужно идти траншеями — идутъ гдѣ случится, попрямѣе; часто высовываются изъ-за валу. Или ужь такъ смѣло созданъ русскій человѣкъ»? Смѣлость смѣлостью, но дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ собственно объ увеличеніи шансовъ быть убитымъ или раненымъ; тотъ же г. Б. говоритъ о французахъ слѣдующее: «Я заглянулъ въ отверстіе щита у одного орудія (съ 5-го бастіона): далеко въ полѣ шелъ едва замѣтный желтый валъ, сливаясь съ грунтомъ земли — это были траншеи непріятелей. Мѣстами выскакиваетъ дымокъ, выстрѣлъ изъ штуцера, но безъ звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывается изъ-за вала, и не вѣришь, что тамъ много народу. А между тѣмъ смерть поминутно несется изъ-за этого безжизненнаго вала.... Французы очень осторожны. Впослѣдствіи я глядѣлъ на ихъ траншеи по цѣлымъ часамъ, — ничего кромѣ вала». Мы думаемъ, что не нуждаясь въ урокахъ храбрости, русскому солдату не худо бы занять у французовъ этой благоразумной осторожности, и г. Б. напрасно приходитъ въ восхищеніе отъ убѣжденія своего проводника: «Э! ваше благородіе! которая пуля наша, отъ ней нигдѣ не схоронишься!» Въ этой логикѣ болѣе героизма, чѣмъ здраваго смысла, и намъ она именно потому неправится, что изъ-за нея можетъ погибнуть напрасно не одинъ храбрый. — Кстати, о пуляхъ. Любопытны шутливыя названія, которыми окрестили ихъ русскіе солдатики. Однажды г. Б., удивленный какимъ-то особеннымъ звукомъ пули, спросилъ: «Точно ли это пуля?» — Точно такъ — «Отчего же она такъ странно свиститъ?» — «Да это *молоденькая.*» «Молоденькими» солдаты на-

зываютъ пули Минье, съ чашечками. — «А это какая?» — «Это *лебедушка*». Такъ называютъ они пулю глухую, безъ чашечки, съ небольшой впадиной....

Мы прослѣдили съ читателемъ всю статью г. Б., и повторяемъ, что она весьма любопытна.

Затѣмъ — мы откланиваемся вамъ, читатель!

На долго? — Навсегда, быть можетъ.

Каковъ бы ни показался вамъ случайный нашъ голосъ, раздавшійся среди привычныхъ и, быть можетъ, болѣе пріятныхъ вашему сердцу голосовъ, — мы просимъ васъ думать, что этотъ голосъ принадлежитъ людямъ, горячо любящимъ свою литературу и еще болѣе свое отечество....

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Газета «le Nord». — Ея программа. — Парижская выставка. — Превосходство предъ лондонской. — Мнѣніе англійскаго жюри. — «Articles Paris». — Корпораціи во Франціи. — Ихъ вліяніе на промышленность. — Ихъ ссоры и тяжбы. — Разница между старымъ и новымъ сюртукомъ. — Кольберъ. — Его дѣятельность. — Тюрго. — Фабрикантъ Жосельмъ. — Муза французскаго мастероваго художника. — «Ménage» небогатаго человѣка. — Севрскія и гобеленскія издѣлія. — Салонъ и будуаръ Императрицы. — Какъ можно ошибаться. — Любители картинъ и любители такихъ любителей. — Театръ и увеселенія. — Опять Рашель и Ристори. — Новая комедія Ожье. — Смерть M-me de Girardin. — Два сочиненія о директоріи. — Увеселенія въ Лондонѣ. — Новости литературы. — Еще протесты г. Кабанй. — Смерть адмирала Парри.

1-го іюля (19 іюня по ст. ст) вышелъ въ Брюсселѣ первый листокъ новой газеты «le Nord», появленія которой ожидали уже нѣсколько времени тому назадъ. Основаніе одного новаго журнала, одного лишняго политическаго листка въ западныхъ государствахъ, гдѣ ихъ издается такое значительное количество, само по себѣ не составляетъ еще событія замѣчательнаго. Но названная нами газета, по направленію, котораго намѣрена держаться, по самой цѣли своего появленія представляетъ особенный интересъ для насъ, для русскихъ, и потому-то мы считаемъ необходимымъ остановить на ней вниманіе читателей и посвятить ей нѣсколько строкъ на первомъ планѣ нашей незатѣйливой хроники.

Газета «le Nord» поставляетъ себѣ главною цѣлію ознакомить западно-европейскія государства съ нашимъ отечествомъ, разсѣять ложныя опасенія, возникшія тамъ относительно его возрастающаго могущества, разрушить неправильныя о немъ понятія, мнѣнія и сужденія, имѣвшія источникомъ или невѣдѣніе или преднамѣренное нерасположеніе, быть, наконецъ, органомъ союза между западомъ и Россіей.

«Никогда еще западныя государства не произносили о Россіи сужденія совершенно правильнаго и безпристрастнаго», говорятъ издатели этой газеты въ своей программѣ, «но съ того времени, какъ политическіе журналы разбираютъ предъ судилищемъ общественнаго мнѣнія событія, въ слѣдствіе которыхъ возгорѣлась настоящая война и несчастныя послѣдствія этой войны, обвиненіямъ всякаго рода нѣтъ конца и много строгихъ приговоровъ произнесено противъ этой могущественной имперіи.

«До сего времени защитниками Россіи, въ этомъ великомъ политическомъ процессѣ, являлись только нѣкоторыя американскія и нѣмецкія газеты; но слова ихъ оставались безъ всякаго значенія для огромнаго числа читателей, знакомыхъ только съ французскими журналами.

«Вотъ причина нашего существованія, вотъ почему мы избрали для себя названіе, стоящее въ главѣ нашихъ страницъ. Объявляемъ громко и открыто: мы голосъ изъ Сѣвера, голосъ искренній и прямой, голосъ совѣсти чистой, незнающей за собой никакой вины.»

Разсматривая ближе положеніе нашего отечества и его отношенія къ другимъ европейскимъ государствамъ, издатели говорятъ:

«Россія имѣетъ свою исторію, свою религію, свою національность совершенно отличныя отъ исторіи, религіи и національностей другихъ европейскихъ народовъ, долго жившихъ общею жизнію, имѣвшихъ въ феодализмѣ общее государственное устройство и въ католичествѣ общую религію; потому-то Россія должна имѣть и свои элементы общественнаго порядка, которые и развиваются логически сами изъ себя.

«Къ тому же то, что̀ Россія дѣлаетъ у себя, касается лично ея: остальныя государства могутъ занимать въ этомъ отношеніи только два вопроса: заключаетъ ли въ себѣ естественное, прогрессивное развитіе основныхъ элементовъ общественнаго порядка въ Россіи какую нибудь опасность для европейскихъ государствъ? и,—находятся ли эти элементы въ прямой противуположности съ общественныхъ устройствомъ и съ цивилизаціей Европы?

«Доказать неосновательность подобныхъ предположеній, разсѣять опасенія, успокоить умы — вотъ что будетъ нашею задачею. Если мы успѣемъ ее выполнить, то, безъ сомнѣнія, много содѣйствуемъ къ скорѣйшему заключенію мира, вѣроятно всѣми желаемаго и безспорно равно важнаго для всѣхъ.»

Издатели исповѣдуютъ неизмѣнное уваженіе ко всѣмъ формамъ правленія, каковы бы онѣ ни были, имѣютъ ли онѣ во главѣ своей монарха царствующаго по праву законнаго наслѣдства, или государя, возведеннаго на престолъ волею народа или, наконецъ, президента, управляющаго государствомъ на основаніи законовъ. Они объявляютъ, что будутъ воздерживаться отъ всякихъ разсужденій о вопросахъ, касающихся внутренняго устройства государствъ, и что всякая ожесточенная полемика, всякая вражда къ націямъ и къ лицамъ будутъ постоянно чужды ихъ журналу.

Обратимся къ своему повѣствованію о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ современной общественной жизни.

Всемірная выставка продолжаетъ обращать на себя всеобщее вниманіе, и привлекаетъ въ столицу Франціи несмѣтное число посѣтителей изъ всѣхъ странъ стараго и новаго свѣта. Внутреннее устройство ея приведено наконецъ къ совершенному окончанію и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли, разумѣется, и всѣ опасенія, возникавшія кой-гдѣ относительно ея успѣха. Мониторъ 8-го іюля объявилъ, что начиная съ этого дня посѣтители будутъ допускаемы во всѣ части зданій по случаю совершеннаго окончанія работъ. Дѣйствительно въ этотъ день все было уже въ порядкѣ; въ огромныхъ залахъ главныхъ зданій и всѣхъ пристроекъ (annexes) не оставалось ни работниковъ, ни товарныхъ ящиковъ, ни досокъ, ни подмостокъ и лѣсовъ, не было слышно непріятнаго стука топоровъ, не было уже однимъ словомъ ничего, что могло бы нарушить общую гармонію. Роскошныя залы огромныхъ дворцовъ всѣ до одной открылись передъ посѣтителями, уставленныя дивными произведеніями человѣческаго искусства.

Но прежде, чѣмъ дѣло было доведено до такой благополучной развязки, предстояло побѣдить еще много трудностей, удовлетворить многимъ требованіямъ, разрѣшить много жалобъ, ежедневно возникавшихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, съ чего бы вѣроятно должно было начаться. Одна изъ коммиссій выставки, вѣчно не ладившихъ между собой, какъ мы говорили въ послѣдней статьѣ, взяла наконецъ рѣшительный перевѣсъ надъ другой. Побѣжденною осталась коммиссія дворца промышленности, на которую, должно сознаться, и упадали всѣ обвиненія, всѣ жалобы. Въ императорской коммиссіи учреждено было особое отдѣленіе для разбора различныхъ требованій и притязаній (bureau des réclamations) и достаточно сказать, что ихъ поступало и разрѣшалось ежедневно до двухъ сотъ, для того, чтобы дать понятіе о количествѣ предстоявшаго ему труда. Всѣ, впрочемъ, единогласно хвалятъ внимательность и распорядительность президента этой коммиссіи, принца Наполеона. Благодарственный адресъ коммиссаровъ, поднесенный ему послѣ окончанія работъ по устройству выставки, подтвердилъ въ этомъ отношеніи общій голосъ.

Что касается до самыхъ произведеній, составляющихъ предметъ выставки, то достаточно уже одного повѣрхностнаго изученія ихъ, для того, чтобы убѣдиться въ большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ по разнымъ отраслямъ промышленности со времени первой всемірной выставки. Таково, по крайней мѣрѣ, общее убѣжденіе, высказанное членами различныхъ жюри. Замѣчательно въ этомъ отношеніи свидѣтельство англійскихъ присяжныхъ, которые въ одномъ изъ засѣданій своихъ единогласно заключили, что они «желаютъ обратить вниманіе своихъ соотечественниковъ на огромное достоинство парижской всемірной выставки и на ея превосходство относительно выставленныхъ произведеній вообще передъ выставкой 1851 года, и считаютъ ее вполнѣ достойною изученія со стороны художниковъ, фабрикан-

товъ, мастеровыхъ и всѣхъ классовъ соединенныхъ королевствъ.» Съ другой стороны коммиссары иностранныхъ правительствъ, имѣющіе еженедѣльныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ барона Джемса Ротшильда, въ засѣданіи 10 іюля заключили, что устройство выставки совершенно окончено и что она вполнѣ оправдываетъ всѣ надежды, какія возможно было составить себѣ о ней. Она, по мнѣнію ихъ, не только представляетъ вообще прекрасное и величественное зрѣлище произведеній земледѣлія, промышленности и искусствъ всѣхъ народовъ, но и обнаруживаетъ достойныя замѣчанія успѣхи, сдѣланныя съ 1851 года, въ существеннѣйшихъ отрасляхъ промышленности. Наконецъ, она представляетъ много важныхъ улучшеній и новыхъ данныхъ, изученіе которыхъ не можетъ не быть полезнымъ, какъ для спеціалистовъ, такъ и вообще для людей, интересующихся развитіемъ и успѣхами человѣчества.

Между выставленными предметами всеобщее вниманіе останавливаютъ на себѣ художественныя произведенія французской промышленности. Въ этой отрасли производства Французы, по своей изобрѣтательности, по вкусу и изяществу отдѣлки своихъ издѣлій, давно справедливо занимаютъ первое мѣсто между европейскими народами, и настоящая выставка, безъ сомнѣнія, упрочитъ за ними это положеніе. Промышленность, о которой мы говоримъ (къ ней относимъ всѣ произведенія роскоши — meubles de luxe, фарфоровыя, золотыя, серебряныя, бронзовыя и другія издѣлія, драгоцѣнныя вазы, ковры, шелковыя матеріи, шали и т. д.) есть результатъ цѣлыхъ столѣтій труда, употребленнаго разными правительствами Франціи для развитія артистическаго генія въ рабочемъ классѣ. Исторія ея восходитъ до самыхъ отдаленныхъ временъ, до временъ Жана Кузена, Бернара де Палисси и Пинэгрье (Pinaigrier). Она обнимаетъ всю эпоху среднихъ вѣковъ, эпоху учрежденія тѣхъ могущественныхъ корпорацій, устоявшихъ до конца прошедшаго столѣтія, которыя своимъ главамъ давали титулы королей и князей и служили только къ стѣсненію и угнетенію той самой промышленности, для защиты которой были учреждены. Еще Францискъ I счелъ необходимымъ издать повелѣніе, которымъ предписывалъ начальникамъ корпорацій избирать для себя титулы менѣе громкіе; Генрихъ IV повторилъ это приказаніе, такъ какъ многія корпораціи, въ особенности корпорація парижскихъ купцовъ, отказывались сложить у себя короля. Ремесленники вскорѣ однако убѣдились, что корпораціи или цехи — первоначально учрежденныя для сопротивленія феодальной тиранніи — напослѣдокъ сами присвоили себѣ неограниченную власть. Нѣкоторые изъ цеховъ, добившись титула королевскихъ, избавлялись тѣмъ отъ повинности постоя и получали право держать у себя привратниковъ въ королевскихъ ливреяхъ. Этотъ же титулъ избавлялъ нѣкоторыхъ изъ цеховыхъ ремесленниковъ отъ службы въ милиціи. Такимъ образомъ покровительство худшаго рода затрудняло возможность всякаго прогресса. Не опасаясь никакого соперничества, мануфактуристы мало заботились

объ улучшеніяхъ. Большія повинности и всякаго рода стѣснительныя обязанности тяготѣли надъ поденщиками и ремесленниками, не достигшими званія мастеровъ. А эти же самые люди, добившись до права гражданства въ корпораціи, не рѣшались разставаться съ преимуществами, купленными такою дорогою цѣною, и сами стремились къ поддержанію тяжелаго господства цеховъ. Но зло росло вмѣстѣ съ временемъ и наконецъ успѣло разрушить эти столь вредныя для промышленности общества. Ремесленникъ, для того, чтобы получить званіе мастера, обязанъ былъ представить одно образцовое произведеніе, chef d'oeuvre. Самый неограниченный произволъ господствовалъ при оцѣнкѣ достоинства этихъ образцовъ, и члены цеха всегда имѣли возможность не допустить въ общество свое лица, котораго не желали имѣть въ своей средѣ. Право гражданства въ извѣстныхъ корпораціяхъ превратилось въ наслѣдственное право нѣкоторыхъ семействъ. Мастера присвоивали себѣ разнаго рода права и преимущества въ ущербъ тѣхъ изъ ремесленниковъ, которые не состояли съ ними въ родствѣ или въ связяхъ. Купцы находились въ точно такихъ же отношеніяхъ. Споры и тяжбы возникали безпрерывно между соперничествовавшими корпораціями. Таковъ былъ, напримѣръ, процессъ портныхъ съ продавцами подержаннаго платья, въ которомъ, послѣ долгихъ разсужденій, опредѣлено было наконецъ въ подробности, что должно составлять различіе между старымъ сюртукомъ и новымъ. Кузнецъ не имѣлъ права самъ выдѣлывать гвозди, необходимые для его замковъ, потому что производство гвоздей принадлежало другой корпораціи. Кольберъ, этотъ благодѣтельный геній французской промышленности, первый рѣшился поколебать устарѣвшія права и обычаи сословій. Скромному сыну шерстянаго торговца суждено было одушевить націю своимъ предпріимчивымъ духомъ промышленнаго прогресса. Онъ уничтожилъ внутреннія таможни между провинціями; онъ создалъ французскій флотъ; онъ задумалъ сооруженіе большаго южнаго канала; онъ призвалъ кружевныхъ фабрикантовъ изъ Венеціи и изъ Фландріи. По его приглашенію Вороба (Vaurobais) прибылъ изъ Голландіи во Францію и основалъ здѣсь столь извѣстныя суконныя фабрики въ Аббевилѣ. Онъ учредилъ фабрики вязальныхъ товаровъ въ Château de Madrid и въ Bois de Boulogne. Ему обязана существованіемъ своимъ гобленская мануфактура, произведенія которой составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ на всемірной выставкѣ, и тѣмъ, которые съ удивленіемъ останавливаются предъ огромнымъ зеркаломъ сенъ-гоберинской фабрики, помѣщеннымъ въ центральной залѣ дворца промышленности, не мѣшаетъ вспомнить, что въ учрежденіи и этой фабрики опять таки Кольберъ принималъ главное участіе. Ему же обязаны французы своими академіями наукъ, надписей, живописи, архитектуры и скульптуры. Но потребности государственнаго казначейства остановили его, когда онъ приблизился къ корпораціямъ. Онъ успѣлъ уничтожить много устарѣвшихъ и вредныхъ обычаевъ и правъ ихъ — самой системы коснуться не могъ; и

напротивъ., вынужденъ даже былъ прибавить нѣсколько новыхъ сословій къ тѣмъ, которыя существовали до него. Дворъ хладнокровно торговалъ привиллегіями, которыя раздавалъ этимъ сословіямъ., выжимая деньги то у тѣхъ, то у другихъ монополистовъ. Препятствія, которыя встрѣчали въ корпораціяхъ такіе люди, какъ Аргонъ и Ленуаръ, составляютъ не наименѣе занимательные эпизоды въ исторіи промышленности. Честь составленія перваго плана уничтоженія корпорацій принадлежитъ министру Тюрго; приведеніе этого плана въ исполненіе составляетъ одно изъ дѣлъ первой французской революціи.

Съ паденіемъ корпорацій начинается быстрое развитіе французской промышленности. Обширныя королевскія мануфактуры подготовили цѣлый классъ работниковъ, которые, будучи знакомы съ искусствомъ, могли, примѣняя къ дѣлу свои свѣдѣнія, доводить до совершенства свои ремесла, и новѣйшая исторія французской промышленности представляетъ множество примѣровъ людей, возвысившихся изъ званія простыхъ работниковъ до высокаго положенія въ обществѣ. Ліонъ обязанъ своей славой простымъ работникамъ, такимъ людямъ, какъ Гаронъ, Жюринъ, Фальковъ, Бушонъ и Лассаль. Это замѣчаніе примѣняется вполнѣ и къ той промышлености, о которой мы начали говорить, къ тѣмъ прелестнымъ издѣліямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Articles Paris*, которыми можетъ въ особенности похвалиться настоящая выставка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ карьерой такихъ фабрикантовъ, какъ Жосельмъ, котораго роскошная мебель возбуждаетъ общее восхищеніе посѣтителей. Жосельмъ началъ съ того, что былъ бѣднымъ работникомъ въ предмѣстіи Сентъ-Антуанъ: теперь онъ содержитъ огромную мастерскую, въ которой работаютъ до трехсотъ человѣкъ. Онъ увѣряетъ, что единственнымъ преимуществомъ его предъ другими работниками было то, что онъ имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ рисованіи и черченіи, почерпнутыя имъ въ даровой рисовальной школѣ, въ его родномъ городѣ.

Вотъ мы и коснулись тайны совершенства этихъ удивительныхъ и неподражаемыхъ парижскихъ издѣлій. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, можно сказать смѣло, что французскіе работники, не только парижскіе, но и городовъ Ліона, Мюльгаузена, Руана и Аббевиля,—той граціей, тѣмъ совершенствомъ своихъ издѣлій, уничтожающими всякое соперничество на всѣхъ европейскихъ рынкахъ, обязаны именно этимъ даровымъ рисовальнымъ школамъ, и такимъ обширнымъ и доступнымъ учрежденіямъ, какъ Консерваторія Искусствъ и Ремеслъ (Conservatoire des Arts et Métiers), какъ гобленская мануфактура, въ которую ежегодно привозятся, на счетъ государства, воспитанники изъ провинціальныхъ городовъ для изученія лучшихъ способовъ окраски матерій, и проч.,—какъ, наконецъ, Музей Естественной Исторіи, гдѣ разсматриваются сырые продукты, необходимые для разныхъ родовъ фабрикаціи. Иногда, впрочемъ, французы жертвуютъ, говорятъ, этому изяществу отдѣлки прочностію самыхъ издѣлій. Манчестерскіе бумажные товары, стальныя издѣлія англичанъ много прево-

сходятъ въ этомъ отношеніи произведенія лучшихъ французскихъ фабрикъ. Воздушная легкость, смѣлость рисунка, изумляющая зрѣніе, ослѣпительная роскошь — вотъ стиль, котораго достигло въ настоящее время французское искусство въ промышленности. Художникъ не знаетъ границъ своему воображенію. Все, что ни прійдетъ ему на мысль, онъ тотчасъ же повѣряетъ своей кисти и приводитъ въ исполненіе. Ему понадобилась, напримѣръ, ручка для кружки: что̀ можетъ быть лучше? онъ лѣпитъ двухъ крокодиловъ, хвостъ одного вкладываетъ въ пасть другаго — и ручка готова. Получаетъ ли онъ заказъ отъ портнаго — вотъ луксорскій обелискъ превращается у него въ полосы на матеріи для панталонъ. Наполеонъ въ созерцаніи предъ ружьемъ съ принадлежностями, какъ нельзя лучше идетъ для коробочки съ зубочистками. Бронзовая статуэтка тряпичника, съ корзиной на спинѣ для зажигательныхъ спичекъ и съ фонаремъ въ рукѣ, въ которомъ помѣщается небольшая спиртовая лампа, готова къ услугамъ курильщиковъ. Обрядъ вѣнчанія императора онъ изобразитъ на рубашечной манишкѣ, какъ и можно видѣть въ одной изъ галлерей во дворцѣ промышленности. Тоже самое видимъ и въ дамскихъ уборахъ. У него всегда найдется новая идея для заказчиковъ. Теперь онъ ввелъ въ моду у дамъ носить на головахъ цѣлый дессертъ. Вишни, виноградъ, черная смородина, желуди, вотъ нынѣшнія модныя украшенія для головныхъ уборовъ. На слѣдующій мѣсяцъ онъ оставитъ изъ плодовъ только землянику и дыни или найдетъ, что миндаль и изюмъ самое приличное украшеніе для осенняго времени.

Приводимъ слова одного корреспондента объ этой промышленности французовъ, интересныя, какъ мнѣніе англичанина. Замѣтивъ, что имперія много содѣйствовала къ развитію вкуса къ непомѣрной роскоши у французовъ, онъ говоритъ:

«Съ восторгомъ смотримъ мы на эти столы, испещренные драгоцѣнной эмалью; на шкафы, обремененные золотомъ, на эти огромные часы, покоящіеся на золотыхъ купидонахъ или служащіе полемъ битвы для бронзовыхъ всадниковъ; на золотыя издѣлія, усѣянныя алмазами и рубинами. Чудное свидѣтельство человѣческаго терпѣнія представляютъ собой эти кружевные воланы. Великолѣпна эта гигантская дубовая клѣтка, рѣзной работы, уставленная оранжерейными растеніями и наполненная птицами, которыхъ оцѣнить можно только развѣ на вѣсъ золота. Вкусъ, выказанный въ этой работѣ, можетъ быть, дѣйствительно совершенство. Удивительнаго искусства долженъ былъ достигнуть работникъ, который могъ выполнить эту микроскопическую рѣзьбу, эту безукоризненную полировку. Но мало на свѣтѣ людей, которые въ состояніи были бы срывать изумрудныя незабудки или любоваться постоянно эмалевыми розами съ каплями алмазной росы на листкахъ! Мы восхищаемся этими произведеніями, какъ поразительными *tours de force*, и спѣшимъ взглянуть на то искусство, которое облагороживаетъ скромное жилище небогатаго человѣка простыми формами и очертаніями красоты.

«Но парижскій художникъ-мастеровой презираетъ простые матеріалы. Его призваніе не состоитъ въ томъ, чтобы разлить въ странѣ своей чувство прекраснаго. Онъ совершенно доволенъ, если работа даетъ ему возможность посѣщать свой балъ à la Barrière, и если думаетъ о чемъ другомъ, то развѣ о томъ только, какъ поискуснѣе налѣпить украшеніе къ украшенію, какъ бы изящнѣе сочетать золото съ серебромъ, черное дерево съ розовымъ, и т. д. Въ «Баснѣ для Критиковъ» намъ говорятъ, что

Over-ornament ruins both poem and prose, —
Just conceive of a Muse with a ring in her nose!

(Излишнее украшеніе вредно какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ—представьте только себѣ Музу съ кольцомъ въ носу!)

«Дѣло въ томъ, что Муза художника-ремесленника дѣйствительно носитъ въ носу кольцо, — не простое «золотое кольцо, нѣтъ, кольцо, усыпанное алмазами! на ней нѣтъ ничего простаго: ея головные уборы — фруктовые сады; для выдѣлки матерій на ея платья нужны сотни работниковъ; на рукахъ у нея можно сосчитать доходы цѣлаго государства, а ея грудь украшена драгоцѣнностями, которыхъ бы стало на пропитаніе цѣлыхъ армій. На эту то Музу взираетъ безпрерывно французскій работникъ, глядя изъ оконъ своей мансарды, въ которой горшокъ съ цвѣтами, купленный около la Madeleine, послѣ базара, составляетъ единственное украшеніе. Ибо замѣчательно, что Парижъ, городъ, въ которомъ искусство составляетъ страсть въ массахъ, отличается безвкусіемъ всѣхъ обыкновенныхъ домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ и принадлежностей. Угловатые соломенные стулья, простые деревянные столы, неуклюжая столовая посуда и страшно уродливые каменные кувшины и горшки, вотъ что составляетъ *ménage* бѣдняка. Зайдите въ жилище человѣка, принадлежащаго къ среднему сословію, вы увидите тамъ изящный *salon* съ великолѣпными стѣнными часами, съ разукрашенною мебелью и съ прекрасными кружевными занавѣсями на окнахъ, но здѣсь и конецъ всему изящному. На столѣ въ гостиной стоитъ еще, правда, роскошный чайный сервизъ — для посѣтителей, — но войдите въ столовую, взгляните на посуду, ежедневно употребляемую и очарованіе ваше исчезнетъ: вы всегда найдете, что эта посуда груба и уродлива. Не то, чтобы владѣлецъ подобнаго *ménage* не понималъ достоинства художественныхъ издѣлій промышленности, нисколько, онъ очень хорошо ихъ цѣнитъ, но они превышаютъ его средства. Все, что̀ онъ можетъ дозволить себѣ, это *salon*, убранный, какъ онъ говоритъ, *avec luxe*; а такъ какъ между этимъ *luxe* и совершенною уродливостью французская промышленность не представляетъ ничего средняго, то онъ и вынужденъ бываетъ обращаться къ тѣмъ предметамъ, которые встрѣчаемъ въ его столовой».

На всемірной выставкѣ можно, впрочемъ, видѣть множество примѣровъ того, до какой степени роскоши достигло французское искус-

ство. Приведемъ еще два или три. Лучшимъ мѣстомъ для наблюденія, кромѣ центральной залы дворца промышленности, послужитъ намъ зала панорамы во дворцѣ изящныхъ искусствъ, въ которой расположены издѣлія севрской, гобленской и бовесской мануфактуръ, и разныя роскошныя издѣлія частныхъ фабрикантовъ.

Вотъ, напримѣръ, двѣ чаши, выставленныя г. Дюпоншель, которыя почти, говорятъ, превосходятъ всѣ сокровища этого рода, хранящіяся въ Луврскомъ музеѣ. Одна изъ нихъ изъ горнаго хрусталя, имѣющая видъ раковины, обвита гирляндой изъ вьющихся растеній, отдѣланной эмалью; серебряные амуры (argent bruni) карабкаются на эту чашу, нѣкоторые изъ нихъ успѣли добраться доверху, держась за вѣтки и листья растеній. Ножка этой чаши, также изъ горнаго хрусталя, обвита эмалевой змѣей, тончайшей отдѣлки; она упирается въ золотой пьедесталь, украшенный эмалевыми раковинами и драгоцѣнными каменьями. Другая чаша сдѣлана изъ лазуреваго камня; на крышкѣ ея серебряная группа тончайшей рѣзной работы на манеръ Бенвенуто; всѣ украшенія верхъ совершенства по вкусу и изяществу отдѣлки. Замѣтимъ еще (въ главной залѣ выставки) налой для моленія (prie-Dieu) сдѣланный г. Сольдеркеркомъ, въ Ліонѣ, для императрицы. Онъ обтянутъ бархатомъ, вышитымъ золотомъ и разноцвѣтными шелками. Аллегорическое изображеніе религіи на этомъ налоѣ представляетъ работу такого совершенства, что было сочтено необходимымъ приложить къ нему небольшой билетикъ, коимъ посѣтители извѣщаются, что это не живописное изображеніе, а вышиванье.

Въ залѣ Панорамы произведенія императорскихъ мануфактуръ занимаютъ первое мѣсто. Выставка севрскихъ фарфоровыхъ издѣлій превосходна во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь находимъ вазы лучшаго стиля и самой изящной отдѣлки, стѣнные часы, чаши (boires cylindroides), сѣтчатыя вазы, удивительной работы столы, бюро, наконецъ, чайные и столовые сервизы, pièces montées, и д. т. Есть также фаянсовыя и глиняныя издѣлія, но любопытнѣе всего эмалевыя работы, напоминающія лучшія въ этомъ родѣ произведенія XVI столѣтія. Фарфоръ, употребляемый на севрской мануфактурѣ, какъ составъ, есть лучшій изъ извѣстныхъ въ настоящее время; рисунки и модели постоянно доставляются первыми современными художниками. Понятно, почему ни одна частная фабрика не можетъ соперничать съ этой мануфактурой; къ тому же на деньги, употребляемыя для производства, не обращаютъ вовсе вниманія, смотрятъ только на результатъ. Но, должно сознаться, что и съ цѣнами этихъ чудесныхъ издѣлій врядъ ли что либо поспоритъ. Выставленныя вазы, напримѣръ, стоятъ отъ двухъ, трехъ до десяти и до двадцати тысячъ франковъ. Есть чаши (à jour) въ 600, въ 1,000 и въ 1,500 франковъ. Одинъ столикъ (crédence) изъ фарфора и бронзы оцѣненъ — въ 60,000 франковъ!

На стѣнахъ залы Панорамы развѣшены гобленскіе и бовесскіе

обои. Точно ли это обои? Глядя издали ничего не стоитъ ошибиться, такого совершенства эта удивительная работа. Изъ нихъ лучшія тѣ, которыя выполнены по Рафаэлевымъ картонамъ, хранящимся въ Гамптонъ-кортской галлереѣ. По стилю, разнообразію, вкусу и гармоніи они ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ стариннымъ обоямъ итальянскимъ и фламандскимъ. По фабрикаціи они гораздо выше послѣднихъ. Гобленскіе ковры также заслуживаютъ всеобщее удивленіе.

Заглянемъ еще въ салонъ и въ будуаръ, приготовленные въ зданіи выставки для императрицы. И то и другое образецъ роскоши и вкуса. Мебель въ салонѣ, во вкусѣ вѣка Лудовика XIV, обтянута вышитой канвой, которая, сверхъ совершенства работы, замѣчательна и въ историческомъ отношеніи. Канва эта была вышита для французскаго короля, подъ надзоромъ m-me de Maintenon, воспитанницами Сенъ-Сирскаго института. Постоянно хранилась она безъ употребленія въ королевскихъ дворцахъ и въ 1791 году была продана вмѣстѣ съ дворцовою мебелью, по распоряженію революціонернаго комитета. Тогда купилъ ее одинъ богатый владѣлецъ, также бережно хранившій ее до 1848 года. Лишившись вслѣдствіе революціи значительной части своего состоянія, онъ принужденъ былъ разстаться съ ней и продалъ ее г. Мегару, который и употребилъ ее на мебель поставленную въ салонѣ.

На столѣ, покрытомъ великолѣпнымъ гобленскимъ ковромъ, стоитъ прессъ-папье, принадлежавшій Наполеону I, во время пребыванія его на островѣ св. Елены. Въ одномъ изъ угловъ комнаты замѣчаемъ небольшую колясочку, подаренную императрицѣ принцемъ Альбертомъ, въ которой она посѣщаетъ зданія выставки.

Будуаръ отдѣляется отъ первой комнаты портьерой изъ краснаго бархата; стѣны его обтянуты ліонской шелковой матеріей, moire antique розоваго цвѣта, подбитой розовой тафтой на ватѣ. Потолокъ, сдѣланный куполомъ, обтянутъ также шелковымъ штофомъ жемчужнаго цвѣта, упадающимъ на стѣны роскошными сборками. Венеціанскія зеркала, бронзы и вся остальная мебель представляютъ собою все, что можно вообразить наиболѣе изящнаго. Наконецъ, полъ въ обѣихъ комнатахъ покрытъ дорогими шелковыми коврами (damas de soie blanc).

Мы коснулись самого небольшаго числа предметовъ выставки. Прочія части ея также заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Въ особенности должно сказать это объ отдѣленіи машинъ, представляющемъ много новаго и любопытнаго. Большой эффектъ производятъ огромныя паровыя машины, которыя всѣ въ одно время приводятся въ движеніе посредствомъ особаго механизма, устроеннаго подъ поломъ залы и такимъ образомъ наглядно представляютъ зрителямъ тотъ образъ производства, для котораго каждая изъ нихъ назначена. Но описаніе всего замѣчательнаго завлекло бы насъ въ настоящее время слишкомъ далеко, а такъ какъ выставка закроется еще не скоро, то мы и надѣемся еще побесѣдовать о ней съ читателями.

Мы упоминали уже о несмѣтномъ количествѣ посѣтителей, иностранцевъ и провинціаловъ, наводнившихъ Парижъ по случаю всемірной выставки. Какое обширное поле представилось тутъ спекуляторамъ всякаго рода! Они и не упускали воспользоваться всѣми удобными случаями для упражненія своей дѣятельности, хотя впрочемъ не всегда съ равнымъ успѣхомъ. Вотъ что̀ разсказываютъ, напримѣръ, объ одной попыткѣ надъ неопытностью и тугимъ кошелькомъ одного новоприбывшаго американца, г. Вашингтона В*. Онъ пріѣхалъ во Францію изъ страны долларовъ съ намѣреніемъ составить себѣ картинную галлерею и съ достаточнымъ капиталомъ для приведенія своего желанія въ исполненіе. Свѣдѣніе о такомъ прекрасномъ намѣреніи и не менѣе прекрасномъ средствѣ для его осуществленія быстро распространилось — и вотъ, богатаго *yankee* ежедневно стали осаждать продавцы картинъ съ предложеніями дивныхъ Рафаэлей, невиданныхъ Корреджіо, единственныхъ Тиціановъ и т. д. Въ своей неопытности мистеръ В** купилъ одно изъ такихъ сокровищъ, картину, какъ его увѣрили, славнаго Леонарда де Винчи и заплатилъ за нее 34,000 франковъ. Къ счастью, при посредствѣ парижской полиціи, ему удалось избавиться скоро отъ этого пріобрѣтенія и искусный продавецъ принужденъ былъ уступить свою рѣдкость, оказавшуюся плохой копіей съ Бернарда Луини, съ большой еще выгодой для себя, за 800 франковъ.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ подобнаго же рода случай, приключившійся съ г. Агуадо, маркизомъ де Ласъ-Марильясъ, любителемъ живописи и владѣльцемъ богатой картинной галлереи. Узнавъ, что маркизъ охотно покупалъ рѣдкія произведенія живописи, одинъ продавецъ старыхъ картинъ явился къ нему въ прекрасное утро съ предложеніемъ своихъ услугъ и — драгоцѣнности, картины Андрея дель Сарто.

«Что̀ стоитъ ваша картина?»

— Не дорого, маркизъ. За честь помѣстить ее въ вашей галлереѣ, я рѣшусь уступить ее за 75,000 франковъ, но только съ однимъ условіемъ....

«Съ какимъ?»

— Чтобы вы разрѣшили мнѣ, маркизъ, приходить иногда по утрамъ въ вашу галлерею, для того, чтобы созерцать это высокое произведеніе искусства, съ которымъ я разстаюсь....

«Хорошо, посмотримъ. Присылайте мнѣ свою картину и приходите сами черезъ недѣлю.»

Картина прислана; недѣля проходитъ; г. Агуадо успѣлъ осмотрѣть рѣдкое произведеніе. Въ назначенный день является продавецъ.

«Что скажете?» спрашиваетъ маркизъ.

— Тоже самое, отвѣчаетъ продавецъ, хотя и смущенный нѣсколько присутствіемъ въ комнатѣ новаго лица, одного извѣстнаго знатока живописи: — тоже самое, маркизъ. Я рѣшился уступить свою картину за 75,000, но, повторяю, съ условіемъ....

«Помню, помню. Хотите знать мою цѣну?»

Продавецъ превратился въ слухъ.

«Я вамъ дамъ за нее... 48 франковъ, но только съ условіемъ.»

— Съ какимъ?

«Чтобы нога ваша не была никогда въ сосѣдствѣ моего дома. Согласны?»

— И.... извольте! отвѣчалъ чувствительный торгашъ и взявъ свои деньги, стремительно удалился.—Говорятъ, что онъ сдержалъ свое слово и ни разу послѣ того не являлся созерцать дивное произведеніе искусства, съ которымъ разставался съ такимъ сожалѣніемъ.

Послѣ выставки наибольшее число посѣтителей привлекали въ Парижѣ театры Негостепріимное лѣто много тому содѣйствовало. Въ самомъ дѣлѣ, оно въ этомъ году кажется окончательно рѣшилось вовсе обойти на пути своемъ веселую столицу веселыхъ французовъ. Загородныя увеселенія и гулянья много отъ этого потеряли, театры много выиграли. Всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, на каждомъ представленіи бывали полны съ верху до низу и директоры, безъ сомнѣнія, благословляли и небо, и лѣто, и посѣтителей, и болѣе всего вѣроятно тѣ звонкіе и свѣтлые *écus*, которые сыпались къ нимъ въ карманы. На Большой-Оперѣ возобновленъ былъ *Пророкъ* Мейербера, въ которомъ Рожеръ, недавно возвратившійся изъ Германіи, и г-жа Альбони по обыкновенію заслужили громкія рукоплесканія публики. Сборъ перваго представленія доставилъ кассѣ театра 10,000 франковъ. *Сицилійская вечерня* г. Верди повторялась нѣсколько разъ, всегда съ равнымъ успѣхомъ. Усердно дѣлаются репетиціи новой оперы владѣтельнаго Герцога Германскаго Союза Эрнеста — *Santa Chiara*. Говорятъ, что первое представленіе ея будетъ дано въ пріѣздъ англійской королевы, въ половинѣ августа. На Лирическомъ театрѣ очередовались *Дженни Белль* Обера и *Сѣверная Звѣзда* Мейербера, и репетировалась новая опера г. Жевера (Gevaert) *le Revenant*.

Что касается до театра proprement dit, то здѣсь самую замѣчательную новость составляетъ комедія Эмиля Ожье — *Свадьба Олимпіи* (*Le Mariage d'Olympe*). Она была дана на театрѣ Vaudeville. Представленіе было безспорно одно изъ самыхъ блистательныхъ, какъ по успѣху пьесы, такъ и по публикѣ, привлеченной въ театръ заслуженной извѣстностью остроумнаго автора. Здѣсь было все, что Парижъ можетъ представить наиболѣе замѣчательнаго. Императоръ, принцъ Наполеонъ и главные dignitaires d'état занимали ложи бельэтажа. Альфредъ де Виньи, Мериме и Скрибъ служили представителями академіи. Старикъ Оберъ сидѣлъ въ своей любимой ложѣ и зрители съ любопытствомъ смотрѣли на Рашель, слѣдившую за представленіемъ; затѣмъ всѣ драматическія, литературныя, театральныя и большая часть иныхъ знаменитостей находились тутъ же. Сама пьеса, героиня которой, Полина Моренъ, *dite Olympe*, принадлежитъ къ роду героинь такихъ пьесъ какъ *La Dame aux Camélias*, *les Filles de marbre* и *le Demi-Monde*, какъ мы сказали, имѣла большой успѣхъ. Мы будемъ говорить о ней въ послѣдствіи.

Изъ всѣхъ иноземныхъ и туземныхъ артистовъ только англичане не имѣли успѣха. Послѣ небольшаго числа представленій, не видя посѣтителей, они принуждены были возвратиться въ отечество. Напротивъ, представленія итальянскихъ актеровъ продолжались съ прежнимъ успѣхомъ и г-жа Ристори въ роли Маріи Стуартъ (въ итальянской трагедіи, передѣланной изъ Шиллеровой) заслужила такія же общія и единогласныя похвалы какъ и въ *Миррѣ* Альфьери. Кстати о послѣдней трагедіи. Г. Вёльо, извѣстный редакторъ газеты «L'Univers» помѣстилъ о ней и объ игрѣ иноземной артистки статью въ фельетонѣ своего журнала. Онъ, значитъ, былъ на представленіи этой пьесы? Этому никто не хотѣлъ вѣрить. — Относительно самой артистки положительно говорятъ, что дирекція Théâtre-Français намѣрена ангажировать ее на зимній сезонъ, такъ какъ она владѣетъ французскимъ языкомъ въ такомъ же совершенствѣ, какъ и итальянскимъ. До сего времени неизвѣстно еще, чтобъ госпожа Ристори изъявила согласіе на это предложеніе.

Поѣздка г-жи Рашель въ Америку не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Въ концѣ іюля она должна была отправиться въ Лондонъ, и пробывъ тамъ непродолжительное время, предпринять дальнѣйшее странствіе. Но передъ отъѣздомъ изъ Парижа она дала еще нѣсколько бенефисныхъ представленій для иностранцевъ, привлеченныхъ въ этотъ городъ. Не стоитъ говорить о томъ, что не смотря на всѣ развлеченія и увеселенія, вездѣ ожидавшія любопытныхъ, представленія г-жи Рашель собирали толпы зрителей и говорятъ, что никогда высокій, классическій геній этой артистки не являлся въ такомъ блескѣ, какъ теперь, въ противоположности съ блистательнымъ талантомъ итальянской знаменитости.

Французская литература понесла въ послѣднее время весьма важную потерю. 29 іюня скончалась въ Парижѣ г-жа Эмиль де-Жирарденъ, супруга редактора газеты «la Presse», извѣстная писательница, бывшая однимъ изъ самыхъ блистательныхъ украшеній лучшаго парижскаго общества. Она родилась въ 1805 году въ Э-ла-Шапель. Ея мать, г-жа Софи Гэ (Gay), урожденная де-ла Валеттъ, была одной изъ знаменитостей салоновъ имперіи и писательницей реставраціи. Дельфина Гэ воспитывалась въ домѣ матери, въ которомъ собиралось самое блестящее общество того времени.

Здѣсь бывали Жуи, Этьеннъ, Делатушъ, Беранже, Тальма, Карлъ и Орасъ Верне, Шатобріанъ, Жераръ и другія знаменитости той эпохи.

Рано была она принята въ салонѣ г-жи Рекамье, гдѣ заключила тѣ дружественныя связи, изъ которыхъ многія сохранила на всю жизнь. Первые поэтическіе опыты ея относятся къ 1822 году; съ этого времени извѣстность ея быстро возрастала. До 1831 года ею написаны были оды на смерть Карла X, Матьё де-Монморанси, генерала Фоа (Foy), и нѣкоторыя другія поэтическія произведенія. Въ этомъ году она вступила въ бракъ съ г-мъ Эмилемъ де-Жирар-

деномъ и ея постоянная, неизмѣнная привязанность къ нему, такъ же, какъ твердость духа, выказанная ею въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которымъ подвергался знаменитый публицистъ, вслѣдствіе своей шумной политической дѣятельности, составляютъ не наименѣе замѣчательныя черты въ ея характерѣ. Сверхъ поэтическихъ произведеній своихъ, собраніе которыхъ издано было въ 1842 году, г-жа Жирарденъ написала нѣсколько романовъ, пользующихся заслуженною извѣстностью, нѣсколько комедій и трагедію *Cléopatre*. Фельетоны, писанные ею въ концѣ тридцатыхъ годовъ, обращали на себя въ свое время общее вниманіе и были изданы ею въ 1843 году, подъ заглавіемъ: *Lettres parisiennes*. Послѣднія произведенія ея суть: *Lady Tartuffe*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, 1853 года, извѣстная намъ по игрѣ г-жи Плесси и, написанныя въ прошедшемъ году, небольшая комедія: *la Joie fait peur* и водевиль: *le Chapeau de l'horloger*. Въ бумагахъ ея осталось начало большой комедіи въ стихахъ: *les Ridicules pernicieux*, которой она была занята въ послѣднее время.

Отличительныя черты таланта г-жи Жирарденъ женская грація, умъ, наблюдательность. Она замѣчательна тѣмъ, что во все продолженіе своей литературной дѣятельности никогда не измѣнила своему характеру женщины. Столько же по добровольному выбору, какъ, безъ сомнѣнія, и по свойству своего таланта, она никогда не вмѣшивалась въ политическія пренія и споры нашего времени, увлекшія такъ многихъ, и этимъ значительно разнится отъ другой современной писательницы. Г-жа Жирарденъ скончалась послѣ довольно продолжительной болѣзни. Все, что было замѣчательнаго въ Парижѣ, какъ изъ высшаго общества, такъ и изъ литературнаго круга, поспѣшило отдать послѣдній долгъ знаменитой писательницѣ. Жюль-Жаненъ произнесъ надъ ея могилой нѣсколько проникнутыхъ чувствомъ словъ. Вѣсть о ея смерти была принята всѣми съ прискорбіемъ.

Изъ новыхъ явленій въ литературѣ замѣтимъ, на этотъ разъ, только два сочиненія о директоріи. Одно изъ нихъ принадлежитъ извѣстному историку г. де-Баранту и называется *Histoire de directoire de la république française* (Исторія директоріи французской республики), второе г. де-Гонкуру (de Goncourt), *Histoire de la société française pendant le directoire* (Исторія французскаго общества во время директоріи). Оба эти сочиненія посвящены разсмотрѣнію двухъ различныхъ сторонъ,—первое, политической исторіи, второе, исторіи общества—одной и той же эпохи, той эпохи, въ которой постоянно возраставшее безсиліе республиканскаго правительства и постепенно пробуждавшееся и усиливавшееся общественное мнѣніе подготовили, наконецъ, и имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ диктаторскую власть Перваго Консула. Что касается до взгляда на предметъ, то оба сочиненія, по видимому, написаны съ одинаковой точки зрѣнія.

Въ Лондонѣ, хотя годичный сезонъ, какъ и слѣдовало ожидать, и не былъ такъ блистателенъ, какъ въ обычное время, въ увеселеніяхъ недостатка не замѣчалось: концерты смѣнялись концертами, театраль-

ныя представленія слѣдовали одно за другимъ, и т. д. На Итальянской оперѣ, г-жа Гризи продолжала давать свои послѣднія, прощальныя представленія въ теченіе всего лѣта, уступая лестнымъ просьбамъ (и гинеямъ?) директора театра. По этому случаю одному англійскому фельетонисту довольно кстати пришли на мысль слова Джульетты къ Ромео (г-жа Гризи тоже Джульетта) въ шекспировой трагедіи:

Goodnight, goodnight! parting is such sweet sorrow
That I shall say goodnight till it be morrow.

(Прощай, прощай! Разставаться съ тобой такое сладкое горе, что я готова до утра повторять тебѣ: прощай!)

Лѣтній сезонъ есть, между прочимъ, одна изъ тѣхъ эпохъ въ году, въ которой появляется много новыхъ изданій и новыхъ пьесъ на театрахъ. Мы ограничимся однимъ упоминаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. На театрѣ Haymarket дана была драма г. Саундерса, бывшаго издателемъ газеты *The People's Journal*, подъ названіемъ: *Love's Martyrdom* (Мученичество Любви), о которой критики отзываются съ большой похвалой. Изъ новыхъ сочиненій вышли: нѣсколько томовъ «Записокъ Герцога Буккингемскаго (*The Duke of Buckingham's Memoirs of the Court and Cabinet of George III*), «Записки *Куррана*» (*Sketches of the Irish Bar)*, новое произведеніе извѣстнаго поэта *Гента (The old Court Suburb, by Leigh Hunt)*, біографія *Сиднея Смита*, знаменитаго журналиста, публициста, литератора, остряка и проповѣдника и вмѣстѣ совсѣмъ этимъ самаго веселаго, добродушнаго, прямаго и честнаго человѣка, написанная дочерью его *лэди Голландъ (A Memoir of the Reverend Sidney Smith, by his daughter Lady Holland*), и мн. др. По поводу новаго предполагаемаго Вальтеръ-Скоттова романа, г. Кабани еще не прекратилъ своихъ протестовъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе «Атенеума» о Гренджерѣ, столь вредившаго подлинности этого произведенія, онъ утверждаетъ, что вставка, о которой идетъ рѣчь, сдѣлана на поляхъ рукописи, постороннею рукою! Увѣдомивъ объ этомъ читателей, неуступчивый и недовѣрчивый журналъ этотъ окончательно отказался однако печатать на страницахъ своихъ дальнѣйшія письма г. Кабани, несмотря на всѣ его угрозы....

Заключаемъ статью нашу извѣстіемъ о смерти англійскаго адмирала сэра Эдуарда Парри, прославившагося своими путешествіями въ арктическихъ моряхъ. Парри родился въ 1790 году и рано поступилъ въ морскую службу. Его постояннымъ желаніемъ съ молодыхъ лѣтъ было принять участіе въ какой нибудь отдаленной ученой экспедиціи. Онъ увидѣлъ исполненіе своего желанія, когда Адмиралтейство, по предложенію Королевскаго Общества, рѣшилось снарядить двѣ экспедиціи въ Сѣверный океанъ. Въ одной изъ нихъ, отправившейся въ Баффиновъ заливъ, въ 1818 году, для открытія прохода въ Тихій океанъ, принялъ участіе Парри, въ чинѣ лейтенанта, подъ начальствомъ сэра Джона Росса. Эта экспедиція не увѣнчалась успѣхомъ; но тотчасъ по возвращеніи своемъ, онъ изъявилъ желаніе предпринять

новое путешествіе и былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, отправленной съ тою же цѣлію въ 1819 году. Онъ достигъ 74° 44' 22" сѣверной широты и послѣ неудачныхъ попытокъ пробраться далѣе принужденъ былъ возвратиться. Вслѣдъ за тѣмъ онъ командовалъ еще двумя подобными экспедиціями, изъ которыхъ въ послѣдней, продолжавшейся болѣе двухъ лѣтъ, до 1823 года, экипажъ его претерпѣлъ большія лишенія. Но онъ нисколько не потерялъ своей энергіи, и вскорѣ послѣ возвращенія предложилъ Адмиралтейству снарядить экспедицію къ Сѣверному полюсу на саняхъ (sledge-boat), надъ которой самъ изъявилъ желаніе принять начальство. Предложеніе его было принято и экспедиція отправлена въ 1827 году. Послѣ большихъ лишеній, трудовъ и опасностей, ему удалось достигнуть до 82° 45' сѣверной широты. До настоящаго времени это есть ближайшій пунктъ къ Сѣверному полюсу, который когда либо бывалъ достигнутъ.

Тѣмъ окончились путешествія Парри. По возвращеніи въ отечество онъ, въ 1829 году, былъ сдѣланъ баронетомъ, въ награду за свои важныя услуги и открытія, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ почетное званіе доктора гражданскаго права отъ Оксфордскаго университета, былъ избранъ въ члены Королевскаго Общества, въ Запискахъ котораго помѣстилъ много ученыхъ статей и наконецъ избранъ былъ почетнымъ членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ и Королевской Ирландской Академіи.

Съ 1829 года Парри занималъ разныя мѣста по внутреннему управленію. Въ послѣднее время онъ былъ директоромъ Гринвичскаго госпиталя; въ 1852 году былъ произведенъ въ адмиралы и умеръ въ Эмсѣ, 8 минувшаго іюля, послѣ продолжительной болѣзни (*).

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургскія загородныя увеселенія и концерты. — Духовный концертъ въ Петергофѣ.—Петербургскія окрестности.—Новыя изданія.—Новое изданіе Гоголя. — Окончаніе изданія Пушкина. — Каррикатуры, по случаю настоящихъ событій.

Непріятельскій флотъ все еще подъ Кронштадтомъ, но никто уже въ Петербургѣ не заботится и не говоритъ о немъ. Лѣтняя петербургская жизнь, въ нынѣшнемъ году, ни въ чемъ не разнится съ прошедшими годами: тѣ же загородныя поѣздки, тѣ же увеселенія на островахъ, съ тою разницею, что «Минеральные воды» отодвинулись на второй планъ, а такъ называемая «Вилла Боргезе» выступила на первый.... Загороднымъ поѣздкамъ и увеселеніямъ нынѣшняго лѣта не мало способствовала отличная погода, которая продолжалась почти

(*) The Athenaeum. — L'Institut. — Indépendance Belge. — Allgemeine Zeitung. — Revue Britannique, и проч.

весь іюль мѣсяцъ: въ теченіе цѣлаго мѣсяца въ Петербургѣ не было ни одного облачка и жаръ стоялъ невыносимый. Въ Невѣ было 17°, что случается весьма рѣдко. Содержатели купаленъ должны были пріобрѣсти въ теченіе этого іюля значительные доходы. Въ «Виллѣ Боргезе» на большихъ музыкальныхъ и увеселительныхъ праздникахъ стеченіе публики было многочисленное. Жаль только, что садъ этой «виллы» очень тѣсенъ и не совсѣмъ удобенъ для большихъ праздниковъ. Самые же праздники очень замысловаты и остроумны. Одинъ изъ такихъ праздниковъ назывался Сновидѣніе, и афиша такъ объясняла это сновидѣніе. «декорація и убранство сада сдѣланы сообразно характеру праздника: все имѣетъ фантастическій и неопредѣленный видъ, *долженствующій произвесть на посѣтителей легкое, пріятное впечатлѣніе, какъ сладкій мимолетный сонъ, во время котораго пылкая фантазія блуждаетъ въ волшебныхъ странахъ, населенныхъ очаровательными феями, геніями и сильфами....*» «Садъ представляетъ— продолжала краснорѣчивая афиша — область феи розъ; площадка — увеселительный садъ феи, въ серединѣ померанцовыя деревья съ спѣлыми плодами (плоды изъ воска); волшебный павильонъ музыки, изъ *котораго раздаются очаровательные и чарующіе звуки* (какой очаровательный слогъ!) надъ оркестромъ брилліантовая звѣзда».... и проч. Надо прибавить ко всему этому вазы съ транспарантными цвѣтами, фонтаны (именуемые въ афишѣ колоссальными), гроты — съ *гномами* (не съ тѣми ли, у которыхъ мочалки вмѣсто волосъ и отъ которыхъ пахнетъ морскими травами?) зеленые фонари, красные баллоны, иллюминація, и прочее, и прочее....

Людовикъ Віоль, знаменитый клоунъ бывшаго Цирка, продолжаетъ отличаться со своею труппою на Петергофской дорогѣ, близъ Тріумфальныхъ воротъ, на дачѣ бывшей графа Завадовскаго, которая наименована Марьиной Рощей.

Амбіэль, подъ руководствомъ г. Излера, даетъ также разные праздники на Минеральныхъ водахъ.

Въ Петергофскомъ воксалѣ данъ былъ въ пользу раненыхъ героевъ Севастопольскаго гарнизона концертъ, въ которомъ участвовали гг. Ферзингъ, Артемовскій, Булаховъ, Григорьевъ и г-жа Леонова.

Но замѣчательнѣе всѣхъ этихъ праздниковъ, концертовъ и увеселеній — это духовный концертъ, данный въ Петергофѣ, во дворцѣ Англійскаго парка придворными пѣвчими, 17 іюля, въ пользу семействъ воиновъ, назначенныхъ для защиты столицы и Прибалтійскаго края. Вотъ программа этого концерта:

Часть 1-я.

1) «*Отче нашъ*» (Бортнянскаго); 2) «*Тебѣ поемъ*» (Ярославскаго напѣва) и «*Достойно есть*» (Львова); 3) «*Вечери Твоя Тайныя*» (его же); 4) «*Херувимская пѣснь*» (двухорная—Бортнянскаго).

Часть 2-я.

5) «*Коня и всадника*» (Греческаго напѣва); 6) «*Ангелъ вопіяше*» (Кіевскаго напѣва — Бортнянскаго); 7) «*Прощальный гимнъ воспитан-*

ницы *Царскосельскаго Духовнаго Училища*»; 9) Двѣ великопостныя молитвы: «*Предстояще Кресту*» и «*Уязвленную мою душу*» (Львова)....

Пѣвчіе помѣщались въ большой залѣ дворца, возлѣ портрета Императрицы Екатерины, на эстрадѣ убранной цвѣтами. Стеченіе публики было многочисленное. Государь Императоръ, Государыни Императрицы, Великіе Князья, Принцъ Прусскій и Принцесса Нидерландская удостоили концертъ своимъ присутствіемъ. Концертъ этотъ, подъ управленіемъ самого директора Капеллы, А. Θ. Львова, произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ и окончился побѣдною молитвою: «Спаси Господи люди твоя»....

22 іюля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Александровны, было большое гулянье на Елагиномъ острову..

Поѣздки на пароходѣ изъ Петербурга въ Валаамъ продолжаются каждую пятницу. Пароходъ отправляется съ пристани отъ Рожка въ девять часовъ утра. Пасажиры пересаживаются въ Шлиссельбургѣ на большой пароходъ и къ ночи въ пятницу же этотъ послѣдній пароходъ приходитъ въ Коневецъ, а рано утромъ въ субботу отправляется въ Валаамъ. Пассажиры возвращаются въ Петербургъ не ранѣе понедѣльника. Это небольшое путешествіе очень нравится петербургскимъ жителямъ.... Самый Валаамъ, съ своими островами, чрезвычайно живописенъ. Многіе ничего не видавшіе около Петербурга, кромѣ островов, увѣряютъ, что петербургскія окрестности однообразны и неживописны, особенно сравнительно съ московскими.... Но неужели Царицыно, Кунцово, Останкино, Архангальское — живописнѣе великолѣпныхъ и разнообразныхъ царственныхъ садовъ и парковъ Петергофа, Царскаго Села, Павловска, Ораніенбаума, Гатчины, Ропши?... А Парголово, Гостилицы (Потемкина), Лопухинка, Мурино?... Окрестности петербургскіе несравненно великолѣпнѣе, разнообразнѣе и даже живописнѣе московскихъ окрестностей, — это можно сказать утвердительно.... Мы недавно, между прочимъ, имѣли случай быть на одной мало извѣстной дачѣ, въ четырнадцати верстахъ отъ Петербурга за пороховыми заводами на рѣчкѣ Охотѣ, принадлежащей г. Бегеру и были изумлены живописнымъ мѣстомъ, на которомъ расположена она.... Дача построена на горѣ на одномъ изъ лѣсистыхъ и крутыхо береговъ рѣчки Охоты, которая противъ самой дачи широко разливается отъ плотины, устроенной у Пороховаго завода и имѣетъ видъ озера. Берегъ противоположный также гористъ и весь поросъ густымъ лѣсомъ.... По рѣчкѣ, которая все постепенно съуживается, приближаясь къ Мурину, съ одной стороны большой строевой лѣсъ, съ другой поля и деревни, принадлежащія князю М. С. Воронцову.... Катаясь по этой живописной и извилистой рѣчкѣ трудно вообразить себѣ, что вы только въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга....

— Уже поступили въ продажу три части «Сочиненій Гоголя»; очень скоро будетъ готова и четвертая. Напечатаны они съ изданія 1842 года, и почти въ такомъ же форматѣ. Цѣна 7 рубл. серебромъ за четыре части. На дняхъ вмѣстѣ съ четвертою частью

«Сочиненій» — издатель обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ и тѣ 5 главъ 2 го тома «Мертвыхъ Душъ», которыя уцѣлѣли отъ сожженія. Эти главы напечатаны въ форматѣ 1-го тома «Мертвыхъ Душъ». Въ концѣ ихъ издатель прибавилъ «Авторскую Исповѣдь» — сочиненіе Гоголя также для публики новое. Цѣна 2 р. 50 коп. сер. Нѣтъ надобности прибавлять, сколькихъ любителей русской литературы и почитателей таланта Гоголя обрадуетъ новое изданіе его сочиненій! Цѣна старому, вмѣстѣ съ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», доходила въ послѣднее время до ста рублей серебромъ за экземпляръ! и находились люди, которые платили эту сумму! Желающіе ближе познакомиться съ новымъ изданіемъ Гоголя могутъ пробѣжать слѣдующее предисловіе ихъ издателя, Н. П. Трушковскаго, приложенное къ 1-му тому.

Отъ издателя.

«Настоящее изданіе сочиненій Николая Васильевича Гоголя перепечатано, безъ всякаго измѣненія, съ изданія 1842 года; оно начато было еще при жизни покойнаго автора, который самъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе и, при содѣйствіи С. П. Шевырева, ужь бо̀льшая половина была отпечатана, какъ внезапная его кончина разстроила все.... Къ 4-мъ томамъ своихъ Сочиненій онъ предполагалъ присоединить еще 5-й томъ, въ который должны были войти «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» въ исправленномъ видѣ и нѣкоторыя статьи изъ «Арабесокъ»; въ бумагахъ его сохранился небольшой отрывокъ, какъ видно, начатое предисловіе къ этому тому. Вотъ онъ: «Книга «Переписка съ друзьями» произвела большіе тол«ки вкривь и вкось. Несмотря на то, что много было такихъ обви«неній, отъ которыхъ содрогнулось во мнѣ сердце, и которыхъ я «можетъ быть, не въ силахъ былъ бы сдѣлать и дурному человѣку, «я рѣшился воспользоваться всякимъ замѣчаніемъ. Вновь пересмотрѣлъ «все, въ однихъ умѣрилъ неприличный тонъ, другія вовсе оставилъ «и нѣсколько прибавилъ; къ этому присоединилъ нѣсколько статей «изъ «Арабесокъ» и кое-какія доселѣ неизданныя, такъ что пятый томъ «составилъ въ себѣ почти всѣ мои теоретическія понятія, какія я «имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ и о томъ, что̀ должно двигать «литературу нашу. Все же прочее можетъ современемъ составить от«дѣльный томъ подъ названіемъ юношескихъ опытовъ....» Но какъ покойнымъ авторомъ не было для этого сдѣлано никакихъ приготовленій, то мы ограничиваемся пока изданіемъ этихъ 4-хъ томовъ, надѣясь современемъ присоединить къ нимъ и 5-й томъ, въ который войдутъ всѣ статьи помѣщенныя въ «Арабескахъ» и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и не вошедшія въ собраніе его сочиненій.

«Кромѣ того, вскорѣ отпечатаются сочиненія найденныя въ бумагахъ послѣ смерти Н. В. Гоголя: 5 главъ 2-го тома «Мертвыхъ Душъ» (списанныя съ черновыхъ тетрадей) и «Авторская исповѣдь».

Н. Трушковскій.

Москва.
28-го іюня 1855 г.

Нынѣшній издатель сочиненій Гоголя—человѣкъ молодой, образованный и свято чтущій память своего славнаго родственника, потому читатель вправѣ надѣяться, что онъ незамедлитъ выдачею обѣщаемаго пятаго тома, равно и всего, что въ бумагахъ Гоголя найдется еще неизданнаго. Особенно желали бы мы поскорѣе видѣть въ печати письма Гоголя, которыхъ у г. Трушковскаго нынѣ собрано уже до полуторы тысячи.

Обращаться за четырьмя нынѣ поступающими въ продажу томами «Сочиненій Гоголя» и за вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» должно къ московскому книгопродавцу Ивану Васильевичу Базунову, пріобрѣтшему отъ издателя *все изданіе*, какъ «Сочиненій», такъ и втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Мы давно не помнимъ такой капитальной сдѣлки въ русской книжной торговлѣ, которая въ послѣднее время сильно упала и обмелѣла.

Вдохновленный, вѣроятно, прекраснымъ лѣтомъ и поѣздками по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, А. Смирдинъ (сынъ), по примѣру французскихъ книгопродавцевъ, въ маленькомъ карманномъ форматѣ вздумалъ издавать *Библіотеку для дачъ*, *пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ*. Это собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ, новыхъ и старыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Первая книжечка этой библіотеки, заключающая въ себѣ *Аптекаршу* графа Соллогуба, уже вышла. Для начала выборъ очень удаченъ. Что-то скажетъ продолженіе?...

Кстати объ изданіяхъ: русскую публику можно наконецъ поздравить съ пріобрѣтеніемъ превосходнаго изданія Пушкина. Это изданіе уже вполнѣ окончено. Оно должно быть настольною книгою каждаго русскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно разойдется быстро и что издатель будетъ вполнѣ вознагражденъ за свой умный и добросовѣстный трудъ.

Каррикатуръ по поводу настоящихъ событій набралось уже довольно много. За исключеніемъ каррикатуръ гг. Степанова, Анинскаго, Невскаго, Баклевскаго (московское изданіе), о которыхъ мы упоминали, укажемъ еще на слѣдующія, изданныя въ Петербургѣ:

Альбомъ современныхъ каррикатуръ. Изданіе Я. Лаппинга. Первая тетрадь заключаетъ въ себѣ пять листовъ и стоитъ 1 руб. сер., т. е. по 20 коп. за листокъ. Очень дорого! Изданіе въ родѣ лубочнаго. На первомъ листкѣ русскій мужичокъ сажаетъ въ печь что-то въ родѣ пастета съ головою француза въ кепи; вверху надпись: «за вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ», а внизу стихи:

«Вотъ нашъ русскій мужичёкъ
Должно быть не дурачёкъ
А пирожникъ дѣловой
Садитъ въ печь пирогъ большой
Посмотрите на картинку
Не жалѣлъ онъ звать начинку
Пирогъ лопнулъ — ну и чтожь,
На кого портретъ похожъ.

Остроуміе въ подписяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ самымъ рисункамъ каррикатуръ.

Вотъ еще два большихъ листа каррикатуръ. Первый называется *Обѣдъ въ складчину у Севастополя*. Гости за столомъ: Пальмерстонъ, Рагланъ, Меджидъ, Конроберъ, Луи-Наполеонъ, надъ ними чортъ съ рогами, внизу поваренокъ съ хвостомъ держитъ сковороду и поджариваетъ людей, а русскій мужичокъ ставитъ корабль въ печь. Тутъ же прохаживается казакъ; нашъ матросъ встрѣчаетъ корабль, на которомъ написано: Сардинъ 15,000, на мачтахъ этого корабля—смерть съ косой. Подпись внизу: «Западные гости пожаловали въ Крымъ, съ большимъ запасомъ провіанта, провизіи и денегъ, облеченные въ силу и славу. А совѣсть и честь, за тяжестію и по неудобности взять съ собою, оставили дома, гдѣ, какъ древняя рѣдкость, хранятся въ архивахъ. Компаніоны-союзники пригласили служить официантомъ друга своего Сатану де-Веэльзевула, подаривъ ему напередъ свои сухія души, черствыя сердца и разболтанные въ парламентахъ мозги. Смерть трудилась безвозмездно, а русская прислуга ея за приборы и приправу получаетъ съ гостей богатство, силу и славу.»

За тѣмъ исчисленіе блюдъ и напитковъ: «Маринованные въ тифусѣ баши-бузулукскіе тетерева; портеръ изъ Джонъ-Булевой испорченной крови....» и прочее въ этомъ родѣ.

Другой листъ называется *Современнымъ юмористическимъ листкомъ*. На этомъ листкѣ Севастополь вдали. Турки, французы, англичане, сатаны со змѣями, смерти съ косами и между прочимъ русскій благоразумный мужичокъ, взвѣшивающій легкомысліе нашихъ враговъ. На одной чашкѣ вѣсовъ сардинцы, турки, англичане, французы, а на другой — бабочка.... и бабочка перевѣшиваетъ ихъ! Внизу стихотворная подпись. Стихи начинаются очень торжественно:

Городъ полный русской славы!
Посмотри! Вкругъ стѣнъ твоихъ
Демонъ злости, духъ лукавый....

и вслѣдъ за этимъ:

Чадъ *недремлемо* своихъ
Турокъ и англо-французовъ
Какъ зеницу бережетъ....

И за тѣмъ стихотвореніе переходитъ въ шуточный разсказъ, довольно неловко поддѣланный подъ народный.

Вообще, всѣ эти каррикатуры занимаютъ середину между каррикатурами гг. Степанова, Невскаго, Баклевскаго и другихъ и чисто лубочными каррикатурами.

Г. Фёльтенъ продолжаетъ свои прекрасныя изданія, о которыхъ было упомянуто въ VI № «Современника» въ концѣ Внутреннихъ извѣстій. Теперь онъ издалъ превосходно литографированный и очень похожій портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, который продается съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ХРОНИКА

СОВРЕМЕННЫХЪ

ВОЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

(Къ «Современнику» № VIII)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855

I.

Изложеніе военныхъ событій, съ Высочайшаго Манифеста 14 іюня 1853 года, о занятіи Княжествъ, до кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Современная война, принявшая такіе огромные размѣры, объявшая весь политическій горизонтъ Европы, необходимо должна была вызвать неисчислимое множество журнальныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ на различныхъ языкахъ, которыя могутъ составить теперь порядочную библіотеку. Несмотря однакожъ на это, — еще до сихъ поръ не было послѣдовательнаго, отчетливаго хода современной войны, въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы рѣшились пополнить такой недостатокъ, прослѣдивъ эти событія съ самаго ихъ начала до настоящей минуты, основываясь на оффиціальныхъ нашихъ извѣстіяхъ, взятыхъ изъ «Русскаго Инвалида».

Подготовивъ такимъ образомъ систематическое обозрѣніе хода войны, намъ будетъ уже легко, по мѣрѣ ея развитія, вписывать въ нашу скромную лѣтопись, ея дальнѣйшія событія. Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію военныхъ дѣйствій, мы постараемся изложить вкратцѣ, всѣ предшест-

вовавшія имъ обстоятельства, пользуясь, какъ уже было сказано, одними оффиціальными источниками. Эти предварительныя свѣдѣнія необходимы, ибо изъ нихъ читатель увидитъ, какъ съ первой минуты Парижскій и Англійскій кабинеты дѣйствовали непріязненно и недобросовѣстно въ отношеніи къ Россіи, и какъ предполагаемой защитой Турціи они старались прикрывать совершенно другіе виды....

Событія, изложенныя здѣсь, ясно говорятъ сами за себя. Намъ остается только соблюдать строгую точность послѣдовательности и изложить эти событія. Прямодушіе Русской политики и славныя дѣйствія Русскаго войска открываются во всемъ блескѣ изъ самыхъ событій, изъ самаго простаго и безхитростнаго изложенія ихъ. Здѣсь всякія фразы и восклицанія были бы неумѣстны и безполезны. — Дѣло говоритъ само за себя.

Съ 1829 года, послѣ Адріанопольскаго трактата, Россія обнажала мечь только дважды: въ 1831 году для усмиренія Польскаго мятежа, въ 1848 году для подаанія помощи Австріи. Казалось, что Адріанопольскій миръ на долго упрочилъ мирныя отношенія наши со всѣми державами, и Россія огражденная извнѣ, тихая и спокойная внутри, начала развивать свою промышленность, и шла по пути преуспѣянія.

Въ послѣднія двацать пять лѣтъ она быстро усилилась, расширила свою торговлю, улучшила пути сообщенія, вослала широкія полосы красивыхъ шоссе по главнымъ торговымъ направленіямъ, построила рѣчные пароходы, и начала сооружать желѣзныя дороги, намѣреваясь вскорѣ, связавъ ими важнѣйшіе рынки, соединить порты Черноморскіе съ Балтійскими. Процвѣтаніе Американскихъ нашихъ колоній, усиленная дѣятельность на золотоносныхъ розсыпяхъ, вызвавшая многіе значительные частные капиталы, и безпрестанно возникающія торговыя общества, все это, нѣкоторымъ образомъ, начало возбуждать зависть Англіи, которая по-

стоянно стремилась и стремится овладѣть всемірною торговлею.

Сѣверные и южные порты наши едва могли вмѣщать въ себѣ сотни иностранныхъ кораблей, изъ которыхъ бóльшая часть нагружалась нашими сырыми произведеніями, необходимыми почти всѣмъ европейскимъ государствамъ, и, если мы получали предметы роскоши и колоніяльные товары, за то снабжали европейскіе рынки предметами первой потребности, какъ то: пшеницей, саломъ, пенькой, маслянистыми растеніями, щетиной и т. п.

Счастливое географическое положеніе нашей громадной Имперіи, которая на обширнѣйшемъ пространствѣ своемъ заключаетъ различные климаты и различныя почвы, и производительныя силы которой получаютъ болѣе мощное развитіе, — даетъ ей возможность жить самобытной жизнью, разливающеюся по ней обильными и судоходными рѣками, соединяющими отдаленныя наши границы.

Возникающая повсемѣстно промышленность; стремленье къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, какъ у частныхъ владѣльцевъ такъ и у государственныхъ крестьянъ; овцеводство, постоянно принимающее бóльшіе размѣры въ степныхъ нашихъ губерніяхъ, и выдѣлка свекловичнаго сахара на югѣ и западѣ Имперіи: все это служитъ залогомъ, что Россія скоро, можетъ быть, перестанетъ нуждаться въ иностранныхъ фабричныхъ произведеніяхъ.

Сопредѣльность Азіи и наша мѣновая и транзитная съ нею торговля, тоже производитъ непріятное впечатлѣніе на Лондонской бaржѣ, тѣмъ болѣе что Китай, съ которымъ Англія, посредствомъ штыковъ и пушекъ, вступаетъ въ торговыя сношенія, — добровольно размѣнивается съ нами своими произведеніями, не доставляя англійскому купеческому флоту даже случая взять съ насъ проценты за провозъ. Кромѣ того, Англія, опустошающая и угнетающая богатыя Индійскія провинціи, извлекая изъ нихъ возможно бóльшіе доходы, — деморализирующая народъ этихъ провинцій для того, чтобы съ бóльшимъ успѣхомъ достигнуть корыстныхъ цѣлей, — не безъ страха видитъ, что Индія не такъ далеко отъ Россіи, и трепещетъ за свое владычество въ отдаленныхъ колоніяхъ.

При всемъ однакожъ миролюбивомъ расположеніи, Россія не могла оставаться равнодушною зрительницею угнетенія христіанъ Турками, дошедшими до крайней степени тиранства, и считала себя обязанною вступиться за права, принадлежавшія православной Церкви у Гроба Господня и начинавшія терять свою силу, вслѣдствіе происковъ представителей римскокатолическаго исповѣданія, а въ особенности императора Французовъ.

Русскіе искони боролись съ Турками за Вѣру Православную, чему многіе примѣры найдемъ, если развернемъ лѣтописи Южной Руси, гдѣ описаны постоянныя войны Казаковъ съ Турками и Крымцами,— войны, имѣвшія основаніемъ цѣль религіозную: защищать Вѣру Православную. Эта военная семья, необразованная, но имѣвшая свою тактику, весьма удобную для сопротивленія и нападенія на тогдашнихъ враговъ, — отбивалась съ одной стороны отъ Поляковъ, вводившихъ Унію, а съ другой громила орды Крымцевъ, переплывая на лодкахъ Черное Море, выручала плѣнныхъ христіанъ изъ Турціи, и наводила страхъ на самый Константинополь.

Многія старинныя казацкія пѣсни сохранили намъ подвиги этихъ героевъ, позабытыхъ или пропущенныхъ исторіей, но которые со славою дѣйствовали на избранномъ поприщѣ и кровавыми буквами вписывали имена свои на страницахъ скромныхъ лѣтописей.

Но это давно прошедшее. Перейдемъ къ эпохѣ болѣе близкой, къ Кучукъ-Кайнарджійскому миру, которымъ Императрица Екатерина II положила начало покровительста Россіи христіанамъ, находящимся во власти Турокъ. Манифестъ Великой Государыни отъ 17 марта 1775 года заключаетъ въ себѣ слѣдующія драгоцѣнныя строки:

«1) Множество Христіанъ въ неволѣ, въ рабствѣ и заточеніи страдавшихъ освобождено уже отъ узъ своихъ, и готовятся съ радостными сердцами къ безбѣдственному возвращенію во свояси. 2) Всѣ Россіяне, жребіемъ оружія въ плѣнъ попавшіеся, дѣйствительно отысканы и поручены на руки Нашему въ Константинополѣ повѣренному въ дѣлахъ Полковнику Петерзону. 3) Жители Православнаго Греко-восточнаго исповѣданія въ Княжествахъ Молдавскомъ и Валах-

скомъ обрадованы возвращеніемъ ихъ прежнихъ правъ, свободъ и преимуществъ, а притомъ еще двухлѣтнимъ увольненіемъ отъ всякихъ податей. 4) Самое Наше Православіе въ мѣстахъ его произрастенія ограждено для переду Нашею Императорскою опекою отъ всякаго притѣсненія и насильства.»

Но болѣе прочныя основанія защитѣ нашихъ единовѣрцевъ и вліянію Россіи по этому случаю на Турцію положены возстановленіемъ Греческой Монархіи и впослѣдствіи Адріанопольскимъ миромъ (1829). Россія сдѣлала все что могла для обезпеченія христіанскаго населенія Турціи, и, принявъ на себя покровительство Дунайскихъ Княжествъ, оградила эти послѣднія отъ своевольства и деспотической тираніи турецкихъ правителей надъ краемъ, исповѣдующимъ Православную Вѣру. Западныя державы признали Адріанопольскій трактатъ, и, казалось, упрочены были какъ мирныя отношенія Россіи съ Турціею, такъ и благоденствіе христіанскихъ народовъ, находящихся подъ властью Оттоманской Имперіи.

Другое и не менѣе важное обстоятельство возбуждало постоянное вниманіе и заботу Россіи: это Святыя Мѣста, такъ давно впавшія въ руки мусульманъ и, къ сожалѣнію, остающіяся и по нынѣ во власти почитателей Корана. Православная Греческая Церковь искони пользовалась тамъ многими правами и преимуществами, которыя впослѣдствіи, по различнымъ происканъ, начали, мало по малу, переходить къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, что грозило современемъ, — прекращеніемъ законныхъ преимуществъ православной восточной церкви.

Турція какъ держава слабая, подчиняясь вліянію хитрой политики Западныхъ Кабинетовъ, въ особенности, въ этомъ случаѣ, слѣдуя, внушенію Тюльерійскаго Кабинета, сдѣлала уступки Франціи въ пользу католиковъ въ Іерусалимѣ «въ ущербъ вѣковыхъ привиллегій дарованныхъ православнымъ» какъ сказано въ циркулярѣ Россійскаго Правительства о Восточномъ вопросѣ, отъ 30 мая 1853 года.

Вслѣдствіе этого въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ обратился къ Султану «съ дружественнымъ, но серьёзнымъ письмомъ» касательно этого важнаго предмета. Турецкое Правительство созвало коммиссію изъ однихъ уле-

мовъ и, на основаніи ихъ рѣшенія, послѣ долгихъ переговоровъ, Его Величество получилъ отвѣтъ отъ Султана, состоявшій въ торжественномъ обѣщаніи — сохранить всѣ старинныя права, предоставленныя Портою Православной Церкви; вмѣстѣ съ этимъ препровожденъ былъ фирманъ, подробно излагавшій это преимущество, съ собственноручнымъ *Гатти-шерифомъ* Султана, подтвердившимъ всѣ предшествовавшіе акты въ пользу Православныхъ.

Россійскій Императоръ призналъ эти акты окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса и предоставилъ католикамъ пріобрѣтенныя ими новыя привиллегіи.

Фирманы оффиціально были посланы Султаномъ для исполненія. Казалось бы послѣ этого, всѣ дѣла относительно Святыхъ Мѣстъ должны быть порѣшены окончательно; однако вышло совершенно иначе.

Послѣ торжественнаго обѣщанія, Турція начала лукавить, когда дѣло дошло до оффиціальнаго обнародованія Султанскихъ повелѣній. Съ фирманомъ посланъ былъ въ Іерусалимъ турецкій коммиссаръ, что́ и объявлено было посольству нашему въ Константинополѣ; но коммисаръ этотъ, на требованіе нашего Іерусалимскаго Консула, настаивавшаго на прочтеніе и записку въ роспись фирмана, — дерзнулъ сказать ему, что онъ ничего не знаетъ и что въ инструкціяхъ его вовсе не упоминается объ этомъ документѣ. Требованія наши заставили наконецъ турецкое правительство прочесть фирманъ и внести его въ роспись въ Іерусалимѣ; но это сдѣлано было съ ограниченіями, оскорблявшими Православную Церковь. Главныя статьи документа были нарушены. Самое важное нарушеніе, оскорбившее какъ духовенство, такъ и все православное народонаселеніе, заключалось въ томъ, что католическому патріарху переданы были ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви, потому что, въ силу господствующаго въ Палестинѣ мнѣнія, обладаніе этими ключами какъ бы обозначаетъ обладаніе всѣмъ храмомъ.

Не взирая на это, въ Бозѣ почившій Императоръ предпочелъ получить удовлетвореніе посредствомъ миролюбивыхъ переговоровъ, и, желая доказать Султану, несправедливость его противъ насъ, а такъ же указать его благоусмотрѣнію ошибки турецкаго министерства, отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ князя Меншикова.

Посольство это имѣло два обстоятельства касательно вопроса о Святыхъ Мѣстахъ:

1) Вступить въ переговоры о замѣнѣ уничтоженнаго фирмана новымъ со стороны Блистательной Порты условіемъ, которое, не отнимая у католиковъ полученныхъ ими въ послѣднее время выгодъ (потому что требованіемъ уничтоженія этихъ выгодъ — мы не хотѣли поставить Порту въ отношеніе къ Франціи, въ то же затруднительное положеніе въ какомъ находилась Порта въ отношеніи къ намъ) объясняло бы по крайней мѣрѣ эти уступки такимъ образомъ, чтобы не придать имъ видъ торжества надъ Православною Церковью, и возстановило бы нѣкоторыми законными властями равновѣсіе, нарушенное въ ущербъ этого вѣроисповѣданія.

2) Составить изъ этого новаго соглашенія формальный актъ, который послужилъ бы намъ и удовлетвореніемъ за прошедшее и ручательствомъ за будущее.

Посольство это не увѣнчалось успѣхомъ потому, что Порта избѣгала положительнаго отвѣта, и князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя. Впрочемъ надежда разрѣшить вопросъ миролюбиво не была еще потеряна, — и вслѣдствіе этого возникли новые переговоры.

Послѣ непрерывныхъ, трудныхъ переговоровъ, занявшихъ три мѣсяца времени, впродолженіе которыхъ Петербургскій Кабинетъ согласился на нѣкоторыя предложенія Турціи, — турецкое правительство медлило однакожъ рѣшительнымъ окончаніемъ дѣла, сдѣлавшагося подъ конецъ даже сомнительнымъ касательно желаемаго исхода.

Не смотря, однакожъ, на то, что впродолженіе всего этого времени, Тюльерійскій и Сенджемскій Кабинеты принимали дѣятельное, по видимому, участье въ миролюбивомъ окончаніи дѣла, англійское и французское правительства 4-го іюня н. ст. дали предписаніе своимъ соединеннымъ эскадрамъ приблизиться къ Дарданелламъ, какъ выражали они *«съ миролюбивою цѣлью»*.

Вслѣдствіе упорства Турціи и приближенія къ Дарданелламъ англо-французскаго флота Императоръ Николай Павловичъ призналъ необходимымъ двинуть войска въ Придунайскія Княжества.

По этому случаю воспослѣдовалъ Высочайшій Манифестъ.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Всенародно:

«Извѣстно любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ Блаженныхъ Предковъ Нашихъ.

«Съ того самаго времени, когда Всевышнему угодно было вручить Намъ наслѣдственный Престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постояннымъ предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ; и они, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ Церкви Православной.

«Но къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій Нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ Нашей Православной Церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили наконецъ совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь Православію драгоцѣннаго.

«Старанія Наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное Намъ самимъ Султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

«Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ Нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества, дабы доказать Портѣ къ чему можетъ

вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены Мы начинать войны; занятіемъ Княжествъ Мы хотимъ имѣть въ рукахъ Нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался Намъ въ возстановленіи Нашихъ правъ.

«Не завоеваній ищемъ Мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движенія Нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ Нашъ, и, съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за Вѣру Православную.

«Данъ въ Петергофѣ, въ 14-й день Іюня мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятьдесятъ третіе, Царствованія же Нашего въ двадцать осьмое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Николай.»

Хотя дѣло и приняло такой оборотъ, однако это еще не было причиною устраненія мира, если бы онъ могъ быть упроченъ предварительнымъ утвержденьемъ посредническихъ предложеній Вѣнской Конференціи.

Составляя, на основаніи трактатовъ, часть Оттоманской Имперіи, — Придунайскія Княжества тѣмъ не менѣе состояли и подъ покровительствомъ Россіи. Молдавія и Валахія никогда не были собственно турецкими провинціями, не подвергались раздѣленію на Пашалыки и Санджики, потому что, не были завоеваны Портою, но добровольно подчинились ея владычеству, выговоривъ себѣ нѣкотораго рода независимость, хотя и подвергавшуюся въ теченіи многихъ лѣтъ небольшимъ измѣненіямъ, но которая никогда не была уничтожена, а напротивъ подтверждаема и укрѣпляема въ позднѣйшія времена трактатами. По Кайнарджійскому трактату (1774) Россія пріобрѣла право дѣлать въ Константинополѣ въ пользу обоихъ Княжествъ «представленія», которыя Порта обѣщала «принимать въ уваженіе». Трактатомъ 1781 года Россія получила право имѣть въ Княжествахъ Генеральнаго Консула, на

обязанности котораго лежало также наблюдать и за поведеніемъ Господарей. Въ послѣдствіи Россія пріобрѣла болѣе обширное вліяніе на Придунайскія Княжества, и хотя правители Молдавіи и Валахіи, какъ вассалы Порты, и уплачиваютъ ей опредѣленную подать, однако въ силу признанныхъ всѣми постановленій, находятся въ зависимости и отъ Россіи, безъ согласія которой (на основаніи Инкерманскаго трактата 1826 года) не могутъ ни добровольно отрекаться отъ престола, ни по какой бы то ни было причинѣ быть смѣняемы Портою. Слѣдовательно Турція не облечена ни какой принудительною властью въ Княжествахъ, которою могла бы она располагать безъ согласія Россіи. Наконецъ по Бальта-Лиманскому трактату отъ 1-го мая 1849 года, временное положеніе Придунайскихъ Княжествъ постановлено было Кабинетами Петербургскимъ и Константинопольскимъ только на *семь* лѣтъ, по прошествіи которыхъ обѣ Державы имѣли заключить, только 1-го мая 1856 года, рѣшительныя конвенціи касательно Молдавіи и Валахіи.

Изъ этого ясно можно усмотрѣть, что Придунайскія Княжества, взнося Портѣ извѣстную дань, не состоятъ подъ ея непосредственнымъ владычествомъ, но, пользуясь нѣкоторыми правами, обязаны также повиновеніемъ и Россіи. Слѣдовательно вступленіе нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію не нарушило еще существовавшихъ трактатовъ и гораздо менѣе имѣло угрожающаго вида, чѣмъ появленіе англо-французскаго флота вблизи Константинополя, съ какою бы цѣлью этотъ флотъ ни вступалъ въ Дарданеллы.

Входя съ арміею въ Придунайскія Княжества, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ издалъ слѣдующую прокламацію къ жителямъ, ясно выражавшую съ какою цѣлью войска наши перешли Прутъ, и приглашавшую жителей спокойно заниматься своими дѣлами.

ПРОКЛАМАЦІЯ.

«Жители Молдавіи и Валахіи!

«Государь Императоръ, Августѣйшій мой Повелитель, изволилъ указать мнѣ занять вашъ край войсками, ввѣренными моему начальству.

«Вступя въ ваши предѣлы, мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими вы управляетесь, и политическаго вашего положенія, утвержденнаго торжественными договорами.

«Временное занятіе Княжествъ, которое поручено мнѣ привести въ исполненіе, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ непосредственнаго и дѣйствительнаго покровительства въ непредвидѣнныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, когда турецкое правительство, забывая многочисленные знаки искренней дружбы, которые Императорскій Дворъ не переставалъ ему оказывать со времени Адріанопольскаго трактата, отвѣтствуетъ на наши предложенія, самыя справедливыя, — отказами, на наши безкорыстные совѣты — оскорбительною недовѣрчивостью.

«Въ Своемъ долготерпѣніи, въ Своемъ постоянномъ желаніи сохранить миръ на Востокѣ, какъ и въ Европѣ, Государь Императоръ намѣренъ избѣгать наступательной войны противъ Турціи, доколѣ сіе будетъ совмѣстно съ Его достоинствомъ и съ интересами Его Имперіи.

«Лишь только Его Величество получитъ должное удовлетвореніе и ручательство, котораго Онъ въ правѣ требовать для будущаго, — и войска Его возвратятся въ предѣлы Россіи.

«Жители Молдавіи и Валахіи! По повеленію Его Императорскаго Величества, объявляю вамъ также, что пребываніе Его войскъ въ вашей странѣ не повлечетъ за собою никакихъ новыхъ для васъ повинностей и налоговъ, и что поставки жизненныхъ припасовъ будутъ уплачиваться въ свое время нашими военными кассами, и по цѣнѣ, напередъ условленной съ вашими Правительствами.

«Взирайте безъ боязни на вашу будущность. Продолжайте спокойно заниматься земледѣліемъ и торговыми дѣлами, повинуйтесь законамъ земли вашей и установленнымъ въ ней властямъ. Вѣрнымъ исполненіемъ сихъ обязанностей вашихъ вы пріобрѣтете лучшія права на великодушное о васъ попеченіе и могущественное покровительство Его Величества Государя Императора.»

Между тѣмъ какъ съ одной стороны англо-французскій флотъ приближался къ Черному морю, а съ другой наша

армія вступила въ Придунайскія Княжества, въ Вѣнѣ дѣятельно занимались переговорами, при безпрерывномъ сношеніи съ дипломатами находившимися въ Константинополѣ, — какъ бы еще надѣясь на миролюбивое окончаніе дѣла. Предложенія, касавшіяся мирнаго рѣшенія несогласія, принятыя единодушно на Вѣнской Конференціи представителями Австріи, Пруссіи, Франціи и Англіи, отправлены въ Петербургъ 19/31 іюня. Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ ноту, полученную изъ Вѣны, и согласился на пріемъ посланника отъ Султана, если нота эта примется Турціею безъ малѣйшаго измѣненія.

Послѣ долгихъ совѣщаній въ Константинополѣ, рѣшено было въ Большомъ Совѣтѣ, что Порта не можетъ принять безъ измѣненій предложенія, присланнаго изъ Вѣны, и 8/20 августа рѣшеніе это было сообщено представителямъ Австріи, Пруссіи, Франціи и Англіи, а также отправлено къ турецкимъ посланникамъ въ Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ.

Въ то время невозможно еще было судить о неправедности дѣйствій Франціи и Англіи, видя ихъ дѣятельное участье и стараніе къ прекращенію возникшихъ несогласій. Въ то время, когда Турція, конечно, не безъ надежды на поддержку двухъ морскихъ державъ, — не соглашалась на принятіе безъ измѣненій Вѣнскаго предложенія, Французскія и Англійскія газеты «пользующіяся наиболѣе довѣріемъ» какъ замѣчала *Австрійская Корреспонденція*, объявили, что Оттоманская Порта, не понявшая смысла и значенія Вѣнской ноты, не можетъ надѣяться на то, чтобы обѣ морскія державы *поддерживали сопротивленіе противъ ноты, ими одобренной*, *а тѣмъ менѣе, чтобы Европа отмѣнила посредническій приговоръ, изъ уваженія къ мусульманскому самообольщенію.*

Если бы обѣ морскія державы искренно желали мира, онѣ вліяніемъ своимъ на Порту могли бы склонить ее принять Вѣнскія предложенія, но Англія и Франція въ тоже время готовились уже къ войнѣ, возможность которой отклоняли такъ энергически.

Россія вела себя открыто и прямо — и въ своемъ благородномъ довѣріи никакъ не могла предполагать, чтобы просвѣщенныя Европейскія державы могли покривить душою въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ Восточный вопросъ, и, готовясь

къ борьбѣ съ Турціей, — въ случаѣ если бы эта послѣдняя продолжала упорствовать, — далека была даже отъ мысли, что Англія и Франція, послѣ жаркаго посредничества въ примиреніи, — заключатъ союзъ съ Турціей. Все это обѣ морскія державы готовили въ тайнѣ, а открыто не переставали разыгрывать роль примирительницъ, не стѣсняясь тѣмъ, что вскорѣ должны были открыть всему свѣту двусмысленное свое поведеніе.

24 сентября (6 октября) объявленіе войны прислано изъ Константинополя турецкому посланнику въ Вѣну, и вскорѣ Русскіе дипломатическіе чиновники выѣхали изъ Стамбула, поручивъ Русскихъ подданныхъ, оставшихся въ Турціи, покровительству Австріи.

Султанъ отправилъ къ Омеръ-Пашѣ, своему Главнокомандующему на Дунаѣ, инструкцію: «пригласить князя Горчакова очистить Княжества, и начать военныя дѣйствія, если по истеченіи пятнадцати дней со времени отсылки въ Русскій лагерь депеши, онъ получитъ отрицательный отвѣтъ.»

Князь Горчаковъ, какъ надо было и ожидать, получивъ требованіе Омеръ-Паши, отвѣчалъ: «что Россійскій Императоръ не желаетъ войны съ Турціею, и коль скоро требованія Россіи, сдѣланныя съ высоко-нравственною цѣлію, будутъ приняты въ уваженіе, немедленно очиститъ Дунайскія Княжества.»

Отвѣтъ этотъ сочтенъ былъ за отказъ, и, не смотря на обѣщаніе Порты не начинать непріязненныхъ дѣйствій до истеченія пятнадцати-дневнаго срока, турецкія войска вторглись 3/15 октября въ Валахію, а 7/19 стрѣляли изъ ружей по Русскимъ аванпостамъ.

Не взирая однакожъ на это, вслѣдствіе представленій четырехъ союзныхъ державъ, Блистательная Порта дала приказаніе отсрочить непріятельскія дѣйствія до 20 октября (1 ноября). Въ случаѣ же, если эти дѣйствія уже начаты, положено — приказаніе это считать недѣйствительнымъ.

А между тѣмъ англо-французскій флотъ вступилъ уже въ Дарданеллы.

Впродолженіе всѣхъ этихъ переговоровъ, дѣлавшихся болѣе и болѣе безуспѣшными, и подъ конецъ представлявшихъ уже весьма слабую надежду на мирное окончаніе дѣла,

Австрія объявила строгій нейтралитетъ, и, основываясь на томъ, что военныя дѣйствія Россіи и Турціи невозможны въ обширномъ размѣрѣ до окончанія весны, полагала, что въ это время четыре державы будутъ стараться склонить воюющія государства къ миру. Послѣднее обстоятельство, конечно, было бы возможно, если бы Англія и Франція употребили для этого вліяніе, обнаруженное ими въ Константинополѣ и которое еще усилилось послѣдними событіями, и если бы они содѣйствовали неуспѣшнымъ стараніямъ Вѣнскаго Кабинета: благодаря великодушнымъ намѣреніямъ Императора Николая Павловича и любви Султана къ миру, — легко бы можно кончить дѣло полюбовно даже и тогда, когда обѣ воюющія стороны приступили къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Руководимая консервативными началами, Австрія считала первымъ долгомъ поддерживать европейскій миръ и возстановлять его, какъ скоро угрожало ему какое либо нарушеніе. Нельзя было предвидѣть даже дальнѣйшаго вмѣшательства Австріи въ войнѣ между Россіею и Портою, тѣмъ болѣе, что Вѣнскій кабинетъ не призналъ за нужное принимать какія нибудь дальнѣйшія военныя мѣры, и собирался немедленно привести въ исполненіе предполагаемое сокращеніе состава Императорской арміи.

Не станемъ здѣсь доказывать давности союза нашего съ Австріею, но укажемъ на 1848 годъ, когда державѣ этой угрожало Венгерское возстаніе. Австрійская Монархія не въ состояніи была своими средствами утушить внутренній пожаръ, грозившій страшнымъ опустошеніемъ и обратилась съ просьбой о помощи къ Россіи — старинной, вѣрной и испытанной своей союзницѣ. Появленіе Русскихъ войскъ подѣйствовало на Венгерцевъ, и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ сраженій, они преклонили оружіе передъ побѣдоносным нашимъ воинствомъ. Этотъ фактъ, какимъ бы толкамъ не подвергали его непріязненные намъ журналы, — служитъ достаточнымъ доказательствомъ политики Петербургскаго Кабинета, не заботившагося о расширеніи Россіи, во время столь удобное для завоеваній.

3-го октября турецкіе аванпосты начали стрѣлять по нашимъ передовымъ пикетамъ.

4-го числа Турки заняли островъ на Дунаѣ, подъ огнемъ Виддинской крѣпости, находящійся внѣ района расположенія нашихъ войскъ.

Ночью съ 10-го на 11-ое число, Турки подплыли къ казачьему пикету противъ Туртукая и послѣ залпа, коимъ убитъ одинъ казакъ, поспѣшно удалились.

11-го, по распоряженію Генералъ-Адъютанта Лидерса, отрядъ Дунайской гребной флотиліи изъ осьми канонирскихъ лодокъ, буксируемыхъ пароходами: *Прутъ* и *Ординарецъ*, подъ командою Капитана 2-го ранга Варпаховскаго, отправился отъ острова Чаталъ, близь Измаила, въ Галацъ, для охраненія нашихъ границъ по верховью Дуная.

Вмѣстѣ съ отрядомъ по лѣвому берегу Дуная, и на одной съ нимъ высотѣ, шелъ батальонъ пѣхоты, съ нѣсколькими полевыми орудіями, для поданія помощи пароходамъ, въ случаѣ если бы послѣдніе были непріятельскими выстрѣлами поставлены въ невозможность продолжать плаваніе подъ парами вверхъ по Дунаю.

Когда пароходы въ 8 часовъ утра стали подходить къ турецкимъ укрѣпленіямъ Исакчи (расположеннымъ противъ бывшей въ 1828 году переправы у Сатунова), съ этихъ укрѣпленій брошено нѣсколько бомбъ и, вслѣдъ за тѣмъ, сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ по передовому пароходу *Прутъ*.

Капитанъ Варпаховскій приказалъ отвѣчать изъ всѣхъ могущихъ дѣйствовать орудій, но вскорѣ храбрый этотъ офицеръ былъ убитъ ядромъ. Суда наши потерпѣли поврежденія, но продолжали идти впередъ, и, въ намѣреніи наказать Турокъ за непріязненныя дѣйствія, отрядъ сталъ стрѣлять картечью и ядрами по лагерю, расположенному по скату горы, ниже верхняго укрѣпленія, и бросать гранаты въ городъ Исакчи. Вскорѣ въ городѣ показался пожаръ, усилившійся до того, что къ концу дѣла большая часть города была объята пламенемъ. Лагерь почти истребленъ и войска изъ него разбѣжались.

Дѣйствіе нашей артиллеріи продолжалось почти до города Ренни, при чемъ сбиваемы были по пути турецкіе пикеты и кордоны. Отрядъ находился подъ непрерывнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей около полутора часа.

Уронъ нашъ былъ незначителенъ.

Порта рѣшилась начать съ нами непріязненныя дѣйствія одновременно какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Позабывъ блистательныя побѣды фельдмаршала князя Паскевича въ Азіятской Турціи, и въ теченіи послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, ни мало не способствуя къ усовершенствованію своей арміи, — Порта, собравъ кое-какіе регулярные полки и созвавъ дикія орды милиціи, рѣшилась угрожать нашему Закавказью, — но вмѣстѣ съ тѣмъ не позаботилась не только объ одеждѣ полунагихъ милиціонеровъ, — а даже не употребила ни малѣйшаго старанія о продовольствіи своихъ нестройныхъ полчищъ.

Былъ у насъ на берегу Чернаго моря постъ св. Николая, не считавшійся даже укрѣпленіемъ, но служившій складочнымъ мѣстомъ для провіанта, доставленнаго въ разное время. По случаю приближавшейся войны положено было перевезти оттуда провіантъ, что̀ и начали приводить въ исполненіе. Постъ этотъ прикрывали *двѣ* слабаго состава роты, часть милиціи и казаковъ и *два* полевыя орудія.

Въ темную полночь съ 15-го на 16-е октября, Турки атаковали многочисленными толпами постъ св. Николая, подступившими по берегу и подплывшими на баркасахъ съ моря. Слабое прикрытіе, бывъ застигнуто ночью превосходными силами, не могло ни устоять, ни пробиться въ поле. «Командиръ этой части», какъ сказано въ донесеніи Его Императорскому Величеству Князя Воронцова, «по свойственному Русскому офицеру самоотверженію, не хотѣлъ облегчить своего отступленія пожертвованіемъ порученныхъ ему двухъ орудій. Отрядъ погибъ съ честью.»

Небольшая часть нашихъ спаслась, пробивъ себѣ штыками дорогу (около 30-ти солдатъ и нѣсколько милиціонеровъ).

16-го, изъ Озургетъ выступилъ полковникъ Каргановъ съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ ротъ и одного взвода пѣхоты, сотни Гурійской милиціи и двухъ полевыхъ орудій, и, узнавъ на половинѣ дороги, что постъ, послѣ мужественной защиты, взятъ непріятелемъ, — ускорилъ движеніе.

Толпа Турокъ около 5,000 человѣкъ засѣли въ густомъ лѣсу за крѣпкими завалами, не доходя двухъ верстъ до поста, — и, вѣроятно, намѣреваясь пробраться дальше въ на-

ши предѣлы. Полковникъ Каргановъ, не смотря на превосходныя силы непріятеля, рѣшился атаковать его, и произвелъ эту атаку столь удачно, что многочисленный непріятель, выбитый изъ заваловъ, стремительно бросился въ постъ св. Николая, успѣвъ снять мостъ на болотистой рѣчкѣ *Скурдебѣ*, что помѣшало нашему дальнѣйшему преслѣдованію.

Между тѣмъ силы Турокъ увеличивались, и непріятель три раза принимался атаковать нашу позицію, но постоянно былъ отбиваемъ съ значительнымъ урономъ. Къ третьей атакѣ подоспѣла къ нашимъ на помощь Кутаисская Дворянская Дружина. Въ этомъ дѣлѣ, при незначительномъ уронѣ съ нашей стороны, Турки потеряли болѣе тысячи человѣкъ убитыми и ранеными.

Когда достигла вѣсть о взятіи поста св. Николая до Начальника 3-го Отдѣленія Черноморской береговой линіи, генералъ-маіора Миронова, — то онъ, посадивъ роту пѣхоты на пароходъ «Колхида», — отправился для осмотра этого мѣста. 20-го Октября, утромъ, пароходъ слишкомъ близко подойдя къ берегу у означеннаго поста, по несчастью, сталъ на мель, на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Турки тотчасъ же начали стрѣлять по немъ изъ орудій и ружей. «Колхида», стоя переднею частью къ непріятелю, на которой не было орудій, — лишена была возможности отвѣчать пушечными выстрѣлами. Пока прилаживали наши орудія подъ непріятельскимъ огнемъ, штуцерные наносили вредъ непріятелю. Между тѣмъ, усиленный огонь турецкихъ орудій, направленный преимущественно на мѣсто, гдѣ находилась машина — вредилъ намъ; онъ произвелъ было два раза пожаръ, но все кончалось благополучно, и машина осталась неповрежденною. Турки приготовлялись къ абордажу и приготовили уже кочермы, изъ которыхъ одна, нагруженная войскомъ, отвалила отъ берега, — но была разбита мѣткимъ выстрѣломъ изъ бомбическаго орудія.

Наконецъ, пароходу удалось сняться съ мели, и послѣ четырехъ часовой мужественной обороны, съ 120-ю пробоинами, «Колхида», отправилась въ Сухумъ-Кале, куда и прибыла на другой день благополучно.

Вслѣдствіе извѣстій съ европейскаго и азіатскаго театровъ войны, которая начата была Турками, былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ:

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Всенародно:

«Манифестомъ Нашимъ, даннымъ въ 14 день Іюня текущаго года, Мы объявили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинахъ, побудившихъ Насъ требовать отъ Порты Оттоманской твердаго обезпеченія на будущее время священныхъ правъ Церкви Православной.

«Мы также возвѣстили имъ, что всѣ старанія Наши склонить Порту мѣрами дружескаго убѣжденія къ чувству правоты и добросовѣстному исполненію трактатовъ, остались безполезными; почему и признано было Нами необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества. Но принявъ сію мѣру, Мы сохраняли еще надежду, что Порта, въ сознаніи своихъ заблужденій, рѣшится исполнить справедливыя Наши требованія.

«Ожиданія Наши не оправдались.

«Тщетно даже главныя европейскія державы старались своими увѣщеваніями поколебать закоснѣлое упорство Турецкаго Правительства. На миролюбивыя условія Европы, на Наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

«Россія вызвана на брань: ей остается, возложить упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ Православной Вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

«Мы твердо убѣждены, что Наши вѣрноподданные соединятъ съ Нами теплыя мольбы къ Всевышнему: да благословитъ Десница Его оружіе, подъятое Нами за святое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ Нашихъ благочестивыхъ предкахъ. *На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.*

«Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 20-й день Октября мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третіе, царствованія же Нашего въ двадцать осьмое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Николай».

Въ это же самое время Русскія войска совершили блистательный подвигъ при Ольтеницѣ.

20-го октября въ часъ пополудни, нѣсколько турецкихъ судовъ съ дессантомъ и пароходъ, имѣвшій на буксирѣ галіотъ о трехъ орудіяхъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, пытались спуститься отъ Рущука внизъ по Дунаю; но мѣткими выстрѣлами двухъ взводовъ нашей артиллеріи, принуждены были возвратиться къ правому берегу для исправленія поврежденій.

21-го, Турки изъ лагеря въ Туртукаѣ переправились на лѣвую сторону Дуная и заняли каменный карантинъ.

Князь Горчаковъ приказалъ Командиру 4-го Корпуса, генералу Данненбергу, атаковать непріятеля 23-го числа, съ восемью батальонами, шестью эскадронами, тремя сотнями Донскихъ казаковъ, двумя пѣшими батареями и двумя орудіями Донской конной артиллеріи.

Не смотря на укрѣпленную непріятельскую позицію, имѣвшую центромъ вооруженный орудіями карантинъ, по сторонамъ котораго проведены были ретраншаменты съ палисадированнымъ рвомъ; не смотря на то, что правый флангъ этой позиціи обстрѣливался трехъ-ярусными батареями съ возвышеннаго праваго берега Дуная, а лѣвый двумя батареями, возведенными на островѣ противъ устья Аржиса, генералъ Данненбергъ блистательнымъ образомъ вытѣснилъ Турокъ изъ карантина. Позиція эта находилась, однакожь, подъ самыми близкими выстрѣлами 40 орудій праваго берега; а потому войска наши остановились у селенія Ольтеницы.

Въ этомъ дѣлѣ пѣхота наша и артиллерія оказали чудеса храбрости: первая, слѣпо бросившаяся впередъ, подъ самымъ смертоносныйъ огнемъ, — вторая, хладнокровіемъ и мѣткостью своихъ выстрѣловъ.

Ночью съ 27-го на 28-е октября, командующій Русскими войсками, близь Журжи расположенными, получилъ извѣстіе, что Турками занятъ островъ Маканъ противъ этого города, и что ими приступлено къ работамъ для его укрѣпленія. Дерзкая попытка непріятеля не удалась.

Воспользовавшись густымъ туманомъ, генералъ Соймоновъ, на разсвѣтѣ 29-го октября, двинулъ къ берегу восемь тяжелыхъ орудій, подъ прикрытіемъ баталіона, и легкую батарею, подъ прикрытіемъ дивизіона гусаръ. Съ поднятіемъ тумана, батареи наши открыли огонь по острову; но при первыхъ выстрѣлахъ, Турки бѣжали въ лѣсъ, а турецкія батареи праваго берега и орудія турецкаго парохода, стоявшаго близъ острова, хотя и отвѣчали на наши выстрѣлы, — однако, не причинили ни малѣйшаго вреда нашей артиллеріи.

Въ испугѣ и безпорядкѣ непріятель спѣшилъ спастись на лодкахъ, привязанныхъ къ пароходу, и, покинувъ островъ Маканъ, удалился на правый берегъ.

Вскорѣ послѣ этого Турки взорвали ретраншаменты, построенные близъ Ольтеницкаго карантина и самое зданіе карантина; сожгли мостъ на Аржисѣ, и удалились на правый берегъ, при селеніи Ольтеницѣ.

Такъ заключили Турки октябрь мѣсяцъ, начавъ съ нами войну въ обѣихъ частяхъ свѣта, понеся какъ въ той, такъ и въ другой значительныя потери.

Дипломатическія усилія оказались безполезными, и миролюбивое окончаніе Восточнаго вопроса исчезло съ первыми выстрѣлами на Дунаѣ и на Азіатской границѣ. Теперь можно почти утвердительно сказать, что подобное окончаніе дѣла давно предвидѣли Кабинеты морскихъ державъ, которыя постоянными переговорами желали только выиграть время и приготовиться къ войнѣ, продолжаемой ими въ настоящее время съ такимъ ожесточеніемъ.

Здѣсь, конечно, сильнѣе дѣйствовала политика Тюльерійскаго Кабинета. Стоитъ только обратиться къ началу Восточнаго вопроса, и мы увидимъ, что Императоръ Французовъ давно уже началъ хлопотать о преобладаніи католической

церкви въ Іерусалимѣ, съ чѣмъ, безспорно, была связана и мысль о вліяніи на турецкое Правительство. Англія, не вдаваясь въ религіозное покровительство, схватилась за союзъ съ Франціею съ другой цѣлью: обезсилить опасную сосѣдку — Россію, и упрочить и распространить владычество своего торговаго флота.

Послѣдующія событія бросаютъ сильную тѣнь сомнѣнія на добросовѣстное участіе обѣихъ морскихъ державъ въ мирныхъ переговорахъ, и если съ одной стороны, уполномоченные ихъ хлопотали въ Вѣнѣ и Константинополѣ, то съ другой, вѣроятно, нашептывали Турецкимъ министрамъ совершенно иное.

При всемъ стремленіи туркофиловъ доказать прогрессъ Оттоманской Имперіи въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, они ничего не могутъ доказать. Турецкое Правительство, исповѣдуя ученіе Магомета, не можетъ вступить на стезю цивилизаціи, не сломавъ своихъ фанатическихъ постановленій, основанныхъ на коранѣ. Это очень просто. — Турція ни что иное, какъ чужеядное растеніе, питающееся соками дерева, на которомъ оно укоренилось, и уже до такой степени одряхлѣвшее, что близокъ часъ его естественнаго паденія.

Приписывать Турціи важную роль въ политическомъ равновѣсіи Европы могутъ только люди, имѣющіе въ этомъ особенную надобность, каждый разъ, когда ораторствуя о сохраненіи независимости Турціи, они стремятся къ какимъ нибудь скрытымъ цѣлямъ.

Въ то время когда на одномъ концѣ Европы изгоняли послѣднихъ мусульманъ, на другомъ дикая орда поклонниковъ Магомета, разоривъ прекраснѣйшую страну, внесла съ своими невѣжественными полчищами свою религію, во всемъ противоположную ученію Христа. О безсиліи магометанизма говорить нечего. Съ тѣхъ поръ какъ масса завоевателей покорила въ нѣсколько разъ большее населеніе и водрузила знамя полумѣсяца на порабощенной Византіи, — поклонники корана не сдѣлали ни шагу впередъ на пути просвѣщенія, и если мы видимъ у нихъ кое что перенятое отъ европейцевъ, то это походитъ на театральныя декораціи, а за декораціями гнѣздится тоже самое варварство и невѣжество, какія царствовали въ Турціи и до завоеванія Константинополя. Преобразованія, сдѣланныя Махмудомъ II, упрочили только

власть Султана, тронъ котораго обезпеченъ отъ своеволія янычаръ, но въ сущности турецкіе законы остались вѣрными своимъ началамъ, представляющимъ непреоборимую преграду развитію цивилизаціи вообще и народному благосостоянію Христіанскихъ подданныхъ Порты въ особенности. И подобное государство, этотъ вопіющій хотя и отживающій анахронизмъ, служитъ теперь предметомъ заботы и участья двухъ просвѣщенныхъ державъ, которыя недавно еше энергически воевали противъ него за независимость Грековъ!...

Ведя переговоры съ одной стороны, а съ другой приближая флоты къ Константинополю, — Франція и Англія умѣли, однакожъ, придать послѣднему обстоятельству тотъ смыслъ, что мѣра эта была будто бы необходима для поданія турецкому Правительству помощи, въ случаѣ если бы въ Константинополѣ могли бы возникнуть безпорядки. На подобномъ шаткомъ основаніи, морскія державы, вопреки всѣмъ постановленіямъ, рѣшились ввести флоты свои въ Дарданеллы.

Ноябрь начался пораженіемъ Турокъ нашими войсками на Азіатской границѣ. На Дунаѣ замѣчательныхъ дѣлъ непроисходило. Съ конца октября мѣсяца непріятель покушался прорваться въ наши Закавказскіе предѣлы со стороны Карса и Ардагана, — но кордонные казаки неустрашимо встрѣчали и отбивали многочисленныя партіи. Въ одной изъ подобныхъ стычекъ двѣ сотни линѣйцевъ прогнали у с. Баядуръ, двухтысячную толпу Куртинцевъ: Кавказскому воину не первый разъ — одному гнать десять азіатцевъ.

Желая предупредить попытки Турокъ и прогнать ихъ отъ этого пункта, Командующій Дѣйствующимъ Корпусомъ на турецкой границѣ князь Бебутовъ, отправилъ 2-го ноября изъ Александрополя въ Баядуру генералъ-маіора Князя Орбельяна, ввѣривъ ему отрядъ изъ семи батальоновъ пѣхоты, четырехъ эскадроновъ драгунъ, сотни Донцевъ, двухъ дружинъ Елисаветпольской конной милиціи и двадцати орудій.

Переправясь черезъ топкую рѣчку въ Караклисѣ и опрокинувъ Турецкій конный авангардъ, — князь Орбельянъ открылъ непріятельскую армію, прибывшую изъ Карса въ числѣ 30,000 человѣкъ, — которая выстроясь на крѣпкой позиціи, — выставила впереди фронта до сорока орудій.

На первыхъ порахъ, надѣясь на свою многочисленность, Турки пробовали атаковать нашъ отрядъ, — но не имѣли успѣха. Конница ихъ страшно пострадала отъ храбрыхъ драгунъ нашихъ. Между тѣмъ князь подоспѣлъ изъ Александрополя съ тремя батальонами пѣхоты и шестью эскадронами драгунъ при двѣнадцати орудіяхъ. Но уже было темно. Дѣло кончилось, — а ночью вся армія турецкая поспѣшно бѣжала за Арпачай.

Каждый день небольшіе отряды наши имѣли съ Турками стычки, изъ которыхъ одна подъ Ахцуромъ 1-го Ноября, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера замѣчательна по хладнокровію и распорядительности вождя — и по стремительной храбрости малочисленнаго отряда.

Съ 6-го на 7-е, вице-адмиралъ Серебряковъ, вышелъ изъ Редутъ-Кале съ небольшой эскадрой, и нанесъ бомбардированіемъ вредъ непріятелю, находившемуся въ постѣ св. Николая. 7-го встрѣтилъ, въ 40-ка миляхъ отъ Батума 5 Турецкихъ кочермъ, — взялъ одну изъ нихъ, — а остальныя выбросилъ на берегъ.

9-го ноября, фрегатъ Флора, подъ командою капитанъ-лейтенанта Скоробогатова, — встрѣтилъ на высотѣ укрѣпленія Пицунда въ 12 миляхъ отъ берега три турецкихъ парохода. Съ 2-хъ до 6-ти часовъ пополудни Флора выдерживала сильный огонь пароходовъ и нанося имъ вредъ, неоднократно заставляла ихъ удаляться на разстояніе внѣ выстрѣловъ. 10-го къ 9 часамъ утра три непріятельскіе парохода, не выдержавъ огня Русской артиллеріи — постыдно бѣжали отъ одного парусснаго фрегата.

12-го, генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ прибылъ въ Ахалцыхъ и послѣ рекогносцировки удостовѣрился, что непріятель занялъ неприступную позицію, укрѣпленную завалами и батареями, на пространствѣ отъ с. Абъ до Суплиса.

Сообразивъ положеніе города Ахалцыха и уѣзда, и узнавъ что непріятель сверхъ подошедшихъ подкрѣпленій ожидалъ еще новыхъ, князь Андрониковъ убѣдился, — что тотчасъ же должно было приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Отрядъ нашъ состоялъ изъ семи съ половиною батальоновъ пѣхоты, десяти сотень казаковъ, семнадцати сотень милиціи

и четырнадцати орудій. Турецкій же корпусъ былъ осьмнадцатитысячный.

14-го числа съ разсвѣтомъ князь Андрониковъ повелъ атаку на непріятеля и пальба изъ орудій и ружей продолжалась до полудня, съ равнымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, представляя Туркамъ ту выгоду, что они держались въ укрѣпленной и защищенной мѣстности и что къ нимъ на помощь подошелъ свѣжій отрядъ, — который впрочемъ былъ разбитъ и уничтоженъ казаками и милиціей.

Для рѣшительной побѣды оставалось одно средство — идти на приступъ, — что и было исполнено нашимъ отрядомъ: пѣхота подъ убійственнымъ картечнымъ и батальнымъ непріятельскимъ огнемъ, перешла черезъ рѣчку Посховъ-чай и мужественно бросилась въ атаку. Не смотря на упорное сопротивленіе, Турки не устояли и начали отступать, и въ ту же минуту стремительный натискъ нашихъ совершенно разстроилъ Турокъ, которые были поражены окончательно. «Съ закатомъ солнца», какъ доносилъ князь Андрониковъ Главнокомандующему: «прекратился бой, *по неимѣнію противниковъ*.

18 ноября, день покрывшій неувядаемыми лаврами Черноморскій флотъ нашъ, составитъ блестящую страницу въ отечественной исторіи.

Крейсируя у Анатолійскихъ береговъ, вице-адмиралъ Нахимовъ усмотрѣлъ на Синопскомъ рейдѣ Турецкую эскадру, подъ защитою шести береговыхъ батарей. Эскадра эта подъ командою турецкаго Адмирала Османа-Паши везла подкрѣпленіе и боевые припасы на малоазійскій берегъ.

18-го утромъ въ 9½ часовъ, вице-адмиралъ Нахимовъ приказалъ готовиться къ бою, — а въ полдень, корабли наши подъ всѣми парусами летѣли на рейдъ. Съ непріятельскихъ судовъ и съ береговыхъ батарей открытъ былъ сильный огонь, такъ что передовые корабли наши были буквально осыпаемы снарядами, но вѣрные своему долгу, хладнокровно исполняли маневры, предписанные опытнымъ вождемъ.

Въ четыре часа наступила рѣшительная битва, слѣдствіемъ которой было конечное истребленіе непріятельской эскадры, при чемъ необходимо упомянуть, что вице-адмиралъ Нахимовъ, приказалъ поражать разсчитаннымъ огнемъ

лишь непріятельскія суда и батареи, избѣгая наносить вредъ городу.

Изъ непріятельскихъ судовъ, спасся лишь одинъ пароходъ, обязанный этому быстротою, всѣ же прочія сожжены или взорваны, а береговыя батареи совершенно разрушены. Турецкій адмиралъ Османъ-Паша взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Севастополь.

Паша этотъ былъ раненъ, ограбленъ своимъ акипажемъ, и спасенъ нашею шлюбкою въ то время когда онъ, стоя по поясъ въ водѣ, съ переломленной ногою, держался за пушечный брюкъ.

Непріятель понесъ въ этомъ сраженіи огромную потерю въ людяхъ, тѣмъ болѣе, что суда его не спускали флага лишь отъ паническаго страха, — и вице-адмиралъ Нахимовъ приказалъ прекратить огонь, видя ихъ бѣдственное положеніе....

19-го ноября, князь Бебутовъ съ 8¼ батальонами пѣхоты, двумя ротами саперъ, однимъ драгунскимъ полкомъ, двумя козачьими, тремя сборными сотнями казаковъ, одной сотней милиціи и четырьмя батареями, двинулся къ с. Башъ-Кадыкъ-Ларъ, гдѣ остановился лагеремъ турецкій тридцати-шести тысячный корпусъ, отступившій отъ Баядура по направленію къ Карсу.

Войска наши застали турецкій корпусъ готовымъ къ бою, на высотахъ по сю сторону лагеря.

Не желая терять времени и подвергать людей артиллерійскому огню, князь Бебутовъ, тотчасъ же по открытіи выстрѣловъ изъ орудій, — приказалъ выбить непріятеля штыками изъ главной его позиціи.

Началось дѣло и послѣ страшной битвы, въ которой одному нашему солдату приходилось сражаться противъ нѣсколькихъ непріятелей, — Турки были разбиты на голову и бѣжали, оставивъ намъ 24 орудія и весь лагерь.

Въ этомъ дѣлѣ участвовало до 24,000 непріятельскихъ регулярныхъ войскъ, съ 12 тысячами Куртинцевъ при *сорока шести* орудіяхъ, между тѣмъ какъ у насъ было всего 7,000 пѣхоты, 2,800 кавалеріи съ казаками и 32 орудія.

Въ этомъ славномъ дѣлѣ, Русскія войска были проникнуты такимъ одушевленіемъ отъ генерала до солдата, что

исчисленіе отдѣльныхъ подвиговъ составило бы цѣлую книгу.

Слѣдствіемъ Башъ-Кадыкъ-Ларскаго пораженія было то, что милиція турецкая по большой части разбѣжалась, а Курды, воспользовавшись безпорядочнымъ отступленіемъ регулярныхъ войскъ, ограбили ихъ.

Затѣмъ въ остальныхъ числахъ ноября ничего замѣчательнаго непроисходило, какъ на Азіатской границѣ, такъ и на Дунаѣ.

Между тѣмъ побѣды, одерживаемыя Русскими произвели на Европу сильное впечатлѣніе. Несмотря на то, что туркофилы искажали факты и нерѣдко побѣду Русскихъ выставляли какъ пораженіе, — Синопскій бой взволновалъ умы заграничныхъ Кабинетовъ и журналистовъ. По этому случаю появились весьма энергическія статьи противъ насъ. Говорили, будто мы поступили неблагородно, истребивъ эскадру непріятельскаго флота; не предувѣдомивъ турецкаго адмирала о нападеніи. Но замѣчать, что подобныя нелѣпыя обвиненія не имѣли ни какой цѣны въ глазахъ благомыслящихъ людей, было бы безполезно, — тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ журналисты трубили, что эскадра Османа-Паши не только будетъ устрашать нашихъ крейсеровъ, но даже въ состояніи овладѣть Севастополемъ.

Россія имѣла полное право вступить въ бой съ непріятелемъ, гдѣ бы то ни было, не разсчитывая предварительно соразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими. Храбрый вице-адміралъ Нахимовъ, встрѣтивъ турецкій флотъ, истребилъ его и лишилъ непріятеля возможности наносить намъ вредъ, подвозомъ дессанта и разныхъ боевыхъ припасовъ.

Когда подъ Навариномъ соединенныя эскадры сожгли турецкій флотъ — никто не вооружался противъ этого дѣйствія, потому что Англія и Франція принимали дѣятельное участіе въ истребленіи турецкихъ кораблей, но когда Россія, встрѣтивъ непріятеля, дала ему сраженіе: въ Лондонѣ и Парижѣ протестуютъ противъ этого обыкновеннаго военнаго событія. Гдѣ же тутъ логика?...

Между тѣмъ ни Англія, ни Франція не объявляли намъ войны, хотя суда ихъ уже появлялись въ Черномъ морѣ и нѣкоторыя были свидѣтелями Синопскаго пораженія, а въ

рядахъ турецкихъ войскъ были французскіе и англійскіе офицеры.

Въ ноябрѣ Турки оставили лѣвый берегъ Дуная и держались еще только въ углу Малой Валахіи — въ Калафатѣ, но положеніе ихъ здѣсь было незавидно, потому что не бывъ обезпечены отъ холода и отъ недостатка провіанта, они терпѣли нужду и постоянно скрывались за укрѣпленіями.

Донскіе козаки наши не переставали тревожить непріятеля отъ Виддина до устья Дуная, переправляясь на лодкахъ небольшими отрядами на правый берегъ, снимая и тревожа непріятельскіе пóсты и пикеты.

1-го декабря генералъ Лидерсъ дѣлалъ обозрѣніе крѣпости Мачина, при чемъ произошла небольшая перестрѣлка.

Имѣя въ виду стѣснить турецкій отрядъ, находившійся въ Калафатѣ, князь Горчаковъ отрядилъ для этого генералъ-адъютанта графа Анрепъ-Эльмта, съ частью войскъ, расположенныхъ въ Краіовѣ.

Полковникъ Баумгартенъ съ батальонымъ пѣхоты, съ малымъ числомъ казаковъ и двумя орудіями занялъ с. Четати.

19-го утромъ Турецкая кавалерія въ числѣ 2,000 человѣкъ четыре раза пыталась атаковать нашъ отрядъ, но была постоянно отбиваема, и потерпѣвъ потерю, принуждена была отступить.

Съ 19-го же на 20-е, на Гурійской границѣ партія Турокъ напала на постъ въ Какутахъ, но была отбита.

Съ 20-го на 21-е другая непріятельская партія въ 1,000 человѣкъ пыталась овладѣть нашей позиціей у Чехотскаго моста, но и здѣсь была опрокинута и преслѣдуема храброю милиціею.

25-го декабря, турецкій корпусъ болѣе осьмнадцати тысячъ при двадцати четырехъ орудіяхъ направился на с. Четати, гдѣ стоялъ полковникъ Баумгартенъ съ отрядомъ, по распоряженію графа Анрепа, для стѣсненія круга дѣйствій Турокъ въ Калафатѣ.

Полковникъ Баумгартенъ мужественно встрѣтилъ непріятеля и вступилъ съ нимъ въ бой, имѣя всего три батальона пѣхоты, эскадронъ гусаръ, сотню Донцовъ и шесть орудій.

Завязалось кровопролитнѣйшее сраженіе, въ продолженіе котораго этотъ храбрый и распорядительный штабъ-офицеръ, не только выдержалъ и отбилъ стремительныя атаки Турокъ, но стройно перешелъ на прежнюю позицію, — узнавъ, что непріятель овладѣлъ ею.

На помощь Баумгартену подоспѣли другія войска отряда, и непріятель, смятый и разстроенный, бросился къ Калафату, устилая поле отступленія многочисленными трупами.

Блистательнымъ дѣломъ подъ Четати заключили мы 1853 годъ. Русскіе доказали, что войско наше, встрѣчая противниковъ въ нѣсколько разъ многочисленнѣйшихъ твердо и непоколебимо исполняетъ долгъ свой.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, въ краткой нашей лѣтописи представить личныхъ подвиговъ безпримѣрной храбрости и мужества, оказанныхъ въ войскѣ нашемъ, — но должны сказать съ гордостью, что подвиги Русскаго солдата могутъ служить примѣромъ для военныхъ людей всѣхъ націй, и что солдатъ нашъ въ пылу жестокаго боя, никогда не забываетъ ни милосердія къ побѣжденному, ни христіанскаго участья къ плѣнному непріятелю.

Новый (1854) годъ начался переправой Турокъ въ числѣ 2000, изъ Силистріи на лѣвый берегъ. Турки двинулись тремя колоннами на Каларашъ, но генералъ-маіоръ Богушевскій съ батальономъ пѣхоты подкрѣпилъ казачью цѣпь, и непріятель поспѣшно удалясь на суда, отплылъ вновь на правый берегъ.

3-го января у Рущука переправился батальонъ турецкой регулярной пѣхоты, но былъ прогнанъ тремя ротами нашими на правый берегъ. Подобныя же попытки непріятеля у Турно и Зимницы оказались безполезными.

22-го января до 5000 Турокъ подъ прикрытіемъ сильнаго огня изъ Рущука и канонирскихъ лодокъ, одновременно высадились у Журжи и Слободзеи (въ 7 верстахъ выше Журжи) и Молу де-Жосъ (въ 8 верстахъ отъ Слободзеи). Войска наши, подъ предводительствомъ опытныхъ командировъ, по-

шли въ атаку на непріятеля и вездѣ опрокинувъ его, окончательно прогнали на правый берегъ.

Упорное и кровопролитное дѣло происходило у Журжи, гдѣ непріятель былъ сильнѣе и гдѣ пѣхота наша оказала блистательную неустрашимость.

Съ 27-го на 28-ое генералъ-адъютантъ Шильдеръ, по порученію князя Горчакова, производилъ рекогносцировку острова Радомана (противъ Рущука) для принятія мѣръ къ уничтоженію непріятельской значительной флотиліи, сосредоточенной подъ покровительствомъ Рущукской артиллеріи — въ устьѣ рѣки Лома. Флотилія эта состояла изъ 1 парохода, 34 двухъ-мачтовыхъ и 22 одно-мачтовыхъ транспортныхъ судовъ, 5-ти канонирскихъ и до 70-ти малыхъ лодокъ.

Произведя рекогносцировку, генералъ-адъютантъ Шильдеръ тотчасъ же избралъ на островѣ Радоманѣ (противъ Рущука) мѣсто для двухъ батарей и приказалъ немедленно начать ихъ постройку, но въ то же время при помощи неровной мѣстности приказалъ полковнику Костандѣ подойти къ самому берегу съ 10 орудіями, подъ прикрытіемъ батальона пѣхоты и начать постоянную рикошетную пальбу по тѣсно-стоявшей непріятельской флотиліи. Только послѣ третьей очереди Турки стали отвѣчать намъ изъ 92 крѣпостныхъ орудій, но не причинили намъ вреда.

Ночью же наши батареи были окончены, а съ 28 на 29-е еще выстроены двѣ батареи на лѣвой оконечности Радомана и на островѣ Чароѣ. Тогда нашей артиллеріей открытъ огонь по непріятельской флотиліи.

А дипломатическіе переговоры все еще продолжались, хотя слабо, потому что все говорило о близкомъ объявленіи намъ войны Западными державами, тѣмъ болѣе, что важное обстоятельство — посылка англо-французскаго флота — совершенно измѣняла смыслъ Восточнаго вопроса. Императорское Русское Правительство, во избѣжаніе недоумѣній, могущихъ возникнуть отъ словесныхъ объясненій, или объясненій выраженныхъ уклончиво, требовало рѣшительныхъ письменныхъ объясненій. Кабинеты Тюльерійскій и Сенджемскій оттягивали положительный отвѣтъ. Наконецъ 22-го января, Императоръ Французовъ написалъ письмо къ Императору Николаю Павловичу, на которое Его Величество, въ Бозѣ почившій Государь, изволилъ отвѣчать тотчасъ же.

Такъ какъ эти важные документы яснѣе всего говорятъ о хитрой политикѣ Тюльерійскаго Кабинета и о прямодушіи Императора Всероссійскаго, то мы и не можемъ пропустить ихъ здѣсь.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ.

Тюльерійскій дворецъ. 22 января 1854 г.

«Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что я считаю долгомъ самъ объяснить прямо Вашему Величеству, какое участіе Франція принимала въ семъ дѣлѣ, и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы.

«Въ нотѣ представленной, по повелѣнію Вашего Величества, моему Кабинету и Кабинету Королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія принятая Морскими державами съ самого начала, одна разстроила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, еслибы занятіе Княжествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія. Между тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли, но лишь только мы получили сіе благопріятное извѣстіе, какъ Вашъ Министръ, объяснительными къ ней примѣчаніями, уничтожилъ весь успѣхъ примиренія, и воспрепятствовалъ намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи ея. Порта съ своей стороны предложила сдѣлать въ проэктѣ ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арміямъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны этому по-

ложенію нерѣшительному и унизительному. Она просила нашего пособія: дѣло ея казалось намъ справедливымъ. Эскадры Англійская и Французская получили приказаніе войти въ Босфоръ.

«Мы приняли въ отношеніи къ Турціи, положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ее къ войнѣ. Мы безпрерывно подавали Султану совѣты о миролюбіи и умѣренности, увѣренные, что этимъ средствомъ достигнемъ къ примиренію, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, отраженіемъ нападенія Турокъ, и съ умѣренностью, достойною Владыки великой Имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. И такъ дотолѣ мы были, могу сказать внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ Синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. И такъ ихъ флагъ не принималъ участья въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. На морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ, присутствіемъ своимъ, довольно громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее на морѣ. Синопское происшествіе было намъ и оскорбительно и неожиданно. Не важно то хотѣли ль Турки перевезти военные запасы на Русскіе берега, дѣло въ томъ, что Русскіе корабли напали на суда Турецкія на водахъ Турціи, стоявшія спокойно въ Турецкомъ портѣ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ сердцахъ тѣхъ, кто въ Англіи и Франціи живо чувствуетъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: «союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы.» По сему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное Море, и, если нужно, силою препятствовать повторенію подобнаго событія. Посему послано было С. Петербургскому Кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ, что если мы станемъ препятствовать

Туркамъ къ перенесенію войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ покровительствовать снабженіе ихъ войскъ на ихъ собственной землѣ. Что же касается до Русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному Морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе, ибо надлежало, на время войны сохранить залогъ, равносильный владѣніямъ Турецкимъ, занятымъ Русскими, и облегчить такимъ образомъ заключеніе войны, имѣя способъ къ обоюдному обмѣну.

«Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность событій. Ясно, что по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

«Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи Европы, содѣйствовали тому такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть Вы изберете изъ представленныхъ Вамъ на выборъ. Если Ваше Величество, подобно мнѣ, желаетъ миролюбиваго окончанія, этого можно достигнуть очень просто объявленіемъ, что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ, что всякое непріязненное дѣйствіе прекратится, и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по поводу войны.

«И такъ Русскія войска вышли бы изъ Княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго Моря. Такъ, какъ Ваше Величество предпочитаете переговоры прямо съ Турціею, Вы назначили бы посла для заключенія съ уполномоченнымъ Султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ Королевою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ возобновлено, и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда, по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція какъ и Англія, будетъ принуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно было бы теперь достигнуть разсудкомъ и справедливостью.

«Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая непріязненность: я питаю только тѣ чувства,

которыя Ваше Величество выражали въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 года: «Наши сношенія должны быть искренне-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни.» Эта программа достойна Государя, начертавшаго оную, и я не колеблясь скажу, что пребылъ ей вѣренъ.

«Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ, и съ сими чувствами пребываю,

Государь,
Вашего Величества
добрый другъ
Наполеонъ.»

ОТВѢТЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Санктпетербургъ, 28 января (9 февраля) 1854 г.

Государь!

«Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повтореніемъ словъ, сказанныхъ мною, которыми оканчивается Ваше письмо: «Наши сношенія должны быть искренне-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни.» Принимая сію программу, какъ я начерталъ оную самъ, Вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и совѣсть меня въ томъ удостовѣряетъ, что я отъ нее не уклонялся, ибо въ дѣлѣ раздѣляющемъ насъ, и возникшемъ не по моей винѣ, я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; дѣлалъ для поддержанія мира всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь моя, и требуя для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи, утвержденія правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною Русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ.

Еслибъ Порта была предоставлена самой себѣ, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ. Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ Турокъ, представивъ Правительству ихъ мои намѣренія и истинное значеніе моихъ требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

«Ваше Величество позволите мнѣ не распространяться въ подробности о обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ Вашемъ съ особенной Вашей точки зрѣнія. — Многія дѣйствія мои оцѣняются въ немъ, по моему мнѣнію, не во всей точности; многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, по крайней мѣрѣ какъ я ихъ понимаю, слишкомъ подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепискою между царственными лицами. Такимъ образомъ Ваше Величество полагаете занятіе Княжествъ виною быстраго превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но Вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма важный—появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ, да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ своего флота до Саламина. Это оскорбительное дѣйствіе возвѣщало, безспорно, малое ко мнѣ довѣріе. Оно должно было поощрить Турокъ, и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ, показавъ имъ, что Франція и Англія готовы поддерживать ихъ дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ Ваше Величество говорите, что объяснительныя заключенія моего Кабинета къ Вѣнской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность побуждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете вспомнить, что наши замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ, и я полагаю, что еслибъ сіи державы сколько нибудь дѣйствительно желали сохраненія мира, онѣ долженствовали бы съ самаго начала содѣйствовать этому простому и безусловному принятію ноты, и не допускать со стороны Порты измѣненія того, что мы приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ,

еслибъ которое либо изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, я сообщилъ въ Ольмюцѣ достаточное имъ поясненіе, которое Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастью, между тѣмъ временемъ часть Англо-Французскаго флота вошла уже въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности Англійскихъ и Французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года, надлежало, чтобъ Оттоманское Правительство объявило намъ войну. По моему мнѣнію, еслибъ Франція и Англія желали мира какъ я, имъ слѣдовало, во что бы то ни стало, препятствовать сему объявленію войны, или когда уже война была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничивалась тѣсными предѣлами, которыми я желалъ оградить ее на Дунаѣ, чтобъ я не былъ насильно выведенъ изъ чисто оборонительной системы, которую желалъ сохранить. Но съ той поры, какъ позволили Туркамъ напасть на Азіатскія наши границы, захватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцыхъ и опустошить Армянскую область; съ тѣхъ поръ, какъ дали Турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и снаряды, — можно ли было, по здравому смыслу, надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствія такихъ покушеній? Не слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому? За тѣмъ случилось Синопское дѣло. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не могло имъ показаться *непредвидѣннымъ*. Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде нежели вспыхнула война, доколѣ моя честь и мои выгоды это дозволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, положили стать вооруженнымъ пособникомъ моихъ враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе Васъ, предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну. Тогда всякъ бы узналъ, что ему дѣлать. Но справедливое ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершеніи онаго, когда сами ни коимъ образомъ его не преду-

преждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцѣ тѣхъ, кто во Франціи и Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячь орудій, о которыхъ Вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное Море не отозвались въ сердцѣ народа, котораго честь я защищать обязанъ? Я узналъ отъ Васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что покровительствуя снабженію припасами Турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились *препятствовать нашему плаванію по Черному Морю*, т. е. вѣроятно снабженью припасами собственныхъ нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли этимъ, какъ говорите, заключеніе мира, и дозволено ли мнѣ при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновеніе, о Вашихъ предложеніяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи Княжествъ, и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами Вы, Государь, еслибъ Вы были на моемъ мѣстѣ, неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной чести Вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ! И такъ дайте мнѣ право мыслить такъ какъ Вы. На что бы Ваше Величество ни рѣшились, я не отступлю ни предъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какъ была 1812-мъ.

«Если при всемъ томъ Ваше Величество съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести, возвратитесь чистосердечно къ нашей обоюдной программѣ, если Вы подадите мнѣ отъ сердца Вашу руку, какъ я Вамъ предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, Государь, *но только тогда*, намъ можно будетъ вступить въ сужденія, и, можетъ быть, согласиться. Пусть Вашъ флотъ ограничится удержаніемъ Турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на позорище войны. Охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ уполномоченнаго ко мнѣ для переговоровъ. Я приму его съ надлежащимъ

приличіемъ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры.

«Прошу Ваше Величество вѣрить искренности чувствъ, съ коими пребываю,

Государь,
Вашего Величества
добрый другъ
Николай.»

Февраль мѣсяцъ начался продолженіемъ артиллерійскаго огня нашего съ батарей, устроенныхъ на островѣ Радоманѣ и Чароѣ, которымъ по 3 февраля уничтожена большая часть непріятельской флотиліи.

На Азіатской границѣ, послѣ уроковъ подъ Ахалцыхомъ и Башкадыкларомъ, Турки не рѣшались уже не только нападать на отряды наши, но боялись даже приближаться къ мѣстамъ занимаемымъ Русской арміей.

10-го февраля состоялся Высочайшій Манифестъ, который приведемъ въ подлинникѣ.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Всенародно:

«Мы уже возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинѣ несогласій Нашихъ съ Отоманскою Портою.

«Съ тѣхъ поръ, не взирая на открытіе военныхъ дѣйствій, Мы не переставали искренно желать какъ и по нынѣ желаемъ, прекращенія кровопролитія. Мы питали даже надежду, что размышленіе и время убѣдятъ Турецкое Правительство въ его заблужденіи, порожденномъ коварными наущеніями, въ коихъ Наши справедливыя, на трактатахъ основанныя

требованія, представляемы были какъ посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладаніе. Но тщетны были доселѣ Наши ожиданія. Англійское и Французское Правительства вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ къ упорству. Наконецъ обѣ Западныя Державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное Море, провозгласивъ намѣреніе защищать Турокъ и препятствовать Нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ Нашихъ.

«Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными Государствами образа дѣйствія, Мы отозвали Наши посольства изъ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими державами.

«И такъ противъ Россіи, сражающейся за Православіе, рядомъ съ врагами Христіанства, являются Англія и Франція!

«Но Россія не измѣнитъ своему призванію; и если на предѣлы ея нападутъ враги, то мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостью, завѣщанною намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ Русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года. Да поможетъ Намъ Всевышній доказать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ Вѣру Христову, единымъ сердцемъ вся Россія воззоветъ:

«Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»

«Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 9-й день Февраля мѣсяца въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ двадцать девятое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Николай.»

15 и 16 генералъ-лейтенантъ Хрулевъ сжегъ у Систова и Никополя 9 Турецкихъ большихъ судовъ, значительное количество малыхъ, 10 катеровъ и мостъ, служившій для пристани.

Истребленіе этой флотиліи было произведено батареями, выстроенными противъ означенныхъ пунктовъ.

19-го Турки встревожились въ Калафатѣ, ожидая значительнаго нашего нападенія.

Имѣя въ виду поддержать эту тревогу, — отправленъ былъ 20 въ 9 часовъ вечера къ Калафату дивизьонъ гусаръ съ малымъ числомъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ. Оттѣснивъ Турецкую цѣпь къ самому укрѣпленію, — наши зажгли вокругъ Калафата костры, что привело Турокъ въ большее смятеніе.

Между тѣмъ противъ Силистріи у города Калараша князь Горчаковъ приказалъ устроить батареи, подобныя тѣмъ, которыя были устроены генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ противъ Рущука, и дѣйствовать съ нихъ по непріятельской флотиліи. 19 батареи были окончены, но ихъ не успѣли еще вооружить, какъ отрядъ Турокъ въ числѣ 6,000 человѣкъ — 20 на разсвѣтѣ, переправился на лѣвый берегъ Дуная, и оттѣснилъ наши казачьи пикеты.

При первомъ извѣстіи о переправѣ Турокъ, весь отрядъ нашъ сосредоточился у мѣста высадки непріятеля и построился въ боевой порядокъ. Послѣ кратковременнаго отдыха войска наши атаковали непріятеля и не смотря на огонь, открытый съ Силистрійскихъ укрѣпленій, разбивъ и прогнавъ Турокъ, потеряли весьма мало убитыми и ранеными.

Сраженіемъ при Каларашѣ окончились военныя дѣйствія въ февралѣ, и послѣ тщетнаго ожиданія благополучнаго исхода дипломатическихъ переговоровъ, пора намъ было изъ оборонительной войны перейти въ наступательную.

Съ началомъ марта мѣсяца, въ которомъ на югѣ начинается весна, войска наши совершили два замѣчательные подвига: снятіе гарнизоновъ съ укрѣпленій Восточнаго берега и переправу черезъ Дунай.

Овладѣвъ въ послѣднюю Турецкую войну Восточнымъ берегомъ Чернаго моря, Правительство наше тотчасъ же обратило особенное вниманіе на пресѣченіе и уничтоженіе торговли женщинами и дѣтьми, которую издревле производили кавказскіе горцы съ турками.

Для этой цѣли на протяженіи этого берега устроены были посты между Геленджикомъ и Гаграми, съ учрежденіемъ постояннаго крейсерства на особаго устройства лодкахъ, порученнаго храбрымъ азовскимъ казакамъ.

Имѣя въ виду перемѣну обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ пôсты наши не имѣющіе сухопутнаго сообщенія, не могли уже исполнять своей обязанности, Правительство наше поручило князю Меншикову упразднить эти пôсты и свезти съ нихъ гарнизонъ.

Съ 3 по 5 марта семь нашихъ пароходовъ, имѣя на буксирѣ транспортные суда, подъ командою вице-адмирала Серебрякова успѣшно исполнили это порученіе, при безуспѣшныхъ атакахъ горцевъ. Во время переѣзда транспортъ нашъ Бзыбь былъ остановленъ двумя пароходами англійскимъ и французскимъ, которые предложивъ нѣсколько вопросовъ командиру транспорта, удалились.

Пôсты были уничтожены и гарнизоны сняты, въ такое время года, какъ говоритъ очевидецъ В. Давыдовъ (Морской Сборникъ 1854, № 5), «когда моряки, считающіе себя лучшими въ мірѣ, прокрейсеровавъ около двухъ недѣль, скрылись при громкихъ протестахъ своихъ посланниковъ, въ Босфоръ, не находя возможнымъ не только плаваніе въ этомъ *негостепріимномъ* морѣ, но и якорныя стоянки въ турецкихъ портахъ.»

Переправа черезъ Дунай подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова началась 11 марта. Опытный генералъ этотъ узналъ, что противъ Браилова около двадцати тысячь турокъ занимаютъ укрѣпленную позицію, и могли бы значительно повредить намъ при дальнѣйшемъ наступленіи для овладѣнія Мачиномъ, предпочелъ дѣйствовать на эту крѣпость переправою войскъ съ двухъ сторонъ отъ Галаца и Браилова. Выгодная диспозиція эта, хотя и представляла нѣкоторыя неудобства, тѣмъ болѣе, что заготовленъ былъ одинъ только мостъ въ Галацѣ, — но распорядительность генералъ-адъютанта Шильдера нашла возможность, при помощи мѣстныхъ средствъ и понтоновъ устроить два моста: одинъ въ Галацѣ, другой въ Браиловѣ. Такимъ образомъ вниманіе непріятеля было развлечено.

Одновременно съ этою переправою, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ переправился у Измаила.

Хотя Турки и защищали какъ переправы, такъ и свои крѣпости, но побѣдоносныя Русскія войска подъ непріятельскимъ огнемъ поспѣшно переправлялись черезъ Дунай, и послѣ боя овладѣвали непріятельскими редутами и крѣпостями.

На всѣхъ пунктахъ Турки были разбиты и прогнаны, а Мачинъ, Тульча и Исакчи были заняты нами, и хотя не обошлось безъ потерь, въ особенности въ отрядѣ генерала Ушакова, однако въ такое короткое время, переправить армію, при сопротивленіи непріятеля и въ тоже время завладѣть крѣпостями — невозможно безъ потери, которая, къ удивленію, была даже весьма незначительна.

14 марта Турки, оставшіеся на лѣвомъ берегу Дуная, выслали изъ Калафата всю свою кавалерію для нечаяннаго нападенія на небольшой отрядъ нашъ; но командиръ этого отряда генералъ-майоръ Гастферъ опрокинулъ ее и съ помощью нѣсколькихъ сотень казаковъ и дивизіона гусаръ, подкрѣпившихъ его, разбилъ и прогналъ Турокъ.

Войска наши заняли укрѣпленія на правомъ берегу, а 19 марта въ Мачинѣ совершилось небывалое событіе: на мачинскую православную церковь торжественно взнесенъ былъ крестъ, что не дозволялось во время турецкаго владычества и Болгарамъ строго запрещалось не только звонить въ колокола, но даже имѣть ихъ. Русское посольство тотчасъ озаботилось о доставленіи всего необходимаго, и колоколъ изъ Браилова былъ привезенъ въ Мачинъ еще 15 марта. Мало этого, генералъ Лидерсъ отнесся въ Одессу къ генералъ-адъютанту барону (нынѣ графу) Остенъ-Сакену о закупкѣ для болгарскихъ церквей десяти колоколовъ. Но едва извѣстіе это достигло въ Одесcу, какъ одесскія церкви и нѣкоторые граждане пожертвовали для угнетенныхъ единовѣрцевъ 25 колоколовъ и нѣсколько церковныхъ принадлежностей.

Добрые Болгары, постоянно уничижаемые Турками, не имѣвшіе даже права отправлять богослуженія по обрядамъ православной церкви, вздохнули свободнѣе съ тѣхъ поръ, какъ русскія знамена показались на правомъ берегу Дуная. Только съ приходомъ нашей арміи угнетенное Портою народонаселеніе начало понимать человѣческое достоинство, и свою собственность считать неотъемлемою.

27 марта англійскій пароходъ «Фюри» подошелъ къ Одессѣ. Два холостые выстрѣла были сдѣланы изъ береговыхъ орудій, и фрегатъ остановился, но не бросивъ якоря, выкинулъ англійскій флагъ и спустилъ шлюпку подъ парламентерскимъ флагомъ, которая подошла къ берегу съ вопросомъ: «находится ли еще англійскій консулъ въ Одессѣ».

Получивъ отрицательный отвѣтъ, шлюбка поплыла назадъ къ пароходу и когда уже была далеко внѣ пушечнаго выстрѣла, «Фюри» двинулся къ Одессѣ и подошелъ къ молу. Командиръ батареи на молѣ, твердо помня приказаніе: не допускать непріятельскихъ судовъ на пушечный выстрѣлъ — послалъ ядро не въ парламентерскую шлюбку, но въ пароходъ, которому прежде еще дано было предостерженіе сигналомъ— остановиться. Послѣ этого непріятельскій пароходъ поспѣшно удалился.

Мы нарочно изложили подробно небольшое это происшествіе для того, что впослѣдствіи увидимъ, какъ простому и обыкновенному факту союзники успѣли дать превратный смыслъ для того, чтобы имѣть случай напасть на торговый городъ.

30 на правомъ берегу Дуная разъѣзды наши имѣли стычки съ непріятелемъ.

Того же числа, близь города Кистенджи, мы встрѣтились въ первый разъ съ англо-французами: казачій отрядъ наѣхалъ на ихъ пикетъ, выставленный отъ стоявшихъ на рейдѣ пароходовъ. Съ приближеніемъ нашего разъѣзда, пикетъ сдѣлавъ залпъ по казакамъ, поспѣшилъ къ своему резерву и отплылъ къ пароходамъ.

2 апрѣля, малый отрядъ нашъ разбилъ у Черноводъ партію турецкой кавалеріи.

2-же апрѣля три непріятельскихъ парохода — два англійскихъ и одинъ французскій — подходили къ Одессѣ съ вопросомъ: зачѣмъ стрѣляли *по парламентерской шлюпкѣ?* Неудовольствовавшись словеснымъ объясненіемъ, они требовали, чтобы объяснили имъ письменно, и генералъ-адъютантъ баронъ (графъ) Остенъ-Сакенъ препроводилъ объясненіе письменное.

5 апрѣля на лѣвомъ берегу Дуная генералъ-лейтенантъ Липранди производилъ съ кавалеріею усиленную рекогносцировку къ Калафату.

Непріятель, занимавшій селеніе Чепургени, вытѣсненный нашими, отступилъ къ болотамъ Дуная, гдѣ большая часть его было потоплена и изрублена. Той же участи подвергся и секурсъ, посланный турками изъ Калафата.

8 апрѣля англо-французская эскадра изъ 26 кораблей стала на якорѣ предъ Одессою. Союзные адмиралы нашли отвѣтъ генерала Сакена (см. 2 апрѣля) неудовлетворитель-

нымъ и послали письмо губернатору Одессы съ требованіемъ выдать всѣ англійскія, французскія и русскія суда. Въ противномъ случаѣ обѣщали мстить за оскорбленіе, будто бы нанесенное англійскому флагу. Мы уже видѣли, въ чемъ заключалось это мнимое оскорбленіе.

Письмо это, какъ водится, осталось безъ отвѣта.

Между тѣмъ 10 апрѣля, изъ батарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная противъ Силистріи, открытъ огонь по турецкой флотиліи, и успѣшными выстрѣлами потоплены двѣ лодки, а одна принуждена лечь на бокъ.

Но 10 апрѣля составляетъ прекрасную и краснорѣчивую страницу въ лѣтописи нынѣшнихъ событій и вмѣстѣ доказываетъ помощь Десницы Всевышняго правому дѣлу. День этотъ приходился въ Страстную субботу. Въ шесть съ половиною часовъ утра девять непріятельскихъ пароходовъ, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, держась внѣ выстрѣловъ батарей нашихъ, устроенныхъ направо, атаковали ихъ, стрѣляли по временамъ и въ городъ, но подъ конецъ весь огонь свой сосредоточили на лѣвой или шестой батареѣ, возведенной на оконечности практическаго мола и состоявшей изъ четырехъ 24 фунтовыхъ пушекъ. Батарея эта подъ начальствомъ прапорщика Щеголева, подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, отстрѣливалась сперва четырьмя, а послѣ двумя пушками въ продолженіи шести часовъ, и потомъ выдерживала огонь и сражалась болѣе чѣмъ противу 350 орудій! Наконецъ батарея эта замолчала тогда, когда примыкающія къ ея тылу въ гавани суда и мерлоны батареи объяты были пламенемъ. Щеголевъ въ порядкѣ вывелъ изъ батареи прислугу, которая послѣ безпримѣрнаго подвига своего начальника, понесла незначительную потерю.

Три подбитые непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ.

Одинъ непріятельскій желѣзный пароходъ, подходилъ къ предмѣстью Пересыпи, съ гребными лодками, съ которыхъ непріятель конгревовыми ракетами зажигалъ суда въ практической гавани и дома на упомянутомъ предмѣстьи. Союзники пытались сдѣлать высадку, но были отбиты и обращены въ бѣгство.

Непріятельскіе корабли нѣсколько разъ подходили также къ дачѣ генерала Лидерса, но были встрѣчаемы огнемъ изъ

правыхъ батарей, и размѣнявшись выстрѣлами, снова возвращались къ эскадрѣ.

Бой кончился въ седьмомъ часу вечера.

11 въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, непріятель не предпринималъ ничего противъ города, а 14 соединенный флотъ отплылъ въ море.

Въ продолженіе бомбардированія непріятель, объявившій, что не будетъ причинять вреда частнымъ людямъ, бросилъ около 800 бомбъ въ мирный торговый городъ, въ которомъ даже нѣтъ крѣпости, а устроены были наскоро шесть батарей съ четырьмя орудіями каждая. Городскія зданія немного потерпѣли отъ этого, но здѣсь нельзя не замѣтить, что беспримѣрная оборона Одессы, заключавшаяся въ послѣдствіи въ одной батареѣ храбраго Щеголева, можетъ быть отнесена только къ помощи Всевышняго, потому что бой двухъ орудій противъ 350-ти, — случай, которому подобнаго не представляетъ военная исторія.

11 же числа послѣдовалъ

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Всенародно:

«Съ самаго начала несогласій Нашихъ съ Турецкимъ Правительствомъ, Мы торжественно возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ Насъ возстановить нарушенныя права Христіанъ, подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія, сверхъ того, которое по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи.

«Тогда же встрѣтили Мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство Французскаго и Англійскаго Пра-

вительствъ, стремившихся превратнымъ толкованіемъ намѣреній Нашихъ ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе Наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль — обезсилить Россію, отторгнуть у нее часть ея областей и низвести Отечество Наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

«Православной ли Россіи опасаться ихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ Священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? — Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за Вѣру Христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

«Да познаетъ же все Христіанство, что какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ Нимъ вся Русская семья — вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Іисусу Христу, Православный Русскій народъ.

«За Вѣру и Христіанство подвизаемся: съ нами Богъ, никто же на ны!

«Данъ въ Санктпетербургѣ въ 11 день Апрѣля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертое, царствованія же Нашего въ двадцать девятое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Николай.»

13 на Закавказской границѣ, Гурійская милиція въ числѣ 80 человѣкъ разбила непріятельскую партію въ 500 человѣкъ, отправлявшуюся изъ Николаевска для грабежа въ наши предѣлы.

16 апрѣля изъ Никополя переправились на лѣвый берегъ Дуная около 3,000 Турокъ, которые были смяты и разбиты, суда же, на которыхъ они уходили частью потоплены, частью повреждены, а одно вытащено съ убитыми, ранеными и плѣнными.

19 Турки въ числѣ 15,000 человѣкъ вышли изъ Калафата и расположились лагеремъ при селеніи Быйлешти.

Передовые ихъ кавалерійскіе отряды были сбиты и прогнаны храбрыми донскими казаками.

Того же числа, на правомъ берегу Дуная главныя силы отряда генералъ-адъютанта Лидерса расположились на позиціи при Черноводахъ.

Разъѣзды наши открыли часть турецкой кавалеріи, которая и отступила частью къ Силистріи, частью къ Базарджику.

30, утромъ въ шести верстахъ отъ Одессы, близь дачи Картаци, сѣлъ на мель англійскій пароходъ «Тигръ», шедшій изъ Севастополя.

Два наши орудія мѣткими выстрѣлами сдѣлали въ пароходѣ пробоины и принудили экипажъ къ сдачѣ. Непріятельскіе снаряды ложились далеко за нашу батарею. Командиръ «Тигра» былъ тяжело раненъ, и старшій лейтенантъ пріѣхалъ съ объявленіемъ экипажа военно-плѣннымъ (*).

Во время перевозки экипажа на берегъ подоспѣла изъ Одессы наша артиллерія, съ достаточнымъ прикрытіемъ, что было очень кстати, потому что на помощь «Тигру» спѣшили два непріятельскіе парохода, которые, подойдя на ближній выстрѣлъ, открыли огонь. Но двѣнадцать орудій нашихъ, такъ мѣтко дѣйствовали, что поврежденные непріятельскіе пароходы должны были отступить и остановиться внѣ выстрѣловъ.

Невозможно было снять съ мели «Тигра» въ присутствіи непріятельскихъ пароходовъ, тѣмъ болѣе, что могли прибыть новыя англо-французскія суда, а потому по распоряженію генералъ-адъютанта барона (графа) Сакена, «Тигръ» былъ зажженъ выстрѣлами.

Взято нами въ плѣнъ:

Капитанъ	1
офицеровъ	24
нижнихъ чиновъ	201.

30 же числа войска наши, находившіяся на правой сторонѣ Дуная, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса, по приказанію фельдмаршала, начали наступленіе къ Силистріи, между тѣмъ, какъ отрядъ, предназначенный къ переправѣ на непріятельскій берегъ, собрался у Калараша, гдѣ приготовлены были всѣ средства къ поспѣшной переправѣ.

(*) См. Смѣсь этого же нумера, статья: «Плѣнные англичане въ Россіи».

Такимъ образомъ, 55 батальоновъ пѣхоты, 32 эскадрона, 11 сотень казаковъ и 192 орудія приближались къ Силистріи. Близь этой крѣпости, съ первыхъ чиселъ апрѣля, предварительно устроены были батареи, на островахъ, занятыхъ нашими, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Между тѣмъ англо-французскій флотъ прошелъ въ Балтійское море и появился въ Финскомъ заливѣ.

Итакъ, мы должны были защищаться уже не только отъ Турокъ, но и отъ Англичанъ и Французовъ, которые изъ примирителей сдѣлались вдругъ злѣйшими нашими врагами.

Безславное бомбардированіе торговаго города, въ которомъ жила большая часть иностранныхъ негоціантовъ, подало поводъ французскимъ и англійскимъ газетамъ, сочинить небывалый подвигъ своимъ флотамъ, будто бы уничтожившимъ русскія военныя суда (которыхъ не было въ Одессѣ) и огромные военные запасы.

Отступленіе свое отъ Одессы англо-французы приписываютъ не мужественному отпору, но своему человѣколюбію, запрещавшему жечь и уничтожать частную собственность.

Предѣлы краткой лѣтописи нашей не дозволяютъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ, да это было бы и излишнимъ, потому что всѣмъ очень хорошо извѣстны донесенія генералъ-адъютанта барона (нынѣ графа) Остенъ-Сакена о бомбардированіи Одессы.

Но не прошло и мѣсяца отъ этого недобросовѣстнаго событія, какъ Англичане и въ Балтійскомъ морѣ начали совершать не менѣе славные подвиги....

Въ первыхъ числахъ мая, войска наши слѣдовавшія къ Силистріи, не встрѣчали сопротивленія со стороны Турокъ, и только боковые разъѣзды наши встрѣчаемы были небольшими непріятельскими отрядами, которые послѣ кратковременной перестрѣлки обращались въ бѣгство.

Силистрія, считающаяся одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей на Дунаѣ, была въ послѣднее время значительно укрѣплена при помощи европейскихъ офицеровъ. На высотахъ господствующихъ надъ крѣпостью и огибающихъ ее полукругомъ, Турки выстроили нѣсколько редутовъ и фортовъ, изъ которыхъ главный фортъ Абдулъ-Меджидъ возведенъ въ срединѣ этого полукружія, на одной изъ высшихъ точекъ мѣстности.

4 числа съ приближеніемъ нашихъ войскъ, Турки сняли мостъ, находившійся между передовыми укрѣпленіями и оставили береговыя батареи. Въ часъ пополудни генералъ Лидерсъ расположился въ виду Силистріи....

Этого же числа въ Балтійскомъ морѣ винтовой фрегатъ и корветъ (англійскіе) пришли на Либавскій рейдъ и потребовали выдачи всѣхъ купеческихъ судовъ, въ противномъ случаѣ угрожали бомбардированіемъ.

Не имѣя никакихъ средствъ къ оборонѣ, Либава должна была покориться силѣ, и Англичане увели на буксирѣ 8 купеческихъ судовъ....

5 утромъ, турецкій отрядъ выходилъ къ нашему лагерю, но былъ встрѣченъ нашими, и, не принявъ боя, отступилъ къ укрѣпленіямъ.

5-го, 6 и 7-го успѣшно продолжались наши работы противъ восточной стороны крѣпости Силистріи, при чемъ происходила незначительная перестрѣлка.

7-го англо-французская эскадра подходила къ Редутъ-Кале и требовала сдачи нашихъ войскъ военно-плѣнными. Требованіе это оставлено безъ отвѣта, и въ то время, какъ союзники начали бомбардировать ничтожныя строенія Редутъ-Кале, которыя и безъ того, по распоряженію Князя Андроникова, преданы были пламени, отрядъ нашъ спокойно выходилъ на соединеніе съ дѣйствующими войсками, находившимися внутри страны.

7-го же начались непріязненныя дѣйствія и въ Балтійскомъ морѣ. Два непріятельскіе винтовые фрегата и одинъ пароходъ подошли къ проливу Вестандъ у г. Экнеса и открыли огонь по батареѣ возведенной у означеннаго пролива.

Генералъ-лейтенантъ Рамзай, командовавшій Абоскимъ и Піосскимъ отрядами — уже зналъ заранѣе о приближеніи непріятеля и принялъ заблаговременно надлежащія мѣры. Стрѣлки наши были разсыпаны по берегу и наносили чувствительный вредъ атакующимъ.

Усиливъ батарею двумя вновь прибывшими орудіями и придвинувъ на мѣсто дѣйствія батальонъ пѣхоты, генералъ-лейтенантъ Рамзай мужественно отразилъ враговъ.

8-го Англичане начали наступленіе съ большимъ ожесточеніемъ, но по случаю храбраго отпора и урона, не могли

подойти къ г. Экнесу ближе полуторы версты и принуждены были удалиться.

Того же числа непріятельская эскадра изъ семнадцати винтовыхъ кораблей стала на якорь предъ Гангеудомъ.

9-го, главнокомандующій, для отвлеченія непріятеля отъ осадныхъ нашихъ работъ подъ Силистріею, приказалъ произвести усиленную рекогносцировку, что и было очень удачно исполнено княземъ Горчаковымъ.

Того же числа въ Балтійскомъ морѣ, англійскій пароходъ атаковалъ близь Ревеля, четыре крестьянскія судна и два изъ нихъ взялъ, — захвативъ лишь двухъ человѣкъ, потому что остальной экипажъ спасся на ближайшій островъ. Найдя на лодкахъ св. иконы, Англичане разрубили ихъ и побросали въ море.

10-го непріятельскій флотъ, усилившійся, прибытіемъ французской эскадры, — до 26-ти судовъ, напалъ на передовыя Гангеудскія укрѣпленія. Но гарнизонъ нашъ оборонялся мужественно, — и непріятель послѣ пяти часоваго боя, принужденъ былъ отступить съ урономъ.

Съ 11-го по 16-е мая осадныя наши работы подъ Силистріею продолжались весьма успѣшно, и хотя непріятель пытался нападать на траншеи, дѣлая вылазки, однако же это ему дорого обходилось.

Ночью съ 16-го на 17-е Турки сдѣлали вылазку на лѣвый флангъ нашихъ работъ, но были блистательно отбиты. Несмотря на это, непріятель возобновилъ нападеніе на правый флангъ.

Заключая изъ этого, что Турки оставили слабое прикрытіе въ укрѣпленіи, находившемся противъ лѣваго фланга нашихъ работъ, командующій войсками въ траншеяхъ, генералъ-лейтенантъ Сельванъ, рѣшился овладѣть этимъ фортомъ, пользуясь благопріятнымъ, по его мнѣнію, случаемъ безъ всякаго на то приказанія.

Генералъ Сельванъ двинулъ на приступъ нѣсколько батальоновъ, приказавъ генералъ-маіору князю Урусову слѣдовать за нимъ для подкрѣпленія. Колонны наши, какъ подъ начальствомъ генерала Сельвана, такъ и одинъ батальонъ подкрѣпленія подъ предводительствомъ генералъ-маіора князя Урусова оказали чудеса храбрости, взошли частью даже на валъ, а нѣсколько человѣкъ съ княземъ Урусовымъ проникли въ фортъ

чрезъ амбразуру; но по крутости вала, войска не могли идти далѣе и должны были возвратиться въ траншеи.

Приступъ этотъ, произведенный въ темную ночь, безъ всякаго предварительнаго распоряженія, не могъ имѣть успѣха и повелъ къ чувствительной потерѣ.

Вылазка противъ праваго нашего фланга, была совершенно отбита.

16-го же числа, на лѣвомъ берегу Дуная, одинъ легкій отрядъ изъ 6-ти эскадроновъ гусаръ и сотни казаковъ при 4 орудіяхъ, былъ посланъ генералъ-лейтенантомъ Липранди для развѣдыванія непріятеля. Командиръ отряда полковникъ Карамзинъ замѣтя за рѣчкой Ольтицей непріятеля, сила котораго ему была неизвѣстна, увлекся отвагой и, вопреки данной ему инструкціи, перейдя рѣчку бросился на Турокъ. Непріятель, въ числѣ 3000 человѣкъ, допустивъ отряду нашему неосторожно перейти болотистую рѣчку, обошелъ нашихъ густыми толпами съ фланговъ и ударилъ съ фронта. Въ этомъ упорномъ и неровномъ боѣ, мы понесли потерю: начальникъ и два офицера были убиты, шестнадцать офицеровъ ранены, а нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя сто четыре. Несмотря на это, полковникъ Дика собралъ эскадроны позади оврага и, шагъ за шагомъ удерживая натиски непріятеля, вывелъ отрядъ изъ невыгодной позиціи.

21-го вечеромъ четыре англійскихъ парохода подошли къ Улеаборгу, а около полуночи высадили на берегъ до 800 человѣкъ. Удостовѣрившись что въ городѣ не было войска, они сожгли 7-мь купеческихъ судовъ, строившихся на верфи, нѣсколько другихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ, складъ дегтя, строеваго лѣса и досокъ; послѣ этихъ подвиговъ, совершенныхъ безнаказанно, въ присутствіи однихъ мирныхъ жителей, — Англичане удалились.

26-го въ 3 часа по полудни, въ виду г. Гамле-Карлебю, показались два англійскіе парохода-фрегата и спустили шлюбки для промѣра фарватера, а въ 9 часовъ вечера, отрядили 9 вооруженныхъ баркасовъ, на которыхъ находилось по одной пушкѣ. Одинъ изъ этихъ баркасовъ, подъ переговорнымъ флагомъ подходилъ къ городу и требовалъ выдачи судовъ и военныхъ запасовъ. Бургомистръ отказалъ, и парламентеръ удалился. Въ 11 часовъ всѣ 9 баркасовъ двинулись къ городу. Но въ Гамле-Карлебю находилась уже небольшая

часть войскъ нашихъ, — которыя, пройдя съ изумительною быстротою огромныя разстоянія, поспѣшили на помощь беззащитнымъ жителямъ. Помощь эта состояла изъ 2 ротъ линейнаго батальона, къ которымъ присоединилось около 100 вооруженныхъ жителей, и двухъ орудій подвижной гарнизонной артиллеріи. Войска эти прикрытыя мѣстностью и городскими постройками, встрѣтили непріятеля пальбою изъ ружей и орудій. Англичане послѣ часовой упорной перестрѣлки, принуждены были удалиться, потерпѣвъ уронъ и не причиня нашимъ ни малѣйшаго вреда. Кромѣ потери убитыми и ранеными, они оставили въ добычу намъ одинъ баркасъ съ 22 матросами.

Съ 26-го на 27-е ночью, на Закавказской границѣ подполковникъ князь Эристовъ, откомандированный генералъ-маіоромъ Бруннеромъ для занятія Нигоитскихъ высотъ, узналъ что до 12,000 Турокъ собираются напасть на насъ въ с. Нигоити. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, шести сотень пѣшей и четырехъ конной милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Князь Эристовъ былъ впослѣдствіи подкрѣпленъ еще однимъ батальономъ и двумя орудіями.

Въ 11-ть часовъ утра Турки начали наступленіе, но подполковникъ князь Эристовъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Не желая тратить времени въ перестрѣлкѣ, князь Эристовъ ударилъ въ штыки, и Турки, бывъ сбиты съ позиціи, обратились въ бѣгство.

Въ то время, когда наши такимъ образомъ разстроили центръ непріятеля, Турки съ ожесточеніемъ напали на нашъ арьергардъ, который держался храбро, пока подоспѣвшій съ своими батальонами князь Эристовъ окончательно разгромилъ непріятеля.

Въ продолженіи этихъ чиселъ подъ Силистріей продолжались наши осадныя работы; а изъ лагеря посылаемы были отряды для развѣдыванія о непріятелѣ въ окрестностяхъ этой крѣпости.

28-го мая предпринята была усиленная рекогносцировка подъ предводительствомъ самого фельдмаршала, съ большимъ отрядомъ, авангардъ котораго, состоявшій подъ командою генералъ-лейтенанта Хрулева, разбилъ и разсѣялъ пятитысячную партію турецкой кавалеріи. Во время этого дѣла

Турки открыли сильный огонь изъ форта Абдулъ-Меджидъ, хотя и непричинившій вреда войскамъ нашимъ, однако къ сожалѣнію контузившій ядромъ заслуженнаго вождя.

30-го Турки, переправясь черезъ Дунай, пытались овладѣть островомъ Радоманомъ, находящимся противъ крѣпости Рущука. Слѣдуя на судахъ въ сопровожденіи канонирскихъ лодокъ и въ тоже время открывъ огонь изъ крѣпостныхъ верковъ и батарей, два раза они покушались приставать къ разнымъ мѣстамъ острова; но генералъ-маіоръ Пашковскій, защищавшій Радоманъ, встрѣчая Турокъ штуцернымъ огнемъ, отразилъ ихъ, нанеся имъ уронъ.

Между тѣмъ непріятель окончательно очистилъ Малую Валахію и срылъ укрѣпленія Калафата.

Война приняла характеръ серьёзный и требовавшій съ нашей стороны дѣятельной защиты обширныхъ границъ, въ особенности на берегахъ Чернаго и преимущественно Балтійскаго и Бѣлаго морей, куда могли подойти союзные флоты.

Съ этою цѣлью составлено было изъ охотниковъ морское ополченіе въ сѣверныхъ губерніяхъ и построены канонирскія лодки, которыя расредѣлены были по Финскому заливу, по берегамъ котораго, поставлены войска, на случай еслибы непріятель вздумалъ гдѣ нибудь сдѣлать высадку.

Франція и Англія плохо знающія Россію, намѣревались, какъ видно, съ разу покончить съ нами, и потому послали огромный флотъ въ Балтійское море, флотъ съ значительнымъ десантомъ въ Черное море, — и отрядили эскадру въ Бѣлое море для блокады нашихъ сѣверныхъ портовъ.

Іюнь мѣсяцъ начался для насъ побѣдами на азіятской границѣ. Послѣ блистательнаго дѣла подъ Нигоити, отрядъ нашъ двинулся къ Озургетамъ, гдѣ въ 8-ми верстахъ отъ этого города собраны были значительныя турецкія силы, и Чолокомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ числѣ 34,000 человѣкъ. Нашъ отрядъ подъ командою князя Андроникова состоялъ изъ $11^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, шести сотенъ имеретинской, шести сотень гурійской пѣшей милиціи, 4-хъ сотень Донскихъ казаковъ, грузинской конной дружины и пяти сотень имеретинской конницы, при 8-ми полевыхъ и 10-ти горныхъ орудіяхъ.

3-го іюня княземъ Андрониковымъ была осмотрѣна непріятельская позиція, — а 4-го на разсвѣтѣ — войска наши

вошли въ атаку, имѣя намѣреніе ударить на лѣвый флангъ непріятеля, — какъ слабѣйшій. Желая однако же скрыть это движеніе, князь Андрониковъ приказалъ артиллеріи занимать непріятельскія батареи съ фронта, — а гурійской и части имеретинской милиціи завязать съ Турками дѣло на правомъ флангѣ.

Предварительное это распоряженіе достигло своей цѣли и въ то время когда Турки обращали вниманіе на свой правый флангъ, — войска наши, сдѣлавъ боковое движеніе черезъ рѣку Чолокъ, — выстроились передъ его лѣвымъ флангомъ. Неожиданное это движеніе смутило Турокъ и заставило ихъ построиться въ боевой порядокъ, но хотя они упорно защищались и открыли убійственный огонь, однако ничто не могло противустоять геройскому, стремительному напору нашихъ войскъ.

Къ вечеру дѣло было кончено, и Турки потерявъ убитыми до 4000 человѣкъ, 13-ть орудій, 36-ть знаменъ и значковъ и весь лагерь, — разбѣжались. У насъ потеря въ сравненіи съ непріятельскою была незначительна.

3-го же числа въ виду Севастополя показались три непріятельскіе парохода, которымъ на встрѣчу тотчасъ же высланъ былъ отрядъ. Непріятель держался на далекомъ разстояніи, и послѣ обоюдной перестрѣлки, причинившей незначительныя поврежденія какъ у насъ такъ и у англо-французовъ, — союзники ушли въ море.

7-го два англійскіе винтовые корабля подошли къ Виндавѣ и бросивъ якоря, — прислали въ городъ парламентера съ требованіемъ — выдать всѣ русскіе корабли.

Магистратъ отвѣчалъ, что городъ безъ всякой защиты, — а потому англичане могутъ взять четыре русскихъ и одинъ голландскій корабль, находящіеся въ семи миляхъ вверхъ по рѣкѣ Виндавѣ. Непріятель требовалъ снова выдачи или ручательства, *что на него не будетъ произведено вверхъ по рѣкѣ нападенія*. Городъ не согласился. Тогда Англичане отрядили двѣ канонирскія лодки и шесть баркасовъ съ вооруженными людьми, которые сыграли комедію, — то есть проѣхали по рѣкѣ до конца городской границы, и съ тѣмъ возвратились. Вечеромъ корабли отплыли отъ Виндавы.

7-го же числа въ Силистріи взорваны были мины подъ валомъ Арабскаго укрѣпленія съ полнымъ успѣхомъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое назначенъ былъ штурмъ какъ этого укрѣпленія такъ и Песочнаго, значительно поврежденнаго огнемъ нашей артиллеріи. Войска назначенныя на приступъ вошли уже въ траншеи и ожидали только сигнала, — но въ полночь получено было приказаніе о немедленномъ снятіи осады.

Не признавая нужнымъ, по случаю вмѣшательства Австріи, продолжать осаду Силистріи, фельдмаршалъ предписалъ князю Горчакову сосредоточить войска въ Придунайскихъ Княжествахъ.

Вслѣдствіе этого распоряженія, 9-го и 10-го числа продолжались еще въ траншеяхъ ложныя работы, для того чтобы скрыть отъ непріятеля дѣйствительныя наши намѣренія, а ночью свезены съ батарей осадныя орудія и перевезены на лѣвый берегъ Дуная.

10-го приказано было дѣйствовать остальнымъ орудіямъ, а равномѣрно и морскимъ, которыми вооружены были батареи на островахъ; потомъ около полуночи приказано было свезти всѣ орудія, карауламъ и рабочимъ выйти изъ траншей, а свѣжимъ войскамъ занять первую параллель, углубленную и вооруженную двумя батареями.

11-го на разсвѣтѣ, непріятель, не получая изъ нашихъ траншей отвѣта на свои выстрѣлы, вышелъ изъ окоповъ, но рабочіе наши были уже въ лагерѣ.

14-го ночью остальныя войска переправились окончательно, имѣя лишь на разсвѣтѣ небольшую перестрѣлку съ непріятелемъ.

14-го же числа три непріятельскіе парохода подходили къ бару Сѣверной Двины, и остановились на якорѣ въ трехъ съ половиною верстахъ. Весь подвигъ ихъ заключался въ томъ, что они ограбили крестьянина, шедшаго на кочермѣ. Они пробовали было отправить къ берегу вооруженный баркасъ, но увидя на берегу войска, баркасъ поспѣшно возратился къ своимъ судамъ, которыя и удалились въ море.

22-го числа на Бѣломъ же морѣ, непріятельскій винтовой фрегатъ подходилъ къ Мудьюгскому острову и послалъ шесть вооруженныхъ шлюпокъ дѣлать промѣръ; но былъ встрѣченъ огнемъ двухъ полевыхъ орудій и ружейной пальбой команды канонирскихъ лодокъ.

Хотя фрегатъ и открылъ огонь, однако не причинилъ нашимъ вреда, и отплылъ въ море.

Въ это время Турки сосредоточивали постепенно силы свои около крѣпости Рущука, такъ что къ 21-му числу собралось ихъ отъ 30 до 40 тысячъ. Того же числа непрiятель открылъ по Журжѣ огонь изъ крѣпости и береговыхъ батарей, но почти не причинилъ намъ вреда.

23-го, съ 3-хъ часовъ утра, Турки начали переправу на островъ Маканъ, подъ прикрытiемъ крѣпостныхъ и береговыхъ батарей. Наши батареи, находящiяся на лѣвомъ берегу Дуная, отвѣчали сильнымъ огнемъ, повредившимъ многiя непрiятельскiя суда. Непрiятель нѣсколько разъ принужденъ былъ возвращаться къ своему берегу; однако въ продолженiе дня онъ успѣлъ переправить значительное количесто войскъ и началъ на островѣ Маканѣ строить батареи.

25-го Турки съ 6 часовъ утра, открывъ огонь съ крѣпости и своихъ батарей, снова начали переправляться на островъ Маканъ и съ двухъ сторонъ на островъ Радоманъ. Такъ какъ послѣднiй по обширности своей, не могъ бьть защищаемъ, то непрiятель, переправясь на правую его оконечность, быстро подавался впередъ. Тогда два нашихъ батальона поспѣшно перешли на Радоманъ для поддержанiя нѣсколькихъ ротъ, находившихся на этомъ пунктѣ, сбили непрiятеля и оттѣснили его къ берегу. Одновременно, егерскiй полкъ нашъ, атаковалъ Турокъ, занявшихъ противоположную оконечность острова и опрокинулъ ихъ въ Дунай. Между тѣмъ непрiятель, безпрерывно получавшiй подкрѣпленiя, упорно стремился опрокинуть нашихъ; но не смотря на его численное превосходство, наши встрѣтили его съ обычнымъ мужествомъ, не рѣдко вступали въ рукопашный бой, и преслѣдуя штыками, не разъ заставляли его бѣжать къ судамъ. Артиллерiя наша хотя подъ сильнымъ огнемъ крѣпостныхъ батарей, однако дѣйствовала такъ успѣшно, что потопила 15 турецкихъ судовъ съ людьми на нихъ находившимися. Всѣ попытки Турокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная были отражены съ успѣхомъ.

Упорный бой этотъ, продолжавшiйся до заката солнца и въ которомъ 12 нашихъ батальоновъ держались противу 40 непрiятельскихъ и отстояли позицiю — стоилъ намъ 800 уби-

тыхъ и раненыхъ, между тѣмъ какъ непріятель понесъ болѣе 5000 человѣкъ урону.

Ночью, командовавшій отрядомъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, перешелъ съ острова Макана на лѣвый берегъ, и расположился внѣ Журжи на высотахъ у Фортешти.

Такимъ образомъ, въ продолженіи іюня мѣсяца мы должны были сражаться съ врагами на разныхъ пунктахъ обширнаго нашего отечества. Кромѣ этого, западные враги наши не только дѣйствовали оружіемъ, но употребляли всѣ усилія склонить нейтральныя державы вступить съ ними въ союзъ и ополчиться на Россію. Но ни одно государство не согласилось на подобное дѣло, только Австрія, — хотя и не съ воинственною цѣлью, — а въ видахъ предохраненія себя отъ могущихъ произойти послѣдствій, придвинула войска къ театру военныхъ дѣйствій.

Начало іюля мѣсяца ознаменовано нападеніемъ Англичанъ на Соловецкій монастырь, древнюю обитель, основанную преподобными Зосимою и Савватіемъ.

6-го числа два непріятельскія судна бросили якорь въ девяти верстахъ отъ монастыря.

Пустынный, отдаленный островъ Бѣлаго моря, на которомъ стоитъ Соловецкая обитель, не только не имѣетъ крѣпости, но даже ни какоіі защиты, потому что инвалидная команда, тамъ находящаяся, не можетъ назваться гарнизономъ какъ по ничтожному числу, такъ и по своимъ матеріальнымъ средствамъ. Народонаселеніе въ Соловкахъ очень небольшое, да и то по большей части состоящее изъ людей, пришедшихъ туда изъ дальныхъ странъ собственно для того, чтобы позабывъ о суетѣ міра, помолиться св. угодникамъ, или окончить мирную жизнь въ стѣнахъ св. обители. Несмотря на это, предусмотрительный Архимандритъ Александръ, знавшій уже о подвигахъ англо-французовъ, распорядился объ устройствѣ небольшой батареи на берегу — на случай прибытія нежданныхъ гостей. Узнавъ о приближеніи непріятельскихъ судовъ, Архимандритъ вмѣстѣ съ начальникомъ инвалидной команды, одушевивъ своихъ немногочисленныхъ защитниковъ, съ твердымъ упованіемъ на Промыслъ — ожидалъ врага. Подойдя на довольно близкое разстояніе, Англичане открыли огонь по святой обители, но бывъ встрѣчены выстрѣлами нашихъ двухъ небольшихъ орудій, не осмѣ-

ливались приблизиться, — тѣмъ болѣе, что удачно пущеннымъ ядромъ артиллеристы наши нанесли вредъ одному изъ ихъ кораблей.

7-го числа командиръ англійской эскадры въ Бѣломъ морѣ, прислалъ парламентера съ требованіемъ сдачи гарнизона, за то что изъ монастыря стрѣляли по англійскому флагу. Монастырь отказался исполнить требованіе и отвѣчалъ, что Англичане первые начали непріязненныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого непріятель открылъ канонаду продолжавшуюся слишкомъ девять часовъ, на которую наши отвѣчали изъ десяти самыхъ малыхъ орудій.

8-го, Англичане ушли, не причинивъ почти никакого вреда святой обители, но выходили на островъ Зяцкій, разломали двери въ церкви св. Андрея Первозваннаго и сняли три колокола.

Въ это время на Дунаѣ не происходило ничего замѣчательнаго, исключая рекогносцировокъ.

Съ 11-го на 12-е іюля передовые казачьи посты произвели удачный поискъ къ Черноводамъ, гдѣ находилось до 800 Турокъ. Пользуясь оплошностью непріятеля казаки стремительно ворвались въ селеніе, бросились на турецкій лагерь и причинили такое смятеніе, что непріятель искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Потеря его была значительна.

17-го іюля, начальникъ Эриванскаго отряда генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, съ пятью батальонами пѣхоты, 16-ю сотнями иррегулярной кавалеріи, при 12 орудіяхъ, — на перевалѣ черезъ горы по дорогѣ къ Баязету встрѣтилъ 12 тысячный Турецкій корпусъ, занимавшій на перевалѣ крѣпкую позицію. Давъ отдохнуть немного войскамъ, баронъ Врангель, несмотря на то что бывшіе въ числѣ его отряда 1 бат. и четыре орудія, отстали по случаю трудной дороги, рѣшился атаковать втрое сильнѣйшаго непріятеля. Благоразумныя распоряженія генерала и храбрость нашихъ войскъ восторжествовали: центръ непріятельскаго корпуса не выдержалъ нашей атаки и былъ опрокинутъ, а вслѣдъ за этимъ и войска его находившіяся на высотахъ, были совершенно отрѣзаны. Пока кавалерія преслѣдовала опрокинутый центръ непріятельскій, пѣхота атаковала отрѣзанныя войска, которыя, засѣвъ между каменьями сильно сопротивлялись, но были выбиты и большею частью переколоты, а остальныя

всѣ взяты въ плѣнъ. Потеря со стороны непріятеля была огромная: болѣе 2000 убитыхъ, 370 плѣнныхъ, и два лагеря со всѣмъ имуществомъ и запасами остались въ рукахъ побѣдителей. Съ нашей стороны убитыхъ было 57, раненыхъ 313.

Слѣдствіемъ этого было то, что остальные Турки, спасшіеся бѣгствомъ, разсѣялись безъ вѣсти; а 18-го депутація изъ Баязета и окрестныхъ деревень явилась къ барону Врангелю съ изъявленіемъ покорности.

23-го іюля, Командовавшій Дѣйствующимъ Корпусомъ въ Азіатской Турціи, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, узналъ отъ лазутчиковъ, что непріятельскій корпусъ въ 60,000 человѣкъ, стоявшій лагеремъ на сильной позиціи при Хаджи Вали, въ 18 верстахъ отъ Карса, готовится къ движенію — или къ этому городу или къ нашему лагерю при селеніи Кюрукъ-Дара. Желая предупредить въ томъ и другомъ случаѣ непріятеля, князь Бебутовъ, приказалъ убрать лагерь и всѣ тяжести въ вагенбургъ, оставивъ для прикрытія саперный батальонъ, двѣ сотни казаковъ съ 10 орудіями, — а самъ со всѣмъ отрядомъ, въ составѣ 18 батальоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ драгунъ, 6 сотень казаковъ при 56 орудіяхъ — выступилъ на встрѣчу непріятелю.

На разсвѣтѣ 24-го, когда отрядъ отошелъ версты четыре отъ лагеря, передовые разъѣзды дали знать князю Бебутову, что непріятель шелъ по дорогѣ къ нашему лагерю, и послѣ осмотра князь убѣдился, что Турки направлялись къ лѣвой оконечности снятаго нашего лагеря, гдѣ и заняли одну возвышенность. Тотчасъ же опытный военачальникъ сдѣлалъ свои распоряженія, а въ 6-мъ часу утра непріятель открылъ сильную канонаду. Турки имѣли на своей сторонѣ и выгодную мѣстность и огромное численное превосходство; но Русскія войска, никогда не заботящіяся о количествѣ враговъ, ведомыя храбрыми офицерами — ударили въ атаку и тѣснили Турокъ на протяженіи трехъ верстъ, пока непріятель не занялъ довольно сильной высоты, на которой могъ сопротивляться съ успѣхомъ. Но храбрымъ натискомъ нашихъ войскъ — центръ непріятельскій былъ прорванъ — и правый флангъ его опрокинутъ.

На лѣвомъ флангѣ нашемъ, непріятельская кавалерія смѣлою атакою остановила было дѣйствіе, но войска наши сдѣлали усиліе, и Турки отступили съ чувствительнымъ урономъ.

Въ этомъ славномъ дѣлѣ всѣ дрались, какъ слѣдуетъ Русскому; чтобы наименовать достойнѣйшихъ, — должно перечислить всѣхъ гг. офицеровъ, — но особенно знаменитъ подвигъ начальника артиллеріи генералъ-лейтенанта Бриммера, который сосредоточивъ три батареи на разстояніи 60 саженъ отъ непріятеля, былъ главнымъ виновникомъ отбитія непріятельской пѣхоты, встрѣтившей штыками нашу Кавказскую Гренадерскую бригаду.

По собраннымъ извѣстіямъ, потеря непріятеля простиралась до 10,000 человѣкъ. У насъ убитыхъ было около 600, раненыхъ и контуженныхъ 2,453. Изъ числа послѣднихъ 600 человѣкъ не выбыли изъ строя.

Въ рукахъ нашихъ осталось 15 орудій, два знамени, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія и 2,018 плѣнныхъ.

Слѣдствіемъ пораженія Турокъ при Кюрукъ-Дара было то, что у непріятеля разбѣжались 12,000 Баши-бузуковъ, а остатки арміи укрылись въ Карсѣ.

Въ концѣ іюля соединенные англо-французскіе флоты подошли къ аландскимъ укрѣпленіямъ, состоявшимъ изъ оборонительной казармы на восточной сторонѣ оконечности большаго острова у пролива Бомарзундъ и трехъ башенъ С, U и Z. Только однѣ отдѣльныя постройки эти были окончены, остальныя же, болѣе важнѣйшія только начинались. Гарнизонъ этихъ укрѣпленій состоялъ изъ одного финляндскаго линѣйнаго батальона съ командою гарнизонной артиллеріи, — да къ нему еще присоединены были двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго батальона, занимавшія до начала осады береговую батарею, временно устроенную къ югу отъ форта.

Высадившись на главный островъ въ числѣ 10,000 человѣкъ, непріятель началъ строить батареи и громилъ наши укрѣпленія многочисленною своею артиллеріею. Съ 31-го іюля бомбардировка не прекращалась.

2-го августа, башня С, несмотря на мужество своихъ защитниковъ, не могла долѣе держаться и гарнизонъ ея, сдѣлавъ отчаянную вылазку и произведя смятеніе въ рядахъ непріятельскихъ войскъ, — взорвалъ башню, когда уже Французы вошли въ нее.

3-го августа, непріятель началъ громить башню, и послѣ значительнаго со стороны своей урона, овладѣлъ ею.

4-го, съ разсвѣта, непріятель съ сухаго пути и съ моря началъ осыпать бомбами и ядрами оборонительную казарму, которая истощивъ всѣ средства къ защитѣ, — должна была пасть, какъ потому, что не было физической возможности противустоять разрушительнымъ снарядомъ, такъ и оттого, что гарнизонъ изнемогъ въ этой неровной битвѣ. Оставшіеся въ живыхъ, наши сдались военно-плѣнными. Доказательствомъ стойкости Бомарзундскаго гарнизона служитъ то, что непріятель въ уваженіе этого, оставилъ офицерамъ полусабли.

10-го, пять непріятельскихъ паровыхъ судовъ вошли въ Абоскія шхеры и направились на 17 канонирскихъ лодокъ нашей гребной флотиліи, находившіяся вмѣстѣ съ нѣсколькими небольшими буксирными пароходами у острова Рунсала для преграждснія входа въ фарватеръ, идущій въ Або. Непріятель открылъ огонь по лодкамъ версты за четыре, и снаряды его бо̀льшею частью перелетали черезъ гребную флотилію, которая подпустивъ спокойно врага на прицѣльный выстрѣлъ, — открыла пальбу. Канонада продолжалась болѣе двухъ съ половиною часовъ, послѣ чего непріятель, почти не причинивъ намъ вреда, ушелъ въ море, имѣя одинъ пароходъ на буксирѣ, вслѣдствіе полученныхъ поврежденій.

10-го же числа англійскій паровой фрегатъ посылалъ въ г. *Колу* парламентера съ требованіемъ безусловной сдачи города *укрѣпленій* и *гарнизона*. Въ Колѣ никакихъ укрѣпленій не было, а войско состояло изъ пятидесяти человѣкъ инвалидовъ. Несмотря на ничтожныя средства защиты, городъ рѣшился отражать высадки непріятеля.

11-го, съ разсвѣта, Англичане начали бросать въ Колу бомбы и каленыя ядра и продолжая это дѣйствіе до 10-ти часовъ вечера, сожгли девяносто два дома, двѣ церкви, соляной, хлѣбной и винный магазины. На другой день утромъ, фрегатъ ушелъ въ море. Замѣчательно, что во все время бомбардированія у насъ не было ни одного убитаго и раненаго.

Въ августѣ же мѣсяцѣ англо-французская эскадра сдѣлала нападеніе на Камчатку, стараясь въ одно и то же время вредить намъ даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

17-го, вошелъ въ Авачинскую губу трехъ-мачтовый пароходъ подъ Американскимъ флагомъ. Но какъ въ Петропавловскѣ извѣстно уже было о разрывѣ нашемъ съ Англіею и

Франціею еще въ іюлѣ мѣсяцѣ и приняты были мѣры къ оборонѣ, то губернаторъ, зная продѣлки союзниковъ, пользующихся нейтральными флагами—послалъ шлюпку для осмотра. Пароходъ тотчасъ поворотилъ назадъ, доказавъ тѣмъ, что эскадра, крейсировавшая у входа, была непріятельская.

18-го, шесть англо-французскихъ судовъ вошли въ Авачинскую губу. Наши послали ей навстрѣчу нѣсколько ядеръ, и эскадра поспѣшивъ удалиться внѣ выстрѣловъ, — остановилась на якорѣ въ отдаленіи, при чемъ бросила нѣсколько ядеръ, не причинившихъ намъ ни малѣйшаго вреда.

19-го, происходила незначительная перестрѣлка между нѣкоторыми непріятельскими судами и нашими батареями. Того же числа, англо-французы овладѣли нашимъ флашкоутомъ съ грузомъ кирпича, возвращавшимся въ портъ.

20-го, съ разсвѣта, замѣчено было усиленное движеніе на эскадрѣ, приготовлявшейся къ высадкѣ.

Сдѣлавъ свои распоряженія касательно сухопутныхъ войскъ, губернаторъ приказалъ командирамъ фрегата «Аврора» и транспорта «Двина» защищаться до послѣдней крайности, а въ случаѣ невозможности зажечь суда, а команды присоединить къ сухопутнымъ отрядамъ. Отслуживъ молебенъ, войска наши приготовились къ оборонѣ.

Непріятельскія суда начали громить наши батареи, которыя несмотря на превосходство англо-французскихъ силъ, дѣйствовали мужественно; преимущественно же огонь былъ устремленъ на батареи 1-го и 4-го №, находившіяся на открытой мѣстности. Послѣднія были вооружены лишь восьмью орудіями и должны были сражаться противу 80-ти орудій, въ числѣ которыхъ находились бомбовыя пушки и мортиры.

Непріятель взялъ было № 4 батарею, но замѣтивъ приближеніе нашихъ отрядовъ, побѣжалъ къ шлюпкамъ и отчалилъ отъ берега.

Принудивъ замолчать наши батареи № 1-го и 4-го, непріятель направилъ всѣ свои усилія на батареи № 2-го, какъ единственное препятствіе къ нападенію на нашъ фрегатъ и транспортъ.

Но командиръ этой батареи, храбрый лейтенантъ князь Максутовъ 3-й, распоряжался какъ на ученьѣ, отражалъ мѣткими выстрѣлами покушеніе трехъ фрегатовъ и парохода заставилъ умолкнуть батарею.

Въ половинѣ седьмаго часа фрегаты отступили и заняли позиціи внѣ выстрѣловъ.

Потеря наша простирается: убитыми 6, ранеными 12 человѣкъ.

Въ продолженіи 21-го, 22-го и 23-го чиселъ, какъ мы, такъ и непріятель занимались исправленіемъ поврежденій.

24-го, въ половинѣ шестаго утромъ, непріятель двинулся къ Петропавловску — съ другой стороны порта — и въ этотъ день имѣлъ болѣе преимущества, чѣмъ 20-го числа, потому что дѣйствовалъ числомъ орудій, превышавшимъ наши почти вдесятеро. Однако не скоро онъ принудилъ замолчать наши батареи и то съ порядочнымъ для себя урономъ. Храбрыя команды наши присоединились къ отрядамъ.

Тогда, непріятель, подъ защитою орудій фрегата и парохода отправилъ по направленію къ батареѣ № 7-го до 700 человѣкъ десанта. Войска наши были расположены такимъ образомъ, что могли быть передвигаемы по мѣрѣ надобности, а какъ вѣроятнѣе всего казалось, что союзники устремятся овладѣть батареей № 6-го на озерѣ, то вблизи ее и сосредоточены были малочисленные отряды наши.

Попытки непріятеля — овладѣть батареею № 6-го — были безуспѣшны, и онъ, подкрѣпленный новымъ еще десантомъ, устремился на Никольскую гору. Здѣсь малочисленные отряды наши показали чудеса храбрости и послѣ упорной перестрѣлки соединились вмѣстѣ и штыками прогнали непріятеля, который отступилъ въ безпорядкѣ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Достигнувъ шлюпокъ, союзники поспѣшно удалились отъ берега, но стрѣлки наши, занявшіе выгодную позицію, наносили имъ значительный вредъ.

Сраженіе кончилось въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Потеря наша въ этотъ день заключалась въ 31 убитомъ и въ 15-ти раненыхъ.

27-го, непріятельская эскадра отплыла отъ Петропавловска и вышла въ море.

Августъ мѣсяцъ окончился для насъ обороной Камчатки, гдѣ снова, можно сказать, горсть нашего войска, небывавшаго въ дѣлахъ, не только не допустила враговъ овладѣть укрѣпленіемъ, но нанесла ему чувствительный уронъ.

Нападеніе на Петропавловскій портъ было заключеніемъ 1-й части компаніи, въ продолженіи которой въ пяти мѣстахъ

огромной нашей Имперіи, мы выдерживали неровныя битвы съ Англичанами, Французами и Турками, не допустивъ врага восторжествовать надъ нашимъ оружіемъ.

Подвиги англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, о которыхъ такъ громко кричали въ Лондонѣ и Парижѣ, — ограничивались ловлею крестьянскихъ судовъ, сожженіемъ беззащитныхъ деревушекъ, да взятіемъ Бомарзунда, котораго отдаленное положеніе на Аландскихъ островахъ не представляло никакой возможности къ защитѣ. Остальныя дѣйствія ихъ, т. е. приближеніе къ Свеаборгу и Кронштадту, могли убѣдить ихъ въ истинѣ, что флотъ, какъ бы ни былъ превосходенъ, — не можетъ брать первоклассныхъ гранитныхъ крѣпостей, превосходно вооруженныхъ и защищаемыхъ превосходнымъ войскомъ. Если разрушеніе Сенъ-Жанъ д'Акры удалось Чарльзу Непиру въ свое время, то при этомъ необходимо вспомнить, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и какая огромная разница между гарнизономъ, защищавшимъ эту крѣпость и гарнизонами нашихъ Балтійскихъ твердынь, обороняемыхъ сообразно съ условіями военной науки. Конечно, главная цѣль союзниковъ была — уничтоженіе нашего флота; но имъ тоже не мѣшало бы подумать о томъ, что флотъ нашъ не будетъ столько неблагоразуменъ, чтобы принять битву съ армадой вчетверо его сильнѣйшей, когда онъ у себя дома можетъ спокойно стоять въ своихъ укрѣпленныхъ портахъ и равнодушно смотрѣть на безсильную злобу нападающихъ. Но союзники потеряли надежду застигнуть въ расплохъ флотъ нашъ и раздумали попытать счастья къ овладѣнію крѣпостями. Мы видѣли, къ чему привели ихъ эти неосновательныя попытки.

Въ то время войска наши, очистили Дунайскія Княжества, вслѣдствіе представленій Австріи, а Французы и Англичане расположились въ Европейской Турціи — и приготовили огромный флотъ, для уничтоженія нашего Черноморскаго флота. Союзникамъ, во что бы то ни стало хотѣлось овладѣть Севастополемъ. Давно уже въ газетахъ поговаривали о Крымской экспедиціи, но еще не было достовѣрныхъ свѣдѣній, куда именно непріятель намѣревается сдѣлать высадку; наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, рѣшена была Крымская экспедиція.

Хотя нами и приняты были мѣры къ отраженію врага, однако, невозможно же было укрѣпить всѣхъ береговъ полу-

острова; а потому ограничились только поспѣшнымъ сосредоточеніемъ достаточнаго количества войскъ въ Крыму и распоряженіемъ о немедленномъ направленіи продовольствія и боевыхъ запасовъ къ полуострову. Севастополь, какъ военная гавань и стоянка флота нашего въ Черномъ морѣ, — былъ главнѣйшимъ пунктомъ, на оборону котораго преимущественно обращено было вниманіе, и тотчасъ же приняты были мѣры къ обширнѣйшему его укрѣпленію и къ усиленію средствъ защиты.

1-го сентября, многочисленный англо-французскій флотъ появился у Евпаторіи и высадилъ значительную часть пѣхоты и кавалеріи между этимъ городомъ и дер. Каптугаемъ.

Командующій войсками въ Крыму, не признавъ возможнымъ атаковать непріятеля на плоскомъ берегу, обстрѣливаемомъ съ флота, — занялъ съ бо́льшею частью силъ своихъ выгодную позицію.

7-го, непріятель сдѣлалъ усиленную рекогносцировку къ рѣкѣ Алмѣ. Противъ него высланы были: бригада пѣхоты, бригада кавалеріи, девять сотенъ казаковъ и батарея Донской конной артиллеріи. Послѣ незначительной перестрѣлки, англо-французы отступили, а наши передовыя войска, возвратясь на прежнее мѣсто, расположились на общей боевой позиціи за рѣкою Алмою.

8-го сентября, войска наши, состоявшія изъ 42-хъ баталіоновъ пѣхоты, 16-ти эскадроновъ кавалеріи, при 84-хъ орудіяхъ, занимали позицію за рѣкою Алмою центромъ на краю крутаго лѣваго берега, противъ дер. Вурмонъ, лѣвымъ флангомъ на возвышенной мѣстности, почти въ двухъ верстахъ отъ морскаго берега; правый же флангъ составлялъ слабѣйшую часть нашей позиціи. Впереди линіи находились стрѣлки, позади линій — резервъ.

Въ полдень, непріятельскія войска рѣшительно атаковали нашу позицію подъ прикрытіемъ большаго количества стрѣлковъ, вооруженныхъ штуцерами. Наши стрѣлки завязали съ непріятелемъ жаркую перестрѣлку; но послѣдній, имѣя превосходное число штуцерныхъ, причинилъ въ рядахъ нашихъ довольно большое опустошеніе; а главное, поражены были многіе изъ начальствующихъ лицъ, что необходимо должно было имѣть вліяніе на дальнѣйшій ходъ сраженія.

Непріятель овладѣлъ виноградниками, и несмотря на опустошительное дѣйствіе нашей артиллеріи, перешелъ черезъ рѣку. Тогда Князь Меншиковъ приказалъ 1-й линіи штыками отбросить союзниковъ къ рѣкѣ. Мужественные батальоны наши бросились впередъ, — но не могли исполнить этого повелѣнія, будучи поражаемы жестокимъ батальнымъ огнемъ и густою цѣпью штуцерныхъ, и потерпѣли большой уронъ.

Въ то время, когда это кровопролитное сраженіе происходило въ центрѣ и на правомъ флангѣ, — лѣвый флангъ нашъ былъ поражаемъ огнемъ изъ орудій непріятельскаго флота.

Подъ прикрытіемъ этого огня, колонны Французовъ, перейдя у самаго морскаго берега долину рѣки Алмы, быстро взобрались на высоту, почти въ тылу нашего лѣваго фланга, и поспѣшно выставили батарею, не дозволявшую резервамъ нашимъ атаковать ихъ.

Князь Меншиковъ, видя, что войска послѣ понесенныхъ тяжелыхъ трудовъ и урона, не могли выдержать натиска непріятеля, гораздо многочисленнѣйшаго, — счелъ за нужное отвести отрядъ къ рѣкѣ Качѣ. Отступленіе, совершавшееся въ порядкѣ, прикрывалъ арріергардъ, котораго непріятель не преслѣдовалъ, вѣроятно вслѣдствіе значительнаго урона. Войска наши перешли за Качу послѣ полуночи.

Въ этомъ жестокомъ бою у насъ убито 1,762 человѣка, ранено 2,315. Уронъ непріятеля, по нѣкоторымъ показаніямъ, превышаетъ нашу потерю.

9-го числа, Князь Меншиковъ отвелъ отрядъ на южную сторону Севастополя, гдѣ и оставался въ теченіи трехъ дней.

Непріятель въ это время передвинулся на Качу и Бельбекъ.

Князь Меншиковъ, предполагая, что союзники могутъ отрѣзать ему сообщеніе съ внутренностью Имперіи, и не имѣя достаточно силъ атаковать непріятеля, рѣшился предпринять отважное движеніе, исполненное имъ съ искусствомъ опытнаго военачальника. 12-го сентября, оставивъ въ гарнизонѣ Севастополя лишь восемь батальоновъ и морскія команды, онъ съ остальными силами выступилъ вечеромъ изъ города, а 14-го, расположился въ четырехъ верстахъ отъ Бахчисарая, гдѣ и ожидалъ запасовъ изъ Симферополя и подкрѣпленій, слѣдовавшихъ изъ Керчи и Перекопа.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій Князь Меншиковъ располагалъ атаковать во флангъ и въ тылъ непріятеля, стоявшаго на высотахъ передъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ.

Но во время этого флангового движенія нашихъ войскъ отъ Севастополя къ Бахчисараю, союзники фланговымъ же маршемъ направились съ сѣверной стороны Севастопольской бухты на южную и вскорѣ, при содѣйствіи своего флота, заняли Балаклаву, несмотря на мужественное, но тщетное сопротивленіе небольшой команды Балаклавскаго греческаго батальона. Укрѣпившись такимъ образомъ на берегу моря, союзники начали траншейныя работы противъ южныхъ укрѣпленій Севастополя.

Вслѣдствіе этого, Князь Меншиковъ 16-го прибылъ къ Бельбеку, а 17-го часть войскъ была оставлена между этою рѣчкою и Севастопольскою бухтою, а часть введена въ Севастополь для усиленія гарнизона. Мѣры къ упорной оборонѣ города приняты, а для того, чтобы недопустить непріятельскаго флота въ бухту, затоплено было при входѣ въ нее нѣсколько старыхъ кораблей.

Подкрѣпленія изъ Керчи и Перекопа прибывали постепенно, что давало возможность къ усиленію Севастопольскаго гарнизона.

22-го числа, 8 сотень Донскихъ козаковъ посланы были подъ Евпаторію для развѣдыванія о непріятелѣ и отбили скотъ, пригнанный непріятелемъ для передачи на суда.

Другой легкій отрядъ изъ двухъ эскадроновъ регулярной кавалеріи и двухъ сотень козаковъ при двухъ горныхъ орудіяхъ ходилъ въ Байдарскую долину, для воспрепятствованія непріятельскимъ фуражирамъ забирать тамъ запасы.

Того же числа союзныя войска, прибывъ на 10-ти пароходахъ въ Ялту, разграбили этотъ беззащитный городъ, а также и окрестныя имѣнія.

22-го же числа четыре непріятельскіе парохода приблизились къ Очакову, и открыли потомъ огонь, съ намѣреніемъ, сбивъ это укрѣпленіе, — свободно пройти въ Лиманъ и овладѣть гребной флотиліей. Малочисленный отрядъ нашъ храбро отразилъ это нападеніе, и удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи принудилъ непріятеля удалиться.

25-го, значительный кавалерійскій отрядъ былъ посланъ къ Черной рѣчкѣ. Одна легкая кавалерійская бригада, съ

разсвѣтомъ перейдя рѣку, прогнала съ высоты лѣваго берега англійскіе аванпосты. Въ это время пикетъ англійскихъ гвардейскихъ драгунъ былъ снятъ Лейбъ-Гвардіи Крымско-Татарскимъ полуэскадрономъ.

Для удобнѣйшаго продовольствія бо̀льшей части кавалеріи, она снова отправлена была къ прежнему мѣсту на р. Качѣ. При этомъ одинъ полкъ имѣлъ обязанностью наблюдать морской берегъ между Качею и Алмою, а сверхъ того ежедневно посылаемы были небольшіе летучіе отряды для поисковъ въ тылу непріятеля со стороны Черной рѣчки и Байдарской долины.

Распоряженія эти, угрожавшія сообщенію непріятеля съ Балаклавою, замедляли ходъ осадныхъ работъ его, начатыхъ противъ южныхъ Севастопольскихъ укрѣпленій. Все, что союзники успѣвали ночью сдѣлать, — разрушаемо было утромъ дѣйствіемъ нашей крѣпостной артиллеріи. Кромѣ того ночью выходили изъ города небольшія партіи нашихъ охотниковъ, тревожившія непріятеля въ траншеяхъ и наносившія ему значительный уронъ.

Съ 24-го постенно начали приходить въ Крымъ части войскъ изъ Одессы и Бессарабіи.

28-го Сентября, начальникъ авангарда, замѣтивъ, что союзники начали строить батарею надъ Инкерманскимъ спускомъ, близь каменоломни, принудилъ ихъ удалиться, пославъ для этого штуцерныхъ.

30-го, близь Евпаторіи происходила небольшая перестрѣлка между авангардомъ кавалерійской дивизіи нашей и толпами Арабской и Татарской конницы, которыя и вогнаны были нами въ городъ. Съ этого времени Евпаторія была совершенно обложена съ сухаго пути нашею кавалеріею, и непріятелю преграждена возможность получать запасы изъ окрестныхъ деревень.

Какъ видимъ изъ краткой нашей лѣтописи, союзники въ продолженіе Сентября мѣсяца почти ничего не сдѣлали въ Крыму и движенія къ Севастополю дорого имъ стоили; англо-французы едва въ состояніи были приступить къ осаднымъ работамъ, да и тѣ имъ не удавались по причинѣ мѣткости нашей крѣпостной артиллеріи.

Въ Сентябрѣ ни въ Балтійскомъ, ни въ Бѣломъ моряхъ не происходило ничего замѣчательнаго.

Съ 1-го по 4-е Октября часть войскъ нашихъ, по распоряженію Князя Меншикова, заняла долину Черной рѣчки, съ цѣлью вредить сообщеніямъ непріятеля съ Балаклавою, а часть кавалеріи выдвинута въ Байдарскую долину.

Съ 4-го на 5-е союзники послѣ усиленныхъ работъ прорѣзали въ своихъ траншеяхъ амбразуры, а 5-го по всей линіи открытъ сильнѣйшій огонь противъ нашихъ батарей и бастіоновъ, которые отвѣчали довольно успѣшно.

Къ полдню орудія на башнѣ Малахова Кургана были сбиты, но батареи и бастіоны здѣсь же возведенные дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что заставили умолкнуть огонь французскихъ батарей, гдѣ и взорванъ былъ пороховой складъ, а у Англичанъ продолжали стрѣлять только два орудія.

Послѣ полудня приняли участье въ канонадѣ и непріятельскіе корабли безпрерывными залпами, направляя выстрѣлы противъ батарей № 10, Александровской и Константиновской, которыя тоже отвѣчали учащенными выстрѣлами.

Огонь началъ прекращаться лишь съ наступленіемъ ночи. Потеря съ нашей стороны простиралась до 500 человѣкъ выбывшихъ изъ строя. Въ числѣ убитыхъ находился Генералъ-Адъютантъ Корниловъ.

6-го числа усиленный непріятельскій огонь направленъ былъ на башню Малаховаго Кургана и батареи здѣсь устроенныя, но башня не была повреждена, а батареи успѣшно отвѣчали мѣткими выстрѣлами изъ своихъ орудій.

Послѣ полудня огонь союзниковъ началъ однакоже уменьшаться вслѣдствіе того, что отрядъ стоявшій въ долинѣ Черной рѣчки, двинулся на Балаклавскія высоты и показался въ тылу непріятеля. Демонстрація эта достигла своей цѣли, потому что союзники отдѣлили часть своихъ силъ въ ту сторону.

7-го и 8-го бомбардированіе Севастополя продолжалось преимущественно съ сухаго пути, но было гораздо слабѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни.

На французской батареѣ, у развалинъ древняго Херсонеса, взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ, вслѣдствіе чего эта батарея замолчала.

Того же числа, подъ Евпаторіей конный отрядъ охотниковъ изъ 20-ти уланъ и нѣсколькихъ казаковъ подъ командою двухъ офицеровъ, воспользовавшись туманомъ, подска-

калъ къ самой Евпаторіи. Погнавъ толпу татаръ стоявшихъ передъ стѣною, наши, вслѣдъ за ними, ворвались въ городъ, закололи у заставы трехъ французскихъ часовыхъ и отошли назадъ тогда только, когда въ городѣ распространилась тревога; но при всемъ томъ отогнали 1,000 головъ лошадей, скота и овецъ.

Съ 8-го на 9-е, ночью выходили изъ Севастополя отряды нашихъ охотниковъ на непріятельскія батареи. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, заключавшійся въ 5 офицерахъ и 27 нижнихъ чинахъ, ворвался въ непріятельскія траншеи, заклепалъ восемь мортиръ и одиннадцать пушекъ и послѣ весьма не значительной потери возвратился въ городъ. Смѣлое это ночное нападеніе лишило непріятеля возможности дѣйствовать на другой день изъ уничтоженной батареи. Прочіе отряды вездѣ встрѣчали бдительность у непріятеля.

Ночью съ 9-го на 10-е, одинъ изъ нашихъ пикетовъ, всего 8 человѣкъ, примѣтилъ подходившій англійскій патруль, состоявшій изъ сорока человѣкъ, смѣло бросился на врага, опрокинулъ его и взялъ въ плѣнъ командовавшаго патрулемъ гвардейскаго офицера.

13-го числа, отрядъ Генералъ-Лейтенанта Липранди дѣйствовалъ наступательно противъ осаждающихъ, и дѣйствіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Генералу Липранди приказано было атаковать отдѣльный укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывавшій дорогу изъ Севастополя въ Балаклаву.

Въ пять часовъ утра войска наши выступили изъ Чоргуна и пройдя быстро разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ непріятельской позиціи, напали разомъ на нѣсколько точекъ укрѣпленнаго лагеря. Не смотря на выгодную мѣстность союзниковъ и на отчаянное ихъ сопротивленіе, наши овладѣли четырьмя редутами, въ которыхъ взято 11 орудій. Въ этомъ дѣлѣ войска наши оказали свойственную имъ храбрость и вездѣ бодро и весело шли на приступъ, и съ мужествомъ и стойкостью отражали натиски колонъ непріятельскихъ.

Изъ числа редутовъ взятыхъ у непріятеля, два срыты, а два укрѣплены еще болѣе, съ цѣлью дѣйствовать съ этой позиціи на дорогу, идущую отъ непріятельскаго лагеря въ Балаклаву.

Потеря наша въ этомъ кровопролитномъ бою простиралась до 238 убитыми и 312 ранеными. Въ плѣнъ взято около 60 англичанъ.

Независимо отъ этого, бомбардированіе Севастополя продолжалось, и наши крѣпостныя орудія отвѣчали сильнымъ огнемъ.

24-го, по распоряженію Князя Меншикова сдѣлана была изъ Севастополя большая вылазка подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Данненберга. Отрядъ состоялъ изъ 12 полковъ пѣхоты, при которыхъ находилось артиллеріи столько, сколько трудность выѣздовъ дозволяла взять. Первымъ натискомъ нашимъ, весьма удачнымъ, взяты были на высотахъ англійскія укрѣпленія, гдѣ заклепано 11 орудій. Къ сожалѣнію, при этомъ раненъ былъ начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи, которая атаковала завалы и редуты. Въ это время французы прибыли на помощь, и англичане успѣли выставить въ поле свою осадную артиллерію, противъ которой нельзя уже было нашей полевой дѣйствовать съ успѣхомъ. Усиленный прибывшими подкрѣпленіями и большимъ числомъ штуцерныхъ, непріятель имѣлъ возможность упорно держаться на высотахъ мѣстности, а потому, безъ большаго пожертвованія войсками, нельзя было довершить начатыхъ нами во время боя редутовъ.

Приказано было отступить и отступленіе это произведено въ отличномъ порядкѣ въ Севастополь и чрезъ Инкерманскій мостъ. Подбитыя орудія свезены съ поля битвы въ городъ.

Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ находились въ этомъ жестокомъ огнѣ и подавали примѣръ мужества и хладнокровія въ сраженіи.

Въ одно и то же время произведена была и другая вылазка на французскія батареи, однимъ пѣхотнымъ полкомъ съ легкою батареею подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимофеева. Этимъ отрядомъ заклепано 15 орудій.

Кровопролитное сраженіе 24-го, продолжавшееся восемь часовъ сряду съ ужаснымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, стоило намъ убитыхъ 2,969, раненыхъ 5,791. Въ числѣ послѣднихъ однако же было весьма много легко раненыхъ, которые черезъ нѣсколько дней поступили снова въ строй.

Въ октябрѣ уже больше не было ничего замѣчательнаго, какъ въ Крыму, такъ и на всѣхъ границахъ нашей Имперіи.

Англо-французы, воображавшіе, что стоитъ имъ только показаться у нашихъ крѣпостей и начать бомбардированіе, чтобы все преклонилось предъ ихъ могуществомъ, — жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Мы уже не говоримъ о настоящихъ крѣпостяхъ, представлявшихъ имъ непреодолимыя преграды, не говоримъ о городахъ съ какою нибудь военною защитой, смѣло вступавшихъ съ ними въ бой; — но даже уединенные пустынные монастыри, съ инвалидами и братіею отстаивали себя противъ вооруженныхъ судовъ непріятельскихъ. Враги наши, вѣроятно, убѣдились, что съ русскимъ народомъ нельзя воевать очертя голову; что Россія сильна не только изъ-внѣ, не только одними матеріальными средствами, но что въ ней велика сила нравственная, почерпающая подкрѣпленіе въ живомъ источникѣ любви къ родинѣ.

Какого же результата достигли союзники, начавши съ нами жестокую войну на всѣхъ мѣстахъ, куда только могли проникнуть ихъ флоты, и наконецъ высадясь въ Крыму и приступивъ къ осадѣ Севастополя? Они только и могли, во вредъ же себѣ, стѣснить нашу морскую торговлю: но развѣ этотъ вредъ для насъ слишкомъ чувствителенъ?... Если гавани наши въ блокадѣ, то сухопутные транспорты постоянно запружаютъ наши пути ведущіе за границу.

Между тѣмъ приближалась осень, и хотя Крымъ лежитъ въ южномъ климатѣ, однако близилось время, въ продолженіе котораго и въ Тавридѣ должно принимать мѣры къ защищенію себя отъ холода и слякоти, въ особенности войскамъ союзниковъ, находившимся въ чужомъ краѣ, прибывшимъ съ цѣлью тотчасъ завоевать Севастополь, и въ теченіи мѣсяца не сдѣлавшимъ ровно ничего нашей крѣпости. Они начали укрѣплять свой лагерь, бомбардируя въ то же время Севастополь, — но не причиняя ему почти никакого вреда.

1-го ноября англичане, около 200 человѣкъ, съ шанцевымъ инструментомъ спустились съ Сапунъ горы противъ праваго фланга нашего Чоргунскаго отряда съ намѣреніемъ начать земляныя работы; но высланные навстрѣчу имъ штуцерные принудили ихъ удалиться, при чемъ непріятель оставилъ на мѣстѣ 5 убитыхъ и увелъ съ собою нѣсколько раненыхъ.

3-го, союзники нѣсколько разъ предпринимали работы въ верховьѣ Доковой Балки, но каждый разъ ихъ прогоняли

пушечные наши выстрѣлы, а 4-го стрѣлки наши сбили Англичанъ съ оконечности возвышенности мыса, и заняли эту мѣстность командующую надъ Пересыпью.

Съ этихъ поръ непріятель преимущественно былъ занятъ укрѣпленіемъ своего лагеря и продолжалъ бомбардировать городъ, хотя вообще весьма слабо.

Не смотря на присутствіе арміи союзниковъ, подъ огнемъ ихъ осадной артиллеріи, и не смотря на проливные дожди, главнокомандующій продолжалъ оборонительныя работы, и городъ въ короткое время принималъ болѣе и болѣе грозную наружность. По ночамъ многіе отряды охотниковъ дѣлали вылазки и безпрерывно тревожили непріятеля.

20-го, предъ разсвѣтомъ, одинъ такой отрядъ изъ 71 человѣка нижнихъ чиновъ при одномъ офицерѣ, смѣло взошелъ на высоты передъ Южною Бухтою, ударилъ въ штыки на непріятельскую траншею и, переколовъ сонныхъ англичанъ, взялъ три человѣка въ плѣнъ.

Съ 20-го на 21-е, одна команда охотниковъ бросилась на французскую траншею и заколола до 30 непріятелей, а другая подкралась къ траншеѣ занимаемой англійскими штуцерными и прогнала ихъ, при чемъ непріятель оставилъ на мѣстѣ 11 убитыхъ.

Всѣ эти вылазки не стоили намъ почти ни какой потери.

23-го снова произведена была вылазка храбрыми охотниками, принудившая союзниковъ оставить работы начатыя противъ бастіона № 3, а вырытые ими ложементы были немедленно засыпаны.

24-го два наши парохода были высланы съ Севастопольскаго рейда для нападенія на французскій пароходъ, стоявшій противъ рейда на якорѣ, и пока онъ уходилъ подъ прикрытіе другаго парохода, наши выстрѣлы попали ему прямо въ корпусъ. Въ это время англійскій большой пароходъ подошелъ на помощь и устремился за нашими, которые подвели его подъ огонь береговыхъ батарей, сбившихъ у него гротарей и повредившихъ кожухъ.

До конца ноября огонь непріятельскихъ батарей былъ постоянно слабъ, и хотя траншейныя работы союзниковъ на лѣвомъ ихъ флангѣ и продолжались, однако не подвигались впередъ, а распространялись влѣво, потому что штуцерные

наши удачно располагались въ передовыхъ ложементахъ и наносили имъ чувствительный вредъ. Наши же оборонительныя работы усиливались, а по ночамъ изъ Севастополя дѣлались удачныя вылазки.

Съ 28-го на 29-е, пользуясь темнотою до восхода мѣсяца, одинъ нашъ малый отрядъ охотниковъ, состоявшій изъ флотскихъ нижнихъ чиновъ при одномъ офицерѣ, — вывезъ изъ одного нашего редута два горныхъ единорога и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ картечью вдоль французскихъ траншей, гдѣ въ то время производились работы. Отрядъ этотъ возвратился въ редутъ безъ всякой потери.

Одновременно, съ другой стороны, небольшая команда храбрыхъ Черноморскихъ казаковъ при одномъ офицерѣ бросилась на французскія траншеи, взяла въ плѣнъ 8 Французовъ и заклепавъ большія мортиры, захватила три малыхъ. Мортиры эти немедленно были обращены противу тѣхъ же самыхъ траншей, на которыхъ захвачены храбрыми казаками.

Такимъ образомъ кончился ноябрь мѣсяцъ. Союзные флоты должны были оставить Балтійское Море, въ которое весною вступили они съ такими громкими надеждами, и обратить все свое вниманіе на Севастополь. Въ Парижѣ много шуму надѣлалъ ложный слухъ о взятіи этой крѣпости, и въ то время, когда Парижане предавались восторгу, союзныя арміи въ виду этого самого Севастополя, который уже былъ вдвое сильнѣе, чѣмъ при началѣ осады, готовились ко всевозможнымъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, какимъ только можетъ быть подвержено многочисленное войско въ непріятельскомъ краю, посланное не по глубоко обдуманному плану опытныхъ генераловъ, а по волѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Правда, что правительства, какъ англійское такъ и французское, приняли мѣры къ продовольствію своихъ армій, къ устройству госпиталей и помѣщеній, но это было уже поздно, а злоупотребленія англійскихъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ довели англичанъ до совершеннаго бѣдствія. Союзники полагали, что противъ ихъ осады не устоитъ Севастополь и потому затѣяли импровизированную Крымскую экспедицію. Но вышло иначе: храброе Русское войско не только защищало городъ съ обычнымъ мужествомъ, а еще

показало врагу, что Русскіе инженеры подъ громъ канонады, осыпавшей Севастополь разрушительными снарядами, успѣли усилить укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ сами союзники отдали намъ честь, и съ грустью увидѣли, что нечего и думать было овладѣть до зимы Русскою твердынею.

Въ началѣ декабря непріятель продолжалъ канонаду, наши мѣшали его работамъ, а по ночамъ дѣлали частыя и успѣшныя вылазки; но съ 4-го по 8-е союзники заняты были преимущественно оборонительными работами на Сапунъ-Горѣ, гдѣ они располагали устроить свое положеніе.

Съ 8-го на 9-е, ночью нѣсколько мелкихъ партій охотниковъ атаковали лѣвый флангъ англійскихъ траншей съ такою быстротою, что прикрытіе, не успѣвъ принять мѣръ къ сопротивленію, было опрокинуто; значительную часть охотники переколотили штыками, взявъ въ плѣнъ 30 офицеровъ и 33 рядовыхъ.

Въ числѣ офицеровъ дѣлавшихъ вылазки, отличался особенно лейтенантъ Бирюлевъ. 19 числа ночью выйдя съ партіей охотниковъ для помѣхи Французамъ, работавшимъ въ траншеяхъ, онъ не только причинилъ имъ вредъ, но и захватилъ 10 человѣкъ зуавовъ.

Въ заключеніе года, съ 31-го декабря на 1-е января сдѣлана была нашими вылазка, распространившая въ англійскомъ лагерѣ большую тревогу, при чемъ взято въ плѣнъ 14 англичанъ и 4 француза.

Такъ кончился 1854 годъ, въ послѣднемъ мѣсяцѣ котораго начались для союзниковъ всевозможныя бѣдствія въ лагерѣ по случаю недостатка въ помѣщеніяхъ и даже въ жизненныхъ потребностяхъ. Въ особенности страдала англійская армія, которая хотя и имѣла въ Константинополѣ своихъ чиновниковъ для снабженія ее всѣмъ необходимымъ, однако, какъ замѣчено было выше, чиновники эти недобросовѣстно исполняли свою обязанность.

Осадныя работы союзниковъ подвигались весьма медленно, во первыхъ, потому что наступило ненастное и холодное время года, а во вторыхъ, еще и оттого, что наши безпрестанно старались вредить имъ и по временамъ наносили чувствительный уронъ.

Въ Севастополѣ же и въ войскахъ расположенныхъ на полуостровѣ все обстояло благополучно: городъ окончательно укрѣпился, а состояніе здоровья войскъ, ихъ помѣщенія и продовольствіе были въ хорошемъ положеніи.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи ничего замѣчательнаго не происходило; Турецкая же армія играла самую жалкую роль у союзниковъ, которые заставляли Турокъ исполнять самыя тяжелыя работы.

1855.

Со 2-го на 3-е января вылазка изъ 350 охотниковъ подъ начальствомъ капитана направлена была на французскія траншеи; въ этой вылазкѣ непріятель понесъ значительный уронъ и у него взято 5 человѣкъ въ плѣнъ.

10 числа, вблизи Евпаторіи выброшенъ на мѣль Французскій военный транспортъ, и хотя на помощь къ нему спѣшилъ непріятельскій пароходъ, однако экипажъ транспорта принужденъ былъ сдаться посланному къ тому мѣсту полуэскадрону уланъ при двухъ орудіяхъ. Транспортъ съ грузомъ сѣна сожженъ.

Съ 15-го на 16-е ночью непріятель началъ пускать въ городъ ракеты большаго калибра, непричинившія однако же намъ никакого вреда. Артиллерія наша успѣшно отвѣчала на огонь непріятельскихъ батарей.

Съ 19-го на 20-е января произведена вылазка партіей охотниковъ изъ 330 человѣкъ подъ начальствомъ извѣстнаго лейтенанта Бирюлева, противъ праваго фланга французскихъ траншей. Охотники наши, подойдя къ ложементамъ занятымъ непріятелемъ, ударили въ штыки и выбили его оттуда. Храбрый лейтенантъ Бирюлевъ шесть разъ бросался на ближайшія траншеи и причинилъ такой уронъ Французамъ, что одна изъ траншей наполнена была ихъ тѣлами. При этомъ взято въ плѣнъ 3 офицера и 7 нижнихъ чиновъ. У насъ убито 4, а ранено 34 человѣка.

29-го января послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о призывѣ Государственнаго ополченія.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Всенародно:

«Желаніе Наше мирнаго, безъ употребленія силы оружія, безъ продолженія кровопролитія, достиженія постоянной Нашей цѣли, защиты правъ единовѣрцевъ Нашихъ и вообще всего Христіанства на Востокѣ, извѣстно любезнымъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

«Оно извѣстно и всѣмъ, тщательно и безпристрастно наблюдавшимъ за ходомъ событій и неуклоннымъ направленіемъ Нашихъ дѣйствій. Мы были и останемся навсегда чужды всякимъ инымъ побужденіямъ и видамъ въ дѣлѣ Вѣры и совѣсти. Слѣдуя и нынѣ симъ, принятымъ Нами правиламъ, Мы изъявили согласіе на открытіе переговоровъ съ Западными Державами, вступившими въ непріязненный противъ Насъ съ Портою Оттоманскою союзъ. Считаемъ справедливымъ ожидать отъ нихъ такой же искренности, такого жъ безкорыстія въ намѣреніяхъ, и не теряемъ надежды возстановить желаемый, драгоцѣнный для всего Христіанства миръ. Но между тѣмъ однакожъ, при видѣ собираемыхъ ими силъ и другихъ къ борьбѣ съ Нами приготовленій, кои не смотря на начинающіеся переговоры, не прекращаются, и еще безпрестанно, съ каждымъ почти днемъ, достигаютъ обширнѣйшаго развитія, Мы обязаны и съ Своей стороны помышлять не медля объ усиленіи данныхъ Намъ объ Бога средствъ, для обороны Отечества, для того, чтобы поставить твердый, могущественный оплотъ противъ всѣхъ враждебныхъ на Россію покушеній, противъ всѣхъ замысловъ на ея безопасность и величіе. Исполняемъ сей первѣйшій Нашъ долгъ, и призвавъ на помощь Всевышняго, съ полнымъ упованіемъ на милость Его, съ полнымъ довѣріемъ къ любви Нашихъ подданныхъ, еди-

подушныхъ съ Нами въ чувствѣ преданности къ Вѣрѣ, Церкви Православной и къ любезному Отечеству Нашему, обращаемся съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ Государства, повелѣвая:

«Приступить ко всеобщему Государственному ополченію.

«Правила о составѣ и устройствѣ сего ополченія разсмотрѣны и утверждены Нами и подробно означаются въ особомъ положеніи. Они будутъ въ точности и съ ревніемъ повсюду приведены въ исполненіе.

«Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасали всегда смиренная Вѣра въ Провидѣніе и тѣсная, ни чѣмъ незыблемая связь Царя съ подданными, усердными дѣтьми Его. Да будетъ такъ и нынѣ: да поможетъ Намъ читающій въ сердцахъ, благословляющій чистыя намѣренія Богъ.

«Данъ въ Санктпетербургѣ въ 29 день Января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятое, царствованія же Нашего въ тридцатое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Николай.»

За тѣмъ въ январѣ ничего достопримѣчательнаго не происходило. Союзники не могли продолжать успѣшно своихъ работъ по причинѣ безпрерывныхъ нашихъ вылазокъ, а въ концѣ мѣсяца потери въ людяхъ у Англичанъ были такъ значительны, что Французы одни содержали въ траншеяхъ караулы.

1-го февраля во французскихъ траншеяхъ взорванъ пороховой погребъ.

Князь Меншиковъ, желая узнать, въ какихъ силахъ непріятель занимаетъ Евпаторію и не будетъ ли возможности выбить его оттуда, предписалъ генералъ-лейтенанту Хрулеву произвести съ частью войскъ находящихся въ окрестностяхъ этого города, усиленную рекогносцировку.

5-го февраля, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, подведя войска на 250 сажень къ городу, открылъ по немъ перекрестный артиллерійскій огонь.

Хотя непріятель и отвѣчалъ сильною канонадою, однако артиллерія наша дѣйствовала такъ успѣшно, что взорвала 5

непріятельскихъ зарядныхъ ящиковъ и подбила нѣсколько орудій.

Увлеченные этимъ успѣхомъ, два наши батальона, батальонъ греческихъ волонтеровъ и три сотни Донскихъ казаковъ подошли къ самому городу и завязали съ непріятелемъ жаркую перестрѣлку. Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, удостовѣрившись однако же, что въ Евпаторіи находилось до 40 тысячъ войска при 100 орудіяхъ, и предвидя, что нельзя ожидать важныхъ послѣдствій въ дѣйствіи противу многочисленнаго непріятеля, счелъ за нужное вывести войска изъ подъ выстрѣловъ. Чрезвычайно трудное это движеніе исполнено было нашими въ величайшемъ порядкѣ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась до 500 человѣкъ убитыми и ранеными.

Съ 9-го на 10-е число исполнено было смѣлое предпріятіе, которое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Сообразивъ, что чрезвычайно выгодно имѣть намъ редуты впереди лѣваго фланга Севастопольскихъ укрѣпленій, главнокомандующій приказалъ отряду войскъ приступить къ постройкѣ редута на отлогости Сапунъ-Горы. Отрядъ нашъ приблизился къ означенной мѣстности такъ осторожно и занялъ ее такъ внезапно, что непріятель не смѣлъ намъ препятствовать и только съ разсвѣтомъ началъ перестрѣлку съ нашими штуцерными, а въ это время начали уже наши строить редутъ, названный Селенгинскимъ. Названіе это дано было по той причинѣ, что постройка возложена была на Селенгинскій пѣхотный полкъ.

Съ 11-го на 12-е, въ два часа пополуночи, пластуны, находившіеся въ секретахъ, дали знать начальнику отряда производившаго постройку редута, генералъ-маіору Хрущеву, что впереди траншей непріятельскія войска строятся. Тотчасъ же генералъ-маіоромъ Хрущевымъ были приняты мѣры, и хотя передовая цѣпь наша открыла сильный огонь, однако же непріятель успѣлъ ворваться въ ровъ строившагося редута, гдѣ и завязалъ страшный рукопашный бой съ батальономъ Селенгинскаго полка. Въ это время подоспѣли еще два наши батальона, и непріятель былъ отбитъ, оставивъ ровъ наполненный тѣлами своихъ убитыхъ.

Другая непріятельская колонна, направленная лѣвѣе редута, была встрѣчена и отражена батальономъ Волынскаго полка, находившимся въ томъ мѣстѣ.

Тогда генералъ-маіоръ Хрушевъ приказалъ бить наступленіе, повелъ храбрыхъ Волынцевъ въ штыки, и непріятель послѣ жестокаго рукопашнаго боя побѣжалъ въ безпорядкѣ. Въ это время свѣжая французская колонна спѣшила на помощь своимъ, но батальонъ Селенгинцевъ и двѣ роты Волынцевъ съ барабаннымъ боемъ устремились на нее и опрокинули въ лощину подъ выстрѣлы нашихъ батарей и пароходовъ.

Непріятель два раза пытался перейти въ наступленіе, но оба раза былъ поражаемъ и оттѣсняемъ къ траншеямъ, наконецъ долженъ былъ отступить рѣшительно, не успѣвъ такимъ образомъ не только выбить насъ изъ позиціи, но даже помѣшать окончанію постройки редута. Потеря союзниковъ въ этомъ дѣлѣ простиралась до 600 человѣкъ.

У насъ убито 65, ранено 24.

Съ 16-го на 17-е, войска наши снова заложили редутъ подъ Георгіевской балкой, а какъ строилъ его Волынскій пѣхотной полкъ, то редутъ и названъ Волынскимъ. Непріятель не замѣтилъ ночныхъ нашихъ работъ, когда же разсвѣло, онъ открылъ сильный огонь изъ ложементовъ, что однако же не могло уже помѣшать начатой постройкѣ....

18-е февраля памятно каждому Русскому. Въ этотъ день скончался Императоръ Николай Павловичъ, и въ Бозѣ почившему Государю неизвѣстны уже были послѣдніе блистательные подвиги Его храбрыхъ защитниковъ Севастополя....

II.

От кончины Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА до 6-го іюня включительно.

19-го февраля, Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ своихъ предковъ, возвѣстивъ объ этомъ событіи Россіи слѣдующимъ манифестомъ:

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

«Неисповѣдимому въ путяхъ Своихъ Богу угодно было поразить всѣхъ насъ неожиданнымъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Родитель Нашъ Государь Императоръ Николай Павловичъ послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни,

развившейся въ послѣдніе дни съ неимовѣрною быстротою, скончался сего 18-го Февраля. Никакія слова не могутъ выразить скорби Нашей, которая будетъ скорбію и всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ. Смиряясь предъ таинственными судьбами Небеснаго Промысла Мы только въ Немъ ищемъ Себѣ утѣшенія и отъ Него ожидаемъ дарованія Намъ силъ для подъятія бремени волею Его на Насъ возлагаемаго. Какъ оплакиваемый Нами Любезнѣйшій Родитель Нашъ посвящалъ всѣ Свои усилія, всѣ часы Своей жизни, трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, такъ и Мы въ сей печальный, но и торжественный важный часъ, вступая на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицемъ невидимо соприсутствующаго Намъ Бога, пріемлемъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества Нашего. Да руководимые, покровительствуемые призвавшимъ Насъ къ сему Великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей степени могущества и славы, да исполняются чрезъ Насъ постоянныя желанія и виды Августѣйшихъ Нашихъ предшественниковъ Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и Незабвеннаго Нашего Родителя.

«Испытанное усердіе любезныхъ Нашихъ подданныхъ, теплыя мольбы ихъ соединенныя съ Нашими, предъ олтаремъ Всевышняго будутъ Намъ пособіемъ. Призываемъ ихъ къ сему, повелѣвая имъ съ тѣмъ вмѣстѣ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

«Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 18 день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятьдесятъ пятое, Царствованія же Нашего въ первое.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Александръ.»

Государь Императоръ съ первой минуты вступленія своего на престолъ обнаружилъ, что Онъ желаетъ неуклонно слѣдовать по стопамъ своего Державнаго Родителя, относительно

внѣшней политики и энергически продолжать защиту Отечества. Это было выражено Его Величествомъ и въ рѣчи Его Дипломатическому Корпусу и въ милостивыхъ словахъ С.-Петербургскому дворянству.

Дворянство С. Петербургской губерніи еще при жизни Императора Николая Павловича собралось для снаряженія ополченія, и постановило повергнуть къ подножію Престола всеподданнѣйшее выраженіе чувствъ своей преданности.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Его Величеству это вѣрноподданническое выраженіе, на которое нынѣ благополучно царствующій Императоръ изволилъ отвѣчать депутаціи С. Петербургскаго дворянства:

«Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы передать вамъ слова покойнаго Нашего Благодѣтеля, незабвеннаго Родителя Моего. Онъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ читать Самъ выраженія вашихъ чувствъ: эта обязанность была возложена на Меня. Ваше усердіе, господа, усладило Его минуты. Выслушавъ ихъ, онъ сказалъ: «Благодарю ихъ, благодарю искренно; скажи имъ, что Я никогда не сомнѣвался въ ихъ преданности, а теперь еще болѣе въ ней убѣдился.» Благодарю васъ, господа! Я увѣренъ, что эти слова глубоко залягутъ въ вашемъ воспоминаніи. Вы въ головѣ другихъ, передайте ихъ всѣмъ. Времена трудныя: Я всегда говорилъ покойному Государю, что твердо уповаю, что Богъ милостію своею сохранитъ Россію. Я надѣялся дожить вмѣстѣ до дней радостныхъ: но Богу угодно было рѣшить иначе. Я въ васъ, господа, увѣренъ. Я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что Дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова настоящимъ благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добра. Не унывать! Я съ вами, вы со Мною»..... Потомъ, сотворивъ знаменіе креста. Государь продолжалъ: «Господь намъ да поможетъ! Не посрамимъ земли Русскія!» За симъ, обнявъ Губернскаго предводителя, Государь присовокупилъ: «Въ лицѣ вашемъ еще разъ благодарю все дворянство. Прощайте, господа, Богъ съ вами»....

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались.

21-го февраля, непріятель въ числѣ восьми эскадроновъ турецкой кавалеріи вышелъ изъ Евпаторіи и бросился на лѣвый флангъ нашихъ аванпостовъ. Уланы въ числѣ трехъ

эскадроновъ и небольшаго количества казаковъ, не только встрѣтили врага, но сами атаковали его, разбили и преслѣдовали почти къ самому городу, откуда начала выходить непріятельская пѣхота. Тогда начальникъ аванпостовъ остановилъ преслѣдованіе и возвратилъ уланъ и казаковъ къ исполненію прежней обязанности.

Подъ Севастополемъ, осадныя работы непріятеля продолжались медленно, а минныя дѣйствія союзниковъ всегда были отражаемы съ успѣхомъ, такъ что постоянно они обращались во вредъ самому непріятелю.

Съ 26-го на 27-е заложено нами новое укрѣпленіе на Сапунъ-Горѣ, въ 300 саженяхъ впереди Корниловскаго бастіона, названное Камчатскимъ, потому что сдѣлано Камчатскимъ полкомъ.

2-го марта восемь эскадроновъ турецкихъ уланъ снова напали на аванпосты нашего евпаторійскаго отряда; но два наши эскадрона, съ небольшимъ количествомъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ обратили непріятеля въ бѣгство.

3-го сдѣлана была нами удачная вылазка отрядомъ изъ 700 человѣкъ охотниковъ, подъ начальствомъ штабъ-офицера. Раздѣлясь на двѣ колонны, отрядъ нашъ стремительно бросился на французскую траншею и не взирая на перекрестный огонь, вытѣснилъ изъ нее непріятеля съ большою для него потерею. Только съ приближеніемъ подкрѣпленія къ непріятелю, начальникъ охотниковъ подалъ сигналъ къ отступленію, которое и совершено было въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечнымъ огнемъ союзниковъ.

5-го союзники, вскорѣ по наступленіи сумерекъ, открыли сильный ружейный огонь изъ своихъ траншей по нашимъ ложементамъ, впереди вновь возведеннаго нами Камчатскаго редута, а вслѣдъ за тѣмъ изъ всѣхъ ближайшихъ непріятельскихъ батарей раздалась канонада.

Въ то же время, намѣреваясь овладѣть редутомъ, три колонны зуавовъ, предшествуемыя застрѣльщиками, бросились въ интервалы между нашими передовыми ложементами.

Тогда вышли изъ редута наши три роты и стремительно атаковавъ непріятеля, отбросили его штыками къ ложементамъ, занятымъ нашими стрѣлками, которые, пользуясь

раЗстройствомъ вражескихъ колоннъ, ударили на нихъ съ тыла.

Зуавы бѣжали.

Подкрѣпивъ свои разстроенныя колонны, непріятель снова открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь.

Зуавы вторично бросились на ложементы, но встрѣченные шестью нашими ротами, были опрокинуты въ свои окопы, куда ворвались наши войска и завязали рукопашный бой, стоившій французамъ значительнаго урона.

9-го, Турки, въ числѣ осьмнадцати эскадроновъ, при двѣнадцати конныхъ орудіяхъ и нѣсколькихъ батальоновъ съ пѣшею артиллеріею, вышли изъ Евпаторіи и неоднократно пытались перейдти каменный мостъ на рукавѣ Гнилаго озера, но каждый разъ наша конная артиллерія встрѣчала ихъ сильнымъ огнемъ и они къ ночи должны были отступить.

Съ 10-го на 11-е произведена была вылазка значительнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одиннадцати батальоновъ и небольшаго числа моряковъ, подъ начальствомъ генерала Хрулева.

Возведеніе передовой оборонительной нашей линіи сильно препятствовало работамъ осаждающаго, такъ что 10-го огонь нашихъ штуцерныхъ и артиллеріи изъ вновь вооруженнаго люнета, заставилъ непріятеля прекратить работы; и потому не оставалось сомнѣнія, что союзники употребятъ всѣ усилія ночью, чтобы двигаться впередъ летучею сапою.

Войска наши, предварительно выстроившись по обѣимъ сторонамъ укрѣпленія, смѣло пошли впередъ, овладѣли подъ жестокимъ огнемъ ближайшими непріятельскими подступами и ворвались въ главную французскую траншею, не смотря на отчаянное сопротивленіе. Матросы немедленно срыли всѣ работы осаждающаго.

Цѣлую ночь продолжался кровопролитный рукопашный бой, и хотя Французы оборонялись съ упорствомъ, однако оттѣснены были къ своей задней параллели.

Для отвлеченія силъ непріятеля, сдѣланы были одновременно съ этимъ нападеніемъ двѣ другія вылазки лѣвѣе и правѣе Камчатскаго люнета; наши ворвались въ англійскія траншеи, произвели въ нихъ опустошенія, заклепали нѣсколько мортиръ, разрушили работы и перекололи множество непріятелей, захвативъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ.

Успѣшная вылазка эта была тѣмъ болѣе необходима, что по показаніямъ плѣнныхъ, непріятель намѣревался во что бы то ни стало, овладѣть въ ночь съ 10-го на 11-е нашими ложементами впереди Камчатскаго люнета, для того, чтобы произвести значительныя работы летучею сапою.

Во все время боя, городъ былъ сильно бомбардированъ.

Въ послѣдующія за тѣмъ числа марта особенныхъ дѣлъ не было, но въ концѣ мѣсяца осаждающіе открыли необыкновенно сильное бомбардированіе, такъ что 25-го ими было брошено въ городъ до 20,000 снарядовъ. Гарнизонъ отвѣчалъ дѣятельно, и въ тоже время исправлялъ поврежденія.

31-го непріятель произвелъ въ превосходныхъ силахъ нападеніе на ложементъ, устроенный впереди 5-го бастіона, но былъ отбитъ съ урономъ; дальнѣйшія его попытки овладѣть упомянутымъ ложементомъ, тоже остались безъ всякаго успѣха....

Между тѣмъ въ Вѣнѣ открылись мирныя конференціи.

Еще въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ изъявилъ согласіе на открытіе ихъ, желая прекратить тягостную и кровопролитную войну. Но переговоры эти, послѣ нѣсколькихъ конференцій, должны были прекратиться, потому что требованія западныхъ державъ, скорѣе походили на вымогательство, чѣмъ на мирныя предложенія, и не могли быть ни въ какомъ случаѣ приняты Россіею; а военныя дѣйствія продолжались съ прежней энергіею.

Съ 1-го на 2-е апрѣля непріятель, замѣтивъ наши работы по соединенію отдѣльныхъ ложементовъ впереди 5-го и 6-го бастіоновъ, два раза атаковалъ ихъ, имѣя даже съ собою полевую артиллерію, но послѣ рукопашнаго боя и картечнаго огня, принужденъ былъ отступить.

По 3-е апрѣля непріятелю не удалось произвесть работъ, которыя были постоянно останавливаемы мѣткими выстрѣлами нашей артиллеріи.

Въ ночь съ 6-го на 7-е три роты пѣхоты и сто человѣкъ охотниковъ, подъ командою штабъ-офицера, сдѣлали очень успѣшную вылазку, переколовъ и перестрѣлявъ непріятеля занятаго работой, испортивъ эти работы и подведя подоспѣвшій непріятельскій резервъ подъ сильнѣйшій огонь 4-го бастіона.

По 12 число, наши дѣятельно мѣшали работамъ осаждающаго, какъ огнемъ крѣпостной артиллеріи, такъ и вылазками; подземная война его тоже не имѣла успѣха.

Для воспрепятствованія Французамъ занять возвышеніе въ 40—50 саженяхъ впереди бастіона № 5, гдѣ они очень удобно могли заложить батарею, — мы устроили съ боя, въ продолженіе пяти дней, двѣ сильныя траншеи, съ особымъ сообщеніемъ.

Съ 12 на 13, приступлено было къ возведенію этихъ работъ. Начальство надъ особыми командами для этого назначенными и прикрытіемъ изъ 5 батальоновъ ввѣрено было генералъ-маіору Хрущову, отбившему въ февралѣ нападеніе непріятеля на Селенгинскій и Волынскій редуты.

Вечеромъ въ 8 часовъ, во время разставленія нашей цѣпи и прикрытія, осаждающій открылъ сильный ружейный огонь по возводимымъ работамъ и послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ повелъ на нихъ усиленную атаку. Оттѣснивъ передовыя войска наши, онъ приступилъ къ разрушенію ложементовъ. Тогда два батальона наши съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «ура» стремительно ударили въ штыки и выгнали Французовъ. Въ 9 часовъ непріятель возобновилъ атаку, но принужденъ былъ отступить въ свои траншеи. Ложементы, остались у насъ въ рукахъ, а къ утру 13-го они были исправлены, утолщены, и сзади ихъ устроены два новые ложемента.

19-го ночью, непріятель ставувъ до 10,000 человѣкъ противъ новыхъ завалов нашихъ впереди 5 бастіона, сильною атакою овладѣлъ ими и взялъ находившіяся тамъ 9 малыхъ кугорновыхъ мортиръ.

20-го нами произведена была усиленная рикогносцировка для узнанія какими силами непріятель занимаетъ оставленныя нами траншеи. Для этого 180 человѣкъ охотниковъ подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, заняли ближайшую къ нимъ траншею, выгнавъ изъ нее Французовъ. Послѣ чего, убѣдившись что передняя траншея занята весьма сильно непріятелемъ, охотники наши отозваны были назадъ.

23-го, удачно брошенными бомбами взорваны два погреба на французской 8-ми орудійной батареѣ противу 5-го бастіона, и батарея эта замолчала.

Въ ночь съ 23 по 24 произведены нами двѣ весьма удачныя малыя вылазки.

24-го выстрѣломъ съ батареи у бастіона № 4, произведенъ былъ сильный взрывъ на непріятельской батареѣ.

27-го апрѣля сдѣлана была нами небольшая вылазка изъ редута Шварца, имѣвшая послѣдствіемъ разореніе ближайшей части непріятельскихъ подступовъ и устройство удобнаго завала для секрета.

Съ 29-го на 30, 165 охотниковъ подъ прикрытіемъ батальона, раздѣлясь на два отряда бросились разорить работы осаждающаго на скатѣ Зеленой горы и выбивъ оттуда непріятеля, заклепали нѣсколько орудій.

1-го мая вечеромъ 160 нашихъ охотниковъ, поддержанные батальономъ пѣхоты, собравшись въ ложементахъ между 5 и 6 бастіонами, раздѣлились на двѣ колонны и тихо подползли къ французской траншеѣ. Замѣченные непріятелемъ, они съ крикомъ «ура!» бросились въ самую траншею, гдѣ произошла жестокая рукопашная схватка. Когда же непріятельскіе резервы поспѣшили на выручку къ товарищамъ, тогда наши охотники, испортивъ сколько было можно работы осаждающаго и нанеся ему значительный уронъ, отошли подъ защиту своихъ орудій.

Въ ту же ночь другая вылазка произведена была въ переднюю траншею противъ редута Шварца. Но охотники, поддержанные батальономъ пѣхоты, бросились въ траншею и выбили изъ нее Французовъ, переколовъ до 50 человѣкъ. Тогда двѣ наши роты разбросавъ непріятельскіе туры, возвратились къ своимъ, — съ приближеніемъ превосходныхъ вражескихъ силъ.

3-го и 4-го прибылъ къ союзникамъ вспомогательный корпусъ Сардинцевъ, состоявшій изъ 15,000 человѣкъ.

Съ 6-го по 7 осаждающій дѣлалъ нападеніе на передовые наши ложементы между 5 и 6 бастіонами, — но былъ отбитъ.

7-го мая горсть охотниковъ, — 17 человѣкъ матросовъ, — разорили крайній англійскій ложементъ и возвратились безъ всякой потери, захвативъ 36 туровъ и нѣсколько кирокъ и лопатъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е, желая привести къ окончанію траншею, заложенную наканунѣ впереди нашихъ ложемен-

товъ, князь Горчаковъ приказалъ, для прикрытія этихъ работъ, сосредоточить около 10 егерскихъ батальоновъ впереди 6-го бастіона. Начальство надъ этими войсками поручено было генералъ-лейтенанту Хрулеву.

Предъ самымъ открытіемъ работъ, непріятель повелъ атаку на взводимые нами ложементы, пустивъ сначала одинъ батальонъ, а потомъ возобновляя съ упорствомъ свои нападенія ввелъ въ дѣло до 17 батальоновъ. Завязался жесточайшій бой. На мгновеніе Французы овладѣли было ложементами, но вскорѣ наши выбили ихъ оттуда.

Поддержанный вновь прибывшимъ подкрѣпленіемъ, непріятель снова бросился на наши подступы, но егеря отбили его штыками и на плечахъ бѣгущаго врага достигли до непріятельскихъ окоповъ, и часть ихъ раззорили. Ложементы три раза переходили изъ рукъ въ руки.

Для подкрѣпленія войскъ нашихъ выслано было еще нѣсколько батальоновъ, и не смотря на всѣ усилія непріятеля онъ былъ пораженъ окончательно на разсвѣтѣ и отступилъ съ огромнымъ урономъ въ свои окопы.

Мы потеряли въ этомъ бою убитыми: 765, а ранеными: 1426.

Уронъ непріятельскій былъ гораздо значительнѣе.

Въ ночь съ 11-го на 12, союзники стянули густыя массы войскъ за кладбищемъ впереди 5-го бастіона и послѣ сильной канонады двинулись снова къ тѣмъ же ложементамъ, отъ которыхъ были отбиты предшествовавшею ночью.

Нашихъ было всего только два батальона, которые по данному сигналу и отошли къ своимъ укрѣпленіямъ, а эти послѣднія открыли по наступающимъ колоннамъ сосредоточенный перекрестный огонь.

Французы хотя и успѣли разрушить два ближайшіе къ кладбищу завалы, однако потерпѣли весьма значительный уронъ.

12-го утромъ, въ Керченскомъ проливѣ появился непріятельскій флотъ изъ 70 судовъ, съ десантнымъ войскомъ въ 25,000 человѣкъ. По случаю сильнаго тумана, приближеніе союзнаго флота было усмотрѣно нами въ то время, когда онъ былъ уже довольно близко.

Расположа большіе корабли внѣ выстрѣла Павловской батареи, а пароходы и гребныя суда подъ покровительствомъ

огня съ своихъ кораблей, непріятель тотчасъ приступилъ къ высадкѣ. Около 6 колоннъ двинулись въ тылъ нашей батареѣ. Горсть войскъ нашихъ, уступая многочисленности врага, истребила всѣ запасы и, заклепавъ орудія, отступила.

Тогда союзники устремились въ Керченскую бухту. Береговыя наши батареи завязали пальбу съ непріятельскими пароходами, продолжавшуюся до ночи. Въ это время командиръ Еникальскаго укрѣпленія взорвалъ пороховой погребъ и заклепавъ орудія удалился.

Находившіеся въ Керчи суда съ пшеницей, овсомъ, ячменемъ — сожжены, — транспортныя суда съ грузомъ затоплены, а три парохода взорваны.

13-го на разсвѣтѣ, устроенная на Тамани батарея возобновила пальбу по непріятельскимъ пароходамъ, но гарнизонъ принужденъ былъ оставить ее и поднять на воздухъ, потому что противъ нее направились десантныя войска.

Утромъ того же числа Керчь была занята союзниками, и въ тотъ же день непріятельская эскадра вступила въ Азовское море.

Съ 14-го на 15-е, подъ Евпаторіею нашими передовыми постами сдѣлано нападеніе, на отдѣльный турецкій постъ, стоявшій у селенія Сакъ. По тревогѣ непріятель вывелъ изъ города 4 бат. 12 эскдр., съ 10 орудіями и толпою Башибузуковъ. Послѣ часовой перестрѣлки, Турки удалились, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и плѣнными.

15-го непріятель былъ въ Бердянскѣ и сжегъ тамъ два дома, каботажныя суда, и значительную часть складовъ пшеницы.

15-го же въ Финскомъ заливѣ, нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ и винтовыхъ фрегатовъ, пройдя островъ Сескаръ, бросились во всѣ стороны за судами, шедшими къ Кронштадту. Двухъ мачтовый гальясъ, нагруженный дровами, видя что за нимъ гонится непріятель, ретировался къ берегу Коравандоя, гдѣ люди, бросивъ якорь въ одной верстѣ отъ берега, сами отправились на небольшой шлюпкѣ на материкъ. Непріятельскій фрегатъ остановился, сдѣлалъ выстрѣлъ холостымъ зарядомъ, спустилъ двѣ шлюпки, и съ десантомъ устремился къ гальясу. Обобравъ на немъ вещи, непріятель взялъ призъ на бакштокъ.

Другой большой пароходъ погнался за двумя судами въ Копорскую бухту, куда тѣ хотѣли скрыться къ устью рѣки Ковашн; но пароходъ, догнавъ суда на пушечный выстрѣлъ, сталъ стрѣлять по нимъ ядрами: сбилъ рангоутъ и паруса, и принудилъ суда остановиться; тогда поровнявшись съ телеграфомъ № 4, на Устьинскомъ мысѣ, сдѣлалъ по немъ четыре выстрѣла ядрами, которыя не причинили никакого вреда. Суда были взяты, изъ которыхъ одно затоплено, а другое сожжено.

17-го, эскадра изъ 16-ти военныхъ судовъ появилась у Геническаго пролива, и чрезъ парламентера потребовала выдачи всѣхъ находившихся тамъ судовъ и казенныхъ запасовъ хлѣба. Получивъ съ нашей стороны отказъ, непріятель открылъ съ эскадры пальбу, отъ которой загорѣлись нѣкоторыя суда и бывшіе на берегу склады хлѣба. Картечные выстрѣлы двухъ орудій, поставленныхъ у пролива, заставили непріятельскія суда отплыть отъ берега.

17-го же, подъ Севастополемъ непріятель пытался овладѣть однимъ изъ вновь устроенныхъ нами ложементовъ, но встрѣченный огнемъ штуцерныхъ и подоспѣвшихъ на помощь 90 человѣкъ пѣхоты, отступилъ съ урономъ.

18-го, непріятельскіе пароходы подходили къ одной изъ пристаней, близь Арабата, и стрѣляли по находившимся тамъ складамъ; ими сожжены одно купеческое судно и нѣсколько лодокъ.

19-го въ полдень, три непріятельскіе парохода подошли на разстояніе одной версты къ Либавскому порту и, ставъ на якорь, спустили нѣсколько вооруженныхъ шлюпокъ, изъ коихъ три, подъ парламентерскимъ флагомъ, вошли въ гавань. Между тѣмъ, какъ находившійся при этихъ шлюпкахъ офицеръ, имѣлъ объясненіе съ прибывшимъ на берегъ Либавскимъ бургомистромъ, 12-ть другихъ непріятельскихъ шлюпокъ проникли далѣе въ гавань и вывели оттуда небольшой желѣзный пароходъ, стоявшій тамъ безъ машинъ и колесъ, и принадлежавшій конкурсной массѣ, оставшейся послѣ умершаго въ прошломъ году Либавскаго купца и Датскаго консула Серенсена. Вмѣстѣ съ этимъ пароходомъ, непріятель захватилъ двѣ нагруженныя хлѣбомъ лодки, которыя, однако же, впослѣдствіи возвратилъ судохозяевамъ, отправившимся

за ними въ море, но подъ условіемъ, чтобъ они грузъ оставили въ свою пользу, а не отдавали его купцамъ, которымъ товаръ принадлежалъ.

20-го и 21-го мая прибыли къ Таганрогу десять непріятельскихъ пароходовъ и остановились въ пятнадцати верстахъ отъ города. Къ вечеру 21-го, присоединилась къ нимъ многочисленная флотилія изъ паровыхъ судовъ и канонирскихъ лодокъ; а 22-го, въ шесть часовъ утра, вся эскадра направилась къ самому берегу. Четыре парохода, ведя съ собою до 50-ти мелкихъ судовъ, приблизились къ берегу и чрезъ парламентера требовали сдачи города и вывода войскъ. Получивъ отказъ, непріятель открылъ огонь по бывшей крѣпости, несмотря на то, что въ этомъ мѣстѣ находились одни госпитали, и что на нихъ былъ выкинутъ госпитальный флагъ. Незначительная часть нашихъ войскъ, состоявшая изъ одного учебнаго полка, гарнизоннаго полубатальона и трехъ сотень казаковъ, при помощи 200 человѣкъ на-скоро вооруженныхъ жителей, размѣщены были для защиты города. Открывъ жестокую канонаду, непріятель чрезъ нѣсколько часовъ высадилъ 300 человѣкъ десанта. Рота гарнизоннаго полубатальона заставила непріятельскихъ стрѣлковъ отступить, а потомъ штыками принудила ихъ бѣжать къ своимъ лодкамъ. Въ городѣ отъ непріятельскихъ снарядовъ вспыхнулъ пожаръ, — уничтожившій 148 домовъ и разныхъ построекъ. Убитъ одинъ казакъ и ранено пятнадцать человѣкъ. Жителей убито: десять мужчинъ и одна женщина; ранено: двѣнадцать мужчинъ и шесть женщинъ.

Непріятельская эскадра отплыла къ Маріуполю.

Принявъ подъ команду, Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, генералъ Н. Н. Муравьевъ, заблаговременно сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи.

Съ 17-го по 21-е мая, Гурійскій отрядъ произвелъ рекогносцировку въ Кобулетскій санджакъ. Здѣсь войска наши и милиціонеры, преодолѣвъ необыкновенныя мѣстныя затрудненія, заставили Турокъ бросить сильный лагерь при Легвѣ и Очхорумѣ, и укрыться въ крѣпкой позиціи за рѣкою Кинтримемъ, подъ защитою неприступной крѣпости Цехедзиры.

При этомъ случаѣ боковые отряды изъ нашей милиціи проникли до поста св. Николая, гдѣ сожгли передовой не-

пріятельскій лагерь; также предано было пламени взятое съ боя село Гаура. Турки вездѣ отступали.

22-го же мая, союзники, вѣроятно съ цѣлью отвлечь вниманіе наше, предпринимали наступательное движеніе въ Байдарскую долину: утромъ, въ числѣ отъ шести до осьми тысячъ пѣхоты и кавалеріи, съ артиллеріею, они появились предъ нашими аванпостами въ направленіи отъ села Вернутки, и раздѣлясь на двѣ части, двинулись къ Байдарамъ и Бусокъ Мускоміи. Казачьи посты начали отступать къ рѣкѣ Черной. Въ это время двѣ сотни Донскихъ казаковъ ударили на кавалерію противника и оттѣснивъ ее, перешли за Черную. Потери почти не было. Съ наступленіемъ темноты, союзники оставили Байдарскую долину, а наши аванпосты заняли свои прежнія мѣста.

24-го утромъ, непріятельская эскадра подошла къ Маріуполю и чрезъ парламентера потребовала безпрепятственнаго впуска десанта для истребленія казеннаго имущества, а также требовала прохода въ рѣку Калміусъ для сожженія нашихъ каботажныхъ лодокъ. Непріятелю отвѣчали отказомъ, и онъ началъ бомбардированіе. Въ городѣ находился одинъ лишь Донской казачій полкъ, который и размѣщенъ былъ то въ самомъ городѣ, то въ предмѣстьѣ. Между тѣмъ въ рѣку Калміусъ вошло пять вооруженныхъ непріятельскихъ баркасовъ. которые быстро направились къ поселку Косоротово. Тогда, двѣ сотни казаковъ бросились по тому же направленію и помѣшали непріятелю опустошить поселокъ и истребить каботажныя суда въ рѣкѣ Калміусѣ. Непріятель началъ медленно отступать, и остановившись внѣ нашихъ выстрѣловъ, успѣлъ подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, высадить около биржи нѣсколько человѣкъ, которые зажгли находившійся по близости строевой лѣсъ и сосѣдніе частные магазины съ хлѣбомъ, солью и складами рыбы.

Въ часъ пополудни бомбардированіе кончилось, и въ шесть часовъ флотилія оставила рейдъ, разрушивъ въ городѣ дѣйствіемъ артиллеріи и поджогомъ болѣе двадцати жилыхъ домовъ и хлѣбныхъ амбаровъ, а на биржѣ всѣ заведенія негоціантовъ.

Несмотря на жестокій огонь съ эскадры, раненыхъ и убитыхъ, какъ изъ казаковъ, такъ и изъ жителей, у насъ не было. Казенный провіантъ и имущество все спасено.

Между тѣмъ непріятель приступилъ къ самому жестокому и усиленному бомбардированію Севастополя, намѣреваясь овладѣть нашею крѣпостью, подъ стѣнами которой, съ прошлаго года онъ еще ничего не сдѣлалъ, и которая съ того времени успѣла удвоить или даже утроить свои укрѣпленія, въ виду цѣлой арміи осаждающаго.

Послѣ двухъ-дневнаго усиленнаго бомбардированія 26-го мая, въ седьмомъ часу пополудни, непріятель атаковалъ и занялъ ретуты: Камчатскій, Селенгинскій, Волынскій и батарею нашу между Селенгинскимъ редутомъ и бастіономъ № 1.

Атака на три упомянутыя передовыя Севастопольскія укрѣпленія была ведена тремя французскими дивизіями, при двухъ батальонахъ стрѣлковъ, кромѣ резервовъ и охотниковъ отъ всѣхъ полковъ французской арміи.

Упорный бой длился далеко за полночь; Камчатскій люнетъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, атакующій успѣлъ въ немъ утвердиться. Послѣ кровавой битвы окончательно отбита нами только батарея. Потеря непріятеля превышала 4,000 человѣкъ.

26-го же числа, около трехъ часовъ пополудни, англійскій трехмачтовый фрегатъ приблизился къ берегу у деревни Макслаксъ, верстахъ въ тридцати отъ Выборга. Встрѣченный здѣсь выстрѣлами нѣсколькихъ нашихъ полевыхъ орудій, непріятель началъ удаляться вдоль берега мимо деревни Курки, но двѣ роты нашихъ гвардейцевъ съ четырьмя орудіями провожали непріятельское судно, слѣдуя береговою дорогою. Англійскій фрегатъ, остановясь въ 400 саженяхъ отъ деревни Кискюля, началъ стрѣлять по ней. Тогда отрядъ нашъ, избравъ выгодную позицію, также открылъ огонь изъ полевыхъ орудій, несмотря на то, что непріятель стрѣлялъ залпами изъ бортовъ. Въ шесть часовъ, судно, потерпѣвъ поврежденія, ушло въ море.

По занятіи непріятелемъ Керчи и Еникале, наказный атаманъ Войска Донскаго, начальствующій также и въ Черноморіи, собралъ военный совѣтъ, — въ которомъ и было рѣшено: очистить Новороссійскъ и Анапу. Мѣра эта была необходима потому, что союзники, имѣя вблизи сильную эскадру съ десантнымъ войскомъ, могли бы въ самое короткое

время высадить его на кавказскій берегъ и поставить наши укрѣпленія въ неизбѣжную опасность. При томъ же Новороссійскъ, прикрытый только полевыми верками, собственно отъ покушенія горцевъ, и самая Анапа, старая турецкая крѣпость неправильной постройки, непредставляли требуемыхъ условій для успѣшной защиты противъ возможной, и съ моря и съ сухаго пути, атаки непріятеля, владѣющаго сильною артиллеріею и огромными морскими средствами. Слѣдовательно дальнѣйшее сохраненіе этихъ пунктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченіе сообщеній съ ними, только напрасно отвлекали бы значительную часть войскъ нашихъ отъ другихъ назначеній, болѣе соотвѣтствующихъ настоящему обороту дѣлъ.

Такимъ образомъ упразднены были Новороссійскъ и Анапа, а также очищены и окрестныя станицы Закубанскаго военнаго поселенія.

Войска наши перешли границу Азіатской Турціи, тронувшись тремя колоннами, по сосредоточенію у Александрополя и Ахалкалакъ всѣхъ частей дѣйствующаго корпуса. *Лѣвая* двинувшись изъ Александрополя, слѣдовала въ Агджа-Калы, средняя къ малымъ Кумылы, гдѣ вошла въ связь съ лѣвою колонною; правая, послѣ покушенія на Ардаганъ, должна была присоединиться къ главнымъ силамъ. Общимъ сборнымъ пунктомъ назначено сел. Кара-Чай, въ разстояніи перехода отъ Карса.

28-го, двѣ первыя колонны соединились у Агджа-Калы, гдѣ и остановилась въ ожиданіи *правой* колонны, бывшей подъ командою генералъ-лейтенанта Ковалевскаго. Авангардъ былъ выдвинутъ къ Заиму, а по направленію къ Ардагану вышелъ летучій отрядъ.

Во время наступленія главныхъ силъ, генералъ Ковалевскій, дойдя въ три перехода до селенія Ольтенъ, узналъ, что въ Ардаганѣ находится паша, которому ввѣрена защита края, и сюда же стягиваетъ свою милицію (до 9,000 человѣкъ), начальникъ Чандырскаго санджака, Асланъ-Паша. Узнавъ здѣсь же, что гарнизонъ Ардагана можно принудить

къ отступленію, дѣйствуя картечью съ батарей, устроенныхъ на правомъ берегу Куры, — генералъ Ковалевскій направился къ этой крѣпости. Не доходя до города, войска наши были встрѣчены старшинами Ардагана, которые изъявивъ покорность, поднесли ключи крѣпости и объявили, что начальствовавшій паша ушелъ въ Ольту, а Асланъ-Паша, съ остатками своей милиціи, въ большіе Геля.

30-го, генералъ Ковалевскій занялъ крѣпость и взорвавъ ея стѣны и батареи, — 31-го отправился въ с. Ольтенъ на соединеніе съ летучимъ отрядомъ.

2-го іюня, отъ главныхъ силъ перешедшихъ къ Заиму, — былъ отправленъ для осмотра мѣстности къ сторонѣ Карса небольшой отрядъ изъ 4 сотенъ линейныхъ казаковъ и 2 дивизіоновъ пикинеровъ, при четырехъ орудіяхъ казачьей артиллеріи. Кавалерію нашу поддерживали 4 батальона пѣхоты при четырехъ орудіяхъ. По приближеніи къ селенію Мопра, гдѣ находилось 400 Баши-бузуковъ, казаки ударили на нихъ въ шашки, и прогнали не только ихъ, но и два эскадрона турецкихъ уланъ, выдвинувшихся для поддержки передовой цѣпи.

Между тѣмъ подъ Севастополемъ союзники готовились къ чему-то рѣшительному, судя по усиліямъ, съ которыми они производили работы на занятыхъ передовыхъ редутахъ.

2-го, подъ вечеръ показались было въ виду Малахова Кургана, большія массы непріятельскихъ войскъ, предшествуемыя штурмовыми командами съ лѣстницами. Войска наши уже приготовились къ отраженію ночнаго штурма. Ночью однако же произошла лишь одна перестрѣлка.

5-го, на разсвѣтѣ непріятель открылъ жесточайшую канонаду по укрѣпленіямъ Корабельной стороны (III и IV отдѣленія), такъ что два часа сряду всѣ батареи его дѣйствовали непрерывными залпами; а послѣ полудня онъ началъ частую пальбу и противъ праваго нашего фланга. Общій огонь продолжался до позднаго вечера. Съ нашей стороны отвѣчали самою усиленною конанадою.

Съ сумерекъ и въ продолженіе всей ночи осаждающій бросалъ въ городъ, на рейдъ и на сѣверную сторону бомбы и ракеты; въ то же время отдѣлившійся отъ союзнаго флота пароходъ-фрегатъ стрѣлялъ залпами по рейду и городу.

Не смотря на непрерывное бомбардированіе и усиленную канонаду, — мужественные защитники Севастополя, подъ навѣснымъ и прицѣльнымъ огнемъ — исправляли поврежденія, замѣняли подбитыя орудія новыми, и къ утру были готовы встрѣтить непріятеля.

Линія, на которую была направлена атака союзниковъ, имѣетъ около четырехъ верстъ протяженія, отъ Киленъ-балки до Лабораторной Балки и составляетъ выпуклую дугу. 3-й бастіонъ отдѣляется отъ Корниловскаго Доковою балкою, на правомъ берегу которой находится смежная съ этимъ бастіономъ, батарея Жерве, обстрѣливающая какъ балку, такъ и пространство впереди 3-го бастіона.

Еще ночью войска наши были размѣщены по всей линіи и ожидали противника.

6-го на разсвѣтѣ 35,000 союзниковъ, поддержанные резервами, повели одновременно атаку на бастіонъ № 1, оборонительную казарму между 1 и 2 бастіонами и бастіоны № 2-й, Корнилова, № 3 и на Грибокъ, правѣе Пересыпи — имѣя въ виду прорваться въ какомъ либо мѣстѣ этой длинной оборонительной линіи.

На правомъ флангѣ и въ центрѣ наступали Французы, на лѣвомъ флангѣ Англичане.

Имѣя съ собою лѣстницы, фашины и шанцовый инструментъ, — атакующіе быстро двинулись на приступъ. Сильный картечный и ружейный нашъ огонь не могъ, однако же, остановить натиска осаждающихъ, передовыя части которыхъ достигли рвовъ, и уже лѣзли на брустверъ укрѣпленій....

Но смѣлый врагъ былъ встрѣченъ грудью и штыками мужественныхъ защитниковъ Севастополя, — и наши дружно сбросили непріятеля въ ровъ. Тогда непріятельскія колонны бросились на батарею Жерве, оттѣснили находившійся тамъ батальонъ и преслѣдуя отступающихъ, заняли ближайшія строенія Корабельной Слободки, отъ Малахова Кургана до Доковой Балки.

Успѣхъ непріятеля продолжался весьма недолго: начальникъ линіи укрѣпленій на Корабельной сторонѣ, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ собралъ часть войскъ, бывшихъ подъ рукою (около 5 батальоновъ), повелъ ихъ на батарею Жерве, — и наши выгнали оттуда Французовъ, преслѣдовали ихъ до самыхъ траншей, продолжая колоть бѣгущихъ штыками.

На прочихъ пунктахъ войска наши, одушевленные мужественными своими начальниками, контръ-адмираломъ Панфиловымъ и генералъ-маіоромъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) княземъ Урусовымъ, дрались съ примѣрною храбростью и блистательно отразили всѣ нападенія.

Успѣху этого дѣла много содѣйствовали батареи наши на сѣверной сторонѣ и пароходы, поражавшіе подходившія непріятельскія колонны вездѣ, гдѣ было это возможно; въ особенности же пароходъ «Владиміръ», который подходилъ нѣсколько разъ къ устью Киленъ-балки и стрѣлялъ по непріятельскимъ резервамъ.

Геройство и самоотверженіе севастопольскаго гарнизона превосходитъ всякое описаніе.

Потеря наша въ продолженіе бомбардированія 5 и 6-го іюня и при отбитіи штурма заключается въ 535 убитыхъ и 3426 раненыхъ.

Уронъ непріятеля втрое болѣе нашего.

Блистательнымъ этимъ подвигомъ нашего оружія, мы заключимъ второй отдѣлъ краткой своей лѣтописи. Девять мѣсяцевъ союзники вели страшную постоянную осаду Севастополя, — три раза производили жесточайшее бомбардированіе и наконецъ рѣшились на отчаянный приступъ, который былъ отбитъ съ единодушнымъ мужествомъ, для котораго всѣ похвалы были бы недостаточны.

Къ сожалѣнію, во время этой осады, мы лишились многихъ истинныхъ героевъ изъ числа знаменитыхъ защитниковъ Севастополя, которые, соединяя съ личною храбростью опытность и рѣдкое самоотверженіе, — подавали примѣръ подчиненнымъ и побѣждали сильнаго непріятеля. Адмиралы: *Истоминъ*, *Корниловъ* и, какъ увидимъ ниже, Синопскій герой Нахимовъ — кровью своею облили родную твердыню и пали геройски, исполняя свой долгъ. Исторія запишетъ ихъ

имена на свои скрижали, — а въ Россіи изъ поколѣнья въ поколѣнье пойдетъ благодарная о нихъ намять, — и дальные потомки съ гордостью будутъ указывать на ихъ славныя могилы....

Теперь перейдемъ къ позднѣйшимъ оффиціальнымъ военнымъ извѣстіямъ, хронику которыхъ мы уже отнынѣ будемъ вести ежемѣсячно, заботясь о ихъ современности и полнотѣ.

ХРОНИКА
ВОЕННЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

за іюнь и іюль 1855 г.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА И АЗОВСКАГО МОРЯ.

Союзники, послѣ претерпѣнной ими неудачи, продолжали слѣдующія осадныя работы: съ 7-го по 15-е іюня они удлинняли подступы противу кладбища, бастіона № 5-го и редута Шварца, соединяли траншеею Селенгинскій и Волынскій редуты, выводили впередъ сообщеніе отъ Камчатскаго люнета и строили батареи лѣвѣе Селенгинскаго редута, внизъ къ бухтѣ; но всѣ эти работы до такой степени затруднялись искусныиъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, что попытка непріятеля вывесть, 10-го іюня, траншею противъ Пересыпи, была ближайшими батареями совершенно остановлена и болѣе не возобновлялась.

Противъ 4-го бастіона осаждающій дѣйствовалъ камнеметными фугасами и взрывами; первые, однакоже, намъ не причиняли никакого вреда, а противу послѣднихъ мы съ успѣхомъ употребляли камуфлеты.

Съ 7-го іюня непріятельскій огонь началъ постепенно ослабѣвать и потеря наша уменьшилась: 7-го числа убыль гарнизона состояла изъ 62 убитыхъ и 292 раненыхъ; 11-го же іюня она доходила только до 7-ми убитыхъ и 27-ми раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ, къ сожалѣнію, находился раненый 8-го іюня пулею

въ икру на вылетъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Тотлебенъ (*), но это не препятствовало ему по прежнему руководить ходомъ обороны.

Въ продолженіе вышеозначеннаго времени, главнымъ предметомъ нашихъ занятій были: очищеніе рвовъ, удлинненіе фасовъ и присыпка фланговъ въ разныхъ веркахъ.

Несмотря на то, что отъ знойныхъ, болѣе мѣсяца продолжавшихся жаровъ, почва сдѣлалась совершенно сухою, почему работы были сопряжены съ чрезвычайными затрудненіями, — севастопольскій гарнизонъ, благодаря примѣрному его усердію, успѣлъ исправить всѣ укрѣпленія и приготовить новыя средства для самой усиленной ихъ защиты.

Съ 15-го по 24-е число, непріятель противу праваго фланга севастопольской оборонительной линіи продолжалъ работы по усиленію своихъ траншей, вывелъ подступъ отъ Килень-балки ко 2-му бастіону, устраивалъ батарею ниже бывшаго Камчатскаго люнета, занялъ штуцерными углубленную траншею на скатѣ Зеленой горы, и прорѣзалъ нѣсколько амбразуръ для дѣйствій по исходящему углу 3-го бастіона.

Противу нашего праваго фланга осаждающій медленно подвигался впередъ отъ бывшихъ ложементовъ около кладбища, соединилъ траншеею воронки передъ 4 бастіономъ и продолжалъ, по временамъ, дѣйствовать противъ сего послѣдняго взрывами и камнеметными фугасами, безъ малѣйшаго, впрочемъ, для насъ вреда.

Во все это время артиллерійскій и штуцерный огонь непріятеля былъ слабъ и потеря гарнизона незначительна.

Въ Севастополѣ дѣятельно исправлялись всѣ поврежденія и устраивались новыя сильныя оборонительныя средства, какъ впереди, такъ и позади существующихъ укрѣпленій. Артиллерія наша дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ по непріятельскимъ работамъ и батареямъ.

По извѣстіямъ съ лѣваго нашего фланга, 30-тысячный корпусъ, состоящій изъ пѣхоты и кавалеріи, стоялъ лагеремъ близь селенія Чоргунъ.

Съ 24-го по 28-е, непріятель подъ Севастополемъ вывелъ новыя траншеи предъ редутомъ Шварца и бастіонами: Корнилова и № 2, а также утолстилъ и возвысилъ насыпи для бата-

(*) Опытный, искусный и мужественный начальникъ инженеровъ въ Севастополѣ; подъ его руководствомъ производятся тѣ изумительныя работы, которымъ удивляются сами союзники. *Прим. ред.*

рей своихъ противу бастіоновъ: № 3 и 4-го и прорѣзалъ въ нихъ новыя амбразуры.

Огонь непріятеля, 24-го числа, былъ нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго, штуцерная пальба по всей линіи не прекращалась; 25-го, въ 5 часовъ по полудни, осаждающій открылъ частую канонаду, преимущественно противу 3-го и 4-го бастіоновъ, что повторилъ 26-го и 27-го. Батареи наши отвѣчали съ успѣхомъ, и подбили нѣсколько орудій. Уронъ нашъ былъ вообще умѣренный.

Не ограничиваясь работами по исправленію поврежденій и усиленію крѣпостныхъ верковъ, части войскъ севастопольскаго гарнизона произвели двѣ небольшія весьма удачныя вылазки; такъ 25-го іюня, послѣ полуночи, 50 человѣкъ нашихъ охотниковъ изъ передовой цѣпи бросились на ближайшія непріятельскія работы, выводимыя изъ бывшихъ траншей предъ редутомъ Шварца, перекололи нѣсколько рабочихъ и разорили часть непріятельскихъ подступовъ. Вторая вылазка произведена также охотниками, подъ командою прапорщика Кишеньскаго, въ ночь съ 26-го на 27-е іюня. Молодцы наши, замѣтивъ, что осаждающій оплошно работалъ въ своихъ новыхъ ложементахъ противу лѣваго фаса Корниловскаго бастіона, внезапно ударили на непріятеля, и поддержанные двумя ротами, успѣли разрушить часть непріятельскихъ работъ, унеся съ собою туры. Встревоженный симъ нападеніемъ, осаждающій бросилъ нѣсколько свѣтящихся ядеръ; тогда войска наши отступили въ порядкѣ, захвативъ нѣсколько брошенныхъ инструментовъ и смертельно раненаго французскаго офицера.

Съ 28-го іюня по 5-е іюля дѣйствія непріятеля противъ Севастополя были слѣдующія:

28-го, осаждающій, въ теченіе дня, производилъ усиленную канонаду противу бастіона № 3 и лѣваго фаса бастіона № 4-го. Верки эти дѣятельно отвѣчали непріятелю. Работы его состояли въ утолщеніи и углубленіи траншей и ложементовъ противу бастіона Корнилова.

29-го, съ нашей стороны исправлялись поврежденія на 3-мъ и 4-мъ бастіонахъ, устраивались новые траверзы и блиндажи. Непріятель работалъ въ воронкахъ своихъ передъ бастіономъ № 4-го, удлиннилъ траншею передъ бастіономъ № 21-го, устраивалъ новый ложементъ въ каменоломнѣ подъ Доковымъ оврагомъ и старался привести въ окончательный видъ траншею передъ бастіонами: № 5-го, Корниловскимъ и на скатѣ Зеленой

горы. Огонь крѣпостныхъ верковъ постоянно останавливалъ эти работы.

30-го, осаждающій усилилъ канонаду, и въ продолженіе ночи бросалъ много бомбъ на верки, въ городъ и на рейдъ; а также усиленно работалъ въ ближайшихъ къ оборонительной линіи подступахъ, гдѣ устроилъ новый ложементъ противу Корниловскаго бастіона и вывелъ подступъ къ бастіону № 2 изъ Киленъ-балки.

Замѣчено изъ крѣпости, что ко всѣмъ непріятельскимъ батареямъ, и въ особенности къ находящейся противъ бастіона № 4, подносили значительное количество снарядовъ.

1-го іюля, днемъ стрѣльба противника была довольно сильная; ночью онъ по прежнему бросалъ бомбы и разрывныя ракеты. Ложементы осаждающаго на лѣвомъ флангѣ передовой траншеи противъ Малахова-Кургана были нѣсколько увеличены, утолщены и возвышены, и заняты вновь бывшіе наши завалы впереди 2-го бастіона. Огонь крѣпостныхъ батарей былъ обращенъ противъ работъ непріятельскихъ въ Киленъ-балкѣ, передъ бастіономъ № 1 и по бывшимъ редутамъ Селенгинскому и Волынскому; независимо отъ того производилась пальба съ бастіоновъ и батарей оборонительной линіи по ближайшимъ траншеямъ противниковъ.

2-го, непріятель стрѣлялъ болѣе обыкновеннаго, не производя, впрочемъ, значительныхъ повреждений въ укрѣпленіяхъ нашихъ; къ полудню онъ въ особенности усилилъ канонаду противъ бастіона № 4-го; но сосредоточенное дѣйствіе батарей нашихъ принудило французскую артиллерію замолчать. Въ этотъ же день сдѣланы три безвредные взрыва изъ воронокъ противъ исходящаго угла бастіона № 4-го. Работы осаждающаго ограничивались утолщеніемъ брустверовъ въ переднихъ траншеяхъ.

Въ ночь съ 2-го на 3-е, три роты Сѣвскаго пѣхотнаго полка, предшествуемыя охотниками и нѣсколькими греческими волонтерами, подъ начальствомъ маіора Львова, сдѣлали вылазку отъ Корниловскаго бастіона въ каменоломню и къ устроенному близь оной непріятельскому ложементу. Несмотря на то, что французы, занимавшіе эту часть траншей, имѣли при себѣ полевую артиллерію и дѣйствовали картечью, роты наши дружнымъ ударомъ выбили непріятеля, взяли у него трехъ человѣкъ въ плѣнъ и разорили ложементъ.

3-го, артиллерійскій огонь осаждающаго по временамъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни; вечеромъ и ночью канонада весьма усилилась, при чемъ огромное количество снаря-

довъ брошено на верки и въ городъ. Особыхъ работъ у противниковъ незамѣчено.

4-го, довольна сильная пальба была сосредоточена непріятелемъ противъ бастіоновъ № 1-го, 2-го и 3-го и батареи Никонова. Съ нашей стороны часть крѣпостной артиллеріи, направленная генералъ-маіоромъ Шейдеманомъ, успѣла взорвать на воздухъ пороховой погребъ за Херсонесомъ. Въ одиннадцать часовъ вечера мы дали изъ минныхъ галлерей предъ бастіономъ № 4-го удачный камуфлетъ, а около полуночи охотники, занимавшіе цѣпь впереди 2-го бастіона, бросились, подъ начальствомъ Кременчугскаго егерскаго полка капитана Горлинова, на ложементы, занятые непріятелемъ въ ночь съ 1-го на 2-е іюля, и принудили французовъ поспѣшно отступить въ задніе свои траншеи, откуда былъ открытъ ими частый ружейный огонь. Не взирая на то, удалые наши охотники, разоривъ часть ложементовъ и захвативъ двухъ человѣкъ въ плѣнъ, отошли къ укрѣпленіямъ.

10-го іюля, въ 8 часовъ утра, данъ былъ нами, лѣвѣе капители бастіона № 4-го, весьма удачный камуфлетъ противу непріятельскихъ воронокъ. Съ своей стороны осаждающій также взорвалъ два минные колодца, не причинивъ, впрочемъ, намъ вреда; сверхъ того, онъ соединилъ общею траншеею ложементы противу бастіона Корнилова, возвысилъ и утолстилъ подступы противу 5-го отдѣленія оборонительной линіи и заложилъ двѣ новыя траншеи передъ бастіономъ № 2. Крѣпостная артиллерія своими выстрѣлами замедляла эти работы.

Около 10 часовъ вечера и въ 2 часа по полуночи послѣдовали двѣ тревоги, происшедшія отъ случайной встрѣчи нашихъ секретовъ съ непріятельскими. Съ обѣихъ сторонъ штуцерныя цѣпи открыли пальбу, за которою послѣдовалъ сильный батальный и артиллерійскій огонь по всей линіи, продолжавшійся около получаса.

Замѣчено, что непріятель производилъ усиленныя работы близь Стрѣлецкой бухты.

11-го, днемъ канонада противника была весьма сильная; наши верки дѣйствовали какъ по батареямъ, производившимъ пальбу, такъ и по ближайшимъ работамъ осаждающаго. Съ сѣверной стороны Севастополя стрѣляли противу подступовъ передъ бастіономъ № 2-го и очищали огнемъ пространство между бывшимъ Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами и бухтою. Осаждающій началъ выводить подступъ по Зеленой горѣ, нѣсколько утолстилъ и возвысилъ траншею передъ Корниловскимъ бастіо-

номъ и заложилъ два новы ложемента для стрѣлковъ, противу бастіона № 2-го.

12-го, послѣ сильной по временамъ канонады и бомбардированія, преимущественно направленнаго противу Корабельной стороны, непріятель сдѣлалъ взрывъ, лѣвѣе капители бастіона № 4, но не успѣлъ нанести вреда нашимъ галлереямъ. Работы его состояли въ приведеніи въ окончательный видъ траншеи передъ Корниловскимъ бастіономъ.

Съ 12-го на 13-е число, около 2-хъ часовъ по полуночи, охотники наши, подъ командою штабсъ-капитана Братковскаго, поддержанные ротою Кременчугскаго егерскаго полка, за которою находились, въ полной готовности, двѣ роты Алексопольскаго егерскаго полка, выйдя изъ-за 2-го бастіона, стремительно напали на средній ложементъ осаждающаго, находившійся передъ означеннымъ бастіономъ, и выгнавъ оттуда непріятеля, срыли ложементъ; потеря наша при этой вылазкѣ состояла изъ 7 убитыхъ и 18 раненыхъ (въ числѣ послѣднихъ находился и штабсъ-капитанъ Братковскій). Уронъ непріятеля долженъ быть значительнѣе, ибо, при отраженіи нашего нападенія, резервы его подошли подъ огонь крѣпостныхъ верковъ и парохода.

13-го іюля, осаждающій дѣйствовалъ усиленною пальбою преимущественно противу 3-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи, но подступовъ новыхъ не выводилъ, вѣроятно, по причинѣ сильнаго огня нашихъ верковъ.

На лѣвомъ флангѣ нашемъ, 28-го іюня непріятельская кавалерія, въ числѣ десяти эскадроновъ, появилась близъ с. *Едиджики*. Часть войскъ противника остановилась лагеремъ у с. *Байдары*, а нѣсколько эскадроновъ подошли къ *Бага*. 29-го кавалерія эта и пѣхотныя колонны направились изъ *Байдаръ* къ *Уркуста*, гдѣ, поднявшись на гору, снова спустились къ перевалу д. *Кукулузъ*.

На разсвѣтѣ 2-го іюля, непріятель, въ числѣ четырехъ эскадроновъ, имѣя цѣпь штуцерныхъ, поддержанныхъ двумя ротами, вышелъ изъ *Байдарской* долины и двинулся къ с. *Узенбашикъ*; за кавалеріею шло два батальона пѣхоты. Казачій пикетъ, стоявшій на перевалѣ, отошелъ, отстрѣливаясь, къ своему резерву, а непріятель, дойдя до садовъ узенбашикскихъ и простоявъ тамъ

нѣсколько времени, отступилъ къ своему лагерю. Во время завязавшейся здѣсь перестрѣлки ранены 4 казака.

3-го, произведена нами, съ цѣлью обозрѣнія непріятельскаго расположенія въ Байдарской долинѣ и осмотра путей, туда ведущихъ, — рекогносцировка: казаки, поддержанные драгунами, подошли къ с. *Уркуста* и *Узенбашикъ*. Противникъ, занимавшій тремя эскадронами *Уркуста* и *Бага*, отступилъ къ своему лагерю на лѣвомъ берегу р. Черной, гдѣ находилось, по видимому, отъ четырехъ до пяти тысячъ пѣхоты и кавалеріи, а 4-го іюля снова занялъ два упомянутыя селенія.

12-го іюня, непріятельскій пароходъ-фрегатъ, подойдя на близкое разстояніе къ укрѣпленію Петровскому (близь Бердянска), открылъ огонь; но получивъ нѣсколько пробоинъ съ батарей нашихъ, — отошелъ, а потомъ снова началъ канонаду, продолжавшуюся четыре съ половиною часа. Уронъ нашъ состоялъ ранеными изъ 1 оберъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ. Непріятельскіе выстрѣлы произвели нѣсколько поврежденій въ церкви и 17 домахъ, но пожара не причинили.

13-го іюня къ означенному пароходу присоединились еще 4, и всѣ они подошли къ Бердянску.

15-го іюня въ виду Геническаго пролива было 9 паровыхъ судовъ. 16-го іюня, винтовой фрегатъ и канонирская лодка подошли къ Геническу и сдѣлали нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ по казачьимъ пикетамъ; за тѣмъ два непріятельскіе корабля, замѣтивъ слѣдовавшій по береговой линіи чумацкій обозъ съ солью, открыли по немъ огонь, отъ котораго нѣсколько телѣгъ загорѣлось.

Съ 16-го по 21-е іюня непріятельская эскадра постоянно бомбардировала Геническъ, а отряженныя отъ нея суда жгли, 17-го, окрестные хутора, верстъ на 30 разстоянія. 20-го іюня флотилія эта удалилась, за исключеніемъ канонирской лодки, которая продолжала дѣйствовать по городу, и, 21-го іюня, отдѣлила двѣ шлюбки, направившіяся къ берегу. Одна изъ шлюбокъ, приблизившись шаговъ на 60, была встрѣчена ружейнымъ огнемъ нашей цѣпи, и потерявъ трехъ гребцовъ и рулеваго, удалилась въ море.

22-го утромъ, пришелъ къ Геническу, французскій пароходъ, вмѣстѣ съ канонирскою лодкою, открылъ сильную пальбу по городу, продолжавшуюся съ десяти часовъ утра до двухъ по полудни. Къ вечеру того же дня, присоединился къ нимъ еще корветъ. Ночью эти суда не стрѣляли, но 25-го числа, въ три съ половиною часа утра, начали бомбардировать городъ, направляя преимущественно выстрѣлы въ строеніе, гдѣ помѣщался караулъ, а также въ резервъ, расположенный на спускѣ къ пристани. Въ полдень показался въ морѣ, верстахъ въ 10 отъ Геническа, винтовой фрегатъ. По данному съ онаго сигналу, пароходъ и корветъ, прекративъ пальбу, присоединились къ нему, и всѣ три, къ тремъ часамъ по полудни, скрылись изъ вида, оставивъ передъ городомъ одну канонирскую лодку, которая днемъ пальбы не производила; ночью же было пущено съ нея нѣсколько ракетъ и бомба, коею перервало канатъ парома. Въ продолженіе бомбардированія, потерь у насъ не было; войска оставались въ городѣ и перевозъ оставшихся на той сторонѣ пролива подводъ съ солью производился каждую ночь благополучно.

24-го числа, въ три часа по полудни, появилась въ морѣ эскадра, направлявшаяся къ городу и состоявшая изъ 2-хъ винтовыхъ фрегатовъ, 2-хъ пароходовъ, 2-хъ винтовыхъ бриговъ, и 3-хъ паровыхъ брацеровъ (небольшія десантныя суда). Начальствовавшій въ Геническѣ флигель-адъютантъ князь Лобановъ-Ростовскій приказалъ войскамъ, занимавшимъ городъ, перейти на позицію близь берега пролива, а 5-ти азовскимъ барказамъ стать противъ входа изъ пролива въ Сивашъ.

Вечеромъ 24-го числа, къ прежде стоявшей передъ Геническомъ канонирской лодкѣ присоединились еще двѣ, вооруженныя орудіями большаго калибра. Остальная эскадра стала въ линію въ 10-ти верстахъ отъ города, занявъ пространство отъ Стрѣлки до Бирючевскаго острова. Все это давало поводъ князю Лобанову предполагать, что непріятель намѣренъ сдѣлать вылазку или прорваться чрезъ проливъ къ Чонгару. Весь слѣдующій день, 25-го іюня, двѣ канонирскія лодки и французскій пароходъ сильно обстрѣливали Геническъ, обращая преимущественно выстрѣлы на лучшія городскія строенія. Повидимому непріятель еще ни на что не рѣшался, ибо до сихъ поръ подходило къ городу не болѣе 2-хъ или 3-хъ судовъ; число же ихъ въ эскадрѣ, стоявшей вдали, измѣнялось по нѣсколько разъ въ день.

Въ ночь съ 26-го на 27-е число, канонирскія лодки и пароходъ открыли усиленное бомбардированіе, ядра и бомбы ложились въ слободку, въ которой расположены войска. Въ полдень

27-го числа, одна изъ канонирскихъ лодокъ поплыла вдоль берега, на которомъ расположена слободка, и дошедши до мыса, замыкающаго Генической заливъ, вернулась, кинувъ на удачу бомбу, осколками коей ранило рядоваго 6-го резервнаго батальона Московскаго пѣхотнаго полка.

Въ 9 часовъ вечера, князь Лобановъ-Ростовскій получилъ донесеніе, что непріятельскій яликъ подходитъ къ берегу противъ слободки, вѣроятно съ намѣреніемъ зажечь ее; но огонь цѣпи, подкрѣпленной казаками и пѣхотой, остановилъ яликъ въ ста шагахъ отъ берега и принудилъ его возвратиться. Тогда канонирскія лодки открыли огонь, продолжавшійся три часа, и всю ночь бросали ракеты, причинившія нѣсколько неопасныхъ пожаровъ. Между тѣмъ другія непріятельскія суда занимались истребленіемъ прибрежныхъ хуторовъ и рыбныхъ притоновъ по *Бирючевскому* острову.

Для усиленія отряда, занимающаго Геническъ, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ счелъ необходимымъ притянуть туда болѣе значительныя силы, ввѣривъ начальство надъ ними генералъ-лейтенанту Рыжову. Къ отряду этому присоединены команды Азовскихъ казаковъ, подъ начальствомъ извѣстнаго отвагою и удальствомъ на морѣ Азовскаго казачьяго войска полковника Бараховича.

АЗІАТСКАЯ ТУРЦІЯ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ отъ 8-го и 13-го іюня изъ лагеря при селеніи Мугараджикъ (къ востоку отъ Карса) донесъ:

«6-го числа произвелъ я въ виду Карса и турецкой арміи, которая тамъ заперлась, фланговый маршъ со всѣми войсками и ихъ обозами изъ лагеря при Агджа-Кала, около горы Малой Ягны, прямо на деревню Мугараджикъ, откуда угрожаю сообщеніямъ Карса съ Арзерумомъ.

«Войска построены были въ двѣ походныя колонны, которыя соотвѣтствовали двумъ боевымъ линіямъ и резерву; впереди правой колонны двигался авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Бакланова.

«За симъ слѣдовали главныя силы подъ командою начальника 18 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта князя Гагарина. Каждый полкъ слѣдовалъ въ двухъ линіяхъ, батальоны распредѣлены были согласно съ боевымъ порядкомъ, — батареи въ интервалѣ первой линіи.

«На одной высотѣ съ главными силами, въ 300 шагахъ лѣвѣе, направлялась лѣвая колонна подъ начальствомъ временно-командующаго Кавказскою гренадерскою бригадою, генералъ-майора Майделя. Пѣхота шла по полкамъ лѣвымъ флангомъ въ двухъ линіяхъ, а артиллерія составляла свою линію по батарейно, также лѣвымъ флангомъ. Эти части должны были составить резервъ боеваго порядка.

«Ближе къ Карсу, правѣе этихъ колоннъ, двигался, подъ начальствомъ генералъ-майора графа Нирода, особый наблюдательный отрядъ изъ драгунскихъ: генералъ-фельдмаршала и Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полковъ, съ Донскими казачьими № 6-го и 7-го батареями, имѣя въ боевомъ прикрытіи двѣ сотни конныхъ охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова, одну сотню Карапапахской и двѣ сотни Горской милиціи, только наканунѣ прибывшей въ Агджа-Калинскій лагерь.

«Арріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Васмунда, долженъ былъ идти за хвостомъ правой колонны.

«Обозы всѣхъ войскъ, при особомъ прикрытіи, слѣдовали гораздо лѣвѣе ихъ по аробной дорогѣ, идущей черезъ Халифъ-оглу и Визниковъ въ Мугараджикъ. Всѣ же вольно-наемные транспорты и подвижные артиллерійскіе парки направлены обходною дорогою на *Кюрукъ-Дара* и *Суботанъ*. Начальство надъ этою колонною ввѣрено командующему Виленскимъ егерскимъ полкомъ генералъ-майору Фрейтагу фонъ-Лоренгофу.

«Я самъ велъ главныя силы, поручивъ генералъ-лейтенанту Бриммеру идти съ арьергардомъ, который сначала прикрывалъ прямую дорогу изъ Карса въ Агджа-Кала, и по мѣрѣ удаленія обозной колонны въ данномъ ей направленіи, подавался за колонною генералъ-лейтенанта князя Гагарина. Такъ какъ войскамъ приходилось совершать фланговый маршъ отъ Агджа-Кала въ Мугараджикъ по пространству 27 верстъ, совершенно безводному, то было приказано людямъ имѣть въ манеркахъ воду.

«Войско выступило изъ Агджа-Калинскаго лагеря въ пять часовъ утра; колонна графа Нирода, скоро опередившая пѣхоту, остановилась пройдя дорогу изъ *Халифъ-Оглу* въ Карсъ, верстахъ въ 7 отъ сей крѣпости, гдѣ и оставалась до того времени, пока всѣ войска и обозы за нею продвинулись. На половинѣ дороги войска имѣли двухъ-часовой привалъ и потомъ продолжали слѣдованію на Мугараджикъ, гдѣ въ шесть часовъ вечера, соединившись съ обозами, остановились лагеремъ.

«Гарнизонъ Карсскій, простоявшій весь день подъ ружьемъ, не рѣшился выйдти изъ-за стѣнъ крѣпости, и только часть турецкой кавалеріи слѣдила за движеніемъ нашихъ колоннъ, шедшихъ все время полемъ безъ дорогъ и приближавшихся, какъ выше сказано, до 7 верстъ разстоянія отъ Карса.

«Порядливый и грозный строй нашъ, не измѣнявшійся во время движенія, воздержалъ турокъ отъ всякаго наступленія, хотя столь близкое направленіе колоннъ нашихъ къ крѣпости и двухъ-часовой отдыхъ въ 7 верстахъ отъ оной, — явно вызывали ихъ на бой.»

«Занявъ позицію у селенія Мугараджакъ и пользуясь близостію большой арзерумской дороги, дававшею возможность слѣдить за турецкою арміею, которая заперлась окончательно въ укрѣпленіяхъ Карса, я не упуская времени, началъ высылать отряды, чтобы перехватывать подвозимые въ крѣпость военные и продовольственные запасы и совершенно прервать сообщеніе непріятеля съ Арзерумомъ по дорогѣ.

«Такимъ образомъ на другой же день, т. е. 7-го іюня, сотня охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова, посланная на поискъ къ селенію Беглы-Ахмету, захватила въ плѣнъ квартирмейстера Арабистанскаго артиллерійскаго полка, который былъ отправленъ изъ Карса для сбора по деревнямъ ячменя и пшеницы.

«8-го іюня, на разсвѣтѣ, казачій разъѣздъ отъ Сборнаго линейнаго № 2-го полка успѣлъ отрѣзать, подъ самыми стѣнами крѣпости, часть шедшаго туда каравана. Непріятельскіе аванпосты, въ виду которыхъ отбитъ былъ караванъ, двинулись было ему на выручку, но приближеніе изъ резерва еще двухъ сотень, остановило турокъ, и казаки, безъ всякаго сопротивленія, доставили въ лагерь всю захваченную добычу, состоявшую изъ 168 мѣшковъ сарачинскаго пшена, 8 верблюдовъ, и 86 штукъ вьючнаго скота, и привели слѣдовавшихъ при караванѣ 36 человѣкъ вооруженныхъ погонщиковъ.

«Тогда же получены были свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторые запасы продовольствія собраны турками, для отправленія въ Карсъ, въ селеніяхъ Беглы-Ахметѣ и Чыблахалу, на большой арзерумской дорогѣ, а потому туда посланъ былъ генералъ-майоръ Баклановъ, съ двумя дивизіонами драгунъ Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, 5-ю сотнями казаковъ, 2-мя сотни-

ми милицiи, при 4-хъ конныхъ орудiяхъ и ракетной командѣ. Генералъ-майору Бакланову дано приказанiе часть запасовъ, для перевозки которыхъ найдутся средства, доставить въ лагерь, а остальное истребить.

«Въ этотъ же день присоединилась къ отряду колонна генералъ-майора Фрейтага-фонъ-Лоренгофа, шедшая на Кюрукъ-Дара и Суботанъ, и прибылъ въ отрядъ сформированный Куртинскiй № 2-го полкъ, въ числѣ 5 сотень, который пришелъ въ отличномъ видѣ. Всадники имѣютъ бодрый видъ, исправно вооружены и на хорошихъ лошадяхъ.

«2-го iюня выдвинутъ для поддержанiя генералъ-майора Бакланова промежуточный отрядъ изъ лагернаго расположенiя къ селу Ардостъ, и въ то же время получены отъ сего генерала слѣдующiя свѣдѣнiя: 8-го iюня прибылъ онъ къ вечеру въ селенiе Беглы-Ахметъ, гдѣ найдено и взято имъ 150 четвертей ячменя и 150 пудовъ сухарей. Съ разсвѣтомъ 9 числа, генералъ-маiоръ Баклановъ отправился далѣе къ сел. Чыблахлу, гдѣ у турокъ было собрано до 800 четвертей ячменя, хранившихся въ мечети, обращенной въ магазинъ. Поднявъ, что можно было, на арбы и часть раздавъ войскамъ, генералъ Баклановъ остальные запасы вмѣстѣ съ магазиномъ сжегъ и въ тотъ же день обратился въ Беглы-Ахметъ.

«Во время пребыванiя нашихъ войскъ въ Чыблахлу, горскiя сотни, содержавшiя аванпосты, захватили двѣ почты, шедшiя изъ Арзерума въ Карсъ, и взяли въ плѣнъ почтаря и съ нимъ трехъ человѣкъ.

«Въ теченiе всѣхъ сихъ дней шелъ безостановочно проливной дождь, отчего дороги сдѣлались почти непроходимы. Вода въ Карсъ-чаѣ сильно поднялась, такъ что переправа въ бродъ при селенiи Тикма была очень затруднительна, но генералъ Баклановъ 10-го числа перешелъ рѣку благополучно. Непрiятеля онъ не видалъ во все время своего движенiя. Изъ запасовъ, находившихся въ Беглы-Ахметѣ, генералъ Баклановъ часть также поднялъ на арбы.

«Такимъ образомъ четырехдневная стоянка у селенiя Мугараджикъ доставила, безъ всякой съ нашей стороны потери, нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера, и довольно значительное количество продовольствiя для войскъ, а турокъ лишила главнаго сообщенiя съ Арзерумомъ.

«Со времени возвращенiя генерала Бакланова посылаются малыя партiи по направленiю къ Саганлугу, которыя ловятъ и приводятъ бѣглыхъ турокъ изъ карсскаго гарнизона.

«Съ занимаемой позиціи видны карскія укрѣпленія и укрывшаяся въ нихъ непріятельская армія. Турки продолжаютъ усиливать укрѣпленія и мѣстами возводятъ новыя. Турецкія войска ни разу не выходили изъ своихъ окоповъ. Кавалерійскіе аванпосты ихъ, которые они содержатъ на пушечный выстрѣлъ отъ Карса, весь день не слѣзаютъ съ коня; при малѣйшемъ у насъ движеніи, резервы ихъ немедленно подвигаются впередъ, и уходятъ не ранѣе, какъ потревожившая ихъ часть вернется въ лагерь.

«Эриванскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Суслова, съ 3-го іюня стоитъ лагеремъ на урочищѣ Дутахъ, перейдя нашу границу. Турецкія войска окопались у монастыря Сурбъ-Оганесъ и находятся въ строгомъ оборонительномъ положеніи. Свѣдѣнія изъ Эриванскаго отряда доходятъ до 9-го сего мѣсяца.»

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, отъ 26-го іюня, изъ лагеря при селеніи Капы-кёй (въ полупереходѣ къ югу отъ Карса) доноситъ:

«Сильные дожди, начавшіеся по прибытіи войскъ дѣйствующаго корпуса къ селенію Мугараджикъ, продолжались почти безпрерывно до 13-го числа.

«Съ этого дня погода стала разъясняться, а вмѣстѣ съ тѣмъ горные ручьи здѣшней возвышенной мѣстности, обратившіеся въ потоки, начали спадать, и дороги дѣлаться удобопроходимыми.

«Пользуясь симъ, я послалъ на поискъ, въ ночь съ 13-го на 14-е іюня, отставнаго полковника князя Андроникова съ конно-мусульманскимъ № 1-го полкомъ и двумя сотнями горской милиціи.

«Въ вечеру 13-го числа, возвратился въ отрядъ Куртинскій № 2-го полкъ, посланный для содѣйствія кавалеріи генералу Бакланову въ истребленіи турецкихъ запасовъ. Испортившіяся отъ дождя дороги и разлившіеся ручьи не позволили сему полку пройти до Бардуса, какъ предполагалось при отправленіи его изъ отряда; но онъ истребилъ, подъ самымъ Саганлугскимъ хребтомъ, небольшой транспортъ пшеницы, пробиравшійся въ Карсъ.

«14-го іюня утромъ, я произвелъ рекогносцировку Карса, съ восточной и частію съ южной стороны крѣпости.

«Турки не выходили изъ-за своихъ окоповъ. Пѣхота ихъ стояла подъ ружьемъ, а кавалерія сидѣла на конѣ; часть послѣдней, при окончаніи рекогносцировки, вышла изъ лагеря, но не удалялась отъ своихъ батарей далѣе пушечнаго выстрѣла, и даже фланкеры турецкіе не выѣзжали для перестрѣлки съ нашими конными цѣпями.

«Отъ позиціи, на которой были остановлены наши войска, хорошо видны карсскія укрѣпленія, лежащія на правомъ берегу Карсъ-чая, а также часть укрѣпленій лѣваго берега, что дало возможность повѣрить и пополнить планы, предварительно составленные по разспросамъ и во все время рекогносцировки 4-го іюня.

«15-го, получено свѣдѣніе, что Вели-паша, выступивъ съ своимъ отрядомъ отъ Сурбъ-Оганеса, двигается по долинѣ Евфрата на усиленіе карсскаго гарнизона.

«16-го числа, я передвинулъ войска отъ Мугараджика къ селенію Капы-кёй, выбралъ крѣпкую позицію, удобную для расположенія на ней вагенбурга, и, оставивъ здѣсь подъ командою начальника 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта князя Гагарина, часть войскъ для наблюденія за Карсомъ и при нихъ весь тяжелый обозъ, съ остальными, на другой день, т. е. 17-го числа, выступилъ къ Саганлугу.

«17-го іюня, я имѣлъ ночлегъ у селенія Катапли. (Здѣсь получено донесеніе отъ начальника Эриванскаго отряда, которымъ подтверждалось прежнее свѣдѣніе о движеніи Вели-паши: генералъ Сусловъ доноситъ, что, узнавъ, 12-го числа, объ отступленіи Вели-Паши отъ Сурбъ-Оганеса, онъ, на другой день, выступилъ въ ту сторону и того же 13-го іюня засталъ часть турецкой кавалеріи, оставленную у Сурбъ-Оганеса, атаковалъ и разсѣялъ эту кавалерію, взялъ въ плѣнъ командовавшаго ею Баязетскаго Баиоръ-Пашу, начальника оставленной здѣсь части регулярной кавалеріи Гасеанъ-Агу и 19 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, непріятель въ этомъ дѣлѣ потерялъ убитыми до 70 человѣкъ, съ нашей же стороны потеря состоитъ изъ одного убитаго казака и четырехъ раненыхъ милиціонеровъ.)

«18-го іюня, войска, продолжая слѣдованіе къ Саганлугу, достигли подошвы этого хребта, и расположились на ночлегъ верстахъ въ трехъ впереди селенія Чипдахлу. Не теряя времени, я, въ ту же ночь, отправилъ генералъ-маіора Бакланова, съ летучимъ отрядомъ, къ селенію Бардусъ, гдѣ, по слухамъ, находились большіе турецкіе запасы и стояла часть непріятельской кавалеріи.

«Генералъ Баклановъ достигнулъ, на разсвѣтѣ 19-го числа, перевала черезъ хребетъ и нашелъ здѣсь неоконченное турецкое укрѣпленіе, которое, какъ можно было видѣть по слѣдамъ палатокъ и костровъ, было весьма недавно оставлено турками. Селеніе Бардусъ лежитъ верстахъ въ шести вправо отъ перевала, въ глубокомъ ущельи, и хотя спускъ къ нему весьма крутъ, но генералъ Баклановъ, оставивъ въ укрѣпленіи драгунъ, орудія и пѣхоту, съ остальными войсками спустился къ деревнѣ.

«Здѣсь найдено до трехъ тысячъ четвертей всякаго хлѣба, и сухарей, до двухъ сотъ вьюковъ съ артиллерійскими снарядами, предназначавшимися для отправленія въ Карсъ; кромѣ того, захвачены палатка, коляска и вещи, принадлежащія Сари-Пашѣ, генералъ-интенданту турецкой арміи, который наканунѣ, узнавъ чрезъ пріѣзжавшаго изъ Карса англійскаго полковника о приближеніи нашихъ войскъ, бѣжалъ съ тремя стами стоявшихъ здѣсь баши-бузуковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣялось и все его управленіе, имѣвшее главное пребываніе въ Бардусѣ.

«Узнавъ въ Бардусѣ, что значительный транспортъ съ турецкимъ провіантомъ, при небольшомъ конвоѣ, выступилъ на разсвѣтѣ изъ селенія, генералъ Баклановъ бросился съ казаками въ погоню, успѣлъ настигнуть означенный транспортъ въ ущельѣ рѣчки (текущей черезъ Бардусъ), верстахъ въ 12-ти ниже этого мѣстечка. Конвой и аробщики, замѣтивъ приближеніе нашей кавалеріи, бѣжали, успѣвъ угнать нѣсколько воловъ; остальной обозъ, въ числѣ 137-ми арбъ съ провіантомъ, былъ брошенъ на мѣстѣ. Затопивъ провіантъ въ рѣчкѣ, генералъ Баклановъ арбы и воловъ доставилъ въ Бардусъ.

«Между тѣмъ главныя наши силы совершили, того же 19-го числа, переходъ черезъ вершину Саганлугскаго хребта. Для сего избрана была турецкая почтовая дорога, пролегающая нѣсколько сѣвернѣе пути, посѣщеннаго русскими въ 1829 году, подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго. Мѣсто ночлега главныхъ силъ было на западной покатости Саганлуга, на пресѣченіи пройденной дороги съ дорогою, по которой шли войска наши въ 1829 году, и большая часть кавалеріи была выдвинута далѣе, по направленію къ Бардусу, и расположена неподалеку отъ упомянутаго прежде турецкаго укрѣпленія.

«Въ намѣреніи повѣрить свѣдѣнія, что въ селеніи Енги-Кёвъ (*) находятся большіе турецкіе запасы, я послалъ, 18-го числа, туда на рекогносцировку, съ прикомандированнымъ къ ге-

(*) Этого селенія на картѣ не означено, но оно находится на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояло селеніе Али-Бегры-Ограмъ.

неральному штабу капитаномъ Гардперомъ, охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова полка. Приближаясь къ селенію, милиціонеры открыли партію баши-бузуковъ, которые завязали было перестрѣлку, но скоро бѣжали, оставивъ въ рукахъ нашихъ одного убитаго и двухъ взятыми въ плѣнъ.

«Въ Енги-Кёвѣ дѣйствительно открыты были огромные запасы, а потому я, 20-го числа, направилъ туда часть войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бриммера, приказавъ ему продвинуться до Караургана и Зевина.

«Въ послѣднемъ изъ этихъ селеній, запасовъ не найдено, но въ первомъ открыта также часть складовъ.

«20-го и 21-го іюня, войска занимались перевозкою части взятыхъ запасовъ къ бывшему турецкому укрѣпленію на перевалъ (куда передвинутъ былъ отрядъ утромъ 20-го числа) и истребленіемъ того, чего нельзя было доставить къ укрѣпленію.

«Для поднятія сихъ запасовъ, употреблены перевозочныя средства отряда и обывательскія арбы; но по недостатку этихъ средствъ, бóльшее количество захваченнаго провіанта истреблено на мѣстѣ: частію сожжено, а частію затоплено.

«Въ продолженіе этого времени взято и истреблено турецкихъ запасовъ, состоявшихъ изъ ячменя, пшеницы, пшена, муки и сухарей, по меньшей мѣрѣ 30,000 четвертей. Устроенныя непріятелемъ въ этихъ селеніяхъ пекарни были сломаны, и находившіеся при нихъ хлѣбопеки, греки, добровольно изъявили желаніе находиться при нашихъ войскахъ.

«Окончивъ все это и убѣдясь лично, что предположенное исполнено, я началъ, 22-го числа, стягивать эшелоны къ турецкому укрѣпленію на перевалѣ, и въ тотъ же день выступилъ обратно къ Карсу, по той самой дорогѣ, по которой шли войска наши въ 1829 году.

«Передовая колонна достигнула, 22-го, селенія Чурикла (Чурмыхлы) и остановилась здѣсь на ночлегъ, а прочія войска ночевали на самомъ перевалѣ.

«23-го, весь отрядъ имѣлъ ночлегъ у селенія Таподжихъ, а 24-го соединился у прежняго лагеря при селеніи Капы-кёй.

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, Вели-Паша, дойдя до Керпи-Кёва и узнавъ о движеніи нашихъ войскъ къ Саганлугу, остановился, началъ окапываться и даже не пытался хоть сколько нибудь затруднить истребленіе турецкихъ запасовъ.

«Во время обратнаго слѣдованія, нѣсколько старшинъ отъ племенъ Курдовъ, кочующихъ на обѣихъ покатостяхъ Саганлуг-

скаго хребта и подчиненныхъ туркамъ, пріѣзжали ко мнѣ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ услугъ.

«Для наблюденія дорогъ, идущихъ через Сагавлугскій хребетъ, я оставилъ на западной покатости онаго летучій отрядъ, подъ начальствомъ Драгунскаго Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка полковника князя Дондукова-Корсакова, которому, кромѣ наблюденія за непріятелемъ, приказано также стараться водворить бѣжавшихъ жителей въ оставленныхъ ими селеніяхъ.

«У селенія Тикмэ, на Карсъ-Чаѣ, оставленъ мною генералъ-майоръ Баклановъ для наблюденія, разъѣздами, дорогъ, ведущихъ изъ Карса въ Арзерумъ, и прикрытія сообщеній вышеозначеннаго летучаго отряда.

«Не смотря на временное раздѣленіе нашихъ войскъ, турецкія войска только одинъ разъ выходили изъ Карса, и то для производства ученья подъ выстрѣлами своихъ батарей. Кромѣ того, еще разъ баши-бузуки покусились было приблизиться къ нашему стаду, но были открыты казаками и, атакованные ими, бѣжали, при чемъ казаки одного баши-бузука взяли въ плѣнъ. Турки не рѣшились даже затруднить движеніе транспорта съ провіантомъ, пришедшаго въ колонну князя Гагарина изъ Александрополя 23-го числа.

«Изъ Эриванскаго отряда получены были въ это время слѣдующія извѣстія:

«Генералъ Сусловъ, двигаясь по слѣдамъ отступавшаго отряда Вели-Паши, 20-го іюня, достигнулъ Топрахъ-Кале и выдвинулъ передовой отрядъ къ селенію Мулла-Сулейманъ.

«Въ Сурбъ-Оганесскомъ турецкомъ лагерѣ и окрестныхъ селеніяхъ, кромѣ запасовъ, розданныхъ тотчасъ же на продовольствіе войскамъ, еще собрано разныхъ продовольственныхъ припасовъ до 4,000 четвертей.

«Въ Топрахъ-Кале и Мулла-Сулейманѣ также найдены запасы; всѣ они свозятся въ Сурбъ-Оганесъ, и будутъ употреблены на продовольствіе войскамъ.

«Во время означеннаго движенія Эриванскаго отряда, старшины кочующихъ въ этихъ мѣстахъ куртинскихъ обществъ, подвластныхъ туркамъ, являлись въ нашъ отрядъ и изъявили покорность.

«Изъ послѣдняго донесенія генерала Суслова, сего числа полученнаго, видно, что 23-го іюня Эриванскій отрядъ находился у селенія Карзуръ».

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, отъ 29-го іюня, изъ лагеря при селеніи Капы-Кёй, донесъ слѣдующее:

«26-го іюня мною было сообщено, что, возвращаясь отъ Саганлуга къ Карсу, я оставилъ, 22-го іюня, на западной покатости упомянутаго хребта, летучій отрядъ, подъ начальствомъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка полковника князя Дондукова-Корсакова.

«Благодаря искусству и распорядительности этого достойнаго штабъ-офицера, означенный отрядъ совершенно исполнилъ свое назначеніе и въ продолженіе сихъ дней имѣлъ два весьма удачныя дѣла.

«24-го іюня, около полудня, впереди оставленнаго турками укрѣпленія на перевалѣ подъ Бардусомъ, гдѣ въ то время находился отрядъ нашъ, появилась партія баши-бузуковъ, человѣкъ въ 200. Полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ немедленно выслалъ противъ нихъ часть горной милиціи и Куртинъ, которые дружнымъ ударомъ опрокинули непріятеля, положили двухъ человѣкъ на мѣстѣ, отбили 24 лошади и захватили при этомъ 39 штукъ рогатаго скота, принадлежащаго подвластному туркамъ куртинскому обществу Сувадалли; при семъ съ нашей стороны одинъ милиціонеръ былъ раненъ.

«Въ ночь съ 25-го на 26-е число, находясь уже въ окрестностяхъ Менжигирета и узнавъ, что новая партія баши-бузуковъ, отъ 150 до 200, высланная Вели-Пашею изъ Керпи-кёвъ, расположилась неподалеку на ночлегѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ внезапно, на разсвѣтѣ, атаковалъ турокъ двумя сотнями линейныхъ казаковъ. Непріятель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, былъ совершенно разсѣянъ и оставилъ на мѣстѣ до 40 тѣлъ, въ томъ числѣ былъ сотенный командиръ и знаменщикъ, и захвачено 34 человѣка плѣнными, много лошадей, оружія и разнаго имущества. Между плѣнными находятся: командиръ другой сотни, одинъ субалтернъ-офицеръ и секретарь арзерумскаго Вели-Махмудъ-Паши. Наша потеря состоитъ: въ одномъ убитомъ оберъ-офицерѣ, командирѣ кабардинской сотни, 7 раненыхъ милиціонерахъ и 5 убитыхъ лошадяхъ.

«Изъ показаній плѣннаго секретаря оказалось, что разсѣянная партія баши-бузуковъ собственно составляла прикрытіе чиновниковъ, отправленныхъ Вели-Пашею для осмотра истребленныхъ нами, во время движенія за Саганлугъ съ 19-го по 22-е іюня, магазиновъ анатолійской арміи. Турецкое начальство исчисляетъ свою потерю гораздо болѣе, нежели было сообщено въ предшествовавшихъ донесеніяхъ; именно, по его счету, истреб-

лено и взято нами отъ Бардуса до Караургана 18,000 самаръ, что составляетъ на нашу мѣру 36,000 четвертей всякаго хлѣба, не считая того, что захвачено генералъ-маіоромъ Сусловымъ. Вообще дѣйствіе нашего летучаго отряда за Саганлугомъ значительно распространило первое сильное впечатлѣніе, произведенное надъ тамошнимъ народонаселеніемъ неожиданнымъ появленіемъ главныхъ нашихъ силъ во ста слишкомъ верстахъ въ тылу Карса. Изъ многихъ деревень явились старшины, отдавая себя и свое имущество въ наши руки, предвидя, что вскорѣ мы появимся за Саганлугомъ. Вчера летучій отрядъ полковника князя Дондукова-Корсакова прибылъ въ главный лагерь, чтобы освѣжиться, принять провіантъ и сдать больныхъ и плѣнныхъ.

«Главныя силы наши, оставаясь въ лагерѣ при Капы-Кёй, продолжали, отдѣльнымъ расположеніемъ колонны генералъ-маіора Бакланова при селеніи Тикмэ, господствовать надъ арзерумскою дорогою. Разъѣзды наши зорко сторожили всѣхъ, даже одиночныхъ людей. Такимъ образомъ, 25-го іюня, конный разъѣздъ изъ 10 линейцевъ и ½ сотни карабахскаго полка, завидѣвъ вправо отъ большой дороги партію турокъ изъ 7 человѣкъ, погнался за ними и захватилъ 3 человѣка и нѣсколько лошадей; прочіе скрылись въ селеніяхъ.

«28-го іюня, генералъ-маіоръ Баклановъ, войска котораго я усилилъ наканунѣ свѣжими подкрѣпленіями, произвелъ вмѣстѣ съ оберъ-квартирмейстеромъ дѣйствующаго корпуса, генеральнаго штаба полковникомъ Рудановскимъ, рекогносцировку карсскихъ укрѣпленій, лежащихъ на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, ибо онѣ оставались еще неосмотрѣнными.

«Генералъ Баклановъ, съ частію своего отряда, переправился для этой цѣли черезъ Карсъ-Чай и двинулся къ Чакмахскимъ высотамъ. Приближаясь къ крѣпости, онъ встрѣтилъ аробный транспортъ съ сѣномъ, возвращавшійся подъ прикрытіемъ баши-бузуковъ. Замѣтивъ войска наши, баши-бузуки разсѣялись, и транспортъ — въ числѣ 30 арбъ, съ 45 штуками рогатаго скота и 4 лошадьми, былъ схваченъ; при чемъ взяты также и находившіеся при транспортѣ 27 человѣкъ баши-бузуковъ и аробщиковъ.

«Въ продолженіи двухъ часовъ, которые необходимы были для обзора укрѣпленій и съемки мѣстности, карсскій гарнизонъ находился въ сильномъ волненіи; часть его, въ числѣ семи баталіоновъ пѣхоты, двухъ регулярныхъ полковъ кавалеріи и баши-бузуковъ, рѣшилась, на этотъ разъ, даже выйти изъ-за

своихъ окоповъ, но неотходила далѣе картечнаго выстрѣла отъ своихъ батарей и не отважилась даже затруднить отступленіе нашихъ, когда, по окончаніи рекогносцировки, генералъ Баклановъ возвратился въ лагерь. Только баши-бузуки вели перестрѣлку съ казаками, въ которой, за исключеніемъ одной убитой лошади, потери у насъ не было.

«Въ этотъ же день я получилъ нижеслѣдующее донесеніе генералъ-лейтенанта Каваловскаго о разбитіи непріятельской конной партіи въ ахалкалакскомъ участкѣ, 23-го іюня.

«Муширъ анатолійской арміи, сильно нуждаясь въ провіантѣ и порціонномъ скотѣ для карсскаго гарнизона, послалъ значительную конную партію, въ числѣ болѣе 1,000 человѣкъ, подъ начальствомъ какого-то Маджаръ-Паши и подъ руководствомъ двухъ англичанъ, въ Чалдырскій санджакъ оттѣснить расположенную тамъ на кордонѣ нашу кавалерію и собрать для гарнизона крѣпости хлѣбъ и порціонный скотъ.

«Содержавшій означенные кордоны командиръ конно-мусульманскаго № 3 полка, полковникъ князь Орбеліанъ, узнавъ о движеніи турецкой конницы, стянулъ къ селенію Сульды весь свой полкъ, двѣ сотни Донскаго казачьяго № 2-го полка и 2-ю егерскую роту Виленскаго полка и расположился съ ними на горахъ впереди селенія.

«23-го іюня, въ восемь часовъ утра, непріятельская кавалерія приблизилась къ позиціи, на которой стояли наши войска, и раздѣлившись на четыре колонны, тремя повела атаку съ фронта, а четвертою сильнѣйшею колонною противъ нашего лѣваго фланга.

«У князя Орбельяна въ центрѣ стояла егерская рота, на правомъ флангѣ были 2½ сотни конно-мусульманскаго № 3 полка, на лѣвомъ — казаки, а первая сотня конно-мусульманскаго полка оставлена въ резервѣ. Встрѣтивъ сильнымъ огнемъ направлявшіяся съ фронта колонны, князь Орбельянъ послалъ противъ непріятеля, обходившаго лѣвый флангъ, донцовъ и сотню, стоявшую въ резервѣ. Обходная колонна, превосходившая эти войска вчетверо, смѣло встрѣтила атаку; но, благодаря молодечеству казаковъ, а также примѣрной храбрости и распорядительности сотника Самсонова, послѣ нѣсколькихъ атакъ, была наконецъ опрокинута. Отбитые такимъ образомъ турки заняли пересѣченную мѣстность и открыли сильную пальбу; тогда сотникъ Самсоновъ, спѣшивъ часть казаковъ и милиціонеровъ, вытѣснилъ непріятеля изъ этой мѣстности и, приказавъ сѣсть на коней, ударилъ на него въ пики. Князь Орбельянъ, успѣвъ между

тѣмъ отразить нѣсколько атакъ, также перешелъ въ наступленіе, — тогда непріятель, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, обратился въ безпорядочное бѣгство, былъ преслѣдуемъ на разстояніи восьми верстъ и совершенно разсѣялся.

«Потеря наша въ этомъ дѣлѣ весьма незначительна и состоитъ изъ 2 раненыхъ офицеровъ конно-мусульманскаго № 3 полка, 7 всадниковъ того же полка и 5 донскихъ казаковъ, также раненыхъ, всего 2 офицеровъ и 12 нижнихъ чиновъ. У турокъ, по словамъ лазутчиковъ и другимъ свѣдѣніямъ, убито 70, ранено 100 человѣкъ, въ плѣнъ нашими захвачено 14 человѣкъ, и отбитъ 1 значекъ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

8-го іюня, въ половинѣ девятаго часа пополудни, непріятель высадился на островъ Котку, уничтожилъ тамъ телеграфъ и сжегъ нѣсколько казенныхъ домовъ. 9-го іюня непріятельскіе пароходы дѣлали промѣры на Ништадскомъ рейдѣ.

9-го же іюня канонирскія непріятельскія лодки стрѣляли по Ревельской гавани, и не успѣвъ тамъ сдѣлать никакого вреда, возвратились къ острову Наргену.

10-го, въ три часа пополудни, одна канонирская лодка снова подошла къ Ревелю и, обмѣнявшись четырьмя выстрѣлами съ его укрѣпленіями, отступила.

10-го же въ десять часовъ утра, непріятельскій фрегатъ приближался къ батареямъ на островѣ Сандгамѣ (лежащемъ къ востоку отъ Свеаборга, близъ берега твердой земли) и открылъ огонь. Батареи наши отвѣчали успѣшно, разбили одну шлюпку, которая вела фрегатъ и дѣлала промѣры, а въ самый фрегатъ всадили одну бомбу и нѣсколько ядеръ.

При этомъ унасъ убитъ одинъ матросъ, 25-го экипажа и легко ранены 4 человѣка.

Въ продолженіе времени съ 10-го по 15-е іюня, сила непріятельскаго флота произвела два безъуспѣшныя покушенія противу ближайшихъ къ С. Петербургу пунктовъ южнаго Финляндскаго прибережья.

10-го же іюня, въ четыре часа пополудни, появились противу деревни Маслаки 2 парохода-фрегата и стали на якорѣ, внѣ нашихъ выстрѣловъ.

11-го числа, въ десять часовъ утра, канонирская лодка, имѣя на буксирѣ четыре шлюпки съ вооруженными людьми, направи-

лась къ селенію Рембетъ. Остановившись саженяхъ въ 300 отъ берега, суда эти открыли огонь по ближайшему лѣсу, вѣроятно, въ предположеніи, что тамъ укрываются наши войска, которыя въ то время стояли за селеніемъ Маслаксомъ, въ полной готовности ударить на непріятеля, еслибъ онъ покусился на высадку. Въ одиннадцать часовъ утра пальба была прекращена.

12-го іюня, къ вечеру, непріятельская флотилія перешла къ сѣверной оконечности острова Ревонъ-Саари, а 13-го, къ полудню, приблизилась къ Біоркъ-Э; здѣсь отдѣлилась отъ фрегатовъ канонирская лодка, и подойдя на 80 сажень къ берегу, сдѣлала 6 безуспѣшныхъ выстрѣловъ по тамошнему телеграфу. Несмотря на близость непріятеля, состоящій при этомъ телеграфѣ корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщикъ Марченко спокойно продолжалъ начатый сигналъ.

Въ оба означенные дня убитыхъ и раненыхъ у насъ не было.

14-го іюня, одинъ пароходъ съ двумя канонирскими лодками отдѣлился отъ эскадры, стоящей на сѣверномъ Кронштадтскомъ фарватерѣ, и сталъ близъ устья рѣки Сестры (невдалекѣ отъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода) въ 600 саженяхъ отъ берега, лодки же приблизились на 400 сажень и стали по обѣ стороны впереди парохода. Около трехъ часовъ пополудни, непріятель началъ обстрѣливать берегъ, и послѣ канонады, продолжавшейся около часа, суда снялись съ якоря и присоединились къ своей эскадрѣ; при этомъ случаѣ съ нашей стороны раненъ подпрапорщикъ гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка Шустеръ: кромѣ этого, непріятельскій огонь никакого вреда намъ не причинилъ.

Съ 15-го по 21-е іюня, непріятельскій флотъ, стоявшій впереди Кронштадта, ограничивался посылкою канонирскихъ лодокъ, для преслѣдованія финскихъ лайбъ, которыя неосторожно отдѣлялись отъ берега, и для порчи телеграфовъ. Изъ числа этихъ поисковъ, одинъ былъ произведенъ 20-го іюня противу судовъ, стоявшихъ у деревни Большой Ижорской (въ 10 верстахъ отъ Ораніенбаума) и Красногорскаго телеграфа.

20-го іюня, въ два часа ночи, двѣ канонирскія лодки, отдѣлившись отъ непріятельскаго флота, появились противу села Большаго Ижорскаго и начали стрѣлять по четыремъ, стоявшимъ въ нѣ-

которомъ удаленіи отъ берега судамъ. Потопивъ одно изъ нихъ, лодки временно присоединились къ своей эскадрѣ, и потомъ, въ семь часовъ утра, направились къ Красной Горкѣ, выславъ впередъ шлюпку для промѣровъ и, вѣроятно, для покушенія противу Красногорскаго телеграфа. Находившійся при немъ караулъ отъ 4-й роты Лейбъ-гвардіи Измайловскаго резервнаго полка, укрывшись въ ложементѣ, подпустилъ шлюпку на ближній ружейный выстрѣлъ и, сдѣланнымъ внезапно залпомъ, принудилъ ее отойти къ лодкамъ, которыя въ то время открыли огонь по телеграфу и лѣсу, и сдѣлали болѣе 300 выстрѣловъ. Отъ этой пальбы загорѣлся лѣсъ, находившійся за селеніемъ, и пробиты потолки и стѣны въ казармѣ прислуги, состоящей при телеграфѣ.

Между тѣмъ, по тревогѣ прибыли къ селенію Красной Горкѣ двѣ роты Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, съ двумя орудіями, и расположились скрытно за селеніемъ. Начальствовавшій артиллеріею подпоручикъ Сорока, выждавъ благопріятную минуту, сдѣлалъ три выстрѣла, чѣмъ заставилъ лодки ослабить на время огонь и отступить, вѣроятно, по причинѣ полученныхъ ими поврежденій.

Въ одиннадцать и три четверти часовъ утра канонада прекратилась; непріятель значительнаго вреда намъ не причинилъ; вся наша потеря состоитъ въ одномъ контуженномъ артиллеристѣ.

Съ 21-го іюня по 3-е іюля отдѣльныя суда непріятельскаго флота продолжали появляться у различныхъ пунктовъ Балтійскаго прибережья, производя нападенія на беззащитные города, гдѣ не было ни войскъ, ни укрѣпленій; такимъ образомъ Ништадтъ и Раумо были бомбардированы съ судовъ, подошедшихъ подъ переговорнымъ флагомъ, а Ловиза подверглась сильной канонадѣ и пожару.

Затѣмъ дѣйствія союзниковъ противу укрѣпленныхъ или занятыхъ нашими войсками пунктовъ ограничивались наблюденіемъ; тамъ же, гдѣ противники рѣшались употребить открытую силу, они встрѣчали мужественный отпоръ.

Такимъ образомъ была отражена попытка на Трангзундъ (близъ Выборга), 1-го іюля сего года, частію нашихъ сухопутныхъ войскъ и отрядомъ флотиліи канонирскихъ лодокъ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Рудакова 2-го.

Подробности этого дѣла были слѣдующія:

1-го іюля, въ началѣ одиннадцатаго часа пополудни, подошли къ Трангзунду 1 англійскій фрегатъ, 1 корветъ и 1 канонирская лодка. Два первыхъ, оставшись неподалеку отъ Кирконеми, вы-

слали вперед канонирскую лодку съ семью вооруженными баркасами, изъ коихъ на каждомъ было неменѣе 100 человѣкъ. Вся эта флотилія, въ исходѣ девятаго часа, медленно приближалась къ острову Равенсари.

Разсыпанные здѣсь штуцерные отъ 3-го учебно-карабинернаго полка встрѣтили противника мѣткимъ и убійственнымъ огнемъ; въ тоже время открыта была пальба съ парохода «Тосна» и нашихъ канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ поперегъ пролива. Дѣйствіемъ одной изъ этихъ лодокъ (№ 8) пробитъ большой баркасъ, который быстро началъ погружаться въ воду и почти затонувшій отведенъ на буксирѣ къ фрегату; остальныя суда также къ нему присоединялись.

Вслѣдъ затѣмъ была открыта непріятелемъ усиленная канонада съ фрегата и лодки по острову Равенсари, а съ баркасовъ бросали туда же конгревовы ракеты. Всѣ снаряды ложились бóльшею частью въ лѣсу, не причиняя значительнаго вреда.

Къ десяти часамъ вечера канонада прекратилась; непріятель, не отважившись на вылазку, отошелъ къ Кирконеми, и по исправленіи поврежденій, 3-го іюля удалился. Потеря его, по слухамъ, простиралась до 50-ти убитыми и ранеными.

Нашъ уронъ состоитъ: изъ 1 убитаго штуцернаго 3-го учебнаго карабинернаго полка; ранеными: гренадерскаго саперваго батальона прапорщика Стральмона, 1 рядоваго карабинера и изъ 25 флотскаго экипажа 1 унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ.

Въ продолженіи этого дѣла войска наши отличались большимъ хладнокровіемъ и мужествомъ; экипажъ канонирскихъ лодокъ дѣйствовалъ какъ на ученьѣ. Распоряжавшій обороною, капитанъ 2-го ранга Рудаковъ, отозвался также съ большою похвалою о находившихся на островѣ Равенсари двухъ ротахъ С. Петербургскаго ополченія.

Командующій войсками въ Финляндіи расположенными, генералъ-адъютантъ Бергъ донесъ, что, 8-го іюля, появились у Фридрихсгама англійскіе: фрегатъ, пароходъ, корветъ и канонирская лодка, которые, 9-го, въ десять часовъ утра, выстроившись въ линію, открыли непрерывную канонаду по береговымъ батареямъ нашимъ; но встрѣченные сильнымъ артиллерійскимъ

и штуцернымъ огнемъ, принуждены были отступить послѣ двухъ-часоваго боя.

Сообщая объ этомъ, генералъ-адъютантъ Бергъ свидѣтельствуетъ о благоразумной распорядительности начальствующаго въ Фридрихсгамѣ подполковника Таваcтшерна, равно какъ и мужествѣ артиллеріи и стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ противъ непріятеля.

ИЗВѢСТІЯ СЪ БѢЛАГО МОРЯ.

Утромъ 16-го іюня, англійскій пароходъ подошелъ къ Соловецкому острову, и, простоявъ здѣсь до вечера, 17-го числа ушелъ въ море, безъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ монастыря; только на близь лежащемъ Заяцкомъ островѣ, англичане подстрѣлили 12 барановъ и взяли ихъ на пароходъ. Препровожденная къ военному губернатору города Архангельска адмиралу Хрущову копія съ донесенія о семъ архимандрита Соловецкаго монастыря, отъ 18-го іюня, сообщается ниже, вслѣдъ за этими извѣстіями.

Іюня 18-го, усмотрѣны были два парохода близь острововъ Кузовыхъ, въ 30-ти верстахъ отъ города Кеми, и одинъ катеръ у островаКолловара, въ 20-ти верстахъ отъ города. Команда съ этого катера, числомъ до 30-ти человѣкъ, выйдя на островъ, старалась захватить оленей, принадлежащихъ кемскимъ жителямъ и отправляемыхъ ежегодно туда для пастбища. Чтобы воспрепятствовать этому грабежу, кемскіе граждане, въ числѣ 20-ти человѣкъ, вооружившись ружьями, отправились къ острову; но непріятель, вѣроятно, замѣтивъ движеніе нашихъ, поспѣшилъ удалиться на катеръ, а вскорѣ и пароходы ушли въ море по направленію къ городу Онегѣ; на островѣ же Колловарѣ, какъ можно было догадаться по признакамъ, непріятелемъ убиты и захвачены только два оленя.

27-го іюня, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, въ шесть часовъ вечера, подошелъ къ прибрежному селенію онежскаго уѣзда Лямцѣ, и остановившись въ 400 саженяхъ отъ берега, отправилъ къ селенію 4 гребныя судна, подъ бѣлымъ и краснымъ флагами, съ значительнымъ числомъ людей.

Крестьяне этой деревни, въ числѣ 34-хъ человѣкъ, подъ руководствомъ поступившаго изъ отставныхъ на вторичную службу рядоваго Изрвюбаева, съ приближеніемъ гребныхъ судовъ,

открыли по нимъ огонь изъ ружей, и тѣмъ принудили ихъ возвратиться къ пароходу.

Вслѣдъ за этимъ пароходъ открылъ огонь по деревнѣ и крестьянамъ, ядрами, картечью, гранатами и ракетами. Послѣ трехчасовой стрѣльбы, онъ снова отправилъ къ берегу два гребныя судна съ десантомъ, котораго, однакожъ, крестьяне не допустили выйти на берегъ, и суда вторично возвратились къ пароходу, который послѣ этого обстрѣливалъ берегъ цѣлую ночь, а въ шесть часовъ утра ушелъ въ море.

Въ отраженіи непріятеля отъ Лямцы, кромѣ тамошнихъ жителей, принимали участіе: бывшій тамъ въ это время архангельскій мѣщанинъ Александръ Лысковъ и мѣстный священникъ Петръ Лысковъ, ободрявшій крестьянъ словомъ своимъ, а изъ послѣднихъ наиболѣе отличились Совершаевъ и Изюмовъ.

Несмотря на столь продолжительное бомбардированіе, изъ числа защищавшихъ Лямцу раненъ только одинъ крестьянинъ Изюмовъ; селеніе пострадало весьма мало и жители понесли самые незначительные убытки; ибо бомбы, гранаты и ракеты остались бóльшею частью неразорванными. Крестьяне послѣ ухода непріятеля успѣли собрать до 50-ти бомбъ.

2-го іюля, трехмачтовый англійскій пароходъ появился у Кій — острова, находящагося въ Онежскомъ заливѣ, въ 15-ти верстахъ отъ города Онеги. Спущенные съ парохода: баркасъ, вооруженный двумя орудіями и двѣ небольшія лодки, съ командою до 50-ти человѣкъ, подойдя къ стоявшимъ у острова ладьямъ конторы онежскаго лѣснаго торга, забрали съ нихъ разныя вещи и одежду; потомъ нагрузивъ ими, а также досками и дровами, принадлежавшее Крестному монастырю старое небольшое судно, отправились къ пароходу, который съ этою добычею и ушелъ въ море.

Копія съ донесенія архимандрита Ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря Александра къ архангельскому военному губернатору адмиралу Хрущову.

«Сего іюня мѣсяца 15 го числа вечеромъ, прибылъ линѣйный винтовой корабль большаго калибра изъ океана, прошелъ по-за островъ Соловецкій съ сѣверной стороны, и на восточной сталъ на якорь 16-го числа, утромъ въ шесть часовъ, разстояніемъ отъ монастыря 14-ть верстъ.

«Распоряженія наши были сдѣланы слѣдующія: завѣдывающій военною командою при Соловецкомъ монастырѣ, штабсъ-капитанъ Степановъ отправился съ 5-ю орудіями лѣсомъ къ бере-

гу, гдѣ остановился корабль, поручилъ тамъ завѣдывать имя фейерверкеру Рыкову, а самъ возвратился въ монастырь; тогда я отправился туда же. Непріятель, въ четыре часа пополудни, перешелъ на другое мѣсто и бросилъ якорь съ южной стороны острова, разстояніемъ отъ него въ пяти верстахъ, въ самомъ виду монастыря на чистомъ мѣстѣ, и занялъ Заяцкій островъ, гдѣ въ церкви св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ прошломъ году, англичане разрубили двери. Тамъ находится гостинница и другія строенія, за коими надзоръ имѣютъ два рясофорные послушника изъ отставныхъ солдатъ. Англичане простояли болѣе сутокъ, а 17-го числа, въ шесть часовъ пополудни, снялись съ якоря и ушли, какъ будто въ городъ Кемь или село Шую.

«По уходѣ непріятельскаго корабля, я отправился на островъ Заяцкій узнать, что тамъ происходило, гдѣ нашелъ своихъ старцевъ обоихъ невредимыхъ и здоровыхъ, которые сообщили мнѣ слѣдующія подробности:

«а) На островъ выходило множество англичанъ, бо́льшею частью офицеровъ; между ними одинъ только зналъ по русски. Съ однимъ изъ нашихъ старцевъ обращались ласково, а другой, изъ чухонъ, недавно принявшій Вѣру Православную, говорить не умѣетъ хорошо по русски и глухъ, — этого они не трогали. б) Спрашивали: тотъ ли у васъ архимандритъ, что прошлый годъ былъ; в) сколько въ монастырѣ войска и орудій, и, когда старецъ показалъ малое количество, то они, улыбаясь, говорили ему, что имъ все извѣстно, сколько чего есть въ монастырѣ; г) осматривали все въ церкви и строеніяхъ, но не было ничего ни гдѣ имъ взять; д) на этомъ островѣ было 12 барановъ и одинъ козелъ; барановъ всѣхъ англичане перестрѣляли, что́ и намъ видно было, и взяли на корабль, а козла пожалѣли за ласковое съ ними его обращеніе, но хотѣли также взять; е) написали записку на англійскомъ языкѣ, вручили старцу Мемнову и приказали ему отдать архимандриту; ж) приказали объявить архимандриту, чтобы имъ непремѣнно прислалъ на мясо быковъ, которыхъ они видѣли на Соловецкомъ островѣ; а если не пришлетъ, то и сами заберутъ, и чтобы имъ отвѣтъ былъ на это чрезъ три дня, потому что къ этому времени они обратно будутъ на Заяцкій островъ.

«Старецъ Мемновъ осмѣлился имъ сказать: «Какъ вамъ не грѣхъ нападать на святыню! Вамъ слава будетъ, когда вы города будете брать, а не монастырь; я и самъ солдатомъ былъ, и въ Парижѣ былъ, и города бралъ, а церквей мы не касались.» Переводчикъ всѣмъ офицерамъ разсказалъ замѣчаніе старца, всѣ

они молчали; только переводчикъ сказалъ старцу: «мнѣ жаль васъ; Россія добрая, я у васъ по многимъ городамъ бывалъ и въ Кіевѣ и въ пещерахъ былъ; чтожъ намъ дѣлать!... Мы дѣйствуемъ какъ намъ приказано.»

«Англичане, во все время нахожденія на островѣ, занимались снятіемъ плана съ Соловецкаго монастыря. Мѣсто было вполнѣ для того удобное, оттуда все въ виду.

«О чемъ честь имѣю почтительнѣйше донести вашему высокопревосходительству, съ присовокупленіемъ, что таковое же донесеніе сдѣлано мною сего числа Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ подлинной записки, оставленной англичанами для передачи мнѣ.»

Частныя письма съ театра войны, и другія любопытныя статьи по поводу военныхъ событій, собранныя нами изъ «Русскаго Инвалида», «Сѣверной Пчелы», газеты «Кавказъ», «Морскаго Сборника» и другихъ повременныхъ изданій, не могли войти въ настоящій нумеръ, по недостатку мѣста.